ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXVI

1899

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1899

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ
АПРѢЛЬ, 1899

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1899 г.

стр.

I. Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть вторая. I – V. (Продолженіе). **Графа Е. А. Саліаса** 5

II. Записки графини **В. Н. Головиной** (1766—1820). IX—X. (Продолженіе) 33

III. Былое. (Изъ семейной хроники). **В. А. Тихонова** 49

IV. Воспоминанія объ А. Г. Рубинштейнъ. **М. А. Давидовой** 76

Иллюстрація. Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.

V. Русское знамя въ Средней Азіи I—IV. **П. М. К.** 96

VI. Три типа русскихъ ученыхъ. (Куникъ, Срезневскій и Григоровичъ). **П. Н. Полевого** 123

VII. «Мерзлый русскій». **А. И. Фаресова** 144

VIII. Отъ Тихвина до Весьегонска. (Путевые наброски). **И. Ф. Тюменева** 158

Иллюстраціи: 1) Устюжна. Ворота соборной ограды.—2) Видъ на Устюжну изъ-за Мологи (Преображенская, Срѣтенская и Воздвиженская церкви).—3) Соборъ въ Устюжнѣ. — 4) Устюжна. Церковь Благовѣщенія надъ р. Ворожею.—5) Устюжна. Казанское кладбище.—6) Видъ Весьегонска. — 7) Плотъ и паромъ на Мологѣ въ Весьегонскѣ. — 8) Соборъ въ Весьегонскѣ.

IX. Родина князя Потемкина. **Л. Я. Зайцева** 196

X. Исторія одной замѣчательной книги. **М. Н. С.** 201

XI. Народники и марксисты. (Критическая замѣтка). **Л. Е. Оболенскаго** 221

XII. Русскіе поэты въ нѣмецкомъ переводѣ. **А. К. Бороздина** 244

XIII. Типографское дѣло. **Г. Л. И.** 251

Иллюстрація. Иларіонъ Ѳедоровичъ Богдановъ.

XIV. Памяти В. О. Михневича. **Б. Б. Глинскаго** 260

Иллюстрація. Владиміръ Осиповичъ Михневичъ.

XV. Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. II. (Продолженіе). **В. Т.** 281

XVI. Критика и библіографія. 298

1) А. Н. Минхъ. Историко-географическій словарь Саратовской губерніи. Томъ I, выпускъ 1. Саратовъ. 1898. (Приложеніе къ V т. Трудовъ Саратовской ученой архивной комиссіи). **В. Б—ва.**—2) Князь Н. В. Голицынъ. Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII вѣка. Москва. 1898. **С.**—3) П. А. Картавовъ. Библіографическія извѣстія о рѣдкихъ книгахъ. №№ 1 и 2. Спб. 1898. **Бориса Городецкаго.**—4) Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію. Томъ II. Изслѣдованіе капитана Мэхэна. Изданіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Георгія Александровича. Спб. 1898. **П. К.**—5) Лирика Я. П. Полонскаго. Критическій этюдъ Н. М. Соколова. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1899. **С. Л—на.** — 6) Краткій историческій очеркъ Елисаветградскаго общества распространенія грамотности и ремеслъ. 1873—1898 г. П. З. Рябкова. Елисаветградъ. 1899. **А. Фаресова.**—7) Н. М. Коркуновъ. Сборникъ статей 1877—1897 г. Спб. 1898. **Б. Г.**—8) Очерки современнаго офицерскаго быта. Соч. Н. Бутовскаго. Спб. 1899. **И. Н. З.**—9) Библіографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора Н. П. Смирнова. Палеографія. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и пе-

См. слѣд. стр.

чати. Библіографія. Библіотеки, музеи и архивы. Книжная торговля. Спб. 1898. П. Щ—ва.—10) Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ III. Нижній Новгородъ. 1898. В. Р—ва.—11) Общественная жизнь Англіи. Изданіе І. Д. Трайля. Томъ IV. Отъ воцаренія Іакова до смерти Анны. Т. V. Отъ воцаренія Георга I до битвы при Ватерлоо. Москва. 1898. К.—12) Вань-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. подъ редакціей Э. Л. Радлова. Выпускъ I, съ 85 политипажами. Выпускъ II, съ 6 политип. Спб. 1898. П. К.—13) А. Кириловъ. 1797—1897. Матеріалы для исторіи Владимірской губернской типографіи къ столѣтнему юбилею. Владиміръ-на-Клязьмѣ. 1898. В. Р—ва.— 14) Н. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства. Спб. 1898. Пещ. — 15) Рукописная повѣсть о видѣніи Косьмы игумена. 1688 года. Составилъ и издалъ И. Голышевъ. Съ 20 таблицами раскрашенныхъ рисунковъ. Голышевка, близъ с. Мстера, Владимірской губ., Вязниковскаго уѣзда. 1898. В—скаго.— 16) Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. Выпускъ III-й. Москва. 1899. К. — 17) А. Фаресовъ. Народники и марксисты. Спб. 1899. Гл. — 18) А. Лященко. Къ исторіи русскаго романа. Публицистическій элементъ въ романахъ Ѳ. А. Эмина. Спб. 1898. В. Б.—19) Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1897 годъ. М. 1898. Щ.—20) Іезуиты, ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность, въ средѣ общественной жизни, политики и религіи. Составилъ Ж. Губеръ. Спб. 1899. П. К—аго.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 327

1) О французскихъ византинистахъ.—2) Интеллектуальная исторія Сициліи.—3) Титанъ французской революціи.—4) Наполеонъ подъ Тулономъ.—5) Армянская легенда о Наполеонѣ Бонапартѣ.—6) Эпизодъ изъ временъ берлинской революціи 1848 г. — 7) Донесеніе Лотара Бухера о Лассалѣ.—8) Изъ записокъ американскаго генерала.—9) Французы въ Портъ-Артурѣ.—10) Конгрессъ исторіи религій.—11) Смерть Эркмана и Бамбергера.

XVIII. Изъ прошлаго 348

Къ характеристикѣ императора Николая I. Сообщено К. А. Энгельгардтъ, урожденной Лопатиной.

XIX. Смѣсь 350

1) Къ юбилею Пушкина.—2) Годичное общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества.—3) Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ. — 4) Общество любителей древней письменности. — 5) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III.—6) Археологическое общество. — 7) Географическое общество.— Поддѣльныя древности.—8) Музей Ѳ. М. Достоевскаго.— 9) Завѣщаніе И. С. Никитина.—10) Некрологъ: Л. И. Поливановъ.

XX. Замѣтки и поправки 382

1) Еще о Жиржинскомъ дѣлѣ 27 іюля 1868 года. И. Любарскаго. — 2) Къ запискамъ графини Головиной. Вас. Добронравова.

XXI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Антона Григорьевича Рубинштейна.—2) Графъ Мирабо (Graf Mirabeau. Von Theodor Mundt). Историческій романъ въ четырехъ частяхъ. Т. Мундта. (Переводъ съ нѣмецкаго З. У.). Часть I, гл. VII—VIII. (Конецъ первой части).

При настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» разсылается иногороднымъ и городскимъ подписчикамъ объявленіе отъ книгоиздательства А. В. Девріена.

АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ.

Съ фотографіи 1889 года, Ясвоина въ Спб.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 18 МАРТА 1899 Г. СПБ.

ВЛАДИМІРСКІЕ МОНОМАХИ [1].

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергѣю Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

РОШЕЛЪ МѢСЯЦЪ послѣ смерти и похоронъ, пышныхъ и торжественныхъ, «послѣдняго» Басманъ-Басанова.

Въ барскомъ домѣ стало нѣсколько тише обыкновеннаго. Исчезновеніе молодого барина не могло быть замѣтно, такъ какъ все населеніе заводовъ уже давно не видало больного, лежавшаго въ постели. Оплакивать горько и печалиться было собственно некому, такъ какъ Аникита Ильичъ слишкомъ жалѣлъ Высоксу безъ наслѣдника, чтобы жалѣть самого покойника. Сусанна ежедневно поминала своего Алешу въ разговорахъ съ Угрюмовой, но все-таки чувствовала извѣстнаго рода облегченіе, что молодой человѣкъ унесъ съ собой тайну, разоблаченіе которой могло повліять на все ея существованіе.

Если въ домѣ казалось тише, то причина этому была не смерть молодого Басанова, а нѣчто совершенно иное... Причиной было недовольство и пасмурное настроеніе духа нѣсколькихъ лицъ, глав-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., т. LXXV, стр. 777.

ныхъ или видныхъ, сообщавшееся и другимъ второстепеннымъ сожителямъ.

Аникита Ильичъ былъ недоволенъ, угрюмъ, раздраженъ и безпощаднѣе, чѣмъ когда либо, въ наказаніяхъ провинившихся... Онъ даже два раза поступилъ явно несправедливо, по мнѣнію своихъ подданныхъ, чего прежде не бывало.

Самовластный старикъ на седьмомъ десяткѣ лѣтъ, послѣ привычки всей своей жизни видѣть и считать волю свою закономъ для всѣхъ, вдругъ дожилъ до того, что юное существо, тихое, безвольное, дѣвушка полуребенокъ и годами, и разумомъ, — упорно противилось ему... И средствъ побороть это сопротивленіе не было... Ни лаской, ни угрозой нельзя было одолѣть глубокаго горя и постоянныхъ слезъ молоденькой Аллы Ильевой.

Разумѣется, вскорѣ послѣ похоронъ дѣвушка была снова проведена по винтушкѣ своей теткой въ апартаменты барина и, несмотря на ея горькія мольбы пощадить, не была пощажена...

Аникита Ильичъ, судя по долголѣтнему опыту, убѣждалъ Аллу, что «стерпится—слюбится».

Однако онъ ошибся. Прошелъ мѣсяцъ, и молодая дѣвушка стала предметомъ всѣхъ разговоровъ, соболѣзнованій и удивленія. Никто ничего навѣрное не зналъ. Нѣкоторые едва рѣшались подозрѣвать... Большинству же и на умъ не приходила правда... Поэтому въ разговорахъ не стѣснялись... Заставить всѣхъ сразу замолчать простымъ объявленьемъ о своей прихоти старикъ, конечно, не хотѣлъ... Онъ гнѣвался, раздражался, не могъ одолѣть виновной упрямицы, считавшей себя несчастною, и бросался на безвинныхъ...

А говорить постоянно въ домѣ и во двору, охать и ахать объ Аллѣ Васильевнѣ было не мудрено. Дѣвушка, прежде постоянно рѣзвившаяся, какъ дитя, прыгавшая и хохотавшая больше всѣхъ, заразительно дѣйствуя своимъ дѣтскимъ весельемъ и на другихъ, теперь ходила, какъ потерянная, и на ней лица не было.

Аллинька плакала и плакала... Слезы рѣкой текли... Лице ея одновременно и похудѣло и опухло. Если ея бѣлорозовыя щеки осунулись, то глаза, вѣки и носъ некрасиво вздулись... И хорошенькая дѣвушка съ такимъ лицемъ бросалась въ глаза и поражала всякаго.

Мать ея на всѣ вопросы отвѣчала, что у дѣвушки странныя головныя и зубныя боли. Алла утверждала то же самое. Отецъ ея Василій Васильевичъ тотчасъ послѣ похоронъ сталъ собираться на богомолье въ Кіевъ.

Уже три раза вызывалъ баринъ къ себѣ на верхъ по винтушкѣ тетку, а затѣмъ и мать молодой упрямицы, приказывая имъ ее унять... Женщины винились, просили за нее прощенія, но заявляли, что съ «дурочкой» ничего подѣлать не могутъ.

— Будь она умная, да понятливая,—говорила Ильева,—то сама бы рада была. А съ этакой взятки гладки. Прикажите ее въ мона-

стырь свезти да хоть въ послушницы отдать... Можетъ, и обойдется, смирится.

Но этого, разумѣется, самъ Басановъ не желалъ...

Благодаря этой хворости, головнымъ и зубнымъ болямъ Аллы, нашелся въ Высоксѣ человѣкъ, изъ видныхъ, который тоже ходилъ самъ не свой, и на которомъ тоже лица не было.

Это было высокское пугало—оберъ-рунтъ.

Сначала при видѣ Змглода съ искаженнымъ отъ невѣдомой причины лицемъ всѣ обыватели еще пуще стали избѣгать его, но затѣмъ вскорѣ убѣдились, что «Турка» не злобенъ, не остервенился, а напротивъ осовѣлъ и «размякъ»... Только удивительное лицо его стало будто звѣринымъ, а на дѣлѣ онъ чудно подобрѣлъ, ко всѣмъ ласкается, какъ злой, но отощавшій песъ, съ голоду хвостъ поджавшій...

Дѣйствительно, умный, самоувѣренный и безпощадно строгій начальникъ полиціи вдругъ преобразился. Онъ бродилъ унылый, задумчивый, а дѣло свое—соглядатайство и доносы барину—бросилъ почти совсѣмъ. Все, что попадало ему на глаза и подъ руку, за что прежде была бы крутая расправа его личная или по приказу барина, теперь всѣмъ сходило съ рукъ. Когда виновный кидался въ ноги оберъ-рунту и молилъ:

— Денисъ Иванычъ, не погуби!

Змглодъ глядѣлъ тупо, уныло, не злобно и отвѣчалъ глухо:

— Богъ съ тобой... Только смотри, «самому» не попадись опять...

Разумѣется, Ильевы и сама Алла объясняли Змглоду то же самое: хворость. И умный человѣкъ, одинъ изъ умнѣйшихъ въ Высоксѣ, наивно вѣрилъ. А страданія обожаемой дѣвушки его смягчили, сдѣлали добрѣе, потому что озабочивали, даже мучили. Василій Васильевичъ, чистая душа, но скромнѣйшій человѣкъ и въ полной зависимости отъ жены, ушелъ въ Кіевъ грустный и только сказалъ Змглоду;

— Полагательно, Денисъ Иванычъ, скоро свѣту преставленіе...

Глупая старуха Ильева была счастлива, однако повѣрить кому либо важное происшествіе въ ихъ семьѣ,—благосклонность барина къ ея красавицѣ, Аллинькѣ, она считала преждевременнымъ. Сама молодая дѣвушка, умная сердцемъ, почуяла, что откровенно признаться и объяснить «такое» своему первому другу Змглоду—невозможно. Первые дни дѣвушка хотѣла руки на себя наложить, затѣмъ хотѣла просить Змглода вмѣстѣ убѣжать съ Высоксы, куда глаза глядятъ, но, конечно, у нея не хватило духу ни на то, ни на другое.

А это предложеніе—вмѣстѣ спастись бѣгствомъ, которое казалось дѣвушкѣ столь же мудренымъ, какъ и самоубійство — было бы радостно принято Змглодомъ тотчасъ же. Но глупенькая Алла не знала, чѣмъ она давно стала для этого ея «милаго Турки».

Если повелитель всей Высоксы съ заводами и чуть не полный хозяинъ всего намѣстничества былъ озлобленно придирчивъ и всѣхъ заставилъ притихнуть насторожѣ и жить «ушки на макушкѣ»,— то главная личность послѣ него была точно также угрюма, раздражена и тоже срывала свой гнѣвъ на комъ могла, за исключеніемъ виновнаго...

Сусанна тоже чуть не въ первый разъ въ жизни была сильно озадачена, но и смущена. Если старикъ, неограниченно властный, не могъ справиться съ дѣвушкой ребенкомъ, то энергичная и смѣлая «барышня» Высоксы, безстрашная и, какъ звали ее, «озорная», не могла справиться съ простымъ крѣпостнымъ человѣкомъ своего дяди, съ простымъ писаремъ его конторы.

Анька Гончій тоже удивлялъ всѣхъ своимъ видомъ, не меньше Аллы, не меньше оберъ-рунта. Молодой конторщикъ ходилъ темнѣе ночи и проговаривался, что погубитъ душу свою...

— Если не съ собой покончу, то съ другимъ кѣмъ!.. говорилъ онъ.—Не себя, такъ поросенка прикончу. Захрюкаетъ у меня поросенокъ по-соловьину или зальется соловей по-поросячьи...

Разумѣется, словъ этихъ никто не понималъ, кромѣ Санны. Она тревожилась, сердилась, иногда выходила изъ себя отъ гнѣва, грозилась... но добиться не могла ничего.

Молодой конторщикъ, взятый въ любовники зря, очертя голову, въ минуту праздной скуки, озорно и необдуманно, начиналъ ей уже давно надоѣдать, тяготить своей безумной страстью, порывами дикой ревности и даже угрозами погубить и себя и ее вмѣстѣ, въ случаѣ ея «прихотничества».

Такъ называлъ Анька сначала намеки, а затѣмъ и заявленья Санны, что она легко можетъ охладѣть къ нему и выбрать себѣ кого другого.

Умный и энергичный малый всегда былъ смѣлъ до крайности, предпріимчивъ во всемъ и, подобно ей, тоже «озорной», а любовь «барышни», казалось, перевоспитала его, усиливъ стократъ его какачества и недостатки... Будучи смѣлымъ всегда, теперь онъ былъ готовъ идти на все безъ исключенія, ради или изъ-за Сусанны... хотя бы на жестокую казнь и смерть. Будучи ревнивымъ отъ природы, теперь онъ изнывалъ и болѣлъ отъ ревности. Она грызла и душила его!..

Единственный человѣкъ, которому Анька изъ любви всегда слѣпо повиновался, его отецъ, Абрамъ, напрасно старался успокоить и образумить сына, единственнаго и обожаемаго имъ.

Анька подозрѣвалъ теперь измѣну любимой женщины и забывая, кто она и какая общественная разница между нимъ и ею, зналъ, понималъ и видѣлъ только одно: потребность расправиться, прекратить свои мученья и душевную пытку какъ бы то ни было... Убійствомъ—такъ убійствомъ!

Горе Аньки свалилось на него сразу... Какъ неожиданно толкнула его судьба въ объятья красавицы барышни, такъ же сразу, смаху, судьба отняла у него эту женщину, которую онъ, человѣкъ пылкій и самолюбивый, боготворилъ, страстно и гордо упиваясь своимъ чувствомъ, но и своей побѣдой.

И вдругъ все рухнуло... Онъ опять сталъ для нея конторщикомъ и крѣпостнымъ... Угрюмова передала ему приказъ барышни ее не безпокоить... Сусанна Юрьевна приказала:

— Сидѣть смирно, покуда за нимъ не пошлютъ, коли вздумается повидать!..

Покуда Анька думалъ, что это простое временное охлажденіе, онъ терпѣливо ждалъ. Но вдругъ онъ убѣдился, что онъ замѣщенъ, и прихотливо, грубо... Другой на его мѣстѣ пользуется расположеньемъ, а, можетъ быть, уже и ласками «барышни», для которой онъ самъ сразу какъ бы пересталъ существовать.

Скрываясь теперь отъ Гончаго больше, чѣмъ отъ кого либо другого, Сусанна и Угрюмова сумѣли такъ устроиться, что ему не было никакой возможности узнать, кто былъ этотъ счастливый соперникъ... Два раза Анька среди темноты, вечеромъ, дерзко влѣзалъ по столбу на балконъ барышни и тщетно глядѣлъ чрезъ завѣшенныя окна и напрасно прислушивался. Онъ слышалъ мужской голосъ въ комнатѣ, гдѣ самъ бывалъ недавно запросто, но узнать, кто его замѣститель, онъ не могъ. Когда и какъ появлялся, когда и гдѣ выходилъ этотъ незнакомецъ, Анька провѣдать не могъ. Стоять въ коридорѣ насторожѣ у дверей комнатъ барышни цѣлый вечеръ или ночь до разсвѣта онъ, конечно, не смѣлъ. Наконецъ, однажды Анька узналъ, кто его соперникъ, и пытка отъ ревности стала еще нестерпимѣе. Онъ терялъ разсудокъ отъ бури на душѣ и, конечно, не способный смирно и покорно переносить свое положеніе отвергнутаго, началъ чаще и дерзче являться къ Угрюмовой, прося, а затѣмъ даже и требуя, повидать барышню. Но Сусанна не хотѣла видѣть его. Сначала она не принимала его, потому что желала избѣжать глупаго объясненія, а затѣмъ при упорствѣ Аньки она разсердилась и стала отказывать еще упорнѣе. Наконецъ, при первой же угрозѣ молодого малаго, переданной Сусаннѣ, она отвѣтила чрезъ ту же Угрюмову тоже угрозой—приказать кое-что на счетъ дерзкаго конторщика оберъ-рунту...

— Коли такъ, — объявилъ Гончій наперсницѣ, — то передайте барышнѣ, что я одинъ погибать не хочу... Вмѣстѣ любились, вмѣстѣ и пропадемъ пропадомъ.

Разумѣется, эти слова смущали Сусанну, знавшую крутой, непреклонный нравъ и предпріимчивость своего бывшаго любимца.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, хотя она и упорствовала, но раскаивалась въ своей жестокости къ Анькѣ... Если бы Гончій взялся иначе и мягче, онъ снова былъ бы въ милости, такъ какъ новый

избранникъ былъ только забавой и успѣлъ ей наскучить, прежде чѣмъ она успѣла окончательно рѣшить вопросъ, приблизить ли его къ себѣ... Этотъ любимецъ былъ не высокскій житель и не крѣпостной Басанова, а вновь явившійся, вольный человѣкъ, выписанный служить по найму.

По волѣ судьбы Сусанна впервые увидѣла его и была поражена его красотой на отпѣваніи тѣла ея Алеши... въ то самое мгновенье, когда гробъ собирались поднять и нести изъ храма въ склепъ, пѣвчіе спустились съ клироса, гдѣ были укрыты иконостасомъ и прошли стать впереди духовенства... Въ этой вереницѣ человѣкъ въ двадцать, среди давно знакомыхъ лицъ, Санна вдругъ увидѣла незнакомую ей личность. Это былъ высокій, стройный, свѣтловолосый малый, лѣтъ двадцати на видъ, съ поразительно красивыми задумчивыми глазами... Удивительная тонкость и правильность чертъ лица, особенное, томное выраженіе глубокихъ, темносинихъ глазъ выдѣляли молодого малаго изъ кучки пѣвчихъ и изъ всей толпы.

Послѣ преданія тѣла землѣ «барышня» тотчасъ подошла къ хору пѣвчихъ, похвалила ихъ пѣнье за обѣдней и спросила регента, чей голосъ свѣжій, звонкій, сильный покрывалъ всѣ голоса въ «Иже Херувимской»...

Конечно, она это уже знала, сама догадавшись теперь, чей голосъ слышала.

Регентъ указалъ на стройнаго красавца, сказавъ, что онъ малороссъ, ученый пѣвчій, выписанный недавно изъ Москвы, по имени Тарасъ Файко...

Барышня похвалила новаго пѣвчаго, мѣряя его хищнымъ взоромъ съ головы до пятъ, но юный хохолъ глядѣлъ на нее или особенно равнодушно и холодно или же... чрезчуръ простовато...

Не прошло, однако, дней пяти, какъ онъ былъ позванъ въ комнаты «барышни» спѣть что нибудь «божественное» въ присутствіи барина и молодой барышни Дарьи Аникитишны.

Великолѣпный теноръ, сильный и порядочно обработанный, удивилъ всѣхъ, даже старыхъ дѣвицъ Тотолминыхъ, тоже приглашенныхъ слушать.

Сама «барышня» настолько прельстилась голосомъ Тараса, что вскорѣ снова раза два приказала позвать его и заставила вечеромъ пѣть у себя, но уже безъ гостей... Затѣмъ онъ уже больше вызываемъ барышней не былъ и у нея не пѣлъ... Однако, его видали мелькомъ въ домѣ и въ коридорѣ, и уже ходилъ слухъ, что «старая баловница Анна Фавстовна промѣняла Аньку на Файку».

Но это было вѣрно на половину. Сусанна собиралась, колебалась и не рѣшалась... Чѣмъ больше и ближе узнавала она Тараса, тѣмъ менѣе былъ онъ ей привлекателенъ, такъ какъ отличался невозмутимымъ спокойствіемъ духа, почти сонливостью.

II.

Приближался сороковой день поминокъ по скончавшемся молодомъ баринѣ, и вся Высокса снова ожидала прекращенія занятій и работъ на заводахъ. Повсюду отъ барскихъ палатъ до слободы все населеніе собиралось если не въ самый храмъ, то къ храму, къ его оградѣ, постоять во время литургіи и помолиться.

Наканунѣ утромъ, какъ разъ за двадцать четыре часа до начала заупокойной службы, по Высоксѣ распространилась такая вѣсть, которая всѣхъ поразила... Долго потомъ вспоминали этотъ день всѣ обыватели...

Рано утромъ, еще когда Аникита Ильичъ не кончилъ пилить и не начиналъ еще пить калмычкино снадобье, по винтушкѣ явился Змглодъ и угрюмый—какимъ онъ былъ теперь всегда—доложилъ барину если не важную, то удивительную вѣсть...

Въ гербергѣ на разсвѣтѣ остановился пріѣзжій изъ губернскаго города, прибывшій на почтовыхъ лошадяхъ... баринъ еще молодой и офицеръ. Онъ легъ отдохнуть и еще, должно быть, не просыпался... Денщикъ же его на опросъ Змглода заявилъ, что баринъ, офицеръ гвардіи, пріѣхалъ представиться барину Аникитѣ Ильичу и предполагаетъ проснувшись тотчасъ идти въ домъ.

— Чего же ты съ этимъ лѣзешь по винтушкѣ!.. — разсердился Аникита Ильичъ... Докладываешь, когда я еще, видишь, пилю... Что ты ума рѣшился?

— Потому я порѣшилъ поспѣшить...—началъ Змглодъ, но баринъ, сердито замахиваясь «голландкой», которую вытащилъ изъ бревна, крикнулъ:

— Когда же это было, чтобы ты бѣгалъ докладывать о пріѣзжихъ, не давъ мнѣ одѣться и лба перекрестить! Хочешь, пошлю тебя на скотный на недѣлю коровъ доить...

— Аникита Ильичъ,—медленно и сурово заговорилъ оберъ-рунтъ... Коровъ доить я пойду, коли глупъ, а вы дайте досказать. Я еще въ разумѣ своемъ и знаю, что творю... Дѣло если не важное, то совсѣмъ особое.

— Ну?...—спокойнѣе отозвался старикъ вопросительно.

— Я спросилъ, по долгу своему, званіе и имя пріѣзжаго, чтобы доложить вамъ въ обыкновенный часъ, но солдатъ отвѣтилъ, что ему бариномъ строжайше запрещено сказываться... Хоть, говоритъ, убей, не скажу, кто мы такіе... А вотъ когда мой баринъ встанетъ да побываетъ у вашего барина, то вы всѣ здѣсь ахнете и замѣчетесь, какъ угорѣлые... Ну, какъ я ни бился, ничего не добился... Вотъ и пришелъ доложить, что ждетъ васъ внезáпу—диковина какая-то... а не просто пріѣзжій...

— Умница! Молодецъ! И былъ и остался молодцемъ!—воскликнулъ Аникита Ильичъ.

И, бросивъ пиленіе, онъ тотчасъ прошелъ въ кабинетъ, весело усмѣхаясь... Черезъ минуту, не выдержавъ, онъ кликнулъ Масѣича и, отпивая свое мутно-бѣлое снадобье, выговорилъ:

— Масѣичъ... Слышалъ? А знаешь, кто этотъ офицеръ? Зачѣмъ пріѣхалъ?..

— Знаю,—отвѣтилъ камердинеръ холодно.

— Анъ, врешь! Не знаешь!.. И не можешь знать.

— Анъ, знаю...

— Врешь, говорю тебѣ!—вскрикнулъ Аникита Ильичъ.

— Не вру, сказываю я вамъ!—вскрикнулъ и Масѣичъ.

— Ахъ, идолъ упрямый... Такъ говори, а я молчать буду. Говори. Кто?

— Сынокъ чей либо... Изъ тѣхъ, кому вы въ Питеръ писали изъ-за барышни... Что?—подсмѣиваясь отвѣтилъ Масѣичъ.

Аникита Ильичъ молчалъ и улыбался.

— Мудрено, вишь, догадаться... Вы думаете, вы одни на догадку прытки...

— Правда, Масѣичъ... И знаешь, по-моему, кто... который изъ сынковъ?.. Завадскій... Либо князь Устюжскій... Ну чтожъ, слава Богу. Только давай Богъ, чтобы ко двору пришелся... А зря за перваго попавшагося гвардейца я Высоксу не выдамъ замужъ. Тьфу! то бишь Дарьюшку не выдамъ...

И Аникита Ильичъ, нѣсколько волнуясь, не допилъ свое питье и, приказавъ растворить всѣ двери, чтобы доступъ къ нему былъ тотчасъ свободенъ, началъ свои занятія дѣлами.

Не прошло получаса, какъ тотъ же Змглодъ явился со стороны коридора и пріемной съ новымъ докладомъ.

— Баринъ офицеръ уже собирается выходить изъ герберга въ полной аммуниціи... А она такая диковинная, какой я никогда еще, да и никто не видалъ въ Высоксѣ.

И по описанію оберъ-рунта Аникита Ильичъ понялъ, что офицеръ—гусаръ. Это удивило и пуще взволновало бывшаго измайловца.

Въ ту же минуту, въ пріемной, въ коридорѣ и въ канцеляріи все будто шевельнулось... Вѣсть, добѣжавшая снизу, всполошила весь верхъ.

— Диковинный офицеръ изъ столицы къ барину...

Но нежданный гость и его невиданный еще въ Высоксѣ мундиръ оказались пустяками сравнительно съ тѣмъ, что случилось затѣмъ и вихремъ разнеслось повсюду, заставивъ ахнуть отъ удивленія всѣхъ, начиная отъ пораженнаго извѣстіемъ барина и кончая послѣднимъ рабочимъ.

Завѣдующій канцеляріей Пастуховъ въ виду важности гостя добровольно взялъ докладъ на себя. И едва появился въ пріемной

молодой и статный гусарскій офицеръ, какъ онъ опросилъ его и вошелъ къ барину со словами:

— Желаетъ представиться и засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе поручикъ Дмитрій Андреевичъ Басманъ-Басановъ...

Когда Пастуховъ простодушно передалъ эти слова барину, то Аникита Ильичъ остолбенѣлъ, затѣмъ перемѣнился въ лицѣ и будто задохнулся... Затѣмъ онъ поднялъ обѣ руки и едва слышно проговорилъ не своимъ голосомъ:

— Если перевралъ... въ солдаты... Лобъ забрею, если напуталъ!..

Пастуховъ поблѣднѣлъ отъ страха... Ему казалось, что онъ передалъ вѣрно... Но вѣдь на грѣхъ мастера нѣтъ. Вдругъ, окажется, маху далъ.

Увидя, что управляющій канцеляріей собирается бѣжать изъ комнаты, вѣроятно, для переспроса, Аникита Ильичъ крикнулъ:

— Стой!.. Идолъ...

И старикъ, страшно взволнованный, прошелъ два раза по комнатѣ, потомъ сѣлъ. Чрезъ полъ-минуты онъ уже спокойнѣе спросилъ:

— Онъ сказалъ: Дмитрій Андреевичъ Басманъ-Басановъ... Или сказалъ просто... Басановъ?..

— Сдается...—залепеталъ Пастуховъ...—Сдается мнѣ, что изволилъ сказать Басманъ...

— Ну, вотъ... вотъ и лобъ!—страннымъ боязливымъ голосомъ произнесъ Аникита Ильичъ... Да! За этакое... за этакое замуровать живьемъ надо...

Пастуховъ стоялъ уже блѣдный, какъ полотно, и хотѣлъ что-то вымолвить, но посинѣлыя губы только дрожали. Голосъ и видъ барина испугали его больше, чѣмъ угроза.

Дѣйствительно, ничего подобнаго теперешнему своему состоянію давно не испытывалъ старикъ... Смерть сына Алексѣя его не поразила, ибо онъ ее ждалъ... Только смерть брата Саввы Ильича такъ же когда-то взволновала его и заставила кровь стучать въ вискахъ.

Все, что сотни разъ мерещилось ему со дня смерти сына и во снѣ и наяву, о чемъ онъ мечталъ, какъ юноша или какъ малый ребенокъ, зная, что желаніе это есть несбыточная мечта... теперь внезапно стало дѣломъ, дѣйствительностью...

«Высокса послѣ его смерти будетъ попрежнему принадлежать Басманъ-Басановымъ и такъ... на сто лѣтъ... и больше...»

«Но Басманъ ли онъ?!—мысленно восклицалъ онъ теперь и боялся, трепеталъ... Вдругъ сейчасъ окажется, что конторщикъ оселъ, враль... Басановыхъ много въ Россіи. Чорта ли въ нихъ! Есть и мѣщане Басановы... Но Басманъ-Басановыхъ нѣтъ больше. Онъ одинъ послѣдній... Поэтому какъ же онъ могъ самъ такъ малодушно сразу повѣрить дураку конторщику и допустить себя до того, что все нутро у него будто перевернулось! Зря, безъ причины, изъ-за

идола, который перевралъ. Ему, животному, что Басановъ, что Басманъ-Басановъ—все одно... Имъ всѣмъ, что имъ Высокса?! Что съ ней будетъ?! Чья она будетъ!?

— Да... да...—едва слышно зашепталъ Аникита Ильичъ.—Если перевралъ... Если меня зря хватилъ ножемъ въ самое сердце... За это... не знаю самъ, что съ тобой сотворю...

Пастуховъ опустился на колѣни, всхлипывая...

— Цыцъ, проклятый... Услышатъ... Что подумаютъ!—прошепталъ старикъ.—Проходи... Въ спальню иди...

Управитель канцеляріи, совершенно пришибленный приключившейся бѣдой, поднялся и на носкахъ прошелъ въ спальню...

— Ахъ, какая обида...—зашепталъ Аникита Ильичъ, оставшись одинъ.—Ахъ, обида! Вотъ не ждалъ... Повѣрилъ на мгновеніе ока, и всего перетряхнуло... Понятно, что просто Басановъ и лѣзетъ ко мнѣ... Думаетъ, идолъ, что его мѣщанское прозвище то же, что и мое... Ну, ладно... Погоди. Я вотъ тебя сейчасъ приласкаю. Будешь, Басановъ, помнить Аникиту Басманъ-Басанова.

Старикъ поднялся, оправился, вздохнулъ глубоко, потомъ подошелъ къ окну и заглянулъ въ него... Онъ поглядѣлъ на громадную домну съ дымящимися трубами, гдѣ пережигалась руда, день и ночь, уже четверть вѣка, на разстилавшееся за нею огромное озеро, сіявшее, какъ зеркало, и на длинную высокую плотину, которую они съ братомъ Саввою чуть не собственноручно соорудили, дежуря по очереди въ началѣ работъ... Разные ученые «рябчики» изъ столицъ говорили, что плотина не выдержитъ перваго же весенняго половодья или большихъ ливней, и озеро рванется и затопитъ заводы на пять верстъ... А вотъ она третій десятокъ лѣтъ хочетъ стоять... Затѣмъ глянулъ старикъ на зданіе, выстроенное по его рисунку ради забавы—на пятиугольную коллегію съ башней и часами... Наконецъ, повернувъ голову, онъ посмотрѣлъ на каменный храмъ съ высокой колокольней... Здѣсь подъ алтаремъ покоятся и спятъ вѣчнымъ сномъ братъ Савва Ильичъ, создатель всего этого, его двѣ жены, малолѣтній Саввушка и наконецъ Алексѣй, на котораго была послѣдняя надежда и который тоже лишилъ Высоксу истиннаго наслѣдованія... Будетъ она принадлежать какимъ нибудь Завадскимъ... Ужъ лучше князьямъ Никаевымъ.

— Да, жаль мнѣ тебя... Дорогая моя...—съ чувствомъ произнесъ старикъ...—Отдамъ я тебя лучше князьку Давыдкѣ, свойственнику, чѣмъ совсѣмъ чужому человѣку... Ну, а теперь этого смутителя моего духа надо принять и отвадить...

Аникита Ильичъ, печально настроенный, переживши вдругъ изъ-за пустого случая нѣсколько глубоко прочувствованныхъ мгновеній, кликнулъ не сурово, а какимъ-то слабымъ голосомъ, какъ никогда не звалъ холоповъ.

— Эй! Кто тамъ?..

Въ прихожей и коридорѣ уже набралось довольно много народу... Всѣ безъ исключенія удивленно и почтительно оглядывали сидѣвшаго на креслѣ офицера и недоумѣвали, отъ чего баринъ заставляетъ ждать такого гостя...

«Хочетъ ему себя показать и малость поучить!..—думали нѣкоторые.—Меня, молъ, аммуниціей не удивишь. Я самъ въ гвардіи былъ»...

При окликѣ барина изъ пріемной явился Змглодъ.

— А! ну, вотъ...—выговорилъ старикъ.—Ты умный! Слышалъ ты, какъ о себѣ велѣлъ доложить офицеръ?

— Слышалъ,—угрюмо отвѣтилъ оберъ-рунтъ.

— Говори!..

Змглодъ приглядѣлся къ барину и молчалъ соображая. Баринъ вскрикнулъ: «Говори!» А это съ нимъ рѣдко когда случалось. И не даромъ «Турка» Высокскій былъ умнѣе всѣхъ другихъ. Онъ тотчасъ понялъ и отвѣтилъ...

— Приказали они сказать, что желаютъ имѣть честь вамъ представиться и засвидѣтельствовать...

— Имя... имя свое, какъ онъ назвалъ? Фамилію свою?..

— Не слыхалъ...—глухо отвѣтилъ догадливый оберъ-рунтъ.

— Не слыхалъ... не слы-халъ?!. — протянулъ Аникита Ильичъ и тоже догадался, что Змглодъ лукавитъ...

«Почему?»—подумалось ему... И затѣмъ, отчаянно махнувъ рукой, будто желая отогнать отъ себя грустныя мысли и прекратить свое волненіе, онъ выговорилъ рѣзко...

— Проси сюда...

Аникита Ильичъ сталъ середи кабинета, глядя въ дверь... На порогѣ появился красивый, стройный офицеръ съ привѣтливымъ открытымъ лицомъ, съ добрыми свѣтлыми глазами...

— Имѣю честь представиться въ качествѣ вашего родственника...—началъ онъ наклоняясь.

— А-а?. Родственника!!—шепнулъ старикъ, но тѣмъ своимъ шепотомъ, котораго всѣ боялись и который теперь и офицера нѣсколько озадачилъ.

— Точно такъ-съ... Дальній, но все же...

— Какъ ваша фамилія?..—уже грозно произнесъ старикъ, и маленькіе глаза его вспыхнули, метнули искру...

— Дмитрій Басманъ-Басановъ.

— Что-о?!—протянулъ старикъ, какъ бы грозясь.

Офицеръ слегка смутился.

— Басманъ-Басановъ... Дмитрій... По отцу Андреевичъ,—тише вымолвилъ онъ.—Принадлежу къ той же фамиліи, какъ и вы...

— Басановъ!.. Басановъ!.. Не Басманъ-Басановъ...

— Басманъ-Басановъ...

— Не Басманъ!—вдругъ, наступая на офицера, вскрикнулъ Аникита Ильичъ такимъ голосомъ, что въ пріемной комнатѣ, въ кори-

дорѣ и въ канцелярiи все встрепенулось и двинулось, не зная, что лучше—бѣжать къ барину или бѣжать отъ барина, отъ похмелья въ чужомъ пиру!

— Виноватъ-съ, но вы ошибаетесь...—смѣлѣе произнесъ молодой человѣкъ, добродушно улыбаясь.—Я Басманъ-Басановъ. Отецъ моего родителя, а мой, стало быть, дѣдъ, Иванъ Дмитрiевичъ, приходился двоюроднымъ вашему покойному родителю Ильѣ Михайловичу. Стало не только я Басманъ... но прихожусь вамъ, какъ внучатный...

Но офицеръ не договорилъ. Старикъ двинулся, обхватилъ его, но не обнялъ, а повисъ на немъ... Ноги его подкосились.

— Помоги... Посади...—прошепталъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Молодой человѣкъ, изумляясь, довелъ старика подъ руку къ креслу.

Аникита Ильичъ опустился на него, какъ пришибленный... Еслибъ старикъ отъ природы своей умѣлъ плакать, то теперь разрыдался бы на весь домъ.

Онъ поглядѣлъ на офицера, протянулъ къ нему руки, хотѣлъ сказать: «поцѣлуемся», и вдругъ, нечаянно для самого себя, прошепталъ:

— Высокса...

III.

Бывали роковыя минуты въ жизни Аникиты Ильича, но такой, казалось, еще никогда не бывало. Голосъ его, крикнувшiй «не Басманъ» и всполошившiй всѣхъ, всѣмъ доказалъ, что съ бариномъ произошло что-то изрядное, имѣющее огромное значенiе...

Весь домъ, просители, канцеляристы, дежурная дюжина, нахлѣбники, даже нѣмецъ докторъ Веniусъ, случившiйся въ квартирѣ князя Никаева,—всѣ узнали и повторяли крикъ барина: «Басановъ! Не Басманъ!».

Но, разумѣется, никто не зналъ, чѣмъ все кончилось. Все въ кабинетѣ барина стало вдругъ тихо на цѣлые полчаса, и весь домъ продолжалъ ждать, чѣмъ все разрѣшится... Одно обстоятельство было удивительно: Пастуховъ, доложившiй объ офицерѣ, исчезъ, яко бы пропалъ безъ вѣсти... Нельзя же было предположить, что канцелярист присутствуетъ при бесѣдѣ барина съ гостемъ родственникомъ. Никто, конечно, не подозрѣвалъ, что Пастуховъ блѣдный и трепетный сидѣлъ въ комнатѣ около козелъ съ бревномъ и пилой и бредилъ наяву о солдатствѣ, Сибири...

Между тѣмъ Аникита Ильичъ, быстро оправившись и вполнѣ овладѣвъ собой, снова облобызался съ нежданнымъ дорогимъ гостемъ, заставилъ его себѣ разсказать подробнѣйшимъ образомъ все, что только тотъ зналъ о своемъ дѣдѣ, чтобы убѣдиться, что нѣтъ ошибки... Но ничего подобнаго быть не могло... Молодой Дмитрiй передалъ со словъ своего покойнаго отца, что его дѣдъ имѣлъ двоюроднаго брата, бѣднаго помѣщика гдѣ-то въ трущобѣ, котораго звали

Ильей по отцу Михайловымъ... но что его сыновья, ихъ дальняя родня, нынѣ богачи, владѣльцы огромныхъ желѣзныхъ заводовъ. Отецъ только изъ гордости ни разу за всю жизнь не захотѣлъ явиться въ Высоксу.

Наконецъ, послѣ бесѣды съ Аникитою Ильичемъ, совершенно сраженнымъ, молодой человѣкъ, немало удивленный его видомъ, предъявилъ ему свой полковой отпускъ, гдѣ значился такъ, какъ заявлялъ... Понемногу старикъ пришелъ совсѣмъ въ себя и сіялъ... Прежде всего, спохватившись, онъ приказалъ, чтобы немедленно вещи родственника перенесены были въ домъ, а двѣ гостиныя внизу отдѣлены, и въ нихъ устроено помѣщеніе для неоцѣнимаго гостя-племянника. Затѣмъ онъ послалъ за барышней.

Сусанна, конечно, давно уже знала невѣроятную вѣсть отъ Угрюмовой и не повѣрила, отнеслась такъ же, какъ и старикъ, говоря:

— Басановъ—просто... Не Басманъ же...

Но вскорѣ явился человѣкъ отъ барина со словами «пожаловать на верхъ спознакомиться съ братцемъ».

— Баринъ приказалъ ту-жъ минуту,—прибавилъ онъ.

Сусанна догадалась и взволновалась. Она быстро оправилась предъ зеркаломъ и двинулась къ дядѣ... Разумѣется, она была встревожена немного меньше старика... Она сразу поняла, что судьба Высоксы вдругъ выяснилась и опредѣлилась, вполнѣ зависѣла отъ новоявленнаго, какъ снѣгъ на голову, близкаго родственника. А, стало быть, и вся ея будущая жизнь зависѣла теперь отъ этого невѣдомаго молодого человѣка...

Когда Сусанна вошла, удидѣла офицера и познакомилась съ нимъ поклономъ, то Аникита Ильичъ воскликнулъ радостно...

— Что вы... что вы... Этакъ-то! Родные, да этакъ. Поцѣлуйтесь... Санна, обними его, поцѣлуй... И вы... и ты... ты, Дмитрій... Цѣлуйтесь...

Санна вспыхнула, молодой человѣкъ смутился настолько, насколько въ его года и будучи офицеромъ смущаться, казалось, было бы даже не мыслимо... Краснѣя они обнялись и расцѣловались.

— Смотри, пожалуй,—сказалъ старикъ.—Красная дѣвушка заалѣлась. Вонъ ты какого нрава-то. Ну, что же?.. Тѣмъ лучше... Не озорникъ, а степенный.

Въ нѣсколько мгновеній, послѣ нѣсколькихъ словъ, которыми обмѣнялись Дмитрій и красавица, она уже знала, что за человѣкъ предъ ней...

Въ опредѣленіи нрава, характера мужчины у Сусанны былъ вѣрный глазъ, поразительная смѣтка или просто опытъ... Черезъ четверть часа она чувствовала себя внезапно обрадованной, даже счастливой. Ея судьба была рѣшена!.. И она знала, какъ рѣшена! Она знала и видѣла этого молодого человѣка такъ, какъ если бы знавала давно или уже прожила съ нимъ годъ. Когда Аникита Ильичъ от-

пустилъ племянницу или вѣрнѣе приказалъ уходить и оставить его наединѣ съ «племянникомъ», Санна вернулась къ себѣ радостно сіяющая и бросилась къ Угрюмовой...

— Анна Фавстовна!—воскликнула она... Вотъ ужъ не слыхано, не видано... И словъ у меня нѣту. Послѣ... Соберусь съ мыслями.. Вотъ ужъ этакого не ждала я... этакого? Да что же это? Чудо что ли какое?.. Или опять навожденіе дьявольское! И вотъ сейчасъ все разсыплется...

Но на вопросы Угрюмовой Сусанна ничего не отвѣтила, задумалась и долго сидѣла не двигаясь съ радостнымъ, почти восторженнымъ выраженіемъ на лицѣ.

Анна Фавстовна глядѣла на нее, разиня ротъ, и думала.

— Неужто же отъ того, что красавецъ... Новый ей отыскался?..

Но наперсница ошибалась... Не отъ лица и статности гостя родственника взволновалась красавица, а отъ того — «что» и «кого» провидѣла и угадала она въ этомъ молодомъ человѣкѣ.

Между тѣмъ Аникита Ильичъ настолько потерялъ отъ радостнаго событія разсудокъ, что и гостя племянника ввелъ въ недоразумѣніе.

Дмитрій Басановъ объяснилъ ему, что его дочь красавица, но онъ полагалъ ее много моложе.

— Дочь?—удивился старикъ...

Оказалось, что молодой человѣкъ принялъ Сусанну за Дарьюшку, слышавъ приказаніе позвать барышню.

— Гей!—крикнулъ Аникита Ильичъ и приказалъ появившемуся лакею звать немедленно наверхъ «маленькую» барышню...

Когда, дѣйствительно, маленькая, всегда робкая, а теперь совершенно перепуганная Дарьюшка явилась въ кабинетъ, то послѣдовало почти то же...

— Поцѣлуйтесь!—приказалъ Аникита Ильичъ...—Дарьюшка, онъ намъ родня. Онъ мнѣ племянникъ. Поняла? Нѣтъ?..

Молодой человѣкъ, нагибаясь, расцѣловался съ родственницей, но нисколько при этомъ не смутился... Эта маленькая дѣвочка, съ глупо испуганнымъ лицемъ, если и смутила его, то совершенно на иной ладъ. Она поразила его прежде всего своимъ удивительно невзрачнымъ видомъ, малымъ ростомъ, глупымъ лицемъ.

— Ну, ужъ невѣста?!—подумалъ онъ.

Затѣмъ, весь день Аникиты Ильича спутался. Онъ не разставался съ племянникомъ. Пріемъ просителей былъ отмѣненъ, докладъ коллежскаго правителя и завѣдующаго канцеляріей ограничился двумя, тремя важнѣйшими дѣлами, покуда отпущенный Дмитрій Басановъ переодѣвался... Гулять по саду старикъ тоже не пошелъ...

Къ обѣду старый баринъ явился подъ руку съ молодымъ и представилъ ему всѣхъ присутствующихъ—и свойственниковъ и нахлѣбниковъ. День и пріѣздъ офицера напомнилъ всѣмъ другой день и

другой пріѣздъ... Все было буквальнымъ повтореніемъ того, что видѣли давніе высокскіе обыватели лѣтъ десять тому назадъ. Тогда явилась красавица и всѣхъ сразу очаровала, и всѣ почуяли, что она сдѣлается важной личностью въ домѣ. Теперь явился красавецъ, и всѣ также ясно поняли, что ему суждено стать важной личностью въ ближайшемъ будущемъ и еще важнѣйшей въ далекомъ будущемъ...

Какъ былъ радостно настроенъ тогда баринъ, такъ же былъ веселъ и счастливъ онъ и теперь, пожалуй, даже еще счастливѣе... Причины были разныя... Тогда онъ радовался за себя лично, а теперь за свое дѣтище... Всѣ думали, что дѣтище—Дарьюшка. И ошибались. Если бы маленькая барышня вдругъ умерла, то баринъ былъ бы огорченъ на половину... Она, Высокса, все-таки стала бы по закону Басманъ-Басановскою.

За обѣдомъ всѣ замѣтили, что Сусанна Юрьевна какъ-то особенно красива. Съ прической ли своей она что вдругъ сдѣлала, или же удивительно измѣнчивое лице ея преобразилось отъ оживленія и радости.

Даже Аникита Ильичъ замѣтилъ эту перемѣну и подумалъ:

«Не такая она себялюбивая, какъ я полагалъ. Вотъ радуется за меня и за Высоксу!»

Тайная мысль Аникиты Ильича, что судьба сама привела къ нему наслѣдника, мужа для дочери, и что этотъ бракъ дѣло рѣшеное, разумѣется, сообщилась тотчасъ же всѣмъ. Всѣ привѣтливо глядѣли черезъ столъ на гостя офицера, носящаго фамилію барина, и всѣмъ будто казалось, что онъ не сегодня утромъ явился, а уже давно живетъ въ Высоксѣ.

Сусанна глядѣла на Дмитрія такъ, какъ если бы тоже его давно знала и любила. Онъ сидѣлъ рядомъ съ ней, но на ея обычномъ мѣстѣ, около Аникиты Ильича. Гостей на это ея мѣсто никогда не сажали. Убѣжденіе, что этотъ молодой человѣкъ будетъ объявленъ женихомъ Дарьюшки, не позднѣе, какъ чрезъ нѣсколько дней, а затѣмъ сдѣлается владѣльцемъ всего состоянія, главнымъ лицомъ послѣ старика дяди, то-есть замѣнитъ ее самоё — не печалило Сусанну, а радовало...

— Молодые-то господа насъ затрутъ! — сказала ей Угрюмова.

— У меня на это свои мысли!—загадочно отвѣтила на это Сусанна, смѣясь и тщательно прихорашиваясь къ обѣду.

Дарьюшка, сидѣвшая около отца и противъ молодого человѣка, была какъ потерянная... Всѣ, глядя на нее, недоумѣвали... Разумѣется, дѣвушка подростокъ тоже поняла, что это женихъ, ея будущій мужъ... Никто, отъ барина до послѣдняго мальчугана буфетчика, этого не сказалъ. А между тѣмъ всѣ это знали, какъ если бы баринъ самъ объявилъ это съ порога зала, какъ когда-то объявилъ о смерти Алексѣя Аникитича.

Громкій и веселый говоръ за обѣдомъ не прекращался. Дмитрій Басановъ говорилъ съ Аникитой Ильичемъ о Петербургѣ и о службѣ въ гвардіи. Старикъ вспоминалъ свое время. Разница оказывалась огромная.

То были послѣдніе годы царствованія «дщери Петровой» и шестимѣсячная «неразбериха» Петра Ѳеодоровича... Теперь кончался уже третій десятокъ лѣтъ славнаго и громкаго «во всемъ свѣтѣ» царствованія «Великой» монархини. За эти тридцать лѣтъ было такъ много пережито россіянами, что молодой Басманъ-Басановъ при иныхъ воспоминаніяхъ, иныхъ вопросахъ стараго Басманъ-Басанова, раскрывалъ широко глаза и говорилъ:

— Возможно ли... Вотъ удивительно... Не вы мнѣ это скажи— не повѣрилъ бы.

Аникита Ильичъ смѣялся.

— У насъ въ казармахъ своя скотина была, коровы, овцы, свиньи... Жены солдатки доили, а ребятишки свиньями и поросятами занимались... А пойдемъ лѣтомъ въ лагерь, а то въ походъ— скотину гонимъ, каждая рота—свою.

— Да, вѣдь это же не полкъ, а цыганскій таборъ! — замѣтилъ Дмитрій...

— Истинно такъ, — отозвался Аникита Ильичъ смѣясь.— Такъ вотъ поди... Привычка. Никому на умъ не приходило, покуда Петръ Ѳедоровичъ не ахнулъ на насъ и не завелъ нѣмецкихъ порядковъ...

Среди обѣда, говора и общаго оживленія со старикомъ вдругъ приключилось что-то... Онъ слегка измѣнился въ лицѣ, оглянулъ весь столъ страшными глазами и остановилъ ихъ на гостѣ... Молодой человѣкъ, не привыкшій къ дисциплинѣ Высоксы, спросилъ наивно:

— Вамъ нездоровится, дядюшка?

Но онъ не получилъ отвѣта... Все смолкло и замерло за столомъ.. Даже Сусанна тревожно глянула на дядю, изумляясь необычному явленію. А Аникиту Ильича будто ножемъ въ сердце ударила нежданно явившаяся мысль.

«Что же это я?—думалось ему.—Ума рѣшился?!»

Да, случилось нѣчто, что доказывало, что онъ совсѣмъ потерялъ голову. Перемѣнившись въ лицѣ,—настолько смутила его мысль, вдругъ явившаяся въ голову,—старикъ вдругъ зашепталъ, противъ воли, какъ бы теряя самообладаніе. Ударъ былъ слишкомъ силенъ...

— Какъ же это я?..—шепталъ онъ...—Не вѣроятно... Повѣрить нельзя... Никто не повѣритъ.

Онъ поглядѣлъ на Дмитрія и будто вдругъ собрался что-то сказать, но колебался.

«Нельзя! Нельзя!—проговорилъ онъ мысленно.—Сейчасъ. За столомъ? При всѣхъ? Нельзя!»

Однако, продолжать сидѣть за столомъ, ждать еще полчаса было невозможно. Аникита Ильичъ чувствовалъ, что за эти полчаса онъ измучится, истерзается...

«У чертей на сковородѣ легче!»..—подумалъ онъ и вдругъ обратился ко всѣмъ...

— У меня до моего дорогого племянника важнѣющее дѣло... Сидите... А мы съ нимъ выйдемъ въ китайскую, перемолвимся и вернемся... Пойдемъ, Дмитрій Андреевичъ.

И оба встали и двинулись въ гостиную, гдѣ послѣ обѣда всегда подавался десертъ и сладкіе напитки. Сусанна изумленно проводила обоихъ широко открытыми глазами. Она ломала себѣ голову и ничего понять не могла.

Между тѣмъ Аникита Ильичъ, взявъ Дмитрія Басанова подъ руку, вышелъ съ нимъ, столь же взволнованный и тревожный, какимъ былъ при извѣстіи, что предъ нимъ стоитъ «Басманъ», а не просто Басановъ.

Очутившись за дверями, старикъ выговорилъ:

— Я не скрываюсь... Я на чистоту... А тамъ что Богъ дастъ. И какъ вы... или ты посудишь... Но я еще не спросилъ и не знаю... Будто разумъ у меня сегодня отшибло... Повѣришь, мудрено... Скажи... Мнѣ не терпится знать... Женатъ ты?..

— Холостъ, дядюшка,—разсмѣялся Дмитрій...

Аникита Ильичъ порывисто обхватилъ молодого человѣка рукой, поцѣловался съ нимъ и быстрымъ шагомъ вернулся къ столу, таща его за собой... Лице старика сіяло вновь, но казалось уже восторженнымъ.

— На всякаго мудреца много на свѣтѣ простоты,—заявилъ онъ садясь.—Всякій можетъ обмахнуться, а я, Аникита Басманъ-Басановъ, сегодня съ Дмитріемъ Басманъ-Басмановымъ удивительнаго маху далъ... И вотъ сейчасъ спохватился... Гэй... Подавайте венгерскаго намъ... Выпьемъ за здоровье дорогого гостя.

И весь этотъ день въ домѣ, по выраженію коллежскаго правителя Барабанова, любившаго острить, прошелъ чистымъ «турманомъ».

Баринъ самъ свертѣлся и другихъ всѣхъ завертѣлъ.

IV.

Дмитрій Басманъ-Басановъ, двадцатипятилѣтній человѣкъ, былъ безспорно красивый и статный молодецъ и вдобавокъ съ явными признаками родовитости. Мундиръ, и притомъ еще блестящій, конечно, красилъ его, но и въ простомъ одѣяніи, хотя бы въ рубахѣ и кафтанѣ крестьянина, онъ бы все-таки сохранилъ въ своей фигурѣ нѣчто особенное, не пріобрѣтаемое ни воспитаньемъ, ни средой, а родовое, наслѣдственное, породистое... Его голосъ и выговоръ, кисти его рукъ и ступни ногъ чуть не маленькія по росту помѣшали бы ему, если бы ради шутки онъ захотѣлъ прослыть за мужицкаго парня. Ряженье не укрыло бы расоваго изящества.

Нравомъ это былъ крайне безпечный, мягкій и добродушный человѣкъ. Не очень далекій, пожалуй, строго судя, даже простоватый, но воспитаніе и лоскъ среды, въ которой онъ жилъ и вращался съ юношества, скрали недостатокъ ума. Благовоспитанность замѣнила собой многое, чего въ немъ не было.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Дмитрій былъ крайне чувствительный и сердечный малый, ласковый и привѣтливый съ низшими, не намѣренно, а невольно, по кротости души.

Въ его характерѣ была одна яркая особенность, даже главная основная черта, которую прозорливая Сусанна увидѣла или угадала тотчасъ... Это было безволіе, полное, безграничное; болѣе чѣмъ ребяческая податливость; необходимость, даже потребность быть подъ властію, быть руководимымъ. Въ этой господствующей чертѣ характера молодого человѣка былъ отчасти виноватъ его покойный отецъ, крутой деспотъ, съ первыхъ его ребяческихъ лѣтъ сломившій ту волю, которая могла быть въ сынѣ... Андрей Ивановичъ Басановъ носилъ даже прозвище «Грозный».

Когда отецъ умеръ, то молодой человѣкъ почувствовалъ себя совершенно потерянным среди людей, будто оробѣвшимъ... Онъ былъ уже офицеромъ, а дѣйствовалъ, какъ малый ребенокъ, ибо некому было приказывать ему... Маленькое состояніе, оставшееся послѣ отца и при которомъ онъ могъ бы существовать въ столицѣ и въ гвардіи, быстро растаяло и исчезло... И Дмитрій самъ не зналъ, какъ это случилось... Въ то же время онъ встрѣтился съ пожилой женщиной, дворянкой, вдовой, богатой, молодящейся... Она влюбилась въ него и предложила средства къ жизни. Дмитрій по примѣру нѣкоторыхъ товарищей если не по полку, то по гвардіи, согласился на то, что было въ нравахъ, и низостью для молодого офицера вовсе не считалось.

Разумѣется, сорокалѣтняя вдова замѣнила отца и вполнѣ овладѣла безхарактернымъ добрякомъ. Попавъ подъ вліяніе этой женщины, которая какъ бы закабалила его, Дмитрій этого не замѣтилъ. Послѣ крутого отца всякая зависимость показалась бы свободой. Женщина была только ревнива, но не деспотична. Отецъ всячески держалъ его «въ ежовыхъ руковицахъ», и молодой малый, которому было уже, наконецъ, двадцать два года, не смѣлъ шагу ступить, безъ объясненія, куда онъ отправляется, зачѣмъ, къ кому и когда вернется. Вмѣстѣ съ тѣмъ мечта отца постоянная и неотступная была одна — женить сына на богатой дѣвушкѣ приданницѣ. И онъ старался всячески отдалять сына отъ женщинъ, чтобы этотъ не увлекся.

Часто заходилъ между отцемъ и сыномъ разговоръ о томъ, что у нихъ есть дальніе родственники, страшные богачи, но ѣхать знакомиться съ ними Андрей Ивановичъ не хотѣлъ. Онъ зналъ отлично все, касавшееся до Высоксы, зналъ, что его троюродный братъ

Савва Ильичъ холостъ, затѣмъ онъ узналъ, что этотъ родственникъ умеръ, и его часть досталась его родному брату Аникитѣ Ильичу. Онъ зналъ также, что у этого родственника только двое дѣтей, сынъ и дочь... Эта дочь лѣтъ на десять моложе Дмитрія и могла бы современемъ стать его женой. Но отправляться съ поклономъ къ богачу родственнику онъ пересилить себя не могъ. Состояніе — вотчина въ Тульской губерніи — было маленькое, и оба Басманъ-Басановы, и отецъ, имѣвшій мѣсто при генералъ-прокурорѣ, и сынъ гусаръ, перебивались, сводя концы съ концами. Дмитрій самъ не собирался жениться, былъ доволенъ и счастливъ подъ крылышкомъ отца, какъ когда-то былъ доволенъ, сидя «подъ юбками» своей няньки. Матери онъ не помнилъ, такъ какъ потерялъ ее четырехъ лѣтъ отъ роду.

Неожиданная и внезапная смерть Андрея Ивановича, конечно, подѣйствовала на молодого человѣка потрясающимъ образомъ. Онъ готовъ былъ руки на себя наложить. Онъ не могъ даже представить себѣ, какъ будетъ онъ жить одинъ одинехонекъ, безъ кого либо, надъ нимъ власть имѣющаго.

Но на счастье не прошло и полугода со смерти отца, какъ умная и независимая женщина утѣшила его, спасла... Видя, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, она не стала ждать, чтобы онъ рѣшился на что либо... Она сама стала упорно ухаживать за нимъ и быстро, безъ особаго труда, достигла своей цѣли.

Дмитрій вообразилъ себѣ, что онъ увлеченъ, что онъ полюбилъ эту женщину, пожилую, не красивую, но зато дѣйствительно очень умную и очень энергичную.

Она не помыкала имъ, какъ отецъ, но зато также отдаляла его всячески отъ женскаго общества. И тамъ, гдѣ могла оказаться соперница, онъ шагу не смѣлъ ступить безъ нея. И онъ былъ опять доволенъ, не чувствовалъ себя потеряннымъ среди чужихъ людей.

Если бы не катастрофа и неожиданная смерть этой женщины, то нѣтъ сомнѣнія, что она кончила бы тѣмъ, что женила бы его на себѣ...

Оставшись снова одинъ на свѣтѣ, но и снова безъ средствъ, Дмитрій пришелъ въ мрачное отчаяніе. Онъ былъ убитъ и настолько, насколько могъ быть убитъ по безпечности и добродушію своего нрава. Онъ сталъ собираться въ монахи, къ великому удивленію товарищей и знакомыхъ. Однако, нежданно чужой человѣкъ, старикъ умный, добрый, вмѣшался въ его судьбу.

Статскій совѣтникъ Завадскій, котораго Дмитрій никогда въ глаза не видалъ, вызвалъ его къ себѣ и разспросилъ... Узнавъ все до него касающееся, онъ спросилъ молодого человѣка, знаетъ ли онъ своего однофамильца Басманъ-Басанова, богача заводчика. Дмитрій отвѣтилъ, что это его родственникъ, но дальній, и что онъ его не знаетъ,

такъ какъ его отецъ и даже дѣдъ не знавались съ нимъ изъ чувства извѣстной гордости.

Завадскій передалъ Дмитрію послѣднюю новость про своего бывшаго товарища по полку, то-есть, что узналъ изъ письма къ нему самого Аникиты Ильича... смерть единственнаго сына и наслѣдника и желаніе скорѣе выдать дочь, наслѣдницу всего состоянія, замужъ, за порядочнаго молодого человѣка... пожалуй, за сына своего товарища.

Завадскій, разсказавъ про это, объяснилъ, что дѣтей у него нѣтъ, а что когда онъ прослышалъ про гусара Басманъ-Басанова, то ему пришло на умъ... Почему старикъ заводчикъ не хочетъ въ зятья однофамильца и даже, быть можетъ, родственника? Быть можетъ, онъ даже не знаетъ о существованіи гусара.

Разумѣется, Завадскій убѣдилъ Дмитрія тотчасъ собраться къ родственнику...

— Попытка не пытка,—сказалъ онъ,—спросъ не бѣда! Почемъ знать, чего не знаешь?

Такъ какъ молодого человѣка было не мудрено убѣдить въ чемъ бы то ни было, то, разумѣется, чрезъ недѣлю Дмитрій уже выѣхалъ изъ Петербурга къ троюродному дядѣ на поклонъ, точно такъ же, какъ когда-то собралась и Сусанна Касаткина.

И случилось желанное... Какъ красавица дѣвушка, внучка, такъ и красавецъ гусаръ, племянникъ, были радостно, почти восторженно приняты старикомъ Басановымъ, хотя и по двумъ совершенно различнымъ причинамъ. И если Сусанна когда-то не была удивлена своимъ успѣхомъ, то Дмитрій самъ себѣ не вѣрилъ, видя, какой переполохъ произвело его появленіе.

Разумѣется, собираясь къ старому дядѣ, у котораго послѣ смерти сына была богатѣйшая наслѣдница дочь, онъ очень мало надѣялся на успѣхъ. Если бы не убѣжденья нежданнаго благопріятеля Завадскаго, то, конечно, онъ не собрался бы вовсе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы дядя этотъ принялъ его холодно и негостепріимно, то онъ быстро утѣшился бы по легкомыслію... Но пріемъ, оказанный ему, превзошелъ ожиданія, и Дмитрій былъ даже озадаченъ.

Первый день, проведенный имъ въ Высоксѣ, показался ему безъ конца, такъ много впечатлѣній пришлось испытать...

Три главныи личности поразили его... Самъ хозяинъ, старикъ, показался ему добрымъ и глупымъ... совсѣмъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ говаривалъ, судя по слухамъ, его отецъ... Дмитрій, конечно, не зналъ, что нежданная радость обрѣсти жениха для дочери, однофамильца, сдѣлала вдругъ Аникиту Ильича добрымъ, и эта радость, внезапно свалившаяся на голову, такъ смутила его, такъ огорошила, что, пожалуй, дѣйствительно сдѣлала его на одинъ день будто глупымъ. Не даромъ же нѣсколько часовъ сподрядъ мысленно ликовалъ онъ, что отдастъ Высоксу Басманъ-Басанову, и разспрашивая, толкуя о

всякихъ пустякахъ, не подумалъ спросить, женатъ или холостъ — новоявленный родственникъ.

Сусанна особенно и необъяснимо поразила Дмитрія. Цѣлыхъ полчаса времени предполагалъ онъ, по недоразумѣнію, что она дочь и наслѣдница всего... И эта ошибка, продолжавшаяся хотя и недолго, однако оставила свой слѣдъ. Теперь онъ жалѣлъ, что ошибся, что эта красавица только племянница Аникиты Ильича... За обѣдомъ, сидя около нея и разговаривая съ ней, онъ каждый разъ опускалъ глаза, когда взоры ихъ встрѣчались... Каждый разъ, что эта женщина взглядывала ему въ лице, онъ смущался, какъ юноша...

— Ухъ, какая она... — думалось ему. И почему онъ, офицеръ, гусаръ, столичный житель и щеголь, видавшій женщинъ и красавицъ... все-таки такую будто еще никогда не видалъ. Видно, въ глуши и трущобахъ водится такое, чего нѣтъ въ столицахъ.

Дмитрій не бралъ, конечно, въ расчетъ, что по милости отца и ревнивицы онъ при своихъ двадцати пяти годахъ видалъ женщинъ только издали, а близко сошелся лишь съ двумя: при жизни отца—съ нѣмочкой, глупой и рыжеватой, продававшей сливочное масло и простоквашу въ Большой Морской, а по смерти отца со своей сорокалѣтней ревнивицей, которая приказала любить себя. Какъ всѣ наивные и неопытные люди, онъ вдобавокъ не замѣчалъ или не понялъ, что эта красавица родственница съ первой же минуты поставила себѣ цѣлью увлечь его.

И Дмитрій дивился про себя, какъ быстро и сильно все сильнѣе съ каждымъ часомъ нравится ему эта родственница. Помимо ея прекраснаго лица, какихъ-то лучей въ лицѣ этомъ, будто освѣщаемомъ огнемъ чудныхъ глазъ, было въ ней еще что-то, для него обаятельное, чарующее... Это было — ея власть надъ нимъ, сразу возникшая, сразу сказавшаяся. Съ перваго же мгновенія покорила она и взяла его, а онъ отдался. Невидимо, непонятно, необъяснимо, но ощутительно для нихъ обоихъ.

Разумѣется, безхарактерный и увлекающійся молодой человѣкъ былъ бы способенъ даже бросить помыслы о богатой невѣстѣ и увезти отсюда жену... не Дарьюшку, а Сусанну. Но она, Сусанна, рѣшила иное... Она сразу увидѣла, что можетъ сдѣлать съ нимъ все, что захочетъ... И она рѣшила теперь, что онъ будетъ мужемъ Дарьюшки, а ей замѣнитъ покойнаго Алешу... А тамъ... послѣ?.. Авось они переживутъ «старую Киту!» А когда переживутъ, и онъ, Дмитрій, станетъ хозяиномъ Высоксы... тогда... тогда видно будетъ!..

V.

На слѣдующій день, сороковой день поминовенія усопшаго молодого барина, вся Высокса рано поднялась на ноги.

Всѣ заводы были закрыты. Въ домнѣ потушили громадныя печи, гдѣ пережигалась руда, и выливался, плавился чугунъ.

Въ десять часовъ около дюжины экипажей появились у подъѣзда—для барина «съ бариномъ», для двухъ барышень, для родни барина и для всѣхъ нахлѣбниковъ изъ дворянъ. И цѣлый поѣздъ двинулся въ храмъ, хотя до него было всего саженъ триста разстоянія...

Вокругъ храма была съ ранняго утра густая толпа крестьянъ и заводскихъ. Аникита Ильичъ въ открытой коляскѣ, выписанной изъ-за границы, сидя рядомъ съ племянникомъ, который былъ въ полной парадной формѣ, доѣхалъ отъ дома до церкви шагомъ, среди моря головъ, обнаженныхъ и кланяющихся при его проѣздѣ.

Служба длилась долго... Но все, что было въ церкви отъ барина Аникиты Ильича и до послѣдняго мальчишки рабочаго съ завода—смотрѣло не печально...

Что-то случилось...

Случилось то, что всѣ думали и были заняты мыслями не объ усопшемъ молодомъ баринѣ, а о новомъ молодомъ баринѣ. Всѣ чуяли, что одинъ замѣнилъ другого.

Заупокойная служба и вся обстановка въ храмѣ все было такъ же торжественно, какъ когда-то при похоронахъ.

Но къ торжественности этого сорокового дня примѣшалось нѣчто особенное, что всѣ ощущали. Не было печали, гореванія... Всѣ и все смотрѣло если не весело, то бодро, оживленнѣе, чѣмъ подобало... Довольный видъ стараго барина, должно быть, подѣйствовалъ на всѣхъ. А фигура красавца въ сіяющемъ мундирѣ, «племянникъ» барина подѣйствовали на толпу, какъ могло бы подѣйствовать какое либо нежданное чудо, «воочію» приключившееся.

Это первое появленіе Дмитрія при народѣ въ послѣдній день поминокъ по усопшемъ, замѣна одного молодого Басманъ-Басанова другимъ Басманъ-Басановымъ именно въ этотъ день, именно въ храмѣ—было замѣчено и суевѣрно истолковано всѣми отъ господъ до крестьянъ.

Дмитрій стоялъ около дяди. Господское мѣсто было за правымъ клиросомъ, на одну большую ступень выше пола, а возвышеніе было обнесено бѣлой съ позолотою балюстрадой, обитой свѣтло-зеленымъ сукномъ. На полу былъ разостланъ темный персидскій коверъ. Старый баринъ стоялъ всегда одинъ сзади своихъ и еще одной маленькой ступенькой выше ихъ, на особомъ коврикѣ и былъ поэтому видимъ всѣми чуть не по поясъ.

На этотъ разъ впереди мѣста стали, какъ всегда, двѣ барышни, одна высокая и стройная красавица, другая маленькая и невзрачная толстушка... Съ ними всегда бывало становился покойникъ Алексѣй. Теперь же не съ ними, а рядомъ съ дядей и ступенькой выше ихъ, стоялъ новоявленный Басановъ.

Что хотѣлъ этимъ сказать Аникита Ильичъ, его рабы поняли тотчасъ... Только намѣстника, въ его пріѣзды, ставилъ онъ около себя, да и то шутилъ потомъ:

— Приказать старостѣ господское мѣсто въ храмѣ уксусомъ съ мятой окурить, чтобы подьячимъ не отдавало!

Налѣво противъ этого мѣста было такое же возвышеніе, большее, обитое темнымъ сукномъ и огороженное темной балюстрадой, гдѣ становились только свойственники барина. За этимъ вторымъ возвышеніемъ въ глубинѣ церкви было третье, самое просторное, для нахлѣбниковъ дворянъ и для семьи Ильева. Такимъ образомъ Бобрищева и князь Никаевъ съ дѣтьми бывали и въ храмѣ отличены отъ простыхъ приживальщиковъ, хотя и дворянъ.

Но въ этотъ сороковой день случилось нѣчто особое... Если направо всѣхъ удивлялъ новый молодой баринъ, около стараго барина, то налѣво—была другая диковина... Вся семья Ильева, за исключеніемъ его самого, ушедшаго на богомолье, его жена и сестра, его два сына, Егоръ и Михайло, и двѣ дочери, Алла и Лукерья... впервые стали на этомъ мѣстѣ съ его свойственниками. Баринъ наканунѣ приказалъ... Призналъ ли наконецъ Аникита Ильичъ своихъ «боковыхъ» за настоящую родню? Или иное что приключилось?.. Одна Сусанна, изумленная, догадалась и мысленно пошутила:

— Неужели Алла Васильевна на это мѣсто со всей семьей пришла... по винтушкѣ!

Наконецъ, уже предъ полуднемъ всѣ вернулись изъ храма, но не разошлись по своимъ комнатамъ. Одинъ лишь баринъ прошелъ къ себѣ на верхъ подписать двѣ спѣшныя бумаги, одну въ Петербургъ, другую въ Нижній-Новгородъ богачу купцу. Онъ начиналъ съ нимъ «большое дѣло»—поставку чугуна и листового желѣза въ цѣлый край, пріобрѣтенный и созданный великой царицей—въ Новороссію.

Всѣ понемногу собирались въ большой залъ, гдѣ уже былъ накрытъ длинный столъ «покоемъ» человѣкъ на сто... Это была поминальная сороковая трапеза по усопшемъ. Ради этого особаго случая не только всѣ приживальщики изъ мѣщанъ, никогда не допускавшіеся за барскій столъ, но даже нѣкоторыя личности, не смѣвшія садиться при баринѣ, его крѣпостные люди, были сегодня позваны къ столу помянуть раба Божія Алексѣя.

Поэтому Барабановъ съ двумя своими главными «коллежскими товарищами» и завѣдующій канцеляріей Пастуховъ, а съ нимъ и оберъ-рунтъ Денисъ Ивановичъ Змглодъ и многіе другіе, никогда не бывавшіе за столомъ барина, какъ Анна Фавстовна, няня Дарьюшки—Матвѣевна, и наконецъ дьячки и пономари обѣихъ высокскихъ церквей, даже просвирня, даже случайно, въ очередь, дежурившій въ этотъ день «дюжинный» простой дворовой... всѣ попали за барскій столъ.

— День изрядный въ семьѣ моей,—сказалъ наканунѣ Аникита Ильичъ.—И на сей день всѣ мы яко бы станемъ равны предъ лицемъ людей, какъ по священному писанію мы всѣ равны предъ лицомъ Господа!..

Разумѣется, всѣ, никогда не бывавшіе за столомъ барина, должны были размѣститься на двухъ концахъ «покоя» и, конечно, не дерзать разговаривать промежъ себя. Ровно въ полдень залъ уже былъ полонъ, и явившіеся ожидали появленія господъ, держась отдѣльными кучками...

Семья князя Никаева или майоръ Константиновъ или старыя дѣвицы Тотолмины, какъ дворянки, и даже Ильевы, какъ побочные родственники, не могли здѣсь мѣшаться съ семьей крѣпостного Барабанова, а тѣмъ паче съ нѣкоторыми другими приглашенными и допущенными... Только одна Угрюмова въ качествѣ чиновницы и любимицы барышни стояла около Бобрищевой, самой гордой изъ всѣхъ приживалокъ. Она гордилась и своимъ древнимъ родомъ и тѣмъ, что ея сестра, хотя и была «отвергнута» мужемъ и пострижена, а все-таки была когда-то барыней хозяйкой въ Высоксѣ.

Густая толпа собралась на площади между домомъ, коллегіей и домной; здѣсь всѣмъ предполагалось подносить стаканъ вина и кусокъ пирога.

Около половины перваго мальчуганъ Фунька пронесся стрѣлой съ верху во второй этажъ, чуть не сбивая съ ногъ сновавшихъ гостей и служителей. Забѣжавъ въ комнаты барышни, гдѣ сидѣли въ ожиданіи и Дмитрій и Дарьюшка, онъ шепнулъ съ порога:

— Баринъ!

Но этотъ обычный Фунькинъ шопотъ можно было, казалось, разслышать за версту. А въ залѣ одно его молніевидное появленіе уже сказало: «баринъ», и заставило всѣхъ оправиться... даже духовенство.

Новый высокскій гость и обѣ барышни вышли въ залъ. Сусанна подошла говорить съ Бобрищевой, а Дмитрій удивилъ всѣхъ, подойдя подъ благословеніе не только отца Гавріила, но равно и «проволочнаго батьки» отца Григорія.

Минутъ чрезъ пять появился самъ баринъ... Всѣ сѣли за столъ. Поминальный обѣдъ начался тихо... Никто почти не разговаривалъ или обмѣнивался двумя-тремя словами въ полголоса и даже шепотомъ... Слышался только легкій лязгъ приборовъ о посуду, да мягкіе спѣшные шаги служившихъ лакеевъ.

Въ половинѣ обѣда люди розлили всѣмъ венгерское и донское, смотря кому... По знаку Аникиты Ильича все духовенство, священники, дьяконы, дьячки и пономари, сидѣвшіе вмѣстѣ, но по старшинству на лѣвой половинѣ «покоя», всѣ сразу поднялись съ мѣстъ... Въ ту же минуту изъ дверей показались шеренгой по два въ рядъ пѣвчіе... Они прошли и выстроились за духовенствомъ...

По второму знаку барина, всѣ безъ исключенія, но кромѣ Дмитрія и двухъ барышень, тоже поднялись и стали у стола. Оглянувъ стоящихъ съ своего мѣста и какъ бы удостовѣряясь, что все въ порядкѣ, Аникита Ильичъ взялъ въ руки бокалъ съ венгерскимъ,

и всѣ послѣдовали его примѣру. Снова окинувъ столъ, суровымъ взоромъ старикъ глянулъ на Дмитрія, Сусанну и дочь... Когда они встали, онъ не спѣша послѣдовалъ ихъ примѣру. Въ залѣ воцарилась мертвая тишина. Всѣ были на ногахъ, кругомъ стола съ бокалами въ рукахъ. Служившіе люди тоже стали смирно тамъ и такъ, какъ были застигнуты, кто съ блюдомъ, кто съ бутылкой или приборомъ... Аникита Ильичъ произнесъ торжественно:

— Упокой Господи душу раба твоего, болярина Алексѣя.

Дарьюшка заплакала и тотчасъ разрыдалась, но никто этого не замѣтилъ, ибо не слыхалъ, такъ какъ сразу звучно и громогласно грянулъ хоръ пѣвчихъ, которому вторило и духовенство, а равно и всѣ присутствующіе, кромѣ женщинъ. Аникита Ильичъ пѣлъ сурово и фальшиво, но зато громко, пересиливая иногда самого Тараса, заливавшагося соловьемъ.

«Со Святыми упокой» огласило весь домъ, а чрезъ отворенныя окна долетѣло и до улицы, гдѣ толпа стоящаго народа поснимала шапки и начала креститься. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, всѣ искренно въ эту минуту поминали мысленно молодого барина, котораго любили... Въ домѣ одна «маленькая» барышня плакала по братѣ. Самъ баринъ былъ только хмуръ. Зато барышня очевидно думала о другомъ. Покуда гремѣлъ хоръ, она два раза посмотрѣла и перевела глаза съ одного лица на другое... Съ пѣвчаго, стоявшаго впереди другихъ, около регента, на молодого гусара, стоявшаго около нея... и съ него, Дмитрія, снова на Тараса...

Затѣмъ она едва замѣтно улыбнулась и подумала:

— Спасибо, не поспѣшила... А запоздай онъ... Было бы теперь... Бѣда не бѣда, а глупство!

Хоръ смолкъ, и всѣ отпили изъ бокаловъ. И среди снова наступившей тишины снова раздался суровый голосъ барина.

— И сотвори ему вѣчную память!—протянулъ Аникита Ильичъ...

— «Вѣчная память, Вѣ-чна-ая па-а-мять»...—подхватилъ и повторялъ хоръ пѣвчихъ уже безъ вторы присутствующихъ, и тянулъ концертомъ, на всѣ лады съ переливами, то едва слышно, то гремя на весь домъ.

Затѣмъ всѣ снова сѣли за столъ, и подъ вліяніемъ ли крѣпкаго, быть можетъ, столѣтняго напитка «изъ запаса Саввы Ильича» или по примѣру самого барина столъ оживился, бесѣда завязалась всюду, кромѣ концевъ «покоя», гдѣ заранѣе было указано «знать честь».

Однако и на концѣ праваго крыла обѣденнаго стола былъ нарушенъ приказъ барина. Оберъ-рунтъ, уже давно глядѣвшій чрезъ столъ на Аллу Ильеву, вдругъ сказалъ что-то... Аникита Ильичъ услыхалъ его голосъ и, обернувшись въ его сторону, грозно поглядѣлъ на него, а потомъ по направленію его взгляда.

Змглодъ глядѣлъ на Аллиньку... И странными глазами глядѣлъ

онъ!.. Никогда Аникита Ильичъ не замѣчалъ у своего полицмейстера такого выраженія и лица и взора... И что-то будто кольнуло старика... Онъ и удивился и озлобился.

— Краше въ гробъ кладутъ, — вдругъ достигли до его слуха повторенныя Змглодомъ слова.

— Молчать!—грозно раздалось на всю залу. Всѣ встрепенулись и двинулись... Протопопъ отецъ Гавріилъ, несшій въ ротъ кусокъ судака, вздрогнулъ и выронилъ вилку на тарелку. Бесѣдовавшіе, принявъ въ первое мгновеніе это восклицаніе барина всякій на себя и убѣдясь, что оно относится къ «Туркѣ», оправились и вздохнули свободнѣе...

Но все смолкнувшее все-таки притихло совсѣмъ, такъ какъ лице барина стало другое, чѣмъ за минуту назадъ, когда онъ подпѣвалъ пѣвчимъ и духовенству.

Лице же Дениса Ивановича, на которое всѣ невольно глянули, не стало смущеннѣе или смиреннѣе... Напротивъ, Змглодъ озлобленно исподлобья глядѣлъ на всѣхъ.

Между тѣмъ, Аникита Ильичъ старался овладѣть собой, тѣмъ волненіемъ, которое сказалось въ немъ, и отъ страннаго взгляда Змглода на Аллу и глупыхъ словъ его. И безъ того для старика заплаканное лице глупой дѣвочки было занозой въ сердцѣ. А этотъ «Турка» нашелъ время сказать свои дурацкія слова? И какъ глядѣлъ онъ на нее... Въ старикѣ будто противъ воли проснулось чутье, и закопошилось какое-то чувство, ему почти незнакомое... Ревность?!. Къ своему рабу? Къ хаму?!. Хотя и вольному, не русскому даже подданному, но все-таки его рабу... котораго, если онъ захочетъ, то можетъ тотчасъ стереть съ лица земли...

И только подъ конецъ обѣда вполнѣ успокоился старикъ и снова, милостиво оглядывая столъ и гостей, привѣтливо разговаривалъ съ Дмитріемъ. Наконецъ всѣ поднялись и откланялись барину. Близкіе прошли за нимъ въ Китайскую гостиную. Здѣсь говоръ и оживленіе усилились.

Конечно, въ эту Китайскую были допущены только родня и нахлѣбники дворяне.

Дмитрій хотѣлъ было тотчасъ же сѣсть около Сусанны, но она тихо шепнула ему.

— Дмитрій Андреевичъ, обойдитесь ласково съ нашими старухами, да, пожалуй, со всѣми приживающими. Они васъ всѣ превознесутъ за ласку, а молодому человѣку оно на пользу.

Разумѣется, Дмитрій тотчасъ исполнилъ совѣтъ, какъ приказаніе, и отправился любезничать со всѣми, переходя по очереди отъ одного къ другому. Бобрищева и докторъ Веніусъ были тотчасъ очарованы имъ. Двѣ старыя дѣвицы, Клавдія и Людмила Саввишны Тотолмины, были совершенно околдованы. Только Ильевы и Никаевы не растаяли отъ любезностей офицера. Алла глядѣла на него равнодушно и, какъ

бывало всегда за послѣднее время, уныло... Что касается до молодого князя Давыда Никаева, то онъ отнесся къ новоявленному Басманъ-Басанову вполнѣ непріязненно.

Молодой человѣкъ, красивый брюнетъ съ пробивающимся чернымъ пушкомъ на губѣ и подбородкѣ, не начавшій еще бриться по дворянскому обычаю, былъ странный малый, простоватый на видъ, а въ дѣйствительности очень умный, отчасти лукавый и скрытный и далеко не робкій... Онъ не стѣсняясь показывалъ теперь Дарьюшкѣ, сидѣвшей около Сусанны на диванѣ, что ему этотъ новый любимецъ ея отца — не указъ.

Однако, молодой человѣкъ былъ сильно смущенъ за эти два дня... Уже давно глухо, боязливо, намеками, а все-таки бѣгала молва въ Высоксѣ, что Аникита Ильичъ не прочь бы женить Давыда на своей дочери, испросивъ на это, конечно, разрѣшеніе святѣйшаго синода. При жизни Алексѣя это было неважнымъ событіемъ, но когда Дарьюшка вдругъ стала единственной наслѣдницей всего состоянія, ея замужество за князя Никаева стало вопросомъ первѣйшей важности.

— Стало быть, мы и все будетъ въ рукахъ у «Давыдки»,—думалось всѣмъ въ Высоксѣ.

И со дня смерти Алексѣя молодой человѣкъ сталъ сдержаннѣе, горделивѣе, сталъ мечтать... что вотъ не нынче-завтра Аникита Ильичъ призоветъ его на верхъ... И вдругъ, какъ снѣгъ на голову, или вѣрнѣе какъ бы громъ грянулъ съ небесъ на голову Давыда... Явился офицеръ, родственникъ, красавецъ, и очаровалъ и Аникиту Ильича, и Сусанну Юрьевну, и всѣхъ... А эти всѣ стали на него, Давыда, поглядывать совсѣмъ иначе, даже, казалось, ухмыляются насмѣшливо.

Дмитрій замѣтилъ въ юномъ князѣ какую-то сухость въ обращеніи, удивился, а потомъ догадался. «Эхъ, голубчикъ,—подумалъ онъ.—Не сталъ бы я, право, отбивать у тебя твою карлицу, если бы вотъ «она» одно словечко сказала»...

Она была, конечно, Сусанна.

И Дмитрій самъ былъ озадаченъ собственными помыслами и ощущеніями. Не минуло еще двухъ сутокъ, что онъ былъ въ Высоксѣ, только три раза бесѣдовалъ онъ съ Сусанной и уже очутился въ полной ея власти...

— Что за притча?!—тревожно спрашивалъ онъ самъ себя.—Ужъ больно скоро она меня окрутила.

И трудно было бы рѣшить, что именно было причиной...

Басановъ, Андрей Ивановичъ, и затѣмъ пожилая ревнивица-сожительница, нѣсколько лѣтъ отстранявшіе молодого человѣка отъ всѣхъ женщинъ, были что-ль виновны? Не только красавицъ писаныхъ, но и просто молодыхъ женщинъ видалъ онъ только издали и о чарахъ кокетства понятія не имѣлъ.

Или же Сусанна Юрьевна была и впрямь, какъ выразился про нее докторъ Веніусъ, «жемчужина въ навозѣ»? Не даромъ же петербургскій баловень судьбы графъ Мамонинъ влюбился въ нее когда-то и, если бы она не сдалась опрометчиво, то, можетъ быть, и женился бы на ней. А здѣсь, въ Высоксѣ, кто могъ сказать ей: «что она? какая ей цѣна?» Побывай она въ столицахъ и въ высшемъ обществѣ, то, быть можетъ, сама бы узнала правду и ахнула... Ахнула бы такъ же, какъ «Царевна Красота» въ сказкѣ, когда увидѣла въ ручьѣ диво дивное, а затѣмъ узнала, что диво это — она же!

Разумѣется, иногда подобныя мысли приходили въ голову Санны. Изрѣдка гости въ Высоксѣ укрѣпляли въ ней убѣжденіе, что она жемчужина, зарытая въ землю, затерянная, видимая и оцѣниваемая людьми... одной Высоксы.

Одинъ гостившій у нихъ морякъ, пріѣзжавшій съ казеннымъ заказомъ, человѣкъ еще молодой, но путешествовавшій кругомъ свѣта, увѣрялъ ее, что, на его глаза, она самая красивая женщина изъ всѣхъ, какихъ онъ видалъ... И онъ говорилъ это просто, спокойно, холодно... Онъ же сказалъ, что она «подобна лицемъ и повадкою баядеркамъ». А что такое «баядерка», онъ разъяснилъ туманно...

Дмитрій теперь находилъ тоже, что въ Сусаннѣ есть что-то особенное, неуловимое и невыразимое, помимо красоты. Онъ находилъ и въ лицѣ ея и во всемъ тѣлѣ ту диковинную особенность, что она кажется всегда не то сонной, не то усталой, не то облѣнившейся... покуда не глянешь ей въ глаза!.. Въ чудныхъ глазахъ горитъ такой огонь, пышетъ такое пламя, что эта лѣнь всего тѣла только пуще дивитъ, но колдуетъ, чаруетъ, манитъ...

И это было вѣрно...

Высокая, стройная, но немного узкая въ плечахъ, Санна двигалась и ходила медленно, плавно, но слегка раскачиваясь, будто отъ лѣни или устали. Она никогда не садилась, какъ всѣ, а безсильно опускалась, опираясь, полулежа, на столъ или мебель, или опрокидывалась на спинку сидѣнья, какъ разслабленная... Но взоръ при этомъ горѣлъ, вспыхивалъ, сверкалъ... А если на мгновеніе взоръ потухалъ, когда она глубоко задумывалась, то еще ярче и пламеннѣе зажигаясь, опять жегъ и человѣка, говоря ему... говоря то, чего словами не передать!.. И теперь каждый разъ, что Сусанна полулежа въ креслѣ или на диванѣ, взглядывала такъ на Дмитрія, онъ начиналъ волноваться и мысленно повторялъ:

— Чудно это? Мурашки по спинѣ бѣгаютъ отъ нея!

Иногда же онъ будто читалъ въ ея глазахъ такъ ясно, какъ если-бъ она сама говорила:

— Какъ знаешь... За тобой дѣло...

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Графъ Саліасъ.

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ [1].

(1766—1820).

IX.

Устройство Александровскаго дворца въ Царскомъ Селѣ для великаго князя Александра Павловича. — Заботы о великомъ князѣ императрицы Екатерины.—Жизнь при дворѣ.—Посѣщеніе великокняжеской четы императрицей.—Немилость великаго князя Александра къ гр. Головиной. — Скорбь великой княгини.—Княгиня Радзивилъ.—Рожденіе великаго князя Николая Павловича.—Гнѣвъ Екатерины на великаго князя Константина Павловича.—Слабость здоровья императрицы, ея предчувствія близкой кончины.

ВЕЛИКІЙ князь Александръ Павловичъ со своимъ дворомъ переѣхалъ 12-го іюня въ Александровскій дворецъ, выстроенный императрицей для своего внука. Онъ былъ очень красивъ и расположенъ передъ большимъ правильнымъ садомъ, примыкавшимъ къ англійскому саду. Подъ окнами великой княгини находился цвѣтникъ, окруженный желѣзной рѣшеткой съ калиткой, черезъ которую она входила въ свои аппартаменты. Нѣсколькими днями раньше переѣзда императрица подозвала меня (это было на одномъ изъ маленькихъ воскресныхъ баловъ) и сказала: «Будьте добры сказать вашему мужу, чтобы онъ размѣстилъ мебель въ Александровскомъ дворцѣ: онъ совершенно готовъ. Я желала бы уже видѣть великаго князя устроеннымъ со всѣмъ его дворомъ въ новомъ помѣщеніи. Выбе-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXV, стр. 801.

рите для себя аппартаментъ, который найдете наиболѣе пріятнымъ и наиболѣе близкимъ къ великой княгинѣ Елисаветѣ. Надѣюсь, что она мною довольна; я дѣлаю все возможное, чтобы ей понравиться; я ей отдала самаго красиваго молодого человѣка во всей имперіи». Ея величество остановилась на минуту и затѣмъ прибавила: «Вы видите ихъ постоянно; скажите мнѣ, дѣйствительно ли они любятъ другъ друга, и довольны ли они другъ другомъ». Я отвѣтила истинную правду, что они казались счастливыми: тогда они еще были счастливы, сколько могли. Императрица положила свою прекрасную руку на мою и сказала съ волненіемъ, растрогавшимъ меня: «Я знаю, графиня, что вы не созданы для разрушенія семейнаго счастія. Я все видѣла, я знаю больше, чѣмъ это думаютъ; поэтому мое благоволеніе къ вамъ неизмѣнно». «Ваше величество,—отвѣтила я,—то, что вы мнѣ сейчасъ сказали, дороже для меня всѣхъ драгоцѣнностей міра, и я клянусь всю свою жизнь употребить на то, чтобы заслужить это мнѣніе, которое для меня дороже жизни». Я поцѣловала ея руку, а она встала, говоря: «Я оставляю васъ, мы слишкомъ хорошо понимаемъ другъ друга, чтобы устраивать изъ этого зрѣлище». Князь Алексѣй Куракинъ [1]), стоявшій напротивъ насъ во время этого разговора, подошелъ пригласить меня на польскій. «Ясно, кузина, что къ вамъ милостиво относятся», сказалъ онъ. Я ничего не отвѣчала: я была такъ растрогана, что съ трудомъ понимала, что онъ мнѣ говорилъ. Я передала моему мужу приказъ ея величества, онъ сейчасъ же распорядился все устроить. Черезъ три дня мы уже были въ нашемъ новомъ жилищѣ.

Я позволяю себѣ помѣстить здѣсь одно размышленіе. Клеветникамъ удалось убѣдить нѣсколькихъ презрѣнныхъ людей, способныхъ повѣрить злу, что императрица Екатерина поощряла страсть Зубова къ великой княгинѣ Елисаветѣ... Разговоръ, приведенный мною и происходившій 9-го іюня 1796 года, мнѣ кажется достаточнымъ, чтобы опровергнуть эту ужасную ложь. Я скажу больше: императрица сама говорила съ Зубовымъ въ концѣ 1795 года по поводу его недостойнаго чувства къ великой княгинѣ и заставила его всецѣло измѣнить свое поведеніе. Когда мы вернулись въ Царское Село, не было и помину ни о прогулкахъ, ни о взглядахъ, ни о вздохахъ. Графиня Шувалова осталась на нѣкоторое время въ праздности. Мы ее называли тогда impressario in Augustino (директоръ въ замѣшательствѣ) — названіе одной комической оперы Чимарозы.

---

[1]) Кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ (род. 1759, † 1829), впослѣдствіи генералъ-прокуроръ при Павлѣ и министръ внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ I. Подобно брату своему, кн. Александру Борисовичу, онъ находился въ опалѣ, какъ племянникъ Никиты Ив. Панина, пользовавшійся расположеніемъ великаго князя Павла Петровича.

Великій князь и великая княгиня были очень довольны своимъ дворцомъ; мои аппартаменты были надъ аппартаментами великой княгини и, находясь посреди зданія, выдавались полукругомъ. Она могла разговаривать со мной, стоя у послѣдняго окна передъ угломъ. Однажды послѣ обѣда мы забавлялись этимъ, она сидѣла у своего окна, а я у своего, и мы долго бесѣдовали. Въ это время великій князь и мой мужъ играли на скрипкѣ въ моей гостиной. Тогда между всѣми нами еще господствовала гармонія. Черезъ нѣсколько недѣль картина перемѣнилась: великій князь сталъ неразлученъ со своими новыми друзьями; великая княгиня Анна каждое утро приходила за великой княгиней Елисаветой, чтобы идти гулять въ садъ. Я гуляла съ графиней Толстой, аппартаменты которой были рядомъ съ моими; она получила въ этомъ году разрѣшеніе бывать на вечерахъ у императрицы. Великій князь становился съ каждымъ днемъ все холоднѣе ко мнѣ, князья Чарторыйскіе почти не посѣщали меня, чувства князя Адама занимали всѣхъ, но братъ Константинъ влюбился въ великую княгиню Анну, которой онъ нравился. Эта смѣсь кокетства, романовъ и заблужденій ставили великую княгиню Елисавету въ ужасное и затруднительное положеніе: она замѣчала перемѣну въ своемъ мужѣ, ей приходилось каждый вечеръ встрѣчать въ своемъ домѣ человѣка, повидимому, любившаго ее, что, казалось, поощрялъ великій князь, доставлявшій ему случай видѣть великую княгиню.

Императрица объявила ихъ императорскимъ высочествамъ, что она послѣ обѣда посѣтитъ ихъ въ новомъ жилищѣ. Прекрасный дессертъ былъ приготовленъ въ колоннадѣ, представлявшей нѣчто въ родѣ открытой гостиной, со стороны сада ограниченной двумя рядами колоннъ. Съ этого мѣста открывается обширный и красивый видъ. Затѣмъ вошли во внутренніе аппартаменты, императрица сѣла между великой княгиней и мной и сказала: «Я прошу вашего разрѣшенія, ваше высочество, показать этимъ господамъ ваши комнаты». Такъ какъ это было въ воскресенье, то было много придворныхъ лицъ, между прочимъ, вицеканцлеръ, графъ Остерманъ, и графъ Морковъ. Великая княгиня кивнула головой и сдѣлала мнѣ знакъ, такъ что я поняла, что она чѣмъ-то смущена. Она наклонилась за спиной императрицы и сказала мнѣ: «Книга на туалетномъ столѣ». Я сразу поняла, что надо было скрыть отъ глазъ общества томъ «Новой Элоизы», который графиня Шувалова одолжила обѣимъ великимъ княгинямъ. Наканунѣ этого дня великая княгиня призвала меня къ себѣ утромъ, у насъ былъ интересный разговоръ въ ея кабинетѣ, затѣмъ она меня повела въ свою уборную, гдѣ я нашла эту книгу, по поводу которой я осмѣлилась ей сдѣлать нѣсколько замѣчаній, выслушанныхъ ею съ обычной милостью. Я легко поняла, чего она желала, и не задумываясь попросила у ея величества разрѣшенія показать, какъ привратница, покои ея высочества этимъ

господамъ. Императрица нашла это удобнымъ; я отправилась съ быстротой молніи, опередила общество и спрятала книгу. Въ этотъ вечеръ я получила большое удовлетвореніе. Великая княгиня за дессертомъ сообщила мнѣ отрывокъ изъ письма принцессы ея матери, которая говорила мнѣ самыя любезныя вещи.

Каждый день, казалось, влекъ за собой новыя опасности; я очень страдала изъ-за всего того, чему подвергалась великая княгиня. Помѣщаясь подъ нею, я видѣла, какъ она входила и выходила, такъ же, какъ и великаго князя, постоянно приводившаго съ собой къ ужину князя Чарторыйскаго. Одинъ Богъ читалъ въ моей душѣ. Однажды, болѣе обыкновеннаго мучимая всѣмъ тѣмъ, что происходило у меня на глазахъ, я вернулась послѣ вечера у императрицы, перемѣнила платье и сѣла у окна, находившагося надъ окномъ великой княгини. Высунувъ свою голову, насколько только могла, я замѣтила кусочекъ бѣлаго платья великой княгини, освѣщеннаго луной, лучи которой проникали въ наши комнаты. Я видѣла уже, какъ вернулся великій князь съ своимъ другомъ, и предположила, что великая княгиня одна въ своемъ кабинетѣ.—Я набросила косынку на плечи и спустилась въ садъ. Подойдя къ рѣшеткѣ цвѣтника, я увидѣла ее одну, погруженную въ грустныя размышленія. «Вы одни, ваше высочество?»—спросила я ее. «Я предпочитаю быть одной, — отвѣчала она,—чѣмъ ужинать наединѣ съ княземъ Чарторыйскимъ. Великій князь заснулъ на диванѣ, а я убѣжала къ себѣ и вотъ предаюсь своимъ невеселымъ мыслямъ». Я страдала отъ невозможности быть возлѣ нея съ правомъ не оставлять ея и входить въ ея комнату. Мы бесѣдовали больше четверти часа, послѣ чего я вернулась къ своему окошку. Я начинала становиться настоящей помѣхой великому князю; онъ зналъ мои чувства и былъ убѣжденъ, что они не похожи на его собственныя. Князь Чарторыйскій съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ великій князь ставилъ препятствія для моихъ сношеній съ великой княгиней. Онъ зналъ прекрасно, что я не способна ему служить, и потому очень старался меня поссорить съ великимъ княземъ.

Мой мужъ осмѣлился сдѣлать ему представленіе о его поведеніи и о томъ вредѣ, который онъ дѣлалъ для репутаціи своей жены. Это только еще болѣе раздражило противъ меня, и я приняла рѣшеніе молчать и страдать молча.

Однажды, утромъ, я сидѣла за клавесиномъ съ графиней Толстой, когда услышала, какъ тихо отворилась дверь, и вошла, или, лучше сказать, влетѣла въ комнату великая княгиня. Она взяла меня за руку, повела въ мою спальню, заперла дверь на ключъ и бросилась въ мои объятья, заливаясь слезами. Я не могу передать, что происходило со мной. Она собиралась сказать мнѣ, какъ постучали въ дверь, крича, что пріѣхала моя мать изъ деревни меня навѣстить. Великая княгиня была очень огорчена этой помѣхой и

сказала мнѣ слово, котораго я никогда не забуду; затѣмъ она отерла свои слезы, вошла въ гостиную и была очень привѣтлива съ моей матерью, налила ей чай и сдѣлала видъ, что пришла нарочно, чтобы предложить ей завтракъ. Таковъ уже былъ тогда ангельскій характеръ этой государыни, несмотря на ея молодые годы; ея нѣжность скромно скрывала ея собственныя чувства, если они могли опечалить другихъ, ея доброта всегда брала верхъ.

Въ Царское Село пріѣхала полька, княгиня Радзивилъ. Она была представлена императрицѣ, принявшей ее очень хорошо, но не давшей ей ничего изъ того, что она просила. Между тѣмъ ея просьбы были скромны; она хотѣла быть опекуншею одного молодого князя Радзивила, на что она не имѣла никакого права, — для того, чтобы завладѣть его состояніемъ и желала, получить портретъ, т. е. быть назначенной статсъ-дамой. Несмотря на свои 50 лѣтъ, она сохранила еще свою свѣжесть, любовь къ искусствамъ, о которыхъ она высказывала оригинальные взгляды; она была очень занимательна въ обществѣ, имѣла добродушный видъ, что повело къ тому, что всѣ были съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ. Пресмыкаясь и низкопоклонствуя при дворѣ, она приправляла свои манеры и рѣчи оригинальностью, дѣлающей ихъ менѣе непріятными, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ. Я не буду говорить объ ея нравахъ, слишкомъ хорошо извѣстныхъ, она пренебрегала всѣми приличіями по желанію и по влеченію и говорила, что ея мужъ, какъ страусъ, воспитываетъ чужихъ дѣтей. Императрица иногда забавлялась ея остротами и ея восторженностью, но ее часто утомляли ея низости. Я помню, что однажды на собраніи въ колоннадѣ она зашла такъ далеко въ своей низости, что ея величеству было не пріятно, и она даже дала ей косвенно урокъ, обращаясь къ англійской левреткѣ, подаренной ей герцогиней Нассауской. Эта маленькая красивая собачка очень пресмыкалась, но ревновала другихъ собакъ. Ее звали Панья, что по-польски значитъ госпожа. «Послушай, Панья,— сказала ей императрица,— ты знаешь, что я тебя всегда отталкивала, когда ты пресмыкаешься: вѣдь я не люблю низости». Княгиня Радзивилъ привезла съ собой одну изъ своихъ дочерей, прелестную личность, совсѣмъ на нее не походившую; это былъ воплощенный разумъ и кротость. Императрица дала ей фрейлинскій шифръ, а ея двухъ братьевъ назначила камеръ-юнкерами. Она была очень слабаго здоровья и умерла въ Петербургѣ послѣ короткой болѣзни, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти ея величества. Въ бреду она безпрестанно говорила, что императрица ее зоветъ. Я пошла къ ея матери, думая найти ее въ отчаяніи, но она не высказала сожалѣнія, и состраданіе, которое я могла ей высказать, было напрасно; мнѣ осталось только пожалѣть, что я не увижу больше Христины, заслуживавшей лучшей матери.

25-го іюня, меня разбудили въ 5 часовъ утра пушечные вы-

стрѣлы, объявлявшіе о разрѣшеніи отъ бремени великой княгини Маріи Ѳеодоровны сыномъ, названнымъ Николаемъ. Она разрѣшилась въ Царскомъ Селѣ, императрица ухаживала за ней всю ночь и была преисполнена радости отъ рожденія еще одного внука. Черезъ недѣлю было назначено крещеніе, и великій князь Александръ былъ воспріемникомъ своего брата.

Черезъ нѣкоторое время случилось происшествіе, очень огорчившее ея величество. На одномъ изъ воскресныхъ баловъ воспитательница молодыхъ великихъ княженъ, Ливенъ, попросила разрѣшенія у императрицы поговорить съ ней. Императрица усадила ее возлѣ себя, и Ливенъ сообщила ей о поступкѣ великаго князя Константина съ однимъ гусаромъ, съ которымъ онъ очень жестоко обошелся. Этотъ жестокій поступокъ былъ совершенною новостью для императрицы; она сейчасъ же призвала своего довѣреннаго камердинера и приказала ему собрать всевозможныя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи. Онъ вернулся съ подтвержденіемъ доклада Ливенъ. Ея величество была такъ огорчена, что чуть не заболѣла; я узнала потомъ, что когда она вернулась въ свою комнату, съ ней сдѣлалось нѣчто въ родѣ удара. Она написала великому князю Павлу о всемъ случившемся, прося его наказать сына, что онъ и исполнилъ со всей строгостью, но не такъ, какъ бы слѣдовало. Затѣмъ императрица велѣла посадить его подъ арестъ.

Слѣдующее воскресенье, не чувствуя себя еще вполнѣ хорошо, императрица приказала великому князю Александру дать у себя балъ. Этотъ балъ мнѣ показался грустнымъ до невозможности. Нездоровье императрицы безпокоило меня въ глубинѣ души, у меня были тяжелыя предчувствія, которыя, къ несчастію, слишкомъ скоро оправдались. Пригласили великую княгиню Анну, которую ни за что не хотѣлъ пустить изъ дому великій князь Константинъ. Она не пробыла и получаса на балу, какъ онъ прислалъ за нею, и она уѣхала, едва удерживая слезы.

Новые проекты и новыя надежды занимали общество: говорили о бракѣ великой княжны Александры со шведскимъ королемъ. Однажды вечеромъ императрица подошла ко мнѣ и сказала: «Знаете ли, что я занята устройствомъ судьбы моей внучки Александры и хочу ее выдать за графа Шереметева» [1]). «Я слышала

---

[1]) Шереметевъ, графъ Николай Петровичъ (р. 1751 г., † 1809 г.), впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, шефъ пажескаго корпуса, одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей того времени. Въ 1796 году Шереметеву было 45 лѣтъ. Впослѣдствіи онъ женился на крѣпостной своей артисткѣ, Прасковьѣ Ивановнѣ Ковалевской († 1803 г.), отличавшейся выдающимися душевными качествами, и бракъ этотъ былъ признанъ императоромъ Александромъ. Послѣ смерти Прасковьи Ивановны, Шереметевъ, въ память ея, основалъ шереметевскій странноприимный домъ въ Москвѣ.

объ этомъ, ваше величество, — отвѣтила я, — но говорятъ, что родные не согласны». Этотъ отвѣтъ ее очень позабавилъ.

Хотя казалось, что ея величество совершенно поправилась, она все же жаловалась на боль въ ногахъ. Однажды, въ воскресенье, между обѣдней и обѣдомъ, она взяла меня за руку и подвела къ окну, выходившему въ садъ. «Я хочу, — сказала она, — построить здѣсь арку, соединенную съ залами колоннады, и воздвигнуть на немъ часовню; это бы избавило меня отъ того длиннаго путешествія, которое мнѣ приходится дѣлать, чтобы выслушать обѣдню. Когда я подхожу къ амвону, у меня уже нѣтъ силъ держаться на ногахъ. Если я скоро умру, я увѣрена, васъ это очень опечалитъ». Эти слова императрицы произвели на меня непонятное впечатлѣніе, слезы оросили мое лицо. Ея величество продолжала: «Я знаю, что вы меня любите. Я васъ тоже люблю, успокойтесь». Она меня быстро оставила, она была растрогана. Я стояла, прижавшись лицомъ къ стеклу и заглушая рыданія.

Мнѣ казалось, что дни летѣли; я испытывала бо̀льшую грусть, чѣмъ всегда, покидая Царское Село. Въ глубинѣ души мнѣ чудился голосъ, говорившій: Ты провела здѣсь лѣто въ послѣдній разъ. За нѣсколько дней до отъѣзда, великая княгиня Елисавета попросила у меня прощальную записку. Я никогда не могла понять мотива этой просьбы, но это еще болѣе омрачило мои мысли. Все, казалось, готовилось къ грустному концу. Я повиновалась ей, а она дала мнѣ въ обмѣнъ тоже записку, которую я храню до сихъ поръ.

X.

Пріѣздъ въ Петербургъ шведскаго короля Густава IV. — Герцогъ Зюдерманландскій. — Деликатность императрицы. — Празднества въ Петербургѣ и переговоры о бракѣ Густава IV съ великой княжной Александрой Павловной. — Переписка императрицы съ Густавомъ и его поведеніе. — Настроеніе духа императрицы и ея нездоровье. — Мрачныя предчувствія графини Головиной. — Кончина императрицы Екатерины.

По возвращеніи въ городъ, начали говорить вслухъ о пріѣздѣ шведскаго короля и готовились къ праздникамъ и удовольствіямъ, смѣнившимся похоронами и слезами.

Король пріѣхалъ черезъ нѣкоторое время послѣ возвращенія двора въ городъ. Онъ носилъ имя графа Гага и жилъ у своего посла, барона Стединга. Его первое свиданіе съ императрицей было очень интереснымъ; она его нашла такимъ, какимъ желала найти. Мы были представлены королю въ Эрмитажѣ. Выходъ ихъ величествъ былъ замѣчателенъ: они держались за руку, и величественная осанка императрицы не затмила благороднаго вида молодого короля;

его черный шведскій костюмъ, волосы, спускающіеся до плечъ, придавали ему рыцарскій видъ. Всѣ были поражены этимъ зрѣлищемъ.

Трудно себѣ представить что либо менѣе величественное, чѣмъ наружность дяди короля—герцога Зюдерманландскаго. Онъ—небольшого роста, съ косыми смѣющимися глазами, губы у него сердечкомъ, животъ выпяченъ, а ноги, какъ спички. Его движенія быстры и суетливы. Я ему очень понравилась, и онъ настойчиво ухаживалъ за мной при всѣхъ нашихъ встрѣчахъ. Императрицу это очень забавляло. Однажды, вечеромъ, въ Эрмитажѣ онъ ухаживалъ за мною болѣе обыкновеннаго. Ея величество подозвала меня и сказала смѣясь: «Знаете пословицу: вѣрь на половину тому, что тебѣ говорятъ, но вѣрьте только на четверть вашему ухаживателю».

Дворъ находился въ Таврическомъ дворцѣ; чтобы разнообразить вечера, дали небольшой балъ, на который были приглашены лица, бывавшія въ Эрмитажѣ. Мы собрались въ гостиной, императрица вошла и сѣла возлѣ меня. Мы бесѣдовали нѣкоторое время; ожидали короля, чтобы открыть балъ. «Мнѣ кажется,— сказала императрица,— что лучше начать танцы; когда явится король, онъ будетъ менѣе смущенъ, увидавъ всѣхъ танцующими, чѣмъ ожидающими его прихода. Я сейчасъ скажу, чтобы играли полонезъ». «Вы приказываете мнѣ сказать это?» — спросила я.—«Нѣтъ,— отвѣчала она,— я сейчасъ позову камеръ-пажа». Она сдѣлала знакъ рукой, не замѣченный камеръ-пажомъ, но принятый вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ на свой счетъ. Старецъ подбѣжалъ къ императрицѣ такъ быстро, какъ онъ только могъ съ помощью своей длинной палки; она поднялась, отвела его къ окну и очень серіозно разговаривала съ нимъ около пяти минутъ. Затѣмъ она вернулась ко мнѣ и спросила, довольна ли я ею. «Мнѣ хотѣлось бы,— отвѣтила я,— чтобы всѣ петербургскія дамы пришли учиться у вашего величества тому, съ какой любезностью нужно принимать гостей». «Но какъ же я могла сдѣлать иначе,— возразила она:— я огорчила бы этого старичка, сказавъ, что онъ ошибся; вмѣсто этого я поговорила съ нимъ о томъ, о семъ, увѣрила его, что я его дѣйствительно звала, онъ доволенъ, вы довольны, а я въ особенности».

Король явился, и императрица была привѣтлива и любезна съ нимъ, но соблюдала мѣру и необходимое достоинство. Ихъ величества взаимно изучали другъ друга и пытались проникнуть намѣренія другъ друга. Прошло нѣсколько дней, и король заговорилъ о своемъ желаніи союза, императрица отвѣтила такимъ образомъ, что нужно устроить возможность переговоровъ о главныхъ пунктахъ, а потомъ уже давать обѣщаніе. Переговоры и пренія слѣдовали одни за другими, хлопоты министровъ и договаривающихся все увеличивались и возбуждали любопытстно двора и города.

Былъ парадный балъ въ большой галлереѣ Зимняго дворца. Король еще не зналъ о склонности къ нему великой княжны Але-

ксандры, и его это очень тревожило. Черезъ день на большомъ праздникѣ въ Таврическомъ дворцѣ я сидѣла возлѣ императрицы, а король напротивъ насъ, когда княгиня Радзивилъ принесла императрицѣ медальонъ съ портретомъ короля изъ воска работы замѣчательнаго художника Тончи, сдѣлавшаго его на память послѣ того, какъ онъ всего одинъ разъ видѣлъ короля на балу въ галлереѣ. «Онъ очень похожъ, — сказала императрица, — но я нахожу, что графъ кажется на немъ очень грустнымъ». Король съ живостью отвѣтилъ: «Еще вчера я былъ очень несчастливъ». Благопріятный отвѣтъ великой княжны былъ ему сообщенъ только утромъ этого дня.

Когда дворъ переѣхалъ въ Зимній дворецъ, то было приказано всей придворной и городской знати давать балы. Первый балъ былъ у генералъ-прокурора графа Самойлова. Погода была еще хорошая; поэтому нѣсколько русскихъ и шведскихъ вельможъ ожидали пріѣзда императрицы на балконѣ. Въ ту минуту, когда показалась ея карета, замѣтили, какъ поднялась комета и погасла надъ крѣпостью. Это явленіе дало поводъ ко многимъ суевѣрнымъ предположеніямъ. Императрица вошла въ залъ, гдѣ уже находился король, и начался балъ. Послѣ первыхъ танцевъ императрица удалилась съ королемъ въ кабинетъ, гдѣ принимала нѣкоторыхъ своихъ приближенныхъ. Нѣкоторыя лица играли въ бостонъ. Въ это время ихъ величества впервые совѣщались по поводу брака. Императрица вручила королю бумагу, прося ее прочесть дома; я была въ бальной залѣ, и ея величество призвала меня и велѣла занимать тѣхъ, кто не игралъ. Вскорѣ она вернулась съ королемъ въ бальную залу. Былъ предложенъ очень хорошій ужинъ, но императрица не сѣла за столъ и уѣхала очень рано.

Графъ Строгановъ тоже далъ балъ, который почтила своимъ присутствіемъ императрица. Переговоры о свадьбѣ улаживались, и поэтому ея величество была весела и болѣе любезна, чѣмъ обыкновенно. Она велѣла мнѣ сѣсть за ужиномъ напротивъ влюбленныхъ, чтобы потомъ я могла разсказать ей о ихъ бесѣдѣ и ихъ манерѣ себя держать. Король былъ поглощенъ великой княжной, они разговаривали безъ умолку. Послѣ ужина императрица позвала меня и спросила о моихъ наблюденіяхъ. Я ей сказала, что заботы Ливенъ оказались безполезными, что великая княжна совершенно испорчена, такъ что больно смотрѣть, что король не ѣлъ и не пилъ, и что они пожирали другъ друга глазами. Всѣ эти шутки очень позабавили императрицу. У нея въ рукахъ былъ вѣеръ, чего я никогда не видала, и она его держала такъ странно, что я не могла удержаться, чтобы не посмотрѣть на нее. Она это замѣтила. «Мнѣ кажется, что вы надо мною смѣетесь», сказала она мнѣ. «Признаюсь, ваше величество, что мнѣ никогда не приходилось видѣть, чтобы держали такъ неловко вѣеръ». «Не правда ли,— сказала она,— я похожа на простушку попавшую во дворецъ, но на старую про-

ступку». «Эта рука не создана для пустяковъ,—отвѣчала я,—она держитъ вѣеръ, какъ скипетръ». Были еще праздники у австрійскаго посла, графа Кобенцеля, и у вице-канцлера графа Остермана на дачѣ.

Я хочу помѣстить здѣсь копіи съ нѣсколькихъ бумагъ, написанныхъ собственною рукою императрицы и шведскаго короля. Онѣ были сообщены мнѣ вскорѣ послѣ смерти Екатерины Второй.

«24 августа, шведскій король, сидя со мной на скамейкѣ въ Таврическомъ дворцѣ, попросилъ у меня руки Александры. Я отвѣтила ему, что онъ не можетъ просить ее, а я его слушать, такъ какъ существуютъ переговоры о бракѣ его съ принцессой Мекленбургской. Онъ меня увѣрилъ, что они уже прерваны. Я сказала, что я объ этомъ подумаю. Онъ просилъ меня разузнать, не чувствуетъ ли моя внучка къ нему отвращенія, что я ему обѣщала и сказала, что черезъ три дня я ему дамъ отвѣтъ. Дѣйствительно, черезъ три дня, поговоривъ съ отцомъ, матерью и дѣвицей, я сказала на балу у Строгонова графу Гага, что я соглашусь на этотъ бракъ подъ условіемъ: во-первыхъ, чтобы Мекленбургскія связи были окончательно разорваны, и, во-вторыхъ, чтобы Александра осталась въ той вѣрѣ, въ которой родилась и воспитывалась. О первомъ условіи онъ сказалъ, что оно не подлежитъ сомнѣнію, а о второмъ онъ старался убѣдить меня всѣми силами, что оно невозможно. Мы разстались, оставаясь каждый при своемъ мнѣніи».

«Первое упрямство длилось 10 дней, и всѣ шведскіе вельможи были иного мнѣнія, чѣмъ король. Не знаю, какъ имъ удалось его переубѣдить. На балѣ у посла онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ удалилъ всѣ сомнѣнія, возникшія у него по поводу вопроса о религіи. Вотъ когда, кажется, все устроилось! Въ ожиданіи я написала письмо № 1, и такъ какъ оно у меня было въ карманѣ, то я ему дала его, говоря: «Прошу васъ прочесть со вниманіемъ эту записку. Она утвердитъ васъ въ тѣхъ хорошихъ намѣреніяхъ, которыя вы высказываете». На другой день во время фейерверка онъ меня поблагодарилъ за записку, сказавъ, что былъ недоволенъ только тѣмъ, что я не понимаю его сердца. На балу въ Таврическомъ дворцѣ король шведскій самъ предложилъ матери обмѣняться кольцами и обѣщаніями. Она мнѣ это сказала, я переговорила съ регентомъ, и мы рѣшили совершить это въ четвергъ при закрытыхъ дверяхъ, по обряду греческой церкви.

«Между тѣмъ договоръ улаживался министрами; главную роль въ немъ игралъ пунктъ о свободномъ исповѣданіи православной религіи. Онъ долженъ былъ быть подписанъсъ остальною частью договора въ этотъ четвергъ. Когда его прочли уполномоченнымъ министрамъ, оказалось, что этого пункта нѣтъ. Наши спросили шведскихъ, что это означаетъ; они отвѣчали, что король взялъ его, чтобы переговорить о немъ со мной. Мнѣ доложили объ этомъ неожи-

данномъ обстоятельствѣ; было 5 часовъ вечера, а въ 6 должно было происходить обрученіе. Я тотчасъ же послала къ королю узнать, что̀ онъ мнѣ хочетъ сказать по этому поводу, такъ какъ до обрученія я его не увижу, а послѣ будетъ слишкомъ поздно отступать. Онъ мнѣ устно отвѣтилъ, что онъ поговоритъ со мной; совершенно неудовлетворенная этимъ отвѣтомъ, чтобы сократить переговоры, я продиктовала графу Моркову письмо № 2 съ тѣмъ, что если король подпишетъ этотъ проектъ удостовѣренія, я сдѣлаю сегодня вечеромъ обрученіе. Было 7 часовъ, когда былъ отправленъ этотъ проектъ, а въ 9 часовъ графъ Морковъ привезъ мнѣ № 3, написанный и подписанный рукой короля, но гдѣ вмѣсто точныхъ и ясныхъ опредѣленій, которыя я предложила, были пустыя и темныя. Тогда а велѣла сказать, что я захворала. То время, что они еще здѣсь оставались, проходило въ постоянныхъ пересылкахъ. Регентъ подписалъ и утвердилъ договоръ, какимъ онъ долженъ былъ быть. Король долженъ его утвердить черезъ два мѣсяца послѣ своего совершеннолѣтія. Онъ его отослалъ для совѣщанія въ свою консисторію» [1]).

№ 1 — копія записки ея императорскаго величества, переданная изъ рукъ въ руки шведскому королю.

«Не согласитесь ли вы со мной, братъ мой, что не только въ интересахъ вашего королевства, но и въ вашемъ личномъ интересѣ нужно условиться о бракѣ, который вы желаете?

«Если ваше величество согласны съ этимъ и увѣрены въ этомъ, то почему вопросъ о вѣрѣ порождаетъ препятствія вашимъ желаніямъ?

«Позвольте мнѣ сказать вамъ, что даже епископы не найдутъ, что возразить на ваши желанія, и выкажутъ готовность устранить всякое сомнѣніе по этому поводу.

«Дядя вашего величества, министры и всѣ тѣ, которымъ въ виду ихъ долголѣтней службы, преданности и вѣрности къ вашей особѣ

---

[1]) Записка эта во многомъ сходится съ письмомъ императрицы Екатерины къ русскому посланнику въ Швеціи барону Будбергу отъ 19-го сентября ст. ст. 1796 г. («Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», IX, 316 и слѣд.), но въ то же время и разнится отъ него нѣкоторыми подробностями и большей краткостью, тогда какъ приложенныя къ запискѣ копіи переписки совершенно тождественны. Поэтому можно предположить съ полнымъ основаніемъ, что записка, приводимая Головиной, написана была Екатериной по какому либо особому поводу, а не является лишь копіей съ письма ея къ Будбергу, какъ склоненъ думать это г. Бильбасовъ («Исторія Екатерины Второй», XII, ч. 2-я, 498). Это предположеніе доказывается также послѣдующимъ изложеніемъ гр. В. Н. Головиной, что разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни Екатерины сообщенъ ей очевидцемъ—тѣмъ же лицомъ, которое доставило ей и записку, между тѣмъ, какъ начало царствованія Павла застало Будберга въ Стокгольмѣ. Видно, что хорошо знавшая людей Екатерина заботилась о томъ, чтобы печальный эпизодъ со сватовствомъ короля не былъ отнесенъ къ недостатку ея предусмотрительности: Густавъ IV уже въ это время показалъ признаки психическаго разстройства.

вы можете больше всего вѣрить, всѣ согласны въ томъ, что этотъ пунктъ не содержитъ ничего противорѣчащаго ни вашей совѣсти, ни спокойствію вашего правленія.

«Вашъ народъ, далекій отъ того, чтобы порицать вашъ выборъ, съ восторгомъ одобритъ его и будетъ попрежнему благословлять и обожать васъ, потому что вамъ онъ будетъ обязанъ вѣрнымъ залогомъ своего благосостоянія и личнаго и общественнаго спокойствія.

«Этотъ же выборъ, смѣю сказать, докажетъ здравость вашего рѣшенія и сужденія и будетъ способствовать увеличенію молитвъ вашего народа за васъ.

«Отдавая вамъ руку моей внучки, я глубоко убѣждена, что даю вамъ самое драгоцѣнное, что могла бы вамъ отдать и чѣмъ могла бы лучше всего убѣдить васъ въ искренности и глубинѣ моего расположенія и дружбы къ вамъ. Но, ради Бога, не смущайте и вашего и ея счастья, примѣшивая къ нему предметы, совершенно посторонніе, о которыхъ благоразумнѣе всего и вамъ самимъ и другимъ хранить глубокое молчаніе; иначе вы подаете поводъ къ безконечнымъ огорченіямъ, интригамъ и сплетнямъ.

«По материнской нѣжности, съ которой, какъ вы знаете, я отношусь къ моей внучкѣ, вы можете судить о моей заботливости о ея счастіи. Я не могу не чувствовать, что таковымъ же будетъ и мое отношеніе къ вамъ, лишь только вы будете соединены съ нею узами брака. Могла ли я когда нибудь согласиться на него, если бы видѣла малѣйшій поводъ къ опасности или къ затрудненію для вашего величества, или если бы я не видѣла напротивъ всего того, что способно упрочить счастье и ваше, и моей внучки?

«Къ столькимъ свидѣтельствамъ, которыя должны повліять на рѣшеніе вашего величества, я прибавлю еще одно, болѣе всего заслуживающее ваше вниманіе: проектъ этого брака былъ составленъ и поддерживаемъ блаженной памяти покойнымъ королемъ вашимъ отцомъ. Я не привожу свидѣтелей ни изъ вашего, ни изъ моего народа, хотя ихъ множество по этому доказанному дѣлу, я лишь назову французскихъ принцевъ и дворянъ изъ ихъ свиты, чье свидѣтельство тѣмъ менѣе подозрительно, что они совершенно безпристрастны въ этомъ дѣлѣ. Находясь въ Спа съ покойнымъ королемъ, они часто слышали, какъ онъ говорилъ объ этомъ проектѣ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе безпокоившихъ его, исполненіе котораго могло лучше всего скрѣпить доброе согласіе и хорошія отношенія между двумя домами и двумя государствами.

«А если этотъ проектъ составленъ покойнымъ королемъ, вашимъ отцомъ, то какъ же могъ этотъ столь образованный государь, преисполненный нѣжностью къ своему сыну, измыслить то, что рано или поздно могло бы повредить вашему величеству во мнѣніи вашего народа и ослабить привязанность къ вамъ вашихъ подданныхъ. А что этотъ проектъ былъ слѣдствіемъ долгаго и глубокаго

размышленія, слишкомъ хорошо доказываютъ всѣ его поступки. Едва укрѣпивъ власть въ своихъ рукахъ, онъ велѣлъ внести въ сеймъ законъ объ общей терпимости всѣхъ религій, чтобы такимъ образомъ разсѣять весь мракъ, порожденный вѣками фанатизма и невѣжества, возобновить которые въ настоящее время было бы и безразсудно, и постыдно. На сеймѣ въ Гетфле онъ еще болѣе высказалъ свои намѣренія, рѣшивъ съ своими наиболѣе вѣрными подданными, что въ бракѣ его сына и наслѣдника соображеніе о величіи того дома, съ которымъ онъ соединялся, должно было брать верхъ надъ всѣмъ прочимъ и что разница въ религіяхъ не могла служить никакимъ препятствіямъ. Я приведу здѣсь анекдотъ объ этомъ именно сеймѣ въ Гетфле, который дошелъ до моего свѣдѣнія и который всѣ могутъ подтвердить вашему величеству: когда былъ поднятъ вопросъ объ установленіи налога на его подданныхъ во время его свадьбы, въ актъ, составленный по этому поводу, вписали такъ: во время свадьбы королевскаго принца съ лютеранской принцессой. Епископы, выслушавъ проектъ этого акта, вычеркнули по своему собственному побужденію слова: съ лютеранской принцессой.

«Соблаговолите довѣриться опыту тридцатилѣтняго царствованія, во время котораго мнѣ удавалась большая часть моихъ предпріятій. По этому опыту и самый искренней дружбѣ, я осмѣливаюсь вамъ дать вѣрный и прямой совѣтъ съ единственной цѣлью доставить вамъ возможность пользоваться счастьемъ въ будущемъ.

«Вотъ мое послѣднее слово: не подобаетъ русской великой княжнѣ перемѣнить вѣру.

«Дочь императора Петра I вышла замужъ за герцога Карла-Фридриха Голштинскаго, сына старшей сестры короля Карла XII, и для этого не перемѣнила религіи. Права ея сына на наслѣдованіе шведскимъ королевствомъ не были изъ-за этого менѣе признаны сеймомъ, который послалъ торжественное посольство въ Россію, чтобы предложить ему корону. Но императрица Елисавета уже объявила этого сына своей сестры русскимъ великимъ княземъ и своимъ предполагаемымъ наслѣдникомъ. Условились по предварительнымъ статьямъ Абоскаго договора, что вашъ дѣдъ будетъ выбранъ наслѣдникомъ шведскаго престола, что̀ и было исполнено. Такимъ образомъ двѣ русскія государыни возвели на престолъ линію, изъ которой произошли вы, и открыли вашимъ блестящимъ способностямъ дорогу къ царствованію, которое никогда не будетъ болѣе благополучнымъ и прекраснымъ, какъ того бы хотѣлось мнѣ.

«Позвольте мнѣ прибавить откровенно, что необходимо нужно, чтобы ваше величество стало выше всякихъ преградъ и сомнѣній, пусть всякаго рода доказательства будутъ собраны, чтобы разсѣять ихъ, такъ какъ они могутъ только повредить и вашему счастью, и счастью вашего королевства.

«Я скажу больше: моя личная дружба къ вамъ, неизмѣнная съ

самаго вашего рожденія, вамъ докажетъ, что время не терпитъ, и что если вы не рѣшитесь окончательно въ эти дорогія для меня минуты, то планъ этотъ можетъ совершенно исчезнуть изъ-за тысячи препятствій, которыя снова представятся, лишь только вы уѣдете. Если съ другой стороны, несмотря на серіозные и неоспоримые доводы, представленные мною и тѣмъ, которые наиболѣе заслуживаютъ вашего довѣрія, религія все же должна служить непобѣдимымъ препятствіемъ къ союзу, казалось, желаемому вами еще недѣлю тому назадъ, то вы можете быть увѣрены, что съ этой минуты не будетъ больше рѣчи объ этомъ бракѣ, который могъ быть столь дорогимъ для меня въ виду моей нѣжности къ вамъ и моей внучкѣ.

«Я приглашаю ваше величество внимательно отнестись ко всему, мною изложенному, моля Бога, управляющаго сердцами королей, просвѣтить вашъ разумъ и внушить вамъ рѣшеніе, сообразное съ благомъ вашего народа и съ вашимъ личнымъ счастіемъ.

«№ 2. Проектъ. Я торжественно обѣщаю предоставить ея императорскому высочеству государынѣ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, моей будущей супругѣ и шведской королевѣ, свободу совѣсти и исповѣданія религіи, въ которой она родилась и воспитывалась, и прошу ваше величество смотрѣть на это обѣщаніе, какъ на самый обязательный актъ, который я могъ подписать.

«№ 3. Давъ уже мое честное слово ея императорскому величеству въ томъ, что великая княжна Александра никогда не будетъ стѣснена въ вопросахъ совѣсти, касающихся религіи, и такъ какъ мнѣ казалось, что ея величество этимъ довольна, то я увѣренъ, что императрица нисколько не сомнѣвается въ томъ, что я достаточно знаю священные законы, которые предписываютъ мнѣ это обязательство, что всякая другая записка становится всецѣло излишней».

Подписано: «Густавъ Адольфъ. 11—22 сентября 1796 года».

Графъ Морковъ мнѣ сказалъ, что императрица была такъ огорчена поведеніемъ короля, что послѣ полученія его второго отвѣта она имѣла видъ, что ее постигъ ударъ паралича.

На другой день былъ праздникъ, приказано было дать парадный балъ въ бѣлой галлереѣ; на немъ присутствовалъ шведскій король, грустный и очень смущенный. Императрица была величественна и говорила съ нимъ съ возможною непринужденностью и благородствомъ. Великій князь Павелъ былъ разгнѣванъ и бросалъ грозные взгляды на короля, который уѣхалъ черезъ нѣсколько дней. Великій князь Александръ далъ балъ, на которомъ всѣ были въ траурѣ по случаю смерти королевы португальской. Императрица пріѣхала на этотъ праздникъ вся въ черномъ, что я видѣла въ первый разъ, такъ какъ она, за исключеніемъ лишь особыхъ случаевъ, носила всегда полутрауръ. Ея величество сѣла возлѣ меня; я ее нашла

блѣдной и осунувшейся, и мое сердце забилось отъ крайняго безпокойства.

«Не находите ли вы,—спросила она меня,—что этотъ балъ похожъ не на праздникъ, а скорѣе на нѣмецкія похороны? Черныя платья и бѣлыя перчатки производятъ на меня такое впечатлѣніе».

Въ бальной залѣ два ряда оконъ на набережную. Мы стояли у окна, когда луна взошла; императрица ее замѣтила и сказала: «луна сегодня очень красива, стоитъ посмотрѣть ее въ телескопъ Гершеля. Я обѣщала шведскому королю показать его, когда онъ вернется».

Ея величество напомнила мнѣ по этому поводу отвѣтъ Кулибина; это былъ крестьянинъ, ученый, самоучка, который былъ принятъ въ академію, благодаря своему выдающемуся уму и замѣчательнымъ изобрѣтеннымъ имъ машинамъ. Когда англійскій король прислалъ императрицѣ телескопъ Гершеля, она велѣла одному нѣмецкому профессору изъ академіи и Кулибину привести его въ Царское Село. Его помѣстили въ гостиной и стали разсматривать луну. Я стояла за кресломъ императрицы, когда она спросила профессора, не сдѣлалъ ли онъ какія нибудь новыя открытія съ помощью этого телескопа: «Безъ сомнѣнія, луна обитаема, видна страна, прорѣзаная долинами, и цѣлые лѣса построекъ». Императрица выслушала его съ невозмутимой серіозностью, и когда онъ отошелъ, подозвала Кулибина и спросила его:

— А ты, Кулибинъ, открылъ ли что нибудь?

— Я не такъ ученъ, какъ господинъ профессоръ, государыня: я ничего не видѣлъ.—Императрица съ удовольствіемъ вспоминала объ этомъ отвѣтѣ.

Объявили, что ужинъ поданъ; императрица, никогда не ужинавшая, прогуливалась по комнатамъ и затѣмъ сѣла за нашими стульями. Я сидѣла рядомъ съ графиней Толстой, которая, кончивъ ѣсть, не поворачивая головы, отдала свою тарелку. Она была очень удивлена, увидавъ, что ее приняла прекраснѣйшая рука съ великолѣпнымъ брилліантомъ на пальцѣ. Она вскрикнула, узнавъ императрицу, которая ей сказала:

— Развѣ вы меня боитесь?

— Я смущена, — отвѣтила графиня, — тѣмъ, что отдала вамъ тарелку.

— Я пришла помочь вамъ,—отвѣчала императрица и стала шутить съ нами по поводу пудры, сыпавшейся съ нашихъ шиньоновъ на плечи. Она намъ разсказала, что графъ Матюшкинъ, личность очень нелѣпая, по возвращеніи изъ Парижа приказалъ пудрить себѣ спину, увѣряя, что эта мода принята всѣми наиболѣе элегантными людьми во Франціи. «Я васъ покидаю, мои красавицы,—прибавила императрица,—я очень устала». Она ушла послѣ того, какъ положила мнѣ на плечо свою руку, которую я поцѣловала въ послѣдній разъ съ непреодолимымъ чувствомъ безпокой-

ства и грусти. Я слѣдила за ней глазами до самой двери, и когда я перестала ее видѣть, мое сердце билось, точно хотѣло оторваться. Я вернулась домой и не могла спать. На другое утро я пошла къ моей матери въ то время, когда она вставала, и разразилась слезами, говоря о моихъ наблюденіяхъ надъ здоровьемъ императрицы. Моя мать пыталась меня разувѣрить, но напрасно: я была, какъ приговоренная къ смертной казни, и какъ бы находилась въ ожиданіи своего смертнаго приговора.

Въ жизни бываютъ предчувствія, которыя сильнѣе нашего разума. Говоря себѣ, что нужно ихъ отбросить, удалить отъ нашей мысли, мы, тѣмъ не менѣе, смущены ими и недостаточно сильны, чтобы ихъ побѣдить. Въ бѣдахъ и несчастіяхъ, посылаемыхъ намъ, какъ испытанія, Богомъ, надо предаться волѣ Божіей, и достаточно уже этого желанія, чтобы занять душу и успокоить скорби, но предчувствіе—безпокойное чувство, которое, кажется, держится только нашей собственною слабостью, вызываемое внутреннимъ, чуждымъ намъ побужденіемъ. Оно преслѣдуетъ насъ, какъ тѣнь, пугающая насъ и безпрестанно представляющаяся нашимъ глазамъ.

Черезъ нѣсколько дней, когда я завтракала въ 10 часовъ утра у своей матери, вошелъ придворный лакей, служившій моему дядѣ, и попросилъ разрѣшенія у моей матери разбудить его: «Около часу, какъ императрицу постигъ ударъ!»—сказалъ онъ намъ. Я страшно вскрикнула и побѣжала къ моему мужу, который былъ внизу въ своей комнатѣ. Я съ трудомъ спустилась по лѣстницѣ, дрожь во всемъ тѣлѣ едва позволяла мнѣ ходить. Войдя къ мужу, я должна была сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы произнести эти страшныя слова: императрица умираетъ. Мой мужъ былъ страшно пораженъ; онъ сейчасъ же потребовалъ одѣваться, чтобы поѣхать во дворецъ. Я не могла ни плакать, ни говорить, тѣмъ менѣе думать. Торсуковъ, племянникъ первой камеръ-фрау императрицы [1]), вошелъ и сказалъ намъ по-русски: «Все кончено: ея уже нѣтъ, а съ ней погибло и наше счастье!

Пріѣхали графъ и графиня Толстые; графиня осталась со мной, а графъ уѣхалъ во дворецъ съ моимъ мужемъ. Мы провели до 3-хъ часовъ дня самое страшное время моей жизни. Каждые два часа мой мужъ посылалъ мнѣ записочки; была минута, когда надежда озаряла всѣ сердца, какъ лучъ свѣта темноту, но она была очень непродолжительна и сдѣлала еще болѣе тяжелой увѣренность въ несчастіи. Императрица прожила 36 часовъ, пораженная ударомъ; ея тѣло продолжало жить, но голова была мертва: произошло кровоизліяніе на мозгъ. Она перестала жить 6-го ноября.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Марьи Савишны Перекусихиной.

БЫЛОЕ.

(Изъ семейной хроники).

Дядюшка Иванъ Максимовичъ и его супруга.

I.

НѢ было лѣтъ пять, когда однажды тетушка Елена Васильевна сказала мнѣ:

— Ступай въ кабинетъ къ дядѣ и скажи ему, что онъ «байбакъ».

Я пошелъ и въ точности исполнилъ это приказаніе.

И вотъ съ этого-то времени я началъ уже ясно помнить дядюшку Ивана Максимовича. Это былъ невысокаго роста, круглый старичекъ, неизмѣнно, за исключеніемъ служебныхъ и торжественныхъ выѣздовъ, облеченный въ темно-синій бархатный пиджакъ, бѣлую пикейную жилетку и свѣтло-сѣрые, въ мелкую клѣтку, брюки. Волосы онъ стригъ довольно коротко, но надо лбомъ оставлялъ небольшой кокъ и височки зачесывалъ впередъ. Усы и бороду брилъ гладко, только надъ самымъ подбородкомъ, на шеѣ, оставлялъ коротенькую щетинку, — такія бородки назывались «американскими». Лицо у него было свѣжее и чистое и для его возраста — а было ему въ то время лѣтъ шестьдесятъ—замѣчательно сохранившееся. Все въ немъ было какое-то мягкое и круглое; только по выраженію его холодныхъ, свѣтло-

сѣрыхъ глазъ, всегда насмѣшливо и проницательно выглядывавшихъ изъ-подъ густыхъ, слегка нависшихъ бровей, можно было заключить, что «байбакъ» этотъ далеко не лишенъ характера.

Дядюшка Иванъ Максимовичъ былъ человѣкъ долга и привычки. Сердце едва ли играло большую роль въ его жизни, уравновѣшенной до послѣдней крайности, спокойной и ровной, какъ гладь неожиданно захваченнаго морозомъ озера, сразу затянувшаяся тонкимъ, но еще прозрачнымъ льдомъ.

Любилъ ли кого дядюшка Иванъ Максимовичъ—я не знаю, но съ тетушкой, супругой своей, Еленой Васильевной, онъ жилъ удивительно ладно и болѣе, чѣмъ за тридцатилѣтнее ихъ сожительство, едва ли между ними хоть разъ пробѣжала черная кошка. А между тѣмъ, ихъ бракъ не былъ бракомъ по любви... Но не былъ онъ также и бракомъ по расчету. Свадьба ихъ состоялась по довольно оригинальнымъ побужденіямъ.

Дядюшкѣ Ивану Максимовичу было уже лѣтъ сорокъ, когда онъ, по дѣламъ заѣхавъ въ городъ В. и задержавшись тамъ болѣе, чѣмъ на годъ, свелъ знакомство съ одной очень почтенной семьей. Въ семьѣ этой была дѣвушка лѣтъ семнадцати, особенно полюбившаяся Ивану Максимовичу своимъ сильнымъ и выдержаннымъ характеромъ и необычайною для ея лѣтъ разсудительностью. Но будучи болѣе, чѣмъ вдвое старше ея и отнюдь не имѣя намѣренія вторично (дядюшка уже былъ вдовъ) заковать себя въ цѣпи Гименея, онъ смотрѣлъ на эту дѣвушку скорѣе съ родительскимъ, чѣмъ съ какимъ инымъ чувствомъ, и, любуясь ею, думалъ не о себѣ, а о младшемъ братѣ своемъ, Алексѣѣ Максимовичѣ, жившемъ въ то время въ нашемъ родномъ городѣ, К.

И вотъ однажды Иванъ Максимовичъ, заканчивая какое-то дѣловое письмо къ меньшему своему брату, сдѣлалъ своимъ мелкимъ и красивымъ почеркомъ, украшеннымъ многочисленными завитушками, такого рода приписку: «Присмотрѣлъ я здѣсь для тебя прекрасную невѣсту, дѣвицу юную, собою весьма пригожую, а по душевнымъ качествамъ какъ нельзя болѣе для тебя подходящую: ибо она разсудительна, дѣловита и характера ровнаго, чего въ твоей женѣ желалъ бы болѣе всего видѣть, такъ какъ самъ ты нрава пылкаго и непостояненъ. Взаимно вы очень бы другъ друга дополняли. Если удосужишься, пріѣзжай ко мнѣ погостить; я тебя познакомлю съ семействомъ оной дѣвицы и—кто знаетъ—можетъ быть, тутъ-то и найдешь свое счастье».

Алексѣй Максимовичъ удосужился и пріѣхалъ. Онъ былъ еще молодъ—не болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Видный и статный мужчина, дѣйствительно пылкаго характера, обаятельно краснорѣчивый и, дѣйствительно, въ то время еще нѣсколько легкомысленный.

Молодая, достойная дѣвица сразу сильно приглянулась Алексѣю Максимовичу; а ему не стоило особеннаго труда вскружить ея, хотя и разсудительную, но все же еще семнадцати-лѣтнюю головку. И недолго думая, Алексѣй Максимовичъ, какъ слѣдуетъ, по чину, т.-е. черезъ старшаго брата, попросилъ у родителей дѣвицы ея руки. Родители были люди бѣдные, а женихъ былъ человѣкъ даже весьма богатый. Невѣстѣ онъ очень нравился, и потому согласіе было дано почти безъ промедленія, и Алексѣя Максимовича объявили женихомъ, а свадьбу назначили черезъ три мѣсяца, потребныхъ для устройства будущаго жилья молодыхъ.

Проведя недѣли двѣ съ невѣстой, Алексѣй Максимовичъ выѣхалъ обратно къ себѣ на родину въ К. для того, чтобъ ремонтировать свой домъ и привести все въ порядокъ, для начала будущей, уже супружеской, жизни.

— Это ничего, что берешь жену безъ приданаго. Характеръ и разумъ ея дороже всякихъ денегъ,—разсудительно напутствовалъ его Иванъ Максимовичъ.

— Ну, вотъ, зачѣмъ мнѣ деньги? Я и самъ богатъ. Главное, полюбилась она мнѣ—вотъ это дорого!—пылко отвѣтилъ женихъ и уѣхалъ.

А, пріѣхавъ въ К., началъ хлопотать по устройству своего дома, а между хлопотами какъ-то познакомился съ одной бѣдной, но почтенной вдовой, матерью трехъ дочерей и одного сына. Двѣ дочери и сынъ были совсѣмъ еще маленькими, старшей же дочери было уже около двадцати лѣтъ. Была ли она столь же разсудительна, какъ и невѣста Алексѣя Максимовича,— не знаю, но что хороша она была надиво — это доподлинно извѣстно, и пылкое сердце Алексѣя Максимовича не выдержало и все отдалось красавицѣ-дѣвушкѣ.

Быстро, почти очертя голову, ни надъ чѣмъ не задумываясь, женился онъ на ней, ввелъ ее въ свой наполовину еще отремонтированный домъ и только тогда вспомнилъ, что въ городѣ В. есть у него невѣста.

Какъ громомъ поразило Ивана Максимовича письмо отъ меньшаго брата его Алексѣя Максимовича, извѣщавшаго о благополучномъ вступленіи въ законный бракъ съ дѣвицей Юліей Алексѣевной Медынцевой.

Ударъ былъ настолько силенъ и неожиданъ, что Иванъ Максимовичъ не вздумалъ даже и попрекать своего брата за столь легкомысленное поведеніе, а только написалъ ему коротко и сухо: «Поздравляю, желаю полнаго счастья». И отправилъ это лаконическое посланіе съ первой же оказіей. А самъ, одѣвшись по-визитному, отправился къ родителямъ невѣсты, чтобъ принести повинную.

Родителей онъ не засталъ дома, но, какъ человѣкъ пожилой и въ семьѣ ихъ считавшійся уже почти за роднаго, былъ принятъ дочерью, невѣстой его брата.

— Вы съ чѣмъ-то недобрымъ пріѣхали, Иванъ Максимовичъ,— сразу догадалась умная и проницательная дѣвушка, едва взглянувъ на озабоченное лицо Ивана Максимовича.

— Вы не ошиблись, Елена Васильевна,—отвѣтилъ Иванъ Максимовичъ и, послѣ небольшаго колебанія, разсказалъ ей всю правду.

Поблѣднѣла Елена Васильевна, до крови закусила себѣ губку, но, собравъ всѣ силы своего характера, выговорила:

— Отъ души желаю ему счастья.

Эти простыя слова, эта выдержанность тронули Ивана Максимовича больше, чѣмъ тронули бы его всякія слезы, истерики и обмороки.

— Братъ мой васъ недостоинъ,—почти нѣжно заговорилъ онъ,— и я, зная его характеръ, болѣе всѣхъ виноватъ, что смутилъ вашъ покой.

— О Иванъ Максимовичъ, не вините себя и не бойтесь: мой покой не будетъ нарушенъ,—отвѣтила ему дѣвушка.

Глядя на холодное лицо дѣвушки, дядюшка Иванъ Максимовичъ вѣрилъ, что она говоритъ правду, но... не всю: можетъ быть, не будетъ она страдать, какъ страдала бы влюбленная дѣвушка, покинутая своимъ женихомъ, но положеніе ея въ семьѣ и въ обществѣ, какъ отвергнутой невѣсты, было крайне непривлекательнымъ. И вотъ тутъ-то Иванъ Максимовичъ, нарушивъ всѣ исконные обычаи, рѣшилъ самый важный шагъ своей жизни. Онъ прямо и откровенно сказалъ ей все, что думалъ объ ея положеніи, но также искренно и правдиво замѣтилъ, что если бы онъ былъ ея женихомъ, ничего подобнаго случиться бы не могло.

— Но я втрое старше васъ, Елена Васильевна, и потому никогда не позволялъ себѣ и думать о возможности такого для меня счастія,—сейчасъ же прибавилъ онъ.

Елена Васильевна поднялась съ мѣста и рѣшительно, словно заранѣе обдумавъ, проговорила:

— Я согласна. Полагаю, что и родители мои противиться этому не будутъ. Поговорите съ ними.

Родители дѣйствительно не противились. Всѣ сдѣланныя ими приготовленія къ свадьбѣ не пропали даромъ, только подъ вѣнцомъ стоялъ съ ихъ дочерью не молодой, увлекательный и полный кипучей жизни Алексѣй Максимовичъ, а солидный, зрѣлый и всѣми уважаемый братъ его.

И многіе находили это не только естественнымъ, но и весьма удачнымъ.

Была ли счастлива молоденькая Елена Васильевна со своимъ уже пожилымъ мужемъ,—сказать не берусь, но что жили они не-

обычайно согласливо, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Мужа своего звала она не иначе, какъ «дѣдушкой», а заботилась о немъ, какъ бабушка о внучкѣ, и круто изъ молодой дѣвушки преобразилась въ солидную даму. Даже и костюмы свои старалась дѣлать отнюдь не молодящими ее, а напротивъ придающими ей извѣстную солидность.

Дѣтей у нихъ не было, и тѣмъ не менѣе молодая женщина никогда не была праздной. Помимо заботъ по хозяйству, которое велось у нихъ образцово, она сумѣла сдѣлаться помощницей, что называется, правой рукой своего мужа и въ дѣлахъ его. А впослѣдствіи, когда вернувшагося съ молодой женой на родину въ губернскій городъ К. Ивана Максимовича выбрали въ городскіе головы, злые языки говорили, что онъ только туловище, а головой является Елена Васильевна.

II.

Дядюшкѣ Ивану Максимовичу къ томъ времени, какъ я его помнить началъ, было уже лѣтъ шестьдесятъ, тетушкѣ Еленѣ Васильевнѣ — подъ сорокъ. Дядюшка уже давно былъ «головой» и стоялъ въ ряду наиболѣе уважаемыхъ гражданъ нашего города.

Жили они въ собственномъ домѣ, въ просторной, необычайно чисто содержимой квартирѣ. Страсть къ чистотѣ у Елены Васильевны доходила до болѣзненности, такъ, по крайней мѣрѣ, говорили даже и врачи. Многочисленныя горничныя-подростки цѣлые дни только и заняты были тѣмъ, что всюду стирали пыль, мыли окна, подоконники, чистили драпировки и, право, чуть не вылизывали полъ. Квартира была подраздѣлена, такъ сказать, на участки, и каждый участокъ находился въ завѣдываніи особой горничной-дѣвушки, и горе было той, въ районѣ которой Елена Васильевна нашла бы пятнышко или соринку. Горе было бы той, которая хоть на одинъ разъ въ сутки меньше протерла бы окна въ отведенныхъ ея завѣдованію комнатахъ. И всѣ онѣ знали, что ни малѣйшее упущеніе отъ зоркаго глаза Елены Васильевны не укроется. У нея даже были особенные пріемы для контроля своихъ горничныхъ, такъ, напримѣръ, она незамѣтно клала на подоконники коротенкія бѣлыя ниточки и потомъ, обходя свои владѣнія, осматривала подоконники и, если находила хоть одну ниточку на мѣстѣ, что̀ свидѣтельствовало, конечно, что подоконникъ не протирался, строго взыскивала съ провинившейся дѣвушки.

Наказанія, которымъ она ихъ подвергала, были многообразны. Она ихъ ставила въ уголъ (иногда и на колѣни); запирала въ темный чуланъ; одѣвала въ затрапезное платье. Бывали и строже наказанія: такъ, одной уже помолвленной дѣвушкѣ она объявила, что свадьбу ея откладываетъ на годъ, а если буде она этому

рѣшенію подчиниться не желаетъ, то можетъ выходить замужъ, только приданаго, которымъ обыкновенно награждала тетушка своихъ дѣвушекъ, она не получитъ.

Но къ чести Елены Васильевны нужно отнести то, что она не только никогда не подняла руки ни на одну изъ своихъ прислужницъ, но никогда ни на одну не возвысила даже голоса и не выбранила какимъ нибудь обиднымъ словомъ.

Штатъ прислуги въ домѣ Елены Васильевны былъ почти сплошь женскій. Исключеніе представляли только кучеръ и поваръ. Горничныя дѣвушки, число которыхъ иногда доходило до десяти, были всѣ сиротки, взятыя на воспитаніе. Брала ихъ тетушка въ возрастѣ отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ, ростила, школила и потомъ выдавала замужъ, награждая, судя по расположенію, иногда и довольно солиднымъ приданымъ.

Въ дѣлѣ домоводства у нея были двѣ помощницы: ея двоюродная сестра, Екатерина Александровна, благообразная вдова лѣтъ сорока, да старшая горничная, Марья Алексѣевна, сухая, строгая старая дѣва, приблизительно этого же возраста, числившаяся, такъ сказать, въ рангѣ камердинера у дядюшки Ивана Максимовича.

Въ числѣ воспитанницъ была одна и на привиллегированномъ положеніи. Худенькая, невзрачная Сашенька, дочь какой-то умершей родственницы Елены Васильевны, воспитывалась въ ея домѣ «за дочку», т. е. училась въ гимназіи и брала приватные уроки музыки.

Весь домъ трепеталъ передъ Еленой Васильевной—хуже всякой кары боялись домочадцы сухого, проницательнаго взгляда ея свѣтлосѣрыхъ, круглыхъ глазъ, ея холоднаго голоса, ея сдержанныхъ, но вѣскихъ замѣчаній — весь домъ, за исключеніемъ дядюшки Ивана Максимовича. Ему бояться было ничего, такъ какъ онъ-то и былъ кумиромъ этого дома, и его культъ царилъ въ немъ. Все служило ему, и первая же служила тетушка Елена Васильевна. Всѣ были проникнуты мыслью, что первое лицо въ этомъ домѣ Иванъ Максимовичъ. Ради него соблюдалась и эта удивительная чистота, ради него и воздухъ былъ здѣсь пропитанъ какой-то ароматичной свѣжестью. Ни одинъ стаканъ чая, налитый Екатериной Александровной, не подавался дядюшкѣ ранѣе, чѣмъ тетушка Елена Васильевна не попробуетъ, достаточно ли онъ горячъ, сладокъ и крѣпокъ. А дядюшкинъ приборъ за обѣдомъ Елена Васильевна даже и накрывала сама, съ математической точностью раскладывая на свои мѣста всѣ необходимые предметы.

Все для дядюшки, все для Ивана Максимовича.

А дядюшка Иванъ Максимовичъ жилъ да поживалъ себѣ въ этой атмосферѣ заботливаго порядка, врядъ ли даже и замѣчая его. Онъ такъ сроднился со всѣмъ съ этимъ, что былъ бы, вѣроятно, крайне изумленъ, если бы въ извѣстный часъ, даже въ извѣстную

минуту, протянувъ руку къ извѣстному мѣсту, не нашелъ бы тамъ, напримѣръ, стакана чая или хорошо набитой трубки, или газеты. Или, садясь за столъ обѣдать, не увидалъ бы передъ своимъ приборомъ того бѣлаго, легонькаго вина, котораго онъ ежедневно выпивалъ за столомъ маленькій, граненый стаканчикъ; или кофе, поданный ему утромъ, оказался бы необычной крѣпости. Онъ удивился бы этому, вѣроятно, не менѣе того, если бы въ одинъ прекрасный день не взошло солнце, или съ безоблачнаго неба вдругъ ливмя полился бы дождь.

Размѣренно и аккуратно, какъ брегетовскіе часы, шла жизнь Ивана Максимовича въ его домѣ, и почти также размѣренно и аккуратно шла она и внѣ дома, несмотря на то, что дядюшка Иванъ Максимовичъ многіе и многіе годы избирался согражданами на постъ городского головы и отказался только самъ отъ этой чести, когда здоровье Елены Васильевны окончательно разстроилось. Это-то еще болѣе и утвердило мнѣніе согражданъ, что настоящимъ городскимъ головой и была Елена Васильевна.

— Заболѣла она,—говорили они,—и старикъ нашъ отъ службы отказался.

Какъ городской голова, дядюшка Иванъ Максимовичъ не представлялъ изъ себя ничего особеннаго. Онъ въ общественныхъ дѣлахъ былъ просто хозяинъ-скопидомокъ, заботился болѣе о томъ, чтобы городской сундукъ былъ всегда полонъ; былъ скуповатъ на всякія украшенія города и только на школы не жалѣлъ денегъ.

И дѣйствительно при немъ городъ никогда не нуждался, и денежныя дѣла его къ тому времени, какъ дядюшка рѣшилъ покинуть свой постъ, были въ самомъ блестящемъ положеніи. Держалъ себя дядюшка со всѣми не то, чтобы гордо, но крайне независимо. Одинаково холодно привѣтливъ былъ онъ и со старшими, и съ равными, и съ младшими. У себя въ домѣ каждаго мужчину встрѣчалъ онъ на порогѣ кабинета и провожалъ до порога гостиной, не дальше; каждую же даму встрѣчалъ на порогѣ гостиной, провожалъ же до порога залы, т. е. до самой передней, не иначе—кто бы эти мужчины и дамы ни были. Также равно со всѣми держалъ онъ себя и въ городской думѣ, и во всемъ городѣ.

И вотъ эта-то черта его почему-то больше всего и не понравилась новому губернатору, знаменитому въ свое время С., прославившему себя на всю Россію самыми необычайными выходками необузданнаго самодура. Губернаторъ С. былъ типичнѣйшій щедринскій «помпадуръ». Свою волю, свой капризъ онъ считалъ закономъ. И губернію, и городъ терроризировалъ до крайности и держалъ въ вѣчномъ, напряженномъ страхѣ. И долго все сходило ему съ рукъ, и съ каждымъ днемъ онъ зазнавался и забывался все болѣе и болѣе... Но грянулъ и на него громъ: дѣянія его переполнили чашу

терпѣнія, назначена была сенаторская ревизія, и самодуръ-помпадуръ слетѣлъ съ мѣста.

Вотъ этотъ-то губернаторъ, почти тотчасъ же по пріѣздѣ къ намъ въ губернію, и не возлюбилъ отъ всей души моего дядюшку Ивана Максимовича. Но старый голова былъ неуязвимъ и ко всѣмъ вздорнымъ и мелочнымъ придиркамъ новаго губернатора относился болѣе чѣмъ равнодушно. Кипѣлъ помпадуръ, но сдѣлать пока ничего не могъ, придраться серьезно было не къ чему.

Но вотъ однажды, въ какой-то большой, торжественный праздникъ, губернаторъ, ѣдучи въ соборъ, замѣтилъ какое-то упущеніе со стороны городского головы, а, подъѣзжая къ собору, увидалъ и самого голову, неторопливо вылѣзавшаго изъ своихъ объемистыхъ саней, запряженныхъ парою древнихъ, бѣлыхъ, какъ лунь, рысаковъ. «Голова» былъ уже на паперти, гдѣ въ ожиданіи губернатора толпилось разное начальство. Быстрыми шагами нагналъ губернаторъ голову и сталъ ему что-то говорить о замѣченныхъ имъ упущеніяхъ.

— Неумѣстно здѣсь, ваше превосходительство, — холодно замѣтилъ ему дядюшка Иванъ Максимовичъ.

— Какъ? Что?—вскипѣлъ губернаторъ.—Вы со мной разговаривать не желаете?

— Въ храмѣ Божіемъ, кромѣ обращенія къ Богу, никакихъ себѣ разговоровъ позволить не могу,—отвѣтилъ на это старикъ.

— А! Вотъ какъ?! Въ такомъ случаѣ, мы съ вами вмѣстѣ больше служить не можемъ! — уже выйдя изъ себя, крикнулъ губернаторъ.

— Ничего не имѣю противъ того, чтобы вы подали въ отставку, ваше превосходительство,—ясно и отчетливо проговорилъ Иванъ Максимовичъ и, осѣнивъ себя крестомъ, съ паперти вошелъ внутрь собора.

III.

Вскорѣ послѣ этого событія, но отнюдь не вслѣдствіе его, дядюшка Иванъ Максимовичъ покинулъ службу, и жизнь его, и безъ того ровная и размѣренная, какъ ходъ маятника, стала еще ровнѣе и еще размѣреннѣе. Тетушка, благодаря какому-то недугу, уже второй годъ никуда ни на шагъ не выходила изъ дому. Плотно засѣлъ и дядюшка. И въ самой внѣшности его совершились нѣкоторыя перемѣны: онъ запустилъ бороду и волосы, и вскорѣ эта борода, красивая, сѣдая, широкой лопатой разрослась и легла ему на грудь, а отросшіе волосы, мягкими серебристыми локонами падали на плечи. И отъ этого лицо Ивана Максимовича стало значительно мягче и привѣтливѣе.

Лицо же тетушки, напротивъ, становилось все непріятнѣе и непріятнѣе. На щекахъ появилась какая-то одутловатость, а цвѣтъ кожи сталъ прозрачно-желтоватый.

Тихо потекла жизнь въ ихъ домѣ. Квартира дѣлилась на двѣ половины: въ первой, такъ сказать, парадной — помѣщался кабинетъ дядюшки, залъ, гостиная, общая супруговъ спальня и комнатка Сашеньки. Во—второй столовая, кабинетъ тетушки, комната ея двоюродной сестры, Екатерины Александровны, и буфетная. А наверху, на антресоляхъ, жили — престарѣлая, совсѣмъ уже больная старушка, Елизавета Андреевна, бывшая тетушкина гувернантка, и всѣ дѣвушки горничныя воспитанницы.

Дядюшка, вопреки обыкновенію всѣхъ старыхъ людей, просыпался очень поздно, т. е. часовъ въ десять, и прямо изъ спальни, въ халатѣ, шелъ къ себѣ въ кабинетъ, къ которому примыкала маленькая его уборная, и при помощи своего камердинера — Марьи Алексѣевны дѣлалъ свой туалетъ. Тетушка же, одѣвшись въ спальнѣ, отправлялась на свою половину и усаживалась въ большое кресло, стоявшее возлѣ окна, на которомъ лежала всегда пачка въ восьмушку нарѣзанной бумаги и дюжина хорошо очиненныхъ карандашей.

Екатерина Александровна въ это время приготавливала чай и кофе. Двѣ громадныхъ чашки—одна съ кофе, другая съ чаемъ,—большой молочникъ съ густыми, кипяченными сливками и тарелка съ горячими домашними булочками и ватрушками, устанавливались на подносѣ и подавались для осмотра тетушкѣ. Прихлебнувъ по ложечкѣ изъ той и изъ другой чашки, осмотрѣвъ каждую булочку и ватрушечку,—храни Богъ, если бы хоть одна изъ нихъ была подгорѣлой или плохо выпеченной,—тетушка говорила: «хорошо, несите». И подносъ этотъ бережно, покрытый чистой салфеткой, отправлялся на половину къ дядюшкѣ, который, только что окончивъ свой туалетъ, усаживался тоже въ большое вольтеровское кресло къ окну, на широкомъ подоконникѣ котораго, обитомъ ковромъ, лежала уже пачка газетъ и стоялъ ящикъ съ сигарами.

Подносъ съ чаемъ и кофе устанавливался на маленькій столикъ и вмѣстѣ уже со столикомъ вносился въ кабинетъ и ставился передъ кресломъ дядюшки. Иванъ Максимовичъ снималъ съ подноса салфетку, затыкалъ ее однимъ концомъ за жилетъ и принимался за кофе и булочки. Кушалъ онъ всегда съ хорошимъ апетитомъ. Выпивъ свою большую чашку кофе и скушавъ всѣ булочки, дядюшка подвигалъ себѣ другую чашку, уже съ чаемъ, который пилъ всегда безъ сливокъ, закуривалъ сигару и развертывалъ газеты.

Когда чашка чая была допита, столикъ съ подносомъ, безшумно, какими-то таинственными руками уносился изъ кабинета. А дядюшка въ это время сидѣлъ и читалъ. Мертвая тишина царила на его половинѣ, только шелестъ переворачиваемыхъ газетныхъ листовъ нарушалъ ее.

На половинѣ тетушки было тоже тихо. Елена Васильевна, откушавъ чай, сидѣла въ своемъ креслѣ и читала какую нибудь книгу.

По временамъ, она брала восьмушку бумаги, карандашъ и быстро-быстро набрасывала нѣсколько строкъ. Свернувъ бумагу, она вкладывала ее въ конвертъ и карандашемъ же надписывала адресъ. Потомъ чуть прикасалась къ колокольчику, стоявшему возлѣ нея, и отдавала конвертъ словно изъ-подъ земли выросшей горничной-дѣвушкѣ. И конвертъ немедленно отправлялся по адресу.

Елена Васильевна не любила разговаривать и всѣ свои приказы отдавала именно этимъ путемъ, т. е. на восьмушкахъ бумаги карандашемъ нѣсколько строкъ. И куда только не разносились эти конверты! Иногда это была записка къ домамнему доктору, съ просьбой пріѣхать или съ какимъ нибудь спеціальнымъ вопросомъ. Иногда, когда еще дядюшка былъ головой, конверты эти летѣли къ нему въ думу и содержали въ себѣ напоминаніе или указаніе, какъ въ томъ или въ другомъ вопросѣ нужно дѣйствовать и говорить; иногда ихъ относили въ тѣ благотворительныя учрежденія, которыя находились подъ опекой тетушки; иногда это былъ приказъ повару на кухню съ отмѣной какого нибудь еще съ вечера заказаннаго блюда; иногда это была дружественная записка къ старичку—вице-губернатору, котораго тетушка почему-то особенно любила. Иногда это былъ приказъ въ книжный или нотный магазинъ о присылкѣ тѣхъ или другихъ нотъ, той или другой книги. Очень часто это были записки на ту половину, къ дядюшкѣ. Короче сказать, такихъ записокъ тетушкой отправлялось въ день иногда до двадцати пяти штукъ и даже болѣе.

И такъ тетушка сидѣла и писала записки, а дядюшка сидѣлъ и читалъ газеты.

Било полдень.

Это былъ часъ, назначенный для пріема гостей и посѣтителей. Въ передней дребезжалъ звонокъ, дежурная дѣвочка отпирала дверь и впускала посѣтителя. Если кто спрашивалъ: «дома ли Иванъ Максимовичъ?»—неизмѣнно отвѣчалось: «дома, пожалуйте-съ». Да опытные люди и не задавали этого вопроса, потому что они всѣ знали, что Иванъ Максимовичъ не только всегда дома, но и всегда всѣхъ и каждаго въ этотъ часъ принимаетъ; тогда какъ Елена Васильевна принимала на свою половину съ очень большимъ разборомъ и крайне рѣдко. Исключеніе дѣлалось только для близкихъ родственниковъ, для домашняго доктора, для старичка вице-губернатора да еще для двухъ-трехъ самыхъ интимныхъ друзей. Это тоже всѣ знали, и потому рѣдкій посѣтитель спрашивалъ въ передней: «принимаетъ ли Елена Васильевна?» Къ дядюшкѣ же входили всѣ безъ доклада.

Изъ передней посѣтитель вступалъ въ залу, въ большую, свѣтлую, но вѣющую холодомъ залу. Дядюшка Иванъ Максимовичъ со своего кресла уже видѣлъ входившаго, и если это былъ мужчина, то вставалъ не торопясь и шелъ къ нему съ такимъ расчетомъ,

что встрѣчалъ его на порогѣ своего кабинета, привѣтливо улыбался и обыкновенно говорилъ:

— Милости просимъ!—указывая на кресло, стоявшее vis-à-vis съ его кресломъ.

Затѣмъ, подвигалъ гостю ящикъ съ сигарами и прибавлялъ:

— Пожалуйста!

Затѣмъ, когда гость, окончивъ свой визитъ или переговоривъ о нужномъ дѣлѣ, поднимался, чтобы уходить, дядюшка вставалъ и провожалъ его черезъ весь кабинетъ, черезъ всю смежную съ кабинетомъ гостиную, но дальше уже не шелъ, а простившись вторично, поворачивался и отправлялся на свое кресло.

Если приходила дама, дядюшка поднимался со своего мѣста гораздо скорѣе и выходилъ въ гостиную и встрѣчалъ гостью уже въ дверяхъ, между гостиной и залой. И гостью онъ не вводилъ въ кабинетъ, а принималъ въ гостиной, усаживалъ на диванъ, а самъ садился сбоку въ кресло. Провожалъ же гостью онъ неизмѣнно до самой передней. Но тамъ не дожидался, когда она одѣнется, а, поклонившись ей, отправлялся къ себѣ въ кабинетъ.

И такимъ онъ былъ для всѣхъ: для чужихъ и для родныхъ, для молодыхъ и старыхъ, для захудалыхъ и сановныхъ — безъ исключенія. Если единовременно сходились и мужчина, и дама, пріемъ былъ въ гостиной. Если собиралось нѣсколько мужчинъ, то къ креслу, стоявшему vis-à-vis съ дядюшкинымъ, подвигалось другое кресло, третье, четвертое и иногда передъ нимъ образовывался цѣлый полукругъ креселъ.

Поговорить дядюшка любилъ, говорилъ довольно краснорѣчиво, но всегда съ легкой иронiей и иногда эта иронiя, что называется, безъ бритвы брила. Помню, — это уже было въ послѣдній годъ жизни дядюшки, когда ему, кажется, уже перевалило за восемьдесять — пріѣхалъ я изъ Петербурга на родину, ну, и конечно, первый визитъ къ старику. Встрѣтилъ онъ меня, по обыкновенію, привѣтливо и любезно на порогѣ своего кабинета, но одѣтъ уже былъ не въ бархатный пиджакъ, а въ халатъ.

— Ну, садись, разсказывай! — началъ онъ, подставивъ мнѣ для поцѣлуя сначала одну, а потомъ другую щеку. — Слышалъ я про тебя и даже читалъ, что ты теперь писательствуешь. Пьесы пишешь для театра?

— Да, дядюшка. И три мои комедiи уже поставлены на императорской сценѣ, — похвастался я.

— Ну, и съ успѣхомъ?

— Да, дядюшка.

— Такъ, такъ! — поддакнулъ онъ, потомъ, помолчавъ немного, не то спросилъ, не то сказалъ. — А Островскій-то умеръ.

— Да, дядюшка, недѣли три тому назадъ, — подтвердилъ я.

— Да, большой былъ драматургъ... Ну, чтожъ, пиши, пиши! —

одобрительно проговорилъ онъ и потомъ, послѣ маленькой паузы, вдругъ спросилъ: — Не помнишь ли, какъ это у Шекспира, Гамлетъ, кажется, говоритъ: «когда великіе умираютъ, маленькіе дѣлаются великими?»

И въ глазахъ его вспыхнулъ огонекъ былой иронiи.

Я понялъ, что это—камешекъ въ мой огородъ, и улыбнулся.

Гости, посѣтители и визитеры могли являться къ дядюшкѣ Ивану Максимовичу отъ двѣнадцати до четырехъ часовъ дня, при чемъ засидѣвшіеся до половины четвертаго или явившіеся послѣ трехъ съ половиной часовъ считались какъ бы приглашенными къ обѣду. Приборъ ихъ ужъ былъ накрытъ. Въ четыре часа дядюшка поднимался съ кресла и, сказавъ: «милости просимъ откушать», велъ гостя или гостей на вторую половину квартиры—въ столовую.

Обѣдъ неизмѣнно состоялъ изъ четырехъ блюдъ. Водки за столомъ никогда и ни для кого не подавалось. Закусокъ тоже никакихъ не было, но если былъ гость, то къ его прибору ставилась бутылка краснаго или бѣлаго бордосскаго вина. Передъ приборомъ же дядюшки стояла бутылка какого-то бѣленькаго, очень легкаго донскаго. Никакого другого онъ не пилъ и пить не могъ. Привычки для него были второй натурой. Мѣнять ихъ ему было очень трудно. Такъ, когда исчезъ въ продажѣ хорошій Жуковъ табакъ и дядюшка volens-nolens долженъ былъ отказаться отъ трубки и перейти на сигары, онъ остановился на первыхъ же попавшихся ему и уже до конца жизни неизмѣнно курилъ только этотъ разъ навсегда имъ выбранный сортъ. И нельзя сказать, чтобъ сигары дядюшки были особенно хороши. Онѣ были русскаго производства, кажется, рублей въ десять сотня. Но когда мой братъ, вернувшись изъ Америки, привезъ въ подарокъ дядѣ ящикъ великолѣпныхъ гаванскихъ сигаръ, то старикъ, поблагодаривъ его за память и любезность, попробовалъ было сейчасъ же закурить одну изъ этихъ «регалій», но, сдѣлавъ двѣ-три затяжки, отложилъ ее въ сторону и, сказавъ: «нѣтъ, это мнѣ не по вкусу», принялся за свою «русскую капустку».

Впрочемъ, для гостей дядюшка держалъ всегда особый ящикъ хорошихъ гаванскихъ сигаръ.

За столъ, къ обѣду всегда садились, кромѣ самого дядюшки, тетушка Елена Васильевна, ея двоюродная сестра Екатерина Александровна, воспитанница Сашенька и почти всегда одинъ или двое изъ приглашенныхъ. Обѣдъ проходилъ въ чинной бесѣдѣ. Затѣмъ, дядюшка тутъ же въ столовой пересаживался на кресло, закуривалъ сигару и, прихлебывая изъ чашки черный кофе, продолжалъ еще бесѣдовать со своимъ гостемъ ровно до половины шестаго. Затѣмъ, вставалъ, прощался и отправлялся къ себѣ въ спальню, гдѣ, умывшись и причесавшись, ложился спать.

Тетушка оставалась на своей половинѣ. Воспитанница Сашенька играла обыкновенно въ это время на роялѣ излюбленныя тетушкой пьесы.

Въ восемь часовъ дядюшка просыпался и выходилъ въ свой кабинетъ, но теперь уже садился не къ окну на кресло, а на кресло къ письменному столу. Туда подавался ему чай, и онъ, при свѣтѣ четырехъ свѣчей, принимался за чтеніе, но уже не газетъ, а книгъ и писаніе какихъ-то записокъ.

Въ это время къ дядюшкѣ допускались только люди близкіе и интимные. Но имъ онъ всегда былъ очень радъ и охотно прерывалъ свою работу.

Въ полночь, въ кабинетъ безшумно входила тетушка и, перекрестивъ мужа, пожелавъ ему спокойной ночи, отправлялась въ спальню и ложилась спать. Дядюшка же сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ еще часа три и потомъ, уже самъ сдѣлавъ свой вечерній туалетъ, со свѣчкой въ рукахъ, въ халатѣ, шелъ въ спальню и тамъ на большой, двухспальной кровати, рядомъ со своей супругой, покойно отходилъ ко сну.

IV.

Дядюшка былъ не богатъ. У него былъ домъ и капиталъ, приносившій ему шесть тысячъ рублей въ годъ процентовъ. Вотъ и все. Но жилъ онъ такъ аккуратно, что этихъ денегъ ему и тетушкѣ хватало на все и поэтому онъ не считалъ нужнымъ заниматься комерціей, какъ дѣлали его другіе братья. Скупымъ его назвать было нельзя, но тѣмъ болѣе нельзя было назвать и щедрымъ. Онъ былъ расчетливъ. Не любилъ онъ давать денегъ взаймы, а большихъ суммъ никогда никому и не давалъ. Бывало нужны деньги, что называется, до зарѣзу — придешь къ дядюшкѣ, попросишь, а онъ только улыбается.

— Погоди, — говоритъ, — до перваго числа... Вотъ, какъ оно придетъ, я подсчитаю, сколько у меня отъ истекшаго мѣсяца останется, ну, и этотъ остатокъ, пожалуй, могу тебѣ дать, но уже отнюдь не взаймы, а безвозвратно.

А иногда заявитъ, что въ этомъ мѣсяцѣ ничего дать не можетъ, такъ какъ остатокъ расходной суммы имъ уже обѣщанъ заранѣе другому. Изъ капитала же ни подъ какимъ видомъ и ни для кого онъ бы копейки не взялъ. И это всѣ знали и поэтому не докучали ему безполезными просьбами.

Тихо, холодно текла жизнь этихъ двухъ людей. Всѣ имъ оказывали глубокое уваженіе, но врядъ ли кто горячо любилъ ихъ, да если бы кто и любилъ, то не могъ бы и не сумѣлъ бы проявить свою любовь по отношенію къ нимъ. Никакой порывъ, ничто выходящее изъ нормы не допускалось въ этомъ домѣ. Голоса тамъ у всѣхъ звучали какъ-то ровно, и даже обыкновенно шумный и увлекающійся младшій братъ Ивана Максимовича, Алексѣй Ма-

ксимовичъ, переступая порогъ дядюшкинаго дома, какъ-то невольно стихалъ и умѣрялъ свои порывы.

Я забылъ сказать, что тетушка Елена Васильевна, выйдя замужъ за Ивана Максимовича, простила своему первому, такъ легкомысленно ей измѣнившему, жениху. Именно — простила, но не забыла, и ихъ отношенія на всю уже дальнѣйшую жизнь пріобрѣли этотъ оттѣнокъ: съ одной стороны—человѣкъ простившій, а съ другой—человѣкъ прощенный. «Прощенному человѣку» эти отношенія, очевидно, не нравились, и потому Алексѣй Максимовичъ никогда особенно нецолюбливалъ тетушку Елену Васильевну. Онъ бывалъ у своего старшаго брата, не только простившаго, но и забывшаго его поступокъ, довольно часто; но неохотно оставался у него обѣдать, неохотно «шелъ на ту половину», т. е. на половину тетушки Елены Васильевны. Его широкой и горячей натурѣ было тамъ скучно и холодно, а эта полная, желтолицая дама съ большими круглыми глазами, съ плотно сжатыми, тонкими губами, очевидно будила въ немъ неособенно пріятныя воспоминанія, а можетъ быть, иногда не только непріятныя, но и тяжелыя, такъ какъ Алексѣй Максимовичъ недолго прожилъ съ своей красавицей и горячо любимой имъ женой, умершей въ самомъ, какъ говорится, цвѣтущемъ возрастѣ. Да и не одинъ Алексѣй Максимовичъ неохотно шелъ «на ту половину».

Помню, какъ непріятно было и намъ, дѣтямъ, когда насъ по праздникамъ, принарядивъ и напомадивъ, возили на обязательный поклонъ къ дядюшкѣ Ивану Максимовичу, къ которому, какъ къ «старѣйшинѣ» нашей семьи, вся родня относилась съ большимъ почтеніемъ. Сколько наставленій, сколько напоминаній дѣлалось намъ, дѣтямъ, какъ держать себя у дядюшки, что говорить, какъ подойти къ ручкѣ къ тетушкѣ, какъ поздравить, и потомъ строго наказывалось вести себя чинно, не болтать лишняго, не шумѣть, опрятно кушать... ахъ, безъ конца! И ѣдешь, бывало туда, какъ на закланіе, и только Бога молишь, чтобы тетушка обѣдать не оставила, потому что тогда весь праздникъ пропадетъ. Послѣ веселой, шумной, безалаберной атмосферы, царившей въ нашемъ домѣ, чинность и тишина дядюшкиныхъ комнатъ дѣйствовали на насъ, дѣтей, самымъ удручающимъ образомъ. Тетушка еще бывало непремѣнно за что нибудь выговоръ сдѣлаетъ. Просто бѣда! Только одно утѣшеніе и было, что наши гувернеры и гувернантки, сопровождавшіе насъ, тоже смирялись и какъ-то робѣли подъ «круглымъ окомъ» тетушки Елены Васильевны. И вотъ сознаніе, что они тоже кого нибудь да боятся, вознаграждало за тоску и страхъ, переживаемый нами тамъ.

Впослѣдствіи, когда я подросъ, я сталъ довольно охотно ходить къ дядюшкѣ и съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ этимъ умнымъ и наблюдательнымъ старикомъ. Но тетушкина половина никогда не

привлекала меня, да и для всѣхъ другихъ, съ каждымъ годомъ, тамъ становилось все жутче и жутче: здоровье тетушки портилось а вмѣстѣ съ этимъ и характеръ ея становился все непривѣтливѣе.

И вотъ, наконецъ, у насъ въ домѣ кто-то сказалъ, что доктора опредѣлили у тетушки водянку, и что дни ея сочтены.

Въ то время я былъ только что произведенъ въ офицеры и широко предавался всѣмъ радостямъ открывшейся мнѣ новой жизни. Только по праздникамъ да по воскресеньямъ на минутку заѣзжалъ я, чтобы поздравить дядюшку, и, къ стыду моему долженъ признаться, всегда радовался, когда мнѣ говорили, что на «ту половину» пройти нельзя, такъ какъ тетушкѣ дѣлалось все хуже и хуже, и она почти никого уже не принимала.

Тетушка умирала...

Кровать ея уже перенесли изъ спальни въ ея кабинетъ на ту половину, и она все свое время проводила неподвижно, или сидя въ своемъ креслѣ, или лежа въ постелѣ. Возлѣ нея безсмѣнно дежурила уже окончившая курсъ гимназіи воспитанница Сашенька, а допускались къ ней только самые близкіе, интимные люди. Она уже не выходила въ столовую къ обѣду, но весь порядокъ жизни дядюшки Ивана Максимовича шелъ самымъ обычнымъ образомъ, не измѣнившись ни на іоту. Въ тѣ же часы вставалъ онъ, пилъ свой кофе и чай, предварительно опробованный тетушкой Еленой Васильевной, въ тѣ же часы онъ принималъ своихъ посѣтителей, въ тѣ же часы обѣдалъ. Однимъ словомъ, все измѣненіе въ его жизни состояло только въ томъ, что теперь онъ уже одинъ ночевалъ въ своей супружской спальнѣ, да послѣ обѣда проводилъ часъ возлѣ одра своей болящей супруги. Тетушка умирала, но и умирающая зорко слѣдила, чтобы порядокъ въ домѣ и особенно въ жизни дядюшки Ивана Максимовича ничѣмъ не нарушался.

Когда дядюшка Иванъ Максимовичъ, посидѣвъ съ нею послѣ обѣда часъ, отправлялся въ половинѣ шестого къ себѣ въ спальню отдохнуть, тетушка, какъ и прежде, приказывала воспитанницѣ Сашенькѣ садиться за стоявшій въ смежной съ ея кабинетомъ комнатѣ рояль и играть разныя излюбленныя ею пьесы.

Недѣли за двѣ до смерти она вдругъ приказала Сашенькѣ сыграть похоронный маршъ Шопена. Сердце замерло у бѣдной дѣвушки, но ослушаться приказанія своей благодѣтельницы она не смѣла, и вотъ скорбные, рыдающіе звуки полились изъ-подъ пальчиковъ Сашеньки, а изъ глазъ ея закапали слезы. Эта худенькая, блѣдная дѣвушка искренно любила тетушку Елену Васильевну. И съ этого вечера Сашенькѣ неизмѣнно приказывалось играть только похоронный маршъ Шопена.

А тетушка тутъ же, за стѣной, сидя въ креслѣ или полусидя въ постелѣ—лежать она уже не могла—слушала и умирала.

Тетушка Елена Васильевна умирала не одна: на антресоляхъ,

въ комнатѣ, какъ разъ расположенной надъ кабинетомъ тетушки, тоже медленно отходила въ вѣчность старушка, гувернантка тетушкина, Елизавета Андреевна. И одна умирающая то и дѣло справлялась о здоровьѣ другой.

— Ну, какъ старуха-то на верху?— спрашивала кого нибудь тетушка.

— Плоха,—неизмѣнно былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ.

— Скажите ей, чтобы подождала умирать-то: чтобы намъ вмѣстѣ умереть, чтобы вмѣстѣ и хоронить насъ,—чуть слышно говорила тетушка.

А старушка-гувернантка тоже справлялась о здоровьѣ своей воспитанницы и искренно боялась, какъ бы ей, старухѣ, не пережить свою питомицу-Леночку. И она сама торопила свою смерть, такъ медленно разрушавшую ея старенькое, совсѣмъ уже до костей высохшее тѣло.

Дней за пять до смерти, когда дядюшка Иванъ Максимовичъ зашелъ послѣ обѣда посидѣть къ ней, тетушка велѣла ему пододвинуться поближе и заговорила:

— Я скоро умру, но ты не печалься и жизни своей не нарушай. Живи, какъ жилъ, и будь такимъ же. Со мной, вѣроятно, вмѣстѣ умретъ и старуха моя, Елизавета Андреевна; хочу я, чтобъ насъ вмѣстѣ хоронили и могилу ей вырыли бы слѣва отъ моей могилы—справа будетъ могила твоя. На похоронахъ мнѣ никакого предпочтенія не дѣлать, а первое мѣсто уступить ей и имя ея раньше моего упоминать. А гробá чтобъ были совершенно одинаковые, и поминать потомъ всегда вмѣстѣ. Въ случаѣ, ежели она раньше меня умретъ, похороны ся отложить — меня подождите. Она при жизни изсохла, и духу отъ нея не будетъ. Если же я раньше умру, меня хоронить, не ждать, потому что во мнѣ воды много.

— Хорошо,—тихо и серьзно отвѣтилъ дядюшка.

— Ну, а теперь, мой дружокъ, иди и отдохни,—отпустила она своего супруга, и какъ только онъ прошелъ на свою половину, воспитанница Сашенька заиграла похоронный маршъ Шопена.

Наканунѣ смерти тетушка пожелала проститься съ родными, и мы собрались въ довольно просторной гостиной и одинъ за другимъ проходили въ комнату умирающей. Настала моя очередь. Я вошелъ и вздрогнулъ: передо мной, на постелѣ, между громадныхъ, бѣлыхъ подушекъ, сидѣло что-то страшное, безформенное и какъ будто даже безцвѣтное. Я понялъ, что это была тетушка Елена Васильевна. Большіе, круглые глаза ея пристально и упорно смотрѣли на меня, и потомъ эти глаза сдѣлали мнѣ знакъ, чтобы я подошелъ ближе. Я приблизился,

— Ты офицеръ?—разслышалъ я вопросъ.

— Да, тетушка, недавно только произведенъ.

— Дядя мнѣ говорилъ объ этомъ, но сама я тебя еще офицеромъ не видала.

Проговоривъ эти слова, тетушка помолчала немного, и потомъ начала опять этимъ ужаснымъ голосомъ умирающаго человѣка:

— Завтра, а, можетъ быть, и сегодня я увижу твою покойницу-мать. Мы соединимся съ ней тамъ.— И круглые глаза умирающей поднялись кверху. — Я увижу ее и все разскажу про тебя. Ей будетъ пріятно. Она тебя такъ горячо любила. Ну, а теперь, прости меня и ступай.

Я наклонился, поцѣловалъ лежащую поверхъ одѣяла желтую, мягкую руку и, едва сдерживая рыданія, вышелъ изъ комнаты; быстро прошелъ столовую, торопливо одѣлся въ передней и, выбѣжавъ изъ дома дядюшки, разрыдался.

«Она увидитъ мою покойную мать», шепталъ я и въ эту минуту глубоко вѣрилъ, что это именно такъ и будетъ.

Въ ночь наканунѣ смерти, тетушка позвала къ себѣ сестру Екатерину Александровну и горничную Марью Алексѣевну.

— Скоро отойду,—заговорила она, обращаясь къ нимъ.—Дѣдушку... (такъ всегда она звала своего мужа, дядюшку Ивана Максимовича) дѣдушку оставляю вамъ на руки. Смотрите! Берегите его у меня пуще глазу. Чтобъ пылинка на него не сѣла! Чтобъ на минутку не опоздать чего нибудь подать ему! Чтобъ онъ и не замѣтилъ, что меня и на свѣтѣ нѣтъ. А если упущеніе какое будетъ — смотрите! Я, вѣдь, и съ того свѣта приду, и бѣда вамъ!

«И взглядъ ея», какъ разсказывала мнѣ потомъ Екатерина Александровна, «въ эту минуту былъ такъ ужасенъ, что обѣ мы, т. е. и я, и Марья Алексѣевна, затрепетавъ, упали на колѣни и поклялись исполнить ея завѣтъ».

Прошла ночь, день прошелъ, насталъ часъ обѣда. Дядюшка Иванъ Максимовичъ, откушавъ, зашелъ къ своей супругѣ. Воспитанницѣ Сашенькѣ тетушка приказала играть похоронный маршъ Шопена, и супруги остались вдвоемъ, съ глазу на глазъ, въ со всѣхъ сторонъ затворенной комнатѣ.

Часа черезъ два пріѣхалъ докторъ и, войдя въ комнату къ умирающей, объявилъ сидѣвшему возлѣ нея въ креслѣ дядюшкѣ Ивану Максимовичу, что агонія уже началась, и скоро, вѣроятно, все будетъ кончено.

Замеръ весь домъ. Всѣ словно по щелямъ попрятались и стихли. И только въ одиннадцатомъ часу ночи, когда дядюшка Иванъ Максимовичъ вышелъ изъ кабинета Елены Васильевны и своей ровной, неторопливой походкой, но теперь уже съ опущенной внизъ головой, прошелъ на свою половину,—всѣ поняли, что тетушка Елена Васильевна скончалась.

И началось тутъ то, что обыкновенно начинается возлѣ только что умершаго человѣка: слезы, рыданія, безтолковая суетня, не-

связный шопотъ, растерянныя лица. Но на половинѣ у дядюшки попрежнему было все тихо, а самъ онъ, совсѣмъ одѣтый, стоялъ на колѣняхъ въ своемъ кабинетѣ передъ образомъ Казанской Божіей Матери и, повидимому, спокойно, безъ слезъ, молился . . .

. . . . . .

Часу въ пятомъ утра, которая-то изъ горничныхъ дѣвушекъ забѣжала на антресоли и заглянула въ комнату всѣми забытой въ суматохѣ, умиравшей Елизаветы Андреевны. Старушка поманила ее къ себѣ рукой.

— Ну, какъ Елена-то Васильевна?—угасающимъ шопотомъ спросила она.

— Ахъ, Елизавета Андреевна, развѣ вы не знаете? Елена Васильевна ужъ часовъ пять, какъ скончались!—отвѣтила горничная.

— Ахъ, чтожъ... ну, вотъ... ахъ, чтожъ... ну, какъ мнѣ... вотъ и не сказали... А я, и ну... ахъ!.. заволновалась старушка, и никто и не замѣтилъ, какъ и когда она умерла.

Утромъ, въ постелѣ, нашли ее уже остывшей.

V.

Едва ли существуетъ гдѣ нибудь большая, старая семья, въ преданіяхъ которой не сохранилось разсказа о какомъ нибудь сверхъестественномъ, непостижимомъ, чудесномъ случаѣ. Но въ нашей, въ то время еще здоровой нервами, семьѣ, такъ сравнительно недавно вышедшей изъ нѣдръ простого народа, такого разсказа не существовало. Тетушка Елена Васильевна, послѣ своей смерти, пополнила этотъ пробѣлъ.

Впрочемъ, прежде чѣмъ разскажу это событіе, я позволю себѣ вкратцѣ разсказать, что послѣдовало непосредственно за кончиной Елены Васильевны. Прежде всего, конечно, послѣдовали похороны, пышные и торжественные похороны. Распоряжался ими почему-то старичекъ вице-губернаторъ, неизмѣнный, добрый другъ покойной тетушки. И надо отдать ему справедливость, что устроилъ онъ это все очень хорошо, а главное почти нисколько не нарушивъ образа жизни дядюшки Ивана Максимовича. Дядюшка, конечно, присутствовалъ на всѣхъ панихидахъ, но панихиды эти назначались именно въ тѣ часы, когда дядюшкѣ было удобно. Дядюшка былъ молчаливъ, серьезенъ, но отнюдь не имѣлъ вида человѣка, убитаго горемъ.

— Философъ,—говорили про него одни знакомые, посѣщавшіе панихиды.

— Да чтожъ ему убиваться-то? Вѣдь, поди, и самъ собирается уже вслѣдъ за своей вѣрной подругой,—объясняли другіе.

Два гроба, совершенно одинаковыхъ, стояли въ переднемъ углу большой залы и двѣ покойницы—тетушка и ея гувернантка—ле-

жали въ этихъ гробахъ. Дядюшка, на этотъ разъ въ черномъ сюртукѣ и черномъ галстукѣ, стоялъ въ ногахъ, какъ разъ посрединѣ между двумя гробами, и молился. А сзади стояли родня и знакомые.

На третій день гробы подняли и на рукахъ понесли въ довольно отдаленный отъ города монастырь. Дядюшку тепло одѣли и усадили въ большую карету, запряженную двумя старыми, уже едва передвигавшими ноги, бѣлыми рысаками. И карета медленно поплыла за гробами.

Кортежъ былъ очень внушительный. Длинной вереницей шло духовенство, масса дѣтей изъ разныхъ покровительствуемыхъ тетушкой пріютовъ; множество именитыхъ гражданъ и начальства и большая толпа народа.

А въ монастырѣ ждали уже двѣ готовыхъ, рядомъ вырытыхъ, могилы и вся монастырская братія.

Отслужили обѣдню, отпѣли покойницъ, и имя «Елизаветы» всегда упоминалось передъ именемъ «Елены». Опустили въ могилы, сказали нѣсколько прочувствованныхъ словъ, засыпали могилы землей. Дядюшка задумчиво постоялъ нѣсколько минутъ между ними, потомъ перешелъ на мѣсто, назначенное для его могилы—тутъ же, рядомъ, справа отъ тетушки, и на немъ немного постоялъ и тоже о чемъ-то подумалъ; потомъ, сѣвъ въ свою карету, посадилъ съ собой старичка вице-губернатора, и былые рысаки неторопливой, разбитой рысцой потащили двухъ старцевъ обратно въ городъ.

Дома былъ приготовленъ поминальный обѣдъ человѣкъ на сто, и въ той же самой залѣ, гдѣ только что передъ этимъ стояли два гроба, живые люди принялись за обильную трапезу. Соборный протодіаконъ своимъ могучимъ басомъ удивительно красиво провозгласилъ вѣчную память покойницамъ и всѣ выпили по стаканчику какого-то особеннаго поминальнаго питья. Дядюшка присутствовалъ, но не кушалъ и ничего не пилъ.

Послѣ обѣда гости быстро разошлись. Дядюшка прошелъ къ себѣ въ спальню, переодѣлся изъ сюртука въ халатъ — съ этого дня ужъ онъ не зналъ другого костюма—затѣмъ, онъ отправился «на ту половину», гдѣ въ столовой былъ уже накрытъ столъ для простого, обыкновеннаго домашняго обѣда. Екатерина Александровна и Сашенька, одѣтыя во все черное, стояли возлѣ своихъ приборовъ. Дядюшка сѣлъ, покушалъ, выпилъ стаканчикъ своего бѣлаго донскаго, потомъ перешелъ на другое кресло, закурилъ сигару, и ему подали чашку чернаго кофе...

И жизнь потекла опять для него своимъ обычнымъ, ненарушимымъ порядкомъ.

Прошло дней пять. Младшій братъ дядюшки, Алексѣй Максимовичъ, вернулся изъ-за границы и, какъ всегда, привезъ съ собою массу новинокъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько особо усовершенствованныхъ горѣлокъ для лампъ, подъ названіемъ «ми-

тральеза». И вотъ, отправляясь первый же разъ по пріѣздѣ къ своему старшему брату, Алексѣй Максимовичъ захватилъ въ подарокъ ему прекрасную кабинетную лампу съ новой горѣлкой «митральезой».

До сихъ поръ въ домѣ дядюшки, по крайней мѣрѣ въ парадныхъ комнатахъ, никогда и никакихъ лампъ не бывало. Горѣли исключительно свѣчи, но Алексѣй Максимовичъ, горячій поклонникъ всего новаго, всякихъ новыхъ открытій и изобрѣтеній, сумѣлъ убѣдить старшаго брата не только принять лампу въ подарокъ, но и употребить ее въ дѣло.

И вотъ какъ разъ въ эту-то ночь и случилось то необъяснимое событіе, о которомъ я упомянулъ въ началѣ главы.

Часовъ въ пять утра Екатерина Александровна, принявшая теперь уже безраздѣльно въ свои руки все хозяйство, проснулась въ неописуемомъ ужасѣ. Трепеща всѣмъ тѣломъ и обливаясь холоднымъ потомъ, вскочила она съ своей кровати и бросилась въ сосѣднюю комнату, гдѣ спала ея помощница, Марья Алексѣевна.

— Что съ вами, Екатерина Александровна?—испуганно спросила та, разбуженная этимъ несвоевременнымъ посѣщеніемъ.

— Боже мой! Боже мой!—дрожала Екатерина Александровна, не въ силахъ еще отъ страха разсказать, что съ ней случилось.

— Сестру я видѣла! Сестру Елену Васильевну!—начала она, наконецъ, послѣ того, какъ Марья Алексѣевна дала ей какихъ-то капель.—Пришла она ко мнѣ, одѣтая вся въ бѣломъ, въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ ее въ гробъ положили, пришла, посмотрѣла на меня своими глазами, надавила мнѣ рукой на грудь, тяжело надавила, да и говоритъ: «ты это что же? Развѣ я не тебѣ поручила дѣдушку? Развѣ я не тебѣ наказывала печись о немъ? Слѣдить, чтобъ на него соринка не упала, пылинка не сѣла? А ты до чего довела? Ты моего Ивана Максимовича въ арапа превратила? Негромъ сдѣлала? Чернѣе сажи онъ сталъ! Такъ-то ты за нимъ смотришь! Ну, говоритъ, берегись, Катерина! Я съ тобой расправлюсь не поздѣшнему!» И, тиснувъ еще разъ мнѣ грудь рукой, исчезла.

Задрожала отъ этого разсказа и Марья Алексѣевна, и обѣ женщины, робко прижавшись другъ къ другу, долго просидѣли молча, не зная, что имъ дѣлать. Первая спохватилась Екатерина Александровна.

— Пойдемъ, пойдемъ, Марья, молиться!—предложила, наконецъ, она, и онѣ робко, то и дѣло вздрагивая, отправились въ комнату, гдѣ скончалась Елена Васильевна, и гдѣ передъ иконой Божіей Матери постоянно теплилась лампада.

Тамъ онѣ зажгли еще нѣсколько восковыхъ свѣчей и, укрѣпивъ ихъ передъ большимъ кіотомъ, опустились на колѣни и стали молиться.

Сталъ заниматься поздній зимній день, а двѣ бѣдныхъ женщины все еще молились объ упокоеніи души рабы Божіей Елены.

Но вотъ насталъ часъ и обычныхъ дневныхъ хлопотъ. Изъ кухни уже принесли горячія булочки и ватрушки, Катерина Александровна принялась готовить чай и кофе для дядюшки Ивана Максимовича; а Марья Алексѣевна, зная, что онъ сейчасъ долженъ проснуться, отправилась къ нему на половину съ кувшиномъ свѣжей воды для умыванія. И недолго ей пришлось прождать у дверей спальни. Скоро донеслось оттуда характерное стариковское кряхтѣніе, скрипнула деревянная кровать, зашлепали туфли и только что успѣлъ дядюшка проговорить свое обычное «Марья, можешь войти», Марья Алексѣевна уже беззвучно вошла въ спальню.

Дядюшка стоялъ передъ умывальникомъ (теперь его уборная уже была перенесена въ спальню) и собирался умываться. Марья Алексѣевна съ кувшиномъ воды подошла къ нему и стала поливать на руки. Но едва успѣла она плеснуть въ первый разъ, какъ, похолодѣвъ отъ ужаса, выронила изъ рукъ кувшинъ и съ перекосившимся лицомъ прижалась къ стѣнѣ: и руки, и лицо дядюшки были покрыты сажей, и черная грязь потекла съ нихъ въ тазъ.

— Что? Что это такое?—испугался и самъ старикъ, и не столько этой сажи, сколько испуга своей горничной.

Марья Алексѣевна побѣжала на ту половину за другимъ кувшиномъ и тамъ встрѣтившей ее Екатеринѣ Александровнѣ успѣла только шепнуть: «весь черный, въ сажѣ, словно арапъ!»

Дѣло выяснилось: лампа «митральеза», подаренная Алексѣемъ Максимовичемъ и горѣвшая съ восьми часовъ до четырехъ въ кабинетѣ дядюшки, все время немилосердно коптила, а старикъ, погруженный въ свои занятія и думы, не замѣчалъ этого. Въ этотъ же вечеръ онъ впервые нарушилъ свой обычай тщательно умываться передъ отходомъ ко сну. И такимъ образомъ все это оказалось очень просто и ясно... Но вѣщій сонъ Екатерины Александровны, странное явленіе покойницы-тетушки, такъ и осталось чудеснымъ, необъяснимымъ событіемъ въ нашей семьѣ.

Весь день мыли и чистили кабинетъ дядюшки и смежную съ нимъ гостиную, и Иванъ Максимовичъ, поэтому, долженъ былъ необычно проводить это время на «той половинѣ», въ комнатѣ покойной Елены Васильевны. Но съ этого дня зато уже порядокъ жизни въ домѣ не нарушался ничѣмъ до самой смерти Ивана Максимовича. Не нарушила его и свадьба воспитанницы Сашеньки, черезъ годъ послѣ смерти Елены Васильевны вышедшей замужъ за очень почтеннаго человѣка и поселившейся съ мужемъ въ томъ же домѣ, въ квартирѣ, отведенной имъ въ нижнемъ этажѣ, подъ дядюшкиной половиной, раньше всегда сдававшейся какимъ-то жильцамъ. Не нарушали его и почти каждый годъ рождавшіяся дѣти этой Сашеньки. Все было попрежнему, постарому, только бархатный пиджакъ смѣнился теплымъ халатомъ.

Бывали, впрочемъ, попытки со стороны дядюшки нарушить этотъ

режимъ. Иногда, въ ясный зимній день или въ теплый, свѣтлый, весенній вечеръ, онъ вдругъ скажетъ:

— А поѣду-ка я сегодня покататься!

Ну, сейчасъ отдается приказаніе старому кучеру запрягать лошадь — теперь уже одну лошадь, потому что оба бѣлыхъ рысака, переживъ всѣ положенные для конской жизни сроки, наконецъ все-таки околѣли, и ихъ смѣнилъ какой-то громадный гнѣдой конь, тоже необычайно старый и запрягавшійся только исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда Екатерина Александровна ѣздила въ церковь. Ну, вотъ, заложатъ этого коня въ сани или пролетку, Марья Алексѣевна одѣнетъ дядюшку, повяжетъ ему шарфъ вокругъ шеи, сама застегнетъ перчатки, и тотъ, неторопясь, спустится на крыльцо, взглянетъ на лошадь, на небо и потомъ, улыбнувшись, скажетъ:

— Нѣтъ, должно быть, сегодня холодно.

А если это весной, то:

— По всей вѣроятности, въ городѣ страшная пыль.

И такъ же, не торопясь, поднимется обратно по лѣстницѣ, разоблачится, переодѣнется въ халатъ, да и засядетъ въ своемъ кабинетѣ года на три, т. е. до новой попытки прокатиться.

Дядюшка жилъ долго. Умеръ и его другъ, старичокъ вице-губернаторъ, послѣднія пятнадцать лѣтъ бывшій уже въ отставкѣ; умеръ и домашній докторъ—новаго такъ и не заводили, да и незачѣмъ было, такъ какъ дядюшка всегда былъ здоровъ; умеръ, впрочемъ предварительно не безъ скандала слетѣвъ съ мѣста, и его врагъ, губернаторъ-помпадуръ С.; постарѣлъ и одряхлѣлъ разбитый параличомъ меньшой братъ дядюшки, Алексѣй Максимовичъ; посѣдѣла и сгорбилась Екатерина Александровна; расцвѣла и располнѣла воспитанница Сашенька; получилъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника ея почтенный супругъ; переодѣлись въ гимназическіе мундирчики ихъ старшіе мальчики, а дядюшка все жилъ, жилъ и на видъ не старѣлъ даже совсѣмъ и потомъ... какъ-то почти вдругъ ему надоѣло жить, онъ взялъ да и умеръ.

VI.

Смерть дядюшки Ивана Максимовича, несмотря на его болѣе, чѣмъ преклонный возрастъ, была для всѣхъ полной неожиданностью, такъ какъ умеръ онъ, пользуясь ненарушимымъ здоровьемъ, да и притомъ до чрезвычайности странно.

Правда, потомъ уже многіе поняли, что онъ еще за годъ до смерти началъ готовиться къ ней, но готовился онъ такъ тайно, что обнаружилось это только черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти, когда было вскрыто духовное завѣщаніе.

Умеръ дядюшка въ сущности до крайности просто, и вотъ эта-то

простота казалась, да и теперь еще кажется, для всѣхъ свидѣтелей его смерти, крайне необычной, неестественной даже.

Дѣло было такъ: наступило 25-ое марта, день рожденія дядюшки. Къ двѣнадцати часамъ дня собрались въ его гостиной, для принесенія поздравленія, довольно еще многочисленные знакомые, почитатели и родственники старика. Собрались и съ недоумѣніемъ поглядывали другъ на друга: дядюшки въ кабинетѣ не было, а между тѣмъ къ этому часу онъ долженъ былъ бы, прочитавъ всѣ газеты, начать свой обычный пріемъ.

— Что же это такое? Неужели еще онъ изъ спальни до сихъ поръ не выходилъ?—слышался недоумѣвающій шопотъ.

Начали безпокоиться. Но вотъ въ залѣ глухо загудѣли старинные часы и пробили двѣнадцать, и съ послѣднимъ ударомъ ихъ, вмѣсто дядюшки, на порогѣ гостиной появилась Марья Алексѣевна.

— Иванъ Максимовичъ извиняются и изъ спальни сегодня не выйдутъ. Желающихъ же поздравить ихъ просятъ пожаловать туда,— какимъ-то страннымъ и неувѣреннымъ голосомъ проговорила она.

Всѣ испуганно переглянулись.

— Что жъ онъ боленъ?—спросилъ кто-то Марью Алексѣевну.

— Не могу знать-съ. По виду ничего незамѣтно-съ. Только кофе не кушали,—отвѣтила старушка.

Всѣмъ сразу идти въ спальню показалось неудобно, и потому рѣшено было, что первыми войдутъ ближайшіе родственники, то-есть Алексѣй Максимовичъ, Сашенька съ супругомъ и дѣтками, Екатерина Александровна и еще двое-трое изъ родныхъ.

Почему-то на цыпочкахъ и испуганно переглядываясь, отправились они къ дверямъ спальни. Первымъ отворилъ ихъ и вошелъ Алексѣй Максимовичъ.

На большой, рѣзной орѣховой кровати, на высоко взбитыхъ подушкахъ, подъ шерстянымъ вязанымъ еще руками Елены Васильевны одѣяломъ, полулежалъ, полусидѣлъ дядюшка Иванъ Максимовичъ. Волна серебристыхъ, тщательно расчесанныхъ, но уже сильно порѣдѣвшихъ кудрей и широкая, бѣлая, красивая борода обрамляли его совершенно здоровое, а по возрасту даже удивительно еще свѣжее лицо. Весело посматривалъ онъ на входившихъ и привѣтливо улыбался.

— Благодарю! Благодарю отъ души за память,— ласково отвѣчалъ онъ на поздравленія и почти нѣжно поглаживалъ головки приблизившихся къ его кровати дѣтей.

— Братъ, что съ тобой? Здоровъ ли ты? Отчего ты въ постелѣ?— спросилъ Алексѣй Максимовичъ.

Дядюшка улыбнулся.

— Здоровъ, какъ можетъ быть здоровъ почти столѣтній старецъ. А отчего я не встаю съ постели, отчего я не выхожу изъ спальни...— началъ было дядюшка и на минуту замолкъ.

— Да, отчего?—повторилъ свой вопросъ Алексѣй Максимовичъ.

— А скажи мнѣ, братъ, зачѣмъ я долженъ вставать съ постели и выходить изъ спальни?— вопросомъ на вопросъ отвѣтилъ дядюшка.

— Какъ, зачѣмъ?—нѣсколько растерявшись, заговорилъ Алексѣй Максимовичъ.—Да оттого, что нельзя же здоровому человѣку постоянно лежать въ постелѣ. Это нездорово даже.

— Въ моемъ возрастѣ не можетъ быть уже и рѣчи о томъ, что здорово и нездорово. Все здорово и все нездорово. Старое тѣло устало жить и двигаться, и пусть лежитъ оно покойно. Восемьдесятъ семь лѣтъ, каждое утро оно поднималось, двигалось, одѣвалось, пило, ѣло, дѣлало что-то для того, чтобы каждый же вечеръ, раздѣвшись, улечься въ постель. Довольно этого. Пусть ужъ лежитъ, чтобы... не ложиться.

Проговоривъ эту сравнительно большую тираду, дядюшка замѣтно ослабѣлъ и даже закрылъ глаза. И всѣ присутствующіе тихо вышли изъ спальни.

Пройдя въ гостиную, они составили тамъ домашній совѣтъ. Рѣшено было пригласить доктора, а, если понадобится, даже созвать консиліумъ. Слова и этотъ спокойный видъ дядюшки почему-то смущали всѣхъ, а то, что онъ, проговоривъ только нѣсколько фразъ, такъ замѣтно ослабѣлъ, всѣхъ серьезно пугало. Но безъ разрѣшенія старика привести къ нему доктора все-таки не рѣшались и поэтому условились подождать до завтрашняго утра. Посторонніе гости, собравшіеся для поздравленія, разъѣхались, а родные учредили, такъ сказать, дежурство въ дядюшкиной квартирѣ.

Прошелъ день. Иванъ Максимовичъ лежалъ въ своей постелѣ, очень мало кушалъ, отказался отъ вина и не курилъ сигаръ. Къ утру онъ замѣтно поблѣднѣлъ и даже какъ будто похудѣлъ немного.

Тутъ уже родные рѣшились упросить его принять доктора. Иванъ Максимовичъ улыбнулся и согласился. Пріѣхалъ докторъ. Это былъ знаменитый въ нашемъ краѣ профессоръ Николай Андреевичъ В., пользовавшійся репутаціей не только несравненнаго врача, но и замѣчательно умнаго человѣка. Имя его произносилось на ряду съ именами Боткина и Захарьина.

Пробывъ съ полчаса въ спальнѣ Ивана Максимовича, онъ вышелъ въ гостиную, гдѣ домочадцы ждали его приговора.

— Ну, что?—первымъ спросилъ Алексѣй Максимовичъ.

— Да что! Я всегда былъ увѣренъ, что Иванъ Максимовичъ умный старикъ. Жаль, что поздно я съ нимъ познакомился.

— Да нѣтъ, какъ его здоровье-то?—перебилъ кто-то профессора.

— О, здоровье у него удивительное! Такого здоровья ни у кого изъ насъ нѣтъ, да и не было.

— Такъ отчего же онъ въ постелѣ лежитъ, не встаетъ?

— Какъ отчего? Оттого, что умираетъ,— совсѣмъ просто отвѣтилъ докторъ.

— Умираетъ?—испуганно повторили присутствующіе.—Но вѣдь должна же быть какая нибудь причина смерти?

— Ахъ, причинъ умереть у каждаго изъ насъ всегда достаточно, только далеко не всегда мы знаемъ ихъ, а вотъ онъ,— и докторъ кивнулъ головой на спальню,—даже знаетъ эту причину.

— Да что же это за причина?—уже нетерпѣливо спросилъ Алексѣй Максимовичъ.

— Восемьдесятъ семь лѣтъ и... надоѣло каждое утро вставать для того, чтобы вечеромъ ложиться.

И докторъ, улыбнувшись, сталъ прощаться съ присутствующими.

— Да, кстати! Если вы хотите позвать къ нему духовника, то не стѣсняйтесь. Онъ ничего противъ этого не имѣетъ, то-есть я хотѣлъ сказать, что это уже не напугаетъ его,—добавилъ докторъ на порогѣ передней и, накинувъ на себя шинель, торопливо пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

— Послушайте, Николай Андреевичъ,— крикнулъ сверху Алексѣй Максимовичъ.—Внутри-то есть какой нибудь процессъ?

— Нѣтъ, ничего нѣтъ, только сердце гаснетъ,— уже отворяя дверь на улицу, отозвался профессоръ.

Дядюшка умиралъ тихо и спокойно. Спокойно принялъ онъ духовника, исповѣдался и причастился; спокойно посматривалъ онъ и даже немного бесѣдовалъ съ кѣмъ нибудь изъ постоянно дежурившихъ въ его спальнѣ родственниковъ, больше всего съ братомъ, Алексѣемъ Максимовичемъ, но слова его отнюдь не носили какого нибудь торжественнаго или даже важнаго характера. О смерти съ нимъ, естественно, никто не рѣшался заговаривать, и поэтому онъ и самъ не говорилъ о ней и только разъ, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, и то словно про себя, онъ сказалъ:

— А вѣдь умирать совсѣмъ не страшно.

И въ его спальнѣ совсѣмъ не вѣяло смертью. Даже не чувствовалось атмосферы, которая обыкновенно окружаетъ тяжело больного человѣка. Въ ней было свѣтло и даже привѣтливо, и если бы не съ каждымъ днемъ замѣтно ослабѣвавшія силы старика и словно истлѣвавшее его тѣло, можно было бы подумать, что онъ просто по капризу лежитъ въ постелѣ и лѣнится вставать. Отъ всякихъ лѣкарствъ и укрѣпляющихъ средствъ онъ наотрѣзъ отказался. Худѣлъ и блѣднѣлъ съ каждымъ часомъ, говорилъ все меньше и меньше и все болѣе и болѣе слабѣющимъ голосомъ. Старикъ угасалъ, а возлѣ него были близкіе люди, и никто не плакалъ, никто не рѣшался заплакать. Только Александра Ивановна, то-есть бывшая воспитанница Сашенька, а теперь уже мать семейства и штатская генеральша, поднималась иногда снизу, изъ своей квартиры, съ красными, заплаканными глазами, но и она, входя въ комнату

умиравшаго, старалась принять совершенно спокойный видъ. На разбитаго же параличомъ Алексѣя Максимовича умираніе брата производило даже какое-то ободряющее впечатлѣніе. Онъ сталъ менѣе раздражителенъ, спокойнѣе смотрѣлъ на свою парализованную руку и волочащуюся ногу и не такъ уже сердился, когда его языкъ не слушался и не сразу выговаривалъ то, что хотѣлъ сказать Алексѣй Максимовичъ.

Шесть дней пролежалъ въ постелѣ Иванъ Максимовичъ и почти высохъ за эти шесть дней. Шерстяное одѣяло опускалось все ниже и ниже и плотнѣе прилегало къ кровати. Вмѣсто тучнаго тѣла подъ нимъ, казалось, лежали уже старыя кости.

На седьмое утро онъ уже былъ такъ слабъ, что говорить не могъ совсѣмъ, но видимо еще узнавалъ присутствующихъ въ его спальнѣ и дѣлалъ попытки привѣтливо улыбнуться имъ. Но вотъ его глаза какъ-то сами собой закрылись, дыханіе стало тише, онъ не то заснулъ, не то забылся, а черезъ часъ пріѣхавшій молодой докторъ объявилъ, что все кончено...

Хоронили дядюшку Ивана Максимовича съ большой торжественностью. Въ думѣ было назначено экстренное засѣданіе о томъ, какъ почтить память человѣка, стоявшаго во главѣ городскаго самоуправленія чуть ли не болѣе двадцати лѣтъ, и рѣшено было, что городъ поставитъ ему на могилѣ памятникъ. Надъ могилой произнесено было много рѣчей. Состязались лучшіе губернскіе ораторы. Конечно, не забыты были, всегда произносимые въ этихъ случаяхъ, стихи, гласящіе почти про каждаго усопшаго въ почтенномъ возрастѣ, что

«Покойно почилъ онъ, зане совершилъ
Въ предѣлахъ земли все земное».

Но что именно совершилъ дядюшка Иванъ Максимовичъ, это такъ и осталось для всѣхъ неизвѣстнымъ. Прожилъ восемьдесятъ семь лѣтъ. Изъ нихъ около двадцати лѣтъ предсѣдательствовалъ въ думѣ, то-есть руководилъ преніями и отстаивалъ «городскую копейку»; сочувственно относился къ хорошимъ начинаніямъ, не одобрялъ дурныя. Оставилъ послѣ себя совершенно честное, безъ малѣйшаго пятнышка имя. Вотъ и все! Мало этого? Не знаю. Можетъ быть, и довольно; можетъ быть, даже и очень довольно, потому что далеко не всѣмъ это удается. Можетъ быть, и впрямь слова:

«Покойно почилъ онъ, зане совершилъ
Въ предѣлахъ земли все земное»,—

звучали на его могилѣ, какъ нельзя болѣе умѣстно. Все, что дано ему было вмѣстить, онъ и вмѣстилъ, а бо́льшаго отъ него и требовать нельзя было. Необъятнаго никто не обниметъ, а предѣлъ объятнаго—для каждаго человѣка свой положенъ...

Послѣ смерти дядюшки былъ вскрытъ его письменный столъ. Тамъ оказалось: конвертъ съ пятью стами рублями денегъ и съ надписью на немъ: «На мои похороны», духовное завѣщаніе и письмо на имя Алексѣя Максимовича.

Духовное завѣщаніе привело всѣхъ въ крайнее недоумѣніе, потому что въ немъ совершенно ничего не говорилось о капиталѣ, болѣе ста тысячъ рублей, числившемся у дядюшки Ивана Максимовича. Въ немъ говорилось только о домѣ, въ которомъ жилъ и умеръ старикъ, и который онъ завѣщалъ дѣтямъ бывшей воспитанницы Сашеньки, а нынѣ Александры Ивановны. Письмо къ Алексѣю Максимовичу разъяснило все.

Оказалось, что въ послѣдній годъ своей жизни дядюшка вдругъ сталъ раздавать свой капиталъ, который ранѣе такъ свято оберегался. И раздавалъ крупными кушами, отъ десяти тысячъ и болѣе, и давалъ на нужду дѣйствительную и чрезвычайно разумно. Такъ, самому Алексѣю Максимовичу, дѣла котораго уже въ это время пошатнулись, онъ отдалъ чуть ли не за мѣсяцъ до смерти послѣднія сорокъ тысячъ, а раньше этого онъ далъ двадцать тысячъ нѣсколько запутавшемуся въ дѣлахъ племяннику; пятнадцать тысячъ бѣдной и обремененной большой семьей родственницѣ и т. д. до послѣдней копейки, такъ что ко дню его смерти у него оставалось всего на всего пять сотъ рублей, завѣщанныхъ имъ на свои похороны.

Дальше дядюшкѣ, значитъ, и жить нельзя бы было, потому что жить бы было не на что. Но деньги были раздаваемы такъ, что знали объ этомъ только тѣ, кто ихъ получалъ. Въ посмертномъ же письмѣ къ Алексѣю Максимовичу дядюшка, объясняя такое полное израсходованіе своего капитала, просилъ всѣхъ принявшихъ отъ него помощь, отнюдь не считать себя въ долгу ни передъ его памятью, ни передъ другими законными наслѣдниками.

Стало быть, за годъ еще онъ почувствовалъ приближеніе смерти и дѣльно, какъ хорошій хозяинъ, распорядился своимъ состояніемъ.

Многіе всему этому очень удивлялись, да и удивляются до сихъ поръ, а я думаю, что это такъ просто: старикъ только ясно сознавалъ, что онъ непремѣнно умретъ. Молодымъ это сознаніе почти совсѣмъ недоступно, да немало и стариковъ, которые гонятъ его отъ себя прочь и закрываютъ глаза предъ неизбѣжностью смерти.

Влад. Тихоновъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. Г. РУБИНШТЕЙНѢ.

ВЪ ВЕСНЫ 1892 по апрѣль 1893 года, я провела въ Дрезденѣ, гдѣ имѣла случай часто видѣть Антона Григорьевича Рубинштейна. Въ это время онъ жилъ въ гостиницѣ Зендига, Europäischer Hof. Гостиница эта лучшая не только въ Дрезденѣ, но, вѣроятно, во всей Саксоніи, заслуживаетъ того, чтобы описанію ея посвятить нѣсколько строкъ. Она расположена вблизи вокзала, представляетъ собой одно изъ красивѣйшихъ зданій города, фасадомъ своимъ выходитъ на главную улицу и занимаетъ чуть ли не цѣлый кварталъ. Ея внутренній комфортъ и роскошная отдѣлка еще не составляютъ главнаго достоинства — оно заключается въ удивительной стройности порядковъ, во внимательномъ отношеніи къ пріѣзжимъ всего персонала, начиная съ самого хозяина и кончая маленькимъ «пажемъ» (казачкомъ).

Въ отношеніяхъ хозяина къ своимъ постояльцамъ нѣтъ ни малѣйшаго торгашества, они скорѣе даже носятъ нѣкоторый оттѣнокъ рыцарства, такъ, напримѣръ: всѣ долго живущіе пенсіонеры получаютъ отъ него на Новый годъ и Пасху по роскошной корзинѣ цвѣтовъ. Не мудрено, что такой человѣкъ отнесся съ должнымъ уваженіемъ къ желанію А. Г. поселиться у него и ради чести украсить списокъ своихъ гостей славнымъ именемъ Рубинштейна согласился на довольно стѣснительныя для себя условія, напримѣръ, чтобы въ сосѣднихъ комнатахъ никто не смѣлъ играть въ часы, когда А. Г. бывалъ дома. Однажды мы застали А. Г. чрезвычайно разстроеннымъ, но онъ не пожелалъ сообщить причину, приведшую

его въ это состояніе, и три дня крѣпился, дѣлаясь все болѣе и болѣе нервнымъ. Наконецъ не выдержалъ и сказалъ: «А мнѣ, кажется, придется отсюда уѣхать!» Оказалось, что въ номерѣ рядомъ съ нимъ поселилась жена какого-то посла и, желая, вѣроятно, похвастаться своимъ искусствомъ передъ знаменитымъ сосѣдомъ, цѣлый день угощала его своей игрой, соло и со скрипкой, и въ довершеніе несчастія исполняла сочиненія А. Г., чего онъ вообще не любилъ. Прислушиваясь невольно все время къ звукамъ, раздававшимся за стѣной, А. Г. совсѣмъ не могъ работать, пришелъ въ страшно нервное состояніе и собирался уже выѣхать, не зная, какъ пресѣчь это зло. Но, по первому же заявленію Зендигу, послѣдній распорядился предложить слишкомъ усердной диллетанткѣ или прекратить игру, или выѣхать. Она страшно разобидѣлась, и на слѣдующій день ея комната опустѣла, а успокоенный А. Г. предался опять мирно своимъ занятіямъ.

Позволю себѣ маленькое отступленіе, чтобы разсказать кстати нѣсколько подобныхъ случаевъ, слышанныхъ много отъ самого А. Г. Какъ-то разъ, во время пребыванія его въ одномъ изъ большихъ городовъ, въ его номерѣ вечеромъ собралось нѣсколько друзей, и по просьбѣ ихъ онъ сѣлъ за рояль. Вдругъ во время игры раздается стукъ въ дверь, и вошедшій лакей докладываетъ, что ея превосходительство, генеральша Х., занимающая сосѣдній номеръ, проситъ прекратить музыку, такъ какъ она ей мѣшаетъ. А. Г., которому, вѣроятно, въ первый разъ въ жизни пришлось слышать такую просьбу, а не обратную, немедленно закрылъ рояль и послалъ генеральшѣ свою визитную карточку со словами, что онъ очень извиняется за причиненное ей безпокойство. Когда генеральша увидѣла, кого она просила прекратить игру, то до такой степени была смущена, что немедленно собрала свои пожитки и въ тотъ же вечеръ уѣхала изъ отеля. Другой разъ, въ одномъ изъ городовъ Шотландіи, когда А. Г. въ вокресный день въ обычное время сѣлъ упражняться на инструментѣ, въ комнату вошелъ инспекторъ и попросилъ перестать, такъ какъ онъ своей игрой нарушаетъ воскресный покой. Но однажды съ Р. былъ совершенно обратный случай: въ гостиницѣ, въ которой онъ стоялъ, находилась тяжело больная. Чувствуя приближеніе смерти, она послала къ А. Г. съ просьбой, чтобы онъ пришелъ и сыгралъ ей; желаніе умирающей было исполнено, и она перешла въ лучшій міръ подъ дивные звуки игры А. Г.

Возвращаюсь къ разсказу: помѣщеніе, занимаемое А. Г., находилось въ части отеля, носившей названіе «Пансіонъ Зендига» и отличавшейся нѣсколько менѣе роскошнымъ убранствомъ, но за то и гораздо бо́льшей тишиной. Теперь эта скромная половина великолѣпнаго отеля сдѣлалась до нѣкоторой степени исторической, вслѣдствіе дощечки, прибитой къ двери одной изъ комнатъ и гла-

сящей, что здѣсь въ теченіе 1870 года жилъ Рубинштейнъ. Двѣ комнаты въ бэль-этажѣ, занимаемыя А. Г., окнами своими выходили на главную улицу Прагеръ-страссе и состояли изъ небольшой спальни и довольно просторнаго кабинета, заново и спеціально для А. Г. обставленнаго, согласно его требованіямъ: передъ среднимъ окномъ помѣщался большой письменный столъ, за которымъ входящій всегда видѣлъ склоненнаго надъ работой артиста. У правой стѣны стоялъ очень красивый, въ древне-германскомъ стилѣ диванъ и передъ нимъ небольшой столъ; на немъ неизмѣнно красовались свѣжіе цвѣты, которые А. Г. очень любилъ. Они постоянно возобновлялись заботливыми руками его друзей; очень часто на столѣ появлялись дорогія вазы, но А. Г. не любилъ и не цѣнилъ такихъ подношеній, онъ сохранялъ ихъ до поры до времени и передъ отъѣздомъ въ какой нибудь городъ раздавалъ знакомымъ. Вечеръ наканунѣ отъѣзда посвящался всегда уничтоженію всѣхъ полученныхъ имъ за послѣднее время писемъ. Письменный столъ былъ лишенъ всякихъ украшеній, на немъ посрединѣ лежала всегда масса исписанной нотной бумаги—текущая работа А. Г., которая въ часы отдыха и пріема гостей покрывалась отъ любопытныхъ взоровъ чистымъ листомъ; справа въ большомъ порядкѣ были разложены многочисленные очиненные карандаши и самыя простыя и дешевыя ручки для перьевъ. Единственнымъ предметомъ, представлявшимъ нѣкоторую цѣнность, былъ ножъ для бумаги, слоновой кости, изображавшій собою слѣдъ миніатюрнаго башмачка и всюду сопровождавшій А. Г. Но, кажется, подъ конецъ и онъ подвергся одной участи съ другими вещицами и былъ, вѣроятно, кому нибудь подаренъ, такъ какъ исчезъ со стола. Тутъ же справа лежали книги, которыя А. Г. читалъ или собирался прочесть; онъ читалъ очень много, и любимымъ его чтеніемъ были книги историческаго содержанія; прочитанныя книги клались на столѣ возлѣ входной двери и оттуда уносились ихъ владѣльцами. Съ лѣвой стороны стоялъ портретъ старшей внучки въ кожаной рамкѣ, единственный портретъ, который А. Г. возилъ съ собою. Порядокъ на письменномъ столѣ сохранялся съ необыкновенной педантичностью, и если какая нибудь вещица случайно была переставлена, то А. Г. немедленно водворялъ ее на мѣсто. Налѣво отъ стола, въ простѣнкѣ оконъ, стоялъ очень красивый стеклянный шкапъ краснаго дерева съ инкрустаціями, долженствовавшій очевидно быть хранилищемъ музыкальной библіотеки; но А. Г. не возилъ съ собою ни единой тетради нотъ, почему шкапъ оставался совершенно пустымъ и только на верхней внѣшней его полкѣ лежала всегда небольшая груда нотъ, присылаемыхъ авторами на разсмотрѣніе. Эти ноты тоже въ концѣ концовъ поступали въ чье нибудь владѣніе, за исключеніемъ тѣхъ тетрадей, которыя присылались съ просьбою вернуть ихъ обратно, что А. Г. всегда и поручалъ исполнить кому нибудь изъ близкихъ лицъ.

Лѣвую стѣну комнаты покрывала собою огромная и отвратительная картина, изображавшая не то хаосъ, не то мѣстную лысую гору; подъ нею стоялъ рояль Бехштейна; столъ возлѣ двери, шкапъ для платьевъ и небольшой, покрытый скатертью столъ посрединѣ—довершали убранство комнаты.

Здѣсь, на чужбинѣ, какъ-то особенно ярко и рельефно выступала крайняя простота и непритязательность А. Г., скрывавшаяся дома за роскошью обстановки. То, что собственно составляло его личную обстановку, заключалось въ самыхъ необходимыхъ предметахъ, да и тѣ были въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что—если можно такъ выразиться—весь Рубинштейнъ, уѣзжая куда нибудь, укладывался въ одинъ небольшой ручной чемоданъ! Едва ли могъ бы кто либо другой пропутешествовать съ такимъ ничтожнымъ багажемъ, съ какимъ великій артистъ объѣздилъ Старый и Новый свѣтъ и прожилъ столько лѣтъ за границей. Но А. Г. умѣлъ въ случаѣ надобности сокращать свои личныя потребности и привычки до минимума [1]). Какъ все, что онъ дѣлалъ, носило на себѣ отпечатокъ самобытности и оригинальности, то и самый способъ укладыванія вещей въ чемоданъ былъ по истинѣ рубинштейновскій! Дѣтски непрактичный въ житейскихъ дѣлахъ, онъ эту простую процедуру усложнялъ, насколько могъ: чемодану полагалось стоять въ спальнѣ возлѣ кровати и на особой спеціально для того имѣющейся во всѣхъ отеляхъ подставкѣ; съ своего мѣста онъ переносился только въ вагонъ, а такъ какъ вещи, подлежавшія укладкѣ, находились по большей части въ другой комнатѣ, то А. Г. безконечное число разъ бѣгалъ торопливо и дѣловито изъ одной комнаты въ другую, принося по одной штучкѣ всѣ вещи въ порядкѣ ихъ слѣдованья въ чемоданѣ. Присутствующимъ случайно при этой церемоніи не позволялось не только прикасаться къ священной особѣ чемодана, но даже приносить вещи изъ другой комнаты, и все до послѣдней бездѣлушки приносилось и укладывалось самимъ А. Г. Прежде всего въ нѣдра сакъ-вояжа высыпались всѣ карандаши, перья и прочія мелочи, затѣмъ полагались ноты, и такъ постепенно занимали каждый свое мѣсто всѣ предметы его обихода [2]). Когда чемоданъ былъ наполненъ, то въ комнатѣ положительно не оставалось ничего, что принадлежало бы А. Г., кромѣ тѣхъ вещей, ненужныхъ ему, которыя онъ дарилъ тѣмъ, кто въ данную минуту подвернется. Теплое пальто онъ или надѣвалъ, или вмѣстѣ съ плэдомъ бралъ въ вагонъ. А. Г. страшно привыкалъ къ тѣмъ ве-

---

[1]) Къ нему вполнѣ подходятъ слова Гамлета, который говорилъ, что могъ бы быть заключенъ въ орѣховую скорлупу и все-таки считать себя царемъ необъятнаго царства.

[2]) А. Г. говорилъ, что онъ до такой степени знаетъ, гдѣ какая вещь лежитъ, что можетъ, закрывши глаза, запустить руку въ чемоданъ и вынуть именно то, что нужно.

щамъ, которыя постоянно употреблялъ, сживался съ ними и даже, если можно выразиться такъ о неодушевленныхъ предметахъ, привязывался къ нимъ, какъ къ старымъ товарищамъ. Онъ такъ неохотно замѣнялъ ихъ новыми, что очень часто кто нибудь изъ посѣтителей, замѣтивъ вещь, пришедшую въ негодность, потихоньку ее унесетъ и подложитъ на мѣсто ея другую. Обнаруживъ подлогъ, А. Г. приходилъ въ ярость и примирялся съ новой вещью только въ силу необходимости; если же виновный проговаривался, то получалъ свой подарокъ обратно. Рѣдко, рѣдко бывали случаи, когда онъ соглашался что нибудь принять. Между вещицами, особенно имъ любимыми, былъ маленькій мундштучекъ изъ янтаря: онъ постоянно курилъ изъ него, а въ промежутки вертѣлъ въ рукахъ, говоря, что прикосновеніе къ янтарю даетъ пріятное, мягкое ощущеніе. Однажды мы застали его не только разстроеннымъ, но даже огорченнымъ: онъ разбилъ янтарный мунштучекъ, бывшій многіе годы его неизмѣннымъ спутникомъ.

— Представьте себѣ,—говорилъ онъ,—что со мной случилось. Я хотѣлъ закурить, а мундштука нѣтъ. Я сталъ его искать, и вдругъ подъ моей ногой что-то хрустнуло. Смотрю—мой мундштукъ. Это я его раздавилъ! Знаете—я чуть не заплакалъ!

Кто-то изъ его дрезденскихъ друзей подарилъ ему другой, но онъ ему не нравился, и А. Г. часто вспоминалъ своего погибшаго друга. А. Г. никогда не ходилъ въ магазины и никогда самъ ничего не покупалъ; всѣ порученія и покупки исполнялись кѣмъ нибудь изъ его близкихъ. Когда же ему приходилось сдѣлать что нибудь, что нельзя было поручить другому, напримѣръ, заказать себѣ пальто или платье, то съ этими затрудненіями онъ справлялся по-своему: призывался какой нибудь портной, ему вручалась старая вещь на образецъ, по которому слѣдовало сдѣлать самую точную копію. Ни снимать мѣрки, ни примѣрять не позволялось. Заказанная вещь доставлялась и принималась готовая и въ тотъ день, когда появлялась копія, оригиналъ отдавался кому нибудь изъ служащихъ. Здѣсь кстати замѣчу, что для ношенія извѣстныхъ вещей у А. Г. были установлены числа. Такъ, напримѣръ, 1-го мая полагалось облечься въ лѣтнее пальто, и хотя бы въ этотъ день выпалъ снѣгъ, А. Г. не измѣнялъ своему правилу; точно также и шубу онъ не снималъ до опредѣленнаго дня, хотя бы на дворѣ уже цвѣли фіалки и пѣли соловьи. День А. Г. проводилъ въ строгомъ опредѣленномъ порядкѣ, отъ котораго онъ отступалъ очень рѣдко и неохотно и только въ силу необходимости. Онъ вставалъ неизмѣнно въ 8 ч., не взирая на то, въ какомъ часу легъ наканунѣ. Иногда онъ возвращался изъ своихъ поѣздокъ съ ночнымъ поѣздомъ, но слуга долженъ былъ разбудить его все-таки въ положенный часъ. Только разъ, не разглядѣвъ часовъ, онъ всталъ въ 7 и такъ поразилъ прислугу, что она не могла утаить этого событія отъ другихъ, сообщивши, что

«Excellenz ist heute um 7 herausgallopiert». Что же касается А. Г., то, не желая сознаться въ своей ошибкѣ, онъ сказалъ, что «mein Engel» его разбудилъ часомъ раньше. Кличку «mein Engel» онъ далъ горничной за ея чрезвычайное безобразіе. Весь персоналъ го-

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.
Съ фотографіи В. Гриффа въ Карлсруэ.

стиницы очень любилъ А. Г., конечно, главнымъ образомъ за его щедрость; хотя въ отелѣ, по всей вѣроятности, жило немало генераловъ и именитыхъ людей, но только одного А. Г. звали неизмѣнно всѣ Excellenz, и когда онъ пріѣзжалъ обратно въ гостиницу, то

отъ подъѣзда и по всему коридору раздавались крики прислуги: Excellenz пріѣхалъ! и всѣ бросались ему на встрѣчу. Лакей, служившій ему за столомъ, всегда норовилъ выйти изъ строя и подать А. Г. не въ очередь полное блюдо. Утромъ А. Г. выпивалъ одинъ стаканъ чаю и просматривалъ заграничныя газеты. Русская газета «Новое Время» приходила позднѣе, и онъ ждалъ ее съ страшнымъ нетерпѣніемъ. Здѣсь, со словъ А. Г., замѣчу, что онъ, вставая рано, никогда не зажигалъ свѣчу, а отыскивалъ гдѣ нибудь у окна мѣстечко посвѣтлѣе и тамъ усаживался, до такой степени ему претилъ днемъ—искусственный свѣтъ. Живя въ Петергофѣ лѣтомъ, онъ пилъ чай на балконѣ, составлявшемъ какъ бы продолженіе столовой. Тутъ со всѣхъ сторонъ къ нему слетались воробьи, которыхъ онъ кормилъ хлѣбомъ. Онъ разсказывалъ о своихъ пернатыхъ друзьяхъ съ какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ, удивлялся ихъ ловкости, проворству и смышлености, недоумѣвая, какъ можетъ быть столько жизни и ума въ такомъ крошечномъ созданіи. «Вѣдь воробей это—«едва» существо!»—говорилъ онъ. А. Г. очень часто грѣшилъ противъ правильности русской рѣчи, иногда даже просто самъ выдумывалъ слова, но всегда для того, чтобы однимъ точнымъ выраженіемъ опредѣлить свою мысль. Однажды, въ бытность его директоромъ с.-петербургской консерваторіи, онъ, послѣ очень бурной репетиціи съ ученическимъ оркестромъ, пришелъ въ свой кабинетъ и сразу изъ разгнѣваннаго громовержца превратился въ благодушнаго собесѣдника. Во время отъ 12—1 къ нему въ кабинетъ часто заходилъ кто нибудь по дѣламъ или просто повидаться. Кто-то изъ присутствовавшихъ спросилъ его, отчего ученики его такъ боятся. Онъ отвѣчалъ съ искреннимъ недоумѣніемъ и даже огорченіемъ въ голосѣ: «Я, право, не знаю, чего они меня боятся: я имъ ничего не дѣлаю—я только кричу и «то́пчу» ногами». И добродушно разсмѣялся.

Кстати разскажу еще о двухъ репетиціяхъ: однажды, когда ставился, кажется, «Неронъ», артистъ, исполнявшій заглавную роль, позволилъ себѣ взять для эффекта высокую ноту, не бывшую въ партитурѣ. Это не ускользнуло отъ вниманія автора, и онъ сдѣлалъ замѣчаніе исполнителю. Но на слѣдующую репетицію послѣдній явился въ такомъ страшномъ парикѣ, спеціально впрочемъ имъ заказанномъ, что А. Г. подошелъ къ нему и сказалъ: «знаете, берите вашу ноту, но бросьте этотъ парикъ»!

Другой разъ на репетиціи А. Г. непремѣнно требовалъ, чтобы волторнистъ взялъ свою ноту піано, что ему не удавалось. Извѣстно, что волторнистъ для достиженія піано вкладываетъ руку въ широкое отверстіе трубы, чѣмъ и умѣряетъ силу звука. Но А. Г не довольствовался этимъ и требовалъ еще бо́льшаго піано.

Тогда волторнистъ разсердился и сказалъ:

— Что же, вы хотите, чтобы я засунулъ въ трубу пальто?

— Ахъ,—отвѣчалъ А. Г.,—влѣзьте сами въ нее, если хотите, только дайте мнѣ піано!

Прошу извиненія за частыя отступленія, но это — неизбѣжно въ бѣглыхъ воспоминаніяхъ. Итакъ, возвращаюсь къ разсказу. Просмотрѣвъ газеты, А. Г. закрывалъ плотно всѣ двери и садился за рояль. Игралъ онъ въ то время изо дня въ день все однѣ и тѣ же вещи своего сочиненія, по большей части техническія; эти же піесы входили въ программы всѣхъ концертовъ, въ которыхъ ему въ то время случалось принимать участіе. Игралъ онъ, какъ казалось, въ полголоса, не позволяя себѣ, повидимому, увлекаться: уже тогда онъ страдалъ частыми и мучительными припадками удушья, и всякое сильное возбужденіе вызывало ихъ. Однажды въ Лейпцигѣ, послѣ репетиціи «Моисея», онъ вбѣжалъ въ столовую гостиницы съ помертвѣвшимъ, искаженнымъ лицомъ:

— Вина, вина,—закричалъ онъ,—или я умру!

Онъ выпилъ вина, и припадокъ прошелъ.

Какъ-то разъ онъ противъ своего обыкновенія не игралъ утромъ. На вопросъ: почему? отвѣчалъ, что у него болитъ палецъ. И дѣйствительно, отъ холода у него растрескался третій палецъ правой руки.—«Я очень радъ,—сказалъ А. Г.,—потому что я играю по обязанности. Я долженъ играть, иначе меня забудутъ: люди слишкомъ заняты дѣлами и политикой, чтобы сосредоточиться на человѣкѣ съ двумя спеціальностями. Имъ говорятъ: «вотъ піанистъ!»—А, хорошо!—«А вотъ—композиторъ!»—Отлично!—Но у нихъ слишкомъ мало времени, чтобы остановиться на томъ, кто—и исполнитель и композиторъ. Да, втеченіе своей жизни я высказалъ не мало такихъ изреченій, но я самъ ихъ забываю, и нѣтъ стенографа, который бы записалъ на лету сказанное слово».

Повидимому, мысль, что послѣ смерти онъ будетъ забытъ,—угнетала его. Онъ говорилъ, что на глазахъ его былъ уже такой примѣръ — Листъ, котораго встрѣчали съ невѣроятнымъ энтузіазмомъ и тотчасъ послѣ смерти забыли. А. Г. думалъ, что та же участь постигнетъ и его. Видя, какъ глубоко онъ опечаленъ такой перспективой, ему замѣтили, что въ скоромъ забвеніи Листа отчасти виноватъ онъ, такъ какъ появился на эстрадѣ непосредственно вслѣдъ за Листомъ и сосредоточилъ на себѣ вниманіе, симпатіи и восторги публики. То-есть, этими словами хотѣли дать понять А. Г., что его не забудутъ такъ скоро, такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ признаковъ появленія такого генія, который бы его затмилъ. А. Г. слушалъ очень внимательно, и въ глазахъ его на мгновеніе какъ будто мелькнулъ какой-то свѣтъ, но затѣмъ онъ поникъ головой и ничего не сказалъ.

Вставъ изъ-за рояля, онъ переходилъ къ письменному столу и садился за работу.

Въ то время онъ писалъ «Христа», кромѣ того, свои афоризмы и записки. Послѣднія были уже довольно подвинуты, какъ вдругъ однажды А. Г. объявилъ, что уничтожилъ ихъ. Объяснилъ онъ свой поступокъ тѣмъ, что хотя въ запискахъ своихъ онъ и сообщалъ много интереснаго—свои встрѣчи, разговоры съ выдающимися людьми всѣхъ странъ и народовъ, но приходилось писать все больше о себѣ, и это ему такъ опротивѣло, что онъ бросилъ свои записки въ каминъ.

Около двухъ часовъ А. Г. спускался внизъ въ общую столовую, гдѣ въ уголкѣ, слѣва отъ входа, накрывался для него отдѣльный маленькій столикъ. Кухня отеля Зендика считалась по справедливости лучшей въ Дрезденѣ: обѣдъ состоялъ изъ безконечнаго количества чрезвычайно тонко приготовленныхъ блюдъ, въ число которыхъ обязательно входили всякіе примеры и деликатессы, но иногда такой изысканный обѣдъ бывалъ слишкомъ легкимъ для человѣка, который, подобно А. Г., съ такою педантичностью соблюдалъ расписаніе дня и въ длинный промежутокъ между обѣдомъ и ужиномъ не принималъ никакой пищи. Потому онъ требовалъ за обѣдомъ большую порцію такъ называемаго Hausbrod (людской хлѣбъ), нѣчто среднее между нашимъ чернымъ и ситнымъ, и съ наслажденіемъ угощался имъ, такъ какъ бѣлаго не ѣлъ совсѣмъ, кромѣ какъ съ утреннимъ чаемъ. Когда кельнеръ забывалъ его подавать, то А. Г. призывалъ его и говорилъ:

— Дай намъ нашъ насущный хлѣбъ!

Онъ былъ до такой степени умѣренъ въ ѣдѣ, что, бывало, когда ему приходилось предпринимать далекую поѣздку, то онъ бралъ въ карманъ одинъ хлѣбецъ, такъ называемый розанъ, которымъ и питался, такъ какъ, благодаря плохому зрѣнію, боялся выходить изъ вагона, когда ѣхалъ одинъ. Свой обѣдъ всегда запивалъ краснымъ виномъ. Однажды его кто-то спросилъ, смѣясь:

— Были ли вы когда нибудь «навеселѣ?»—А. Г. не понялъ.

— Я всегда веселъ,—отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, вы не поняли моего «деликатнаго вопроса?»

— Ахъ, былъ ли я пьянъ!—засмѣялся А. Г. — Нѣтъ, никогда: я не могу пить больше, чѣмъ мнѣ хочется. То, что мнѣ требуется, я выпиваю съ удовольствіемъ, но больше не могу. Шампанскаго никогда не пью, терпѣть его не могу! Впрочемъ, разъ я былъ пьянъ, когда мнѣ было 12 лѣтъ. Мы были во Франкфуртѣ. Меня повели въ знаменитый погребъ Мушъ и стали угощать. Я пилъ, но ничего не чувствовалъ. Когда же вышелъ на воздухъ, то мнѣ сдѣлалось дурно — я упалъ въ обморокъ. Меня снесли домой, положили въ постель, и я оставался безъ чувствъ день или два.

За границей А. Г. оставался, какъ всегда, русскимъ хлѣбосоломъ и вопреки мѣстнымъ обычаямъ постоянно приглашалъ къ своему обѣду знакомыхъ и обязательно всѣхъ пріѣзжихъ.

Послѣобѣденное время предназначалось для отдыха и пріема посѣтителей. Если же никого не было, то А. Г. опять работалъ или читалъ, никогда не оставаясь въ праздности.

Разъ въ недѣлю, въ среду или четвергъ, къ нему изъ Берлина пріѣзжалъ молодой піанистъ Гофманъ съ отцомъ. На этихъ урокахъ А. Г. позволялъ присутствовать всѣмъ желающимъ. Молодой Гофманъ обыкновенно приходилъ съ совершенно самостоятельно разученной пьесой и, такъ какъ онъ всегда игралъ наизусть, то А. Г. бралъ принесенную тетрадь и, сѣвъ за письменный столъ, слѣдилъ по нотамъ за исполненіемъ, спросивъ предварительно, какой характеръ вещи и какъ ее надо понимать. Затѣмъ, углубившись въ ноты, А. Г. воспринималъ звуки не только слухомъ, но всѣмъ своимъ существомъ: имъ овладѣвало волненіе, выраженіе лица ежеминутно мѣнялось, руки нервно сжимались, и все вмѣстѣ взятое было такъ выразительно, что по однимъ его движеніямъ можно было понять, какъ хотѣлъ бы А. Г., чтобы была исполнена пьеса. Но онъ воздерживался отъ всякихъ замѣчаній, пока не раздавался послѣдній аккордъ. Тогда вставалъ и начиналъ объяснять. Иной разъ говорилъ: «хорошо, очень хорошо, но все-таки—недостаточно хорошо», и, заставляя повторить, становился позади стула играющаго и, какъ бы дирижируя, показывалъ всѣ оттѣнки, нота за нотой. Однажды онъ говорилъ о томъ, что публика проститъ исполнителю все, кромѣ скуки, что объ этомъ нужно постоянно помнить, во время исполненія, разнообразить свою игру, насколько возможно, и при повтореніи одного и того же мотива никогда не фразировать два раза одинаково. Онъ говорилъ долго и много и былъ особенно въ ударѣ, но, къ несчастію, никому не пришло въ голову записать его словъ, столь поучительныхъ для музыкантовъ. Уходя отъ него, кто-то замѣтилъ: «Не правда ли, всѣ его слова—это чистые червонцы!» «Нѣтъ, — отвѣчалъ присутствовавшій случайно при урокѣ американецъ, въ которомъ трудно было заподозрѣть тонкое художественное чутье,—нѣтъ, не червонцы: его слова—это лучи солнца!»

Нѣсколько разъ въ недѣлю къ А. Г., послѣ часовъ пріема, приходили лица, съ которыми онъ занимался. Въ сумерки онъ часто ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, это замѣняло ему прогулку, такъ какъ онъ никогда не ходилъ пѣшкомъ. При искусственномъ освѣщеніи А. Г. избѣгалъ работать, боясь слишкомъ утомить свое зрѣніе. Вечера свои онъ обыкновенно проводилъ внѣ дома, у знакомыхъ или въ театрѣ. Знакомыхъ у А. Г. въ Дрезденѣ было очень много, но, собственно говоря, близкій кружокъ состоялъ изъ немногихъ старинныхъ друзей, знавшихъ А. Г. еще ребенкомъ и относившихся къ нему, какъ старшіе къ младшему, съ покровительствомъ и снисходительностью. Съ этими друзьями онъ по большей части ѣздилъ въ театръ, чаще всего они заѣзжали за нимъ,

такъ какъ вечеромъ онъ одинъ не любилъ выѣзжать въ людныя мѣста: въ то время онъ на одинъ глазъ былъ совершенно слѣпъ и другимъ вслѣдствіе постояннаго напряженія начиналъ плохо видѣть. При выходѣ изъ театра ощупывалъ свой путь палкой, про которую говорилъ, что это—его глаза, и безъ нея никуда не выѣзжалъ. Для большей безопасности его всегда кто нибудь бралъ подъ руку и подсказывалъ, гдѣ ступенька или порогъ. Было нѣсколько случаевъ, когда онъ, оступившись, падалъ и сильно расшибался. Однимъ изъ его самыхъ старинныхъ и преданныхъ друзей въ Дрезденѣ былъ старикъ Ц.; онъ тоже зналъ А. Г. еще маленькимъ и относился къ нему съ трогательною заботливостью, неизмѣнно появлялся на вокзалѣ, когда А. Г. уѣзжалъ, въ какомъ бы часу это ни было, и успокоивался только тогда, когда устроивалъ его въ отдѣльномъ купэ и поручалъ попеченіямъ кондуктора. Онъ очень часто приходилъ къ А. Г. играть въ пикетъ, но игралъ съ такою медлительностью, что А. Г., будучи вообще нетерпѣливъ, выходилъ изъ себя. Но однажды А. Г. пришлось играть въ винтъ съ господиномъ, который обдумывалъ каждый ходъ еще дольше Ц. Тогда А. Г. примирился съ своимъ старымъ партнеромъ и съ видомъ полной покорности судьбѣ шепнулъ тому, кто сидѣлъ возлѣ него.

— Знаете, Ц. передъ этимъ господиномъ—курьеръ.

Любимой игрой А. Г. былъ преферансъ; въ винтъ онъ садился только тогда, когда не было партнеровъ для преферанса. За границей же преимущественно игралъ въ вистъ или seat и по самой маленькой. Ни въ какія другія игры онъ не игралъ. «Но было время, разсказывалъ онъ, когда меня считали игрокомъ, и дѣйствительно я игралъ день и ночь въ банкъ. Въ Баденъ-Баденѣ я доигрался до того, что ходилъ, высунувъ языкъ. Случалось выигрывать до 12.000 въ вечеръ. Но разъ я проигрался до послѣдняго сюртука и съ тѣхъ поръ бросилъ навсегда». Всѣ подобные разсказы изъ эпохи своей Sturm und Drangperiode А. Г. передавалъ съ необычайнымъ добродушнымъ юморомъ, который, къ сожалѣнію, не воспроизводимъ на бумагѣ.

Кромѣ этого интимнаго кружка друзей, у А. Г. была еще масса знакомыхъ во всѣхъ слояхъ общества. Но съ музыкальнымъ міромъ Дрездена А. Г. находился въ натянутыхъ отношеніяхъ, ни самъ не ходилъ къ артистамъ, ни они у него не бывали, и никогда не выступалъ въ мѣстныхъ концертахъ. На вопросъ, почему онъ не играетъ въ Дрезденѣ, онъ всегда отвѣчалъ: «Въ Дрезденѣ я играю только въ вистъ!» Разладъ съ музыкальнымъ міромъ произошелъ по слѣдующему поводу: какъ всегда, А. Г. оставлялъ большія суммы денегъ на разныя благотворительныя учрежденія тѣхъ городовъ, гдѣ онъ находился; такъ и тутъ онъ устроилъ концертъ въ пользу бѣдныхъ г. Дрездена съ участіемъ оркестра дрезденской оперы.

Но послѣдній потребовалъ плату за свое участіе; А. Г., возмущенный такимъ корыстолюбіемъ, выразилъ музыкантамъ свое негодованіе и порвалъ съ ними всѣ сношенія. Онъ не только не выступалъ, но даже никогда не ходилъ въ концерты, на которые ему присылали билеты [1]). Между посѣтителями часто являлись совершенно незнакомыя лица, въ числѣ которыхъ нерѣдко попадались просители, одолѣвавшіе А. Г. и устными и письменными просьбами. Ему страшно надоѣдали американки, которыхъ онъ называлъ «филоксерами Европы». Онѣ вторгались къ нему во всякое время, даже когда онъ работалъ, и просили его автографовъ, и бывали случаи, когда послѣ ихъ посѣщенія у А. Г. исчезалъ со стола какой нибудь нужный ему листъ рукописи. Однажды къ нему пришла почтенная старушка, которую А. Г. видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Она высидѣла у него весь пріемъ съ явнымъ намѣреніемъ пересидѣть всѣхъ остальныхъ, и такъ какъ это ей не удалось, то она явилась на второй, на третій день и продолжала сидѣть долго и упорно, молча улыбаясь всѣмъ тѣмъ, кого хотѣла выжить, и повергая А. Г. въ недоумѣніе: что ей нужно? Наконецъ эта тайна разъяснилась: когда старушка постигла всю тщету своихъ посѣщеній и осталась дома, на ея мѣсто явилась богато и нарядно одѣтая дама съ неменѣе нарядной дѣвочкой и мопсомъ и на вопросъ А. Г.: «чѣмъ могу служить?» сказала ему съ нѣкоторымъ упрекомъ въ голосѣ, что она пришла вмѣсто г-жи N (старушки), которая столько дней ходила къ нему, чтобы застать его одного, а у него постоянный народъ; между тѣмъ, у нея къ А. Г. есть дѣло, которое заключается въ томъ, чтобы онъ ей назначилъ ежегодную пенсію, такъ какъ она вдова артиста и нуждается. А. Г., передавая этотъ разговоръ, всею душой возмущался нахальствомъ нарядной дамы, но искренно жалѣлъ, что его личныя средства не позволяютъ ему оказывать помощь лицамъ, подобнымъ г-жѣ N, которыя, по его убѣжденію, имѣли полное право разсчитывать на его поддержку, какъ музыканта, ибо сами принадлежали къ семьямъ артиста. А. Г. ежедневно получалъ просительныя письма самаго разнообразнаго и подчасъ нелѣпаго содержанія: напримѣръ, одинъ господинъ просилъ купить у него дога за очень большую цѣну, но онъ полагалъ, что А. Г. ничего не стоитъ дать эту сумму ему, такъ какъ онъ нуждается; одна швея просила подарить ей швейную машину; дѣвица, сознававшаяся прямо, что не обладаетъ талантомъ, но имѣетъ страстное желаніе посвятить себя музыкѣ, проситъ А. Г. принять ее стипендіаткой въ С.-Петербургскую консерваторію; наконецъ дама, желающая начать собственное дѣло, проситъ подарить ей 20.000 марокъ и т. д. Всѣ эти письма

[1]) Тѣмъ не менѣе, когда островъ Зантъ поразило бѣдствіе въ видѣ опустошительнаго землетрясенія, А. Г., позабывъ всѣ личные счеты, устроилъ концертъ, сборъ съ котораго пожертвовалъ пострадавшимъ.

сопровождались обыкновенно длинными и подробными біографіями просителей; А. Г. никогда самъ не читалъ этихъ посланій, а просилъ кого нибудь прочесть и передать вкратцѣ содержаніе и, если нужно было, поручалъ на нихъ отвѣчать.

Мало-по-малу, къ А. Г. стали съѣзжаться русскіе, и вокругъ него вскорѣ образовалась маленькая колонія, состоявшая преимущественно изъ лицъ, спеціально пріѣхавшихъ, чтобы заниматься съ нимъ.

Несмотря на то, что А. Г. очень дорожилъ каждой свободной минутой, онъ, тѣмъ не меиѣе, удѣлялъ массу времени педагогическимъ занятіямъ, добродушно поварчивая на то, что его «превратили въ учителя».

Пріѣхавшую къ нему молодежь онъ взялъ подъ свое особое покровительство, входилъ во всѣ интересы ихъ жизни и всячески старался выдвинуть ихъ на музыкальномъ поприщѣ.

Самъ онъ въ то время покинулъ уже давно эстраду, но неугомонные антрепренеры не давали ему покоя, постоянно приглашая его на благотворительные концерты. Онъ тяготился и утомлялся этими концертами, сопряженными съ разъѣздами, но не имѣлъ духу отказать, если вмѣстѣ съ нимъ приглашался кто нибудь изъ его русскихъ protégés. «Надо же дать имъ заработать!»—говорилъ онъ, какъ будто оправдываясь, и, чтобы дать имъ заработать, тратилъ свои деньги, время и трудъ! Но за то для него было громаднымъ удовлетвореніемъ и удовольствіемъ видѣть русскія лица вокругъ себя, и вторженіе бодраго, молодого элемента вносило не мало жизни и разнообразія въ его въ высшей степени монотонное и одинокое существованіе за границей.

1-го апрѣля, набалованной имъ кучкѣ молодежи пришла дикая фантазія обмануть его. Думали, думали, чѣмъ бы больше всего поразить А. Г., и рѣшили сочинить письмо, якобы пришедшее изъ Петербурга и содержащее въ себѣ самыя невѣроятныя новости о его излюбленномъ дѣтищѣ, консерваторіи. А. Г. не былъ способенъ ни на малѣйшій обманъ, почему самъ чрезвычайно легко ему поддавался. Онъ ни на минуту не усомнился въ подлинности письма и съ такимъ интересомъ и неподдѣльнымъ ужасомъ выслушивалъ всѣ новости, что читающій не выдержалъ и открылъ мистификацію. Вмѣсто того, чтобы разсердиться, А. Г. расхохотался, остался очень доволенъ удачной выдумкой и замѣтилъ только: «Зачѣмъ вы мнѣ сказали, я бы еще больше повѣрилъ»!

За границей А. Г. особенно строго придерживался русскихъ обычаевъ. На Рождество онъ задумалъ устроить елку для молодежи. Долго рѣшали, кто будетъ «дѣтьми» и кто «взрослыми»; когда жребій былъ брошенъ, А. Г. далъ денегъ и поручилъ купить маленькую елку, украшенья и «подарки», на которые ассигновалъ по пятидесяти пфенниговъ на душу. Къ числу «дѣтей» относились

и родные ученицъ, и другіе русскіе друзья А. Г., который самъ радовался предстоявшей «елкѣ», какъ ребенокъ. Но, къ несчастію, какъ разъ въ то время, когда надо было елку убирать украшеніями, что должно было совершиться въ компаніи А. Г., къ нему изъ Лейпцига пріѣхало нѣсколько друзей. Они желали, вѣроятно, показать ему свое особенное расположеніе и вниманіе тѣмъ, что пріѣхали въ день его русскаго праздника, но на этотъ разъ гостепріимный А. Г. былъ такъ не радъ ихъ посѣщенію, что не могъ даже скрыть своего неудовольствія. Елку пришлось перенести въ другую комнату и открыть «сюрпризъ», самъ А. Г. вынужденъ былъ сѣсть за карточный столъ, и присутствіе иностранцевъ нарушило прелесть и гармонію маленькаго русскаго торжества. Тѣмъ не менѣе «елка» отлично удалась, непріятное впечатлѣніе сгладилось, такъ какъ пріѣзжіе гости уѣхали обратно, и всѣ остались довольны.

Въ Свѣтлый праздникъ А. Г. непремѣнно хотѣлъ, чтобы на столѣ въ его комнатѣ всю недѣлю стояли яйца, куличъ и пасха, несмотря на то, что самъ онъ ни того, ни другого никогда не ѣлъ. Не такъ легко было добыть въ Дрезденѣ куличъ и пасху. Послѣ долгихъ и усердныхъ поисковъ, нашлась, однако, булочная, въ которой умѣли ихъ дѣлать, и А. Г. былъ чрезвычайно доволенъ, когда увидѣлъ убранный по русскому обычаю столъ.

Въ Новый годъ онъ получилъ такое количество цвѣтовъ, что его кабинетъ превратился въ цвѣтущій садъ: всюду, на роялѣ, на столѣ, на стульяхъ, красовались огромныя, роскошныя корзины цвѣтовъ, придававшія комнатѣ какой-то фантастическій видъ. А. Г. былъ столько же восхищенъ красотою ихъ, сколько тронутъ вниманіемъ къ себѣ друзей, и всѣмъ своимъ гостямъ повторялъ, указывая на корзины: «Посмотрите, какая прелесть!»

Весною, А. Г. сталъ помышлять о переѣздѣ за городъ и поручилъ искать дачу г-жѣ В., своей дальней родственницѣ, дрезденской старожилкѣ и слѣдовательно основательно знакомой съ окрестностями. Намѣченныя дачи онъ затѣмъ ѣздилъ съ г-жею В. осматривать самъ и въ одну изъ такихъ поѣздокъ попалъ подъ проливной дождь. Помѣщаясь на задней скамейкѣ, спиной къ кучеру, А. Г., не захватившій пальто, мокъ подъ сильнымъ дождемъ, по меньшей мѣрѣ, втеченіе двухъ часовъ! Поистинѣ можно изумляться хладнокровію его спутницъ, укрывшихся подъ переднимъ навѣсомъ ландо, не позволившихъ поднять вторую половину, подъ предлогомъ духоты, и спокойно созерцавшихъ, какъ на великаго артиста падали цѣлые потоки холоднаго дождя. А. Г., относившійся обыкновенно съ полнымъ равнодушіемъ къ такъ называемой погодѣ, на этотъ разъ не на шутку испугался: онъ продрогъ и промокъ до костей! Этотъ душъ не прошелъ ему даромъ: А. Г. на другой же день занемогъ. У него заболѣло горло, температура сильно повыси-

лась, онъ жаловался на то, что кашель и удушье не даютъ ему ни минуты покоя ночью, что отъ малѣйшаго движенія и наклона у него дѣлается головокруженіе. Тѣмъ не менѣе, онъ ни за что не хотѣлъ поддаться болѣзни, продолжалъ выходить и ни въ чемъ не измѣнилъ порядка своего дня. Само собой разумѣется, что онъ не обратился къ докторской помощи и никакимъ лѣкарствомъ не старался облегчить своихъ страданій, которыя, повидимому, были гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ это показывалъ. По выздоровленіи А. Г. поиски дачи возобновились, и наконецъ выборъ палъ на мѣстечко Клейнъ-Чахвицъ, расположенное на берегу Эльбы, визави съ лѣтней резиденціей короля, Пильницъ, и въ 10-ти минутахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Дрездена. Справедливость требуетъ замѣтить, что выборъ этотъ не только нельзя назвать удачнымъ, но даже трудно было бы найти что либо менѣе подходящее къ вкусамъ и требованіямъ А. Г. Такъ какъ онъ почти безвыходно сидѣлъ дома, то слѣдовало бы дать хоть глазамъ его отдохнуть на красивой природѣ, между тѣмъ плоская, скучная мѣстность Клейнъ-Чахвица была совершенно лишена всякой живописности и поэзіи. Вилла А. Г., носившая одно названіе съ мѣстечкомъ, стояла на скрещиваніи трехъ дорогъ и на столько открыто, что, гдѣ бы ни сидѣлъ А. Г.—въ кабинетѣ или на крошечномъ балконѣ-крылечкѣ,—онъ былъ виденъ отовсюду, и счастье, что дурное зрѣніе мѣшало ему разглядѣть направляемые на него со всѣхъ сторонъ бинокли его любопытныхъ и нескромныхъ сосѣдей. Благодаря такому положенію дачи и скукѣ, витавшей надъ Клейнъ-Чахвицемъ, всѣ его обитатели развлекались гуляніемъ мимо виллы, сдѣлавшейся вскорѣ знаменитой. Въ довершеніе бѣды, лѣто стояло настолько жаркое, что даже работу моста пришлось остановить, такъ какъ желѣзо накалялось, и А. Г. положительно изнемогалъ отъ зноя. Онъ никогда не гулялъ и только вечеромъ пробѣгалъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по дорожкѣ сада. Однажды, кто-то изъ молодежи замѣтилъ, что ему слѣдовало бы больше ходить. Онъ отвѣчалъ:

— Да я не то, что вы: я на попятный, а вы—все впередъ, вся жизнь передъ вами!

— А вѣдь было время, когда вы гуляли, да еще съ Каменнаго острова въ Петербургѣ на урокъ!

— Да, было, было!—отвѣчалъ А. Г., сдѣлавшійся вдругъ серіознымъ подъ наплывомъ воспоминаній.—Отъ 22-хъ до 24-лѣтняго возраста все было. Я испыталъ нужду и не только голодъ, но и лишенія всякаго рода. Я понимаю, что можно сдѣлаться воромъ. Иной разъ нужно было расплачиваться: требуютъ, пристаютъ! Но что дѣлать, когда нѣтъ? Однажды портной изъ Вѣны вытребовалъ съ меня деньги черезъ квартальнаго! Но я никогда не дѣлалъ долговъ. Иногда прибѣгалъ къ хитрости: за каждый урокъ мнѣ выдавались былетики, за которые я получалъ впослѣдствіи деньги. Когда

ужъ очень плохо приходилось, я отсылалъ билетики подъ предлогомъ, что за недостаткомъ времени я не могу продолжать уроковъ. Получалъ деньги, но лишался урока. Но одинъ разъ я сдѣлалъ ужасную подлость, единственную во всю мою жизнь, но она до сихъ поръ меня тяготитъ! Въ то время существовала извѣстная фортепіанная фабрика Виртъ. Я, какъ и другіе, бралъ у нихъ фортепіано на комиссію, за что получалъ извѣстный процентъ. Такъ мнѣ слѣдовало получить порядочную сумму, но ея не присылали. Между тѣмъ мнѣ деньги нужны были до зарѣзу! Тогда я написалъ письмо, въ которомъ говорилъ, что если я не получу немедленно денегъ, то перестану хвалить ихъ инструменты. Деньги я получилъ. Но это было ужасно подло съ моей стороны, и мнѣ до сихъ поръ непріятно вспоминать о томъ!

Всѣ разсмѣялись. Но лицо А. Г. отражало душевное волненіе, которое возбуждало въ немъ воспоминаніе о его «подломъ» поступкѣ.

Однажды, во время своего пребыванія въ Кл. Чахвицѣ, А. Г. сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ только что вышедшій тогда романъ Зола «La Debâcle». Когда онъ дошелъ до описанія перевязочнаго пункта и всѣхъ его ужасовъ, то картина такъ ярко представилась его живому воображенію, что онъ почувствовалъ себя дурно, бросился въ свою спальню, но упалъ, не дойдя до постели, и былъ найденъ распростертымъ на полу безъ чувствъ. Нѣсколько дней послѣ того онъ былъ очень блѣденъ и слабъ.

— Я легко падаю въ обморокъ, — разсказывалъ онъ.—Не могу видѣть крови—мнѣ дѣлается дурно. Когда я жилъ въ Парижѣ, то очень часто ходилъ въ кондитерскую, гдѣ была прехорошенькая приказчица. Когда у меня заводились деньги, я отправлялся туда поѣсть пирожки. Вотъ разъ я ѣлъ, ѣлъ, ѣлъ, но, должно быть, въ нихъ было дурное масло, и я упалъ въ обморокъ. Еще разъ я долженъ былъ играть во дворцѣ. Но у меня сдѣлался нарывъ на пальцѣ. Тѣмъ не менѣе я игралъ весь вечеръ. Боль была нестерпимая! Когда я кончилъ, ко мнѣ подошла одна очень красивая дама и сказала мнѣ нѣсколько словъ. Вмѣсто отвѣта я упалъ безъ чувствъ. Тогда говорили, что я упалъ, пораженный ея красотой! Но никто не зналъ, что я игралъ съ нарывомъ на пальцѣ!

(Извѣстно, что однажды въ Парижѣ послѣ концерта, а также въ Петербургѣ послѣ одной изъ лекцій по пятницамъ въ консерваторіи, онъ упалъ безъ чувствъ).

Вслѣдъ за А. Г. въ Кл. Чахвицъ перебралась и вся маленькая русская колонія, которая хотя и отнимала у него много рабочаго времени, но съ другой стороны окружила его какъ бы атмосферой родины: онъ слышалъ русскую рѣчь, видѣлъ русскія лица, бесѣдовалъ о близкихъ ему интересахъ русской музыки, и это составляло единственную отраду въ его унылой обстановкѣ. Въ это лѣто исполни-

лось 52 года со дня его перваго выступленія на эстраду, и русская колонія задумала чѣмъ нибудь ознаменовать этотъ юбилейный день. Рѣшили устроить маленькій праздникъ, для чего была выбрана самая красивая изъ виллъ, занимаемыхъ русскими, съ большимъ садомъ, спускавшимся прямо къ Эльбѣ. Въ устройствѣ праздника самое живое, горячее участіе принялъ владѣлецъ виллы, скульпторъ Кирхгофъ, проживший болѣе 20 лѣтъ въ Россіи, очень ее любившій и прекрасно говорившій порусски. Онъ съ сыномъ собственноручно соорудили и воздвигли посреди сада громадную лиру, сплошь покрытую цвѣтами. Въ перспективѣ горѣлъ колоссальный вензель изъ красныхъ шкаликовъ, изображавшихъ рубины; весь садъ утопалъ въ разноцвѣтныхъ огняхъ. Надъ красивымъ входомъ, въ родѣ сѣней, развѣвались флаги русскихъ національныхъ цвѣтовъ и повѣшены были такіе же трехцвѣтные фонари. А. Г. встрѣтила одна изъ ученицъ, одѣтая въ русскій костюмъ, и на вышитомъ полотенцѣ преподнесла ему по русскому обычаю хлѣбъ-соль. Когда А. Г. вышелъ на балконъ, чтобы полюбоваться иллюминаціей, дѣйствительно очень удавшейся, то вдругъ изъ глубины сада раздался хоръ: «Heil dir, du grosser Mann!» А. Г. вздрогнулъ отъ неожиданности и когда узналъ, что этотъ сюрпризъ устроили ему мѣстные жители, крестьяне и ремесленники, пожелавшіе непремѣнно принять участіе въ чествованіи, то онъ былъ растроганъ до слезъ: онъ спустился въ садъ, горячо благодарилъ регента и пожималъ съ чувствомъ грубыя, рабочія руки всѣхъ участниковъ. Конечно, А. Г. видалъ на своемъ вѣку и не такіе праздники въ свою честь, но вся прелесть этого скромнаго торжества заключалась въ его сельской обстановкѣ, въ русскомъ его колоритѣ среди чужбины, въ его поэтической живописности, которая произвела на всѣхъ впечатлѣніе чего-то феерическаго.

Само собой разумѣется, что праздникъ закончился «роскошнымъ» фейерверкомъ, самымъ роскошнымъ, который можно было достать въ мѣстной лавченкѣ. Вѣсть о праздникѣ разнеслась молвой далеко за предѣлы Чахвица, вслѣдствіе чего вилла была окружена громадной толпой народа, а на другой день въ газетахъ появилось описаніе торжества. Особенно симпатичны были тотъ горячій интересъ и участіе, съ какими относилось къ празднованію мѣстное населеніе; весь Чахвицъ встрепенулся и заволновался: волновалась хозяйка лавочки, которая поставляла фейерверкъ и фонари, волновался хоръ, регентъ котораго отсутствовалъ, но былъ вызванъ телеграммой изъ Гамбурга, волновались устроители, съ трепетомъ слѣдившіе за малѣйшимъ облачкомъ на небѣ, и это волненіе охватило всю мѣстность и улеглось только постепенно и довольно долгое время спустя.

На этомъ маленькомъ торжествѣ я остановлю свои личныя воспоминанія, въ которыхъ мною намѣренно обойдена молчаніемъ арти-

стическая сторона пребыванія А. Г. въ Дрезденѣ, такъ какъ она носитъ неизмѣнно одинъ и тотъ же характеръ всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся. Въ Берлинѣ въ тотъ годъ ставили его балетъ «Виноградная лоза» и оперы «Разбойники» и «Маккавеи», въ Лейпцигѣ блестящимъ музыкальнымъ торжествомъ праздновали пятидесятилѣтіе его перваго появленія въ Гевандгаузѣ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ; затѣмъ онъ появлялся въ концертахъ въ Прагѣ, Боннѣ, Бреславлѣ, Кельнѣ и въ другихъ городахъ, и всюду его появленіе не только встрѣчалось обычными восторгами и овaціями, но тотчасъ принимало характеръ какого-то особеннаго празднованія, такъ какъ всѣ музыкальныя и хоровыя общества и всѣ лица, такъ или иначе причастныя искусству, старались превзойти другъ друга въ чествованіи своего знаменитаго гостя [1]).

Всѣ появленія А. Г., какъ въ качествѣ исполнителя, такъ и въ роли дирижера, и всѣ торжества, устроиваемыя въ его честь различными городами, были въ свое время описаны въ газетахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, потому передавать ихъ здѣсь было бы повтореніемъ.

Въ поясненіе причинъ его добровольнаго изгнанія привожу его собственныя слова.

— «Всѣ удивляются,—говорилъ онъ,—почему я оставилъ Россію, но никто не знаетъ, какъ ко мнѣ тамъ относятся. У меня сотня примѣровъ отношенія ко мнѣ. Вотъ одинъ изъ нихъ: втеченіе чуть ли не тридцати лѣтъ собирали деньги на сооруженіе памятника Глинкѣ и все не могли собрать. Наконецъ, я далъ концертъ и весь сборъ, пять тысячъ, отдалъ на этотъ памятникъ. Такимъ образомъ черезъ годъ онъ былъ оконченъ, и послѣдовало его открытіе, сопровождавшееся музыкальнымъ торжествомъ. И что же? Не только никому не было извѣстно, на какія средства оконченъ памятникъ, но меня даже не пригласили на его открытіе. Композиціи мои могутъ не нравиться, но все же я — музыкантъ и, какъ музыкантъ, имѣлъ право на приглашеніе. Но нѣтъ! Меня исключили. Затѣмъ въ Россіи моихъ вещей не ставятъ, только когда кто нибудь боленъ, то даютъ «Демона», какъ будто я, кромѣ него, ничего не писалъ. Когда я вторично сдѣлался директоромъ консерваторіи, то пресса не нашла ничего лучшаго, какъ кричать противъ меня, Наконецъ, никто не знаетъ, какое громадное значеніе имѣли для Россіи консерваторія и музыкальное общество. Вѣдь до нихъ никто не подозрѣвалъ, что исполненіе симфоніи можетъ доставить удовольствіе. Можно находить то и другое нехорошимъ въ консерва-

[1]) А. Г. былъ такъ скроменъ, что никогда самъ не разсказывалъ ни о восторгахъ, которые вызывалъ, ни о почестяхъ, которыя ему оказывали. Всѣ подробности узнавались или изъ газетъ, или изъ разсказовъ лицъ, которыя присутствовали при музыкальныхъ торжествахъ.

торіи, но нельзя отрицать ея громаднаго вліянія какъ на направленіе театровъ, такъ и на отношеніе къ музыкѣ общества, т. е. публики. Прежде дѣтей заставляли заниматься музыкой только для того, чтобы они сумѣли сыграть какую нибудь вещицу на именины папаши и мамаши. Теперь занимаются иначе и иначе преподаютъ. Русская консерваторія за 30 лѣтъ своего существованія сдѣлала гигантскіе шаги впередъ, и за границей не подозрѣваютъ, что она— одна изъ первыхъ въ Европѣ, и во многомъ — первая. Но меня удивляетъ, что къ ней всѣ такъ враждебно относятся: у насъ не понимаютъ отношенія дѣла къ дѣлу и стараются портить тамъ, гдѣ слѣдовало бы помогать. Впрочемъ, заключилъ А. Г. свою рѣчь, не будемъ говорить объ этомъ, что̀ меня сильно волнуетъ».

Къ А. Г. часто приходили лица, желавшія получить отъ него біографическія свѣдѣнія. Онъ имъ неизмѣнно отвѣчалъ одно и то же:

— Что же у меня могло быть? Ich habe gelebt, geliebt und gespielt! Вотъ все, что я дѣлалъ!» (Жилъ, любилъ, игралъ!).

А. Г. былъ очень суевѣренъ: онъ боялся трехъ свѣчей, 13-го числа, понедѣльниковъ и пятницъ и никогда въ эти дни ничего не предпринималъ, особенно далекихъ поѣздокъ. Не любилъ, когда ему желали передъ концертомъ успѣха, никогда не писалъ и не позволялъ писать просто: я выѣзжаю тогда-то, а писалъ: я «надѣюсь» выѣхать, изъ суевѣрнаго страха, что иначе судьба его накажетъ. У него была масса примѣтъ, въ которыя онъ вѣрилъ съ какою-то первобытной наивностью, напримѣръ, вѣрилъ, что если онъ, уѣзжая, съ кѣмъ нибудь не простится, то, значитъ, навѣрное опять увидится; поэтому очень часто, какъ будто случайно, передъ отъѣздомъ забывалъ проститься съ нѣкоторыми друзьями, которые, не зная его примѣты, конечно, очень огорчались такимъ кажущимся невниманіемъ. Отправляясь въ концертъ, всегда замѣчалъ, кто ему первый попадется на встрѣчу: если попадалась баба съ пустой корзиной или лоткомъ, то это было дурнымъ предзнаменованіемъ; если же корзина была полна, да еще случайно ноша разсыпалась, то А. Г. ликовалъ, ибо видѣлъ въ этомъ полную гарантію успѣха. Удивительно, что эти пустяки имѣли громадное вліяніе на его настроеніе. Однажды, передъ концертомъ онъ былъ страшно мраченъ. На вопросъ своей ученицы, что съ нимъ, отвѣчалъ, что утромъ, умываясь, разбилъ кувшинъ, и что это дурной знакъ. Былъ ли А. Г. въ нервномъ состояніи вслѣдствіе этого, или по какой другой причинѣ, но оркестръ, которымъ онъ въ тотъ вечеръ дирижировалъ, разошелся, и его пришлось остановить. Сидя послѣ концерта за ужиномъ и разговаривая о случившемся, А. Г. ударилъ кулакомъ по столу и воскликнулъ:

— Ахъ, этотъ кувшинъ!

Осенью, незадолго до своей смерти, А. Г. купилъ домъ. Въ тотъ же день онъ въ разговорѣ какъ будто вскользь бросилъ фразу:

— Я сегодня купилъ домъ на Ивановской, и знаете — № 13! Это что нибудь да значитъ!

Очевидно, его часто посѣщали мысли о смерти. Какъ-то разъ, живя еще въ Дрезденѣ, рано утромъ, въ совершенно необычное для выхода время, онъ ушелъ изъ гостиницы и, вернувшись, сказалъ, что ходилъ отдавать свое завѣщаніе на храненіе. Кромѣ того, онъ выписалъ всѣ свои сочиненія и сталъ приготовлять ихъ, какъ говорилъ, для посмертнаго изданія. Рѣшивъ вернуться въ Россію, А. Г. постоянно повторялъ: «ѣду въ Россію — умирать!»

Подъѣзжая къ границѣ, А. Г., спокойно бесѣдовавшій со своими спутниками, вдругъ заволновался, бросился къ окну, сталъ во что-то пристально всматриваться и когда увидалъ рѣчку, отдѣляющую насъ отъ Германіи, его лицо озарилось, онъ снялъ шапку и воскликнувъ:

— Вотъ она — Россія! — поклонился до земли. Онъ вернулся весной изъ Штутгарта, гдѣ исполнялось въ концертномъ залѣ его послѣднее произведеніе, духовная опера «Христосъ», подъ его личнымъ управленіемъ. Его пребываніе чествовалось особымъ торжествомъ, устроеннымъ герцогомъ и оказавшимся послѣднимъ въ его жизни: осенью его не стало.

Желаніе А. Г. исполнилось: прахъ его покоится тамъ, гдѣ всегда пребывало его сердце—на родинѣ. Итакъ, мрачныя предчувствія о смерти и забвеніи, обвѣвавшія свѣтлую душу артиста, къ несчастью, оказались пророческими.

М. Давидова.

РУССКОЕ ЗНАМЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

О РАСПОРЯЖЕНІЮ покойнаго туркестанскаго генералъ-губернатора, К. П. фонъ-Кауфмана, въ 1871—1872 годахъ, «въ видахъ удовлетворенія общаго интереса и для скорѣйшаго ознакомленія читающей публики со вновь занятою нами страною», составленъ былъ фотографическій «Туркестанскій альбомъ». Альбому этому поставлено было задачею представить наглядно: 1) прошедшую жизнь края въ сохранившихся древнихъ памятникахъ (археологическая часть); 2) современную жизнь населенія—типы вѣрованія, обряды, обычаи, жилища, костюмы и виды болѣе населенныхъ мѣстностей края (этнографическая часть); 3) культуру страны въ промышленномъ и техническомъ отношеніяхъ (промысловая часть) и 4) движеніе русскихъ въ эти страны, сгруппировавъ въ одномъ цѣломъ виды мѣстностей, гдѣ приходилось отличаться русскому оружію, и портреты тѣхъ дѣятелей, которые были первыми, открывшими путь въ Среднюю Азію (историческая часть). Каждой изъ четырехъ частей альбома предполагалось предпослать соотвѣтственный объяснительный текстъ. Но программа эта, столь широко задуманная, по неизвѣстнымъ причинамъ, осуществлена не была. Фотографическій альбомъ былъ изданъ всего въ шести экземплярахъ [1]), а текстъ къ нему никогда не былъ напечатанъ. Изъ собранныхъ же для него матеріаловъ, насколько извѣстно, появился въ свѣтъ лишь трудъ М. И. Бродовскаго «Техническія производства въ Туркестанскомъ краѣ» (Спб., 1876). Между тѣмъ, «альбомъ», по авторитетному отзыву Вл. В. Стасова, «долженъ быть признанъ изданіемъ истинно-монументальнымъ, ибо въ такой систематической полнотѣ не была у насъ представлена, въ вѣрныхъ снимкахъ съ натуры, ни одна часть нашего государства, даже и Великороссія во всей ея совокупности» [2]).

---

[1]) Экземпляры эти были представлены генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ: императору Александру II, наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу, великому князю Владиміру Александровичу, академіи наукъ, императорской публичной библіотекѣ и русскому географическому обществу.

[2]) В. В. Стасовъ: «Фотографическія и фототипическія коллекціи императорской публичной библіотеки», Спб., 1885.

Въ надеждѣ, что когда либо трудъ этотъ, по сохранившимся въ императорской публичной библіотекѣ негативамъ, будетъ изданъ вновь и сдѣлается достояніемъ публики, и желая облегчить издателю составленіе объяснительнаго текста, я воспользовался найденными въ бумагахъ К. П. фонъ-Кауфмана нѣсколькими черновыми статьями, съ описаніемъ главныхъ эпизодовъ поступательнаго движенія нашихъ войскъ въ Среднюю Азію, со взятія Акъ-Мечети въ 1853 году по 1871 годъ, чтобы ознакомить интересующихся исторіей нашихъ окраинъ со многими, неизвѣстными доселѣ, подробностями событій, укрѣпившихъ русское знамя на Востокѣ, и повѣдать о подвигахъ не только прославленныхъ уже дѣятелей, но и тѣхъ скромныхъ героевъ, имена которыхъ упоминались, въ свое время, въ реляціяхъ, но нынѣ мало кому памятны.

Особенная цѣнность упомянутыхъ статей, въ значительной части принадлежащихъ, въ первоначальномъ видѣ, перу М. А. Терентьева,—заключается въ томъ, что написаны онѣ на мѣстѣ, по подлиннымъ документамъ; въ описаніяхъ событій царствованія императора Александра II изложены по показаніямъ живыхъ свидѣтелей и провѣрены самимъ Константиномъ Петровичемъ, взявшимъ на себя и редакцію ихъ, судя по множеству его собственноручныхъ исправленій и вставокъ, и той тщательности, съ которой въ повѣствованіи о событіяхъ его времени исключено, гдѣ только возможно, все, что указывало бы на его личную иниціативу и руководящую роль. Подробность—характерная и свидѣтельствующая всѣмъ, близко знавшимъ покойнаго устроителя Туркестана, что рукопись готовилась не только для справокъ, но и для печати.

Поэтому, придавъ сему драгоцѣнному для будущаго историка матеріалу форму послѣдовательнаго очерка и помѣщая его на страницахъ «Историческаго Вѣстника», я думаю лишь исполнить намѣреніе К. П. и послужить исторической правдѣ. **П. К.**

I.

Движеніе въ глубь Азіи до 1853 года.

Кошмаръ Англіи—поглощеніе Россіей Азіи—представляющій насъ въ воображеніи англійскаго народа и его государственныхъ дѣятелей въ видѣ коварныхъ и ненасытныхъ завоевателей и приписывающій намъ ихъ собственный девизъ: «tout prendre, ne rien rendre et toujours prétendre», объясняется, однако, не одною мнительностью. Страшитъ ихъ тотъ неудержимый потокъ, который, подхвативъ Русь еще въ XV столѣтіи, съ завоеваніемъ Перми, Вятки и Югорской земли, влечетъ Россію на Востокъ, неуклонно приближая къ британской сокровищницѣ. Задержанная на время въ этомъ движеніи татарскимъ нашествіемъ—порабощенная, угнетенная Азіей слабая удѣльная Русь, кровью своею затушившая угрожавшій Европѣ монгольскій пожаръ, свергнувъ съ себя иго, воспряла мощнымъ государствомъ, и ставъ твердою ногою на развалинахъ азіатской Золотой орды, двинулась сама на Азію, какъ рѣка, прорвавшая плотину, возвращается въ свое русло.

Съ завоеваніемъ царствъ Казанскаго (1552) и Астраханскаго (1556), съ покореніемъ Сибири (1581), Россія пріобрѣла новыхъ сосѣдей—и мирныхъ, и безпокойныхъ. Мирныхъ пришлось защищать, отъ враговъ защищаться. Возникли на восточной границѣ укрѣпленія, явилась необходимость занимать стратегическіе пункты. Съ теченіемъ времени, замиренные народы, оказавшіеся между Россіей и дикими азіатскими племенами, въ огражденіе себя отъ напиравшихъ на нихъ изъ Азіи ордъ, стали вступать въ русское подданство и постепенно сливаться съ коренною Русью: башкиры, калмыки, киргизы, поочередно, подчинились русской державѣ. Граница Россіи перевалила за Уралъ. Но все это движеніе на Востокъ, всѣ эти мирныя пріобрѣтенія и завоеванія азіатскихъ пространствъ совершались съ единственною цѣлью, вызванной нападеніемъ самозащиты или защиты слабыхъ, просившихъ у Россіи противъ сильныхъ покровительства. Если же взоры русскихъ государей и обращались иногда на Азію съ болѣе широкими видами, то лишь для развитія великаго средне-азіатскаго торговаго пути, но попытки въ этомъ направленіи, несмотря на посылавшихся еще царемъ Иваномъ Грознымъ, а затѣмъ и государемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, гонцовъ къ закаспійскимъ владыкамъ для развѣдокъ и мирныхъ соглашеній, — не имѣли успѣха, и средняя Азія долго оставалась для русскихъ полусказочною страною.

Такимъ образомъ, не завоевательные замыслы нашихъ государей, не корысть и не жажда славы влекли нашихъ воиновъ въ теченіе вѣковъ къ столицѣ Тамерлана, а случай и необходимость—эти два двигателя, для которыхъ нѣтъ преградъ.

Болѣе сознательное отношеніе къ Востоку и желаніе ближе ознакомиться съ средне-азіатскими народами и ихъ бытомъ стали проявляться у насъ лишь съ начала прошлаго столѣтія.

Императоръ Петръ Великій, наслышавшись о возможности, при помощи великой средне-азіатской рѣки, связать Россію съ Азіей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ свѣдѣнія, что хивинцы преградили русло, которымъ Аму-Дарья впадала въ Каспійское море, рѣшилъ какъ для исправленія этого русла, такъ и для повѣрки слуховъ о золотоносности Аму-Дарьинскихъ водъ, снарядить двѣ экспедиціи: одну со стороны Сибири, подъ начальствомъ подполковника Бухгольца, другую, подъ предлогомъ поздравленія хивинскаго хана со вступленіемъ на ханство, подъ начальствомъ гвардіи капитанъ-поручика князя Бековича-Черкасскаго. Бухгольцъ долженъ былъ идти долиною Иртыша, заложить по дорогѣ нѣсколько крѣпостей и овладѣть Эркетомъ (Яркендомъ). Бековичъ долженъ былъ проникнуть въ Хиву, а затѣмъ и въ Бухару и соединиться съ Бухгольцомъ у Яркенда. Походъ со стороны Сибири повелъ къ тому, что мы, позабывъ объ Эркетѣ, заняли въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1715 по 1720 годъ) всю долину Иртыша на протяженіи слишкомъ 1.000

верстъ, устроивъ здѣсь рядъ крѣпостей. Бековичъ же погибъ, не достигнувъ цѣли. Снарядившись въ Астрахани и выступивъ въ Хиву въ февралѣ 1717 года, черезъ степь, отъ Красноводскаго залива, съ отрядомъ, имѣвшимъ до 3.000 человѣкъ, Бековичъ встрѣтилъ хивинцевъ на рѣкѣ Карагачъ. Несмотря на завѣренія князя Черкасскаго, что онъ идетъ въ Хиву съ мирными предложеніями, хивинцы на него напали вооруженною силою, но послѣ трехдневнаго боя вынуждены были отступить. Путь въ Хиву былъ, такимъ образомъ, открытъ, чѣмъ и слѣдовало воспользоваться, чтобы проникнуть въ столицу ханства и на мѣстѣ объяснить цѣль экспедиціи; вмѣсто того, Бековичъ вступилъ вновь въ переговоры съ ханомъ Ширгазы, принялъ приглашеніе прибыть въ его лагерь и поддался его увѣщаніямъ раздѣлить отрядъ, для удобства, будто бы, продовольствія, на нѣсколько партій. Какъ только это было исполнено, хивинцы уничтожили весь отрядъ по частямъ. Первою жертвою своей неосторожности палъ самъ князь Черкасскій. Онъ былъ обезглавленъ въ ханской ставкѣ. Неудача экспедиціи 1717 года повлекла за собою и очищеніе восточнаго берега Каспійскаго моря, гдѣ оставленные въ заложенныхъ крѣпостяхъ гарнизоны понесли громадную потерю въ людяхъ, вслѣдствіе недостатка здоровой воды. На Красноводскую крѣпость произведено было нѣсколько нападеній туркменами по наущенію хивинцевъ, и хотя эти нападенія были отбиты, начальники гарнизоновъ, видя невозможность удержаться въ укрѣпленіяхъ, рѣшили ихъ покинуть и весною 1718 года отплыли въ Астрахань съ оставшимися въ живыхъ людьми.

Гибель Черкасскаго не разстроила, однако, виды великаго императора на Аму-Дарью и не охладила Петра въ розысканіи торговаго пути на Востокъ, для каковой цѣли туда постоянно посылались послы: князь Урусовъ, Лихаревъ, Артемій Волынскій, Флоріо Беневскій. Изъ нихъ послѣдній три года ѣхалъ въ Бухару, задерживаемый то въ Шемахѣ, то въ Тегеранѣ. Недружелюбіе бухарцевъ заставило его спасаться бѣгствомъ въ Хиву, гдѣ онъ былъ принятъ лучше, но и оттуда долженъ былъ все-таки выѣхать тайно. Беневскій подтвердилъ слухи о золотѣ и старомъ теченіи Аму-Дарьи въ Каспій, но, возвратясь въ Россію, уже не засталъ въ живыхъ государя, который, незадолго до своей кончины, отнявъ у Персіи, лично предводительствуя войсками, прикаспійскія области, избралъ другой путь въ сердце Азіи: черезъ Киргизскія степи и Сыръ-Дарью.

Усилія посланнаго къ киргизамъ мурзы Тевкелева увѣнчались успѣхомъ, и въ 1732 году народное киргизское собраніе Малой и Средней орды подписало запись о поступленіи своемъ въ подданство Россіи. Съ этого времени, началась борьба русской цивилизаціи съ пастушескими и дикими племенами азіатскихъ степей. Много было испытано способовъ привить дикарямъ, если не гражданское устройство, то какія нибудь понятія о правѣ и справедливости, но всѣ попытки

оказывались безплодными: дикари уважали только одно право — право силы, и тогда уже, негласно поощряемые англійскимъ золотомъ [1]), упорно уклонялись отъ мирныхъ сосѣдскихъ отношеній. Грабежи, убійства, увозъ плѣнныхъ для продажи въ Хивѣ повторялись на линіи ежегодно. Отряды наши тщетно гонялись за разбойничьими шайками по безводнымъ степямъ — было очевидно, что необходимо возвести рядъ укрѣпленій, которыя прорѣзали бы степь вдоль и поперекъ, лишивъ разбойниковъ возможности проскользать мимо съ добычею. Въ этихъ цѣляхъ, въ 1754 году, былъ занятъ небольшой участокъ илецкихъ соляныхъ копей для устройства тамъ крѣпостцы и поселенія, а на сѣверѣ урало-уйская линія была соединена съ иртышской, и проведена новая пограничная черта отъ Звѣриноголовскаго укрѣпленія до Омска. Но вообще правительство наше всячески избѣгало наступательныхъ дѣйствій и долгое время отклоняло всякія предположенія объ исправленіи нашихъ восточныхъ границъ, путемъ вооруженнаго занятія сосѣднихъ безпокойныхъ ханствъ. Даже императоръ Павелъ, мечтавшій сначала совмѣстно съ Франціей, а затѣмъ и собственными силами, умѣрить корыстолюбіе и эгоизмъ Англіи, выразившіеся въ притязаніяхъ ея на Мальту и Іоническіе острова, походомъ въ Индію, — отказался отъ мысли занять Хивинское ханство, несмотря на представлявшіяся къ тому удобства. Когда русской службы майоръ Бланкеннагель, пробывшій въ Хивѣ долгое время въ качествѣ врача при ханѣ и изучившій ее во всѣхъ подробностяхъ, по возвращеніи въ Россію въ 1797 году, подтверждая старые слухи о минеральныхъ богатствахъ страны и возможности исправленія русла Аму-Дарьи, представилъ государю планъ завоеванія ханства, съ маршрутомъ для экспедиціоннаго отряда, и планъ этотъ, по разсмотрѣніи его въ «совѣтѣ при высочайшемъ дворѣ» [2]), не былъ одобренъ къ исполненію лишь потому, что походъ въ Хиву привлекъ бы «разныхъ другихъ державъ вниманіе и усугубилъ бы ихъ зависть» и могъ бы «вывести Россію изъ настоящаго ея мирнаго положенія» [3]),—императоръ, на протоколѣ совѣта, съ своей стороны, добавилъ, что «совѣтъ, исчисляя причины, препятствующія овладѣть Хивою, позабылъ одну изъ главнѣйшихъ, т. е. неимѣніе къ тому никакого повода справедливости» [4]).

---

[1]) Англійское правительство, между прочимъ, уже во время персидскаго похода заявляло турецкому султану, что «русскій государь хочетъ непремѣнно обладать всею восточною торговлею, вслѣдствіе чего товары Азіи пойдутъ въ Европу чрезъ Россію. Порта должна оружіемъ остановить успѣхи русскихъ на Востокѣ, и если она объявитъ Россіи войну, то получитъ денежную помощь не только отъ короля, но и отъ всего народа англійскаго». Лобысевичъ. Описаніе хивинскаго похода. Гл. I. Спб. 1898.

[2]) Нынѣ государственный совѣтъ.

[3]) Журналъ совѣта 23-го іюля 1797 года (Архивъ Госуд. Сов., т. II, Спб., 1888).

[4]) Журн. сов. 13-го августа 1797 года (тамъ же).

Между тѣмъ, отношенія наши къ Хивѣ все ухудшались, хивинцы продолжали вторгаться въ наши предѣлы, уводить въ плѣнъ мирныхъ жителей, мутить киргизовъ и грабить караваны. Англичане, съ своей стороны, стали принимать энергичныя мѣры для защиты своей сѣверо-западной границы. Наконецъ, и мы убѣдились, что нѣтъ другихъ средствъ образумить Хиву, какъ прибѣгнуть къ силѣ оружія. Въ октябрѣ 1839 года изъ Оренбурга выступилъ, подъ командою генералъ-адъютанта Перовскаго, отрядъ въ составѣ 4.250 человѣкъ, при 18 орудіяхъ и 2.000 киргизскихъ возчиковъ и верблюдовожатыхъ, но цѣли своей этотъ отрядъ не достигъ; и не хивинскія скопища, а суровая зима и болѣзни остановили его движеніе въ февралѣ 1840 года. Щадя людей, Перовскій, скрѣпя сердце, рѣшился вернуться на Эмбенскій постъ. Императоръ Николай Павловичъ, получивъ донесеніе Перовскаго о неуспѣшномъ исходѣ экспедиціи, повелѣлъ приступить къ приготовленіямъ для новаго похода, но и эта вторая попытка не удалась и по той же причинѣ: отрядъ дошелъ до Чушкакуля, но развившаяся цынга и другія болѣзни унесли изъ него болѣе 1.000 человѣкъ, 10.000 верблюдовъ и 8.000 лошадей. Перовскій вторично долженъ былъ вернуться въ Эмбенское укрѣпленіе. Неудача этого второго похода вселила во многихъ убѣжденіе въ невозможности дойти отрядомъ до Хивы, и лишь 23 года спустя на долю К. П. фонъ-Кауфмана выпало доказать противное. Но самый неуспѣхъ экспедиціи Перовскаго принесъ свою пользу. Она окончательно доказала, что дѣйствовать набѣгами, вдали отъ опорныхъ пунктовъ, мѣра рискованная, и что къ цѣли надо было подходить, хотя и медленно, но вѣрными шагами, оцѣпивъ степь рядомъ укрѣпленій. Основаніе этой цѣпи положено было въ 1845 году: возникли укрѣпленія Оренбургское, Уральское, затѣмъ Раимское, Карабутакъ, Косъ-аралъ. Съ возведеніемъ Раима совершилось занятіе устьевъ Сыръ-Дарьи. На Аральскомъ морѣ заведены суда, въ февралѣ 1853 года спущенъ на воду первый пароходъ, доставленный въ разобранномъ видѣ изъ Швеціи. Занятіе Сыръ-Дарьи давало, съ одной стороны, возможность подготовить для Хивы серьезный ударъ, а съ другой—соединить оренбургскую линію съ сибирскою. Тѣмъ временемъ, назначенный вновь, вмѣсто Обручева, оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ Перовскій предпринялъ движеніе вверхъ по Сыру, но посланный для этого въ 1852 году полковникъ Бларамбергъ потерпѣлъ подъ стѣнами Акъ-Мечети неудачу, и экспедиція была отложена до слѣдующаго года.

II.

Взятіе Акъ-Мечети въ 1853 году.

Въ 1853 году, генералъ-адъютантъ Перовскій, наученный уже опытомъ 1839 года и неудачею Бларамберга, принялъ всѣ мѣры къ обезпеченію войскъ для дальнаго степного похода. Первая колонна выступила изъ Оренбурга 25-го апрѣля. Весь отрядъ, по присоединеніи къ первой второй колонны изъ Карабутака, состоялъ изъ 2.168 человѣкъ, при 12 орудіяхъ и 150 киргизъ-охотниковъ. Перевозочныя средства заключались въ 2.038 верблюдахъ, 228 волахъ и 494 телѣгахъ.

Въ началѣ іюля, отрядъ прибылъ въ Аральское укрѣпленіе. По дорогѣ заложены были два укрѣпленія: фортъ № 1 при истокѣ изъ Сыра рукава Казалы и фортъ № 2 при урочищѣ Кармакчи. 2-го іюля, Перовскій подступилъ съ легкимъ отрядомъ къ Акъ-Мечети и расположился лагеремъ въ 600 саженяхъ отъ укрѣпленія. Коменданту крѣпости было послано предложеніе сдаться, но кокандцы, подпустивъ парламентеровъ къ крѣпостному валу, встрѣтили ихъ выстрѣлами.

Рекогносцировка указала, что умудренные прошлогоднимъ опытомъ кокандцы значительно усилили свои верки: наружный валъ былъ срытъ, строенія вокругъ цитадели уничтожены, толщина стѣнъ крѣпости увеличена. Два рва вокругъ цитадели соединены были въ одинъ, шириною въ двѣ сажени. Лазутчики сообщили еще, что на стѣнахъ были заготовлены штурмовыя бревна и кисякъ [1]) для пораженія штурмующихъ.

Ни калибръ отрядной артиллеріи, ни количество взятыхъ снарядовъ не дозволяли бить брешь въ глиняной стѣнѣ четырехсаженной толщины; атака же открытою силою на стѣну, въ пять саженъ (считая отъ дна рва) вышиною, казалась также рискованною. По этимъ причинамъ, было рѣшено бомбардировать крѣпость, а въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія сдѣлать брешь миною, взорвавъ одну изъ башенъ, и затѣмъ штурмовать обвалъ.

5-го іюля, построена была первая наша батарея въ 250 саженяхъ отъ крѣпости, а 6-го, когда прибыли послѣдніе эшелоны отряда, устроена и другая на лѣвомъ берегу Сыра, имѣющаго въ этомъ мѣстѣ до 318 саженъ ширины. Къ 8-му числу дѣйствовало уже 5 батарей, состоявшихъ изъ двухъ 6-ти-фунтовыхъ пушекъ, одной 12-ти-фунтовой, двухъ полупудовыхъ и четырехъ единороговъ, пяти мортиръ и одного ракетнаго станка.

---

[1]) Комья глины.

Къ 9-му іюля часть батарей была выдвинута на разстояніе 150 саженъ отъ крѣпости, а съ 10-го началось веденіе подступовъ. Въ размѣщеніи батарей принималъ дѣятельное участіе генералъ-майоръ С. А. Хрулевъ, присланный въ отрядъ по высочайшему повелѣнію. Въ донесеніи отъ 9-го іюля Перовскій отозвался о немъ слѣдующимъ образомъ: «въ лицѣ этого отличнаго офицера его императорское величество изволилъ дать мнѣ помощника и совѣтника, какого въ настоящемъ дѣлѣ только могъ я желать, но имѣть не надѣялся». Впослѣдствіи всю честь взятія Акъ-Мечети Перовскій приписалъ Хрулеву.

Непріятель, между тѣмъ, отвѣчалъ весьма энергично, несмотря на совершенное убожество артиллерійскихъ средствъ своихъ, сравнительно съ нашими; за неимѣніемъ чугунныхъ гранатъ, кокандцы надѣлали кожаныхъ, которыя обвивались бичевкою или струнами и затѣмъ снаружи осмаливались. 13-го, съ захваченнымъ кокандскимъ лазутчикомъ послано было въ крѣпость генераломъ Перовскимъ слѣдующее предложеніе о сдачѣ: «По приказанію государя моего императора всероссійскаго, пришелъ я взять Акъ-Мечеть, построенную кокандцами на русской землѣ, для притѣсненія киргизъ, нашихъ подданныхъ. Акъ-Мечеть уже взята, хотя вы и сидите въ ней. Вы видите, что я, не теряя моихъ людей, могу истребить васъ всѣхъ до единаго. Русскіе пришли сюда не на день и не на годъ, а на вѣчныя времена; назадъ они не пойдутъ. Хотите остаться живы—просите пощады; хотите умереть въ Акъ-Мечети—и это въ вашей волѣ; мнѣ не къ спѣху; я васъ не тороплю, но повторяю: пришелъ сюда не сражаться, а бить, покуда не отворите ворота. Все это сказалъ бы вамъ въ первый день моего прибытія, когда я подъѣзжалъ безъ оружія къ стѣнамъ крѣпости, если бы вы не стали стрѣлять въ меня предательскимъ образомъ, а это не дѣлается между честными воинами».

Отвѣтъ требовался къ вечеру.

Огонь былъ прекращенъ съ обѣихъ сторонъ, а вечеромъ посланный возвратился съ письмомъ коменданта, который увѣрялъ, что теперешнее кокандское правительство не обязано отвѣчать за несправедливости прежнихъ владѣтелей страны — кипчаковъ; что русскій отрядъ подошелъ къ крѣпости безъ объявленія войны, а это и послужило поводомъ къ недружелюбной встрѣчѣ парламентеровъ, что, наконецъ, комендантъ готовъ сдать крѣпость, но съ тѣмъ, чтобы русскіе дали ему 15 дней сроку и отошли на это время отъ крѣпости; въ противномъ же случаѣ, гарнизонъ будетъ защищаться, пока еще цѣло оружіе и не истощился кисякъ.

Вслѣдствіе этого, осадныя работы возобновлены были на другой же день, и къ вечеру 14-го числа аппроши были доведены уже на двѣ сажени отъ рва.

Медленность осадныхъ работъ, видимо, не нравилась войскамъ, предпочитавшимъ неотложный штурмъ, но, кромѣ землекопныхъ работъ въ жаркую лѣтнюю пору, отрядъ терпѣлъ еще нѣкоторый недостатокъ въ мясѣ, такъ какъ киргизы, боясь, что русскіе, взявъ и разоривъ Акъ-Мечеть, уйдутъ назадъ и оставятъ ихъ мщенію кокандцевъ, упорно отказывались доставлять войскамъ скотъ. Только когда увидѣли, что отрядъ заготовляетъ запасы сѣна и топлива и, слѣдовательно, намѣревается остаться въ Акъ-Мечети,—киргизы успокоились и не только стали доставлять скотъ, но 150 человѣкъ изъ нихъ нанялись даже на работы госпиталя и магазина.

Скучая однообразіемъ, солдаты нерѣдко продѣлывали разныя штуки: такъ, когда окончено было занятіе траншеей края рва, солдаты сами спустились въ ровъ и преспокойно расположились на отдыхъ на уступѣ крутаго эскарпа, въ совершенной безопасности отъ выстрѣловъ. Одинъ изъ рядовыхъ 4-го баталіона, Григорьевъ, работавшій постоянно съ саперами, по собственной охотѣ, замѣтивъ, что на обвалѣ башни лежатъ набитые землею мѣшки, свалившіеся изъ ложемента, устроеннаго кокандцами на верху обвала, взобрался среди бѣлаго дня, на обвалъ, высыпалъ изъ мѣшковъ землю и спокойно возвратился на мѣсто подъ выстрѣлами непріятеля, оправдываясь впослѣдствіи тѣмъ, что мѣшки ему понадобились для исподняго платья, которое совсѣмъ износилось.

Башкиры также отличались полнымъ пренебреженіемъ къ жизни и презрѣніемъ къ непріятельскимъ выстрѣламъ, отъ которыхъ никогда не укрывались ни за турами, ни за повозками, а наскучивъ ходить по траншеѣ, выбирались зачастую на открытое мѣсто, а не то украдкою фуражировали арбузы и дыни въ кокандскихъ огородахъ подъ самою крѣпостью. Показывая другимъ, какъ слѣдуетъ закрываться отъ пуль лопатами, они желѣзную держали передъ лицомъ плашмя, а деревянную ребромъ, чтобы «казенную вещь не испортило пулей».

Непріятель освѣщалъ наши ночныя работы факелами изъ шестовъ, обмотанныхъ насаленными тряпками. Впослѣдствіи и мы воспользовались этимъ средствомъ, освѣщая факелами и плошками крѣпостныя стѣны, въ видахъ противодѣйствія вылазкамъ, на которыя кокандцы оказались великими мастерами. Первую вылазку, силою въ 20 человѣкъ, они сдѣлали днемъ, 19-го іюля, въ 3 часа по полудни. Спустившись по веревкамъ со стѣнъ, они бросились съ саблями на голову траншей; наши приняли ихъ сначала за башкиръ и не стрѣляли. Кокандцы изрубили двухъ солдатъ и успѣли бѣжать.

Между тѣмъ, разнесся слухъ, что изъ Ташкента идетъ въ Акъ-Мечеть подкрѣпленіе; поэтому рѣшено было произвести поискъ по дорогѣ въ Ташкентъ до ближайшаго укрѣпленія Джулекъ, куда и выступилъ 21-го іюля отрядъ изъ двухъ сотенъ казаковъ и

50 башкиръ при одномъ орудіи. 23-го числа, покинутый гарнизономъ Джулекъ былъ занятъ и разоренъ, а 27-го отрядъ уже вернулся въ лагерь съ трофеями.

Къ этому же времени окончены были минныя работы и заряжены два горна. Работы эти ведены подпоручикомъ учебнаго сапернаго батальона Орловскимъ [1]). Непріятель пытался было вести контръ-мину, но она была открыта нами и обрушена ручными гранатами.

Диспозиція къ штурму была слѣдующая: 27-го числа, въ 10 часовъ вечера, въ крѣпостную стѣну должны были быть пущены конгревовы ракеты съ двухъ пунктовъ. Въ 11 часовъ выстрѣлъ съ одной изъ батарей; въ 12 часовъ фальшивая тревога, послѣ которой войска, занимавшія траншеи, начинали отступленіе; въ 1 часъ утра 28-го числа, выстрѣлъ съ другой батареи, въ 2 часа вторая фальшивая тревога въ траншеяхъ, въ 3 часа 3 ракеты; по третьей отступали послѣднія части, оставленныя въ крѣпостномъ рвѣ, а одна рота размѣщалась въ крытыхъ траншеяхъ; въ $3^1/_2$ часа три ракеты одна за другою; пять минутъ спустя послѣ послѣдней—взрывъ, а затѣмъ штурмъ.

При этомъ имѣлось въ виду: утомить кокандцевъ выстрѣлами и ракетами, а фальшивыми тревогами убѣдить ихъ, что штурма въ эту ночь не будетъ.

Диспозиція была исполнена въ точности, но кокандцы тотчасъ же послѣ взрыва заняли проломъ и, несмотря на градъ нашей картечи, открыли сильный ружейный огонь по батареямъ и штурмовымъ колоннамъ. Первая колонна изъ 1-й роты 4-го линейнаго баталіона, съ командою штуцерныхъ [2]) во главѣ, два раза ходила на штурмъ, но оба раза была отбита и только когда подоспѣла еще одна рота, брешь была занята. Роты эти тотчасъ же разсыпались по стѣнамъ и башнямъ и открыли огонь во внутренности крѣпости. Въ $4^1/_2$ часа крѣпость уже была въ нашихъ рукахъ.

Комендантъ крѣпости, Мухамедъ-Вали, былъ убитъ въ самомъ началѣ штурма; блажайшіе его сподвижники легли, какъ обѣщались, всѣ до единаго; насчитано 230 труповъ; въ плѣнъ взято 74 человѣка, въ томъ числѣ 35 раненыхъ.

Наша потеря на штурмѣ состояла: изъ 5 нижнихъ чиновъ убитыми и 49 ранеными. Въ теченіе же осады ранено было: 2 штабъ и 6 оберъ-офицеровъ и 71 нижній чинъ; убито нижнихъ чиновъ 8, умерло отъ ранъ 13, безъ вѣсти пропалъ 1. Всего выбыло изъ строя 106 человѣкъ. Трофеями нашими были: 2 бунчука, 8 знач-

---

[1]) Умеръ въ 1895 г. членомъ военнаго совѣта.

[2]) Изъ 12 человѣкъ, въ томъ числѣ 6 матросовъ съ парохода «Перовскій» (остановившагося въ 2-хъ верстахъ выше Акъ-Мечети) и 6 солдатъ изъ числа лучшихъ стрѣлковъ, коимъ и даны были штуцера.

ковъ, 2 мѣдныя орудія, нѣсколько фальконетовъ, 66 крѣпостныхъ ружей, 150 шашекъ, 1.000 ядеръ и 120 лошадей.

Паденіе Акъ-Мечети, считавшейся оплотомъ кокандскаго владычества въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи, должно было произвести сильное впечатлѣніе на кокандцевъ, и слѣдовало ожидать, что они не замедлятъ попытаться взять крѣпость обратно.

Такъ и случилось. 14-го декабря того же 1853 года, 13.000 кокандцевъ, при 17 орудіяхъ напали на фортъ Перовскій, но часть гарнизона (550 человѣкъ при 4 орудіяхъ и 2 ракетныхъ станкахъ) сдѣлала на разсвѣтѣ 18-го числа вылазку подъ начальствомъ капитана Шкунь и совершенно разсѣяла кокандскія скопища, захвативъ всѣ 17 орудій, 4 бунчука и 7 знаменъ. Наша потеря состояла изъ 18 убитыхъ и 49 раненыхъ.

Движеніе впередъ со стороны Западной Сибири, какъ бы навстрѣчу со стороны Оренбурга, началось годомъ позже.

Въ 1854 году, занята была Заилійская долина, гдѣ и возведено укрѣпленіе Вѣрное.

Оренбургская степь представляла въ это время театръ полнаго безпорядка — тамъ безчинствовалъ извѣстный разбойникъ Исетъ-Кутебаровъ (съ 1853 по 1858 годъ). Неуловимый, дерзкій, онъ покорился только тогда, когда мы сами отказались отъ надежды захватить его и даровали амнистію.

Восточная война задержала нѣсколько выполненіе плана соединенія границъ оренбургской и сибирской; вопросъ этотъ возникъ снова только въ 1859 году. Приготовленія къ экспедиціи взволновали кокандцевъ, которые, сосредоточивъ, по совѣту англійскихъ эмиссаровъ, подбивавшихъ ихъ объявить священную войну — газаватъ,—значительныя скопища у Пишпека, перешли въ наступленіе и напали на наше укрѣпленіе Кастекъ (9-го іюля 1860 года); нападеніе было отбито, но возможность его повторенія и дальнѣйшихъ вторженій въ наши предѣлы кокандцевъ заставила насъ поспѣшить занятіемъ верховьевъ рѣки Чу.

Поэтому, въ августѣ того же года, отрядъ изъ 1.044 человѣкъ пѣхоты и 3 сотенъ казаковъ, при 8 орудіяхъ, 7 мортирахъ и 4 ракетныхъ станкахъ, подъ командою полковника Циммермана, взялъ крѣпость Токмакъ, а 3-го сентября и Пишпекъ послѣ пятидневной осады.

Разрушивъ главные верки этихъ укрѣпленій, отрядъ возвратился на линію. Циммерманъ произведенъ въ генералы.

III.

Нападеніе кокандцевъ на новую линію. Бой при Узунъ-Агачѣ.

Кокандцы послѣ взятія Пишпека стали еще энергичнѣе пропагандировать газаватъ и тѣмъ возмущать подданныхъ намъ киргизъ. Вскорѣ по отъѣздѣ изъ Вѣрнаго генералъ-майора Циммермана, кокандцы начали стягивать свои регулярныя и иррегулярныя войска къ Ауліе-ата и Меркэ, присоединивъ къ себѣ волей и неволей скопище изъ киргизъ, на пространствѣ между Ауліе-ата и Пишпекомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, непріятель, въ числѣ болѣе 20-ти тысячъ, съ 10-ю орудіями, подъ начальствомъ сераскира и правителя Ташкента Канаатъ-ша, двинулся на общій сборный пунктъ къ развалинамъ Пишпека. Изъ прокламаціи кокандцевъ было видно, что на этотъ разъ они имѣли намѣреніе дѣйствовать сначала на наши сообщенія, а потомъ приступить къ уничтоженію нашихъ поселеній и укрѣпленій. И дѣйствительно, перейдя Курдай, кокандцы направились окольными дорогами къ западу отъ Кастека и отрѣзали его отъ Узунъ-агача. Къ нимъ присоединились кочевавшіе по близости киргизы наши.

Военныя силы Заилійскаго края въ это время (начало октября 1860 г.) состояли изъ 9 ротъ, 8 сотенъ, 7 орудій и 4 ракетныхъ станковъ. Всего до 2.440 человѣкъ. Войска эти раздѣлены были слѣдующимъ образомъ: въ Кастекѣ, передовомъ нашемъ укрѣпленіи,— одна рота, одна сотня, три орудія (безъ лошадей) и два ракетныхъ станка, въ Вѣрномъ: 5 ротъ, 4 сотни, 4 орудія и два ракетныхъ станка; въ укрѣпленіи Илійскомъ—одна рота; на пути изъ Вѣрнаго въ Копалъ—2 роты, сотня, прислуга и лошади батарейнаго взвода [1]).

Увѣренность наша въ полной безопасности послѣ урока, даннаго кокандцамъ, была такова, что кастекскій воинскій начальникъ не придалъ никакого значенія извѣстію о сборѣ кокандскихъ скопищъ, доставленному перебѣжавшимъ къ намъ киргизомъ.

Слухи, однако же, упорно повторялись, хотя и не давали ничего опредѣленнаго. Опасаясь за передовое укрѣпленіе, отстоявшее отъ Вѣрнаго всего на 80 верстъ, а также и за промежуточные выселки— зерно будущей колонизаціи, начальникъ Алатавскаго округа подполковникъ Колпаковскій [2]) тотчасъ усилилъ отрядъ въ Кастекѣ и выслалъ изъ Вѣрнаго въ Узунъ-агачъ и Каскеленъ небольшіе гарнизоны, но, получивъ извѣстіе о прибытіи на р. Чу главной части

[1]) Лошадей вели на продажу въ Копалъ, вслѣдствіе предписанія привести дивизіонъ на мирное положеніе.

[2]) Впослѣдствіи степной генералъ-губернаторъ.

непріятельскихъ скопищъ, онъ передвинулъ Узунъ-агачскій отрядъ къ Кастеку, оставивъ на Узунъ-агачѣ одну роту пѣхоты, сотню казаковъ и два легкихъ орудія, а къ западу отъ Узунъ-агача—въ Саурукъ-курганѣ (на рѣкѣ Кара-Кастекѣ): роту пѣхоты, 25 казаковъ и ракетный станокъ. 15-го октября, Колпаковскій разослалъ къ нѣкоторымъ вліятельнымъ киргизамъ письма съ приглашеніемъ присоединиться къ нашимъ отрядамъ. Но киргизы выжидали, чья возьметъ, и не торопились съ услугами. Они уклонялись даже отъ сообщенія извѣстій о движеніи непріятеля. Поэтому наши двигались на авось и, не подозрѣвая серьезной опасности, разгуливали небольшими командами. 16 числа, отрядъ, назначенный на Саурукъ-курганъ, дойдя почти до мѣста, былъ охваченъ партіею киргизовъ, но отбился безъ потери. Кастекскій воинскій начальникъ майоръ Экебладъ, казалось, все еще сомнѣвался: «не знаю, писалъ онъ Колпаковскому 17 числа, могу ли навѣрное сказать, что непріятель тутъ; но всѣ признаки даютъ право думать это». 18-го въ Кастекъ прибылъ самъ Колпаковскій, едва не попавшись въ плѣнъ на пути: онъ также ѣхалъ съ небольшимъ конвоемъ и попалъ на засаду, устроенную киргизами верстахъ въ десяти за Кескеленомъ. Киргизы, къ счастью, не разобрали въ сумеркахъ, много ли, мало ли ѣдетъ нашихъ, и, покруживъ немного, исчезли.

Войска наши къ этому числу были расположены слѣдующимъ образомъ: въ Кастекѣ,—4 роты, 4 сотни и 7 орудій; въ Саурукъ-курганѣ—одна рота и одинъ ракетный станокъ; на Узунъ-агачѣ—рота, сотня и два орудія; въ Кескеленѣ—полъ-сотни водворенныхъ казаковъ; въ Вѣрномъ—двѣ роты и полторы сотни водворенныхъ казаковъ; въ Илійскомъ укрѣпленіи и Заилійскомъ пикетѣ—рота, сотня и два горныхъ орудія.

18-го октября, передовыя непріятельскія партіи появились, почти одновременно, въ виду Кастека, Узунъ-агача, Саурукъ-кургана. Показавшійся на высотахъ Кастека непріятельскій разъѣздъ былъ разсѣянъ сотнею казаковъ, захватившею при этомъ трехъ плѣнныхъ.

Посланы были изъ Кастека небольшіе разъѣзды къ сторонѣ Узунъ-агача (27 верстъ) и Саурукъ-кургана (13 верстъ) съ цѣлію притянуть стоявшія тамъ войска въ Кастекъ, къ главнымъ силамъ. Но отряды эти были отрѣзаны, и для соединенія съ ними пришлось двинуться самимъ главнымъ силамъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о находчивости хорунжаго Ростовцева, посланнаго съ 60 казаками въ Узунъ-агачъ съ приказаніемъ. Не доходя пяти верстъ до пикета, команда была окружена толпами киргизъ, только что отхлынувшихъ отъ пикета, на который они тщетно нападали весь день 19 октября. У казаковъ была простая телѣга, которую Ростовцевъ вздумалъ выдать за пушку: какъ только киргизы насядутъ, онъ зычнымъ голосомъ командуетъ: «орудіе съ передковъ»—казаки раздвигаются, снимаютъ телѣгу съ передка, и

киргизы спасаются. Команда потеряла только трехъ ранеными и благополучно добралась до Узунъ-агача, откуда на встрѣчу ей пробилась сотня Жеребятьева съ однимъ орудіемъ.

На разсвѣтѣ, 20-го числа, въ виду Узунъ-агача показались новыя толпы, но отбитыя картечью ограничились джигитовкой на дальней дистанціи, чѣмъ и занимались до вечера. Въ четыре часа, по кастекской дорогѣ, затрещала перестрѣлка; Жеребятьевъ снова полетѣлъ на выручку. Оказалось, что это сотня Усова съ ракетнымъ станкомъ, посланная Колпаковскимъ узнать, почему вчерашнее приказаніе не исполнено.

Около полудня получены были записки изъ Саурукъ-кургана, и тогда Колпаковскій съ ротою, двумя сотнями, пятью орудіями и двумя ракетными станками выступилъ изъ Кастека, а къ вечеру прибылъ на Узунъ-агачъ, присоединивъ, по пути, роту подпоручика Сярковскаго изъ Саурукъ-кургана. Непріятель, послѣ безуспѣшныхъ нападеній на Узунъ-агачскій пикетъ, въ теченіе 19 и 20 чиселъ, отошелъ къ западу отъ этого пикета и расположился на ночлегъ въ пяти верстахъ за возвышенностями. Ночью на 21 число Колпаковскій съ отрядомъ изъ 3 ротъ, 4 сотенъ, 6 орудій и двухъ ракетныхъ станковъ, выступилъ противъ кокандцевъ, оставивъ на пикетѣ небольшую часть войскъ (75 человѣкъ пѣхоты и 25 казаковъ) съ однимъ орудіемъ. Непріятель, какъ оказалось, не имѣлъ при себѣ артиллеріи, которую долженъ былъ оставить по затруднительности сообщеній, частію за хребтомъ, въ особомъ лагерѣ, частію (6 орудій съ поломанными лафетами) на хребтѣ, откуда онѣ были впослѣдствіи спущены назадъ.

Мѣстность, занятая непріятельскимъ расположеніемъ, находится къ сѣверу отъ дороги въ укрѣпленіе Вѣрное по обѣимъ сторонамъ р. Кара-Кастека; рядъ возвышенностей и сопокъ, раздѣляемыхъ широкими логами, дѣлали эту мѣстность весьма пересѣченною. Рѣка Кара-Кастекъ, раздѣляясь здѣсь на нѣсколько рукавовъ, течетъ въ обрывистыхъ берегахъ, но по незначительной глубинѣ вездѣ переходима въ бродъ.

По приближеніи нашего отряда, кокандскіе наблюдательные посты очистили впереди лежащія высоты.

Какъ только наши войска подошли къ непріятельской позиціи на пушечный выстрѣлъ, артиллерія подъ начальствомъ штабсъ-капитана Обуха была выдвинута впередъ и открыла огонь. Казаки, составлявшіе прикрытіе, отстали, и потому артиллерія пустилась по берегу Кара-су одна. Непріятель думалъ, было, этимъ воспользоваться: спѣшившись онъ бросился на орудія, но, осыпанный картечью, отхлынулъ назадъ. Тутъ подоспѣли казаки и прибѣжала стрѣлковая рота. Удачное дѣйствіе нашей артиллеріи и нарѣзныхъ ружей, съ которыми тщетно пробовали состязаться фальконеты и

турки [1]), заставило непріятеля отойти за р. Кара-Кастекъ. Во время этого отступленія, Обухъ приказалъ втащить одно орудіе и одинъ ракетный станокъ на крутую сопку, откуда и дѣйствовалъ по отступавшимъ вблизи толпамъ, нанося имъ жестокое пораженіе. Вслѣдъ за отступавшими кокандцами, отрядъ перешелъ на лѣвый берегъ Кара-Кастека и двинулся вверхъ по рѣкѣ.

Между тѣмъ, къ кокандцамъ, которыхъ въ началѣ боя было только до 5 т., стали подходить подкрѣпленія, и отрядъ нашъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ многочисленными толпами непріятеля.

Пройдя пять верстъ по рѣчкѣ и миновавъ широкую лощину, впадающую съ сѣвера въ долину рѣчки, отрядъ пріостановился. Впереди была стрѣлковая рота съ артиллеріею и сотня казаковъ; ракетная команда съ сотнею казаковъ стояла на флангѣ, за ними остановилась еще одна рота и двѣ сотни, въ аріергардѣ шелъ Сярковскій со своею ротою. Ближайшая высота была занята колонною сарбазовъ (регулярной непріятельской пѣхоты), остальныя высоты пестрѣли густыми толпами пѣшихъ и конныхъ кокандцевъ. Пока отрядъ нашъ ожидалъ присоединенія аріергарда,—изъ поперечной лощины высыпала густая толпа пѣшихъ кокандцевъ, которая и насѣла на роту Сярковскаго. Разсыпавъ всю роту въ цѣпь и, не оставивъ резерва, Сярковскій сталъ отступать къ рѣкѣ. Пѣшіе кокандцы раздались, и густая толпа конныхъ врѣзалась въ цѣпь. Частью въ кучкахъ, частью въ одиночку отбивались наши молодцы. Юнкеръ Шороховъ ободрялъ людей своимъ примѣромъ. Тутъ подоспѣлъ поручикъ Вроченскій съ ракетною командою и Обухъ съ сотнею казаковъ и однимъ орудіемъ: кокандцы были отбиты. Такъ какъ непріятельская позиція тянулась параллельно нашему движенію, то отрядъ перемѣнилъ фронтъ и выстроился боевымъ порядкомъ: стрѣлковая рота составила лѣвый флангъ, шесть орудій и три сотни стали въ центрѣ, линейная рота стала на правомъ флангѣ. Рота Сярковскаго и сотня Вроченскаго пристроились подъ угломъ противъ лощины. Обстрѣлявъ высоту огнемъ артиллеріи, подполковникъ Колпаковскій двинулъ войска впередъ. Сарбазы были сбиты; артиллерія наша съ большими усиліями взобралась на гору, оставивъ у подошвы, завязшими въ грязи, два орудія. Кокандцы быстро спустились съ сосѣднихъ возвышенностей и бросились на крайнюю линейную роту. Офицеры, бывшіе въ цѣпи, одушевляя нижнихъ чиновъ собственнымъ примѣромъ, въ упоръ били кокандцевъ изъ револьверовъ. Выстроившаяся на горѣ артиллерія наша довершила пораженіе этой толпы. Подобной же участи подверглась и другая колонна сарбазовъ, наступавшая смѣло и торжественно съ барабанами, трубами и распущенными значками. Кокандцы стали поспѣшно отступать на всѣхъ пунктахъ. Поразивъ,

[1]) Турки—длинное (до 1½ сажени) ружье.

такимъ образомъ, непріятеля, отрядъ нашъ, утомленный продолжительнымъ, девяти-часовымъ боемъ съ противникомъ, въ 20 разъ сильнѣйшимъ, долженъ былъ отказаться отъ преслѣдованія. Отдохнувъ немного, войска продолжали движеніе къ Кастеку для пополненія патроновъ и запасовъ продовольствія. Пройдя еще до Саурукъ-кургана, подполковникъ Колпаковскій выслалъ сотню казаковъ отвезти раненыхъ въ Кастекъ и доставить оттуда патроновъ. Киргизы зажгли скирды заготовленнаго здѣсь сѣна и пустили палъ, но вѣтеръ погналъ его въ другую сторону. Дождавшись патроновъ, отрядъ пошелъ опять на Узунъ-агачъ, куда и прибылъ поздно ночью, сдѣлавъ въ теченіе дня 44 версты и выдержавъ 9-ти-часовой бой.

Потеря наша въ этомъ дѣлѣ состояла: изъ 1 убитаго и 26 раненыхъ, въ томъ числѣ 1 оберъ-офицеръ; контужены были: штабъ-офицеръ 1 (самъ подполковникъ Колпаковскій) и нижнихъ чиновъ 5. Потеря непріятеля неизвѣстна, но въ одной пѣхотѣ считалось до 350 человѣкъ убитыхъ, въ томъ числѣ 6 пятисотенныхъ начальниковъ (пансатовъ). Лазутчики увѣряли, что вся потеря убитыми и ранеными доходила до 1.500 человѣкъ, что весьма возможно, такъ какъ въ этомъ славномъ для нашего оружія дѣлѣ непріятель, сверхъ ожиданія, выказалъ большую настойчивость, атаки его были смѣлы, и онъ неоднократно бросался въ рукопашную.

Во время Узунъ-агачскаго дѣла, кокандскія скопища нѣсколько разъ подступали и къ Кастеку, но гарнизонъ каждый разъ отражалъ нападенія.

Сераскиръ Канаатъ-Ша, въ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ, увѣрялъ хана, что русскихъ убито 200 человѣкъ, въ томъ числѣ подполковникъ Шайтановъ и есаулъ Бутаковъ, а Колпаковскій смертельно раненъ.

Впослѣдствіи, когда слухи эти достаточно распространились и пріобрѣли въ глазахъ киргизъ значеніе достовѣрнаго факта, дикокаменные киргизы были чрезвычайно поражены, увидя одного изъ убитыхъ (есаула Бутакова) во главѣ летучаго отряда, громившаго ихъ аулы. Кокандцы, потерпѣвъ неудачу, ушли восвояси, оставивъ часть регулярныхъ своихъ войскъ въ курганахъ между Меркэ и Ауліеата и распустивъ большую часть киргизскихъ скопищъ на кочевья. Часть непріятельскихъ войскъ, возвращавшаяся съ Узунъ-агача чрезъ горный проходъ Кара-Бура, была тамъ застигнута сильнымъ бураномъ, и такъ какъ люди были одѣты по-лѣтнему, то ихъ и погибло до 300 человѣкъ.

Такъ плачевно окончилось предпріятіе кокандцевъ, задуманное въ широкихъ размѣрахъ и разбившееся о двѣ неодолимыя препоны: невозможность провести артиллерію и невозможность бороться съ войсками, которыя даже и порознь дѣйствуютъ въ одномъ общемъ направленіи, поддерживая другъ друга и не заботясь о числѣ непріятеля.

На реляціи корпуснаго командира о дѣлѣ 21 октября императоръ Александръ II собственноручно написалъ:

«Славное дѣло. Подполковника Колпаковскаго произвести въ полковники и дать св. Георгія 4 степени».

Штабсъ-капитанъ Обухъ получилъ золотую саблю.

Со стороны Оренбурга мы также подвинулись вверхъ по Сыръ-Дарьѣ около ста верстъ, занявъ и укрѣпивъ Джулекъ (1861 г.) и разрушивъ строившіяся въ 90 верстахъ выше крѣпостцы Яны-курганъ и Динь-курганъ.

Смерть кокандскаго хана Меллябека, погибшаго подъ ударами убійцъ кипчаковъ, послужила сигналомъ долголѣтнимъ безпорядкамъ, раздиравшимъ ханство. Всѣ подвластные Коканду киргизы возмутились, а дикокаменные, кочевавшіе и въ нашихъ предѣлахъ, а потомъ признававшіе и нашу власть, простерли свою дерзость до того, что взяли крѣпость Токмакъ и осадили Пишпекъ. Чтобы не дать Пишпека въ руки дикокаменныхъ, у насъ рѣшено было самимъ взять его, что́ и исполнено генералъ-майоромъ Циммерманомъ 24 октября 1862 г. послѣ 11-ти дней осады, съ потерею 7 офицеровъ ранеными и контуженными и 13 убитыми и 44 ранеными и контуженными нижнихъ чиновъ. Такая убыль произошла, главнымъ образомъ, вслѣдствіе взрыва пороховаго погреба.

Въ 1863 г. предприняты были рекогносцировки вверхъ по Сыру на пароходахъ «Аралъ» и «Сыръ-Дарья», подъ начальствомъ флигель-адъютанта Бутакова; въ то же время сухопутный отрядъ дошелъ до самаго Туркестана и занялъ Сузакъ. Сибирскіе отряды доходили до Ауліеата. Рѣшено было связать линіи рядомъ форпостовъ по хребту Каратау, не трогая ни Туркестана, ни Чимкента.

Весною 1864 г. началось движеніе отрядовъ: сибирскій подъ начальствомъ полковника Черняева взялъ штурмомъ крѣпость Ауліеата (4 іюня), потерявъ при томъ только 3 человѣкъ ранеными, а сыръ-дарьинскій, подъ начальствомъ полковника Веревкина, занялъ г. Туркестанъ, сдавшійся на 4-й день осады, во время которой мы потеряли 5 человѣкъ убитыми и 33 ранеными и контуженными. Оба полковника произведены въ генералы. Въ видахъ приданія дальнѣйшимъ нашимъ дѣйствіямъ большаго единства, учреждена была ново-кокандская линія, въ которую вошли вновь занятыя территоріи. Начальникомъ линіи назначенъ былъ генералъ-майоръ Черняевъ. На соединеніе съ сибирскимъ отрядомъ изъ Туркестана посланъ былъ небольшой отрядъ (405 человѣкъ) подъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Мейера. Отрядъ этотъ былъ окруженъ кокандцами на весьма неудачной позиціи подъ Акъ-Булакомъ. Мейеръ вступилъ въ переговоры, обѣщалъ кокандцамъ возвратить Туркестанъ и Ауліеата и на этихъ условіяхъ былъ выпущенъ изъ западни. Между тѣмъ Черняевъ, узнавъ о критическомъ положеніи оренбургскаго отряда, двинулся къ нему

на помощь и, отразивъ нападенія непріятельскихъ шаекъ, успѣлъ притянуть къ себѣ отступавшаго уже Мейера. Затѣмъ предпринята была атака на Чимкентъ, но она не удалась по недостатку артиллерійскихъ снарядовъ—все дѣло кончилось рекогносцировкою, а кокандцы, по отступленіи нашихъ войскъ, торжествовали побѣду пушечной пальбой и трубными звуками. Отряды наши возвратились на квартиры въ Ауліеата и Туркестанъ.

IV.

Взятіе крѣпости Чимкента.

Послѣ паденія Туркестана и Ауліеата, взятыхъ въ началѣ іюня нашими войсками, кокандцы, собравъ огромное скопище, намѣревались дѣйствовать наступательно. Задержанные, однако, на Акъ-Булакѣ ничтожнымъ отрядомъ русскихъ и потерпѣвъ значительный уронъ при рекогносцировкѣ Чимкента, они отказались отъ предпріятія и приступили къ работамъ по укрѣпленію и вооруженію Чимкента.

Получивъ свѣдѣніе, что главныя кокандскія силы отошли отъ Чимкента, въ которомъ оставленъ только десятитысячный гарнизонъ, Черняевъ рѣшился овладѣть городомъ, прежде нежели непріятель успѣетъ въ немъ окончательно утвердиться.

Съ этою цѣлью, въ концѣ августа 1864 г., Черняевъ выступилъ съ двумя ротами и 4 орудіями къ Туркестану, присоединивъ здѣсь къ себѣ еще $4^1/_2$ роты пѣхоты, $1^1/_2$ сотни казаковъ, 4 орудія, 2 мортиры и 2 ракетныхъ станка, и двинулся къ Чимкенту, куда направилъ въ то же время изъ Ауліеата 4 роты пѣхоты, 1 сотню конныхъ стрѣлковъ, 1 сотню казаковъ и 1000 человѣкъ киргизъ милиціонеровъ, изъ новыхъ подданныхъ, при 5 орудіяхъ, 4 мортирахъ и 2 ракетныхъ станкахъ. Отряды взяли продовольствія на мѣсяцъ, по 200 патроновъ на ружье, двойной комплектъ зарядовъ для батарейныхъ и полуторный для легкихъ орудій, 100 бомбъ для двухпудовой мортиры и по 300 гранатъ на каждую полупудовую.

19 сентября, оба отряда соединились подъ Чимкентомъ и немедленно произвели рекогносцировку цитадели и укрѣпленій города. Въ ту же ночь, заложена батарея на 4 батарейныхъ орудія, съ разсвѣтомъ открывшая огонь, на который кокандцы отвѣчали изъ семи орудій и двухъ мортиръ. Видя, что кокандская артиллерія значительно усовершенствовалась и бьетъ на болѣе дальнюю дистанцію, чѣмъ наша, Черняевъ приказалъ заложить новую батарею на 6 орудій и 4 мортиры въ 300 саж. отъ крѣпости, чтобы съ близкой дистанціи и болѣе частой пальбой взять верхъ надъ артиллеріей противника.

Необыкновенно твердый грунтъ и вылазки непріятеля воспрепятствовали окончить эту батарею, но траншей-майоръ, подполковникъ Лерхе, воспользовался этими вылазками и 22 числа, въ 10 часовъ утра, двинулъ противъ выдавшейся кокандской пѣхоты большую часть войскъ, находившихся въ траншеѣ. По первому донесенію Лерхе о его наступленіи, къ нему были высланы изъ лагеря на подкрѣпленіе двѣ роты со взводомъ артиллеріи.

Несмотря на сильный огонь непріятельскихъ орудій, расположенныхъ на восточной сторонѣ крѣпости и цитадели, роты подполковника Лерхе стремительно атаковали непріятеля, опрокинули его и на плечахъ кокандцевъ добѣжали до крѣпостныхъ воротъ, гдѣ штыками проложили дорогу и черезъ непріятельскіе трупы ворвались въ городъ. Подоспѣвшій въ это время съ двумя ротами при двухъ орудіяхъ Черняевъ безпрепятственно вошелъ въ цитадель черезъ ровъ по деревянному жолобу водопровода.

Черезъ часъ послѣ начатія приступа городъ съ цитаделью и десяти-тысячнымъ гарнизономъ былъ въ нашихъ рукахъ.

Потеря наша во время этого штурма состояла изъ 2-хъ убитыхъ, 17 раненныхъ и 19 контуженныхъ нижнихъ чиновъ, а за все время осады изъ 6 убитыхъ и 41 раненныхъ и контуженныхъ.

Герою дня, подполковнику Лерхе, пожалованъ слѣдующій чинъ и орденъ св. Георгія 4-й степени, а генералу Черняеву св. Георгія 3-й степени.

Чтобы воспользоваться впечатлѣніемъ послѣднихъ нашихъ успѣховъ, генералъ Черняевъ двинулся къ Ташкенту съ отрядомъ въ 1550 человѣкъ при 12 орудіяхъ. 2-го октября, по стѣнамъ цитадели (со стороны кокандской дороги) открытъ былъ огонь изъ двухъ батарей. Командиръ одной изъ нихъ, извѣстный уже по своей отвагѣ, подполковникъ Обухъ вскорѣ донесъ Черняеву, что стѣна обрушена, и что можно ручаться за успѣхъ. Черняевъ разрѣшилъ начать штурмъ и самъ двинулся съ резервомъ. Обухъ вмѣсто того, чтобы сдѣлать предварительную рекогносцировку съ нѣсколькими охотниками, двинулъ впередъ всю свою колонну и только подъ самой стѣной созналъ свою ошибку: бреши не было; сбита была только верхняя, видная съ поля, часть стѣны. Роты, однако же, спустились въ ровъ, но выбраться оттуда безъ лѣстницъ не могли. Чтобы выручить ихъ, Черняевъ поставилъ здѣсь всѣ 12 орудій, обстрѣлялъ стѣны картечью, сбилъ непріятельскихъ стрѣлковъ и тѣмъ далъ возможность выбраться, засѣвшимъ во рву, людямъ. Потеря наша простиралась до 16 убитыми и до 62-хъ раненными, въ томъ числѣ 4 офицера, изъ коихъ подполковникъ Обухъ и поручикъ Рейхардъ вскорѣ умерли. Отрядъ безъ преслѣдованія отступилъ къ Чимкенту.

Между тѣмъ, регентъ Кокандскаго ханства мулла Алимъ-Кулъ рѣшился перейти въ наступленіе и въ началѣ декабря двинулся лѣвымъ берегомъ Сыра, съ цѣлью занять Туркестанъ, гдѣ тогда

было только $2^1/_2$ роты пѣхоты и $1^1/_2$ сотни казаковъ. Командиръ Туркестана подполковникъ Жемчужниковъ выслалъ по дорогѣ въ Чимкентъ уральскую сотню есаула Сѣрова, при одномъ горномъ единорогѣ для развѣдокъ. Сотня эта была окружена подъ Иканомъ скопищами Алимъ-Кула (до 15.000 человѣкъ), спѣшилась, залегла въ неглубокую канаву, устроивъ съ открытыхъ сторонъ завалы изъ мѣшковъ съ провіантомъ, и продержалась здѣсь три дня съ 4 по 6 декабря! Видя всѣ свои попытки безуспѣшными, кокандцы стали подкатывать къ сотнѣ арбы (двухколесныя телѣги) съ сѣномъ и подъ прикрытіемъ этихъ импровизированныхъ мантелетовъ приблизились наконецъ настолько, что положеніе сотни стало безвыходнымъ. Изъ Туркестана высланъ былъ отрядъ изъ 150 человѣкъ пѣхоты при 2-хъ орудіяхъ, но начальникъ отряда подпоручикъ Сухорко, не дойдя до мѣста, по недоразумѣнію, возвратился въ Туркестанъ.

Кокандцы, въ виду столь упорнаго сопротивленія горсти людей, выслали парламентеровъ, но предложеніе ихъ о сдачѣ было рѣшительно отвергнуто есауломъ Сѣровымъ, который, потерявъ надежду на помощь изъ Туркестана, рѣшился пробиться. Бросивъ убитыхъ и тяжело раненныхъ и заклепавъ подбитое орудіе, казаки съ шашками наголо врѣзались въ кокандцевъ... Геройское усиліе увѣнчалось успѣхомъ: казаки, почти всѣ израненные, пробились, потерявъ за все время 57 человѣкъ убитыми. Весь отрядъ состоялъ изъ 109 человѣкъ (въ томъ числѣ 2 офицера); осталось не раненныхъ только 7 человѣкъ. Сѣровъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и слѣдующимъ чиномъ.

Въ концѣ апрѣля 1865 года, генералъ Черняевъ снова двинулся къ Ташкенту, занялъ крѣпость Ніязбекъ, чтобы овладѣть плотиною, поднимающею воду до уровня ташкентскихъ водопроводовъ, разбилъ, 9-го мая, подъ Ташкентомъ самого Алимъ-Кула, который при этомъ былъ убитъ, и затѣмъ обложилъ городъ. Извѣстія, что на помощь къ Ташкенту спѣшатъ бухарскія войска, и надежда на содѣйствіе нашей партіи въ городѣ заставили Черняева предпринять штурмъ въ ночь на 7-е іюня, но главныя силы наткнулись ночью на глубокій оврагъ, задержавшій артиллерію, и штурмъ обратился въ рекогносцировку.

V.

Штурмъ Ташкента.

Значительное протяженіе городскихъ стѣнъ, большое количество воротъ и множество дорогъ, сходящихся къ городу, дѣлали для нашего, слабаго числомъ, отряда совершенно невозможнымъ обложеніе города. Поэтому 15 іюня генералъ Черняевъ, получивъ новыя

свѣдѣнія о движеніи эмира и не желая очутиться между двухъ огней, рѣшился, несмотря на несоразмѣрность силъ противника, штурмовать Ташкентъ, по богатству и многолюдности значительнѣйшій городъ въ Кокандскомъ ханствѣ.

Окруженный непрерывною стѣною въ 24 версты, городъ имѣлъ видъ неправильнаго овала, вытянутаго съ сѣвера на югъ. Будучи перерѣзанъ почти на двѣ равныя части съ сѣвера на югъ каналомъ Босъ-су, городъ состоялъ изъ лабиринта извилистыхъ и довольно узкихъ улицъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянулись почти исключительно глиняные дома. Въ центрѣ города и на юго-восточной его части находились обширные базары. На сѣверо-восточной оконечности города имѣлась цитадель, съ ханскимъ дворцомъ. Городская стѣна была усилена рвомъ и во многихъ мѣстахъ приспособлена къ артиллерійской оборонѣ. Въ стѣнѣ, окружающей Ташкентъ, устроены 12 воротъ и 2 прохода.

Населеніе Ташкента размѣщалось въ городѣ довольно опредѣленными группами: въ западной половинѣ города, а также въ центрѣ его сосредоточено было промышленное и торговое населеніе, а юго-восточная половина была занята бывшими приближенными хана, т. е. служилымъ сословіемъ: военными и аристократіей, намъ по преимуществу враждебными. Ближайшія окрестности Ташкента, на разстояніи 2—5 верстъ, покрыты сплошь огороженными садами, между которыми проходятъ дороги, ведущія къ разнымъ городскимъ воротамъ. Общая окружность этого зеленаго ложа садовъ простирается до 70 верстъ.

Численность непріятеля въ точности извѣстна не была. У насъ же было всего 1951 человѣкъ ($9^1/_2$ ротъ) при 12 орудіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, Черняевъ рѣшился взять городъ открытою силою.

Рядъ рекогносцировокъ, произведенныхъ инженеръ-поручикомъ Макаровымъ, въ время блокады крѣпости, показалъ, что атака Ташкента могла быть поведена на однѣ изъ воротъ юго-восточной части; при томъ атака этой части города представляла еще ту выгоду, что, овладѣвъ ею, мы уже овладѣвали и всѣмъ городомъ, такъ какъ здѣсь только и держалась партія, намъ враждебная.

Главный отрядъ нашъ, послѣ покушенія 7 іюня, расположился въ городскихъ садахъ и приступилъ къ приготовленію штурмовыхъ лѣстницъ. Для облегченія же перехода черезъ ровъ, инженеръ-капитанъ Яблонскій устроилъ нѣсколько арбъ съ небольшими откидными лѣстницами. Войска главнаго отряда должны были выступить 14 іюня въ 11 часовъ вечера и тихо подкрасться къ Камеланскимъ воротамъ, обернувъ для этого колеса орудій войлокомъ. Сады, прилегавшіе къ городской стѣнѣ, облегчали скрытное приближеніе войскъ. Штурмъ долженъ былъ начаться съ разсвѣтомъ 15 числа.

Одновременно съ атакой главнаго отряда, полковнику Краевскому, стоявшему въ селеніи Куйлюкъ, у переправы черезъ Чир-

чикъ, на ходжентской дорогѣ, предписано было сдѣлать демонстрацію со стороны кокандскихъ воротъ (въ 6 верстахъ отъ комеланскихъ) и, ограничиваясь бомбардированіемъ города, поддержать тѣмъ атаку главныхъ силъ.

По занятіи наружной ограды, передовыя войска главной колонны должны были немедленно двинуться вправо, по улицѣ, идущей кругомъ городской стѣны, овладѣть кокандскими воротами, соединиться здѣсь съ отрядомъ полковника Краевскаго и затѣмъ овладѣть цитаделью.

Главный отрядъ, въ составѣ 7 ротъ и 6 орудій (2 легкихъ и 4 батарейныхъ), выступилъ тремя эшелонами. Впереди шла штурмовая колонна, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Абрамова, изъ охотниковъ и $2^1/_2$ ротъ пѣхоты. Охотниками командовали: ротмистръ Вульфертъ, поручики: Шороховъ и Лапинъ. Въ верстѣ за штурмовой колонной шелъ резервъ изъ двухъ ротъ съ двумя легкими орудіями, подъ начальствомъ майора де ла-Кроа, а еще въ верстѣ за нимъ второй резервъ изъ $2^1/_2$ ротъ, съ 4 батарейными орудіями, подъ начальствомъ подполковника Жемчужникова.

Въ два съ половиной часа штурмовая колонна, подойдя къ воротамъ на полторы версты, сняла съ верблюдовъ штурмовыя лѣстницы и, неся ихъ на рукахъ, двинулась впередъ садами; впереди шла небольшая цѣпь стрѣлковъ, которая, пользуясь темнотою ночи и пересѣченною мѣстностью, подкралась къ самой стѣнѣ, мимо спавшаго непріятельскаго караула, часовой котораго, поздно увидавъ русскихъ, бросилъ ружье и, не разбудивъ товарищей, бѣжалъ. Присутствіе караула впереди воротъ, которыя были завалены, заставляло думать, что гдѣ нибудь въ стѣнѣ есть лазейка, потому охотники рѣшились воспользоваться оплошностію врага и заставить его самого указать имъ дорогу.

Для этого, часть охотниковъ, какъ сказано, подкралась къ стѣнѣ, а другая, выждавъ нѣсколько, принялась будить оплошныхъ караульныхъ штыками. Въ переполохѣ кокандцы и не думали защищаться, а прямо бросились къ лазейкѣ, завѣшанной кошмою и потому незамѣтной съ поля—этого только и было надо: переколовъ оплошныхъ, охотники пролѣзли въ лазейку и тотчасъ же забрались на барбетъ, куда съ громкими «ура!» взбиралась уже и другая часть охотниковъ по лѣстницамъ. Это обстоятельство сильно помогло дѣлу: ворота съ двумя башнями и артиллеріей были взяты, безъ всякой, съ нашей стороны, потери.

Занявъ стѣны, часть охотниковъ немедленно стала отваливать и разбивать ворота, остальные заняли близъ лежавшіе сакли и сады. Священникъ Маловъ, ѣхавшій съ крестомъ впереди штурмовой колонны, по крику «ура», бросился впередъ и первый пролѣзъ въ пробитую охотниками щель городскихъ воротъ.

Ротмистръ Вульфертъ, взойдя на стѣну съ нѣсколькими охот-

никами, тотчасъ же кинулся вдоль стѣны занять ближайшій барбетъ и овладѣлъ тутъ однимъ орудіемъ, но самъ былъ раненъ пулею въ руку.

Между тѣмъ, штурмовая колонна Абрамова въ числѣ 250 человѣкъ, пробѣжавъ въ открытыя уже ворота, тотчасъ же двинулась вправо вдоль по улицѣ, чтобы овладѣть кокандскими воротами и впустить отрядъ Краевскаго.

Пройдя до карасарайскихъ воротъ, гдѣ уже начиналось мирное населеніе, Абрамовъ повернулъ къ базару, чтобы жители могли убѣдиться во взятіи нами города. На первой же улицѣ встрѣчены были барикады, защищаемыя сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Барикады были взяты, и отрядъ подошелъ къ главному базару. Здѣсь сопротивленіе оказалось еще сильнѣе: кромѣ барикадъ, расположенныхъ на каждомъ поворотѣ, всѣ прилегающія сакли были заняты стрѣлками. Выйдя съ базара, отрядъ на каждой улицѣ встрѣчалъ уже по нѣскольку защищаемыхъ барикадъ, такъ что каждую изъ нихъ приходилось брать штыками. Прорѣзавъ, такимъ образомъ, почти всю сѣверную половину города, Абрамовъ вошелъ въ цитадель, которую засталъ уже занятою войсками де-ла-Кроа и Жемчужникова.

Скоро по начатіи штурма, когда Абрамовъ двинулся вправо вдоль стѣны, непріятель, нѣсколько опомнившись отъ испуга, сталъ сосредоточиваться у Камеланскихъ воротъ противъ войскъ нашей главной колонны и занялъ ближайшіе сакли и сады. Пока войска выбивали непріятеля изъ этихъ закрытій, значительныя массы непріятельской пѣхоты, собравшись на двухъ ближайшихъ улицахъ, съ барабаннымъ боемъ и крикомъ «Аллахъ» бросились на войска. Двѣ удачно пущенныя поручикомъ Макаровымъ пудовыя фугасныя ракеты, а вслѣдъ за ними ударъ въ штыки, опрокинули кокандцевъ и заставили ихъ, въ совершенномъ безпорядкѣ и съ большою потерею, очистить улицы. Съ этого момента, нашъ лѣвый флангъ сталъ твердою ногою въ городѣ, хотя на занятой части городской стѣны перестрѣлка съ деревьевъ и дальнихъ домовъ продолжалась еще до вечера.

Вслѣдъ за колонною Абрамова, была направлена колонна майора де-ла-Кроа (двѣ роты съ однимъ орудіемъ), а за нею колонна подполковника Жемчужникова (двѣ роты при 2 орудіяхъ).

Несмотря на то, что де-ла-Кроа шелъ слѣдомъ за Абрамовымъ, онъ встрѣтилъ новыя барикады, весьма скоро устроенныя изъ арбъ и срубленныхъ деревьевъ. Пока де-ла-Кроа выбивалъ непріятеля изъ барикадъ, подоспѣлъ и Жемчужниковъ; соединившись вмѣстѣ, колонны ихъ двинулись къ цитадели, которую и заняли, въ $7^1/_2$ часовъ утра, почти одновременно съ Макаровымъ. Немедленно и здѣсь была выдвинута артиллерія, открывшая огонь по городу. Между тѣмъ, священникъ Маловъ, отдѣлившись случайно уже на базарѣ,

отъ колонны Абрамова, съ 45 человѣками и нѣсколькими офицерами, тщетно подавалъ сигналы трубой, отвѣта не было слышно: пришлось идти наугадъ улицами незнакомаго города, оріентируясь только по выстрѣламъ. Выйдя на главную улицу, горсть эта была осыпана сзади градомъ пуль. Потерявъ сразу нѣсколько убитыми и раненными, люди прибавили шагу, но почтенный Маловъ ободрилъ ихъ и посовѣтовалъ лучше дать отпоръ, а не то на широкой и прямой улицѣ все равно всѣхъ перестрѣляютъ. Солдаты послушались совѣта, легли на землю и открыли огонь по густой толпѣ почти въ упоръ,—ни одна пуля не пропала даромъ; передніе ряды сартовъ повалились, а остальные бросились бѣжать. Это дало возможность оставшимся въ живыхъ вынести своихъ раненыхъ и безъ дальнѣйшей потери присоединиться къ войскамъ, занявшимъ цитадель.

Но цитадель оказалась плохою защитою отъ выстрѣловъ съ деревьевъ сосѣднихъ садовъ. Кромѣ того, кокандцы еще подожгли службы ханскаго дворца, и огонь, распространяясь довольно быстро, угрожалъ уже пороховому складу (въ 2 тысячи пудовъ) и нѣсколькимъ тысячамъ чиненыхъ гранатъ. Приходилось очистить цитадель.

Выйти, однако, оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ войти: непріятель занялъ лавки и сакли у самыхъ воротъ и рѣшительно не пропускалъ никого безнаказанно. Тогда отецъ Маловъ, крикнувъ: «за мной, братцы», бросился, съ крестомъ въ рукѣ, впередъ и въ мигъ очистилъ прилежащій берегъ Босъ-су отъ непріятеля, едва не поплатившись при этомъ жизнію: сартъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ, но фитильное ружье дало только вспышку. Благодаря такому самоотверженію безоружнаго священника, войска благополучно выбрались изъ цитадели.

Между тѣмъ, согласно диспозиціи, отрядъ полковника Краевскаго двинулся въ полночь отъ Куйлюка къ Ташкенту. Чтобы не обнаружить своихъ намѣреній и не дать непріятелю времени собраться на стѣнахъ, онъ долженъ былъ не открывать огня до тѣхъ поръ, пока самъ не будетъ обнаруженъ или пока не услышитъ выстрѣловъ главнаго отряда. Непріятель, замѣтивъ отрядъ полковника Краевскаго, открылъ по немъ огонь изъ девяти орудій, на который тотъ отвѣчалъ четырьмя орудіями, но скоро за стѣною послышалось «ура» отряда Абрамова. Вслѣдъ за тѣмъ, пѣхота Краевскаго, съ помощію людей Абрамова, подававшихъ лямки и ружья, стала взбираться на стѣну. Въ это время Краевскій получилъ извѣстіе о появленіи, на правомъ его флангѣ, идущаго изъ города непріятеля. Тотчасъ же съ казаками и четырьмя конными орудіями онъ поскакалъ на перерѣзъ имъ. Удачные выстрѣлы картечью на самую близкую дистанцію заставили толпы кокандцевъ бѣжать. Горсть казаковъ (39 человѣкъ) бросилась ихъ преслѣдовать. Появлявшіяся,

вслѣдъ за тѣмъ, толпы кокандской кавалеріи были встрѣчены не менѣе удачно и также обращены въ бѣгство. Преслѣдуемая горстью храбрыхъ, конница эта разбросала по дорогѣ свои знамена и, доскакавъ до Чирчика, въ безпорядкѣ бросилась къ броду, топя другъ друга.

Между тѣмъ, поднявшаяся на стѣну пѣхота Краевскаго, соединившись съ Абрамовыхъ, продолжала дальнѣйшее движеніе вдоль стѣнъ. Самъ Краевскій съ остальными войсками своего отряда, по вступленіи въ городъ, соединился съ Жемчужниковымъ, уже оставившимъ въ это время цитадель, и вмѣстѣ съ нимъ, расположился на позиціи между Кокандскими и Кашгарскими воротами, на мѣстѣ ханской ставки.

Съ очищеніемъ половины города и прекращеніемъ перестрѣлки главный отрядъ расположился у Камеланскихъ воротъ.

Вскорѣ затѣмъ, въ лагерь отряда прибыли аксакалы преданныхъ намъ частей города, съ изъявленіемъ совершенной покорности и обѣщаніемъ назавтра явиться въ лагерь со старшинами и почетными лицами всего города. Но къ вечеру непріятель снова засѣлъ въ ближайшихъ сакляхъ и открылъ огонь по нашей цѣпи. Сообщеніе между главнымъ отрядомъ и отрядомъ Краевскаго почти прекратилось. Барикады появились на всѣхъ улицахъ и на всѣхъ перекресткахъ. Сопротивленіе сдѣлалось еще упорнѣе: были случаи, что одинъ, два человѣка кокандцевъ съ айбалтами (топоръ на длинной рукояткѣ) кидались на цѣлую роту и умирали на штыкахъ, не прося пощады.

Посланные по смежнымъ улицамъ небольшіе отряды встрѣчали самое ожесточенное сопротивленіе; приходилось брать сакли штыками.

Общими усиліями нашихъ войскъ улицы были очищены вторично. Артиллерія, выдвинутая отъ воротъ на версту внутрь города, открыла огонь. Отъ нашихъ гранатъ еще съ вечера въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загорѣлись сакли, и пожаръ, распространившійся въ ближайшей части города, продолжался до слѣдующаго дня. Къ ночи всѣ войска стянулись къ Камеланскимъ воротамъ.

16 іюня, утромъ, полковникъ Краевскій, съ тремя ротами и двумя орудіями, былъ посланъ для сбора непріятельскихъ орудій и взрыва цитадели. По всей дорогѣ встрѣчены были имъ тѣ же барикады и тотъ же огонь изъ смежныхъ домовъ, какъ наканунѣ. Барикады снова были уничтожены, сакли взяты, и отрядъ вступилъ въ цитадель, гдѣ также встрѣтилъ новое сопротивленіе, но, благодаря распорядительности Краевскаго, отрядъ, исполнивъ порученіе, возвратился въ лагерь безъ большой потери.

Къ вечеру улицы были совершенно очищены. Передъ закатомъ солнца прибыли наконецъ посланные отъ аксакаловъ, прося позволенія всѣмъ старшинамъ города явиться на другой день.

17 числа, всѣ аксакалы и почетные жители города, явившись къ генералу Черняеву, изъявили полную готовность подчиниться русскому правительству.

Городъ сдался и обязался выдать оружіе. Всѣ аксакалы, а также многіе изъ жителей приняли самыя энергичныя мѣры къ отысканію орудій, находившихся въ самомъ городѣ, и къ вечеру было доставлено самими жителями до 20 мѣдныхъ орудій и до 300 ружей. Вслѣдъ затѣмъ въ городѣ водворилось спокойствіе. Ташкентъ былъ покоренъ окончательно.

Трофеями нашими были: 16 знаменъ (въ томъ числѣ одно бухарское), множество значковъ, 63 орудія разнаго калибра и множество ружей.

Потеря наша: оберъ-офицеровъ раненыхъ—3, контуженныхъ—4; нижнихъ чиновъ убитыхъ—25, раненныхъ—86, контуженныхъ—24.

Непріятельскій гарнизонъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, состоялъ изъ 5.000 сарбазовъ и 10.000 сипаевъ, которые большею частью убѣжали во время штурма.

Вскорѣ по занятіи Ташкента, Черняеву было предъявлено требованіе со стороны бухарскаго эмира—объ очищеніи этого города. Черняевъ отвѣчалъ на это арестованіемъ всѣхъ бухарскихъ подданныхъ, торговавшихъ въ занятыхъ нами городахъ. Мѣра его распространена была оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ Крыжановскимъ и на Сыръ-Дарьинскую линію и на Оренбургъ. Между тѣмъ, эмиръ просилъ пропустить къ высочайшему двору своего посла, прибывшаго въ фортъ № 1, къ пріѣзду туда оренбургскаго генералъ-губернатора, но такъ какъ послѣдній былъ снабженъ полномочіемъ вести всѣ дипломатическія сношенія въ Средней Азіи, то послу былъ возбраненъ дальнѣйшій путь и предложено вступить въ переговоры на мѣстѣ. Эмиръ на это не согласился и возбудилъ въ окрестностяхъ Ташкента партизанскіе набѣги, вынудившіе насъ занять долину за Чирчикомъ. Генералъ Крыжановскій далъ, тѣмъ временемъ, полномочіе Черняеву вести переговоры о мирѣ. Къ этому присоединилось предложеніе эмира прислать въ Бухару русское посольство. Черняевъ, не подозрѣвая ловушки, хотя въ виду арестованія бухарскихъ купцовъ можно было опасаться со стороны эмира отвѣтной репрессаліи,—послалъ въ Бухару миссію изъ нѣсколькихъ офицеровъ и чиновниковъ (Струве, Татаринова, Глуховскаго и Колесникова). Миссія эта въ Бухарѣ, какъ и слѣдовало ожидать, была задержана, и Черняеву объявлено, что ея не выпустятъ до тѣхъ поръ, пока бухарскій посолъ не будетъ допущенъ къ императору. Узнавъ объ этой новой дерзости эмира, Черняевъ немедленно двинулся къ Джизаку (30 января 1866 г.), переправясь съ большими затрудненіями черезъ Сыръ-Дарью, у Чиназа. Но зимній походъ безъ дровъ, безъ фуража и безъ достаточныхъ запасовъ былъ крайне тяжелъ и неудаченъ.

Простоявъ напрасно подъ Джизакомъ до 11 февраля, Черняевъ рѣшился отступить къ Дарьѣ, гдѣ и сталъ лагеремъ у Чиназа.

Вслѣдъ за симъ Черняевъ былъ смѣненъ и на его мѣсто прибылъ новый губернаторъ, генералъ-майоръ Романовскій.

Между тѣмъ, въ окрестностяхъ лагеря и на сообщеніяхъ его съ Ташкентомъ появились партизанскія партіи, грабившія нашихъ подданныхъ и нападавшія на одиночныхъ людей и почталіоновъ. Для укрощенія этихъ разбойниковъ организована была изъ туземцевъ милиція, которая, опираясь на легкіе отряды наши, скоро очистила край отъ хищниковъ.

5 апрѣля, была произведена рекогносцировка вверхъ по Сыру, причемъ у непріятеля было отбито до 14.000 барановъ. Кромѣ того, рекогносцировка эта убѣдила насъ въ справедливости извѣстій о наступленіи эмира, вслѣдствіе чего генералъ Романовскій рѣшился предупредить его. Выступивъ со всѣми войсками изъ-подъ Чиназа, Романовскій встрѣтилъ эмира съ 40.000 войскомъ, близъ урочища Иръ-Джаръ, на берегу Дарьи. То была первая встрѣча нашихъ войскъ съ бухарцами.

Громадное скопище эмира было на голову разбито и разсѣяно, и самъ владыка Бухары и глава мусульманства на Востокѣ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ.

Значеніе этой побѣды для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій въ Средней Азіи очевидно.

Послѣ Иръ-Джарскаго боя народъ, считавшійся дотолѣ непобѣдимымъ, долженъ былъ уступить первенство въ Средней Азіи новой великой силѣ. Только послѣ Иръ-Джарскаго боя вселился среди азіатцевъ тотъ страхъ передъ нашимъ оружіемъ и убѣжденіе въ нашей непобѣдимости, которые до сихъ поръ держатся между азіатскими народами и даютъ намъ нравственный перевѣсъ, ведущій къ побѣдамъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТРИ ТИПА РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ.

(Куникъ, Срезневскій и Григоровичъ).

I.

ОЕ ЗНАКОМСТВО съ Аристомъ Аристовичемъ Куникомъ началось осенью 1863 года въ то время, когда я дописывалъ свою магистерскую диссертацію. Помнится, что я пришелъ однажды въ иностранное отдѣленіе академической библіотеки, сталъ рыться въ книгахъ, еще наканунѣ мнѣ выданныхъ, а потомъ мнѣ понадобилась какая-то справка въ каталогахъ отдѣленія, и я направился въ комнату, гдѣ обычно засѣдалъ съ своимъ помощникомъ добрѣйшій Антонъ Антоновичъ Шиффнеръ[1]), завѣдывавшій иностраннымъ отдѣленіемъ академической библіотеки. На этотъ разъ я засталъ у Шиффнера какого-то неизвѣстнаго мнѣ господина довольно внушительной наружности. На видъ это была прямая противоположность моему давнему знакомцу, Шиффнеру: тотъ былъ худой, сутуловатый, блѣдный, съ тонкими, нѣжно-обрисованными чертами лица

---

[1]) А. А. Шиффнеръ, извѣстный академикъ-лингвистъ, отличный знатокъ народной поэзіи финскихъ и тюркскихъ племенъ—человѣкъ замѣчательно-простой, милый и удивительно-обязательный по отношенію ко всѣмъ молодымъ людямъ, занимавшимся въ академической библіотекѣ. Когда нибудь, въ другомъ мѣстѣ, я помяну его добрымъ словомъ въ числѣ людей, которымъ я многимъ обязанъ въ моей ранней молодости.

и большимъ горбатымъ носомъ; а незнакомецъ, стоявшій у его стола, былъ приземистый, широкоплечій здоровякъ, остриженный подъ гребенку, съ мягкими расплывчатыми чертами лица и рыжеватой съ просѣдью подстриженной бородой, некрасивый, но съ очень умнымъ и пріятнымъ выраженіемъ глазъ, которые смѣло и прямо смотрѣли изъ-за большихъ золотыхъ очковъ. Заложивъ руки въ карманы короткаго пиджака, съ книгой подъ мышкой, онъ очень горячо обсуждалъ съ Шиффнеромъ какой-то вопросъ, поднятый на послѣдней академической конференціи; я подошелъ къ столу и попросилъ позволенія заглянуть въ каталогъ.

Антонъ Антоновичъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сейчасъ же заговорить со мною о моей диссертаціи, при чемъ въ бесѣдѣ нашей мы коснулись, между прочимъ, Краледворской рукописи.

— А вы эту книгу знаете?—вдругъ обратился ко мнѣ незнакомецъ, стоявшій около Шиффнера, и черезъ столъ, безъ церемоніи, швырнулъ мнѣ книгу, которую вынулъ изъ-подъ мышки. Это была тогда только что появившаяся книга Иречка о древнѣйшей чешской поэзіи.

— Нѣтъ, не знаю, — сказалъ я, взглянувъ на титулъ книги:— Это что-то совсѣмъ новое?..

— Да. Только что прислали мнѣ изъ магазина. Я просмотрѣлъ: любопытно... Хотите прочесть?

— О, конечно. Но...

— Такъ возьмите ее... Вернете Антону Антоновичу.

Я поблагодарилъ за любезность и просилъ позволенія занести книгу лично.

— Это Куникъ,—сказалъ Шиффнеръ.—Вы не знакомы? Живетъ въ академическомъ домѣ, на углу Набережной и 7-й линіи. Ступайте къ нему, посмотрите,—отличная библіотека.

Минуту спустя, мы разстались, и я поспѣшилъ домой съ новой книгой...

Нѣсколько дней спустя, я отправился къ Кунику, чтобы занести ему книгу Иречка, и засталъ его дома, въ его прекрасной академической квартирѣ, выходившей окнами на набережную. Устройство квартиры было удивительно простое; но, кромѣ простоты, въ квартирѣ почтеннаго ученаго была еще замѣтна всюду удивительная чистота и порядокъ, рѣдко встрѣчаемая въ квартирахъ старыхъ холостяковъ. Главнымъ украшеніемъ квартиры была обширная, превосходно систематизированная и удобно разставленная библіотека, въ которой чрезвычайно простые шкафы-полки были такъ практично устроены, что книги было очень легко доставать безъ всякихъ лѣстницъ и приспособленій. И во всѣхъ углахъ этой библіотеки, которая занимала всѣ лицевыя комнаты квартиры, опять-таки не было ни пыли, ни безпорядка: взглянувъ на эти полки, можно

было подумать, что хозяинъ только и дѣлаетъ, что стираетъ пыль съ своихъ книгъ. Любопытною особенностью квартиры Куника — этого извѣстнаго и, можно сказать, первокласснаго ученаго—было отсутствіе ученаго кабинета въ томъ казовомъ и обычномъ смыслѣ, въ какомъ мы его себѣ представляемъ въ квартирѣ каждаго ученаго или литератора. Замѣтно было, что онъ охотнѣе занимался въ маленькой комнаткѣ, смежной съ прихожею, гдѣ у него стояла конторка и шкафъ съ справочными книгами; но и въ огромныхъ комнатахъ, въ уютномъ уголкѣ, около книгъ, стояли тоже столы, на которыхъ онъ занимался, и которые, очевидно, придвигалъ къ тому мѣсту своей библіотеки, изъ котораго ему было удобнѣе и сподручнѣе доставать книги съ полки...

Въ ту пору моей жизни я такъ страстно любилъ книги, что, увидавъ книжныя богатства Куника—признаюсь!—позабылъ и о приличіи перваго визита, и о хозяинѣ, и съ увлеченіемъ сталъ оглядывать полки, заставленныя почтенными фоліантами.

Это, видимо, понравилось хозяину и даже порадовало его, и онъ, понимая мое увлеченіе, самъ очень охотно и любезно сталъ знакомить меня съ лучшими уголками своей библіотеки.

— Да! Вотъ видите, все это я могъ купить, могъ собрать, потому что очень давно сталъ собирать, когда еще старая Толкучка была цѣла... А теперь гдѣ вы это все достанете?

И съ наивностью истиннаго книжника онъ добавилъ совершенно серьезно:

— Еслибъ я зналъ, что Толкучка сгоритъ, я бы не пожалѣлъ денегъ... Тамъ вѣдь такія удивительныя рѣдкости были...

И бесѣда на эту тему завязалась у насъ такая оживленная, что я удалился уже только тогда, когда Аристу Аристовичу пришлось идти на службу въ Эрмитажъ.

Такъ началось мое знакомство съ Куникомъ и продолжалось много и много лѣтъ, и каждый разъ, когда мнѣ приходилось съ нимъ встрѣчаться или вступать съ нимъ въ сношенія по вопросамъ, меня интересовавшимъ, я находилъ съ его стороны такъ много предупредительности и готовности оказать мнѣ посильную помощь, что не могу не вспомнить объ этомъ съ самою искреннею признательностью. И эта предупредительность и услужливая готовность вовсе не вызывались какими либо личными отношеніями или симпатіями ко мнѣ — они были въ Куникѣ чертою характера, если не врожденною, то издавна укоренившеюся, исходившею изъ того несомнѣннаго уваженія къ труду и трудовой энергіи, которымъ онъ былъ проникнутъ. На видъ сухой, мало-доступный, рѣзкій и угловатый въ пріемахъ, Куникъ всегда былъ готовъ служить каждому, кто къ нему обращался, и своими знаніями, и своею громадною,

поразительною начитанностью, и сокровищами своей библіотеки. Если онъ не могъ отвѣтить на вопросъ положительно, онъ прямо и коротко отвѣчалъ:

— Я этого не знаю... Я этимъ не занимался — и отвѣчалъ безъ всякихъ увертокъ и уклоненій.

Въ томъ, что онъ зналъ, онъ выше всего цѣнилъ несомнѣнный фактъ, и въ разслѣдованіи всѣхъ его сторонъ, всѣхъ соприкасающихся съ нимъ частностей, любилъ добираться до самой сути. Онъ не разъ говаривалъ мнѣ въ бесѣдахъ нашихъ:

— Въ изслѣдованіи научномъ не бываетъ мелочей: здѣсь все важно... Очень крупныя научныя гипотезы бываютъ построены именно на этихъ мелочахъ.

И постоянно соображаясь съ этой теоріею, онъ очень высоко цѣнилъ каждый историческій анекдотъ, каждый случайный намекъ источника, допускавшій возможность «чтенія между строками».

Очень и очень жалѣю я, что не записывалъ все то, что слышалъ отъ Куника по закулисной исторіи XVIII вѣка въ Россіи, въ ту зиму, когда нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ я работалъ въ его библіотекѣ надъ богатѣйшимъ, единственнымъ въ своемъ родѣ собраніемъ книгъ по масонству и масонскимъ ложамъ. Въ частномъ быту, въ бесѣдѣ съ глазу-на-глазъ, онъ былъ чрезвычайно сообщителенъ, говорилъ охотно и много, и любилъ блеснуть своимъ знаніемъ источниковъ русской исторіи, своею громадною начитанностью, своимъ отличнымъ знакомствомъ съ археологіею и нумизматикой. При этомъ, въ противоположность многимъ другимъ ученымъ, онъ любилъ говорить о своихъ личныхъ воззрѣніяхъ на тотъ или другой научный вопросъ, любилъ дѣлиться своими мнѣніями и выводами, и нисколько не стѣснялся тѣмъ, что эти мнѣнія встрѣтятъ съ чьей нибудь стороны возраженія, что они будутъ опровергнуты или покажутся странными. Это былъ очень простой и прямой человѣкъ, и одинъ изъ тѣхъ нѣмцевъ, которые по-своему любятъ Россію и вѣрятъ въ ея будущее...

Безъ малѣйшей зависти и съ большимъ добродушіемъ относился онъ ко всѣмъ тѣмъ, которые трудились, подобно ему, въ области изученія Россіи—ея старины, ея древностей, ея исторіи. Онъ умѣлъ цѣнить трудъ и каждому воздавалъ должное по заслугамъ, хотя и относился съ суровою критикою къ увлеченіямъ теоріями, партійными взглядами и пристрастіемъ къ извѣстнымъ доктринамъ.

— Съ исторіей шутить нельзя, — говаривалъ онъ не разъ — и коверкать ее нельзя, какъ угодно... Передъ нею преклоняться надо...

Уважая чужой трудъ, онъ всегда былъ отзывчивъ на всякую помощь этому труду и не жалѣлъ при этомъ ни хлопотъ, ни времени, которому, однако же, отлично зналъ цѣну. Я никогда не забуду, какъ онъ хлопоталъ за меня, когда мнѣ понадобилось снять фотографію со скиѳскихъ древностей Эрмитажа, или какъ онъ цѣ-

лую недѣлю перерывалъ всѣ свои бумаги, чтобы отыскать мнѣ древній планъ Новгорода, который былъ для него снятъ съ плана, начертаннаго на стѣнѣ въ церкви Флора и Лавра... Это были добрыя, искреннія, безкорыстныя услуги на пользу дѣла, которое онъ любилъ, которому посвятилъ всю свою жизнь, и на пользу котораго охотно поощрялъ и другихъ трудиться.

Въ послѣднія десять лѣтъ я не видѣлся съ А. А. Куникомъ: во время моихъ пріѣздовъ изъ деревни и краткихъ пребываній въ Петербургѣ, не удалось мнѣ ни разу заглянуть къ нему; но отъ многихъ приходилось слышать, что его желѣзное здоровье, поддерживаемое чрезвычайно аккуратною жизнью, начало ему измѣнять, и онъ часто сталъ болѣть... И вдругъ, прошлою весною, я совершенно случайно и неожиданно столкнулся съ нимъ у Дворцоваго моста на набережной. Онъ былъ неузнаваемъ и произвелъ на меня очень тяжелое впечатлѣніе. Сгорбленный, опустившійся, онъ какъ-то особенно потемнѣлъ въ лицѣ; потухшіе глаза ввалились; понуривъ голову, онъ тихо двигался по набережной, съ видимымъ усиліемъ передвигая ноги... Не было въ немъ и тѣни прежняго Куника, съ его бодрой осанкой, живостью въ движеніяхъ и здоровымъ видомъ.

— Аристъ Аристовичъ! Здравствуйте... Очень радъ васъ видѣть...

Онъ остановился, съ усиліемъ поднялъ на меня глаза и молча протянулъ мнѣ руку.

— Ну, какъ ваше здоровье? — невольно сорвалось у меня съ языка.

— Какое тамъ здоровье! Сами видите! Въ дорогу собираться надо, — почти съ досадою проговорилъ онъ глухимъ какимъ-то голосомъ и, безнадежно махнувъ рукою, поспѣшилъ со мною разстаться.

Эта встрѣча особенно живо припомнилась мнѣ, когда я на дняхъ прочелъ въ газетахъ о кончинѣ почтеннаго Ариста Аристовича... Судя по его словамъ, при этой послѣдней нашей встрѣчѣ, онъ давно уже предвидѣлъ свой конецъ и шелъ къ нему спокойно и разумно. Въ трудахъ своихъ онъ оставилъ намъ цѣнный вкладъ въ русскую историческую науку; а въ памяти всѣхъ знавшихъ его сохранилось о немъ представленіе, какъ о человѣкѣ прямомъ, правдивомъ и честномъ, какъ объ истинномъ ученомъ, для котораго въ жизни была только одна утѣха и радость—наука.

II.

Съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ я познакомился осенью 1857 года, мѣсяца два спустя послѣ поступленія въ университетъ. Признаюсь, что его первая лекція меня поразила и охватила какимъ-

то особеннымъ жаромъ... Это было что-то чрезвычайно увлекательное, образное, яркое, богатое любопытными и новыми (для насъ, первокурсниковъ) фактами — и какъ это было чудесно изложено, какъ сгруппировано, какъ прямо вело къ опредѣленнымъ и яснымъ выводамъ! При этомъ много вліяла сама внѣшность профессора: его смуглое лицо было подвижно и выразительно, а его черные большіе глаза горѣли такимъ огнемъ, такъ превосходно дополняли его рѣчь, такъ привлекали къ нему все наше юношеское вниманіе, что имъ нельзя было не увлечься, ему нельзя было не довѣриться, не предаться ему всей душей! Прослушавъ эту превосходную лекцію, я (Богъ вѣсть почему?) рѣшилъ, что непремѣнно слѣдуетъ «къ Срезневскому сходить», и что-то ему сказать, что-то выразить, а главное — заявить о себѣ и о своемъ желаніи трудиться, просить его руководства въ предстоящихъ занятіяхъ. Рѣшилъ — и пошелъ, предварительно разузнавъ адресъ Срезневскаго у нашего общаго друга, старика Савельича [1]).

И. И. Срезневскій жилъ въ ту пору въ 9-й линіи Васильевскаго острова, далеко за Среднимъ проспектомъ, почти противъ церкви Благовѣщенія. Онъ занималъ весь третій этажъ дома, какъ человѣкъ многосемейный и, кажется, довольно зажиточный. Я засталъ его дома усталымъ, только что вернувшимся съ лекцій, засталъ въ его чудесномъ кабинетѣ, сплошь заставленномъ книгами, которыя, буквально, окружали его со всѣхъ сторонъ: книги были у него около стѣнъ въ шкапахъ, книги около стола на этажеркахъ, книги на столѣ, на особой полкѣ, книги подъ диваномъ, на которомъ онъ отдыхалъ... Книги всюду — цѣлое море книгъ! Хозяинъ и счастливый обладатель этихъ книжныхъ сокровищъ встрѣтилъ меня очень радушно даже и тогда, когда человѣкъ доложилъ ему, что «студентъ пришелъ», и еще радушнѣе, когда я назвалъ свою фамилію.

— Боже мой! Вѣдь вотъ какая судьба! Представьте, — сказалъ мнѣ въ видѣ привѣтствія Измаилъ Ивановичъ, — вѣдь я, вотъ точно такъ же, какъ вы, совсѣмъ еще юный... являлся къ вашему батюшкѣ познакомиться. ...Помню очень хорошо! Кажется, у Аларчина моста онъ жилъ? Въ Коломнѣ?

Разговоръ завязался объ отцѣ и вывелъ меня изъ затрудненія. Но съ такимъ удивительно умнымъ и тонкимъ собесѣдникомъ, какъ Измаилъ Ивановичъ, затрудняться было невозможно... Онъ удивительно ловко руководилъ бесѣдой; онъ видѣлъ меня насквозь и отлично понималъ тѣ побужденія, которыя меня къ нему привели... Вотъ почему, послѣ десяти-минутной бесѣды, онъ очень ловко навелъ меня на мои планы университетскихъ занятій, на то, что я

---

[1]) Швейцаръ университета—личность историческая, знакомая всѣмъ старымъ студентамъ Петербургскаго университета.

думаю дѣлать, какую спеціальность избрать и т. д. Ну и я, конечно, тотчасъ высказался и сообщилъ ему весь тотъ сумбуръ, который бродилъ тогда въ моей юношеской головѣ...

— А! Вотъ что?.. Ну, что-жъ, прекрасно! — говорилъ Измаилъ Ивановичъ, слушая меня и прикидываясь внимательнымъ. — Все это можетъ быть вамъ полезно... Работайте... А мы вамъ помогать будемъ...

И въ заключеніе нашей бесѣды, которая изсякла сама собою, Измаилъ Ивановичъ пригласилъ меня бывать у него по субботамъ, въ назначенные дни, чѣмъ окончательно привелъ меня въ восторгъ.

Вскорѣ послѣ того, однако же, наступило маленькое разочарованіе. Вызвано оно было слѣдующимъ случаемъ. Не совсѣмъ довольный порядками въ нашей университетской библіотекѣ, я проникъ въ сосѣднюю съ университетомъ библіотеку академіи наукъ и нашелъ тамъ такое обиліе книжныхъ богатствъ по вопросамъ, которые меня интересовали, что засѣлъ въ этой библіотекѣ и буквально проводилъ въ ней цѣлые дни. Послѣ нѣсколькихъ недѣль такихъ усердныхъ занятій, я услышалъ въ одинъ прекрасный день вопросъ отъ А. А. Шиффнера:

— Зачѣмъ вамъ тутъ проводить столько времени? Вѣдь здѣсь вамъ заниматься неудобно... Отчего вы не возьмете отъ насъ книги на домъ?

— Да развѣ это возможно? — чуть не воскликнулъ я.

— Конечно. Найдите только изъ вашихъ профессоровъ поручителя за себя, и мы вамъ будемъ давать книги на домъ...

Я поблагодарилъ за совѣтъ и тотчасъ же устремился въ университетъ, гдѣ, кстати, у меня предстояла лекція Измаила Ивановича. Послѣ лекціи подхожу къ нему съ бланкомъ академической библіотеки и съ полною увѣренностью въ томъ, что онъ не откажетъ мнѣ въ моей просьбѣ.

Измаилъ Ивановичъ, какъ и всегда, любезно встрѣтившій меня, вдругъ совершенно измѣнился, когда выслушалъ мою просьбу.

— Помилосердуйте, какъ это можно! — заговорилъ онъ поспѣшно. — Да вѣдь, если я за всякаго студента стану ручаться, такъ что жъ изъ этого выйдетъ? Я разорюсь, а я человѣкъ семейный... Нѣтъ ужъ, извините... [1]).

Я поклонился молча и, вернувшись въ библіотеку, разсказалъ Шиффнеру о своей неудачѣ. Тотъ улыбнулся, пожалъ плечами, и тотчасъ же подписалъ свое поручительство на бланкѣ, который и вернулъ мнѣ, сказавъ просто:

— Берите книги на мое поручительство...

---

[1]) Кстати сказать, Измаилъ Ивановичъ бралъ очень много книгъ изъ академической и университетской библіотекъ и, подобно многимъ другимъ профессорамъ, держалъ ихъ у себя по цѣлымъ годамъ.

Я не зналъ, какъ его благодарить, и съ той поры, въ теченіе всего университетскаго курса, пользовался дарованной мнѣ льготою.

Но мимолетное впечатлѣніе миновало; неудовольствіе улеглось, а интересъ лекцій и личности Измаила Ивановича остался не нарушимымъ и цѣльнымъ, и тотъ обзоръ славянскихъ нарѣчій и литературъ, которымъ онъ занималъ насъ, филологовъ перваго курса, былъ курсомъ весьма живымъ и сильно возбуждавшимъ нашу любознательность.

Я усердно посѣщалъ эти лекціи, а затѣмъ рѣшился какъ-то явиться къ Измаилу Ивановичу и на одинъ изъ субботниковъ, и мнѣ очень понравилось тамъ бывать... Народу на этихъ субботникахъ бывало много, и все академики, профессора, педагоги, сановники и генералы отъ науки — все люди съ большими именами, съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, со связями и значеніемъ «въ свѣтѣ». И надо было видѣть Измаила Ивановича среди этого люда, чтобы вполнѣ и по достоинству оцѣнить его умъ, его обширную ученость, его изворотливость и опытность въ житейскихъ отношеніяхъ. Онъ умѣлъ говорить со всѣми и самаго мочаливаго собесѣдника вызвать на интереснѣйшую бесѣду; умѣлъ каждаго изъ гостей своихъ выставить передъ другими въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ, умѣлъ во время вставить въ общую бесѣду свое вѣское словечко и во время разнять острою шуткою слишкомъ горячо заспорившихъ противниковъ. Мнѣ было такъ хорошо изъ моего укромнаго уголка все это наблюдать и слушать, я такъ много выносилъ каждый разъ изъ этихъ субботниковъ, знакомился и даже дерзалъ вступать въ разговоры съ такими тузами русской науки, что эти вечера у Срезневскаго сдѣлались для меня истинною отрадою, и я считалъ своимъ долгомъ бывать на нихъ какъ можно чаще... Не могу не прибавить къ этой характеристикѣ субботниковъ, что однимъ изъ лучшихъ украшеній этихъ назначенныхъ дней была та удивительно теплая и привлекательная атмосфера семейнаго дома, въ которомъ чувствовалось мягкое вліяніе доброй хозяйки, видимо бывшей добрымъ геніемъ для всѣхъ и для самого хозяина. Впослѣдствіи я былъ введенъ Измаиломъ Ивановичемъ въ кругъ его милой (тогда еще очень юной) семьи и имѣлъ полную возможность оцѣнить и его, какъ отличнаго семьянина, примѣрнаго мужа и отца.

Вліяніе и значеніе Срезневскаго среди современнаго намъ студенчества было чрезвычайно вѣско и сильно, хотя самъ Измаилъ Ивановичъ держалъ себя отъ студентовъ довольно далеко и ни у кого изъ студентовъ не заискивалъ, ни съ кѣмъ не сближался и не дозволялъ себѣ никакой фамильярности: его и уважали, и побаивались... И въ томъ небольшомъ кружкѣ, къ которому я принадлежалъ [1]), Срезневскій пользовался большимъ почетомъ, хотя мы были

[1]) Въ составъ его, кромѣ меня, входили: Л. Н. Майковъ, Е. Е. Замысловскій,

очень разборчивы въ симпатіяхъ къ профессорамъ и ясно видѣли большіе недочеты въ преподаваніи Срезневскаго. Надо признаться, что онъ былъ удивительно неровенъ и непослѣдователенъ въ исполненіи своихъ профессорскихъ обязанностей. Хотя онъ и считался профессоромъ славянскихъ нарѣчій, но менѣе всего могъ научить славянскимъ нарѣчіямъ и менѣе всего способенъ былъ увлечь къ ихъ изученію. Собственно языками славянскими не могъ онъ и заниматъ насъ очень много, довольствуясь болѣе сравнительнымъ ихъ обзоромъ, указаніемъ на отличія и особенности и тотчасъ переходилъ къ краткимъ обзорамъ отдѣльныхъ славянскихъ литературъ, къ краткимъ очеркамъ исторіи отдѣльныхъ письменъ, къ характеристикѣ нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ писателей, поэтовъ, ученыхъ славянскихъ, къ воспоминаніямъ о своихъ поѣздкахъ по славянскимъ землямъ—и тутъ былъ увлекателенъ, краснорѣчивъ и художественъ въ изложеніи, особенно если попадалъ на нѣкоторые свои любимые коньки. Я и до сихъ поръ не могу забыть двухъ лекцій, посвященныхъ характерной дѣятельности Вука Караджича, одной лекціи о вѣкѣ царя болгарскаго Симеона и пяти лекцій, въ которыхъ Срезневскій далъ намъ полную картину польской литературы въ XVI и XVII вѣкахъ. Все это было такъ превосходно, что мы, бывало, уходя съ подобныхъ лекцій, говаривали между собою:

— Измаилъ! О, Измаилъ — это чистый змѣй искуситель!

Но за немногими блестящими высокохудожественными лекціями наступалъ цѣлый рядъ лекцій вялыхъ, скучныхъ никому ненужныхъ, которыя читались по какимъ-то старымъ тетрадкамъ и которыя записывать (даже въ видѣ конспекта) было невозможно. До очевидности ясно было для насъ, что къ этимъ лекціямъ профессоръ не готовился, а, опираясь на опытность свою, говорилъ по памяти, какъ по грамотѣ... хотя я самъ слышалъ не разъ отъ Измаила Ивановича, что онъ «никогда въ жизни не приходилъ на лекцію, не посвятивъ нѣсколько часовъ на приготовленіе къ ней». Остается предположить, что эти лекціи были только слѣдствіемъ ослабленія энергіи въ той удивительно-подвижной, живой и отзывчивой натурѣ, которою обладалъ Измаилъ Ивановичъ, и которая постоянно побуждала его захватывать въ руки ровно втрое болѣе дѣла, нежели онъ могъ выполнить...

Была и еще одна очень дурная замашка у Срезневскаго, какъ профессора—и мы эту замашку терпѣть не могли. И по натурѣ своей—замкнутой, недовѣрчивой, крайне неподатливой на искренность—и по тому времени, къ которому относились его первые шаги на поприщѣ науки, Срезневскій былъ скептикомъ, въ самомъ полномъ значеніи этого слова. И этотъ скептицизмъ (столь не

Макушевъ, Ф. Ф. Ординъ, Н. А. Трескинъ, А. М. Скабичевскій и Д. И. Писаревъ. Изъ этого кружка, увы, въ настоящее время живы только трое.

свойственный юношескому сознанію) страшно коробилъ насъ, когда профессоръ, посвятивъ болѣе половины лекціи на всестороннее обслѣдованіе какого нибудь вопроса и подходя къ неизбѣжному выводу, вдругъ изображалъ на лицѣ своемъ недоумѣніе, начиналъ толковать «о возможности всякихъ домысловъ» (его любимое выраженіе) и заключалъ словами:

— Можетъ быть такъ, а можетъ быть и не такъ...

У насъ тогда и руки опускались; и мы говорили себѣ невольно:

— Да зачѣмъ было и огородъ городить?!..

Вообще говоря, уважая въ Измаилѣ Ивановичѣ его замѣчательный умъ, его знанія и талантливость, мы цѣнили въ немъ профессора не по тому, что онъ намъ давалъ, а потому, что могъ бы дать и чѣмъ насъ изрѣдка угощалъ, какъ дорогимъ и изысканнымъ блюдомъ.

Впрочемъ, недочетовъ Срезневскаго, какъ профессора, нельзя было не простить ему, если принять въ соображеніе всю ту массу работы, труда и обязанностей, какія онъ на себя наваливалъ постоянно не по какимъ либо расчетамъ корыстолюбія, а только по снѣдавшей его постоянной алчности къ работѣ... Ему и то, и это хотѣлось сдѣлать; онъ какъ будто боялся упустить удобный моментъ для рѣшенія того или другого вопроса, какъ будто говорилъ себѣ постоянно:

— Умри я, кто же этимъ займется? Кто къ этому сумѣетъ подойти?

И хватался разомъ за нѣсколько вопросовъ и всецѣло предавался ихъ рѣшенію, забывая обо всемъ остальномъ, и почти одновременно работая для академіи наукъ, для археологическаго общества, для археографической комиссіи, и еще для какихъ нибудь двухъ-трехъ ученыхъ учрежденій и обществъ, всюду стараясь поспѣть къ сроку и всюду, весьма естественно, затягивая ходъ дѣла и выходъ книжекъ журнала, такъ что многіе даже рѣшались заподозрѣвать Измаила Ивановича въ лѣни и халатности, не угадывая одного изъ главныхъ и существеннѣйшихъ недостатковъ его натуры—способности разбрасываться въ трудѣ.

Въ ту пору, когда началось мое знакомство съ Измаиломъ Ивановичемъ, онъ, хотя и числился при университетѣ профессоромъ славянскихъ нарѣчій, но, въ сущности никакимъ изъ славянскихъ языковъ, кромѣ древне-русскаго, не занимался. За то въ эту спеціальную отрасль изученія онъ вдался всей душой, и изучалъ памятники древнерусскаго языка и письма всесторонне, т. е. постоянно переходя отъ филологическихъ данныхъ къ археологическимъ, изучая, вмѣстѣ съ языкомъ памятниковъ, и бытъ, и древности русскія. Кажется, въ эту именно пору онъ задумалъ заняться составленіемъ того будущаго труда, къ которому онъ стремился всею душею, ревностно и рьяно, роясь въ рукописяхъ, въ надписяхъ, въ припи-

скахъ къ рукописямъ, собирая громадный матеріалъ и разнося его по безконечному множеству карточекъ, которыми и тогда уже переполнены были цѣлые сундуки, стоявшіе подъ его письменнымъ столомъ. Ему мерещился, въ воображеніи его носился какой-то громадный и чудный трудъ, въ родѣ словаря Дюканжа, передъ памятью котораго Измаилъ Ивановичъ благоговѣлъ, и насъ училъ преклоняться... Но его отвлекала дѣйствительность съ тѣми многими путями дѣятельности, по которымъ онъ постоянно разбрасывался, его отвлекала масса всякаго рода отношеній, которыя онъ во что бы то ни стало хотѣлъ поддержать, его отвлекала большая семья, которую онъ горячо любилъ и на которую много тратилъ времени, стараясь и дѣтей своихъ увлечь на трудный путь научнаго подвижничества... И трудъ, который долженъ былъ бы составить его славу, доставить ему громкое имя въ русской наукѣ, остался неоконченнымъ и даже неприведеннымъ въ порядокъ... [1]) а та сила и энергія, которыя бы могли двинуть этотъ трудъ и довести его до конца, растрачивались на мелочи, на крошечныя статейки въ нѣсколько страничекъ, посвященныхъ разслѣдованію крошечнаго вопроса, въ которомъ наука не особенно нуждалась. И вотъ этотъ-то постоянный разладъ между внутреннею потребностью широкой дѣятельности научной и ограниченными размѣрами того, что оказывалось возможно произвести въ дѣйствительности—этотъ разладъ (на мой взглядъ) постоянно тяготилъ и мучилъ Измаила Ивановича и приводилъ его ко многимъ очень страннымъ и неожиданнымъ результатамъ. Однимъ изъ первыхъ было то, что онъ искалъ оправданія себѣ и своей узкой научно-литературной дѣятельности, все болѣе и болѣе склоняясь на сторону сухого, педантически-обслѣдованнаго факта, и утверждая, что въ наукѣ важны только отдѣльные факты, а связь, послѣдовательность изложенія и постановка, освященіе факта съ извѣстной стороны — не имѣютъ значенія. Къ сожалѣнію, Измаилъ Ивановичъ внушалъ свое воззрѣніе на научное изслѣдованіе и той молодежи, которая его постоянно окружала и, тѣмъ самымъ, многихъ запугалъ и отбилъ отъ науки, а другихъ въ теченіе извѣстнаго времени заставилъ идти такимъ путемъ, къ которому они, собственно говоря, вовсе не были способны. Въ результатѣ получалось разочарованіе, отвращеніе отъ научной карьеры, и очень часто — разрывъ съ Измаиломъ Ивановичемъ, который для многихъ, не успѣвшихъ въ него поближе вглядѣться, изъ обожаемаго наставника и руководителя, обращался потомъ въ лютого ворога... И это были не единичные случаи, и я могу завѣрить, что нѣкоторые изъ подобныхъ разрывовъ навсегда

[1]) Лишь весьма недавно явились въ свѣтъ отдѣльныя части этого труда въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, приготовленнымъ къ печати ученою дочерью Измаила Ивановича—О. И. Срезневскою.

оставили весьма болѣзненный слѣдъ въ душѣ Измаила Ивановича и до крайней степени развили въ немъ почти болѣзненное недовѣріе къ молодежи.

Что касается до меня, то я стоялъ въ отношеніи къ Измаилу Ивановичу въ какомъ-то совершенно исключительномъ положеніи. Онъ постоянно ласкалъ и баловалъ меня въ теченіе всего пребыванія моего въ университетѣ, а въ первые три-четыре года послѣ университета, вплоть до моего магистерскаго диспута, приблизилъ меня къ себѣ настолько, что я пользовался постоянно его большимъ расположеніемъ, почти искренностью. Онъ былъ со мною даже довольно откровененъ, хотя откровенность не принадлежала къ выдающимся чертамъ его нравственнаго типа; случалось даже, что онъ высказывалъ передо мною отзывы о разныхъ общественныхъ и научныхъ дѣятеляхъ, нарушая этимъ свою обычную, чрезвычайную сдержанность; мало того: онъ даже весьма охотно вступалъ со мною въ споры, хотя вообще не любилъ открыто высказывать своихъ мнѣній, предпочитая, чтобы эти мнѣнія угадывались по нѣкоторымъ его намекамъ и полу-словамъ. Вообще говоря, въ ту пору моей молодости (между 1861—1864 гг.)[1] Измаилъ Ивановичъ выказывалъ мнѣ большое расположеніе: руководилъ моимъ чтеніемъ и научной подготовкой, любилъ выслушивать мои отчеты о прочтенномъ и самъ нерѣдко сообщалъ мнѣ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ чтенія той или другой книги. Моя страсть къ книгамъ, моя неутомимая жажда въ пріобрѣтеніи знаній, видимо, очень приходились по сердцу Измаилу Ивановичу, и онъ, нѣсколько преувеличивая мои способности и не вполнѣ угадывая главныя стороны моей натуры, усиленно побуждалъ меня готовиться къ университетской карьерѣ, которая и мнѣ самому представлялась тогда верхомъ благополучія.

Особенно памятно мнѣ одно лѣто (1863 или 1864 г.?), когда Измаилъ Ивановичъ жилъ въ Лѣсномъ, на дачѣ Шуппе, и я очень часто бывалъ у него, гулялъ съ нимъ по парку, проводилъ вечера (и мы засиживались иногда далеко за полночь), оставался на ночь и уходилъ въ городъ рано утромъ. Я никогда не забуду этихъ бесѣдъ съ Измаиломъ Ивановичемъ, до такой степени онѣ были увлекательны. Онъ выступалъ передо мною во всеоружіи своего знанія и во всей силѣ таланта, который онъ такъ глубоко и опасливо скрывалъ Богъ-вѣсть почему! Какія широкія картины набрасывалъ онъ тутъ, какія смѣлыя гипотезы позволялъ себѣ строить, какую выказывалъ смѣлость взгляда и зоркую наблюдательность настоящаго, крупнаго ученаго!..

---

[1]) Нельзя при этомъ упустить изъ виду, что эти именно годы были весьма тяжелыми годами въ жизни И. И. Срезневскаго. Въ этотъ періодъ (послѣ первыхъ студенческихъ волненій) очень многіе изъ его прежнихъ учениковъ совсѣмъ его покинули, и я былъ однимъ изъ немногихъ, остававшихся ему вѣрными.

— Измаилъ Ивановичъ!—вырывалось у меня иногда въ минуты такихъ бесѣдъ,—да вѣдь это такъ хорошо, такъ хорошо!.. Отчего бы вамъ не написать объ этомъ?..

Онъ вдругъ какъ будто спохватывался, съеживался какъ-то особенно, въ глазахъ его выражалось опасливое сомнѣніе, даже безпокойство, какъ будто онъ хотѣлъ сказать:

— Еще ты, чего добраго, не воспользуйся тѣмъ, что я тебѣ сообщилъ...

И очарованіе исчезало, и Измаилъ Ивановичъ перемѣнялъ и разговоръ, и тонъ рѣчи, и являлся передо мною такимъ именно, какимъ мы его знали по каѳедрѣ, да по его крошечнымъ статейкамъ, разбросаннымъ въ академическихъ извѣстіяхъ и въ журналахъ археологическихъ обществъ.

Годъ спустя послѣ этихъ бесѣдъ, начались мои годы странствованій; я уѣхалъ на югъ, потомъ назначенъ былъ министерствомъ на каѳедру въ Варшавскую главную школу, преобразованную (годъ спустя) въ Варшавскій университетъ. Рѣдко бывая въ эти годы въ Петербургѣ, я рѣдко видался и съ Измаиломъ Ивановичемъ, но поддерживалъ съ нимъ довольно усердно письменныя сношенія.

Въ началѣ 1871 года, вслѣдствіе столкновенія съ ректоромъ Варшавскаго университета, я долженъ былъ подать въ отставку и вернулся въ Петербургъ на житье... Впечатлѣнія изъ Варшавы я вынесъ очень тяжелыя; я чувствовалъ, что со мною поступили несправедливо, что я безъ всякой съ моей стороны вины очутился въ очень тяжеломъ положеніи. При томъ въ Петербургѣ, въ кружкахъ, близкихъ къ университету, ходили невыгодные для меня слухи о моей отставкѣ, усердно распространяемые клевретами моего сильнаго противника, протежируемаго графомъ Д. А. Толстымъ... Понятно, что тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ я прежде всего вспомнилъ о своемъ дорогомъ учителѣ, объ И. И. Срезневскомъ — прежде всего захотѣлъ ему сообщить правдивую версію моей «варшавской исторіи» и предъ нимъ, главнымъ образомъ, оправить себя... Пріѣзжаю въ такое время, когда Измаила Ивановича можно было навѣрно застать дома—въ воскресенье до 12 часовъ,—вхожу въ знакомый мнѣ его кабинетъ, встрѣчаюсь съ хозяиномъ—и не узнаю его... Онъ встрѣчаетъ меня съ ледяною холодностью, съ готовымъ на устахъ строгимъ выговоромъ и порицаніемъ... Но я догадываюсь, въ чемъ дѣло, и останавливаю его на полусловѣ.

— Измаилъ Ивановичъ! Я пріѣхалъ къ вамъ, какъ моему учителю и наставнику, чтобы съ вами подѣлиться моими тяжелыми впечатлѣніями и вамъ первому разсказать мою невзгоду... Но я не пріѣхалъ просить ни протекціи вашей, ни ходатайства—они мнѣ не нужны...

Эти слова магически подѣйствовали на Измаила Ивановича. Онъ разомъ измѣнился по отношенію ко мнѣ—обласкалъ, пригла-

силъ къ воскресному пирогу... Но я уже ни полусловомъ не обмолвился ему о моей варшавской исторіи. Я зналъ, что онъ не слишкомъ жалуетъ тѣхъ, кто попадаетъ «подъ колесо Фортуны».

Послѣ этой встрѣчи, мы долго не видались съ Измаиломъ Ивановичемъ. Я поѣхалъ къ нему уже тогда, когда успѣлъ оправиться отъ своего тяжкаго испытанія и стать крѣпко на ноги. Помнится, что это было въ моментъ появленія моей «Исторіи русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ»,—какъ разъ въ то время, когда эта книга встрѣчена была въ обществѣ такимъ успѣхомъ, какихъ немного выпадало на долю авторовъ-издателей въ нашей книжной торговлѣ [1]).

Я былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями. Измаилъ Ивановичъ, которому я поднесъ мою книгу, осыпалъ меня комплиментами, расхвалилъ книгу и даже обѣщалъ свое содѣйствіе при ея второмъ изданіи (что и выполнилъ въ точности, сообщивъ мнѣ кое-какіе снимки съ рукописей, объясненія глаголическаго текста и т. д.). Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ мы встрѣчались довольно часто и на субботникахъ, и въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ; добрыя знакомыя отношенія поддерживались долго, и только въ послѣдніе годы жизни Измаила Ивановича, когда онъ сталъ часто болѣть, а я часто отлучался изъ Петербурга, я видѣлся съ нимъ очень рѣдко.

Въ памяти моей, за многое признательной и благодарной Измаилу Ивановичу, сохранилось о немъ очень цѣльное представленіе. Съ полнымъ убѣжденіемъ я готовъ утверждать, что онъ, при своихъ способностяхъ и знаніяхъ, могъ бы быть однимъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ ученыхъ; но у него не хватало на это характера и той бодрости духа, которые такъ необходимы при самостоятельной разработкѣ научныхъ вопросовъ... И чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивалась въ немъ та мнительность, та недовѣрчивость къ себѣ самому, которыя не давали ему возможности приняться за что нибудь большое и крупное, и способствовали тому, что онъ размѣнивался на мелочи и въ преподаваніи своемъ, и въ научной дѣятельности. Нельзя, однако же, не пожалѣть, что всѣ статьи, напечатанныя Измаиломъ Ивановичемъ при жизни и разбросанныя по множеству журналовъ и сборниковъ, доселѣ не собраны воедино. Такое собраніе всего написаннаго имъ въ теченіе его ученой карьеры лучше всего могло бы указать каждому на ту жизненную основу, которую носила въ себѣ дѣятельность этого ученаго, хотя онъ ея-то болѣе всего и опасался, ее-то болѣе всего и старался скрыть въ тайникѣ своей души.

---

[1]) Книга напечатана была въ количествѣ 5.000 экз.; въ первую же недѣлю распродано было 1.000 экземпляровъ, а остальные 4.000 разошлись въ теченіе послѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ.

III.

Съ Викторомъ Ивановичемъ Григоровичемъ я познакомился за нѣсколько минутъ до начала торжественнаго акта открытія Новороссійскаго университета, слѣдовательно 1 мая 1865 года... Я и товарищъ мой, В. И. Модестовъ, пріѣхали въ Одессу только наканунѣ вечеромъ, и утромъ, въ день открытія университета, успѣли только явиться попечителю, А. А. Арцимовичу, и того застали въ такихъ попыхахъ, что успѣли съ нимъ обмѣняться лишь нѣсколькими словами...

— Очень радъ васъ видѣть, господа!—успѣлъ онъ намъ сказать, пожимая руки.—Но извините, спѣшу!.. Надѣюсь съ вами увидѣться на актѣ открытія...

Дѣйствительно, до назначеннаго часа, въ который предстояло начаться акту, оставалось уже очень немного времени, и мы, потолкавшись по бульвару и полюбовавшись моремъ, направились къ зданію университета. Заявивъ швейцару о томъ, что мы—пріѣзжіе изъ Питера, назначенные въ новый университетъ, доценты, такіе-то, мы услышали отъ него, что для всѣхъ профессоровъ въ залѣ назначены впереди, около каѳедры два ряда креселъ,—и, протѣснившись сквозь порядочную толпу, направились къ указаннымъ мѣстамъ, уже занятымъ профессорами бывшаго лицея, въ расшитыхъ мундирахъ и орденахъ... Вѣроятно, наши скромные фраки показались имъ не особенно внушающими довѣріе, потому что чуть только мы успѣли намѣтить себѣ два кресла,—одинъ изъ бывшихъ профессоровъ лицея замѣтилъ намъ очень сухо:

— Здѣсь не для публики мѣста...

Мы не успѣли еще отвѣтить, какъ уже съ другой стороны, отъ другаго лица, облеченнаго въ мундиръ, услышали:

— Здѣсь сидятъ члены ученой коллегіи...

Нѣсколько удивленные, мы еще не знали, какъ намъ поступить, какъ вдругъ къ намъ подлетѣлъ какой-то очень плотный, румяный господинъ, и сталъ передъ нами расшаркиваться, бормоча довольно невнятно, что онъ тоже профессоръ здѣшняго университета, что онъ очень радъ — и еще что-то, чего мы никакъ не могли разслышать среди шума толпы, наполнявшей залу.

Мы отрекомендовались.

— Какъ же! Какъ же! Знаю... Уже слышалъ отъ швейцара о вашемъ пріѣздѣ... И рекомендуюсь вамъ: профессоръ здѣшняго университета по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій—Григоровичъ...

«Григоровичъ!! Да вѣдь это цѣлая знаменитость!» — мелькнуло у меня въ головѣ... «Да вѣдь я это имя такъ много разъ слышалъ отъ Измаила Ивановича... И, кажется, я все знаю, что онъ напечаталъ... Такъ это-то и есть Григоровичъ!»

передалъ ему поклонъ отъ Срезневскаго, на который онъ отвѣчалъ мнѣ цѣлымъ диѳирамбомъ сначала Срезневскому, а потомъ и моему покойному отцу; но я, признаться, слушалъ эти диѳирамбы не очень внимательно... Меня гораздо болѣе интересовала оригинальная внѣшность этой крупной ученой знаменитости — внѣшность, на которую нельзя было не обратить вниманія.

Викторъ Ивановичъ Григоровичъ былъ выше средняго роста, но ростъ этотъ, въ значительной степени скрадывался его довольно неуклюжею плотностью, даже полнотою. Лицо у него было широкое, круглое, полное, лоснящееся, съ толстыми, очень подвижными губами и ямочками на полныхъ, какъ бы отдутыхъ румяныхъ щекахъ. На головѣ большая лысина, съ рѣденькою каймою неопредѣленнаго цвѣта крашеныхъ волосъ; такія же узенькія, прямыя, коротенькія бакенбарды опускались отъ висковъ немного пониже ушей. Но болѣе всего были въ его лицѣ поразительны глаза: свѣтло-голубые, широкооткрытые, съ оттѣнкомъ какого-то испуга или опасенія, они постоянно бѣгали, то закатываясь подъ высоко-поднятыя густыя брови, то умильно посматривая по сторонамъ, то совсѣмъ прищуриваясь и одной точкой блистая изъ-подъ вѣкъ, когда Викторъ Ивановичъ говорилъ о чемъ нибудь чувствительномъ или вдавался въ паѳосъ (что съ нимъ случалось нерѣдко). Одѣтъ онъ былъ въ мундирѣ и при шпагѣ; но мундиръ былъ застегнутъ криво, изъ-за расшитаго воротника торчали тесемки крахмаленной манишки, а «Владиміръ на шеѣ» болтался поверхъ воротника, гдѣ-то съ боку, почти на плечѣ. Надо признаться, что внѣшность почтеннаго ученаго была странная — чтобы не сказать больше — невольно останавливала на себѣ вниманіе, а въ людяхъ, не знавшихъ его, возбуждала недоумѣніе и улыбки...

Пока я внимательно разсматривалъ этого страннаго чудака, онъ продолжалъ говорить безъ умолку, и все повторялся, и все вращался около тѣхъ же общихъ мѣстъ, и напрягалъ всѣ усилія, чтобы сказать намъ обоимъ что нибудь особенно пріятное... Наконецъ, уже передъ самымъ началомъ акта, онъ указалъ намъ на мѣста около себя и весь обратился въ слухъ и вниманіе, когда взошелъ на каѳедру попечитель и прочелъ высочайшій указъ объ учрежденіи новаго университета и наименованіи его «Новороссійскимъ».

— Прекрасно! Превосходно! — твердилъ про себя Григоровичъ, не спуская глазъ съ попечителя, среди громкихъ рукоплесканій.

— Новороссійскій! Не правда ли, безподобно! — повторялъ онъ, — обращаясь съ блаженною улыбкою то ко мнѣ, то къ моему товарищу. — Большая будущность, большая — у этого университета!

Затѣмъ взошелъ на каѳедру вновь назначенный ректоръ университета, И. Д. Соколовъ, и прочелъ офиціальный списокъ назначеній, которыми пополнялся составъ профессоровъ бывшаго лицея.

— Прекрасно! Безподобно! — твердилъ опять про себя Григоровичъ. — Какія прекрасныя назначенія!

Чтеніемъ ректора актъ открытія университета закончился, потому что конфиденціально попечителю было сообщено, что министерство не желаетъ на актѣ никакихъ рѣчей и требуетъ, чтобы актъ прошелъ «почти незамѣтно».

Какъ только публика стала расходиться, Григоровичъ пустился насъ знакомить съ лицейской профессорской коллегіей и рекомендовалъ насъ такъ пышно и усердно, какъ если бы мы были очень крупными учеными знаменитостями. Намъ отвѣчали очень сухими рукопожатіями и поклонами: надо сказать правду, пріемъ былъ очень не радушный. А тутъ еще, какъ на бѣду, попечитель, мимоходомъ, шепнулъ кое-кому въ группѣ профессоровъ, что онъ проситъ не собираться нигдѣ праздновать открытіе университета, не говорить по этому поводу рѣчей, даже не посылать въ газеты телеграммъ о совершившемся фактѣ открытія...

Мы были очень непріятно всѣмъ этимъ поражены; но насъ утѣшилъ Викторъ Ивановичъ, обратившись къ намъ весьма дружелюбно:

— Господа! Вы тутъ пріѣзжіе... Вы гости, пока... Я не могу васъ просить къ себѣ—я живу бобылемъ... Такъ ужъ, пожалуйста, не откажитесь со мною отобѣдать въ гостиницѣ... Милости просимъ.

Само собою разумѣется, что мы не отказались отъ его добраго предложенія и еще два часа подъ рядъ слушали его очень высокопарную рѣчь о будущей знаменитости и славѣ Новороссійскаго университета, о томъ какъ онъ уже давно былъ необходимъ въ этой мѣстности, и какъ это все «прекрасно и безподобно» устроилось и т. д. Разставаясь съ нимъ, послѣ обѣда, мы обѣщали ему, что завтра начнемъ наши визиты — съ него.

Однако же, составивъ себѣ планъ, по которому слѣдовало дѣлать визиты, я убѣдился, что мнѣ прійдется сначала обойти всѣхъ профессоровъ, помѣщавшихся въ зданіи университета, а потомъ уже направиться къ Григоровичу. Визиты въ зданіи университета продолжались около двухъ часовъ, а затѣмъ довольно долго задержался я въ миломъ семейномъ домѣ ректора, и къ Григоровичу я могъ явиться не ранѣе, какъ около часа по полудни. Въ самый разгаръ полуденнаго зноя я очутился въ переулкѣ и вошелъ въ ворота того дома, гдѣ жилъ Викторъ Ивановичъ. По узенькой лѣстницѣ добрался я до его крошечной квартирки, состоявшей изъ двухъ комнатъ съ кухонькой, отдѣленной отъ передней, и убѣдился, что онъ жилъ совершеннымъ спартанцемъ. Въ комнатѣ, въ которую я вошелъ, я увидѣлъ только книги—цѣлый потопъ книгъ, которыя грудами лежали на полу, на окнахъ, на столахъ, на стульяхъ на какомъ-то диванѣ... На уголкѣ этого дивана сидѣлъ самъ хозяинъ, а на уголкѣ стола передъ диваномъ онъ обѣдалъ, безъ скатерти, безъ салфетки, хлебая прямо изъ какой-то чашки... Онъ вскочилъ съ своего мѣста, принялъ меня съ распростертыми объятіями, тот-

часъ же сбросилъ какія-то книги со стула на полъ, обтеръ съ него пыль рукавомъ и усадилъ около себя.

Опять началось съ диѳирамбовъ. Опять упомянутъ былъ мой отецъ, потомъ относительно меня выражены кое-какія надежды, потомъ рѣчь перешла на почтеннаго моего старшаго товарища по каѳедрѣ, Петра Спиридоновича Быстраго—и тотъ былъ превознесенъ до небесъ за свои заслуги...

Признаюсь, мнѣ все это очень казалось приторно и скучно, и я попытался завести разговоръ о личныхъ заслугахъ моего собесѣдника, о его путешествіи по Турціи и славянскимъ землямъ и т. п. Но и самъ былъ не радъ! Григоровичъ сейчасъ же заюродствовалъ:

— Помилуйте, — воскликнулъ онъ, вскочивъ съ дивана и размахивая руками, — какія мои заслуги, что такое мои путешествія! Это такое ничтожество, и говорить даже объ этомъ не стоитъ... Вотъ — Измаилъ Ивановичъ! Осипъ Максимычъ Бодянскій! — вотъ это ученые, это люди съ большими заслугами! А я что? Червякъ въ сравненіи съ ними! Простой чернорабочій—не болѣе. Я могу только глину мѣсить для нихъ, а они ужъ изъ нея лѣпить, созидать... За то у нихъ и связи, и положенія, а я что? Сами видите...

Становилось больно слушать это нытье, и я перевелъ разговоръ на книги, грудами около меня лежавшія. Взялъ въ руки одну, другую, третью—и перепачкалъ руки: все это было въ пыли, въ грязи, въ паутинѣ. А изъ одной книги вдругъ совершенно случайно выпала рублевая бумажка, вѣроятно, замѣнявшая въ ней закладку.

— Ахъ, Боже мой! Извините,—спохватился хозяинъ, выхватывая у меня книгу изъ рукъ. — У меня такой вездѣ безпорядокъ, грязь—совсѣмъ не такъ, какъ у другихъ ученыхъ, гдѣ все это въ такомъ блестящемъ порядкѣ... Вотъ, напримѣръ, у Измаила Ивановича...

И опять диѳирамбы... Я попробовалъ было заговорить о рукописяхъ, которыми Григоровичъ былъ очень богатъ; но и тутъ вышло совсѣмъ невпопадъ... Григоровичъ вдругъ какъ-то смущенно сталъ улыбаться, щурить глаза и заговорилъ почти недовольнымъ голосомъ:

— Помилуйте? Какія же могутъ быть у меня рукописи? Не скрою: есть кое-какой хламъ — такъ, знаете, никакой цѣны не имѣющій... А вотъ враги мои — тѣ говорятъ и распространяютъ вездѣ, будто бы я, во время моихъ странствованій по Македоніи и Греціи, всюду вырывалъ листы изъ рукописныхъ сборниковъ... Но... но... но это клевета... и не болѣе, какъ злоба людская...

Такъ и не показалъ онъ мнѣ ни одной рукописи изъ цѣлаго сундука, биткомъ набитаго ими и стоявшаго въ сосѣдней комнатѣ: съ нѣкоторыми изъ нихъ я ознакомился уже впослѣдствіи, года полтора спустя. Попытался я говорить о мѣстной профессорской кол-

легіи, о мѣстныхъ условіяхъ жизни, о мѣстномъ обществѣ—и опять, по словамъ Григоровича все оказалось и «прекраснымъ, и превосходнымъ»—и только. Однимъ словомъ, изъ первыхъ двухъ свиданій съ Викторомъ Ивановичемъ я вынесъ впечатлѣніе очень тяжелое.

Впослѣдствіи, въ теченіе нашего двухъ-лѣтняго знакомства, это впечатлѣніе нѣсколько сгладилось; но общій выводъ, сложившійся у меня въ головѣ относительно нравственной физіономіи Григоровича, и какъ человѣка, и какъ ученаго, былъ какой-то чрезвычайно странный... и непривлекательный.

Біографія его очень мало извѣстна, да притомъ отъ него и невозможно было получить какія бы то ни было положительныя свѣдѣнія въ этой области. Но родомъ онъ былъ несомнѣнно южноруссъ (южнорусскій оттѣнокъ оставался постоянно и въ его говорѣ) и даже южно-руссъ, родившійся близко къ Новороссіи. По нѣкоторымъ его обмолвкамъ и намекамъ, не трудно было заключить, что первоначальное воспитанія свое онъ получилъ въ кременецкомъ лицеѣ, не безъ вліянія латино-польской іезуитской закваски. Отсюда именно почерпнуто было у него превосходное знаніе польскаго языка и обычаевъ и навыкъ къ латинскому письму и рѣчи. Можетъ быть, отсюда же исходила и нравственная пришибленность, и какая-то запуганность, которая совершенно обезличивала Виктора Ивановича, побуждала его стоять навытяжку передъ начальствомъ, и каждому, по мѣрѣ силъ, говорить пріятныя, льстивыя, заискивающія рѣчи. Дальнѣйшіе годы ученія, годы странствованій и ученой университетской карьеры, можетъ быть, по той же безличности и безхарактерности Виктора Ивановича, тоже протекли для него какъ-то сѣро и тяжко: онъ, видимо, не вынесъ изъ нихъ ничего, кромѣ опасеній и огорченій, изъ которыхъ самымъ крупнымъ было несостоявшееся приглашеніе его изъ Казани въ Москву на каѳедру Бодянскаго, подвергнувшагося временной опалѣ... Неуловимо-скрытный во всемъ, онъ объ этомъ эпизодѣ не разъ разсказывалъ мнѣ съ глазу на глазъ, наивно описывая свое зимнее странствованіе изъ Казани въ Москву, на возу съ книгами.

И несмотря на то, что эпизоду этому минулъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ, у Виктора Ивановича голосъ дрожалъ и слезы навертывались на глаза, когда онъ о немъ разсказывалъ...

— Съ чѣмъ поѣхалъ — съ тѣмъ и вернулся... И каково мнѣ было вернуться—сами посудите!—говорилъ онъ.

Знаній у этого человѣка была какая-то непроглядная тьма! Чего онъ не зналъ по своей спеціальности? Кромѣ языковъ древнихъ и новогреческаго, онъ отлично зналъ всѣ славянскія нарѣчія и на пяти изъ нихъ объяснялся и переписывался совершенно свободно. Онъ превосходно зналъ славянскія земли, въ особенности земли балканскихъ славянъ, которыя исходилъ пѣшкомъ съ котомкой за спиною и съ грошемъ въ карманѣ. Въ его головѣ держалась по-

стоянно подробная карта этихъ мѣстностей, въ которыхъ онъ зналъ не только города, но и городишки, и мѣстечки, и поселки, и при этомъ, конечно, до мелочей зналъ бытъ и нравы мѣстнаго населенія. Онъ могъ при своей колоссальной памяти, не запинаясь, перечислить, по первому спросу, десятки мѣстностей по опредѣленному, указанному маршруту, въ Сербіи, Черногоріи, Албаніи, Македоніи и Герцеговинѣ. Онъ зналъ на этомъ пространствѣ всѣ библіотеки, всѣ архивы, всѣ монастырскія ризницы и тайники, набитые старыми книгами и полуистлѣвшими рукописями... Но вся эта нестройная громада знаній лежала у него въ головѣ такою же безличною и безъимянною грудою, какъ и книги въ его кабинетѣ, и такой же толстый слой пыли и паутины покрывалъ и эти хаотически-нагроможденныя знанія, которыми онъ, какъ и своими книгами, не могъ и не умѣлъ пользоваться. И мудрено было бы изъ него что либо добыть: и слушателю, и случайному собесѣднику... Даже и при большомъ умѣньѣ допрашивать, извлекать свѣдѣнія и живые факты изъ человѣка, обладающаго такимъ богатымъ запасомъ знанія, какимъ обладалъ Григоровичъ, невозможно было составить изъ этихъ фактовъ что либо связное, полное, удовлетворяющее разумной и естественной любознательтости. Онъ сообщалъ только какіе-то обрывочки, какіе-то лоскутки знанія, безъ всякой послѣдовательности, быстро перескакивая съ одного обрывка на другой, вырванный изъ совершенно иной области, и, послѣ получасовой бесѣды, вдругъ замолкалъ, какъ бы спохватываясь: «не слишкомъ ли ужъ много я сказалъ? да и не сказалъ ли чего нибудь лишняго?»

Въ ту пору, когда я съ нимъ познакомился, онъ, видимо, давно уже пересталъ работать. Ничего не писалъ, почти ничего не читалъ,— и ничѣмъ не интересовался въ близкой ему области знанія. Онъ жилъ весь въ быломъ, жилъ давно-пріобрѣтеннымъ запасомъ свѣдѣній, и къ новѣйшей наукѣ относился съ полнымъ разочарованіемъ, которое тщательно прикрывалъ очень высокопарнымъ и льстивымъ подобострастіемъ.

Къ студентамъ и въ особенности ко всякимъ проходимцамъ изъ славянскихъ земель онъ относился чрезвычайно радушно: каждаго готовъ былъ надѣлить деньгами, даже дать у себя пріютъ и столъ каждому, кто былъ бы въ состояніи вынести его ужъ черезчуръ спартанскій бытъ... Но, въ сущности, онъ никого не любилъ, ни къ кому не относился съ горячей симпатіей, и очень былъ доволенъ, если его оставляли въ покоѣ, въ которомъ онъ и по лѣтамъ, и по всему складу своей натуры очень нуждался. Къ жизни и ея проявленіямъ онъ относился, какъ малое дитя, неразумное и ничего въ житейскихъ отношеніяхъ не смыслящее, — и съ этой стороны можно было бы о немъ сообщить массу удивительно характерныхъ анекдотовъ... Но, въ общемъ, какъ профессоръ и, въ особенности, какъ деканъ факультета, онъ производилъ все же впечатлѣніе очень

тяжелое и служилъ лучшимъ доказательствомъ той несомнѣнной истины, что очень крупный ученый, обладающій массою самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній по своей спеціальности, можетъ быть въ то же время человѣкомъ весьма недальнимъ и совершенно неразвитымъ, даже въ самомъ элементарномъ смыслѣ этого слова. И если мы многимъ дѣятелямъ общественнымъ, литературнымъ и научнымъ прощаемъ многіе ихъ недостатки въ уваженіе ихъ крупнымъ заслугъ и достоинствъ, то, произнося нашъ отзывъ о Григоровичѣ (отзывъ правдивый и неофиціальный), мы бы рѣшительно не знали: что о немъ сказать, въ общемъ выводѣ? Всякія «omnia humana» были ему совершенно чужды; знанія его были и остались его личною неотчужденною собственностью; сношенія съ нимъ были затруднительны, и ни къ чему не приводили, никому не могли принести никакой пользы... Безцвѣтный, безличный, безхарактерный—онъ весь выдохся, опустился и какъ бы замеръ уже и въ той порѣ, когда другіе научные дѣятели только еще входятъ въ настоящую силу... Нужно ли говорить, что онъ и покончилъ свою научную карьеру за много лѣтъ раньше своей смерти.

П. Полевой.

„МЕРЗЛЫЙ РУССКІЙ“

ВЫѢХАЛЪ, по телеграммѣ, къ нему на свиданіе въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ, лежавшихъ на пути его возвращенія изъ Сибири въ Россію, и тамъ дождался его. Мы не видѣлись болѣе двадцати лѣтъ... Какая радость встрѣтить человѣка, котораго давно считалъ мертвымъ и который явился нежданно передъ вами. Онъ заговорилъ знакомымъ голосомъ, сіяя знакомымъ выраженіемъ глазъ и каждымъ поворотомъ своего туловища напоминая все болѣе и болѣе себя самого въ ранней молодости, когда мы оба впервые мысленно тронулись къ отдаленному будущему... Многіе изъ насъ растерялись съ тѣхъ поръ и перемерли; а теперь, подъ старость лѣтъ, какъ-то не вѣрится глазамъ, что съ нѣкоторыми мы опять встрѣтились и опять вмѣстѣ думаемъ и вспоминаемъ ушедшія въ вѣчность лица и событія. Да, это большая радость встрѣтить стараго товарища, и каждая такая радость укрѣпляетъ намъ жизнь.

— А были-то мы, помнишь, Вадимъ, какими молодцами?

— Ну, ты-то былъ какъ спичка, — отвѣтилъ онъ, — а теперь съ животомъ...

— Тоже и ты не безъ лысины...

— Это ужъ тамъ, — отвѣтилъ онъ. — Въ тайгѣ да по тюрьмамъ растерялъ всѣ свои украшенія. Цинга да голодовки... Слава Богу, что желудокъ исправенъ... Зубовъ нѣтъ, да въ Россіи мы вставимъ новые...

Онъ тихо улыбнулся, но мнѣ вдругъ стало его жаль. Чѣмъ болѣе я всматривался въ его блѣдное, съ строгими и правильными чертами, лицо, тѣмъ сильнѣе мнѣ хотѣлось что нибудь для него сдѣлать.

— Нѣтъ, пока мнѣ ничего не надо, — сказалъ онъ. — Все есть... Лѣто посвящу обработкѣ матеріаловъ изъ моихъ путевыхъ впечатлѣній по рѣкамъ Сибири, а осенью буду искать мѣста гдѣ нибудь секретаря при земской управѣ или по статистикѣ... На старости лѣтъ Богъ наказалъ меня дочкой, и надо посвятить остатокъ жизни младенцу.

Въ послѣднихъ словахъ слышалась покорность судьбѣ, но любовная и нѣжная.

— За пятьдесятъ лѣтъ приходится начинать жизнь заново, — сказалъ онъ...

— А прежняя? — воскликнулъ я и пытливо взглянулъ ему въ глаза.

Онъ спокойно отвѣтилъ мнѣ:

— Каждому суждено играть свою роль, и необходимо быть только искреннимъ въ ней. Не дорожить своимъ прошлымъ свойственно однимъ гадкимъ людямъ. Надо любить свое время...

— То-то, Вадимъ, — обрадовался я. — Вѣдь прошлая жизнь сдѣлала наши характеры, и каждому свое дорого... Разскажи мнѣ въ общихъ чертахъ, что произошло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, и ты былъ отправленъ въ Сибирь?

— Ты хочешь знать, — спросилъ онъ: — какъ я былъ на поселеніи слесаремъ, печникомъ, экскурсантомъ, литераторомъ и адвокатомъ въ Якутской области?..

— Да... Разскажи, что переживаетъ въ дикой тайгѣ интеллигентный человѣкъ, и пойдемъ за городъ. Здѣсь душно.

Мы взяли шляпы и скоро вышли на шоссе, по бокамъ котораго тянулся прелестный лѣсокъ. Было еще не поздно, и въ кустахъ неистово пѣлъ соловей поперемѣнно съ криками коростелей по лугамъ.

Мы шли нѣкоторое время молча... Не знаю, думалъ ли Вадимъ о страшномъ противорѣчіи прошлаго идеализма съ безличнымъ мѣстомъ по статистикѣ; но я былъ подавленъ этимъ сравненіемъ.

«Все въ томъ же родѣ и у другихъ», вспомнилось мнѣ, но тотчасъ же нашлось и утѣшеніе въ томъ, что, можетъ быть, эти другіе тѣмъ и милы, что мечты у нихъ не погублены дѣйствительностью и прозой. Можетъ быть!

Соловей пѣлъ такъ сладко въ кустахъ, что и размышлять о жизни хотѣлось лучше, чѣмъ она есть. Заяцъ перебѣжалъ шоссе, то прыгая кверху, то присѣдая на одномъ мѣстѣ и уморительно прислушиваясь по сторонамъ. Кукушки перелетали изъ одной рощи

въ другую, оглашая лѣсъ своеобразнымъ крикомъ, на который онѣ въ эту пору слетаются другъ къ другу.

Налюбовавшись дивнымъ вечеромъ, Вадимъ обратился къ прерванному между нами разговору.

— Помню день, — началъ онъ: — когда намъ объявили въ тюрьмѣ о ссылкѣ въ Сибирь. Никто ничего объ этомъ не подозрѣвалъ, и каждый томился въ своемъ казематѣ. Вдругъ щелкнулъ ключъ въ одномъ изъ замковъ какъ-то особенно, и въ камерѣ послышался голосъ смотрителя болѣе радостный, чѣмъ обыкновенно... Вся тюрьма наполнилась торжествомъ, и всѣ разомъ узнали новость. Мы были рады вырваться изъ централокъ, и переводъ въ Сибирь принимали за свое спасеніе и свободу. Дѣйствительно, мы такъ измѣнились, что едва могли узнать другъ друга и плакали отъ радости, что остались живы и встрѣтились вновь. Разстройство здоровья сказалось тѣмъ, что въ партіи дѣлались то съ однимъ, то съ другимъ нервные припадки. Во время разговора человѣка вдругъ, безъ всякой причины, начинало корчить и гнуть въ разныя стороны. Очевидно, организмъ не выносилъ новыхъ впечатлѣній.

— Да... да... Это понятно! — перебилъ я его. — Послѣ продолжительнаго одиночнаго заключенія я самъ не могъ управлять долгое время на свободѣ даже рѣчью и удержать ея центральный интересъ. Я могъ говорить безостановочно, связывая съ главнымъ содержаніемъ массу подробностей и утомляя ими слушателя. Я отвыкъ мыслить по существу и быть краткимъ въ своей логикѣ. Вслѣдствіе долгаго неупражненія въ одиночномъ заключеніи челюстями, онѣ у меня сильно болѣли на первыхъ порахъ по освобожденіи отъ разговоровъ и споровъ. Нервы мои также не выносили чувствительныхъ драмъ и сценъ въ театрѣ, нѣжнаго пѣнія и чтенія романовъ. Я не могъ удержаться отъ слезъ...

— Все это результаты продолжительнаго одиночнаго заключенія, — согласился Вадимъ. — На каторгѣ гораздо лучше, чѣмъ въ одиночномъ заключеніи... Общежитіе! Работа! Улыбка человѣческаго лица и разговоры!.. Мы досиживали сроки наказанія на Карѣ и потомъ переведены были, кто куда, на поселеніе. Бытъ поселенцевъ нѣкто М. Михайловъ весьма справедливо изобразилъ въ газетѣ «Новое Время». Я сохранилъ его разсказъ и перечитывалъ вчера; вотъ что онъ пишетъ о ссыльныхъ, — произнесъ Вадимъ, развернувъ находившійся у него въ карманѣ номеръ газеты: «Представьте себѣ ссыльно-поселенца, бывшаго ремесленника, мастероваго, я уже не говорю интеллигента, причисленнаго къ какой нибудь отдѣльной волости Сибири, поселеннаго въ глухой деревнѣ, гдѣ и коренные жители еле себя прокармливаютъ, да и то отхожимъ промысломъ, чего причисленный лишенъ, такъ какъ всякая его отлучка на срокъ болѣе 14-ти дней безъ разрѣшенія сельской власти является для него преступленіемъ. Ѣсть между тѣмъ поселенцу надо, онъ ищетъ ра-

боты въ предѣлахъ своей волости и въ большинствѣ случаевъ ея не находитъ. А между тѣмъ кругомъ, въ городахъ, на постройкахъ желѣзной дороги, на почтовомъ трактѣ, на пріискахъ, на заводахъ требуются рабочія руки, есть возможность заработать себѣ и семьѣ кусокъ хлѣба. Естественный результатъ такого положенія тотъ, что поселенцы стремятся въ тѣ центры, гдѣ есть работа. Для этого онъ испрашиваетъ необходимое ему разрѣшеніе на отлучку въ волостномъ правленіи, которое, въ надлежащей мѣрѣ подумавъ, въ большинствѣ случаевъ отказываетъ. Послѣ подобнаго отказа поселенцу остается только своими средствами разрѣшать дилемму: нищенствовать ли въ предѣлахъ своей волости, или работать за этими предѣлами. Всякій не въ конецъ испорченный преступникъ, безъ сомнѣнія, избираетъ послѣднее, а это послѣднее побѣгъ и наказаніе за него плетьми и водвореніе на прежнее мѣсто жительства. Но положеніе его вѣдь отъ этого не измѣняется и, оставаясь въ прежнихъ условіяхъ, онъ вынужденъ и дѣйствовать по-старому. Его бьютъ опять и опять водворяютъ. Наконецъ, въ третій разъ, познакомившись основательно съ плетьми, онъ попадаетъ на каторгу, отбывъ срокъ которой, станетъ опять поселенцемъ съ прежними преимуществами. Словомъ каторга, поселеніе, плети—это заколдованный кругъ, изъ котораго добрая часть ссыльно-поселенцевъ не выходитъ. Теперь спрашивается, за что, строго говоря, такой поселенецъ подвергается переименованнымъ наказаніямъ. Били ли его за закоренѣлую преступную волю, за новое ли тяжелое злодѣяніе? Нѣтъ, его били за старое преступленіе, потому что не назвать же, по совѣсти, побѣгъ, о которомъ идетъ рѣчь, преступленіемъ».

Прочитавъ эти отрывки изъ газетной статьи, Вадимъ перешелъ къ своей собственной участи и сказалъ:

— Моя судьба сложилась благопріятнѣе, вслѣдствіе того, что въ Карійскихъ мастерскихъ я выучился разнымъ ремесламъ и пріѣхалъ въ Якутскую область уже недурнымъ столяромъ.

— Ты былъ сосланъ туда?

— Да.

— Мнѣ крайне интересны твои первые шаги... узнать, какъ устраиваются русскіе интеллигенты въ отдаленной ссылкѣ.

— Мы были сосланы вдвоемъ съ товарищемъ,—продолжалъ онъ.—Послѣдній предпочелъ улусную жизнь и остался съ якутами рыбу ловить, загонять съ собакой звѣря на утесы и бить его тамъ... Иногда онъ уходилъ въ камни Верхоянскаго хребта и отводилъ душу среди примитивныхъ тунгусовъ; то убивалъ время въ разбросанныхъ на десятки и сотни верстъ стойбищахъ, сроднившихся съ нимъ, Верхоянскихъ якутовъ, обездоленныхъ до крайности и живущихъ еще при условіяхъ допотопнаго порядка. Но чаще онъ осѣдалъ на полудесятинномъ участкѣ пахоты, въ самой сѣверной части Якутскаго округа, на берегу рѣки Алдана. Оттуда онъ писалъ

въ сибирскія изданія объ упроченіи здѣсь приполярнаго земледѣлія, въ виду вытѣсненія скотоводническихъ и охотничьихъ промысловъ у инородцевъ приближающимися къ нимъ желѣзнодорожными путями и пароходнымъ движеніемъ, съ будущими золотыми пріисками и превращеніемъ хозяевъ-инородцевъ въ пріисковыхъ пролетаріевъ и пропойцъ... А въ захолустныхъ городахъ и урочищахъ приходилось ему быть и врачемъ, и администраторомъ. Тамъ, въ какой нибудь Чурунчѣ, еще съ 60-хъ годовъ не переводились колоніи ссыльныхъ, и на каждаго изъ нихъ принято издавна смотрѣть, какъ на врача. Всякій изъ нихъ зналъ что нибудь по патологіи и терапіи, а главное, вмѣсто латинской кухни, могъ дать бѣдняку-паціенту какой нибудь питательный экстрактецъ. Отсюда истекала слава врачей... Курьезная была его жизнь въ приполярной тайгѣ. На его попеченіи не разъ были мѣстная больница, казенная сельскохозяйственная ферма, а однажды онъ имѣлъ на своихъ рукахъ всѣ дѣла, кассу и имущество администраціи. Исправникъ былъ въ далекой окраинѣ, а помощникъ умеръ у него на рукахъ. Volens-nolens, при его всестороннихъ познаніяхъ, онъ былъ всюду нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ. Одно не удалось ему—коммерція... Зная силу денегъ и необходимость въ нихъ для своихъ земледѣльческихъ опытовъ, онъ въ означенномъ смыслѣ принялъ на себя содержаніе станцій по Верхне-Колымскому тракту на протяженіи около 1.000 верстъ. При этомъ онъ мечталъ пріурочить къ почтовымъ станціямъ и сельскохозяйственныя... Но, увы, оказалось, что для успѣха всякой коммерціи необходимо здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, быть способнымъ къ кулачеству... Пьяные ямщики теряли ввѣренныхъ имъ животныхъ, крали упряжь и т. д. Преслѣдовать ихъ судомъ было некогда и не охота, а обстоятельства складывались все болѣе и болѣе неблагопріятно. Эпизоотія истребила сотни оленей; лѣсные пожары уничтожили по тракту подножный кормъ; пошли неурожаи сѣна и т. д. Онъ геройски выносилъ борьбу и наконецъ остановился на главной своей работѣ, выразившейся въ устройствѣ имъ опытныхъ участковъ въ микроскопическихъ размѣрахъ и въ различныхъ мѣстахъ; вывозомъ хлѣбныхъ сѣмянъ и картофеля въ Верхоянскъ и доставкою туда же земледѣльческихъ орудій. Находя въ приполярномъ земледѣліи спасеніе массъ отъ обнищанія и вымиранія, онъ изъ всѣхъ силъ старался привлечь таежную интеллигенцію къ этому насущному дѣлу и сильно горевалъ, что дѣятели географическаго отдѣла, члены сибиряковскихъ экспедицій, составители «Памятной книжки Якутской области за 1896 годъ» и мѣстная администрація остаются глухи къ его проповѣди о приполярномъ земледѣліи и работаютъ надъ вопросами, по его мнѣнію, какъ бы отрѣшенными отъ существенныхъ нуждъ края. Мало утѣшительными казались ему предпринимаемыя экскурсіи на родину Будды и изученіе монгольскихъ надписей, геологическія раскопки гробницъ или проекты о возрожденіи скотоводства

на раціональной почвѣ, съ ветеринарами, скотоводной близъ Якутска фермою и цѣлымъ рядомъ случныхъ пунктовъ. Земледѣлію же, только какъ подспорному промыслу, придавали при этомъ значеніе при веденіи его на научныхъ раціональныхъ началахъ, подъ руководствомъ, подготовленныхъ въ особой спеціальной школѣ, мѣстныхъ спеціалистовъ.

— О, да,—перебилъ я Вадима.—Я помню, онъ мнѣ самому писалъ о представленныхъ въ Петербургъ проектахъ объ увеличеніи числа ветеринаровъ не одного, какъ теперь, на всю область, но по одному на каждыя округи; объ открытіи скотоводческой фермы и земледѣльческой школы съ просьбой ассигновать на это отъ казны около 30.000 рублей. Но зная отлично, что 65—80% Якутскаго населенія живетъ впроголодь, онъ понималъ невозможность, безъ болѣе широкихъ, общихъ реформъ, перехода отъ заступа къ сохѣ, отъ ножа къ серпу, отъ приложенія собственныхъ рукъ къ приложенію животной силы и воздержанію отъ потребленія того зерна, которое необходимо на посѣвы. Немыслимы также и работы на себя при закабаленности бѣдняковъ богатымъ скопцамъ и тойенамъ изъ якутовъ. Во многихъ письмахъ ко мнѣ онъ говоритъ, что, конечно, каждый экспертъ прекрасно понимаетъ, что, при громадныхъ пространствахъ каждой изъ сибирскихъ округъ, увеличеніе числа ветеринаровъ не имѣетъ ровно никакого значенія для массы населенія; но каждый изъ нихъ, съ другой стороны, отлично знаетъ, что для него, какъ состоятельнаго и могущаго «отблагодарить», совѣтъ и помощь ветеринара, въ случаѣ какой напасти, могутъ быть и небезполезны. Знаютъ хорошо эксперты и то, что «случные пункты» для плебса точно также безполезны: какъ бы ни былъ породистъ скотъ, но если кормить его нечѣмъ, то все равно онъ или околѣетъ, или уйдетъ за безцѣнокъ ему же, эксперту, какъ болѣе могутному, и что, наоборотъ, для нихъ, болѣе могутныхъ тойеновъ, имѣющихъ непосредственное дѣло съ рынкомъ сбыта, улучшеніе крови ихъ скота — дѣло не безвыгодное. Ясно, наконецъ, для нихъ и то, что юные спеціалисты-скотоводы и земледѣльцы, получившіе образованіе въ проектируемыхъ школахъ, могутъ найти приложеніе своихъ званій только въ болѣе или менѣе широкихъ и сильныхъ капиталомъ хозяйствахъ. Постановка этихъ хозяйствъ, при помощи означенныхъ спеціалистовъ, на болѣе раціональную почву можетъ избавить ихъ отъ зависимости въ сферѣ соглашенія съ рабочимъ плебсомъ въ страдную пору, а, слѣдовательно, можетъ еще болѣе развязать имъ руки для загребанія труда и имущества того плебса на свое благоутробіе. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы плебсъ, не имѣя пищи на время страдной поры, или даже средствъ на серпъ или соху, могъ мечтать о какой либо улучшенной системѣ земледѣлія... Государственнымъ путемъ, а не покупками черезъ банкъ или уроками на фермѣ можно помочь ему. Преслѣдуя свои личные инте-

ресы, дѣльцы-тойены поддерживаютъ и остальные проекты администраціи: «открытіе ссудо-сберегательныхъ кассъ» и «организацію общественныхъ подрядовъ по перевозкѣ тяжестей». По идеѣ, оба проекта должны привести къ благотворнымъ результатамъ, имѣютъ въ основѣ очень либеральныя и честныя тенденціи... Но дѣльцамъ, какъ и изслѣдователямъ, прекрасно извѣстна не одна казовая, но и изнанковая сторона дѣла... Въ «Восточномъ Обозрѣніи» уже было указано, какъ эти общественные подряды обратились въ подряды общественныхъ главарей, мѣстныхъ пауковъ-мизгирей. А еще вопросъ, когда подряды выгоднѣе для плебса: тогда ли, когда они организуются кулаками, стоящими внѣ общества, или тогда, когда фактически они орудуются главарями тойенами-собственниками... Никогда членъ плебса не можетъ быть такимъ безгласнымъ, порабощеннымъ рабомъ подрядчика — посторонняго кулака, какимъ онъ является предъ собственнымъ тойеномъ. И вотъ тойены-эксперты, прекрасно понимая это, энергично поддерживаютъ либеральный проектъ извѣстныхъ помпадуровъ и самодовольно потираютъ себѣ руки, предвкушая кусокъ вкуснаго пирога на почвѣ закона и благодѣянія бѣдствующей массы. Что касается до ссудныхъ кассъ, то исторія ихъ хорошо извѣстна всюду... Капиталъ ихъ обыкновенно разбирается бѣдняками, но именно не иначе, какъ на уплату своихъ кабальныхъ долговъ тойенамъ. И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ не выгодно для этихъ тойеновъ, которые будутъ орудовать кассами, забравъ въ карманъ всю кассу, вложить въ нее кабалы бѣдняковъ, вмѣсто того, чтобы держать эти кабалы на свое имя въ своихъ шкатулкахъ... Понятно, никто изъ экспертовъ-дѣльцовъ не врагъ себѣ; для нихъ нѣтъ никакого резона обратить вниманіе администраціи на полную безплодность ея проектовъ для блага массы—для голодающаго плебса. Гдѣ же знать таежной администраціи, что въ Европейской Россіи періодъ подобныхъ «благихъ» мѣропріятій уже отжилъ свою кульминаціонную точку. Отрицательное къ нимъ отношеніе замѣтно усиливается даже въ средѣ спеціалистовъ-хозяевъ, склонившихся къ мысли, что, при бѣдности и нищетѣ населенія, поднять расшатавшееся народное благосостояніе сельско-хозяйственная педагогія не можетъ, что «организацію крестьянскихъ хозяйствъ не улучшатъ хотя бы милліоны воспитательно-образовательныхъ учрежденій, пока, цѣлымъ рядомъ коренныхъ реформъ и мѣропріятій чисто экономическаго характера, народная жизнь не будетъ направлена по другому, болѣе здоровому и надежному руслу». (журналъ «Хозяинъ»). Не обязательно, можетъ быть, для таежной администраціи быть знакомой хотя бы съ мнѣніемъ А. С. Ермолова, по словамъ котораго «масса населенія находится въ такомъ положеніи, при которомъ всѣ мѣры, направленныя непосредственно къ улучшенію техники земледѣлія, не имѣютъ подъ собою почвы...» и что подъемъ производительности земледѣлія (сказано въ отчетѣ министра земледѣлія) и созданіе благопріятной эко-

номической обстановки для сельскаго хозяйства, промышленности находятся въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій». Такъ ссылался нашъ другъ на многочисленные авторитеты и удивлялся, что канцелярскіе проекты нашли себѣ поддержку и опору въ научныхъ якобы изслѣдованіяхъ сибирскихъ экскурсантовъ и сотрудниковъ «Памятной книжки». Онъ горячо ратовалъ противъ нихъ и всей атмосферы, въ которой приходилось ему дышать и гдѣ естественно не могли найти опоры его еретическія мнѣнія по вопросу о поддержкѣ земледѣлія, какъ основного и необходимаго промысла въ приполярномъ краѣ. Убѣдившись, что завѣдуемая имъ образцовая ферма служитъ лишь загородной дачей для аристократіи и безцѣльна въ смыслѣ полевой культуры, нашъ рыцарь отказался отъ веденія ее въ такомъ видѣ, предложивъ закрыть оную, а взамѣнъ того открыть на имѣющейся при ней особой дачѣ—спеціально полевое хозяйство съ цѣлью, путемъ подбора мѣстныхъ сѣмянъ, культировать болѣе выносливые сорта полезныхъ растеній не только для Якутской округи, но, главнымъ образомъ, для сѣверныхъ окраинъ. Ферма закрыта, а послѣднее предложеніе отвергнуто, такъ какъ скопцы — эти якобы авторитеты въ дѣлѣ земледѣлія — вносятъ достаточно благодѣтельнаго примѣра для Якутской округи, а земледѣліе въ сѣверныхъ округахъ не признаютъ возможнымъ. Между тѣмъ, нашъ товарищъ все болѣе и болѣе заручался фактами о полной возможности культуры разныхъ полезныхъ растеній (падалки-ярицы, ячменя, овса, конопли и даже гречехи) подъ 64° с. шир. и составилъ альбомъ препарованныхъ растеній въ различные періоды ихъ развитія, коллекціи зеренъ, таблицы съ измѣреніями, рисунками, подсчетами, взвѣшиваніями и т. д. Но и администрація, и ученые члены «отдѣла» остались ко всему глухи.

Вадимъ внимательно выслушалъ мой разсказъ о необыкновенно разнообразной дѣятельности на краю свѣта нашего общаго друга и мягко замѣтилъ о немъ:

— Доказывая возможность земледѣлія, онъ увлекался имъ въ такой мѣрѣ, что сталъ научно и достаточно обоснованно пропагандировать необходимость «приполярнаго земледѣлія» повсемѣстно, а не только оазисами въ зависимости отъ горъ, теченія рѣкъ и вѣтровъ. По моему же мнѣнію, сибирская природа представляетъ иногда природныя теплицы, согрѣваемыя въ глубинѣ горъ солнцемъ, и въ такихъ мѣстахъ, разумѣется, земледѣліе допустимо; но тотчасъ же за такими теплицами тянутся холодныя пространства, и тамъ ничего не вызрѣваетъ. Фанатически преданный идеѣ приполярнаго земледѣлія, онъ не замѣчалъ преувеличенности этого громкаго дѣла по самому его выраженію. Во всякомъ случаѣ изслѣдованія «природныхъ теплицъ» и земледѣльческіе опыты оазисами могутъ только помочь общей идеѣ о приполярномъ земледѣліи, нужной особенно теперь для инородцевъ съ угасаніемъ среди нихъ скотоводства,

охотничьихъ промысловъ и развитіемъ въ Сибири пароходства, желѣзныхъ дорогъ и золотопромышленности. Какъ только вышелъ на волю мой товарищъ — и твой также — нашъ товарищъ... такъ сейчасъ же его труды по приполярному земледѣлію обратили на себя вниманіе, и часть ихъ напечатана въ журналѣ министерства земледѣленія и государственныхъ имуществъ: «Сельское хозяйство и лѣсоводство» за іюль 1897 года.

II.

— Ну, а ты? О себѣ что ничего не говоришь?..

— Я пріѣхалъ въ уѣздный городишко ссыльно-поселенцемъ и тотчасъ же получилъ подрядъ сдѣлать новую мебель въ больницу. Столярничалъ, однако, я недолго, такъ какъ городъ небольшой, и спросъ на мой трудъ былъ ограниченъ. Тѣмъ не менѣе, первый конь былъ купленъ мною на деньги, вырученныя за столы и кровати. Съ конемъ я уже могъ предпринять поѣздки и расширить свои связи и знакомства среди якутовъ. Нужно сказать, что послѣдніе очень любятъ судиться... Большіе сутяжники! Они сами навели меня на мысль объ адвокатурѣ. Мнѣ постоянно приходилось выслушивать ихъ между собой жалобы и произносить рѣшенія, принимаемыя сторонами всегда охотно. Я былъ безпристрастенъ, и якуты, зассорившись между собою, часто говорили: идемъ къ Вадиму судиться... А судились они между собою постоянно... Можно подумать, что они правдолюбцы, но, кажется, сутяжничали больше отъ скуки... для лишняго волненія крови въ холодной тайгѣ. У нихъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ я жилъ, существуетъ обычай одаривать хозяина: гость привозитъ съ собою вино и угощаетъ имъ хозяина; иногда даже даетъ хозяину денегъ. А тотъ, въ свою очередь, на прощаньѣ, привязываетъ къ санямъ гостя новаго коня, либо оленя и т. д. Въ этомъ случаѣ якуты удивительно правильно ведутъ счеты: кто у кого сколько разъ былъ, что кому привезъ въ подарокъ, что получилъ въ обмѣнъ и кто кого и насколько обдулъ. Счеты иногда тянутся за цѣлые годы, и мнѣ не разъ приходилось распутывать ихъ и подводить итоги подаркамъ. Тяжущіеся были мною довольны и выражали свою благодарность тоже вещественными доказательствами. Послѣ домашнихъ судовъ, я уже бралъ дѣла для защиты въ правительственныхъ судахъ и всегда выигрывалъ по той простой причинѣ, что никогда не бралъ безчестныхъ и сомнительныхъ дѣлъ. Чистыя дѣла я защищалъ и былъ извѣстнымъ адвокатомъ.

Вадимъ засмѣялся, когда иронически произнесъ:

— Какъ быстро передѣлалъ я въ городѣ мебель, также быстро пересудилъ и частныя дѣла. Нужно было думать о новомъ заработкѣ.

— А какъ, — перебилъ я его, — относились жители города къ тому, что ты занимаешься чернымъ физическимъ трудомъ? Я слышалъ, что богатый якутъ презираетъ трудъ и никогда самъ ничего не сдѣлаетъ для себя, если можетъ поручить работу другому.

— Это правда. Богатые якуты презираютъ трудящихся и эксплуатируютъ ихъ. Ну, а къ намъ они относились, точно къ сектантамъ. Намъ, по ихъ мнѣнію, все допустимо... Мы иностранцы среди нихъ и можемъ что угодно дѣлать, съ насъ нѣтъ спросу, и мы ничѣмъ не удивимъ... Однако, все-таки...

— Что? Ты удивилъ и ихъ?

— Кажется, что удивилъ, когда взялся за печное дѣло.

— Ты былъ печникомъ?

— Акушеромъ быть неоднократно приходилось,—разсмѣявшись отвѣтилъ онъ.

— Значитъ, на всѣ руки? И швецъ, и жнецъ, и на дудѣ игрецъ?

— О, съ музыкой я бы далеко ушелъ... Къ сожалѣнію, я зналъ ремесла, а не искусства. Пришлось взяться за печное мастерство. Купилъ я себѣ домъ за 75 рублей и пожелалъ его расширить. Прикупилъ амбаръ за 30 рублей и сдѣлалъ изъ него пристройку. Не домъ, а домина получился, но отапливать его я не зналъ какъ... Нужно тебѣ сказать, что въ городахъ Якутской области жилыя строенія отапливаются лучистымъ тепломъ, какъ у насъ при каминной системѣ. При этомъ 90 процентовъ тепла уходитъ изъ трубы на дворъ, а 10 процентовъ остается въ комнатахъ; между тѣмъ при печной системѣ, при нашихъ голландкахъ, нагрѣваются стѣны, и стѣны уже испускаютъ тепло до 90 процентовъ въ комнаты. Якутскіе камельки въ домахъ — тѣ же камины: всегда холодно, а дровъ идетъ страшно много. Мнѣ было не рука такъ строиться и класть въ домѣ камельки. Задумался я и все старался припомнить кладку русскихъ печей, какъ онѣ у насъ кладутся, и на чемъ основано сбереженіе тепла.

— Любопытно, — произнесъ я. — Какимъ оказался ты математикомъ?

— Смѣялись надо мной якуты много, когда я сталъ вбивать колышки, чтобы оградить пространство для дома.

— Куда такой большой домъ?— спрашиваютъ они, узнавъ значеніе колышковъ.—Ты замерзнешь въ немъ. У насъ маленькіе дома, и то холодно.

— Вы, отвѣчаю, тратите въ день три четверти сажени дровъ, а я и одну четверть не сожгу.

Смѣются и не вѣрятъ.

— «Мерзлый русскій», говорятъ, что̀ значитъ — соображать не умѣетъ человѣкъ; какъ мерзлый, разсуждаетъ и ничего не умѣетъ дѣлать.

— Ну, продолжай...

— Послѣ того, какъ я набилъ колышки, начертилъ планъ комнатъ, приступилъ къ самому трудному.

— Гдѣ же у тебя камельки-то? — спрашиваютъ якуты и хохочутъ, когда узнали, что я безъ нихъ строю домъ.

— Мерзлый русскій!

— Да... Мерзлый. Что-то въ родѣ дурака. Часто приходили они ко мнѣ на работу: посмотрятъ на меня, скажутъ «мерзлый русскій» и безнадежно отойдутъ прочь. Вѣдь у васъ, говорю имъ, отчего холодно? Въ камелькахъ горизонтальный ходъ для пламени по одному углу, и потомъ пламя почти напрямикъ вверхъ идетъ въ трубу?

— Да, мало задерживается,—соглашаются болѣе толковые изъ нихъ.

— А вотъ у меня будетъ мѣсто для топки, печь съ шестью вертикальными оборотами и уже седьмая труба... Чѣмъ болѣе оборотовъ, тѣмъ пламя медленнѣе вылетаетъ. Огонь и дымъ въ шести вертикальныхъ колодцахъ, соединенныхъ коридорчиками въ оборотахъ... Девяносто процентовъ тепла остается въ домѣ, а десять процентовъ уйдетъ въ седьмую трубу.

— Не будетъ такъ,—смѣются якуты.—Камельки, а не твои печи нужны тутъ... Мерзлый русскій!

— Такъ вы и спорили между собой?

— Такъ и спорили, пока не наступили морозы, и я не затопилъ свою печь... Тепла набралось у меня въ домѣ столько, что всѣ якуты сбѣжались ко мнѣ грѣться и хвалили мою топку. Съ тѣхъ поръ сталъ я печникомъ извѣстнымъ. Въ одинъ годъ заработалъ пять сотъ рублей и построилъ печи въ больницѣ, управѣ и у частныхъ жителей.

— Молодецъ Вадимъ,—воскликнулъ я и не безъ зависти взглянулъ на его высокую и стройную фигуру, несмотря на то, что онъ былъ старше меня.

— Не совсѣмъ молодецъ, — поправилъ онъ меня. — Глина-то у насъ плохая, и кирпичи изъ нея выходили не важные. Печь держалась не больше трехъ лѣтъ... Наконецъ, всякіе реприманды въ природѣ озадачивали меня не одинъ разъ. Нужно тебѣ сказать, что дома въ Якутской области безъ крышъ...

— Какъ безъ крышъ?

— Ну, чего ты изумляешься? Безъ крышъ. А просто потолокъ засыпанъ землею, а на ней снѣгъ. Весной снѣгъ сбрасываютъ, а зимой потолокъ подъ снѣгомъ не промерзаетъ и штукатурка внутри не мокнетъ, понялъ?

— Ладно. Дальше.

— Въ одной только больницѣ была крыша,—продолжалъ онъ...— Вдругъ прибѣгаютъ ко мнѣ и объявляютъ, что выведенная мною въ больницѣ печь никуда негодна, и самъ я вижу, что дымъ нейдетъ въ трубу, а валитъ въ комнаты. Что за исторія? Полѣзъ на

крышу и вижу, что мою трубу законопатило внутри ледянымъ ядромъ. Насилу пробилъ ледяную, вмѣстѣ съ глиной, пробку желѣзнымъ ломомъ.

— Что же это такое?

— А видишь, въ чемъ тутъ дѣло. Люди практики всегда чрезвычайно умны. Я смѣялся надъ камельками, а есть большой смыслъ въ этой системѣ въ холодномъ и суровомъ краѣ. Если избы безъ крышъ, то и трубы низкія. Огонь сразу обогрѣваетъ трубу и не даетъ ей промерзать. Больница же имѣла крышу, печь была съ большою трубой, и труба всегда промерзала. При топкѣ она оттаивала, и по ней струилась вода, размягчая глину плохихъ кирпичей. Когда образовался на стѣнкахъ трубы рубецъ, то пошли одинъ за другимъ новообразованія, и въ одинъ морозный день получилась массивная пробка, черезъ которую дымъ пройти уже не могъ. Я поправилъ горе тѣмъ, что догадался вставить въ кирпичную трубу желѣзную... Въ другой разъ тоже приполярная природа подшутила со мной въ моемъ собственномъ домѣ. Замѣтилъ я, что печь у меня погружается въ почву. Что за оказія? Насилу догадался, что подъ маленькими камельками-то почва не оттаиваетъ, а у меня подъ огромной печкой она оттаяла и не выдержала фундамента. Надо было перестраивать основаніе печи, пропуская подъ нее коридорчики съ воздухомъ и препятствуя, такимъ образомъ, оттаиванію земли. Словомъ, надо было всюду открывать Америку своимъ умомъ, и я торжествовалъ только послѣ многихъ мучительныхъ часовъ.

— Совсѣмъ Робинзонъ!—подумалъ я.

Мужественное и умное лицо Вадима свидѣтельствовало, что онъ способенъ преодолѣвать многочисленныя препятствія спокойно, не теряя своего благодушнаго настроенія. Онъ разсказывалъ исторію своей жизни съ такимъ объективизмомъ, точно читалъ повѣсть посторонняго автора о тайговой жизни русскихъ интеллигентовъ, и мирился съ своей долею совершенно такъ же, какъ самые счастливые смертные. Мы шли по шоссе долгое время и не замѣчали окружающей сырости.

— Не пора ли повернуть?—сказалъ наконецъ я, обративъ вниманіе на свои мокрые усы и бороду.

— Пройдемся еще до слѣдующей сопки.

— Ну, хорошо... Чѣмъ же кончилась твоя Одиссея послѣ печничества?

— Послѣ я писалъ разныя статейки въ мѣстныя сибирскія газеты и получалъ гроши; но важнымъ событіемъ было приглашеніе меня членомъ экспедиціи, снаряженной Сибиряковымъ, для изслѣдованія нѣкоторыхъ вопросовъ въ Якутской области. Эти экскурсіи по рѣкамъ и горамъ извлекли меня изъ ссыльнаго города, а иркутскій отдѣлъ географическаго общества отстоялъ мое право жить въ г. Иркутскѣ для обработки собраннаго мною матеріала. Такъ за одно

это, что многіе изъ насъ выбрались изъ ссыльныхъ мѣстъ на свѣтъ Божій при помощи сибиряковскихъ экспедицій, слѣдуетъ быть имъ благодарными.

— Это личное дѣло, Вадимъ. Вотъ упоминаемый нами пріятель находитъ, что экскурсанты были бы гораздо полезнѣе для его приполярнаго земледѣлія, чѣмъ для антропологическихъ или геологическихъ наблюденій среди инородцевъ.

— Онъ и тутъ былъ въ основѣ правъ... Но пока жизнь на второмъ планѣ, лучше заниматься наукой, чѣмъ одними спорами да водкой, къ которой люди нерѣдко прибѣгаютъ въ ссылкѣ. Правда, онъ укорялъ экскурсантовъ тѣмъ, что они тѣ же «колонисты» на Карѣ: послѣдніе потихоньку отъ товарищей отправлялись къ нахальству за милостями и выходили раньше срока на поселеніе, а въ ссылкѣ экскурсанты стали культуртрегерами либо въ административныхъ видахъ, либо съ мертво-научными цѣлями... Но надо понять это явленіе. «Колонисты» появлялись въ тюрьмѣ въ моменты упадка общественной жизни на волѣ. Страдать легко, если есть вѣра и солидарные съ нею люди; но когда и на волѣ ихъ нѣтъ, то это отражается и въ тюрьмѣ. Тѣшить себя самихъ муками не всѣмъ хочется, и заключенные просились и уходили на волю. Дурно въ этомъ только то, что дѣлались эти уходы потихоньку отъ товарищей, а вѣдь можно было съ сохраненіемъ достоинства идти на поселеніе, если не было болѣе нравственной солидарности съ тюрьмой и были свои собственныя и искреннія убѣжденія. Точно также и въ ссылкѣ: пока общіе вопросы не были заслонены практическими занятіями, типъ ссыльно-поселенца не измѣнялся; но какъ только администрація допустила ссыльно-поселенный элементъ къ мѣстнымъ задачамъ, такъ и поселенцы стали придавать значеніе мѣстнымъ интересамъ и посвящать себя культурной миссіи. При безучастіи въ мѣстной жизни, намъ было рѣшительно все равно: заведутъ ферму или нѣтъ; назначеніе того или иного чиновника никому не казалось важнымъ. Прежде даже думалось, если чиновникъ пьяница, тѣмъ лучше; а теперь мы знаемъ, что онъ испортитъ дѣло, которое нами изучено и изслѣдовано. Культуртрегеры изъ насъ невольно вступили въ союзъ съ администраціей, и этому въ значительной степени содѣйствовали сибиряковскія экспедиціи и отдѣлы географическаго общества. Тому, къ чему мы раньше относились скандачка или равнодушно, теперь стали придавать значеніе, и нельзя сказать, чтобы все сводилось къ прославленію «просвѣщеннаго администратора»... Эта крайность осуждалась лучшими экскурсантами. Тѣмъ не менѣе, нашъ общій другъ былъ правъ совершенно, когда хотѣлъ, чтобы культуртрегерскія задачи были болѣе живыми и менѣе въ области Монголіи съ изученіемъ череповъ вымершихъ инородцевъ; чтобы ссыльно-поселенный элементъ хлопоталъ о дарованіи имъ правъ на болѣе тѣсную связь съ интересами коренного насе-

ленія, и тогда бы интеллигентные ссыльные прониклись истинно культурными и насущными задачами края. Я вѣрю, что въ будущемъ высшая администрація сама придетъ къ такому рѣшенію о таежныхъ интеллигентахъ и воспользуется ими для блага приполярнаго края, и тогда уже нельзя будетъ упрекать культуртрегеровъ тѣмъ, что они занимаются пустяками.

Мы подходили къ городу, и я поторопился спросить моего спутника:

— Теперь ты получилъ право жить въ Россіи, но скоро ли ты разсчитываешь получить работу?

— Не знаю. Не къ кому обратиться...

На этомъ разговоръ нашъ нѣсколько затянулся, и въ городъ мы вернулись тогда, когда время уже близилось къ приходу ночного поѣзда, съ которымъ я долженъ былъ ѣхать обратно домой.

— Черезъ двое сутокъ буду у себя въ Петербургѣ,—произнесъ я,—дай Богъ и тебѣ устроиться поскорѣе...

Вадимъ обнялъ меня и бодро отвѣтилъ:

— Мы, жители дикой тайги, вновь допускаемые къ жизни, нетребовательны и миримся съ возможнымъ минимумомъ.

Въ вагонѣ желѣзной дороги, простившись съ Вадимомъ, я не переставалъ думать о дальнѣйшей судьбѣ «мерзлаго русскаго» и не могъ не чувствовать за него тихой радости и гордости.

А. Фаресовъ.

ОТЪ ТИХВИНА ДО ВЕСЬЕГОНСКА.

(Путевые наброски).

I.

По Устюжскому тракту.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору немало взяла ты у Бога;
Ты вдаль протянулась, пряма, какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла.

И. С. Аксаковъ.

ОТЪ и лошадки вамъ готовы,—заявилъ монахъ-гостиникъ Тихвинскаго монастыря, входя въ нашъ номеръ,—ямщикъ надежный, жаль только, погода-то не совсѣмъ благопріятствуетъ.

Дѣйствительно, небо было сплошь покрыто сѣрыми дождевыми облаками.

— Куда же теперь, если смѣю спросить, изволите направляться?—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да думаемъ въ Весьегонскъ, а потомъ въ Мологу.

— Это значитъ на Сомину, на Устюжну? Изъ любопытства изволите путешествовать?

— Изъ любопытства. Хотимъ вдоль вашей Тихвинской системы проѣхать. Вотъ здѣсь ее посмотрѣли, въ Соминѣ взглянемъ...

Гостиникъ махнулъ рукою.

— Что наша система,—заговорилъ онъ;—ничего не осталось! Вотъ у насъ монахъ одинъ, тридцать четыре года въ обители жи-

ветъ, такъ сказывалъ мнѣ по опыту. Прежде, говоритъ, ходили здѣсь тысячи; лѣтъ пятнадцать назадъ еще сотни ходили, а теперь какіе нибудь десяточки пройдутъ. Заглохла совсѣмъ наша система,— все въ Маріинскую ушло!

Вошелъ ямщикъ за вещами, и мы стали прощаться съ любезнымъ хозяиномъ.

— Да мало погостили-то, — сожалѣлъ онъ: — въ другой разъ пріѣзжайте наподольше. У насъ тутъ хорошо! Много вашихъ питерскихъ пріѣзжаетъ.

Мы поблагодарили и усѣлись въ тарантасъ.

Лихая тройка бойко подхватила экипажъ и понесла насъ мимо каменной монастырской стѣны. Мы взглянули въ послѣдній разъ на протекающую подъ монастыремъ рѣку Тихвинку, на шлюзъ, подпирающій ея воды для удобства судовъ, идущихъ по системѣ, взглянули на мѣста, обагренныя кровью русскихъ и шведовъ во время достопамятной осады Тихвинскаго монастыря войсками Делагарди, въ 1614 г., и вскорѣ выѣхали на большую дорогу, идущую отъ Тихвина на Устюжну и Весьегонскъ.

Поднявшись на пригорокъ, мы еще разъ оглянулись назадъ, на Тихвинъ. Сравнительно съ окружающею его мѣстностью, городокъ лежитъ, въ низинѣ и съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, почему основатели его не выбрали мѣста повыше и посуше. Но взглядъ на бѣлѣющія вправо отъ города стѣны монастыря напоминаетъ исторію возникновенія города. Въ концѣ XIV вѣка вся мѣстность, на которой находится теперь Тихвинъ, представляла собою одну сплошную, непроходимую дебрь, словомъ, такое мѣсто, гдѣ, по словамъ лѣтописца, «не точію человѣкомъ, но и звѣремъ земнымъ жилище тогда не обрѣташеся, понеже блатно бѣ и равностію необдержимо и никакоже отнюдь стройно». Когда, въ 1383 г., здѣсь, на болотистомъ берегу Тихвинки, остановилась пришедшая отъ Ладожскаго озера явленная икона Богоматери, съ тѣхъ поръ ставшая извѣстною подъ именемъ Тихвинской, около храма построеннаго въ честь св. иконы, начали селиться люди, и возникъ поселокъ, получившій названіе Пречистенскаго на рѣкѣ Тихвинкѣ. Съ устройствомъ монастыря въ 1560 г., частные дома были отнесены отъ храма за версту, и изъ этого поселка образовался, съ теченіемъ времени, монастырскій посадъ, превратившійся, въ 1773 г., въ уѣздый городъ Тихвинъ, волею императрицы Екатерины II, въ честь которой главная улица города названа Екатерининскою.

Дорога легкимъ подъемомъ шла все выше въ гору. На третьей верстѣ передъ нами среди зелени забѣлили невысокія стѣны Николо-Бесѣдной обители, расположенной направо подлѣ самаго шоссе.

Исторія этой обители тѣсно связана съ исторіею Тихвинскаго чудотворнаго образа. Древнее сказаніе повѣствуетъ, что когда на Тихвинкѣ, въ честь появленной иконы, срубили деревянный храмъ,

былъ посланъ въ окрестныя мѣстности нѣкій благочестивый человѣкъ, пономарь Георгій,—или, по тогдашнему, Юрышъ,—съ извѣщеніемъ о предстоящемъ освѣщеніи храма. Исполнивъ порученіе, Юрышъ возвращался домой и наканунѣ Успеньева дня былъ уже недалеко отъ Тихвинки, какъ вдругъ, подходя къ мѣсту, гдѣ нынѣ находится Бесѣдный монастырь, ощутилъ разлитое въ воздухѣ необыкновенное благоуханіе. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ и увидѣлъ яркій свѣтъ, сіявшій между деревьями. Юрышъ пошелъ на свѣтъ, и глазамъ его, вся окруженная лучами свѣта, предстала сама Богоматерь. Она сидѣла на сосновой колодѣ и держала въ рукѣ червленый жезлъ. Подлѣ нея стоялъ убѣленный сѣдинами, благолѣпный старецъ, похожій видомъ на святителя Николая. Юрышъ въ страхѣ повалился на землю. Святитель подошелъ къ лежавшему и, дотронувшись до него рукою, произнесъ: «Встань, не бойся!»—Пономарь поднялся на колѣни и, сложивъ благоговѣйно руки на груди, осмѣлился поднять глаза на Богоматерь. «Иди, человѣче», сказала Она, «въ трехъ поприщахъ отсюда сооружаютъ церковь во имя Успенія Богородицы и хотятъ поставить на ней желѣзный крестъ. Иди и скажи священникамъ и людямъ, чтобы поставили крестъ деревянный, ибо Сынъ Мой, Господь Іисусъ Христосъ, распялся на деревянномъ крестѣ, а не на желѣзномъ».—Госпожа Владычица, — проговорилъ со страхомъ Юрышъ: — не повѣрятъ мнѣ.—«Если не повѣрятъ»,—отвѣчалъ святитель Николай,—«будетъ знаменіе». — Такъ и случилось. Юрышу не повѣрили и стали водружать на церкви приготовленный заранѣе желѣзный крестъ, но лишь только мастеръ съ крестомъ достигъ церковной главы, какъ мгновенно поднялся вихрь, мастера сорвало съ кровли и, вмѣстѣ съ крестомъ, невредимо поставило на землю. Увидѣвъ это знаменіе, священники и народъ поспѣшили изготовить деревянный крестъ и водрузить его на храмъ, а затѣмъ всѣ, вмѣстѣ съ Юрышемъ, отправились на мѣсто видѣнія Богоматери, соорудили изъ сосновой колоды, на которой Она сидѣла, крестъ и помѣстили его тутъ же, въ нарочно для него срубленной часовнѣ. Дальнѣйшая судьба этого креста оказалась тѣсно связанною съ судьбою Тихвинской иконы. Черезъ семь лѣтъ церковь, воздвигнутая надъ Тихвинкою, сгорѣла до основанія, но чудотворная икона найдена невредимою въ кустѣ можжевельника. Въ то же время сгорѣла и бесѣдная часовня, но крестъ, какъ и икона, найдены также невредимымъ и тоже въ можжевельникѣ за полверсты отъ мѣста пожара. Церковь и часовня были построены вновь, но черезъ пять лѣтъ опять сгорѣли дотла, при чемъ и икона, и крестъ остались невредимыми и найдены, на этотъ разъ, въ пеплѣ сгорѣвшихъ построекъ. Когда великій князь Василій Ивановичъ воздвигъ на Тихвинѣ каменный храмъ, въ честь чудотворной иконы, онъ на мѣстѣ бесѣдной часовни велѣлъ построить деревянную церковь и

подлѣ нея устроилъ монастырь; это было въ 1515 году. Черезъ тридцать лѣтъ въ Тихвинъ пріѣхалъ на богомолье Іоаннъ Грозный. Поклонившись чудотворному образу Богоматери, онъ посѣтилъ и мѣсто Ея явленія Юрышу и приказалъ замѣнить деревянный храмъ каменнымъ; кромѣ того, онъ устроилъ въ обители еще другой храмъ

Устюжна. Ворота соборной ограды.

во имя усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, въ честь своего ангела.

Мы остановились у монастыря и зашли въ часовню, находящуюся подлѣ самой дороги, гдѣ помѣщается чудотворный крестъ, сдѣланный изъ сосновой колоды, о которомъ я говорилъ выше.

Самъ монастырь находится отъ шоссе саженяхъ въ сорока; онъ не великъ и, повидимому, не богатъ, хотя всѣ тихвинскіе богомольцы считаютъ своимъ долгомъ побывать въ Бесѣдномъ и оста-

вить здѣсь свою посильную лепту. Постройки всѣ принадлежатъ временамъ недавнимъ и ни археологическаго, ни художественнаго интереса не представляютъ. Въ храмахъ есть нѣсколько старинныхъ иконъ, въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе икона Іоанна Крестителя, носящая на себѣ слѣды шведскаго кощунства во времена Тихвинской осады. Шведы мололи на ней муку, и слѣды ручныхъ жернововъ, вмѣстѣ съ остатками муки, до сихъ поръ видны на обратной сторонѣ иконы.

За Бесѣднымъ монастыремъ дорога пошла лѣсомъ, попрежнему поднимаясь въ гору. На восьмой верстѣ она достигла высшей точки, съ которой начался отлогій спускъ внизъ. Кругомъ, утопая въ синеватой дымкѣ, виднѣлись лѣсныя дали, а налѣво подъ горою снова показались спокойныя воды Тихвинки. Встрѣчаясь вторично съ рѣкою, давшею свое имя одной изъ трехъ судоходныхъ системъ, соединяющихъ Волгу съ Невою, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ объ исторіи самого тихвинскаго воднаго пути.

Путь этотъ былъ знакомъ новгородскимъ купцамъ еще въ XIV столѣтіи; по нему они пробирались на извѣстную тогда ярмарку въ Холопій городокъ, на Мологѣ. Началомъ этого воднаго пути служила рѣка Сясь, впадающая въ Ладожское озеро неподалеку отъ устья Волхова и имѣющая въ числѣ своихъ притоковъ Тихвинку, верховья которой очень близко подходятъ къ верховьямъ рѣки Горюна̀, текущей уже по направленію къ Волгѣ. Впрочемъ, рѣка эта носитъ названіе Горюна̀ только въ нижнемъ своемъ теченіи, въ среднемъ же называется Сомѝною, а въ верхнемъ Ва̀лчиною. Между верховьями Тихвинки и Ва̀лчины еще въ древнія времена существовалъ во́локъ. Перетащивъ товары и ладьи въ Ва̀лчину, торговцы спускали ихъ къ Волгѣ, переходя изъ Горюна въ р. Ча̀годощу — одинъ изъ наиболѣе крупныхъ притоковъ Мологи. «Превеликій и первый старый торгъ» Холопьяго городка «разыдеся розно», а торговое движеніе по облюбованному пути продолжалось и въ XVI и въ XVII столѣтіи.

Желая соединить свою новую столицу съ хлѣбородными побережьями нижней Волги, Петръ Великій, между прочимъ, обратилъ вниманіе и на этотъ старинный новгородскій путь. Въ 1710 году, сюда посланъ былъ англійскій инженеръ Джонъ Перри для изысканій и нивеллировки мѣстности. Раздѣльнымъ пунктомъ воднаго пути Перри призналъ озеро Крупино́, лежащее между верховьями Тихвинки и Ва̀лчины, при чемъ, по его вычисленіямъ, паденіе отъ Крупина̀ къ Ладожскому озеру, составляло 897 футъ, а къ Волгѣ— 572 фута. Въ промежутокъ времени между 1712-мъ и 1716-мъ годами мѣстность эту посѣтилъ самъ государь. Онъ лично осмотрѣлъ волокъ между Тихвинкою и Ва̀лчиною и согласился съ мнѣніемъ Перри относительно озера Крупина, какъ раздѣльнаго пункта будущей системы. Въ полуверстѣ отъ озера находился и деревянный

дворецъ государя, къ сожалѣнію, сгорѣвшій въ 1802 году. Петра Великаго главнымъ образомъ занимала мысль объ устройствѣ обходнаго пути для минованія страшныхъ Боровицкихъ пороговъ на Вышневолоцкой системѣ. Онъ задумалъ соединить воды Мологи съ водами Мсты ниже пороговъ, но въ то же время не покидалъ мысли и о самостоятельной судоходной системѣ изъ Мологи на Тихвинку и Сясь. Занимаясь устройствомъ Ладожскаго канала между устьемъ Волхова и истокомъ Невы, государь уже подумывалъ и о другомъ каналѣ, который соединилъ бы устье Сяси съ устьемъ Волхова, но смерть положила конецъ его замысламъ.

Вопросъ о неудобствѣ Вышневолоцкой системы и объ устройствѣ Тихвинской былъ снова поднятъ въ царствованіе Елисаветы Петровны генералъ-фельдмаршаломъ графомъ П. И. Шуваловымъ. Для осмотра мѣстности между Мологою и Сясью былъ посланъ генералъ-поручикъ Рязановъ съ порученіемъ составить профиль, планъ и смѣты, придерживаясь линіи, предположенной Петромъ Великимъ. Проектъ Рязанова былъ утвержденъ въ 1762 г., уже въ царствованіе Петра III, но дѣло, за недостаткомъ средствъ, было отложено на неопредѣленное время.

Страшное мелководье, случившееся на Вышневолоцкой системѣ въ 1797 году и причинившее торговлѣ огромные убытки, заставило вспомнить о водномъ пути на Тихвинъ, и для окончательнаго его изслѣдованія былъ посланъ инженеръ-генералъ Деволантъ.

Въ 1799 г. повелѣно было окончить Сяській каналъ, начатый еще при Екатеринѣ II, а 1 января 1802 г. высочайше утвержденъ проектъ Тихвинскаго канала, между Тихвинкою и Вàлчиною; на устройство его ассигновано 433.709 р., и работы поручены Деволанту. Въ 1805 г. земляныя работы были окончены, а въ 1811-мъ вся система оказалась уже настолько устроенною, что по ней открыто судоходство; дальнѣйшіе труды по ея окончанію и улучшенію продолжались и въ послѣдующіе годы.

Около половины нашего столѣтія по Тихвинской системѣ проходило ежегодно до 5.000 судовъ съ грузомъ болѣе, чѣмъ на 10 милліоновъ рублей. Но съ устройствомъ желѣзнодорожныхъ путей и съ развитіемъ обильной водою Маріинской системы, Тихвинскій водный путь началъ клониться къ упадку. Хотя путь этотъ значительно короче не только Маріинскаго, но и Вышневолоцкаго (отъ Рыбинска до Петербурга по нему считается всего 813 верстъ), но главный и почти неисправимый недостатокъ его заключается въ маловодности составляющихъ его рѣкъ и въ недостаточности водныхъ его резервуаровъ, вслѣдствіе чего по нему могутъ двигаться только сравнительно небольшія суда мѣстнаго типа, извѣстныя подъ названіемъ тихвинокъ и соминокъ. Весною они еще могутъ ходить съ осадкою отъ 10 до 18 вершковъ, но въ лѣтнее время осадка въ 10 вершковъ становится уже предѣльною, и часто приходится

еще уменьшать ее до семи и даже до шести вершковъ. Послѣдній ударъ Тихвинской системѣ былъ нанесенъ проведеніемъ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, и въ настоящее время заброшенная, полузабытая, она еле влачитъ свое существованіе.

— Много ли хлѣба у васъ по системѣ въ годъ проходитъ?— спросили мы ямщика.

— Совсѣмъ бездѣлица,—отвѣчалъ онъ: — воды мало, неудобно, все перегрузки.

— А что еще, кромѣ хлѣба, идетъ?

— Да все по мелочи. Везутъ стекло со стеклянныхъ заводовъ, спиртъ везутъ, снасти, а главное у насъ теперь лѣсныя гонки. Лѣсу гонятъ въ Питеръ еще порядочно.

Слова его отчасти подтверждались тѣмъ, что на столбахъ у мостовъ мы неоднократно встрѣчали объявленія, относившіяся спеціально къ лѣсопромышленникамъ и извѣщавшія, что срокъ лѣсного сплава въ этомъ году продолженъ до 25 іюня.

На четырнадцатой верстѣ отъ Тихвина показалась деревня Гòлишна, осѣненная въ концѣ красивою сосновою рощицей. Отъ Гòлишны проселочная дорога ведетъ въ Антоніевъ Дымскій монастырь, до котораго отъ деревни считается всего три версты.

Мы рѣшили завернуть въ обитель и минутъ черезъ двадцать остановились у ея каменной, невысокой ограды.

Монастырь основанъ въ XIII вѣкѣ св. Антоніемъ, ученикомъ преподобнаго Варлаама Хутынскаго, поселившимся на Дымскомъ озерѣ въ 1243 г. и получившимъ грамоту на созданіе обители отъ Александра Невскаго. Собравъ братію и устроивъ монастырь, преподобный мирно скончался въ 1273 году, а черезъ девяносто семь лѣтъ мощи его были обрѣтены нетлѣнными. Монастырь, страдавшій въ XV в. отъ татаръ, а въ началѣ XVII отъ шведовъ, былъ упраздненъ въ 1764 году, но въ 1794, по желанію окрестныхъ жителей и по ходатайству тихвинскаго архимандрита Игнатія, возстановленъ вновь митрополитомъ Гавріиломъ.

Въ соборномъ храмѣ обители намъ показали серебряную раку преподобнаго Антонія, мощи котораго находятся подъ спудомъ со временъ шведскаго нашествія, когда дымскіе иноки изъ боязни непріятельскаго кощунства скрыли ихъ въ землѣ, покрывъ каменною плитою. Подлѣ раки находится желѣзная шляпа, найденная въ Дымскомъ озерѣ и, по преданію, принадлежавшая святому, который носилъ ее для умерщвленія плоти. Полагаютъ, что въ озеро она была брошена иноками во время того же шведскаго нашествія, но подобное обращеніе съ мѣстною святынею, которую легко можно было бы унести съ собою, является несовсѣмъ правдоподобнымъ. Вѣсъ этой шляпы — 8 фунтовъ, поля широки и прямы, на круглой тульѣ ея прибита гвоздями заплата.

Выйдя изъ церкви, мы прошли къ озеру, находящемуся саженяхъ въ 150 отъ обители. Вдоль дороги расположено зданіе церковно-приходскаго училища и монастырскій скотный дворъ. Дымское озеро не велико; болотистые берега его покрыты невысокимъ, большею частью хвойнымъ лѣсомъ. У берега устроена отъ монастыря купальня. Вода въ озерѣ считается цѣлебною, и богомольцы

Видъ на Устюжну изъ-за Мологи (Преображенская, Срѣтенская и Воздвиженская церкви).

купаются въ немъ не только лѣтомъ, но и зимою въ устроенной для того проруби.

Сдѣлавъ наброски монастыря, мы тронулись въ обратный путь и черезъ полчаса уже миновали Голишну съ ея красивою сосновою рощицею, разросшеюся на пригоркѣ. Вскорѣ мы подъѣхали къ полуразрушенному мосту.

— Это что же такое?—спросилъ я.

— А тутъ надняхъ проѣзжіе провалились,—отвѣчалъ ямщикъ, сворачивая лошадей въ бродъ.

— Какъ такъ?

— Да ѣхала тутъ изъ Питера барыня одна съ французинкой, да съ горничной, въ имѣнье. Имѣнье-то далеко, еще за Сомину верстъ около сотни будетъ. А онѣ всегда въ своемъ рыдванѣ ѣздятъ. Рыдванъ грузный, пудовъ на 120, говорятъ, будетъ, и иначе его, какъ пятерней, и не возятъ. А мосты у насъ здѣсь плохіе,—вотъ и случилось.

— Да почему же мосты-то плохіе?

— А кто ихъ знаетъ! Дорога-то была казенная, теперь, говорятъ, въ земство переходитъ; можетъ, лучше будетъ.

— На видъ, дорога, кажется, содержится въ порядкѣ.

— Въ порядкѣ-то, въ порядкѣ, что говорить. По всей дорогѣ сторожки поставлены, и сторожа ходятъ, и мосты какъ будто хорошіе: настилка новая, перила крѣпкія, а загляни подъ мостъ, снизу-то, такъ балки всѣ струхши. Пока Богъ хранитъ, ѣздимъ. И этотъ мостъ такой же былъ. Все ѣздили, ничего, а какъ этакій-то рыдванъ на пятернѣ въѣхалъ, ну, и ахнули наскрозь, прямо въ ручей. Еще какъ ихъ Богъ спасъ, дивиться надо!

Мы миновали извилистую рѣчку Редань, деревни Турково, Горѣлуху. Сторожевые домики, подобно желѣзнодорожнымъ, то и дѣло показывались на дорогѣ, но мы относились къ нимъ уже не съ прежнимъ довѣріемъ, а въѣзжая на мосты, на случай, освобождали ноги изъ тарантаса.

Наконецъ, показалась на возвышеніи и первая станція отъ Тихвина, деревня Большой Дворъ. Деревня съ виду кажется дѣйствительно очень большою.

— Большая-то, большая,—замѣтилъ ямщикъ:—шестьдесятъ дворовъ въ ней, а народъ все бѣдный живетъ. На шестьдесятъ дворовъ у нихъ всего пятьдесятъ коровушекъ приходится, такъ тутъ не разгуляешься.

За Большимъ Дворомъ, гдѣ мы перемѣнили лошадей, намъ снова встрѣтилась Редань, а за нею цѣлый рядъ деревень, и почти подлѣ каждой изъ нихъ красовались холмики, покрытые рослыми, красивыми соснами.

— Что это за горушки у васъ?—спросилъ я ямщика.

— А это жальники,—отвѣчалъ онъ:—родители тутъ похоронены.

— Славныя сосны!

— Хороши, хороши, высокія, стройныя. Растутъ на волѣ, потому рубить ихъ никому нельзя. Одинъ мужичекъ пробовалъ было вырубить, такъ за это и отвѣтилъ.

— Запрещено?

— Строго-на-строго.

Мѣстность становилась все гористѣе и гористѣе. Съ высокихъ точекъ дороги открывались красивые виды на зеленые лѣса, на широкій просторъ синѣвшей дали. Неподалеку отъ казенной лѣсной дачи «Горушки» передъ нами развернулся глубокій оврагъ съ крутымъ спускомъ. Внизу протекала уже знакомая намъ Редань, а на противоположной горѣ виднѣлась деревня Зиновья-гора.

— Это что за оврагъ?—освѣдомился я.

— А это Чортова харчевня,—повернулся къ намъ ямщикъ.

— Почему это мѣсто такъ называется?

— А не могу вамъ сказать,—не знаю. Была тутъ, правда, харчевня, да лѣтъ десять назадъ уничтожилась. Все звали Чортова, да Чортова, а почему,—не знаю; ничего въ ней особеннаго не было.

На станціи Обрино, пока намъ перепрягали лошадей, я разговорился съ содержателемъ почтовой станціи и, между прочимъ, спросилъ о заинтересовавшемъ насъ названіи. Содержатель станціи оказался болѣе свѣдущимъ, чѣмъ ямщикъ.

— Это, видите ли, лѣтъ двадцать тому назадъ было,—разсказалъ онъ.—Сторожку-то на горѣ изволили проѣхать? За ней спускъ въ оврагъ замѣтили? А внизу подъ горой стояла тогда харчевня. Такъ вотъ отъ сторожки и до самой харчевни сплошь и рядомъ можно было слышать, какъ въ лѣсу кто-то хохочетъ, кричитъ, шумитъ, хлопаетъ въ ладоши. И этому не только ямщики, а и многіе проѣзжающіе свидѣтелями были. А какъ до харчевни доѣдутъ, все и кончится. Вотъ отъ этого и прозвали харчевню Чортовою. Теперь ужъ и харчевни давно нѣтъ, и хохоту больше не слышно, а мѣстность все попрежнему прозывается.

За Обринымъ дорога все продолжала подниматься. Мы уже находились въ области водораздѣла системы и приближались къ наивысшей точкѣ всего пути. Наконецъ, около деревни Михеево точка эта была достигнута, и шоссе начало спускаться уступами уже по направленію къ волжскому бассейну.

На 13-й верстѣ отъ Обрина мы проѣхали стеклянный заводъ Рейтера, а подъ деревней Чудцами миновали границу Тихвинскаго и Устюженскаго уѣздовъ. Въ Чудцахъ мы замѣтили старую, пустую избу съ интересными порѣзками и остановились зачертить мотивы рѣзнаго орнамента. Пока мы работали, у тарантаса собралась толпа любопытныхъ, съ которыми у насъ вскорѣ завязалась бесѣда.

— Что у васъ по тракту церквей мало?—спросилъ я, между прочимъ, крестьянъ.

— Народъ-то все здѣсь небогатый живетъ,—отвѣчали они.—Вотъ наша деревня отъ своего села-то въ 27 верстахъ,—какъ тутъ въ церковь попадешь? Вѣдь это взадъ впередъ безъ мала 60 верстъ надо пройти. Свадьба ли, ребенка ли крестить, покойника ли схоронить—просто бѣда! А свою церковь строить силъ не хватаетъ.

Разговоръ перешелъ на избу, которую мы рисовали.

— Давно ли эта изба поставлена?

— А вотъ я тебѣ скажу, — отозвался одинъ изъ крестьянъ: — мнѣ теперь сорокъ лѣтъ безъ году, а какъ я ее помню, такъ она ужъ стояла засивѣрѣвши.

— Что-жъ теперь такихъ порѣзокъ не дѣлаете?

Крестьяне засмѣялись.

— Гдѣ теперь?! Теперь лѣсъ-то вздорожалъ, приступу нѣтъ. И избы-то часто некрытыя стоятъ, такъ до порѣзокъ ли? Печурку иной разъ нечѣмъ стопить...

На станціи Косыя Харчевни намъ объявили, что изъ комплекта въ шесть лошадей дома осталась только одна, и въ ожиданіи другихъ намъ пришлось просидѣть на станціи два часа съ половиною. Но по пословицѣ: «бѣда не ходитъ одна», впереди насъ ожидалъ сюрпризъ еще болѣе непріятнаго свойства.

Изъ Косыхъ Харчевенъ мы выѣхали лишь въ одиннадцать часовъ вечера. Небо было сплошь покрыто тучами. Проѣхавъ полдороги, ямщикъ обернулся къ намъ и заявилъ, что въ Соминѣ мы совсѣмъ не найдемъ коней, такъ какъ въ эту ночь тамъ проѣдетъ на Устюжну новый губернаторъ.

— Прежній-то бывало на двухъ троечкахъ ѣздилъ,—замѣтилъ онъ,—а этотъ слышно двѣнадцать лошадей потребовалъ, такъ тутъ ни на одной станціи не хватитъ. Ну, да я вамъ вольныхъ найду; тамъ ихъ много. И придется вамъ, пожалуй, до самой Устюжны на вольныхъ ѣхать, потому губернаторъ у васъ все время впереди будетъ.

Дѣлать нечего, пришлось примириться съ вольными.

II.

Сомина.

> Кто не проклиналъ станціонныхъ смотрителей, кто съ ними не бранился? — Будемъ, однако, справедливы, постараемся войти въ ихъ положеніе, и, можетъ быть, станемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе.
>
> Пушкинъ.

Въ Сомину мы пріѣхали въ часъ ночи. Черные силуэты избъ съ нависшими надъ узкою улицею кровлями слабо выдѣлялись на фонѣ темнаго, покрытаго тучами, неба. Огни вездѣ были погашены, и только на почтовой станціи, близъ моста черезъ р. Сомину, мерцалъ слабый свѣтъ.

У широкаго крыльца стояли двѣ темныя фигуры.

— Лошадей нѣтъ,—заявили онѣ.

Соборъ въ Устюжнѣ.

— Вѣдь губернаторъ проѣхалъ?

— Нѣтъ, не проѣзжалъ. Вотъ ужъ который день ждемъ съ минуты на минуту. Лошади всѣ на дворѣ, въ хомутахъ стоятъ, а никому отпустить не смѣемъ.

Одинъ изъ собесѣдниковъ, съ черной бородою, былъ содержатель станціи, другой, блондинъ въ бѣлой фуражкѣ, его помощникъ.

— А вольные?—спросилъ ямщикъ.

— Вольные всѣ разъѣхались, кто съ кѣмъ.

Ямщикъ назвалъ нѣсколько фамилій, но оказалось, что никого изъ названныхъ не было дома.

Блондинъ вызвался сбѣгать къ какому-то Саблукову, который, можетъ быть, успѣлъ вернуться. Онъ исчезъ въ темнотѣ, а мы, отпустивъ ямщика, сѣли на крыльцѣ въ ожиданіи. Началъ накрапывать дождь.

— Ни одной лошади нѣтъ, — заявилъ блондинъ возвращаясь.— Впрочемъ, постойте, еще къ одному человѣку сбѣгаю.

Куда онъ пошелъ, на этотъ разъ мы не знали; быть можетъ, просто скрылся за уголъ и постоялъ минутъ пять, чтобы получить побольше на чай. Но мы ему искренно вѣрили, потому что нельзя было не вѣрить въ нашемъ положеніи.

Черезъ нѣсколько минутъ блондинъ вернулся.

— Опять лошадей нѣтъ,—произнесъ онъ со вздохомъ.—Теперь ужъ, значитъ, совсѣмъ нѣтъ.

— А гдѣ же бы намъ остановиться хоть на ночь-то?

— Мѣста нѣтъ. Была комната на станціи, да ту помѣщикъ одинъ ужъ занялъ; тоже безъ лошадей сидитъ.

Положеніе наше становилось критическимъ.

— Но, вѣдь, не можемъ же мы сидѣть подъ дождемъ цѣлую ночь?—протестовали мы.

— Да, оно, конечно.

Съ моста къ станціи шли два человѣка: это былъ помѣщикъ, занявшій комнату, съ своимъ товарищемъ.

Они присѣли на крыльцѣ и познакомились съ нами. Рѣчь зашла о здѣшнемъ краѣ.

— Медвѣжій, буквально, медвѣжій край,—говорилъ помѣщикъ.— Народъ грубый, темный, съ вѣрою въ нечистую силу, въ чертей, колдуновъ и тому подобное. Недавно, чуть ли не въ прошломъ году, недалеко отъ Сомины пролеталъ на аэростатѣ полковникъ воздухоплавательной команды и хотѣлъ спуститься на землю. Мужики увидали и порѣшили принять его въ колья. По счастью, случился тутъ приказчикъ лѣсопильнаго завода Бранта, такъ онъ, и то еле-еле, уговорилъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, на всякій случай, они все-таки заставили полковника перекреститься.

— И нравы здѣсь дикіе, грубые, — замѣтилъ товарищъ помѣщика,—чуть если гдѣ поссорятся, сейчасъ и драка, а драка сплошь

и рядомъ переходитъ въ колья. Здѣсь жизнь не дорога, того и гляди, что либо изувѣчатъ, либо прямо до-смерти. Зато здѣсь во многихъ мѣстностяхъ и установлено, чуть кто посильнѣе подерется, обязанъ цѣлый годъ всѣ праздники отсиживать подъ арестомъ. Какъ только утро, онъ ужъ и отправляется.

— У насъ въ Соминѣ,—подхватилъ блондинъ,—становой-то хорошъ былъ, бѣда какой строгій. Его порядки и посейчасъ еще держатся. Народъ здѣсь все буйный,—извѣстно, пристань—постоянно пьянство, драки, кромѣ какъ строгостью, ничѣмъ не возьмешь. Арестантская у насъ теперь на самомъ базарѣ поставлена. Чуть кто понаціональному выразится, сейчасъ въ холодную. А за драки да за буйство день по шести отсиживаютъ на хлѣбѣ, на водѣ, и ужъ въ это время никакой другой пищи, ни табаку,—ничего не даютъ, скучно, говорятъ, сидѣть, особенно безъ табаку-то. Даже пѣсни у насъ громко горланить запрещается, — сейчасъ урядникъ остановитъ; а не уймутся—въ холодную.

— Здѣсь домовъ и сотни не наберется,—замѣтилъ помѣщикъ,— а кабаковъ чуть не шестьдесятъ.

— А не будь перегрузки, и кабаковъ бы не было, — отвѣчалъ блондинъ, — вѣдь наша Сомина тѣмъ только и важна, что въ ней перегрузка бываетъ.

Дѣйствительно, благодаря неравномѣрному распредѣленію водъ въ системѣ, идущимъ по ней судамъ приходится испытать на пути не одно перегрузочное мытарство. Идя, напримѣръ, отъ Петербурга къ Волгѣ, они вступаютъ въ Сясь съ полнымъ грузомъ отъ 2500 до 3500 пудовъ при осадкѣ въ 20 вершковъ, но у Рождественской пристани, отъ которой начинаются пороги, имъ приходится разгружаться на паузки, при чемъ осадка уже не превышаетъ 10 вершковъ, а въ мелководье доходитъ до четырехъ. Такимъ образомъ, суда добираются до Тихвинки. Здѣсь, въ виду обилія воды въ шлюзованной части системы, осадка можетъ быть снова доведена до 14 вершковъ, и товары перегружаются изъ двухъ паузковъ въ одно большое судно. Но, пройдя шлюзованную часть и достигнувъ Сомины, имъ опять приходится разгружаться на паузки, такъ какъ осадка въ Чагодощѣ и Мологѣ не должна превышать 9 вершковъ. Понятно, что и судамъ, идущимъ отъ Волги къ Петербургу, приходится претерпѣвать тѣ же мытарства, только въ обратномъ порядкѣ.

— Теперь у насъ въ Соминѣ,—разсказывалъ блондинъ:—случайно скопилось до 75 тихвинокъ, а то обыкновенно бываетъ гораздо меньше. Къ осени онѣ опять нѣсколько скопляются, а лѣтомъ совсѣмъ тихо. Лодокъ вообще идетъ мало. Сплавляютъ больше лѣсъ, да и лѣса-то, кажется, скоро всѣ вырубятъ.

Ночь была попрежнему сырая, дождливая. Время отъ времени мы замолкали и прислушивались, не звенитъ ли по дорогѣ губер-

наторскій колокольчикъ, но кругомъ все было тихо, и слышно было только, какъ дождь постукиваетъ о крышу, какъ вода каплетъ съ нея на землю.

— Послѣдняя телеграмма была, что во вторникъ пріѣдетъ,— заговорилъ помѣщикъ:—а вотъ и вторникъ прошелъ, и среда началась, а его все нѣтъ.

— Пятый день ждемъ,—отозвался блондинъ.

— Намъ-то что! — подхватилъ помѣщикъ: — а каково теперь крестьянамъ? Сколько ихъ теперь выгнано на дорогу въ малоконныя деревни. Лошадь надо кормить, самому питаться, а время горячее. Гдѣ бы работать, а онъ жди. За кормъ и постой имъ, конечно, должно будетъ заплатить земство, да теперь крестьянину не такъ дороги деньги, какъ работа во́-время, да въ пору. Ну, видно, спать идти. Вонъ ужъ свѣтать начинаетъ.

Помѣщикъ и товарищъ его простились съ нами и удалились въ свою комнату.

— А для васъ я мѣстечко придумалъ, — заявилъ блондинъ. — Тутъ у насъ рядомъ трактиръ, такъ не хотите ли на ночь въ общей залѣ расположиться?

Онъ привелъ насъ во второй этажъ на чистую половину. Комната оказалась сырой, грязной, съ твердыми, какъ камень, диванами, но мы были рады и такому помѣщенію.

Блондинъ удалился, пожелавъ намъ пріятнаго сна и обѣщая завтра найти лошадей до Устюжны.

О пріятномъ снѣ, конечно, не могло быть и рѣчи. Мы кое-какъ примостились на жесткихъ диванахъ, но только намъ удавалось забыться минутъ на 15, на 20, какъ невыносимая боль въ боку заставляла насъ просыпаться и перекладываться на другую сторону. Такъ мы промаялись до 8 часовъ утра и, наконецъ, встали.

Я подошелъ къ окну. Погода была сѣрая. Прямо противъ трактира, на берегу Сомины, стояла каменная часовня, и неподалеку отъ нея, на рѣкѣ, грузилась тихвинка. Направо виднѣлся мостъ съ одиноко торчавшею на немъ фигурою сторожа; слѣдовательно, губернаторъ еще не проѣзжалъ. Внизу подъ окнами двигаются судорабочіе и крючники, многіе изъ нихъ уже навеселѣ. Національныя слова раздаются то и дѣло. Внизу въ трактирѣ уже что-то поютъ.

Въ комнату входитъ блондинъ и подобно утренней газетѣ начинаетъ сообщать новости. Мы узнаемъ, что отъ губернатора получена телеграмма, что онъ пріѣдетъ въ 5 часовъ вечера, что помѣщику придется ночевать еще ночь, такъ какъ для его экипажей и клади лошадей не хватитъ, что утромъ на улицѣ былъ какой-то скандалъ и т. п.

Подъ окнами раздается стукъ колесъ, и къ станціи подъѣзжаетъ какой-то господинъ въ мундирѣ. Блондинъ объясняетъ, что это одинъ

изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, желающій получить должность земскаго начальника.

Пѣніе внизу переходитъ въ ссору. Слышенъ шумъ, крики.— «А я сикундантомъ!»—вырѣзается изъ общаго говора чей-то высокій теноръ.

— Уряднику-то теперь нѣкогда слѣдить,—замѣчаетъ блондинъ,— а то унялъ бы. Иначе съ ними нельзя, какъ сразу же осадить. На-

Устюжна. Церковь Благовѣщенія надъ р. Ворожею.

родъ звѣрь: расходятся, такъ просто бѣда! Недавно разодрались, такъ и уряднику мундиръ новенькій весь разорвали, да еще двѣ ленты дали.

— Какія ленты?

— А это по̀-уху, значитъ.

Распорядившись подать намъ чаю, блондинъ собирался идти для насъ къ какому-то Силантьеву, предупреждая, что у него всего одна лошадь. Но этотъ Силантьевъ составлялъ уже послѣднюю нашу надежду.

Вдругъ на мосту показывается цѣлая пара лошадей, въ тарантасѣ, шагомъ.

— Это Саблуковъ!.. сейчасъ поряжу!—восклицаетъ блондинъ и опроментью бросается изъ комнаты.

Но его предупредили. Съ Саблуковымъ уговаривается какой-то черноватый парень, и когда блондинъ прибѣгаетъ на мостъ, Саблуковъ уже поряженъ.

Блондинъ уходитъ къ Силантьеву, и минутъ черезъ десять возвращается окончательно угнетенный. Послѣдняя надежда рухнула: Силантьевъ уѣхалъ куда-то на мызу.

Отъ нечего дѣлать сидимъ у оконъ и дѣлаемъ наброски часовни и моста. Наконецъ, товарищъ мой шумно захлопываетъ альбомъ и отправляется бродить по улицѣ.

Но, видно, судьбѣ угодно было сжалиться надъ нами. Черезъ нѣсколько минутъ на лѣстницѣ послышались его быстрые шаги.

— Ура!—кричалъ онъ:—мы спасены! Привезли сюда изъ села какую-то сумасшедшую, лошади ѣдутъ обратно, и я порядилъ мужичка до Устюжны.

Не успѣли мы наскоро собраться, какъ на улицѣ зазвенѣли бубенцы, и подъѣхала наша бричка. Она оказалась очень маленькою, но мы кое-какъ усѣлись и тронулись въ путь, напутствуемые пожеланіями блондина, который былъ очень радъ нашей удачѣ.

III.

До Устюжны.

— Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ —
Не веселая дорога...
Некрасовъ.

Нашъ подводчикъ Василій и, помѣстившійся рядомъ съ нимъ на козлахъ, мальчикъ, помощникъ волостного писаря, были оба изъ с. Бѣлые Кресты, находящагося по дорогѣ между Соминою и Устюжною. Они утромъ привезли сюда мать писаря, допившуюся до бѣлой горячки.

Песчаная дорога шла больше лѣсомъ. Малорослыя деревенскія лошадки бѣжали, конечно, неважно, но мы были рады и тому, что хотя тихо, но все-таки подвигаемся впередъ.

На седьмой верстѣ отъ Сомины мы проѣхали Важанское озеро, входящее въ составъ Тихвинской системы и представляющее собою не что иное, какъ разливъ Сомины, которая здѣсь какъ бы оканчивается, потому что ниже озера она называется уже Горюномъ.

По дорогѣ часто попадались намъ бабы съ котомками за плечами, встрѣтились и нищіе слѣпцы: всѣ они направлялись въ Тихвинскій монастырь.

Въ деревняхъ бубенчики наши производили сенсацію, крестьяне, бабы и дѣти выбѣгали на улицу, но лишь только убѣждались, что ѣдетъ не губернаторъ, уже не обращали на насъ никакого вниманія и, пропустивъ нашу бричку, снова вытягивали шеи по направленію къ Соминѣ. Даже собаки и тѣ лаяли на насъ какъ-то неохотно и, какъ намъ казалось, даже съ оттѣнкомъ пренебреженія. Впрочемъ, деревни встрѣчались не часто. По сторонамъ почти безпрерывною полосою тянулся все тотъ же лѣсъ. Наши лошади еле трусили, и дорога тянулась безконечно долго. Но надо замѣтить, что и переѣздъ былъ не малый: отъ Сомины до Бѣлыхъ Крестовъ считается 40 верстъ.

Наконецъ, проѣхавъ болѣе пяти часовъ безъ отдыха и не встрѣтивъ на пути ничего особенно замѣчательнаго, если не считать двухъ стеклянныхъ заводовъ: Позена и Бакунина,—мы добрались до Бѣлыхъ Крестовъ.

Возница нашъ, какъ оказалось, жилъ довольно зажиточно и имѣлъ двѣ пары лошадей.

Пока онъ перепрягалъ, мы напились чаю и сходили посмотрѣть сельскую каменную церковь, которая, судя по стилю, построена еще въ прошломъ столѣтіи. Наконецъ, около 6 часовъ вечера все было готово, и мы поѣхали далѣе. Протрясшись почти цѣлый день въ тѣсной, неудобной бричкѣ, мы къ вечеру уже, что называется, обтерпѣлись и теперь сидѣли въ ней довольно благодушно.

Дорога нѣкоторое время шла берегомъ рѣки Кобожи, но потомъ снова углубилась въ лѣсъ.

— Много ли отъ вашего села до Устюжны?—спросилъ я Василья.

— Верстъ 80 считаютъ.

— Такъ, значитъ, кормить будешь?

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Неужели до Устюжны не кормя поѣдешь?

— Да я до Устюжны не поѣду,—обернулся онъ къ намъ.

— Вотъ тебѣ разъ!

— Я васъ гдѣ нибудь передамъ другому ямщику. Ужъ вы не сумнѣвайтесь,—доставимъ.

— Да гдѣ же у тебя другой-то?

— А поищу.

И дѣйствительно, проѣхавъ верстъ двадцать, онъ привернулъ къ одинокому двору, стоявшему влѣво отъ дороги. Дворъ этотъ онъ назвалъ Мишуровскимъ выселкомъ.

У воротъ стояли два молодые парня, родные братья.

— Кони у васъ дома?—освѣдомился Василій, осаживая лошадей.

— Дома,— отвѣчали братья.

Василій соскочилъ съ козелъ и началъ съ ними переговариваться вполголоса; но переговоры, повидимому, окончились ничѣмъ, такъ какъ онъ сердито, снова взобрался на облучокъ и погналъ лошадей. Но не отъѣхали мы и четверти версты, какъ онъ пустилъ ихъ шагомъ, видимо что-то обдумывая.

— Ужъ набавить имъ развѣ четвертакъ, что ли?— обратился онъ къ намъ.

— А много ли просятъ?

— Да я три рубля надавалъ, не берутъ.

— Твое дѣло.

— Я набавлю,—черезъ нѣсколько времени снова заговорилъ онъ.

— Ну, набавь.

Василій повернулъ лошадей, и вскорѣ мы снова были у мишуровцевъ.

Четвертакъ тотчасъ же рѣшилъ дѣло.

Взявъ съ насъ до Устюжны 11 рублей, Василій за половину дороги бралъ себѣ 7 рублей 75 копеекъ, а за другую половину въ 60 верстъ платилъ 3 рубля 25 копеекъ. Мы съ товарищемъ смѣялись между собою, что мишуровцы передадутъ насъ третьему ямщику, третій — четвертому и такъ далѣе, пока дѣло не дойдетъ до двугривеннаго, и тогда послѣдній ямщикъ предложитъ намъ добраться до Устюжны по образу пѣшаго хожденія. Но, конечно, это говорилось только въ шутку, такъ какъ мы знали, что на самомъ дѣлѣ подобныхъ случаевъ никогда не бываетъ. По всей Россіи у вольныхъ ямщиковъ искони установлены понятія о ямской чести и круговой порукѣ, и каждый изъ нихъ, перенимая проѣзжаго, свято исполняетъ всѣ обязательства, принятыя на себя его товарищемъ предшественникомъ.

Закладыванье продолжалось довольно долго. Тарантасъ у мишуровцевъ былъ разобранъ, и его пришлось собирать, сколачивать, связывать, прикрѣплять сверху кибитку, смазывать колеса и проч. Сбруя также была не налажена. Братья занимались полевыми работами и проѣзжихъ не ожидали. Лошаденокъ привели такихъ крохотныхъ, что мы боялись, свезутъ ли онѣ насъ съ мѣста. Признаться, во время всѣхъ этихъ приготовленій мы порядкомъ подтрунивали надъ новыми ямщиками, но оба молодые парня оказались очень симпатичными; они если и не были особенно довольны замѣчаніями, тѣмъ не менѣе возражали и оправдывались очень скромно.

Наконецъ, лошади были заложеиы, и младшій изъ братьевъ, Венедиктъ, сѣлъ на козлы. Къ нашему крайнему удивленію, крохотные коньки покатили гораздо скорѣе Васильевыхъ. Мы разговорились съ Венедиктомъ. Отецъ его переселился сюда изъ ближней деревни и года два тому назадъ умеръ. Остались они, два брата,

Устюжна. Казанское кладбище.

съ матерью и сестрою, и помаленьку хозяйствуютъ. Онъ разсказалъ, что рожь здѣсь въ хорошій годъ и на удобномъ полѣ бываетъ самъ-десятъ, овесъ въ прошломъ году былъ самъ-двѣнадцатъ. По всѣмъ деревнямъ сѣютъ много гречихи. У крестьянъ есть и пчелы, но ведутся не особенно успѣшно.

Солнце опускалось къ горизонту. Справа надвигалась тяжелая грозовая туча, изъ которой по временамъ сверкали молніи,—мы надѣялись, что туча пройдетъ стороною, но она, точно исполинскій драконъ, медленно ползла все выше и выше, и вскорѣ покрыла собою половину неба. Теперь уже не оставалось никакого сомнѣнія, что она идетъ прямо на насъ, а размѣры ея не предвѣщали ничего добраго.

Проѣхавъ двѣ деревеньки, мы въѣхали въ лѣсъ.

— Теперь десять верстъ ни одной деревни не будетъ,—сказалъ Венедиктъ:—дорога все лѣсомъ пойдетъ.

А туча была уже надъ нашими головами. Вдругъ сверкнула молнія, загрохоталъ громъ, полилъ частый дождь, рѣзкій, упорный. Кругомъ давно уже царила тьма, которая еще усиливалась мрачнымъ пологомъ нависшей тучи и окружающимъ лѣсомъ.

Гроза разразилась съ полною силой; молніи вспыхивали поминутно, озаряя впереди все тотъ же однообразный невысокій лѣсъ и узкую полосу дороги. Громъ гремѣлъ, почти не переставая. Дождь уже началъ проникать къ намъ въ кибитку, и Венедиктъ опустилъ переднюю кожу. Темнота настала полная. Молніи мы уже не видѣли и слышали только, какъ грохоталъ громъ, и крупныя капли дождя стучали о стѣны кибитки. Такъ мы ѣхали нѣсколько верстъ въ совершенномъ мракѣ, попыхивая папиросами и время отъ времени перекидываясь словомъ съ Венедиктомъ.

Наконецъ, дождь пересталъ, туча проползла влѣво, раскаты грома сдѣлались рѣже. Мы подняли кожу. Кругомъ стало какъ будто посвѣтлѣе. Громъ прекратился, но молнія долго еще сверкала въ лѣвой сторонѣ.

Лѣсъ кончился, мы въѣхали въ деревню. Была уже глубокая ночь. Въ деревнѣ всѣ спали, и только одинъ домъ, съ настежь открытыми дверями, былъ ярко освѣщенъ.

— Что это, свадьба что ли здѣсь?—спросилъ я.

— Нѣтъ, губернатора ждутъ,—отвѣчалъ Венедиктъ:—тутъ почтовая станція.

За деревней потянулись поля; на нихъ, среди мрака, тамъ и сямъ мелькали огоньки: это крестьяне пахали ночью, во избѣжаніе дневныхъ оводовъ и слѣпней, которые страшно кусаютъ и мучатъ лошадей.

Впереди, сплошною стѣною, темнѣлъ густой лѣсъ. Мы въѣхали въ него, но лишь только проѣхали полверсты, какъ передъ нами воочію предстала картина изъ «Братьевъ-разбойниковъ». Подъ ста-

рой развѣсистой елью горѣлъ большой костеръ. Подлѣ него, кто сидя, кто лежа, расположилось около десяти человѣкъ. Красноватый свѣтъ огня переливался на ихъ грубыхъ, бородатыхъ лицахъ, на пестрыхъ лохмотьяхъ ихъ одежды, отбрасывая кругомъ темныя тѣни ихъ характерныхъ силуэтовъ.

Венедиктъ спокойно проѣхалъ мимо нихъ, объяснивъ, что это погонщики съ системы, ведущіе лошадей обратно.

Проѣхавъ въ темнотѣ еще шесть верстъ, мы добрались до небольшой деревни, гдѣ Венедиктъ хотѣлъ передать насъ нѣкоему Алексѣю. На востокѣ показалась блѣдная полоска зари, но кругомъ было еще темно, когда мы подъѣхали къ избѣ Алексѣя. Венедиктъ спрыгнулъ съ козелъ прямо въ лужу, налитую дождемъ, подошелъ къ воротамъ и началъ стучаться.

— Кто тамъ?—послышался сонный голосъ въ избѣ.

Венедиктъ назвалъ себя, прибавивъ, что привезъ проѣзжихъ. Въ избѣ вспыхнулъ огонекъ, и минутъ черезъ пять изъ калитки появился самъ Алексѣй, заспанный, всклокоченный, съ хриплымъ голосомъ, но не выказалъ и тѣни неудовольствія на то, что его такъ безцеремонно подняли съ постели. Поговоривъ съ Венедиктомъ, онъ пригласилъ насъ въ избу и только досадовалъ на своихъ бабъ, которыя уѣхали пахать и въ такой дождь не вернулись домой, а сидятъ въ полѣ.

Въ избѣ горѣла лучина, но ее вскорѣ замѣнили какимъ-то маслянымъ свѣтцомъ, темнымъ и дымнымъ. Хозяйка хлопотала около самовара, а мы принялись сушиться. Начались разспросы о губернаторѣ.

— Ужъ мы улицу-то пашемъ, пашемъ (метемъ), — разсказывала старуха, мать хозяина: — каждый день вѣдь все ждемъ. Пройдетъ дождикъ, всю нашу работу размоетъ; опять давай налаживать. Проѣдетъ ли кто, коровушки ли пройдутъ, ужъ мы опять на улицѣ, опять выравниваемъ да выглаживаемъ. Просто измаялись и бабы-то всѣ,—съ добродушною улыбкой добавила она.—По деревнямъ вотъ ужъ которую ночь караульные ходятъ и съ колотушками стучатъ, стучатъ родненькіе, а толку все нѣтъ.

Съ пашни вернулись молодыя бабы съ лошадями, всѣ мокрыя, но веселыя. Побранивъ ихъ, Алексѣй наскоро засыпалъ лошадямъ овса и, пока мы пили чай, сталъ собираться въ дорогу.

— Эхъ, господа, ужъ только по нуждѣ везу, — говорилъ онъ во время сборовъ: — не оставить же васъ посреди дороги, надо доставить; а то кони-то у насъ совсѣмъ умаялись, слѣдовало бы имъ въ праздникъ денекъ передохнуть дать, да вишь случай-то такой выходитъ, что ничего не подѣлаешь.

Часовъ около трехъ разсвѣло совсѣмъ, и мы тронулись въ путь.

Черезъ полчаса наша пара трусила по широкой улицѣ села До-

лоцкаго, всѣ жители котораго еще спали, и на улицѣ похаживала небольшая дѣвочка, одѣтая въ какую-то сермягу.

— Сторожишь? — крикнулъ ей Алексѣй.

— Сторожу, — улыбнулась дѣвочка.

— Смотри, не прозѣвай! — засмѣялся онъ.

Но вотъ и село и дѣвочка остались позади, мы въѣхали въ прекрасный лѣсъ, принадлежащій, по словамъ Алексѣя, рыбинскому фабриканту Журавлеву. Глазъ, утомленный жидкою невысокою растительностью, соповождавшею дорогу почти отъ самаго Тихвина, съ удовольствіемъ отдыхалъ теперь на этихъ зеленыхъ гигантахъ, изъ которыхъ любой могъ бы служить пейзажисту прекрасною моделью для этюда. Въ лѣсу подлѣ дороги Алексѣй указалъ намъ ключъ, текущій изъ-подъ часовни; на ключѣ поставлена мукомольная мельница.

За лѣсомъ потянулся цѣлый рядъ деревень, расположенныхъ въ нѣсколькихъ верстахъ одна отъ другой: Ельники, Мезга (село съ почтовой станціей), Логаново, Мочала, Марѳино. За деревнями снова начался лѣсъ, который, какъ говорятъ, тянется на 15 верстъ въ длину.

Устюжна была уже недалеко. На одномъ изъ поворотовъ, вдали мелькнули шпили ея колоколенъ. Выѣхавъ изъ лѣса, мы увидали внизу Мологу, а за нею и городъ, расположенный за рѣкою, вдоль ея берега. Обиліе церквей придаетъ маленькой Устюжнѣ довольно богатый и красивый видъ.

Алексѣй остановилъ лошадей и подвязалъ колокольчикъ.

— Въ другое-то время и такъ ѣздимъ, — замѣтилъ овъ: — а теперь какъ бы полицію не напугать, подумаютъ — губернаторъ.

Мы спустились къ парому, переправились черезъ Мологу и, поднявшись въ городъ по довольно крутому подъему, остановились у гостиницы, которая считается лучшею въ городѣ.

IV.

Устюжна.

Устюжна желѣзна, люди каменны.

Пословица.

Дверь гостиницы была еще заперта, но въ открытомъ окнѣ второго этажа лежала растрепанная, сонная фигура. Это былъ номерной, дремавшій на окнѣ.

У нихъ загулялъ хозяинъ, и по этому случаю никто всю ночь не ложился спать. Номерной отперъ дверь и отвелъ намъ комнату.

Подрядивъ Алексѣя везти насъ на другой день въ Весьегонскъ, мы спросили чаю.

Видъ Весьегонска съ Устюжскаго тракта.

— Ну, что у васъ въ городѣ посмотрѣть можно? — спросилъ я номерного.

— Да что у насъ смотрѣть? Кажется, нечего.

— Ну, можетъ быть, церкви старыя, памятникъ какой?

— Новыхъ церквей у насъ и нѣтъ, все старыя, а вотъ памятниковъ такъ дѣйствительно много, потому у насъ два кладбища.

Напившись чаю, мы отправились на осмотръ города и, выйдя на торговую площадь, наняли извозчика, «лехковаго № 12», какъ гласила надпись на его билетѣ.

Устюжну правильнѣе было бы называть Устижною, или, еще точнѣе, Усть-Ижиною, такъ какъ городъ былъ основанъ при устьѣ впадающей въ Мологу рѣчки Ижины, которая и давала ему свое названіе.

При сліяніи Ижины съ Мологою, на мыскѣ, называвшемся встарину Стрѣлицею, и теперь еще видны остатки небольшого земляного укрѣпленія,—городища,—бывшаго начальнымъ пунктомъ всего городка, который, съ теченіемъ времени, распространился и по Ижинѣ, и по обоимъ берегамъ Мологи, растянувшись на протяженіи четырехъ верстъ. По преданію, въ городищѣ находилось капище бога Купалы, въ честь котораго ежегодно, весною, справлялось особое торжество купанія или обливанія водою. Раскопки, произведенныя въ городищѣ, не увѣнчались успѣхомъ, но память о купальскомъ праздникѣ сохранилась въ городѣ до нашихъ временъ. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста дѣвушки, одѣвшись въ простыя платья, отправляются къ рѣкѣ, купаютъ другъ друга и затѣмъ, запасшись водою въ ковшахъ, шайкахъ, ведрахъ, еще сами мокрыя отъ купанья, бѣгаютъ по городу и обливаютъ каждаго, кого встрѣтятъ. День оканчивается общимъ гуляньемъ, на которое обливальщицы являются уже въ праздничныхъ костюмахъ, и въ пѣсняхъ и играхъ веселятся до поздней ночи.

Существуетъ преданіе, что на мѣстѣ языческаго капища на городищѣ была поставлена и первая христіанская церковь.

Въ лѣтописяхъ сохранились нѣкоторыя отрывочныя извѣстія изъ былой жизни Устюжны. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что около 1341 года на городъ напали «молодцы» новгородскіе, пожгли его и разграбили, но устюженцы собрались съ силами, напали въ свою очередь на грабителей и отняли у нихъ добычу. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ новгородцы, враждовавшіе съ московскимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, снова повоевали Устюжну. Въ то время она уже принадлежала къ московскимъ владѣніямъ, какъ это видно изъ духовной того же князя Василія Дмитріевича, завѣщавшаго ее въ удѣлъ младшему брату своему Константину. Имя Устюжны мы встрѣчаемъ такъ же въ завѣщаніяхъ Василія Темнаго и Іоанна III. Грозный, въ 1564 году, пожаловалъ ее въ вотчину княгинѣ-старицѣ Александрѣ, вдовѣ брата своего Юрія Васильевича.

Устюжна искони носила названіе желѣзнопольской, такъ какъ во всей этой мѣстности въ изобиліи добывалась и разработывалась желѣзная руда, и устюженцы съ самыхъ давнихъ временъ уже носили прозвище кузнецовъ. «На разстояніи почти шестидесяти верстъ»,— говоритъ одинъ путешественникъ, посѣтившій Устюжну въ 50-хъ годахъ:—«лѣса по всѣмъ направленіямъ наполнены полузаросшими угольными ямами, болота проймами, или прежними рудовыми выемками, а открытыя мѣста покрыты осарками (мусоромъ) отъ бывшихъ тутъ нѣкогда приселковъ съ плавильнями. И это огромное, по всей вѣроятности, количество желѣза свозилось въ Устюжну и тамъ ковалось. До восьми сотъ кузницъ стояло по берегамъ обѣихъ рѣкъ и по краямъ города. Изъ этихъ-то кузницъ, говоритъ преданіе, какъ въ настоящее время изъ Тулы, шли всѣ русскія издѣлія, какъ военныя, такъ и хозяйственныя, отъ гвоздя и до пушки».

Въ наше время желѣзное дѣло во всей мѣстности почти совершенно упало и практикуется лишь въ небольшихъ размѣрахъ, кустарнымъ способомъ, да и желѣзо добывается очень низкаго качества. Тотъ же путешественникъ бесѣдовалъ съ однимъ изъ крестьянъ, занимающихся добываніемъ желѣза, или по-здѣшнему «дмовкою».

— Да что, батюшка,—разсказывалъ крестьянинъ: — и говорить нечего, работа томная, бѣдовая. Кому стало за охоту, да ѣсть нечего, такъ не что,—а то Богъ съ ней! День деньской маешься, да и ночь не спишь, горишь, какъ диманъ, передъ печью, ни рубахи снять, ни вымыться. За то такой выйдешь, что и Богъ тя знаетъ,— а силушка-то, силушка! какъ испитой станешь, вѣдь дмёшь, дмёшь цѣлую недѣлю!

— А сколько васъ тутъ работаетъ—одинъ или двое?

— Гдѣ ти—одинъ, да этакъ и трехъ денъ не выстоишь; нѣтъ, покришко съ братаномъ (т. е. по двѣ ступки съ товарищемъ).

— Значитъ, во сколько же времени выплавливаются двѣ крицы?

— Да этакъ съ хорошую, какъ ти сказать, обѣдню будетъ (слѣдовательно двѣ крицы, или полтора пуда, примѣрно, въ два часа).

— А сколько въ барышахъ вы за недѣлю?

— Да не что, какъ кто могутёнъ, да дѣло знаетъ, такъ двое-то крицъ около сорока добудемъ.

Относительно цѣны за пудъ желѣза крестьянинъ отвѣтилъ.

— Да всяко: инò рубль, а инò рубль съ четвертью, а инò и полтинникъ. Вѣдь оно всяко, и у насъ бываетъ разница въ желѣзѣ-то, иное лучше, а иное хуже; вѣдь рудой ведется. Старики баютъ, что прежь сего и у насъ желѣзо-то бывало доброе, да повывелось, вишь охотника стало много. Оно бъ можно и изъ этого, пожалуй, сдѣлать ладно, да больно неталанно: надоть сжечь половину, либо болѣе.

Въ началѣ XVII вѣка устюженцы прославили себя геройскою обороною города отъ поляковъ.

Зимою 1607 года, въ самый Николинъ день, пришла въ Устюжну грамота отъ бѣлозерцевъ, которые совѣтовали устюженцамъ вѣры христіанской не попирать, польскимъ и литовскимъ людямъ не сдаваться и сложить головы за царя Василія и за домъ Богородицы. Хотя въ городѣ не было никакихъ укрѣпленій, но устюженцы отвѣчали на грамоту полнымъ согласіемъ. Какъ разъ въ это время посланные изъ Тушина люди пріѣхали править съ города кормы. Устюженцы поцѣловали крестъ не сдаваться, въ кормахъ тушинцамъ отказали и послали въ уѣздъ звать бояръ и дѣтей боярскихъ въ осаду, а такъ какъ у нихъ не было воеводы, то они назначили себѣ головами: Солмея Отрепьева, Богдана Перскаго и приказчика Алексѣя Суворова. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ изъ Москвы Андрей Петровичъ Ртищевъ, и устюженцы выбрали его своимъ воеводою. Съ Бѣлоозера также явилась помощь въ лицѣ Ѳомы Подщипаева, приведшаго съ собою четыреста человѣкъ.

Между тѣмъ изъ Углича уже шло на Устюжну войско, состоявшее изъ черкасъ, нѣмцевъ и русскихъ воровъ. Ртищевъ съ своимъ ополченіемъ тронулся имъ навстрѣчу, но боялся заходить далеко, зная силу и военную опытность противника. Ополченцы рвались впередъ. «Пойдемъ противъ супостатовъ»,—кричали они,—«умремъ за церкви Божьи, за вѣру христіанскую!» Воевода долженъ былъ уступить общему желанію, онъ двинулся впередъ и въ деревнѣ Батневкѣ встрѣтился съ тушинцами.

5 января 1608 г. произошла битва, въ которой храбрые, но неопытные ополченцы были окружены непріятелемъ и, по выраженію лѣтописца, посѣчены, какъ трава. Ртищевъ бѣжалъ въ Устюжну и не зналъ, что предпринять, такъ какъ врагъ, не сегодня, завтра, могъ появиться передъ городомъ.—«Помремъ на Устюжнѣ за домъ Богородицы и за вѣру христіанскую», — сказали ему устюженцы, уцѣлѣвшіе отъ пораженія. Въ это же время пономарь церкви Рождества Божіей Матери услышалъ голосъ, ясно говорившій: «Не устрашайтеся, православные христіане, не отпадайте: не дамъ дома моего на разореніе иноплеменнымъ». Между тѣмъ врагъ не показывался, и отъ Батневки, неизвѣстно почему, повернулъ обратно.

Устюженцы возблагодарили Богоматерь за чудесную помощь и дѣятельно принялись возводить острогъ. Работа кипѣла днемъ и ночью: копали рвы, ставили надолбы, ковали пушки, пищали, готовили ядра, точили оружіе и послали за порохомъ въ Новгородъ. Вмѣстѣ съ порохомъ Скопинъ прислалъ къ нимъ сто человѣкъ ратныхъ людей. Надо было торопиться: изъ Тушина, подъ начальствомъ Петрицкаго и Козаковскаго [1]) уже двигалась на Устюжну рать,

[1]) Называя предводителя тушинцевъ Козаковскимъ, мы слѣдуемъ С. М. Со-

Плотъ и паромъ на Мологѣ въ Весьегонскѣ.

состоявшая на этотъ разъ изъ поляковъ, литвы, черкасъ, татаръ, нѣмцевъ и русскихъ. Предводители еще съ дороги послали въ городъ предложенія о сдачѣ, но предложенія эти были отвергнуты.

Въ ночь съ 2 на 3 февраля непріятель появился подъ стѣнами Устюжны. Не теряя времени, онъ началъ стрѣльбу по острогу, но былъ встрѣченъ дружнымъ огнемъ и отступилъ за версту отъ города въ мѣстность, называвшуюся Подсосенье, спаливъ предва-

рительно часть незащищеннаго посада съ двумя церквами. 4 февраля поляки двинулись на приступъ, таща за собою возы съ соломою, чтобы поджечь стѣны. Главныя силы были направлены на ворота св. Димитрія. Осажденные съ криками: Господи помилуй! обороняли стѣну. Въ это время священники вынесли на стѣну икону Богоматери. Видъ священнаго изображенія Заступницы города удвоилъ силы ратниковъ, и приступъ былъ отбитъ. Не медля ни минуты, устюженцы устроили изъ города вылазку по отступавшему непріятелю отняли у него мѣдную пушку и при ней захватили пушкаря Капусту, котораго разрубили на части, а голову, въ видѣ трофея, подняли на высокое дерево.

Непріятель былъ прогнанъ за четыре версты, но не оставлялъ своего намѣренія взять городъ. 8-го числа къ тушинцамъ подошло подкрѣпленіе, и 9-го они снова бросились на приступъ. На этотъ разъ они повели его съ двухъ сторонъ, но горожане, призвавъ на помощь Владычицу, снова отразили ихъ съ большимъ урономъ. Видя безуспѣшность своихъ попытокъ, часть осаждающихъ потеряла терпѣніе и, переправившись за Мологу, ушла отъ города, но другая часть рѣшилась добиться своего во что бы ни стало и 10 февраля снова подступила къ стѣнамъ. Тушинцы гремѣли изъ орудій, пускали стрѣлы съ горящею паклей и съ криками, какъ бѣшеные, лѣзли на стѣны. Осажденные отбивались изъ всѣхъ силъ. Приступъ былъ настолько силенъ, что защитники уже начинали терять мужество, но въ критическій моментъ на стѣнѣ снова появилась икона Богоматери, и на этотъ разъ появленіе ея окончательно рѣшило судьбу осадъ. Непріятель былъ отбитъ и вскорѣ удалился, а благодарные устюженцы, въ память своего избавленія, установили ежегодное празднество 10 февраля для прославленія своей небесной Заступницы.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій приказалъ деньги, издержанныя городомъ на защиту и на пушки, зачесть въ сборъ таможенныхъ пошлинъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ была подтверждена грамота, выданная устюженцамъ еще при Грозномъ, по которой они имѣли право судиться у своихъ же выборныхъ судей. По переписи 1626 года въ Устюжнѣ людей, способныхъ носить оружіе, насчитывалось до 355, изъ нихъ 300 человѣкъ посадскихъ, вооруженныхъ: сто человѣкъ пищалями и двѣсти — рогатинами.

Въ настоящее время Устюжна — одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Новгородской губерніи, и въ ней насчитывается до 5.000 жителей обоего пола.

Осмотръ города мы начали съ западнаго его конца и велѣли везти себя къ устью Ижины. Остатки древняго городища замѣтны

ловьеву; Костомаровъ называетъ его Казановскимъ, у другихъ онъ носитъ названіе Касовскаго и т. д.

еще и теперь, но уже ни капища, ни храма на нихъ не видно. На холмѣ надъ Ижиною находится кладбище съ церковью св. Василія Великаго, построенною на мѣстѣ древняго городского собора. Мѣстность между Ижиною и кладбищемъ встарину носила названіе «буй на бую». Здѣсь когда-то происходили кулачные бои между Ижинскою и Зарѣцкою (т. е. Замоложскою) стороною.

Противъ Васильевской церкви, на другомъ холмѣ, стоитъ церковь Троицкая, также древней постройки. Впрочемъ извозчикъ нашъ оказался настолько тупымъ парнемъ, что изъ тринадцати церквей города зналъ далеко не всѣ, и за справками постоянно приходилось обращаться къ прохожимъ.

Отъ Ижины мы поѣхали улицей, идущею параллельно Мологѣ, и, миновавъ небольшой винный заводъ, принадлежащій мѣстному богачу, Курбатову, увидѣли влѣво каменный храмъ, стоявшій нѣсколько въ сторонѣ отъ улицы.

— Это что за церковь? — спрашиваемъ у извозчика.

— Это? А не знаю; въ ней не служатъ.

По улицѣ проходитъ старушка.

— Какая это церковь, бабушка?—обращаемся къ ней.

— Ась?

— Церковь-то какъ во-имя?

— Это что?

— Церкви-то этой какъ у васъ названіе,—имя-то?

— А Димитрія.

— Хорошо,—такъ и запишемъ.

Старушка проходитъ, но снова возвращается.

— Великомученика Димитрія, запиши.

— Ладно.

Улица привела насъ на небольшую площадь, на которой стояла уже не одна, а три церкви.

— Церкви знаешь?—спросили мы возницу.

— А это, — какъ его? Вотъ память-то! Вотъ эту посерединѣ зналъ, да забылъ. Какъ она?

Пока онъ припоминалъ, мы сошли съ дрожекъ и обратились къ проходившимъ по площади мѣстнымъ барышнямъ.

— Посерединѣ Стрѣтенье, направо Здвиженье, а налѣво Преображенье,—отвѣчали онѣ.

Съ площади мы проѣхали на другую часть города, за рѣку Ворóжу, протекающую почти въ центрѣ Устюжны. На мосту, въ ожиданіи губернатора, плотники спѣшно перестилали верхнюю настилку.

— А это вонъ Блоовѣшенье, — ткнулъ извозчикъ кнутомъ по направленію церкви, виднѣвшейся вправо, на берегу Ворожи.

— А что за праздникъ такой—Благовѣщенье?—полюбопытствовалъ я.

Извозчикъ повернулся къ намъ и глупо улыбнулся.

— А не знаю.
— Ты грамотный?
— Нѣту, нѣту.
— Что же не учился?
— Поучился годъ, да худо учился, такъ...

По берегу налѣво отъ моста тянулась соборная ограда съ довольно красивыми, характерными воротами, выходящими на Ворожу. Въ оградѣ густо разрослась зеленая березовая роща, а среди нея возвышался бѣлый каменный соборъ съ высокою колокольней. Мы остановились и вошли въ ограду.

Соборъ построенъ въ XVII столѣтіи. Прежде на его мѣстѣ находился монастырь во имя Рождества Богородицы, нынѣ уже не существующій. На соборной колокольнѣ помѣщаются часы съ боемъ, относимые преданіемъ къ временамъ Іоанна Грознаго. Часы эти устроены русскимъ мастеромъ Некраскою часовикомъ и, по словамъ писцовой книги, снабжены двумя заводами, на денные и ночные часы. Отъ собора, отъ окружающей его рощи и каменной ограды вѣетъ духомъ нетронутой, какъ бы застывшей старины.

Противъ собора вдоль берега Ворожи тянется большая пустынная площадь съ высокою пожарною каланчею посрединѣ. Полюбовавшись съ берега прихотливыми изгибами Ворожи,—которой какъ будто хочется вдоволь нагуляться на свободѣ, прежде чѣмъ приметъ ее въ себя Молога,—мы снова сѣли на дрожки и отправились на Казанское кладбище, оканчивающее собою городъ съ восточной стороны.

Церковь, на Казанскомъ кладбищѣ, построенная, повидимому, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII столѣтія, очень интересна по своей архитектурѣ. Изъ всѣхъ церквей Устюжны она представляетъ наибольшій интересъ въ смыслѣ стиля и характерности деталей.

Проѣхавъ изъ конца въ конецъ, или, что то же самое, отъ кладбища до кладбища—всю Ижинскую сторону, мы побывали и въ части города, лежащей за Мологою, но тамъ ничего достойнаго примѣчанія не нашли и, вернувшись въ гостиницу, легли спать, такъ какъ были порядкомъ измучены двумя предшествовавшими безсонными ночами.

На другой день въ три часа утра отправились въ Весьегонскъ, такъ и не видавъ губернатора, а за Устюжною даже и самые слухи о немъ прекратились.

Соборъ въ Весьегонскѣ.

VI.

Весьегонскъ.

Весьегонскъ, уѣздный городъ Тверской губерніи на р. Мологѣ и р. Рени, съ 3500 жителей, большею частію мѣщанъ, работающихъ на пристани и на судахъ. Купцы ведутъ значительную торговлю.

Изъ стараго словаря.

Не стану подробно описывать, какъ мы добрались до Весьегонска, такъ какъ общій характеръ дороги уже извѣстенъ читателю изъ предыдущихъ главъ, а на пути между Устюжною и Весьегонскомъ мы ничего особенно интереснаго не встрѣтили. Скажу только, что Алексѣй еще съ вечера передалъ насъ нѣкоему Александру, живущему на половинѣ дороги къ Весьегонску. Этотъ Александръ все время разсказывалъ намъ о мѣстныхъ помѣщикахъ, объ ихъ житьѣ-бытьѣ, ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, ихъ чудачествахъ и пр. Характеристики получались, правда, очень интересныя, но такъ какъ рѣчь шла о личностяхъ, и понынѣ еще здравствующихъ, то я не считаю себя въ правѣ оглашать его не совсѣмъ скромные разсказы.

По пути мы не разъ любовались красивыми видами, такъ какъ дорога пролегала по высокой, холмистой мѣстности, миновали границу Тверской губерніи, зачертили нѣсколько кургановъ, насыпанныхъ, вѣроятно, еще древнею весью, и перемѣнивъ лошадей въ домѣ Александра, прикатили въ Весьегонскъ часу въ первомъ дня.

Издали городъ производитъ менѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ Устюжна. Церквей, составляющихъ главное украшеніе панорамы каждаго провинціальнаго города, здѣсь всего три или четыре. Первое, что мы увидѣли, въѣзжая въ городъ, было кладбище съ недостроенной колокольней. Проѣхавъ двѣ-три улицы, мы очутились на берегу Мологи и спустились къ пароходной пристани, чтобы оставить тамъ вещи, такъ какъ хотѣли изъ Весьегонска добраться на пароходѣ до Волги. Пароходъ еще не приходилъ.

Распростившись съ нами, Александръ отправился на постоялый дворъ ожидать попутчика, а мы остались на пристани, любуясь на Мологу, катившую такъ же спокойно, какъ и въ Устюжнѣ, свои тихія воды по направленію къ Волгѣ.

Черезъ рѣку съ того берега медленно переправлялся паромъ съ крестьянскими телѣгами и лошадьми, а на плоту, почти подлѣ самой пристани, нѣсколько бабъ полоскали бѣлье; звонкіе голоса ихъ далеко разносились по тихой водѣ. Паромъ подошелъ къ нашему берегу.

— И чего трещите-то? Чего стрекочете? — крикнулъ съ парома бабамъ какой-то старичекъ, которому, видно, надоѣли ихъ крики во время переправы.

— А ты что за указчикъ?—огрызнулись бабы.

— Много-ль корзинъ наполоскали?

— А тебѣ на что? Ну, шесть! Ну, такъ что-жъ?

— А косточекъ перемыли, что и въ двѣнадцать не уберешь.

Слова его были покрыты громкимъ смѣхомъ присутствующихъ. Бабы принялись кричать старику что-то, очевидно, бранное, но мы не дожидались конца этой сцены и попли осматривать городъ.

Онъ не великъ и по внѣшнему виду, кажется, меньше и бѣднѣе Устюжны, хотя и ведетъ болѣе значительную торговлю. Названіе его произошло отъ древнихъ насельниковъ этой мѣстности, веси егонской, обитавшей здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Прозвище егонской здѣшняя весь получила, по мнѣнію однихъ, отъ финскаго слова Іогги—рѣка, а по мнѣнію другихъ, отъ рѣки Іогницы, для отличія отъ жившей неподалеку веси моложской. Въ XVI столѣтіи село Весь Егонское принадлежало московскому Симонову монастырю, и въ немъ находилась таможенная застава. Село было торговое и, вѣроятно, давало порядочный доходъ обители. Отъ 1563 года сохранилась грамота Іоанна Грознаго Ширяю Лопакову, повелѣвающая вызвать на судъ приказчиковъ и крестьянъ князя Прозоровскаго за нанесеніе убытковъ Симонову монастырю переводомъ ярмарки изъ Веси Егонской въ Старый Холопій. Въ слѣдующемъ году тому же Ширяю была отправлена другая царская грамота, запрещавшая пріѣзжимъ людямъ торговать въ селахъ Городецкаго, Углицкаго и Ярославскаго уѣздовъ, кромѣ Веси Егонской, гдѣ они должны были платить тамгу мѣстнымъ таможникамъ. Въ концѣ XVI столѣтія сюда перешла часть извѣстной моложской ярмарки, и торговые обороты сдѣлались еще крупнѣе.

Въ 1764 году село перешло отъ монастыря въ вѣдѣніе государственной экономіи, а въ 1776-мъ обращено въ заштатный городъ Тверского намѣстничества.

Въ настоящее время Весьегонскъ фигурируетъ уже въ качествѣ уѣзднаго города и извѣстенъ своею Богоявленскою ярмаркою, на которой продаются: хлѣбъ, кожи, мѣха, рыба и гвозди мѣстнаго и устюженскаго производства. Оборотъ ярмарки достигаетъ до 1,000.000 рублей.

Проходивъ по городу около часа, мы, кромѣ нѣсколькихъ довольно широкихъ улицъ, торговыхъ рядовъ и собора, построеннаго на холмѣ надъ Мологою, ничего заслуживающаго особаго вниманія не замѣтили.

Во время осмотра города намъ пришлось случайно познакомиться съ двумя мѣстными обывателями, въ бесѣдѣ которыхъ заключались кое-какіе штришки для характеристики нравовъ.

Переходя изъ улицы въ улицу, мы нѣсколько разъ встрѣчали все одну и ту же старуху съ коромысломъ и ведрами. Она какъ будто нарочно старалась попадать намъ на глаза и каждый разъ низко раскланивалась съ нами. Въ послѣдній разъ, когда мы шли по бульвару, насаженному на соборномъ холмѣ вдоль Мологи, старуха уже безъ ведеръ снова повстрѣчалась съ нами и, отвѣсивъ низкій поклонъ, стала просить денегъ на дорогу въ Леухинскій монастырь (лежащій ниже по теченію Мологи), куда она собирается на богомолье.

— Я мѣщанка здѣшняя,—разсказывала она:—хочется съѣздить отца Іоанна повидать; онъ скоро тамъ будетъ. У своихъ просить не хочется, не дадутъ, все равно, еще обругаютъ, а вы, господа, люди проѣзжіе, никому не скажете.

Мы дали ей на билетъ. Старуха осталась очень довольна и уже не отходила отъ насъ. По ея словамъ, о. Іоаннъ кронштадскій очень любитъ Леухинскую обитель и бываетъ въ ней чуть не каждый годъ.

— А то еще строятъ здѣсь монастырь,—продолжала она:—верстахъ въ 30 отсюда, на камнѣ. На камнѣ и церковь стоять будетъ. Бывшій слѣдователь ставитъ.

— Камень тутъ не при чемъ! — раздался чей-то рѣзкій голосъ слѣва.

Мы обернулись.

У рѣшетки, идущей вдоль бульвара, стоялъ человѣкъ, по костюму похожій на мѣщанина; онъ былъ замѣтно выпивши.

— Камень тутъ не при чемъ!—отчеканилъ онъ снова.

— Ась?—откликнулась старуха.

— Камень тутъ не при чемъ,—повторилъ мѣщанинъ еще настойчивѣе.

— Какъ не при чемъ, когда на камнѣ...

— Такъ и знайте, господа,—обратился онъ къ намъ,—что камень тутъ не при чемъ.

Мы тронулись далѣе.

— Это Курченковъ, маляръ здѣшній,—пояснила старуха:—въ соборѣ работаетъ, только выпиваетъ шибко.

Маляръ шелъ за нами слѣдомъ.

— Зачѣмъ это вы распространяете, путаете господъ?—обратился онъ къ старухѣ.

Теперь я разсмотрѣлъ его ближе. Глаза смотрѣли тускло, апатично; выраженіе лица плаксивое, голосъ высокій, слегка дребезжащій.

Старуха начала что-то возражать.

— Это мы знаемъ: какъ либо, какъ нибудь, было или не было! скороговоркой оборвалъ онъ ее и повернулся ко мнѣ: — позвольте, милостивый государь, я вамъ все разскажу. Государь—слово вели-

кое, но я васъ изъ уваженія милостивымъ государемъ называю. Я же вѣдь тамъ на постройкѣ работаю, и вы спросите только Василія Иванова Курченкова, онъ вамъ все скажетъ. Камень тамъ не при чемъ. Камень будетъ этакъ 8 аршинъ и этакъ 6 аршинъ. Понимаете? Этакъ 6, а этакъ 8. Но и при всемъ томъ теперь тамъ изображеніе Параскевы Пятницы.

— На камнѣ?

— Нѣтъ, въ часовнѣ.

— А гдѣ же часовня?

— Позвольте. Камень этакъ 8 аршинъ, а этакъ 6...

— А часовня-то на камнѣ?

— Нѣтъ.

— Сбоку?

— И опять нѣтъ.

— Такъ гдѣ же? на воздухѣ?

— Нѣтъ, и не на воздухѣ. А вотъ, положимъ, камень, этакъ 8 аршинъ, а этакъ 6 аршинъ...

И только лишь послѣ долгихъ разспросовъ намъ удалось наконецъ разобрать, что часовня сооружена вокругъ камня и охватываетъ его своими стѣнами.

Старуха начала разсказывать, что прежде тамъ часовни не было, а вѣра къ камню ужъ давно жила въ народѣ. На поверхности камня находилась ямочка, постоянно полная водою, которая почиталась цѣлебною, и жившая близъ камня корелка кропила этою водою больныхъ.

— И вдругъ благодать святаго Духа! — закричалъ Курченковъ.— Причемъ тутъ благодать? Понятно, сама воду наливала.

Желая поддержать старуху, я возразилъ, что народная вѣра въ камень на чемъ же нибудь да была основана.

Онъ уклонился отъ прямого отвѣта, видимо боясь спорить съ нами, но за то старуха снова воодушевилась.

— Изъ Дубровы мужикъ съ больными ногами пришелъ, а ушелъ здоровый,—заговорила она.

— А вы при этомъ были?—накинулся Курченковъ.

— Моя невѣстка съ нимъ шла.

— А позвольте васъ спросить, изъ какой деревни?

— Изъ Дубровы.

— А сколько ему лѣтъ?

— Не молодой.

— Я васъ не о томъ спрашиваю, молодой онъ, или немолодой, а вы мнѣ скажите, сколько ему лѣтъ?

— Да почемъ же я его лѣта знаю?

— Такъ вотъ видите, не знаете, а насъ учить хотите!

Узнавъ, что мы ѣдемъ на Волгу, онъ заговорилъ:

— Вы меня, милостивый государь, спросите: Курченковъ, какіе отъ Питера до Нижняго перекаты? Всѣ знаю.

— Вы лоцманомъ ходили?

— И лоцманомъ, и поставщикомъ, и судохозяиномъ, а теперь— маляръ! Я еще въ молодости это дѣло изучилъ, но въ одно прекрасное время пошелъ по другимъ дѣламъ. А почему Курченковъ въ Весьегонскомъ Богоявленскомъ соборѣ работаетъ? Потому что онъ поставщикъ!—закончилъ онъ, важно покосившись на старуху.

Но той, очевидно, хотѣлось познакомить насъ со всѣми мѣстными святынями, и она начала говорить о находящейся въ городѣ часовнѣ Кирика и Улиты, и приношеніяхъ въ нее натурою.

— Это вотъ какъ, — перебилъ ее Курченковъ:—вы, милостивый государь, несете туда, напримѣръ, пѣтуха, они (онъ указалъ на моего товарища) корову несутъ, я—гуся, а она (на старуху)—ничего; она молитву несетъ, и кончено. Потомъ эти наши приношенія начнутъ продавать отъ церкви намъ же. Мой гусь стоитъ рубль, я за него отъ усердія два даю. Такъ не лучше ли мнѣ прямо два рубля отдать? Зачѣмъ же гуся-то носить?

Старуха начала разсказывать, что у такихъ-то и такихъ-то коровы все телились неблагополучно, а какъ снесли теленка къ Кирику и Улитѣ, и оставили тамъ на крылечкѣ, коровы стали телиться прекрасно.

— Позвольте,—возразилъ Курченковъ:—вы при томъ не были. Это надо было самимъ видѣть.

— Чего? какъ телятся-то?

— Нѣтъ, а чудо-то. Вотъ еще, милостивый государь, есть здѣсь въ соборѣ икона Грузинской Божьей Матери, и говорятъ, будто бы въ давнія времена икона эта сама на лошади въ телѣгѣ пріѣхала. Встаютъ будто бы поутру, а у собора лошадь съ телѣгой, и въ ней икона. Но вѣдь это го-во-рятъ, а кто же это видѣлъ?

— А нешто Тифинская Владычица не явилась на воздусяхъ?— вступилась старуха.

— Такъ, Тифинская на камнѣ приплыла.

— Нѣтъ, не на камнѣ, а по воздуху.

— Какъ же по воздуху, если я и самое мѣсто видѣлъ, гдѣ камень остановился?

— Такъ вы судохозяиномъ были? — спросилъ я, чтобы замять споръ.

— Былъ-съ, милостивый государь, былъ-съ! У меня въ Копринѣ судно льдомъ унесло.

— Какъ такъ?

— Оставилъ тамъ человѣку на храненіе, а онъ говоритъ, будто льдомъ унесло. Восемьдесятъ бочекъ винныхъ дубовыхъ было, и тѣ пропали, говоритъ, льдомъ унесло и шабашъ! Сужусь, и посейчасъ сужусь! Вы знаете, каково имѣть дѣло съ дровокатами? Я и самъ

собаку съѣлъ, да не пускаютъ, куда слѣдуетъ, тормозятъ. Вѣрно, такъ ничего и не выйдетъ.

Мы стали спускаться съ бульвара къ пристани. Курченковъ простился съ нами, но, отойдя нѣсколько шаговъ, онъ вернулся и сказалъ мнѣ съ таинственнымъ видомъ:

— А если вамъ насчетъ нашего города что интересно, такъ я вамъ всю тайну открыть могу. Это стоитъ только три копейки, письмецо пошлите въ Весьегонскъ Курченкову, и отвѣтъ не замедлитъ.

Онъ ушелъ. Старуха продолжала идти за нами.

— Дуракъ пьяный!—ворчала она, вслѣдъ своему удалявшемуся оппоненту:—два дома просудилъ, теперь на квартирѣ живетъ. Его ужъ и изъ городской управы гоняютъ, а все неймется! Все не по немъ!

Пароходъ уже стоялъ у пристани и готовился къ отходу. Занявъ мѣсто въ рубкѣ, мы заказали обѣдъ и сѣли къ столу. Послышались свистки: первый, — второй,—третій. Вдругъ отъ сильнаго толчка рубка вся вздрогнула. Со стола полетѣли на полъ уксусъ, перецъ и горчица.

— Что это?—спросили мы покачнувшагося слугу.

— Это ничего-съ! Это пароходъ тронулся,—отвѣчалъ онъ.

И. Тюменевъ.

РОДИНА КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

Ъ ФЕВРАЛѢ мѣсяцѣ 1898 года, я провелъ нѣсколько дней близъ села Чижева, Духовщинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, гдѣ 160 лѣтъ назадъ родился Григорій Александровичъ Потемкинъ, «высокоповелительный генералъ-фельдмаршалъ» (такъ называетъ Потемкина въ офиціальной бумагѣ современникъ его оренбургскій и уфимскій генералъ-губернаторъ, баронъ Игельстромъ) [1]).

Хотя о «великолѣпномъ князѣ Тавриды» возникла цѣлая историческая литература, тѣмъ не менѣе полагаю, все-таки не безъинтересны будутъ, въ особенности для земляковъ-смолянъ, до сихъ поръ сохранившіеся о немъ и его родныхъ въ приходскомъ села Чижева храмѣ письменные документы и изъ устъ въ уста передаваемые старожилами-чижевцами разсказы.

Село Чижево свое названіе получило отъ рѣчки Чижевки, которая, обтекая на пространствѣ четверти версты западную сторону села, впадаетъ въ рѣку Славицу, а Славица въ Хмость. Чижево отъ своего уѣзднаго города Духовщины—въ 15, а отъ губернскаго города Смоленска—въ 40 верстахъ. Расположено оно на обширномъ холмѣ, окруженномъ у подошвы болотами и поемными лугами. Съ какого времени существуетъ Чижево, неизвѣстно, и первымъ историческимъ лицомъ, имя котораго связано съ именемъ Чижева, является отставной подполковникъ Александръ Васильевичъ Потемкинъ (ро-

[1]) «Русскій Архивъ» 1897 года, выпускъ 4, стр. 526.

дился въ 1673 году; женился въ 1727 году вторымъ бракомъ на вдовѣ Дарьѣ Васильевнѣ Скуратовой, рожденной Кондыревой; умеръ въ 1746 году; отъ перваго брака дѣтей не было), отецъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина. Александръ Васильевичъ Потемкинъ, владѣлецъ села Чижева, сравнительно небогатый дворянинъ, построилъ въ немъ въ 1700 году деревянный однопрестольный, во имя Покрова Пресвятой Богородицы храмъ, который и существовалъ 90 лѣтъ. Доказательствомъ служатъ надписи: а) на холстинномъ антиминсѣ, перемѣненномъ на новый атласный, освященный въ 1823 году епископомъ смоленскимъ Іосифомъ; б) на богослужебныхъ книгахъ.

О дѣтствѣ Григорія Александровича Потемкина извѣстно изъ устныхъ преданій, что онъ обучался азбукѣ, часослову и псалтири у дьячка села Чижева, Семена Карцева, которому не разъ, выражая свою благодарность за обученіе грамотѣ, маленькій Потемкинъ говаривалъ: «Когда я буду великимъ, то дамъ тебѣ хорошее мѣсто».

У чижевцевъ до настоящаго времени сохранился причудливый разсказъ, слышанный ихъ предками, будто бы отъ самого Карцева. Когда Потемкинъ достигъ высокаго положенія, Карцевъ отправился въ Петербургъ, гдѣ, послѣ долгихъ поисковъ, попалъ, наконецъ во дворецъ Потемкина. «Князь не узналъ меня», разсказывалъ Карцевъ, «а когда я сказалъ: здравствуй, Гриша Потемкинъ»,—князь обрадовался такому привѣтливому слову и въ отвѣтъ сказалъ: «здравствуй, братъ; еще никто въ жизни моей не называлъ меня такимъ ласковымъ словомъ». А когда я ему напомнилъ, какъ его маленькаго возилъ на своемъ буланомъ конѣ, князь еще пуще обрадовался и, обласкавъ меня, предложилъ взять въ Петербургѣ «любое поповское мѣсто». По дальнѣйшей версіи, мѣста священника въ Петербургѣ Карцевъ не принялъ, а получилъ какую-то должность, съ хорошимъ содержаніемъ, при дворѣ князя. Если преданіе о посѣщеніи Карцевымъ Потемкина и справедливо, то достовѣрнымъ источникомъ устанавливается, что Карцевъ должности при дворѣ князя не занималъ: такъ, изъ клировыхъ вѣдомостей видно, что Семенъ Карцевъ былъ дьякомъ въ селѣ Чижевѣ съ 1742 по 1806 годъ и умеръ «за штатомъ» столѣтнимъ старцемъ. Воспитываясь потомъ вдали отъ родины, въ Москвѣ, у дяди своего Козловскаго и пріѣзжая въ Чижево лишь гостить, Потемкинъ не оставилъ послѣ себя въ селѣ воспоминаній. Одинъ только монументъ, построенный, по всей вѣроятности, по распоряженію самого Потемкина, свидѣтельствовалъ о рожденіи въ Чижевѣ Григорія Александровича Потемкина и о его рѣдкомъ пребываніи въ немъ: это небольшое квадратное зданіе, съ колоннами, въ которомъ вдѣланъ бронзовый портретъ князя. Никѣмъ неподдерживаемый, памятникъ сталъ разрушаться и въ 1869 году бывшими дворовыми людьми совершенно разобранъ, при чемъ матеріалъ распроданъ, а портретъ похищенъ.

Въ настоящее время нѣтъ даже слѣдовъ усадьбы, а между тѣмъ, по разсказамъ старожиловъ, въ Чижевѣ былъ дворецъ, въ которомъ Потемкинъ принималъ императрицу Екатерину II, и теперь еще указываютъ колодезь, изъ котораго брали воду для государыни.

Болѣе точныя свѣдѣнія сохранились и несомнѣнные источники говорятъ о наслѣдникахъ Потемкина—Энгельгардтахъ. Изъ этихъ источниковъ мы знаемъ, что у Григорія Александровича Потемкина была сестра Маріа Александровна, вышедшая замужъ за полковника Василія Андреевича Энгельгардта, прапрадѣда благополучно здравствующей супруги оберъ-прокурора святѣйшаго синода Екатерины Александровны Побѣдоносцевой. Ко времени возвышенія своего брата (какъ извѣстно, Потемкинъ сталъ самымъ близкимъ лицомъ къ императрицѣ Екатеринѣ II въ 1774 году, а въ 1776 году былъ уже свѣтлѣйшимъ княземъ) Маріа Александровна уже овдовѣла и, обремененная многочисленнымъ семействомъ (однѣхъ дочерей было пять), скромно проживала въ своемъ смоленскомъ имѣніи, откуда Потемкинъ и вызвалъ къ себѣ въ Петербургъ своихъ племянницъ, изъ нихъ старшая Александра Васильевна Энгельгардтъ въ ноябрѣ 1781 года вышла замужъ за польскаго короннаго гетмана Ксаверія Петровича Браницкаго, а черезъ 10 лѣтъ, 15 октября 1791 года, въ пустынной молдаванской степи приняла послѣдній вздохъ своего могущественнаго дяди.

Безошибочно должно полагать, что Чижево, еще при жизни Потемкина, перешло къ племяннику его, сыну Маріы Александровны, генералъ-майору и впослѣдствіи дѣйствительному тайному совѣтнику, Василію Васильевичу Энгельгардту, который, въ виду ветхости чижевскаго деревяннаго храма, разобралъ его и на томъ же самомъ мѣстѣ и также въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, съ разрѣшенія и благословенія епископа смоленскаго Парѳенія, воздвигъ въ 1791 году каменную одноэтажную, съ каменными колокольнею, оградою и въ ней башнями, церковь, освященную тѣмъ же епископомъ и существующую поднесь. Доказательствомъ сему, кромѣ клировыхъ вѣдомостей, служитъ еще храмозданная грамота, выданная Василію Васильевичу, при благословенной печати, 19-го мая 1788 года, за № 74. Въ этой грамотѣ написано: «по благодати, дару и власти всесвятаго и животворящаго Духа..., благословили мы его превосходительству, господину генералъ-майору и кавалеру, Василію Васильевичу Энгельгардту въ вотчинномъ его Духовской округѣ селѣ Чижевѣ, вмѣсто ветхой деревянной Покрова Пресвятыя Богородицы церкви, построить новую каменную церковь...» и проч. Въ этой церкви, подъ самымъ алтаремъ, въ особо-устроенномъ, въ видѣ погреба, мѣстѣ, въ склепѣ, задѣланномъ кирпичемъ и оштукатуренномъ, и погребенъ строитель ея Энгельгардтъ. Умеръ онъ, какъ свидѣтельствуетъ надпись на стѣнѣ погреба, въ маѣ мѣсяцѣ 1829 года въ мѣстечкѣ Ольшанкѣ, Кіевской губерніи, а тѣло его,

по высочайшему повелѣнію, перевезено въ Чижево въ мартѣ 1830 года и погребено преосвященнымъ Іосифомъ, епископомъ смоленскимъ. Въ 1851 году церковная ограда, съ четырьмя огромными башнями и въ одной изъ нихъ складомъ для церковныхъ вещей, пришедшая въ разрушеніе, вновь передѣлана изъ прежняго же матеріала, но въ иномъ фасадѣ и безъ башенъ, иждивеніемъ бывшаго тогда церковнымъ старостою, владѣльца сельца Фролова, артиллеріи капитана Евменія Іосифовича Криштафовича. Въ чижевскомъ храмѣ, по цѣнности, заслуживаютъ вниманія немногіе предметы: двѣ, во весь ростъ, въ серебряныхъ ризахъ иконы—святителя Великія Арменіи Григорія, вѣсомъ 19 фунтовъ, и мученицы Татьяны, 18 фунтовъ, да серебряное кадило въ 3 фунта. Церковная ризница, какъ можно судить по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ облаченіямъ, нынѣ за ветхостью почти не употребляемымъ, была прежде очень богата: одну, напримѣръ, священническую парчевую ризу знатоки оцѣниваютъ въ 300 рублей. Церковной писцовой земли, по плану генеральнаго межеванія 1788 года, состоитъ 46 дес. 1.000 квадр. саж. Причтъ чижевской церкви, въ составѣ священника, дьякона, дьячка и пономаря, хотя получалъ отъ казны (съ 1847 года) содержанія въ годъ только 150 рублей и ограничивался весьма скромнымъ, сравнительно съ настоящимъ, вознагражденіемъ за отправленія требъ [1]), жилъ небезбѣдно, ибо постоянно пользовался милостями владѣльцевъ села Чижева и натурою, и деньгами: такъ есть письменный документъ, свидѣтельствующій, что по 1848 годъ причтъ получалъ ежегодно по 500 рублей ассигнаціями (142 руб. 85 3/4 коп. серебромъ) за упокойныя обѣдни. Въ особенности пользуется признательностью графиня Александра Васильевна Браницкая, которая, движимая любовью къ благолѣпію храмовъ божіихъ при своей жизни, пожелала увѣковѣчить свое имя памятью о немъ молитвами церкви и по смерти. Она завѣщала [2]) всю чижевскую землю, въ количествѣ 2.700 десятинъ, съ лѣсами, лугами, водами, господскою постройкою и всѣми угодіями, ея крестьянамъ деревень Чижева, Залужья, Труханова и Задерихи, съ увольненіемъ, притомъ, крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; но съ тѣмъ, чтобы крестьяне

---

[1]) Сохранились, между прочимъ, два доходные реестры за 1840 годъ, изъ коихъ видно, что крестьяне платили (перевожу прежній ассигнаціонный счетъ на нынѣшній серебряный): за крещеніе младенца 10 копеекъ, за молитву въ 40-й день женѣ-родильницѣ 3 коп., за бракъ 2 рубля, за погребеніе 1 рубль, за литургію по усопшимъ 50 копеекъ, за всенощную 50 копеекъ, за молебенъ въ церкви или въ домѣ, съ акаѳистомъ 25 копеекъ, за молебенъ безъ акаѳиста, въ домѣ 15 копеекъ.

[2]) Свѣдѣній о переходѣ къ графинѣ Браницкой Чижева отъ брата Василія Васильевича Энгельгардта не имѣется, и слѣдуетъ предположить, что Чижево досталось ей по какому либо документу отъ Василія Васильевича или сына его Андрея Васильевича.

этихъ деревень ежегодно на вѣчное время взносили на поддержку и благолѣпіе храма села Чижева по 500 рублей ассигнаціями (142 руб. 85³/₄ коп. сер.). Завѣщаніе это, по неизвѣстной причинѣ (не служило ли тормазомъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ землею?), не приводилось въ исполненіе около 20 лѣтъ, и уже дочь графини Александры Васильевны, графиня Елизавета Воронцова, исходатайствовала «правительственными мѣрами» утвержденіе его. Завѣщаніе помѣщено въ актѣ, учиненномъ крестьянами названныхъ деревень въ смоленской гражданской палатѣ отъ 21-го февраля 1858 года, за № 1722; смоленская же духовная консисторія 3-го мая того же года, за № 3660, предписала чижевскому причту творить поминовеніе на вѣчное время по усопшимъ графинѣ Александрѣ и роднымъ ея свѣтлѣйшимъ князьямъ Григоріи, Михаилѣ, Василіи и Маркѣ, съ отчисленіемъ ежегодно изъ означенной суммы (142 рублей 85³/₄ копеекъ) въ пользу причта 15 рублей серебромъ, что̀ до сихъ поръ свято исполняется: крестьяне безнедоимочно вносятъ ежегодно 142 рубля 85³/₄ копейки, а церковь поминаетъ указанныхъ консисторіею усопшихъ. Такимъ образомъ, на поддержку и благолѣпіе чижевскаго храма должно поступить въ теченіе 40 лѣтъ, за вычетомъ опредѣленныхъ консисторіею причту 600 рублей, 5.114 рублей 30 копеекъ, а храмъ, величавый по внѣшности, убогъ внутреннею лѣпотою, не имѣетъ даже печей, и, какъ каменный, зимою чрезвычайно холоденъ, чѣмъ и объясняется малолюдство посѣщающихъ церковь въ зимнее время. Правда, за 40 лѣтъ было немало издержекъ по церкви, а состоятельныхъ прихожанъ нѣтъ, и милости къ Чижеву наслѣдниковъ Потемкина, Энгельгардтовъ и Браницкихъ, прекратились, но все же желательно и, думается, возможно, хотя бы устройство печей, что̀ несомнѣнно привлечетъ въ свободное отъ сельскихъ работъ зимнее время молящихся и увеличитъ церковный доходъ.

Не пошло въ прокъ и благодѣяніе графини Браницкой ея крестьянамъ, получившимъ безмездно въ надѣлъ плодородной пахатной земли и заливныхъ луговъ по 12 десятинъ на душу мужского пола, но о печальномъ экономическомъ положеніи крестьянъ и поголовномъ ихъ пьянствѣ достаточно сказано въ 43 № «Смоленскаго Вѣстника» за 1898 годъ («корреспонденція изъ Духовщинскаго уѣзда»), и остается лишь пожалѣть о забытой родинѣ всесильнаго князя Григорія Александровича Потемкина.

Лавръ Зайцевъ.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЙ КНИГИ.

«Окраины» Самарина—подвигъ гражданской доблести одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей Россіи, глубокаго мыслителя, философа, богослова и въ то же время практическаго дѣятеля, неутомимаго стоятеля и борца за правое русское дѣло».

И. С. Аксаковъ.

Ъ ПРОШЛОМЪ году, съ выходомъ въ свѣтъ IX-го тома полнаго собранія сочиненій Самарина, закончилась перепечатка его «Окраинъ Россіи», изданныхъ первоначально за границей. Въ прошломъ же году исполнилось тридцать лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ перваго выпуска упомянутаго изданія—и пятьдесятъ лѣтъ со времени появленія «Писемъ изъ Риги», этой прелюдіи къ «Окраинамъ Россіи».

«Окраины Россіи», сдѣлавшіяся въ настоящее время во всемъ своемъ объемѣ доступными русской читающей публикѣ, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ книгъ послѣдняго полстолѣтія. Замѣчательна исторія этой книги, возбудившей при своемъ появленіи страшную полемику въ русской и особенно въ заграничной печати и навлекшей на автора неудовольствіе правительства. Замѣчательна и та историческая роль, которая выпала на долю «Окраинъ Россіи» при разрѣшеніи вѣкового балтійскаго вопроса въ минувшее царствованіе, когда программа Самарина была усвоена правящими сферами, а его изданіе сдѣлалось настольной книгой для русскихъ дѣятелей въ Прибалтійскомъ краѣ.

Но книга Самарина представляетъ не одинъ только чисто-историческій интересъ. Перепечатка ея, хотя и запоздавшая своимъ окончаніемъ, далеко не можетъ считаться излишней и въ настоящее время, когда не подлежитъ никакому сомнѣнію благодѣтельное для Прибалтійскаго края вліяніе объединительныхъ реформъ. Дѣло въ томъ, что программа Самарина проведена не во всей полнотѣ, многія изъ его предположеній близятся къ своему осуществленію, а нѣкоторыя, и при томъ наиболѣе важныя, намѣчены только, какъ вопросы болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Въ виду всего этого книга Самарина не утратила вполнѣ своего значенія и для настоящаго времени. Познакомить современныхъ читателей съ исторіей и содержаніемъ этой книги будетъ тѣмъ болѣе не лишнимъ, что громадный объемъ ея (четыре большихъ тома, считая «Письма изъ Риги» и «Исторію Риги») можетъ отпугнуть даже записного любителя чтенія.

Ни въ одномъ сочиненіи такъ полно и такъ всесторонне не освѣщенъ балтійскій вопросъ въ его новѣйшемъ періодѣ, какъ въ «Окраинахъ Россіи». Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что Самаринъ интересовался разрѣшеніемъ этого вопроса въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ своей жизни, при чемъ послѣднее ея десятилѣтіе онъ посвятилъ изданію «Окраинъ Россіи». Практическое знакомство Самарина съ остзейскимъ вопросомъ началось еще въ царствованіе Николая I-го. Уже въ 1845 году мы находимъ у Самарина готовую программу относительно разрѣшенія балтійскаго вопроса. «Задача заключается въ томъ,—писалъ онъ Хомякову 1-го января 1846 года, — чтобы эманципировать низшіе классы или лучше всѣ классы (исключая одного высшаго) отъ исключительнаго господства дворянскаго сословія. Обращеніе латышей въ православную вѣру, вовсе не вынужденное, а свободное, совершится неминуемо, само собою; остается только отстранять препятствія, воздвигаемыя на каждомъ шагу нѣмцами-протестантами и особенно нѣмцами-православными... Другой вопросъ, также чрезвычайно важный, заключается въ томъ, чтобы вывести народъ изъ рабства, прикрытаго формами законности, и дать ему: 1) неотчуждаемую поземельную собственность, 2) право перехода въ сосѣднія губерніи на условіяхъ, 3) право пріобрѣтенія земель... Кромѣ всего этого, предстоитъ преобразовать устройство гильдій, цеховъ, магистрата и вообще торговыхъ и городскихъ законовъ».

Въ томъ же 1846 году, Самаринъ дѣлается помощникомъ дѣлопроизводителя при двухъ комитетахъ, только что учрежденныхъ для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ, и въ этомъ званіи онъ составляетъ историческій очеркъ уничтоженія крѣпостного состоянія въ Лифляндіи и подробное сравнительное изложеніе узаконеній о лифляндскихъ крестьянахъ 1804, 1809, 1819 и 1843 годовъ. Послѣ пятимѣсячныхъ занятій при лифляндскихъ комитетахъ

въ Петербургѣ, послужившихъ хорошей практической школой для будущаго дѣятеля крестьянской реформы въ Россіи и Польшѣ, Самаринъ отправляется въ Ригу, гдѣ остается въ теченіе двухъ лѣтъ и составляетъ, главнымъ образомъ, на основаніи архивныхъ матеріаловъ «Исторію городскихъ учрежденій Риги» (болѣе 500 стр.), напечатанную въ 1852 году на казенный счетъ «для лицъ высшаго управленія».

Но исполненіемъ своихъ офиціальныхъ обязанностей Самаринъ, живя въ Ригѣ, не ограничивается. Онъ внимательно присматривается и чутко прислушивается ко всему, что дѣлается и говорится въ административномъ центрѣ Прибалтійскаго края, и глубоко негодуетъ при видѣ того приниженнаго положенія, въ которое поставлено нѣмцами все русское и православное, и того безотраднаго состоянія, до котораго доведено прибалтійское крестьянство, получившее за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ личную свободу, но безъ земли. Особенно возмущаетъ Самарина дѣятельность прибалтійскаго генералъ-губернатора, свѣтлѣйшаго князя Суворова (внука генералиссимуса), смѣнившаго въ февралѣ 1848 года Е. А. Головина, горячо преданнаго интересамъ православія и русской народности. На границѣ Рижскаго уѣзда вновь назначенный высшій представитель русской власти въ краѣ дѣлаетъ выговоръ орднунгсрихтеру за то, что тотъ рапортуетъ генералъ-губернатору порусски, а не на своемъ родномъ языкѣ; пріѣхавъ въ Ригу, Суворовъ дѣлаетъ визиты всѣмъ лютеранскимъ пасторамъ и не заѣзжаетъ ни къ одному православному священнику; раскольничьи свадьбы онъ на первыхъ же порахъ обзываетъ «собачьими» и всѣхъ женъ старообрядцевъ приказываетъ именовать «блудными дѣвками» и т. д. Эти возмутительные факты Самаринъ сообщаетъ въ длинномъ письмѣ Погодину, котораго проситъ сообщить подвиги Суворова А. П. Ермолову и вообще распространить слухи о нихъ по Москвѣ, чтобы возбудить общественное мнѣніе и хотя такимъ путемъ немного сдержать не въ мѣру увлекшагося своими остзейскими симпатіями генералъ-губернатора. Не надѣясь на особенную пользу этого письма Самаринъ рѣшается поподробнѣе ознакомить русское общество съ сущностью балтійскаго вопроса и лѣтомъ 1848 года пишетъ свои знаменитыя «Письма изъ Риги».

«Систематическое угнетеніе русскихъ нѣмцами, ежечасное оскорбленіе русской народности въ лицѣ немногихъ ея представителей— вотъ что волнуетъ во мнѣ кровь, и я тружусь для того только, чтобы привести этотъ фактъ къ сознанію, выставить его передъ всѣми... Отнынѣ я считаю долгомъ всякаго русскаго, по мѣрѣ силъ, дѣйствовать противъ остзейцевъ. Но это послѣднее убѣжденіе досталось мнѣ не даромъ. Сколько оскорбительныхъ отзывовъ о русскихъ волновало во мнѣ кровь и шевелило желчь. Всякое обидное слово о русскихъ я чувствовалъ, какъ личную обиду, я принялъ и не

могъ не принять на свой счетъ ненависть къ моимъ соотечественникамъ. Атмосфера, въ которой я жилъ эти два года, была пропитана ненавистью. Сердце мое и характеръ испортились; я чувствую, что въ этомъ отношеніи перемѣнился къ худшему. Авось, это пройдетъ въ Москвѣ, а урокъ останется. Если слѣпая, глупая и, наконецъ, все-таки не слишкомъ страшная вражда, мною встрѣченная, такъ меня перевернула и лишила способности дѣйствовать спокойно и разсудительно, то мнѣ ли толковать о всепрощающей любви, о русскомъ смиреніи и т. п.?» Вотъ въ какомъ настроеніи были написаны знаменитые «памфлеты», какъ самъ Самаринъ назвалъ свои письма.

Но эти письма замѣчательны не только своимъ страстнымъ и пропитаннымъ ненавистью къ нѣмцамъ тономъ, они замѣчательны, и какъ первый набросокъ мыслей и взглядовъ, подробнѣе развитыхъ Самаринымъ впослѣдствіи въ «Окраинахъ Россіи». Въ первомъ письмѣ Самаринъ бѣгло обозрѣваетъ историческое прошлое Прибалтійскаго края, чтобы доказать, что «Россія имѣла на Остзейскій край историческія и даже естественныя права». Во второмъ письмѣ онъ бичуетъ сословную исключительность доминирующихъ классовъ прибалтійскаго общества, не останавливающихся для сохраненія своихъ средневѣковыхъ привилегій ни передъ какими недозволенными средствами. Въ третьемъ письмѣ передаются возмутительные факты пренебрежительнаго отношенія нѣмцевъ къ русскому закону и русскому языку. Четвертое письмо не менѣе возмущаетъ изображеніемъ безправнаго положеніи русскихъ въ покоренномъ ими краѣ. Въ пятомъ письмѣ доказывается, что современное устройство Прибалтійскаго края противорѣчитъ не только «основнымъ государственнымъ и общественнымъ началамъ, выработаннымъ новѣйшей исторіей, достоинству и выгодамъ Россіи», но и интересамъ самого края, въ которомъ и правосудіе, и экономическое развитіе страдаютъ вслѣдствіе упорно отстаиваемыхъ немногочисленными кружками своихъ устарѣвшихъ привилегій. Шестое письмо передаетъ исторію движенія латышей въ православіе, начавшагося въ 1841 году, остановленнаго мѣстной администраціей путемъ самыхъ суровыхъ мѣръ и ославленнаго нѣмцами, какъ результатъ агитаціи со стороны православнаго духовенства.

«Отношеніе Остзейскаго края къ землѣ русской, къ правительству, положеніе русскихъ—все это неестественно, ложно и требуетъ коренного преобразованія. Его можетъ осуществить правительство, чего мы и должны ожидать... Коренное преобразованіе съ каждымъ днемъ становится необходимѣе. Я желаю его отъ всей души, не потому только, что продолжительное торжество лжи, обмана и злоупотребленій убиваетъ всякую вѣру въ правительство, не ради однихъ только русскихъ, болѣе пятидесяти лѣтъ страдающихъ за свою народность, но ради будущей судьбы самихъ остзейцевъ, ко-

торая вся заключена въ Россіи». Такъ резюмируетъ самъ Самаринъ главную мысль своихъ памфлетовъ, распространившихся въ рукописяхъ по Москвѣ и Петербургу не только среди близкихъ друзей Самарина, но и среди вліятельныхъ въ то время лицъ. Эти письма читали между прочимъ въ Москвѣ митрополитъ Филаретъ, А. П. Ермоловъ, графъ С. Г. Строгановъ, а въ Петербургѣ — министры графъ Перовскій и графъ Киселевъ, которые находили нужнымъ представить эти письма, въ смягченномъ видѣ, самому императору Николаю I. Но прежде чѣмъ Самаринъ собрался передѣлать свои письма, слухъ о нихъ дошелъ до ушей петербургскихъ остзейцевъ и князя Суворова, и, благодаря ихъ соединеннымъ усиліямъ, 5 марта 1849 года Самаринъ очутился въ Петропавловской крѣпости «за разглашеніе канцелярской тайны».

«Я надѣюсь на справедливость государя, — писалъ С. Т. Аксаковъ, узнавъ объ арестѣ Самарина: — когда онъ прочтетъ всѣ письма Самарина, то, я увѣренъ, обратитъ гнѣвъ на милость. Не можетъ быть, чтобы онъ не почувствовалъ негодованія за положеніе русскихъ въ Ригѣ». Надежды Аксакова оправдались. Вечеромъ, 17 марта, послѣ двѣнадцатидневнаго заключенія, обставленнаго, впрочемъ, всевозможнымъ комфортомъ (бѣлье, книги, сигары), авторъ «Писемъ изъ Риги» былъ доставленъ въ Зимній дворецъ въ кабинетъ императора Николая I, гдѣ произошла интересная бесѣда, записанная Самаринымъ въ тотъ же день. Государь успѣлъ уже ознакомиться съ письмами Самарина, и вотъ какой отзывъ сдѣлалъ онъ о ихъ содержаніи. «Не говоря уже о томъ, что многое въ томъ, что вы пишете, не вѣрно и лживо, вы, очевидно, возбуждали вражду нѣмцевъ противъ русскихъ, вы ссорили ихъ, тогда какъ слѣдуетъ ихъ сближать; вы укоряете цѣлыя сословія, которыя служили вѣрно; начиная съ Палена, я могъ бы высчитать до 150 генераловъ. Вы хотите принужденіемъ, силою сдѣлать изъ нѣмцевъ русскихъ, съ мечемъ въ рукахъ, какъ Магометъ, но мы этого не должны дѣлать, именно потому, что мы христіане. Вы писали подъ вліяніемъ страсти; я хочу думать, что она была раздражена личными непріятностями и оскорбленіями. Русскіе не могутъ сдѣлаться нѣмцами, но мы должны любовью и кротостью привлечь къ себѣ нѣмцевъ. Вы прямо мѣтили на правительство: вы хотѣли сказать, что со времени императора Петра I и до меня мы всѣ окружены нѣмцами, и потому сами нѣмцы. Понимаете, къ чему вы пришли: вы поднимали общественное мнѣніе противъ правительства; это готовилось повтореніе 14 декабря» Этимъ отеческимъ выговоромъ и закончилась много нашумѣвшая въ высшихъ столичныхъ сферахъ исторія съ «Письмами изъ Риги», являющаяся только прелюдіей къ той журнальной оргіи, которую вызвалъ Самаринъ черезъ двадцать лѣтъ первымъ выпускомъ своихъ «Окраинъ Россіи».

Въ эти двадцать лѣтъ Самаринъ пріобрѣлъ одно изъ почетнѣй-

шихъ мѣстъ въ исторіи величайшей реформы XIX вѣка—въ исторіи освобожденія крестьянъ въ Россіи и Польшѣ, когда онъ былъ правой рукой главнаго дѣятеля этой приснопамятной эпохи, Н. А. Милютина. Но, работая практически надъ осуществленіемъ своей завѣтнѣйшей мечты, Самаринъ не упускалъ изъ виду и остзейскаго вопроса. Что же происходило въ то время въ Прибалтійскомъ краѣ? «Гуманный внукъ воинственнаго дѣда», какъ назвалъ Суворова поэтъ Тютчевъ, несмотря на обличенія Самарина, оставался въ Ригѣ на генералъ-губернаторскомъ посту до 1861 года. Положеніе «свободныхъ» латышей и эстовъ нисколько не улучшилось, несмотря на видимыя заботы о нихъ нѣмецкихъ бароновъ, выразившіяся въ цѣломъ рядѣ законодательныхъ мѣропріятій, направленныхъ якобы въ пользу крестьянъ. Когда прибалтійское населеніе стало просить распространенія на ихъ край Положенія 19 февраля 1861 года, помѣщики поспѣшили убѣдить правительство, что крестьянамъ и безъ того живется хорошо. «Доходъ одного женатаго сельскаго работника въ Лифляндіи, среднимъ числомъ, превосходитъ доходъ цѣлаго семейства прусскихъ землевладѣльцевъ». «Всѣ имѣющіяся числовыя данныя говорятъ одинаково въ пользу развитія благосостоянія крестьянъ». Такіе выводы преподносила остзейская статистика русскому правительству и русской публикѣ [1]), семь лѣтъ спустя послѣ того, какъ императоръ Александръ II въ государственномъ совѣтѣ сказалъ, что «безземельное освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое» (Русскій біографическій словарь, I, 557).

Далѣе, если положеніе прибалтійскихъ крестьянъ вообще было «весьма жалкое», то положеніе тѣхъ латышей и эстовъ, которые перешли въ православіе въ надеждѣ на улучшеніе своей участи, было поистинѣ невыносимое. Не говоря уже о томъ, что у нихъ почти не было школъ, что православныя церкви нерѣдко помѣщались въ сараяхъ,—помѣщики подвергали православныхъ крестьянъ такимъ притѣсненіямъ, что въ 1864 году они массами заявляли флигель-адъютанту графу Бобринскому просьбы о дозволеніи обратно перейти въ лютеранство.

Точно также и мѣры, предпринятыя правительствомъ въ царствованіе императора Николая I относительно распространенія русскаго языка въ правительственныхъ учрежденіяхъ и школахъ края, не привели ни къ какимъ результатамъ. Указы 1842 и 1850 года о введеніи переписки на русскомъ языкѣ и о замѣщеніи съ 1858 года вакантныхъ мѣстъ предпочтительно лицами, знакомыми съ русскимъ языкомъ, оставались мертвой буквой. Преподаваніе русскаго

---

[1]) См. роскошно изданное статистическое изслѣдованіе секретаря лифляндскаго статистическаго комитета Ф. Юнгъ-Штиллинга: «О сельскомъ бытѣ лифляндскихъ крестьянъ», Спб., 1868.

языка, введенное, благодаря настойчивости графа Уварова, въ прибалтійскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по смерти императора Николая I пошло на ущербъ, и познанія учащихся въ русскомъ языкѣ въ шестидесятыхъ годахъ, по заявленію графа Д. Толстого, оказались ниже, чѣмъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Не къ объединенію, а наоборотъ еще къ большому разъединенію съ Россіей направлены были усилія нѣмецкихъ помѣщиковъ и лютеранскихъ пасторовъ, уразумѣвшихъ опасность тѣхъ православно-русскихъ симпатій, которыя проявило прибалтійское населеніе въ эпоху массовыхъ обращеній латышей и эстовъ въ православіе. Германизація латышей и эстовъ дѣлается священнымъ долгомъ и политической задачей прибалтійскаго дворянства. Объ этомъ было заявлено публично, во всеуслышаніе, между прочимъ, въ 1864 году, при открытіи лифляндскаго ландтага, генералъ-суперъ-интендентомъ Вальтеромъ [1]). Главнымъ проводникомъ этой германизаціи должны были служить народныя школы, число которыхъ поразительно быстро ростетъ и въ программы которыхъ вводится нѣмецкій языкъ.

Во вторую половину шестидесятыхъ годовъ правительство замѣтило ненормальность подобныхъ явленій и предприняло рядъ мѣръ для ослабленія сепаратистическихъ тенденцій. Въ 1867 году было подтверждено распоряженіе 1850 года о веденіи на русскомъ языкѣ переписки съ высшими государственными учрежденіями и съ присутственными мѣстами внѣ края. Тогда же былъ санкціонированъ рядъ мѣръ для усиленія преподаванія въ школахъ русскаго языка и было положено начало русскимъ учебнымъ заведеніямъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Всѣ эти распоряженія, понятно, встрѣтили ярую оппозицію со стороны прибалтійскихъ нѣмцевъ, видѣвшихъ въ распространеніи русскаго языка нарушеніе «балтійской конституціи», будто бы обезпечивающей господство нѣмецкаго языка въ дѣлопроизводствѣ и школахъ. Эта оппозиція не ограничивалась вѣрноподданническими адресами прибалтійскаго дворянства о сохраненіи господства нѣмецкаго языка, она перешла на страницы заграничныхъ изданій и даже нашла себѣ мѣсто въ нѣмецкихъ газетахъ, издающихся въ Россіи. Русская печать не оставила безъ возраженій вопли заграничныхъ газетъ о «попираніи ногами священнѣйшихъ правъ человѣчества», и началась рѣзкая полемика, въ которой наиболѣе замѣтное участіе принимала «Москва», органъ И. С. Аксакова

Не могъ не принять участія въ этой полемикѣ и Самаринъ, незадолго передъ тѣмъ закончившій свои труды по устройству быта польскихъ крестьянъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1867 года, на страницахъ

---

[1]) Вслѣдъ за рѣчью Вальтера московскій пасторъ Ферманъ напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» письмо, гдѣ между прочимъ было сказано: «германизировать латышей и эстовъ мы считаемъ долгомъ гуманности и христіанской любви».

«Москвы» появляется рядъ передовыхъ статей, посвященныхъ балтійскому вопросу. Въ этихъ статьяхъ говорилось о «жалкомъ положеніи православныхъ» въ Прибалтійскомъ краѣ, о безотрадномъ положеніи прибалтійскаго крестьянства, которое «надѣется, что когда нибудь и для него наступитъ 19-е февраля», о потворствѣ администраціи нѣмецкимъ помѣщикамъ въ ущербъ латышамъ и эстамъ, которые «положительно не желаютъ нѣмечиться» и «тянутъ къ русской народности». «Но обрусѣть собственными средствами,—говоритъ Самаринъ,—безъ помощи и содѣйствія съ нашей стороны они не могутъ; наоборотъ, всѣ снаряды для невольнаго ихъ онѣмеченія давно подготовлены и приведены въ дѣйствіе. Не трудно предсказать, что произойдетъ, если мы не пойдемъ къ нимъ навстрѣчу, а оттолкнемъ ихъ, или только не протянемъ имъ руки. Школа, кирха, полиція, судъ, вотчинная расправа, мѣстные фонды—все это въ нѣмецкихъ рукахъ. Средствъ для національной нѣмецкой пропаганды много, безпечности съ нашей стороны еще больше. Пройдетъ поколѣніе, другое и, можетъ быть, въ какую нибудь критическую минуту, когда намъ понадобятся безотчетныя сочувствія и порывы самоотверженія, когда мы будемъ искать друзей вездѣ, не только въ замкахъ, но и въ избахъ, мы встрѣтимъ на своемъ Балтійскомъ поморьѣ ужъ не нѣмецкую колонію, а цѣлую нѣмецкую націю».

За эти статьи изданіе «Москвы» было пріостановлено на три мѣсяца. Тогда Самаринъ прибѣгаетъ къ содѣйствію заграничнаго печатнаго станка, и въ 1868 году въ Прагѣ появляются первые два выпуска «Окраинъ Россіи».

«Я не революціонеръ и не консерваторъ, не демократъ и не аристократъ, не соціалистъ, не коммунистъ и не конституціоналистъ». Такъ рекомендуетъ себя Самаринъ въ предисловіи къ первому выпуску «Окраинъ Россіи», какъ бы оправдываясь въ томъ, что издаетъ свою книгу за границей. «На окраинахъ Россіи, особенно сѣверо-западной и балтійской, пахнетъ гарью. Въ одномъ мѣстѣ недавній пожаръ не совсѣмъ потушенъ... Въ другомъ мѣстѣ накопляются горючіе матеріалы... Въ своемъ приходѣ будить людей нельзя—это ужъ дознано рядомъ опытовъ, и я перехожу въ другой приходъ, въ гостепріимную Богемію, и ставлю на пражскомъ Вышеградѣ скромную пожарную каланчу. Авось увидятъ сигналъ изъ дому». Такими побужденіями руководился Самаринъ, начиная первую серію «Окраинъ Россіи», посвященную Балтійскому поморью, обѣщая въ будущемъ вторую серію, посвященную Сѣверно-западному краю, и мечтая о третьей серіи, посвященной Польшѣ и Юго-Западному краю.

Гоненіе на православіе, безотрадное положеніе крестьянъ, антирусская пропаганда среди латышей и эстовъ, германизація населенія посредствомъ школы, возбужденіе общественнаго мнѣнія Европы противъ правительственнаго вмѣшательства въ прибалтійскія дѣла,

устарѣлость и несправедливость «балтійской конституціи», ошибки русской администраціи въ краѣ, неравноправность русскихъ съ нѣмцами — вотъ главныя темы, которыя Самаринъ подвергаетъ обсужденію въ первомъ выпускѣ «Окраинъ Россіи». «Все лютеранское духовенство,—говорится тамъ,—ежедневно и ежечасно, въ журналахъ и съ каѳедръ поноситъ православную церковь». «Германизація латышей и эстовъ—это первая задача нынѣшней балтійской политики». «Народныя школы въ Балтійскомъ краѣ употребляются именно съ цѣлью германизировать латышей». «Тамошніе школьмейстеры окончательно отвоюютъ у насъ народъ». «Намъ объявлено печатно, на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ, что если правительство вздумаетъ серьезно настаивать на введеніи русскаго языка въ официальное употребленіе, если оно захочетъ, чтобы судьи назначались въ Балтійскомъ краѣ такимъ же порядкомъ, какъ и въ остальной Россіи, если впослѣдствіи оно потребуетъ, чтобы полиція въ этомъ краѣ, какъ и въ Россіи, была въ его рукахъ, а не въ рукахъ дворянства; тогда пробьетъ послѣдній часъ его законнаго владычества, и вѣрноподданные рыцари, ничего никогда не забывающіе, вспомнятъ про своего героя Рейнгольда фонъ-Паткуля. Въ этомъ же духѣ преподается въ учебныхъ заведеніяхъ исторія края и воспитываются молодыя поколѣнія».—Вотъ наиболѣе рѣзкія выраженія Самарина, подкрѣпленныя имъ ссылками на дѣйствительные факты. «При первомъ удобномъ случаѣ,—говоритъ Самаринъ въ заключеніе,—пустятъ заведенную машину въ ходъ, и въ одно прекрасное утро проснувшаяся Россія увидитъ на мѣстѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи колыбель народившейся за ночь новой Остзейской Финляндіи».

Вслѣдъ за первымъ выпускомъ «Окраинъ Россіи» явился и второй, гдѣ были напечатаны «Записки православнаго латыша Индрика Страумита», крайне интересныя по изображенію экономическаго и нравственнаго состоянія латышей въ эпоху движенія ихъ въ православіе, то-есть, въ первую половину сороковыхъ годовъ. Авторъ этихъ записокъ, латышскій крестьянинъ, впослѣдствіи православный священникъ, разсказываетъ то, что онъ видѣлъ и слышалъ собственными глазами и ушами и испыталъ на собственной спинѣ. Его безъискусственный разсказъ о бѣдствіяхъ латышей, особенно перешедшихъ въ православіе, производитъ сильное впечатлѣніе на читателя. Это «жалобный стонъ глубоко уязвленной души», говоритъ издатель записокъ, провѣрившій ихъ, насколько оказалось возможнымъ, съ фактической стороны. «Сердце мое обливалось кровью,— говоритъ Погодинъ, — при чтеніи этого разсказа, на которомъ лежитъ печать правды. Этотъ разсказъ стоитъ романа г-жи Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома» и долженъ быть переведенъ на всѣ европейскіе языки, чтобъ Европа увидѣла различіе между русскими варварами, которые надѣлили 60 милліоновъ своихъ и чужихъ, поль-

скихъ и грузинскихъ крестьянъ, свободою и землею, и нѣмецкими гуманистами, которые, per fas et nefas, отстаиваютъ феодальныя права среднихъ вѣковъ на основаніи изветшавшихъ пергаментовъ».

Легко понять, какое впечатлѣніе должны были произвести въ Россіи и за границей первые выпуски «Окраинъ Россіи». Изъ русскихъ газетъ «Московскія Вѣдомости», «Биржевыя Вѣдомости» и особенно «Москва» Аксакова помѣстили цѣлый рядъ статей по поводу заграничнаго изданія Самарина. «Появленіе этой книги, — писалъ Аксаковъ, — есть истинное событіе въ нашей общественной жизни. «Московскія Вѣдомости» совершенно вѣрно оцѣнили достоинство изданія г. Самарина, говоря, что оно должно сдѣлаться настольною справочною книгою каждаго русскаго дѣятеля въ Балтійскомъ краѣ. «Мы скажемъ болѣе,—прибавляетъ Катковъ,—эта книга—гражданскій поступокъ,—заслуга передъ всей Россіей и ея государемъ. Безпристрастно, на основаніи точныхъ данныхъ, неопровержимыхъ историческихъ свидѣтельствъ, несомнѣнныхъ административныхъ документовъ и собственнаго сознанія нѣмецкихъ балтійскихъ публицистовъ, раскрываетъ Ю. Ѳ. Самаринъ передъ взорами русскаго правительства и общества — настоящую картину нашей балтійской приморской окраины. Разоблачая все искусное сплетеніе козней и происковъ, направленныхъ къ ослабленію связи этого поморья съ Россіей; обнажая съ другой стороны въ длинномъ перечнѣ наши административныя и общественныя ошибки и промахи, наши собственные грѣхи противъ русскихъ національныхъ интересовъ,— авторъ напоминаетъ Россіи ея долгъ и ея призваніе».

Сдержаннѣе отнеслись къ книгѣ Самарина русскіе органы противоположнаго направленія. Такъ «Вѣстникъ Европы» остался недоволенъ полемическими увлеченіями «Окраинъ Россіи» и набросилъ на нихъ нѣкоторую тѣнь, заявивъ, что «въ книгѣ Самарина есть положенія недоказанныя, и полемическій характеръ ея требуетъ осторожнаго обращенія съ его выводами». Но и несочувствующій Самарину либеральный журналъ подписался подъ нѣкоторыми изъ требованій автора «Окраинъ Россіи». «Нѣтъ сомнѣнія, — читаемъ мы въ ноябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» за 1868 годъ,—что государственный языкъ для всѣхъ мѣстностей Россіи долженъ быть общій; нѣтъ сомнѣнія, что всѣ граждане Русскаго государства должны знать его языкъ. Наконецъ, не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что русскому правительству нѣтъ никакого расчета, ни обязанности помогать остзейскимъ нѣмцамъ въ германизаціи эстовъ и латышей».

Совершенно иначе отнеслось къ книгѣ Самарина правительство, подвергшееся рѣзкой критикѣ въ лицѣ остзействующихъ министровъ и генералъ-губернаторовъ. Оба первые выпуска «Окраинъ Россіи» подверглись строгому цензурному запрещенію, и, кромѣ того, въ ноябрѣ 1868 года московскій генералъ-губернаторъ объявилъ Самарину высочайшій выговоръ за обходъ закона, совершенный изда-

ніемъ книги за границей, и за подрывъ довѣрія къ правительству и авторитета верховной власти рѣзкимъ порицаніемъ дѣйствій администраціи. Самаринъ написалъ императору Александру II смѣлое и полное достоинства оправдательное письмо, въ которомъ доказывалъ пользу и необходимость публичнаго и свободнаго обсужденія балтійскаго вопроса и повторялъ главнѣйшія положенія своей книги [1]).

Гораздо болѣе шуму было произведено въ заграничной прессѣ, гдѣ появились десятки статей въ нѣмецкихъ газетахъ и рядъ отдѣльныхъ брошюръ, направленныхъ противъ «Окраинъ Россіи», первый выпускъ которыхъ появился въ нѣмецкомъ переводѣ. Главную роль въ заграничной полемикѣ противъ Самарина играли остзейскіе публицисты: Боккъ, Эккардтъ, и особенно профессоръ русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ, Ширренъ, книга котораго «Liefländische Antwort an Herrn Juri Samarin» въ одинъ годъ выдержала три изданія. Посвященная опроверженію выводовъ Самарина и безусловной защитѣ «балтійской консистуціи» [2]), книга Ширрена оказалась наполненной возмутительнѣйшими нападками на Россію и на все русское. Профессоръ русской исторіи въ русскомъ университетѣ заявлялъ, что «русскіе не знаютъ прошедшаго и не имѣютъ будущаго», что въ Прибалтійскомъ краѣ русскіе только гости, потому что этотъ край принадлежитъ русскому императору (котораго Боккъ называлъ «лифляндскимъ герцогомъ»), а не русскому народу, что Лифляндія—«западно-протестантская страна», а не русская губернія, что онъ, Ширренъ, «позволилъ бы молодежи въ остзейскихъ провинціяхъ учиться по-китайски, по-французски, только не по-русски» и т. д. и т. д.

Возмутительная книга Ширрена, имѣвшая такой успѣхъ за границей, обратила на себя вниманіе и въ Россіи и, пожалуй, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ «Окраины Россіи», содѣйствовала прояснению общественнаго мнѣнія относительно остзейскаго вопроса. «Вѣстникъ Европы» отмѣтилъ въ книгѣ Ширрена «много возмутительнаго». «Особенно возмутительна у него,—по заявленію почтеннаго журнала,—манера представлять нѣмцевъ у насъ преслѣдуемыми и защита германизаціи латышей и эстовъ». «Голосъ» помѣстилъ рядъ статей Погодина въ формѣ открытаго письма къ Ширрену, гдѣ маститый историкъ выступилъ на защиту историческихъ правъ Россіи на Прибалтійскій край и правъ туземцевъ, которые, по его словамъ, «благословляютъ имя г. Самарина, возвысившаго свой независимый голосъ въ защиту несчастныхъ илотовъ XIX вѣка» [3]). Общественное мнѣніе въ Россіи было до того возбуждено полеми-

[1]) Это письмо напечатано въ началѣ VIII тома сочиненій Самарина.

[2]) «Нѣмецкая нація и ея потомство въ этихъ странахъ, и эти страны для нѣмецкой націи и ея потомства — вотъ сумма всѣхъ капитуляцій». Таково одно изъ заявленій Ширрена.

[3]) Письмо Погодина составило цѣлую брошюру, изданную отдѣльно («Остзей-

кой по поводу «Окраинъ Россіи» и «Лифляндскаго отвѣта» Ширрена, что лифляндское дворянство было вынуждено заявить правительству о своей несолидарности съ сепаратистическими стремленіями Бокка и Ширрена.

Болѣе всего оскорбленій во время этой полемики, конечно, выпало на долю Самарина. Остзейскіе публицисты постарались одновременно возстановить противъ Самарина и русское правительство и общественное мнѣніе Европы. Боккъ, еще до появленія «Окраинъ Россіи», приступившій къ изданію за границей враждебнаго Россіи органа «Livländische Beiträge», аттестовалъ книгу Самарина, какъ «яростное нападеніе на верховную власть всероссійскаго самодержца». Самого автора Боккъ причислилъ «къ шайкѣ негодяевъ, получавшей направленіе изъ мрака панславистическихъ клубовъ», а его книгу объявилъ результатомъ личной мести за то, что Самаринъ былъ смѣщенъ съ должности княземъ Суворовымъ. Далѣе Самаринъ назывался агентомъ правительства, написавшимъ свою книгу по заказу и издавшимъ ее на полученное отъ правительства пособіе; кромѣ того, авторъ «Окраинъ Россіи» уличался въ намѣренномъ искаженіи фактовъ и въ систематическихъ подлогахъ. Большую часть возраженій на «Окраины Россіи» и нападокъ на свою личность Самаринъ оставилъ безъ отвѣта. Но для Бокка и Ширрена, а также для автора анонимной брошюры, напечатанной въ Баденъ-Баденѣ на французскомъ языкѣ и перепечатанной потомъ въ Берлинѣ, онъ сдѣлалъ исключеніе, имѣя, конечно, въ виду болѣе вліятельное положеніе своихъ оппонентовъ и большую популярность ихъ изданій. Отвѣтъ Бокку и Ширрену по поводу «Окраинъ Россіи» появился въ 1870 году и далъ Самарину возможность уличить своихъ противниковъ въ самыхъ недобросовѣстныхъ пріемахъ полемики и еще рѣзче подчеркнуть тѣ положенія, которыя вызвали наиболѣе ожесточенныя нападки въ заграничной печати.

Въ предисловіи къ этому отвѣту Самаринъ обѣщалъ въ слѣдующихъ выпускахъ привести «документальныя доказательства главныхъ тезисовъ, только затронутыхъ» въ первомъ выпускѣ. И дѣйствительно, уже въ 1871 году вышелъ третій выпускъ «Окраинъ Россіи», посвященный подробному и основанному на документальныхъ данныхъ изложенію исторіи движенія латышей къ православіе въ началѣ сороковыхъ годовъ. Этотъ историческій очеркъ особенно нуженъ былъ въ то время, потому что за границей настойчиво распускались слухи, выставлявшіе упомянутое движеніе не добровольнымъ стремленіемъ латышей и эстовъ къ православію, а результатомъ злонамѣренной агитаціи православнаго духовенства,

---

скій вопросъ. Письмо М. П. Погодина къ проф. Ширрену». Москва. 1869 г.) и переведенную на нѣмецкій языкъ.

будто бы увлекшаго довѣрчивый народъ къ перемѣнѣ вѣры обѣщаніями всяческихъ земныхъ благъ. Слухи эти такъ усердно распространялись врагами православія, что даже нѣкоторые изъ русскихъ сановниковъ считали ихъ справедливыми; а въ 1867 году органъ русскихъ крѣпостниковъ «Вѣсть» даже печатно заявилъ, что латыши были обращены въ православіе «искусственными мѣрами». По мнѣнію же Самарина, неоднократно имъ заявленному и раньше, «это была не искусственная агитація и не случайная вспышка, а историческая тяга цѣлаго народа къ Россіи, въ основныхъ своихъ побужденіяхъ совершенно свободная, исходившая изъ неудовлетворенныхъ духовныхъ потребностей и въ то же время изъ глубокаго недовольства всею тогдашнею обстановкою крестьянскаго быта». Въ третьемъ выпускѣ «Окраинъ Россіи» мы и находимъ яркую картину безотраднаго экономическаго и религіозно-нравственнаго состоянія латышей, такъ что не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что отпаденіе прибалтійскихъ массъ отъ лютеранства сначала въ гернгутерство, а потомъ въ православіе было «казнью за вѣковое нерадѣніе и за высокомѣрное пренебреженіе къ простонародью и его нуждамъ» [1]).

Но обвиненіями православнаго духовенства въ «совращеніи» латышей и эстовъ въ православіе заграничная агитація не ограничилась. Прибалтійское лютеранское духовенство хотѣло отпавшихъ въ православіе вернуть обратно въ лоно евангелическо-лютеранской церкви. Оно не удовольствовалось отмѣною въ 1865 году предбрачныхъ подписокъ о крещеніи въ православіе дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ и подняло вопли о насиліи надъ совѣстью «совращенныхъ» латышей и эстовъ, которымъ не позволяютъ перейти въ лютеранство. Весною 1870 года въ Женевѣ читались публичныя лекціи о преслѣдованіи лютеранства въ Прибатлійскомъ краѣ. По просьбѣ возникшаго въ Швейцаріи «Общества друзей латышей и эстовъ, заполоненныхъ греко-россійской церковью», депутаты Евангелическаго союза, 23 іюня 1870 года, добились аудіенціи у императора Александра II, во время его пребыванія въ виллѣ Бергъ близъ Штутгарта, и обратились къ нему съ ходатайствомъ за притѣсняемыхъ латышей и эстовъ. Съ подобнымъ же ходатайствомъ вторая депутація Евангелическаго союза обратилась въ слѣдующемъ году къ канцлеру Горчакову. Помимо этихъ ходатайствъ, подававшихъ заграничной прессѣ поводъ къ оскорбительнымъ нападкамъ на православіе, появлялись книги и брошюры не менѣе оскорбительнаго содержанія, взводившія на православное духовенство Прибалтійскаго края такія невѣроятныя преступленія, какъ, напримѣръ, насиль-

---

[1]) Въ третьемъ выпускѣ «Окраинъ Россіи» излагается исторія православныхъ латышей только въ періодъ 1841—1844 годовъ. Продолженіе исторіи этого религіознаго движенія (1845—1848 года) появилось только въ 1896 году въ X томѣ полнаго собранія сочиненій Самарина.

ственное причащеніе. Нѣкоторыя изъ этихъ возмутительныхъ изданій явились изъ-подъ пера лицъ, допущенныхъ къ изслѣдованію положенія дѣла на мѣстѣ. Таковъ отчетъ швейцарца Вурстембергера, объѣхавшаго въ 1871 году съ дозволенія русскаго правительства Прибалтійскій край и рекомендовавшаго себя православному духовенству жандармскимъ полковникомъ Андріановымъ. Чтобы дать понятіе, какими отчетами о прибалтійскихъ дѣлахъ угощали тогда заграничную публику, достаточно указать на то, что, по заявленію Вурстембергера, прибалтійскіе крестьяне, благодаря нѣмцамъ, «стояли выше всѣхъ европейскихъ народовъ, занимающихся земледѣліемъ».

Разсказъ о вмѣшательствѣ Евангелическаго союза въ религіозный вопросъ Прибалтійскаго края и отчетъ Вурстембергера съ коментаріями Самарина и составляютъ первую часть IV выпуска «Окраинъ Россіи», вышедшаго въ 1874 году.

Защищая православное духовенство Прибалтійскаго края отъ несправедливыхъ обвиненій и ратуя за интересы православія въ краѣ, Самаринъ не скрывалъ, что одною изъ причинъ отпаденія латышей отъ лютеранства была надежда новообращенныхъ на улучшеніе своего матеріальнаго положенія; онъ не отрицалъ также, что подъ вліяніемъ обманутыхъ надеждъ и преслѣдованій, которымъ подвергались православные латыши отъ помѣщиковъ и пасторовъ, началось обратное движеніе изъ православія въ лютеранство. Хорошо понимая причины этой религіозной неурядицы, онъ совѣтовалъ принять цѣлесообразныя мѣры для ея устраненія. Одною изъ такихъ мѣръ онъ считалъ надѣленіе православныхъ крестьянъ участками казенной земли для освобожденія ихъ отъ экономической зависимости у помѣщиковъ-лютеранъ. Другою неотлагательной мѣрой онъ считалъ поднятіе православныхъ школъ на должную степень высоты. Вопросамъ аграрному и школьному и посвящена большая часть IV выпуска «Окраинъ Россіи». Въ статьѣ «Водвореніе православныхъ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ» разсказывается длинная исторія этого вопроса, возбужденнаго еще въ 1849 году преосвященнымъ Платономъ, но задержаннаго остзействующими генералъ-губернаторами. Особенно интересенъ разсказъ о дѣятельности управляющаго прибалтійскою палатою государственныхъ имуществъ, С. Н. Шафранова, по проекту котораго во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ началось надѣленіе казенной землей православныхъ латышей, какъ хозяевъ, такъ и батраковъ. Эта мѣра, особенно надѣленіе землей батраковъ, была ославлена остзейцами, какъ дѣло соціализма и какъ революціонный пріемъ, и результатомъ этой агитаціи было удаленіе Шафранова изъ Прибалтійскаго края.

Гораздо подробнѣе остановился Самаринъ на школьномъ вопросѣ. Его статья «Сельскія школы въ Лифляндіи» представляетъ грустную исторію православной прибалтійской школы въ первое

двадцатипятилѣтіе ея существованія, когда она влачила самое жалкое существованіе, подвергалась самымъ возмутительнымъ гоненіямъ со стороны лютеранъ, и несмотря на все это, хотя и медленно, но все-таки развивалась и преподаваніемъ русскаго языка привлекала къ себѣ даже лютеранскихъ дѣтей. Самаринъ ратовалъ за правительственную и общественную поддержку православной прибалтійской школы въ интересахъ православія, въ интересахъ распространенія русскаго языка среди прибалтійскаго сельскаго населенія и въ интересахъ противодѣйствія германизаторскимъ тенденціямъ лютеранской школы. «Тяжба между руссицизмомъ и германизмомъ,— говоритъ Самаринъ,— за обладаніе массою коренного мѣстнаго населенія вступила въ третій, вѣроятно, послѣдній фазисъ и разрѣшается теперь въ стѣнахъ сельской школы. Пойдетъ ли народъ въ нѣмецкую или русскую школу? Послужитъ ли ему ключемъ къ дальнѣйшему образованію языкъ нѣмецкій или языкъ русскій? Въ первомъ случаѣ онъ мало-по-малу повернется всею массою лицемъ къ Германіи, усвоитъ себѣ вмѣстѣ съ ея языкомъ общественные и политическіе ея идеалы, ея національныя сочувствія и антипатіи, и тогда наша балтійская окраина въ сущности будетъ для насъ потеряна, какъ бы долго ни числилась она въ составѣ Россіи, подобно тому, какъ уже теперь потеряна для нѣмецкой Австріи не только Венгрія, но и Богемія и Галиція. Во второмъ случаѣ, пріобрѣтеніе Петра I укрѣпится за нами навсегда не въ силу Ништатскаго трактата, а въ силу органическаго сращенія тамошняго народа съ Россіей».

Яркими иллюстраціями къ разсказу Самарина о тогдашнемъ положеніи православія въ Прибалтійскомъ краѣ являются приложенія къ IV выпуску «Окраинъ Россіи», гдѣ помѣщенъ рядъ подлинныхъ документовъ и разсказовъ очевидцевъ о состояніи православныхъ латышскихъ церквей и школъ. Такой же характеръ носитъ и V выпускъ изданія Самарина, вышедшій въ 1875 году, гдѣ между прочимъ напечатаны всеподданѣйшія записки бывшаго прибалтійскаго генералъ-губернатора Альбединскаго съ очень интересными его свидѣтельствами о настроеніи прибалтійскаго дворянства по отношенію къ Россіи. Нѣкоторыя заявленія этого высшаго представителя русской власти въ краѣ такъ напоминаютъ взгляды Самарина, что кажутся заимствованными изъ его «Окраинъ Россіи». Такъ, напримѣръ, Альбединскій писалъ, что въ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края «растетъ и крѣпнетъ нѣмецкое національное чувство», что «прибалтійское юношество пропитывается на школьныхъ скамьяхъ духомъ, совершенно чуждымъ всему русскому». Далѣе, по поводу упорной защиты нѣмцами своихъ привилегій Альбединскій почти слово въ слово съ Самаринымъ заявляетъ, что «прибалтійскіе нѣмцы считаютъ всѣ способы пригодными для противодѣйствія русскому вліянію въ краѣ», что среди нихъ «укоренилось

мнѣніе о возможности обойти всякое правительственное начинаніе и ослабить всякій неблагопріятный для нихъ законъ». Приведенныя выдержки изъ всеподданѣйшей записки бывшаго прибалтійскаго генералъ-губернатора свидѣтельствуютъ между прочимъ о томъ, что если отчасти и справедливы упреки по адресу Самарина въ томъ, что онъ нерѣдко увлекался своимъ пристрастіемъ къ прибалтійскимъ нѣмцамъ, то во всякомъ случаѣ возбужденныя имъ обвиненія не были созданіемъ его фантазіи, а покоились на прочномъ основаніи несомнѣнныхъ фактовъ, которые долженъ былъ признать и Альбединскій, этотъ, по терминологіи автора «Окраинъ Россіи», представитель «генералъ-адьютантскаго нигилизма».

Самымъ обширнымъ и наиболѣе объективно написаннымъ выпускомъ «Окраинъ Россіи» является послѣдній (VI-й), вышедшій въ 1876 году и посвященный «крестьянскому вопросу въ Лифляндіи». На основаніи подлинныхъ документовъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи, Самаринъ подробно разсказываетъ исторію крестьянской реформы въ Лифляндіи, произведенной въ 1804 году подъ просвѣщеннымъ давленіемъ русскаго правительства и при участіи русскихъ дѣятелей. Положеніе 1804 года, не даровавшее лифляндскимъ латышамъ и эстонцамъ полной свободы, но зато закрѣпившее за крестьянами-хозяевами обработываемую ими землю и урегулировавшее повинности крѣпостныхъ по довольно благопріятной для нихъ шведской таксѣ 1680 года, Самаринъ считаетъ наиболѣе благодѣтельнымъ законодательнымъ актомъ изъ всѣхъ мѣръ, предпринятыхъ для улучшенія экономическаго положенія прибалтійскаго крестьянства. По мнѣнію автора «Окраинъ Россіи», русское правительство, стремясь обезпечить латышей и эстовъ землей, шло по вѣрному пути, и Самаринъ очень сожалѣетъ, что въ 1816—1819 годахъ прибалтійскому дворянству удалась «выгодная афера» безземельнаго освобожденія прибалтійскихъ крестьянъ. «Крестьянское дѣло въ прибалтійскихъ губерніяхъ,—говоритъ Самаринъ,—не разрѣшено, а только испорчено, и прибавлю для ясности: оно можетъ и должно быть исправлено». Исторія крестьянскаго положенія 1804 года потому и привлекла вниманіе Самарина, что она дала возможность указать на тѣ «забытыя начала», которыя должны быть положены въ основу «исправленія» крестьянскаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ. Другая тенденція, проходящая красною нитью черезъ весь VI выпускъ «Окраинъ Россіи», заключается въ указаніи на то, что балтійская интеллигенція должна быть по возможности устранена отъ участія «въ законодательной разработкѣ предметовъ, касающихся тамошнихъ мѣстныхъ интересовъ». Съ этою цѣлью Самаринъ съ особенной силой подчеркиваетъ ту ненависть прибалтійскаго дворянства, съ которой оно относилось къ главному виновнику реформы 1804 года, благородному ландрату Фридриху Сиверсу, и то противодѣйствіе, которое оказало дво-

рянство изданію и введенію въ дѣйствіе новаго положенія. Факты, сообщаемые Самаринымъ на основаніи бывшаго въ его распоряженіи подлиннаго дѣлопроизводства, касающагося положенія 1804 года, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что прибалтійское дворянство, за такими рѣдкими исключеніями, какъ Фридрихъ Сиверсъ и графъ Мелинъ, дѣйствовали въ высшей степени эгоистически, не останавливаясь ради матеріальныхъ выгодъ передъ подлогами, извращавшими въ ущербъ крестьянъ смыслъ высочайшей воли.

Весною 1876 года, Ю. Ѳ. Самаринъ неожиданно скончался въ Берлинѣ. «Эта роковая вѣсть не могла не поразить глубоко каждаго на всѣхъ концахъ Россіи». Такъ писалъ К. Д. Кавелинъ въ горячо прочувствованномъ некрологѣ, напечатанномъ въ «Вѣстникѣ Европы».—«Отечественныя Записки» такъ же почтили память Самарина, какъ «человѣка замѣчательнаго и достойнаго всякаго уваженія». «Зло онъ видѣлъ тамъ,—писалъ между прочимъ Г. З. Елисѣевъ,—гдѣ оно дѣйствительно есть: въ тяжеломъ положеніи народныхъ массъ, въ поглощеніи общественной самодѣятельности бюрократизмомъ, въ феодальныхъ стремленіяхъ русскаго дворянства, въ преобладаніи и господствѣ иноземнаго элемента надъ русскимъ на окраинахъ». Если такъ сочувственно отнеслись къ Самарину два такіе органа печати, какъ «Вѣстникъ Европы» и «Отечественныя Записки», несмотря на свое антиславянофильское направленіе, то легко себѣ представить, какіе некрологи печатались и какія рѣчи произносились друзьями и единомышленниками покойнаго славянофила. «Человѣкъ, которому нѣтъ замѣны, съ которымъ ушло отъ насъ цѣлое богатство духа» (И. С. Аксаковъ); «незамѣнимый человѣкъ для его родныхъ, друзей и знакомыхъ» (А. Н. Поповъ); «человѣкъ съ высокимъ философскимъ развитіемъ» (М. И. Каринскій); «одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской жизни и лучшихъ друзей русскаго народа» (князь А. И. Васильчиковъ); «неутомимый борецъ народности, оказавшій неоцѣненныя услуги исторіи» (А. Д. Градовскій); «современный богатырь русскаго народа» (Г. К. Градовскій); «прекрасный докладчикъ, блестящій діалектикъ, истинный ораторъ въ высшемъ значеніи этого слова» (В. И. Ламанскій); «одинъ изъ представителей высшихъ задачъ нашей народной жизни» (протопресвитеръ Янышевъ); «истинный православно-русскій герой» (М. И. Горчаковъ); «истинный сынъ своей церкви и своего народа» (протоіерей Ключаревъ, духовникъ Самарина). Таковы характернѣйшіе эпитеты, извлеченные изъ рѣчей, произнесенныхъ членами славянскаго благотворительнаго общества и духовными лицами по поводу смерти Самарина.

Не были забыты ораторами и некрологистами и заслуги Самарина, какъ автора «Окраинъ Россіи», но отмѣчено это было гораздо слабѣе, чѣмъ его литературная, научная и въ особенности общественная дѣятельность. Ораторы славянскаго благотворительнаго обще-

ства упомянули о нихъ только мимоходомъ. Даже Орестъ Миллеръ, напечатавшій въ «Недѣлѣ» пространный «опытъ характеристики» Самарина, упомянувъ и о его стремленіи «поправить ошибку Петра», посвятилъ «Окраинамъ Россіи» всего только двѣ странички. И едва ли не первая сколько нибудь подробная посмертная оцѣнка этого труда Самарина была сдѣлана протоіереемъ Никольскимъ въ его словѣ передъ панихидой по Самаринѣ. «Характеризуя дѣятельность Н. Ѳ. Самарина,—передаетъ «Голосъ» сущность этой рѣчи,—А. Т. Никольскій болѣе всего остановился на такъ называемомъ балтійскомъ вопросѣ, доказывая, что этотъ вопросъ, собственно говоря, Самарину обязанъ своимъ существомъ. До него Прибалтійскій край былъ какъ бы terra incognita для русскаго общества. Что дѣлалось въ составляющихъ этотъ край трехъ губерніяхъ,—обществу не было извѣстно до появленія писемъ Самарина. Письма эти были похожи на взрывъ, который пробилъ брешь въ высокой стѣнѣ, отдѣлявшей русское общество, русскія губерніи отъ прибалтійскихъ. Черезъ эту брешь зрителямъ представилась картина несчастнаго, забытаго населенія эстовъ и латышей, отторгнутыхъ отъ Россіи чужеземнымъ вліяніемъ. И не только эти несчастныя населенія разобщены были съ русскими людьми и православною церковью, но въ краѣ распускались еще клеветы на православныхъ священниковъ. Если бы эти слухи остались неопровергнутыми, то на православіи осталось бы неизгладимое пятно позора—пятно тяжелое, потому что православное духовенство обвинялось въ пропагандѣ, въ насильственномъ навязываніи православнаго ученія эстамъ и латышамъ, въ возбужденіи ихъ противъ помѣщиковъ. Такое позорное пятно было смыто Самаринымъ, и въ этомъ его великая, безсмертная заслуга».

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ упомянутое невниманіе даже друзей и единомышленниковъ Самарина къ литературнымъ произведеніямъ послѣдняго десятилѣтія его жизни. Но если мы вспомнимъ, что «Окраины Россіи» издавались за границей и подверглись строгому цензурному запрещенію, вслѣдствіе чего были доступны сравнительно небольшому кругу лицъ; если примемъ еще во вниманіе, что программа Самарина по многимъ пунктамъ довольно рѣзко расходилась съ настроеніемъ правящихъ сферъ,—то поймемъ, что правильная и всесторонняя оцѣнка его сочиненій по балтійскому вопросу не могла быть сдѣлана тотчасъ послѣ его смерти. Нужна была перемѣна царствованія и послѣдовавшая въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ ревизія Прибалтійскаго края сенаторомъ (впослѣдствіи министръ юстиціи) Манассеинымъ, чтобы правительство убѣдилось, что программа Самарина въ сущности является выраженіемъ завѣтныхъ чаяній и стремленій латышей и эстовъ, закабаленныхъ нѣмцами въ экономическомъ и духовномъ отношеніи. Гласный всесословый судъ, всесословныя земскія учрежденія, незави-

симая отъ лютеранскаго духовенства народная школа съ усиленнымъ преподаваніемъ русскаго языка, выкупъ усадебъ по казенной таксѣ, надѣленіе батраковъ участками казенной или пасторатской земли, распространеніе повинностей, лежащихъ на крестьянскихъ земляхъ, и на мызныя земли, сокращеніе числа помѣщичьихъ корчемъ и т. д., вотъ чего просили латыши и эсты у русскаго правительства въ началѣ царствованія императора Александра III. Необходимость и разумность почти всѣхъ этихъ требованій была прекрасно доказана Самаринымъ въ его «Окраинахъ Россіи», и поэтому нисколько неудивительно, что это сочиненіе сдѣлалось довольно популярной книгой среди той части латышской и эстонской интеллигенціи, которая отшатнулась отъ нѣмцевъ и обратила свои взоры къ Россіи. Неудивительно также, что «Окраины Россіи» сдѣлались настольной книгой и для русскихъ дѣятелей въ Прибалтійскомъ краѣ. Не только въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ восьмидесятыхъ годовъ, но даже въ министерскихъ представленіяхъ въ защиту необходимости обрусительныхъ мѣропріятій приводятся аргументы, впервые высказанные Самаринымъ. Такъ, напримѣръ, въ представленіи министра народнаго просвѣщенія о введеніи въ прибалтійскихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія на русскомъ языкѣ говорится слѣдующее: «Поддерживая нѣмецкія училища преимущественно передъ русскими, правительство воспитываетъ въ народѣ мысль, что эсто-латышскій край не есть русскій, что онъ примыкаетъ къ иной чужеземной культурѣ. Эта мысль невольно усвоивается самими учебными заведеніями, весь внутренній строй которыхъ получаетъ характеръ отчужденія отъ Россіи; на преподаваніе русскаго языка смотрятъ въ этихъ училищахъ, какъ на уступку печальной необходимости; юноши воспитываются по нѣмецкимъ учебникамъ, читаютъ только нѣмецкія книги и почерпаютъ въ нихъ міровоззрѣніе».

Вслѣдствіе совершившейся во взглядахъ правительства коренной перемѣны по отношенію къ балтійской окраинѣ, съ сочиненій Самарина, посвященныхъ балтійскому вопросу, была снята цензурная опала, и въ 1889 году впервые печатаются «Письма изъ Риги» и перепечатывается «Исторія города Риги», а съ 1890 года начинается перепечатка «Окраинъ Россіи», закончившаяся въ 1898 году. Перепечатка «Окраинъ Россіи» въ такое время, когда вопросы, затронутые въ нихъ теоретически, разрѣшались практически, много, конечно, помогла правильной оцѣнкѣ этой когда-то опальной книги. Если не принимать во вниманіе остзейскихъ публицистовъ, которые продолжаютъ еще смотрѣть на Самарина глазами Ширрена и Бокка, то среди лицъ, знакомыхъ съ современнымъ положеніемъ балтійскаго вопроса, едва ли найдется въ настоящее время хотя одинъ человѣкъ, который не призналъ бы, что, несмотря на всѣ свои увлеченія ненавистью къ прибалтійскимъ нѣмцамъ, несмотря на всѣ

обусловленныя этой ненавистью преувеличенія, Самаринъ своими «Окраинами Россіи» сослужилъ великую службу и проясненію общественнаго мнѣнія по отношенію къ прибалтійскому вопросу, и объединительной политикѣ правительства, и православно-русскимъ интересамъ въ Прибалтійскомъ краѣ и, наконецъ, дѣлу улучшенія, если не матеріальнаго, но во всякомъ случаѣ нравственнаго положенія коренного туземнаго населенія. И насъ нисколько не должна удивлять та популярность, которою пользуются въ Прибалтійскомъ краѣ, не только среди рускихъ, но еще болѣе среди латышей и эстовъ,—имя Самарина и его сочиненія, посвященныя балтійскому вопросу. Самаринъ въ представленіи латыша и эстонца является идеальнѣйшимъ обрусителемъ, потому что для него благо народныхъ массъ стояло на первомъ планѣ, и въ основу объединительныхъ реформъ онъ клалъ обезпеченіе крестьянъ землей. Нельзя не пожелать въ интересахъ дальнѣйшаго успѣха обрусительныхъ реформъ въ Прибалтійскомъ краѣ, чтобы и для русскихъ дѣятелей въ краѣ Самаринъ бытъ такимъ же идеаломъ обрусителя, какимъ онъ является для латыша и эстонца.

М. Н. С.

НАРОДНИКИ И МАРКСИСТЫ.

(Критическая замѣтка).

I.

ЛАВЯНОФИЛЫ наши указывали, между прочимъ, какъ на важнѣйшую ошибку Петра Великаго, на то, что они называли «средостѣніемъ», т. е., говоря проще, перегородкой между правящимъ классомъ и народомъ. Эту перегородку они видѣли въ чиновничьей бюрократіи, пересаженной къ намъ съ тогдашней западной почвы, почти какъ разъ около того времени, когда тамъ она начала падать. Съ этого времени на Западѣ развивается единеніе съ народомъ интеллигенціи и правящихъ классовъ, единеніе, напоминающее старую Русь; у насъ же, наоборотъ, развивается все большее разъединеніе, разрывъ, результатомъ котораго являются крайне своеобразныя и печальныя ненормальности. Тѣ же славянофилы, а также Достоевскій и нѣкоторые народники, указывали на то, что наша интеллигенція, оторванная отъ народа, живетъ какъ бы въ облакахъ, а «народъ совсѣмъ покинутъ» (Достоевскій, въ Дневникѣ, 1880 г.). «Правда,—говоритъ нашъ великій романистъ, — у народа много начальства, такъ много, что на каждаго человѣка приходится чуть не по десятку начальниковъ», а тѣмъ не менѣе «народъ одинокъ, потому что это—только начальство»...

Когда, при Александрѣ II, было введено земство, русскіе старообрядцы писали ему: «въ новизнѣ твоей наша старина чуется». И они не ошибались: въ земствѣ, хотя отчасти, возрождалось старинное единеніе. Возрождалось оно отчасти и въ печати, насколько печать успѣвала отразить дѣйствительныя нужды, чаянія и душу народа. Но, какъ извѣстно, и эта малая замѣна прошлаго единства была съ самаго начала встрѣчена опасеніями. Поэтому она не могла въ достаточной мѣрѣ выполнить своего назначенія, и вотъ разрывъ интеллигенціи съ народомъ росъ и развивался.

Однако, интеллигенція всегда чувствовала мучительно этотъ роковой разрывъ. Она всегда напоминала у насъ знаменитый Платоновскій миѳъ о происхожденіи мужчины и женщины, которые сперва были половинками одного цѣлаго, но потомъ разорвались. И вотъ эти половинки вѣчно ищутъ другъ друга. Такъ и интеллигенція вѣчно искала общенія съ народомъ. Она создала обширную и неоцѣненную, такъ называемую «народническую» литературу, въ которой народъ изображался, изучался, воспѣвался, какъ самый дорогой возлюбленный, съ которымъ разлучили его другую половину. Это стремленіе къ народу доходило до обожанія, до преклоненія передъ народомъ, до состоянія, напоминающаго религіозный экстазъ. Народники готовы были положить за народъ и жизнь, и душу, готовы были нести ради него какія угодно жертвы. Былъ созданъ въ 60-хъ годахъ не только догматъ о «долгѣ народу цивилизованныхъ классовъ», но многіе, — какъ, напр., Юзовъ, а впослѣдствіи Толстой,—видѣли въ народѣ единственнаго носителя истины, нравственности, государственной мудрости и т. д., у котораго нужно учиться интеллигенціи, т. е. образованнымъ классамъ, воспитаннымъ въ духѣ и на идеяхъ Западной Европы.

Что понималось этими народниками подъ цивилизаціей и духомъ Западной Европы? Прежде всего ея экономическій строй, который обыкновенно называется «капиталистическимъ» и «буржуазнымъ». Англія являлась въ то время самымъ типичнымъ представителемъ этого строя.

Но для того, чтобы понять, за что именно и почему стояло «народничество», мы должны вкратцѣ ознакомиться съ исторіей англійскаго буржуазнаго капитализма и его послѣдствіями. Только при такомъ знакомствѣ читатель пойметъ, напримѣръ, такія стремленія народниковъ 60-хъ годовъ, какъ освобожденіе крестьянъ съ землею, и не только съ землею, но и съ общиннымъ землевладѣніемъ.

Дѣло въ томъ, что западно-европейскій капитализмъ, создавъ гигантское развитіе промышленности и торговли, создалъ и величайшія народныя бѣдствія.

До наступленія въ Англіи эпохи капитализма, — которую въ наукѣ не даромъ называютъ «промышленной революціей»,—вся англійская промышленность — мануфактурная, горная и земледѣльче-

ская — была дѣломъ ручной работы человѣка, пользовавшагося весьма несложными орудіями. Она велась множествомъ мелкихъ капиталистовъ (хозяевъ), которые часто сами работали вмѣстѣ со своими наемными рабочими. Такъ какъ еще не существовало крупныхъ фабрикъ, то производство велось, по большей части, въ домахъ рабочихъ, цѣлыми семьями,—какъ работаютъ теперь русскіе «кустари», — при домахъ имѣлись клочки земли, гдѣ семья вела небольшое хозяйство.

Переходъ отъ этой системы домашняго производства къ новѣйшей системѣ машинной промышленности, съ примѣненіемъ силы пара, каменнаго угля, раздѣленія труда и могучихъ машинъ, отличался внезапностью и насильственностью (was sudden and violent, какъ выражается историкъ англійской промышленности Гиббинсъ). Это былъ настоящій лихорадочный взрывъ (feverish burst).

Отчего же это зависѣло?

Косвенной и отдаленной причиной были открытія Колумба и Васко-де-Гама, давшіе Западной Европѣ громадные рынки для сбыта товаровъ и страны для полученія сырья. Еще въ серединѣ XVI в.,— какъ видно изъ одного статута Генриха VIII, — самымъ крайнимъ пунктомъ, до котораго рѣшались доходить англійскіе мореплаватели, была Малага. Но послѣ открытія Колумба и Васко-де-Гама прошло почти столѣтіе, прежде чѣмъ Англія могла воспользоваться новыми путями и рынками: ихъ держали въ своихъ рукахъ—Испанія, Португалія, а позднѣе Голландія. И вотъ исторія XVII в. представляется лѣтописью непрерывной борьбы Англіи съ Испаніей и Голландіей: двѣ войны съ Испаніей и торговыя войны Кромвеля позволили Англіи распространить свою торговлю на востокѣ—въ Остъ-Индіи, а на западѣ — въ Америкѣ. Войны Вильгельма III и Анны отдали въ руки Англіи Гибралтаръ, территорію Гудзонова залива, Нью-Фаундлендъ, Новую Шотландію... Семилѣтняя война дала ей — Канаду, Флориду, и вообще всѣ французскія владѣнія къ востоку отъ Миссисипи (кромѣ Нью-Орлеана). И вотъ Англія стала во главѣ всемірной торговли, получивъ сразу и обширныя области для добыванія сырья и обширныя области для сбыта товаровъ.

Но это была только одна причина развитія ея капитализма; другая заключалась въ тѣхъ научныхъ открытіяхъ и техническихъ изобрѣтеніяхъ, которыя подоспѣли какъ разъ къ этому времени. Уже въ 1770 году, т. е. до примѣненія къ машинамъ силы пара,— изобрѣтеніе прялки «Дженни», пустившей въ ходъ нѣсколько веретенъ на одномъ станкѣ, увеличило производительность (т. е. быстроту) труда прядильщика въ 8 разъ и болѣе. Въ слѣдующемъ году Эркрайтъ приспособилъ къ ней силу паденія воды. Но это, хотя и увеличило производительность, однако, было ничто въ

сравненіи съ изобрѣтеніемъ Уатта, взявшаго въ 1769 году привилегію на свою паровую мельницу. Вѣдь, чтобы работать водой, нужно было строить фабрики около рѣкъ, а съ изобрѣтеніемъ примѣненія пара, которымъ воспользовались, прежде всего, бумаго-прядильные фабриканты, — работать стало возможно гдѣ угодно. И вотъ, въ 15 лѣтъ (съ 1788 по 1803 г.) производство этихъ фабрикантовъ еще утроилось (чему помогло еще изобрѣтеніе мюль-машины, сдѣланное ранѣе, въ 1774 г.). Благодаря этой послѣдней, на одномъ станкѣ, подъ надзоромъ одного человѣка могли уже работать 12.000 веретенъ. Паръ же сдѣлалъ то, что уже въ 1811 г. въ Англіи работало четыре съ половиною милліона веретенъ, а къ серединѣ нашего десятилѣтія ихъ работало уже сорокъ пять милліоновъ! (Hundry: «Eastern Competition»).

Понятно, что этимъ было совершенно уничтожено домашнее пряденье: развѣ могла конкурировать на рынкѣ со своей пряжей семья, работавшая во сто и тысячу разъ медленнѣе [1]).

Но то же случилось и съ прежнимъ домашнимъ тканьемъ, когда въ 1785 году Картрайтъ изобрѣлъ механическій ткацкій станокъ.

Съ внѣшней стороны результаты были блестящи, почти невѣроятны: Англія представила изъ себя настоящій вулканъ, извергающій товары: такъ, еще въ 1793 году вывозъ товаровъ достигалъ только суммы въ 122.400.000 рублей, а къ 1815 году онъ дошелъ до 417.000.000, т. е. учетверился въ какія нибудь 17 лѣтъ!

Не буду говорить о другихъ отрасляхъ промышленности. Тамъ было то же.

Посмотримъ теперь не на внѣшніе, а на внутренніе плоды этого явленія.

Прежде всего началось съ изгнанія лордами-землевладѣльцами почти всѣхъ людей, снимавшихъ у нихъ землю (фермеровъ) и занимавшихся ея обработкой: стало гораздо выгоднѣе обратить эти земли въ пастбища для овецъ, шерсть которыхъ бралась по высокой цѣнѣ на фабрики. Въ началѣ XVIII вѣка рента равнялась 7 шиллингамъ (шиллингъ = 36 коп,) за акръ (0,37 дес.), но уже въ 1799 году она поднялась до 2 фунтовъ стерлинговъ (т. е. до 15 рублей). Народъ былъ оторванъ отъ земли и брошенъ въ города, а что изъ этого вышло, тому слѣдуютъ пункты:

1) Еще въ концѣ XVIII столѣтіи земледѣльцевъ было 2.800.000 (на 8 милліоновъ жителей), теперь (къ 1895 году) ихъ 1.336.945 (мужчинъ и женщинъ).

---

[1]) Если, напримѣръ, вы производите 100 шляпъ въ одинъ день, а я только двѣ, то, продавъ ваши шляпы за такую цѣну, что вы проживете на чистую выручку, положимъ, два дня, вы заставите этимъ и меня продать двѣ свои шляпы по той же цѣнѣ (больше мнѣ не дадутъ, чѣмъ дали вамъ). Но я проживу на свою выручку только $^1/_{25}$ часть дня, т. е. долженъ буду умереть съ голода.

2) Прежде люди жили большею частью за городомъ, имѣли клочекъ земли, хозяйство; теперь они скучены въ душныхъ переулкахъ и закопченныхъ улицахъ, средоточіяхъ грязи, дыма, нищеты и разврата. Жизнь рабочихъ въ средней цифрѣ понизилась и стала ниже средней жизни остальныхъ классовъ населенія. Антропометрическія измѣренія показываютъ, что эти городскія населенія вырождаются, понижаются въ типѣ: уменьшается ростъ, ширина груди, физическая сила и воспріимчивость органовъ чувствъ.

3) Въ первое время развитія капитализма, благодаря возвысившемуся сразу спросу на трудъ, рабочая плата повысилась такъ, что семья зарабатывала отъ 14 руб. 40 коп. до 43 руб. 20 коп. въ недѣлю. Но это продолжалось не долго, да и эта временная высокая плата не была счастьемъ: хотя до капитализма средній заработокъ ткача былъ только 3 руб. 45 коп. въ недѣлю, но за свой домикъ съ клочкомъ земли онъ платилъ только 11 руб. въ годъ, т. е. 21 коп. въ недѣлю. Поэтому у него оставалось въ мѣсяцъ 15 р. Между тѣмъ, мясо стоило тогда отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ пенсовъ ($7^1/_4$—$9^3/_4$ к.) за фунтъ, а хлѣбъ $1^1/_4$ ($3^3/_4$ коп).. Но, чѣмъ дальше отъ этой эпохи, тѣмъ выше стоитъ и плата за квартиры и цѣнность всѣхъ продуктовъ. Такъ, къ 1802 году четверть пшеницы уже дошла въ Англіи до 17 руб., въ 1806 году до 21 руб. 80 коп., къ 1812 году до 35 руб. 60 коп. и т. д.

4) Это бы еще не бѣда, если бы рабочая плата оставалась въ первоначальномъ состояніи, но вышло совсѣмъ обратное: около машинъ не требовалось физической силы, и мужчинъ стали гнать съ фабрикъ, замѣняя ихъ женщинами и дѣтьми. При этомъ женщинамъ стали давать плату, равную $^1/_2$ мужской, а дѣтямъ, равную $^1/_4$ мужской [1]).

5) Такъ какъ одна машина замѣняетъ тысячи и десятки тысячъ рабочихъ, то образовалась многомилліонная масса безработныхъ, спасавшихся отъ голодной смерти—отчасти эмиграціей, отчасти особымъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ (poor law). Онъ достигаетъ громадныхъ размѣровъ и все растетъ:

1889 года	8,366.477	фунт. стерл.	(28,448.259	рублей).
1890 »	8,434.345	»	» (28,763.673	»
1891 »	8,643.718	»	» (29,082.585	»
1892 »	8,647.618	»	» (29,403.054	»
1893 »	9,217.514	»	» (29,731.100	»

[1]) Годы: плата: мужчинамъ, женщинамъ, дѣтямъ, цѣна хлѣба.

1808—1815	24—26 шилл.	13—14 шилл.	4—5 ш.	17 р.
1815—1823	24—26 »	13—14 »	4—5 »	21 » 80 к.
1823—1830	24—26 »	11—12 »	4—5 »	35 » 56 »
1830—1836	24—26 »	4—10 »	»—» »	21 » 56 »
1836—1845	24—26 »	8— 9 »	»—» »	32 » 70 »

Между тѣмъ, какъ налогъ для бѣдныхъ возросъ за 5 лѣтъ на 10%, народонаселеніе возросло только на 4%, т. е. процентъ возростанія бѣдности почти въ три раза выше процента возростанія населенія!!

6) Увеличилось число преступленій (осужденныхъ):

въ 1889 году 9.348, въ 1890—9.242, въ 1891—9.655, въ 1892—9.607, въ 1895—9.997 [1]).

Но, быть можетъ, улучшилось положеніе капиталистовъ? Да, нѣкоторыхъ. Но для большинства вышло совсѣмъ наоборотъ: масса капиталистовъ, имѣющихъ сравнительно небольшіе капиталы, брошена была въ полную нищету, такъ какъ они не могутъ конкурировать съ крупными капиталистами (припомнимъ романъ Золя: «Au bonheur des dames»). Но и крупные капиталисты пережили рядъ разорительныхъ кризисовъ (въ 1809, 1810, 1815, 1818, 1826, 1830 гг. и т. д.); съ 1837 года кризисы повторялись почти каждыя 10 лѣтъ, а въ послѣднее время сбытъ Англіи падаетъ во всѣхъ отрасляхъ ея производствъ. Это объясняется конкурренціей другихъ странъ, между прочимъ, Японіи, которая завела у себя производство бумажной пряжи и многихъ другихъ товаровъ, которые прежде получала отъ Англіи. Теперь же она сама перебиваетъ у нея сбытъ даже въ сосѣднія страны, напримѣръ, въ Китай. Другимъ важнымъ конкуррентомъ Англіи въ самое послѣднее время является Германія, вывозъ которой возростаетъ. Итакъ, Англія убила у себя внутренній рынокъ, оторвавъ людей отъ земли, и образовала милліонный пауперизмъ: $^1/_4$ работающаго населенія содержитъ $^3/_4$ неработающаго. Безъ занятій въ Англіи было по переписи 1891 года девять милліоновъ! Теперь въ Англіи начинаются судорожныя попытки вернуть голодныя массы на землю, экспропріируя небольшіе участки земли для рабочихъ (Small Holding Act, 1892 года). Но это, очевидно, паліативы: легко было отучить земледѣльцевъ отъ ихъ труда, обративъ въ городскихъ жителей и фабричныхъ рабочихъ, но не такъ легко—произвести обратное, т. е. обратить городскаго человѣка въ усерднаго и умѣлаго, сильнаго и выносливаго пахаря! Къ этому люди приспособляются вѣками...

Итакъ, подводя итоги, не трудно видѣть, что Англія стоитъ на краю величайшихъ внутреннихъ бѣдствій и потрясеній, изъ которыхъ едва ли есть даже выходъ. Съ уменьшеніемъ сбыта увели-

---

[1]) Чтобы меня не обвинили въ сгущеніи красокъ, я еще не упомянулъ о многомъ другомъ: о почти полномъ распаденія семьи, объ ужасномъ состояніи отцовъ, которые замѣнены своими дѣтьми и женами и должны питаться ихъ трудомъ, оставаясь въ бездѣйствіи и нравственныхъ пыткахъ, изъ которыхъ одинъ выходъ — кабакъ; я не говорилъ о перепроизводствѣ, о банкротствахъ фабрикантовъ, влекущихъ закрытіе фабрикъ и безхлѣбицу десятковъ тысячъ семей, etc, etc... Въ послѣднее время, положеніе рабочихъ нѣсколько лучше, но исключительно благодаря законамъ, изданнымъ для ихъ защиты, а также благодаря громадному развитію рабочихъ союзовъ и кооперацій. Цѣна хлѣба тоже понизилась (въ 1892 г.—12 р. 40 к., въ 1894 г. 8 р. 87 к. за квартеръ).

чивается число безработныхъ. Чѣмъ же будутъ кормиться эти многомилліонныя массы?!

Если мы примемъ во вниманіе, что развитіе буржуазнаго капитализма влечетъ такія же послѣдствія и въ другихъ странахъ, то намъ станетъ понятнымъ, почему наши народники еще въ 60-хъ годахъ боролись въ литературѣ съ поборниками западнаго капитализма, съ помощью котораго эти послѣдніе надѣялись поднять нашу промышленность, нашу культуру и цивилизацію и даже улучшить правовое наше положеніе: вѣдь, въ Западной Европѣ оно де достигнуто въ эпохи господства капитализма. На это народники возражали, что, во-первыхъ, оно тамъ было достигнуто до эпохи капитализма [1]), оно было однимъ изъ условій его развитія, потому, что буржуазія, добившись политическихъ правъ и участія въ законодательствѣ, именно и поддерживала, и сама составила тѣ законы, которые отдавали на ея полный произволъ народныя массы; подъ видомъ «свободнаго договора» между нанимателемъ и нанимаемымъ, и посредствомъ принципа невмѣшательства власти въ эти «свободныя, юридическія» отношенія (принципъ laisser faire), и было достигнуто экономическое рабство западныхъ рабочихъ! Во-вторыхъ, народники доказывали, что свобода рабочаго фиктивна, такъ какъ онъ вынужденъ избирать или голодную смерть съ семьей, или соглашаться на какія угодно условія [2]).

Защита крестьянскаго землевладѣнія, и именно общиннаго, теперь вамъ вполнѣ понятна: безъ земли освобожденный народъ явился бы семидесяти-милліоннымъ пролетаріатомъ, отданнымъ въ полное экономическое рабство каждаго, кто имѣетъ или собственный клокъ земли, или капиталецъ для устройства промышленнаго предпріятія. Если бы при этомъ въ Россіи дѣло капитализма могло хотя немножко уподобиться его теченію на Западѣ, то введеніе машинъ и другихъ усовершенствованій, какъ въ земледѣліи, такъ и въ производствѣ, замѣняя тысячи рабочихъ рукъ одной машиной, создало бы у насъ уже цѣлые десятки милліоновъ безработныхъ пауперовъ-бродягъ, что просто ужасно себѣ представить, и что было бы величайшимъ абсурдомъ внутренней политики! Наконецъ, сохраненіе общины было необходимо потому, что безъ него мелкая крестьянская собственность не могла бы выдержать конкурренціи ни съ ка-

---

[1]) Такъ, въ Англіи политическая свобода была достигнута за нѣсколько столѣтій до эпохи капитализма; въ ея пріобрѣтеніи гораздо большую роль играло сектантство (Кромвель); во Франціи она была завоевана во второй половинѣ XVIII в., а развитіе тамъ капитализма относится къ XIX столѣтію и т. д.

[2]) Знаменитый англійскій поэтъ Соути, въ письмѣ 1833 г., говоритъ: «невольничья торговля по сравненію съ этимъ кажется самимъ милосердіемъ». Леклеркъ говоритъ: «въ ту эпоху (1841 г.) самое существованіе англійской націи подвергалось такой опасности, какою еще ни разу не грозилъ ей ни одинъ завоеватель» («Восп. и общ. въ Англіи», стр. 447).

кой болѣе крупной земельной собственностью; крестьянамъ пришлось бы продавать свои участки почти даромъ. Наконецъ, никакое правильное хозяйство немыслимо на участкѣ въ 2 — 3 десятины, безъ луговъ, безъ общаго пастбища и проч., т. е. безъ общины.

Но, помимо всего этого, была надежда, что съ развитіемъ народнаго образованія крестьяне поймутъ важное значеніе своей общины,— что они станутъ пользоваться своей общинной землей артельно и, такимъ образомъ, въ состояніи будутъ вводить тѣ же улучшенія, какія вводятся и въ крупныхъ хозяйствахъ, т. е. въ состояніи будутъ конкуррировать съ ними, а, слѣдовательно, не только сохраняться, но и процвѣтать, развиваться въ высшія экономическія формы сотрудничества. Это казалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что русскій крестьянинъ уже при крѣпостномъ правѣ выработалъ у себя ту привычку къ труду сообща, которую западному рабочему нужно было еще выработать въ себѣ, скопляясь на фабрикахъ. Наконецъ, въ общинѣ народники видѣли и воспитательное средство, развивающее въ людяхъ чувство солидарности, сотрудничества, взаимопомощи, способности завѣдывать своими общественными дѣлами, интересоваться ими и проч., и проч.

Въ то время ужъ было извѣстно народникамъ ученіе знаменитаго экономиста Карла Маркса, стоявшаго одно время во главѣ «международнаго общества рабочихъ». Во многихъ своихъ выводахъ и надеждахъ народники опирались отчасти и на ученіе Маркса, хотя и не всѣ; кромѣ того, не всѣ положенія Маркса принимались народниками.

Но здѣсь я долженъ вкратцѣ изложить ученіе Маркса и пункты несогласія съ нимъ народниковъ, чтобы читателю было понятно послѣдующее.

II.

Въ основѣ ученія Маркса лежитъ ученіе о цѣнности товаровъ.

При теперешнихъ экономическихъ (хозяйственныхъ) отношеніяхъ, — говоритъ онъ, — т. е. когда капиталъ находится въ рукахъ предпринимателя, а рабочій ничего не имѣетъ, кромѣ своей рабочей силы, и когда люди производятъ предметы не для собственнаго потребленія, а для обмѣна ихъ и даже не на другіе товары, а на деньги (по формулѣ = деньги — товаръ — деньги), рыночная цѣнность товара зависитъ отъ нѣсколькихъ условій. Прежде всего, естественно, что, когда мы производимъ какую нибудь вещь для ея обмѣна на другую, то мы стремимся взять за свою вещь столько другой вещи (напримѣръ, за сапоги столько-то аршинъ холста), чтобы трудъ, вложенный нами въ нашу вещь, уравновѣшивался тѣмъ трудомъ, который вложенъ въ пріобрѣтаемую вещь. Естественно это

потому, что, если бы я сшилъ сапоги въ 10 часовъ, а мнѣ за нихъ давали холста, сотканнаго въ 8 часовъ, то мнѣ было бы выгоднѣе самому соткать себѣ холстъ, а не шить сапоги.

Но, такъ какъ одинъ шьетъ сапоги скорѣе, другой медленнѣе, то хотя обмѣнъ и тяготѣетъ къ обмѣну равнаго количества труда на равный трудъ, однако, если я, напримѣръ, шью сапоги 20 часовъ, тогда какъ въ моемъ городѣ шьютъ ихъ обыкновенно 10 часовъ, то мнѣ никто не дастъ за мои сапоги 20 часовъ, а пойдутъ къ другимъ сапожникамъ. Поэтому обмѣнъ тяготѣетъ не къ дѣйствительно затраченному труду, но къ «общественно-необходимому» времени труда. (Нечего ужъ и говорить, что самый предметъ, чтобы имѣть мѣновую цѣнность, долженъ имѣть, непремѣнно цѣнность для потребленія, т. е. быть нуженъ, полезенъ).

Такимъ образомъ, цѣнность предметовъ тяготѣетъ къ общественно-необходимому времени труда. Поэтому эта теорія называется трудовой теоріей цѣнности. Но, при существующихъ экономическихъ отношеніяхъ, и рабочая сила является товаромъ. Въ эпохи рабства и крѣпостнаго права покупался весь человѣкъ; владѣлецъ его долженъ былъ до извѣстной степени заботиться о немъ, какъ онъ заботится о всякой своей собственности: лошади, коровѣ. Но освобожденный рабочій продаетъ только свою рабочую силу, а потому на капиталистѣ не лежитъ никакихъ заботъ о немъ, какъ о человѣкѣ или предметѣ; у него только одна забота: какъ бы выгоднѣе использовать эту купленную имъ рабочую силу. Что же онъ платитъ за эту рабочую силу, покупая ее, положимъ, на сутки? По закону цѣнности, опредѣленному нами выше, рыночная цѣна рабочей силы должна тяготѣть, какъ и цѣна всякаго товара, къ общественно-необходимому времени труда, затраченнаго на ея производство [1]). А рабочій затрачиваетъ на производство своей силы ежедневно тотъ продуктъ, который онъ потребляетъ или изнашиваетъ въ день, чтобы продлить свое существованіе. Положимъ, что ему нужно употребить на это пять часовъ труда въ день. За это онъ и продаетъ свою силу. Но капиталистъ употребляетъ эту силу въ дѣло въ теченіе, положимъ, десяти часовъ. Значитъ, онъ за уплаченные пять часовъ получитъ продуктъ десятичасоваго труда, который и на рынкѣ долженъ имѣть цѣну, тяготѣющую къ десяти часамъ. То-есть, онъ получитъ пять часовъ лишнихъ. Предположимъ, что изъ этихъ пяти часовъ два часа идутъ на покрытіе расходовъ по пріобрѣтенію матеріала, одинъ часъ — на покрытіе тѣхъ тратъ, которыя претерпѣваютъ машины и орудія производства, дѣлаясь болѣе ветхими, т. е. три часа идутъ на покрытіе издер-

[1]) Не мѣшаетъ замѣтить одно изъ важныхъ отличій труда, какъ товара, отъ другихъ товаровъ: если онъ не проданъ сегодня, то вся затрата на его производство, сдѣланная въ этотъ день рабочимъ, пропала навсегда.

жекъ производства. Капиталисту остается все же лишнихъ два часа труда; этотъ остатокъ Марксъ называетъ «прибавочной стоимостью». Изъ нея и только изъ нея можетъ происходить, слѣдовательно, возростаніе капитала. Вѣдь постоянный капиталъ (машины, орудія, матеріалы) не даетъ прибыли; онъ только окупается. Прибыль дается только трудомъ рабочаго (перемѣннымъ капиталомъ, по терминологіи Маркса). Прибыль есть реализированная на рынкѣ прибавочная стоимость. Я не буду излагать другихъ положеній; упомяну лишь объ одномъ, которое развито уже въ 3-мъ томѣ, вышедшемъ недавно: на рыночную цѣну товара оказываетъ вліяніе и еще одно обстоятельство: представьте себѣ, что дивидендъ (т. е. извѣстный процентъ прибыли на затраченный рубль) оказался бы у фабриканта ситца ниже, чѣмъ у фабриканта шелковыхъ издѣлій. Конечно, фабрикантъ ситца постарался бы обратить свой капиталъ на производство шелковыхъ тканей и бросилъ бы выработку ситцевъ. Этимъ онъ понизилъ бы прибыль шелковыхъ фабрикантовъ, явившись ихъ конкуррентомъ и повысилъ бы (косвенно) прибыль бумажныхъ фабрикантовъ, устранившись отъ конкурренціи съ ними. Въ силу этого, конечно, при условіи полной свободы и подвижности капиталовъ, прибыль всѣхъ капиталистовъ должна тяготѣть къ средней прибыли, т. е. уравниваться (по процентному отношенію къ затраченному капиталу).

Какой же отсюда практическій выводъ?

Если капиталъ есть созданіе только труда, т. е. рабочаго, то онъ и долженъ принадлежать рабочему. Но это возможно лишь въ томъ случаѣ, если орудія и матеріалы производства будутъ принадлежать самому же рабочему.

А какъ же этого достигнуть?

Это сдѣлаетъ, по мнѣнію Маркса, самъ же капитализмъ: онъ имѣетъ свойство скопляться все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, такъ какъ имѣетъ свойство побѣждать въ конкурренціи болѣе мелкія, слабыя или непредпріимчивыя предпріятія. (Такъ дѣло шло, дѣйствительно, когда писалъ Марксъ, но затѣмъ этотъ «законъ» былъ измѣненъ самой жизнью, такъ какъ мелкіе капиталисты стали образовывать огромныя акціонерныя общества). И вотъ Марксъ предсказывалъ, что, въ концѣ концовъ, капиталъ сосредоточится у двухъ-трехъ капиталистовъ-мамонтовъ. А такъ какъ противъ нихъ будетъ все остальное общество, то оно легко экспропріируетъ (т. е. отберетъ) у нихъ эти капиталы [1]).

Въ подкрѣпленіе этого экономическаго ученія Марксъ создалъ философско-историческую теорію, называемую обыкновенно «экономическимъ матеріализмомъ» (а также «діалектическимъ матеріализ-

[1]) Опроверженіе этого предсказанія было сдѣлано бельфастскимъ профессоромъ Вильямомъ Грэмъ.

момъ»). Теорія эта состоитъ въ томъ, что въ основѣ всѣхъ явленій исторіи лежатъ экономическія отношенія [1]). Эти экономическія отношенія (рабство, крѣпостной трудъ, домашнее производство, буржуазно-капиталистическое производство) слѣдуютъ другъ за другомъ съ неизбѣжностью законовъ природы, однако, тамъ, гдѣ для этого существуютъ извѣстныя условія. Самъ Марксъ, въ письмѣ къ Салтыкову (Щедрину), по поводу одной статьи Н. К. Михайловскаго, говоритъ, что онъ вовсе не считаетъ капитализмъ неизбѣжнымъ для всѣхъ странъ, временъ и условій. Онъ полагаетъ даже, что Россія могла бы его избѣгнуть, если бы, съ момента освобожденія крестьянъ, не сдѣлала многихъ шаговъ по пути къ водворенію у себя капитализма. Но она сдѣлала въ этомъ направленіи уже такъ много, что поворотъ назадъ для нея, по его мнѣнію, невозможенъ, и она должна будетъ испытать судьбу западныхъ странъ.

Теперь посмотримъ, съ чѣмъ не соглашались у Маркса народники.

Одни изъ нихъ совершенно не признавали неизбѣжности капитализма въ Россіи, доказывая, что онъ и теперь держится только покровительственной системой [2]). Они утверждали, что не только наша община, но и артели кустарей, если ихъ поддержать кредитомъ, если въ нихъ будутъ внесены техническія и экономическія знанія, разъясняющія значеніе усовершенствованій, разъясняющія важность артельнаго начала и страшной народной бѣды отъ развитія капитализма etc., etc.,—будутъ способны настолько конкуррировать съ капитализмомъ, что не допустятъ его развитія. Такимъ образомъ, Россія явится совершенно своеобразной страной въ своемъ экономическомъ развитіи и строѣ.

Нѣкоторые же признавали возможность развитія капитализма, но, однако, все-же совершенно оригинальнаго: такъ какъ русскій рабочій останется и земельнымъ общинникомъ, то у него будетъ въ землѣ (не отчуждаемой, общинной, а потому и не побѣдимой капиталистическимъ всезахватомъ) прочная опора противъ экономическаго порабощенія, западно-европейскаго пролетаріата и пауперизма. Даже тѣ неудачники-земледѣльцы, которымъ не повезло на землѣ и которые ушли на фабрику, способны будутъ, поправивъ свои дѣла этимъ «отхожимъ» промысломъ, возвращаться къ землѣ,

---

[1]) Право, мораль, философія, даже наука—суть лишь «надстройки» надъ разными послѣдовательными ступенями экономическихъ отношеній.

[2]) То-есть, высокими пошлинами на товары, ввозимые къ намъ изъ-за границы. Благодаря этому, къ цѣнѣ товара, ввозимаго къ намъ, прибавляется и та ввозная пошлина, которая за него уплачена; поэтому цѣна его гораздо выше настоящей. Это позволяетъ русскому фабриканту продавать и свой товаръ дороже. Этотъ излишекъ переплачиваетъ русскимъ капиталистамъ нашъ потребитель — вы, я, народъ...

когда на фабрикѣ имъ будетъ тяжело. Этимъ будетъ поддерживаться извѣстная высота заработка. Она будетъ поддерживаться и сильными внутренними рынками, такъ какъ обширныя массы крестьянъ-общинниковъ будутъ надежными потребителями. Этотъ взглядъ представляется очень практичнымъ (онъ развивается, между прочимъ, и профессоромъ Менделѣевымъ). Фабрика является съ этой точки зрѣнія чѣмъ-то въ родѣ временнаго экономическаго госпиталя, куда идутъ временно экономически захудалые элементы, чтобы возвращаться къ землѣ съ возобновленными экономическими силами и давать мѣсто тѣмъ, кто въ это время успѣлъ захворать экономически. Надо замѣтить, что между послѣдователями Маркса на Западѣ существовалъ иной взглядъ даже и на такое мирное (относительно капитализма) народничество. Марксисты западные видѣли исходъ для европейскихъ обществъ только въ развитіи пролетаріата, въ увеличеніи числа городскихъ рабочихъ: вѣдь только этого рода классъ можетъ сознать себя, какъ нѣчто единое, интересы котораго противоположны интересамъ другихъ классовъ и въ томъ числѣ земледѣльцевъ, которые на Западѣ являются мелкими собственниками, страстно держатся за свою собственность и явятся прямыми врагами идеѣ пролетаріата: вѣдь сущность этой идеи въ томъ и состоитъ, что отрицается личная собственность, а признается только коллективная (всеобщая). Поэтому западный марксизмъ почти до самаго послѣдняго времени рѣшалъ игнорировать деревню, не помогать ея благосостоянію, какъ враждебному идеѣ пролетаріата, и сосредоточить всѣ свои силы на развитіи «классоваго сознанія» въ городскихъ пролетаріяхъ. Лишь въ недавнее время (на конгрессѣ въ Бреславлѣ) мнѣнія раздѣлились: нѣкоторые изъ выдающихся членовъ конгресса доказывали, что возможно примирить положительныя мѣры на пользу крестьянства съ воспитаніемъ сельскаго населенія въ демократическомъ духѣ, и что опасно уступать это поле другимъ, реакціоннымъ партіямъ, которыя уже наложили на это дѣло свою руку.

Но часть западныхъ марксистовъ осталась и нынѣ при прежнемъ взглядѣ, и это весьма понятно, если мы примемъ во вниманіе процентное отношеніе на западѣ земледѣльцевъ къ промышленнымъ рабочимъ [1]). Тамъ нѣтъ особыхъ основаній опасаться, что реакція разрозненнаго и сравнительно небольшого земледѣльческаго класса въ состояніи побѣдить стройную, сплоченную, организованную въ союзы (и въ союзы союзовъ) армію промышленныхъ рабочихъ.

Еще менѣе было склонно наше народничество согласиться съ экономическимъ матеріализмомъ Маркса. У насъ до второй половины девятидесятыхъ годовъ пользовалась особой популяр-

[1]) Въ Англіи на $10^1/_2$ милліоновъ мужскаго населенія 6.700,000 работниковъ, т.-е. около $^2/_3$ всего населенія; въ Германіи на 44.222,113—болѣе 16 милліоновъ рабочихъ, а земледѣльческаго класса 19 милліоновъ.

ностью такъ называемая субъективная теорія [1]) развитія или прогресса. И этой теоріи держались почти всѣ «народники», хотя я думаю, что можно быть марксистомъ, не будучи субъективистомъ, и можно быть народникомъ, являясь въ то же время экономическимъ матеріалистомъ. Таковъ былъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ крайнихъ народниковъ, Юзовъ, дѣлавшій, однако, изъ экономическаго матеріализма совсѣмъ противоположные выводы, сравнительно съ марксистскими.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почти одновременно, вышли въ свѣтъ двѣ книжки (Бельтова и Струве), въ которыхъ съ необыкновенной рѣзкостью, глумленіемъ, презрительными шутками и насмѣшками сдѣлано было нападеніе главнымъ образомъ на субъективизмъ нашихъ народниковъ. Ихъ теоріямъ противополагался «экономическій матеріализмъ» [2]). При этомъ дѣлались выводы о необходимости наступленія у насъ стадіи капитализма, безъ котораго де не мыслимъ никакой дальнѣйшій прогрессъ. Лучшее будущее достижимо только переходомъ черезъ капиталистическую стадію. Поэтому все что мѣшаетъ этой послѣдней (въ томъ числѣ община, кустарные промыслы, артели etc.), не только вредно для прогресса, не только является противодѣйствующимъ прогрессу, но и осуждено погибнуть по естественному ходу вещей, по закону развитія экономическихъ отношеній. Поэтому де народники, стремящіеся охранить эти отжившіе, неизбѣжно гибнущіе и уже погибшіе на западѣ остатки старины, не понимаютъ, что дѣлаютъ, напрасно морочатъ и себя, и людей... Надежда народниковъ на то, что можно поддержать эти остатки прошлаго, вдохнувъ въ нихъ новую живую душу, есть утопія и результатъ ихъ непониманія историческаго процесса: прогрессъ создается не личностями, а борьбой классовъ, выступающихъ постепенно на поприще исторіи со своими классовыми (экономическими) интересами.

— Правда,—прибавляли марксисты,—въ личности могутъ зарождаться всякія идеи и утопіи, но берется изъ нихъ исторіей только то, что назрѣло въ потребностяхъ и сознаніи классовъ. Только такія идеи могутъ прививаться и побѣждать. Поэтому надежда на то, что идеи народниковъ будутъ кѣмъ либо поддержаны среди современнаго общества, въ которомъ на очереди стоятъ совсѣмъ иные

---

[1]) Субъективисты полагаютъ, что не экономическія отношенія создаютъ идеи, право, мораль и т.-д., а, наоборотъ, сами эти отношенія создаются человѣческими стремленіями, а. стало быть, и идеями, идеалами. Прогрессъ создается самимъ человѣчествомъ въ его стремленіи къ своимъ идеаламъ. У прогресса нѣтъ иного критерія, кромѣ наибольшаго блага личности, состоящаго въ ея всесторонемъ развитіи. Изъ борьбы личностей (индивидуальностей) за свои особенности и создается прогрессъ. Мѣриломъ прогресса или формулой его считалось наибольшее развитіе личности (наибольшаго числа личностей) въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

[2]) См. объясненіе этой теоріи выше.

«классовые интересы», такая надежда—чистое заблужденіе. Русское общество настолько охваченно капиталистическимъ теченіемъ, что всѣ дѣятельныя симпатіи окажутся на его сторонѣ, и оно побѣдитъ, поэтому, неизбѣжно. И объ этомъ нечего печалиться, этому надо радоваться, такъ какъ это и есть тотъ путь, которымъ мы придемъ къ свѣтлому грядущему, и т. д.

Съ этого и началась борьба. Сперва она была только книжной и журнальной, но мало-по-малу охватила и практическіе вопросы, коснулась и живой народной жизни. Такъ, всѣ попытки народничества въ направленіи практическаго осуществленія его идей, напримѣръ, къ охраненію общины, къ поддержанію кустарныхъ артелей кредитомъ, къ образованію новыхъ артелей—земледѣльческихъ и промышленныхъ, вообще всякія попытки народниковъ помочь тѣмъ или другимъ способомъ земледѣльческому труженику, вызвать тѣ или другія мѣропріятія въ его пользу, или мѣропріятія, способныя замедлить развитіе капитализма, вышучивались опровергались и статьями, и цѣлыми трактатами, въ которыхъ цифры и факты подбирались тенденціозно, часто неправильно (см., напримѣръ, разборъ, сдѣланный Каблуковымъ, въ февральскихъ №№ «Русскихъ Вѣдомостей», докторской диссертаціи доцента университета Туганъ-Барановскаго).

Изъ этого краткаго изложенія взглядовъ нашихъ нео-марксистовъ читатели могутъ видѣть, что случилось снова то, что уже не разъ случалось въ исторіи нашего развитія, вслѣдствіе болѣе столѣтней оторванности русской интеллигенціи отъ жизни народа: въ то время, какъ во многихъ губерніяхъ крестьяне изнемогаютъ отъ недорода, питаются хлѣбомъ съ мякиной, а иногда и такого хлѣба не имѣютъ,—въ то время, какъ они сняли даже соломенныя крыши со своихъ избъ, чтобы кормить скотъ и тѣмъ не менѣе во многихъ губерніяхъ насчитываютъ до 35% и болѣе безлошадныхъ, т. е. неспособныхъ къ труду, въ то время, какъ прежде всего необходима существенная помощь сельскому труженику, поддержка и развитіе его производительныхъ силъ, его общины, его кустарныхъ промысловъ и артелей и преобразованіе ихъ въ высшія, болѣе научныя формы, — въ это время огромная часть нашей интеллигенціи пересаживаетъ цѣликомъ съ Запада тамошнія теоріи и программы дѣятельности, совершенно не замѣчая безграничной разницы условій тамъ и у насъ: подражая западнымъ марксистамъ, отрицающимъ помощь благосостоянію сельскаго труженика, и нашъ марксизмъ отрицаетъ всякую помощь сельскому населенію и совѣтуетъ всѣ силы интеллигенціи обратить на дѣятельность въ пользу рабочаго класса. Но такъ какъ тутъ, на первыхъ же шагахъ, онъ натыкается на противорѣчіе между чужой программой и русской дѣйствительностью, то выходитъ цѣлый рядъ самыхъ невѣроятныхъ послѣдствій. А именно: на Западѣ ужъ образовался огромный классъ пролетаріевъ, могучій и своей числен-

ностью, и своей классовой сознательностью; тамъ капитализмъ, въ своемъ высочайшемъ развитіи, а у насъ еще не можетъ ходить безъ помочей протекціонизма; тамъ—рабочій классъ уже составляетъ политическую силу, принимая участіе въ парламентахъ; тамъ существуетъ свобода сходокъ, печати, ассоціацій и союзовъ; наконецъ, тамъ — этотъ классъ почти большинство страны. У насъ все это противоположно. Что же остается дѣлать? Какъ примѣнить чуждую программу дѣятельности къ тому, что совершенно противоположно? Приходится и ее вывернуть на изнанку.

На Западѣ марксисты борются съ капитализмомъ, организуютъ обширные союзы рабочихъ и союзы союзовъ, устроиваютъ митинги, конгрессы, издаютъ газеты для рабочихъ etc, etc. У насъ приходится нео-марксистамъ, наоборотъ, умолять капитализмъ: «голубчикъ, развейся поскорѣе въ Россіи! Какой же ты лѣнтяй! Дайте намъ западныхъ капиталистовъ на разводку! Допустите ихъ полную свободу скупать у насъ земли, рыть наши скрытыя горныя богатства, рубить лѣса и строить фабрики!» Однимъ словомъ, идейный марксизмъ обращается въ самый пламенный капитализмъ, какого даже и на Западѣ не бывало. Вѣдь, тамъ люди, стремясь по этому пути, имѣли въ виду личную выгоду, экономическій интересъ. У насъ эти «теоретическіе» нео-капиталисты одушевлены идеей совершенно безкорыстной, идеей будущаго рая пролетаріевъ. Сами они не капиталисты и не рабочіе, они просто русскіе интеллигенты, они скорѣе всего стоятъ въ томъ положеніи, въ какомъ была французская буржуазія XVIII вѣкѣ, добивавшаяся «правъ человѣка», пока изъ нея не образовался классъ настоящихъ капиталистовъ.

И вотъ это первое противорѣчіе заставляетъ нашихъ марксистовъ вообразить, что они сами воплощаютъ въ себѣ рабочій классъ русскаго народа, что они сами пролетаріи (заявленіе М. М. Филиппова во время преній о моемъ докладѣ въ «Обществѣ промышленности и торговли»). Но такъ какъ они не сидятъ въ шкурѣ рабочаго, а въ большинствѣ, сидятъ прекрасно въ своихъ кабинетахъ, получая казенное или профессорское или редакторское жалованье, то, чтобы успокоить свою совѣсть, они изобрѣтаютъ новую этическую теорію: по этой теоріи, необходимо заглушать въ себѣ всѣ человѣчныя чувства состраданія, жалости, нужно подавить въ себѣ всякую симпатію къ грядущимъ страданіямъ милліоновъ людей, а загипнотизировать себя одной идеей, однимъ образомъ, образомъ далекаго, грядущаго рая. Этимъ способомъ, гдѣ, вмѣсто сердца, подставляется яко бы наука и научный законъ, обѣщающій райское блаженство, нео-марксисты доводятъ своихъ послѣдователей почти до религіознаго состоянія. Изъ практической теоріи, опирающейся на науку, каковымъ онъ является на Западѣ, тотъ же марксизмъ у насъ становится почти религіозной сектой, со всѣми признаками подобныхъ сектъ: у него есть всемогущее и вездѣсущее существо,

подъ именемъ «закона экономическихъ отношеній», есть священныя книги, цитируемыя безъ всякой критики, подобно тому, какъ наши старообрядцы цитируютъ свои книги; у него есть свои пророки, за которыми бѣгаютъ, которымъ «внимаютъ», какъ оракуламъ; у нихъ есть страхъ соблазна со стороны «нечестивыхъ», есть, наконецъ, фанатическая нетерпимость къ чужому мнѣнію, не позволяющая имъ говорить о другихъ теоріяхъ иначе, какъ съ укорами, озлобленіемъ, осужденіемъ и презрѣніемъ; свою «истину» они считаютъ безусловной; своихъ пророковъ—непогрѣшимыми...

Подобное обращеніе западныхъ, практическихъ теорій въ нѣкоторое подобіе религіозныхъ вѣрованій весьма характерно для русской молодой интеллигенціи не только въ данномъ случаѣ, но и вообще. Я уже упоминалъ, что и народничество доходило почти до религіознаго обоготворенія крестьянина. Объясняется это также (отчасти) оторванностью интеллигенціи отъ народа, невозможностью близко знать реальнаго народа или рабочаго, съ его житейскими недостатками; невозможностью свободно обсуждать вопросы его жизни и практически работать для нихъ. Запретъ на нѣкоторыя идеи, на свободное сближеніе и единеніе съ массой, приводитъ къ тому, что эти идеи и это единеніе покрываются туманомъ таинственности, приводящей почти къ религіозному мистицизму. А если являются и жертвы, то это еще болѣе усиливаетъ мистическій престижъ, устраняя всякую возможность критическаго отношенія. Тѣмъ не менѣе я попробую сдѣлать въ наиболѣе общедоступной формѣ разборъ основныхъ положеній марксизма, имѣющихъ наибольшій практическій интересъ.

III.

Самой поразительной ошибкой этого пересадочнаго ученія является то, что, утверждая неизбѣжность повсемѣстнаго развитія капитализма, оно подразумѣваетъ подъ словомъ капитализмъ только «буржуазный» капитализмъ, т. е. такой, какимъ онъ явился въ Англіи и Западной Европѣ. На самомъ дѣлѣ, сила распространенія капитализма зависитъ вовсе не отъ того, будетъ ли капиталъ принадлежать одному лицу, или акціонерной компаніи капиталистовъ, или цѣлой націи, или артели, въ которой акціонерами явятся сами рабочіе.

Сила распространенія капитализма,—какъ мы видѣли въ моемъ изложеніи исторіи капитализма въ Англіи,—зависитъ, во-первыхъ, отъ возможности, открывающейся для крупнаго капитала (все равно какого—единоличнаго, акціонернаго, національнаго или артельнаго), вводить машины и другія научно-техническія изобрѣтенія, увеличивающія производительность труда каждаго рабочаго въ тысячи и десятки тысячъ разъ. Въ этомъ же, и только въ этомъ, лежитъ его способность поглощать мелкіе капиталы, а тѣмъ болѣе домаш-

нее (или кустарное) производство, если оно не организовано въ обширную артель съ крупнымъ капиталомъ. Безъ этого условія, мелкій капиталъ или маленькая артель, не вооруженные тѣми же экономическими митральезами, конечно, будутъ побѣждены, какъ будетъ побѣжденъ какой угодно герой, если онъ, какъ Давидъ, выступитъ противъ современнаго монитора въ простой лодкѣ и вооруженный пращей.

Во-вторыхъ, для возростанія капитализма нужны рынки сбыта. Если ихъ мало, то развитіе капитализма не пойдетъ дальше того скромнаго процвѣтанія, какое было въ Англіи до побѣдъ, давшихъ въ ея руки Востокъ и Америку.

Не думайте, что она не имѣла въ то время свободныхъ капиталовъ. Наоборотъ: войны XVII столѣтія произвели въ Англіи такое гигантское скопленіе капиталовъ, лежавшихъ въ бездѣйствіи, благодаря войнѣ, что подобнаго скопленія, быть можетъ, никогда еще не бывало и не будетъ въ исторіи этой страны. Историкъ этой эпохи говоритъ: «то было время какой-то бѣшеной горячки... сотни компаній возникали ежедневно». Въ Лондонѣ возникла даже «компанія для передѣлки соленой воды въ прѣсную, компанія насажденія тутовыхъ деревьевъ и развитія шелководства» вблизи Лондона. Была даже компанія для вывоза изъ Испаніи огромнаго количества ословъ, чтобы развести въ Англіи крупную породу ихъ! Какъ велики были капиталы, не находившіе себѣ примѣненія, видно изъ того, что одна компанія предлагала правительству въ заемъ 54 милліона рублей, и т. д., и т. д. И несмотря на существованіе такихъ громадныхъ капиталовъ, несмотря на горячечную жажду наживы, капитализма (въ современномъ смыслѣ) не было, потому что не было рынковъ и научныхъ, техническихъ изобрѣтеній. Но достаточно было имъ появиться, какъ совершился тотъ «взрывъ вулкана», который въ нѣсколько лѣтъ совершилъ промышленную революцію. Марксисты толкуютъ это явленіе обратно, они говорятъ: потому и явились научныя открытія и изобрѣтенія, что они были нужны производству. Однако, исторія побиваетъ ихъ предвзятую теорію зависимости всѣхъ явленій отъ экономическихъ отношеній. Кто же не знаетъ исторіи Колумба? Развѣ онъ работалъ для капитализма? Развѣ онъ не встрѣтилъ гоненій и преслѣдованій со стороны тогдашняго общества и государства? Машина, изобрѣтенная Уаттомъ, была только подражаніемъ машинѣ, изобрѣтенной раньше во Франціи Папэномъ (Dénis Papin), ученикомъ Гюйгенса. Ея описаніе появилось впервые въ «Энциклопедіи», т. е. задолго до возникновенія капитализма во Франціи и Англіи. Изобрѣтатель ткацкаго станка, Картрайтъ, вовсе не принадлежалъ даже къ промышленному классу: это былъ пасторъ въ Кентѣ и т. д.

Итакъ, очевидно, что, если въ Англіи и вообще на Западѣ капитализмъ развился именно, какъ буржуазный капитализмъ, а не

какой нибудь иной (національный, артельный), то это зависѣло отъ причинъ совершенно исключительныхъ. Англійское государство было представительнымъ, чуждымъ какихъ бы то ни было экономическихъ національныхъ предпріятій. Всѣ капиталы были въ рукахъ буржуазіи, которая и воспользовалась первая научными, техническими и географическими открытіями. Народныя массы не обладали ни знаніями, ни капиталомъ, ни даже кредитомъ, и, понятно, что не могли организоваться въ артельныя предпріятія, подобныя капиталистическимъ. Наконецъ, ни у этихъ массъ, ни у государства не было еще того страшнаго опыта, который въ теченіе столѣтія открылъ глаза всѣмъ европейскимъ націямъ на бѣдствія, сопряженныя съ буржуазнымъ капитализмомъ. Достаточно уже одного того опыта, что, создавъ милліоны пауперовъ, онъ создалъ въ ихъ средѣ такъ называемый анархизмъ...

Прошло сто лѣтъ, сто лѣтъ опыта, и насъ хотятъ убѣдить, что необходимо продѣлать тотъ же путь, потому де, что таковъ «законъ экономическаго развитія», таковое непреоборимое свойство капитала—развиваться и пожирать все, пока онъ не пожретъ самого себя.

Да, говорю я, у капитала есть это непреоборимое свойство, но оно лежитъ вовсе не въ буржуазномъ капиталѣ, а во всякомъ, который въ состояніи примѣнить къ производству паръ, электричество, машины, раздѣленіе труда и воспользоваться рынками внутренними или внѣшними. Въ этомъ свойствѣ капитала нѣтъ ничего мистическаго, какъ думаютъ нео-марксисты, нѣтъ никакого таинственнаго закона, а лежитъ самый простой и обыденный законъ: если изобрѣтены способы увеличить производительность труда въ тысячу разъ и если для этого есть средства и потребность, то никто уже не будетъ работать первобытными орудіями и голыми руками. Вотъ и все. Но чтобы работать не голыми руками и не первобытными орудіями, нуженъ капиталъ, нужно нѣкоторое знаніе хотя бы значенія машинъ (установятъ и сдѣлаютъ и будутъ ими управлять спеціалисты). Значитъ, совершенно безразлично для этого «закона», будетъ ли владѣть капиталомъ одно лицо, или акціонерное общество, или артель, или государство. Достаточно просвѣтить артель настолько, чтобы она поняла свое значеніе, чтобы она узнала, что такое кредитъ, а затѣмъ, конечно, государство должно позаботиться объ этомъ кредитѣ въ широкихъ размѣрахъ, какъ оно до сихъ поръ заботилось о кредитѣ буржуазному капитализму. Развѣ этотъ капитализмъ живетъ и работаетъ не кредитомъ? И развѣ артель заслуживаетъ меньшаго довѣрія, чѣмъ единоличный буржуа-спекулянтъ или десятки такихъ же спекулянтовъ?

Наоборотъ, артель заслуживаетъ большаго довѣрія, такъ какъ она образуется изъ людей труда, дорожащихъ каждымъ грошомъ, а не изъ случайныхъ «баловней судьбы», швыряющихъ деньги направо и налѣво, залѣзающихъ въ большіе и большіе долги для удовлетворенія своихъ прихотей и фантазій...

Наконецъ, артель и потому заслуживаетъ большаго кредита, что она создаетъ потребителей внутренняго рынка, развивая благосостояніе въ массахъ, тогда какъ буржуазный капитализмъ неизбѣжно сокращаетъ внутренній рынокъ, дѣлая сотни тысячъ и милліоны людей безработными нищими и бродягами. Надежды на внѣшніе рынки, какъ мы уже показали на примѣрѣ Англіи,—крайне наивны. Всѣ такіе рынки могутъ существовать до поры до времени, пока цивилизація не проникнетъ въ мѣста нынѣшняго сбыта. А она теперь проникаетъ повсюду съ быстротой небывалой прежде. Мы приводили въ примѣръ Японію. Но послушайте, что разсказываютъ даже объ Австраліи! И, наконецъ, самъ Китай, это воплощеніе застоя въ теченіе тысячелѣтій, теперь натуживается и готовъ стремительно броситься на тотъ же путь широкой промышленности при помощи европейскихъ изобрѣтеній.

О внѣшнихъ рынкахъ сбыта одинъ изъ самыхъ выдающихся западныхъ марксистовъ, Каутскій, сказалъ въ Эрфуртской программѣ: «капитализмъ имѣетъ своей основой безпредѣльное увеличеніе производства, но именно въ этомъ-то и лежитъ его смерть, такъ какъ природа создала земной шаръ черезчуръ малымъ» (sie hat die Erdball sehr klein gemacht).

Такимъ образомъ, марксизмъ напрасно указываетъ на то, что если де въ Англіи вывозъ падаетъ, за то онъ возростаетъ въ Германіи, Японіи и т. д. Да, вѣдь, все это—временныя вспышки сбыта, какъ онѣ были и въ Англіи. Но въ концѣ концовъ, и Германія, и Японія, будутъ приведены къ тому же концу, и это уже, дѣйствительно, неизбѣжно, какъ законъ природы: вѣдь, это законъ природы, что земной шаръ не выростаетъ въ угоду капиталистической потребности въ сбытѣ! Вѣдь, это законъ природы, что цивилизація, наука, культура, развиваются повсюду, создавая въ самыхъ отдаленныхъ и варварскихъ странахъ тѣ производства, которыми они пользовались ранѣе посредствомъ ввоза. Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ выгоднѣе производить, чѣмъ въ другихъ, тотъ или другой товаръ, по условіямъ болѣе удобнаго полученія сырья. Такимъ образомъ, обмѣнъ между различными странами останется, вѣроятно, всегда, но въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ, а именно въ предѣлахъ тѣхъ товаровъ, которые представятъ наибольшую дешевизну по мѣстнымъ условіямъ. Такихъ товаровъ немного, да и на нихъ всегда найдутся конкурренты, такъ какъ одни и тѣ же условія (напримѣръ, въ Россіи земледѣльческое, горное сырье и т. п.) существуютъ вовсе не единственно у нашей страны.

Но допустимъ даже, что Россія будетъ имѣть еще на сотни лѣтъ внѣшніе рынки, что она побѣдитъ дешевизной своихъ товаровъ конкурренцію другихъ странъ (хотя это—нелѣпость: вѣдь, ей придется все заводить сначала, затрачивать огромные основные капиталы, тогда какъ у конкуррентовъ все это уже заведено),—до-

пустимъ, однимъ словомъ, что капитализмъ у насъ процвѣтетъ, побѣдитъ всѣхъ и т. д., но почему же это долженъ быть капитализмъ буржуазный, то-есть съ капиталами единоличными или акціонерными, а не съ капиталами артельными, не съ капиталами національными?

Если отвѣтятъ, что такія предпріятія не шли, то надо сперва изслѣдовать, безъ марксистскихъ предвзятыхъ идей, почему они не шли. Здѣсь изслѣдовать этотъ вопросъ было бы долго. Но на Западѣ они плохо развивались отъ причинъ весьма простыхъ: попытки національныхъ мастерскихъ 1848 года были уничтожены буржуазнымъ министерствомъ, знаменитый банкъ Прудона былъ закрытъ Наполеономъ III по настоянію буржуазныхъ капиталистовъ; противъ ассоціацій Шульца-Делича возстала не только буржуазія, но и западный марксизмъ, увидавшій въ нихъ препятствіе къ скорѣйшему царству пролетаріата etc., etc...[1]).

Но въ то время, повторяю, ни правительства, ни общественное мнѣніе еще не имѣли того опыта бѣдствій, какой имѣемъ мы въ концѣ XIX вѣка. Утверждать, что для человѣчества ничего не значитъ «чужой» опытъ, что надо пережить его на собственной спинѣ (какъ утверждалъ г. Струве въ своей книгѣ, ссылаясь на нѣмца Зиммеля), значитъ считать человѣчество глупѣе многихъ животныхъ и даже птицъ: и они видя, что одна попала въ капканъ, обходятъ это мѣсто. Одни только бараны, да и то не всѣхъ породъ, прыгаютъ всѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ прыгнулъ черезъ препятствіе передовой баранъ, хотя потомъ это препятствіе уже устранено. Неужели русская нація не умнѣе этихъ барановъ?

IV.

Я до сихъ поръ разсматривалъ идеи неомарксизма съ точки зрѣнія политико-экономической и отчасти философско-исторической. Не желая растягивать своей статьи, я не войду въ болѣе подробное опроверженіе экономическаго матеріализма. Достаточно немножко знать исторію, чтобы понять его насильственную подогнанность къ мечтамъ о будущемъ раѣ. Каждый знаетъ, что экономическія потребности играли роль въ первобытномъ состояніи человѣчества. Но даже и у дикарей, — какъ замѣтилъ Спенсеръ, — «украшающее предшествуетъ полезному», и дикарь лучше будетъ голодать нѣсколько дней, чѣмъ выйдетъ къ знакомымъ безъ извѣстной раскраски и татуировки своего тѣла.

---

[1]) Обыкновенно марксисты указываютъ только на неудачные опыты, не изслѣдуя вовсе причинъ неудачъ. Такъ, напримѣръ, указываютъ на наши горные, казенные заводы, а не принимаютъ во вниманіе хотя бы берлинскаго городского хозяйства, идущаго превосходно. При такомъ сопоставленіи выяснилось бы, что неудачи зависятъ не отъ существа дѣла, а отъ системы его веденія.

По мѣрѣ культивированія людей, выступаютъ все больше и больше на первый планъ потребности нравственныя, умственныя, религіозныя, общественно-національныя и т. п. Леонидъ Спартанскій, Муцій Сцевола, мученики религіи, мученики науки, мученики общественныхъ идей, совершенно чуждые личныхъ или классовыхъ интересовъ, напримѣръ, наши раскольники самосожигатели, «бѣлые голуби», раскольники, зарывавшіеся живыми въ землю, наконецъ, тѣ наши народники и тѣ марксисты, которые готовы принести въ жертву все, лишь бы служить родному народу въ его цѣломъ или только въ одной его фракціи (городскихъ рабочихъ),— какіе экономическіе или классовые интересы двигаютъ ими? Сами они—не крестьяне, не рабочіе, а просто русскіе интеллигенты. Руководитъ ими не корысть, ибо ихъ желанный рай придетъ, даже по ихъ расчетамъ, только послѣ ихъ смерти! Ими руководитъ инстинктъ симпатіи, та мука оторванности отъ народа, то его исканіе, та страстная, почти религіозная любовь къ нему, о которой я говорилъ въ началѣ (другой вопросъ, почему эта любовь принимаетъ фантастическое направленіе и пересаживаетъ цѣликомъ чуждыя программы,—объ этомъ я также говорилъ, — это также плоды нашего историческаго разрыва съ народомъ).

Итакъ, обходя эту часть задачи, какъ черезчуръ очевидную, коснусь болѣе практическаго вопроса.

Нашъ неомарксизмъ отвергаетъ работу среди земледѣльческихъ тружениковъ на такихъ основаніяхъ, которыя до извѣстной степени понятны и естественны на Западѣ, но которыя, когда пройдетъ время молодого экстаза, когда опытъ разобьетъ quasi-религіозное вѣрованіе, охватившее нѣкоторые умы,—покажутся невѣроятными, немыслимыми самимъ проповѣдникамъ такой программы. Я уже не говорю о грядущемъ поколѣніи...

Это послѣднее будетъ съ изумленіемъ спрашивать себя: какъ же эти люди не видѣли тѣхъ выводовъ, къ которымъ ихъ должны бы привести даже самыя общія цифры статистики, напримѣръ, отношеніе въ Россіи ремесленныхъ тружениковъ къ земледѣльческимъ? Какъ они могли разсчитывать, что 2% на 100 могутъ побѣдить этихъ 100?! Какъ они не видѣли простой ариѳметической истины, что 98 больше двухъ въ 49 разъ, и что, проповѣдуя антагонизмъ городского рабочаго противъ земледѣльца, не желая заботиться о просвѣщеніи и развитіи земледѣльца, они на каждаго городского рабочаго возстановляютъ 49 поселянъ!? Правда, они надѣются, что, если дать право общинникамъ продавать кому угодно свои земельные надѣлы, то отношеніе пролетаріевъ къ земледѣльцамъ будетъ очень скоро иное. Но какое же? Если мы возьмемъ мѣриломъ Францію, гдѣ капитализмъ процвѣтаетъ уже болѣе 100 лѣтъ, и посмотримъ, какъ онъ отразился на мелкой земельной собственности, то увидимъ, что эти надежды марксистовъ на капитализацію

земли (т. е. на переходъ ея отъ крестьянъ къ капиталистамъ) доказываютъ только ихъ полное незнакомство съ фактами науки, которые имъ неудобны. Они знаютъ и читаютъ только то, что поддерживаетъ ихъ вѣру; всякая книга, кромѣ ихъ священныхъ книгъ, есть для нихъ «жупелъ», къ которому не нужно прикасаться. Если бы они не держались этой пагубной системы чтенія, они знали бы, что во Франціи при Людовикѣ XVI было около 4 милліоновъ земельныхъ собственниковъ на общее населеніе въ 26,000.000. Это, составляло одного собственника на $6^1/_2$ жителей; въ 1825 году число собственниковъ достигло $6^1/_2$ милліоновъ, къ 1850—семи милліоновъ, а къ 1888 году—восьми милліоновъ. И это увеличеніе собственниковъ земли (т. е. мелкаго землевладѣнія) было не только абсолютное, но и относительное, а именно: какъ мы видѣли, при Людовикѣ XVI былъ одинъ собственникъ на $6^1/_2$ жителей, въ настоящее время одинъ приходится только на 5 жителей. Тѣмъ не менѣе, французскій экономистъ Рамбо находитъ возможнымъ утверждать, что земля все же концентрируется, а именно: замѣчается уменьшеніе такъ называемыхъ «côtes foncières» (статей земельнаго обложенія). Между тѣмъ, во Франціи вычислено, что на каждыя 100 такихъ côtes foncières приходится 59 собственниковъ (вычисленія администраціи; по вычисленію же Фовилля—55 на 100). Такъ какъ ежегодно число «côtes foncières» уменьшается почти на 10.000, то черезъ 100 лѣтъ оно уменьшится на 1 милліонъ; считая съ 1888 года, когда было 14,236.000 côtes foncières, къ 1988 году ихъ число уменьшится только на $^1/_{14}$ часть; даже къ 2088 году, т. е. еще черезъ сто лѣтъ, оно уменьшится лишь до 12,236.000. Однимъ словомъ, чтобы землевладѣніе во Франціи сконцентрировалось на половину, дойдя до 7 милліоновъ côtes foncières, нужно 7,000.000 раздѣлить на 10.000 лѣтъ, и получимъ 700 лѣтъ, т. е. концентрація на половину французскаго мелкаго землевладѣнія совершится въ 2600 году.

Если то же вычисленіе примѣнить къ Россіи,—а нѣтъ основаній его не примѣнять,—то время обезземеленія нашего крестьянства на половину совершится даже не черезъ 700 лѣтъ послѣ 1899 года, а черезъ 700 лѣтъ послѣ того, какъ имъ дано будетъ право раздѣлить общинную землю и стать личными собственниками своихъ участковъ [1]).

Это такъ долго, что никто изъ нео-марксистовъ до тѣхъ поръ не доживетъ. А, если считать, что у насъ всѣ подобныя настроенія интеллигенціи держатся не болѣе 10 лѣтъ, допуская даже больше, 30—35 лѣтъ, то до тѣхъ поръ явится еще 20 и болѣе направле-

---

[1]) Нужно ли пояснять, что эти вычисленія далеко не серіозны. Я въ нихъ пародирую обычныя вычисленія марксистовъ, дѣлающихъ «законы» и предсказанія изъ двухъ, трехъ фактовъ или цифръ.

ній, быть можетъ, такъ же враждебныхъ марксизму, какъ онъ теперь враждебенъ народничеству...

Но едва ли когда нибудь устарѣетъ народничество. Не устарѣетъ оно уже потому, что народъ останется, пока останется Россія, съ ея обширными пространствами земли, изъ которыхъ еще безграничныя пространства ждутъ своего воздѣлывателя, русскаго крестьянина...

Забота о земледѣльцѣ останется центральной заботой русскаго государства и русскаго общества, и чѣмъ больше мы будемъ причастны къ просвѣщенію, къ лучшимъ плодамъ европейской цивилизаціи, тѣмъ эти заботы будутъ выше, разумнѣе, сильнѣе, какъ это мы видимъ въ такихъ высоко-культурныхъ странахъ, каковы Швеція и Норвегія. Наша промышленность должна стать и будетъ, конечно, лишь подспорьемъ земледѣлію. А чтобы она стала такимъ подспорьемъ, а не разрушеніемъ его, она будетъ не буржуазной, а либо артельной, либо національной, питающей, а не разоряющей великій русскій народъ.

Л. Е. Оболенскій.

РУССКІЕ ПОЭТЫ ВЪ НѢМЕЦКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

ЕСЛИ мы перенесемся мысленно лѣтъ за 40—50 назадъ отъ нашего времени, то мы увидимъ, что представленія европейскаго образованнаго общества о Россіи были до крайности смутныя. Это—полуварварская страна снѣговъ и медвѣдей, населенная племенемъ не арійскимъ, погруженная въ глубокій умственный сонъ и постоянно угрожающая общему спокойствію Европы и свободному развитію ея цивилизаціи; по своему внутреннему режиму, Россія нисколько не отличается отъ восточныхъ деспотій и потому въ высшей степени враждебна всякому просвѣтительному движенію, тѣмъ болѣе, что варварство въ ней поддерживается отсталой и косной массой православнаго духовенства или поповства (Pfaffenthum); наиболѣе характерными представителями русской народности являются полу-азіаты, дикіе казаки (wilde Kosaken), орды которыхъ несутъ съ собою повсюду смерть и разрушеніе. Исторія этой страны не только не представляетъ интереса, но даже совсѣмъ отсутствуетъ: это есть только этнографическое прозябаніе огромной массы людей, въ высшемъ слоѣ которой интеллектуальная жизнь цѣликомъ сосредоточивается въ придворныхъ интригахъ разныхъ временщиковъ. Объ этой офиціальной, показной сторонѣ русскаго быта можно почерпнуть прекрасныя свѣдѣнія изъ записокъ разныхъ авантюристовъ, посѣщавшихъ Россію; а что касается духовной жизни, то она совсѣмъ не существуетъ въ странѣ, и слѣдовательно изучать ее не приходится. При подобныхъ понятіяхъ вполнѣ естественно предаваться размыш-

леніямъ о томъ, что «у каждаго фута земли на римскомъ форумѣ есть болѣе богатая исторія, чѣмъ у всей Русской имперіи», какъ это о себѣ сообщаетъ авторитетный критикъ (по правдѣ сказать, отличающійся изрядной склонностью въ болтовнѣ) Брандесъ. Въ такихъ взглядахъ отразилась и вѣроисповѣдная рознь, и послѣдствія политическихъ недоразумѣній, въ родѣ нашего участія въ Священномъ союзѣ, и легковѣрное отношеніе ко всякимъ баснословнымъ розсказнямъ, а болѣе всего, конечно, сказалось прямое незнаніе Россіи и даже нежеланіе сколько нибудь серьезно изучить ея прошлое и настоящее состояніе.

Понятно, что при этомъ русская литература должна была оставаться совершенно неизвѣстной для европейской критики. Случайные переводы и статьи о ней даже такихъ почтенныхъ дѣятелей, каковы Боденштедтъ или Фарнгагенъ фонъ-Энзе, теряются почти безслѣдно въ массѣ печатнаго матеріала и обращаютъ на себя вниманіе только весьма ограниченнаго кружка спеціалистовъ любителей. Однако положеніе значительно измѣняется къ лучшему съ начала 70-хъ годовъ, и въ этомъ фактѣ мы должны признать огромную заслугу за И. С. Тургеневымъ. Живя долгіе годы за границей и сблизившись съ лучшими представителями европейской науки и литературы, нашъ великій романистъ заинтересовываетъ ихъ прежде всего своими произведеніями, въ которыхъ для нихъ открывается новый міръ, полный своеобразной цѣльности и высокой поэзіи. Передъ друзьями Тургенева развертывается широкая картина русской жизни, они видятъ въ ней не одну уже дикость и отсталость, чуется вѣяніе великаго духа славянской націи, чуется что-то освѣжающее въ этомъ вѣяніи, вносится какая-то новая струя въ нравственное и эстетическое ихъ міросозерцаніе; тѣмъ болѣе, что Тургеневъ скоро указываетъ европейцамъ и на другихъ своихъ русскихъ собратьевъ по перу, знакомитъ съ произведеніями Пушкина, гр. Л. Н. Толстого...

Толчокъ данъ, и начинается энергичное движеніе. Увлеченіе формами и содержаніемъ русской литературы, исходя изъ небольшого кружка друзей Тургенева, постепенно охватываетъ все европейское образованное общество: появляется множество критическихъ статей, въ которыхъ говорится о русской литературѣ и о «геніи» русскаго народа, при чемъ внимательно разсматривается, какъ современное состояніе Россіи, такъ и ея историческое прошлое, и прежнее баснословіе понемногу начинаетъ уступать мѣсто серьезному, вдумчивому изученію; издаются цѣлыя, обстоятельныя исторіи русской литературы, при чемъ преимущественное вниманіе обращается на новый русскій романъ; переводятся наши писатели съ какою-то лихорадочною горячностью, переводятся не только корифеи, оказывающіе настолько сильное вліяніе на европейскую литературу и на міросозерцаніе европейскаго общества, что приходится даже сѣтовать по поводу распространенія «русской жалости», — переводится рядъ про-

изведеній второстепенныхъ дѣятелей нашей литературы. Въ началѣ въ этомъ движеніи можно видѣть моду, но для всякой моды есть предѣлъ, и теперь первый порывъ увлеченія миновалъ, однако интересъ къ русской литературѣ не ослабѣлъ: въ Англіи и въ Америкѣ послѣ Библіи болѣе всего читается Л. Н. Толстой, въ Германіи огромнымъ вліяніемъ пользуется Достоевскій, котораго также усиленно изучаютъ и въ Англіи, Тургеневъ, Гончаровъ, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ стали для европейцевъ своими писателями...

Конечно, въ этомъ движеніи огромную роль играютъ переводы, но, къ сожалѣнію, приходится сказать, что далеко не всегда они отличаются точностью, и многое въ этомъ случаѣ объясняется крайне усиленнымъ спросомъ книжнаго рынка: постоянно требуются русскіе авторы, и за переводъ ихъ произведеній зачастую принимаются люди, мало подготовленные или даже совсѣмъ неподготовленные, такъ что получаются весьма печальныя искаженія прекрасныхъ подлинниковъ. Однако рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемся и съ отличными, прямо выдающимися образцами передачи русскаго текста, что̀ особенно представляется цѣннымъ при стихотворной формѣ. Среди этой второй, лучшей категоріи переводчиковъ, несомнѣнно одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ нашему соотечественнику, Ѳ. Ѳ. Фидлеру, краткому обозрѣнію литературныхъ трудовъ котораго мы посвящаемъ настоящій нашъ очеркъ.

Воспитанникъ реформатскаго церковнаго училища и С.-Петербургскаго университета, г. Фидлеръ еще на школьной скамьѣ дебютировалъ въ 1878 году переводомъ стихотворенія Лермонтова «Благодарность», и въ этомъ переводѣ сразу обнаружились его будущія свойства: переводчикъ отлично знаетъ языкъ, такъ что переводитъ почти дословно, умѣетъ хорошо вникнуть въ настроеніе оригинала, точно сохраняетъ стихотворный размѣръ, благодаря чему воспроизводитъ очень хорошо музыкальную сторону переводимыхъ стиховъ. Какъ первый опытъ, приводимъ это стихотвореніе цѣликомъ, сравнительно съ подлинникомъ:

Für Alles, Alles sei dir Dank gesagt:
Für meiner Leidenschaft geheime Leiden,
Für bittre Thränen, gift'ger Küsse Freuden,
Für Feindesrache und für Freundestrug.
Für meiner Seele Gluth, vergebens angefacht,
Für meines Lebens jeglichen Betrug,
Für Alles, Alles—bringe nur zu Wege,
Dass ich nicht lange mehr dir danken möge.

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, утраченной въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обмануть въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

Въ этомъ юношескомъ переводѣ можно, пожалуй, придраться къ выраженію Freundestrug, не вполнѣ точно передающему слова «клевету друзей», да въ концѣ, въ предпослѣднемъ стихѣ добавлены два слова, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ; вообще же переводъ исполненъ образцово.

Въ томъ же году г. Фидлеръ даетъ еще нѣсколько переводовъ изъ произведеній Лермонтова, Пушкина, Крылова и Кольцова, которые выпускаетъ въ свѣтъ въ маленькомъ сборникѣ, составляющемъ теперь библіографическую рѣдкость, подъ заглавіемъ: «Dichtungen von Puschkin, Kryloff, Kolzoff und Lermontoff». Для образца приводимъ отсюда переводъ Пушкинскаго «Ангела», при чемъ разрядкой отмѣчаемъ незначительныя отступленія отъ подлиннаго текста.

An Eden's Pforten stand ein Engel
Gesenkten Haupts, ein Strahlenblid,
Und über Höllentiefen kreiste
Der finstre Dämon, unmuthwild.

Der Geist des Zweifels, der Verneinung,
Betrachtete die Lichtgestalt,
Und in sein Herz zog tiefe Rührung
Zum ersten Mal mit Allgewalt.

Ich sah dich an und nicht vergeblich—
Sprach er—hat mich dein Glanz erhellt:
Nicht Alles habe ich verachtet,
Gehasst nicht Alles auf der Welt!

Въ первомъ стихѣ не переведенъ эпитетъ «нѣжный», а въ 8-мъ словами «mit Allgewalt» невѣрно передается тотъ оттѣнокъ, который у Пушкина заключается въ выраженіи «смутно познавалъ»; но эти неточности вполнѣ искупаются тѣмъ, что сохранена музыка и грація Пушкинскаго стиха.

Сравнительно большую трудность долженъ былъ представить своимъ народнымъ складомъ Кольцовъ, но и въ его переводахъ обнаруживается та же самая точность въ воспроизведеніи гармоніи и настроенія, какъ это, напримѣръ, видно изъ слѣдующихъ начальныхъ стиховъ «Лѣса».

Sprich, worüber sinnst,
Düstrer Wald, du nach?
Warum hüllst du dich
So in Nebelflor?

Wie der Held Bowa,
Der Verzauberte,
Stehst du in der Schlacht
Unbehelmten Haupts и т. д.

Слабѣе переводы басенъ Крылова, да ихъ не очень много (всего 4 басни), и объясняется это, вѣроятно, различіемъ нѣмецкаго и чисто-

русскаго юмора: мѣткій, образный и лаконичный языкъ Крылова почти не переводимъ.

Начавъ такъ удачно свою дѣятельность, г. Фидлеръ затѣмъ въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ трудится надъ переводами произведеній русскихъ писателей и выпускаетъ послѣдовательно въ изданіяхъ Реклама (Universal Bibliothek), Мейера (Volksbücher) и Генделя (Bibliothek der Gesammtlitteratur des In-und Auslandes), изданіяхъ, весьма распространенныхъ, десять томиковъ своихъ переводовъ. Тутъ напечатаны лирическія стихотворенія и драмы Пушкина («Борисъ Годуновъ» въ отдѣльномъ томѣ), стихотворенія Лермонтова, Никитина, Кольцова, гр. А. К. Толстого, Надсона, «Недоросль» и «Ревизоръ». Кромѣ того, въ 1889 году въ Лейпцигѣ Минденомъ напечатана составленная г. Фидлеромъ «антологія русскихъ лириковъ» подъ заглавіемъ: «Der russische Parnass»; въ этомъ изданіи помѣщены образцы русской лирической поэзіи, начиная съ Ломоносова и Державина и кончая гг. Фругомъ, Фофановымъ и Мережковскимъ, всего 58 авторовъ, при чемъ о каждомъ изъ нихъ сообщаются краткія, но довольно обстоятельныя біографическія и библіографическія свѣдѣнія; больше всего мѣста отведено, конечно, Пушкину и Лермонтову, и съ ними рядомъ стоятъ гр. А. К. Толстой, Никитинъ и Полонскій, а сравнительно мало представлены въ этой христоматіи Батюшковъ, Жуковскій, у которыхъ взято лишь по одному стихотворенію, и Майковъ.

Разсматривая эти переводы, мы должны сказать, что наименѣе удались г. Фидлеру «Ревизоръ» и «Недоросль», по всей вѣроятности, вслѣдствіе той же причины, по которой у него не такъ хорошъ вышелъ переводъ басенъ Крылова. Нельзя утверждать, чтобы эти переводы были не хороши, однако соль многихъ остротъ Гоголя и Фонвизина въ почти буквальной передачѣ значительно ослабляется, и нѣмецъ не всегда пойметъ, въ чемъ заключается юморъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ выраженій. Гораздо лучше оказываются переводы въ стихотворной формѣ, и въ особенности лирическихъ произведеній Пушкина, Лермонтова, гр. А. К. Толстого, Кольцова и Никитина, а также очень хороши переводы Пушкинскихъ драмъ.

Лирика Пушкина представлена г. Фидлеромъ очень полно въ сборникѣ, заключающемъ около 150 страницъ убористой печати, при чемъ болѣе половины переведенныхъ стихотвореній является на нѣмецкомъ языкѣ въ первый разъ. Стихотворенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ 1812 года, и въ переводѣ вездѣ сохраненъ размѣръ подлинника. Вездѣ можно замѣтить указанную нами точность въ передачѣ гармоніи Пушкинскаго стиха, и невольно удивляешься разнообразію размѣровъ, которыми такъ искусно пользуется г. Фидлеръ, слѣдуя за своимъ оригиналомъ. Вотъ начало «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ»:

Die Mannen Olegs sind gerüstet zumal,
Den Trotz der Chasaren zu brechen,
An Saaten und Dörfern mit Feuer und Stahl
Die letzte Verwüstung zu rächen;
Zum Ausbruch bereit ist der glänzende Tross
Oleg giebt das Zeichen auf herrlichem Ross.

Совсѣмъ другой размѣръ, но также вполнѣ подходящій къ Пушкинскому, является въ «Демонѣ».

Zur Zeit, da meine junge Seele
Zuerst erregt des Lebens Wort—
Nachts der Gesang der Philomele
Und Mädchenblick und Waldeshort;
Als edlerer Gefühle Walten
Des Ruhmes Glanz, der Liebe Glut,
Die Freiheit und der Kunst Gestalten и т. д.

Приведемъ также образцовый по точности переводъ стихотворенія: «Я васъ любилъ»:

Ich liebte dich. Vielleicht ist noch bis heute
In meiner Brust das Feuer nicht verglüht
Doch will ich nicht, dass sich dein Schmerz erneute —
Nichts soll fortan erregen dein Gemüth.
Ich liebte dich mit hoffnungslosem Schweigen,
Bald schüchtern, bald durch Eifersucht betrübt;
Ich liebte dich so zärtlich, so treueigen —
Gott gebe, dass ein Andrer dich so liebt!

Труднѣе всего поддается переводу на европейскіе языки замѣчательная простота Пушкинскаго стихотворнаго стиля, такъ какъ особенно нѣмецкіе стихи отличаются приподнятостью тона, что, можетъ быть, находится въ зависимости отъ звукового состава нѣмецкой рѣчи; но въ этомъ отношеніи г. Фидлеръ вышелъ побѣдителемъ, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго перевода элегическаго стихотворенія «Родина» («Опять на родинѣ»):

...Wiederum betrat
Ich jenen Erdenfleck, wo ich verlebt
Einsiedlerisch zwei unbemerkte Jahre.
Zehn Sommer sind verflossen seit der Zeit—
Und mancherlei Verändrung bot das Leben.
Ich selbst, gehorsam dem Naturgesetz,
Bin umgewandelt. Hier jedoch erfasst mich
Aufs neue lebhaft die Vergangenheit.
Ich streifte, glaub ich, gestern noch umher
In jenem Hain.

Изъ Пушкинскихъ драмъ г. Фидлеромъ переведены «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Каменный гость» и «Русалка». Переводъ отличается тѣми же достоинствами, которыя замѣчаются въ лирическихъ произведеніяхъ: та же точность въ передачѣ настроенія,

въ гармоніи стиха и въ складѣ рѣчи. Особенно здѣсь выдѣляются «Скупой рыцарь», въ которомъ прекрасно выдержанъ тонъ знаменитаго монолога въ подвалѣ передъ сокровищами, и «Русалка», представляющая большія трудности своимъ простымъ, народнымъ стилемъ. Приведемъ для характеристики начало словъ мельника въ первой сценѣ:

Ja, ja, so seid ihr all', ihr jungen Dinger — (не лучше ли сказать: Dirnen?)
Seid dumm! Ist's euch gelungen, einen Mann,
Der durch sein Geld und Ansehn Neid erweckt,
Zu kirren—müsst ihr ihn auch fesseln können!

Прекрасно также переведена пѣсня русалокъ изъ четвертой сцены:

Wir tauchen vom Grunde
Im fröhlichen Chor
Zur Mitternachtsstunde
Im Mondschein empor.
Welche Lust vom Grund zu eilen
In des Vollmonds Strahlenglut,
Freien Hauptes zu zerteilen
Die kristallklar kühle Flut!
Unser Gang ruft mit Frohlocken
Die Geschwister Paar um Paar;
Milde Winde machen trocken
Unser feuchtes grünes Haar.

Читая такіе прекрасные стихи, такъ близко воспроизводящіе текстъ Пушкина, невольно сожалѣешь, что г. Фидлеръ не перевелъ многихъ другихъ произведеній нашего великаго поэта,—ихъ онъ могъ бы очень хорошо передать понѣмецки,—что онъ не занялся переводомъ «Евгенія Онѣгина» и Пушкинской прозы, простота которой, навѣрное, была бы имъ воспроизведена такъ же хорошо, какъ это ему удалось сдѣлать при переводѣ лирическихъ произведеній Пушкина. Но мы надѣемся, что указанными переводами не заканчивается работа г. Фидлера надъ произведеніями Пушкина, и намъ остается въ заключеніе пожелать нашему переводчику продолженія и развитія его дѣятельности, которою онъ одинаково служитъ, какъ нѣмецкой литературѣ, такъ и Россіи, знакомя нѣмцевъ съ лучшими созданіями русскаго генія и тѣмъ содѣйствуя выработкѣ болѣе серіозныхъ взглядовъ среди европейцевъ на характеръ нашего просвѣщенія, нашей умственной жизни.

А. Бороздинъ.

ТИПОГРАФСКОЕ ДѢЛО.

НЕДАВНО вышла черезвычайно интересная книга «Краткія свѣдѣнія по типографскому дѣлу» съ 450 иллюстраціями, составленная г. Петромъ Коломнинымъ, завѣдывавшимъ въ теченіе двадцати лѣтъ типографіей «Новаго Времени» и общеобразовательной безплатной школой для наборщиковъ при ней. Прочтя въ газетахъ объявленіе о выходѣ настоящаго труда, быть можетъ, многіе, даже изъ числа лицъ, близкихъ къ дѣлу печати, не обратили должнаго вниманія на сдѣланный анонсъ и не поинтересовались узнать, если только свѣдѣній по настоящему предмету они не почерпнули изъ случайно попавшейся имъ рецензіи, что это за книга и о чемъ въ ней идетъ рѣчь. Типографія... типографское дѣло... корректура... наборщики... вѣроятно, для многихъ покажутся низменными темами и вопросами, которыми врядъ ли есть основаніе интересоваться и въ которыхъ врядъ ли можно найти что либо поучительное и забавное. Такъ, смѣемъ полагать — и на то имѣемъ нѣкоторое основаніе — думали и разсудили многіе. Другіе же, жизнь и дѣятельность которыхъ почему либо связаны съ печатнымъ русскимъ дѣломъ, какъ, напримѣръ, гг. типографы, издатели, редакторы и представители печати, тоже могли отнестись не съ подобающимъ вниманіемъ къ работѣ г. Коломнина, въ легкомысленномъ убѣжденіи, съ одной стороны, что это слишкомъ хорошо извѣстная матерія, и съ другой, что это скучная матерія, гдѣ нельзя сказать ничего новаго и животрепещущаго. Намъ уже приходилось обращаться съ разспросами по настоящему предмету къ свѣдущимъ лицамъ изъ

указанныхъ выше категорій, и отвѣты, нами полученные, были именно отмѣченнаго характера: «не видали», «не знаемъ», «стоитъ ли?» А между тѣмъ книга г. Коломнина заслуживаетъ серьезнаго вниманія всѣхъ причастныхъ къ печатному дѣлу, какъ явленіе общественнаго свойства, и даже поучительное. Въ этихъ-то видахъ мы и выдѣляемъ ея обозрѣніе изъ отдѣла «Критики и библіографіи» и отводимъ ей въ журналѣ отдѣльную замѣтку, въ надеждѣ такимъ образомъ скорѣе обратить вниманіе публики на это прекрасное и полезное изданіе.

Типографское дѣло въ Россіи, при несомнѣнномъ у насъ ростѣ издательства, стоитъ на довольно низкой ступени развитія. Количество выпускаемыхъ изъ типографій изданій далеко не соотвѣтствуетъ типографскому ихъ качеству, и вся сила издательства, повидимому, сосредоточилась, въ удешевленіи изданій въ интересахъ ихъ распространенія, непосредственно связаннаго, у однихъ съ коммерческими задачами, у другихъ — съ идейными. Поэтому, особенно въ послѣднее время, можно назвать нѣсколько чрезвычайно энергичныхъ фирмъ, запруживающихъ рынокъ дешевыми книгами и брошюрами, можетъ быть, и чрезвычайно поучительнаго и интереснаго содержанія, но за то представляющихъ собою верхъ безобразія, какъ со стороны типографской техники, такъ даже и грамотности. Погоня за дешевизной создала извѣстную конкурренцію типографій, сбавившихъ до очень значительной степени цѣнность работы, что въ свою очередь отразилось на доброкачественности типографскаго выпускаемаго въ обращеніе матеріала и на стоимости оплаты труда рабочихъ. Правда, на выручку явились усовершенствованныя машины, весьма ускорившія процессъ самаго печатанія, но за то остальные живые аксессуары типографскаго дѣла идутъ на ущербъ, и во главѣ множества типографій стоятъ лица, не имѣющія ничего общаго съ книгопечатнымъ дѣломъ и преслѣдующія исключительно цѣли легкой наживы. Рядомъ съ этимъ печальнымъ явленіемъ наблюдается и другое, именно переполненіе обширнаго кадра наборщиковъ безграмотными людьми, составляющими горе каждой порядочной типографіи. По этому предмету г. Коломнинъ свидѣтельствуетъ, что всѣ ремесленники изучаютъ свои профессіи цѣлыми годами и, пробывъ въ ученіи не менѣе 4—5 лѣтъ, дѣйствительно усвоиваютъ себѣ извѣстные практическіе пріемы и затѣмъ уже оказываются въ состояніи работать самостоятельно, не обращаясь ежеминутно къ завѣдующему мастерской за указаніемъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ области типографской профессіи и техники. Здѣсь современный молодой русскій наборщикъ ограничивается лишь знаніемъ самаго простого, такъ называемаго, «сплошного набора», да и того зачастую не можетъ выполнить вполнѣ добропорядочно, благодаря исключительно своей поразительной безграмотности и невѣжеству.

«Не спрашивайте отъ него знанія болѣе или менѣе сложнаго набора (математическаго, таблицъ, вывода и пр.): онъ не въ состояніи

выполнить ихъ безъ подробныхъ указаній и постояннаго надзора метранпажа,—говоритъ г. Коломнинъ. Развѣ не звучитъ смѣшно «безграмотный наборщикъ»! А между тѣмъ такихъ въ настоящее время большинство. Научныя познанія и развитіе наборщиковъ настолько ничтожны, что ихъ затрудняютъ, при работѣ, самые обыкновенные выраженія и термины, хорошо знакомые каждому гимназисту третьяго класса. Я врядъ ли ошибусь, если скажу, что письменныя «упражненія» по крайней мѣрѣ половины наборщиковъ могли бы съ успѣхомъ фигурировать въ музеяхъ рѣдкостей или во всякомъ случаѣ конкурировать съ тѣми знаменитыми іероглифическими начертаніями, которыя расходятся по всей Россіи изъ нашихъ селъ и деревень, приводя въ изумленіе и наводя на грустныя мысли каждаго, кому они попадаются на глаза. Безъ сомнѣнія, встрѣчаются и между наборщиками люди развитые, вполнѣ грамотные, любящіе и знающіе наборное дѣло, но они представляютъ, къ сожалѣнію, весьма рѣдкое исключеніе и совершенно теряются среди большинства сотоварищей-невѣждъ».

Это печальное обстоятельство объясняется тѣмъ, что у насъ до послѣдняго времени не было школъ печатнаго дѣла, а въ типографіяхъ мальчики-наборщики рѣшительно никакихъ научныхъ познаній не пріобрѣтаютъ и знакомятся поверхностно и неудовлетворительно лишь съ одною техническою стороною набора. Въ цѣляхъ поднятія интеллигенціи этого класса русскихъ рабочихъ при Техническомъ обществѣ была основана въ 1884 г. совокупными усиліями нѣсколькихъ лицъ, причастныхъ къ типографскому искусству, школа печатнаго дѣла. Точно также и А. С. Суворинъ, первый изъ частныхъ типографовъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, учредилъ при своей типографіи «Новаго Времени» общеобразовательную и профессіональную безплатную школу для наборщиковъ [1]), въ которой въ теченіе четырехъ лѣтъ учениками изучаются не только теорія и практика типографскаго дѣла, но также общеобразовательные предметы. По свидѣтельству г. Коломнина, изъ этой школы выходятъ если не готовые метранпажи, то «молодые люди, очень нерѣдко безусловно грамотные и получившіе основательную теоретическую и практическую подготовку для самостоятельной работы въ типографіяхъ».

Отмѣтивъ это стремленіе къ созданію въ Россіи интеллигентнаго класса наборщиковъ, авторъ труда по типографскому дѣлу подчеркиваетъ, однако, всю трудность осуществленія этого стремленія, благодаря отсутствію у насъ подходящихъ для того учебниковъ. Въ настоящее время въ немногихъ существующихъ уже школахъ преподавателямъ приходится учить «съ голоса», что крайне затруднительно,

[1]) Примѣръ А. С. Суворина вызвалъ подражаніе еще двухъ частныхъ типографій.

такъ какъ эти изустные уроки съ большимъ трудомъ удерживаются въ памяти. За границею это неудобство устранено, и тамъ имѣется масса превосходныхъ учебниковъ типографскаго дѣла на всевозможныхъ языкахъ. У насъ же, кромѣ довольно спеціальнаго руководства А. Д. Путяты «Математическіе знаки и формулы» и устарѣлаго — гг. Н. Ф. и Р. Н. «Руководства для типографовъ», — нѣтъ ничего. Первое руководство относится лишь къ изложенію одного математическаго набора, второе же, при всѣхъ его достоинствахъ, помимо его устарѣлости, страдаетъ отсутствіемъ рисунковъ и чертежей, почему и несовсѣмъ удобно для пользованія.

Вотъ въ восполненіе этого-то пробѣла и издалъ П. П. Коломнинъ свою превосходную книгу, гдѣ дѣлаетъ первую попытку дать русскимъ типографіямъ обстоятельное руководство, съ основательнымъ, яснымъ и снабженнымъ массою иллюстрированныхъ примѣровъ текстомъ, и гдѣ наконецъ-то устанавливаются для отечественныхъ типографій, въ руководство ихъ завѣдующимъ и рабочимъ, единыя правила, которыя должны объединить и упорядочить отечественное типографское искусство. Помимо всѣхъ прочихъ достоинствъ работы автора, за нею именно должно быть прежде всего признано значеніе объединяющаго типографскаго начала, благодаря которому русское искусство печати становится отнынѣ, по крайней мѣрѣ, съ теоретической его стороны доступнымъ и понятнымъ всякому грамотному человѣку.

До послѣдняго времени у насъ обыватель, пожелавшій бы издать со вкусомъ, добропорядочно и аккуратно книгу, былъ совершенно безъ рукъ и предоставленъ исключительно усмотрѣнію того заведенія, куда, быть можетъ, случайно и по неопытности занесла его судьба. Ему предоставлялось исключительно быть рѣшителемъ только двухъ вопросовъ въ этой области техники — 1) касающагося образца шрифта и 2) бумаги. Заботу обо всемъ остальномъ брала на себя подчасъ совершенно невѣжественная, юркая коммерческая типографія, которая и дѣлала съ вашимъ дѣтищемъ, что ей вздумается и что ей Богъ на душу положитъ. Получивъ отъ брошюровщика книгу, вы, если только природа одарила васъ какимъ нибудь художественнымъ вкусомъ и чутьемъ, могли быть огорчены ея уродливымъ и безпорядочнымъ видомъ, но констатировать и указать съ точностью, въ чемъ тутъ сила тяжести, въ чемъ тутъ грѣхъ, вы были лишены возможности. Вы могли лишь, по сравненію ея съ таковыми другими работами иныхъ типографій и въ особенности заграничныхъ, удостовѣрить уродливость ея состоянія, но точно формулировать ея недостатки вамъ не было дано, по неимѣнію для того теоретическихъ началъ и практическаго компетентнаго руководства, гдѣ бы вамъ было разъяснено, въ чемъ заключается типографская техника и книгопечатное искусство. У васъ не было, такъ сказать, ключа къ типографскимъ ребусамъ, и оставалась лишь печальная возможность сознавать въ этомъ отношеніи свое безсиліе.

Въ настоящее время г. Коломнинъ выводитъ обывателя на дорогу знанія и создаетъ своей книгой ту контролирующую инстанцію, къ которой всегда возможно, въ случаяхъ спорныхъ и случаяхъ недоразумѣній, аппелировать. Это на первыхъ же порахъ побудитъ самихъ типографщиковъ подтянуться, быть болѣе заботливыми и чистоплотными относительно доброкачественности выпускаемаго изъ ихъ заведеній товара.

Какъ въ вопросѣ правописанія у насъ въ руководствѣ Я. Грота имѣется объединяющее начало и возможность предъявить къ рукописи или книгѣ требованіе орѳографіи «по Гроту», такъ нынѣ, сдавая въ типографію для печати вашъ трудъ, вы можете требовать, чтобы онъ былъ изданъ «по Коломнину», гдѣ трудъ послѣдняго и долженъ служить критеріемъ вашего довольства или недовольства сданной вамъ работы. Смѣемъ думать, что такая постановка издательскаго дѣла со стороны его техники послужитъ первымъ и сильнымъ толчкомъ къ упорядоченію всего отечественнаго типографскаго искусства. Но тутъ, во всякомъ случаѣ, необходимо нѣкоторое вмѣшательство авторитетныхъ учрежденій, какъ, напримѣръ, Техническаго общества и состоящей при немъ комиссіи по техническому образованію, а также министерства финансовъ, въ лицѣ его органовъ — комитета по техническимъ дѣламъ и учебнаго комитета при департаментѣ мануфактуръ и торговли. Эти компетентныя учрежденія должны санкціонировать своимъ авторитетомъ означенное изданіе, выдвинуть его и рекомендовать всѣмъ профессіональнымъ и техническимъ школамъ, лицамъ, надзирающимъ за типографіями и, въ частности, издателямъ и книготорговцамъ. Точно также эта же книга должна быть принята за критерій при экспертизахъ на судебныхъ разбирательствахъ по дѣламъ нѣкоторыхъ типографскихъ исковъ. Такимъ образомъ, мы признаемъ за работой г. Коломнина несомнѣнное и при томъ широкое общественное значеніе, въ качествѣ перваго серьезнаго шага къ упорядоченію нашего издательскаго дѣла, къ установленію здѣсь единства типографской техники, ея изящества и доброкачественности.

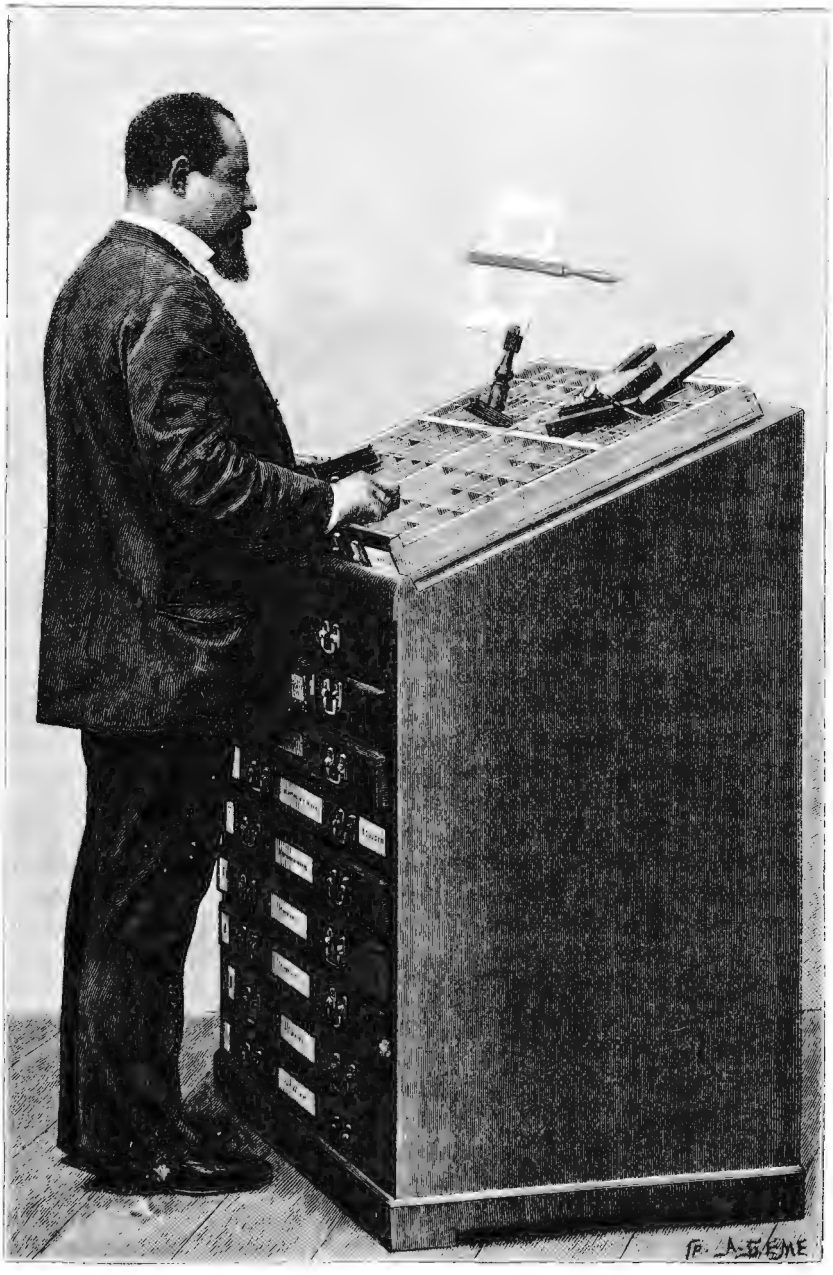
Самъ авторъ труда, конечно, по свойственной ему скромности, далекъ придавать столь широкое значеніе своему труду. Его непосредственная цѣль была значительно уже. «Завѣдуя школою «Новаго Времени», говоритъ онъ, я отлично видѣлъ, съ какимъ трудомъ усвоивается учениками теорія типографскаго искусства, и какъ легко все понятое и усвоенное ими забывается по неимѣнію руководства, которое давало бы возможность возобновлять (по временамъ) въ памяти объясненія преподавателя. Отсутствіе учебника тормозило и самое преподаваніе, такъ какъ вмѣсто дальнѣйшихъ и новыхъ объясненій безпрестанно приходилось повторять то, что уже было разсказано и даже не одинъ разъ. Давно задумалъ я написать нѣчто въ родѣ учебника типографскаго дѣла, спеціально для школъ, и сталъ подготовлять необходимый матеріалъ. Его набралось

такъ много, что я могъ бы написать 100 съ лишнимъ листовъ. Непредвидѣнныя обстоятельства заставили меня, однако, сократить мою работу до объема этой книги.

«Я писалъ вовсе не для метранпажей и опытныхъ типографовъ, а для учениковъ типографскихъ школъ и тѣхъ малосвѣдущихъ, но любознательныхъ наборщиковъ, которые не довольствуются свѣдѣніями, пріобрѣтенными ими въ типографіяхъ, и рады бы научиться бо̀льшему, да̀ не́ по чему. Я старался излагать кратко, но, по возможности, понятно и не сухо, такъ какъ типографское дѣло само по себѣ довольно скучно. Я не скуплюсь на рисунки, пояснительные чертежи и многочисленные наглядные примѣры, не избѣгаю иностранныхъ и всякаго рода «мудреныхъ» словъ, вошедшихъ въ составъ современнаго русскаго языка, но обязательно поясняю ихъ, равно какъ объясняю рѣшительно всѣ имена и термины, встрѣчающіеся въ текстѣ. Мнѣ не одинъ разъ приходится повторяться, но врядъ ли это можетъ быть поставлено въ укоръ. Болѣе половины всѣхъ рисунковъ сдѣланы нарочно для этой книги и никогда ни въ одномъ изданіи не появлялись».

Такого рода задачей г. Коломнинъ надѣется облегчить, по возможности, русскимъ наставникамъ преподаваніе въ школахъ теоріи типографскаго дѣла и дать ученикамъ и малосвѣдущимъ наборщикамъ такого рода справочную книгу, которая помогла бы имъ избѣгать, при самостоятельныхъ работахъ, крупныхъ промаховъ и не обращаться ежеминутно за указаніями къ метранпажу. Авторъ безусловно превосходно выполнилъ свою задачу; при чемъ, можетъ быть, даже противъ воли, по самому существу дѣла, его постановкѣ и исполненію, значительно перешагнулъ предѣлы своей задачи и создалъ не простой учебникъ и руководство для типографскихъ учениковъ, а бо̀льшую книгу широкаго общественнаго значенія, которая должна быть настольною въ каждой типографіи, въ каждомъ книжномъ магазинѣ, у всякаго издателя и редактора. Книга стоитъ того и по своему содержанію и по внѣшности, какъ одно изъ лучшихъ произведеній современной типографской техники.

Составленная на основаніи многочисленныхъ изданій, главнымъ образомъ, конечно, иностранныхъ—итальянскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, книга г. Коломнина снабжена 450 рисунками, обнимающими собою типографское дѣло во всѣхъ его подробностяхъ и во всѣхъ его составныхъ частяхъ, со включеніемъ сюда и историческихъ изображеній памятниковъ типографскаго искусства, какъ, напримѣръ, іероглифическихъ надписей на египетскихъ постройкахъ, образчиковъ бирманскаго и санскритскаго письма, финикійскаго алфавита, помпейской живописи, отрывковъ изъ латинской библіи IX вѣка, писанной золотыми буквами, портретовъ историческихъ лицъ, причастныхъ къ типографскому искусству, разныхъ произведеній отечественнаго книгопечатанія, относящихся ко

Иларіонъ Ѳедоровичъ Богдановъ.

(Метранпажъ «Историческаго Вѣстника»).

временамъ прошедшимъ. Рядомъ съ такой работой историческаго характера авторомъ положено немало труда на воспроизведеніе типографской современной жизни со всѣми ея мельчайшими аксессуарами и подробностями, которыя самымъ наглядным образомъ рисуютъ передъ читателями эту сферу, бытъ и процессъ работы, о которыхъ идетъ обстоятельная рѣчь въ текстѣ. Такъ называемыя кассы всѣхъ видовъ и образцовъ, литеры, шпоны, орудія, которыми оперируютъ наборщики, и способы, коими слѣдуетъ ими пользоваться, корректуры, упорядоченіе текста и шрифта, образцы печати для разныхъ мѣстъ книги, схемы листовъ, стереотипы, печатные станки и самыя разнообразныя машины и пр. и пр. — все это нашло себѣ въ книгѣ г. Коломнина превосходное и отчетливое изображеніе, благодаря чему на массѣ примѣровъ вы можете до самыхъ мелкихъ подробностей изучить типографское дѣло, жизнь въ наборныхъ и отдѣленіяхъ печатныхъ машинъ. Такая постановка вопроса въ книгѣ чрезвычайно оживляетъ ее и дѣлаетъ интересною даже для лицъ, которымъ почему либо даже никогда не пришлось бы самимъ печатать ни одной страницы; что же касается лицъ, живущихъ такъ или иначе литературнымъ трудомъ, то таковыя изъ ознакомленія съ трудомъ г. Коломнина извлекутъ не только громадную пользу практическаго свойства, но и неизсякаемое удовольствіе, можетъ быть, впервые ознакомившись отсюда, какая судьба постигнетъ ихъ произведенія до появленія послѣднихъ въ печатномъ видѣ на свѣтъ Божій, какъ обращаются съ ихъ рукописями и при помощи чего и какимъ путемъ чернильные знаки, набросанные на бѣлую бумагу въ ночной тиши кабинетовъ, становятся могучими орудіями общественнаго мнѣнія.

Что касается громадной «свинцовой арміи», то въ книгѣ г. Коломнина уложена вся ихъ рабочая жизнь, все то, надъ чѣмъ они мучатся, страдаютъ и чѣмъ живутъ. На 612 страницахъ убористаго шрифта разсказана эта жизнь и повѣдано, какъ слѣдуетъ каждому рабочему работать, изъяснено значеніе каждаго его шага въ типографіи и даны совѣты, какъ должно работать съ расчетомъ, чтобъ трудомъ этимъ были довольны другіе и онъ самъ. Г. Коломнинъ дѣйствительно возводитъ типографское искусство въ науку, даетъ здѣсь въ своемъ родѣ непреложные законы и, какъ настоящій знатокъ и любитель дѣла, обслѣдуетъ ее всесторонне съ богатыми экскурсіями въ область повседневной жизни. Къ своему обширному изслѣдованію онъ прилагаетъ и «Краткій толковый словарь наборщика», гдѣ даетъ не просто только сухое объясненіе словъ, встрѣчающихся въ его книгѣ, съ указаніемъ страницы, куда это слово относится, но и толкованіе этихъ словъ въ ихъ типографской практикѣ. Таково внутреннее содержаніе книги, котораго мы касаемся лишь бѣгло, такъ какъ болѣе обстоятельное изложеніе повело бы насъ къ буквальной передачѣ всего ея текста.

Что же касается книги, какъ образца настоящаго искусства техники, то въ данномъ случаѣ она можетъ удовлетворить самымъ взыскательнымъ требованіямъ. Здѣсь вы не найдете ни одного типографскаго дефекта, которыми щеголяютъ почти сплошь всѣ русскія изданія: весь шрифтъ однообразенъ, однотоненъ и компактенъ, краска вездѣ ровная, нѣтъ висячихъ строчекъ и лишнихъ пробѣловъ между строкъ и вдоль страницъ, всѣ слова и буквы разставлены въ строгой симметріи и всякая набранная и отпечатанная страница во всѣхъ ея деталяхъ можетъ выдержать самую строгую и придирчивую критику. Многія страницы, кромѣ того, особенно заключительныя и начальныя при отдѣлахъ, украшены превосходными и оригинальными виньетками и заставками, по своему духу и содержанію вполнѣ соотвѣтствующими самому содержанію главъ. Достигнуть такого совершенства работы г. Коломнину удалось, конечно, только при сочувствіи и поддержкѣ тѣхъ лицъ, съ коими въ теченіе многихъ лѣтъ онъ совмѣстно трудился въ типографіи «Новаго Времени» и въ особенности И. Ѳ. Богданова, состоящаго въ теченіе двадцати лѣтъ метранпажемъ «Историческаго Вѣстника», которому нашъ журналъ обязанъ аккуратностью ежемѣсячнаго выхода и удачностью всей его типографской техники. Ему г. Коломнинъ счелъ долгомъ выразить горячую признательность за живое участіе, которое онъ принялъ въ его работѣ, за его полезные совѣты и указанія и за нелегкій трудъ верстки настоящей превосходной книги, которой мы отъ всей души желаемъ самаго широкаго распространенія.

Г. Л. И.

ПАМЯТИ В. О. МИХНЕВИЧА.

ЗЪ РЯДОВЪ русскихъ журналистовъ выбылъ испытанный и даровитый собратъ, Владиміръ Осиповичъ Михневичъ, хорошо знакомый читателямъ «Историческаго Вѣстника» по многимъ напечатаннымъ здѣсь его статьямъ, посвященнымъ разработкѣ вопросовъ бытовой отечественной жизни. Покойный былъ истинный другъ нашего журнала, любилъ его, и послѣдніе его труды были посвящены именно «Историческому Вѣстнику», на страницахъ котораго черезъ нѣсколько дней послѣ его похоронъ появилась его послѣдняя, посмертная работа «Русскій народъ въ воззрѣніяхъ на себя и свое прошлое». Хотя смерть Михневича и не была неожиданностью для нашей тѣсной журнальной семьи, и мы готовились къ ней уже давно, тѣмъ не менѣе эта утрата полезнаго и любимаго нами собрата и товарища была для насъ истиннымъ горемъ, съ которымъ и по сію пору какъ-то не хочется мириться, которая и посейчасъ острою болью отзывается въ нашихъ сердцахъ.

Съ несказанною грустью смотришь на неоконченныя рукописи съ интересно задуманными историческими темами, которыя поступили отъ вдовы покойнаго въ портфель редакціи и вспоминаются, какъ живыя, всѣ его письма, всѣ его бесѣды по предмету именно задуманныхъ работъ... Оборвалась жизнь мучительнымъ тяжкимъ концомъ, оборвались рукописи, и нѣтъ между нами того, кто съ такою любовью, съ такимъ сердечнымъ участіемъ вникалъ во всѣ перипетіи жизни «Историческаго Вѣстника», во всѣ радости и горести его сотрудниковъ и его редактора, во всѣ наши замыслы и планы...

Я счастливъ, что на мою долю выпала лестная обязанность помянуть прощальнымъ редакціоннымъ словомъ товарища и собрата и повѣдать нашимъ читателямъ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности незабвеннаго Владиміра Осиповича. Дѣлаю это съ тѣмъ большею охотою, что, помимо соображеній литературнаго и редакціоннаго свойства, выполняю тѣмъ какъ бы свой нравственный долгъ передъ покойнымъ, который всегда былъ такъ участливъ, милъ и душевенъ со мною, сообществу котораго я обязанъ многими хорошими часами, и симпатичный образъ котораго никогда не изгладится изъ моей памяти.

I.

Покойный происходилъ изъ дворянъ Кіевской губерніи, стараго малорусскаго, но ополяченнаго впослѣдствіи рода; самъ онъ въ разговорахъ относилъ себя къ «украинцамъ», но никогда не выражалъ особеннаго сочувствія всѣмъ крайностямъ такъ называемаго «украинскаго движенія». Подъ вліяніемъ главнымъ образомъ непрестанныхъ занятій русской исторіей въ немъ выработалась широкая историческая точка зрѣнія, которая и не позволяла ему примыкать къ излишнимъ политическимъ увлеченіямъ, къ коимъ онъ и относился всегда въ бесѣдахъ съ близкими людьми съ добродушной и иронической снисходительностью.

Родился онъ въ 1841 г., дѣтство провелъ среди Херсонскихъ степей, гдѣ отецъ его арендовалъ имѣніе, затѣмъ онъ былъ опредѣленъ родителями во 2-ю Кіевскую гимназію, откуда послѣ четырехлѣтняго пребыванія здѣсь былъ переведенъ въ Нѣжинскую гимназію, которую благополучно и окончилъ. Уже на школьной скамьѣ среднеучебнаго заведенія Михневичъ ярко обнаружилъ передъ учителями и товарищами тотъ Божій даръ, который впослѣдствіи вывелъ его на широкую дорогу служенія родинѣ печатнымъ словомъ. Какъ это наблюдается въ отроческихъ годахъ большинства писателей, его рано стало тянуть къ перу и книгѣ, и онъ среди учащейся молодежи заявляетъ себя открыто «писателемъ», что называется «домашнимъ талантомъ». Характерной чертой этого ранняго періода его жизни служитъ то, что не къ лирическимъ стихамъ, какъ это именно всего чаще наблюдается на первыхъ порахъ у будущихъ писателей, тянуло гимназиста-литератора, а къ произведеніямъ драматическимъ и историческимъ, т. е. къ тому жанру нашей словесности, которому онъ остался вѣренъ до склона своихъ дней, въ одномъ случаѣ въ качествѣ постояннаго рецензента драматическихъ произведеній, въ другомъ — въ качествѣ изслѣдователя бытовой исторіи русскаго общества. Десяти лѣтъ онъ прочиталъ «Исторію Александра Македон-

скаго» Квинта Курція, а, будучи во второмъ классѣ, проштудировалъ пространную исторію Кайданова, которую, согласно тогдашней программѣ, проходили только въ старшихъ классахъ. Когда Владиміру Осиповичу минуло 13 лѣтъ, онъ сочинилъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ чтенія Марлинскаго, какую-то рыцарскую повѣсть, а вслѣдъ за симъ выступилъ передъ товарищами съ комедіей «Отставка безъ мундира», которая и была разыграна гимназической молодежью на частной квартирѣ.

Въ началѣ 1860 года, Михневичъ поступилъ въ университетъ св. Владиміра, но курса здѣсь ему не удалось окончить, такъ какъ, нуждаясь донельзя въ средствахъ къ жизни, большую часть времени посвящалъ даванію уроковъ и гувернерству. Какъ плохо приходилось бѣднягѣ, видно изъ небольшого автобіографическаго очерка его «На зарѣ кіевской журналистики», напечатаннаго имъ не задолго до смерти въ кіевской газетѣ «Жизнь и Искусство» (1898—1899 гг.). «Уже въ университетѣ, сильно нуждаясь въ средствахъ,—повѣствуетъ онъ,—нанялся я однажды... чтецомъ къ одному просвѣщенному барину, лѣчившемуся у знаменитыхъ кіевскихъ окулистовъ отъ какой-то тяжкой глазной болѣзни. Больному было предписано сидѣть взаперти и въ абсолютной темнотѣ; а такъ какъ онъ любилъ чтеніе и самъ читать не могъ, то и нанялъ меня, въ качествѣ чтеца. Самъ съ дѣтства страстный любитель чтенія, я съ радостію и безъ торга принялъ предложеніе на такихъ условіяхъ: читать въ слухъ порусски ежедневно, отъ 5 до 10 часовъ вечера, все, что бы ни пожелалъ мой патронъ, и въ вознагражденіе за трудолюбіе и искусство получать четвертакъ звонкой монетой за каждый вечеръ и, въ видѣ особаго благосклоннаго поощренія, стаканъ чая во время передышки. Въ жизнь мою не встрѣчалъ я такого, можно сказать, свирѣпаго любителя чтенія, какимъ оказался мой патронъ! За изъятіемъ коротенькаго антракта для чаепитія, битыхъ пять часовъ аккуратно, изо дня въ день, читалъ я, и долженъ былъ читать нарочито громко, такъ какъ патронъ мой слушалъ черезъ перегородку, изъ другой неосвѣщенной комнаты. Такъ продолжалось два, три мѣсяца, и—можете судить—чего, чего мы не перечитали, какую, въ томъ числѣ, кучу ерунды и всякаго мусора!.. Замѣчательно, что патронъ мой, повидимому, слушалъ все, что я ни читалъ ему, съ одинаковымъ вниманіемъ и съ одинаковымъ безразличіемъ,—и эта черта была въ немъ особенно ужасна! Что касается меня, несмотря на всю любовь мою къ чтенію, въ жизнь мою не подвергался я такому изнуренію. Я положительно надсаживалъ себѣ грудь и непремѣнно кончилъ бы чахоткой, если бы тяжелый искусъ продолжился еще нѣсколько долѣе».

Тогда же Михневичъ сталъ испытывать свои силы и въ мѣстной журналистикѣ, плодомъ чего явился легкій фельетонъ, напечатанный въ «Кіевскомъ Телеграфѣ», издававшемся фонъ-Юнкомъ. Вслѣдъ

за тѣмъ онъ сталъ посылать каррикатуры и юмористическія статейки въ «Искру» и «Занозу», гдѣ онѣ печатались, не принося, впрочемъ, автору ничего, кромѣ нравственнаго удовлетворенія. Это было въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда на русскую жизнь только-что повѣяло волей и свободой, когда обличенія отечественной косности и отсталости были любимыми темами въ литературѣ, и «Искра» Курочкина была высшей кассаціонной инстанціей по вопросамъ нашей общественной жизни. Для молодого писателя сдѣлаться сотрудникомъ «Искры» составляло особенную гордость, такъ какъ онъ на живыхъ лицахъ и въ живыхъ примѣрахъ могъ видѣть всю силу сатирическаго бичеванія этого талантливаго и бойкаго журнальчика. Въ тѣхъ же кіевскихъ автобіографическихъ очеркахъ, которые цитированы выше, Михневичъ повѣствуетъ, какой переполохъ въ нѣжинской жизни произвелъ № «Искры», гдѣ анонимный корреспондентъ, въ сатирической аллегоріи, весьма прозрачно осмѣялъ ученыхъ представителей мѣстнаго учебно-педагогическаго міра. «Если бы разразились надъ Нѣжиномъ среди яснаго дня громы небесные, если бы самъ молніеносный богъ сошелъ съ Олимпа во всеоружіи,— впечатлѣніе, произведенное ими, не было бы болѣе разительнымъ и болѣе потрясающимъ, чѣмъ то, какое пережила нѣжинская публика подъ дѣйствіемъ этой невинной и наивно-обличительной сатирической статейки «Искры». Блаженный сонъ взбаломученнаго болота, надъ которымъ дотолѣ раздавалось только усыпительно мелодическое кваканье лягушекъ... былъ внезапно прерванъ и прерванъ навсегда. Начать съ того, что всѣ нѣжинскіе интеллигенты всякаго рода и возраста бросились съ неописуемой жадностью читать и выписывать «Искру». Совсѣмъ почти невѣдомый дотолѣ въ Нѣжинѣ бойкій журнальчикъ этотъ сталъ вдругъ чрезвычайно распространеннымъ, и положительно не было такого, сколько нибудь культурнаго, «порядочнаго» дома, среди нѣжинской интеллигенціи, гдѣ бы «Искру» въ ту пору не выписывали».

Успѣхъ дебютовъ въ популярномъ журналѣ Курочкина былъ безспорно рѣшающимъ моментомъ въ жизни нашего писателя, послѣ чего онъ окончательно предопредѣляетъ свое жизненное поприще и въ 1865 г. появляется на берегахъ Невы съ опредѣленною цѣлью посвятить себя всецѣло русской журналистикѣ. Но сѣверное небо встрѣтило неприглядно нашего южанина, и цѣлыхъ пять лѣтъ пришлось тянуть тяжелую лямку интеллигентнаго пролетарія, мечущагося по стогнамъ столицы въ поискахъ хоть скуднаго заработка и куска хлѣба. Ему не везло, какъ это часто случается въ нашемъ журнальномъ мірѣ, когда человѣкъ, несмотря на знанія, трудолюбіе, усидчивость и несомнѣнное дарованіе, не можетъ найти себѣ постояннаго заработка и журнальнаго пристанища. Тутъ часто, да почти сплошь и рядомъ, рѣшающую роль играетъ случай, то счастье, по справедливости именуемое «слѣпымъ», которое изливаетъ свою бла-

годать невѣдомо на кого и невѣдомо за что. Изъ всѣхъ видовъ неудачъ и горестей, изъ всѣхъ треволненій интеллигентнаго пролетаріата, нѣтъ ужаснѣе и безпощаднѣе по своимъ послѣдствіямъ бѣдственныхъ скитаній служителей идейнаго искусства, куда я позволю себѣ на первомъ мѣстѣ поставить нашу братію-профессіональныхъ журналистовъ. Сколькими разбитыми жизнями, сколькими загубленными дарованіями усѣяна сплошь наша русская журналистика, страшно даже и подумать... Ихъ даже не далъ себѣ труда подсчитать кто нибудь, и только пожелтѣвшія и запыленныя страницы старыхъ газетныхъ фоліантовъ въ Публичной библіотекѣ могутъ засвидѣтельствовать эту мало говорящую публикѣ жесткую регистрацію: «умеръ во цвѣтѣ силъ, изнуренный невзгодами жизни и непосильной съ нею борьбою, оставивъ по себѣ семейство безъ всякихъ средствъ къ существованію».

Этотъ ужасъ грозной регистраціи цѣлое пятилѣтіе дышалъ и на нашего молодого журналиста, побуждая его, въ борьбѣ за право жизни и за сохраненіе своего Богомъ даннаго таланта, хвататься за всякую побочную работу. Появляясь въ печати главнымъ образомъ на страницахъ «Петербургской Газеты» Ильи Арсеньева, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ занимается одновременно то перепискою бумагъ, то сочиненіемъ прошеній у одного дѣльца, то служитъ помощникомъ библіотекаря у великаго князя Константина Николаевича, то даже бросается въ коммерцію, вынужденный крайностью занять мѣсто приказчика въ мебельномъ магазинѣ. Впослѣдствіи, когда Владиміръ Осиповичъ выбился на широкую журнальную дорогу и сдѣлался заправскимъ и неизмѣннымъ рядовымъ газетнымъ байцомъ, въ пылу полемической брани, въ искаженномъ видѣ, припоминалась часто практическая сторона этой ранней его жизненной дѣятельности и преподносилась публикѣ въ превратномъ освѣщеніи, какъ нѣчто недостойное и компрометирующее его. Михневичъ своевременно отвѣчалъ своимъ зоиламъ, и можно съ чистой совѣстью нынѣ заявить, что въ этой его дѣятельности не было ничего рѣшительно предосудительнаго, могущаго лечь какою нибудь тѣнью на его доброе имя. Эта сторона уже достаточно выяснена, но не отмѣчено лишь, сколько страданій, ужасныхъ душу сжимающихъ страданій, должны были поднимать эти несправедливые уколы, когда такъ живо воскресали передъ его очами страницы скорби и печали, коими отмѣчена была заря его жизни...

II.

Въ 1870 году, послѣдовалъ переломъ въ его скитаніяхъ, и онъ, не растерявъ по дорогѣ умственныхъ и душевныхъ силъ, но закалившись въ добрыхъ стремленіяхъ, вышелъ на твердый берегъ, гдѣ его ожидали удачи, благополучіе, извѣстность и уваженіе всѣхъ со-

прикасавшихся съ нимъ. Прежде всего онъ получилъ приглашеніе отъ извѣстнаго каррикатуриста Н. А. Степанова участвовать въ «Будильникѣ» въ качествѣ постояннаго сотрудника; затѣмъ, въ 1872 г., онъ дѣлается воскреснымъ фельетонистомъ въ «Сынѣ Отечества», откуда переходитъ, по приглашенію В. А. Бильбасова, на то же амплуа во всесильный и вліятельный тогда «Голосъ» Краевскаго, а съ 1877 года по день своей смерти принимаетъ самое дѣятельное участіе въ «Новостяхъ» О. К. Нотовича, гдѣ до послѣдняго почти времени занимаетъ мѣсто одного изъ самыхъ видныхъ и отвѣтственныхъ сотрудниковъ, одновременно ведущихъ нѣсколько отдѣловъ. Онъ ра-

Владиміръ Осиповичъ Михневичъ.

боталъ въ этой газетѣ въ качествѣ еженедѣльнаго фельетониста, за подписями «Вл. Михневичъ» или «Коломенскій Кандидъ», велъ ежемѣсячныя обозрѣнія историческихъ журналовъ и новостей, завѣдывалъ отдѣломъ художественной и театральной критики, обозрѣніемъ журналовъ и газетъ и провинціальныхъ корреспонденцій. Кромѣ того, иногда принималъ участіе и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, въ «Стрекозѣ», гдѣ давалъ волю своему природному малороссійскому юмору, какъ бы вспоминая тѣ давніе дни, когда онъ впервые соприкоснулся съ писательской профессіей въ органѣ Курочкина. Любимой же его работой, которой онъ отдавался съ особенной страстностью и которая надолго оставляетъ за нимъ солидный слѣдъ въ литературѣ, были его историческія изысканія, печатавшіяся имъ на страницамъ «Наблюдателя» и въ особенности «Историческаго Вѣстника». Кромѣ этихъ трудовъ, о коихъ я скажу подробнѣе далѣе въ ихъ спеціальной группировкѣ, имъ составлено было нѣсколько справочныхъ изданій, вышедшихъ отдѣльно, внѣ связи и зависимости съ остальными прочими, напримѣръ, «Наши знакомые»—фельетонный словарь; «Петербургъ весь на ладони» (2 т.), «Пятнадцатилѣтіе газеты «Голосъ» (1863 — 1877)», «Новороссійскій календарь».

Изъ этой категоріи изданій для исторической литературы имѣетъ особенное значеніе обозрѣніе «Голоса» за 15 лѣтъ, составленное чрезвычайно объективно, съ обстоятельнымъ указаніемъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ за это время, и именъ сотрудниковъ, постоянныхъ и случайныхъ, въ газетѣ когда либо печатавшихся. Наиболѣе важною частью въ этой книгѣ должна считаться первая часть, гдѣ обрисованы задачи и направленіе «Голоса», и отмѣчено, при помощи рельефныхъ выдержекъ, отношеніе этой газеты къ вопросамъ внѣшней и внутренней политики, къ вопросамъ экономическимъ, народнаго просвѣщенія, церковнымъ и военнымъ. Заслуживаютъ вниманія и статистическія данныя, обрисовывающія ростъ подписки, ея ежедневную розничную продажу и формуляръ ея «поведенія», въ видѣ постигавшихъ ее административныхъ каръ и взысканій.

Вторымъ, по своему историко-общественному значенію, должно быть поставлено изданіе «Петербургъ весь на ладони, съ планомъ Петербурга, его панорамой съ птичьяго полета, 22 картинками и съ прибавленіемъ календаря». Это изданіе, вышедшее въ свѣтъ 25 лѣтъ тому назадъ, нынѣ нѣсколько забытое, по всей справедливости должно считаться первообразомъ позднѣйшихъ изданій календарнаго и справочнаго характера, относящихся къ жизни и состоянію нашей сѣверной столицы. Оно не блещетъ обиліемъ статистическаго матеріала, обстоятельностью адресной части, касающейся мѣстожительства обывателей, но зато обстоятельно рисуетъ Петербургъ съ точки зрѣнія его культурно-историческаго роста и въ литературной формѣ, легко усваиваемой и доступной, изображаетъ городъ дѣйствительно, какъ на ладони, съ указаніемъ такихъ сторонъ жизни, коими нынѣшніе

издатели, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ не интересуются. Прекрасно разработана здѣсь историческая часть (1 т.) — «Петербургъ въ старину» (1703—1803 гг.), которая если и уступаетъ въ своемъ объемѣ и въ частностяхъ извѣстному труду М. Пыляева «Старый Петербургъ», зато превосходитъ его достовѣрностью матеріала и осторожностью его разработки. Не меньшаго вниманія заслуживаютъ и 1, 2 и 3 главы втораго тома, посвященныя «естественно-историческому ходу заселенія С.-Петербурга», «движенію населенія» и «нравственно-статистическимъ свѣдѣніямъ о С.-Петербургѣ». Въ этихъ главахъ, помимо ихъ справочно-статистическаго значенія, заслуживаетъ вниманія подчасъ широкая, гуманная точка зрѣнія автора, которая такъ наглядно проявлялась и въ его всегдашнихъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ. Изученіе нашей столицы по составленію календаря сдѣлало изъ Михневича рѣдкаго и тонкаго знатока петербургской жизни, что помогло ему въ теченіе почти двадцати лѣтъ быть занимательнымъ и разнообразнымъ фельетонистомъ большой газеты, чутко отзывавшимся на всѣ злобы столичнаго дня и треволненія ея населенія. Болѣе сухо, кабинетно составленъ «Новороссійскій календарь», гдѣ уже не проглядываетъ писатель, изучившій предметъ по личнымъ наблюденіямъ и въ близкомъ съ нимъ соприкосновеніи. Но во всякомъ случаѣ, въ качествѣ справочнаго изданія для провинціи, и онъ долженъ быть помянутъ добрымъ словомъ и имѣть такъ же право на доброе и почетное мѣсто въ исторіи провинціальнаго издательскаго дѣла.

Что же касается изданія «Нашихъ знакомыхъ», то, должно полагать, происхожденіе ихъ главнымъ образомъ обязано сотрудничеству покойнаго въ юмористическихъ изданіяхъ, гдѣ принято давать легкіе и въ нѣсколько игривомъ духѣ написанные портреты современниковъ. Такая постановка вопроса ставитъ иногда авторовъ такихъ писаній въ нѣсколько щекотливое положеніе, гдѣ трудно соблюсти должное равновѣсіе, и подчасъ, независимо отъ собственнаго желанія, приходится перегибаться то въ ту, то въ другую сторону, вдаваясь въ шаржъ и каррикатуру, а также принося дань диѳирамбу и преувеличенной оцѣнкѣ. Михневичъ не остался чуждъ этихъ недостатковъ, и характеристики его далеко не всегда отличаются необходимымъ остроуміемъ, спокойствіемъ и мѣткостью. Главное достоинство этого словаря — иллюстраціи, портреты, изъ коихъ нѣкоторые, насколько мнѣ помнится, появились въ этой книгѣ впервые. «Наши знакомые» — книга, имѣвшая своимъ назначеніемъ собрать воедино главнѣйшихъ дѣятелей столицы, пользующихся особенной извѣстностью, и представить ихъ въ нѣсколько окаррикатуренномъ видѣ, конечно, задѣла весьма многихъ и вызвала противъ автора немало злобы и недовольства, для которыхъ, говоря по совѣсти, въ интересахъ истины, было въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточное основаніе. Были задѣты личности, и они-то спѣ-

шили платить автору монетой личнаго же характера, создавая ему не всегда и не вездѣ добрую славу. Покойный, въ качествѣ вообще газетнаго работника, печатавшагося за полною подписью и занимавшаго въ общественной жизни, такъ сказать, боевую позицію на протяженіи всей своей слишкомъ тридцатилѣтней дѣятельности, сплошь и рядомъ сталкивался съ этимъ элементомъ личныхъ счетовъ, личныхъ симпатій и антипатій, которыя поневолѣ создаютъ вокругъ человѣка всяческія легенды, сплетни и злословія, находящія себѣ отраженіе въ писаніяхъ его противниковъ. Нужно, однако, сказать къ чести покойнаго, что онъ въ своихъ работахъ всегда по мѣрѣ силъ и возможности избѣгалъ личныхъ счетовъ, являясь скорѣе жертвою редакціонныхъ счетовъ, нежели субъективныхъ побужденій.

III.

Выше уже сказано, что Михневичъ принялъ настоящее крещеніе газетнымъ огнемъ только съ 1872 г., т. е. въ ту уже пору жизни, когда его характеръ, складъ ума и общественныхъ взглядовъ вполнѣ опредѣлились и выработались; поэтому въ его дѣятельности не наблюдается никакихъ рѣзкихъ идейныхъ переломовъ, и онъ по всей справедливости является въ нашей журналистикѣ чрезвычайно послѣдовательнымъ и цѣльнымъ типомъ, отъ начала своего газетнаго поприща до послѣднихъ своихъ дней. Будучи сначала сотрудникомъ «Голоса», а потомъ «Новостей», онъ отражалъ во всѣхъ своихъ отвѣтственныхъ работахъ на общественныя темы редакціонные взгляды этихъ изданій и ни въ чемъ рѣшительно, по наиболѣе существенному, по крайней мѣрѣ, не расходился съ пріютившими его редакціонными семьями. Работая поразительно много въ самыхъ разнообразныхъ отдѣлахъ, онъ по необходимости стоялъ всегда на виду читателей и противниковъ, участвуя во всѣхъ полемическихъ битвахъ, производимыхъ и сомкнутымъ строемъ и вразсыпную. Особенно отвѣтственна, тяжела и вмѣстѣ съ тѣмъ чревата послѣдствіями была его работа въ «Новостяхъ», гдѣ онъ постоянно фигурировалъ или подъ псевдонимомъ «Коломенскій Кандидъ» или безъ всякаго забрала, а съ открытымъ лицомъ; кромѣ того, имъ же велся одинъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ въ газетахъ отдѣловъ—обозрѣнія печати, почти цѣликомъ покоящійся на элементахъ полемики по принципіальнымъ вопросамъ. Отсюда становится яснымъ все значеніе покойнаго писателя въ установленіи извѣстнаго направленія и поддержанія его, въ интересахъ опредѣленнаго общественнаго и политическаго знамени. Здѣсь не мѣсто распространяться о тѣхъ началахъ, которыя положены въ политическую программу «Новостей»: лица, слѣдящія за нашими общественными теченіями, вѣроятно, и безъ моихъ указаній хорошо освѣдомлены по настоящему предмету, а

обрѣтающимся въ невѣдѣніи краткая моя характеристика скажетъ немного. Считаю лишь долгомъ отмѣтить, что Владиміръ Осиповичъ, принявъ либеральные завѣты шестидесятыхъ годовъ, превосходно гармонировалъ своимъ настроеніемъ предъявляемымъ къ нему редакціоннымъ требованіямъ и твердо держалъ въ рукахъ довѣренное ему знамя, подъ сѣнью котораго въ разное время стояли такіе представители русской литературы, какъ: Гр. Градовскій, Р. Сементковскій, А. Скабичевскій, П. Боборыкинъ, В. Немировичъ-Данченко, Д. Мордовцевъ, К. Баранцевичъ, И. Василевскій-Буква и множество другихъ того же направленія. Сотрудничество съ Михневичемъ никогда и никого изъ названныхъ лицъ не смущало, и изъ-за его личности или его убѣжденій никакихъ редакціонныхъ замѣшательствъ или осложненій не выходило.

Онъ работалъ честно, упорно и удивительно плодовито, такъ что въ первые, напримѣръ, года существованія «Новостей» ему приходилось почти цѣликомъ составлять № газеты, просиживая надъ этой работой съ утра до ночи. Молодое изданіе требовало для своего упроченія необыкновенно большого напряженія силъ ближайшихъ сотрудниковъ, далеко не всегда, однако, будучи въ состояніи пропорціонально вознаграждать ихъ за понесенный трудъ. Михневичъ понималъ это, отдавалъ себя цѣликомъ газетѣ, имѣя широкое нравственное удовлетвореніе въ томъ успѣхѣ, которымъ сопровождалась его кипучая напряженная дѣятельность; по мѣрѣ роста дѣла, росло и его матеріальное благополучіе, а отношенія между нимъ и редакторомъ газеты становились все прочнѣе, сердечнѣе и неразрывнѣе.

Мѣнялись общественныя настроенія, на русскую жизнь набѣгали, когда легкія, когда грозныя, тучи, совершались кругомъ большія и малыя событія, газета по необходимости, какъ живая часть огромнаго общественнаго организма, испытывала на себѣ всѣ перипетіи жизни. Въ вѣчной сутолокѣ ея, обязанная повседневнымъ отвѣтомъ и отзывомъ на вопросы и злобу дня, она, конечно, часто оказывалась въ жестокихъ тискахъ, оказывалась припертою къ стѣнѣ, въ необходимости говорить робкимъ языкомъ, а когда и совсѣмъ молчать. Михневичъ, въ качествѣ повседневнаго выразителя этихъ психологическихъ ощущеній редакціи, несомнѣнно отражалъ въ своихъ писаніяхъ всѣ слѣды этихъ ощущеній и несъ за нихъ невольную и подчасъ несоразмѣрную отвѣтственность. Бывали, конечно и несомнѣнно, личные промахи, срывались съ пера ненужныя слова и выраженія, отъ усталости и окружающаго шума затуманивалась мысль... Противники зорко слѣдили за измученнымъ работникомъ, рады были посвистать ему, общество выражало ему свое неудовольствіе, а редакція претензіи. Но стойкость и бодрость сотрудника не ломилась подъ напоромъ неблагопріятныхъ порывовъ; взбаломученныя волны уходили въ свое ложе, поверхность житейскаго моря успокаивалась, и снова его парусъ бѣлѣлъ на необозримомъ про-

сторѣ журналистики, символизируя вѣчное стремленіе къ простору, къ жизни и свободѣ. Бодрость, упорство и вѣра въ порученное дѣло— вотъ тѣ дорогіе спутники, которые никогда не покидали покойнаго журналиста и побуждали его часто приносить въ жертву личное деспотически-властному редакціонному единству. Уходили старые сотрудники и сотоварищи по работѣ, прибывали новые, а Михневичъ не разставался съ своей этажеркой и перомъ, оставаясь неизмѣннымъ и стойкимъ другомъ окрѣпшаго газетнаго дѣла. Уже безпощадная смерть, не допуская ни одного дня отсрочки, занесла надъ нимъ грознымъ взмахомъ всесокрушающую косу, а испытанный журналистъ все еще протягивалъ свою холодѣющую руку къ листу исписанной бумаги, чтобъ выполнить свой долгъ передъ читателями и редакціей.

На очереди въ «Новостяхъ» стоялъ историческій фельетонъ; его надо было сдавать, а онъ былъ только начатъ и былъ посвященъ работѣ друга покойнаго, М. Л. Песковскаго: «А. В. Суворовъ, его жизнь и военная дѣятельность». Какъ ни трудно было работать въ тискахъ жестокой болѣзни, но привычка и сознаніе обязанности дѣлали свое дѣло, и фельетонистъ надѣялся окончить работу. Суждено, однако, было иначе, и на другой день послѣ аншлага о вѣчномъ упокоеніи Владиміра Осиповича появилась лишь часть работы, прерванная почти на половинѣ фразы и заключенная поучительнымъ указаніемъ редакціи, что «на послѣднихъ, нѣсколько неясныхъ, строкахъ и пресѣклась жизнь Михневича, умершаго въ полномъ смыслѣ съ перомъ въ рукѣ, всецѣло поглощеннаго вопросами высшаго порядка, которымъ онъ отдалъ всю свою жизнь...».

Подводить общій итогъ газетной работѣ покойнаго нѣтъ возможности, да врядъ ли это и можетъ представить какой нибудь интересъ: она вся была посвящена текущимъ вопросамъ дня, самые слѣды которыхъ уже нынѣ смыты волнами послѣдовавшихъ событій. Остались лишь вороха бумаги въ Публичной библіотекѣ, тысячи исписанныхъ имъ листовъ, гдѣ, впрочемъ, сплошь и рядомъ невозможно даже опредѣлить, гдѣ начинается Михневичъ и гдѣ кончается то, что называется редакціонной коллегіальностью. Нѣкоторые фельетоны его, однако, и то болѣе относящіеся до беллетристики, изданы отдѣльными книгами: «Литературный міръ», «Поддонки», «Всего понемножку», «Романы кухарки и камеліи», «Барышни и барыни», но и относительно ихъ я долженъ сознаться, что цѣна имъ не Богъ вѣсть какъ велика: ихъ содержаніе по большей части случайное, эскизное, не сохраняющееся долго и прочно въ памяти. Особнякомъ стоятъ лишь двѣ его книжки «Варшава и варшавяне» и «Черные дни».

Первая изъ нихъ посвящена вопросу о сближеніи русскихъ и поляковъ, въ интересахъ ихъ совмѣстной и солидарной работы для

решенія экономическихъ, общественныхъ и государственныхъ задачъ въ царствѣ и въ Россіи, «которыя не могутъ и не должны быть откидываемы». Въ этой небольшой книжкѣ авторъ является горячимъ сторонникомъ расширенія свободы слова польской печати, при помощи чего, онъ надѣется, разсѣются многія недоразумѣнія между нами и поляками. Вторая имѣетъ своимъ содержаніемъ его «наблюденія и замѣтки» во время поѣздки въ 1891 г. по голоднымъ мѣстамъ и является первыми въ русской печати корреспонденціями, посвященными печальнымъ, дѣйствительно «чернымъ» днямъ нашей общественной жизни. Живыя наблюденія опытнаго журналиста внесли въ разъясненіе вопроса посильный свѣтъ и въ свое время читались публикой, когда они печатались на страницахъ «Новостей», что называется, нарасхватъ. Итоги его размышленій надъ стихійнымъ бѣдствіемъ, періодически постигающимъ Русскую землю, сводятся къ слѣдующимъ словамъ: «Горе русскаго крестьянина-пахаря заключается именно въ томъ,—по его мнѣнію,— что, кромѣ зеледѣлія, у него почти нѣтъ никакого порядочнаго, солиднаго промысла, что онъ половину года сидитъ сложа руки или лежитъ на печи и ѣстъ калачи, когда они есть. Когда же ихъ нѣтъ, когда они не уродились, онъ безпомощенъ, какъ дитя, и не знаетъ, какъ себѣ пособить. Если бы наша промышленность стояла на должной высотѣ развитія, соотвѣтственно потребностямъ страны, у насъ не было бы тѣхъ милліоновъ праздныхъ рукъ, которыя теперь безъ толку мыкаются въ концѣ, нигдѣ не находя спроса, не было бы той страшной рискованной зависимости огромной трудовой массы населенія отъ стихійныхъ случайностей, отъ какого нибудь поздняго заморозка, отъ засухи или отъ несвоевременной мокрыни; не было бы той непреоборимой, жестокой власти неурожая надъ всей страной, какую мы испытываемъ нынѣ, не было бы никогда и голодовокъ».

IV.

Русская исторія манила къ себѣ Владиміра Осиповича съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и занятіямъ ею остался онъ вѣренъ до гробовой доски. Слѣдомъ этихъ занятій былъ цѣлый рядъ монографій, напечатанныхъ, отчасти въ «Наблюдателѣ», отчасти въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и въ большинствѣ случаевъ изданныхъ отдѣльно, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ значительную цѣнность.

Михневичъ былъ историкомъ по призванію, и всѣ его работы, даже публицистическаго характера, носятъ на себѣ несомнѣнный слѣдъ большихъ историческихъ знаній и постоянныхъ занятій областью прошедшаго. Этотъ историзмъ въ значительной мѣрѣ удерживалъ его отъ публицистическихъ крайностей, когда журналистъ, работая изо дня въ день, въ вѣчной лихорадкѣ проклятыхъ вопросовъ, часто

теряетъ руль и компасъ и кидается отъ одной крайности къ другой, разжигая общественныя страсти и воздѣйствуя на читателя парадоксами и категорическими, мало обоснованными, построеніями. Историческія занятія были тою спокойною и мирною бухтою, гдѣ умъ нашего публициста находилъ успокоеніе и пріобрѣталъ ту ровность и разсудительность, которыя далеко не всегда являются удѣломъ всѣхъ нашихъ собратьевъ по газетной профессіи. Онъ находилъ поэтому возможность постоянно судить событія дня высшимъ безпристрастнымъ судомъ и въ той широкой перспективѣ, которая дается лишь людямъ именно по ихъ спеціальности историковъ.

Вступивъ въ литературу въ шестидесятыхъ годахъ, онъ попалъ въ ту именно полосу, когда разработка бытовыхъ сторонъ нашей былой жизни стала особенно плодотворна, и интересъ къ отечественному прошедшему сдѣлался особенно популярнымъ. Михневичъ примкнулъ по своимъ симпатіямъ и характеру работъ къ категоріи именно тѣхъ тружениковъ, которые задались цѣлью съ возможной тщательностью разобраться въ опубликованныхъ многочисленныхъ документахъ, относящихся главнымъ образомъ къ бытовой исторіи Россіи XVIII в. Подобно М. И. Семевскому, Карновичу и другимъ нашимъ историкамъ того же типа, онъ не задавался задачею обработки явленій жизни въ ихъ политической, государственной или статистико-экономической постановкѣ дѣла; нѣтъ, онъ по большей части отмежевывалъ себѣ сравнительно небольшую какую нибудь, но вполнѣ опредѣленную, область и ее разработывалъ съ удивительнымъ стараніемъ и добросовѣстностью, тщательно подбирая факты лишь изъ источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ и не вызывающихъ сомнѣній. Поэтому редакціи никогда не были обременены провѣркой его работы или сомнѣніемъ въ ихъ доброкачественности; на него смѣло можно положиться въ полной увѣренности, что онъ, во-первыхъ, не подведетъ какими нибудь сомнительными или фантастическими апокрифами и, во-вторыхъ, что по данному вопросу авторъ исчерпалъ весь существующій матеріалъ, и ничто не ускользнуло отъ его внимательнаго изученія.

Редакція «Историческаго Вѣстника», гдѣ преимущественно и были помѣщены историческія работы покойнаго, всего лучше можетъ засвидѣтельствовать, какъ спокойно и увѣренно можно было работать съ Владиміромъ Осиповичемъ и въ какомъ порядкѣ, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны были представляемы всѣ его рукописи. Онъ относился къ намѣченной имъ темѣ не съ плеча, какъ многіе изъ насъ, грѣшныхъ, облюбовывалъ ее, велъ по ея предмету переговоры, совѣтовался, старательно подбиралъ литературу. По сдачѣ статьи въ редакцію, онъ съ такою же любовью слѣдилъ за временемъ ея появленія, заботливо входилъ въ переговоры съ типографіей о наборѣ, тщательно правилъ доставленную корректуру и преподносилъ публикѣ статью безъ всякихъ зависящихъ и неза-

висящихъ изъяновъ. Также въ высшей степени былъ онъ корректенъ въ своихъ денежныхъ отношеніяхъ къ конторѣ редакціи, выражая всегда тщательное попеченіе о покрытіи своихъ небольшихъ авансовъ, къ коимъ онъ, какъ и всѣ мы, труженики печати, вынуждаемъ былъ обращаться въ минуты жизни трудныя. Короче сказать, Михневичъ былъ для нашего журнала въ высшей степени цѣннымъ сотрудникомъ, съ которымъ было легко и пріятно работать. Онъ вступилъ въ составъ сотрудниковъ съ перваго же года основанія «Историческаго Вѣстника», т. е. съ 1880 года, и тогда же имъ были помѣщены здѣсь два очерка—«Лодка» (простонародная святочная игра) и «Съ сильнымъ не борись» (картина нравовъ первой половины XVIII в.). Съ этихъ поръ, съ небольшимъ перерывомъ въ концѣ 1880-хъ и началѣ 1890-хъ годовъ, онъ неизмѣнно помѣщалъ свои произведенія историческаго жанра въ нашемъ журналѣ, особенно сильно участвуя въ немъ въ первые годы его существованія и въ послѣдніе годы своей жизни. Въ промежутокъ же своего отсутствія въ журналѣ, по случайнымъ обстоятельствамъ, онъ печатался въ «Наблюдателѣ».

Для «Историческаго Вѣстника» Владиміръ Осиповичъ былъ однимъ изъ самыхъ желанныхъ сотрудниковъ, какъ тонкій знатокъ эпохи XVIII в., которая въ интересахъ популярнаго чтенія даетъ такой неизсякаемый источникъ для литературныхъ работъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что съ его смертью редакція чувствуетъ себя значительно осиротѣлою, сознавая, что послѣ него остается вакантное мѣсто, на которое трудно подыскать достойнаго кандидата. Сотрудники новѣйшей формаціи въ этомъ отношеніи не представляютъ надежнаго элемента, такъ какъ по своимъ вкусамъ, тенденціямъ и спеціальностямъ, они болѣе склонны снабжать портфель редакціи работами общелитературнаго характера, внѣ соприкосновенія съ столь интересной эпохой XVIII в. или съ стоящимъ на очереди разработки началомъ текущаго столѣтія. Поэтому оплакивая кончину Владиміра Осиповича, какъ человѣка, какъ даровитаго писателя, какъ сотрудника вообще, мы вмѣстѣ съ тѣмъ, даже съ узко-эгоистической точки зрѣнія, скорбимъ о выбытіи изъ рядовъ неутомимаго изслѣдователя русской старины, талантливо разработанныя страницы которой, подъ перомъ почившаго, въ теченіе многихъ лѣтъ являлись въ нашемъ журналѣ.

Выше уже было говорено, что труды нашего изслѣдователя XVIII в. имѣли своимъ содержаніемъ главнымъ образомъ бытовую исторію отечественной жизни, тѣ ея конкретныя детали и страницы, гдѣ выражалась культурная работа общества и составныхъ его элементовъ, во образѣ отдѣльныхъ лицъ, семей и соціальныхъ группъ. Въ числѣ такихъ трудовъ наиболѣе существенное значеніе имѣютъ: «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи» (1879 г.), «Историческіе этюды русской жизни» (1882 г.), «Любимцы.

Хроника одного семейства» (1885 г.), «Русская женщина XVIII столѣтія». Всѣ названныя работы имѣются отдѣльными изданіями, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, «Исторія музыки» или очерки— «Пляски на Руси въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ», составляющіе значительную часть его «Этюдовъ», или «Русская женщина» являются въ своемъ родѣ единственными монографіями въ нашей литературѣ, гдѣ автору удалось собрать громадный и драгоцѣннѣйшій матеріалъ.

Въ послѣдніе годы, уже на краю, такъ сказать, могилы онъ усиленно былъ озабоченъ собраніемъ данныхъ и разработкою ихъ, касающихся карточной игры въ нашемъ отечествѣ. Эта тема донельзя интересовала автора, онъ рылся въ массѣ источниковъ, выкапывалъ оттуда самыя мелкія крохи и, несмотря на всю тяготу злого недуга, надѣялся въ концѣ концовъ осуществить свою полюбившуюся ему такъ задачу. Къ сожалѣнію, бѣдному Владиміру Осиповичу не суждено было довести дѣла до конца, и оставшаяся послѣ него рукопись, правда вполнѣ отдѣланная, перебѣленная и просмотрѣнная, обнимаетъ собою исторію карточной игры до конца XVIII вѣка включительно; текущее же столѣтіе съ этой стороны осталось неразработаннымъ, и только мелкія замѣтки, обрывки мыслей и фактовъ, нанесенные на клочки бумаги, свидѣтельствуютъ, что и нашъ картежный вѣкъ долженъ былъ въ лицѣ покойнаго найти себѣ безпристрастнаго и всесторонняго историка. Та часть, которая обработана, современемъ и, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ появится на страницахъ «Историческаго Вѣстника», для котораго и предназначалась эта работа. Сюда же готовился имъ и другой очеркъ, посвященный характеристикѣ гр. Браницкой и заказанный ему редакціей, но, увы! и этой работы ему не удалось довести до конца и даже упорядочить въ предѣлахъ, возможныхъ для напечатанія. А вмѣстѣ съ тѣмъ заботы объ обѣихъ этихъ темахъ не покидали его почти до послѣдняго времени и незадолго до своей кончины, посылая для мартовской книги рукопись статьи «Русскій народъ въ своихъ воззрѣніяхъ на себя и на свое прошлое», онъ писалъ редактору, въ заключеніи письма личнаго характера: «А теперь позвольте потолковать о нашихъ съ вами кровныхъ литературныхъ дѣлахъ! Посылаю вамъ при семъ, съ усердной просьбой напечатать въ мартовской книжкѣ — это, какъ увидите, логически необходимо — статью «Самоопредѣленіе Руси по народнымъ сказаніямъ» [1]). Въ статьѣ не больше листа съ четвертью, она здѣсь вся, безъ продолженій впередъ, хотя и является своего рода продолженіемъ «Кто и когда выдумалъ Россію?» [2]). Я, впрочемъ, это оговорилъ въ примѣчаніи... Если припомните, у меня была начата большая работа въ этомъ родѣ, но теперь, по болѣзни,

---

[1]) Она и напечатана въ мартовской книжкѣ подъ приведеннымъ выше заглавіемъ.

[2]) «Истор. Вѣстн.» 1899 г., февраль.

я не имѣю надежды ее окончить въ желаемомъ объемѣ; не хотѣлось бы, тѣмъ не менѣе, забрасывать изъ сдѣланнаго то, что сдѣлано не совсѣмъ худо, сдѣлано со стараніемъ и можетъ быть не безъ пользы и пріятности прочитано публикой «Историческаго Вѣстника». Что касается Браницкой, то ея характеристика — вопросъ нѣсколькихъ дней, когда голова у меня будетъ ясна и силъ достаточно, чтобы усѣсться за письменный столъ. Уповаю и надѣюсь, прежде чѣмъ окачуриться, дать вамъ и исторію карточной игры»...

Но ни «Браницкой», ни «карточной игры» выполнить ему не удалось — не хватило силъ, и длительный процессъ тяжкаго умиранія не сжалился надъ несчастнымъ страдальцемъ. «Браницкая» такимъ образомъ отъ имени Владиміра Осиповича и не появится на страницахъ «Историческаго Вѣстника», а исторія карточной игры будетъ напечатана лишь неполностью, какъ ее довелъ до извѣстнаго момента самъ авторъ.

Изъ приведеннаго письма къ С. Н. Шубинскому читатели могутъ убѣдиться, что, помимо этихъ работъ, покойнаго Михневича озабочивала и та широкая тема о самоопредѣленіи русскаго народа, отрывки которой, въ видѣ законченныхъ очерковъ, были напечатаны въ текущемъ году въ нашемъ журналѣ. Помѣщая второй изъ этихъ очерковъ, авторъ снабдилъ его примѣчаніемъ, гдѣ даетъ объясненіе обѣимъ статьямъ заразъ. «Обѣ статьи не случайны,—говоритъ онъ. Въ сущности, онѣ извлечены изъ большого, неоконченнаго, много лѣтъ уже занимающаго автора труда по изученію народныхъ сказаній, какъ матеріала и первоисточника для начертанія русской народной исторіи, которая у насъ до сихъ не написана. Дать полный, всесторонне обработанный и систематизированный сводъ воззрѣній и представленій русскаго народа о томъ, какъ, за кого онъ самъ себя и свое историческое прошлое разумѣетъ,— задача оказалась слишкомъ большой, слишкомъ сложной и отвѣтственной, чтобы авторъ отважился самонадѣянно взять ее на себя. Оставалось ограничиться частными, бѣглыми развѣдками въ широкую, какъ темный боръ, необозримую и такъ еще мало изслѣдованную область народнаго самосознанія и самоопредѣленія. Одну изъ такихъ развѣдокъ и представляетъ настоящій этюдъ».

Итакъ, отсюда читатели могутъ убѣдиться, что за широкая, оригинальная и славная тема интересовала автора, надъ которой онъ дѣйствительно много лѣтъ работалъ и выполнить которую составляло его завѣтную мечту. Онъ любилъ въ личной бесѣдѣ говорить объ этой работѣ, въ его уютномъ кабинетѣ на письменномъ столѣ всегда можно было найти по настоящему предмету множество книгъ, среди которыхъ словарь Даля, сказки Сахарова, работы С. Максимова и другихъ нашихъ писателей-этнографовъ занимали почетное мѣсто, чередуясь съ томами былинъ и разныхъ справочныхъ лингвистическихъ изданій.

Еще за три недѣли до смерти, встрѣтившись со мною за обѣдомъ у А. М. Скабичевскаго, онъ съ удивительной любовью говорилъ объ этой работѣ, объ этой дорогой ему темѣ, но и тутъ же съ глубокой, душу щемящей тоской пророчествовалъ, что для выполненія этой задачи ему не дано судьбою больше дней и часовъ... И когда мнѣ пришлось послѣ первой панихиды заглянуть въ столь хорошо знакомый мнѣ кабинетъ Владиміра Осиповича, то первое, что мнѣ бросилось въ глаза на его осиротѣломъ письменномъ столѣ, была рядомъ со слѣдомъ недоконченной работы для историческаго фельетона въ «Новости» именно кучка аккуратно подобранныхъ авторовъ, которые съ такою любовью собирали совокупную работу русскаго духа, изъ каковой объединенной и опредѣленно освѣщенной работы дорогой покойникъ надѣялся вывести самоопредѣленіе русскимъ народомъ самого себя.

Издавая въ 1884 году собраніе сочиненій Павла Якушкина, этого типичнаго интеллигентнаго калики перехожаго и представителя нашей разночиннецкой литературной богемы, Михневичъ писалъ въ предисловіи: «Непосредственное изученіе народа—дѣло у насъ молодое, новое, едва начатое. Дѣло это великое, первостепенной важности, и теперь уже для всѣхъ это ясно. Поэтому, каждая добросовѣстная работа по изученію народа должна быть на виду и на счету, каждый, самый даже скромный изслѣдователь, посвятившій этому дѣлу свои силы, заслуживаетъ вниманія, памяти и признательности». Обращаясь же непосредственно къ личности Якушкина, онъ говорилъ: «Въ народъ онъ шелъ не мудрить надъ нимъ, не прикладывать къ нему тѣ или другіе взгляды и теоріи, шелъ онъ въ него, какъ мѣтко выразился о немъ одинъ журналъ, «смиренно, т. е. воздерживаясь отъ всякаго суда и приговора». Его воодушевляла единственно горячая, беззавѣтная любовь къ народу, — любовь не дѣланная, но дѣятельная, которая стремится извѣдать до глубины сокровенныя думы, нужды и боли того, кому посвящена она. Въ Якушкинѣ это было самородное, задушевное призваніе, ставшее посланничествомъ всей его жизни, которымъ онъ и заслужилъ безспорное право быть помянутымъ добрымъ словомъ и вниманіемъ всѣхъ любящихъ родину русскихъ людей».

Эти прекрасныя слова Михневича мнѣ хотѣлось бы обратить и по его адресу, какъ историка, какъ писателя нашей отчественной дѣйствительности, въ которой онъ съ такою любовью обращалъ свой взоръ на низины нашей жизни, гдѣ думаетъ, чувствуетъ и страдаетъ это многочисленное населеніе, именуемое русскимъ народомъ, самосознаніе и самопознаніе котораго, во всей ихъ совокупности, ему такъ таки и не удалось опредѣлить, но къ чему онъ даже на краю холодной могилы съ такою страстностью стремился.

Чтобъ закончить бѣглый обзоръ историческихъ трудовъ покойнаго, считаю долгомъ отмѣтить слѣдующія его статьи, напечатанныя

въ «Историческомъ Вѣстникѣ». «Непреклонный майоръ»—картинка административной неурядицы Александровскихъ временъ, и «Извращеніе народнаго пѣснотворчества» (1880 г.), «Лодка» (1881 г.), «Женское правленіе и его противники», — характеристическая подробность русской исторіи XVIII вѣка; «Исторія мѣднаго всадника» (1882 г.), «Съ сильнымъ не борись», картинка нравовъ первой половины XVIII в. (1883 г.), «Старина XVIII стол. 1730—1740 г.» (1884 г.), «Дѣдъ Пушкина» (1886 г.), «Скавронскіе. Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи» (1885 г.), «Страничка изъ литературныхъ воспоминаній» (1891 г.), «Графиня М. А. Румянцева» и «Изъ старыхъ бумагъ» (1897 г.), «Двѣ невѣсты Петра II» и «Черты быта и нравовъ XVIII столѣтія» (1898 г.), «Біографія М. С. Перекусихиной» (1899 г.), «Кто и когда выдумалъ Россію» (1899 г.), «Русскій народъ въ своихъ воззрѣніяхъ на себя и на свое прошлое». Кромѣ того, имъ помѣщено много рецензій и мелкихъ замѣтокъ.

V.

Михневичъ всю свою жизнь съ 1870 года провелъ въ литературѣ, живя ею и для нея. Поэтому, помимо его дѣятельности, какъ писателя, какъ автора многочисленныхъ статей въ газетахъ и журналахъ, заслуживаетъ вниманія и отвѣта вопросъ, что же дѣлалъ онъ для своей среды, для лицъ, составляющихъ профессіональный классъ журналистовъ. По всей справедливости слѣдуетъ отмѣтить, что онъ жилъ въ самомъ тѣсномъ и дружномъ единеніи съ этою средою, болѣя всѣми ея невзгодами и болѣзнями и по мѣрѣ силъ неся къ услугамъ ея свое свободное время и безкорыстный трудъ Въ этомъ отношеніи Михневичъ оставилъ по себѣ самую теплую память въ «Кассѣ взаимопомощи литераторамъ и ученымъ», какъ ревностный членъ правленія и самый аккуратный исполнительный казначей этого правленія. Избранный членомъ ревизіонной комиссіи кассы, именно въ бытность Владиміра Осиповича казначеемъ, я совмѣстно съ своими товарищами по ревизіи, имѣлъ уже случай въ докладѣ общему собранію засвидѣтельствовать о безупречномъ и ревностномъ трудѣ нашего милаго казначея. То же самое могу я повторить и сейчасъ, добавивъ къ этому лишь то, что, будучи требователенъ и взыскателенъ въ отношеніи самого себя, какъ административнаго лица, Михневичъ былъ также неумолимъ и въ отношеніи своихъ товарищей по правленію.

Въ архивѣ «Историческаго Вѣстника» имѣются по настоящему предмету очень любопытные документы, которые, можетъ быть, когда настанетъ очередь писать исторію кассы, пригодятся и увидятъ свѣтъ Божій. Вотъ это-то строгое отношеніе къ обязанностямъ и послужило въ значительной мѣрѣ толчкомъ къ упорядоченію вообще каз-

начейской и дѣлопроизводительской частей кассы, что̀ и достигнуто уже въ настоящее время. Иниціаторомъ этого упорядоченія и былъ именно покойный Владиміръ Осиповичъ, который еще въ 1895 году вошелъ въ правленіе по настоящему предмету съ представленіемъ, которое я, какъ документъ для исторіи кассы и какъ памятникъ дѣятельности покойнаго члена правленія и казначея, привожу здѣсь цѣликомъ.

Записка члена правленія кассы взаимопомощи при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ В. О. Михневича.

Считаю своимъ долгомъ внести на обсужденіе правленія нижеслѣдующія, вынесенныя изъ слишкомъ трехлѣтняго опыта участія въ составѣ правленія, соображенія и предположенія, касающіяся дѣлопроизводства кассы.

Въ настоящее время все бремя дѣлопроизводства кассы лежитъ въ сущности на плечахъ предсѣдателя правленія, въ лицѣ котораго поэтому сосредоточены какъ иниціатива, такъ и вся исполнительная власть по дѣламъ кассы. Другія должностныя лица (секретарь и казначей) и само правленіе узнаютъ о теченіи дѣлъ кассы только то, что угодно и когда угодно сообщить имъ объ этомъ предсѣдателю. Переписка, поступленіе денегъ, отчетность по нимъ и проч., все это идетъ черезъ руки предсѣдателя и въ нихъ сосредочено, причемъ надъ дѣятельностью предсѣдателя не установлено точно опредѣленнаго контроля или во всякомъ случаѣ открыта возможность уклоняться отъ него или оттягивать его на неопредѣленное время.

Такой порядокъ, заключая въ себѣ нарушеніе началъ коллегіальности, ведетъ къ неравномѣрному распредѣленію занятій между должностными лицами правленія—къ непосильному обремененію ими одного предсѣдателя и ничего почти недѣланію секретаря и казначея, и отсюда къ возможности замедленія въ теченіи дѣлъ, путаницы, дезорганизаціи и затемненія предѣловъ отвѣтственности.

Этотъ порядокъ можетъ еще не вызывать опасеній и признаваться отчасти естественнымъ при нынѣшнемъ почтенномъ предсѣдателѣ правленія, Г. К. Градовскомъ, которому касса обязана своимъ созданіемъ и своей организаціей, когда, по новизнѣ дѣла, творецъ нашего учрежденія вынуждался не только руководить общимъ направленіемъ дѣлъ, но и непосредственно принимать всеобъемлющее участіе въ отправленіи всего дѣлопроизводства.

Но слѣдуетъ имѣть въ виду не исключительно-счастливое, а нормальное положеніе вещей и предусматривать возможность такого случая, когда предсѣдатель будетъ лицо, не столь вѣрное долгу и пре-

данное интересамъ кассы, не столь посвященное въ ея уставъ и организацію. Поэтому и необходимо заблаговременно установить и ввести въ практику такой болѣе правильный порядокъ, который предупреждалъ бы на будущее время возможность упущеній и злоупотребленій. Необходимо теперь же урегулировать общій порядокъ дѣлопроизводства кассы, разграничить въ точности права и обязанности каждаго должностнаго лица правленія и устранить почву для всего случайнаго и произвольнаго.

На этомъ основаніи предлагаю внести въ порядокъ дѣлопроизводства кассы слѣдующія правила:

1) Правленіе кассы должно быть собираемо въ опредѣленные сроки и не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, за изъятіемъ развѣ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

2) Отчетъ за каждый истекшій годъ долженъ быть составленъ и опубликованъ не позже первой половины слѣдующаго года и возможно ранѣе.

3) Денежная отчетность должна производиться не менѣе одного раза въ мѣсяцъ (не исключая и трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ) въ бюро правленія, причемъ всѣ денежныя поступленія и расходы приводятся въ извѣстность и заносятся въ кассовыя книги.

4) Помимо этого каждое денежное поступленіе должно записываться въ день его поступленія въ особо установленную, прошнурованную дневную кассовую книгу.

5) Всѣ поступающія суммы должны немедленно вноситься на спеціально установленный въ благонадежномъ банкѣ текущій счетъ кассы, или обращаться, по мѣрѣ накопленія, на покупку процентныхъ бумагъ, хранимыхъ въ государственномъ банкѣ; во всякомъ случаѣ на рукахъ не должно оставаться безъ надобности болѣе ста рублей.

6) По всѣмъ вообще денежнымъ поступленіямъ въ кассу обязательно должны выдаваться квитанціи, независимо отъ того, требуетъ или не требуетъ таковой платящее лицо.

7) Необходимо вообще составленіе опредѣленной, точной казначейской инструкціи, а также и секретарской.

8) Каждый членъ кассы при поступленіи приглашается дать запись (по наслѣдованію, въ случаѣ его смерти, причитающейся ему суммы), для чего выдается ему печатный бланкъ таковой, подъ расписку. Съ своей стороны правленіе выдаетъ расписку въ принятіи каждой «записки», не дожидаясь ея истребованія.

9) Никакія мѣры и предпріятія, касающіяся дѣлъ и интересовъ кассы, не должны быть принимаемы никѣмъ изъ членовъ правленія (хотя бы и на свой личный рискъ) безъ предварительнаго обсужденія и согласія, по большинству голосовъ, всего правленія.

Вл. Михневичъ.

18 сентября 1895 года,
Спб., Песочная, 10.

Ликвидируя свое жизненное поприще, Михневичъ не пожелалъ остаться какъ бы въ долгу передъ русскою литературою и за то, что она дала ему доброе имя, и за тотъ матеріальный достатокъ, который онъ почерпнулъ именно изъ своихъ литературныхъ трудовъ. Поэтому, завѣщая потомству накопленное имъ духовное богатство, въ видѣ нѣсколькихъ цѣнныхъ литературныхъ трудовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ оставить по себѣ и вещественную память своему родному сословію, въ рядахъ котораго протекла его жизнь. Свою отлично подобранную историческую библіотеку онъ завѣщалъ (на словахъ) «Союзу русскихъ писателей», а все остальное имущество, сначала въ пожизненное владѣніе супругѣ своей, Елизаветѣ Николаевнѣ, а послѣ ея смерти «Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ», или, иначе, такъ называемому литературному фонду. Этотъ вкладъ чрезвычайно цѣнный, цѣнный и по своему значительному матеріальному объему, и по тому нравственному началу, которое вложено въ эту волю и которое вноситъ въ нашу, въ общемъ небогатую радостными и свѣтлыми явленіями, жизнь русскихъ писателей лучъ тепла и свѣта.

Скончался Михневичъ 24 февраля, послѣ тяжкой мучительной болѣзни—расширенія аорты, которая въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ держала его жизнь подъ страшною угрозою ежеминутнаго конца. Процессъ такимъ образомъ умиранія длился страшно долго, и послѣдніе два-три года были годами сплошныхъ страданій и чувства безсилія передъ неминуемымъ роковымъ концомъ. Больно было глядѣть на человѣка, который на глазахъ таялъ и отходилъ въ вѣчность, не самообольщая себя на счетъ своего здоровья и неминуемаго близкаго конца. «Умереть не страшно, страшно помирать,—писалъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ редактору «Историческаго Вѣстника»,—и даже не столько страшна, сколько противна и отвратительна самая процедура и такъ называемая «борьба со смертью». И вмѣстѣ съ тѣмъ эта борьба со смертью заняла въ послѣдніе годы его жизни почти все время, и никакая помощь самой опытной, самой искусной науки не была тутъ въ силахъ что либо подѣлать. Отошелъ онъ, впрочемъ, въ вѣчность безъ особенныхъ страданій и ярко-выраженной агоніи, на рукахъ ближайшаго друга своей жизни, жены, Елизаветы Николаевны, положившей столько попеченій и заботъ, чтобъ облегчить страданія своего мужа. Схороненъ Владиміръ Осиповичъ на литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища, въ томъ мѣстѣ вѣчнаго упокоенія, которое является какъ бы послѣднею жизненною наградою всѣмъ русскимъ писателямъ и которое уже сыздавна стало могильнымъ пантеономъ русской литературы. Михневичъ по всѣмъ заслугамъ занялъ въ этомъ пантеонѣ заслуженное мѣсто, и память о немъ такимъ образомъ ни въ какомъ отношеніи не будетъ забыта ни среди почитателей этой литературы, ни среди ея живыхъ представителей.

Б. Глинскій.

БИСМАРКЪ ВЪ СВОИХЪ И ЧУЖИХЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ [1].

II.

ЛАВНОЙ эпохѣ своей политической дѣятельности, занятой войнами съ Даніей, Австріей и Франціей, Бисмаркъ посвящаетъ въ своихъ мемуарахъ немного страницъ, и то въ нихъ онъ не высказываетъ ничего новаго, не выясняетъ причинъ своихъ дѣйствій, не указываетъ на ихъ результаты, а словно мимоходомъ говоритъ кое-что по поводу знаменитой военно-дипломатической трилогіи. У Буша также, кромѣ французской войны, которой отведенъ цѣлый томъ, встрѣчается мало свѣдѣній объ отношеніяхъ его кумира къ этимъ событіямъ, составляющимъ его славу и гордость. Только одинъ пресловутый инцидентъ съ эмской депешей подробно разсказанъ и въ мемуарахъ и въ разговорахъ съ Бушемъ, но такимъ образомъ, что не только позорное пятно этого политическаго подлога не смыто съ желѣзнаго канцлера, но оно оттѣнено столь мрачными красками, о которыхъ не мыслили даже злѣйшіе его враги. Другіе указанные источники еще болѣе скудны данными о дипломатическихъ фортеляхъ, которыми человѣкъ огня и желѣза возбудилъ эти три войны, и успѣшно достигъ ими намѣченныхъ заранѣе цѣлей: лишь у Пошингера встрѣчается характерный анекдотъ объ отношеніяхъ Бисмарка къ Рехбергу передъ войной съ Даніей. Но зато въ послѣднее время появилось въ нѣмецкихъ и англійскихъ газетахъ нѣсколько документовъ и воспоминаній со-

[1]) Продолженіе. См. «Ист. Вѣстн.», т. LXXV, стр. 976.

временниковъ, въ томъ числѣ только-что умершаго графа Рехберга, объ интригахъ Бисмарка передъ войной съ Австріей. Такимъ образомъ все-таки эти матеріалы даютъ возможность, сведя въ одно цѣлое отдѣльныя черты, охарактеризовать отношенія Бисмарка къ своимъ крупнѣйшимъ военно-дипломатическимъ подвигамъ.

Онъ самъ говорилъ Бушу, что наиболѣе гордится изъ всѣхъ своихъ дипломатическихъ кампаній—Шлезвигъ-Гольштинской, и потому онъ охотно принялъ бы только одинъ титулъ герцога Гольштинскаго. А на вопросъ «маленькаго Буша»—думалъ ли онъ заранѣе о присоединеніи герцогства къ Пруссіи, величайшій послѣ Наполеона примѣнитель въ XIX вѣкѣ теоріи «силы, господствующей надъ правомъ», отвѣчалъ: «Да, конечно: я думалъ объ этомъ со времени смерти датскаго короля. Но не легко было осуществить мою мысль. Всѣ были противъ меня: наслѣдный принцъ и его жена по причинѣ родственныхъ связей; Вильгельмъ, я самъ, не знаю почему; Австрія, мелкія германскія государства и Англія — изъ зависти. Либералы, дѣлавшіе мнѣ всякаго рода непріятности, выставляли какія-то права герцога аугустенбургскаго, а жители Шлезвига-Гольштиніи, конечно, и слышать не хотѣли о присоединеніи къ Пруссіи. Я долженъ былъ бороться со всѣми этими враждебными элементами. Въ одномъ засѣданіи государственнаго совѣта я обязанъ былъ убѣдить своихъ противниковъ и произнесъ одну изъ самыхъ длинныхъ рѣчей, когда либо сказанныхъ мною. Я доказалъ королю, что всѣ его предшественники, за исключеніемъ его покойнаго брата, присоединили къ Пруссіи какой нибудь клочекъ территоріи, и спросилъ его, неужели онъ не хочетъ расширить своего королевства, а послѣдовать примѣру брата. Не успѣлъ я произнести эти слова, какъ всѣ стали смотрѣть на меня подозрительно, какъ будто я напился съ утра... Потомъ при подписи протокола засѣданія случилась новая исторія. Изъ моей рѣчи выпустили самыя опредѣленныя рѣшительныя фразы, и я противъ этого горячо протестовалъ. Мнѣ отвѣчали, что пропуски сдѣланы нарочно, изъ желанія мнѣ угодить. «Знаю, возразилъ я: вы думаете, что я былъ пьянъ, но это все равно... Я требую, чтобъ все, мною сказанное, было буквально занесено въ протоколъ». Такъ и сдѣлали».

Въ своихъ мемуарахъ Бисмаркъ повторяетъ этотъ анекдотъ, но только прибавляетъ, что самъ Вильгельмъ принялъ его за пьянаго, а наслѣдный принцъ, будущій императоръ-философъ, поднялъ руки къ небу, словно сомнѣваясь, не сошелъ ли онъ съ ума. Потомъ онъ приводитъ свое письмо къ замѣнившему его въ Парижѣ Гольцу, по шлезвигъ-гольштинскому вопросу, гдѣ болѣе читаетъ нравоученій посланнику за его дерзкое желаніе «имѣть свое сужденіе», чѣмъ высказываетъ политическихъ соображеній. Характерны въ этомъ документѣ, помѣченномъ 24-мъ декабря 1863 года, только слова: «Я не боюсь войны, напротивъ и вы, можетъ быть, скоро увидите, что

война входитъ въ мою программу, но вашъ путь къ войнѣ политически ложный и не согласный съ интересами Пруссіи». Какъ извѣстно, либералы и вообще большинство нѣмцевъ желали воевать съ Даніей въ пользу правъ герцога аугустенбургскаго на Шлезвигъ-Гольштинію; даже король склонялся въ пользу этой точки зрѣнія, но Бисмаркъ не хотѣлъ объ этомъ слышать и рѣшился съ самаго начала, по его словамъ, «бить на присоединеніе Шлезвигъ-Гольштиніи къ Пруссіи». Въ своихъ мемуарахъ онъ разсказываетъ: «Не обсуждая сложныхъ юридическихъ вопросовъ о шлезвигъ-гольштинскомъ наслѣдствѣ, Вильгельмъ твердилъ одно: «Я не имѣю никакого права на Гольштинію». Тщетно я говорилъ ему, что герцогъ аугустенбургскій также не имѣетъ никакихъ правъ на одну часть Гольштиніи, что отъ другой онъ отказался два раза, и что герцогъ держитъ сторону Австріи; мои слова не производили на короля никакого вліянія. Если обѣщаемое мною пріобрѣтеніе провинцій и указанныя историческія воспоминанія льстили его династическимъ стремленіямъ, то онъ боялся своей жены, наслѣднаго принца и общественнаго мнѣнія, которыя склонялись въ пользу герцога аугустенбургскаго. «Я же,—характерно прибавляетъ желѣзный канцлеръ,—никогда не уважалъ общественнаго мнѣнія, т. е. болтовни ораторовъ и газетъ».

О томъ, какъ онъ обошелъ австрійскаго перваго министра, графа Рехберга, и втянулъ Австрію въ войну съ Даніей, хотя она признавала, что право, какъ въ сущности и было, находилось на сторонѣ Даніи, Бисмаркъ не упоминаетъ ни слова, а также молчитъ о томъ, какъ онъ, соблазнивъ Австрію принять участіе въ войнѣ миражемъ наживы, потомъ обманулъ ее и предоставилъ одной Пруссіи всѣ выгоды. Онъ только приводитъ письмо къ нему Вильгельма, въ которомъ король благодаритъ его за присоединеніе къ Германіи герцогства Лауенбурга, «плодъ его совѣтовъ», и жалуетъ ему графскій титулъ. Къ этому онъ цинично прибавляетъ: «вступивъ во владѣніе Лауенбургомъ, который былъ первымъ въ его царствованіе расширеніемъ Пруссіи, король подвергся психологической метаморфозѣ и вошелъ во вкусъ завоеваній».

Какими средствами Бисмаркъ добился этого перваго завоеванія, прекрасно характеризуютъ анекдоты, разсказанные имъ самимъ Пошингеру и Бушу о томъ, какъ онъ обошелъ Рехберга и какъ заставилъ именитыхъ гражданъ Лауенбурга присягнуть въ вѣрности прусскому королю. «Я однажды съ Рехбергомъ ѣхалъ верхомъ въ Франкфуртѣ,—говорилъ желѣзный канцлеръ,—и тщетно старался убѣдить его предпринять вмѣстѣ съ Пруссіей войну противъ Даніи по шлезвигъ-гольштинскому вопросу, какъ неожиданно передъ нами оказался глубокій ровъ; я, не думая ни минуты, пришпорилъ лошадь и перескочилъ черезъ него. Потомъ я обернулся и видя, что Рехбергъ остановился передъ рвомъ въ раздумьи, крикнулъ ему: «Вотъ что сдѣлаетъ Пруссія, если вы не пойдете съ ней противъ

Даніи». Относительно же присяги лауенбургцевъ, Бисмаркъ передалъ Бушу, что когда Вильгельмъ поѣхалъ принимать эту присягу, то именитые граждане герцогства, съ Бюловомъ во главѣ, требовали, чтобъ король подтвердилъ старинныя привилегіи герцогства до принятія ими присяги. Но Бисмаркъ сказалъ Бюлову, что король ничего подобнаго не сдѣлаетъ, а когда тотъ отвѣчалъ: «Такъ мы откажемся отъ присяги», новый графъ хладнокровно произнесъ: «Въ такомъ случаѣ вы узнаете въ церкви, что ваше герцогство вошло въ составъ сосѣдней прусской провинціи». Написавъ декретъ подобнаго содержанія и давъ его подписать Вильгельму, Бисмаркъ спряталъ документъ въ карманъ и пошелъ на слѣдующій день въ церковь. Когда наступила минута присяги, Бюловъ первый выступилъ впередъ и пристально посмотрѣлъ на Бисмарка, взглядъ котораго оказался столь выразительнымъ, что онъ молча принялъ присягу. Его примѣру послѣдовали другіе, и о старинныхъ привилегіяхъ всѣ забыли.

Хотя Бисмаркъ увѣрялъ, что самымъ блестящимъ дипломатическимъ его успѣхомъ была подготовка датской войны, но интриги, которыми онъ расчистилъ себѣ почву, чтобы разыграть, какъ на клавишахъ, второй актъ своей трилогіи—войну съ Австріей—отличались не меньшимъ искусствомъ и пренебреженіемъ всѣхъ нравственныхъ принциповъ. Онъ въ своихъ мемуарахъ не говоритъ ни слова не только о дипломатическомъ прологѣ, но даже и о самой драмѣ, увѣнчавшейся побѣдой при Садовѣ, а только разсказываетъ ея эпилогъ, именно заключеніе мира съ Австріей въ Никольсбургѣ. Правда, въ главѣ, посвященной франкфуртскому конгрессу, встрѣчаются кое-какіе намеки на переговоры Бисмарка съ Рехбергомъ послѣ датской войны въ Шенбрунѣ, при чемъ Бисмаркъ увѣряетъ, что онъ былъ вполнѣ расположенъ тогда къ Австріи и предлагалъ заключить съ нею союзъ, основой котораго была бы система дуализма, т. е. равнаго вліянія въ Германіи той и другой страны, но что этому соглашенію помѣшало удаленіе отъ дѣлъ Рехберга. Однако, изъ только-что напечатаннаго въ «Neue Freie Presse» разсказа объ этихъ переговорахъ самого Рехберга оказывается, что дѣло происходило совершенно иначе. «Когда Бисмаркъ пріѣзжалъ въ Вѣну съ королемъ прусскимъ,—сказалъ Рехбергъ въ іюнѣ 1892 г. своему собесѣднику,—послѣ датской войны, въ которой Австрія участвовала, помимо моей воли, я предложилъ въ Шенбрунѣ заключить дружескій союзъ между Австріей и Пруссіей. При этомъ я замѣтилъ, что эти двѣ страны, дѣйствуя дружно, могли помѣшать, чтобы въ Европѣ раздался хоть одинъ пушечный выстрѣлъ. Но Бисмаркъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, война была неизбѣжна. Я тогда сказалъ, что война могла быть только возбуждена Франціей, а потому мы могли въ тѣсномъ союзѣ предупредить ее и сдѣлать общее нападеніе на эту нарушительницу мира. Бисмаркъ представилъ кое-какія возраженія, но въ

концѣ концовъ просилъ меня формально изложить мое предложеніе. Я составилъ проектъ союзнаго трактата, но встрѣтилъ въ совѣтѣ министровъ энергичную оппозицію. Рѣшено было, напротивъ, принять враждебное Пруссіи положеніе, и я долженъ былъ подать въ отставку». Хотя въ этомъ разсказѣ Рехбергъ не указываетъ причины, почему австрійскіе министры, съ которыми согласился императоръ Францъ-Іосифъ, были противъ союза съ Пруссіей, но изъ ранѣе напечатанныхъ воспоминаній Фридъюнга [1]) ясно видно, что ихъ испугала та чрезмѣрная плата, которую потребовалъ Бисмаркъ за союзъ съ Пруссіей. Такимъ образомъ онъ, какъ всегда, велъ двойную игру: съ одной стороны соглашался съ Рехбергомъ заключить союзъ съ Австріей, какъ онъ увѣряетъ въ своихъ мемуарахъ, на основаніи равнаго вліянія обѣихъ странъ въ Германіи, а съ другой — пугалъ Франца-Іосифа и его министровъ, что согласится на такой союзъ не иначе, какъ если Австрія добровольно откажется отъ всякой роли въ Германіи и предоставитъ Пруссіи полное въ ней главенство.

Послѣ удаленія отъ дѣлъ Рехберга, Бисмаркъ продолжалъ еще два года свою подготовительную работу, имѣвшую цѣлью устроить такъ политическую шахматную доску, чтобы у Пруссіи въ минуту войны съ Австріей руки были развязаны, и на Австрію пало обвиненіе въ возбужденіи войны. Въ первомъ отношеніи онъ легко добился того, что Франція, Россіи и Англія предоставили Пруссіи на свободѣ покончить свою распрю съ Австріей: одну онъ ослѣпилъ миражемъ уступокъ на Рейнѣ, другую увѣрилъ, что она обязана благодарностью Пруссіи за пассивное содѣйствіе къ усмиренію польскаго возстанія, а третью убѣдилъ, что ея интересы совпадаютъ съ усиленіемъ Пруссіи насчетъ Австріи. Но нейтралитета главнѣйшихъ европейскихъ державъ ему было мало, и онъ заключилъ наступательный союзъ съ Италіей, обѣщавъ распространеніе предѣловъ новаго тогда королевства. Что касается до второй части своей задачи, то Бисмарку было не трудно такъ смѣшать карты дипломатической игры, чтобы Австрія оказалась въ роли зачинщика. Къ его услугамъ былъ еще не рѣшенный тогда сложный вопросъ о раздѣлѣ добычи датской войны, хотя, по его словамъ, онъ съ самаго начала шлезвигъ-гольштинской распри рѣшилъ присоединить обѣ спорныя датскія провинціи къ Пруссіи, но сразу этого совершить было нельзя и послѣ общей побѣды съ Австріей надъ маленькой беззащитной Даніей, онъ предложилъ общее занятіе завоеванныхъ провинцій, зная очень хорошо, что подобное общее занятіе дастъ ему въ психологическій моментъ не только предлогъ къ войнѣ съ Австріей, но и возможность выставить ее зачинщицей.

Послѣ многихъ хитрыхъ ходовъ, все было подготовлено на по-

[1]) Der Kampf um die Vorherschaft, von dr. Friedjung. Leipzig. 1889.

литической шахматной доскѣ для развязки игры, но прежде чѣмъ сдѣлать послѣдній шагъ, который долженъ былъ дать Австріи матъ, Бисмаркъ нашелъ нужнымъ ослѣпить своего противника новымъ предложеніемъ союза и обращенія собранныхъ другъ противъ друга армій на общаго врага Францію. По словамъ Бисмарка, приведеннымъ въ книгѣ Буша, это предложеніе было сдѣлано за два дня до отъѣзда короля Вильгельма на войну, но тотъ же Бисмаркъ говорилъ Фридъюнгу въ 1890 году, что онъ посылалъ Антона фонъ-Габленца къ Францу-Іосифу съ проектомъ союза и объявленія войны Франціи въ маѣ мѣсяцѣ, то-есть за мѣсяцъ до войны. Правда, существуетъ еще третье противорѣчивое указаніе все того же Бисмарка на то, что этотъ фактъ происходилъ послѣ объявленія войны: въ «Kölnische Volkszeitung» помѣщенъ отрывокъ изъ дневника барона Франкенштейна, бывшаго вожака парламентскаго центра, который говоритъ, что въ 1879 году Бисмаркъ говорилъ ему: «послѣ начатія войны съ Австріей я предлагалъ Францу-Іосифу раздѣлить съ прусскимъ королемъ господство надъ Германіей, при чемъ Австріи подчинился бы югъ, а Пруссіи — сѣверъ, а затѣмъ, вмѣстѣ напасть на Францію и отнять у нея Эльзасъ-Лотарингію. Францъ-Іосифъ былъ не прочь отъ такой комбинаціи, но Ларишъ воспротивился ей съ финансовой точки зрѣнія, доказывая, что если бъ даже Австрія одержала побѣду въ такой войнѣ, то ей потребовалось бы много денегъ, а въ случаѣ пораженія, дѣло дошло бы до національнаго банкротства». Но всего вѣрнѣе, что Бисмаркъ выкинулъ этотъ дипломатическій фортель въ маѣ мѣсяцѣ, какъ указываетъ Фридъюнгъ и подтверждаетъ анонимный авторъ статьи въ «Times», который приводитъ неизвѣстное и ненапечатанное до сихъ поръ письмо Бисмарка къ Мантейфелю отъ 9-го іюня 1866 года, бросающее яркій свѣтъ на его интриги, предшествовавшія войнѣ съ Австріей.

Это письмо вполнѣ доказываетъ, что Бисмаркъ дѣйствовалъ передъ войной съ Австріей точно такъ же, какъ онъ поступилъ относительно знаменитой эмской депеши. Въ обоихъ этихъ случаяхъ онъ ловко подготовилъ свою игру и, дождавшись психологическаго момента, хотѣлъ, во что бы то ни стало и какой бы то ни было цѣной, начать войну, возложивъ на противника роль зачинщика. Не согласившись на проектъ Бисмарка о союзѣ съ Пруссіей и войнѣ съ Франціей, Австрія предложила отдать долго длившіяся пререканія по Шлезвигъ-Гольштинскому вопросу на разрѣшеніе германскаго союза и созвала гольштинскій сеймъ, но Бисмаркъ рѣзко протестовалъ противъ этого, признавъ подобный шагъ за нарушеніе Гаштейнскаго соглашенія о занятіи Шлезвигъ-Гольштиніи обѣими странами, приказалъ прусскому губернатору Шлезвига, Мантейфелю, немедленно двинуть прусскія войска въ Гольштинію, гдѣ находился австрійскій губернаторъ, Габленцъ. Хотя его приказаніе было испол-

нено, но ему показалось, что недостаточно энергично, и онъ написалъ 9-го іюня рѣзкое письмо Мантейфелю, котораго упрекалъ въ томъ, что онъ мирно вступилъ въ Гольштинію, какъ союзникъ, и любезничаетъ съ австрійцами, когда отъ него ждали пушечныхъ выстрѣловъ. «Вы увѣряете»,—пишетъ онъ,—«что военная оккупація Гольштиніи была бы сочтена за актъ насилія, но я вамъ скажу словами Деврё: «другъ, настало время шумѣть», и если вы не нашумите, то не только уничтожите всю европейскую комбинацію изъ любезности къ Габленцу, но не найдете ни души въ арміи, кромѣ виртембергцевъ, которая пойметъ ваше поведеніе. Каждые три дня стоятъ намъ 2 милліона, а мы не можемъ долго вынести такіе расходы, такъ какъ мы не живемъ подобно Австріи на счетъ своихъ кредиторовъ; каждые три дня прибавятъ къ австрійской арміи 1.000 союзниковъ. Сегодня вѣтеръ дуетъ въ нашу сторону во всей Европѣ. Всѣ ожидаютъ, что мы будемъ дѣйствовать, и считаютъ это естественнымъ. Можетъ быть, черезъ недѣлю положеніе измѣнится... Я получилъ свѣдѣнія, что Австрія не готова, и потому даны приказанія Габленцу тянуть дѣло и вести себя мирно. Наконецъ, Австрія намѣрена отмѣнить свои дѣйствія, которымъ мы придали въ глазахъ Европы характеръ нарушенія Гаштейнскаго соглашенія. А если нѣтъ нарушенія, то нѣтъ у насъ права занимать Гольштинію, а теперь всѣ за насъ и даже въ Вѣнѣ вѣрятъ въ наше право. Если же мы имѣемъ право войти въ Гольштинію, то имѣемъ право идти и далѣе. Потому я посовѣтую королю, чтобъ, кромѣ оккупаціи Гольштиніи, которую, я надѣюсь, вы уже совершили, было заявлено Габленцу о совершенной очисткѣ этой провинціи Австріей».

Дѣйствительно, такому игроку, какъ Бисмаркъ, не приходилось ждать ни минуты, когда все было готово къ игрѣ. Война съ Австріей началась и въ 7 недѣль привела къ разгрому подъ Садовой. Тутъ снова Бисмаркъ выступилъ на сцену, но ему не легко было устранить Мольтке и весь военный элементъ, а потому онъ очень цѣнилъ одержанную побѣду. Это видно уже изъ того, что въ своихъ бесѣдахъ съ Бушемъ онъ отозвался о причинахъ войны съ Австріей, очень лаконически говоря, что «Австрія скверно обращалась съ Пруссіей, и послѣдней пришлось воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ прогнать ее изъ Германіи», а въ своихъ «Мемуарахъ» вовсе объ этомъ не говоритъ ничего, но Никольсбургскому же эпизоду онъ посвятилъ цѣлую главу, а Бушу съ видимымъ удовольствіемъ сказалъ по этому поводу: «Я никогда не забуду военный совѣтъ, который происходилъ въ моей комнатѣ въ Никольсбургѣ. Всѣ хотѣли во что бы то ни стало продолжать войну и овладѣть Венгріей. Я всячески старался помѣшать такому результату; я говорилъ о холерѣ въ венгерскихъ степяхъ, объ опасной перемѣнѣ фронта арміи и о политическихъ соображеніяхъ, но никто не хо-

тѣлъ слушать моихъ благоразумныхъ словъ. Наконецъ, я бросилъ ихъ и ушелъ въ свою маленькую спальную, которая отдѣлялась отъ комнаты, гдѣ собирался совѣтъ тоненькой, перегородкой. Я бросился на кровать, и нервы мои были такъ разстроены, что я сталъ громко всхлипывать. По ту сторону перегородки это услышали, голоса замолкли, и мало-по-малу всѣ ушли. Этого-то мнѣ и надо было. На слѣдующій день было поздно продолжать споры, и ихъ планъ такимъ образомъ не осуществился».

Въ своихъ «Мемуарахъ» Бисмаркъ подробно разсказываетъ этотъ эпизодъ и обставляетъ его выясненіемъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ его. Конечно, всѣ военные съ Мольтке и королемъ во главѣ были такъ возбуждены одержанной побѣдой, что не хотѣли слышать о мирѣ и требовали немедленнаго вступленія въ Вѣну и завоеванія Венгріи. Но Бисмаркъ смотрѣлъ на дѣло не съ военной, а съ дипломатической и государственной точекъ зрѣнія. Австрія была окончательно унижена и не могла болѣе противодѣйствовать господству Пруссіи въ Германіи. Этого было достаточно и цѣль, Бисмарка достигнута. Кромѣ того, въ дѣло вмѣшался Наполеонъ III въ качествѣ посредника по просьбѣ Австріи, а этого вмѣшательства Бисмаркъ не хотѣлъ допустить. Наконецъ, онъ понималъ, что Австрія могла понадобиться впослѣдствіи Пруссіи. Въ виду всего этого онъ рѣшилъ оставить ее въ прежнемъ видѣ и расширить Пруссію на счетъ мелкихъ германскихъ государствъ, дѣйствовавшихъ въ союзѣ съ Австріей. Такимъ образомъ, когда собрался 29-го іюля, подъ предсѣдательствомъ короля, совѣтъ въ Никольсбургѣ съ цѣлью разрѣшить вопросъ о заключеніи мира или продолженіи войны, то за миръ стоялъ одинъ Бисмаркъ, а за войну были всѣ остальные. «Я былъ тогда серіозно боленъ»,—разсказываетъ онъ,—«и его величество приказалъ, чтобы военный совѣтъ происходилъ въ моей комнатѣ. Я одинъ былъ статскій, хотя въ военномъ мундирѣ. Я изложилъ свое убѣжденіе, что слѣдовало заключить миръ на предложенныхъ Австріей условіяхъ, но я былъ одинъ, и король принялъ сторону военнаго большинства. Мои нервы не выдержали, и, выйдя въ другую комнату, я подвергся припадку истерическихъ рыданій. Безъ меня военный совѣтъ разошелся, и когда я оправился, то принялся излагать на бумагѣ всѣ аргументы, которые, по моему мнѣнію, доказывали необходимость заключенія мира. Въ концѣ этого документа я прямо заявилъ королю, что если онъ не согласенъ принять моего совѣта и будетъ продолжать войну, то я прошу уволить меня въ отставку, а въ противномъ случаѣ я отвѣчаю за все. Съ этимъ документомъ я отправился на слѣдующее утро къ королю. Въ передней я встрѣтилъ двухъ полковниковъ, которые явились съ докладомъ о томъ, что около половины ихъ полковъ заболѣло холерой. Эти извѣстія меня еще болѣе убѣдили въ необходимости мира».

Но какъ ни доказывалъ Бисмаркъ всю основательность изложенныхъ имъ аргументовъ, король упорно стоялъ на своемъ. Онъ, напротивъ, полагалъ, что главный виновникъ войны долженъ былъ быть всего болѣе наказанъ, а его сообщниковъ онъ даже соглашался совершенно освободить отъ отвѣтственности, и потому требовалъ, чтобы у Австріи были отняты значительныя территоріи. Тщетно возражалъ Бисмаркъ, что Пруссіи не пристало играть роль карателя, такъ какъ въ сущности она была столько же виновата, какъ Австрія въ борьбѣ за господство Германіи, единеніе которой подъ главенствомъ Пруссіи должно было составить всю цѣль ея стремленій. «Мнѣ казалось, прибавляетъ Бисмаркъ, что, несмотря на громкія фразы короля, имъ руководило главнымъ образомъ нежеланіе прекратить побѣдоносное шествіе его арміи, что вполнѣ раздѣлялось всѣми военными. Мое сопротивленіе его рѣшимости продолжать войну такъ выводило его изъ терпѣнія, что я наконецъ ушелъ, вполнѣ убѣжденный въ полнѣйшемъ фіаско. По дорогѣ мнѣ даже вошла въ голову мысль просить у короля разрѣшенія поступить въ мой полкъ простымъ офицеромъ. Придя въ свою комнату, я находился въ такомъ настроеніи, что спросилъ себя мысленно, не лучше ли мнѣ броситься изъ окна третьяго этажа. Услыхавъ, что кто-то вошелъ въ комнату, я не обернулся, хотя подозрѣвалъ, что это былъ наслѣдный принцъ, мимо комнаты котораго я только что прошелъ. Чья-то рука опустилась мнѣ на плечо, и голосъ принца сказалъ: «Вы знаете, что я всегда былъ противъ войны; вы считали ее необходимою, и вы за нее отвѣчаете. Если вы теперь убѣждены, что цѣль достигнута, и что должно заключить миръ, то я готовъ помочь вамъ и уговорить отца согласиться съ вами». Онъ дѣйствительно пошелъ къ королю и, спустя часъ, вернулся, спокойный, довольный. «Тяжеленько было, но отецъ согласился»,—сказалъ онъ. Это согласіе было написано карандашемъ на поляхъ поданной мною записки и заключалось почти буквально въ слѣдующемъ: «такъ какъ мой первый министръ меня покидаетъ въ виду непріятеля, и я не могу его никѣмъ замѣнить, то я обсудилъ этотъ вопросъ съ моимъ сыномъ. Онъ соглашается съ моимъ первымъ министромъ, и я принужденъ съ величайшимъ горемъ и послѣ блестящихъ побѣдъ моей арміи проглотить пилюлю и заключить постыдный миръ». Хотя выраженія короля были рѣзкія и непріятныя для меня, но я съ удовольствіемъ встрѣтилъ его согласіе, которымъ благополучно оканчивалось ужасное нервное напряженіе, въ которомъ я тогда находился».

Вторый актъ военно-дипломатической трилогіи окончился. Пруссія присоединила къ себѣ Ганноверъ, Нассау, Гессенъ-Кассель, Франкфуртъ и Шлезвигъ-Гольштинію, создала сѣверо-германскій союзъ, который былъ совершенно подчиненъ Пруссіи, и вытѣснила Австрію изъ Германіи.

Мало-по-малу факты доказали дальновидность политики Бисмарка, назначеннаго канцлеромъ новаго германскаго союза, и Австрія изъ врага въ теченіе времени обратилась въ союзника Пруссіи. Здѣсь-кстати, приведемъ все, что встрѣчается интереснаго объ отношеніяхъ Бисмарка къ Австріи какъ въ его мемуарахъ, такъ въ дневникѣ Буша и въ переданныхъ Бюхеромъ бесѣдахъ съ Бисмаркомъ. Онъ самъ говорилъ Бушу: «я очень желалъ послѣ войны помириться съ Австріей и все сдѣлалъ, что зависѣло отъ меня въ 1867 и въ 1870 годахъ, но съ Бейстомъ ничего нельзя было устроить. Андраши выказалъ болѣе готовности, и я старался сблизиться съ нимъ. Обстоятельства между тѣмъ значительно ушли впередъ, и надо было обновить старую идею, придавъ ей новую форму. Я хотѣлъ открыто заключить союзъ, законный и ненарушимый, т. е. такой, который могъ быть уничтоженъ только императорами и парламентами. Все уже было готово, какъ возникла война съ Турціей, и потомъ послѣдовалъ берлинскій конгресъ. Тогда я очень боялся, чтобы Россія не заключила отдѣльнаго союза съ Австріей, но Андраши въ Гаштейнѣ меня совершенно успокоилъ, и я предложилъ ему осуществить нашъ старый проектъ. Онъ заявилъ полную готовность, но привелъ такіе аргументы въ пользу союза не конституціоннаго и тайнаго, что я долженъ былъ съ нимъ согласиться. Австрійскій императоръ одобрилъ нашъ проектъ, но мой императоръ воспротивился самымъ грубымъ образомъ и выразилъ твердое желаніе пожертвовать родиной ради дружбы съ Россіей. Работалъ же я тогда и суетился безъ конца! Я, быть можетъ, написалъ въ то время не менѣе тысячи страницъ. День и ночь я сочинялъ аргументы за аргументами, просилъ, умолялъ и все напрасно. Андраши наконецъ это такъ надоѣло, что онъ хотѣлъ выйти въ отставку, и только сохранилъ свой постъ, благодаря моей просьбѣ. Наконецъ, Вильгельмъ согласился; что же касается до Франца-Іосифа, то онъ во все это время велъ себя очень честно и благородно».

Вообще Бисмаркъ отзывался постоянно самымъ сочувственнымъ образомъ объ австрійскомъ императорѣ. Бушу онъ говорилъ, что Францъ-Іосифъ «очень хорошій, разумный человѣкъ, и соглашался со всѣми его идеями», конечно, послѣ Садовы. Въ своихъ мемуарахъ онъ замѣчаетъ: «императоръ Францъ-Іосифъ честная натура», а въ бесѣдахъ съ Лотаромъ Бюхеромъ онъ свидѣтельствовалъ, что Францъ-Іосифъ всегда заботился о сохраненіи мира, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ однажды прямо сказалъ: «если бы судьба не помѣстила на тронѣ Франца-Іосифа, и онъ могъ бы жить богатымъ частнымъ человѣкомъ, то это было бы лучше и для него и для Австріи». Однако, несмотря на то, что Бисмаркъ заключилъ съ Австріей оборонительный союзъ противъ Россіи и тайный противъ Франціи послѣ войны 1870 — 1871 года, онъ никогда не надѣялся на твердость дружескихъ отношеній съ Австріей, и это видно во многихъ мѣстахъ той

главы его мемуаровъ, которая посвящена тройственному союзу. «Говоря объ Австріи,—замѣчаетъ онъ между прочимъ,—надо помнить, что она можетъ во всякое время перемѣнить свою политику и не только бросить насъ, но и дѣйствовать противъ насъ враждебнымъ образомъ, какъ при Тугутѣ, Шварценбергѣ, Бахѣ и Бюолѣ. Политика неблагодарности, которою такъ гордился Шварценбергъ въ отношеніи къ Россіи, можетъ быть примѣнена и къ Германіи». Эту ненадежность австро-венгерскаго союза Бисмаркъ объясняетъ противоположными интересами тѣхъ различныхъ національностей, которыя входятъ въ составъ Габсбургской имперіи, въ особенности безпокойными тенденціями Венгріи, клерикальнымъ вліяніемъ и ролью, которую разыгрываютъ въ Австріи поляки. «Бѣдная Австрія, говорилъ онъ однажды Бюхеру: я думаю, что ея дни сочтены. Вѣроятно, мы не будемъ въ живыхъ, когда наступитъ крахъ, но онъ наступитъ, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ думаютъ. Австрія уже не великая держава и никогда ею снова не будетъ». Главными причинами этого паденія Австріи Бисмаркъ считалъ неспособность ея министровъ, которые постоянно дѣлали уступки чехамъ и другимъ славянамъ. По его словамъ, «даже частный человѣкъ едва ли имѣлъ право быть дуракомъ, но глупые министры, да еще не сознающіе своей глупости, какъ въ Австріи, самое величайшее несчастіе для страны». Такимъ образомъ оказывается, что каковы бы ни были отношенія Бисмарка къ Австріи, боролся ли онъ съ нею дипломатическимъ путемъ и на полѣ брани, жалѣлъ ли онъ ее послѣ Садовскаго погрома, или заключалъ съ нею явные и тайные союзы, но всегда онъ одинаково презиралъ ее и эксплоатировалъ въ пользу, прежде Пруссіи, а потомъ Германіи.

Къ другому члену тройственнаго союза, именно къ Италіи, Бисмаркъ не питалъ болѣе нѣжныхъ чувствъ, хотя во время войны съ Австріей Италія, какъ союзница Пруссіи, оказала немалую услугу послѣдней, отвлекая часть военныхъ силъ Австріи. Въ 1880 году желѣзный канцлеръ говорилъ Бушу. «Итальянцы похожи на вороновъ, которые питаются падалью и витаютъ надъ полемъ сраженія, ожидая добычи. Въ 1870 году они были готовы наброситься на насъ, если бы только имъ обѣщали присоединеніе части Тироля. Одинъ русскій дипломатъ говорилъ мнѣ тогда съ негодованіемъ: «Какъ Италія еще требуетъ чего-то, не потерпѣвъ пораженія!». На замѣчаніе Буша, что въ Италіи умирали съ голода, благодаря тяжести налоговъ, Бисмаркъ отвѣчалъ: «Вотъ настоящая «Iridenta Italia». Итальянцы лучше бы думали о томъ, какъ не умереть съ голоду, чѣмъ о завоеваніяхъ. Они кончатъ тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день дойдутъ до положенія Испаніи при Изабеллѣ; тогда неаполитанскій король и папа вернутся въ свои владѣнія. Нечего говорить, теперь Италія и Россія единственныя державы, которыя нарушаютъ миръ». Что касается до Виктора-Эмануила, то Бисмаркъ

не высказываетъ ни въ своихъ мемуарахъ, ни въ разговорахъ со своими приближенными никакого опредѣленнаго мнѣнія о «re galantuomo», но Бушу онъ разсказывалъ одинъ анекдотъ о пребываніи итальянскаго короля въ Берлинѣ. «Викторъ-Эмануилъ далъ мнѣ знать,—говорилъ онъ,—что намѣренъ подарить мнѣ табакерку съ брилліантами. Я сначала былъ очень доволенъ, такъ какъ этотъ подарокъ стоилъ по крайней мѣрѣ 50,000 франковъ, но затѣмъ я подумалъ, что всѣ будутъ говорить объ этой табакеркѣ, какъ о взяткѣ, которой король купилъ меня, и потому отказался принять ее. Въ замѣнъ Викторъ-Эмануилъ прислалъ мнѣ свой портретъ съ очень любезной надписью».

Третій актъ военно-дипломатической трилогіи Бисмарка—франко-прусская кампанія, потребовалъ такъ же, какъ и предъидущіе два акта, пролога. На этотъ разъ подготовка и подтасовка дипломатическихъ картъ, среди которыхъ многіе потомъ оказались краплёными, потребовали четыре года. Бисмаркъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ помощи всей Германіи, которую онъ гипнотизировалъ идеей единства, въ пассивномъ содѣйствіи Австріи, находившейся еще подъ удручающимъ вліяніемъ разгрома при Садовѣ, и Италіи, помнившей, что, несмотря на пораженія, нанесенныя ей Австріей, она увеличила свои предѣлы, благодаря союзу съ Пруссіей, наконецъ въ нейтралитетѣ остальной Европы, такъ какъ къ прежнимъ условіямъ, обезпечивавшимъ общее невмѣшательство, присоединился престижъ Пруссіи, какъ побѣдительницы въ двухъ войнахъ. Но надо было немало времени, чтобы обойти Наполеона III, считавшагося тогда вершителемъ европейскихъ судебъ. Съ необыкновеннымъ искусствомъ, но, конечно, не разбирая средствъ, Бисмаркъ заманилъ своего соперника въ западню, то обѣщая ему Рейнскую провинцію, то предлагая удовольствоваться Люксембургомъ, то наконецъ утѣшая его надеждой на пріобрѣтеніе Бельгіи. Когда же всѣ эти политическіе проекты оказались мыльнымъ пузыремъ, и все-таки французскій императоръ не рѣшался начать войны съ Пруссіей, что было необходимо Бисмарку для оправданія своихъ дѣйствій въ глазахъ Европы, то онъ изобрѣлъ кандидатуру на испанскій престолъ принца Гогенцоллернскаго, которая, по его словамъ, подѣйствовала на французовъ, какъ «красный флагъ на быковъ».

Въ мемуарахъ Бисмарка и въ книгѣ Буша ничего не говорится о подготовкѣ франко-прусской войны и очень мало о Гогенцоллернскомъ эпизодѣ, но въ біографическомъ очеркѣ своего кумира, помѣщенномъ въ «Times», Бушъ хотя кратко, но очень рельефно разсказываетъ, какъ Бисмаркъ руководилъ изъ своего берлинскаго кабинета всѣми нитями этой интриги. Что касается до него самого, то онъ увѣряетъ въ главѣ «Мыслей и воспоминаній», посвященной эмской депешѣ, что онъ «политически былъ равнодушенъ къ этому дѣлу» и считалъ его «испанскимъ вопросомъ, а не германскимъ».

Далѣе онъ разсказываетъ, что въ его памяти не сохранилось письмо къ маршалу Приму, которое онъ, по словамъ нѣкоторыхъ авторовъ, между прочимъ герцога Грамона и короля румынскаго, дѣйствительно писалъ. Его память въ этомъ дѣлѣ такъ странно ему измѣняетъ, что онъ называетъ принца Леопольда Гогенцоллернскаго родственникомъ Мюратовъ, когда онъ, въ сущности, былъ родственникомъ Богарне. Но Бушъ, какъ всегда, выдаетъ головой своего кумира, хотя и полагаетъ, что все разсказанное про него служитъ только къ его славѣ. Онъ прямо говоритъ, что Бисмаркъ изобрѣлъ гогенцоллернскую кандидатуру на испанскій престолъ, чтобы дать Франціи предлогъ къ объявленію войны. Онъ обстоятельно разсказываетъ, какъ сначала Бисмаркъ велъ переговоры съ испанскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, какъ писалъ свое знаменитое письмо маршалу Приму, какъ посылалъ своего наперсника, Лотара Бюхера, и прусскаго офицера, майора фонъ-Верзена, въ Мадридъ для наведенія справокъ, какъ, не расчитывая на принца Леопольда, подготовилъ ему замѣстителя въ лицѣ его брата Фридриха, какъ подбивалъ отца своихъ кандидатовъ, принца Карла-Антона, уговаривать сыновей то принять, то отвергнуть кандидатуру, смотря по обстоятельствамъ, какъ наконецъ, доведя игру до желаемаго результата, онъ едва не проигралъ ея, благодаря слабохарактерности короля Вильгельма, и какъ въ послѣднюю минуту, передернувъ карты съ нахальствомъ ловкаго шулера, онъ сорвалъ банкъ. Этотъ послѣдній шагъ, составляющій, по словамъ Буша, славу, а по мнѣнію всѣхъ честныхъ людей позоръ желѣзнаго канцлера, извѣстенъ въ современной исторіи подъ названіемъ эмскаго эпизода, или, лучше сказать, эмскаго подлога.

Самъ Бисмаркъ говоритъ объ этой черной страницѣ своей политической дѣятельности оченъ характерно и какъ-то безсознательно. Онъ не доказываетъ, что поступилъ хорошо, не оправдываетъ своего поступка и не кается въ совершеніи преступленія, а просто разсказываетъ, какъ было дѣло, и приводитъ рядомъ оба документа: и подлинную депешу короля и свою подложную. Сначала онъ объясняетъ, что король Вильгельмъ, находясь одинъ въ Эмсѣ, подпалъ подъ вліяніе своей жены, которая боялась войны, и цѣлымъ рядомъ уступокъ французскому посланнику Бенедетти совершенно уничтожилъ всю подготовленную Бисмаркомъ хитрую игру. Дѣло дошло до того, что приходилось, по его словамъ, или выйти въ отставку, или искусственно создать такой дипломатическій фортель, чтобы Франція сама и немедленно объявила войну. Бисмаркъ такъ и сдѣлалъ, онъ послалъ королю просьбу объ отставкѣ, а когда вмѣсто отвѣта получилъ пресловутую эмскую депешу, то рѣшился ее поддѣлать, съ цѣлью создать изъ нея брандеръ, который поджогъ бы войну, такъ старательно имъ подготовленную. Излишне приводить обѣ эти столько разъ уже напечатанныя депеши цѣли-

комъ, а необходимо лишь напомнить, что въ депешѣ короля подробно, именно въ 200 словахъ, говорилось о томъ, что Бенедетти требовалъ отъ Вильгельма обязательства никогда не дозволить принцу Гогенцоллернскому, который уже отказался отъ своей кандидатуры, снова ее возстановить, что король указалъ на невозможность давать такое обязательство и на неизвѣстность, дѣйствительно ли отказался отъ кандидатуры принцъ Гогенцоллернскій, что, наконецъ, на слѣдующій день, получивъ объ этомъ извѣстіе, король приказалъ адъютанту увѣдомить объ этомъ Бенедетти и прибавить, что послѣ этого не о чемъ было королю говорить съ посланникомъ. Вотъ о чемъ извѣщалъ Абекенъ Бисмарка по приказанію Вильгельма, который предоставлялъ своему министру рѣшить, слѣдовало ли объ этомъ увѣдомить представителей Пруссіи за границей и газеты. Канцлеръ получилъ эту депешу въ Берлинѣ за обѣдомъ, на которомъ присутствовали Мольтке и военный министръ, Роонъ.

«Я прочелъ имъ депешу, и они пришли въ такое отчаяніе, что перестали ѣсть и пить, — разсказываетъ Бисмаркъ: — я же перечелъ нѣсколько разъ ее и остановился на той мысли, что король поручилъ мнѣ увѣдомить посланниковъ и газеты о новомъ требованіи Бенедетти и объ отказѣ короля. Я предложилъ Мольтке нѣсколько вопросовъ о нашихъ вооруженіяхъ, и онъ отвѣчалъ, что если вести войну, то намъ выгоднѣе тотчасъ ее начать... Тогда я въ присутствіи моихъ гостей сократилъ депешу, не измѣнивъ ни одного слова. Она явилась въ слѣдующемъ видѣ: «Извѣстіе объ отказѣ принца Голенцоллернскаго отъ своей кандидатуры получено въ Парижѣ; потомъ французскій посланникъ представилъ въ Эмсѣ его величеству королю требованіе, чтобы король обязался никогда не давать согласія на кандидатуру Гогенцоллерна, если бы тотъ возобновилъ ее; тогда король отказался принимать французскаго посланника и приказалъ ему сказать черезъ своего адъютанта, что ему болѣе нечего сообщить посланнику». «Различіе въ томъ впечатлѣніи, которое должна была произвести сокращенная депеша въ сравненіи съ подлинной, заключалось не въ рѣзкости выраженій, а въ томъ, что мой текстъ сообщалъ объ окончаніи переговоровъ, а текстъ Абекена оставлялъ вопросъ открытымъ. Я прочелъ свою редакцію моимъ гостямъ, и Мольтке воскликнулъ: «Вотъ это звучитъ иначе; прежде слышалось отступленіе, а теперь аттака». Я съ своей стороны сказалъ: «Мой текстъ ничего не измѣняетъ и ничего не прибавляетъ къ депешѣ, но если я сейчасъ сообщу его въ газеты и телеграфирую посланникамъ, то къ ночи о немъ будутъ знать въ Парижѣ. Эта депеша произведетъ тамъ не только по своему содержанію, но и по формѣ ея сообщенія такое дѣйствіе, какое производитъ на быка красный флагъ. Намъ необходимо, чтобы Франція напала на насъ, и она, благодаря своей гальской щекотливости и надменности, дастъ намъ возможность выставить ее передъ Европой въ роли зачинщицы».

Почти въ такихъ же словахъ, но короче разсказывалъ Бисмаркъ Бушу объ эмскомъ эпизодѣ, только въ концѣ онъ гордо прибавилъ: «и дѣло удалось!» Дѣйствительно, декабрьская имперія попала въ ловушку, и началась третья изъ войнъ, которыя подготовилъ и довелъ до желаннаго результата человѣкъ огня и желѣза. Собственно о франко-прусской войнѣ Бисмаркъ почти не упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ и лишь жалуется на то, что во время этой кампаніи военные начальники бойкотировали его, т. е. не допускали его въ военные совѣты подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ статскій. Бушъ также приводитъ нѣсколько очень рѣзкихъ отзывовъ Бисмарка насчетъ прусскихъ генераловъ, которые причинили, по его словамъ, очень много потерь арміи своимъ глупымъ самолюбіемъ и взаимной завистью. Онъ одинаково обвинялъ ихъ въ томъ, что они изъ угожденія наслѣдному принцу, щадившему Парижъ изъ чувства гуманности, попостоянно отсрочивали бомбардировку французской столицы. Конечно, для Бисмарка подобная гуманность была непостижима, и приписывая ее вліянію на наслѣднаго принца его жены англичанки, онъ выходилъ изъ себя. Даже онъ однажды сказалъ Бушу, который сопровождалъ его во время французской кампаніи: «Сегодня король мнѣ солгалъ. Я спросилъ его, скоро ли наконецъ начнется бомбардировка Парижа. Онъ отвѣчалъ, что уже далъ объ этомъ приказъ. Но я тотчасъ понялъ, что это неправда. Я его знаю; онъ не умѣетъ лгать, а если лжетъ, то неловко и тотчасъ же измѣняется въ лицѣ. Я посмотрѣлъ ему прямо въ глаза, и онъ отвернулся». Вообще изъ разговоровъ Бисмарка съ Бушемъ во время войны видно, что онъ дѣйствительно не только на словахъ, но и на дѣлѣ былъ человѣкъ огня и желѣза. Онъ настаивалъ на бомбардировкѣ Парижа и уничтоженіи всего города въ 6 дней, требовалъ, чтобы безжалостно жгли всѣ города и селенія, сопротивлявшіеся пруссакамъ, совѣтовалъ казнить, какъ преступниковъ, французскихъ вольныхъ стрѣлковъ, взятыхъ въ плѣнъ, и т. д.

Бисмаркъ проходитъ молчаніемъ свои переговоры съ Жюлемъ Фавромъ и Тьеромъ, о которыхъ онъ, по словамъ Буша, отзывался съ большимъ пренебреженіемъ, какъ о людяхъ, съ которыми онъ могъ сдѣлать все, что угодно; а только посвящаетъ нѣсколько страницъ своихъ мемуаровъ упорной борьбѣ, которую онъ велъ въ Версали съ Вильгельмомъ объ его новомъ титулѣ. Вильгельмъ ни за что не хотѣлъ назваться императоромъ, а наслѣдный принцъ, по увѣренію Бисмарка, настаивалъ на титулѣ короля Германіи. Когда же послѣ долгихъ пререканій канцлеру удалось настоять на императорскомъ титулѣ, то Вильгельмъ требовалъ, чтобы его называли императоромъ Германіи, а Бисмаркъ находилъ это неудобнымъ, такъ какъ подъ этимъ титуломъ разумѣлось бы подчиненіе императору другихъ германскихъ государей, на что они, конечно, не согласились бы. Поэтому онъ считалъ болѣе удобнымъ титулъ германскаго императора.

«Я провелъ много непріятныхъ недѣль въ Версалѣ, говорилъ онъ потомъ Бушу, ничего я не могъ добиться отъ короля, и были минуты, когда я хотѣлъ подать въ отставку». Наконецъ все уладилось: въ рейхстагѣ принятъ былъ титулъ германскаго императора, а при провозглашеніи Германской имперіи въ Версалѣ, великій герцогъ Баденскій ловко выпелъ изъ затрудненія и провозгласилъ «ура» въ честь императора Вильгельма. «Но все-таки, замѣчаетъ Бисмаркъ, его величество былъ такъ недоволенъ мною, что, сходя съ эстрады, сдѣлалъ видъ, что меня не замѣчаетъ, хотя я находился одинъ впереди всѣхъ, и, пройдя мимо меня, онъ подалъ руку генераламъ, стоявшимъ позади. Вильгельмъ нѣсколько дней дулся на меня, и только мало-по-малу возстановились наши прежнія отношенія».

Третій актъ военно-дипломатической трилогіи былъ съигранъ. Подготовленная и разыгранная, какъ по нотамъ, война съ Франціей сдѣлала короля Вильгельма императоромъ, а Германію единой, хотя въ сущности достигнутое единство было далеко не то, котораго жаждали съ давняго времени лучшіе германскіе умы. Конечно, и Бисмаркъ получилъ награду: онъ былъ произведенъ въ князья и сдѣланъ канцлеромъ Германской имперіи. Онъ тогда находился въ апогеѣ своей силы и славы. Не только Германія, но вся Европа повиновалась ему. Цѣль его жизни была достигнута, и остальныя девятнадцать лѣтъ, проведенныя имъ у кормила правленія, были посвящены только упроченію того, что онъ сдѣлалъ въ первыя десять лѣтъ своей необыкновенной карьеры. Хотя многіе поклонники желѣзнаго канцлера увѣряютъ, что его послѣдующіе государственные и дипломатическіе подвиги были выше всего, что онъ совершилъ до тѣхъ поръ, но въ сущности его такъ называемая мирная дѣятельность далеко уступаетъ по искусству и ловкости его военно-дипломатической трилогіи. Самъ Бисмаркъ это хорошо понималъ и въ разговорахъ съ Бушемъ всего чаще и съ наибо́льшой гордостью вспоминалъ о трехъ войнахъ, составлявшихъ апогей его политической дѣятельности. Но онъ отзывался о нихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, однажды онъ сказалъ съ саркастической улыбкой:

«Пресса имѣетъ могучую силу для зла, такъ какъ она возбудила три великія войны. Датская пресса побудила прусскаго короля присоединить къ своимъ владѣніямъ Шлезвигъ-Гольштинію; австрійская пресса привела насъ въ Садову, а французская пресса содѣйствовала продленію французской кампаніи».

Напротивъ, въ другой разъ, именно 19-го октября 1877 года желѣзный канцлеръ мрачно и печально произнесъ въ присутствіи своего вѣрнаго маленькаго Буша:

«Тяжело у меня на душѣ. Во всю мою долгую жизнь я никого не сдѣлалъ счастливымъ—ни друзей, ни семью, ни самого себя... а зла я сдѣлалъ много, очень много. Я былъ причиной трехъ вели-

кихъ войнъ; по моей милости убито на полѣ брани 80.000 человѣкъ, о которыхъ еще до сихъ поръ плачутъ матери, сестры... Во всемъ этомъ я отдамъ отчетъ Богу, а теперь я не имѣю ни малѣйшей радости, и душа моя полна тревогъ, полна смущенья».

Вотъ къ какому безнадежному сознанію пришелъ человѣкъ желѣза и огня, спустя шесть лѣтъ послѣ окончанія послѣдняго акта своей военной трилогіи. Это, однако, не помѣшало ему продолжать еще многіе годы свою дѣятельность въ томъ же духѣ, и если онъ болѣе не возбуждалъ войнъ и не убивалъ людей, по его собственному выраженію, то онъ обратилъ всю Европу въ громадный военный лагерь, прямой результатъ бисмарковскихъ трехъ войнъ.

В. Т.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Н. Минхъ. Историко-географическій словарь Саратовской губерніи. Томъ I, выпускъ 1. Саратовъ. 1898. (Приложеніе къ V т. Трудовъ Саратовской ученой архивной комиссіи).

СРЕДИ вспомогательныхъ къ исторіи знаній одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, той категоріи ихъ, которая носитъ названіе исторической географіи. Какъ отдѣльная научная дисциплина, историческая географія выдѣлилась въ сравнительно недавнее время, и труды, посвященные ей, весьма немногочисленны. По своему содержанію послѣдніе распадаются на двѣ части: въ первой, меньшей, дѣлаются попытки историко-географическаго изученія всей Россіи, всей ея территоріи; во второй — дѣлаются замѣчанія, касающіяся той или другой мѣстности, или даже какого либо пункта въ ней. Изъ первыхъ изслѣдованій должны быть упомянуты труды проф. Барсова и Замысловскаго, но они далеко не исчерпываютъ собою всего предмета — полнаго изученія исторической географіи Россіи, — такъ какъ проф. Барсовъ ведетъ свои «Очерки» только въ предѣлахъ географіи первоначальной лѣтописи, профессоръ же Замысловскій комментируетъ лишь историко-географическія извѣстія Герберштейна, или, въ другомъ мѣстѣ, ограничивается объясненіями, необходимыми для изданнаго имъ атласа по русской исторіи. Не нужно, конечно, доказывать, что для того, чтобы дать полный очеркъ исторической географіи Россіи, необходимо предварительно изслѣдовать въ этомъ отношеніи отдѣльныя ея части, при чемъ такое изслѣдованіе должно вести систематически

и по одному плану. Нѣчто похожее мы можемъ наблюдать въ другой сферѣ вспомогательныхъ къ исторіи знаній — археологіи: въ самое послѣднее время дѣло изученія археологіи Россіи поставлено на вполнѣ желательную и научную почву, благодаря именно такому систематическому изученію относящихся сюда матеріаловъ по губерніямъ; въ итогѣ этой системы имѣетъ получиться ясная и отчетливая археологическая карта всего пространства Россіи.

Ничего подобнаго не сдѣлано пока въ отношеніи исторической географіи. Поэтому недавно вышедшій трудъ г. Минха привлекъ къ себѣ вниманіе всѣхъ интересующихся предметомъ, такъ какъ, судя по его заглавію, онъ представляетъ собою первый опытъ систематическаго изслѣдованія даннаго района съ точки зрѣнія историко-географической.

Въ качествѣ источниковъ для своего «Словаря» г. Минхъ располагалъ статистическими свѣдѣніями земскаго статистическаго бюро и губернскаго комитета, описаніями селъ и городовъ, находящимися въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, матеріалами архивной комиссіи и, наконецъ, описаніями приходовъ и церквей, доставленными причтами по распоряженію преосвященнаго. Исполнить свою задачу г. Минхъ рѣшилъ въ нѣсколько пріемовъ, именно — разбить всю губернію на отдѣльныя группы, соединяя въ каждой не болѣе 2—3 смежныхъ уѣздовъ, носящихъ, по возможности, однородный характеръ; каждая группа снабжена особымъ алфавитомъ.

Оставляя въ сторонѣ сужденіе о планѣ работы, относительно котораго все же нельзя не замѣтить, что онъ отличается сложностью и громоздкостью, не оправдываемыми при той постановкѣ вопроса, какъ его понимаетъ г. Минхъ,— разсмотримъ настоящій выпускъ, гдѣ дается обзоръ Камышинскаго и Царицынскаго уѣздовъ, впрочемъ, далеко неполный, такъ какъ въ него входятъ названія лишь подъ лит. А—Г.

Къ сожалѣнію, даже одно начальное ознакомленіе съ «Словаремъ» г. Минха заставляетъ читателя убѣждаться, что здѣсь онъ имѣетъ дѣло съ очень своеобразнымъ пониманіемъ исторической географіи. Такъ, напримѣръ, первое же свѣдѣніе, которымъ открывается «Словарь», слѣдующее: «Абрамова Устинья Ѳедоровна, дворянка Царицынскаго уѣзда; не записана въ родословной книгѣ Саратовской губерніи. Владѣетъ 9-ю десятинами при дер. Трудовкѣ, Александровской волости». Спрашивается, какое соотношеніе между г-жей Абрамовой и исторической географіей Саратовской губерніи? А подобныхъ «историко-географическихъ» свѣдѣній разбросано по книгѣ г. Минха довольно много. Или, далѣе, при описаніи д. Акатовки, обязательно указывается, что видъ изъ нея на р. Волгу и Заволжье превосходный; пароходы и другія суда проходятъ по рѣкѣ почти подъ окнами крестьянъ — замѣчаніе, умѣстное болѣе въ художественномъ или живописномъ альбомѣ, нежели въ историко-географическомъ словарѣ. Считаетъ нужнымъ г. Минхъ объяснять своимъ читателямъ понятія бредня, буэра, оврага, генеральнаго межеванья, бортнаго ухожья, забывая, что это—термины далеко не мѣстные, да и въ качествѣ даже таковыхъ они не подлежатъ вѣдѣнію исторической географіи. Чужды ей точно такимъ же образомъ генеалогическія данныя, которыми изобилуетъ книга г. Минха, сообщающаго о родахъ Воропановыхъ, Всеволожскихъ, кн. Гагари-

ныхъ, Голицыныхъ и друг., или о происхожденіи фамилій Галкиныхъ-Врасскихъ путемъ брачной комбинаціи, о губернаторахъ и предводителяхъ дворянства, бывшихъ въ Саратовской губерніи, и т. п., при чемъ значительная доля этихъ данныхъ почерпнута авторомъ изъ Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона.

При обозрѣніи селеній авторъ обращаетъ всего болѣе вниманія на ихъ современное экономическое и статистическое описаніе, свѣдѣній же историческихъ мы найдемъ у него весьма мало. Такимъ образомъ, въ результатѣ—работа г. Минха есть ни болѣе ни менѣе, какъ сводъ статистическихъ матеріаловъ земскаго бюро и губернскаго комитета, но никакъ не трудъ историко-географическій. Если г. Минхъ доведетъ свое предпріятіе до конца, держась подобнаго же воззрѣнія на него, какое обнаруживается на разбираемомъ выпускѣ, то польза его, въ смыслѣ историко-географическаго описанія края, будетъ незначительна. Самый объемъ труда г. Минха грозитъ принять обширные размѣры, въ силу того, что въ немъ говорится о предметахъ, которымъ, въ сущности, не должно было бы быть мѣста здѣсь. Если 207 страницъ потребовалось для того только, чтобы разсмотрѣть названія, начинающіяся съ четырехъ буквъ по двумъ уѣздамъ, то сколько же потребуется для всѣхъ названій во всѣхъ десяти уѣздахъ Саратовской губерніи? И въ итогѣ—только матеріалы, и то незначительные, которыми, быть можетъ, воспользуется будущій изслѣдователь Саратовскаго края въ отношеніи историко-географическомъ.

В. Б—въ.

Князь Н. В. Голицынъ. Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII вѣка. Москва. 1898.

Небольшая брошюра князя Н. Голицына (36 стран.) разсматриваетъ любопытный и малоразработанный у насъ вопросъ о научно-образовательныхъ сношеніяхъ Россіи съ Западной Европой въ началѣ XVII вѣка. Извѣстно, что первымъ изъ русскихъ государей, возымѣвшимъ мысль установить духовно-просвѣтительную связь Россіи съ Западомъ, былъ Іоаннъ Грозный, но всѣ его попытки въ этомъ родѣ оказались неудачными. Продолжателемъ его дѣла былъ Борисъ Годуновъ. «Въ усердной любви къ гражданскому образованію,—говоритъ Карамзинъ,—Борисъ превзошелъ всѣхъ древнѣйшихъ вѣнценосцевъ Россіи». Онъ предполагалъ покрыть Россію цѣлою сѣтью учебныхъ заведеній и съ этою цѣлью собирался вызвать въ Россію западныхъ ученыхъ для обученія своихъ подданныхъ иностраннымъ языкамъ. Въ то же время Борисъ обратился и къ другому средству, которымъ впослѣдствіи широко воспользовался Петръ Великій, именно къ отправкѣ молодыхъ русскихъ людей за границу, съ цѣлью полученія тамъ образованія. Этотъ послѣдній вопросъ и служитъ предметомъ брошюры князя Голицына. При этомъ нашъ авторъ пользуется преимущественно архивными матеріалами, находящимися въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и сообщаетъ въ своемъ трудѣ свѣдѣнія, значительно дополняющія напечатанную въ «Историческомъ Вѣстникѣ»

(1881 года, іюль) статью г. Арсеньева, подъ заглавіемъ: «Первые русскіе студенты за границей».

Борисъ Годуновъ отправилъ за границу для обученія до 18 молодыхъ людей, но о тѣхъ изъ нихъ, которые были отправлены во Францію, не сохранилось никакихъ извѣстій, а извѣстно лишь о лицахъ, посланныхъ въ Любекъ и Англію. Въ Любекъ были отправлены пять человѣкъ въ 1603 году, вмѣстѣ съ посольствомъ отъ ганзейскихъ городовъ, возвращавшимся изъ Россіи. Членамъ этого посольства было внушено царемъ, что они должны посланныхъ съ ними юношей представить городскому совѣту Любека, помѣстить потомъ въ школу для обученія языкамъ нѣмецкому, латинскому и другимъ, во время ученія не стѣснять ихъ въ религіозномъ отношеніи и дать имъ возможность оставаться въ православной вѣрѣ и соблюдать русскіе обычаи; по окончаніи ученія ихъ должно было возвратить обратно въ Россію; матеріальное содержаніе юношей царь взялъ на себя. Посланные русскіе юноши благополучно прибыли въ Любекъ и принялись за науку, но, достигнувъ образованія, не захотѣли возвратиться въ Россію. Въ 1606 году, при царѣ Василіи Шуйскомъ, по поводу ихъ была переписка съ любекскими бургомистрами, но безъ успѣха: вѣроятно, лишь одинъ изъ нихъ (Димитрій, переводчикъ у шведскаго полководца Делагарди) пожелалъ возвратиться на родину.

Въ Англію царемъ Борисомъ были отправлены въ 1602 году четверо русскихъ юношей вмѣстѣ съ Джономъ Мерикомъ, главнымъ агентомъ англійской политики и торговли въ Россіи. Они прибыли въ Лондонъ для изученія англійскаго и латинскаго языковъ и, вѣроятно, были размѣщены въ различныхъ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Наступившая послѣ смерти Бориса Годунова смута въ Московскомъ государствѣ отдалила Россію отъ тѣсныхъ сношеній съ Западной Европой. Московское правительство забыло о посылкѣ русскихъ юношей въ Англію при Годуновѣ и вспомнило о нихъ лишь тогда, когда возстановились правильныя дипломатическія сношенія Россіи съ Западомъ, и когда отправленные за границу юноши стали «къ посольскому дѣлу надобны». Въ 1613 году было отправлено въ Англію требованіе прислать обратно отправленныхъ туда для обученія русскихъ юношей. Но оно осталось безъ успѣха. Подобныя же требованія были предъявлены англійскому правительству еще въ 1615—1616 годахъ, въ 1617 и въ 1621 году, но также безуспѣшно. Дѣло въ томъ, что русскіе ученые не захотѣли возвращаться въ Россію, перемѣнили православную вѣру, а одинъ даже сдѣлался англиканскимъ пасторомъ. Въ 1617 году въ Англію былъ посланъ съ образовательною цѣлью нѣкій Иванъ Алманзеновъ. Онъ изучалъ за границей главнымъ образомъ медицину, но возвратился ли на родину—неизвѣстно.

Борисъ Годуновъ пытался вызывать въ Россію и западныхъ ученыхъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ обширное письмо Товіи Лонціуса, лиценціата государственнаго права, изъ Гамбурга, хранящееся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ письмѣ, которое князь Голицынъ сообщаетъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ, Лонціусъ предлагаетъ русскому правительству свои ученыя услуги и обѣщаетъ привлечь въ Россію «ученыхъ и опытныхъ людей и художниковъ». Послѣдствіе этого письма неизвѣстно.

Брошюра князя Голицына читается съ интересомъ и, при небольшомъ своемъ объемѣ, даетъ немало новыхъ свѣдѣній, восполняющихъ прежнія наши знанія по вопросу о просвѣтительныхъ сношеніяхъ Россіи съ Западной Европой.

С.

П. А. Картавовъ. Библіографическія извѣстія о рѣдкихъ книгахъ. №№ 1 и 2. Спб. 1898.

Подъ такимъ заглавіемъ петербургскій библіоманъ г. Картавовъ выпустилъ два первыхъ «номера» (?) не безъинтереснаго для библіографовъ изданія. Цѣль этой работы, по словамъ издателя, «дать рядъ свѣдѣній, возможно правильныхъ, для справокъ о книжныхъ рѣдкостяхъ, съ указаніемъ, кѣмъ онѣ отмѣчены таковыми или подробно описаны». Другими словами, г. Картавовъ хотѣлъ составить болѣе или менѣе полный каталогъ рѣдкихъ книгъ. Несомнѣнно, что такая книга была бы очень полезна для лицъ, занимающихся библіографіей, такъ какъ пользованіе Сопиковымъ, Смирдинымъ и другими подобными изданіями представляется затруднительнымъ, въ виду ихъ распродажи. Но, къ сожалѣнію, матеріалъ «Библіографическихъ извѣстій» такъ распредѣленъ, что обращаться къ нему для справокъ не совсѣмъ-то удобно. Перечисленіе книжныхъ рѣдкостей раздѣлено на два отдѣла. Въ первый, названный «Новые матеріалы для собирателей книжныхъ рѣдкостей», гдѣ по плану изданія должны помѣщаться произведенія печати, относящіяся къ выдающимся лицамъ и событіямъ русской исторіи, вошли два перечня изданій, касающихся— одинъ личности цесаревича Константина Павловича, другой — императора Іоанна Антоновича. Во второмъ отдѣлѣ—«Перечнѣ рѣдкихъ изданій»—группируются книжныя рѣдкости, уже встрѣчавшіяся въ работахъ извѣстныхъ нашихъ библіографовъ, въ отчетахъ Императорскихъ публичныхъ и частныхъ библіотекъ, въ офиціальныхъ изданіяхъ по цензурѣ и печати и въ каталогахъ антикварныхъ лавокъ. Подъ этимъ заголовкомъ пока помѣщены книги изъ Сопиковскаго «Опыта» съ ссылками на Смирдина, Геннади, Березина-Ширяева и другіе источники. Эти два отдѣла составляютъ основу всего изданія. За ними слѣдуетъ рядъ дополнительныхъ рубрикъ: «Библіографическіе вопросы», гдѣ, главнымъ образомъ, исправляются неточности и ошибки, вкравшіяся въ работы различныхъ библіографовъ. 2) «Рѣдкости моего книгохранилища»—каталогъ библіотеки самого издателя. 3) «Изъ прошлаго», гдѣ помѣщаются мелкія статейки, стихотворенія и курьезы изъ рѣдкихъ изданій. Такъ, между прочимъ, здѣсь напечатано стихотвореніе поэта начала нынѣшняго столѣтія Ак. Ник. Нахимова и объявленіе изъ эпохи крѣпостничества изъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Среди этого матеріала разбросано нѣсколько отдѣльныхъ статей. Изъ нихъ укажемъ на три. «П. Б. и его издательская дѣятельность»: это — перечень изданій довольно извѣстнаго переводчика прошлаго вѣка Петра Богдановича, скрывавшагося подъ иниціалами П. Б. При составленіи этого перечня, г. Картавову не лишне было бы заглянуть въ «Русскія книги» Венгерова, гдѣ даны болѣе полныя заглавія изданій Богдановича. Въ замѣткѣ «Свѣдѣнія о мало-

извѣстныхъ типографіяхъ» перечисляются изданія, напечатанныя въ нѣкоторыхъ московскихъ и петербургскихъ типографіяхъ съ 1783 по 1896 годы. «Перечень провинціальныхъ изданій» даетъ списокъ книгъ, отпечатанныхъ за тотъ же періодъ въ провинціальныхъ городахъ.

Если бы г. Картавовъ ограничился только этимъ матеріаломъ, то его изданіе не осталось бы въ проигрышѣ. Къ чему было печатать весь остальной балластъ? Кому, напримѣръ, интересно знать, у какихъ букинистовъ г. Картавовъ покупаетъ книги для своей библіотеки, кого изъ нихъ считаетъ добросовѣстнымъ, а объ этомъ онъ распространяется довольно подробно. Далѣе составитель разбираемой нами книги, какъ истый библіоманъ, даетъ совѣты, какіе нужно дѣлать для книгъ папки и переплеты, и скорбитъ, что среди нашихъ книголюбцевъ нѣтъ ни своей переплетной, ни типографіи, ни журнала. Все это совсѣмъ лишнее. Выставленные на книжкахъ номера 1-й и 2-й, раздѣленіе одной статьи на два выпуска, а также некрологъ Березина-Ширяева и нѣсколько рецензій о только что вышедшихъ книгахъ придаютъ «Библіографическимъ извѣстіямъ» немного странный обликъ, напоминающій собою ежемѣсячный журналъ, составляемый безъ всякой системы и опредѣленной программы.

Борисъ Городецкій.

Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію. Томъ II. Изслѣдованіе капитана Мэхэна. Изданіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Георгія Александровича. Спб. 1898.

Вышедшій томъ сочиненія капитана Мэхэна обнимаетъ событія отъ 1798 г. по 1812 г. Интересъ автора сосредоточенъ на выясненіи роли флота и политики Великобританіи въ революціонныхъ и наполеоновскихъ войнахъ. Вопросъ этотъ въ обширной литературѣ о наполеоновскихъ войнахъ изслѣдованъ пока еще мало, и трудъ капитана Мэхэна занимаетъ, несомнѣнно, серьезное мѣсто. Нужно замѣтить, что взгляды Мэхэна и пріемы его изслѣдованія обнаруживаютъ въ немъ не только хорошаго знатока военнаго дѣла, но и широко образованнаго историка. Но все же часто военная исторія у него на первомъ планѣ, и страницы, гдѣ авторъ (12—16, 368—374, 390—400 и др.) касается внутренней исторіи — исторіи во Франціи, преобразованія Наполеона, финансы и пр., задѣваютъ лишь слегка вопросъ. При томъ, въ этихъ вопросахъ Мэхэнъ часто слѣдуетъ далеко ненадежному источнику по культурной исторіи—Тьеру, который, какъ извѣстно, преклонялся передъ силой. Въ данномъ случаѣ, внутренняя исторія Англіи и Франціи прибавила бы кое-что хотя бы въ выясненіи финансоваго вопроса. Авторъ весьма удачно характеризуетъ Францію и Англію, какъ двѣ противоположныя силы, и сравниваетъ французскую революцію, съ ея фанатизмомъ, съ движеніемъ, охватившимъ Европу во время нашествія магометанъ (398 стр.). Разрушительнымъ элементамъ въ характерѣ французской революціи онъ противопоставляетъ консервативный и прогрессивный характеръ Англіи, отличающійся настойчивостью въ преслѣдованіи цѣли и упорною выносливостью. «Положеніе Англіи,—гово-

ритъ онъ, — и ея морская сила были крупными, рѣшающими факторами въ исходѣ французскихъ революціонныхъ войнъ, но эти элементы сами были лишь орудіемъ британской мощи». Эта «мощь» принудила Францію обратиться къ абсолютной власти, т. е. вызвала успѣхъ Наполеона и довела Францію до такого состоянія, при которомъ она не была больше страшна для Европы. Отсюда, какъ разсуждаетъ Мэхэнъ, ходъ борьбы между Франціей и Англіей можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія политики вождей обѣихъ сторонъ или съ точки зрѣнія морской силы, которая, хотя и находилась въ рукахъ государственныхъ людей и направлялась ими, но въ сущности сама господствовала надъ ними. Такова основная точка зрѣнія автора, съ которой онъ и разсматриваетъ всѣ событія. Взглядъ этотъ—оригинальный и свѣжій въ томъ отношеніи, что невольно заставляетъ задуматься надъ этой «чудесной», какъ выражается Мэхэнъ, силой Англіи, одаренной самостоятельной жизнью, имѣющей великую исторію въ прошломъ и создающей себѣ «еще болѣе чудесную исторію въ настоящемъ». Замѣчательна живучесть и жизненность морской силы и коммерческаго процвѣтанія Великобританіи. Эту силу Великобританіи отлично постигли тогдашніе министры, но не они создавали ее: она только направлялась ими, а создавалась она характеромъ и естественными склонностями населенія Англіи. Морскую силу Англіи онъ разсматриваетъ, не какъ простое только оружіе въ рукахъ министерства. Сила эта доставляла политическому тѣлу государства охрану и питаніе, поддерживала духъ его. Изслѣдовавъ эту сторону вопроса, Мэхэнъ переходитъ къ политикѣ и морской стратегіи войны, разсматриваетъ, къ чему стремились министры въ своей политикѣ, и останавливается на томъ, годилась ли стратегія войны для благопріятнаго исхода ея политики. Въ этомъ отношеніи громадныя заслуги оказалъ Питтъ, который формулировалъ цѣли Великобританіи въ одномъ словѣ «безопасность», а средствомъ для достиженія ея — «истощеніе» Франціи. Описывая событія на континентѣ 1798 — 1800 гг., Мэхэнъ останавливается на роли Наполеона въ тотъ періодъ и примыкаетъ къ извѣстному взгляду Меттерниха, для котораго Наполеонъ былъ простымъ лишь воплощеніемъ революціи. Но есть и другой взглядъ, по которому Наполеонъ былъ «первымъ изъ контръ-революціонеровъ», какъ выразилась г-жа Сталь, и который, если бы Мэхэнъ примѣнилъ его къ разсмотрѣнію правительственной системы Наполеона, ясно указываетъ на необходимость анализа главныхъ явленій эпохи консульства и имперіи. Немного найдется у насъ, въ Россіи, такихъ великолѣпныхъ изданій, какъ это. Къ книгѣ приложено девять иллюстрацій, переводъ—безукоризненно прекрасный, въ концѣ книги—указатель.

П. К.

Лирика Я. П. Полонскаго. Критическій этюдъ Н. М. Соколова. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1899.

Критическій этюдъ Н. М. Соколова о Я. П. Полонскомъ представляетъ собой довольно своеобразное явленіе въ нашей литературѣ. Тѣ эстетическія теоріи, которыя въ большей или меньшей степени признаны въ наше время,

г. Соколова, повидимому, не удовлетворяютъ. Судя по ссылкамъ и цитатамъ въ его работѣ, онъ въ своихъ критическихъ взглядахъ выходитъ изъ эстетики Канта и Шопенгауэра. Установившійся пріемъ литературной критики характеризировать поэта только, какъ мыслителя, только въ суммѣ его теоретическихъ, а иногда и тенденціозныхъ воззрѣній, съ точки зрѣнія г. Соколова—кажется ошибочнымъ. Нашъ критикъ пытается понять и опредѣлить поэта, именно какъ поэта. Не только лучшимъ, но и единственнымъ средствомъ для этого, онъ считаетъ внимательное изученіе конкретныхъ элементовъ въ любимыхъ образахъ того или другого поэта. Краски и пластическія очертанія въ поэзіи, по взгляду критика, уже отражаютъ въ себѣ личность поэта. Въ этомъ отношеніи интересны сопоставленія Я. П. Полонскаго съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ по выбору образовъ и сюжетовъ и по манерѣ ихъ обработки. На основаніи детальнаго изученія нѣкоторыхъ произведеній Полонскаго, критикъ приходитъ къ тому выводу, что покойный поэтъ былъ превосходнымъ лирикомъ. И именно по этому большія эпическія произведенія въ общемъ ему далеко не всегда удавались. По самому свойству исключительно лирическаго дарованія поэта, нѣкоторыя случайныя попытки покойнаго Полонскаго писать сатиры, по мнѣнію критика, оказались неудачными.

Выдѣливъ, такимъ образомъ, изъ своего изслѣдованія исключительно одну лирику поэта и только на ней сосредоточивъ свое вниманіе, критикъ, путемъ сопоставленія отдѣльныхъ лирическихъ пьесъ, приходитъ къ заключенію, что Полонскій, прежде всего, былъ пѣвцомъ весны и счастья, мира всего міра, единенія и любви между людьми. Рознь—вотъ постоянный и единственный врагъ этой симпатичной музы. Торжество лирики Полонскаго—это страстныя и пламенныя рѣчи противъ вражды, злобы и разъединенія.

Поэтъ сравнительно мало отдаетъ свое вниманіе началу зла въ мірѣ, какъ будто не вѣритъ въ него и считаетъ его чѣмъ-то случайнымъ и временнымъ. Даже къ смерти поэтъ относится въ высшей степени своеобразно. Она играетъ слишкомъ случайную роль въ его міровоззрѣніи. За этою жизнью сразу же другая жизнь, и мѣста для смерти почти не остается. Страницы, посвященныя изслѣдованію этого вопроса въ критическомъ этюдѣ г. Соколова, заслуживаютъ особаго вниманія.

Вообще, поклонники симпатичной музы покойнаго ветерана-поэта, который всю свою долгую жизнь стоялъ на стражѣ идеаловъ любви и правды, найдутъ въ г. Соколовѣ весьма умѣлаго, талантливаго и глубокаго коментатора, тѣмъ болѣе, что критикъ съ горячимъ сочувствіемъ отмѣчаетъ любимые и завѣтные мотивы лирики Полонскаго. Закончимъ свою замѣтку тѣми же словами, которыми г. Соколовъ заканчиваетъ свой критическій этюдъ:

Бездушенъ, кто не понимаетъ,
Насколько тотъ богатъ душой,
Кто дерзновенною рукой
Намъ перлы творчества бросаетъ.

С. Л—нъ.

Краткій историческій очеркъ Елисаветградскаго общества распространенія грамотности и ремеслъ. 1873—1898 г. П. З. Рябковъ. Елисаветградъ. 1899.

Въ минувшемъ году исполнилось двадцатипятилѣтіе дѣятельности названнаго общества, въ отчетѣ котораго, за первый годъ его существованія (1873—1874 г.), сказано: «Ощущаемый всѣми недостатокъ въ краѣ честныхъ и свѣдущихъ ремесленниковъ, грубое обращеніе съ дѣтьми, отдаваемыми на выучку въ разныя ремесленныя заведенія и магазины, нравственная порча, которой они подвергаются въ этихъ школахъ,— ясно указывали на насущную необходимостъ подобнаго общества».

Исторіи этого «общества» г. Рябковъ посвятилъ цѣлую брошюру, ярко рисующую умственную жизнь одной изъ нашихъ провинцій, весьма типичную и для прочихъ уголковъ нашего отечества. Слѣдя за подъемами и упадками дѣятельности столь гуманнаго общества, все-таки приходишь къ заключенію о слабомъ развитіи общественныхъ привычекъ въ провинціальной интеллигенціи и малой ея способности вести даже самое маленькое, ею же созданное, дѣло. Уставъ общества давалъ широкій просторъ для дѣятельности къ содѣйствію умственнаго и нравственнаго развитія ремесленнаго класса въ г. Елисаветградѣ.

Общество имѣло право открывать воскресныя школы для неграмотныхъ ремесленниковъ, учреждать для нихъ библіотеки, издавать руководства и книги о ремесленныхъ производствахъ и вообще книги, доступныя для народа по изложенію и цѣнѣ; учреждать ссудо-сберегательныя товарищества и устраивать артели ремесленниковъ и склады для нихъ съ матеріалами, а также склады для сбыта ихъ издѣлій, со взятіемъ для нихъ установленныхъ закономъ торговыхъ свидѣтельствъ, и, наконецъ, устраивать выставки ремесленныхъ издѣлій.

Тѣмъ не менѣе общество на первыхъ порахъ не оправдало надеждъ болѣе увлекающихся его учредителей: Н. Ф. Федоровскаго, А. Некрасовой, М. Лащенко, А. Резановой и др. Оно ограничилось однимъ училищемъ и совершенно забыло другую програмную сторону своего устава. По этому поводу г. Рябковъ говоритъ: «Разъ только въ 1875 году помощникомъ попечителя М. А. Лащенко дѣлается предложеніе открыть воскресную школу при ремесленно-грамотномъ училищѣ. Предложеніе это хотя и принимается совѣтомъ, но осуществленія не получаетъ и не доводится даже до общаго собранія. На все одинъ и тотъ же отвѣтъ: денегъ нѣтъ. Сознавая, какъ не надеженъ источникъ его доходовъ, исключительно составлявшихся изъ членскихъ взносовъ, случайныхъ пожертвованій и сборовъ отъ вечеровъ, спектаклей и проч., совѣтъ приходитъ къ убѣжденію, что самою лучшею и болѣе прочною гарантіею существованія училища можетъ и должно быть привлеченіе къ участію въ его судьбѣ земства и преимущественно города, такъ какъ въ училищѣ учатся исключительно дѣти бѣдныхъ горожанъ».

Но и городская дума, и елисаветградское земство отказываютъ обществу въ своемъ содѣйствіи. «Причины къ отказу, говоритъ г. Рябковъ, нужно искать въ самомъ составѣ думы, враждебно относившейся къ училищу и его попечительству. Послѣднее строго проводило идею: училище только для дѣтей хри-

стіанъ, чего дума не желала допустить и вслѣдствіе чего упорно отклоняла всякаго рода просьбы училища и общества, въ рядахъ котораго до 1878 года не было ни одного еврея».

Между тѣмъ дѣятельность общества съ каждымъ годомъ слабѣла. Въ 1876 году членовъ всего только насчитывается 21; взносовъ и пожертвованій поступаетъ все меньше и меньше, касса истощается, нечѣмъ платить жалованье учителямъ и мастерамъ; первымъ отказываютъ отъ занятій, ихъ замѣняютъ лицами, изъявившими желаніе заниматься съ дѣтьми даромъ, вторымъ отдаютъ мастерскія въ эксплоатацію: что выручите отъ нихъ, то и ваше. 1877 годъ еще болѣе пошатнулъ дѣла общества. Вслѣдъ за объявленіемъ русско-турецкой войны многіе его члены перешли въ Красный Крестъ, приливъ пожертвованій значительно сократился, вниманіе елисаветградской интеллигенціи къ обществу и училищу ослабѣло. Въ теченіе двухъ лѣтъ не созываются общія собранія даже для выбора должностныхъ лицъ; составъ совѣта, избранный еще въ 1873 году, остается тотъ же, попечительство тоже; несмотря на то, что г. Федоровскій въ 1876 году выѣхалъ въ Кіевъ, онъ продолжаетъ считаться попечителемъ училища и при посредствѣ госпожъ Некрасовой и Резановой управляетъ имъ. Предсѣдатель совѣта, называющій себя вице-президентомъ общества, повидимому, не живетъ въ городѣ и своей дѣятельности ни въ чемъ не проявляетъ.

Такъ печально заканчивается первое пятилѣтіе общества.

Съ окончательнымъ уходомъ Н. Федоровскаго изъ состава попечительства и съ избраніемъ новаго предсѣдателя, А. Н. Пашутина, начинается преобразованіе общества. По словамъ г. Рябкова, «на смѣну прежней барско-помѣщичьей партіи идетъ интеллигентный разночинецъ по преимуществу, которому расовые вопросы, повидимому, чужды, и онъ уже не дѣлаетъ различія между эллиномъ и іудеемъ, въ чемъ упрекали прежнихъ дѣятелей во главѣ съ г. Федоровскимъ. Первое же общее собраніе 17-го сентября 1878 года, отдавъ должное Н. Ф. Федоровскому, избравъ его единогласно въ почетные члены общества, въ значительной степени обновляетъ попечительство и совѣтъ, вводя въ его составъ еврея Цеткина. Выдвинувъ новыхъ дѣятелей, общество тѣмъ не менѣе не освободилось отъ старой закваски. На первыхъ же порахъ въ обновленномъ обществѣ происходитъ расколъ. Одни стоятъ за прерогативы училища, другіе— общества, признавая за послѣднимъ верховныя права надъ училищемъ».

Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ (съ 1878 г. по 1882 г.) дѣятельность общества совершенно замираетъ, и попечительство училища обходится безъ его содѣйствія. Но съ 1882 г. г. Рябковъ опять отмѣчаетъ оживленіе общества, особенно съ назначеніемъ попечителемъ ремесленно-грамотнаго училища В. В. Михайлова.

Симпатіи къ училищу и обществу возрастаютъ, и къ концу 1882 г. насчитывается уже до 50 дѣйствительныхъ членовъ, до 20 соревнователей и нѣсколько почетныхъ. Въ общее собраніе 1 декабря 1882 года является 43 человѣка, цифра никогда небывалая. Это первое собраніе послѣ 4 лѣтъ бездѣйствія общества.

Но, совершивъ свой обычный пятилѣтній циклъ, общество какъ бы изне-

могаетъ и само себя упраздняетъ. Въ 1886 и 1887 г.г. общихъ собраній вовсе нѣтъ. Въ общее собраніе 2-го іюля 1888 года является всего только 8 душъ; послѣднее собраніе созывается въ 1889 году, затѣмъ въ послѣдующія пять лѣтъ уже нѣтъ никакихъ собраній. Въ городѣ мало-по-малу начинаютъ забывать о существованіи общества распространенія грамотности и ремеслъ. Такъ продолжается до 1894 года.

«Это время,—говоритъ г. Рябковъ,—одна изъ мрачныхъ страничекъ въ его жизни, указывающая на невысокій общественный уровень тогдашней елисаветградской интеллигенціи, допустившей захирѣть обществу, единственно свѣтлому явленію на темномъ фонѣ провинціальной жизни. Тѣ самые люди, которые еще такъ недавно въ томъ же самомъ обществѣ ратовали и ломали перья за него, за его права, программу и проч., продолжая оставаться его членами и послѣ, позволили довести его до такого печальнаго состоянія. Не нашлось ни одного человѣка, ни одной живой души, которая приложила бы хотя малѣйшее усиліе къ тому, чтобы вдохнуть въ замиравшее общество немного жизни и не допустить его до гражданской смерти».

Но 1894 годомъ начинается какъ бы новый періодъ его исторіи, рѣзко отличающійся отъ предшествовавшаго времени.

Прежде всего общество уменьшило членскій взносъ съ 10 рублей на пять; затѣмъ улучшены и пополнены ученическая и учительская библіотеки. Открыта безплатная народная библіотека-читальня, дающая возможность въ городскомъ, а частью и подгороднемъ населеніи, расширять внѣшкольное образованіе путемъ широкаго распространенія хорошихъ книгъ. Въ настоящее время библіотека имѣетъ свыше 800 абонентовъ, берущихъ книги на домъ, не считая тѣхъ, которые посѣщаютъ читальню. Расходуя не много болѣе тысячи рублей ежегодно, она располагаетъ довольно цѣннымъ книжнымъ имуществомъ, постоянно увеличивающимся. Кромѣ того, библіотека имѣетъ уже небольшой капиталъ для постройки собственнаго зданія. Библіотекѣ принадлежитъ иниціатива поднятія вопроса объ открытіи общественной библіотеки въ Елисаветградѣ. Положено начало народному театру; изысканы новые источники доходовъ. Сдѣланъ опытъ приглашенія профессоровъ для прочтенія лекцій въ Елисаветградѣ. Поддерживаются сношенія съ другими обществами и учрежденіями, преслѣдующими тѣ же цѣли и задачи.

Такимъ образомъ, послѣднее пятилѣтіе дѣятельности общества самое прогрессивное за все время его исторіи, которую г. Рябковъ заканчиваетъ совершенно вѣрными словами: «Только при сочувствіи всей елисаветградской интеллигенціи и ея активной поддержкѣ и возможна была такая работа на пользу просвѣщенія народа. Нужно полагать, что это сочувствіе и это содѣйствіе не есть нѣчто скоропреходящее, что они и впослѣдствіи будутъ оказываемы обществу. Въ нихъ его сила и мощь».

«Очеркъ» г. Рябкова о дѣятельности елисаветградской интеллигенціи на пользу городскихъ ремесленниковъ богатъ яркими подробностями о томъ, съ какимъ трудомъ мѣстная интеллигенція развивалась въ этомъ направленіи, и какъ много нашлось препятствій въ ея собственной средѣ прежде, чѣмъ «общество распространенія грамотности и ремеслъ» окрѣпло. Трудъ его секретаря,

г. Рябкова, заслуживаетъ похвальнаго подражанія и въ другихъ аналогичныхъ провинціальныхъ обществахъ, не боящихся гласности о своей дѣятельности и исторіи. А. Фаресовъ.

Н. М. Коркуновъ. Сборникъ статей 1877—1897 г. Спб. 1898.

Бывшій профессоръ Петербургскаго университета, Н. М. Коркуновъ, выпустилъ солидный томъ своихъ научныхъ статей, помѣщенныхъ въ теченіе двадцати лѣтъ на страницахъ разныхъ спеціально-юридическихъ изданій и обнимающихъ собою четыре группы вопросовъ, относящихся до общихъ вопросовъ права, исторіи права, государственнаго и международнаго права. Н. М. Коркуновъ, создавъ нѣсколько цѣнныхъ для науки трудовъ, изъ коихъ особенное вниманіе привлекла къ себѣ его докторская диссертація «Указъ и законъ», успѣвалъ немало поработать въ журналахъ по своей спеціальности, и только лишь половина этихъ работъ включена въ настоящій сборникъ. Всѣ очерки (23), вошедшіе сюда и разработывающіе отмѣченныя выше группы, такъ или иначе пріурочены талантливымъ представителемъ юридической науки къ тѣмъ общественнымъ явленіямъ отечественной жизни, на которыя съ своей ученой каѳедры профессоръ считалъ долгомъ отзываться то среди слушателей-учениковъ, то въ ученыхъ собраніяхъ, то на благотворительныхъ лекціяхъ. Обладая прекраснымъ даромъ рѣчи, способностью ясно, образно и сжато излагать мысли, г. Коркуновъ рядомъ съ этими качествами, которыми блещутъ далеко не всѣ его собратья, вмѣщаетъ всегда въ содержаніе своихъ чтеній богатый матеріалъ, освѣщающій жизненный вопросъ, подлежащій въ данный моментъ обсужденію. Отсюда двоякое достоинство его работъ — ихъ отзывчивость на вопросъ дня и строгость научной постановки, гдѣ авторъ никогда не жертвуетъ своимъ амплуа ученаго ради прихотей и настроенія аудиторіи слушателей. Онъ не гоняется за красивымъ словечкомъ, за полемической задачей и либеральной модой; нѣтъ, онъ всѣми силами старается примирить жизнь и науку, никогда не поступаясь истинами послѣдней ради суетныхъ вопросовъ дня. Отсюда можетъ быть, проистекаетъ невозможность для него всегда угодить требованіямъ публицистической критики, которая, исходя именно изъ задачъ современности, изъ голоса дня, иногда беретъ перевѣсъ надъ нимъ въ симпатіяхъ толпы, ея шумныхъ рукоплесканіяхъ и ободреніяхъ. Отсюда же отсутствіе у г. Коркунова той популярности въ литературѣ, которою нѣкогда обладалъ его учитель—А. Д. Градовскій, а также тѣ эпигоны этого талантливаго представителя Петербургскаго университета, которымъ лишь счастливыя случайности помогли составить себѣ нѣкоторыя имена и дутую извѣстность. Можно отъ души пожалѣть объ уходѣ этого дѣйствительно талантливаго ученаго изъ университета, находя утѣшеніе лишь въ томъ, что въ настоящее время онъ значительно усилилъ свое сотрудничество въ журналахъ и газетахъ, гдѣ со свойственными ему знаніемъ и умѣньемъ продолжаетъ отзываться на злобы юридическаго характера въ ихъ научной постановкѣ.

Ученикъ П. Рѣдкина и главнымъ образомъ А. Градовскаго, онъ взялъ все лучшее у своихъучителей, и если не создалъ какой нибудь опредѣленной школы

то въ рядѣ талантливыхъ монографій сумѣлъ разработать немало живыхъ вопросовъ въ области теоретическаго изслѣдованія правовыхъ вопросовъ и живыхъ страницъ русской общественной и исторической дѣйствительности. Обращаясь къ выясненію значенія права, Н. М. Коркуновъ въ одной изъ своихъ статей говоритъ: «Упроченіе и развитіе правъ приводитъ къ тому, что вся масса разнообразныхъ интересовъ, составляющихъ содержаніе человѣческой жизни, получаетъ себѣ признаніе и взаимно разграничивается. Поэтому каждое индивидуальное стремленіе находитъ себѣ въ развитомъ правовомъ быту возможность извѣстнаго осуществленія на ряду съ другими. Благодаря праву, господствующіе культурные интересы данной эпохи не подавляютъ собою всѣхъ другихъ, а напротивъ, и имъ отмежевывается извѣстная сфера проявленія. Если бы права не было, данный культурный строй, быть можетъ, получилъ бы болѣе полное осуществленіе, его основныя начала проявились бы въ болѣе послѣдовательной и безусловной формѣ. Но за то право оберегаетъ элементъ будущаго прогрессивнаго развитія, спасая разнообразные индивидуальные интересы отъ поглощенія ихъ однимъ господствующимъ въ данный моментъ интересомъ. Итакъ право должно быть признано необходимымъ элементомъ общественной культуры. Культурное развитіе выражается въ расширеніи и усиленія общественнаго элемента: теоретическое и техническое знаніе, нравственные навыки, скопленіе капиталовъ, общественныя учрежденія, содѣйствующіе человѣку въ его разнообразной дѣятельности,—все это является общественнымъ достояніемъ, всѣмъ этимъ надѣляетъ человѣка окружающая его общественная среда. Но все это—только средство. Цѣль и основа жизни только въ индивидуальномъ. И вотъ для того, чтобы исторически вырабатываемая общественная культура не утратила своей жизненности, чтобы она не замерла въ неподвижномъ застоѣ, необходимо, чтобы цивилизація включала въ себѣ и право, обособляющее и оберегающее индивидуальное».

Для лицъ, занимающихся изученіемъ историческихъ судебъ Русской земли, особеннаго вниманія заслуживаютъ монографіи, помѣщенныя во 2-мъ отдѣлѣ, къ числу каковыхъ должны быть отнесены—«Время перваго учрежденія губерній», «Проектъ устройства сената Г. Р. Державина», «Проектъ судебнаго устройства М. А. Балугьянскаго», «Проектъ верховнаго совѣстнаго суда въ двадцатыхъ годахъ». Единственными также по своей сжатой дѣловитости должны быть признаны и біографическіе очерки П. Рѣдкина и А. Градовскаго, гдѣ авторъ съ любовью рисуетъ ученыя заслуги и значеніе въ русской наукѣ обоихъ своихъ наставниковъ. Нѣкоторыя работы г. Коркунова имѣютъ и практическое значеніе, какъ, напримѣръ, «Укорененіе иностранцевъ и прекращеніе подданства», «Тридцать пятая глава проекта уголовнаго уложенія», гдѣ идетъ рѣчь объ уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ, а также статья «Комитетъ министровъ и проектъ совѣта по земскимъ дѣламъ». Въ послѣдней своей работѣ онъ рекомендуетъ учрежденіе при комитетѣ особаго земскаго совѣта, на подобіе совѣтовъ желѣзнодорожныхъ и по тарифнымъ дѣламъ. Указавъ на составныя части этого совѣта, чины администраціи, земскихъ дѣятелей по выбору, онъ утверждаетъ, что послѣдній представлялъ бы всѣ условія для обстоятельнаго и всесторонняго обсужденія возникающихъ со-

мнѣній въ цѣлесообразности постановленій земскихъ собраній. Всѣ могущіе быть затронутыми при этомъ интересы имѣли бы въ немъ своихъ представителей, и, что̀ особенно важно, въ немъ были бы и люди, близко знакомые съ разнообразными мѣстными условіями различныхъ областей нашего отечества. Естественной склонности бюрократіи все подгонять подъ одинъ общій шаблонъ былъ бы этимъ созданъ должный противовѣсъ. Рѣшенія совѣта по земскимъ дѣламъ признавались бы окончательными, лишь подъ условіемъ согласія съ ними министра внутреннихъ дѣлъ и начальниковъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ, имѣющихъ въ немъ своихъ представителей. Въ противномъ случаѣ дѣло, переходило бы въ комитетъ министровъ». Б. Г.

Очерки современнаго офицерскаго быта. Соч. Н. Бутовскаго. Спб. 1899.

Это — очень интересная книжка, которую можетъ прочесть съ большимъ удовольствіемъ даже и не военный человѣкъ. Въ ней изображается бытъ офицеровъ въ различныхъ частяхъ войскъ—и въ гвардіи, и въ арміи,—и всѣ тѣ многоразличныя условія, которыя создаютъ этотъ бытъ, начиная отъ личнаго качества большинства офицерскаго общества въ полку и кончая вліяніемъ командира полка. Авторъ подробно говоритъ обо всемъ, что развиваетъ чувство порядочности въ офицерской сферѣ, придавая въ этомъ отношеніи особое значеніе офицерскимъ собраніямъ и ежегоднымъ товарищескимъ обѣдамъ—въ дни годовщинъ корпусовъ и военныхъ училищъ.

Попутно почтенный авторъ вводитъ читателя за кулисы этой, таинственной для непосвященныхъ, жизни офицеровъ полка и указываетъ на то громадное вліяніе, какое можетъ и долженъ имѣть на ихъ жизнь командиръ полка, ихъ старшій товарищъ и ближайшій начальникъ. Какъ примѣръ и доказательство добраго воспитательнаго вліянія командира отдѣльной части, приводится исторія общества офицеровъ одного пѣхотнаго (повидимому, армейскаго) полка, гдѣ все офицерство было такъ деморализовано, такъ кутило, картежничало и входило въ долги, что ему, кажется, не было уже и спасенія... И достаточно было лишь, чтобы командиромъ полка былъ назначенъ нѣкто Авиловъ,— и всѣ лихія бо́лѣсти офицеровъ исчезли безъ слѣда. Все было достигнуто умомъ, тактомъ, настойчивостью и знаніемъ дѣла, главное же, конечно, сердцевѣдѣніемъ, такъ что не пришлось прибѣгать ни къ «прошеніямъ объ отставкѣ», ни къ «судамъ чести», ни даже къ гауптвахтамъ...

Вторая часть книжки трактуетъ о «дисциплинѣ въ бытовомъ ея примѣненіи» и отличается не меньшимъ интересомъ. Тутъ уже предъ глазами читателя проходятъ совсѣмъ иные типы и характеры, получающіе свою некрасивую формацію опять-таки же въ полку: хорошій полкъ—и молодежь, поступающая въ него, получаетъ окраску истинной порядочности; полкъ распущенный, «бурбонскій»—и юный офицерикъ быстро портится въ немъ. Вотъ, напримѣръ, сынъ генерала К., «скромный, воспитанный и весьма способный юноша, вышелъ въ офицеры — и черезъ годъ нельзя было узнать его: съ какой-то трактирной манерой онъ опрокидываетъ рюмку за рюмкой; кряхтитъ и

даже кашляетъ не почеловѣчески; папиросы не вынимаетъ изо рта; сидитъ въ обществѣ развалившись, съ закинутой назадъ головой, насвистываетъ изъ оперетки и рисуется своей грубостью съ отцомъ. По вечерамъ, его все тянетъ куда-то, не хочетъ ни въ гости, ни въ оперу: мнѣ, говоритъ, надо маленькую рекогносцировку произвести... и т. д.

— Неужели ты такъ все время проводишь въ полку?—спрашиваетъ отецъ.

— А то какъ же? Что же мнѣ прикажете дѣлать—книжки или газеты читать? Нынче все вздоръ пишутъ,—отвѣчаетъ сынъ.

— Помилуй, какой же вздоръ?.. Наконецъ, у васъ есть библіотека...

— Удивительно интересно труху перечитывать! предоставляю это удовольствіе старымъ дѣвамъ... Наконецъ, ты знаешь, что я еще дома все интересное перечиталъ.

— Ну, а служба? Навѣрно же ты ею интересуешься? Безъ этого не стоитъ быть офицеромъ.

— Служба? Что ты называешь службой? Для господъ подпоручиковъ она главнымъ образомъ заключается въ обученіи новобранцевъ направо и налѣво ворочаться; ну, а это занятіе довольно скучное и, кромѣ того, у насъ есть большой мастеръ на эти дѣла—фельдфебель Ликсѣй Иванычъ.

— Какъ? а воспитаніе солдата?

— Охота тебѣ вѣрить всякому книжному вздору: это одинъ сентиментализмъ...

— Да неужели же ваше начальство примиряется съ такими взглядами, не принимаетъ никакихъ мѣръ?

— Начальство? Да когда же мы его видимъ? У насъ командиръ старенькій, на подъемъ тяжелъ, да и слѣповать при этомъ... Мы часто во время занятій сидимъ въ «собраніи», иногда даже въ карты играемъ, а если командиръ тронется по казармамъ, то намъ даютъ знать. Онъ всѣхъ находитъ на мѣстахъ, умиляется нашей исправной службой и даже благодарности въ приказахъ отдаетъ,—такой чудакъ!

Отецъ распущеннаго юноши пришелъ въ отчаяніе, поднялъ на ноги всѣхъ вліятельныхъ знакомыхъ и перевелъ сына въ другой, хорошо извѣстный ему полкъ. Черезъ какой нибудь мѣсяцъ молодого человѣка нельзя было узнать: сначала, онъ сталъ задумываться; его сразу ошеломило приличіе и порядочность общества, въ которое онъ вступилъ: деликатное обращеніе начальства, радушіе и вниманіе товарищей, акуратно отдавшихъ ему визиты и прочее,—и онъ сталъ все это сравнивать со своимъ положеніемъ въ прежнемъ полку, гдѣ его третировали, насмѣхались надъ его скромностью и наивностью до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не сталъ распущеннымъ человѣкомъ. Когда же ему пришлось въ этомъ новомъ полку заболѣть, и его, по заведенному обычаю, навѣстили не только товарищи, но и начальство, онъ былъ глубоко растроганъ и всей душой готовъ былъ слиться съ этимъ прекраснымъ и столь новымъ для него обществомъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ скромнымъ, симпатичнымъ. Куда дѣвались эти угловатыя манеры, этотъ пошлый тонъ... Даже по наружности точно красивѣе сталъ: лицо чистое, глаза ясные, жизнерадостные, стройная осанка, щеголеватость въ одеждѣ... Его такъ и тянуло въ полкъ, о которомъ

онъ иначе не говорилъ, какъ съ восторгомъ; о товарищахъ отзывался точно влюбленный. Сталъ педантично посѣщать занятія; иногда безъ чая убѣгалъ, чтобы явиться до прихода ротнаго командира, и нерѣдко приносилъ домой работы по вечерамъ: солдатскія диктовки, тактическія задачи, матеріалы для «сообщенія»; даже завелъ у себя маленькую военную библіотеку, подражая товарищамъ, интересующимся военною литературой...

«Вотъ какія чудеса — заключаетъ авторъ — можетъ дѣлать офицерское общество: оно можетъ возвысить человѣка и уронить, даже совсѣмъ погубить. Надо изслѣдовать причины подъема и упадка порядочности въ офицерскихъ обществахъ; это вопросъ огромной важности—вопросъ объ основаніяхъ, на которыхъ зиждется развитіе нашей арміи». И. Н. З.

Библіографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора Н. П. Смирнова. Палеографія. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и печати. Библіографія. Библіотеки, музеи и архивы. Книжная торговля. Спб. 1898.

Всякому, кто только возьметъ на себя нелегкій трудъ познакомиться съ объемистымъ каталогомъ г. Смирнова, невольно придетъ въ голову вопросъ: кому и зачѣмъ нужна эта книга? Быть можетъ, г. Смирновъ думаетъ, что его библіотека столь же замѣчательна, какъ и Императорская публичная, что въ ней много рѣдчайшихъ книгъ; но нѣтъ—г. Смирновъ, отмѣчая въ предисловіи неполноту своей библіотеки, говоритъ: «Настоящее изданіе, естественно, не можетъ претендовать на полноту, ибо въ него вошли только книги и статьи, имѣющіяся въ моей библіотекѣ, а потому я озаглавилъ его «Библіографическіе матеріалы»; но для возможнаго восполненія этого недостатка, въ каждомъ отдѣлѣ перечислены *извѣстныя* (курсивъ подлинника) мнѣ болѣе или менѣе важныя сочиненія, которыхъ нѣтъ въ моей библіотекѣ, и многія изъ нихъ описаны довольно подробно по экземплярамъ, которыми я пользовался въ Императ. публ. библіотекѣ». Эти строки не позволяютъ уже смотрѣть на «трудъ» г. Смирнова, какъ на каталогъ; нѣтъ, его книга пріобрѣтаетъ совсѣмъ иной интересъ: авторъ хочетъ дать болѣе или менѣе полные библіографическіе матеріалы. Мы, слѣдовательно, недостатки разбираемой книги не можемъ приписывать скудости и безпорядочности библіотеки г. Смирнова; мы должны предъявить иныя требованія къ его труду. Во всѣхъ библіографическихъ трудахъ вниманіе останавливается на двухъ пунктахъ: на характерѣ библіографическихъ указаній и на ихъ полнотѣ. Г. Смирновъ называетъ свой каталогъ описательнымъ: это — потому, что вслѣдъ за заглавіемъ книги приводится нѣсколько строкъ, такъ или иначе описывающихъ книгу. Кромѣ обычнаго библіографическаго описанія книги, состоящаго въ указаніи формата, числа страницъ и вообще внѣшняго вида, извѣстный смыслъ можетъ имѣть краткій перечень содержанія книгъ очень рѣдкихъ и потому малодоступныхъ; извѣстную пользу (для справокъ), пожалуй, принесутъ указанія содержанія въ книгахъ капитальныхъ. Но, во-первыхъ, собственно содержанія г. Смирновъ въ большинствѣ случаевъ не даетъ, и вотъ наудачу нѣсколько «описа-

ній». Выписываю буквально: «Славяно-русская палеографія И. И. Срезневскаго (Журн. Мин. Нар. Пр. 1884 г., №№ 2, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11 и 12) 269 стр. Этому труду Изм. Ив. посвятилъ много лѣтъ; въ немъ есть страницы, писанныя въ послѣдніе мѣсяцы его жизни. Описаніе памятниковъ доведено въ немъ до конца XIX в. Статья «Обзоръ матеріаловъ для изученія слав.-русск. палеографіи» составляетъ введеніе къ этому труду, здѣсь она вновь перепечатана. Впослѣдствіи авторъ сдѣлалъ въ своемъ трудѣ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, которыя и включены въ настоящее изданіе, сдѣланное съ рукописи безъ всякихъ измѣненій» (стр. 11). Изъ этого «описанія» нельзя даже понять, знаетъ ли г. Смирновъ объ отдѣльномъ изданіи книги Срезневскаго, или нѣтъ. «Списокъ статей и выдающихся замѣтокъ, помѣщенныхъ въ изданіяхъ кавказскихъ ученыхъ обществъ, разныхъ правительственныхъ учрежденій на Кавказѣ и въ газетахъ, издававшихся въ Закавказьи, за все время ихъ дѣятельности по 1891 г. (Кавказскій календарь на 1892 г.). Списокъ этотъ заключаетъ простой перечень изданій того или другого общества или учрежденія, съ переименованіемъ всѣхъ статей и выдающихся замѣтокъ, помѣщенныхъ въ тѣхъ изданіяхъ». Это описаніе не даетъ ничего новаго сравнительно съ заглавіемъ. Еще одно: «Свѣдѣнія о тюркахъ Енисейской губерніи. Н. Катановъ, 9 стр. Въ этомъ перечнѣ авторъ старался, главнымъ образомъ, указать источники, въ которыхъ имѣются свѣдѣнія, касающіяся тюрковъ Енисейской губерніи» (стр. 288). Два раза напечатано заглавіе. Г. Смирновъ вообще щедръ на описанія и поясненія. Любопытный читатель можетъ, напримѣръ, познакомиться на стр. 169, 425 съ изложеніемъ содержанія статей «Энциклопедич. словаря Брокгауза и Ефрона» (библіографія, библіотека), на стр. 601 узнать, что «по богатству антикварнаго матеріала книжная лавка В. И. Клочкова принадлежитъ къ числу лучшихъ въ Спб.». На стр. 606 можно прочитать, по поводу каталога книжной лавки Л. Ѳ. Мелина, о томъ, что «г. Смирновъ получилъ отъ Мелина еще одинъ неизданный номеръ его каталога; въ магазинѣ его большая коллекція иллюстрированныхъ изданій». На стр. 630 г. Смирновъ сообщаетъ, что «магазинъ Шибанова помѣщался сначала на старой площади на Ильинкѣ, а теперь на Петровкѣ въ Петровской линіи». Примѣровъ можно выписать изъ книги г. Смирнова безчисленное множество, но и приведенныхъ, я думаю, достаточно для того, чтобы составить понятіе объ «описательскихъ» пріемахъ автора.

Обратимъ теперь вниманіе на полноту указателя. Прежде всего, бросается въ глаза удивительная несистематичность и безпорядочность. Если бы г. Смирновъ далъ только каталогъ книгъ своей библіотеки, мы ничего не имѣли бы противъ его книги и, пожалуй, говорить бы не стали о ней; но авторъ вздумалъ перечислить всѣ *извѣстныя* ему болѣе или менѣе важныя сочиненія и статьи. Здѣсь прямо приходится удивляться малой освѣдомленности г. Смирнова. Беру примѣры совершенно случайно. На стр. 164 авторъ приводитъ названіе одной статьи Скабичевскаго по исторіи цензуры (Отеч. Зап., т. I. CCLXI, отд. 1, стр. 44) и ни словомъ не оговаривается объ извѣстной его книгѣ по исторіи цензуры. На 419 стр. г. Смирновъ указываетъ на соч. Чистовича о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и не приводитъ сочиненій Морозова и Самарина. Въ отдѣ-

лѣ «Указатели къ періодическимъ изданіямъ» мы встрѣтили пропускъ, напримѣръ, указателя къ «Историческому Вѣстнику». Среди книгъ, посвященныхъ «Слову о полку Игоревѣ», нѣтъ, напримѣръ, чисто библіографической работы Смирнова «Литература Слова о полку Игоревѣ». Въ отдѣлѣ «Журналистика» мы нашли указанія на книгу Весина и статьи Милютина и не нашли даже простого заглавія книгъ Пятковскаго, Колюпанова, Глинскаго и т. д. Не знаетъ г. Смирновъ и «Словаря русскихъ писательницъ» Руссова и т. д. Списокъ незнакомыхъ г. Смирнову книгъ можно было бы увеличить до почтенныхъ размѣровъ. Теперь спрашивается, кому и зачѣмъ нуженъ «трудъ» г. Смирнова? Диллетанту, конечно, онъ не интересенъ, а спеціалистъ не встрѣтитъ въ немъ ничего новаго, а «описанія» ему ни на что не нужны.

П. Щ—въ.

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ III. Нижній Новгородъ. 1898.

Матеріалъ, помѣщенный въ настоящемъ томѣ «Сборника», распредѣленъ по тремъ отдѣламъ: въ первый вошли статьи и рефераты членовъ комиссіи, во второй—описи архивныхъ дѣлъ, и въ третій—копіи съ отдѣльныхъ документовъ. Открывается отдѣлъ «статей и рефератовъ» небольшою статьею г. Г. І. Родзевича—«Очеркъ исторіи больницъ въ Нижнемъ Новгородѣ». Разсказывая эту «исторію» въ связи съ положеніемъ врачебнаго и больничнаго дѣла вообще на Руси, авторъ утверждаетъ, что первыя больницы въ Нижнемъ Новгородѣ были монастырскія—въ Благовѣщенскомъ и Печерскомъ монастыряхъ — существовавшія съ XVI в.; въ XVIII в. больницы и богадѣльни были открыты и при другихъ монастыряхъ. Во второй половинѣ того же вѣка архіерейскій домъ былъ обращенъ въ военный госпиталь и выстроенъ новый такой же госпиталь на пустопорожнемъ мѣстѣ, близъ Варварской рѣшетки. Что же касается «гражданскихъ» больницъ, то онѣ возникаютъ только съ 1810 г., и при этомъ довольно туго: черезъ 45 лѣтъ ихъ было всего лишь три. Въ 1894 г. ихъ имѣлось 14, съ 970 кроватями. Въ приложеніи къ своей статьѣ г. Родзевичъ напечаталъ «списокъ дѣлъ бывшаго Нижегородскаго приказа общественнаго призрѣнія по благотворительной части» (свѣдѣнія за время 1798—1856 г.).

Слѣдующая статья г. А. Можаровскаго—«Къ исторіи Нижегородской духовной семинаріи»—является дополненіемъ, сообщающимъ нѣкоторыя детали изъ начальной жизни семинаріи, съ выписками изъ документовъ и переписью состава ея въ 1766 г., къ подробной исторіи его же, печатавшейся въ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1894 и 1895 гг.

Далѣе идетъ изслѣдованіе г. В. К. Магницкаго—«Нѣчто о чувашахъ, татарахъ и мишаряхъ»,—основанное на подробномъ изученіи литературы предмета и сообщающее нѣкоторыя новыя положительныя свѣдѣнія. Такъ, авторъ утверждаетъ, что имя чувашей впервые встрѣчается въ нашихъ памятникахъ не въ 1524 г. (Карамзинъ) и въ 1551 г. (Сбоевъ), а въ 1548 г. — въ гра-

мотѣ, данной «казанскимъ татарамъ». Мѣстомъ жительства ихъ были, кромѣ извѣстныхъ доселѣ губерній: Казанской, Симбирской, Саратовской, Уфимской и Оренбургской,—еще Нижегородская и Вятская. Далѣе, по его словамъ, чуваши «до казанскаго взятья учились арабской грамотѣ, особенно въ лицѣ своихъ мурзъ»; и, наконецъ, онъ рядомъ сопоставленій и выписокъ доказываетъ, что «мишари» (или «мижеры») есть національное названіе мещеряковъ и мещеры, и потому они должны быть отдѣлены отъ татаръ.

Въ заключеніе отдѣла, послѣ маленькихъ замѣтокъ: А. В. Смирнова: «Плѣнные шведы въ Нижнемъ Новгородѣ (1710 — 1712)» и «О земляхъ кн. Д. М. Пожарскаго въ Клинскомъ уѣздѣ», помѣщена любопытная статья г. В. И. Снѣжневскаго, подъ заглавіемъ: «Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губерніи наканунѣ реформы 19-го февраля 1861 г. и первые годы послѣ нея». Основываясь, главнымъ образомъ, на данныхъ мѣстнаго историческаго архива, авторъ подробнѣе всего останавливается на 1857 — 1860 гг. Изъ его очерка видно, что крестьянское движеніе въ Нижегородской губерніи не имѣло остраго характера; незначительные случаи волненій и «бунтовъ» легко подавлялись простыми полицейскими мѣрами и даже одними внушеніями. За то нижегородскіе помѣщики явили собою примѣръ «жестокихъ» крѣпостниковъ и «тирановъ» и рѣдкихъ ретроградовъ во взглядѣ на крестьянскую реформу, что особенно сказалось въ дѣйствіяхъ нижегородскаго дворянскаго комитета объ улучшеніи и устройствѣ быта крестьянъ. Они даже подвергли обвиненіямъ и преслѣдованію главнаго виновника успѣшнаго проведенія реформъ въ губерніи, своего губернатора А. Н. Муравьева.

Во второй отдѣлъ книги вошли двѣ описи В. И. Снѣжневскаго: а) журналамъ нижегородскаго намѣстническаго правленія за 1781 — 1783 гг., и б) дѣламъ того же правленія за 1790—1799 гг., и одна В. Г. Короленко — дѣламъ балахинскаго городоваго магистрата. Изъ первой описи г. Снѣжневскаго видимъ, что въ дѣлахъ ея наиболѣе матеріаловъ о бѣглыхъ и о приказныхъ людяхъ. Во второй, въ качествѣ болѣе крупныхъ метеріаловъ, находимъ напечатанныя полностью: 1) опись церкви и церковнаго имущества въ с. Локатищахъ, принадлежащемъ кн. А. Н. Долгоруковой; 2) свѣдѣнія «о вновь учрежденныхъ городахъ» за 1796 г.; 3) предложеніе генералъ-губернатора кн. Вяземскаго по поводу замѣченныхъ имъ безпорядковъ во время объѣзда Нижегородской губерніи; 4) «Замѣчанія» бригадира Львова, какъ результатъ его «обозрѣнія городовъ и ревизіи присутственныхъ мѣстъ» въ 1796 г.; 5) свѣдѣнія о фабричной и заводской промышленности Нижняго Новгорода и другихъ городовъ губерніи за 1797 г. и 6) топографическое описаніе гг. Княгинина, Сергача и Починокъ, 1797 г., представленное въ сенатъ по поводу ихъ упраздненія.

«Какая-то благопріятная случайность,—говоритъ г. Короленко,—помогла избѣгнуть «архивѣ» балахнинскаго городоваго магистрата общей участи; передъ нами полное дѣлопроизводство за цѣлое столѣтіе, со всѣми его уже исчезнувшими характерными особенностями, историческими, бытовыми и мѣстными». Описаны или «обработаны» (по выраженію автора) имъ самимъ дѣла съ 1748 до 1776 г.; въ настоящій томъ вошла только часть этого опи-

санія, другая войдетъ въ слѣдующій томъ. Всѣ дѣла, относящіяся, главнымъ образомъ, до торгово-промышленнаго сословія, г. Короленко подраздѣляетъ на 12 главныхъ категорій: 1) о паспортахъ, объ увольненіи изъ сословія и принятіи въ сословіе; 2) о взысканіяхъ по векселямъ и заемнымъ письмамъ (болѣе всего дѣлъ); 3) о казенныхъ поставкахъ соли и провіанта и взысканіяхъ по нимъ; 4) объ отдачѣ въ зарабатываніе за частные и казенные долги; 5) по поводу соляныхъ варницъ и соляной продажи; 6) о раскольникахъ; 7) о побѣгахъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ (изобилуютъ бытовыми и географическими подробностями); 8) дѣла уголовныя; 9) о прелюбодѣяніяхъ; 10) о незаконныхъ промыслахъ; 11) о сказываніи слова и дѣла государева, и 12) смѣшанныя (изложены наиболѣе «типическія»).

Въ третьемъ отдѣлѣ находимъ: 1) списокъ съ правой грамоты, данной въ 1694 г. Александру Вешнякову на помѣстья измѣнника Асая Айбулатова (пособника Стеньки Разина) въ Керекскомъ и Кадомскомъ уѣздахъ; 2) грамоту 1698 г. арзамасскому воеводѣ И. К. Козлову о сосланныхъ въ Арзамасъ стрѣльцахъ; 3) отрывокъ изъ рядной записи попа Еремѣя съ прихожанами с. Сарги, 1690 г.; 4) сыскное дѣло арзамасской приказной избы 1698 г. о кражѣ денегъ и имущества у чернаго попа арзамасскаго Троицкаго монастыря Варсонофія; 5) грамоту балахнинскому стольнику и воеводѣ П. Ю. Козинскому объ отдачѣ на откупъ кружечныхъ дворовъ въ г. Балахнѣ и его уѣздѣ; 6) матеріалы о мѣрахъ правительства къ пресѣченію Пугачевскаго бунта въ 1774 г.; 7) два документа о чумѣ въ Нижегородской губерніи въ XVII ст., и 8) формулярный списокъ о службѣ В. И. Даля, составленный въ іюлѣ 1858 г. В. Р—въ.

Общественная жизнь Англіи. Изданіе І. Д. Трайля. Томъ IV. Отъ воцаренія Іакова до смерти Анны. Т. V. Отъ воцаренія Георга I до битвы при Ватерлоо. Москва. 1898.

Изданіе Трайля страдаетъ общимъ недостаткомъ коллективныхъ трудовъ—неравномѣрностью въ разработкѣ разныхъ отдѣловъ. 4-й томъ посвященъ бурной эпохѣ въ исторіи Англіи—англійской революціи, бывшей и политическою, и религіозною одновременно. Эта эпоха полна не только политическими вопросами, но въ особенности соціальными и экономическими. Въ изданіи Трайля «общественная жизнь», въ смыслѣ культурно-соціальныхъ отношеній, какъ разъ затронута довольно слабо. Въ этомъ томѣ представлены отдѣльныя статьи, относящіяся къ Стюартамъ и націи (1603—1642), гражданской войнѣ и республикѣ (1642—1660), періоду отъ реставраціи до революціи 1688 года. Послѣдняя глава охватываетъ время отъ 1689 до 1714 года. Каждая глава начинается съ политической исторіи періода, далѣе идутъ статьи о религіозной борьбѣ, воинской системѣ, торговлѣ, монетахъ, политическихъ теоріяхъ, развитіи промышленности, общественномъ здравіи, университетахъ, общественной жизни и т. д. Среди этихъ разнообразнѣйшихъ отдѣловъ пріютились статьи объ Ирландіи и Шотландіи. Нѣкоторыя статьи (о земледѣліи, промышленности, Шотландія, Ирландія) обработаны очень хорошо и въ достаточной степени

полно, но много вопросовъ совсѣмъ не освѣщено. Парламентская борьба, въ одномъ изъ лучшихъ отдѣловъ — политическомъ, все же представлена очень слабо. Авторъ (Гассаль) не дѣлаетъ никакого анализа «петиціи о правахъ», даже основныя ея требованія излагаетъ въ сокращенномъ видѣ. Характеръ англійской революціи мало выясненъ, и оставлена въ сторонѣ парламентская оппозиція въ лицѣ Пима. Такіе же пробѣлы и въ слѣдующихъ статьяхъ о политической исторіи, гдѣ Гассаль не разбираетъ слѣдствій второй революціи и не останавливается на «биллѣ о декларации правъ». Роль индепендентства тоже представлена слабо. Англійская политическая и философская литература, оказавшая громадное вліяніе на Францію и всю Европу, въ изданіи Трайля не занимаетъ должнаго мѣста (Локку отведено двѣ страницы). Замѣчательно живо написана статья, проходящая черезъ весь томъ,—«общественная жизнь» Батесона, гдѣ яркими красками нарисованъ важный и строгій пуританинъ. Есть интересныя страницы, посвященныя магіи, алхиміи, архитектурѣ и искусству этого періода, но все это носитъ отрывочный характеръ, а главное — сведено все въ одну линію, какъ мелочи, такъ и крупные вопросы.

Пятый томъ раздѣляется на четыре отдѣла: эпоха Вальполя (1714—1742), переходная эпоха, революція и реакція (1784—1802), борьба Англіи за существованіе (1802—1815). XVIII вѣкъ—время упроченія англійскаго «кабинета» и установленія въ Англіи «господства права». Въ экономическомъ отношеніи это время представляетъ изъ себя эпоху промышленной революціи. Въ книгѣ Трайля мы не найдемъ разбора эволюцій партій и парламентской эволюціи. Политической исторіи до 1742 года отведено 7 страницъ, исторіи законодательства 5 страницъ, но мы не найдемъ здѣсь вопроса о положеніи англійскихъ политическихъ партій, и не узнаемъ о значеніи министерства Вальполя въ развитіи англійскаго парламентаризма, не видимъ развитія принципа отвѣтственности министровъ предъ парламентомъ. Вообще, какъ хорошія, такъ и аномальныя явленія въ англійскомъ строѣ XVIII вѣка у Трайля не выяснены. Политическія теоріи и публицистика даже совсѣмъ отсутствуютъ, а литература занимаетъ очень скромное мѣсто. Въ своей статьѣ «Литература» Трайль посвящаетъ ровно одну строчку (393 стран.) извѣстной книгѣ Бёрка «Размышленія о французской революціи», а между тѣмъ это сочиненіе было настольной книгой даже для виговъ, и взглядъ Бёрка на революцію былъ усвоенъ англійскими правящими классами. Безъ знакомства съ этой книгой трудно разобраться въ происхожденіи англійской реакціи начала XIX вѣка. Трайль говоритъ лишь, что «это произведеніе вышло образцовымъ». Экономическому состоянію Англіи Трайль отводитъ довольно много мѣста, и это однѣ изъ лучшихъ страницъ тома. Хозяйственныя отношенія здѣсь представлены въ четырехъ статьяхъ—земледѣліе, промышленность, финансы и національная экономика. Редакторъ смѣло могъ бы сократить статьи по искусству, медицинѣ, которыя мало говорятъ. И въ этомъ томѣ очень любопытны страницы изъ «общественной жизни» Англіи, написанныя талантливо Батесономъ. К.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. подъ редакціей Э. Л. Радлова. Выпускъ I съ 35 политипажами. Выпускъ II съ 6 политип. Спб. 1898.

Авторъ этого труда не претендуетъ на оригинальность. Задачей его было представить возможно ясную картину развитія швейцарской національности. Картину онъ раздѣлилъ на пять частей. Порусски переведена первая часть, «героическій періодъ» (1291 — 1515 гг.). Второй періодъ охватываетъ эпоху реформаціи, третій—XVI и XVII вв., четвертый—XVIII в., и пятый—XIX в. Исторія Швейцаріи глубоко-поучительна и полна драматическихъ сценъ. Она представляетъ благодарный матеріалъ для изученія соціальныхъ явленій, вслѣдствіе своего удивительно сложнаго характера. Боевое время въ жизни Швейцаріи вѣка XIV — XVI, послѣ котораго она продолжаетъ мирно развиваться. Швейцарію Ванъ-Мюйденъ разсматриваетъ, не какъ агломератъ многихъ національностей, связанныхъ искусственнымъ союзомъ, а какъ націю, въ которой, если нѣтъ тождества языка и расы, то есть «общее наслѣдіе воспоминаній, интересовъ, учрежденій». Задача автора, разсматривая исторію Швейцаріи въ общихъ чертахъ, представить ея единство. «Разнообразіе въ единствѣ — вотъ оригинальная черта, общее стремленіе, характеризующее нашу національность»,—говоритъ онъ. Документовъ авторъ не имѣлъ въ рукахъ, но въ своемъ введеніи перечисляетъ главныя сочиненія, которыми пользовался. Первая часть его труда представляетъ собою введеніе, въ которомъ фигурируютъ предки швейцарскаго народа: гельветы, бургунды, алеманы, представлена борьба ихъ съ Римомъ, церковью, феодализмомъ и королями. Часть вторая начинается союзомъ вальдштедцевъ въ 1291 г. и оканчивается 1515 г., битвой при Мариньянѣ, представляя собою рядъ сценъ и описаній битвъ при Лоупенѣ, Земпахѣ, Нефольсѣ, Сенъ-Шакѣ, Гранзонѣ, Муртенѣ и Новарѣ. Исторія Швейцаріи очень тѣсно связана съ жизнью Европы, и автору, по необходимости, приходится серіозно считаться со всѣми крупными явленіями западно-европейской средневѣковой жизни: католицизмомъ, феодализмомъ и связанными съ ними вопросами. Для этого необходимо выдѣлить всѣ выдающіеся вопросы и уже разсматривать ихъ подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія. Къ сожалѣнію, Ванъ-Мюйденъ очень плохо справился съ обще-европейскими явленіями. Исторіи феодализма у него совсѣмъ нѣтъ, а общественный строй въ эпоху феодализма представленъ слабо. Въ одной главѣ онъ пытается дать и очеркъ развитія рыцарства, и состоянія церкви, и происхожденіе Габсбурговъ. Получается сухой перечень фактовъ изъ любого учебника. Мы не находимъ совсѣмъ исторіи коммунальнаго движенія, особенностей феодальнаго права, очень скудно знакомимся съ городскимъ устройствомъ среднихъ вѣковъ, съ аскетизмомъ и соціально-экономическими измѣненіями въ жизни Германіи. Да и вообще въ книгѣ Ванъ-Мюйдена на первомъ планѣ политическая исторія, а не соціальная, хотя о ней онъ говоритъ. Вся 2-я часть, называемый имъ «героическій періодъ», состоитъ изъ массы внѣшнихъ фактовъ, описанія войнъ и сраженій. Фактическій матеріалъ, видимо, подавляетъ автора, и онъ не можетъ разобраться въ немъ; оттого у него множество ме-

лочей, мало иллюстрирующихъ исторію Швейцаріи, но дѣлающихъ книгу его довольно скучной. Нельзя сказать, чтобы вышедшіе выпуски были старательно переведены: переводчикъ предпочелъ сохранить иногда слова въ совершенно непонятной для русскаго читателя формѣ, напримѣръ: «водомъ или метраль» (134 стр.), «контъ», Kaiser-Augst (18), Landsgemeinde (19) и т. п. цѣлый рядъ иностранныхъ названій на 301 стр. 2-го выпуска. Издана книга неважно: печать мелка, а бумага плоха. П. К.

А. Кириловъ. 1797—1897. Матеріалы для исторіи Владимірской губернской типографіи къ столѣтнему юбилею. Владиміръ-на-Клязьмѣ. 1898.

«Матеріалы» г. Кирилова представляютъ, въ сущности, исторію Владимірской губернской типографіи, которую онъ дѣлитъ на четыре періода: 1) состояніе типографіи при ея основателѣ прапорщикѣ Матвѣѣ Петровичѣ Пономаревѣ (къ сожалѣнію, объ этомъ образованномъ и просвѣщенномъ человѣкѣ нѣтъ біографическихъ свѣдѣній), въ 1797 — 1802 г.; 2) со времени перехода ея въ полное завѣдываніе губернскаго правленія до изданія губернскихъ вѣдомостей (1837 г.); 3) до 1867 г. и 4) до современнаго ея состоянія. При изложеніи перваго періода онъ приводитъ перечень представленныхъ къ разрѣшенію губернской цензуры и напечатанныхъ М. П. Пономаревымъ книгъ. Послѣ Пономарева типографія влачила жалкое существованіе: въ ней не было многихъ необходимыхъ матеріаловъ, машинъ; а недостатокъ въ шрифтѣ и опытныхъ работникахъ часто заставлялъ останавливаться на продожительное время даже при печатаніи казенныхъ бланковъ. Съ конца 1860 г. она стала улучшаться, но въ это время пришлось выдерживать борьбу съ частными типографіями, что также тяжело отзывалось на ея производительности, и только съ 1894 г., при усиленіи денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ на нее, получила надлежащее развитіе.

Любопытны, между прочимъ, сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія, на основаніи архивныхъ данныхъ, о распространеніи въ первые два года «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Распространеніе это шло изъ губернскаго правленія, чрезъ посредство становыхъ и исправниковъ, которымъ «строго внушалось озаботиться приглашеніемъ подписчиковъ на вѣдомости». Но, несмотря на строгости и «усердіе» распространителей, изъ частныхъ лицъ всей губерніи подписалось 13 человѣкъ только на «неофиціальную часть». Нѣкоторыя присутственныя мѣста отказывались даже отъ полученія обязательной офиціальной части. Интересно, что даже губернскія правленія другихъ губерній не находили «нужнымъ» и «возможнымъ» обмѣниваться съ Владимірскимъ правленіемъ неофиціальной частью.

Книжка г. Кирилова имѣетъ несомнѣнное значеніе и вообще для исторіи типографскаго дѣла на Руси; можно только пожелать, чтобы подобнаго рода изданія были болѣе частыми явленіями.

В. Р—въ.

Н. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства. Спб. 1898.

Книга г. Павлова-Сильванскаго даетъ сводъ исторіи дворянскаго сословія ex origine, кончая временемъ Петра Великаго. Свое изслѣдованіе авторъ дѣлитъ на четыре части. Въ первой онъ разсматриваетъ зарожденіе дворянскаго класса, первоначальныя его формы—боярство кіевскаго и удѣльнаго времени. Во второй части—исторія образованія класса служилыхъ людей въ XV—XVI вѣкахъ. Здѣсь обстоятельно разобраны вопросы о вольныхъ слугахъ князей, о служебныхъ князьяхъ, о мѣстничествѣ. Третья часть рисуетъ положеніе служилыхъ людей въ XVII вѣкѣ и, наконецъ, четвертая даетъ очеркъ шляхетства въ царствованіе Петра Великаго.

Исторія дворянства уже давно, конечно, служитъ предметомъ спеціальныхъ изысканій ученыхъ; не разъ эта исторія въ цѣломъ дѣлалась предметомъ особыхъ трудовъ, научныхъ и ненаучныхъ. Одни изъ авторовъ плохо компилировали, не имѣя даже достаточныхъ знаній; другіе выдавали эту исторію, какъ плодъ самостоятельныхъ изученій въ области источниковъ. Въ книгѣ г. Павлова-Сильванскаго вы не найдете самостоятельныхъ изысканій по источникамъ; трудъ г. Павлова-Сильванскаго есть только сводъ данныхъ, изложенный, нужно замѣтить, весьма догматически. Но никакъ не нужно смѣшивать его изслѣдованія съ бездарными компиляціями. Авторъ, очевидно, прекрасный знатокъ своего дѣла, подвергъ своему изученію обширную литературу по вопросамъ исторіи служилаго класса, не упустивъ изъ виду ни одной видной статьи и введя въ свое изложеніе данныя, добытыя въ самое послѣднее время. Если принять во вниманіе обширность литературы предмета, если вспомнить, что въ исторіи дворянскаго класса и по сіе время найдется немало нерѣшенныхъ вопросовъ, немало спорныхъ пунктовъ, то мы должны признать, что авторъ исторіи этого класса не можетъ оставаться безотвѣтнымъ компиляторомъ. Г. Павловъ-Сильванскій, стоя на уровнѣ требованій современной исторической науки, очень умѣло справляется съ этими спорными мѣстами, выбирая для своего изложенія все, наиболѣе отвѣчающее современнымъ историческимъ знаніямъ. Мы сказали уже, что работа автора отличается догматичностью изложенія; но догматичность эта не является обременительной для читателя, такъ какъ въ примѣчаніяхъ, слѣдующихъ за текстомъ, авторъ, сообщая разнообразныя рѣшенія того или другого вопроса, передавая многочисленные взгляды на то или другое явленіе, подробно мотивируетъ, почему въ текстѣ онъ остановился на извѣстномъ рѣшеніи или выбралъ извѣстный взглядъ.

Нѣкоторымъ, чисто внѣшнимъ, недостаткомъ книги является сухость изложенія. Во всякомъ случаѣ, неспеціалистамъ, желающимъ изъ тѣхъ или другихъ видовъ познакомиться съ исторіей дворянскаго сословія, собственно съ исторіей его происхожденія, можно смѣло рекомендовать книгу г. Павлова-Сильванскаго, какъ вполнѣ надежное пособіе. Какъ систематизація данныхъ, отвѣчающая современному положенію науки, разбираемый трудъ принесетъ извѣстную пользу и спеціалистамъ, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые работаютъ въ другихъ областяхъ русской исторіи. Пещ.

Рукописная повѣсть о видѣніи Косьмы игумена. 1688 года. Составилъ и издалъ И. Голышевъ. Съ 20 таблицами раскрашенныхъ рисунковъ. Голышевка, близъ с. Мстеры, Владимірской губ., Вязниковскаго уѣзда. 1898.

Эта книга составляетъ посмертное изданіе извѣстнаго труженика науки И. А. Голышева. Повѣсть о видѣніи игумена Косьмы является какъ бы дополненіемъ къ изданнымъ имъ раньше рукописнымъ синодикамъ XVII вѣка. Содержаніемъ ея служитъ лицевая повѣсть—о видѣніи загробной жизни игумена Косьмы. Впавъ «въ изступленіе» во время тяжкой и продолжительной болѣзни, игуменъ одного изъ виѳинскихъ монастырей, по имени Косьма, перенесенъ былъ въ загробный міръ и удостоился видѣть какъ блаженное состояніе праведниковъ, такъ и мученія грѣшниковъ. Сопровождаемый апостолами Андреемъ и Іоанномъ игуменъ Косьма попалъ «въ красный градъ Елеонъ» и въ царскіе чертоги, гдѣ уготована была «трапеза» для праведниковъ, видѣлъ Авраама и лоно его и тьмы праведниковъ «паче песка морского». Тѣ же апостолы показали Косьмѣ и «езера мукъ», гдѣ претерпѣваютъ различныя мученія грѣшники. Придя въ себя, и возвращенный снова къ жизни, Косьма собралъ всю братію монастыря и «потонку» разсказалъ ей, чему онъ былъ свидѣтелемъ.

Повѣсть эта, бывшая ранѣе въ скитскомъ патерикѣ, попала затѣмъ въ составъ славяно-русскаго пролога и сдѣлалась любимой «народной» повѣстью, такъ какъ отвѣчала на самые жизненные вопросы, всегда глубоко интересовавшіе благочестиваго «книжника»,—вопросы о загробной жизни,—переписывалась много разъ составителями назидательныхъ сборниковъ для чтенія и, наконецъ, украсилась рисунками.

Въ настоящемъ изданіи весьма цѣнны миніатюры, украшающія и изъясняющія текстъ. Онѣ носятъ на себѣ печать народности и живыя черты русскаго быта конца XVII вѣка. Грады, палаты, сѣни, чертоги, трапеза и всѣ предметы утвари живо рисуютъ намъ конецъ XVII вѣка въ безъискусственныхъ народныхъ формахъ. Обычное во всѣхъ изданіяхъ И. А. Голышева художественное чутье и умѣнье среди многихъ древне-русскихъ памятниковъ искусства выбрать наиболѣе характерное чисто народное сказывается и въ этомъ новомъ изданіи.

Предисловіе съ оцѣнкою текста составлено В. Т. Георгіевскимъ, имъ же и самый текстъ повѣсти тщательно свѣренъ съ однородными рукописями Императорской Публичной библіотеки и общества древне-русской письменности, согласно волѣ покойнаго Голышева, не успѣвшаго сдѣлать этого по болѣзни. Весьма умѣстно къ этому послѣднему изданію И. А. Голышева приложенъ его большой фототипическій портретъ, а также краткая біографія покойнаго, составленная тѣмъ же г. Георгіевскимъ. Книга издана весьма хорошо на средства вдовы Е. И. Голышевой, за что русская археологическая наука должна принести ей глубокую благодарность: у насъ чаще случается, что по смерти ученыхъ ихъ неизданные труды безслѣдно погибаютъ, а библіотеки ихъ продаются на пуды букинистамъ. В—окій.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. Выпускъ III-й. Москва. 1899.

Мы уже указывали (январь, 1898 г.) на главный недостатокъ «Книги для чтенія»—неравномѣрность въ распредѣленіи и обработкѣ матеріала, а также на нѣкоторую недоступность статей для учениковъ. Вновь вышедшій 3-й выпускъ страдаетъ тѣми же недостатками. Здѣсь помѣщены 22 статьи, изъ которыхъ 11 относятся къ исторіи славянскихъ народностей. Сдѣлано это 1) согласно условію, поставленному соискателямъ преміи Петра Великаго, и 2) изъ желанія помочь читателю при знакомствѣ съ исторіей славянскихъ народовъ. Къ сожалѣнію, именно статьи по славянскому вопросу не отличаются достоинствомъ, а нѣкоторые вопросы изложены не полнѣе, чѣмъ въ прекрасномъ учебникѣ того же проф. Виноградова. «Законнику» Душана отведено 2 страницы, почти столько же «Золотой буллѣ», хотя о Карлѣ IV писалъ чешскій ученый В. Новотный. Лучшими являются статьи, посвященныя исторіи Англіи, а первое мѣсто занимаетъ отлично написанная, по первоисточникамъ, статья Д. Петрушевскаго «Возстаніе Уота Тайлера», стоившее болѣе 7 тысячъ человѣческихъ жертвъ. Въ этомъ выпускѣ соединены статьи по исторіи образованія государствъ Западной Европы. Составитель имѣлъ въ виду здѣсь Францію, Англію и Германію, такъ какъ въ нихъ ярче всего выразились всѣ характерныя особенности средневѣковой жизни. Въ первой же статьѣ (Завоеваніе Англіи норманнами) авторъ вводитъ читателя въ своеобразныя черты англійскаго феодализма, обусловленнаго до нѣкоторой степени нормандскимъ завоеваніемъ. Слѣдующая статья посвящена исторіи и происхожденію парламента въ Англіи, при чемъ авторъ ея начинаетъ свое изложеніе съ политическихъ учрежденій саксонской эпохи, вполнѣ достаточно знакомитъ читателя съ Великой Хартіей Вольностей, опредѣляетъ ея значеніе, какъ основу свободы Англіи, излагаетъ исторію «бѣшенаго» парламента и переходитъ къ парламенту 1265 г. Исторіи Франціи посвящены четыре статьи: «Филиппъ II, Августъ», «Генеральные штаты во Франціи въ половинѣ XIV вѣка», «Людовикъ XI» и «Жанна д'Аркъ». Флорентинская жизнь, а въ связи съ нею гуманистическое настроеніе изложены въ статьѣ: «Господство Медичи во Флоренціи». Здѣсь авторъ, послѣ разсмотрѣнія внутренняго состоянія Флоренціи, ея промышленности, торговыхъ классовъ, знакомитъ насъ съ дѣятельностью Козимо Медичи, меценатствомъ и поэзіей Лоренцо. Напрасно только авторъ называетъ Данте «первымъ человѣкомъ новаго времени». Правда, онъ былъ поэтомъ новаго времени, но по своему міросозерцанію былъ совершенно средневѣковымъ человѣкомъ. «Первымъ» человѣкомъ новаго времени былъ Петрарка. Изъ остальныхъ статей особенный интересъ представляютъ статьи Г. Любавскаго по исторіи Польши, гдѣ выдвинута на первый планъ культурная исторія: «Нѣмецкая колонизація и новое сельское и городское устройство въ Польшѣ», «Польскій король Казиміръ Великій», «Нешавскіе статуты Казимира Ягеллончика, ихъ мѣсто и значеніе въ исторіи государственнаго развитія Польши». Такіе сборники не вполнѣ удовлетворяютъ читателя именно потому, что многіе вопросы оставлены

безъ вниманія. Что даетъ статья г. Лаврова о «Коссовской битвѣ»?—пересказъ пѣсенъ изъ сборника Караджича. Лучше было бы напечатать самыя пѣсни, хотя и это, въ сущности, не такъ важно. Если для соисканія преміи Петра Великаго составителямъ пришлось обратить особенное вниманіе на исторію славянъ, то все же желательно было бы имѣть доступныя статьи, касающіяся культурной стороны жизни Западной Европы. К.

А. Фаресовъ. Народники и марксисты. Спб. 1899.

Небольшая брошюра г. Фаресова будетъ прочитана съ большимъ интересомъ всѣми, кто только слѣдилъ или слѣдитъ и понынѣ за несмолкающей и на страницахъ повременныхъ изданій и въ ученыхъ обществахъ борьбою нашихъ марксистовъ и народниковъ. Въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» предлагается также статья, посвященная этой борьбѣ, и брошюра г. Фаресова какъ нельзя лучше является на свѣтъ, чтобъ рекомендовать нашимъ читателямъ выдающагося дѣятеля «живого народничества», о коемъ вообще предварительно они узнаютъ изъ очерка г. Оболенскаго. Типомъ этого живого народничества является извѣстный организаторъ крестьянскихъ артелей въ Херсонской губерніи, Н. В. Левитскій, біографію и характеристику котораго и даетъ авторъ брошюры. Для своихъ цѣлей характеристики г. Фаресовъ пользуется главнымъ образомъ бесѣдами съ организаторомъ артелей, гдѣ послѣдній въ рядѣ разговоровъ съ авторомъ выкладываетъ свое profession de foi, свое отношеніе къ современному марксизму, возраженія послѣднему, повѣствуетъ исторію артелей, въ связи съ фактами личной жизни, разъясняетъ ихъ значеніе и намѣчаетъ ихъ будущее. Рядомъ съ такого рода пользованіемъ непосредственнымъ живымъ матеріаломъ г. Фаресовъ почерпаетъ немало цитатъ изъ докладовъ энергичнаго иниціатора артелей и его отчетовъ по организаціи ихъ. Благодаря такой постановкѣ дѣла, портретъ, нарисованный Фаресовымъ, вышелъ живымъ, съ плотью и кровью, и публика получила возможность обстоятельно ознакомиться съ дѣйствительно вполнѣ заслуженнымъ, въ высшей степени симпатичнымъ общественнымъ дѣятелемъ, упорно идущимъ къ опредѣленной цѣли и являющимся истиннымъ печальникомъ народа. Левитскій весь проникнутъ мыслью о народѣ, и благо и счастье послѣдняго есть единый импульсъ всей его широкой практической дѣятельности. Такими людьми наше общество не богато, и они являются отрадными исключеніями въ общей массѣ застоя, спячки и узкаго доктринерства, благодаря которымъ въ русской жизни постоянно чувствуется какая-то неурядица и безтолковость, при наличности коихъ для народа ближайшимъ образомъ ничего не дѣлается, и послѣдній совершенно лишенъ дѣйствительно необходимыхъ ему и полезныхъ учителей и радѣтелей. Левитскій, напротивъ, близокъ къ народу, знаетъ его, знаетъ его нужды и запросы, почему, обладая вдобавокъ недюжинными организаторскими способностями, есть именно тотъ живой человѣкъ, который особенно нуженъ въ настоящемъ, и примѣръ дѣятельности котораго долженъ вызвать послѣдователей и подражателей. Смѣемъ надѣяться, что такіе и найдутся, по прочтеніи интересной и прекрасно составленной брошюры г. Фаресова, которую и позволительно

рекомендовать въ этихъ видахъ и нашей молодежи и тѣмъ читателямъ изъ землевладѣльческаго класса, у которыхъ есть желаніе и возможность поработать на народъ. Гл.

А. Лященко. Къ исторіи русскаго романа. Публицистическій элементъ въ романахъ Ѳ. А. Эмина. Спб. 1898.

Небольшой, но очень цѣнный этюдъ г. Лященки, заглавіе котораго мы привели выше, посвященъ разсмотрѣнію романовъ небезъизвѣстнаго въ свое время писателя Ѳедора Эмина. Романы эти интересны въ томъ отношеніи, что въ нихъ замѣчается уже стремленіе къ реализму, что герои этихъ романовъ стараются быть похожими на живыхъ людей и, по крайней мѣрѣ, интересуются злободневными вопросами. Г. Лященко, имѣвшій терпѣніе прочесть всѣ романы этого писателя, выдѣлилъ цѣлый рядъ чисто публицистическихъ вопросовъ, которыми интересовался Эминъ. Подобно другимъ сатирикамъ своего времени, Эминъ порицаетъ обычай поручать воспитаніе юношества полуобразованнымъ иностранцамъ, часто даетъ цѣлыя программы государственнаго устройства, останавливается на жгучемъ вопросѣ того времени о положеніи крестьянъ и т. п. Публицистическій элементъ, замѣчающійся въ романахъ Эмина, выдѣляетъ его изъ толпы романистовъ XVIII вѣка, писавшихъ сказки съ самыми невѣроятными «приключеніями», не имѣвшія никакого отношенія къ дѣйствительной жизни. Повидимому, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ настоящей книжки, г. Лященко работаетъ надъ исторіей нашего романа, предполагая разсмотрѣть смѣну романа «съ приключеніями» романомъ «семейнымъ», выяснить вліяніе переводнаго романа на первыя попытки оригинальнаго творчества въ этомъ родѣ и т. п. Работа эта, конечно, потребуетъ немало самаго кропотливаго труда, но за то дастъ, несомнѣнно, интересные результаты, и нельзя не пожелать, чтобы г. Лященкѣ удалось выполнить ее по возможности скорѣе.

В. Б.

Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1897 годъ. М. 1898.

Въ теченіе 1897 года музеи обогатились многими весьма цѣнными пріобрѣтеніями. Въ музеи передана модель кремлевскаго дворца, проектированнаго въ 1773 году архитекторомъ В. И. Баженовымъ, хранившаяся ранѣе въ московской оружейной палатѣ. Извѣстный собиратель Д. А. Ровинскій послѣ смерти своей оставилъ музею часть своего собранія, именно: 1) собраніе русскихъ портретовъ и русскихъ гравюръ, и 2) собраніе русскихъ народныхъ лубочныхъ картинокъ. Н. И. Стояновскій съ 1897 года началъ передавать въ музеи офиціальныя изданія, записки и служебныя бумаги. Это пожертвованіе составляетъ важный источникъ для исторіи «эпохи реформъ». Это—наиболѣе крупныя пріобрѣтенія музея. Затѣмъ отчетъ перечисляетъ болѣе мелкія поступленія въ музеи. Рукописи описываются довольно подробно. Изъ цифръ, приведенныхъ въ отчетѣ, видно, что музеи привлекаютъ къ себѣ съ каждымъ годомъ все большее и большее число посѣтителей, наибольшій процентъ па-

даетъ, конечно, на учащихся. Коллекціями музеевъ пользовались ученые, и появились уже нѣкоторые труды, основанные на изученіи этихъ коллекцій. Стараясь ближе знакомить съ собой публику, музей устраивалъ выставки своихъ сокровищъ. Въ отчетномъ году имѣла большой успѣхъ выставка эскизовъ А. Иванова. Щ.

Іезуиты, ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность, въ средѣ общественной жизни, политики и религіи. Составилъ Ж. Губеръ. Спб. 1899.

Очень пріятно отмѣтить появленіе въ русскомъ переводѣ этого небольшого (320 стр.), но талантливо написаннаго, съ настроеніемъ, труда извѣстнаго профессора Мюнхенскаго университета Губера. Онъ даетъ полную картину исторіи іезуитскаго ордена, убившаго всякую жизнь въ католической церкви, подорвавшаго самыя глубокія основы ея и ворочавшаго судьбами всего цивилизованнаго міра. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книжки Губеръ негодующе отзывается объ іезуитахъ и высказываетъ свой взглядъ на римскую церковь: «Подобно самой римской церкви, и іезуитскій орденъ идетъ къ медленной смерти. Оба учрежденія, въ своемъ логическомъ развитіи, сдѣлались темницей для человѣческаго разума. Человѣчество освободится отъ римской церкви и отъ іезуитскаго ордена, несмотря на ихъ кажущуюся прочность и непоколебимость» (29 стр.). Въ другомъ мѣстѣ (111 стр.) авторъ прямо говоритъ, что господство іезуитовъ могло основаться лишь на разлагающемся трупѣ народовъ. Эта точка зрѣнія освѣщаетъ весь его трудъ, и онъ подкрѣпляетъ ее множествомъ интереснѣйшихъ примѣровъ дѣятельности іезуитовъ въ различныхъ странахъ и въ разнообразныхъ сферахъ жизни. Куда бы ни проникалъ духъ іезуитовъ—начинался застой, чувствовалось разложеніе. Это видно изъ вліянія іезуитскаго ордена на университеты, изъ отношенія іезуитовъ къ богословію и наукѣ. Ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ они, какъ доказываетъ авторъ, не создали ничего замѣчательнаго. «Іезуиты, — говоритъ онъ, — были положительно неспособны писать историческіе трактаты, проникнутые любовью къ истинѣ» (233 стр.). Когда имъ приходилось разсказывать о столкновеніи между католическими государствами, они ловко лавировали, чтобы не оскорбить ни одного изъ нихъ. Суевѣрія іезуитовъ, процессіи, всевозможныя поддѣлки — все это очень живо изображено Губеромъ. Говоря о культѣ Богородицы, Губеръ сообщаетъ и о послѣднихъ доктринахъ іезуитскихъ патеровъ очень любопытные курьезы. Такъ, Освальдъ, проф. богословія въ Падерборнѣ, недавно преподавалъ, что духовныя лица получаютъ въ Евхаристіи не только тѣло Христово, но и тѣло и молоко Дѣвы Маріи, а Малу, епископъ брюггскій, поучаетъ, что Марія носитъ тройную діадему, потому что Она Дочь Отца, Мать Сына и Невѣста Св. Духа. Много интересныхъ страницъ найдетъ читатель при описаніи интимной жизни іезуитовъ, ихъ забавъ и провожденіи времени. Написана книга легко и переведена хорошо.

П. К—ій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

О французскихъ византинистахъ.—Интеллектуальная исторія Сициліи.—Титанъ французской революціи.— Наполеонъ подъ Тулономъ.— Армянская легенда о Наполеонѣ Бонапартѣ.— Эпизодъ изъ временъ берлинской революціи 1848 г.— Донесеніе Лотара Бухера о Лассалѣ.—Изъ записокъ американскаго генерала.— Французы въ Портъ-Артурѣ.—Конгрессъ исторіи религій—Смерть Эркмана и Бамбергера.

ФРАНЦУЗСКИХЪ византинистахъ. Въ «Revue Encyclopédique» появилась статья византолога Шарля Диля, посвященная вопросу о занятіяхъ византологіею во Франціи [1]). Авторъ справедливо указываетъ на то, что заниматься Византіею, изучать ея прошлое научнымъ образомъ, стали впервые во Франціи, въ которой ровно два съ половиной вѣка тому назадъ въ королевской типографіи въ Луврѣ отпечатанъ былъ первый томъ перваго сборника византійскихъ историковъ. Великіе труды Дюканжа по розысканію византійскихъ историковъ, изученію средневѣковаго греческаго языка, древностей Константинополя и т. п., ознаменовали XVII вѣкъ во французской наукѣ. Въ это время такъ великъ былъ интересъ къ византологіи во Франціи, что Кузэнъ могъ перевести на французскій языкъ нѣсколько византійскихъ лѣтописцевъ, Мэнбуръ написалъ книгу объ иконоборствѣ, и еще въ началѣ слѣдующаго, XVIII вѣка, Бандури могъ издать свой трудъ по исторіи восточной имперіи и византійской нумизматики, а Лекьенъ (Лекень) написать свой грандіозный трудъ по церковной

[1]) Charles Diehl, «Les études byzantines en France» («Rev. Encycl.», 11 mars 1899).

исторіи «Oriens christianus». Однако, съ половины XVIII вѣка интересъ къ Византіи вдругъ ослабъ во Франціи. Вольтеръ видѣлъ въ исторіи Византіи лишь смѣну фактовъ «ужасающихъ и отвратительныхъ», а для Монтескье вся исторія восточной имперіи казалась лишь исторіею упадка римскаго государства. За вторую половину XVIII вѣка Диль не въ состояніи назвать ни одного значительнаго труда на французскомъ языкѣ по византологіи, а за первыя шесть или семь десятилѣтій XIX вѣка лишь очень немногіе, между тѣмъ какъ въ это же самое время въ Россіи, Англіи и Германіи занятія Византіею успѣли стать очень высоко. Новая эпоха для французскихъ византинистовъ настала съ 1868 года, со времени основанія такъ называемой «École des hautes études» и выхода изслѣдованія Леже о Кириллѣ и Меѳодіи. Первымъ крупнымъ трудомъ этого новаго періода въ изученіи Византіи явился «Константинъ Багрянородный» А. Рамбо, изданный въ 1870 году; это, по словамъ Диля, «наиболѣе уясняющая и наиболѣе понятливая книга, которая въ наши дни написана во Франціи о Византіи». Перечисливъ и остальные труды Рамбо по исторіи Византіи, Диль выражаетъ сожалѣніе, что въ настоящее время труды этого ученаго, который могъ бы быть наиболѣе выдающимся изъ историковъ греческой имперіи, получили иное направленіе: онъ сталъ изучать исторію Россіи. Примѣръ Рамбо оказалъ, однако, свое дѣйствіе. Появился рядъ трудовъ по византійской исторіи на французскомъ языкѣ: Марра въ 1874 году издалъ свои «Византійскіе эскизы», а черезъ семь лѣтъ послѣ этого свою «Жизнь Византіи въ VI вѣкѣ»; затѣмъ послѣдовали трудъ Васта о кардиналѣ Виссаріонѣ, книга Гаске о религіозной власти императоровъ, попытка Дебидура изобразить загадочную фигуру Ѳеодоры, изслѣдованіе аббата Батиффоля о Россанскомъ аббатствѣ и многіе другіе. Однако, во главѣ новѣйшихъ французскихъ византинистовъ Диль ставитъ Шломберже и Ш. Бэйе. Первый изъ нихъ, послѣ ряда работъ по археологіи византійской, въ своихъ прекрасныхъ книгахъ о Никифорѣ Фокѣ (1890) и византійской эпопеѣ (1896) сумѣлъ такъ оживить, на основаніи подробнѣйшаго изученія всѣхъ сохранившихся текстовъ и памятниковъ старины, политическую и соціальную жизнь Византіи, что интересъ къ этому міру, забытому и давно сшедшему со сцены исторіи, былъ оживленъ и въ далекихъ кругахъ публики, помимо однихъ лишь спеціалистовъ. Бэйе началъ съ ряда изслѣдованій о церквахъ въ Палестинѣ, памятникахъ средней Сиріи и остаткахъ христіанской живописи и скульптуры на Востокѣ, а въ своей книгѣ о византійскомъ искусствѣ (1883) сумѣлъ дать первую правильную картину этого искусства, которое еще недавно было столь мало извѣстно. Упомянувъ еще о трудахъ Бордье, Молинье, Мюнца и Шуази, о разныхъ явленіяхъ въ художественномъ мірѣ новаго Рима, о сочиненіяхъ по праву и литературѣ византійскимъ Монтрейля, Псишари, Леграна и др., Диль останавливается на современныхъ задачахъ для византинистовъ Франціи. По его мнѣнію, Франція непремѣнно должна бы имѣть центральное учрежденіе или хотя бы печатный органъ, вокругъ котораго могли бы группироваться французскіе византинисты. Авторъ съ грустью говоритъ, что Франція, гдѣ начались занятія Византіею, теперь уступаетъ Россіи и Германіи въ этомъ отношеніи. Любимая мысль Диля — чтобы французская академія занялась

изданіемъ собранія византійскихъ надписей. И это дѣло должно быть начато поскорѣе, иначе и съ нимъ случится то же, что со сборникомъ латинскихъ надписей: предположенный парижской академіей, онъ былъ изданъ академіей берлинской.

— Интеллектуальная исторія Сициліи. Сальво-ди-Піетроганцили, извѣстный въ Италіи многими почтенными трудами по исторіи и древностямъ Сициліи, недавно окончилъ обширное сочиненіе въ трехъ томахъ объ интеллектуальной исторіи сицилійцевъ съ древнѣйшихъ временъ до половины настоящаго вѣка [1]), и, кромѣ того, дополнилъ эту исторію очеркомъ дальнѣйшаго умственнаго развитія своего отечества въ особыхъ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ «Сицилійскія революціи» [2]). Признавая, что интелектуальная исторія тѣсно связано съ политической и не можетъ служить отдѣльнымъ предметомъ изслѣдованія, авторъ подробно и рельефно рисуетъ послѣдовательныя картины чужеземныхъ завоеваній Сициліи прежде греками и византійцами, а потомъ норманнами, аравитянами, нѣмцами, французами и испанцами. Конечно, всѣ эти внѣшніе элементы значительно вліяли на развитіе національныхъ учрежденій и характера туземцевъ, но все-таки отличительная сицилійская индивидуальность сохранилась вполнѣ. На этой чертѣ исторіи своей родины Піетроганцили особенно настаиваетъ, и онъ приводитъ вѣскія доказательства своего мнѣнія, черпая ихъ въ языкѣ, обычаяхъ, преданіяхъ, народныхъ пѣсняхъ и литературѣ. Такъ въ современномъ сицилійскомъ языкѣ, составляющемъ, по словамъ автора, самую чистую форму древняго осканскаго нарѣчія на всемъ Апеннинскомъ полуостровѣ, нельзя найти никакихъ слѣдовъ греческихъ, аравитянскихъ, французскихъ или испанскихъ словъ. Хотя испанскій языкъ въ продолженіе двухъ вѣковъ, отъ половины XVI до половины XVIII столѣтія, былъ офиціальнымъ въ Сициліи, но онъ никогда не проникъ въ народныя массы и теперь совсѣмъ исчезъ. Всего интереснѣе въ первомъ обширномъ трудѣ итальянскаго ученаго сообщаемыя имъ свѣдѣнія о томъ, что въ различныя эпохи интеллектуальная дѣятельность въ главнѣйшихъ сицилійскихъ городахъ была гораздо замѣчательнѣе, чѣмъ полагали до сихъ поръ. Даже въ древнія греческія времена существовали въ Сициліи школы, доступныя для всѣхъ и содержимыя на общественный счетъ. Въ мусульманскій періодъ, обыкновенно считаемый варварскимъ, въ Палермо было 300 школьныхъ учителей и, кромѣ того, значительное число профессоровъ, которые читали публичныя лекціи по философіи, медицинѣ, астрономіи, математикѣ и поэзіи. Норманскіе и швабскіе короли въ особенности Фридрихъ II славились во всей Европѣ литературной и художественной культурой, царившей при ихъ дворѣ. Въ XVII вѣкѣ философскій факультетъ Мессинскаго университета отличался болѣе здоровыми и передовыми взглядами, чѣмъ всѣ остальные университеты Европы, а въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія литературно-политическое развитіе Сициліи находилось на значительной высотѣ. Свой разсказъ о продолженіи интеллектуальнаго развитія своего отечества отъ 1848 до 1860 г. Піетроганцили оживляетъ своими соб-

[1]) Salvo di Pietroganzili. Storia delle Lettere in Sicilia. Palermo. 1895—1899.
[2]) Salvo di Pietroganzili. Rivoluzioni Siciliane. Palermo. 1899.

ственными воспоминаніями о событіяхъ того времени. Эти воспоминанія очень интересны и выставляютъ автора, какъ человѣка, сумѣвшаго примирить преданность историческимъ правамъ своей родины съ патріотическимъ пыломъ современнаго итальянца, охотно жертвующаго узкимъ мѣстнымъ партикуляризмомъ общему стремленію къ единству и свободѣ Апеннинскаго полуострова.

— Титанъ французской революціи. Обширная и богатая литература французской революціи обогатилась надняхъ не большимъ, но цѣннымъ вкладомъ. Умершій въ прошедшемъ году лекторъ Оксфордскаго университета, Беллокъ, резюмировалъ въ мастерскомъ очеркѣ всѣ новыя изслѣдованія французскихъ историковъ, въ особенности Олара, Бужара и Робинэ, о жизни и политической дѣятельности Дантона [1]). Долго историки изображали Дантона, котораго Карлайль называлъ «Мирабо-безштанниковъ», дикимъ тираномъ, руководившимся въ государственной дѣятельности одной смѣлостью и возбудившимъ всѣ ужасы террора, но въ послѣдніе годы новая французская историческая школа на основаніи безспорныхъ документовъ доказала, что Дантонъ былъ титаномъ революціи и, посвятивъ свою удивительную энергію на служеніе революціонной идеѣ, спасъ Францію отъ чужеземнаго нашествія и роялистскихъ интригъ. Этотъ трезвый безпристрастный взглядъ на крупную историческую личность никогда еще не былъ высказанъ въ такой конкретной, сжатой формѣ, какъ въ очеркѣ англійскаго ученаго, который и называетъ свой трудъ не біографіей, а изслѣдованіемъ. Особенно рельефно, логично и вполнѣ фактически опровергаетъ Беллокъ главное обвиненіе, предъявляемое противъ Дантона, именно въ томъ, что онъ причинилъ сентябрскіе ужасы, окончившіеся избіеніемъ 12.000 жертвъ, хотя теперь доказано, что тогда убито было болѣе 900 и менѣе 1.000 человѣкъ. «Никакая человѣческая сила,—говорилъ самъ Дантонъ,—не могла бы остановить этой катастрофы». Дѣйствительно, лѣтомъ 1792 года народное воображеніе во Франціи было воспламенено до послѣдней степени страхомъ чужеземнаго вторженія и подозрѣніемъ, что защитники отечества хотѣли ему измѣнить. Дерзкій манифестъ герцога Брауншвейгскаго угрожалъ немедленной смертью всѣмъ французамъ, которые осмѣлились бы противодѣйствовать побѣдосному шествію союзныхъ войскъ, уже занимавшихъ пограничные города. Тысячи эмигрантовъ находились въ рядахъ чужеземной арміи подъ начальствомъ братьевъ короля, а самъ король и королева обнаружили свое сочувствіе къ врагамъ Франціи попыткой достигнуть въ тайнѣ Рейнскаго берега. Лонви былъ взятъ 23 августа австрійскимъ генераломъ Клерфейтомъ, а Верденъ—2 сентября прусскимъ королемъ, который заявилъ о своемъ намѣреніи прямо идти въ Парижъ. Естественно, что когда эти извѣстія достигли Парижа, то его населеніе дошло до безумія отъ страха наступавшаго непріятеля и недовѣрія къ аристократамъ и клерикаламъ, явно сочувствовавшимъ тѣмъ эмигрантамъ, которые вели чужестранныя войска на свою родину. Вотъ каково было народное настроеніе, когда произошла сентябрская рѣзня, и Беллокъ, разсказывая этотъ мрачной эпизодъ исторіи революціи, хотя и доказываетъ, что факты не подтверждаютъ, чтобы Дантонъ организовалъ эту рѣзню или руководилъ ею, но

[1]) Danton, a study, by Hilaire Belloc. London. 1899.

вполнѣ безпристрастно рисуетъ его роль въ означенномъ событіи. «Дантонъ могъ возвысить свой голосъ противъ этой рѣзни,—говоритъ англійскій историкъ. Пользуясь своей громадной популярностью, этотъ энергичный и здравомыслящій человѣкъ могъ посвятить всѣ свои силы на то, чтобы помѣшать вспышкѣ народнаго гнѣва. Я не отрицаю, что его умомъ могъ овладѣть пламенный гнѣвъ, возбужденный манифестомъ герцога Брауншвейгскаго и интригами эмигрантовъ, какъ это дѣйствительно было съ громадной массой парижанъ, которые, благодаря этому чувству, воздержались отъ всякаго вмѣшательства и предоставили дѣйствовать группѣ убійцъ. Нѣчто подобное проглядываетъ въ приписываемыхъ Дантону г-жею Ролланъ словахъ, которыя будто бы онъ сказалъ на слѣдующій день, говоря объ узникахъ: «Они могли спастись бѣгствомъ». Но это анекдотъ, а не исторія, и въ немъ слышится обвиненіе, предъявленное врагомъ. Былъ другой и лучшій мотивъ, которымъ можно объяснить его поведеніе. Если бы Дантонъ возсталъ и началъ говорить противъ рѣзни, то онъ поставилъ бы все на карту, а если бы ему не удалось устранить рѣзню, то онъ пересталъ бы быть Дантономъ». Или, иными словами, если бы Дантонъ возвысилъ свой могучій голосъ противъ рѣзни безъ всякаго успѣха, то наступилъ бы конецъ его личному вліянію, а онъ считалъ, что оно было необходимо для установленія энергичнаго правительства, которое одно могло спасти родину въ наступившимъ кризисѣ. «Пусть мое имя будетъ покрыто позоромъ, — говорилъ онъ: —но Франція свободна!». Подобные люди, по замѣчанію Беллока, создаются подъемомъ народнаго духа, но вмѣстѣ съ нимъ исчезаютъ. Дантонъ погибъ на эшафотѣ 5 апрѣля 1794 года, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ казненъ былъ Робеспьеръ, но смерть того и другого не объясняется реакціей противъ жестокаго деспотизма, какъ увѣряли прежніе историки, но тѣмъ простымъ фактомъ, что Франція была спасена, и не было уже болѣе надобности въ исключительныхъ энергичныхъ мѣрахъ противъ чужеземнаго вторженія извнѣ и политической измѣны внутри, чѣмъ воспользовались корыстные честолюбцы въ родѣ Барра и компаніи для устраненія отъ власти неподкупныхъ титановъ революціи.

— Наполеонъ I подъ Тулономъ. Въ настоящее время вышелъ третій томъ книги Артюра Шюке, о второмъ выпускѣ которой упоминалось въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за нынѣшній годъ (т. LXXV, стр. 722—723). Весь томъ посвященъ участію Наполеона въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Тулона [1]). А. Шюке даетъ сначала картину того времени, когда весь югъ возсталъ противъ террористовъ и находился въ сильнѣйшемъ движеніи. Городъ Тулонъ, отказавшись отъ повиновенія конвенту, передался англичанамъ. Молодой Бонапартъ, который около этого времени, остановился поужинать въ гостиницѣ въ Бокэрѣ, въ ярмарочный день, встрѣтилъ здѣсь нѣсколько южанъ, съ которыми вступилъ въ разговоръ. Этотъ разговоръ показался ему до того замѣчательнымъ, что онъ его напечаталъ въ «Courrier d'Avignon» подъ заглавіемъ: «Ужинъ въ Бокэрѣ или разговоръ между военнымъ изъ арміи Карто, марсельцемъ, нѣмцемъ и фабрикантомъ изъ Монпеллье». Марселецъ, называв-

[1]) La jeunesse de Napoléon; Toulon, par Arthur Chuquet. Paris. Armand Colin. 1899.

шій себя жирондистомъ и представляющій собою, прежде всего, сепаратиста, такимъ образомъ въ этомъ діалогѣ объясняетъ причины возстанія юга: «Силенъ всякій, кто рѣшился умереть, а мы на это рѣшились скорѣе, чѣмъ вернуться подъ ярмо этихъ кровожадныхъ людей, управляющихъ государствомъ... Утопающій хватается за вѣтви, какія можетъ достать. Такъ же и мы, раньше чѣмъ дать себя перерѣзать, раньше чѣмъ подчиниться такимъ людямъ, готовы на послѣднюю крайность. Мы передадимся непріятелю! Мы призовемъ испанцевъ. Нѣтъ народа, котораго нравъ былъ бы столь же кротокъ, какъ нашъ, но нѣтъ и болѣе способнаго на ненависть. Судите по тѣмъ жертвамъ, которыя мы приносимъ, о томъ, какъ дурны тѣ, кого мы боимся». Банды вооруженныхъ южанъ бродили по Провансу. Отрядъ марсельцевъ, стоявшій у Авиньона, былъ вытѣсненъ оттуда Карто и передъ штыками республиканской арміи долженъ былъ отступить въ Шатонефъ. Майоръ Доммартэнъ сообщаетъ въ своихъ письмахъ, что марсельцы въ неудержимымъ бѣгствѣ «исчезли, какъ китайскія тѣни». Во всякомъ случаѣ, въ небольшой войнѣ на югѣ не было недостатка ни въ крови, ни въ слезахъ. Это была война, похожая на вандейскую, и болѣе, чѣмъ одинъ разъ, «бѣлыя дороги покрывались красными пятнами отъ крови». Такъ какъ жители Иль-де-Соргъ убили трубача, посланнаго въ качествѣ парламентера, этотъ маленькій городъ былъ взятъ штурмомъ легіонерами республики. «Ворота были сожжены, разсказываетъ генералъ Доппé, и я вошелъ въ городъ; всѣ офицеры видѣли, какъ я старался прекратить грабежи, но солдаты были слишкомъ возмущены». Конвентъ былъ сильно раздраженъ провинціальнымъ сепаратизмомъ, который наносилъ громадный вредъ странѣ, всѣ границы которой находились въ опасности. Депутаты Альбиттъ, Роверъ и Путье слѣдовали за колонною генерала Карто, съ порученіемъ строго наказать «федералистовъ и децентрализаторовъ». «Слѣдуетъ, говорилъ Дантонъ о марсельцахъ, дать хорошій урокъ этой купеческой аристократіи». «Мы должны, прибавлялъ онъ, показаться столь же страшными купцамъ, какъ и священникамъ и аристократамъ». Сообразно этому депутаты Фреронъ, Барра, Рикоръ и Салицетти отнеслись къ Марсели почти такъ же, какъ депутатъ Кутонъ съ товарищами въ свое время къ Ліону. Въ Національномъ архивѣ въ Парижѣ сохраняется документъ, составленный въ такихъ выраженіяхъ: «Имя Марсели, которое носитъ этотъ преступный городъ, будетъ измѣнено. Національный конвентъ дастъ ему современемъ другое названіе. Пока городъ пусть остается б е з ъ и м е н и»... Этотъ документъ помѣченъ 17-ымъ числомъ нивоза II-го года республики. Такъ какъ этого «моральнаго» наказанія оказалось мало, то рѣшено было изгнать изъ Марселя наиболѣе безпокойныхъ гражданъ. Дѣло съ Тулономъ было гораздо серіознѣе. Тулонцы защищены были отъ регулярной арміи артиллеріею своихъ фортовъ и англійскими пушками. Тулонъ въ то время считался одною изъ наиболѣе сильныхъ крѣпостей въ мірѣ. Дю-Тейль, командовавшій артиллеріею итальянской арміи, осмотрѣвъ береговыя укрѣпленія, рѣшилъ, что эта военная гавань со своими бастіонами и редутами, полевыми батареями и хорошо защищеннымъ рейдомъ не можетъ быть взята. Къ тому же, англичане имѣли время высадить десантъ. Разнаго рода береговыми сооруженіями сумѣли они поставить свой флотъ внѣ дѣйствія непріятельскаго огня. Отрядъ ихъ стрѣлковъ,

высаженныхъ на берегъ, былъ помѣщенъ такъ, что могъ свободно обстрѣливать всѣ высоты, господствовавшія надъ Тулономъ. Генералу Карто пришлось вступить въ первую битву 7 сентября, чтобъ овладѣть мѣстечкомъ Оліуль на дорогѣ изъ Тулона въ Марсель. Во время этой битвы баталіонный командиръ Доммартэнъ, командовавшій артиллеріею, былъ раненъ пулею въ тотъ моментъ, какъ онъ наводилъ пушку. Это былъ выдающійся офицеръ, произведенный въ поручики въ 1785 году, одновременно съ Бонапартомъ. Нужно было замѣнить его, что было нелегко. Въ этотъ самый моментъ молодой корсиканскій офицеръ, случайно находившійся здѣсь, счелъ нужнымъ сдѣлать визитъ депутату Салицетти, который также былъ изъ Корсики. Таково было начало удачъ Наполеона. Вліятельный избиратель, на родинѣ своей участвовавшій въ разнообразнѣйшихъ интригахъ, онъ, по рекомендаціи депутата, славившагося своей «легкою рукою», сразу выдвинулся и попалъ въ почетъ. Какъ относился къ нему генералъ Карто, объ этомъ говорятъ различно. По словамъ Барра, этотъ генералъ самъ ничего не значилъ въ войскѣ; все вліяніе принадлежало его женѣ, будто бы подписывавшей даже бумаги за него. Рѣзкій тонъ Бонапарта не нравился генералу, и онъ жаловался, что артиллерія вышла изъ повиновенія. Какъ разсказываетъ майоръ Доммартэнъ въ своихъ письмахъ, жена Карто неоднократно уговаривала своего мужа: «предоставь полную свободу этому молодому человѣку, который знаетъ гораздо больше тебя; онъ у тебя ничего не проситъ, онъ отдаетъ тебѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и слава остается за тобою; если же онъ надѣлаетъ ошибокъ, то вся вина падетъ на него одного». Депутатъ Салицетти и его коллега Гаспарэнъ открыто поддерживали молодого артиллерійскаго капитана. Они были на его сторонѣ тѣмъ болѣе охотно, что его гражданское чувство и «якобинизмъ» его, по крайней мѣрѣ на словахъ, не уступали республиканскимъ доблестямъ санкюлотта Карто. Авторъ «Ужина въ Бокэрѣ», журналистъ и артиллеристъ, отдыхалъ отъ службы при батареяхъ, произнося декламаціи противъ тирановъ и ихъ «сеидовъ». Революціонеръ и патріотъ, онъ прославлялъ, въ стилѣ своего времени, національную армію, «сто разъ омытую кровью бѣшеныхъ аристократовъ и свирѣпыхъ пруссаковъ». Лиризмъ монтаньяра подъ перомъ его смежался съ техническою точностью выраженій ученика военнаго училища. То онъ обращался къ муниципалиту Буссе съ требованіями о присылкѣ фашинника и т. п., то импровизировалъ рѣчи, въ которыхъ хотѣлъ заставить понять мятежниковъ Тулона всѣ прелести свободы. Но главное вниманіе его было обращено на улучшеніе артиллеріи. Онъ привелъ въ порядокъ марсельскій арсеналъ, который расхищался самими хранителями его. Бонапартъ поставилъ во главѣ арсенала артиллерійскаго майора, который при помощи «марсельскихъ санкюлоттовъ», какъ сказано въ офиціальномъ документѣ, привелъ его въ порядокъ. «Генералы» доставляли больше всего заботы Бонапарту, особенно Карто, который вмѣшивался во все, не признавалъ распоряженій Бонапарта, считая его неспособнымъ и «грубіяномъ». Безъ помощи депутатовъ конвента, Бонапарту врядъ ли удалось бы освободиться изъ-подъ власти Карто, и Тулонъ остался бы невзятымъ. Благодаря Салицетти и Гаспарэну, Карто въ октябрѣ 1793 получилъ порученіе принять подъ свое начальство итальянскую армію и отправиться въ Ниццу. Послѣ короткаго перерыва

во власти, управленіе арміею было передано генералу Доппѣ, который раньше былъ врачемъ; онъ однако отказался отъ начальства, послѣ чего въ главную квартиру въ Оліуль прибылъ генералъ Дюгоммье, старый вояка временъ семилѣтней и американской войны. Дюгоммье любилъ «работниковъ», и дѣятельный Бонапартъ вскорѣ получилъ отъ него полную свободу дѣйствій и могъ привести свои планы въ исполненіе: 18 декабря Тулонъ былъ взятъ, англичане были изгнаны, и имя Бонапарта стало историческимъ. Позже, на островѣ святой Елены, императоръ Наполеонъ, вспоминая объ осадѣ Тулона, сдѣлалъ такого рода добавочную статью къ своему завѣщанію: «Мы оставляемъ сумму въ сто тысячъ франковъ сыну или внуку генерала Дюгоммье, бывшаго главнокомандующимъ арміею передъ Тулономъ. Подъ его начальствомъ мы управляли этой осадою и командовали артиллеріею. Это свидѣтельство памяти о тѣхъ доказательствахъ уваженія, преданности и дружбы, которыя намъ далъ этотъ бравый и неустрашимый генералъ». Въ этомъ же завѣщаніи императоръ не забылъ упоминуть и о роли депутатовъ конвента: «Мы оставляемъ,—читаемъ мы здѣсь,— сто тысячъ франковъ сыну или внуку депутата конвента Гаспарэна, бывшаго представителемъ народа въ тулонской арміи, за то, что онъ защитилъ и санкціонировалъ своимъ авторитетомъ нашъ планъ осады. Гаспарэнъ, своею защитою, поставилъ насъ внѣ опасности преслѣдованій и невѣжества начальниковъ штаба, смѣнявшихся на этой должности до прибытія Дюгоммье». Взятіе Тулона является послѣднимъ эпизодомъ въ «молодости» Наполеона, которую изображаетъ въ своемъ трехтомномъ изслѣдованіи А. Шюке.

— Армянская легенда о Наполеонѣ Бонапартѣ. Мина Черазъ, редакторъ журнала «Arménie», напечаталъ въ «Revue des Revues» армянскую легенду о Наполеонѣ I, слышанную имъ въ Константинополѣ отъ стараго армянскаго купца, не умѣющаго ни читать, ни писать, и всѣми своими знаніями обязаннаго разговорамъ въ стамбульскихъ кофейняхъ и харчевняхъ [1]). «Бонапартъ, — гласитъ эта легенда, — родился во Франціи. Онъ завоевалъ Египетъ, который потомъ вновь завоеванъ былъ арабами, при чемъ они убили столько французскихъ солдатъ, что груда тѣлъ ихъ достигла высоты минарета. Бонапартъ былъ герой; онъ завоевалъ весь міръ. Онъ захотѣлъ завоевать и Россію. Онъ сдѣлалъ вторженіе въ нее съ семью стами тысячъ солдатъ, съ лошадьми и пушками. Русскіе генералы держали совѣтъ и не знали, какой имъ принять планъ дѣйствій. Тогда старый генералъ, армянскаго происхожденія, прибывъ изъ Сибири, куда царь сослалъ его за его либеральные взгляды, предложилъ сжечь Петрополь (Петербургъ) и другіе города и отступить внутрь Россіи, чтобы уничтожить непріятеля голодомъ и суровостью климата. Всѣ генералы приложили свои печати внизу этого проекта, и старику было поручено привести его въ исполненіе. Когда Бонапартъ увидѣлъ, что города превращены въ пепелъ, онъ удивился ловкости плана и сказалъ окружающимъ: «Не думаю, чтобы русскіе мужики могли выдумать эту военную хитрость. Я подозрѣваю, что здѣсь кроется замыселъ какого нибудь стараго армянина». Француз-

[1]) Minas Tchéraz, «Napoléon Bonaparte dans les légendes arméniennes» («Rev. des Revues», 1899, 1 mars).

ская армія все время подвигалась впередъ, не встрѣчая, однако, ни одного русскаго солдата. Все было пустынно. Приближалась зима; какъ провести ее въ странѣ, гдѣ не было крова? У Бонапарта былъ большой плащъ, онъ надѣвалъ его каждый вечеръ и упорно глядѣлъ на звѣзды до утра, чтобы изслѣдовать ходъ временъ года. Вслѣдствіе наблюденія звѣздъ, глаза его сдѣлались косыми. Наконецъ, онъ однажды потребовалъ свой большой плащъ и надѣлъ его поспѣшно, не дожидаясь начала ночи; онъ зналъ, что немедленно пойдетъ снѣгъ. Въ самомъ дѣлѣ, пошелъ снѣгъ и, притомъ, въ такомъ количествѣ, что всѣ пути сообщенія для арміи были отрѣзаны, и стало невозможно запасаться провизіею. Войска Бонапарта принуждены были начать ѣсть своихъ лошадей. Многіе солдаты разрѣзали животы своихъ лошадей и залѣзали въ нихъ, чтобы согрѣться. Послѣ того, какъ большая часть войска пала, старый генералъ окружилъ то, что осталось отъ французской арміи, и взялъ въ плѣнъ Бонапарта, величайшаго царя въ мірѣ. Царь хотѣлъ вознаградить стараго генерала, помиловавъ его и оказавъ ему разныя милости, но опальный армянинъ отказался и вернулся въ Сибирь, повинуясь раньше полученному отъ государя приказанію. Государь тогда велѣлъ ослѣпить Бонапарта раскаленнымъ желѣзомъ. Его помѣстили во дворцѣ, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться до самой своей смерти. Два русскихъ жандарма стояли все время на стражѣ передъ его комнатою. Бонапартъ былъ человѣкъ необыкновенной смѣлости и ловкости. Онъ однажды объявилъ жандармамъ, что чувствуетъ приближеніе смерти; онъ просилъ ихъ поэтому пойти отыскать священника, такъ какъ онъ хотѣлъ исповѣдаться и причаститься. Жандармы призвали попа и оставили его одного съ плѣнникомъ, затворивъ дверь комнаты. Бонапартъ, который былъ католикомъ, задушилъ священника, надѣлъ его монашескую одежду, оставилъ дворецъ и Россію и, несмотря на то, что былъ слѣпъ, добрался до Англіи, гдѣ онъ, въ концѣ концовъ, умеръ. Передъ смертью онъ завѣщалъ такой совѣтъ: непріятели Россіи не должны нападать на нее со стороны западнаго моря, такъ какъ съ этой стороны она непобѣдима, но со стороны Чернаго моря. Этимъ совѣтомъ воспользовались во время Крымской войны». По словамъ М. Чераза, эта легенда была записана имъ въ промежуткѣ между 1865 — 1889 годами, во время путешествія на Востокѣ; до сихъ поръ она еще ни разу не появлялась въ печати.

— Эпизодъ изъ временъ берлинской революціи 1848 года. Въ одномъ изъ №№ газеты «Temps» за мартъ нынѣшняго года разсказывается мало извѣстный эпизодъ изъ исторіи революціи 1848 года въ Берлинѣ, когда принцъ Вильгельмъ прусскій, который былъ весьма непопуляренъ въ столицѣ, долженъ былъ бѣжать изъ города [1]). Объ этомъ бѣгствѣ имѣется слѣдующій разсказъ дочери садовника съ такъ называемаго Павлиньяго острова, расположеннаго на сѣверовостокѣ отъ Потсдама у королевскаго дворца: «Отзвукъ парижской революціи раздался въ Берлинѣ съ большой силою. Послѣ четырехдневной битвы, королю пришлось уступить возставшимъ, провозгласить перемиріе и избрать министромъ Кампгаузена, главу либеральной оппо-

[1]) Un souvenir du 21 mars 1848 (Temps, 1899, № 928).

зиціи. Какъ разъ 18 марта я, — разсказываетъ очевидица, — пошла въ Потсдамъ вмѣстѣ съ моими сестрами. Намъ нужно было взять урокъ танцевъ, но учитель отослалъ насъ обратно, сказавъ, что въ Берлинѣ революція. Когда мы пришли домой, наша мать, женщина умная и просвѣщенная, сказала намъ: «Дѣти мои, намъ слѣдуетъ принять мѣры, какъ принять гостей. Преданность нашей семьи давно извѣстна. Вы можете быть увѣрены, что король станетъ искать убѣжища у насъ, если ему придется оставить Берлинъ». Тотчасъ мы принялись провѣтривать и чистить комнаты. На другой день мы отправились въ городъ и закупили всякаго рода провизіи, особенно рыбы и мяса. Въ ночь, съ 20 на 21 марта, безъ десяти минутъ въ три часа, я услышалъ, какъ сестра моя говоритъ: «Я не могу выйти, я не одѣта».—«Дѣло идетъ о спасеніи человѣка»,— отвѣчалъ голосъ снаружи. Я тотчасъ спрыгнула съ моей постели, отворила двери дома и оказалась лицомъ къ лицу съ дамой, въ которой немедленно узнала принцессу (позднѣйшую императрицу) Августу. Въ это же мгновеніе прибѣжалъ и отецъ мой; она протянула ему обѣ руки и сказала ему: «Я вамъ довѣряю то, что мнѣ всего дороже: будетъ ли принцъ у васъ въ безопасности?» Когда отецъ мой поклялся, что готовъ умереть за своихъ господъ, принцесса повела его къ пристани, гдѣ какъ разъ стояла барка. Была свѣтлая лунная ночь; я тотчасъ узнала принца по его высокому росту и по сѣрой шинели. Много лицъ находилось при немъ, а изъ лодки вынимали безконечное количество чемодановъ и пакетовъ. Въ этотъ моментъ прибѣжалъ перевозчикъ, разбуженный шумомъ. Принцъ велѣлъ ему поклясться, что онъ не откроетъ никому видѣннаго имъ, а затѣмъ къ нашему дому направились слѣдующія лица: принцъ, принцесса, графиня Оріолла, г-жа фонъ-Нейндорфъ и камердинеръ принца Кругъ. Два офицера и два артиллериста изъ Шпандау были помѣщены во дворцѣ. Принцъ занялъ комнату моего отца; онъ былъ такъ утомленъ, что немедленно же заснулъ на диванѣ. Дамы почти всю ночь провели въ нашей комнатѣ. Въ слѣдующую ночь принцесса спала въ комнатѣ моихъ родителей, съ графинею Оріолла, а г-жа фонъ-Нейндорфъ помѣстилась въ сосѣдней комнатѣ. Передняя была завалена чемоданами и узлами. Что касается барки, то ее затопили. Она была вытащена уже много позже этихъ событій. Охрана была устроена по-военному. Каждое утро принцъ сообщалъ моему отцу лозунгъ. Тѣ, кто желали быть допущенными, должны были знать этотъ лозунгъ и въ то же время подать записку на имя г-на Эльрихса (псевдонимъ принца). Съ виду, нашъ образъ жизни нисколько не измѣнился, такъ какъ принцъ рѣшительно воспретилъ ѣздить въ городъ за провизіею. Въ первый день, съ ранняго утра, одинъ изъ артиллерійскихъ офицеровъ хотѣлъ стать въ дверяхъ, съ пистолетомъ въ рукѣ. Моя мать, однако, уговорила его не дѣлать этого, справедливо замѣтивъ, что единственные наши посѣтители представляли собою людей, приходившихъ покупать молоко. Замѣчательная особенность: 21-го марта былъ день рожденія принца. Камердинеръ Кругъ первый рѣшился поздравить своего господина. Графиня Оріолла просила мою мать одолжить ей свѣтлое платье, такъ какъ она въ этотъ день не хотѣла представляться въ черномъ. Принцъ Фридрихъ (позже императоръ Фридрихъ III) и принцесса Луиза (потомъ великая герцогиня баденская) пришли съ массою лицъ, мнѣ неизвѣстныхъ. Утромъ, когда я вошла

въ комнату, чтобы спросить, все ли въ порядкѣ, и посмотрѣть за огнемъ, я увидѣла наслѣдную принцессу, сидѣвшую въ голубомъ шелковомъ платьѣ на диванѣ и горько плакавшую. (Раньше она въ эти два дня ни разу не плакала). Графиня Оріолла каждое мгновеніе подавала ей новые носовые платки. Принцъ Фридрихъ стоялъ, прислонившись къ столу, закрывъ лицо руками. Принцесса Луиза въ красномъ клѣтчатомъ платьѣ, сидѣла на табуретѣ передъ фортепіано. Черезъ нѣкоторое время я вернулась и застала у дверей принца Карла (брата принца Вильгельма), въ костюмѣ, невообразимо изношенномъ. «Барышня, сказалъ онъ мнѣ, я страшно голоденъ, не можете ли мнѣ дать поѣсть?» Несчастный принцъ пришелъ пѣшкомъ изъ дворца въ Глинеке. Оправившись, онъ вошелъ въ комнату брата. Обѣдъ въ этотъ день состоялъ изъ картофельнаго супа, угря, жареной телятины и пуддинга съ подливкою изъ фруктовъ. Благодаря моей матери, у нашихъ гостей ни въ чемъ не было недостатка, и наше меню имъ даже такъ понравилось, что принцесса, когда она потомъ поселилась въ Бабельсбергѣ, попросила у нея рецептъ этого пуддинга. Рѣшено было, что принцъ 23 отправится въ Англію (въ повозкѣ моего отца и на нашихъ лошадяхъ до Науэна, а оттуда до Гамбурга на почтовыхъ). Отъѣздъ совершился въ назначенный день. Луна свѣтила очень ярко, когда принцъ пустился въ путь. Ихъ величества сѣли въ лодку, которая должна была перевезти ихъ на другой берегъ Гавеля; во время переѣзда принцесса все время рыдала. Наконецъ, настало время разлуки, принцъ отправился въ Англію, а супруга его поселилась въ Бабельсбергѣ, гдѣ она провела лѣто безъ всякихъ непріятностей. Наши высокопоставленные гости не остались неблагодарными къ моему отцу. 18 октября того же года принцъ написалъ моему отцу письмо, полное изъявленій признательности, и прислалъ ему свой бюстъ изъ бронзы. Многимъ позже, когда для отца насталъ часъ отставки, король сообщилъ ему, что жалованье будетъ сохранено ему до самой его смерти, и что онъ можетъ помѣститься при томъ изъ королевскихъ замковъ, который онъ самъ изберетъ».

— Донесеніе Лотара Бухера о Лассалѣ. Въ одномъ изъ номеровъ газеты «Berliner Tageblatt» за истекшій мѣсяцъ появилась небольшая выдержка изъ новаго, еще не вышедшаго изъ печати изданія Морица Буша «Tagebuchblätter» [1]). Въ выдержкѣ этой приводится донесеніе извѣстнаго по воспоминаніямъ о Бисмаркѣ Лотара Бухера, которому пришлось объяснять передъ княземъ Бисмаркомъ, каковы были отношенія его къ Лассалю; изъ-за связей съ этимъ послѣднимъ Бухеру не хотѣли давать давно желаемое имъ званіе Legationsrath'a. Приводимъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, разсказъ Бухера: «Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Англіи, въ маѣ 1861 года я впервые увидѣлъ Лассаля на засѣданіи философскаго общества. Онъ съ большою любезностью встрѣтилъ меня, нѣсколько разъ сославшись на мою дѣятельность въ «Nationalzeitung» и на мой разрывъ съ нею, въ виду несогласія моего съ тогдашнимъ ея направленіемъ. Послѣ того, какъ мы еще разъ встрѣтились въ одной семьѣ, онъ пригласилъ меня къ себѣ. При той славѣ, которой онъ пользовался въ берлинскомъ обществѣ, я, несмотря на интересъ его бесѣдъ, очень неохотно по-

[1]) «Bucher und Lassale».—«Berliner Tageblatt», 13 März 1899, № 133

слѣдовалъ приглашенію и въ сношеніяхъ съ нимъ соблюдалъ извѣстную осторожность, что, однако, при его несомнѣнномъ дружелюбіи ко мнѣ, иногда мнѣ казалось несправедливостью съ моей стороны. Увидавъ, однако, что среди гостей Лассаля были лица, въ родѣ тайнаго совѣтника Бёка, генерала Пфюля, тайнаго совѣтника Фрерихса и другихъ, и узнавъ, что онъ переписывается съ важнѣйшими авторитетами въ философіи, я рѣшился не обращать вниманія на отношенія другихъ моихъ знакомыхъ. Около Рождества 1861 года, Лассаль сдѣлалъ попытку привлечь меня къ агитаціи, которую онъ тогда имѣлъ въ виду; я видѣлъ въ его взглядахъ неправильность и изложилъ по этому поводу свои мысли письменно, такъ какъ устно я не въ силахъ былъ спорить съ нимъ. Ошибка Лассаля была не нова для меня; я наблюдалъ ее и у другихъ гегеліанцевъ, и она совершенно естественно объясняется изъ сущности гегелевской философіи, которая, какъ извѣстно, берется доказать параллельную идентичность между развитіемъ понятія въ чистомъ мышленіи и явленіями природы и событіями въ исторіи. Лассаль не относился пренебрежительно къ моимъ замѣчаніямъ. Я помню, на него большое впечатлѣніе произвело указанное мною ему мѣсто въ «Воспитаніи рода человѣческаго» Лессинга: «Мечтатель часто вѣрно предугадываетъ будущее, но онъ не въ состояніи воспользоваться этимъ. Онъ желаетъ ускорить наступленіе будущаго, и желаетъ, чтобы ускореніе это произошло, благодаря ему. Для чего природѣ нужны тысячелѣтія, должно созрѣть въ мгновеніе его существованія». Онъ много размышлялъ, но вліяніе другой страстной личности одержало верхъ, и онъ бросился на агитацію съ надеждою еще увидѣть побѣду, какъ онъ часто высказывалъ это друзьямъ. Онъ началъ агитацію, какъ политическую, но уже черезъ годъ перенесъ ее на экономическую почву. Въ политической агитаціи я вовсе не участвовалъ, а въ экономической принялъ участіе краткимъ извлеченіемъ изъ того, что я за много лѣтъ написалъ противъ манчестерской школы. О событіяхъ послѣднихъ четырехъ недѣль его жизни я узналъ только послѣ его смерти. Завѣщаніе его, полное доказательствъ дружественныхъ чувствъ его ко мнѣ, поставило меня въ очень щекотливое положеніе. Его естественные наслѣдники, мать и сестра, къ которымъ онъ, какъ мнѣ извѣстно, всегда относился съ сыновней и братской любовью, у смертнаго одра его вступили въ рѣзкій споръ съ графинею Гацфельдтъ и полковникомъ Рюстовомъ. Мать, прибывшая до открытія завѣщанія, въ качествѣ естественной наслѣдницы, вступила во владѣніе наслѣдствомъ. Начался процессъ, грозившій затянуться, такъ какъ женевскія власти отказывались переслать сюда подлинникъ завѣщанія для засвидѣтельствованія его и для сличенія подписи... Прибывъ въ Дюссельдорфъ, графиня Гацфельдтъ, окруженная портретами, посмертной маскою, письмами и реликвіями покойнаго, ежедневно все болѣе погружалась въ воспоминанія о немъ, въ продолженіи того, что онъ оставилъ незаконченнымъ. Чтобы понять развитіе ея мыслей и точку зрѣнія, къ которой она, въ концѣ концовъ, пришла, слѣдуетъ вспомнить, что Лассаль въ большомъ своемъ трудѣ по исторіи права далъ новое объясненіе римскаго наслѣдственнаго права, согласно которому инстинктивная мысль римскаго наслѣдственнаго права была та, чтобы увѣковѣчить волю и даже упрямство завѣщателя; не нужно забывать также, что эта замѣчательная

женщина принимала съ полнымъ пониманіемъ участіе во всѣхъ работахъ своего друга. Между рукописями я находилъ выписки изъ Corpus juris, сдѣланныя ея рукою. Предполагая, что и она не только наслѣдница, но и продолжательница воли покойнаго, графиня направилась въ Бреславль и хотѣла заставить вдову Лассаль дать ей распорядиться наслѣдствомъ сообразно волѣ умершаго. Вскорѣ послѣ этого, уполномоченный отъ госпожи Лассаль прибылъ ко мнѣ съ предложеніемъ о добровольномъ соглашеніи. Соглашеніе разрѣшило графинѣ все, что ей было завѣщано Лассалемъ, и только Рюстову и Гервегу, тяжко оскорбившимъ мать и сестру Лассаля, предоставлено было искать своей доли судомъ. Былъ, однако, одинъ пунктъ, котораго нельзя было рѣшить такъ просто, какъ имущественный вопросъ, и этотъ-то пунктъ поставилъ меня въ непріятнѣйшую дилемму и навлекъ на меня сильнѣйшую ненависть графини Гацфельдтъ. Дѣло было въ перепискѣ покойнаго, которую онъ завѣщалъ ей. Если бы его послѣдняя воля была немедленно исполнена, какъ онъ самъ это, вѣроятно, предполагалъ, и если бы мои душеприказчики немедленно получили въ свое распоряженіе наслѣдство, то мы передали бы графинѣ шкапъ, содержавшій письма, и на насъ бы не падало никакой отвѣтственности. Теперь же бумаги, запакованныя съ другими предметами въ два ящика, попали въ наши руки, послѣ того, какъ состоялось соглашеніе. Пришлось поневолѣ просмотрѣть ихъ. Входя въ интересы графини Гацфельдтъ, я предложилъ другому душеприказчику, Гольтгоффу, возложить на меня всю отвѣтственность за приведеніе въ порядокъ и выдачу бумагъ. Я зналъ, что у покойнаго хранится много документовъ графини, зналъ также, что она недовѣрчиво относилась къ Гольтгоффу, какъ къ политическому противнику и другу семьи Деннигесъ, и часто съ нимъ ссорилась. Поэтому я предположилъ, что ей было бы непріятно, если бы онъ просмотрѣлъ ея документы. Г. Гольтгоффъ охотно принялъ мое предложеніе и не имѣлъ никакого дѣла съ бумагами. Акты и пакеты, которые по надписи или по почерку можно было признать принадлежащими графинѣ Гацфельдтъ, я и не вскрывалъ. Нѣкоторыхъ писемъ Лассаля къ его родственникамъ, писемъ, о которыхъ графиня мнѣ говорила, уже не имѣлось совершенно. Зато попалось нѣсколько другихъ связокъ, которыя, по надписямъ завѣщателя, относились къ связямъ съ женщинами, и существенное содержаніе которыхъ я, въ отдѣльныхъ случаяхъ, могъ угадать съ точностью. Опубликованіе этихъ писемъ возобновило бы забытые и прощенные скандалы и раскрыло бы оставшееся неизвѣстнымъ. Графиня Гацфельдтъ говорила людямъ, на которыхъ я при случаѣ могу сослаться, что она считаетъ себя въ правѣ опубликовать подобнаго рода переписку покойнаго, и что она, навѣрное, это сдѣлаетъ по отношенію къ одной дамѣ. Поэтому было невозможно передать ей эти письма. Если я и не былъ нравственно обязанъ исправить зло, сдѣланное моимъ покойнымъ другомъ, сохранившимъ подобныя письма, зато я нравственно былъ обязанъ къ этому передъ остальными участниками, даже если я и подвергъ бы себя еще инымъ юридическимъ послѣдствіямъ, кромѣ жалобы о возмѣщеніи убытковъ. Я долженъ былъ рѣшиться сжечь эти письма. Что я это сдѣлалъ, я лично сообщилъ графинѣ Гацфельдтъ». При письмѣ Бухера было приложено еще нѣсколько оправдательныхъ документовъ. Всѣ вмѣстѣ они при-

бавляютъ небезъинтересную страницу къ тому, что уже извѣстно изъ имѣющихся біографій Лассаля.

— Изъ записокъ американскаго генерала. Въ «The Century» появились интересные выдержки изъ дневника знаменитаго американскаго военачальника временъ союзной войны, генерала Шермана, касающіяся путешествія, въ 1871—1872 годахъ, совершеннаго генераломъ по Испаніи, Италіи, Египту и Турціи [1]). Генералъ Шерманъ предпринялъ это путешествіе вмѣстѣ съ сыномъ президента Гранта и довольно значительнымъ числомъ лицъ изъ высшихъ военныхъ и административныхъ сферъ Штатовъ. Въ дневникѣ своемъ путешественникъ отмѣчалъ лишь тѣ событія поѣздки, которыя ему казалось почему либо важнымъ отмѣтить: поэтому за цѣлыя недѣли у него подчасъ не оказывается никакихъ замѣтокъ. Въ Мадридѣ Шерманъ видѣлся съ королемъ Амедеемъ, вторымъ сыномъ Виктора-Эмануила, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ этой встрѣчи низложеннымъ. «Королю Амедею — читаемъ мы въ дневникѣ Шермана—на видъ было лѣтъ двадцать пять, одѣтъ онъ былъ просто и нисколько не былъ похожъ на традиціоннаго короля: никакого украшенія ни въ одеждѣ, ни въ окружающемъ, такой обыкновенный молодой человѣкъ, какого можно было встрѣтить, гдѣ угодно. Въ наружности его ничто не указывало на твердый или опредѣленный характеръ; лицо и голова были длинны и узки. Поклонники его находятъ въ немъ замѣчательный умъ, превосходные нравы и считаютъ его многообѣщающимъ. Онъ не могъ говорить по-англійски, но говорилъ по-испански, на каковомъ языкѣ и я произнесъ свое формальное привѣтствіе; такъ какъ, однако, ни та, ни другая сторона не могла находить много интереса въ разговорѣ другъ съ другомъ, то мы скоро выразили желаніе видѣть королеву. Наше желаніе имъ было передано въ дверь внутри кабинета, и мы направились назадъ въ послѣднюю изъ залъ дворца, откуда вела дверь въ аппартаменты королевы. Мы застали ее въ прекрасно убранной гостиной, гдѣ она стояла, готовая встрѣтить насъ. Она была одѣта просто, но изящно, совсѣмъ какъ американская лэди. Лицо ея было ясное, молодое, симпатичное, и она приняла насъ такъ привѣтливо, что мы были болѣе чѣмъ обрадованы. Я заговорилъ съ нею по-англійски, и она отвѣчала совершенно правильно, но съ тѣмъ итальянскимъ акцентомъ, который выдавалъ ея происхожденіе. О ней говорятъ съ уваженіемъ во всѣхъ кругахъ, какъ среди испанцевъ, такъ и среди иностранцевъ, и я пришелъ къ убѣжденію, что она идеальнѣйшая лэди. Она разсказала мнѣ, что у нея двое дѣтей, оба мальчика, и я не могъ не выразить своего искреннѣйшаго пожеланія, чтобы она и семья ея долго прожили, наслаждаясь королевскою властью, или инымъ родомъ жизни, который она предпочла бы. Конечно, мы не затягивали визита и вскорѣ вернулись въ свой отель». Интересно, что въ Испаніи Шерману пришлось говорить о Кубѣ. «Хотя и говорятъ, пишетъ онъ, что испанцы къ намъ относятся ревниво изъ-за Кубы, но я никакой ревности не замѣчалъ; напротивъ, адмиралы Тонета и Малькампо и др. говорятъ о кубинскихъ дѣлахъ очень откровенно и при этомъ порицаютъ недавніе выстрѣлы, направленные на студентовъ въ Гаванѣ по прика-

[1]) «General Sherman's Tour of Europe». The Century Magazine, March, 1899

занію генерала Вальмаседы». Изъ Испаніи американскіе путешественники направились во Францію. Шерманъ осматривалъ доки и арсеналы въ Тулонѣ. «Мы встрѣтили здѣсь, говоритъ онъ, адмирала Пюфера, который говорилъ о бездѣятельности, къ которой принуждаетъ Францію контрибуція въ тысячу милліоновъ долларовъ, наложенная Пруссіею. Я не думаю, чтобы много рабочихъ въ это время было занято въ Тулонѣ, хотя намъ и говорили, что около трехъ тысячъ преступниковъ было въ то время приговорено къ работамъ. Тутъ имѣется нѣсколько прекрасныхъ доковъ, арсеналовъ, магазиновъ и верфей, при помощи которыхъ могли бы производиться громаднѣйшія работы. Но Франція теперь находится подъ гнетомъ пораженія, и вопросъ даже, удастся ли ей подняться хоть до того положенія, которое она занимала всего два года тому назадъ». Посѣтивъ Римъ, а затѣмъ и Неаполь, гдѣ генералъ Шерманъ былъ представленъ русской великой княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ, американцы прибыли на Мальту, которую Шерманъ называетъ вторымъ Гибралтаромъ. Въ мартѣ 1882-го года путешественники прибыли въ Каиръ. Хедивъ Измаилъ произвелъ въ общемъ благопріятное впечатлѣніе на Шермана. «Ему сорокъ два года, — читаемъ мы въ дневникѣ, — онъ воспитывался во Франціи, не говоритъ поанглійски, но прекрасно пофранцузски; одѣтъ онъ совершенно поевропейски, съ тою лишь разницею, что носитъ красную феску, какъ всѣ мусульмане—но ни тюрбанъ, ни халатъ, ни диваны, ни какіе либо иные турецкіе символы не отличаютъ его отъ другихъ людей. Онъ скоро вступилъ съ нами въ разговоръ и оказался освѣдомленнымъ во всѣхъ текущихъ новостяхъ. Онъ вызвалъ меня на общія замѣчанія по поводу Суэцкаго канала, предположеннаго расширенія порта въ Александріи и Суэцѣ и о разныхъ иныхъ предметахъ. Ему, кажется, было почему-то интересно бесѣдовать съ нами и мы разговаривали болѣе часа, послѣ чего онъ всталъ и проводилъ насъ до самыхъ дверей дворца, гдѣ насъ ожидала коляска—почетъ, который, какъ мнѣ сказали, былъ столь рѣдокъ, что вызвалъ всеобщее удивленіе. Всѣ мы были очень довольны его обхожденіемъ; онъ не только говорилъ очень умно, но и шутилъ очень мило». Изъ Египта путешественники направились въ Константинополь, гдѣ Шерманъ былъ любезно принятъ султаномъ, имѣлъ возможность наблюдать церемонію селямлика и пріобрѣлъ нѣсколько интересныхъ знакомствъ. «Въ пятницу 16-го апрѣля,—разсказываетъ онъ, — мы обѣдали въ русскомъ посольствѣ; большая часть присутствующихъ состояла изъ свиты принца Фридриха-Карла прусскаго, слава котораго, какъ полководца, послѣ послѣдней войны съ французами, была велика. Прибывъ въ зданіе посольства, мы застали гостей уже собравшимися, и принцъ бесѣдовалъ какъ разъ съ г-жею Игнатьевою. Мы произнесли обычное привѣтствіе, и черезъ нѣкоторое время г-жа Игнатьева попросила насъ сѣсть. Затѣмъ вскорѣ мы всѣ перешли въ столовую, при чемъ Фридрихъ-Карлъ велъ подъ руку хозяйку, а генералъ Игнатьевъ единственную другую даму, г-жу Радовицъ, жену прусскаго уполномоченнаго. Принцъ Карлъ былъ одѣтъ, какъ мы всѣ, въ простое статское платье, съ нѣкоторыми орденами; онъ казался гордымъ и надменнымъ; голова его была совершенно лыса, а лицо было очень красное; въ фигурѣ его, которая начинала брюзгнуть, не было ничего интеллигентнаго или привлекательнаго. Ему сорокъ четыре года,

и въ каждомъ дюймѣ его сказывался нѣмецъ, очевидно, весьма гордящійся и своей страною и собою самимъ. Обѣдъ былъ формаленъ и неинтересенъ, а послѣ него всѣхъ насъ пригласили въ гостиную курить. Здѣсь большая турецкая трубка была подана принцу, но больше никому, и, хотя я сначала подумалъ, что это — случайность, я замѣтилъ потомъ, что это сдѣлано по этикету, и что даже я обязанъ былъ смотрѣть на принца, какъ на обладателя какихъ-то божественныхъ правъ и преимуществъ. Фредъ Грантъ, замѣтивъ это пренебреженіе къ моей персонѣ, весьма любезно подошелъ и предложилъ мнѣ сигаръ и сигаретокъ. Я взялъ сигаретку, зажегъ ее и сталъ курить ее въ унисонъ съ принцемъ-генераломъ. Какъ генералъ, онъ пользуется установившеюся славою; какъ принцъ, онъ не подлежитъ критикѣ; но зато, какъ джентльмена, его приходится ставить очень низко: такимъ образомъ, одна изъ иллюзій моей жизни потерпѣла крушеніе. Я слышалъ, что пруссаки вознеслись превыше всякой мѣры вслѣдствіе своихъ блестящихъ побѣдъ надъ французами, что̀ очень жаль, такъ какъ въ должное время это высокомѣріе призоветъ на нихъ осужденіе міра, если только не такія же несчастія, какія теперь приходится оплакивать французамъ»... Какъ видно изъ приводимыхъ выдержекъ, въ запискахъ Шермана очень много интереснаго; жаль, что «Century» не сообщаетъ, весь ли дневникъ генерала сохранился, и будетъ ли онъ изданъ цѣликомъ.

— Французы въ Портъ-Артурѣ. Обыкновенно сооруженіе портовыхъ укрѣпленій на Ляодунскомъ полуостровѣ приписывается бывшему прусскому лейтенанту фонъ-Геннекену. Неправильность этого взгляда доказываетъ г. Демузинъ въ недавней статьѣ о «Портъ-Артурѣ и французахъ», появившейся въ «Nouvelle Revue» [1]). Геннекену, дѣйствительно, какъ указывается въ этой статьѣ, поручено было устройство укрѣпленій въ этомъ мѣстѣ, но истиннымъ создателемъ военнаго порта и руководителемъ всѣхъ работъ, сюда относившихся, былъ французскій инженеръ Гриффонъ, умершій въ 1896 году, всего тридцати шести лѣтъ отъ роду, въ Чжи-фу. Гриффонъ прибылъ въ Тянь-цзинь 7 марта 1887 года, какъ причисленный къ французскому промышленному синдикату въ Китаѣ, и почти немедленно же переправился въ Портъ-Артуръ, гдѣ ему пришлось взять подъ свое управленіе болѣе двухъ тысячъ китайскихъ рабочихъ, которые были заняты въ мастерскихъ. Условія для производства работъ были наихудшія, для рабочихъ не было помѣщеній, пища была плоха и недостаточна, и среди китайцевъ возникла холера, уносившая въ однѣ сутки до полутораста человѣкъ. Работы, исполненіе которыхъ взялъ на себя французскій синдикатъ въ Портъ-Артурѣ, состояли въ слѣдующемъ: надо было углубить фарватеръ и часть рейда, устроить глубокій бассейнъ въ 450 метровъ длиною и 300 метровъ шириною, чтобы высота воды въ немъ при приливѣ составляла около двѣнадцати метровъ, а при отливѣ около одиннадцати; требовалось установить эллингъ въ 150 метровъ длины и 22 метра ширины, построить большое количество мастерскихъ, размѣстить на берегу паровые краны, проложить рельсы для подвоза грузовъ и т. д. Срокомъ для окончанія этихъ работъ назначенъ былъ августъ мѣсяцъ 1889 года, но дѣло затянулось на лишнихъ пятнадцать

[1]) Démousyne, «Port-Arthur et les Fraçais» (La Nouvelle Revue, 1899, 1 mars).

мѣсяцевъ, въ виду цѣлаго ряда встрѣтившихся затрудненій. Несмотря на это запозданіе, Ли-хунъ-чжанъ, который бы главнымъ виновникомъ созданія Портъ-Артура, остался весьма доволенъ работами: дѣйствительно, Гриффонъ, помимо условленнаго по контракту съ китайскимъ правительствомъ, устроилъ еще нѣсколько желѣзныхъ амбаровъ, шлюзы, госпиталь и приспособленія для снабженія водою казармъ и госпиталя. Китайцы изумлялись, какъ можно было закончить такую громадную работу всего въ четыре года. Отецъ императора, принцъ Кунъ, посѣтившій Портъ-Артуръ, выразилъ свое полное одобреніе Гриффону. Особенною заслугою французскаго инженера является устройство водоснабженія и канализаціи. Для этой цѣли Гриффонъ оградилъ особой постройкою ключи притока рѣки, впадающей въ море у Портъ-Артура; эта постройка находится въ $1^1/_2$ километрахъ къ востоку отъ большой дороги изъ Портъ-Артура въ Цзинь-чжоу. Отсюда вода, при помощи особыхъ каналовъ, проведена въ городъ, гдѣ для пользованія ею Гриффономъ устроенъ былъ фонтанъ съ кранами: такъ какъ въ китайскихъ городахъ не существуетъ никакой уличной полиціи, то мѣдные краны фонтана давно уже сняты и украдены; тѣмъ не менѣе, однако, фонтанъ дѣйствуетъ исправно, и ему приходится приписать почти совершенное исчезновеніе въ Портъ-Артурѣ холеры, которая раньше сильно свирѣпствовала въ концѣ каждаго лѣта, когда приходилось черпать зловонную, застоявшуюся воду въ рѣкѣ. Гриффону пришлось, руководя занятіями въ Портъ-Артурѣ, выказать не однѣ лишь техническія, но и часто дипломатическія и административныя способности при сношеніяхъ съ различными китайскими чиновниками, при заботахъ о доставленіи всего необходимаго находившимся подъ его присмотромъ пятидесяти французскимъ техникамъ и тысячамъ китайскихъ рабочихъ, при завѣдываніи доставкою многихъ тысячъ тоннъ цементу, машинъ, матеріаловъ. Съ каждымъ изъ китайскихъ рабочихъ приходилось разсчитываться лично, въ виду того, что всякое посредничество повлекло бы за собою непремѣнно злоупотребленія, дезертирства рабочихъ и даже бунтъ. Особенно трудно стало его положеніе, когда парижскій учетный банкъ, доставлявшій часть средствъ синдикату, принужденъ былъ пріостановить платежи. Англійскія газеты въ Тянь-цзинѣ, Шанхаѣ и Гонконгѣ пророчили, что французскіе строители «прогорятъ», и что изъ всего предпріятія ничего не выйдетъ. Къ счастію Гриффона, китайцы не вѣрили этимъ пророчествамъ, а генералъ Сунъ, главнокомандующій войсками на Ляодунскомъ полуостровѣ, даже выдалъ французскому инженеру семьдесятъ тысячъ франковъ авансомъ изъ собственныхъ своихъ средствъ. Точно также китайскія власти въ Портъ-Артурѣ и вицекороль Ли-хунъ-чжанъ, чтобы помѣшать прекращенію работъ, распорядились выдать впередъ часть денегъ, которыя предполагалось раньше уплатить только по окончаніи всѣхъ сооруженій. Благополучное окончаніе работъ создало Гриффону большой авторитетъ среди китайцевъ, и еслибы жизни инженера не суждено было принять безвременнаго конца, онъ могъ бы много содѣйствовать успѣхамъ Франціи въ Китаѣ. Ли-хунъ-чжанъ въ 1891 г. далъ Гриффону орденъ Двойного Дракона, а въ слѣдующемъ году сдѣлалъ его членомъ дирекціи китайскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1894 году, по порученію вицекороля, Гриффонъ произвелъ работы по укрѣпленію береговъ рѣки Юнъ-

динъ-хэ; работы окончились успѣшно, и уже не было наводненій этой рѣки, которая за годъ передъ тѣмъ унесла 13.000 жизней, а въ 1892 году даже 30.000 человѣкъ. Многочисленные проекты продолжали занимать Гриффона до самой смерти. «Онъ палъ, говоритъ Демузинъ, въ тотъ самый моментъ, когда ему оставалось лишь пожать плоды своихъ долгихъ и энергичныхъ трудовъ, послѣ того какъ онъ показалъ, на что еще способна наша старая Франція, на которую такъ нападаютъ теперь»...

— Конгрессъ исторіи религій въ 1900 году. Среди многочисленныхъ ученыхъ конгрессовъ, которые будутъ созваны въ Парижѣ по случаю всемірной выставки въ будущемъ году, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ будетъ первый конгрессъ исторіи религій. По идеѣ его создателя, въ немъ не будетъ ничего религіознаго, а его отличительную черту составитъ строго ученый характеръ. Принять участіе въ этомъ конгрессѣ приглашаются не люди того или другаго вѣроисповѣданія, а ученые, безпристрастно и строго-научно занимающіеся исторіей религій. Какъ извѣстно, исторія религій возникла, какъ наука, только въ настоящемъ вѣкѣ. Много времени потребовалось ей, чтобы выйти изъ эпохи гипотезъ а ргіогі и пріемовъ апологетики, но можно сказать, что въ послѣднія 30 лѣтъ она ясно взглянула на свой предметъ, именно изученіе религіозныхъ явленій, какъ фактовъ психологическихъ и соціальныхъ. Въ то же время она ясно сознала методъ, который необходимъ для подобныхъ изслѣдованій: онъ состоитъ въ основательномъ наблюденіи и объективномъ представленіи формы, условій, а также способовъ историческаго развитія религіозныхъ явленій, независимо отъ ихъ метафизическаго или нравственнаго достоинства. Такимъ образомъ понятая наука религій достигла значительнаго развитія. Число лицъ, занимающихся, ею съ каждымъ днемъ увеличивается, а результаты, добытые ихъ трудами, все болѣе и болѣе дѣлаются общимъ достояніемъ. Напримѣръ, въ Парижѣ существуетъ во французской коллегіи каѳедра исторіи религій, которую занимаетъ Альберъ Ревиль, пользующійся большимъ авторитетомъ, въ школѣ высшихъ занятій отведено особое отдѣленіе для этой новой науки и ее преподаютъ 15 почтенныхъ ученыхъ, наконецъ издается спеціальный журналъ по исторіи религій подъ редакціей Жана Ревеля и Мариньи. Точно также почти во всѣхъ европейскихъ и американскихъ университетахъ открыты каѳедры исторіи религій. Потому эта наука имѣетъ полное право выставить на порогѣ XV столѣтія результаты своей дѣятельности въ теченіе предыдущаго столѣтія. Вотъ для чего Альберъ Ревиль и задумалъ созваніе конгресса исторіи религій въ 1900 году. Уже образованъ организаціонный комитетъ, состоящій изъ сорока членовъ, среди которыхъ находятся, кромѣ предсѣдателя Альбера Ревиля, извѣстные ученые и писатели, какъ Бреаль, Масперо, Берже, Гиме, Оперъ, Сенаръ, Рипи и другіе. Надняхъ этотъ комитетъ выработалъ программу конгресса и составилъ циркуляръ, который будетъ разосланъ ко всѣмъ французскимъ и заграничнымъ ученымъ съ цѣлью пригласить ихъ принять участіе въ конгрессѣ. Этотъ конгрессъ будетъ раздѣленъ на VIII отдѣловъ: 1) религіи народовъ не цивилизованныхъ и древнихъ населеній Америки до Христофора Колумба; 2) религіи крайняго востока: Китая, Японіи, Индо-Китая и т. т. 3) религіи симетическія, юдаизмъ и исламизмъ; 4) религія Египта; 5) религія Индіи

и Ирана; 6) религіи Греціи и Рима; 7) религіи кельтовъ, германцевъ, славянъ и т. д. и 8) христіанская религія. Конечно, эта классификація не строго научная и нѣкоторыя изъ рубрикъ рутинныя, но организаціонный комитетъ поступилъ такимъ образомъ съ цѣлью доказать свою полную вѣротерпимость и уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ, въ чемъ, конечно, нельзя сомнѣваться, такъ какъ на конгрессъ будутъ допущены всѣ научныя сообщенія, за исключеніемъ догматической полемики.

— Смерть Эркмана и Бамбергера. Европейская литература понесла двѣ чувствительныя потери: во Франціи умеръ Эркманъ, участникъ извѣстной историко-романической фирмы Эркманъ-Шатріанъ, а въ Германіи скончался столь же извѣстный Несторъ нѣмецкихъ либераловъ и выдающійся публицистъ по политическимъ и экономическимъ вопросамъ. Между ними въ сущности не было ничего общаго, кромѣ случайной смерти въ одинъ день 14-го марта и почти одинаковаго возраста, такъ какъ первому было 77 лѣтъ, а послѣднему 76. Ихъ жизненная дѣятельность, напротивъ, была совершенно противоположная и пока одинъ посвящалъ свои умственныя силы исключительно литературному труду, хотя и освѣщенному либеральной идеей, другой словомъ, перомъ и дѣломъ одинаково служилъ торжеству прогресса и благу своей родины. Эмиль Эркманъ, родомъ эльзасецъ и сынъ провинціальнаго книготорговца, родился въ Фальсбургѣ въ 1822 году и, окончивъ школьное воспитаніе въ своемъ родномъ городѣ, отправился въ Парижъ, гдѣ 15 лѣтъ тщетно занимался юридическими науками въ университетѣ, не достигнувъ и диплома бакалавра. Наконецъ, онъ вернулся въ Фальсбургъ и тамъ познакомился со своимъ соотечественникомъ Шатріаномъ, который былъ учителемъ въ мѣстной гимназіи. Вскорѣ ихъ соединила самая тѣсная дружба, и они сдѣлались литературными сіамскими близнецами. Они дебютировали на литературномъ поприщѣ фельетоннымъ романомъ, подъ заглавіемъ «Жертва Авраама», а затѣмъ мало-по-малу достигли извѣстности своими «Эльзасскими легендами» и «Рейнскими разсказами», напоминавшими Эдгара Поэ и Гофмана. Но громкую славу имъ доставила серія національныхъ романовъ, въ которыхъ они съ удивительной простотой и пламенной силой возстали противъ войны, представивъ всѣ ея ужасы въ постепенныхъ картинахъ четырехъ чужеземныхъ вторженій, которымъ подверглась Франція именно въ 1792, 1814, 1815 и 1870 годахъ. Этотъ рядъ наиболѣе талантливыхъ ихъ романовъ состоялъ изъ «Безумца Юзуфа», «Терезы», «Исторіи рекрута», «Ватерлоо» и «Исторіи Плебесцита». Но въ историческомъ и политическомъ значеніи первое мѣсто среди ихъ популярныхъ произведеній занимаетъ народная исторія французской революціи, подъ названіемъ «Исторія крестьянина». Авторы этого образцоваго, популярнаго историческаго романа поставили себѣ цѣлью въ длинномъ, связномъ разсказѣ представить, какъ французскій народъ добылъ себѣ свободу послѣ вѣковаго рабства, и они представили эту борьбу просто, картинно, реально, а самой свободѣ придали не философскій или поэтическій оттѣнокъ, а совершенно практичный ощутительный, понятный для всякаго, даже необразованнаго читателя, характеръ. Вотъ какъ разсказывающій свою исторію старый поселянинъ объясняетъ, какую пользу онъ и его семья пріобрѣли отъ революціи

1789 года: «Мой внукъ Жакъ,—говоритъ онъ,—учится въ политехнической школѣ; моя внучка Христина вышла замужъ за Мартэна, инспектора лѣсовъ, человѣка очень благоразумнаго; моя другая дочка, Жюльета, вышла замужъ за инженера Форбена, а мой младшій внукъ только что получилъ дипломъ доктора. Всѣмъ этимъ я обязанъ революціи. Если бы ея не было, то я всю жизнь работалъ бы на господъ и патеровъ». Для народа и съ точки зрѣнія народной историческіе романы Шатріана самая полезная историческая пища, и они, конечно, долго будутъ читаться послѣдующими поколѣніями. Что касается до опредѣленія, кому изъ двухъ авторовъ что именно принадлежало въ ихъ общемъ трудѣ, то это задача неисполнимая, да притомъ безполезная. Лучшимъ доказательствомъ того, что они были необходимы другъ другу, доказываетъ тотъ фактъ, что когда они подъ конецъ своей литературной дѣятельности рассорились, то Шатріанъ вовсе пересталъ писать, а Эркманъ, если и напечаталъ нѣсколько разсказовъ, то они далеко не имѣли прежняго достоинства и успѣха. Эта ссора была тѣмъ печальнѣе, что Шатріанъ публично обвинялъ Эркмана въ томъ, что онъ остался жить въ Эльзасѣ съ цѣлью измѣнить Франціи и перейти на сторону нѣмцевъ. Эркманъ привлекъ своего сотрудника къ суду за клевету, и дѣйствительно онъ выигралъ процессъ, доказавъ, что жилъ въ Эльзасѣ по приказанію докторовъ, которые находили необходимымъ для его стараго здоровья воздухъ родины, и что онъ нимало не сочувствуетъ нѣмцамъ. Какъ всѣ французскіе авторы, Эркманъ-Шатріанъ поставили на сцену нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ громадный успѣхъ имѣли «Польскій еврей» и «Другъ Фрицъ».—Людвигъ Бамбергеръ, еврейскаго происхожденія, родился въ Майнцѣ въ 1823 году и, окончивъ университетское образованіе въ Гисенѣ, Гейдельбергѣ и Гетингенѣ, занимался адвокатурой въ своемъ родномъ городѣ, когда вспыхнула революція въ 1848 году. Пламенный республиканецъ, онъ принялъ участіе въ тогдашнихъ событіяхъ и послѣ кроваваго усмиренія безпорядковъ въ баварскихъ владѣніяхъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, такъ какъ его приговорили заочно къ смертной казни. Восемнадцать лѣтъ жилъ онъ въ изгнаніи въ Швейцаріи, Англіи, Бельгіи, Голландіи и, наконецъ, въ Парижѣ. Во все это время онъ серіозно занимался изученіемъ политическихъ и экономическихъ вопросовъ, а въ Парижѣ его домъ служилъ блестящимъ центромъ для всѣхъ французскихъ и чужестранныхъ либераловъ, такъ какъ онъ былъ старшимъ компаньономъ банкирской фирмы Гонтофсгеймъ и Гольшмидтъ. Амнистія 1867 года дозволила Бамбергеру вернуться въ Германію, и онъ былъ тотчасъ избранъ членомъ таможеннаго парламента; хотя практическое знакомство съ финансовой дѣятельностью и плутократіей заставили остыть его республиканскій жаръ, онъ все-таки остался твердымъ, стойкимъ либераломъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Но отличаясь горячимъ патріотизмомъ и преданностью идеѣ германскаго единства, онъ сначала поддался вліянію Бисмарка и во время франко-прусской войны оказалъ ему большое содѣйствіе въ подготовительной работѣ по устройству Германской имперіи. Затѣмъ, онъ энергично поддерживалъ желѣзнаго канцлера въ его культурной борьбѣ съ клерикалами, въ введеніи общей подачи голосовъ, устройствѣ народныхъ школъ и распространеніи свободной торговли.

Но какъ только Бисмаркъ преобразился въ защитника реакціи и протекціонизма, Бамбергеръ не только отвернулся отъ него, но вышелъ изъ партіи націоналъ-либераловъ, однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ вожаковъ которой онъ былъ въ рейстагѣ. Вмѣстѣ съ прогрессистами онъ составилъ партію свободномыслящихъ и съ тѣхъ поръ былъ самымъ ярымъ противникомъ желѣзнаго канцлера, его коммерческой политики, такъ называемаго государственнаго соціализма и колоніальнаго движенія. Въ 1893 году онъ потерпѣлъ пораженіе на парламентскихъ выборахъ и съ тѣхъ поръ болѣе не появлялся на политической аренѣ, а велъ спокойную литературную жизнь, продолжая перомъ отстаивать либеральные принципы, которымъ онъ дотолѣ служилъ краснорѣчивымъ словомъ и энергичнымъ дѣломъ. Наиболѣе замѣчательныя его сочиненія были: «Zur Deutschen Münzgesetzgebung», «Reichsgeld Studien über Währung und Wechsel», «Die Arbeiterfrage unter dem Gesischtspunkt des Vereinsrechts» и «Naturgeschichte des französischen Krieges». Еще въ 1867 г. онъ написалъ для «Revue Germanique» на французскомъ языкѣ мѣткую характеристику Бисмарка подъ заглавіемъ «Monsieur Bismarck», а за нѣсколько дней до своей смерти сказалъ послѣднее слово о «геніальномъ юнкерѣ», какъ онъ всегда его называлъ въ брошюрѣ «Bismarck posthumus». Послѣ Бамбергера остались драгоцѣнные мемуары, но, къ сожалѣнію, и они доведены только до созданія Германской имперіи, такъ что въ нихъ именно нѣтъ свѣдѣній объ его совмѣстной дѣятельности съ Бисмаркомъ, что̀ всего интереснѣе.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ характеристикѣ императора Николая I.

МНѢ БЫЛО всего пять лѣтъ, когда моя покойная мать, бывшая воспитанница Смольнаго монастыря, вышла къ обѣду въ черномъ платьѣ и съ заплаканными глазами; мы, дѣти, вндѣли ее первый разъ въ черномъ и въ слезахъ, и, конечно, стали ее спрашивать, о чемъ она плачетъ и отчего въ «скучномъ платьѣ». Она намъ отвѣчала, что государь скончался, и прибавила, когда мы не поняли, какое отношеніе имѣетъ смерть государя къ нашей семьѣ: «когда подростете, то вы узнаете, что сдѣлалъ государь для вашего дѣда и отца». Понятно, что потомъ мы много разъ слыхали эту чудесную повѣсть милости, великодушія и рыцарства государя, и я увѣрена, что много, очень много въ Россіи есть дворянскихъ семей, облагодѣтельствованныхъ такъ или иначе государемъ. Дѣдъ мой, Григорій Михайловичъ Лопатинъ, былъ сынъ виленскаго воеводы Михаила Лопатина. Гдѣ онъ учился—не знаю, но во время отечественной войны за отличіе былъ произведенъ въ полковники, а возвращаясь изъ Парижа въ 1814 году, получилъ командованіе полкомъ; ему въ то время было около 30 лѣтъ. Не знаю, куда слѣдовалъ полкъ на зимнія квартиры, но знаю, что побѣдоносное войско встрѣчали вездѣ съ тріумфомъ. Такимъ образомъ, проходили они черезъ гор. Торопецъ, Псковской губ., гдѣ въ то время былъ предводителемъ дворянства Александръ Алексѣевичъ Челищевъ, человѣкъ богатый, хлѣбосольный и отецъ красавицы дочери Капитолины Александровны, которой тогда было всего 13 лѣтъ. Предводитель дворянства, конечно, пригласилъ къ себѣ въ «Подгород-

ное» полкового командира и всѣхъ офицеровъ. Долго ли они тамъ пировали— не знаю, но, вѣроятно, не долго, такъ какъ полкъ долженъ былъ выступить, а дѣдъ мой настолько успѣлъ влюбиться въ бабку, что, боясь отказа, уѣзжая изъ «Подгороднаго», написалъ письмо будущему тестю, прося, въ случаѣ согласія, послать ему верхового на такую-то станцію. Предложеніе было принято, и жениха вернули. Влюбленный полковникъ полетѣлъ къ невѣстѣ, вѣроятно, думая на другой же день догнать полкъ и не передалъ командованія старшему послѣ себя офицеру, нѣмцу по происхожденію, который считалъ себя давно обиженнымъ по службѣ, а можетъ и предпочтеніемъ красавицы Челищевой, и не принялъ начальства. Полкъ, привыкшій къ нѣкоторой распущенности послѣ побѣдъ, разбрелся по окружнымъ деревнямъ, забирая вездѣ все, что нужно и не нужно. Дѣдъ думалъ, что уѣдетъ изъ «Подгородней» на другой же день, но не тутъ-то было — старинное русское хлѣбосольство, да еще по такому важному случаю, какъ сговоръ любимой дочери, взяло много времени, и на всѣ заявленія дѣда, что ему надо догонять полкъ, онъ получалъ отъ будущаго тестя отвѣтъ, что «полкъ не иголка—не потеряется», и не дождаться такой-то и такой-то важной родственницы для параднаго сговора — преступленіе, и дѣдъ оставался. Когда, наконецъ, онъ выѣхалъ, то полка нигдѣ не нашелъ: по дорогѣ до Осташковскаго уѣзда, Тверской губ., полкъ весь растаялъ, и дѣдъ въ отчаяніи остался съ незначительнымъ числомъ солдатъ въ деревнѣ, гдѣ была назначена стоянка полку (деревня эта называется Лопатино). Мало-по-малу начали собираться части полка, но вмѣстѣ съ ними начали поступать и требованія денегъ отъ помѣщиковъ и городовъ по квитанціямъ за забранный фуражъ, такъ какъ передъ этимъ было объявлено, что за все продовольствіе войска будетъ уплочено казною. Конечно, цѣны были назначены произвольно высокія и, такимъ образомъ, взысканіе съ моего дѣда равнялось нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ на ассигнаціи и, кромѣ того, надъ нимъ было наряжено слѣдствіе, какъ надъ преступникомъ по службѣ. Дѣдъ, сознавая свою фактическую вину, все это подробно и откровенно написалъ великому князю Николаю Павловичу, не прося помилованія, а лишь объясняя нравственную причину. Что же сдѣлалъ великій князь? Онъ лично просилъ государя объ его помилованіи и изъ своей собственной шкатулки заплатилъ весь долгъ, который бы разорилъ дѣда моего, тогда уже женатаго; но этого мало, послѣ смерти дѣда, государь, по восшествіи на престолъ, вспомнилъ облагодѣтельствованнаго имъ дѣда и приказалъ написать его вдовѣ, которая пережила дѣда всего на нѣсколько мѣсяцевъ, что всѣхъ дѣтей покойнаго государь принимаетъ въ казенныя учебныя заведенія на свой личный счетъ. Такимъ образомъ отецъ мой, бывшій смоленскій губернаторъ, Алекс. Григор. Лопатинъ, воспитывался на счетъ государя, и легко понять, какъ глубоко и свято въ нашей семьѣ почитается память государя, такъ трогательно и рыцарски спасшаго и честь и состояніе дѣда.

Капит. Алекс. Энгельгардтъ, урожденная Лопатина.

Ментона, 1899.

СМѢСЬ.

КЪ **ЮБИЛЕЮ Пушкина. I. Астрахань.** Съ разрѣшенія попечителя Казанскаго учебнаго округа, въ Астрахани, на масляницѣ, въ залѣ общественнаго собранія, состоится торжественное чествованіе Пушкина мѣстными среднимп учебными заведеніями. Начальники мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній предполагаютъ устроить платное литературно-музыкальное утро, весь сборъ съ съ котораго поступитъ, за исключеніемъ необходимыхъ расходовъ, въ пользу астраханскаго попечительства о бѣдномъ учащемся юношествѣ. Программа Пушкинскаго утра составлена интересно и разнообразно. Устроители утра заготовляютъ изящныя афиши съ портретомъ поэта и рисунками, представляющими нѣкоторыя сцены изъ лучшихъ произведеній Пушкина. На этомъ литературно-музыкальномъ утрѣ предполагается также устроить Пушкинскую выставку, а именно: его портреты, гравюры, различныя изданія его сочиненій (Смирдина, Анненкова, Исакова, Литературнаго Фонда, Суворина, Комарова, Карцева и проч.). **II. Вильна.** Иниціатива подготовленія въ Вильнѣ празднованія памяти Пушкина принадлежитъ мѣстному музыкально-драматическому кружку любителей. 29-го января, въ день кончины А. С. Пушкина, въ помѣщеніи музыкально-драматическаго кружка была отслужена, въ 3 часа дня, панихида. Залъ былъ убранъ зеленью и украшенъ портретомъ А. С. Предъ началомъ панихиды священникъ Померанцевъ сказалъ теплое слово, охарактеризовавъ въ немъ значеніе А. С. Пушкина для русской жизни и литературы, указавъ, что Вильна стоитъ съ покойнымъ поэтомъ въ связи еще и потому,

что въ древнѣйшемъ православномъ храмѣ ея—Пятницкой церкви, былъ крещенъ императоромъ Петромъ Великимъ дѣдъ А. С. по матери, А. П. Ганнибалъ, извѣстный «арапъ Петра Великаго». На панихиду, кромѣ членовъ кружка, собралось не мало мѣстныхъ русскихъ людей изъ интелигенціи; были на ней и почти всѣ артисты мѣстной драматической труппы. 6-го февраля музыкально-драматическій кружокъ устроилъ въ своемъ помѣщеніи вечеръ въ память А. С. Пушкина, который состоялъ изъ трехъ отдѣленій. Открытъ онъ былъ увертюрой оперы «Русланъ и Людмила», исполненной оркестромъ любителей изъ членовъ кружка. Затѣмъ былъ прочтенъ краткій очеркъ поэтической дѣятельности А. С. Пушкина, составленный однимъ изъ виленскихъ педагоговъ М. Х. Соколовымъ. Во время чтенія среди богато декорированной сцены стоялъ бюстъ поэта. 18-го февраля, въ городскомъ театрѣ состоялся «вечеръ, посвященный незабвенной памяти А. С. Пушкина». Весь сборъ съ этого спектакля поступаетъ въ пользу русскаго театральнаго общества, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ государя императора. Программа вечера состояла исключительно изъ произведеній поэта. Вся труппа, во главѣ съ г. Незлобинымъ, принимала участіе. Часть декорацій была изготовлена спеціально для этой цѣли, главною частью вечера былъ апоѳеозъ-интермедія. Сцена представляла красивый садъ, весь въ зелени и аркахъ изъ цвѣтовъ. Посреди на колоннѣ красовался бюстъ А. С. Пушкина, къ подножію котораго, по поднятіи занавѣса, были возложены лавровые вѣнки. Изъ боковыхъ кулисъ прослѣдовали попарно всѣ извѣстные герои поэта, съ лаврами и пальмами въ рукахъ, первыми «Онѣгинъ и Татьяна». Подойдя къ бюсту Пушкина, они поклонились ему и прикрѣпили свои вѣтки лавра и пальмы. То же исполнили и прочіе, и такимъ образомъ вокругъ бюста составился вѣнокъ изъ лавровъ и пальмъ. Послѣ Онѣгина и Татьяны слѣдовали: «Русланъ и Людмила», «Старикъ и Старуха» изъ сказки о «Рыбакѣ и рыбкѣ», «Мазепа и Марія», «Мельникъ и Русалка», «Моцартъ и Сальери», «Графиня и Германъ» изъ «Пиковой дамы», «Капитанъ Мироновъ и его дочь», «Цыгане — Алеко и Земфира», «Статуя Командора и Лепорелло», «Пѣвцы и гусляры». Когда каждая пара стала на свое мѣсто, при чемъ на аркѣ, ихъ окружающей, открывались соотвѣтственныя надписи, пѣвцы и хоръ исполнили «Славу», подъ акомпаниментъ музыки, спеціально аранжированной на темы Пушкина. **III. Воронежъ.** По докладу «комиссіи по вопросу о постройкѣ зданія для публичной библіотеки, народныхъ чтеній, музея и рисовальной школы», «Пушкинскій Народный Домъ» еще не рѣшенъ окончательно. На постройку народнаго дома предлагается Воронежской городской думѣ капиталъ въ 80.000 рублей изъ 4% роста и 4% погашенія на 17 лѣтъ, по истеченіи которыхъ зданіе поступаетъ въ полную собственность города. Предполагается, что съ процентами, погашеніемъ и прочими расходами думѣ придется ежегодно прилачивать по 3.500 рублей. Городской голова недовѣрчиво относится къ послѣдней цифрѣ и теперь вопросъ о Пушкинскомъ народномъ домѣ вновь переданъ на разсмотрѣніе въ городскую финансовую комиссію для точнаго опредѣленія тѣхъ расходовъ, какіе долженъ будетъ принять на себя городъ въ случаѣ осуществленія проекта о постройкѣ этого дома. Народный домъ проектируется построить въ центрѣ города, близъ Кольцовскаго сквера. Воронежская

публичная библіотека въ общемъ годичномъ собраніи членовъ постановила открыть на одной изъ городскихъ окраинъ третье филіальное отдѣленіе библіотеки, назвавъ это отдѣленіе Пушкинскимъ. Комиссія народныхъ чтеній, въ Воронежѣ, отзовется на чествованіе Пушкина двумя безплатными чтеніями, посвященными памяти великаго поэта. Въ засѣданіи городской думы 18-го февраля единогласно принято предложеніе городской управы почтить память А. С. Пушкина слѣдующимъ образомъ: 26-го мая отслужить въ залѣ городской думы панихиду въ присутствіи гласныхъ думы и всѣхъ желающихъ почтить память поэта; открыть городское мужское приходское училище, наименовавъ его «Пушкинскимъ»; просить воронежскую комиссію народныхъ чтеній организовать юбилейный день въ фойе зимняго театра или въ другомъ помѣщеніи народное чтеніе изъ произведеній А. С. Пушкина; поручено управѣ пріобрѣсти и роздать всѣмъ ученикамъ и ученицамъ городскихъ школъ, а при возможности и народу, сборники избранныхъ сочиненій Пушкина или листы, съ оттискомъ на нихъ портрета, краткой біографіи и избранныхъ произведеній Пушкина. **IV. Екатеринославъ. 1).** Особо избранная комиссія выработала и представила въ распорядительный комитетъ комиссіи народныхъ чтеній программу чествованія столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина. Порядокъ празднованія по программѣ предположенъ слѣдующій: 1) назначить на 24 мая 1899 г. торжественное засѣданіе членовъ комиссіи по устройству народныхъ чтеній, которое должно быть всецѣло посвящено памяти великаго поэта. Засѣданіе должно быть открыто рѣчью на тему: «А. С. Пушкинъ, какъ народный поэтъ». Остальная часть засѣданія должна быть посвящена чтенію воспоминаній о Пушкинѣ. Затѣмъ комиссія находитъ, что желательно было бы для ознаменованія столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина учредить при комиссіи народныхъ чтеній литературное общество подъ наименованіемъ «Пушкинское общество любителей искусствъ и литературы»; 2) 27 мая утромъ устроить общедоступное чтеніе для народа, первая часть котораго должна быть посвящена сообщенію краткой біографіи А. С. Пушкина; затѣмъ должно быть прочитано какое нибудь цѣльное произведеніе поэта, кккъ, напримѣръ, «Русланъ и Людмила» или «Мѣдный Всадникъ»; конецъ же вечера долженъ быть посвященъ пѣнію, музыкѣ и декламаціи, для чего предположено войти въ соглашеніе съ екатеринославскимъ отдѣломъ императорскаго музыкальнаго общества и другими представителями изящныхъ искусствъ въ городѣ Екатеринославѣ; 3) въ тотъ же день, вечеромъ, устроить за плату Пушкинскій литературно-музыкальный вечеръ для интеллигентной публики; 4) пригласить профессора Харьковскаго университета, Овсяннико-Куликовскаго, для прочтенія 30 мая въ народной аудиторіи публичной лекціи объ А. С. Пушкинѣ. Распорядительный комитетъ комиссіи народныхъ чтеній принялъ программу чествованія памяти А. С. Пушкина, выработанную спеціальною комиссіей, и постановилъ: 1) для общедоступныхъ чтеній для народа выписать изъ саратовской комиссіи народныхъ чтеній 75 туманныхъ картинъ, для иллюстрированія сообщенія о біографіи поэта и его произведеній; 2) пригласить для участія въ литературномъ вечерѣ нѣсколькихъ лицъ и для устройства музыкальнаго отдѣленія вечера войти въ соглашеніе съ екатеринославскимъ отдѣломъ императорскаго музыкальнаго об-

щества, представителя котораго пригласить для совѣщанія въ слѣдующее засѣданіе распорядительнаго комитета. 2) На послѣднемъ засѣданіи думской комиссіи, разрабатывающей вопросъ объ организаціи въ Екатеринославѣ празднествъ 26 и 27 мая текущаго года по случаю столѣтія рожденія знаменитаго русскаго поэта А. С. Пушкина, съ цѣлью особенно ознаменовать въ Екатеринославѣ память незабвеннаго поэта, рѣшено возбудить предъ городскимъ общественнымъ управленіемъ ходатайство о сооруженіи спеціальнаго зданія для народной читальни и наименовать ее «Пушкинскою». Читальню предположено открыть въ какой либо мѣстности Екатеринослава, наиболѣе заселенной рабочимъ и мастеровымъ людомъ. Въ случаѣ, если городъ согласится на открытіе такой читальни, будутъ просить о немедленномъ осуществленіи этого, предлагая на первое время, до сооруженія спеціальнаго зданія, читальню открыть гдѣ либо въ наемномъ помѣщеніи. Ко дню празднованія юбилея комиссія имѣетъ въ виду пріобрѣсти нѣкоторое количество недорогихъ юбилейныхъ изданій сочиненій Пушкина и раздать ихъ народу. 3) 28-го января, въ помѣщеніи городской управы, происходило второе засѣданіе думской комиссіи, избранной для детальной разработки вопроса объ организаціи въ Екатеринославѣ празднества въ день столѣтней годовщины А. С. Пушкина. По всестороннемъ обсужденіи вопроса объ организаціи празднества, которому предположено придать характеръ спеціально народный и одновременно дѣтскій, комиссія постановила слѣдующее. По предложенію Я. Г. Гололобова, рѣшено «Пушкинскій праздникъ» пріурочить къ организуемому въ этомъ году въ Екатеринославѣ для всѣхъ учащихся празднику «древонасажденія». Выработанную съ этою цѣлью программу представить на усмотрѣніе попечителя Одесскаго учебнаго округа и просить его разрѣшенія на право участія въ празднествѣ всей учащейся екатеринославской молодежи обоего пола, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Праздникъ древонасажденія рѣшено устроить за городомъ на свободномъ участкѣ городской земли, у такъ называемаго монастырскаго лѣса. Для этой цѣли тамъ отведена уже цѣлая десятина земли, удобной для растительности. Посадка молодыхъ саженцевъ будетъ произведена на шестой недѣлѣ Великаго поста. Будущая роща получитъ наименованіе «Пушкинской». Обсуждался вопросъ объ устройствѣ праздника древонасажденія на Военной улицѣ, ширина которой весьма значительна, и здѣсь можно бы насадить прекрасный бульваръ, который также наименовать «Пушкинскимъ», но это признано неудобнымъ потому, что среди улицы, въ центрѣ города, собирать массу дѣтей и устраивать для нихъ праздникъ—совсѣмъ нежелательно. Въ этомъ же засѣданіи программа празднованія юбилея и ознаменованія его намѣчена слѣдующимъ образомъ: 26 мая, въ каѳедральномъ соборѣ будетъ отслужена, въ присутствіи всѣхъ учащихся, торжественная панихида по покойномъ поэтѣ. Затѣмъ для учащихся въ залѣ Потемкинскаго дворца (если на это будетъ дано разрѣшеніе мѣстнаго дворянства) будетъ устроено вокально-музыкальное утро. На эстрадѣ будетъ установленъ бюстъ поэта. Во всѣхъ театрахъ города въ этотъ день для учащихся, вечеромъ, будутъ устроены безплатные спектакли; во всѣхъ садахъ безплатныя гулянья для народа съ музыкой, туманными картинами, чтеніями и объясненіями народу о значеніи торжества. 27 мая, въ зданіи аудиторіи народныхъ чтеній, въ новомъ театрѣ уѣзднаго

попечительства о народной трезвости и въ помѣщеніи циклодрома велосипедистовъ, для всѣхъ учащихся въ низшихъ школахъ будутъ устроены чтенія съ туманными картинами. **V. Елецъ.** Пушкинскій юбилей мѣстная городская дума предполагаетъ ознаменовать устройствомъ школы и библіотеки-читальни имени Пушкина, а комитетъ народныхъ чтеній предполагаетъ образовать фондъ для капитала на постройку особой большой аудиторіи для народныхъ чтеній, въ которой уже давно въ Ельцѣ ощущается необходимость. Притомъ въ дни Пушкинскихъ торжествъ будетъ устроенъ рядъ чтеній для народа съ туманными картинами на сюжеты Пушкинскихъ произведеній. **VI. Казань.** Городская Пушкинская комиссія предложила придать Пушкинскому дню характеръ, прежде всего, школьнаго празднества, сдѣлавъ его въ то же время всенароднымъ, а также пріурочить къ этому дню закладку народной аудиторіи. **VII. Калуга.** Въ Калугѣ организовалась Пушкинская комиссія изъ выборныхъ представителей общества калужской безплатной народной библіотеки-читальни, общества взаимопомощи учащимъ и учившимъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Калужской губерніи и мужской воскресной школы. Въ комиссіи принимаютъ участіе и многіе другіе члены этихъ учрежденій. На первомъ собраніи ея присутствовало до 30 человѣкъ. Предметомъ обсужденія перваго собранія были вопросы объ общемъ характерѣ «Пушкинскихъ дней», мѣстѣ и времени ихъ устройства, объ ихъ общедоступности и нѣкоторые другіе. Рѣшено устроить рядъ литературно-музыкальныхъ и художественныхъ вечеровъ изъ произведеній самого Пушкина, при чемъ родственнику поэта Д. Д. Гончарову поручено составить по семейнымъ воспоминаніямъ и реликвіямъ небольшую статью для публичнаго чтенія—о пребываніи Пушкина въ Калугѣ и въ Полотняномъ Заводѣ (имѣніе Гончаровыхъ, къ семьѣ которыхъ принадлежала жена поэта). Для выработки программъ избраны три подкомиссіи: литературная, художественная и музыкальная. Послѣднія уже приступаютъ къ своей работѣ. **VIII. Кіевъ.** 1) Дума рѣшила ознаменовать столѣтіе со дня рожденія Пушкина слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, устроить праздникъ для воспитанниковъ всѣхъ городскихъ училищъ съ раздачею имъ избранныхъ сочиненій Пушкина, ассигновать на пріобрѣтеніе изданій 2.000 рублей; во-вторыхъ, дума рѣшила учредить въ Кіевѣ четыре городскія училища имени А. С. Пушкина; въ-третьихъ, рѣшено открыть новую безплатную народную читальню имени поэта и, въ-четвертыхъ, ассигновать 1.000 рублей на учрежденіе стипендій имени поэта для воспитанниковъ городскихъ училищъ. Независимо отъ этого дума, по предложенію гласнаго О. О. Эйхельмана, рѣшила возбудить передъ правительствомъ ходатайство о разрѣшеніи устроить въ Кіевѣ на средства города и частныя пожертвованія «Пушкинскую гимназію», учебное заведеніе новаго типа, въ которомъ преподаваніе древнихъ языковъ было бы замѣнено преподаваніемъ новыхъ языковъ и естественныхъ наукъ, причемъ окончившимъ курсъ этого заведенія предоставлялось бы право поступать въ высшія учебныя заведенія. Избрана особая комиссія подъ предсѣдательствомъ О. О. Эйхельмана для разработки мотивированнаго ходатайства по этому вопросу. 2) Комиссія изъ профессоровъ университета, обсудивъ вопросовъ объ устройствѣ празднованія столѣтняго юбилея А. С. Пушкина, обратилась ко всѣмъ владѣльцамъ какихъ либо предметовъ,

относящихся къ личности А. С. Пушкина или близко стоявшихъ къ нему современниковъ (портретовъ большаго формата, бюстовъ поэта, старыхъ изданій сочиненій А. С. Пушкина, появившихся при его жизни, рукописныхъ списковъ съ его сочиненій) съ покорнѣйшею просьбой выслать въ университетъ (по адресу: Кіевъ, университетъ св. Владиміра, библіотека, въ Пушкинскую комиссію) на время до 1-го іюня (когда вещи будутъ возвращены казенною посылкой черезъ университетъ владѣльцамъ), въ виду предполагаемой Пушкинской выставки въ одной изъ залъ университета, а также для обзора матеріаловъ въ приготовляемомъ университетомъ къ печати сборникѣ статей объ А. С. Пушкинѣ и его эпохѣ. 3) Въ Кіевѣ педагогическомъ обществомъ предпринятъ рядъ лекцій о Пушкинѣ и его поэзіи. 30-го января, въ IX аудиторіи университета св. Владиміра, была прочитана 1-лекція А. М. Лободой на тему: «Общество и литература въ Россіи наканунѣ Пушкина». Эта лекція по своимъ результатамъ вполнѣ доказала, что мысль педагогическаго общества вполнѣ удачна. Билеты были проданы всѣ, и многимъ изъ слушателей не хватило мѣстъ въ довольно обширной аудиторіи. Слѣдующая лекція состоится 6-го февраля. В. С. Рыбинскій прочтетъ: «Дѣтство, отрочество и юность Пушкина». **IX. Коломна.** На первомъ засѣданіи 15-го февраля представителей городскихъ и уѣздныхъ жителей рѣшено: гласный Е. М. Левинъ, А. Н. Сазоновъ, онъ же и предсѣдатель земской управы, городской голова Посохинъ вносятъ предложеніе въ думу о преобразованіи Коломенской женской прогимназіи въ гимназію съ наименованіемъ ее Пушкинскою. Е. М. Левинъ, состоящій почетнымъ попечителемъ мужской гимназіи въ г. Коломнѣ, снабжаетъ всѣхъ учениковъ полнымъ собраніемъ сочиненій Пушкина. Въ юбилейный день все коломенское общество и ученики городскихъ училищъ соберутся въ соборъ на торжественное богослуженіе и паннихиду. Въ залѣ гимназіи будутъ произнесены рѣчи о значеніи нашего національнаго поэта для Россіи и всего человѣчества. Вечеромъ въ двухъ мѣстныхъ клубахъ устроятся спектакли и живыя картины изъ пушкинскихъ произведеній. Для народа готовятся отъ города увеселенія на площади. Будутъ играть два оркестра музыки. Кромѣ того, участники лажечниковской библіотеки постановили: основать при библіотекѣ пушкинскую народную читальню съ постановкой въ ней бюста поэта. **X. Москва.** 1) Совѣтъ Московскаго университета въ засѣданіи 13-го февраля обсуждалъ вопросъ объ участіи университета въ чествованіи памяти А. С. Пушкина. По слухамъ, предположено, 26-го мая, послѣ литургіи и панихиды въ университетской церкви, устроить въ актовой залѣ торжественное публичное засѣданіе съ произнесеніемъ рѣчей въ память великаго поэта. Кромѣ того, предположено назвать одну изъ залъ новой университетской библіотеки Пушкинскою и помѣстить въ ней портретъ поэта. 2) Пушкинская комиссія, состоящая при московскомъ обществѣ любителей россійской словесности, имѣла 16-го февраля девятое засѣданіе подъ предсѣдательствомъ профессора А. И. Кирпичникова. На собраніи былъ разсмотрѣнъ рядъ вопросовъ. Комиссія разрѣшила на Пушкинской выставкѣ продавать изданія, портреты и художественныя произведенія, относящіяся къ Пушкину. Пушкинская выставка будетъ устроена въ залахъ историческаго музея, расположенныхъ во второмъ этажѣ

по фасаду, обращенному къ Кремлю; для выставки отведено шесть большихъ залъ. Правленіе общества камерной, вокальной и оркестровой музыки обратилось въ комиссію съ предложеніемъ принять участіе въ Пушкинскихъ торжествахъ совмѣстно съ обществомъ любителей россійской словесности. Предложеніе было принято, и постановлено благодарить общество. Учреждена особая комиссія по устройству литературно-музыкальныхъ вечеровъ, въ составъ которой избраны: профессоры Н. И. Стороженко, А. И. Кирпичниковъ и А. Н. Веселовскій, В. И. Сафоновъ, князь А. И. Сумбатовъ, Г. Н. Федотова, М. Н. Ермолова, А. Е. Носъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко и князь А. Е. Львовъ. Было постановлено обратиться къ ученымъ, литературнымъ и художественнымъ обществамъ и учрежденіямъ столицы съ предложеніемъ принять участіе въ Пушкинскихъ торжествахъ при обществѣ любителей россійской словесности. Комиссія разрѣшила художнику Шрейдеру выставить картину «Бѣсы» на Пушкинской выставкѣ. 3) Московская губернская земская управа предполагаетъ ознаменовать столѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина учрежденіемъ въ каждомъ уѣздѣ по одной народной библіотекѣ въ такой мѣстности уѣзда, гдѣ по условіямъ жизни населенія чувствуется въ этомъ наибольшая нужда и будетъ предоставлено необходимое для такой библіотеки помѣщеніе, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя ожидать безъ помощи земства учрежденія такой библіотеки. Библіотеки предположено украсить портретами А. С. Пушкина. 4) Московская городская управа предполагаетъ особенно роскошно украсить 26-го мая памятникъ Пушкина. Къ этому времени будутъ поставлены около памятника новые красивые фонари съ эффектнымъ освѣщеніемъ, которые затѣмъ останутся у памятника навсегда. Кромѣ того, управа поручила архитектору И. А. Иванову-Шитцъ выработать проектъ декорацій и украшеній памятника, которыя могли бы способствовать величію памятника, а также позволяли бы располагать у подножія его вѣнки, возложеніе которыхъ предположено различными обществами. Городская управа въ настоящее время уже намѣтила содержаніе книгъ, которыя будутъ розданы безплатно 26-го мая ученикамъ городскихъ начальныхъ училищъ. Это юбилейное изданіе, содержащее исключительно сочиненія А. С. Пушкина, будетъ состоять изъ трехъ томовъ. Первый томъ, предназначенный для раздачи въ 1-й классъ училищъ, включитъ въ себя сказки — «О Царѣ Салтанѣ», «Рыбакѣ и рыбкѣ» и «О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ», какъ болѣе доступныя для дѣтскаго пониманія. Во второй томъ, размѣромъ до 6 печ. листовъ, войдутъ поэмы «Полтава», «Мѣдный всадникъ», «Пиръ Петра Великаго» и др. Болѣе объемистый томъ будетъ 3-й—до 25 печ. листовъ; въ него, кромѣ избранныхъ мелкихъ стихотвореній, войдутъ «Борисъ Годуновъ», «Евгеній Онѣгинъ» и др. крупныя вещи. Ко всему изданію будетъ приложенъ портретъ Пушкина (съ гравюры Уткина) на отдѣльномъ листѣ и видъ памятника ему въ Москвѣ. Къ печатанію изданія будетъ приступлено въ непродолжительномъ времени. 5) Въ происходившемъ 20 февраля засѣданіи педагогическаго общества при Московскомъ университетѣ обсуждалось предложеніе отдѣленія русскаго языка и словесности объ участіи общества въ празднованіи столѣтія со дня рожденія Пушкина. По предложенію отдѣленія, было постановлено назначить особую депутацію съ привѣтствіемъ отъ отдѣленія русскаго языка и словесности въ тор-

жественное засѣданіе общества любителей россійской словесности. Было рѣшено устроить отъ педагогическаго общества публичное засѣданіе въ мартѣ или апрѣлѣ, которое было бы посвящено памяти Пушкина. Далѣе было постановлено ходатайствовать предъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа, чтобы для всѣхъ учащихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ были устроены празднества по слѣдующей программѣ: 1) 26 мая панихида въ храмѣ Христа Спасителя и затѣмъ торжественное шествіе учащихся къ памятнику Пушкина подъ звуки военнаго оркестра; 2) возложеніе вѣнковъ на памятникъ Пушкина депутаціями отъ учебныхъ заведеній; 3) пѣніе ученическими хорами и исполненіе музыкальныхъ піесъ предъ памятникомъ; 4) произнесеніе рѣчей у памятника; 5) исполненіе гимна; 6) Пушкинскіе вечера для учащихся въ императорскихъ театрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено просить попечителя учебнаго округа, чтобы подробная выработка программы и общая организація торжествъ для учащихся была поручена совѣту педагогическаго общества. По предложенію одного изъ членовъ, общество назначило двухъ представителей въ Пушкинскую комиссію общества любителей россійской словесности для совмѣстнаго обсужденія объ устройствѣ Пушкинскихъ празднествъ. **6)** Надняхъ послѣдовало утвержденіе августѣйшимъ попечителемъ училища проекта участія училища живописи, ваянія и зодчества въ праздновании юбилея А. С. Пушкина. Въ училищѣ предполагается: 1) предложить учащимся живописнаго и скульптурнаго отдѣленія, въ числѣ другихъ темъ для эскизовъ, темы изъ біографіи и твореній Пушкина, а для учащихся архитектурнаго отдѣленія—проектъ Пушкинской читальни и аудиторіи; за лучшія работы назначить въ видѣ преміи—жетоны; 2) учредить вечернія бесѣды, послѣ 7 часовъ вечера, при участіи преподавателей училища и подъ руководствомъ профессора А. И. Кирпичникова, посвященныя изученію біографіи и твореній А. С. Пушкина, между прочимъ—съ цѣлью выбора художественныхъ темъ; 3) помѣстить бюстъ Пушкина въ актовомъ залѣ училища; 4) въ день чествованія памяти А. С. Пушкина (26 мая) отправить депутацію отъ училища для участія въ общемъ праздновании юбилея; 5) если въ программу общаго чествованія памяти Пушкина войдетъ возложеніе вѣнковъ на его памятникъ, то возложить вѣнокъ отъ училища; 6) 19 октября отслужить въ училищѣ панихиду и устроить торжественный актъ съ постановкой бюста, выставкой премированныхъ ученическихъ работъ на предложенныя въ томъ пунктѣ темы и раздачей за нихъ жетоновъ. На пріобрѣтеніе бюста А. С. Пушкина предположено ассигновать 600 рублей; жетоны же пожертвованы училищу лицомъ, пожелавшимъ отстаться непзвѣстнымъ. **7)** Въ 3-й московской классической гимназіи состоялось 23 февраля литературно-музыкальное утро, посвященное А. С. Пушкину; исполнителями выступили исключительно воспитанники гимназіи. Эстрада въ залѣ гимназіи была красиво убрана лавровыми деревьями, среди которыхъ возвышался бюстъ поэта. 25 февраля Пушкинское утро было повторено по желанію воспитанниковъ и ихъ родителей, не имѣвшихъ возможности присутствовать на первомъ утрѣ. **XI. Нижній Новгородъ. 1)** Нижегородская городская управа вноситъ докладъ по вопросу о чествованіи памяти А. С. Пушкина и возстановляетъ въ памяти думы всѣ тѣ пожеланія, которыя были высказаны гласными еще во

время открытія памятника поэту въ Москвѣ. Въ числѣ этихъ благихъ пожеланій, забытыхъ въ настоящее время, значится открытіе подписки на сооруженіе памятника поэту въ Нижнемъ и устройство сада его имени. Существуетъ предположеніе именемъ поэта назвать садикъ на Большой Покровской улицѣ, въ которомъ и поставить бюстъ его. 2) Губернская земская управа, озабоченная изготовленіемъ картинъ для народныхъ чтеній въ память Пушкина, поручила снять для этой цѣли 15—20 видовъ Болдина—виды усадьбы, церкви, школы, базара, сосѣдняго села Кистенева, портретъ старика, мѣстнаго жителя, помнящаго Пушкина, видъ его избы и пр. Въ началѣ поста соберется, по словамъ «Нижегородскаго Листка», комиссія, избранная послѣднимъ очереднымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, и обсудитъ, какъ израсходовать 5 тыс. руб., ассигнованные собраніемъ на празднованіе Пушкинскаго юбилея. Существуетъ проектъ, при предстоящемъ преобразованіи одноклассной школы въ Болдинѣ въ двухъ-классное министерское училище, исходатайствовать присвоеніе ей имени Пушкина и открыть нѣсколько новыхъ школъ въ окрестности съ наименованіемъ ихъ Пушкинскими. Будетъ поднятъ также, вѣроятно, въ комиссіи вопросъ о безплатной раздачѣ популярной біографіи поэта населенію. Губернское земство организуетъ Пушкинскія народныя чтенія во всѣхъ уѣздахъ (передвижныя, изъ школы въ школу), кромѣ нижегородскаго, земство котораго устраиваетъ ихъ отъ себя. 3) Общество распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи съ своей стороны намѣрено устроить празднество въ честь Пушкина. Въ состоявшемся надняхъ засѣданіи совѣта общества рѣшено устроить въ день рожденія Пушкина большое безплатное народное чтеніе въ манежѣ, посвященное памяти покойнаго поэта; кромѣ того, общество въ тотъ же день устроитъ народное гулянье. 4) По порученію нижегородскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, инспекторомъ народныхъ училищъ Н. Н. Іорданскимъ составленъ докладъ по вопросу о чествованіи памяти Пушкина въ народныхъ школахъ Нижегородскаго уѣзда. Докладъ основанъ на той мысли, что чествованіе памяти поэта должно включать: 1) ознакомленіе дѣтей и народа съ произведеніями его и его біографіей, 2) устройство юбилейныхъ празднествъ и 3) увѣковѣченіе памяти поэта среди сельскаго населенія. Дѣти сельскихъ училищъ хотя знаютъ имя Пушкина изъ хрестоматіи, но еще мало знакомы съ его произведеніями и жизнью. Для чтеній о Пушкинѣ (непремѣнно съ волшебнымъ фонаремъ) докладчикъ предлагаетъ распредѣлить школы Нижегородскаго уѣзда на 15—20 группъ, приготовить коллекціи картинъ и брошюры и разослать ихъ въ школы каждой группы для чтенія и демонстраціи въ каждой школѣ поочередно; кромѣ учащихся, слѣдуетъ пригласить на чтенія и взрослыхъ. Въ одинъ или два мѣсяца чтенія будутъ закончены во всѣхъ школахъ каждой группы и всего уѣзда. Самое чествованіе, гдѣ можно по мѣстнымъ условіямъ, лучше пріурочить къ 26-му мая. Но при невозможности привлечь населеніе въ школы въ этотъ день придется устроить праздникъ на Пасхѣ. Церковное празднество слѣдуетъ ознаменовать торжественной панихидой по поэтѣ. Школьное и народное торжество должно быть литературнымъ и, по возможности, музыкально-литературнымъ. Народъ и дѣти уже раньше будутъ ознакомлены съ біографіей Пушкина и его поэзіей на чтеніяхъ. Краткая рѣчь свя-

щенника и учителя о значеніи его можетъ быть дополнена чтеніемъ дѣтьми его мелкихъ произведеній. Школьный хоръ могъ бы исполнить народный гимнъ и нѣсколько пѣсенъ со словами Пушкина. Такимъ образомъ литературный праздникъ сильнѣе запечатлѣетъ въ памяти народа пушкинскій день. Сохранить его въ этой памяти необходимо и другими нерукотворными памятниками, имѣющими просвѣтительное значеніе: а) раздача произведеній поэта учащимся желательна, но вызвала бы крупный расходъ; возможно ограничиться раздачей избранныхъ сочиненій и лишь кончающимъ курсъ ученикамъ; б) учрежденіе одной или нѣсколькихъ народныхъ библіотекъ-читаленъ имени Пушкина на средства уѣзднаго земства; в) открытіе образцовой по помѣщенію и обстановкѣ новой начальной школы въ уѣздѣ съ наименованіемъ Пушкинской. Докладчикъ руководился тою мыслью, что по программѣ празднованія въ Нижегородскомъ уѣздѣ безъ особеннаго труда могли бы быть устроены такія же празднованія и въ другихъ уѣздахъ. Тогда «пушкинскіе дни» распространились бы на всю губернію. Смѣта необходимыхъ расходовъ (по уѣзду) выражается въ такихъ суммахъ: 177 р. на изготовленіе картинъ и на пріобрѣтеніе сочиненій Пушкина для 600 учащихся. Картины въ біографіи Пушкина предположены: портреты его въ дѣтствѣ, въ зрѣломъ возрастѣ, портретъ императора Николая I, Пушкинъ въ Михайловскомъ, смерть его, памятникъ въ Москвѣ, могила. Эти предложенія Н. Н. Іорданскаго были приняты училищнымъ совѣтомъ. Рѣшено также отпечатать краткій очеркъ жизни поэта, составленный Н. Н. Іорданскимъ. 5) 18-го февраля спектакль въ Нижегородскомъ театрѣ былъ посвященъ памяти А. С. Пушкина. Чествованіе, по словамъ мѣстнаго «Листка», началось чтеніемъ стихотвореній, посвященныхъ поэту, предъ бюстомъ послѣдняго, къ присутствіи всей труппы. Къ подножію бюста г. Собольщиковымъ-Самаринымъ былъ положенъ лавровый вѣнокъ. Затѣмъ слѣдовало чтеніе отрывковъ изъ произведеній Пушкина. Послѣ отрывковъ изъ произведеній Пушкина послѣдовала живая картина: «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ»; картина была поставлена очень хорошо и вызвала шумные аплодисменты. Спектакль закончился апоѳеозомъ: ангелъ вѣнчаетъ лавровымъ вѣнкомъ поэта, окруженнаго героями его произведеній. Апоѳеозъ былъ, по требованію публики, повторенъ нѣсколько разъ. На другой день назначено было повтореніе этого же спектакля.

XII. Одесса. 1) Чествовать память Пушкина въ Одессѣ полагаютъ слѣдующимъ образомъ: избрать депутацію для привѣтствованія отъ имени одесскаго городского управленія, въ торжественномъ засѣданіи Новороссійскаго университета 26-го мая; отвести для сооруженія Пушкинскаго дома 1.230 кв. саж. земли на Алексѣевской площади, въ кварталѣ, гдѣ предположено сооруженіе средняго техническаго училища; внести въ городскую смѣту 1900 года 6.970 рублей на открытіе съ 1-го января 1900 года на Молдаванкѣ народной читальни имени Пушкина (на обзаведеніе 3.000 руб. и на содержаніе 3.970 руб.), и ассигновать до 3.000 рублей на устройство празднествъ 26-го и 27-го мая этого года. По совѣсти сказать, Одесса могла бы и побольше расщедриться и, между прочимъ, принять участіе въ подпискѣ на всероссійскій памятникъ Пушкину въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ одесскую городскую управу, по словамъ мѣстнаго «Листка», поступило предложеніе гл. В. В. Навроцкаго объ

устройствѣ въ Одессѣ «Убѣжища для инвалидовъ печати имени А. С. Пушкина», въ которомъ находили бы себѣ убѣжище труженики печати, начиная отъ литератора и кончая наборщикомъ, безъ различія званія, состоянія, класса и вѣроисповѣданія, преждевременно разстроившіе свои силы и здоровье на поприщѣ служенія печатному слову, или потерявшіе, вслѣдствіе преклоннаго возраста, способность къ другому занятію. Устройство такого убѣжища, которое должно быть наименовано Пушкинскимъ, въ честь великаго поэта, наиболѣе умѣстно, по мнѣнію автора предложенія, въ Одессѣ, которая, по своему климату и курортамъ, и какъ центръ юга Россіи, представляется наиболѣе соотвѣтствующимъ пунктомъ для данной цѣли. На убѣжище это собрано уже до пятнадцати тысячъ рублей; одесская управа предлагаетъ думѣ отвести подъ него участокъ городской земли. 2) Проектъ чествованія въ Одессѣ памяти А. С. Пушкина 26-го мая выработанъ соединеннымъ собраніемъ членовъ комиссіи, избранной совѣтомъ Новороссійскаго университета, и комиссіи, составленной правленіемъ историко-филологическаго общества. Постановлено, что чествованіе столь знаменательнаго дня не должно имѣть характера празднества узкаго, замкнутаго въ тѣсныхъ предѣлахъ университета или отдѣльныхъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ. Дни Пушкинскихъ празднествъ должны объединить культурныя силы мѣстнаго общества и слить отдѣльныя проявленія ихъ дѣятельности въ одно гармоническое цѣлое. Для обсужденія вопроса о степени участія города въ Пушкинскихъ празднествахъ состоялось, по словамъ «Одесскаго Листка», подъ предсѣдательствомъ исправляющаго должность городского головы А. А. Швенднера, засѣданіе, въ которомъ приняли участіе представители славянскаго общества, городской театральной комиссіи и лекціоннаго комитета. Въ собраніи въ общихъ чертахъ, такимъ образомъ, намѣчено участіе города въ предстоящемъ чествованіи памяти поэта. По иниціативѣ городского общественнаго управленія, отслужена будетъ панихида, на которую будутъ приглашены, кромѣ гласныхъ городской думы, депутаціи отъ различныхъ обществъ и учрежденій. Затѣмъ городское общественное управленіе приметъ участіе въ торжественномъ церемоніальномъ шествіи передъ памятникомъ А. С. Пушкина на бульварѣ, при чемъ отъ имени городского общественнаго управленія также будетъ возложенъ вѣнокъ на памятникъ. Въ городскомъ театрѣ, народныхъ аудиторіяхъ на Старо-Портофранковской ул., на Слободкѣ-Романовкѣ и на Пересыпи, а также въ нѣкоторыхъ другихъ учрежденіяхъ, будутъ поставлены Пушкинскіе спектакли. Въ собраніи высказана была также симпатичная мысль о томъ, чтобы Пушкинскій праздникъ ознаменовался у насъ устройствомъ какого либо учрежденія, имѣющаго образовательный и воспитательный характеръ, имени А. С. Пушкина. Вопросъ будетъ окончательно рѣшенъ думой. **XIII. Орелъ.** Особое совѣщаніе, созванное орловскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства М. А. Стаховичемъ, по вопросу о наиболѣе достойномъ чествованіи въ Орлѣ Пушкинскаго юбилея, собралось на засѣданіе 14-го февраля, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Никанора. Въ результатѣ была выработана примѣрная слѣдующая программа празднованія: 1) подготовительныя лекціи за нѣкоторое время до наступленія юбилея; 2) 26-го мая: а) торжественная литургія и панихида въ соборѣ; b) соединенное торжественное засѣданіе

обществъ; c) безплатное чтеніе для взрослыхъ въ читальняхъ и другихъ помѣщеніяхъ; d) дневной безплатный дѣтскій праздникъ—гулянье, шествія и игры; e) дневныя безплатныя представленія для дѣтей во всѣхъ театрахъ и циркѣ; f) литературно-музыкальный вечеръ въ дворянскомъ собраніи; 3) 27-го мая: a) платное гулянье въ саду и другихъ мѣстахъ для взрослыхъ, и b) платные спектакли для взрослыхъ въ театрахъ и циркѣ. М. А. Стаховичъ высказалъ мнѣніе о необходимости отмѣтить день столѣтняго юбилея чѣмъ либо, что постоянно напоминало бы объ А. С. Пушкинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетворяло бы одну изъ культурныхъ потребностей г. Орла. Указавъ на существующій громадный спросъ на книги для чтенія со стороны населенія, что̀ можно видѣть изъ краснорѣчивыхъ данныхъ Тургеневской читальни, г. Стаховичъ высказался за желательность учрежденія въ память А. С. Пушкина публичной библіотеки и представилъ собранію примѣрный проектъ такой библіотеки, выработанный комиссіей по чествованію столѣтняго юбилея со дня рожденія поэта. Собраніе выслушало проектъ, а во время сдѣланнаго послѣ этого краткаго перерыва проектъ подписали, начиная съ преосвященнаго Никанора, около 80 человѣкъ; затѣмъ собраніе постановило организовать комиссію, которая приняла бы на себя осуществленіе программы празднества. Составъ комиссіи: представители всѣхъ учрежденій и обществъ и всѣ лица, которыя возьмутъ на себя организацію по осуществленію той или другой части программы. Почетнымъ предсѣдателемъ комиссіи выбранъ преосвященный Никаноръ, предсѣдателемъ—М. А. Стаховичъ. **XIX. Петербургъ. 1)** Въ § 9 высочайше утвержденной 20-го января программы высочайше учрежденной при императорской академіи наукъ комиссіи по чествованію столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина указано, что разрѣшеннымъ отъ правительства частнымъ обществамъ предоставляется устройство художественныхъ празднествъ въ память А. С. Пушкина каждому въ отдѣльности или по соглашенію обществъ между собою. Вслѣдствіе этого 12 находящихся въ Петербургѣ литературныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ обществъ образовали особый комитетъ изъ своихъ представителей для совмѣстнаго устройства художественнаго праздника, сборъ съ котораго предназначенъ на памятникъ Пушкина въ Петербургѣ. Въ составъ означеннаго комитета входятъ представители слѣдующихъ обществъ: Союза русскихъ писателей, Русскаго литературнаго общества, Русскаго театральнаго общества, Литературно-артистическаго кружка, Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, Императорскаго общества архитекторовъ, Императорскаго общества поощренія художествъ, С.-Петербургскаго общества художниковъ, Русскаго общества акварелистовъ, Товарищества передвижныхъ выставокъ, Понедѣльничныхъ художественныхъ собраній и 9-го дамскаго художественнаго кружка. Праздникъ, устраиваемый комитетомъ, имѣетъ быть 26-го мая въ залахъ и саду Таврическаго дворца, на предоставленіе коихъ въ распоряженіе комитета послѣдовало высочайшее разрѣшеніе. Программа праздника, уже намѣченная въ общихъ чертахъ, разрабатывается въ подробностяхъ своихъ особыми комиссіями и своевременно будетъ опубликована. **2)** Дума рѣшила вопросъ объ участіи городского управленія въ чествованіи предстоящей столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина. Кромѣ извѣстныхъ уже

нашимъ читателямъ проектовъ празднованія Пушкинскихъ дней, представленныхъ городскою комиссіею по народному образованію, совмѣстно съ управою и техническимъ отдѣленіемъ городской управы, думѣ были сдѣланы еще частныя предложенія: директоромъ женскаго медицинскаго института, профессоромъ В. К. фонъ-Анрепомъ — объ учрежденіи въ институтѣ стипендій имени А. С. Пушкина, и гласнымъ П. П. Дурново — объ учрежденіи стипендій въ императорскомъ Александровскомъ лицеѣ и о наименованіи именемъ Пушкина открываемыхъ въ этомъ году 30-ти начальныхъ городскихъ училищъ. Всѣ эти предложенія думою были приняты, равно какъ и предложенія городской управы, училищной комиссіи и техническаго отдѣленія управы. Такимъ образомъ, въ окончательномъ видѣ думою принята слѣдующая резолюція: 1) поручить комиссіи по народному образованію избрать изъ своего состава особую комиссію по устройству самаго юбилейнаго Пушкинскаго празднества; 2) ко дню чествованія столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина раздать оканчивающимъ въ 1899 г. курсъ начальныхъ городскихъ училищъ 4.000 экземпляровъ и посѣтителямъ двухъ читаленъ имени А. С. Пушкина 1.000 экземпляровъ юбилейнаго Пушкинскаго сборника. На расходъ по изготовленію упомянутаго сборника отпустить заимообразно въ распоряженіе комиссіи 9.000 рублей, съ тѣмъ, чтобы по распродажѣ остальныхъ напечатанныхъ экземпляровъ названнаго сборника, сверхъ необходимыхъ для надобностей комиссіи, получившійся денежный остатокъ сверхъ отпущенной суммы послужилъ къ образованію фонда, подъ названіемъ Пушкинскаго, на благотворительныя дѣла; 3) въ день 26-го мая 1899 года отслужить отдѣльно для учащихся каждаго школьнаго участка панихиды, а въ городскихъ безплатныхъ читальняхъ имени А. С. Пушкина отслужить панихиды до начала чтенія въ нихъ; 4) избрать для устройства пушкинскихъ школьныхъ праздниковъ день акта городскихъ начальныхъ училищъ, 30-е мая, и поручить комиссіи по устройству юбилейнаго Пушкинскаго празднества разработать подробную программу предполагаемыхъ школьныхъ праздниковъ, на расходы по устройству которыхъ ассигновать 5,000 р.; 5) ассигновать въ распоряженіе комиссіи по народному образованію необходимый кредитъ на учрежденіе 10-ти стипендій, по 400 руб. каждая, въ различныхъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ, предоставивъ комиссіи распредѣленіе стипендій по тѣмъ или другимъ учебнымъ заведеніямъ, съ тѣмъ однако, чтобы стипендіи были учреждены въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; на всѣ эти стипендіи открыть комиссіи кредитъ въ размѣрѣ 4.000 руб. въ годъ; 6) учредить въ императорскомъ Александровскомъ лицеѣ одну стипендію имени А. С. Пушкина въ 800 р. въ годъ; 7) поручить комиссіи войти въ соглашеніе съ владѣльцами дома № 10-й, по Мойкѣ, гдѣ скончался поэтъ, о пріобрѣтеніи этого дома въ собственность города для помѣщенія въ немъ многокласснаго училища имени А. С Пушкина и другихъ городскихъ учрежденій съ просвѣтительнымъ характеромъ. Въ случаѣ, если бы не представилось возможности, почему бы то ни было, воспользоваться для Пушкинскаго училищнаго дома домомъ наслѣдниковъ свѣтл. кн. Волконскаго, то для означенной цѣли предоставить комиссіи свободный городской участокъ земли по Большой Ружейной ул., подъ № 14, для постройки на немъ школь-

наго дома съ 20-ю классами, по образцу уже существующихъ такихъ домовъ, открывъ комиссіи по народному образованію кредитъ въ размѣрѣ 200,000 р. на сооруженіе означеннаго городскаго школьнаго дома; комиссію по тому или другому предложенію уполномочить представить подробный докладъ; 8) войти съ ходатайствомъ о наименованіи части вновь строящейся набережной р. Невы между мостами Троицкимъ и Самсоніевскимъ—«Пушкинскою набережною»; 9) принять участіе въ изысканіи мѣръ къ огражденію мѣста дуэли поэта рѣшеткою, съ постановкою здѣсь приличествующаго случаю монумента или часовни; 10) поставить въ классныхъ комнатахъ всѣхъ городскихъ начальныхъ училищъ портреты поэта, ассигновавъ на этотъ предметъ 500 р.; 11) наименовать 30 училищъ, которыя предположено открыть въ настоящемъ году, училищами въ память А. С. Пушкина; 12) ассигновать 1,000 р. попечительству учрежденій въ память А. С. Пушкина въ Святыхъ Горахъ на увеличеніе капитала, обезпечивающаго содержаніе въ надлежащемъ видѣ могилы поэта и учреждаемыя его имени богадѣльню и безплатную читальню въ Святыхъ Горахъ; 13) ходатайствовать предъ правительствомъ объ открытіи въ Петербургѣ подписки на сооруженіе въ одномъ изъ пунктовъ столицы памятника А. С. Пушкину и 14) для основанія фонда на постройку упомянутаго памятника ассигновать изъ городскихъ средствъ 25,000 р. 3) Съ цѣлію чествованія памяти А. С. Пушкина, по случаю предстоящей столѣтней годовщины со дня его рожденія, въ Петербургѣ образовался спеціальный литературно-художественный комитетъ, изъ представителей существующихъ въ столицѣ литературныхъ и музыкальныхъ обществъ. Въ составѣ комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ П. Н. Исакова, входитъ свыше 30-ти представителей разныхъ обществъ, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, принимаютъ участіе: гг. Гнѣдичъ, Боборыкинъ, Кривенко, Карповъ, Черемисиновъ, Молчановъ, Каразинъ, Кондратенко, Брюлловъ, Шрейберъ, Овсянниковъ, Вилье, фонъ-Гогенъ, Крамаренко и др. Комитетъ предполагаетъ создать особый праздникъ литературы и художествъ. На бывшихъ уже нѣсколькихъ предварительныхъ засѣданіяхъ комитета намѣчена въ общихъ чертахъ программа праздника, который будетъ состоять изъ четырехъ самостоятельныхъ частей: 1) литературной — пролога, изъ произведеній Пушкина, 2) музыкальной — изъ произведеній на Пушкинскіе сюжеты, 3) художественной—процессіи типовъ Пушкинскихъ произведеній и 4) бала. Для разработки деталей каждой части въ отдѣльности, комитетъ раздѣлится на четыре секціи: административную, которая будетъ завѣдывать устройствомъ праздника съ хозяйственной стороны, литературную, художественную и музыкальную. Всѣ залы въ помѣщеніи, въ которомъ будетъ устроенъ праздникъ, предполагается украсить всякаго рода декоративными украшеніями, соотвѣтствующими произведеніямъ Пушкина или его жизни. Ко дню праздника издана будетъ спеціальная художественная программа, иллюстрированная Пушкинскими сюжетами. Праздникъ, цѣль котораго будетъ основать фондъ для дешеваго народнаго изданія сочиненій Пушкина, предполагается устроить въ самый день рожденія Пушкина, 26 мая, вечеромъ. 4) Въ засѣданіи С.-Петербургскаго общества художниковъ, по предложенію М. Е. Малышева, было постановлено составить альбомъ изъ рисунковъ къ сочиненіямъ А. С. Пушкина,

для чего каждый художникъ выбираетъ самостоятельно сюжетъ и рисуетъ картину. Назначеніе этого альбома будетъ рѣшено по полученіи картинъ. Подобный опытъ современемъ можетъ привести къ хорошимъ послѣдствіямъ. Незамѣтно для самихъ художниковъ, изъ такихъ альбомовъ могутъ появиться прекрасныя иллюстраціи къ произведеніямъ нашихъ великихъ писателей. Въ томъ же засѣданіи г. Прокофьевъ познакомилъ присутствовавшихъ съ проектомъ зданія для художественныхъ выставокъ, которое общество думаетъ выстроить на мѣстѣ Лебяжьей канавки. Въ кандидаты къ членамъ правленія на 1899 г. выбраны А. А. Писемскій и Р. А. Бергольцъ. 5) Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія предпринята разработка нормальнаго устава просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ, учреждаемыхъ при высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Утвержденіе устава предполагается пріурочить ко дню столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина и самому уставу присвоить наименованіе «Пушкинскаго». **XV. Псковъ.** Комитетъ по сбору пожертвованій на устройство учрежденій въ память А. С. Пушкина довольно часто получаетъ обратно разсылаемые имъ подписные листы, при чемъ возвращающія ихъ лица обыкновенно указываютъ на то, что подписка уже производится по листамъ, прежде полученнымъ ими отъ Святогорскаго попечительства. Комитетъ, полагая, что на громадномъ пространствѣ нашего обширнаго отечества 3—4 тысячи листовъ, разосланныхъ попечительствомъ Святогорской богадѣльни, врядъ ли можно признать достаточнымъ количествомъ для ознакомленія всего русскаго общества съ предполагаемымъ чествованіемъ столѣтней годовщины поэта А. С. Пушкина въ Псковѣ, имѣетъ честь покорнѣйше просить лица и учрежденія, къ коимъ отправляются подписные листы, не поставить себѣ въ трудъ распространеніе ихъ въ публикѣ. При этомъ комитетъ, во избѣжаніе возникающихъ недоразумѣній, считаетъ долгомъ вновь напомнить, что высочайше утвержденный 5-го октября 1898 года комитетъ изъ представителей псковскаго дворянства, земства, города и попечительства Святогорской богадѣльни замѣнилъ собою бывшій комитетъ Святогорскаго попечительства,—поэтому весь сборъ пожертвованій какъ по листамъ Святогорскаго попечительства, такъ равно и по вновь разсылаемымъ листамъ комитета нынѣ долженъ быть сосредоточенъ въ рукахъ этого послѣдняго. Широкая программа, на выполненіе которой уполномоченъ названный комитетъ, какъ извѣстно, состоитъ въ слѣдующемъ: пріобрѣсти все или часть имѣнія отъ наслѣдниковъ поэта и устроить тамъ пріютъ для престарѣлыхъ писателей; построить въ г. Псковѣ домъ имени А. С. Пушкина, который заключалъ бы въ себѣ: городскую общественную библіотеку съ читальней для народа, помѣщеніе для начальной воскресной школы, зрительный залъ со сценою для народныхъ спектаклей, для концертовъ, выставокъ и т. п., помѣщеніе для мѣстныхъ научныхъ музеевъ, залъ для засѣданія мѣстныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы быть устраиваемы засѣданія комитета, завѣдывающаго дѣлами учрежденій имени А. С. Пушкина въ г. Псковѣ; затѣмъ, привести въ подобающій видъ памятникъ на могилѣ поэта въ Святогорскомъ монастырѣ и, наконецъ, обезпечить, насколько возможно, открытые уже въ Св. Горахъ богадѣльню и пріютъ имени А. С. Пушкина. Само собою разумѣется, что выполненіе подобнаго плана, полу-

чившаго высочайшее одобреніе, требуетъ для осуществленія своихъ соотвѣтствующихъ суммъ, сборъ которыхъ займетъ не нѣсколько мѣсяцевъ, оставшихся до 26-го мая 1899 года, а болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени; при этомъ сумма сбора, конечно, будетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ того сочувствія, какое встрѣтитъ этотъ планъ среди русскаго общества. Для ознакомленія публики съ этимъ дѣломъ, комитетъ распространилъ 24 тысячи подписныхъ листовъ съ 2,500 писемъ, излагающихъ предположенія его объ устройствѣ учрежденій въ память А. С. Пушкина въ Псковѣ и въ Псковской губерніи. Такимъ образомъ комитетъ, разославъ такую груду подписныхъ листовъ и писемъ, имѣлъ достаточно основаній предполагать, что русское общество во всѣхъ слояхъ вполнѣ ознакомилось какъ съ подпискою, производимою Псковскимъ комитетомъ, такъ и съ цѣлями, для которыхъ эта подписка производится. Что касается программы чествованія А. С. Пушкина въ Псковѣ и у могилы его въ Святогорскомъ монастырѣ, то, имѣя въ виду, что чествованіе Пушкина составляетъ настолько же псковское, насколько и общее всей Россіи дѣло, комитетъ находилъ рановременнымъ объявлять въ печати обрывки программы, когда программа императорскою академію наукъ не была еще окончательно выработана. Во всякомъ случаѣ, псковской комитетъ по сбору пожертвованій и устройству учрежденій въ память А. С. Пушкина въ Псковѣ и въ Псковской губерніи вполнѣ разсчитываетъ на то, что столичная печать поможетъ «псковичамъ» своимъ авторитетнымъ словомъ. Комиссія, избранная губернскимъ земствомъ, по пріему гостей на предстоящемъ торжествѣ чествованія памяти А. С. Пушкина, выѣзжала въ Святыя Горы и имѣла тамъ первое засѣданіе подъ предсѣдательствомъ псковскаго губернскаго предводителя дворянства. Комиссія рѣшила составить списокъ квартиръ, которыя могутъ быть приготовлены для пріѣзжихъ въ Святыя Горы, затѣмъ опредѣлить число лошадей, могущихъ быть выставленными на каждую изъ почтовыхъ станцій, а также и число экипажей; устроить площадку кругомъ могилы А. С. Пушкина, отремонтировать памятникъ ко дню торжества и разработать проектъ декоративныхъ украшеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія рѣшила просить мѣстныя уѣздныя земскія управы о приведеніи въ полный порядокъ дорогъ, ведущихъ къ Святымъ Горамъ, кромѣ главнаго пути отъ гор. Острова. О предполагающемся торжествѣ празднованія будетъ сообщено уѣзднымъ предводителямъ дворянства Псковской губерніи съ просьбою увѣдомить объ этомъ мѣстныхъ дворянъ. Предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ постановлено просить удвѣдомить уѣздныхъ гласныхъ. Кромѣ того, о предстоящемъ торжествѣ будетъ сообщено петербургскимъ и новгородскимъ губернскимъ предводителямъ дворянства и предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ. Въ Псковѣ на имя предсѣдателя комтета по сбору пожертвованій въ память А. С. Пушкина получено отъ проживающаго въ Веронѣ итальянца г. А. Торретто предложеніе принять отъ него для постановки на сценѣ псковскаго театра новую, написанную имъ на слова Пушкина оперу «Цыганы». Вслѣдствіе отсутствія, однако, въ Псковѣ вокальныхъ и музыкальныхъ силъ, способныхъ взяться за постановку оперы, комитетъ, не можетъ воспользоваться предложеніемъ итальянскаго композитора. **XVI. Рига.** Лифляндскій губернаторъ В. Д. Суровцовъ

взялъ на себя иниціативу въ дѣлѣ устройства въ Ригѣ чествованія памяти Пушкина въ день столѣтняго юбилея поэта. Къ совѣщанію о способахъ чествованія приглашены, кромѣ вице-губернатора, также представители рижскихъ русскихъ общественныхъ учрежденій и учебнаго вѣдомства, предсѣдатели: ремесленнаго общества, театральнаго комитета, рижскій городской голова и нѣкоторыя другія лица. По Рижскому учебному округу приняты мѣры къ празднованію столѣтняго юбилея Пушкина въ возможно большемъ количествѣ низшихъ учебныхъ заведеній округа. На предстоящихъ по этому поводу собраніяхъ учащихся, предположено ознакомить ихъ, при посредствѣ волшебныхъ фонарей, съ лучшими произведеніями великаго поэта, роздать имъ его портреты и сочиненія. Празднованіе юбилея состоится и во всѣхъ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ округа по особой программѣ. Рижское латышское общество намѣрено дать ко дню Пушкинскаго празднества изящный томикъ съ избранными произведеніями великаго русскаго поэта въ возможно лучшемъ латышскомъ переводѣ и съ возможно полною біографіей знаменитаго писателя. **XVII. Рыбинскъ.** Рыбинская городская дума, разсматривая вопросъ о чествованіи 26-го мая столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина, рѣшила въ день юбилея отслужить въ соборномъ храмѣ панихиду, въ городскомъ театрѣ устроить безплатный спектакль для учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ; переименовать Конюшенную улицу въ городѣ—въ Пушкинскую; назвать именемъ поэта одно изъ приходскихъ училищъ, содержимое исключительно на средства города, и асигновать на расходы по чествованію 300 рублей. **XVIII. Сѣдлецъ.** 17-го февраля устроенъ былъ въ русскомъ общественномъ собраніи любительскій спектакль, сборъ съ котораго назначенъ въ псковскій комитетъ по выкупу села Михайловскаго, а 21-го февраля въ томъ же собраніи данъ концертъ любителями пѣнія, сборъ съ котораго пойдетъ на памятники Пушкину и Суворову. Первый нумеръ программы концерта изъ оперы Даргомыжскаго «Русалка», а затѣмъ изъ «Жизни за Царя», «Вильгельма Телля», «Невольниковъ» и др. Кромѣ того, предполагается, какъ говорятъ, устроить еще одинъ спектакль или концертъ спеціально на памятникъ Пушкину. **XIX. Тифлисъ.** Въ Тифлисѣ возникла мысль объ основаніи въ память А. С. Пушкина «пушкинскаго фонда», со вспомогательной кассой для писателей, ученыхъ и артистовъ. Въ настоящее время составляется проектъ устава, который затѣмъ будетъ представленъ на усмотрѣніе лицъ, желающихъ войти въ составъ будущаго общества. **XX. Харьковъ.** Харьковское губернское земство готовитъ особый докладъ по вопросу объ участіи въ чествованіи памяти Пушкина. Докладъ этотъ будетъ обсуждаться на экстренномъ губернскомъ земскомъ собраніи, которое предполагается созвать въ непродолжительномъ времени послѣ утвержденія въ должности вновь избраннаго предсѣдателя губернской земской управы. Предполагается ассигновать изъ средствъ земства довольно солидную денежную сумму какъ на пріобрѣтеніе сочиненій поэта для раздачи ихъ сельскому населенію Харьковской губерніи, такъ равно и на устройство какого либо новаго учрежденія, которое, въ память поэта, будетъ названо Пушкинскимъ. Къ столѣтнему юбилею дня рожденія А. С. Пушкина издательскій комитетъ, состоящій при Харьковскомъ обществѣ грамотности, рѣшилъ выпустить сборникъ избранныхъ его стихотвореній какъ

для взрослыхъ читателей, такъ и для дѣтей школьнаго возраста. Сборникъ, по словамъ «Южн. Края», будетъ заключать въ себѣ біографію поэта съ его портретами, затѣмъ три большихъ поэмы («Мѣдный всадникъ», «Полтава» и «Кавказскій плѣнникъ»), сцену изъ «Бориса Годунова», «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», «Вѣсовъ», «Женіха» и рядъ болѣе мелкихъ произведеній пушкинской музы. Спросъ на сборникъ предвидится очень большой. Уже въ настоящее время поступили требованія на нѣсколько тысячъ экземпляровъ (для мѣстныхъ городскихъ училищъ 2.000, а отъ инспектора народныхъ училищъ Сумскаго уѣзда, 5—10 тысячъ). **XXI. Черниговъ.** Черниговское земство постановило образовать въ теченіе пяти лѣтъ капиталъ въ 15.000 рублей для выдачи въ память А. С. Пушкина наиболѣе способнымъ изъ учениковъ сельскихъ школъ стипендій для продолженія образованія въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и высшихъ. **XXII. Ѳеодосія.** Ѳеодосійская управа, въ виду исполняющагося въ нынѣшнемъ году столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина и предстоящаго чествованія памяти поэта, предполагаетъ въ день годовщины дня рожденія раздать всѣмъ учащимся въ подвѣдомственныхъ Ѳеодосійскому уѣздному училищному совѣту народныхъ училищахъ полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина, независимо отъ наградъ, выдаваемыхъ оканчивающимъ въ нихъ курсъ. Въ настоящее время земская управа озабочена выпиской подходящаго юбилейнаго изданія, разрѣшеннаго для народныхъ школъ. На это ассигновано 5.000 рублей.

Годичное общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества. 24-го февраля, въ 9 часовъ вечера, происходило въ Зимнемъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ его императорскаго величества государя императора, при участіи ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Владиміра Александровича и Константина Константиновича, годичное общее собраніе императорскаго русскаго Историческаго общества. По открытіи засѣданія, предсѣдатель общества, А. А. Половцовъ, прочелъ слѣдующій, приводимый въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», отчетъ о дѣятельности общества. Со времени послѣдняго собранія обществомъ издано 9 томовъ Сборника. 98-й томъ, изданный подъ наблюденіемъ члена общества Н. Ѳ. Дубровина, заключаетъ въ себѣ документы изъ дѣлъ комиссіи для собиранія матеріаловъ, относящихся къ исторіи царствованія императора Николая I, учрежденной подъ предсѣдательствомъ съ начала барона Корфа, затѣмъ князя Урусова и наконецъ, графа Делянова. 98-й томъ состоитъ изъ трехъ частей: 1) матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія, а именно: рожденіе и первыя двадцать пять лѣтъ его жизни; 2) императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ (по изложенію статсъ-секретаря барона Корфа, въ двухъ отдѣлахъ: а) 1835—1843 гг., и б) 1844—1849 гг.), и 3) отчеты министерства и высшихъ управленій, поднесенные императору Николаю I въ 1850 году. Этотъ томъ, изданный въ память столѣтія со дня рожденія императора Николая I, былъ разосланъ къ 25-му іюня 1896 года какъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя безмездно получаютъ «Сборникъ Общества», такъ и всѣмъ министрамъ и членамъ государственного совѣта, по особому распоряженію предсѣдателя общества. 99-й томъ служитъ продолженіемъ изданія хранящихся въ Лондонскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ донесеній и другихъ диплома-

тическихъ бумагъ англійскихъ посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ. Въ этотъ томъ, составляющій XI часть изданія англійскихъ бумагъ, вошли документы съ іюня 1742 года по апрѣль 1744 года. 100-й томъ составляетъ XII часть изданія извлеченныхъ изъ Парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ копій съ донесеній французскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ и распоряженій французскаго министерства. Въ этотъ томъ вошли донесенія маркиза де-ла-Шетарди и д'Аліона, съ 1-го декабря 1741 года по 18-е апрѣля 1743 года. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ секретаря общества. 101-й томъ заключаетъ послѣднюю часть обширнаго изданія протоколовъ, журналовъ и указовъ верховнаго тайнаго совѣта. Сюда вошли документы до 4-го марта 1730 года, то-есть по день упраздненія верховнаго тайнаго совѣта. 101-й томъ, какъ и предыдущія части этого изданія, напечатанъ подъ наблюденіемъ Н. Ѳ. Дубровина. Въ 102-мъ и 103-мъ томахъ помѣщены бумаги изъ Лондонскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Первый изъ этихъ томовъ составляетъ XII часть, а второй—XIII часть изданія англійскихъ бумагъ и обнимаютъ періодъ времени съ апрѣля 1744 года по 24 мая 1748 года. Оба тома служатъ продолженіемъ изданія «Дипломатической переписки англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ». Въ 102-мъ томѣ напечатаны донесенія за 1744 и 1745 годы англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ: сначала лорда Тироули, а затѣмъ Гиндфорда, и королевскія инструкціи и приказанія, передаваемыя имъ черезъ статсъ-секретарей лорда Картерета и лорда Гаррингтона. Главная цѣль переговоровъ со стороны Англіи заключалась въ желаніи короля Георга I, во-первыхъ, получить отъ императрицы Елисаветы Петровны обусловленный оборонительнымъ договоромъ 1742 года 12-тысячный вспомогательный корпусъ, такъ какъ 21 марта 1744 года Франція объявила Великобританіи войну, а, во-вторыхъ, склонить императрицу присоединиться къ союзу съ морскими державами, направленному, главнымъ образомъ, противъ короля Прусскаго, который все усилившимся своимъ могуществомъ угрожалъ равновѣсію европейскихъ державъ. Въ видѣ приложеній къ 102-му тому напечатаны извлеченные изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ документы, частью изъ «перлюстрированныхъ писемъ» 1745 г., частью же изъ хранящагося въ томъ же архивѣ тома подъ заглавіемъ: «Протоколы о докладахъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ» за 1745 годъ; протоколы подписаны канцлеромъ и вице-канцлеромъ и скрѣплены И. О. Пуговишниковымъ, бывшимъ въ то время оберъ-секретаремъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Документы эти, насколько извѣстно, въ полномъ видѣ еще нигдѣ не напечатаны. Небольшіе изъ нихъ отрывки привелъ только покойный С. М. Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи» (т. XXII). Въ сборникѣ документовъ изъ архива князя Воронцова помѣщались «Доклады императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ по коллегіи иностранныхъ дѣлъ» за 1742—1744 годы (т. IV и VI), а также за 1746—1755 годы (т. VII), но въ томъ же VII томѣ находится примѣчаніе издателя П. И. Бартенева: «за 1745 годъ докладовъ въ архивѣ князя Воронцова не имѣется». Изъ «перлюстрированныхъ писемъ» напечатаны копіи съ писемъ англійскаго представителя въ Константинополѣ Стенгопа Аспинваля къ лорду Гиндфорду и отвѣты послѣдняго, одно

письмо лорда Гиндфорда къ графу Гаррингтону и копіи съ писемъ англійскаго торговаго агента въ Персіи Джона Эльтона къ лорду Тироули и къ комитету россійской компаніи въ Лондонѣ; эти послѣднія письма проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на положеніе англійскихъ торговыхъ дѣлъ въ Персіи. Документы «изъ протоколовъ о докладахъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ» относятся къ такъ называемому «большому совѣту», собранному императрицей для рѣшенія вопроса о томъ: слѣдуетъ ли допускать дальнѣйшее усиленіе короля Прусскаго и не надо ли оказать помощи саксонскому курфюрсту Августу III, владѣніямъ котораго угрожалъ король Фридрихъ II. Изъ напечатанныхъ документовъ ясно виденъ весь ходъ засѣданій совѣта и рѣшеніе, принятое совѣтомъ и изложенное въ протоколѣ, который былъ подписанъ всѣми членами совѣта и утвержденъ императрицей. 102-й томъ еще не совсѣмъ оконченъ печатаніемъ, вслѣдствіе прибавленія къ нему нѣкоторыхъ документовъ изъ московскаго главнаго архива, которые не были сообщены изъ Лондонскаго архива военнымъ агентомъ, сотрудникомъ общества, нынѣ покойнымъ генералъ-майоромъ Ланцомъ. 104-й томъ изданъ подъ наблюденіемъ профессора императорскаго Юрьевскаго университета А. Н. Филипова и заключаетъ въ себѣ бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны. Издаваемые нынѣ впервые документы кабинета касаются устройства, компетенціи и дѣятельности учрежденія, почти непосредственно слѣдовавшаго за верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, протоколы, журналы и указы котораго уже напечатаны въ восьми томахъ «Сборника» общества. Изъ сопоставленія содержанія документовъ кабинета съ содержаніемъ актовъ, характеризующихъ дѣятельность верховнаго тайнаго совѣта, получаются обильныя и интересныя данныя для сравненія двухъ учрежденій, почти непосредственно примыкавшихъ другъ къ другу и игравшихъ весьма важную роль въ исторіи нашего управленія первой половины XVIII вѣка. Бумаги кабинета министровъ Аннинскаго царствованія хранятся въ четырехъ архивахъ: государственномъ и сенатскимъ въ С.-Петербургѣ, въ архивѣ министерства юстиціи и въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Въ настоящемъ томѣ помѣщены копіи съ подлинниковъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ (въ С.-Петербургѣ) и въ архивѣ министерства юстиціи (въ Москвѣ); изъ документовъ государственнаго архива, въ цѣляхъ изданія, оказалось возможнымъ напечатать лишь одинъ актъ (стр. 354 и слѣд.); изъ бумагъ же, хранящихся въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ особомъ отдѣлѣ, подъ наименованіемъ «дѣла бывшаго кабинета», — ни одной, такъ какъ весьма многочисленныя и важныя бумаги эти относятся къ послѣдующимъ годамъ дѣятельности кабинета, начиная съ 1733 года, и не содержатъ за 1731 и 1732 г. ничего такого, что должно было бы найти себѣ мѣсто въ настоящемъ томѣ. 105 томъ содержитъ донесенія представителей французскаго двора при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ за 1743 и 1745 гг. Посвятивъ весьма значительную часть трудовъ своихъ уже и прежде того славившемуся, хотя и мало извѣстному въ подробностяхъ, царствованію императрицы Екатерины II, общество за послѣдніе годы обратилось къ обнародованію документовъ, долженствующихъ пролить надлежащій совѣтъ на царствованіе императрицы Елисаветы. Царствованіе это, быть можетъ, нынѣ еще менѣе извѣстно, чѣмъ было

екатерининское царствованіе 25 лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ оно имѣетъ весьма серьезное въ исторіи нашей XVIII вѣка значеніе. Вступивъ 25 ноября 1741 года на престолъ, императрица Елисавета застала Россію среди большихъ и многочисленныхъ трудностей. Протекло почти семнадцать лѣтъ со дня смерти великаго двигателя русскаго преуспѣянія. Въ теченіе этого времени смѣнилось четыре властителя, но ни сами они, ни окружавшіе ихъ дѣятели не могли служить оберегателями петровскихъ насажденій. Наиболѣе продолжительное въ этотъ промежутокъ времени царствованіе императрицы Анны Іоанновны почти исключительно сосредоточивало свое вниманіе на событіяхъ придворной жизни и нѣкоторыхъ военныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ преимущественно Минихомъ. Потребности русской народной и государственной жизни оставались безъ вниманія. Избранные Петромъ иностранцы, подъ его твердою рукой столь полезно трудившіеся надъ осуществленіемъ его предначертаній, по смерти его заняли положеніе самостоятельное, ставившее для многихъ изъ нихъ цѣлью достиженіе по преимуществу всякаго рода личныхъ выгодъ. Благо и польза Россіи отходили на задній планъ или служили только предлогами для интриги, которая въ глазахъ народа являлась девизомъ правительства. Русское сердце болѣло, чувствовалось, что такъ продолжать нельзя, нравственная скорбь, болѣе тягостная, чѣмъ всякое матеріальное угнетеніе, заставляла искать выхода. Выходъ этотъ явился въ лицѣ Елисаветы Петровны. Преклоняясь предъ памятью отца, проводя жизнь вдали отъ двора и, такъ сказать, подъ надзоромъ временщиковъ, будучи щедро одарена смѣтливостью и снисходительностью,—отличительными свойствами русской натуры,—императрица Елисавета, несмотря на неприготовленность свою къ тяжкому дѣлу управленія, тотчасъ по вступленіи на престолъ, по достоинству оцѣнила людей, съ которыми ей приходилось имѣть дѣло. Возстановивъ сенатъ въ прежнихъ правахъ правительствующаго, установивъ конференцію для обсужденія высшихъ государственныхъ вопросовъ, избравъ на высшія должности людей, по происхожденію и складу воззрѣній не похожихъ на своихъ предшественниковъ,—людей, пользовавшихся ея довѣріемъ, отбросивъ попеченіе о мелочахъ, императрица сохранила за собою въ полномъ смыслѣ верховную власть. Веденіе иностранной политики было поручено вице-канцлеру Бестужеву, человѣку высокопросвѣщенному, испытанному въ дѣлахъ, смѣло отстаивавшему предъ императрицей свои взгляды, подчасъ расходившіеся съ воззрѣніями государыни. Съ первыхъ дней новаго царствованія Россія стала жить спокойнѣе, ровнѣе, безмятежнѣе, свойственнѣе своему природному нраву; шествуя по этому пути, она вскорѣ дожила до возможности плодотворной дѣятельности для Ломоносова, до учрежденія перваго русскаго университета и академіи художествъ, фаворитомъ государыни Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, до ниспроверженія военнаго могущества опаснѣйшаго по мысли императрицы сосѣда Россіи—Фридриха II. Но если на разстояніи 150 лѣтъ признательные потомки могутъ такъ оцѣнивать личность и дѣятельность императрицы, то, разумѣется, совсѣмъ иною, хотя нерѣдко полною интереса и фактическихъ подробностей, была оцѣнка ея современниковъ, а въ особенности иностранцевъ, какъ д'Аліонъ и де-ла-Шетарди, донесенія коихъ нынѣ издаются обществомъ. Депеши послѣдняго представляютъ тѣмъ большій интересъ, что онъ пріѣхалъ въ

Россію въ концѣ царствованія Анны Ивановны и принималъ вмѣстѣ съ довѣреннымъ врачемъ Елисаветы Петровны Лестокомъ участіе въ ея воцареніи. Осыпанный щедротами императрицы, онъ, несмотря на исключительное его при русскомъ дворѣ положеніе, былъ въ іюнѣ 1742 года отозванъ Людовикомъ XV, какъ кажется, опасавшимся излишней со стороны его приверженности русскимъ интересамъ. Въ концѣ слѣдующаго 1743 года де-ла-Шетарди возвратился въ Петербургъ въ качествѣ посла и, получивъ свободный доступъ къ императрицѣ, сталъ писать своему правительству крайне любопытныя для насъ донесенія о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Съ отличавшею его самоувѣренностью французскій посолъ думалъ достигнуть указанныхъ ему въ Парижѣ цѣлей—возбужденія Россіи противъ Австріи и заключенія выгоднаго для Швеціи мира. При первомъ свиданіи императрица тонко намекнула ему о необходимости «distinguer la Russie et la princesse Elizabeth». При дальнѣйшихъ его настояніяхъ, обращенныхъ прямо къ императрицѣ, она прекращала разговоръ, отсылая Шетарди къ Бестужеву, который, въ свою очередь, передавалъ вопросы на обсужденіе конференціи, не выражавшей сочувствія къ удовлетворенію узко-эгоистичныхъ видовъ Лудовика XV. Шетарди пытался очернить Бестужева въ глазахъ императрицы, но не достигъ своей цѣли; напротивъ, пріемы дѣлались рѣже; разнаго рода празднества служили къ тому удобными предлогами. «Avec une princesse du caractère de la Czarine»,—пишетъ Шетарди,—«l'on ne pourrait en un sens savoir où l'on en est qu' autant qu' on se monterait sur le ton de légèreté et de dissipation, qui la dirige continuellement». Выведенный изъ терпѣнія неудачей, которой не ожидалъ, Шетарди сталъ сваливать всю вину въ томъ на императрицу и ея приближенныхъ. Письма его съ неосторожными въ подобномъ смыслѣ заявленіями и мрачными для Россіи пророчествами были перехвачены, представлены государынѣ, и онъ былъ поспѣшно высланъ изъ Россіи. Неодобрительные отзывы Шетарди не заставили императрицу Елисавету измѣнить свои правительственные пріемы; все продолжало идти попрежнему, и послѣ двадцатилѣтняго царствованія Россія сдѣлалась во многомъ неузнаваемою. Народное чувство, связующее благо родины съ преданностію престолу, разрослось, просвѣщеніе стало подвигаться и безъ «дубинки» Петра Великаго, его земельныя пріобрѣтенія начали срастаться съ кореннымъ отечествомъ, ближайшіе и потому опаснѣйшіе сосѣди преклонились предъ русскимъ знаменемъ, государственное наше существованіе готово было войти въ новую эпоху, — эпоху гражданскаго развитія, эпоху Екатерининской славы. 106-й томъ составляетъ вторую часть издаваемыхъ профессоромъ Юрьевскаго университета А. Н. Филипповымъ бумагъ кабинета императрицы Анны Іоанновны. Помѣщенныя здѣсь бумаги за 1733 годъ напечатаны въ томъ же порядкѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какія были приняты для первой части, помѣщенной въ 104-мъ томѣ сборника (см. предисловіе на стр. XXXI и въ текстѣ на стр. 1). Выводы, сдѣланные по отношенію къ кабинету за 1731—1732 года въ обширномъ «введеніи» къ 104-му тому, остаются въ общемъ въ силѣ и по отношенію къ кабинету въ 1733 г., такъ какъ ни въ устройствѣ, ни въ составѣ его не происходитъ никакихъ перемѣнъ, а отношенія къ императрицѣ остаются прежними. Дѣятельность министровъ, впрочемъ, получаетъ фактически вообще

болѣе широкое, чѣмъ прежде, развитіе, что внѣшне выражается въ усиленіи письменныхъ сношеній министровъ съ различными мѣстами и лицами и въ появленіи именныхъ указовъ и высочайшихъ рескриптовъ, подписанныхъ двумя кабинетъ-министрами (гр. Остерманомъ и кн. Черкасскимъ). Документы для настоящаго тома извлечены изъ сенатскаго архива въ С.-Петербургѣ и изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, а частію и изъ государственнаго архива въ С.-Петербургѣ. Представивъ отчетъ о дѣятельности общества за три года, съ февраля 1896 года по настоящее время, докладчикъ перешелъ къ понесеннымъ обществомъ утратамъ. За это время общество лишилось четверыхъ своихъ членовъ: князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, барона Ѳ. А. Бюлера и Е. М. Ѳеоктистова. Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій скончался 19-го августа 1896 года. Несмотря на непрерывныя занятія дѣлами государственными, князь Алексѣй Борисовичъ съ самаго начала существованія общества принималъ теплое участіе въ судьбахъ его. Въ противоположность Талейрану, утверждавшему, что въ каждомъ дѣлѣ важенъ моментъ дня, интересъ настоящаго, князь признавалъ въ дѣлахъ первостепенно важною связь этихъ дѣлъ съ историческимъ прошедшимъ. Онъ любилъ отечественную исторію, какъ назидательную вдохновительницу рѣшителей судебъ отечественныхъ. Любовь эта не могла не быть взаимною: исторія воздастъ ему свой долгъ благодарности. Князь Лобановъ любилъ исторію еще и по другимъ побужденіямъ, не для всякаго сразу доступнымъ. Бывъ погруженъ къ сложныя дѣла самыхъ разнообразныхъ отношеній между собою людей, отношеній цѣлыхъ государствъ, обособленныхъ группъ и въ концѣ концовъ отдѣльныхъ личностей, онъ поневолѣ наталкивался на мрачныя, неприглядныя стороны человѣческаго духа. Тягость такого прикосновенія онъ подчасъ пытался ослабить, переносясь мыслію въ прошедшее, знакомясь съ людьми, давно исчезнувшими, стараясь найти въ ихъ дѣяніяхъ побужденія, болѣе возвышенныя, чѣмъ тѣ, съ коими приходилось считаться современному дипломату или администратору. Не выступая писателемъ, публицистомъ, сохраняя свои впечатлѣнія на скромныхъ страницахъ замѣтокъ и записокъ, по повелѣнію его величества переданныхъ послѣ смерти князя историческому обществу, князь Лобановъ могъ безнаказанно давать волю своему природному благодушію, своему снисходительному къ людямъ любопытству. Онъ отдыхалъ на привлекательныхъ чертахъ встрѣчавшихся ему характеровъ, огражденныхъ на этотъ разъ отъ клеветы; онъ забавлялся мелочами житейской суеты, защищенной надгробною плитой отъ злословія; чѣмъ меньше изучаемые имъ люди были похожи на окружавшихъ его современниковъ, тѣмъ они легче привлекали вниманіе князя; выборомъ руководило часто не сравнительное достоинство людей, а только несходство мертвыхъ съ живыми, разнообразіе и противоположность типовъ. Такъ, живя и трудясь въ царствованіе императора Александра II, князь Лобановъ посвящалъ досуги изученію царствованія императора Павла I; занимаясь по обязанности дѣлами современной политики, онъ собралъ обширный матеріалъ о французской эмиграціи и напечаталъ біографіи нѣкоторыхъ изъ эмигрантовъ. Таковы были основныя черты служенія князя Лобанова наукѣ исторіи,—служенія, не выразившагося опредѣленными знаменательными результа-

тами, но связавшаго самые часы его отдохновенія съ днями, посвященными трудамъ государственнымъ, связавшаго ихъ единствомъ духовнаго стремленія, на коемъ всего прочнѣе зиждется цѣлость характера—залогъ успѣшнаго труда. Скончавшійся 2-го января 1897 г. Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ былъ однимъ изъ членовъ-учредителей общества. Онъ всегда принималъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ общества. Подъ его наблюденіемъ были напечатаны слѣдующіе томы сборника: 1) 21-й томъ, содержащій въ себѣ памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ 1810 и 1811 гг. до начала отечественной войны. Матеріалъ для тома былъ извлеченъ изъ государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ членомъ общества А. Н. Поповымъ, по смерти котораго приведеніе въ порядокъ и наблюденіе за печатаніемъ собранныхъ документовъ принялъ на себя и исполнилъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. 2) 38-й томъ, начатый членомъ общества Ю. В. Толстымъ, оконченъ также К. Н. Бестужевымъ. Въ этотъ томъ вошли документы, относящіеся до дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Англіей съ 1581 по 1604 годъ. Документы были извлечены изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Участіе К. Н. Бестужева въ дѣлѣ изданія «Біографическаго словаря» выразилось въ составленіи обстоятельныхъ статей: о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и св. князѣ Александрѣ Невскомъ, которыя помѣщены въ I томѣ «Словаря»; объ исторіографѣ Н. М. Карамзинѣ, напечатанной во II томѣ, и о царѣ Борисѣ Годуновѣ, которая будетъ напечатана въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ. Кромѣ того, покойный Константинъ Николаевичъ нерѣдко читалъ въ общихъ собраніяхъ свои статьи. 10-го мая 1896 г. скончался въ Москвѣ дѣйствительный членъ Императорскаго русскаго историческаго общества, дѣйствит. тайный совѣтникъ баронъ Ѳедоръ Андреевичъ Бюлеръ, директоръ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Начиная съ 1871 г., онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ общества. Такъ, барономъ Бюлеромъ были напечатаны въ XV томѣ «Сборника общества» «Неизданныя письма Вольтера», адресованныя къ князю Д. А. Голицыну и извлеченныя изъ бумагъ князя Сергѣя Михайловича Голицына. Въ числѣ этихъ же бумагъ баронъ Бюлеръ издалъ нѣсколько писемъ князя Д. А. Голицына къ князю А. М. Голицыну. Кромѣ того, баронъ Бюлеръ оказывалъ содѣйствіе предпринятому обществомъ обширному изданію дипломатической переписки Екатерины II, за 1767 — 1771 гг. Скончавшійся 16-го іюня 1898 г., сенаторъ Евгеній Михайловичъ Ѳеоктистовъ, былъ однимъ изъ членовъ-учредителей общества. Съ первыхъ дней существованія общества, то-есть съ мая 1866 г., онъ принялъ на себя обязанности казначея, каковыя и исполнялъ до самой своей смерти. Затѣмъ, нижеслѣдующіе члены общества прочли: 1) членъ совѣта Василій Ивановичъ Сергѣевичъ—о значеніи въ законодательствѣ императрицы Екатерины II депутатскихъ наказовъ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія; 2) Николай Карловичъ Шильдеръ—а) о нѣкоторыхъ событіяхъ изъ исторіи царствованія императора Николая I, за 1847 — 1848 годы (манифестъ 14-го марта 1848 г.), и б) представленныя общему собранію его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ—письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ имп-

ратору Александру I отъ 25-го августа 1808 г., и отвѣтъ на это письмо императора Александра I. Далѣе, на основаніи §§ 12, 30 и 31 устава Императорскаго русскаго историческаго общества, было предложено общему собранію: 1) переизбрать на новое трехлѣтіе: въ предсѣдатели—Александра Александровича Половцова, въ вице-предсѣдатели — Аѳанасія Ѳеодоровича Бычкова, въ секретари—Георгія Ѳеодоровича Штендмана; 2) избрать въ члены совѣта — Ѳеодора Ѳеодоровича Мартенса; 3) утвердить въ должности казначея— исполняющаго казначейскія обязанности—Николая Ѳеодоровича Дубровина; 4) избрать въ дѣйствительные члены общества, совѣтомъ предложенныхъ: а) министра иностранныхъ дѣлъ графа Михаила Николаевича Муравьева, б) статсъ-секретаря Николая Николаевича Селифонтова, в) тайнаго совѣтника Ивана Егоровича Забѣлина, г) ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета Александра Никитича Филиппова. Его величеству государю императору благоугодно было предложить въ почетные члены общества его императорское высочество великаго князя Николая Михайловича. На всѣ сдѣланныя предложенія послѣдовало единогласное утвержденіе общаго собранія.

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ. Весной и лѣтомъ институтъ сдѣлалъ двѣ экскурсіи: въ Малую Азію и въ Македонію. Цѣлью первой экскурсіи было изслѣдованіе древностей Никеи и главнѣйше—древней никейской митрополіи, извѣстной своими мозаиками. Предстояло изучить архитектуру церкви Успенія и мозаики въ Абсидѣ и Нартексѣ. Занятія въ Никеѣ привели институтъ къ весьма интереснымъ наблюденіямъ и дали важные результаты. Во-первыхъ, оказалось, что мозаики въ Нартексѣ и въ Абсидѣ не могутъ быть относимы къ одной и той же эпохѣ; во-вторыхъ, получились нѣкоторыя данныя къ опредѣленію времени происхожденія древнѣйшей части храма и его мозаикъ. Полученный матеріалъ, въ видѣ фотографій, рисунковъ и замѣтокъ, въ настоящее время обрабатывается въ подробностяхъ и составитъ предметъ спеціальнаго изслѣдованія. Независимо отъ изученія упомянутой главной святыни Никеи, институтъ имѣлъ случай собрать значительное количество разнообразнаго матеріала, по преимуществу надписей. Изъ послѣднихъ въ особенности обращаетъ на себя вниманіе огромная надпись въ 34 строки, найденная въ окрестностяхъ Никеи. Экспедиція въ Македонію, какъ и слѣдовало ожидать, сопровождалась разнообразными научными пріобрѣтеніями и притомъ столько же по отношенію къ средневѣковымъ христіанскимъ памятникамъ, сколько греко-римскимъ. Македонія представляетъ обширное и мало изслѣдованное поле для археологіи, здѣсь возможны еще открытія въ настоящемъ значеніи этого слова. Наиболѣе важныя пріобрѣтенія института состоятъ въ слѣдующемъ. 1) Открыто древнее кладбище по желѣзно-дорожной линіи Салоники—Битоли, близъ селенія Нателі, гдѣ произведены институтомъ въ октябрѣ—ноябрѣ мѣсяцахъ раскопки, давшія около 600 предметовъ (Гальштадтскій археологическій періодъ). 2) Найдено нѣсколько древнихъ надписей, между ними въ особенности должна обратить на себя вниманіе славянская надпись царя Самуила отъ конца X вѣка, написанная кириллицей. Какъ древнѣйшій изъ доселѣ извѣстныхъ памятниковъ славянскаго языка и письма, эта надпись представляетъ громадный филологическій и палеографическій интересъ. 3) Отмѣ-

чено и частью изучено, а частью фотографировано нѣсколько интересныхъ греческихъ рукописей. Наибольшій интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ прекрасная рукопись на пергаментѣ Іоанна Куропалата Скилицы, написанная въ XIII вѣкѣ и сохранившаяся въ цѣлости, за исключеніемъ послѣдняго листа. Этотъ кодексъ долженъ будетъ получить первостепенное значеніе въ вопросѣ объ отношеніи Кедрина къ своимъ источникамъ. Не меньше значенія имѣетъ другой кодексъ каноновъ вселенскихъ соборовъ, въ концѣ котораго сохранилась небольшая тетрадь съ протоколами константинопольскихъ соборовъ. Здѣсь сохранились, между прочимъ, любопытныя данныя о положеніи провинціальныхъ церквей въ XII вѣкѣ и, между другими, церкви аѳинской. Въ сохранившихся здѣсь соборныхъ дѣяніяхъ трактуется вопросъ о харистикаріи. 4) Путешествіе по Македоніи сопровождалось описаніемъ и изученіемъ многочисленныхъ монументальныхъ памятниковъ, главнѣйше церквей, сохранившихъ древнія росписи въ сводахъ и на стѣнахъ и надписи. Этотъ отдѣлъ памятниковъ многочисленъ и разнообразенъ, обнимаетъ періодъ отъ X по XVI—XVII столѣтіе и заслуживаетъ тщательнаго и внимательнаго изученія на мѣстѣ. Въ особенности важны: базилика царя Самуила на Преснѣ и другіе храмы въ той же мѣстности. Необходимость безотлагательнаго изученія и опубликованія остатковъ монументальныхъ памятниковъ Македоніи вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что эти памятники подвергаются въ послѣднее время злонамѣренной порчѣ и уничтоженію вслѣдствіе вражды и политической конкуренціи между сербами и болгарами, съ одной стороны, патріархистами и экзархистами—съ другой. Лѣтомъ прошлаго года, почти на глазахъ экспедиціи, уничтожены были росписи и изображенія историческихъ лицъ въ нѣсколькихъ храмахъ съ той цѣлью, чтобы замаскировать факты, могущіе подать поводъ къ политическимъ притязаніямъ... Изъ внутренней жизни института можно отмѣтить слѣдующія явленія. Постепенно увеличивающійся научный матеріалъ побудилъ администрацію института измѣнить форму изданія «Извѣстій». Съ 1899 года труды института будутъ издаваться тремя книжками въ годъ. Пріобрѣтаемое русскимъ ученымъ учрежденіемъ значеніе на Востокѣ видно, между прочимъ, изъ того, что въ немъ начинаетъ организоваться школа для археологическаго образованія славянъ. Въ институтъ командированы сербскимъ правительствомъ двое молодыхъ людей съ цѣлью усовершенствованія въ византійской археологіи и южно-славянской исторіи. Недостаточный личный составъ института, состоящій изъ директора и секретаря, въ настоящее время можетъ быть пополненъ, благодаря увеличенію бюджета института съ нынѣшняго года. Вслѣдствіе увеличенія средствъ получается возможность развивать научную дѣятельность, равно какъ пополнить библіотеку и колекціи.

Общество любителей древней письменности. I. 29-го января состоялось общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Засѣданіе было открыто заявленіемъ предсѣдателя о томъ, что общество получило отъ вдовы покойнаго Г. Д. Филимонова щедрый даръ—5.000 рисунковъ, принадлежащихъ Г. Д. Филимонову. Затѣмъ В. А. Тураевъ сдѣлалъ сообщеніе объ имѣющихся въ музеѣ общества предметахъ древне-восточныхъ письменности и археологіи. Докладчикъ разобралъ и представилъ въ переводѣ надписи на

предметахъ и выяснилъ, какое значеніе онѣ имѣютъ. Докладчикъ остановился въ своихъ объясненіяхъ, между прочимъ, на египетской деревянной погребальной статуэткѣ, вѣка XIII до Р. Хр.; на глиняномъ кирпичѣ съ надписью, сдѣланной архаическимъ клинообразнымъ шрифтомъ («Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, украситель храмовъ Эсагиль и Эзидда, сынъ Набополассара, царя Вавилонскаго, я есмь»); на двухъ древне-персидскихъ кирпичахъ съ эмалью (три послѣднихъ предмета пожертвованы М. А. Гамазовымъ) и на др. Затѣмъ, секретаремъ былъ прочитанъ присланный М. Н. Сперанскимъ рефератъ о «Трепетникахъ». Подъ этимъ названіемъ извѣстна книга, содержащая въ себѣ вѣрованія въ предзнаменовательное значеніе дрожи, зуда — непроизвольныхъ мускульныхъ и нервныхъ явленій человѣческаго тѣла и его отдѣльныхъ частей. Для славянской литературы существованіе этой книги восходитъ къ XV, если не къ XIV вѣку, но исторію «Трепетника» необходимо начинать съ очень отдаленнаго времени. Примѣты по «трепету» различныхъ частей человѣческаго тѣла принадлежатъ къ числу тѣхъ примѣтъ, которыя вмѣстѣ съ гаданіемъ являются достояніемъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ и восходятъ ко временамъ доисторическимъ. Весьма рано эти повѣрія стали складываться въ систему, подвергаясь обработкѣ людей, или интересующихся естественными науками или признающихъ практическое значеніе этихъ явленій въ жизни человѣка, каковы, напримѣръ, гадатели, медики, физіологисты древности. Давъ обозрѣніе и анализъ извѣстныхъ ему текстовъ «Трепетника», докладчикъ по вопросу объ отношеніи славянскихъ текстовъ къ ихъ источнику приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ XIV вѣкѣ, едва ли позднѣе, «Трепетникъ» былъ переведенъ съ греческаго языка на болгарскій, съ котораго не позднѣе XV вѣка былъ сдѣланъ сербскій переводъ, сохранившій свою популярность до XIX вѣка. Рядомъ съ старымъ переводомъ появляется другой, младшій, по греческому же тексту, но иной редакціи; этотъ послѣдній переводъ даетъ матеріалъ для переработки стараго «Трепетника» на новый ладъ. Старый южно-славянскій переводъ, или уже осложненный болѣе позднимъ или, вмѣстѣ съ нимъ, перешелъ на Русь и послужилъ источникомъ русскаго «Трепетника». Независимо отъ стараго перевода, въ новое время въ Сербіи и Болгаріи явился еще переводъ «Трепетника», на этотъ разъ имѣвшаго своимъ источникомъ текстъ румынскій, восходящій къ французскому. Что касается отношенія славянскаго «Трепетника» къ живымъ вѣрованіямъ, то, по мнѣнію М. Н. Сперанскаго, разсмотрѣнные имъ тексты оказали очень незначительное вліяніе на народное повѣрье. В. Н. Перетцъ сообщилъ вирши изъ раскольничьяго сборника конца XVIII вѣка, описывающія жизнь въ скитахъ. **II.** 12-го февраля состоялось засѣданіе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Первое сообщеніе: «Къ литературной исторіи Несторова житія преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго» было сдѣлано Д. И. Абрамовичемъ. Затѣмъ былъ прочитанъ Хр. М. Лопаревымъ рефератъ о переводахъ съ русскаго на греческій языкъ въ концѣ XVII вѣка. Остановившись на вопросѣ о возможности переводовъ съ русскаго на греческій языкъ еще въ византійское время, докладчикъ констатировалъ наличность переводныхъ памятниковъ только съ конца XVII вѣка. Въ это время были переведены: «Путешествіе въ Китай Николая Спаѳарія (1693 г.)», «Пу-

тешествіе Байкова», «Чертежъ Сибири», «Описаніе Каспійскаго моря», «Наказъ боярину Матвѣеву», «Повѣсть о смерти князя Даніила Александровича и началѣ Москвы», «Бесѣда Кирилла философа съ великимъ княземъ Владиміромъ», нѣсколько позже было переведено на греческій языкъ Несторово «Житіе Ѳеодосія Печерскаго» вмѣстѣ съ разсказомъ о перенесеніи мощей и похвалою ему. Референтъ остановился главнымъ образомъ на баснословной повѣсти о началѣ Москвы и показалъ, что переводчикъ-грекъ въ 1693 году переводилъ повѣсть въ Москвѣ съ какой-то, неизвѣстной пока, русской редакціи, доказательствомъ чего служатъ значительныя прибавки и дополненія въ греческомъ текстѣ сравнительно съ русскою редакціею, опубликованною Чертковымъ. Къ сообщенію Хр. М. Лопарева были сдѣланы дополненія С. О. Долговымъ, А. И. Соболевскимъ и Ѳ. И. Успенскимъ. В. Н. Перетцъ сообщилъ раскольничью легенду о происхожденіи картофеля, представляющую переработку мотивовъ, которые легли въ основаніе извѣстной повѣсти о происхожденіи табака.

Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. 26-го февраля состоялось торжественное годовое собраніе въ присутствіи министровъ, главноуправляющихъ и множества высокопоставленныхъ лицъ. Передъ началомъ засѣданія была совершена панихида по въ Бозѣ почившемъ императорѣ Александрѣ III. Затѣмъ, по объявленіи графомъ С. Д. Шереметевымъ засѣданія открытымъ, оркестръ графа А. Д. Шереметева, подъ его управленіемъ, исполнилъ музыкальную картину «Въ церкви» соч. Чайковскаго. Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ прочиталъ свое стихотвореніе, озаглавленное «Къ друзьямъ». Послѣ чтенія стихотворенія оркестръ и хоръ графа А. Д. Шереметева, подъ управленіемъ графа, исполнили «Славься, славься, нашъ Русскій Царь» и гр. С. Д. Шереметевъ прочиталъ нѣсколько писемъ въ Бозѣ почивающаго императора Александра III къ профессору Боголюбову. Письма эти относятся къ семидесятымъ годамъ, когда покойный императоръ былъ наслѣдникомъ. Прекрасно обрисовываютъ они благородный характеръ Царя Миротворца, его простое и сердечное отношеніе къ окружающимъ и его любовь къ искусству. Послѣ того были прочитаны воспоминанія одной дамы о покойномъ императорѣ. Воспоминанія рисуютъ покойнаго Монарха хорошимъ семьяниномъ. Въ заключеніе засѣданія хоръ и оркестръ исполнили народный гимнъ, выслушанный публикою стоя.

Археологическое общество. 16-го февраля состоялось, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Веселовскаго, засѣданіе русскаго отдѣленія, въ которомъ А. И. Лось сдѣлалъ сообщеніе объ отрывкахъ русскихъ рукописей XIV—XVI вв., найденныхъ въ Люблинской губерніи. Референтъ, отмѣтивъ, что изъ этихъ отрывковъ заслуживаютъ наибольшаго вниманія три, а именно: отрывки Пролога, Ирмолоя и сборника апокрифовъ, остановился на отрывкахъ Пролога и апокрифическаго сборника; сдѣлавъ подробный анализъ ихъ языка, референтъ отнесъ отрывки Пролога къ XIV вѣку, а сборника—къ XVI вѣку, при чемъ высказалъ предположеніе, что сборникъ этотъ, представляющій довольно много полонизмовъ, былъ переведенъ съ польскаго. Затѣмъ референтъ указалъ отношеніе данныхъ апокрифическихъ отрывковъ (о Георгіи и слово Іоанна Бого-

слова о Успеніи Богородицы) къ извѣстнымъ уже текстамъ этихъ апокрифовъ. С. О. Долговъ замѣтилъ, что разсмотрѣнные референтомъ отрывки апокрифа о Георгіи и Слово Іоанна могутъ и не представлять перевода съ польскаго; полонизмы же ихъ могутъ быть объяснены тѣмъ, что они писаны въ юго-западной Руси, языкъ памятниковъ которой изобилуетъ полонизмами. Затѣмъ гр. А. А. Бобринскій сообщилъ объ «Альбомѣ путешествія въ Москву шведскаго посланника Пальмквиста въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича». Въ сообщеніи своемъ графъ Бобринскій ограничился указаніемъ содержанія этого путешествія, изданнаго шведскимъ правительствомъ всего въ 50 экземлярахъ, и высказалъ желаніе, чтобы археологическое общество издало его переводъ на русскомъ языкѣ, если возможно, воспроизведя и рисунки. Предложеніе гр. Бобринскаго встрѣтило сочувствіе общества, и Н. В. Султановъ указалъ, что рисунки Пальмквиста имѣютъ огромное значеніе при изученіи исторіи русской архитектуры, и замѣтилъ, что нѣкоторые рисунки Пальмквиста были воспроизведены лѣтъ 15 назадъ г. Бергомъ въ «Нивѣ», и что уже тогда былъ поднятъ въ обществѣ любителей древней письменности вопросъ объ изданіи путешествія Пальмквиста. В. Г. Глазовъ съ своей стороны замѣтилъ, что замѣчанія и рисунки Пальмквиста, бывшаго офицеромъ шведской арміи, весьма важны, и интересно было бы ихъ издать. Въ виду того, что текстъ путешествія уже переведенъ М. А. Веневитиновымъ и, какъ сообщилъ С. О. Долговъ, скоро будетъ изданъ въ чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ, предложеніе гр. Бобринскаго осталось въ силѣ только относительно изданія рисунковъ. Затѣмъ Х. М. Лопаревъ сдѣлалъ краткое сообщеніе: «Полоцкіе князья въ Константинополѣ въ 1128 году», и высказалъ предположеніе, что одновременно съ полоцкими князьями были сосланы въ Константинополь Евфросинія Полоцкая и Ксенія Брячиславля, бывшая, по мнѣнію докладчика, женою Брячислава Борисовича, а не женою Брячислава Изяславича, какъ предполагаетъ Данилевичъ. Кромѣ того, докладчикъ далъ нѣсколько остроумныхъ соображеній объ именахъ сосланныхъ князей, исходя изъ того положенія, что нѣкоторые изъ нихъ могли носить по два имени, напримѣръ: Борисъ-Давидъ, Глѣбъ-Романъ. Послѣ этого А. А. Спицынъ сообщилъ о раскопкахъ, произведенныхъ прошлымъ лѣтомъ г. Сацкимъ въ Одесскомъ уѣздѣ, отмѣтивъ наиболѣе интересныя находки, какова, напримѣръ, находка погребенія въ сидячемъ положеніи, при чемъ въ курганѣ было найдено множество сложенныхъ въ кучи рѣчныхъ раковинъ. Судя по найденнымъ въ могилѣ вещамъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ очень древнимъ, неизвѣстнымъ намъ доселѣ, типомъ погребенія.

Географическое общество. Въ засѣданіи 1-го февраля Н. А. Бушемъ было сдѣлано сообщеніе: «Результаты изслѣдованія ледниковъ Кубанской области и Сухумскаго округа въ 1896 и 1897 гг.». До сихъ поръ Кавказъ считали очень бѣднымъ ледниками, теперь же оказывается, что онъ заваленъ ими и количество ихъ, пожалуй, не менѣе, чѣмъ въ Альпахъ. Гг. Бушемъ и Щукинымъ осмотрѣны 220 ледниковъ, изъ нихъ около 130 являются совершенно новыми; изъ нихъ нѣкоторые достигаютъ 6—7 верстъ, какъ, напримѣръ, ледникъ Акъ-Тюбе; нѣкоторые очень круты и завалены постоянно обрывающимися скалами, образующими огромныя пещеры. Г. Бушъ послѣ своихъ экспедицій

пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) всѣ ледники Кубанской области находятся въ періодѣ отступанія, продолжающагося уже около 20 лѣтъ; 2) число ледниковъ отъ запада къ востоку сильно увеличивается; 3) Марухскій ледникъ, считавшійся до сихъ поръ по описанію Динника самымъ большимъ, оказался не длиннѣе трехъ верстъ; 4) ледники западныхъ частей отличаются отъ ледниковъ восточныхъ тѣмъ, что снѣговыя поля въ первыхъ меньше, а ледяныя потоки больше. На ледникахъ въ эти двѣ экспедиціи были сдѣланы отмѣтки, и поэтому будутъ очень интересны послѣдующія наблюденія, по которымъ можно будетъ рѣшить вопросъ: отступаютъ ли вообще наши кавказскіе ледники или не отступаютъ, что очень важно для Кавказа и военно-грузинской дороги. Это тѣмъ болые интересно, что съ 1895 года замѣчено наступаніе ледниковъ въ Альпахъ.

Сообщеніе было демонстрировано прекрасно снятыми со всѣхъ ледниковъ фотографіями г. Щукинымъ.

Поддѣльныя древности. Въ Кіевѣ 8-го февраля изловили фабриканта археологическихъ драгоцѣнностей, Боруха Деренгейма, австрійскаго подданнаго, о которомъ полиціи сообщили, что онъ контрабандно водворяетъ вещи изъ низкопробнаго серебра. Въ номерѣ его оказалось очень много серебряныхъ вещей, по виду старинныхъ, такъ что комната носила характеръ небольшого музея. Тутъ стояли огромныя серебряныя блюда, почернѣвшія отъ времени, съ разными изображеніями изъ исторіи среднихъ вѣковъ, тяжелые массивные бокалы, рюмки, большіе серебряные барельефы въ старыхъ плюшевыхъ рамахъ, изъ которыхъ одинъ обращаетъ на себя вниманіе изображеніемъ извѣстной сцены изъ Вильгельма Теля, когда онъ сбиваетъ выстрѣломъ яблоко съ головы своего сына. Изъ этой коллекціи болѣе всего достойны вниманія металлическія изображенія Петра Великаго, правительницы Анны Леопольдовны, царей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, Яна Собѣсскаго, Станислава Понятовскаго и Яна-Казимира. Послѣднихъ вещей по нѣсколько экземпляровъ. Затѣмъ металлическая фигура Наполеона I на каменной подставкѣ, два ковша слоновой кости, въ серебряной оправѣ, большая фигура женщины изъ такой же кости на серебряной подставкѣ, серебряное блюдо съ надписью попольски «Masera»; кромѣ того, тамъ находилось 14 серебряныхъ блюдечекъ, 17 бокальчиковъ, рюмки, солонки, подсвѣчники, 60 ложечекъ, ножи, вилки, старинныя монеты и т. д. Всѣ эти вещи носятъ характеръ древнихъ. Деренгеймъ объяснилъ, что онъ эти «старинныя» вещи самъ изготовляетъ въ своей мастерской, которую онъ содержитъ совмѣстно съ своимъ тестемъ Яковомъ Цимерманомъ во Львовѣ, и привозитъ ихъ для сбыта въ Россію. Насколько онѣ искусно поддѣланы, доказывается тѣмъ, что ихъ пріобрѣтали спеціалисты, антикваріи и платили большія деньги. Деренгеймъ пока подвергнутъ домашнему аресту, а контрабандныя «древности» изъ низкопробнаго серебра конфискованы. Дѣло передано судебному слѣдователю.

Музей Ѳ. М. Достоевскаго. Въ предшествующей книжкѣ мы сообщали о коллекціи предметовъ, относящихся къ памяти Ѳ. М. Достоевскаго и хранящихся въ одной изъ угловыхъ башенокъ Императорскаго историческаго музея. Теперь мы узнали, что наднихъ вдова покойнаго писателя А. Г. Достоевская

принесла всю коллекцію въ даръ историческому музею. Для того, чтобъ осмотрѣть собраніе Ѳ. М. Достоевскаго, нужно подняться въ библіотеку, изъ которой уже прямой доступъ въ угловую башенку, гдѣ расположена вся коллекція. Стѣны небольшой восьмигранной башни увѣшаны портретами Ѳ. М. Достоевскаго, среди которыхъ встрѣчается не мало повтореній; здѣсь можно видѣть лучшій портретъ писателя, сдѣланный однимъ изъ извѣстныхъ художниковъ. Интересенъ портретъ представляющій копію съ портрета работы К. Трутовскаго. Затѣмъ здѣсь можно видѣть много бюстовъ, среди которыхъ выдѣляются бюсты работы Бернштама и Лаверецкаго. Подъ стекломъ въ особомъ футлярѣ хранится маска Ѳ. М. Достоевскаго, исполненная Бернштамомъ. Много имѣется бюстовъ кустарной работы. Далѣе на стѣнахъ развѣшано много иллюстрацій, относящихся къ похоронамъ знаменитаго писателя въ Петербургѣ. Иллюстраціи похороннаго шествія дополняются цѣлымъ собраніемъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ кончинѣ Достоевскаго. Въ двухъ витринахъ хранятся ленты отъ вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ покойнаго, много снимковъ съ видами могилы его и памятника; между прочимъ, тутъ имѣются снимки со всѣхъ проектовъ его памятника, которые не были утверждены. Нѣсколько витринъ и одинъ шкапъ заключаютъ въ себѣ тщательно собранныя сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго въ той послѣдовательности, какъ они выходили въ свѣтъ; тутъ же собраны критическіе отзывы о Достоевскомъ и почти всѣ переводы его произведеній; по крайней мѣрѣ, здѣсь можно видѣть переводы его сочиненій на французскій, англійскій, нѣмецкій, датскій, польскій, чешскій, шведскій и новогреческій языки. Еще болѣе интереснымъ и цѣннымъ является полное собраніе рукописей Ѳ. М. Достовскаго; между ними есть такія, которыя еще нигдѣ не были напечатаны. Для обозрѣнія публики открыты рукопись «Братьевъ Карамазовыхъ» и предсмертная рукопись «Дневника писателя 1881 года». А. Г. Достоевская въ числѣ другихъ предметовъ принесла въ даръ музею книжный шкапъ, письменный столъ и кресло къ нему, представляющіе точную копію съ вещей Ѳ. М. Достоевскаго. Копіи исполнены настолько удачно, что ихъ трудно, по словамъ А. Г. Достоевской, отличить отъ оригиналовъ. На столѣ помѣщается письменный приборъ писателя и подсвѣчники съ фигурами. Въ одной изъ витринъ подъ стекломъ хранятся ручка съ перомъ, которымъ писалъ Ѳ. М. Достоевскій, очки въ футлярѣ, значки съ пушкинскихъ торжествъ 1880 года, портсигаръ съ сигарами и папиросами, которыя курилъ писатель, и нѣсколько мелкихъ вещицъ, принадлежавшихъ его матери, которыми онъ очень дорожилъ. Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть о видахъ домовъ, въ которыхъ жилъ писатель въ разное время, а также о портретахъ нѣкоторыхъ близкихъ къ нему лицъ. Имѣется одна гравюра съ хорошимъ портретомъ А. С. Пушкина, въ углу которой помѣщенъ миніатюрный портретъ Достоевскаго. Публика свободно допускается къ обозрѣнію музея Ѳ. М. Достоевскаго.

Завѣщаніе И. С. Никитина. Въ № 33 «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано нижеслѣдующее письмо въ редакцію, подымающее весьма интересный вопросъ о соблюденіи воли завѣщателя-поэта: только что закончившаяся въ Воронежскомъ губернскомъ музеѣ шестая періодическая выставка привлекла въ музей значительное количество разнаго рода пожертвованій, въ числѣ ко-

торыхъ выдѣляются автографы поэта И. С. Никитина и подлинное его духовное завѣщаніе. «1861 г. ноября 16 дня, — какъ значится въ надписи подъ текстомъ этого документа, — это духовное завѣщаніе явлено (было) въ Воронежской палатѣ гражданскаго суда. По опредѣленію ея.... въ подлинности засвидѣтельствовано и.... выдано предъявителю онаго надворному совѣтнику Михаилу (Ѳеодоровичу) Де-Пуле». Наслѣдниками Де-Пуле завѣщаніе пожертвовано въ музей. Шестой пунктъ завѣщанія гласитъ: «Право на оставшіяся по смерти моей и на прежнія изданныя сочиненія мои предоставить статскому совѣтнику Николаю Ивановичу Второву съ тѣмъ, чтобы деньги, вырученныя за эти сочиненія, онъ употребилъ, по своему усмотрѣнію, для какой нибудь благотворительной цѣли». Первое изданіе сочиненій Никитина послѣдовало въ концѣ 1860 годовъ въ Воронежѣ. Издателемъ былъ воронежскій купецъ, почитатель поэта, Антонъ Родіоновичъ Михайловъ. «Уважая память покойнаго Никитина,— писалъ издатель графу Д. Н. Толстому,—я рѣшился издать его сочиненія изъ опасенія, что какъ этотъ трудъ ничѣмъ не вознаграждался для издателя, то и полное изданіе могло бы состояться не скоро» (Памятная книжка Воронежской губерніи 1894 года, отдѣлъ III, стр. 51). «Можетъ быть, продолжаетъ издатель, я увлекаюсь своимъ провинціальнымъ патріотизмомъ, ради котораго, несмотря на всѣ настоянія другихъ, рѣшился я издать Никитина не иначе, какъ на его родномъ пепелищѣ» (ibid.). Вырученныя отъ продажи этого изданія деньги употреблены были на пособіе бѣднымъ ученицамъ мѣстной женской гимназіи. Интересно было бы знать, на какихъ условіяхъ и кѣмъ именно и по какому праву издаются сочиненія И. С. Никитина и поступаетъ ли доходъ отъ изданія на какія либо благотворительныя дѣла? Въ числѣ свидѣтелей подъ духовнымъ завѣщаніемъ Никитина подписался «духовный отецъ завѣщателя учитель Воронежской семинаріи, іеромонахъ Арсеній», нынѣ здравствующій епископъ кирилловскій, викарій новгородскій. Примите и пр. Предсѣдатель комиссіи по устройству Воронежскаго губернскаго музея, священникъ Стефанъ Звѣревъ. 18 января 1899 года. Воронежъ».

† **Л. И. Поливановъ.** Въ ночь на 11-е февраля скончался извѣстный въ Москвѣ педагогъ Левъ Ивановичъ Поливановъ, основатель и директоръ частной классической гимназіи. Покойный родился въ 1838 г. въ Нижегородской губерніи, образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ въ 1861 г. окончилъ курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ. Съ февраля 1864 г. онъ былъ назначенъ младшимъ учителемъ русскаго языка въ 3-ю Московскую гимназію, но пробылъ здѣсь лишь до сентября того же года, когда былъ переведенъ старшимъ преподавателемъ русской словесности въ 4-ю Московскую гимназію. Открытое имъ вмѣстѣ съ другими педагогами средне-учебное заведеніе (съ 1868 г.) заставило покойнаго прекратить преподаваніе въ правительственныхъ гимназіяхъ Москвы и сосредоточить свои педагогическія занятія въ собственной частной гимназіи, гдѣ онъ и состоялъ директоромъ до своей кончины. Вмѣстѣ съ педагогическою дѣятельностью Л. И. Поливановъ соединялъ, въ теченіе свыше тридцати лѣтъ, свои учебно-литературные труды. Прежде всего онъ составилъ себѣ громкое имя такими книгами, какъ «Русская и церковно-славянская этимологія» (М., 1867 г.), «Краткій учебникъ русской грам-

матики» (М., 1872 г.), «Русскій синтаксисъ» (М., 1882 г.), «Русская христоматія» (М., 1870—1878 гг., три части), «Начальная книжка для обученія русскому языку» (М. 1883 г.), «Первая и Вторая Пчелка» (М., 1886 г.), вышедшія многими изданіями. Затѣмъ имъ же изданы очень важныя пособія, какъ, напримѣръ: «Избранныя сочиненія Державина» и «Избранныя сочиненія Карамзина» съ примѣчаніями (М., 1883 г.), «Сочиненія Пушкина» съ подробными объясненіями (М., 1887—1888 гг.), пять томовъ, «Библіотека по русскому и церковно-славянскому языку и словесности» (М., 1888 г.), «Избранное чтеніе для юношества» (М., 1888 г.), и особенно книга «В. А. Жуковскій и его произведенія» (М., 1883 г., подъ псевдонимомъ «П. Загаринъ»), и сборникъ статей М. Н. Каткова «Наша учебная реформа» (М., 1886 г.). Наконецъ, покойному принадлежалъ рядъ статей, изъ которыхъ назовемъ: «Уроки объяснительнаго чтенія и логическаго разбора» (Циркуляръ по Московскому учебному округу 1867 г., № 3), «Демонъ» Пушкина на основаніи новаго пересмотра рукописей поэта» («Русскій Вѣстникъ», 1886 г., кн. 8), «Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина» («Русская Старина», 1887 г., кн. 1), «Многосторонній интересъ научныхъ изслѣдованій о Пушкинѣ» (Московскія Вѣдомости», 1887 г., № 41), «М. Ю. Лермонтовъ въ 1831—1832 годахъ» («Русская Старина», 1889 г., кн. 1), «В. Я. Стоюнинъ» («Пантеонъ Литературы», 1889 г., кн. 2), и рядъ критическихъ замѣтокъ въ «Учебно-воспитательной библіотекѣ», изданной учебнымъ отдѣломъ Московскаго общества распространенія техническихъ знаній. Сверхъ того, Л. П. Поливановъ былъ извѣстенъ, какъ переводчикъ. Ему, напримѣръ, принадлежали переводы трудовъ Амедея Тьерри «Іоаннъ Златоустъ и царица Евдоксія» (М., 1884 г.) и «Аларихъ» («Русское Обозрѣніе», 1893 г., кн. 1, 3 и 11). Въ послѣдніе же годы имъ были переведены и изданы «Мизантропъ» Мольера (М., 1893 г.), «Горацій» Корнеля (М., 1894 г.), «Гофолія» и «Федра» Расина (М., 1895 г.), всѣ съ подробными объясненіями и вступительными статьями. Изъ этихъ переводовъ «Мизантропъ» и «Гофолія» удостоены наградъ отъ Императорской Академіи наукъ. Почившій принималъ также живое участіе при открытіи памятника великому поэту въ 1880 году, какъ членъ и секретарь Московскаго общества любителей россійской словесности, издавшій подъ своею же редакціей извѣстный «Альбомъ Пушкинской выставки» (М., 1880 и 1887 гг.). («Моск. Вѣд.» №№ 43, 44, 45 и 46; «Русскія Вѣдом.» № 43; «Нов. Вр.» № 8250).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Еще о Жиржинскомъ дѣлѣ 27 іюля 1863 года.

Съ чувствомъ удовлетворенія прочиталъ я въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ описаніе Жиржинскаго боя, составленное на основаніи военно-слѣдственнаго дѣла г. Естифѣевымъ, исправившимъ нѣкоторыя мои неточности въ разсказѣ объ этомъ дѣлѣ («Историческій Вѣстникъ»

1895 г., май). Понятно, что, только пользуясь такимъ матеріаломъ, какой былъ у г. Естифѣева, можно уберечься отъ неточностей, неизбѣжныхъ при возстановленіи факта по разсказамъ даже самихъ свидѣтелей и участниковъ боевого дѣла,—тѣмъ болѣе, что подобные разсказы почти всегда носятъ на себѣ слѣды глубокихъ личныхъ впечатлѣній. А если событіе разсказывается по памяти, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ (какъ въ моихъ замѣткахъ), то задача повѣствователя становится еще труднѣе. Можно только пожалѣть, что трагическій эпизодъ, столь ярко обрисовавшій геройство русскихъ воиновъ (офицеровъ и солдатъ), всегда впрочемъ присущее имъ,—что этотъ эпизодъ только черезъ 36 лѣтъ привлекъ на себя вниманіе тѣхъ, кто имѣлъ возможность раньше, на основаніи офиціальныхъ данныхъ, со всею точностью передать печати событіе, хотя печальное, но тѣмъ не менѣе составляющее нашу гордость, благодаря мужественной кучкѣ саперъ, артиллеристовъ и казаковъ.

Между прочимъ, для уясненія дѣла, нельзя не обратить вниманія на слѣдующую подробность. Авторъ приводитъ надпись, карандашемъ сдѣланную на слѣдственномъ дѣлѣ, такого содержанія: «Слѣдствіе производится по требованію изъ Варшавы. Тамъ есть молва, что отрядъ былъ пьянъ». «Эта надпись,—добавляетъ г. Естифѣевъ,—а также и упоминаемая въ воспоминаніяхъ Любарскаго бочка съ водкой до сихъ поръ поддерживаютъ мнѣніе, что солдаты будто бы напились, разбивъ эту бочку, которую везли два повстанца, захваченные передъ лѣсомъ. Фактъ этотъ офиціально не подтверждается такъ же, какъ и происхожденіе слуха».

Кто бы изъ участниковъ могъ подумать, что столь пустое обстоятельство могло послужить поводомъ къ возникновенію такого инкриминирующаго предположенія! Тотчасъ послѣ дѣла, подъ вліяніемъ понятнаго возбужденія, весь Ивангородъ былъ наполненъ разсказами о роковой неудачѣ, при чемъ о захватѣ двухъ повстанцевъ съ водкой упоминалось, какъ о случайности, послужившей указаніемъ, что неподалеку скрывается банда. Но о томъ, что солдаты воспользовались водкой, я ни отъ кого изъ участниковъ дѣла не слышалъ, и о существованіи такого слуха узнаю въ первый разъ изъ статьи г. Естифѣева. Уже изъ этого можно заключить, что означенный слухъ — не мѣстный и возникъ въ Варшавѣ произвольно, такъ сказать, механически: была дескать захвачена водка, битва проиграна, значитъ—солдаты перепились.

Сколько мнѣ помнится, «фурманка» съ бочкой, послѣ поимки, слѣдовала вмѣстѣ съ отрядомъ подъ нашимъ конвоемъ, а когда вскорѣ начался бой, то солдатамъ было уже не до водки. Можно полагать, что пресловутая водка вновь досталась повстанцамъ, потому что тотчасъ по окончаніи дѣла запасъ ея оказался у побѣдителей, и они на радостяхъ щедро угощали тѣхъ солдатъ Ивангородской крѣпостной роты, которые во время жаркаго боя прятались въ канавахъ и не принимали участія въ дѣлѣ (о чемъ заявлено въ офиціальной реляціи), а потомъ безъ смущенія отдавались въ плѣнъ, какъ съ негодованіемъ разсказывалъ мнѣ раненый въ ногу саперъ, оставшійся на мѣстѣ и видѣвшій эту сцену (плѣнныхъ, какъ ненужную обузу, повстанцы отпустили).

Не могу не прибавить, что постыдное поведеніе солдатъ крѣпостной роты (по реляціи — 114-ти изъ 184-хъ) объясняется тѣмъ, что Ивангородскій крѣ-

постной баталіонъ только недавно былъ сформированъ изъ нижнихъ чиновъ бывшей внутренней стражи (а не изъ новобранцевъ, какъ сказано въ запискахъ покойнаго Н. В. Берга, «Русская Старина», сентябрь 1879 г.). По распоряженію высшаго начальства, сюда должны были быть назначены самые лучшіе люди, но ближайшіе прежніе начальники сбыли въ этотъ баталіонъ, какъ прежде обыкновенно водилось, много солдатъ, крайне деморализованныхъ. А новые командиры (баталіонный и ротные) еще не успѣли воспитать этихъ солдатъ въ духѣ строгой дисциплины и воинской доблести. Столь ненадежный составъ Ивангородской крѣпостной роты имѣлъ послѣдствіемъ то, что нашъ отрядъ, крайне малочисленный, еще болѣе уменьшился при первыхъ же выстрѣлахъ, устрашившихъ ивангородцевъ, и очутился противъ непріятеля, численно въ двѣнадцать разъ сильнѣйшаго.

И. Любарскій.

II.

Къ запискамъ графини Головиной.

Въ 1-й книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1899 г. въ предисловіи къ «Запискамъ графини Головиной», стр. 50—51, авторъ говоритъ: «въ 1821 г. графини Фредро и Потоцкая (дочери Головиной) исходатайствовали себѣ для ликвидаціи дѣлъ по наслѣдству необычайное право разыграть въ лотерею всѣ недвижимыя имѣнія графа Головина. Всѣ имѣнія были оцѣнены въ $8^1/_2$ милліоновъ рублей. Неизвѣстно, какую прибыль отъ этой лотереи получили наслѣдницы, хотя билеты были всѣ раскуплены»... «И такъ отъ Головиныхъ, прибавляетъ авторъ, въ Россіи не осталось ничего».

Но такое заключеніе автора оказывается не вполнѣ вѣрнымъ: одна изъ дочерей графини Головиной, именно Прасковья Н. Фредро, продолжала владѣть имѣніями въ Россіи и послѣ 1821 г. Въ 1831 г. ей принадлежало въ разныхъ уѣздахъ Владимірской губерніи 709 душъ крестьянъ, съ коихъ въ томъ году поступило дохода 11.087 рублей; имѣнія эти въ 1824 г. были заложены въ опекунскомъ совѣтѣ за 115.800 рублей.

Такъ какъ мужъ графини генералъ-майоръ Фредро во время польскаго возстанія 1830 г. находился въ Варшавѣ, то на ея имѣнія, на основаніи высочайшаго указа 21 декабря 1830 г., наложено было запрещеніе. Но въ виду того, что имѣніе было уже заложено, съ согласія опекунскаго совѣта оно было отдано подъ охрану Юрьевской дворянской опеки, и доходы съ него должны были идти прежде всего на погашеніе долга (ежегодно по 6.406 руб.), а остатокъ въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Но это запрещеніе тяготѣло надъ имѣніемъ весьма не долго: въ началѣ 1832 г. послѣдовало особое высочайшее повелѣніе, чтобы имѣніе г-жи Фредро было отъ секвестра освобождено и отдано въ ея распоряженіе.

(Свѣдѣнія эти извлечены изъ архива Владимірскаго губернскаго правленія—секретное дѣло № 867).

Членъ Владимірской ученой архивной комиссіи

Вас. Добронравовъ.

паспортъ для особы этой національности, тогда мы могли бы быть совершенно спокойны. Иначе твоя почтенная абэсса можетъ выхлопотать lettre de cachet и засадить насъ туда, гдѣ будетъ похуже, чѣмъ въ твоемъ мирномъ монастырѣ.

— И насъ бы разлучили?—спросила съ ужасомъ Генріетта, прижимаясь къ нему.—О Мирабо, тогда поѣдемъ въ Лондонъ сегодня же, сейчасъ! А маленькаго Коко мы тоже возьмемъ съ собою?

— Конечно,— отвѣтилъ Мирабо, улыбаясь,— безъ него мы никуда не поѣдемъ. Я обязался торжественною клятвой никогда не разлучаться съ маленькимъ веселымъ человѣчкомъ. Но, къ сожалѣнію, ѣхать сегодня мы не можемъ. Говоря откровенно, какъ подобаетъ между друзьями, у меня нѣтъ никакихъ денегъ. Къ тому же, я еще не представляю себѣ ясно способа, какимъ я выведу тебя изъ этого дома. Жду къ себѣ сегодня утромъ моего друга Шамфора, только-что извѣстившаго меня, что онъ опять въ Парижѣ. Съ нимъ-то, хорошо знакомымъ со всѣми моими дѣлами, я посовѣтуюсь о томъ и другомъ, и увѣренъ, что мой умный и хитрый овернецъ сумѣетъ опять вывести меня изъ затрудненія.

— Посовѣтуйся лучше сейчасъ же со мною!—воскликнула Генріетта, ласкаясь къ нему. — Развѣ я тоже тебѣ не другъ? Быть можетъ, и я придумаю что нибудь чрезвычайно умное, несмотря на то, что я не изъ Оверни, какъ твой пріятель Шамфоръ. Позволь же мнѣ начать съ денегъ. Возможно ли, чтобы у насъ опять ихъ не было, когда?..

— Когда,—перебилъ Мирабо съ громкимъ смѣхомъ,—нѣсколько дней тому назадъ у насъ была ихъ цѣлая куча, потому что ты не только ласточка, принесшая весну сюда, къ Мирабо, но и сказочная ласточка, нанесшая ему золотыя яички. Да, мое дитя, всѣ твои драгоцѣнности, великодушно намъ предоставленныя, уже исчезли. По твоему приказанію, я наложилъ свою разбойническую руку на хранившіеся въ твоей шкатулкѣ кольца, браслеты и драгоцѣнные камни и продалъ все. А это были, вѣроятно, дорогія для тебя по воспоминаніямъ вещи! И ту довольно значительную сумму,— безъ сомнѣнія, сбереженныя тобою карманныя деньги,—которую ты мнѣ вручила, я тоже пустилъ по тому гибельному пути, по которому должны идти всѣ деньги Мирабо. Не ужасно ли это?

Въ первую минуту Генріетта громко вздохнула, съ изумленіемъ смотря ему въ глаза, но вслѣдъ за тѣмъ отъ души расхохоталась.

— Въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ Мирабо съ трагическимъ выраженіемъ,—деньги никакъ у меня не держатся. Это болѣзнь, которой я страдаю всю жизнь. Только что я дотронусь до нихъ, какъ онѣ разлетаются на всѣ четыре стороны. У меня нѣтъ и никогда не будетъ денегъ, хотя бы ты приворожила къ ногамъ моимъ золотыя горы.

Въ привычкахъ графа Мирабо было вѣчно и всѣмъ жаловаться на свои денежныя дѣла, но при этомъ, вмѣстѣ съ огорченіемъ, проглядывало что-то столь забавно-равнодушное, что друзья его, желая возвратить ему вполнѣ хорошее расположеніе духа, охотно приходили ему на помощь.

Въ эту минуту Генріетта тоже чувствовала, что ей слѣдуетъ какъ нибудь облегчить настоящее затруднительное положеніе, на которое онъ счелъ нужнымъ жаловаться, что̀ такъ мало согласовалось съ его обычнымъ достоинствомъ и величіемъ.

Она сняла съ себя золотой, унизанный жемчугомъ медальонъ съ портретомъ отца и, не взглянувъ на него даже, подала его Мирабо, значительно смотря и кивая ему головой.

Какъ ни готовъ былъ Мирабо принять отъ своихъ друзей всякую жертву, безъ разсужденій и не придавая никакого значенія, однако, онъ взялъ медальонъ лишь затѣмъ, чтобы съ нѣжными упреками за ея легкомысліе опять надѣть ей его и спрятать на ея груди.

— Счастливъ тотъ,— сказалъ онъ, цѣлуя ее,— кто можетъ хранить на сердцѣ память о своемъ отцѣ. Знаменитый Ванъ-Гаренъ былъ высокой чести человѣкъ, и мы въ нашемъ союзѣ будемъ достойно хранить его воспоминаніе!

— Ну, такъ я придумала что-то другое, — воскликнула Генріетта, весело хлопая въ ладоши. — Я вѣдь должна еще получить наслѣдство въ Брюсселѣ, и какъ я глупа, что до сихъ поръ объ этомъ не подумала! Жившій тамъ родственникъ моего отца помѣстилъ меня въ своемъ завѣщаніи. Но это всего четыре тысячи франковъ, Мирабо! Только надняхъ получила я увѣдомленіе объ этомъ, и ты не долженъ удивляться, что при всемъ со мною происшедшемъ это ускользнуло изъ моей памяти. Документъ долженъ быть въ шкатулкѣ, которую я передала тебѣ съ моими вещами.

— Быть можетъ, при моей небрежности, я выбросилъ его, — сказалъ Мирабо, поспѣшно направляясь къ письменному столу, гдѣ была спрятана шкатулка. Бумага оказалась въ ней. Мирабо съ любопытствомъ развернулъ ее, а Генріетта пристально смотрѣла на него, желая прочесть удовольствіе на его лицѣ.

— Хорошо,—сказалъ Мирабо равнодушно,—деньги несомнѣнно твои и могутъ быть тотчасъ же получены. Объ этомъ мы позаботимся, когда пріѣдемъ въ Брюссель, по дорогѣ въ Лондонъ, хотя это нѣсколько замедлитъ наше путешествіе, которое слѣдуетъ совершить какъ можно быстрѣе, главнымъ образомъ, изъ-за тебя, прелестная бѣглянка! Но мы это устроимъ. Теперь нужно только достать денегъ на дорогу отъ Парижа до Брюсселя, и это уже пустяки. Придетъ Шамфоръ, и мы увидимъ, какъ это сдѣлать. Черезъ него я спекулирую на кошелекъ госпожи Гельвеціусъ, которая охотно и щедро снабжаетъ своихъ друзей изъ своей всегда полной кассы.

Въ эту минуту послышались два легкихъ удара въ дверь, и Мирабо, узнавъ по нимъ своего друга, громко закричалъ: «Войди, Шамфоръ! здравствуй, Шамфоръ!»

Послѣдній быстро вошелъ, и друзья сердечно обнялись.

— Итакъ, теперь мы опять будемъ вмѣстѣ въ Парижѣ, мой другъ и наставникъ?—спрашивалъ Мирабо, нѣжно его обнимая, чего онъ не дѣлалъ ни съ однимъ изъ остальныхъ своихъ друзей.—Я такъ и думалъ, что, при твоей дивной подвижности и непокоѣ, ты не останешься надолго среди отейльской философской идилліи.

Тутъ Шамфоръ замѣтилъ Генріетту, покраснѣвшую и желавшую удалиться, но Мирабо, удержавъ ее, представилъ своему пріятелю.

— Вотъ она, Генріетта,—торжественно произнесъ Мирабо,—обладающая неземнымъ мужествомъ раздѣлять со мною жизнь и судьбу! Ты видишь, какъ она прекрасна, и найдешь, конечно, что всѣ описанія въ моихъ письмахъ остались далеко позади истины. Одной своей красотой она могла бы завоевать мѣсто на королевскомъ тронѣ, если бы она не предпочла раздѣлять невѣрную участь безпокойнаго Мирабо. Но она, кромѣ того, сама доброта, нѣжность, кротость и принадлежитъ къ тѣмъ возвышеннымъ, правдивымъ душамъ, возлѣ которыхъ чувствуешь себя подъ вѣрной охраной, какъ у себя на родинѣ. Я не стою ея, но, клянусь тебѣ, сдѣлаюсь достойнымъ обладать ею [1])!

Генріетта быстро подошла къ нему и, держа руку передъ его губами, робко упрашивала прекратить похвалы. Затѣмъ, дружески простясь съ Шамфоромъ, любезно ее привѣтствовавшимъ, поспѣшно удалилась въ сосѣднюю комнату.

— Можно позавидовать твоему таланту создавать себѣ счастіе!— сказалъ Шамфоръ, слѣдя долго глазами за исчезающимъ образомъ Генріетты.

— Моя же жизнь—вся изъ противорѣчій и контрастовъ,—продолжалъ онъ съ нѣкоторою горечью.—Одно изъ такихъ противорѣчій привело меня опять въ Парижъ. Маркизъ де-Водрейль пригласилъ меня жить у него, предоставивъ мнѣ, единственно изъ всѣмъ извѣстной любви къ литературѣ и искусству и не ставя никакихъ условій, роскошное убѣжище въ своемъ домѣ.

— Такъ что отнынѣ мой другъ Шамфоръ находится на Бурбонской улицѣ, въ великолѣпномъ отелѣ Водрейль? — сказалъ Мирабо, улыбаясь.—Тамъ онъ можетъ на просторѣ изучать высшій свѣтъ, что, конечно, принесетъ пользу всей нашей эпохѣ.

— Да, все у меня одни противорѣчія,—повторилъ Шамфоръ,— но объ этомъ въ другой разъ. Теперь вотъ въ чемъ дѣло. Маркизъ де-Водрейль поручилъ мнѣ передать тебѣ этотъ пригласительный

---

[1]) Собственныя слова Мирабо о Генріеттѣ. Lettres de Mirabeau à Chamfort, p. 76, 87, 92.

билетъ. Завтра вечеромъ, въ его отелѣ, будетъ представлена «Свадьба Фигаро» Бомарше, и онъ придаетъ большое значеніе твоему присутствію. Будетъ много приближенныхъ ко двору лицъ, такъ какъ задача въ томъ, чтобы все-таки добиться благоволенія короля и королевы для этой комедіи, имѣвшей еще въ рукописи столь странную судьбу. Друзья автора, въ числѣ коихъ, какъ извѣстно, и маркизъ де-Водрейль, хотятъ ловкимъ образомъ получить завтра разрѣшеніе на публичное представленіе пьесы.

Взявъ пригласительный билетъ, Мирабо долго, молча и задумчиво разсматривалъ его, повидимому, что-то соображая, потомъ сказалъ:—принимаю приглашеніе де-Водрейль, хотя, какъ ты знаешь, я нимало не интересуюсь комедіей спекулянта Бомарше. Все, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ для денегъ, и у меня не можетъ быть симпатіи и желанья причислить къ нашимъ человѣка, дѣлающаго изъ движенія впередъ и свободы дѣло наживы. Такъ онъ представился передовымъ человѣкомъ американцамъ, а что же онъ сдѣлалъ для американской свободы? Ничего, кромѣ поставки оружія новымъ республиканцамъ въ ихъ первыхъ походахъ, причемъ нажилъ невѣроятныя суммы, заставляя не только платить себѣ страшныя цѣны, но и поставляя негодныя ружья, плохіе сапоги и шапки. А потомъ, когда американцы, обвиняя его въ этомъ, стали сами заниматься военными поставками, онъ имѣлъ удовольствіе, съ биткомъ набитыми карманами, торжествовать въ общественномъ мнѣніи, какъ мученикъ свободы. О, я хорошо знаю этого патрона! И комедія его такой же гешефтъ съ общественнымъ мнѣніемъ. Какимъ путемъ этотъ Бомарше дошелъ до того, чтобы всю испорченность и ложь нашего общества сдѣлать предметомъ веселой комедіи? Если когда нибудь, подобно американцамъ, мы станемъ сражаться за свободу, то Бомарше будетъ всегда лишь Фигаро нашей революціи, то-есть надъ всѣмъ смѣющимся и изъ всего извлекающимъ свою выгоду плутомъ!

— Ненависть твоя къ Бомарше мнѣ знакома,—возразилъ Шамфоръ,—но если не для самой комедіи, то приходи, чтобы пріятно провести вечеръ, въ чемъ я тебѣ ручаюсь. Друзья Бомарше съ Monsieur, братомъ короля во главѣ, хотятъ непремѣнно добиться разрѣшенія пьесы, запрещенной, къ неудовольствію публики, королемъ, когда первое представленіе было уже объявлено на театрѣ «Menus-Plaisirs». Готовится какая-то интрига, и я доволенъ, чуя въ воздухѣ что-то неладное. Какъ ты объ этомъ думаешь, Мирабо?

— Носъ—важное орудіе хорошаго политика,—отвѣтилъ Мирабо,—и ты знаешь, что я всегда отдавалъ справедливость твоему. Но если завтра я буду въ отелѣ Водрейль, то потому, что хочу провести тамъ свою собственную интригу, для которой мнѣ нужна твоя помощь, Шамфоръ. Ты сейчасъ видѣлъ мою прелестную газель, скрывшуюся не только отъ твоихъ восхищенныхъ глазъ, но и отъ по-

лиціи, ежеминутно могущей обрушиться на нее, о чемъ я уже подробно писалъ тебѣ. Теперь же я рѣшилъ увезти ее въ Лондонъ на нѣкоторое время и, натурализовавъ ее англичанкой, привезти обратно и жить съ нею здѣсь. Но не вижу способа, какъ мнѣ ее вывести отсюда изъ дому. Внизу цѣлый день прогуливаются агенты полиціи, они немедленно вырвутъ у меня мою крошку. Въ эту минуту, благодаря твоему приглашенію къ Водрейлю, у меня родился планъ. Безъ сомнѣнія, маркизъ предоставляетъ въ твое распоряженіе и экипажъ, какъ это подобаетъ покровителю всѣхъ музъ, считающему за честь имѣть ихъ у себя въ домѣ.

— Конечно,—возразилъ Шамфоръ,—онъ позволяетъ поэту разъѣзжать въ великолѣпной каретѣ маркиза, думая, что отъ этого маркизъ дѣлается немного поэтомъ.

— Вотъ и хорошо,—сказалъ Мирабо,—пусть же карета маркиза сослужитъ службу и моей юной любви. Слушай, каковъ мой планъ. Завтра вечеромъ, окончивъ здѣсь всѣ приготовленія для отъѣзда, я прибуду въ отель маркиза де-Водрейль заблаговременно. Ты же, попозже, пожертвовавъ мнѣ однимъ дѣйствіемъ комедіи, пріѣдешь сюда, ко мнѣ, въ каретѣ маркиза. Генріетта будетъ тебя ждать, переодѣтая, для отвода глазъ полицейскихъ, въ костюмъ крестьянской дѣвушки, няни при маленькомъ Коко, и, съ ребенкомъ на рукахъ, быстро сядетъ съ тобою въ экипажъ. Полиція замѣтитъ все это, но не заподозритъ ничего, или не посмѣетъ простирать свои розыски на экипажъ съ гербомъ и ливреей маркиза де-Водрейль. Ты пріѣзжаешь съ моей подругой и ребенкомъ въ отель Водрейль, они остаются въ экипажѣ, которому ты приказываешь на время постоять въ сараѣ. При первой возможности, я оставляю залъ, а ты своимъ авторитетомъ въ отелѣ долженъ устроить такъ, чтобы я могъ воспользоваться этимъ же экипажемъ до Монмартра, гдѣ меня будутъ ждать мои люди и дорожная карета, и тогда уже, надѣюсь, мы достигнемъ безъ приключеній дороги въ Брюссель, куда я долженъ направиться прежде всего.

Подумавъ съ минуту, Шамфоръ кивнулъ головой своему другу и сказалъ:—Ты можешь, какъ всегда, положиться на меня, Мирабо! Устрой все, а я выполню твои указанія самымъ точнымъ образомъ. О, я искренно радуюсь своему участью въ интригѣ, да еще сыгранной съ этой враждебной народу и безстыдной парижской полиціей. Но, ради большей безопасности, я бы совѣтовалъ запастись для Генріетты паспортомъ на чужое имя. Для этого тоже распоряжайся мною, если моя помощь можетъ пригодиться.

— Я и хотѣлъ отдать это дѣло въ твои дружескія руки,—отвѣтилъ Мирабо.—Было бы отлично, если бы я уже здѣсь, въ Парижѣ, могъ получить паспортъ для Генріетты, какъ для природной англичанки. При твоихъ связяхъ въ Парижѣ и общеніи съ знатными и сильными, ты легко могъ бы намъ устроить это. Мнѣ кажется, ты свой человѣкъ и въ отелѣ англійскаго посланника, герцога Дорсэ? Вообще

твое вліяніе громадно, дорогой Шамфоръ, и мы счастливы, найдя въ тебѣ защитника нашей любви.

— Шамфоръ—покровитель влюбленныхъ! — воскликнулъ Шамфоръ съ грустной улыбкой.—Однако, я могу взять на себя это порученіе. Въ домѣ маркиза де-Водрейль есть нѣсколько боннъ-англичанокъ, и никого не удивитъ, если, для возвращенія одной изъ нихъ въ Лондонъ, я поручу управляющему отелемъ исходатайствовать паспортъ. О томъ же, чтобы онъ былъ выданъ безъ затрудненія, на любое имя, я позабочусь самъ въ канцеляріи посольства. Рѣши только, какъ съ этой минуты должна называться твоя прекрасная Генріетта.

— Объ этомъ намъ слѣдуетъ спросить ее самое, — возразилъ Мирабо, подходя къ комнатѣ, въ которой Генріетта скрывалась.

На его громкій стукъ и зовъ у двери она сейчасъ же вышла съ выраженіемъ ужаса на своемъ прелестномъ лицѣ. Но Мирабо успокоилъ ее. Рѣчь лишь въ томъ, чтобы ей, которая есть сама правда, дать вымышленное имя, для огражденія ея на будущее время отъ всякихъ преслѣдованій.

Генріетта смотрѣла на него сначала съ улыбкой и недовѣріемъ; но затѣмъ лицо ея на минуту омрачилось, и она медленно, но серіозно покачала головой.

— Я тебя понимаю, — воскликнулъ Мирабо, — ты не хочешь и не можешь лгать, потому что ты великая, честная душа! Но ты не должна относиться къ этому слишкомъ строго, ибо, что такое имя человѣка, какъ не домино, въ которомъ онъ допускается въ залъ собранія. Случается, что для забавы домино переворачиваютъ и надѣваютъ наизнанку. Старыхъ же друзей, всегда во всѣхъ видахъ узнающихъ насъ, эта новая тайна только сильнѣе располагаетъ къ намъ.

— Ну, если ты хочешь перевернуть мое имя, то оно будетъ Нэра!—воскликнула Генріетта, снова оживляясь и глядя на него счастливыми дружескими глазами.—Когда, бывало, въ дѣтствѣ, играя, мы измѣняли наши имена, я часто называлась Генріеттой Нэра.

— Браво!—вскричалъ Мирабо, цѣлуя ея руки.—Съ этой минуты, твое имя—госпожа Нэра [1]). Генріетта Гаренъ исчезла. Пусть же эта анаграмма вашихъ дѣтскихъ игръ будетъ счастливымъ предзнаменованіемъ нашего союза и нашей будущности! Другъ Шамфоръ добудетъ англійскій паспортъ на это имя.

— Примите же, госпожа Нэра, мои наилучшія пожеланія по поводу этого крещенія,—сказалъ Шамфоръ, торжественно подходя къ ней и подавая руку, которую она дружески пожала, сказавъ:

— Генріетта Нэра останется, вѣрьте мнѣ, тѣмъ же, чѣмъ была Генріетта Гаренъ: простушкой, подчиненной лишь своему сердцу теперь и всегда!

---

[1]) Montigny, Mémoires de Mirabeau, VI, 145.

— И такъ мы обо всемъ отлично переговорили съ нашимъ дорогимъ Шамфоромъ,—началъ вновь Мирабо.—Остается прибѣгнуть къ его помощи по очень щекотливому вопросу. Шамфоръ уже знаетъ, въ чемъ дѣло, судя по его злорадной, дьявольской улыбкѣ, блуждающей на его лицѣ всякій разъ, когда ему удается подсмотрѣть какую нибудь слабость бѣднаго человѣческаго сердца.

— Да, я знаю, чего ты хочешь, или вѣрнѣе, чего у тебя нѣтъ,—засмѣялся Шамфоръ.—Признанія твоего сердца я выслушивалъ неразъ и бывалъ при этомъ всегда счастливѣе, чѣмъ при совѣщаніяхъ о твоемъ кошелькѣ, на сердечную слабость котораго ты, вѣроятно, намекаешь въ эту минуту.

— Правильно,—сказалъ Мирабо,—ты угадалъ! Я опять въ томъ положеніи, когда все существованіе человѣка выражается признаніемъ: «у меня нѣтъ денегъ!»

При этихъ объясненіяхъ Генріетта заволновалась. Щеки ея зардѣлись, какъ бы отъ величайшаго стыда, а глаза опустились въ землю.

— Это милое дитя не можетъ вынести разговора о денежныхъ затрудненіяхъ,—сказалъ Мирабо, забавляясь ея смущеніемъ.—Краснѣетъ, какъ если бы это былъ позоръ для насъ всѣхъ и для цѣлаго свѣта, что у меня нѣтъ денегъ.

— Напротивъ того, госпожа Нэра, это для него большая честь, что у него денегъ нѣтъ,—сказалъ Шамфоръ, подходя къ ней ближе.—Графъ Мирабо, съ вѣчно разстроенными финансами, и въ этомъ отношеніи нормальный человѣкъ своего времени. Мы уже по одному тому надѣемся, что Мирабо появится когда нибудь спасителемъ Франціи, что у него, какъ и у Франціи, нѣтъ денегъ, и что съ пустыми карманами онъ можетъ успѣшнѣе обдумывать устройство прекраснаго будущаго Франціи.

— Ты слишкомъ много философствуешь на счетъ моего пустого кошелька,—сказалъ Мирабо немного озабоченно.—Если не можешь сегодня помочь мнѣ или посовѣтовать что нибудь, скажи прямо. Намъ нужны деньги на дорогу только до Брюсселя, потому что тамъ насъ выручитъ ожидающее наслѣдство. Но и до Брюсселя мнѣ нужно немало. Ты знаешь, что безъ прислуги и секретаря я обойтись не могу и долженъ ихъ взять съ собой. Ну, такъ что же, Шамфоръ, есть у тебя деньги?

— Наша добрая мать, госпожа Гельвеціусъ, щедро надѣлила меня ими, при прощаньи, полагая, что въ высшемъ свѣтѣ мнѣ необходимо имѣть приличныя карманныя деньги,— возразилъ Шамфоръ.—Изъ нихъ у меня еще есть, кажется, франковъ восемьсотъ, и ты отлично сдѣлаешь, Мирабо, взявъ ихъ, потому что мнѣ они только мѣшаютъ пріятно мечтать, заставляя думать о томъ, что бы мнѣ на нихъ купить. Живя въ отелѣ Водрейль, въ деньгахъ я не нуждаюсь; тамъ я на полномъ иждивеніи маркиза; для нѣкоторыхъ же

мелкихъ расходовъ мнѣ довольно получаемой мною, благодаря прекрасной королевѣ Маріи-Антуанеттѣ, пенсіи. Къ тому же, надняхъ я выпускаю въ свѣтъ собраніе своихъ драматическихъ произведеній и надѣюсь получить за нихъ хорошій гонораръ. Ну, а теперь прощайте, мои дѣти! Завтра утромъ принесу вамъ англійскій паспортъ и деньги. Все прочее, о чемъ мы говорили, остается безъ измѣненій.

Мирабо обнялъ друга съ выраженіемъ живѣйшей благодарности. Шамфоръ собрался уходить, но опять вернулся и, вынимая изъ кармана сложенные листки, подалъ ихъ Мирабо, говоря: — Чуть не забылъ передать тебѣ эти бумаги. Это обѣщанныя прибавленія къ твоему труду о цинциннатскомъ орденѣ, частью мои, частью доктора Веніамина Франклина, который просилъ кстати кланяться тебѣ. Ты можешь воспользоваться этими замѣтками, или нѣтъ — какъ тебѣ угодно. Кондорсэ и Кабанисъ извиняются пока. Они работаютъ надъ математикой и физикой, не будучи еще въ состояніи дѣлать политику. Кабанисъ съ кровавымъ пòтомъ трудится надъ открытіемъ связи между физическими и нравственными законами.

Послѣ ухода Шамфора, Мирабо, обращаясь къ своей подругѣ, стоявшей возлѣ него съ радостной улыбкой, сказалъ:

— Ну, Генріетта, намъ надо уже сегодня много приготовить для отъѣзда. А потому поторопись, мое дитя! Мы должны взять съ собою въ Лондонъ все наше движимое имущество. Всего же важнѣе хорошенько закутать и собрать нашего Коко, съ которымъ мы никогда не разстанемся. Маленькій мужчина предпринимаетъ свое первое морское путешествіе, и надо знать, все ли у него есть для этого. Ты вѣдь приняла на себя роль его Провидѣнія, такъ позаботься же обо всемъ.

Генріетта кивнула головой въ знакъ согласія и хотѣла уже выйти, чтобы поспѣшно приняться за исполненіе его порученій, какъ вдругъ, будто что-то вспомнивъ, остановилась въ нерѣшительности посреди комнаты, потомъ, быстро подойдя къ Мирабо и ласкаясь къ нему, сказала тихо:

— Ты, конечно, могъ бы скорѣе жить безъ меня, чѣмъ безъ твоего маленькаго Николая. Не правда ли, онъ всѣхъ ближе твоему сердцу? И я буду беречь его поэтому, какъ зѣницу ока. Однако, тайна его рожденія часто мучитъ меня. Ты обѣщалъ разрѣшить мнѣ эту загадку, но не сдержалъ слова, Мирабо.

— Ну, такъ я теперь скажу это тебѣ,—сказалъ Мирабо какъ-то торжественно строго.—Герцогиня де-Ламбаль — мать ребенка. Тайно родивъ его, она отдала его подъ мою защиту и на мое попеченіе, и я поклялся ей, что никогда и нигдѣ не разстанусь съ нимъ. Эту клятву, которую намѣренъ свято исполнить, я произнесъ, будучи обязанъ герцогинѣ и желая оказать услугу ей, поддержавшей меня въ самую тяжкую минуту моей жизни.

— И только по этой причинѣ ты принялъ Коко?— спрашивала Генріетта, недовѣрчиво глядя на него.—Другихъ отношеній къ тебѣ ребенокъ не имѣетъ?

— Тише, тише!—воскликнулъ Мирабо, закрывая ей ротъ рукой.— Я никогда тебѣ не назову отца ребенка, но со временемъ разскажу тебѣ объ этомъ цѣлую исторію.

Генріетту, повидимому, это не удовлетворило, но она не посмѣла яснѣе предложить мучившаго ее вопроса, и, задумчивая, медленно вышла изъ комнаты.

Мирабо, улыбаясь, смотрѣлъ съ нѣмымъ восторгомъ вслѣдъ за нѣжнымъ, юнымъ созданіемъ, удалявшимся съ тревожными мыслями, прямо къ нему относящимися, и такъ сильно желавшимъ узнать, кто имѣлъ права на его сердце.

VII.

«Свадьба Фигаро».

На предстоящее въ театральномъ залѣ отеля Водрёйль представленіе «Свадьбы Фигаро» Бомарше, къ восьми часамъ вечера, къ великолѣпному отелю маркиза стали съѣзжаться блестящіе экипажи со всѣхъ концовъ Парижа.

Сначала гости собирались въ небольшихъ салонахъ, своеобразно устроенныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ музыкальной комнатой, со всевозможными инструментами. Въ другомъ находилось все необходимое для живописи и рисованія, и если бы кто изъ общества пожелалъ показать свой талантъ, то къ услугамъ своимъ нашелъ бы краски, кисти и все прочее. Въ третьемъ салонѣ столы были завалены драгоцѣнными гравюрами и рисунками; далѣе слѣдовалъ великолѣпно устроенный, роскошнѣйшій кабинетъ для чтенія. Любитель искусствъ и гордый именемъ покровителя всѣхъ музъ, маркизъ устраивалъ у себя вечера, на которыхъ, при самой оживленной бесѣдѣ, шла въ этихъ салонахъ усердная работа, и случалось, что именно здѣсь набрасывалось или обсуждалось замѣчательное произведеніе, дѣлавшееся впослѣдствіи извѣстнымъ.

Самъ маркизъ, одна изъ наиболѣе блестящихъ личностей тогдашняго общества, обладалъ великолѣпнымъ голосомъ, и пѣніе его было предметомъ всеобщаго восхищенія. Благодаря этому таланту, давшему ему доступъ въ придворныя сферы, а также изяществу своихъ манеръ и изысканной любезности, маркизъ де-Водрёйль, не будучи однимъ изъ выдающихся умовъ того времени, сдѣлался, однако, виднымъ и вліятельнымъ лицомъ не только между литераторами и художниками, но и при версальскомъ дворѣ, въ кружкѣ, сгруппировавшемся преимущественно около королевы.

Сегодня всѣ члены этого интимнаго кружка Маріи-Антуанетты собрались въ отелѣ Водрёйль на представленіе такъ сильно нашумѣвшей комедіи. Во главѣ ихъ находились прелестная графиня Жюли де-Полиньякъ и ея невѣстка, гордившаяся и даже кокетничавшая своимъ умомъ, графиня Діана де-Полиньякъ. Вліянію именно этихъ двухъ дамъ, сильно заинтересовавшихся комедіей Бомарше, должно приписать то, что королева, а черезъ нее и король изъявили согласіе на пробное представленіе въ отелѣ Водрёйль, передъ избранной публикой, пьесы, будто бы передѣланной авторомъ.

Смѣлая и веселая графиня Діана, недавно назначенная статсъ-дамой къ графинѣ Артуа, та самая, которая такимъ необыкновеннымъ образомъ выказала свои симпатіи къ Веніамину Франклину и американской свободѣ, вооружилась теперь въ защиту свободы комедіи Бомарше; противостоять ея милымъ кознямъ было нелегко.

Передъ началомъ спектакля, обѣ графини Полиньякъ, окруженныя избраннымъ кружкомъ своихъ друзей и поклонниковъ, вели не громкую, но оживленную бесѣду въ музыкальной залѣ, обсуждая возможность публичнаго представленія «Свадьбы Фигаро».

— Отвѣчаю за всякія дурныя послѣдствія, могущія произойти отъ сегодняшняго спектакля для васъ, любезный маркизъ,—сказала прекрасная графиня Жюли де-Полиньякъ съ гордымъ сознаніемъ своего новаго важнаго положенія, занятаго ею, съ прошлой зимы, при особѣ королевы.

— Я не тревожусь о послѣдствіяхъ, — возразилъ маркизъ Водрёйль, съ изысканною вѣжливостью и почтеніемъ обращаясь къ графинѣ, — но меня начинаетъ немного мучить совѣсть; я нахожу, что господинъ Бомарше могъ выбросить хотя бы нѣкоторыя неприличныя мѣста, замѣченныя королемъ съ такимъ неудовольствіемъ.

— Господинъ Бомарше упрямъ и не пожелалъ этого сдѣлать,— отвѣтила графиня Полиньякъ, улыбаясь и показывая рядъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ.—Но разъ пьеса будетъ представлена здѣсь, и такія выдающіяся при дворѣ лица, какъ вы, маркизъ, или нашъ милый швейцарскій полковникъ, господинъ де-Безенваль, засвидѣтельствуютъ ея безопасность, король будетъ радъ отмѣнить свой прежній строгій приговоръ, разрѣшивъ представленіе пьесы и уничтоживъ, такимъ образомъ, неудовольствіе публики. Всѣ мы сдѣлали доброе дѣло, а вы, господинъ маркизъ, можете опять гордиться, что одно изъ образцовыхъ національныхъ произведеній возродилось къ жизни въ отелѣ Водрёйль.

Благодарный маркизъ поцѣловалъ графинѣ руку со всею утонченною изысканностью манеръ французскаго двора.

— Имѣя графиню Жюли во главѣ, мы можемъ смѣло вступить въ бой,—сказалъ съ галантностью баронъ Безенваль, начальникъ

швейцарской гвардіи, пожилой человѣкъ съ бѣлоснѣжными волосами, простой и искренній. Благодаря этимъ качествамъ, онъ сталъ довѣреннымъ лицомъ у дамъ, которымъ, однако, несмотря на свои годы, онъ не переставалъ поклоняться. Въ настоящее время предметомъ его восхищенія была графиня Жюли де-Полиньякъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, мы здѣсь собрались, точно заговорщики,— начала графиня съ неотразимою веселостью. — Но присутствіе между нами славнаго, добраго начальника швейцарской гвардіи должно, мнѣ кажется, оправдать наши намѣренія.

Графиня Жюли де-Полиньякъ, не будучи перворазрядной красавицей, была очаровательна своею непринужденностью, изяществомъ и необыкновенною простотой своего туалета. Этой же простотою и веселостью покорила она и сердце королевы, не проводившей безъ нея ни одного дня.

Въ эту минуту вошли Мирабо и Шамфоръ и, остановясь у дверей, разглядывали собравшееся общество.

— Мы очень рано пріѣхали,— замѣтилъ Мирабо, бросая безпокойные взгляды повсюду.—Пока на мѣстѣ одна лишь разряженная дворня, замышляющая сегодня что-то необычайное. А я, между тѣмъ, въ страшномъ нетерпѣніи. Еслибъ ужъ эта проклятая комедія началась, наконецъ, чтобы мы могли завязать нашу собственную интригу и убѣдиться въ счастливомъ бѣгствѣ Генріетты!

— Для этого нужно намъ прежде просмотрѣть одно или два дѣйствія «Фигаро» Бомарше, — возразилъ Шамфоръ, подсмѣиваясь, и, съ этими словами, оба друга перешли въ сосѣдній салонъ, чтобы и тутъ поглядѣть на собравшихся.

— Право же, тамъ Дидро! — внезапно воскликнулъ Шамфоръ, показывая на группу гостей, посреди которой выдавалась высокая, внушительная фигура мужчины съ привлекательными чертами лица.—Мнѣ не вѣрилось сегодня словамъ маркиза, что Дидро будетъ у него вечеромъ; мы вѣдь знаемъ, какъ онъ боленъ. Но маркизъ, какъ видно, сумѣлъ его поставить на ноги. У этого человѣка настоящій талантъ собирать у себя людей. А вотъ и милѣйшій старикъ, баронъ Гольбахъ, на вѣрную дружескую руку котораго Дидро опирается въ эту минуту.

Они подошли ближе, и Дидро, едва увидавъ обоихъ друзей, поспѣшно повернулся въ ихъ сторону и, выходя изъ круга обступившихъ его, любезно привѣтствовалъ ихъ, съ особенною симпатіею пожимая руку Шамфора.

— Вы видите меня вновь возставшимъ изъ мертвыхъ единственно для того, чтобы познакомиться со «Свадьбою Фигаро» Бомарше, — сказалъ Дидро своимъ пріятнымъ голосомъ, едва пострадавшимъ отъ болѣзни и лѣтъ.

Дидро шелъ семьдесятъ-первый годъ, и онъ могъ бы еще назваться красивымъ, если бы не всевозможныя физическія страда-

нія, оставлявшія мало надежды на продленіе его жизни и въ послѣднее время наложившія свою печать на его могучую фигуру. Однако, въ необыкновенно красивыхъ большихъ глазахъ горѣлъ еще неугасаемый огонь генія, а тонкія губы оживлялись прелестью безпримѣрнаго даже въ обыкновенномъ разговорѣ краснорѣчія.

— Вижу тамъ уединенный уголокъ, гдѣ мы можемъ посидѣть,— сказалъ Дидро, направляясь подъ руку съ Гольбахомъ къ дивану, стоявшему въ углу залы. Мирабо и Шамфоръ, по дружескому знаку его добрыхъ глазъ, послѣдовали за нимъ.

— Печально и больно,—тихо сказалъ Мирабо Шамфору,—видѣть разрушающагося героя, вся духовная мощь котораго не можетъ, однако, защитить его отъ этой дани ничтожеству! Смотри, какъ онъ едва тащится и покачивается, и это Дидро, та великая голова, которая учила французовъ, что все въ мірѣ — матерія, и что полагаться должно на одну лишь природу. А рядомъ съ нимъ, не менѣе знаменитый баронъ Гольбахъ, который еще кое-какъ держится. И вотъ два старика, написавшіе вмѣстѣ «Систему природы» (Système de la nature), два исполина ума, дряхло покачиваются передъ нами. А мы, молодые, что можемъ мы предъявить, чтобы достойно назваться ихъ наслѣдниками?

— Ну, вслѣдъ за этими двумя титанами мы ужъ проскользнемъ какъ нибудь,—весело замѣтилъ Шамфоръ.—Добрый, милѣйшій Дидро, его время прошло, конечно, но ему все-таки есть что вспомнить. Веди онъ себя поосторожнѣе при дворѣ императрицы Екатерины, онъ, вѣроятно, создалъ бы себѣ блестящее положеніе въ Петербургѣ [1]).

Дидро и Гольбахъ опустились на диванъ, а Мирабо и Шамфоръ усѣлись въ кресла рядомъ съ ними.

— О ты, котораго я здѣсь вижу и лишь въ эту минуту вполнѣ узнаю, ты — графъ Мирабо, тотъ, который, подобно мнѣ, сидѣлъ въ Венсенскомъ замкѣ, размышляя о будущности Франціи!—воскликнулъ Дидро патетическимъ голосомъ.

Мирабо поклонился и съ благоговѣніемъ пожалъ протянутую ему руку.

— Да, это была роковая для меня минута, когда за мои сочиненія, частью уже оконченныя, частью лишь начатыя, я былъ препровожденъ въ Венсеннъ,—продолжалъ словоохотливый Дидро, но былъ прерванъ, подошедшимъ къ нимъ въ эту минуту нѣсколько безпокойною и торопливою походкою, человѣкомъ средняго роста, который почтительно поклонился и представился группѣ друзей.

Это былъ авторъ комедіи, баронъ Бомарше, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, свѣтлые, блестящіе глаза котораго выражали проница-

---

[1]) Mémoires de l'abbé Georgel, II, 240.

тельность и умъ; главною же и характерною чертою всей физіономіи было плутовское лукавство, сразу не внушавшее къ нему довѣрія.

— Вотъ счастье, что къ намъ подошелъ Бомарше, — сказалъ Шамфоръ, обращаясь къ Мирабо, — иначе Дидро не пересталъ бы говорить. Мнѣ еще никогда не удавалось прервать «золотой языкъ Дидро», какъ его такъ красиво прозвали, какимъ либо ловко вставленнымъ замѣчаніемъ.

Въ это время со всѣхъ сторонъ гости стали стекаться въ великолѣпную, огромную театральную залу. Многочисленное общество заняло свои мѣста, нетерпѣливо ожидая поднятія занавѣса.

Пьеса разыгрывалась артистами изъ Théâtre français, съ первоначальнымъ распредѣленіемъ ролей для представленія, запрещеннаго королемъ.

Комедія началась живымъ, частью забавнымъ, частью сварливымъ разговоромъ между Сюзанною и Фигаро, которые, въ виду предстоящей свадьбы, тревожатся желаніемъ графа Альмавивы воспользоваться своимъ извѣстнымъ феодальнымъ правомъ. Едва успѣла публика понять, что здѣсь подъ замкомъ графа Альмавивы рѣчь идетъ о Франціи и испорченности нравовъ всего общества, какъ живыя и веселыя сцены стали смѣнять одна другую. Появленіе влюбленнаго въ графиню пажа Херувима, потомъ графа Альмавивы, требующаго отъ Сюзанны принадлежащаго ему феодальнаго права; внезапное появленіе Донъ-Базиліо, отъ котораго Сюзанна скрываетъ графа за кресломъ, на которомъ уже спрятанъ пажъ; ловкія хитрости находчиваго Фигаро — все это вызываетъ громкіе взрывы смѣха и одобренія. Такъ проходятъ два первыя дѣйствія при все болѣе и болѣе возрастающемъ интересѣ и при всевозможныхъ, самыхъ разнообразныхъ сужденіяхъ публики.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, мой другъ? — обратился Шамфоръ къ замечтавшемуся Мирабо. — Развѣ эта комедія не заключаетъ чего-то необыкновеннаго, удивительно привлекательнаго и заставляющаго задуматься?

— Ты поэтъ,—возразилъ Мирабо,—и, конечно, болѣе, чѣмъ я, склоненъ откапывать символическое значеніе въ этой пошлой комедіи. Я же въ эту минуту думаю только о Генріеттѣ, милой дѣвушкѣ, дрожащей тамъ дома, и сердце мое сильно бьется надъ развязкою этого узла. Не забудь только выйти во-время. Мы вѣдь условились такъ, что по окончаніи третьяго дѣйствія, во время болѣе продолжительнаго антракта, ты удалишься. При появленіи же твоемъ вновь въ залѣ, я заключаю, что ты возвратился счастливо, и что экипажъ съ Генріеттою и ребенкомъ находится въ безопасномъ мѣстѣ, во дворѣ отеля. Тогда я выхожу, готовый пуститься въ путь, и прощаюсь съ тобою на нѣкоторое время, мой Шамфоръ!

Шамфоръ кивнулъ ему головой, дѣлая знакъ своими прекрасными, преданными глазами, что все понято имъ хорошо, и въ эту минуту занавѣсъ вновь взвился, и началось третье дѣйствіе.

Колкія остроты въ этомъ дѣйствіи комедіи неоднократно вызывали взрывъ восторженнаго одобренія зрителей. Въ особенности же, мѣста, направленныя противъ аристократіи, сопровождались поистинѣ бурными рукоплесканіями со стороны самыхъ знатныхъ лицъ собравшагося общества. Рукоплесканія эти выражали или согласіе съ авторомъ, что было яснымъ доказательствомъ начинающаго уже распространяться въ придворныхъ кругахъ настроенія; или же это былъ способъ противостоять жестокой правдѣ, принимая ее лишь, какъ блестящее остроуміе, и потѣшаясь имъ. Такъ, всѣ присутствующіе государственные люди и дипломаты апплодировали въ особенности тому мѣсту, гдѣ Фигаро, съ своимъ здоровымъ природнымъ остроуміемъ, разъясняетъ, что такое, въ сущности, политика, соединяя съ этимъ понятіемъ самые предосудительные поступки. На это графъ Альмавива слабо возражаетъ:

— Это не политика, это—интрига!

Но такое наивное заявленіе представителя испорченности нравовъ вызвало взрывъ хохота и несмолкаемыя рукоплесканія. Подъ вліяніемъ все возрастающаго интереса пьесы, общество, не отдавая себѣ само въ этомъ отчета, вступало на путь политики. Особенно сильно выразилось это въ сценѣ суда, гдѣ графъ Альмавива, какъ судья среди своихъ вассаловъ, долженъ произнести рѣшеніе по дѣлу Фигаро съ Марселиной, требующей, чтобы Фигаро женился на ней.

Вся слабость и негодность стараго судопроизводства осмѣяна здѣсь самымъ безпощаднымъ образомъ. И вдругъ сцена принимаетъ до невѣроятности легкомысленный оборотъ: по пятну на рукѣ, Фигаро признанъ сыномъ той самой Марселины, которая хотѣла его заставить жениться на себѣ. Тутъ Марселина, какъ бы въ роли хора древней комедіи, мгновенно превращается въ адвоката угнетенныхъ женщинъ, и все положеніе, не теряя фривольнаго характера, возвышается до истинной философіи.

Въ эту минуту, когда опускался занавѣсъ, Шамфору удалось незамѣтно удалиться. Мирабо сталъ безпокоиться. Нетерпѣніе, съ которымъ онъ ждалъ возвращенія своего друга, постоянно усиливалось, и самыя мрачныя мысли лѣзли ему въ голову. Разговоръ, въ который маркизъ де-Водрёйль старался вовлечь его теперь съ графинями Полиньякъ, наталкивался лишь на односложные отвѣты Мирабо, такъ что начавшаяся уже распространяться при дворѣ слава его, какъ таланта и выдающейся личности, казалась въ опасности.

Такъ начался четвертый актъ, но Мирабо съ трудомъ могъ слѣдить за ходомъ пьесы. Голова его невольно оборачивалась къ двери, въ которую онъ ежеминутно ожидалъ увидѣть Шамфора. Но воз-

вращеніе послѣдняго замедлилось, и Мирабо мучился, допуская возможность, что Генріетта, несмотря на всѣ предосторожности, узнана и задержана полиціей. При этой мысли, вмѣстѣ съ невыносимымъ страданіемъ и гнѣвомъ, онъ чувствовалъ, какъ ему дорога его новая подруга, и страстное желаніе видѣть ее овладѣло имъ съ неудержимою силою.

Шамфоръ все еще не появлялся. Съ окончаніемъ четвертаго акта безпокойство Мирабо дошло до крайней степени. Онъ былъ не въ силахъ оставаться на мѣстѣ, всталъ и вышелъ въ переднюю, черезъ которую Шамфоръ долженъ былъ вернуться.

Начался пятый актъ. Мирабо стоялъ въ дверяхъ зала, въ нерѣшительности, оставаться ли ему, или поспѣшить къ себѣ домой, чтобы узнать о случившемся. Въ эту минуту комедія открылась сценой ночного rendez-vous, въ которой всѣ скопившіяся несчастья разрѣшаются самой забавной и вмѣстѣ колкой насмѣшкой, наказывающей виновнаго виновнымъ же, и гдѣ, въ концѣ концовъ, каждый получаетъ лишь то, что ему принадлежитъ на самомъ дѣлѣ, по праву и закону. Фигаро, закутанный въ плащъ, въ темнотѣ, произноситъ свой удивительный монологъ о судьбѣ, жизни, обществѣ, ясно намекая на происхожденіе и исключительное положеніе графа. Съ дьявольской хитростью произноситъ онъ слова: «дворянство, состояніе, званіе, почетная должность—все это такъ сильно возбуждаетъ гордость. А что же вы сдѣлали для всего этого благополучія? Вы приняли на себя единственный трудъ—родиться, и больше ничего! вообще же вы—совсѣмъ заурядный человѣкъ».

Тутъ Мирабо почувствовалъ, что его кто-то тихонько трогаетъ за плечо, и, обернувшись назадъ, увидалъ Шамфора, легкимъ кивкомъ головы показывавшаго ему, что все исполнено.

Продолжительное ликованіе, возбужденное среди зрителей монологомъ Фигаро, дало друзьямъ возможность незамѣтно удалиться.

Мирабо поспѣшно послѣдовалъ за своимъ другомъ въ аванъ-залу, и, лишь дойдя до лѣстницы, они обмѣнялись нѣсколькими, шопотомъ сказанными, словами.

— Чуть-чуть все не пропало,—сказалъ Шамфоръ.—Полиція, какъ церберъ, сторожащая твой домъ, заподозрѣла прелестную провансальскую крестьянку, съ которой я какъ разъ собирался скользнуть въ карету. Потребовали свѣдѣній о ней и о томъ, куда мы ѣдемъ. Повинуясь твоимъ наставленіямъ, я показалъ на имя и гербъ маркиза де-Водрёйль, разсказалъ имъ длинную, обстоятельную исторію на счетъ того, почему твой ребенокъ съ няней долженъ быть отвезенъ къ маркизѣ, при чемъ живо всунулъ твою Генріетту въ экипажъ, а ихъ съ дальнѣйшими разспросами просилъ обратиться лично въ отель Водрёйль. Эти противные сыщики, однако, напугали меня, потому что, какъ тебѣ извѣстно, я совсѣмъ теряюсь, приходя съ ними хотя бы въ малѣйшее соприкосновеніе. Однако, теперь мы

благополучно прибыли, и Генріетта съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ тебя.

Шамфоръ довелъ друга до скрытой въ сараѣ кареты. Мирабо быстро вскочилъ въ нее, закрывъ рукою ротъ Генріеттѣ, готовой было вскрикнуть отъ радости. Маленькій Коко лежалъ у нея на колѣняхъ и крѣпко спалъ.

Шамфоръ съ минуту постоялъ на подножкѣ, напутствуя ихъ сердечными пожеланіями. Потомъ съ озабоченнымъ видомъ обратилъ ихъ вниманіе на англійскій паспортъ, вручая Мирабо портфель, въ которомъ онъ былъ вложенъ; Генріеттѣ же совѣтовалъ немедленно переодѣться, для чего все нужное она найдетъ приготовленнымъ въ экипажѣ, такъ какъ, по паспорту, она бонна-англичанка. Генріетта сердечно, съ благодарностью жала ему руку.

— Ну, прощай, мой другъ Шамфоръ!—сказалъ Мирабо, обнимая его.—Поклонись тамъ въ залѣ всѣмъ Альмавивамъ, которыхъ я долженъ покинуть на нѣкоторое время. Боюсь, что, путемъ легкой комедіи, Альмавивы не исправятся, и намъ придется скоро начать для этого во Франціи болѣе серіозную игру. Напишу тебѣ, какъ на счетъ этого стоятъ дѣла въ Англіи. Конечно, находясь тамъ, буду изучать англійскую свободу. Прощай, я люблю и уважаю тебя, Шамфоръ. Люби и ты меня немного!

Экипажъ покатилъ впередъ и скоро достигнулъ цѣли.

У подошвы Монмартра, въ условленномъ мѣстѣ, стояла дорожная карета, въ которую слѣдовало пересѣсть изъ экипажа маркиза де-Водрёйль, и у дверецъ которой секретарь Гарди и камердинеръ ожидали Мирабо. Тутъ же находилась и миссъ Сара, составлявшая нераздѣльную часть семьи и лаемъ и визгомъ выражавшая счастье встрѣчи своего господина.

Караванъ приготовлялся немедленно пуститься въ путь. Мирабо подсадилъ въ экипажъ Генріетту, всѣми силами старавшуюся успокоить маленькаго Коко, разбуженнаго лаемъ собаки. Рядомъ съ кучеромъ сѣлъ секретарь, камердинеръ помѣстился позади кареты, и такимъ образомъ наполненный дорожный экипажъ повернулъ на залитую луннымъ свѣтомъ большую брюссельскую дорогу.

VIII.

Прогулка по Лондону.

Уже нѣсколько дней Мирабо и Генріетта находились въ Лондонѣ. Вѣрный своимъ привычкамъ, Мирабо занялъ большую дорогую квартиру въ одной изъ лучшихъ улицъ Вестъ-Энда, на что потребовалась значительная часть наслѣдства Генріетты, полученнаго въ Брюсселѣ.

Былъ прекрасный лѣтній день. Мирабо, отложивъ нѣкоторыя дѣла въ городѣ, рано вернулся домой, желая уговорить свою милую подругу, не покидавшую еще со времени прибытія въ Лондонъ своей комнаты, прогуляться съ нимъ по городу. Онъ надѣялся, что великолѣпная погода и бальзамическій воздухъ на улицахъ и площадяхъ Лондона будутъ самымъ дѣйствительнымъ лѣкарствомъ для сильно пострадавшаго во время путешествія здоровья Генріетты.

Она съ радостью согласилась, и на блѣдныхъ щекахъ ея заигралъ на минуту прелестный румянецъ. Быстро поднимаясь съ мѣста, на которомъ сидѣла съ какой-то работой въ рукахъ, она хотѣла поспѣшно одѣться для прогулки, но вдругъ, грустно улыбаясь, замѣтила, что должна осторожнѣе обращаться съ своими слабыми силами.

Здоровье ея пострадало отъ утомленія и опасностей, которыми сопровождалось ихъ морское путешествіе. Два раза при переѣздѣ изъ Франціи въ Англію имъ угрожала гибель. Въ первый разъ, въ открытомъ морѣ, поднялась такая буря, что ихъ дряхлый пакеботъ дѣлался почти цѣликомъ добычею вѣтра и волнъ. Второй разъ, уже въ гавани, чуть не произошло кораблекрушенія. Почти въ виду Лондона, по недосмотру, руль получилъ такой сильный толчекъ о скрытый въ водѣ якорный канатъ, что судно, при сильнѣйшей килевой качкѣ, стало уже наполняться водой. Къ этимъ опасностямъ присоединилось еще у Генріетты непрерывное страданіе морской болѣзнью, такъ сильно ее изнурившее, что, по прибытіи въ Лондонъ, Мирабо былъ вынужденъ тотчасъ же послать за врачемъ.

— Бѣдное дитя,—сказалъ Мирабо, глядя на ея изнуренный видъ,—видно, что ты путешествовала съ Мирабо. Было ли хоть разъ, чтобы въ моемъ путешествіи не сопутствовали мнѣ несчастія и опасности? Ѣду я по большой дорогѣ—колеса ломаются; на морѣ достаточно моего присутствія, чтобы всѣ ураганы обрушились на мой корабль. У меня сейчасъ же, при малѣйшемъ случаѣ, дѣло идетъ о жизни и смерти. И въ судьбу такого-то человѣка вошла ты, моя милая, невинная Генріетта! Боюсь, какъ бы ужасы этого путешествія не нанесли серіознаго вреда твоему прелестному нѣжному тѣлу.

— Я теперь рѣшилась быть совсѣмъ здоровой,—сказала Генріетта,—а то мое теперешнее состояніе, раздражающее меня, невыносимо и для всѣхъ насъ. Къ тому же, на то, чтобы хворать, доктора здѣсь слишкомъ дороги. За каждый визитъ — гинею, это нестерпимо и угрожаетъ скорою гибелью нашей кассѣ.

— А, тутъ я узнаю мою милую скрягу!—воскликнулъ Мирабо смѣясь.

— Противнымъ деньгамъ я не придаю никакого значенія,—возразила Генріетта, глядя на него серіозно своими довѣрчивыми, ясными глазами.—Но меня огорчаетъ, когда ты долженъ безпокоиться. Вотъ

почему мнѣ хотѣлось бы, чтобы нашъ денежный запасъ могъ существовать вѣчно. Однако, на это не похоже. Мирабо, мы слишкомъ много тратимъ, и я страшно боюсь, что ты вдругъ опять съ тревогою спросишь меня: «Генріетта, а гдѣ же деньги?»

— На этотъ разъ ты можешь быть спокойна, потому что скоро я получу много денегъ, добрая моя графиня Іеттъ-Ли! — сказалъ Мирабо, называя ее, какъ онъ это часто дѣлалъ, послѣдними слогами ея двухъ именъ, Генріеттъ-Амели, и присоединяя, вмѣстѣ съ тѣмъ, титулъ графини, съ которымъ и прислуга должна была обращаться къ ней.

— Нельзя же не жить прилично, — прибавилъ Мирабо въ то время, какъ госпожа Нэра поспѣшно оканчивала свой туалетъ..— Правда, деньги у насъ опять начинаютъ исчезать. Великая вѣчно необъяснимая тайна отлива моря владѣетъ еще болѣе необъяснимымъ образомъ нашей кассой. Но постой, Іеттъ-Ли, на этотъ разъ я позаботился и о приливѣ. Я задумалъ крупныя литературныя работы, которыя принесутъ мнѣ большія выгоды. Все утро сегодня бѣгалъ по Лондону, призывая цѣлый сонмъ издателей подъ знамя моего генія. И это окажетъ свое дѣйствіе, можешь вполнѣ положиться на это. Мое сочиненіе о Цинциннатскомъ орденѣ я уже пристроилъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оно выйдетъ изъ печати здѣсь, въ Лондонѣ, и будетъ произведеніемъ, гдѣ я выступлю передъ публикой съ поднятымъ забраломъ, назвавъ себя полнымъ именемъ. Другому издателю я обѣщалъ написать кое-что о свободѣ плаванья по Шельдѣ въ смыслѣ, благопріятномъ для голландцевъ, взимающихъ, по своему столѣтнему договорному праву, пошлину у устьевъ Шельды и тѣмъ отрѣзывающихъ австрійцевъ отъ моря. Гонораръ, конечно, будетъ не великъ, но это сочиненіе пріобрѣтетъ мнѣ много друзей въ Лондонѣ и Парижѣ. И вообще, Іеттъ-Ли, голова моя кишитъ литераторскими проектами, которые должны принести свои золотые плоды. Для меня безразлично, что работать. Будь это географія или китайская грамматика—все равно, но работать я хочу и буду. Секретарь Гарди сидитъ тамъ въ кабинетѣ и долженъ цѣлыми днями дѣлать извлеченія изъ книгъ и журналовъ, которыя мнѣ необходимы для особой цѣли. Вотъ видишь, все это должно имѣть успѣхъ, и издатели будутъ меня скоро осаждать самыми блестящими предложеніями.

Генріетта, уже готовая для прогулки и утвердительно покачивая головой при его послѣднихъ словахъ, подошла къ нему ближе, чтобы дать посмотрѣть на себя, въ ожиданіи его приказаній.

— Идемъ,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руки и долго глядя на нее. Его взглядъ, казалось, вновь оживлялъ всю ея прелесть и красоту; щеки покрылись нѣжнымъ румянцемъ, а когда она оперлась на его руку, то почувствовала, какъ будто и силы возвращаются къ ней.

Они направились сначала по главнымъ улицамъ Лондона, видъ и

характеръ которыхъ возбуждали удивленіе Мирабо, въ то время, какъ Генріетта дѣлала сравненія съ Парижемъ и Амстердамомъ.

— Здѣсь я буду себя чувствовать отлично,—сказалъ Мирабо,— потому что куда ни посмотришь, вездѣ видно довольство, чистота и человѣческое достоинство. Здѣсь, на улицѣ, невольно чувствуется, что находишься въ странѣ, гдѣ народъ есть нѣчто, и что каждый человѣкъ можетъ свободно развивать и примѣнять свои способности. Посмотри только на эти великолѣпные троттуары, доказывающіе, что тутъ занимаются и тѣми, кто пѣшкомъ ходитъ. А эти громадныя пространства, не имѣющія себѣ подобныхъ ни въ одномъ городѣ стараго Свѣта! А эта удивительнѣйшая чистота! Да, Лондонъ величественный городъ! Каждая черепица на кровлѣ говоритъ намъ, что здѣсь живетъ собраніе людей, управляющихъ собою собственною силою воли. Хотя въ этомъ изъ кирпича построенномъ городѣ мало видно блестящихъ и выдающихся своимъ стилемъ домовъ, но величіе его заключается въ разлитой повсюду идеѣ національности, благодаря которой все такъ удобно и уютно, надежно и самостоятельно. И, какъ символъ этого величія, волнуется гордая, чудная Темза, какъ бы принимая поклоненіе всякаго, кто смотритъ на нее, и спрашивая: «съ чѣмъ посмѣете вы меня сравнить, меня, которой ежедневно океанъ и всѣ міры приносятъ дань свою» [1])?

— Я скоро начну ревновать въ этому Лондону,— сказала Генріетта, прижимая руку Мирабо. — Не могу вынести, когда ты такъ страстно превозносишь что нибудь на свѣтѣ, будь это хоть стѣны и камни города.

— Да вѣдь въ Парижѣ тебя самое принимали за англичанку,— смѣясь возразилъ Мирабо.—Во время нашихъ прогулокъ по бульварамъ, я часто слышалъ за собой: «ахъ, посмотрите на эту красивую блондинку англичанку!» Скоро, впрочемъ, и ты будешь имѣть возможность потѣшаться надо мной, потому что, если и дальше будетъ мнѣ здѣсь такъ хорошо, то въ одинъ прекрасный день, вмѣсто Гонорэ-Габріеля Рикетти графа Мирабо, окажется въ высшей степени почтенный Жакъ Ростбифъ! Тогда уже, конечно, я буду потерянъ для Франціи. Впрочемъ, едва ли когда либо удастся мнѣ быть полезнымъ этой проданной своему двору странѣ.

— Однако, что либо подобное прекраснымъ парижскимъ бульварамъ едва ли можешь ты мнѣ показать въ Лондонѣ, — сказала Генріетта въ то время, какъ они поворачивали на Регентъ-стритъ и очутились среди поразительнаго, подобнаго торжественному шествію, оживленія этой улицы, переполненной цѣлыми толпами пѣшеходовъ и самыми разнообразными одинъ возлѣ другого движущи-

[1]) Изъ одного изъ писемъ Мирабо въ Lettres à Chamfort, стр. 52.

мися экипажами, безъ малѣйшаго, однако, нарушенія удивительнаго порядка и спокойствія.

— Здѣсь лучше, чѣмъ на парижскихъ бульварахъ, — возразилъ Мирабо, указывая на это движеніе, съ такой ясной и довольной улыбкой, какой его спутница давно уже не видала у него на лицѣ.— Здѣсь виденъ народъ, видна цѣлая здоровая нація, которая, въ своемъ стремленіи жить, катится, подобно потоку, повинующемуся лишь собственнымъ законамъ движенія. Въ Парижѣ, дорогая графиня Іеттъ-Ли, пока еще нѣтъ народа. Впереди то время, когда мы изъ мутной, лишенной физіономіи, пресмыкающейся массы сдѣлаемъ народъ, который будетъ знать свои права и, благодаря этому, станетъ живымъ и способнымъ къ жизни существомъ. То, что ты видишь на бульварахъ, это не народъ, это лишь пестрая кожа змѣи, подстерегающей минуту, когда однимъ взмахомъ хвоста она перевернетъ весь Парижъ.

— Но на меня толпа поглядываетъ здѣсь такъ дико и язвительно,—замѣтила госпожа Нэра послѣ нѣкотораго молчанія, боязливо прижимаясь къ Мирабо.

Въ эту минуту кучка простыхъ людей, между которыми было нѣсколько пьяныхъ матросовъ, прошла мимо нихъ. По выраженію ихъ лицъ и по жестамъ, Генріетта замѣтила, что они обратили на нее вниманіе и находили въ ней что-то странное.

— Какъ видно, въ Лондонѣ меня не желаютъ признавать такой хорошей англичанкой, какъ дѣлали это еще недавно на бульварѣ въ Парижѣ,—сказала Генріетта, обращая вниманіе Мирабо на возбужденное ею любопытство.—Подозрѣваю, что всему причиной мой парижскій туалетъ. Въ особенности должна ихъ поражать моя громадная шляпка съ перьями.

— Пойдемъ спокойно дальше, — сказалъ Мирабо, — туалетъ же твой мы еще сегодня замѣнимъ прекраснѣйшимъ образомъ. Въ этомъ отношеніи народъ здѣсь глупъ. Надъ всѣмъ чужестраннымъ онъ простодушно смѣется и думаетъ, что имѣетъ на это право, чувствуя себя въ своей собственной кожѣ такимъ увѣреннымъ и обособленнымъ. Въ этомъ случаѣ парижанинъ цивилизованнѣе и не выказываетъ такъ явно своего ребячества.

Они шли дальше, и Мирабо не замѣчалъ, что изъ этой нѣсколько шумной группы людей, считавшей своимъ долгомъ потѣшаться при видѣ Генріетты, нѣсколько шутниковъ, отдѣлившись и повернувъ назадъ, со всевозможными ужимками и восклицаніями, возбуждавшими громкій смѣхъ остальныхъ, проскользнули вслѣдъ за ними.

Генріетта, начинавшая все болѣе бояться, убѣдительно просила взять фіакръ. Мирабо сталъ теперь тоже замѣчать увеличивающуюся за ними толпу, однако находилъ, что это будетъ трусостью— внезапно обращаться въ бѣгство.

Въ эту минуту они повстрѣчались съ господиномъ и дамой, въ которыхъ узнали спутниковъ по переѣзду моремъ изъ Франціи въ Англію. Это были ирландецъ и парижанка, по всей вѣроятности, увезенная своимъ спутникомъ. Во время путешествія она была такъ мила и умна, что Мирабо съ удовольствіемъ познакомился и разговаривалъ съ нею.

Пока, остановясь на улицѣ, они обмѣнивались любезными привѣтствіями и взаимными разспросами, странные уличные субъекты, сопровождавшіе Мирабо и Генріетту, нашли, казалось, новый и еще большій поводъ для своихъ насмѣшекъ. Парижская дама, слѣдуя господствовавшей въ столицѣ Франціи модѣ, имѣла тоже на головѣ громадный пукъ перьевъ; костюмъ же ея представлялъ для англійской уличной публики еще болѣе странностей, чѣмъ костюмъ Генріетты.

Окружившая свои жертвы толпа стала выражать опасное настроеніе сперва сдержаннымъ говоромъ и шепотомъ, а затѣмъ громкимъ смѣхомъ. Потомъ изъ толпы выдѣлился дикаго, полусумасшедшаго вида человѣкъ; съ большой трубой и съ кривляньями пьянаго приблизился онъ къ обѣимъ дамамъ, съ испугомъ глядѣвшимъ на него, и какимъ-то очень забавнымъ комплиментомъ, обращеннымъ къ нимъ, вызвалъ радостныя восклицанія своихъ товарищей.

Это былъ, какъ видно, извѣстный всѣмъ шутъ изъ одного изъ народившихся въ сосѣднихъ маленькихъ улицахъ кабаковъ; звали его почтительнымъ именемъ «лорда-трубача», что, кажется, было принадлежавшимъ ему среди ликующей толпы прозвищемъ. Слава его, какъ комика, была, повидимому, также велика, потому что теперь настали тишина и вниманіе въ ожиданіи того, что онъ намѣренъ предпринять.

А лордъ-трубачъ вступилъ въ свою роль, дѣлая невѣроятныя гримасы почти прямо въ лицо обѣимъ дамамъ. Эти гримасы, въ которыхъ онъ былъ настоящимъ виртуозомъ, такъ характеристично и точно изображали странные наряды и въ особенности головные уборы дамъ, что этой карикатурой былъ сразу произнесенъ надъ ними приговоръ. Вслѣдъ за этимъ, при общемъ веселіи, онъ вдругъ заигралъ на своей трубѣ, какъ бы желая звучной фанфарой возвѣстить всей улицѣ о сдѣланныхъ имъ наблюденіяхъ. Повторивъ это нѣсколько разъ, онъ довелъ толпу до оглушительныхъ возгласовъ одобренія.

Генріетта выбрала при этомъ самую умную часть, начавъ отъ души смѣяться надъ всѣми дурачествами лорда-трубача, чему помогла присущая ей веселость и невольное воспоминаніе о дѣтскихъ годахъ въ Амстердамѣ, гдѣ подобныя уличныя сцены въ порядкѣ вещей.

Другая же парижская дама не могла долѣе сдерживать своего гнѣва, возбужденнаго уже въ самомъ началѣ этой сцены, и съ

рѣшительностью, не взирая на опасность, стала, на плохомъ англійскомъ языкѣ, бранить, лорда-трубача, бросая въ лицо толпѣ самыя обидныя для національнаго самолюбія англичанъ выраженія, гнѣвно сверкая при этомъ своими огромными черными глазами. Ей почти удалось возбудить и гнѣвъ своего спутника-ирландца, принявшаго угрожающую позу боксера, тогда какъ графъ Мирабо спокойно и хладнокровно стоялъ со сложенными крестъ на крестъ руками и, съ невозмутимымъ равнодушіемъ озираясь кругомъ себя, нѣсколько озабоченно обдумывалъ, какимъ путемъ найти выходъ изъ этого непріятнаго приключенія.

Національный юморъ почтеннаго лорда-трубача не былъ еще исчерпанъ, однако. Послѣ маленькой сатирической пьески на трубѣ, онъ затянулъ англійскую народную пѣснь, обращаясь при этомъ опять къ обѣимъ дамамъ. Глупое содержаніе пѣсни съ грязными и нахальными намеками вызывало шумное одобреніе толпы, не только комизмомъ исполнителя, но и тѣмъ, что пѣніе сопровождалось странной и безстыдной жестикуляціей, почти касавшейся дамъ [1]). Эта сцена начала возбуждать такое вниманіе, что экипажи и всадники останавливались среди улицы для наблюденія. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, какъ видно, знатные англичане, сходили съ коней и, смѣшиваясь съ толпой, раздавали направо и налѣво удары хлыстомъ самымъ пьянымъ крикунамъ, а затѣмъ, обращаясь преимущественно къ Мирабо, давали совѣты, какъ всего лучше избавиться отъ этихъ людей. Къ несчастью, Мирабо не понималъ ихъ и начиналъ уже терять спокойствіе, не будучи въ состояніи смотрѣть на наглость лорда-трубача, обращавшагося теперь, въ особенности, къ госпожѣ Нэра. Мирабо схватилъ его за грудь и однимъ лишь движеніемъ своей сильной руки потрясъ его съ такой силой, что человѣкъ, этотъ въ ужасѣ и съ громкимъ крикомъ, упалъ на колѣни и, казалось, потерялъ сознаніе.

Это могло бы послужить сигналомъ къ опасному замѣшательству, если бы въ эту минуту не обратилъ на себя вниманіе высокій, стройный мужчина, сумѣвшій пробиться сквозь толпу. Одѣтъ онъ былъ въ черный костюмъ бюргера, и Мирабо, обладавшій вѣрнымъ взглядомъ на личность, принялъ его въ первую минуту за реформатское духовное лицо изъ Женевы, которыхъ, вмѣстѣ съ другими политическими бѣглецами этой республики, было съ нѣкоторыхъ поръ много въ Лондонѣ.

Вновь прибывшій, еще довольно молодой человѣкъ, рѣшительнаго и сильнаго вида, успѣлъ обращенною къ разъяренной толпѣ рѣчью тотчасъ же занять ее, отвлекая на себя ея вниманіе. Онъ говорилъ свободно поанглійски, употребляя сильныя народныя выраженія. Лестными намеками на благородный и великодушный

[1]) Мирабо описываетъ это приключеніе въ «Lettres à Chamfort», стр. 54.

духъ британцевъ, онъ предлагалъ толпѣ разойтись и позволить почтеннымъ чужестранцамъ, гостившимъ на прекрасномъ, гостепріимномъ островѣ Альбіона, безпрепятственно продолжать свой путь.

Хотя его иностранный выговоръ выдавалъ въ немъ швейцарца, однако, рѣчь его была вполнѣ понятна и убѣдительна, чему немало содѣйствовалъ, какъ органъ голоса, свойственный проповѣднику, такъ и весь его внушительный видъ.

Увидавъ, что своей сильной рѣчью, съ нѣкоторымъ религіознымъ оттѣнкомъ, онъ уже начиналъ оказывать дѣйствіе, онъ сталъ поддерживать его, раздавая деньги, что измѣнило сразу настроеніе самыхъ буйныхъ зачинщиковъ. Самъ лордъ-трубачъ, оправившійся отъ львинаго кулака Мирабо, почувствовалъ, къ своему немалому удивленію, нѣсколько сикъ-пенсовыхъ монетъ въ рукѣ, которыми одновременно онъ давно уже не обладалъ. Вслѣдъ за этимъ, незнакомецъ, наградивъ его сильнымъ толчкомъ въ спину, строго и съ укоромъ приказалъ ему немедленно отправиться на мѣсто стоянки наемныхъ экипажей и привести для иностранцевъ, передъ которыми онъ такъ сильно провинился, два фіакра.

Послѣ того, какъ лордъ-трубачъ отправился бѣгомъ, безъ возраженія, удалось и остальныхъ коноводовъ прогнать съ помощью нѣсколькихъ монетъ. Теперь незнакомецъ любезно обратился къ графу Мирабо съ просьбой войти со всѣмъ своимъ обществомъ, въ ожиданіи экипажей, въ ближайшее café, куда и предложилъ проводить ихъ. Это, конечно, было принято Мирабо съ живѣйшей благодарностью.

Въ café пришлось ждать довольно долго. Тѣмъ временемъ, незнакомецъ, желавшій непремѣнно самъ усадить ихъ въ безопасный фіакръ, занималъ ихъ разговоромъ. Онъ съ большою откровенностью разсказалъ имъ о себѣ лично. Звали его Дюваль. Онъ былъ изъ Женевы, гдѣ занималъ мѣсто проповѣдника, оставленное имъ лишь полтора года назадъ, послѣ того, какъ онъ, вслѣдствіе женевской революціи 1782 года, въ которой былъ на сторонѣ побѣжденной народной партіи, былъ отрѣшенъ и изгнанъ изъ отечества.

Мирабо, заинтересованный личностью незнакомца, медлилъ еще, однако, открыть ему себя, находя время и мѣсто неудобными. Проницательный незнакомецъ, догадываясь объ этомъ, предупредилъ его, сказавъ: — Знаю, что теперь я имѣю честь познакомиться съ графомъ Мирабо. Я такъ много про васъ слышалъ, а въ кругу моихъ друзей и единомышленниковъ, питающихся здѣсь горькимъ хлѣбомъ изгнанія, мы уже радовались пребыванію Мирабо въ Лондонѣ. Мы, женевскіе демократы, сердечно желали бы обрѣсти дружбу и участіе графа Мирабо. Нѣсколько дней тому назадъ, когда мы сидѣли въ café de Paris на Геймарктѣ, вы вошли,

графъ, и были названы однимъ изъ присутствовавшихъ. Много говорилось о вашей великолѣпной книгѣ «О деспотизмѣ», распространенной и въ нашихъ швейцарскихъ долинахъ, и мы признали, что для насъ и нашего дѣла была бы большая польза, если бы намъ удалось какъ нибудь имѣть съ вами совѣщаніе. Какъ бы намъ хотѣлось обсудить вмѣстѣ съ Мирабо положеніе нашего отечества и надежды демократіи въ Европѣ! И вотъ сегодня я смѣю, быть можетъ, надѣяться на исполненіе этого желанія, благодаря случайной встрѣчѣ, при которой юмористическое тупоуміе англійской черни доставило мнѣ возможность быть вами замѣченнымъ.

Мирабо съ благодарностью пожалъ его руку и далъ ему карточку съ указаніемъ своего жилища, прося назначить время своего посѣщенія и потребовать отъ него какой угодно благодарности за оказанную сегодня услугу.

Въ эту минуту на улицѣ появился лордъ-трубачъ, возвращеніе котораго было привѣтствуемо громкимъ «ура» неразсѣявшейся еще вполнѣ толпы. Дюваль поспѣшно вышелъ, чтобы посмотрѣть, готовы ли фіакры, и скоро возвратился съ извѣстіемъ, что этотъ глупецъ, котораго теперь онъ прогналъ прочь, привелъ всего одинъ двухмѣстный фіакръ, не найдя будто бы другого на мѣстѣ стоянки экипажей.

Мирабо, обращаясь къ дамѣ изъ Парижа, заявилъ, что, безъ малѣйшаго сомнѣнія, этимъ фіакромъ должна воспользоваться она, какъ болѣе пострадавшая отъ испуга при этомъ приключеніи.—Я же,—прибавилъ онъ,—подожду здѣсь съ графиней Нэра другого экипажа, который, при покровительствѣ нашего новаго друга, Дюваля, не заставитъ себя долго ждать.

Это было принято безъ возраженій, и Мирабо вмѣстѣ съ ирландцемъ стали усаживать въ экипажъ даму, находившуюся въ состояніи, близкомъ къ обмороку.

Въ то время, какъ онъ оказывалъ эту помощь своему спутнику ирландцу, Мирабо не замѣтилъ, что посреди улицы остановилась великолѣпная карета, и сидѣвшій въ ней господинъ, привѣтствуемый всѣми окружавшими съ величайшимъ почтеніемъ, разспрашивалъ черезъ своихъ напудренныхъ и одѣтыхъ въ богатую ливрею слугъ о подробностяхъ всего случившагося.

Вслѣдъ за этимъ къ Мирабо подошелъ слуга и просилъ его отъ имени своего господина, перваго лорда-канцлера, министра Вильяма Питта, воспользоваться экипажемъ его свѣтлости и занять въ немъ мѣсто вмѣстѣ со своей дамой. Мирабо съ удивленіемъ взглянулъ на карету, откуда министръ дружески кланялся ему. Только вчера познакомился онъ съ Вильямомъ Питтомъ, посѣтивъ его для передачи ему сочиненія графа д'Антрэгъ, привезеннаго имъ изъ Парижа.

Мирабо немедленно принялъ предложеніе и, поспѣшно возвратясь въ кофейную за госпожею Нэра, направился съ нею къ эки-

пажу министра. Послѣдній, со свойственной ему въ частной жизни любезностью, настоялъ на томъ, чтобы приглашенные имъ гости заняли почетныя мѣста въ каретѣ, напротивъ него.

Вильямъ Питтъ, стоявшій съ недавнихъ поръ во главѣ англійскаго министерства, несмотря на то, что ему было всего двадцать пять лѣтъ, только на своемъ государственномъ посту и въ дѣлахъ былъ старъ и вполнѣ зрѣлъ, обладая тѣмъ величественнымъ и проницательнымъ хладнокровіемъ, которое не разъ уже, въ борьбѣ, побѣждало его противниковъ. Въ обыденномъ же обхожденіи его выступала вся свѣжесть и живость юности, при чемъ на тонко очерченныхъ, выдающихъ талантъ краснорѣчія губахъ его играла плѣнительная улыбка, побѣждавшая отчасти его строгія, неумолимыя, полныя мысли морщины на челѣ.

Замѣтивъ это, Мирабо былъ очарованъ, такъ какъ при вчерашнемъ посѣщеніи, на которое онъ возлагалъ нѣкоторыя надежды, онъ встрѣтилъ лишь холоднаго, взвѣшивавшаго каждое слово и съ математическою точностью отнесшагося къ нему государственнаго человѣка. Теперь Питтъ съ трогательной предупредительностью ухаживалъ за госпожею Нэра, и хотя прелестная, веселая Генріетта ни на минуту не теряла своего хорошаго расположенія духа, онъ все-таки считалъ своимъ долгомъ утѣшать и успокаивать ее по поводу непріятной сцены.

Экипажъ направился къ жилищу Мирабо, по настоянію министра, желавшаго доставить своихъ гостей домой.

— Это была одна лишь чернь,—сказалъ Вильямъ Питтъ,—которая провинилась своею грубостью противъ достойныхъ уваженія иностранцевъ. Судить по этому объ англійскомъ народѣ вы не должны, графъ. Народъ нашъ добръ, честенъ, полонъ уваженія, съ крѣпкой уздой, наложенной ему сильнымъ парламентскимъ режимомъ и великой національной королевской властью; онъ полонъ достоинства и послушенъ. Рѣзвящаяся же чернь есть и у васъ, въ Парижѣ, и сегодняшняя сцена, безъ сомнѣнія, обезчестившая лондонскія улицы, могла бы, я думаю, произойти и въ вашей столицѣ.

— Конечно, чернь всюду одна и та же, равно какъ и аристократія всюду одна и та же,—возразилъ Мирабо.—Отсюда можно заключить, что эти двѣ крайнія общественныя сферы, чернь и аристократія, стоятъ по отношенію къ націи въ одинаковомъ положеніи и во многомъ представляютъ одно и то же.

При этихъ словахъ Питтъ судорожно закусилъ себѣ нижнюю губу, но тотчасъ же возвратилъ своему лицу прежнее дружеское и даже робкое выраженіе.

— У насъ аристократія отъ черни еще сильно отличается,—отвѣтилъ онъ съ кроткой улыбкой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, бросивъ въ сторону острый взглядъ своихъ большихъ, блестящихъ удивительнымъ спокойствіемъ глазъ.—Въ другихъ сосѣднихъ странахъ ари-

стократія можетъ уже работать надъ уничтоженіемъ чернью государства и народа; мы же, къ счастью, этого не можемъ. Мы здѣсь старомодны, имѣемъ законы, удовлетворяющіе всѣхъ, и обладаемъ аристократіей такъ же, какъ обладаемъ королевскою властью и народомъ.

— Во Франціи не такъ прекрасно,—возразилъ Мирабо, причемъ его оживленно пылавшее лицо подернулось грустью.—Во Франціи все готово обратиться въ чернь, если только намъ не удастся во время выработать изъ этой общей грязи новое, здоровое народное тѣло. Вотъ тогда народъ будетъ вновь открытъ, какъ та мраморная статуя древняго бога, погибшая при землетрясеніи города. Однако, рискуя вызвать возраженіе вашей свѣтлости, я позволю себѣ замѣтить, что никогда парижская чернь не допустила бы себя до подобной злобной выходки противъ почтенныхъ иностранцевъ. Наша чернь слишкомъ легкомысленна и слишкомъ дитя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и слишкомъ свѣтскій человѣкъ, чтобы дойти до понятія національной ненависти. Мы же испытали сегодня на себѣ національную ненависть англійской черни противъ французовъ. Я не думалъ, лордъ-канцлеръ, что уже на улицахъ Лондона можно будетъ видѣть приведеніе въ дѣйствіе завѣщанія вашего знаменитаго отца, графа Чатама, бывшаго величайшимъ ненавистникомъ Франціи.

— Эта ненависть не была завѣщаніемъ, но государственнымъ принципомъ,—замѣтилъ Вильямъ Питтъ съ полнымъ достоинства спокойствіемъ.—Вообще же, мой отецъ не былъ настолько варваромъ, чтобъ, въ лицѣ каждаго француза, не воздавать должнаго столь богато одаренной націи, какъ ваша. И я буду счастливъ всегда считать себя другомъ Франціи и французовъ. Не вступая въ неосторожный союзъ съ вами, который могъ бы вовлечь Англію въ пропасть, мы будемъ всегда учиться у васъ и стараться возвыситься вашимъ величіемъ!

Мирабо почтительно поклонился, ясно выразивъ при этомъ, насколько этимъ заявленіемъ министра онъ обязанъ дипломатіи его. Затѣмъ значительно произнесъ:

— Я самъ вовсе не такой другъ Франціи, чтобы не видѣть всѣхъ ея ошибокъ и недостатковъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я люблю ее такъ сильно и безпощадно, что позволилъ бы отхлестать ее крапивой и розгами, лишь бы могъ увидѣть ее вновь сильной и здоровой душой и тѣломъ. Если бы эта цѣль могла быть достигнута униженіемъ Франціи Англіею, то политикѣ съ такимъ направленіемъ я охотно предложилъ бы мои услуги и силы, мою голову и руки. Я отлично знаю, что вашъ великій отецъ, графъ Чатамъ, питавшій не только политическую, но и физическую ненависть къ Франціи и содрогавшійся всѣми своими членами при одномъ имени француза, основывалъ свою политику на господствѣ въ Европѣ одной изъ двухъ: Англіи или Франціи. Мнѣ всегда ка-

залось, что онъ смотрѣлъ, какъ на естественный законъ, на то, что если Англія должна быть велика и могущественна, то Франція должна быть попрана и уничтожена. Но теперь мы приближаемся къ новой эпохѣ народовъ, когда всѣ свободныя, честныя и полныя жизни государства будутъ существовать рядомъ, на одной ступени и въ искреннемъ братствѣ между собой. Придетъ день, когда мы должны будемъ силой заставить Францію быть свободной и счастливой, и тотъ, кто употребитъ противъ нея эту силу, какимъ бы то ни было образомъ, будетъ ея благодѣтелемъ. Да, ваша свѣтлость, Англія имѣетъ назначеніе по отношенію къ Франціи болѣе прекрасное, чѣмъ ненависть къ ней. Мы хотимъ бороться съ Франціей до крайнихъ предѣловъ, и Англія представляется самымъ благопріятнымъ пунктомъ, откуда борьба можетъ начаться. Она должна заставить королевскую власть во Франціи одуматься и принудить ее, во избѣжаніе внѣшнихъ опасностей, искать опоры въ освобожденіи внутренней силы народа, или, вѣрнѣе, въ самой свободѣ его. Съ этими мыслями, какъ я уже вчера заявилъ вашей свѣтлости, я прибылъ въ Лондонъ, и былъ бы счастливъ, если бы министерство Питта нашло согласнымъ со своею политикою воспользоваться услугами Мирабо.

Тонкая улыбка блуждала на губахъ министра. Опустивъ глаза, онъ, молча, съ нѣкоторой ироніей, казалось, взвѣшивалъ все слышанное имъ, но въ то же время, однако, умѣлъ придать своему лицу выраженіе дружескаго расположенія. Его рѣзкія черты, такъ легко принимавшія жесткій, даже отталкивающій характеръ, подернулись теперь какою-то духовною прелестью, смѣнившею кротостью и вниманіемъ то холодное превосходство силы, съ которымъ онъ выслушивалъ объясненія Мирабо.

Въ эту минуту карета проѣзжала мимо Сенъ-Джемскаго дворца. Питтъ поднялъ на него свой пронизывающій взглядъ, какъ бы желая увѣрѣть что-то въ окнахъ королевской резиденціи. Затѣмъ, вновь обратясь къ Мирабо, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидавшему его слова, онъ быстро проговорилъ:

— Политика министерства Питта, мой дорогой графъ, будетъ всегда готова воспользоваться замѣчательными умами, въ качествѣ своего орудія, но ея направленіе будетъ вездѣ и всегда консервативнымъ. Въ Англіи мы будемъ защищать дѣло престола, во что бы ни стало. Народъ—это лишь отвлеченное понятіе или призракъ, о существованіи котораго имѣются самыя различныя представленія. Ищутъ всегда народъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, а находятъ тамъ, гдѣ не ищутъ. Какъ ужасно было бы строить политику государства на такомъ колеблющемся и ускользающемъ понятіи! Хотя Англія у себя охраняетъ и соблюдаетъ вольности народа. однако, въ ея интересахъ — не допускать народной политики во Франціи, потому что это создастъ такое головокруженіе, которое опрокинетъ

всю Европу! Мы здѣсь будемъ продолжать жить привольно и спокойно. Мы не идеалисты, графъ, мы англичане, и свобода должна наполнить не только наши головы, но и карманы. Мы должны непремѣнно быть богаты. Вотъ наше рѣшеніе, а отъ него уже зависитъ все прочее. Не одинъ только умъ дѣлаетъ націю цвѣтущею. Богатство—вотъ другая и болѣе прочная сторона народной силы. Политика Питта воздвигнетъ на этомъ зеленомъ островѣ алтари богатству, и тогда наша борьба съ другими народами будетъ простымъ состязаніемъ.

Мирабо, почувствовавшій себя отстраненнымъ, съ минуту молчалъ, обдумывая, дать ли ему или нѣтъ волю своему негодованію. Затѣмъ порывисто сказалъ:

— Ваша свѣтлость должны прежде всего простить мнѣ, что я — восторженный поклонникъ свободы англійской конституціи, цѣлебную силу которой желалъ бы обратить и на страданія Франціи! Я завидую каждому англичанину, ибо онъ несомнѣнно самое свободное существо на землѣ. Эта конституція ваша, образецъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ конституцій, не заключаетъ ли она въ себѣ удивительную жизненную силу, если народъ, отъ природы далеко не самый даровитый и не самый благородный, единственно благодаря своей конституціи, занялъ первое мѣсто? Самъ по себѣ, англійскій народъ не многаго стоитъ: онъ глупъ, невѣжественъ, суевѣренъ, полонъ предразсудковъ и причудъ, ненадеженъ въ дѣлахъ и надѣленъ матеріальною алчностью гораздо болѣе, чѣмъ французы. И такой-то испорченный народъ охраняется и защищается отъ своей собственной испорченности единственно потому, что гражданскую свободу нашли удобною для него, и что ему дали отечество, распростертое надъ его жизнью, какъ ясный и вѣрный небесный сводъ. И чѣмъ бы еще стала Англія, если бы прекрасные основные законы ея конституціи были распространены и на правительство, и если бы всѣ недостатки и пороки вашей англійской администраціи проникліись живительнымъ дыханіемъ свободы вашей конституціи [1])? Какимъ бастіономъ англійская конституція служитъ противъ всякихъ случайностей и слабостей правящихъ лицъ, это всего лучше доказывается настоящимъ положеніемъ вещей въ Англіи. Конституція есть здоровье Англіи, хотя бы при этомъ глава ея былъ боленъ душою и тѣломъ. О вашемъ королѣ, Георгѣ III, разсказываютъ, что его умъ часто помрачается, и что, быть можетъ, ночь безумія покроетъ вскорѣ совсѣмъ тронъ Англіи. Но какой же вредъ можетъ это нанести странѣ, народу и общему благополучію? Ваша конституція живетъ и работаетъ отлично сама собой; она ясна и разумна, хотя бы на тронѣ все было темно и безумно; она есть и

[1]) «Lettres à Chamfort», стр. 69, а также изъ сочиненія Мирабо «Lettres de cachet» и изъ «Considérations sur l'ordre de Cincinnatus».

будетъ благословенная сила, хотя бы во главѣ государства царствовало безсиліе. Это—счастливое положеніе. И если, вѣрно, какъ гласитъ молва, что Георгъ III, при чтеніи газетъ, теряетъ вниманіе и засыпаетъ, то это настоящая государственная идиллія, характеризующая вашъ политическій рай. Счастливъ тотъ народъ, король котораго можетъ спокойно заснуть, читая газеты, и которому безразлично, спитъ или бодрствуетъ его монархъ предъ лицомъ политическихъ событій!

При этихъ словахъ Мирабо, лицо англійскаго министра замѣтно омрачилось. Непріятное выраженіе, столь типично выступавшее на лицѣ и въ манерахъ Питта, обнаружилось легкимъ подергиваніемъ, но тотчасъ же вновь исчезло подъ дипломатическимъ оборотомъ, скрывшимъ неудовольствіе отъ только что выслушаннаго.

— Его величество король Георгъ III здоровъ,—сказалъ Питтъ настойчиво и строго.—Давно уже здоровье его величества не было такъ угѣшительно, и, благодареніе Богу, мы можемъ считать благороднѣйшаго и великодушнѣйшаго монарха навсегда избавленнымъ отъ демона болѣзни. Иначе это было бы невознаградимымъ несчастіемъ для Англіи, потому что безъ живого и вполнѣ личнаго содѣйствія короля благополучію Англіи, безъ его силы и искусства управлять, нація была бы лишена своего настоящаго учредителя счастья. Такую самодвижущуюся машину, однимъ верченіемъ своихъ колесъ распространяющую благоденствіе и свободу, англійская конституція изъ себя не представляетъ. Это вамъ, французамъ, наговорилъ вашъ Монтескье, видѣвшій въ нашей конституціи универсальное средство, такъ сказать, всемірный пластырь, который слѣдуетъ лишь наклеить любому народу, и онъ натянетъ пузыри всевозможнаго политическаго счастья. Нѣтъ, графъ Мирабо, англійская конституція вовсе не политическая машина. Она не можетъ и не должна быть ею, и если бы живительное дыханіе мудраго короля не чувствовалось въ ея колесахъ, она перестала бы работать. Берегите себя во Франціи отъ страсти отыскивать универсальныя средства для политической свободы. Вашъ Монтескье потащилъ за собою уже цѣлый философскій хвостъ спасителей человѣчества, выдумывающихъ тамъ у васъ, какъ бы въ одной схемѣ заключить и удержать политическую свободу и соціальное счастье. Мнѣ было бы жаль, если бы и ваши прекрасныя силы ушли на исчерпываніе бочки Данаидъ. Въ политикѣ важны одни живые люди, а не система. Какъ бы я могъ справиться съ окружающими меня здѣсь партіями, если бы я не видѣлъ въ нихъ личностей, чувствующихъ и дѣйствующихъ почеловѣчески, и къ которымъ поэтому и подходить слѣдуетъ почеловѣчески? Даже мои опаснѣйшіе противники, какъ Фоксъ, Бурке и другіе, гремящіе противъ меня въ парламентѣ, вовсе еще для меня не потеряны; я изыскиваю пунктъ, на которомъ они могли бы сойтись со мною, во имя общаго блага. Важно—укрѣпить зданіе, а гдѣ взять для этого камни—это безразлично

— Какъ? и Фоксъ, внесшій билль объ Индіи, и великій демократъ Бурке, утвердившій народный принципъ въ американской войнѣ?—спросилъ, качая головой, Мирабо.

Однако, Питтъ, казалось, не хотѣлъ болѣе вдаваться въ такія подробности и, какъ бы не слыхавъ вопроса Мирабо, обратился къ госпожѣ Нэра, извиняясь передъ ней въ томъ, что разговоръ въ каретѣ принялъ такъ неожиданно и такъ неумѣстно строго политическій характеръ, и тутъ же указалъ на большой модный магазинъ, мимо котораго они проѣзжали, и въ окнахъ котораго было выставлено множество элегантнѣйшихъ дамскихъ шляпокъ.

— Не позволите ли вы мнѣ выбрать вамъ здѣсь шляпку по англійской модѣ?—спросилъ онъ, улыбаясь и дѣлая уже знакъ, чтобы остановить экипажъ.—Полагаю вполнѣ правильнымъ, чтобы первый министръ Англіи загладилъ дерзость, оскорбившую и напугавшую на лондонскихъ улицахъ милѣйшихъ иностранцевъ. И для меня самого это было бы величайшимъ въ мірѣ удовлетвореніемъ, потому что я могъ бы вамъ доказать, что я не только скучный и одѣтый въ броню политикъ, но и понимаю немного въ вещахъ вкуса. А такъ какъ болѣе всего, конечно, большая французская шляпка графини озадачила и возбудила нашъ глупый, суевѣрный, невѣжественный и испорченный народъ, какъ графъ Мирабо опредѣлилъ англичанъ, то позвольте Вильяму Питту замѣнить вашу шляпку маленькою англійскою, какими теперь украшаются здѣсь самыя прелестныя головки. Каждая страна имѣетъ всегда свой головной уборъ, который не только заслуживаетъ уваженія, но и долженъ быть принятъ, пока находишься въ странѣ.

Генріетта смутилась и бросила изъ-подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ быстрый вопросительный взглядъ на Мирабо, все еще, повидимому, погруженнаго въ послѣднія, знаменательныя слова Питта.

Получивъ отъ него знакъ согласія, она съ милою непринужденностью обратилась къ министру, выражая ему свою благодарность и готовность принять его предложеніе.

Экипажъ остановился, и Вильямъ Питтъ, желая теперь быть только любезнымъ кавалеромъ, подалъ госпожѣ Нэра руку и съ утонченною вѣжливостью ввелъ ее въ магазинъ.

Въ нѣсколько минутъ шляпка была выбрана, при выразившихся и здѣсь увѣренности и тактѣ Питта, и Генріетта не могла скрыть своего удовольствія, замѣнивъ свою большую парижскую шляпку модной, элегантной англійской, такъ удивительно шедшей къ ея личику.

Мирабо, съ которымъ министръ видимо избѣгалъ говорить, поспѣшилъ уплатить въ кассѣ счетъ за выбранную и еще разсматриваемую Питтомъ шляпку. Когда же госпожа Нэра окончательно выразила свое удовольствіе, министръ обратился съ приказаніемъ прислать счетъ въ его отель, но былъ непріятно задѣтъ сообще-

ніемъ, что счетъ уже уплаченъ. Нѣсколько смущенный, предложилъ онъ вернуться къ экипажу.

Мирабо попросилъ, однако, позволить имъ взять одинъ изъ близъ стоявшихъ фіакровъ, чтобы не злоупотреблять долѣе любезностью министра, такъ какъ ихъ квартира находилась хотя и не далеко, но въ совершенно противоположной сторонѣ отъ его отеля.

Питтъ бросилъ на него холодный испытующій взглядъ и, съ легкимъ поклономъ, согласился. Они разстались съ видимымъ обоюднымъ неудовольствіемъ.

Возвратясь домой, Мирабо бросился на диванъ и разразился жалобами и проклятіями противъ всюду преслѣдующей его неудачи. Генріетта подошла къ нему и, успокаивая, положила свою руку на его горячій, переполненный мыслями лобъ.

— Чѣмъ ты такъ недоволенъ?—спросила она своимъ кроткимъ, нѣжнымъ голосомъ.

— Самимъ собою,—отвѣчалъ онъ, вздыхая.—Благопріятнѣйшій случай даетъ мнѣ возможность вступить въ дружескую бесѣду съ первымъ государственнымъ человѣкомъ Англіи. А я, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ къ своей выгодѣ, какъ могъ и долженъ былъ сдѣлать, теряю всякій дипломатическій тактъ и говорю ему все напрямикъ. Всегда меня называли страстнымъ и необдуманнымъ, но что я буду фигурировать болваномъ правды тамъ, гдѣ умъ требовалъ быть скрытнымъ и расчетливымъ, этого я не могу себѣ простить. Я разговаривалъ съ Вильямомъ Питтомъ такъ, какъ болталъ бы дома съ Шамфоромъ или Кондорсэ. Быть можетъ, это и было достойно меня, но было крайне глупо для того, кто, какъ я, мечталъ извлечь въ Лондонѣ нѣкоторую дипломатическую пользу или быть облеченнымъ тайными порученіями министерства Питта. Я не думалъ, что моя откровенность сыграетъ со мной такую глупую штуку. Вмѣсто того, чтобы говорить этому Питту, какъ я думаю и чего хочу, мнѣ надо было разыграть съ нимъ комедію, въ которой полуискренно, полуковарно сдѣлать видъ, что я постигъ его самыя сокровенныя мысли, и всѣ свои силы направить къ полной мелодіями варіаціи на его же тему. Между тѣмъ, я дую свою собственную пѣсню на своемъ собственномъ инструментѣ прямо ему въ носъ, а когда онъ этого не можетъ вынести, то бью его еще по пальцамъ моимъ же инструментомъ. Ну, теперь, во избѣжаніе нищеты здѣсь въ Лондонѣ, мнѣ остается только составлять китайскую грамматику и географическіе учебники.

— Не сердись такъ, Мирабо,—замѣтила Генріетта, ласково гладя его рукой.—Ты не хуже этого англійскаго министра. Я такъ люблю, когда мужчины смѣло спорятъ о своихъ мнѣніяхъ. Если онъ не возложитъ на тебя никакихъ порученій, то мы обойдемся и безъ него. Мы вѣдь не глупы, и великая, великая будущность принадлежитъ тебѣ, Мирабо! Будемъ спокойны и веселы сегодня. У меня

такъ хорошо стало на душѣ. Я опять чувствую себя здоровой. Прогулка съ тобой совершила чудо, и силы мои вновь ожили. Къ тому же, изъ сегодняшняго приключенія на мою долю досталась прелестная новая англійская шляпка, такая нѣжная и легкая, что сама Титанія, царица сильфидъ, могла бы носить ее; выбралъ же мнѣ ее его свѣтлость министръ Вильямъ Питтъ, а мое сокровище честно за нее расплатилось. Ну, Мирабо, хочешь я опять буду твоимъ старымъ шутомъ?

Съ этими словами она отбѣжала отъ него, повелительно кликнула къ себѣ миссъ Сару, неохотно спрыгнувшую съ дивана, гдѣ она сидѣла у ногъ своего господина. Генріетта принесла свою старую парижскую шляпку и надѣла ее на голову собаки, подвязавъ ей на шеѣ и лапахъ развѣвавшіяся ленты. Боязливо и съ трудомъ двигаясь въ этомъ головномъ уборѣ, животное забилось въ уголъ комнаты, а Генріетта, мгновенно принявъ самый смѣшной и вмѣстѣ ужасный видъ, встала передъ собакой и невѣроятными ужимками начала изображать лорда-трубача, готоваго напасть на прекрасную парижанку при видѣ ея громадной шляпки. Она не могла, конечно, изобразить его ужасную фигуру и манеры, но обращалась къ миссъ Сарѣ съ такими же жестами и остротами и, приложивъ пальцы ко рту, подражала его трубѣ. Затѣмъ, рѣзкимъ голосомъ, въ носъ, затянула англійскую народную пѣсню, удержавъ дѣйствительно въ памяти нѣкоторыя слова и напѣвъ, что̀ совсѣмъ уже напомнило лорда-трубача.

Мирабо не могъ устоять противъ ея веселья, и наградилъ свою подругу искреннимъ смѣхомъ, прервавшимъ его унылое настроеніе. Радостно бросилась она къ нему, чтобы поблагодарить его за это долгимъ поцѣлуемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазиновъ „Новаго Времени"

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ МАРТѢ 1899 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

Авенаріусъ, В. П. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. Съ портретомъ Рябинина и рисунками. Изд. 5-е. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Авсѣенко, В. Новые разсказы. Т. I. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Адамовичъ, В. И. Встрѣчный искъ. (Къ ученію о зачетѣ). I. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Альбомъ двадцатипятилѣтія товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ (1872—1897). М. 1899 г. Ц. 15 р.

Альбомъ картинъ по географіи Европы со вступительною статьею д-ра А. Гейстбека. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Андерсенъ, Гансъ Христіанъ. Избранныя сочиненія въ переводѣ русскихъ писателей. Часть 1-я. (Выпускъ XV-й русской классной библіотеки, издаваемой подъ редакціею А. Н. Чудинова). Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

— Гадкій утенокъ и навозный жукъ (Дѣтство. № 5. 1899 г.). Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Апраксинъ, А. Д. Баловни судьбы. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Арнольдъ, Ю. Теорія постановки голоса по методу старой итальянской школы. Вып. III. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Архипова, П. Н. Бытъ русскаго народа въ повѣстяхъ для дѣтей школьнаго возраста. Повѣсть первая. Симбирскъ, 1898 г. Ц. 25 к.

Астафьевъ, С. У святынь Приднѣпровья. Замѣтки странника. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Астафьевъ, П. Е. (проф.). Опытъ о свободѣ воли. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Астаховъ, И. Романъ въ тюрьмѣ. Разсказы. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Балобанова, Е. В. Двѣ судьбы. Герцогиня Рената Феррарская и Муза Италіи Олимпія Мората. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

*** Бальзакъ.** Женщина тридцати лѣтъ. Романъ (Новая библіотека Суворина, № 32). Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Барановъ, А. И. Руководство для ротныхъ фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ. Съ 94 рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга тринадцатая. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Баязитовъ, А. Исламъ и прогрессъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Березинъ, Н. И. Въ пучинахъ моря (Дѣтство, № 6. 1899 г.). Спб. Ц. 15 к.

Беркосъ, П., и Ингеницкій, И. Рѣчной ракъ (Практическая зоотомія. Вып. II). Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Берсъ, Е. О причинахъ разоренія земледѣльческой Россіи. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Бертенсонъ, Левъ. Оздоровляющія и цѣлительныя силы въ природѣ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Бинэ, А., и Анри, В. Умственное утомленіе. Переводъ съ французскаго. Съ 93 рисунками и діаграммами. М. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

*** Бичеръ-Стоу, Генріета.** Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библіографіи этого произведенія Джорджа Буллена, 2 тома. Изданіе 2-е (Новая Библіотека Суворина). Спб. 1899 г. Ц. за 2 т. 1 р. 20 к.

Благовидовъ, Ѳ. В. Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. Опытъ историческаго изслѣдованія. Казань. 1899 г. Ц. 2 р.

Болгарская пропаганда въ Македоніи и македонскій вопросъ. Н. Д. М. 1899 г. Ц. 25 к.

Броуновъ, П. И. О зависимости урожаевъ хлѣбовъ отъ солнечныхъ пятенъ и метеорологическихъ факторовъ. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Буддэ, Е. Ѳ. О народныхъ говорахъ въ Тульской губерніи. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Булгаковъ, Е. И. Японія и японцы. Съ рисунками. М. 1899 г. Ц. 30 к.

Бѣлевичъ, В. Краткая французская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Бѣляевъ, А. О безбожіи и антихристѣ. Т. I. Подготовленіе, признаки и время пришествія антихриста. Сергіевъ Посадъ. 1898 г. Ц. 3 р.

Бѣляевъ, Ю. Д. В. Ф. Коммиссаржевская. Критическій этюдъ. Съ портретами (Наши артистки. Выпускъ первый). Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Вариньи-де, Генри. Воздухъ и жизнь. Переводъ съ англійскаго. Харьковъ. 1898 г. Ц. 75 к.

Весь Кіевъ 1899 г. Адресная и справочная книга. Кіевъ. 1899 г. Ц. 1 р.

Витбергъ, Ф. А, В. Я. Стоюнинъ, какъ педагогъ и человѣкъ. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

— Ревнители русскаго слова прежняго времени (Чтенія и бесѣды въ союзѣ ревнителей русскаго слова. Вып. I). Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

— Яковъ Петровичъ Полонскій (Чтенія и бесѣды въ союзѣ ревнителей русскаго слова. Вып. II). Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Владиміровъ, П. В. Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка» (Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы). Кіевъ. 1899 г. Ц. 40 к.

Войславъ, О. Развѣдки пластовыхъ, гнѣздовыхъ и жильныхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ. Третье, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1899 г. Ц. 4 р.

Волкова, М. М. Больной ребенокъ. Уходъ за нимъ и поданіе первой помощи до прибытія врача. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вольфсонъ, Владиміръ. Крейцерова соната графа Л. Н. Толстого съ точки зрѣнія гигіены. Гигіена воздержанія. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Вся область войска Донского на 1899 г. Справочная книга. Годъ изд. 5-й. Ростовъ-на-Дону. 1899 г. Ц. 75 к.

«Вѣстникъ права», журналъ Юридическаго Общества. № 2. Февраль 1899 г. Ц. 2 р.

Выгановскій, И. Д., и **Вахрушевъ, К. М.** Временныя правила о примѣненіи судебныхъ уставовъ въ областяхъ: Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Гавалевичъ, Маріанъ. Силуэты женъ. Переводъ съ польскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Ганъ, И. К. Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія съ задачами для упражненія. Изд. 6-е. Вильна. 1899 г. Ц. 30 к.

— Карманный словарь для правописанія по Гроту. Изд. 2-е. Вильна. 1899 г. Ц. 15 к.

Гартманнъ. Руководство къ токарнымъ работамъ по металлу. Четвертое изд. въ новой обработкѣ инженера Ф. Нейманна. Переводъ оъ нѣмецкаго. М. 1899 г. Ц. 2 р.

Гебель, В. Внѣшкольное народное образованіе въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ: 1) Учрежденія и общества для распространенія народнаго образованія; 2) Народные университеты, и 3) Народныя библіотеки. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гельдъ, Адольфъ. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Глинскій, Ф. А, Бѣловѣжская пуща и зубры. Съ иллюстраціями. Бѣлостокъ. 1899 г. Ц. 50 в.

Гогель, С. К. Проектъ норвежскаго уголовнаго уложенія. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Гринвудъ, Дж. Подлинная исторія маленькаго оборвыша. Романъ. Переводъ Марка-Вовчка. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Грушке, А. В. Гальваническое никелированіе металловъ. Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 80 к.

Грыгоренко, Грыцько. Наши люды на сели. Сватання. Ось яка «сторія». Юрьевъ. 1898. Ц. 15 к. Старый—молодый. Хивря языката. Ц. 30 к. Хто—кого? Божевильна. Батько. Ц. 35 к. Всѣ три книги вмѣстѣ. Ц. 80 к.

Гусевъ, Д. Св. Ѳеофилъ Антіохійскій. Казань. 1898 г. Ц. 20 к.

— Тертулліанъ, пресвитеръ Карѳагенскій. Очеркъ его литературной дѣятельности. Казань. 1898 г. Ц. 30 к.

Гутманъ, Оскаръ. Гимнастика голоса. Руководство къ развитію и правильному употребленію органовъ голоса въ пѣніи. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Гуторъ, В. П. Первые уроки пѣнія. Нотная грамота и хрестоматія (Матеріалы для первоначальнаго преподаванія музыки). Вып. I. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Далматовъ, Константинъ. Древне-индѣйское вѣроученіе и сравненіе его съ христіанствомъ. Казань. 1899 г. Ц. 20 к.

Дарвинъ, Чарльзъ. Собраніе сочиненій въ четырехъ томахъ. Изд. 2-е. Томъ второй. Спб. 1899 г. Цѣна I и II т. въ отдѣльной продажѣ 4 р. 50 к.

Дворъ императрицы Екатерины II, ея сотрудники и приближенные. Сто восемьдесятъ девятъ силуэтовъ. Спб. 1899 г. Ц. за 2 тома 20 р.

Денисьевскій, М. М. Фотографія любителя. Практическое пособіе къ изученію фотографіи. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Деполовичъ, П. Витязи сѣвера (съ 20 рисунками). Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. въ переплетѣ 85 к.

— Разсказы о землѣ Аравійской (съ 39-ю рисунками). Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Джеромъ К. Джеромъ. О женихахъ и невѣстахъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Дмитріевъ, Д. Чудо-богатырь. Историческій романъ. М. 1899 г. Ц. 50 к.

— Иванъ Мазепа. Историческій романъ временъ Петра I. М. 1899 г. Ц. 50 к.

Добрый смѣхъ—не грѣхъ. Шутливые разсказы (съ рисунками). Сборникъ первый. Спб. 1898 г. Ц. въ перепл. 80 к.

Достоевскій, Ѳ. М. Пушкинъ. (Очеркъ). Спб. 1899 г. Ц. 10 к.

Дриль, Дм. Бродяжество и нищенство и мѣры борьбы съ ними. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

— Ссылка во Франціи и Россіи. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи. Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. XV, вып. 1—2. Казань 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Египетъ. (Съ 47-ю рисунками). Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. въ перепл. 75 к.

Егоровъ, Яковъ. Среди крестьянъ. Разсказы и очерки. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ждановъ, Ив. Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

«Женское дѣло», Ежемѣсячный литературный журналъ. Мартъ. 1899 г. Ц. 75 к.

«Жизнь», журналъ, № 5. 1899 г. 40 к.

Житковъ, С. М. Хлѣбъ и пути сообщенія. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

— Пути сообщенія и финансы въ истекшее столѣтіе. 1798 — 1898. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Жуковскій, В. А. Наль и Дамаянти. Индѣйская повѣсть, подражаніе Рюккерту. Спб. 1899. Ц. 30 к.

«Журналъ журналовъ» и «Энциклопедическое Обозрѣніе». № 4. 1899 г. Ц. 75 к. и 1 руб.

Журналъ министерства юстиціи, № 2. Февраль 1899 г. Ц. 1 р. Съ приложеніемъ статьи «Международный союзъ криминалистовъ». Ц. 2 р.

«Землевѣдѣніе». 1898 г. Книжка III—IV. Подъ редакціей Д. Н. Анучина. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Зола, Э. Жакъ Дамуръ. Наисъ Макуленъ. Капитанъ Бюрль. Наводненіе. М. 1899 г. Ц. 75 к.

Ивановъ, Ив. Изъ западной культуры. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ, С. Ф. Объясненія, проведенія по книгамъ и отчетности штрафныхъ суммъ, взыскиваемыхъ со служащихъ по казенной винной операціи. Новгородъ. 1899 г. Ц. 20 к.

— Счетоводство по казенной продажѣ питей. Новгородъ. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Иконниковъ, В. С. Значеніе царствованія Екатерины II. Кіевъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Имшенецкій, М. Сборная книжка для сельскихъ старостъ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

***Кайгородовъ, Дм.** Седьмой стѣнной календарь петербургской весны. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Канторовичъ, Я. А. Законы о вѣрѣ и вѣротерпимости, съ приложеніемъ свода разъясненій по кассаціоннымъ рѣшеніямъ сената. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Карбоньеръ, А. А. Каталогъ предметовъ глинянаго, фаянсоваго и маіоликоваго производствъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Каръ, А. Бригъ «Эммануилъ». М. 1899 г. Ц. 2 р.

Кернеръ фонъ-Марилаунъ, А., проф. Жизнь растеній. Т. I. Форма и жизнь растенія. Переводъ съ нѣм. Ц. въ перепл. 7 р. 50 к. Спб. 1899 г.

Кедровъ, П. П. Баргузинская тайга. Томскъ. 1899 г. Ц. 1 к.

Клинге, А. Г. Новыя и новѣйшія лѣкарственныя средства въ алфавитномъ порядкѣ, ихъ химическія и физическія свойства и терапевтическое примѣненіе. Справочная книга для фармацевтовъ, врачей, дрогистовъ и др. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ковалевскій, Максимъ. Краткій обзоръ экономической эволюціи и ея подраздѣленія на періоды. Переводъ съ французскаго. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Ковалевскій, С. Покровительственная пошлина, что она даетъ населенію и что у него беретъ. Цифры и факты. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

— Двойной нониусъ, его теорія и примѣненіе. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Константиновъ, Н. Н. Провода электричества, ихъ прокладка, ремонтъ и измѣренія. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.

Косоноговъ, І. І. Конспектъ лекцій по атмосферному электричеству и земному магнитизму. Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р. 80 к.

Кочубинскій, Ал. Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи изъ исторіи восточнаго вопроса. Война пяти лѣтъ (1735—1739). Одесса. 1899 г. Ц. 3 р.

Краткія методическія указанія о веденіи обученія предметамъ церковно-приходской школы. Казань. 1899 г. Ц. 25 к.

Купчинскій, И. А. Театръ. Книга II. Комедіи: «Любовь требуетъ жертвъ», «Уладилъ», «Прощай до радостнаго утра», «Язва», «Прелести флирта», «Злодѣй, какихъ мало» и «175 лѣтъ тому назадъ». М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ламперъ, К., проф. Жизнь прѣсныхъ водъ. Животныя и растенія прѣсныхъ водъ, ихъ жизнь, распространеніе и значеніе для человѣка. Выпускъ I. Подписная цѣна на все сочиненіе въ 10 выпусковъ 6 р. Спб. 1899 г.

Латкинъ, В. Н. Учебникъ исторіи русскаго права. Періодъ имперіи (XVIII и XIX стол.). Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.

Landessmann и Hitschmann. Терапія вѣнскихъ клиникъ. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

Лебедевъ, В. А. Питейное дѣло. Спб. 1898. Ц. 50 к.

Leistikow, L. Терапія кожныхъ болѣзней. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Les Archives principales de Moscou du Ministére des affaires étrangères. M. 1898. Prix 3 roubles.

Leube, W. Частная діагностика внутреннихъ болѣзней. Руководство для врачей и студентовъ, составленное по лекціямъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Томъ I, съ 10 рисунками въ текстѣ. Спб. 1899. Ц. 3 р. 50 к.

Лиліенблюмъ, М. Л. Палестинофильство, сіонизмъ и ихъ противники. Одесса. 1899. Ц. 25 к.

Лихачева, Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1856). Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

Лонгфелло, Генри. Пѣснь о Гайаватѣ. Переводъ съ англійскаго. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Лукашевичъ, Клавдія. Зернышки. Сборникъ для дѣтей. М. 1899 г. Ц. въ папкѣ 1 р.

Лухманова, Н. А. Инна Воронцова. Психологическій романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Львовъ, В. Н. Курсъ эмбріологіи позвоночныхъ. Общая часть. Выпускъ I. Введеніе, исторія половыхъ продуктовъ и оплодотвореніе. Съ 42 рисунками. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лэнъ-Пуль, Стэнли. Мусульманскія династіи. Хронологическія и генеалогическія таблицы съ историческими введеніями. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Лютерманъ, Р. Практическое руководство къ производству искусственныхъ цвѣтовъ изъ матеріи. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лясковскій, Валерій. Братья Кирѣевскіе, жизнь и труды ихъ. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Л. С. Въ защиту личности. Педагогическія идеи Н. А. Добролюбова. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Майеръ, Н. В. І. Права и обязанности торговцевъ и промышленниковъ, какъ пла.

тельщиковъ раскладочнаго съ процентнымъ сбора. II. Образцы торговыхъ книгъ и значеніе ихъ для торговцевъ и промышленниковъ, какъ плательщиковъ раскладочнаго сбора. Петрозаводскъ. 1899 г. Ц. 60 к.

Максимовъ, А. Я. На далекомъ востокѣ. Полное иллюстрированное собраніе сочиненій. Книга IV. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Малый энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Вып. II. Б — Брай. Ц. 1 р. 50 к. По подпискѣ за все изданіе въ 12 выпускахъ 18 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Общій любимецъ публики. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Матусевичъ, П. А. «Введеніе» къ ученію объ элементахъ. Пособіе при изученіи основныхъ законовъ минеральной химіи для среднихъ учебныхъ заведеній м самообразованія. Кіевъ. 1898 г. Ц. 30 к.

Матченко, И. П. Учебникъ всеобщей географіи, Курсъ III. Общее обозрѣніе Европы и западно - европейскія государства. Кіевъ. 1899 г. Ц. 40 к.

Менделѣевъ, В. Д. Проектъ поднятія уровня Азовскаго моря запрудою Керченскаго пролива. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Мечниковъ, Л. И. Цивилизація и великія историческія рѣки. Географическая теорія развитія современныхъ обществъ. Переводъ съ франц. Кіевъ. 1899 г. Ц. 1 р.

Микуличъ, В. Яшина книжка. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Минцловъ, С. Р. Женское дѣло. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Одесса. 1899 г. Ц. 1 р.

Муркосъ, Г. А., профес. Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Москву въ XVII вѣкѣ. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Мюръ Петиссонъ. Химія огня. Съ 17-ю рисунками. Переводъ съ англійск. М. 1899 г. Ц. 85 к.

Мягковъ, Н. Какъ извѣщать о пожарахъ. Пожарныя команды въ Петербургѣ. Спб. 1899 г. Ц. 10 к.

Накрохинъ, П. Е. Идилліи въ прозѣ. Разсказы. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Наумовъ Н. И. Нефедовскій починокъ. Разсказъ. Спб. 1899 г. Ц. 16 к.

«Научное Обозрѣніе». Журналъ № 3, мартъ 1899 г. Ц. 75 к.

На велосипедѣ изъ Варшавы въ Лондонъ. Письма П. В. Каменскаго къ профес. Л. Е. Владимірову. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Королева въ лохмотьяхъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Николаи, Л. Ѳ. Краткія историческія данныя о развитіи мостового дѣла въ Россіи. Спб. 1898 г. Ц. 90. к.

Никольскій, А. І. Страстная и Великая седьмица. Изд. 3-е. Кіевъ. 1898 г. Ц. 50.

Никольскій, Николай. Описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозорскаго монастыря, составленное въ концѣ XC вѣка. Спб. 1897 г. Ц. 10 р.

Нитче, Фр. Происхожденіе трагедіи. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50. к.

Новыя правила объ испрошеніи Высочайшихъ наградъ съ дополнительными къ этимъ правиламъ узаконеніями. Спб. 1899 г. Ц. 30 к., въ переплетѣ 50. к.

Новѣйшія пріобрѣтенія въ области животноводства. Перев. съ нѣмецк. Н. В. Петрова. М, 1899 г. Ц. 2 р.

Нордау, Максъ. Рѣчи и статьи. Екатеринославъ. 1898 г. Ц. 10 к.

Нѣмецъ, Я. Промышленное плодоводство въ Сѣверной Америкѣ. Съ портретомъ автора, картой Сѣверной Америки и 223 рисун. и чертежами въ текстѣ. Изданіе 2-е. Спб. 1899 Ц. 1 р. 50 к.

Общій таможенный тарифъ по Европейской и Азіатской торговлѣ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Овчининская, В. Какъ живутъ японцы. М. 1899 г. Ц. 50 к.

Oertmann, Paul, проф. Обычай и законъ. Пер. съ нѣм. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Олсуфьевъ, А. А., гр., и Панаевъ, В. П. По Закаспійской военной желѣзной дорогѣ. Путевыя впечатлѣнія. Съ 43 иллюстр. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Онэ, Жоржъ. Король Парижа. Перев. съ франц. М. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.

д'Оссонвилль, гр. Нужда, порокъ и благотворительность. Переводъ съ франц. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. 1812 — 1819 г. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.

Остроумовъ, Н. П. Аравія и Коранъ. (Происхожденіе и характеръ ислама). Опытъ историческаго изслѣдованія. Казань. Ц. 1 р. 50 коп.

Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ. М. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к. На вел. бумагѣ. Ц. 5 р.

Памятная книжка Императорскаго Александровскаго лицея на 1898—99 учебный годъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Паскаль, Блезъ. Мысли (о религіи). Пер. съ франц. Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пастернацкій, Ѳ. И. (проф.). Климатолѣчебные пункты на Черноморскомъ побережьи Кавказа. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Пасхалія зрячая и неисходная до конца вѣка. Вѣчный календарь. Спб. 1899 г. Ц. 30 к., на папкѣ 50 к.

Перелыгинъ, Н. И, Любовь и дружба. Новелла съ иллюстр. М. 1899 г. Ц. 50 к.

Перетцъ, В. Н. «Filar Wiary» и «Księga Smiertci», архіеп. Лазаря Барановича. Кіевъ. 1898 г. Ц. 50 к.

Перримондъ, Э.; и Бутми-де-Кацманъ, Е, Проектъ школьнаго зданія на 56 и 112 учениковъ. Семь чертежей съ пояснительной запиской. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Петри, Э. Ю. Учебный географическій атласъ. Спб. 1898 г. Ц. въ пер. 2 р. 60 к.

Плоссъ, Г., д-ръ. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Съ рис. и таблицами. Т. II. Кіевъ. 1899 г. Ц. за два тома 6 р.

Подснѣжникъ. Сборникъ для дѣтей. Разсказы: Алтаева, Сѣрошевскаго, Оржешко, Уайда, Поповой и др. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Поздѣевъ, А. Монголія и монголы. Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892 — 1893 гг. Т. II. Спб. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

Покровская, М. И, Популярныя статьи по гигіенѣ. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Покровскій, В. В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы. М. 1899 г. Ц. 50 к.

Полетаевъ, Ипполитъ. «Норъ-Кагакъ». Записки невольнаго двоеженца и вообще неосторожнаго человѣка. Тифлисъ. 1899 г. Ц. 1 р.

Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. VIII. 1733 — 1734 гг. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Положеніе о видахъ на жительство съ законодательными мотивами, дополненіями и разъясненіями. Спб. 1899 г, Ц. 50 к.

Половъ, И. А. Изобрѣтенія изъ древеснаго дегтя и смолы, убивающія вредныхъ насѣкомыхъ. Дезинфекціонныя и врачебныя. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Порошинъ, Ив. Русалка и друг. разсказы. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Порфирій (Успенскій), (архимандритъ). Востокъ христіанскій. Александровская патріархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и записокъ, относящихся до исторіи Александрійской патріархіи. Томъ I. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.

Порфировъ, П. Ѳ. Первая любовь. Поэма. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Посѣницкій, В. В. «На рельсахъ и внѣ рельсъ». Стихотворенія. Изд. 2-е. М. 1898 г. Ц. 1 р.

*** Потапенко, И.** Свѣтлый лучъ. Романъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Предписанія и правила относительно безопасности электрическихъ установокъ. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Придорогинъ. Общедоступный учебникъ скотоводства и скотоврачеванія. М. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Проперцій Секстъ. Элегіи. Пер. А. А. Фета. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Прянишниковъ, И. П. Совѣты обучающимся пѣнію. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Психологія оперы «Князь Игорь» и ея исполненія на московской частной сценѣ. М. 1899 г. Ц. 20 к.

Радонежскій, А. Пушкинъ. Разборъ главнѣйшихъ произведеній, литературное и воспитательное его значеніе. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Раисъ, К. В. Въ чешской школѣ. Пер. съ чешскаго. Казань. 1899 г. Ц. 2 р.

Ранке, І. Человѣкъ. Вып. 6-й. Ц. 50 к. Ц. за всѣ 30 вып. по подпискѣ 12 р.

Рачинскій, С. А. Письма къ духовному юношеству о трезвости. М. 1899 г. Ц. 20 к.

Рашевскій, П. И. Крестовина для главныхъ желѣзнодорожныхъ путей. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Реверсовъ, И. П. Защитники христіанства. (Апологеты). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Ренненкампфъ, Н. К. Кіевскій политехническій институтъ Императора Александра II. Кіевъ. 1899 г. Ц. 20 к.

Роджерсъ, Т. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Пер. съ англійск. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

Розановъ, В. В. Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Рубецъ, А. И. Два хора «Слава Пушкину». Въ память 26 мая 1899 года въ день торжественнаго празднованія 100-лѣтняго юбилея рожденія великаго поэта. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Руководство для плательщиковъ государственнаго промысловаго налога. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

«Русскій Вѣстникъ», журналъ, № 3-й. Мартъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

«Русскій Трудъ», журналъ. № 8 — 9. Ц. 30 коп.

«Русское Экономическое Обозрѣніе», журналъ. № 2. Февраль. Ц. 1 р.

«С.-Петербургъ», иллюстр. еженед. журн. № 11. Ц. за годъ съ дост. и перес. 2 р.

Сабуровъ, П. Матеріалы для исторіи русскихъ финансовъ. 1866 — 1897 г. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Сапожниковъ, Д. И. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина. М. 1899 г. Ц. 40 к.

Сборникъ законовъ о мусульманскомъ духовенствѣ въ Таврическомъ и Оренбургскомъ округахъ и о магометанскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Казань. 1899 г. Ц. 50 к.

Свѣтловъ, П. Я. Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія. Т. I. Изд. 2-е. Кіевъ. 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.

«Сельскій Хозяинъ». № 20. Ц. въ годъ съ доставкой 6 р.

Семеновъ, Н. П. Наше дворянство. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Семеновъ, П. Д. Изъ когтей выручили. Бытовая народная комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Казань. 1899 г. Ц. 40 к.

Сенкевичъ, Генрихъ. Крестоносцы. Историческій романъ. Часть 6-я. Спб. 1899 г. Цѣна 30 к.

Сергѣева, Анна. Идеализація и любовь. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Серковскій, С. И. Къ вопросу о строеніи бактеріальныхъ колоній и новой классификаціи бактерій. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Сеславинъ, Д. Н. Самоучитель французскаго языка. Вып. 10-й. Харьковъ. 1899 г. Ц. по подп. 3 р.

Сибирское переселеніе въ 1899 г. Выпускъ II-й. Спб. 1899 г. Ц. 5 к.

Сизова, А. К. Наканунѣ лихолѣтья. Историческая повѣсть (Изъ смутнаго періода 1602—1603 гг.). М. 1899 г. Ц. 25 к.

скальковскій, К. Въ театральномъ мірѣ. Наблюденія, воспоминанія и разсужденія. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Славянскія минеральныя воды Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ. Составлено комиссіею, состоящею изъ Л. И. Анисимова, д-ра В. П. Коссовскаго и Н. А. Степанова. Славянскъ. 1898 г. Ц. 40 к.

Слѣпцовъ, М. Разсказы о Норвегіи. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. въ перепл. 75 к.

— Жилища и нравы птицъ. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. въ перепл. 1 р.

Соболевскій, А. В., д-ръ. Основы трезвости. (Опытъ руководства для школъ). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Современная жизнь подъ перомъ современныхъ беллетристовъ. Критическій очеркъ. Одесса. 1899 г. Ц. 60 к.

Справочная книжка Смоленской губерніи на 1899 г. Смоленскъ. 1899 г. Ц. 1 р.

Справочный указатель кустарныхъ производствъ и кустарныхъ мастеровъ. Вып. III. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Этика половыхъ отношеній. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 35 к.

Старицкіе (отецъ и дочь). Передъ бурей. Историческій романъ изъ временъ Хмельницыны. Кіевъ. 1899 г. Ц. 2 р.

Строгановъ, проф. О патогенезѣ экламисіи. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Строельная книга города Пензы. М. 1898 г. Ц. 40 к.

Стройновскій, І. Вспомогательныя таблицы для лицъ, производящихъ учетъ и продажу казеннаго вина. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

* **Суворинъ, А. С.** Татьяна Рѣпина. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Третье исправленное изданіе. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Сырку, П. А. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIX в. Томъ I. Вып. 1-й. Время и жизнь патріарха Евоимія Терновскаго. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.

Tacchella, Paul. Dictionnaire étymologique français-russe, renfermant, dans un ordre graduel, tous les mots de la langue française, analysés et grouppés auprès de leurs racines. Ouvrage couronné du grand prix Pierre le Grand. 2 т. Спб. 1899 г. Цѣна 7 р.

Тардъ, Г. Молодые преступники. Пер. съ франц. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Тарутинъ, Александръ. Стихотворенія. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Тархановъ, И., акад. О закаливаніи человѣческаго организма. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Толстой, Л. Н., графъ. Смерть Ивана Ильича. Спб. 1899 г. Ц. 8 к.

Толстой, Л. Л., графъ. Яшка. Разсказъ. Казань. 1899 г. Ц. 15 к.

«Трудовая помощь», журналъ. Январь и февраль 1899 г. №№ 1 и 2. Ц. каждаго 50 к. Цѣна за годъ съ дост. и перес. 3 р.

Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Спб. 1889 г. Ц. 3 р.

Трухановскій, М. И. Основы ученія объ удобреніи почвъ. Руководство для среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній и хозяевъ-практиковъ. Саратовъ. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трэси, Ф. Психологія перваго дѣтства. Переводъ со второго американскаго изданія. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Thoinot, L. H., d-r, и Masselin, E. I. Медицинская бактеріологія. Техника и патогенные микробы. Пер. съ франц. В.-Волочекъ. 1898 г. Ц. 2 р. 75 к.

Турыгина, Л. Учебникъ элементарной теоріи музыки со сборникомъ задачъ. Курсъ старшаго возраста. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Уваровъ, А. Механическая обработка джута и кенефа. Съ чертежами на 17 отдѣльныхъ листахъ. М. 1898 г. Ц. 2 р.

Уссингъ, Ж., проф. Воспитаніе и обученіе у грековъ и римлянъ. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Фаресовъ, А. Народники и марксисты. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Фарраръ, Ф. В. Аллегоріи. Борьба добра со зломъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фауль, Т. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Переводъ съ англійск. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Филипповъ, М. М. Контъ и его методъ. Л. И. Филиппова. Огюстъ Контъ и Клотильда де-Во. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.

Finger, E, и Saenger, M. Патологія и терапія мужского безплодія. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Флоберъ, Густавъ. Простое сердце. Разсказъ. Изд. II. Спб. 1899 г. Ц. 10 к.

— Иродіада. Историч. разсказъ. Изд. II. Спб. 1899 г. Ц. 10 к.

Фойницкій, И. Я. Курсъ уголовнаго судопроизводства. Томъ II. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 коп.

Фредерикъ и Нюэль. Основы физіологіи человѣка. Томъ II. Переводъ съ 3-го французскаго изданія. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Фулье, Альфредъ. Будущее морали. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Фурнье, Альфредъ (проф.). Ученіе о сифилисѣ. Выпускъ первый. Переводъ съ французскаго. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Ходскій, Л, В. Политическая экономія въ связи съ финансами. 3-е изданіе. Вып. 1-й. Спб. 1899 г. Ц. за оба выпуска 3 р. 50 к.

Холодковскій, Н. А., и Силантьевъ, А. А. Птицы Европы. Практическая орнитологія съ атласомъ европейскихъ птицъ. Выпускъ 1-й. Ц. по подпискѣ на всѣ 10 выпусковъ 14 р. Спб. 1899 г.

Царевскій, А. (проф.). Памяти въ бозѣ почившаго митрополита С.-Петербургскаго высокопреосвященнѣйшаго Палладія. Казань. 1899 г. Ц. 30 к.

Циммерманъ, В. Правило Эйлера въ примѣненіи къ одному классу вопросовъ объ относительныхъ maxima и minima. Одесса. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шамборанъ-де, А, В., графъ. Воспоминаніе о Феликсѣ Форѣ, покойномъ президентѣ французской республики. 1895 — 1899 гг. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

Шантепи-де-ля-Соссей, Д. П. Иллюстрированная исторія религій. Вып. 9-й. Ц. по подпискѣ на 10 выпусковъ 4 р. М. 1899 г.

Шараповъ, С. Вопросъ о валютѣ на Орловскомъ областномъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ 1898 г. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Шаховская, Людмила. По геройскимъ слѣдамъ!.. Романтическая греза изъ быта древнихъ римлянъ. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Шевляковъ, М. В. Русскіе остряки и остроты ихъ. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Шелгунова, А. П. Дешевый домашній столъ скоромный и постный. Изд. 5-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Шеляговскій, Ѳ. Е. Паденіе Константинополя. Историческій очеркъ. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Шерръ, Іоганнъ. Комедія всемірной исторіи. Историческій очеркъ событій 1848 г.

Перев. съ нѣмецкаго. Спб., 1899 Ц. за 2 т. 3 р. 50 к.

Шершеневичъ, Г. Ф. Понятіе о гражданскомъ правѣ. Казань. 1898 г. Ц. 50 к.

— Задачи и методы гражданскаго правовѣдѣнія. Казань. 1898 г. Ц. 50 к.

— Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи. Казань. 1898 г. Ц. 1 р.

Шнеллеръ. По слѣдамъ апостола Павла. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

*) **Энгель.** Шекспиръ. Переводъ съ нѣм. Ф. Черниговца. («Научная Дешевая Библіотека»). Съ портретами и рисунками, въ переплетѣ. Ц. 60 к.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Полут. 51-й (Рабочая книжка—резолюція). Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

Эрисманъ, Ф. Ф. Краткій учебникъ по гигіенѣ. Съ 50 политипажами. М. 1898 г. Ц. 3 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

Томики „Дешевой Библіотеки" А. С. Суворина,

внесенные въ «Опытъ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Народн. Просвѣщенія. Изд. 2-е 1896 г. и въ первое къ нему дополненіе 1897 г.».

45 и 46. Карамзинъ, Н. М. Письма русскаго путешественника. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портретомъ автора и рисунками. 2 т. Изд. 3-е. Ц. 1 р., на велен. бум. 2 руб.

15. — Великій князь Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Изд. 2-е. Цѣна 10 к., въ пап. 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

17. — Царствованіе Ѳеодора Іоанновича.—Правленіе Бориса Годунова.— Убіеніе царевича Димитрія. — Состояніе Россіи въ концѣ XVI в. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

20. — Царствованія Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.

24. — Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Изд. 2-е. Цѣна 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

72 а. — Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.

72 б. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

77 а. — То же. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

77 б. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

89. — То же. Т. V. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

91. — То же. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

70 а и 70 б. Квитка-Основьяненко, Гр. Ѳ. Панъ Халявскій. Изд. 2-е. Ц. за двѣ части 50 к., въ папкѣ 58 к., въ переплетѣ 75 к.

79. Козловъ, И. Три поэмы: Черненъ. — Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая.— Безумная. Съ біографіей и портрет. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

239. Кольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ біографіей, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящномъ переплетѣ 25 к.

— То же. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей). 100 экз. на слоновой бумагѣ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к. и 300 экз. на веленевой бумагѣ. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.

149. Корнель, П. Горацій. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ М. Чайковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ переплетѣ 27 к.

222. — Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.

28. Кохановская. Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.

318. Крыловъ. Басни. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣч. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пер. 30 к.

7. Ксавье-де-Местръ. Параша-Сибирячка. Разсказъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

9. Кукольникъ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. I-я (Асдотья Лихончиха.— Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленев. бум. 30 к.

10. — То же. Кн. 2-я (I. Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ.—II. Часовой). Съ портретомъ князя И. Ѳ. Долгорукова. Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

11. — То же. Кн. 3-я (Позументы. — Новый годъ). Съ гравюрой: солдаты Петровскаго времени. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., на вел. бум. 30 к.

14. — То же. Кн. 4-я (Черныпшевскій миръ.—Остапъ и Ульяна.—Старый хламъ). Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к.,

въ переплетѣ 30 к., на веленевой бумагѣ 30 коп.

18. — То же. Кн. 5-я (Запорожцы. Историческая быль временъ Екатерины Великой). Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

33. — То же. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно. — Вольный гетманъ панъ Савва. — Староста Меланья). Изданіе 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

100. **Ламартинъ, А.** Іоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.

6. **Ломоносовъ, М. В.** Избранныя сочиненія въ прозѣ. Съ портр. и біограф. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.

183. **Маркъ Аврелій Антонинъ.** Къ самому себѣ. Размышленія. Перев. съ греческ. Пл. Краснова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.

19. **Марлинскій, А.** (А. А. Бестужевъ). Амалатъ-бекъ. Кавказская быль. Съ портрет. автора. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

21. — Страшное гаданье.—Два вечера на бивуакѣ.— Вечеръ на Кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

22. — Мулла-Нуръ. Быль. Изд. 3-е. Цѣна 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

23. — Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ. — Красное покрывало.— Ночь на кораблѣ.—Осада. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

25. — Фрегатъ Надежда. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

26. — Мореходъ Никитинъ. — Романъ и Ольга.—Замокъ Эйзенъ.— Шахъ Гуссейнъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.

32. — Наѣзды. Повѣсть 1613 г.—Измѣнникъ. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

74. — Лейтенантъ Бѣлозоръ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

75. — Латникъ. Разск. партизанскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

4. **Мерзляковъ и Цыгановъ.** Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. **Дюма, Ал.** Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я.

2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.

3. — Три мушкетера. Ром. Книга I-я.

4. — То же. Книга II-я.

5. **Бальзакъ.** Шагреневая кожа. Романъ.

6. **Прево, аббатъ.** Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гріе. Ром.

7. **Крэкъ, А. Д. Эмилій.** Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Переводъ съ англійскаго.

8. **Кингслей, Ч.** Ипатія или новые враги подъ старой личиной. Романъ. Томъ I-й.

9. — То же. Томъ II.

10. **Жоржъ-Зандъ.** Орасъ. Романъ.

11. **Мериме, П.** Жакерія. Сцены изъ феодальныхъ временъ.

12 и 13. **Диккенсъ, Ч.** Лавка древностей. Ром.

14. **Гете, В.** Страданія молодого Вертера. Ром.

15. **Басанинъ, Маркъ.** Клубъ козицкаго дворянства. Романъ.

16. **Фильдингъ.** Исторія Тома Джомса Найденыша. Романъ. Томъ I-й.

17. — То же. Томъ II-й.

18. — То же. Томъ III-й.

19. **Ясинскій, Іер.** Старый другъ. Романъ.

20. **Дюма, А.** Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й.

21. — То же. Томъ II-й.

22. **Золя, Эмиль.** Докторъ Паскаль. Ром.

23. **Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ.** Послѣдніе дни Помпеи. Ром. Томъ I-й.

24. — То же. Томъ II-й.

25. **Бичеръ-Стоу, Генр.** Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библіографіи этого произведенія Джоржа Буллена. Томъ I-й.

26. — То же. Томъ II-й.

27. **Сю, Евгеній.** Вѣчный жидъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й.

28. — То же. Томъ II-й.

29. — То же. Томъ III-й.

30. — То же. Томъ IV-й.

31. — То же. Томъ V-й.

32. **Бальзакъ.** Женщина тридцати лѣтъ. Ром.

33 и 34. **Флоберъ, Г.** Госпожа Бовари. Провинціальные нравы. Ром. Перев. съ франц.

35. **Царь изъ дома Давида.** Съ англ. Е. М.

36. **Якушкинъ, П.** Великъ Богъ земли русской! и другіе разсказы.

37 и 38. **Грандъ, Сара.** Небесные близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ.

39 и 40. **Поэ, Эдгаръ.** Необыкновенные разсказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“.**

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (**въ** дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ
ІЮНЬ, 1899

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮНЬ, 1899 г.

стр.

I. Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть вторая. XII—XXVI. **Графа Е. А. Саліаса** 801

II. Записки **графини В. Н. Головиной** (1766—1820). XIII—XIV. (Продолженіе) 848

III. Сидорушкинъ грѣхъ. **В. А. Тимашева-Беринга** 867

IV. Изъ польскаго возстанія 1863 г. (Разсказъ крестьянина-очевидца). **И. В. Любарскаго** 886

V. Русское знамя въ Средней Азіи. VI—IX. (Продолженіе). **П. М. К.** 895

VI. Эпизодъ изъ исторіи воеводскаго управленія. (По архивнымъ документамъ). **В. Л. Борисова** 925

VII. Археологія и исторія въ трудахъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. **В. Е. Рудакова** 937

VIII. Наша оборона на Востокѣ. **А. И. Фаресова** 954

IX. Памятники И. И. Неплюеву. **П. Л. Юдина** 961

Иллюстраціи: 1) Памятникъ И. И. Неплюеву въ Оренбургѣ, въ прежнемъ видѣ. — 2) Памятникъ И. И. Неплюеву въ Оренбургѣ, въ настоящемъ видѣ.

X. Домъ Марины Мнишекъ въ Калугѣ. **Г. А. Воробьева** 968

Иллюстрація: Домъ Марины Мнишекъ въ Калугѣ.

XI. Что говорилъ Наполеонъ на островѣ св. Елены. **Е. И. Б.** . . . 973

XII. Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. III. (Продолженіе). **В. Т.** 991

XIII. Парламентъ мира. **Т. И. М.** 1011

XIV. Послѣдняя воля В. О. Михневича. **Г. Л. И.** 1032

XV. Василій Григорьевичъ Васильевскій. (Некрологъ). **В. Е. Рудакова** . 1039

Иллюстрація: Василій Григорьевичъ Васильевскій.

XVI. Критика и библіографія. 1045

1) В. И. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Изданіе второе. Спб. 1899. **В. Б—ва.** — 2) Синайскій, А., свящ. Отношеніе древне-русской церкви и общества къ латинскому западу (католичеству). (X—XV в.). Спб. 1899. **М. Калужскаго.**—3) Сочиненія Константина Багрянороднаго: «О оемахъ» (De themetibus) и «О народахъ» (De administrando imperio). Съ предисловіемъ Гавріила Ласкина. Москва. 1899.—4) Н. П. Загоскинъ. Исторія права русскаго народа. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго народа. Томъ первый Введеніе. I. Наука исторіи русскаго права. II. Формація народа и государства. Казань. 1899. **Р.**—5) Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Составилъ П. Ганзенъ. Печатано по распоряженію Канцеляріи Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳедоровны. Спб. 1899. **С. У—ца.**—6) Э. Тома, профессоръ Лилльскаго университета. Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Перевелъ съ французскаго Я. И. Рудневъ. Спб. 1899. **А. Малеина.**—7) Акты XIII—XVII вв., представленные въ разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отмѣны мѣстничества. Собралъ и издалъ А. Юшковъ. Ч. I. 1257—1613 гг. М. 1899. **В. Р—ва.**—8) Г. Дюкудрэ. Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до настоящаго времени. Томъ первый. Пер. съ французскаго. Москва. 1898. **К.**— 9) Дворъ императрицы Екатерины II. Ея со-

См. слѣд. стр.

стр.

труженики и приближенные. Сто восемьдесятъ девять силуэтовъ. Два тома. Спб. 1899. В. Б. — 10) Тихомировъ, Д. И. Педагогическіе курсы 1897 года въ г. Полтавѣ. Полтава. 1898. Пещ—а.—11) Юліанъ Кулаковскій. Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ. Кіевъ. 1899. Л. — 12) Э. Лависсъ и А. Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ V. Москва. 1899. П. К — аго. — 13) А. М. Петрункевичъ. Маргарита Ангулемская и ея время. Спб. 1899. П. К—аго. — 14) Ріенци, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Романъ Эдварда Бульвера-Литтона. Спб. 1898. П. К—аго. — 15) Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. XI. Харьковъ. 1899. В. Р—ва.—16) Жоржъ-Зандъ. Сочиненіе Е. Каро. Переводъ О. Н. Масловой. М. 1899. В. Боцяновскаго. — 17) Ж. (віс) Уссингъ, профессоръ въ Копенгагенѣ. Воспитаніе у грековъ и римлянъ. (Erziehung und Jugendunterricht bei den Griechen und Römern). Переводъ Н. М. Федоровой. Спб. Изданіе Ив. Ив. Иванова. 1899. А. М—на. — 18) Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. I и II. Москва. 1898. К.—19) Общедоступное руководство къ изученію законовъ. П. П. Дружинина. Изданіе второе. О. Н. Поповой. Спб. 1899. Д. Е.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1073

1) Предатъ семнадцатаго вѣка. — 2) Таинственная катастрофа въ Брестѣ въ 1744 году.—3) Бретонскій заговоръ временъ великой революціи.—4) Герцогъ Шуазель и маркиза де-Помпадуръ.—5) Первый бракъ Наполеона Бонапарта.—Политическія сплетни начала XIX вѣка. — 6) Тысяча восемьсотъ пятнадцатый годъ.—7) Датскій дворъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. — 8) Петербургъ во время крымской кампаніи.—9) Драма временъ парижской коммуны.—10) Австрійскій фельдмаршалъ герцогъ Альбрехтъ.—11) Смерть Веллера, Сарсэ, Пальерона и Бекка.

XVIII. Смѣсь 1103

1) Къ юбилею Пушкина. — 2) Московское археологическое общество.—3) Петербургское археологическое общество.—4) Генеалогическое общество.—5) Географическое общество. — 6) Въ поискахъ о Димитріи Самозванцѣ.—7) Съѣздъ архивистовъ въ Москвѣ.—8) Изданіе архивныхъ документовъ.—9) Присужденіе премій Г. Ө. Карпова.—10) Библіотека имени Н. И. Лажечникова. — 11) Новыя пріобрѣтенія Императорскаго Эрмитажа. — 12) Некрологи: Г. В. Осиповъ; П. Г. Ширяевъ; С. А. Шмидтъ; А. А. Третьяковъ; Н. П. Келлеръ.

XIX. Замѣтки и поправки 1132

1) Къ статьямъ о Пушкинѣ. А. Малеина.—2) Садъ въ селѣ Болдинѣ. И. Н. Званцова.—3) Къ статьѣ г. Драганова о Пушкинѣ. Вл. Шенрока. — 4) Еще къ статьѣ г. Драганова. N. N.

XX. Рѣдкіе портреты 1135

Князя Михаилъ Петровичъ Долгорукомъ.

XXI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ князя Михаила Петровича Долгорукова.—2) Графъ Мирабо (Graf Mirabeau. Von Theodor Mundt). Историческій романъ въ четырехъ частяхъ. Т. Мундта. (Переводъ съ нѣмецкаго З. У.). Часть II. гл. V—VIII. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНІЕ СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1899 года).

стр.

Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть вторая. (Продолженіе). **Графа Е. А. Саліаса.** 5, 385, 801

Записки **графини В. Н. Головиной** (1766—1820). IX—XIV. (Продолженіе) 33, 407, 848

Былое. (Изъ семейной хроники). **В. А. Тихонова.** 49

Воспоминанія объ А. Г. Рубинштейнѣ. **М. А. Давидовой.** 76

Иллюстрація: Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.

Русское знамя въ Средней Азіи. I—IX. **П. М. К.** 96, 895

Три типа русскихъ ученыхъ. (Куникъ, Срезневскій и Григоровичъ). **П. Н. Полевого.** 123

«Мерзлый русскій». **А. И. Фаресова** 144

Отъ Тихвина до Весьегонска. (Путевые наброски). **И. Ф. Тюменева** . . 158

Иллюстраціи: 1) Устюжна. Ворота соборной ограды.—2) Видъ на Устюжну изъ-за Мологи (Преображенская, Срѣтенская и Воздвиженская церкви).—3) Соборъ въ Устюжнѣ.—4) Устюжна. Церковь Благовѣщенія надъ р. Ворожею.—5) Устюжна. Казанское кладбище.—6) Видъ Весьегонска.—7) Плотъ и паромъ на Мологѣ въ Весьегонскѣ.—8) Соборъ въ Весьегонскѣ.

Родина князя Потемкина. **Л. Я. Зайцева.** 196

Исторія одной замѣчательной книги. **М. Н. С.** 201

Народники и марксисты. (Критическая замѣтка). **Л. Е. Оболенскаго.** . 221

Русскіе поэты въ нѣмецкомъ переводѣ. **А. К. Бороздина.** 244

Типографское дѣло. **Г. Л. И.** 251

Иллюстрація: Иларіонъ Ѳедоровичъ Богдановъ.

Памяти В. О. Михневича. **Б. Б. Глинскаго.** 260

Иллюстрація: Владиміръ Осиповичъ Михневичъ.

Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. II—III. (Продолженіе). **В. Т.** 281, 991

Одинъ изъ предковъ Пушкина. (Матеріалы для характеристики нравовъ русскаго общества XVIII в.). **Н. А. Бѣлозерской.** 427

Нашъ великій поэтъ. **П. Н. Полевого.** 464

Памяти А. С. Пушкина. (26 мая 1799 г.). Стихотвореніе. **И. Ф. Тюменева.** 480

А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности. **А. К. Бороздина.** 482

Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина. **Б. В. Никольскаго.** 506

А. С. Пушкинъ въ Казани. (Изъ исторіи Казанской общественности 30-хъ и 40-хъ годовъ). **Н. П. Загоскина.** 586

Анна Петровна Кернъ и романсъ «Я помню чудное мгновенье». **В. А. Тихонова.** 610

Иллюстрація: Комната Анны Петровны Керн.

Похороны А. С. Пушкина и его могила. **М. И. Каспійскаго.** 618

Иллюстраціи: 1) Село Троицкое.—2) Домъ Пушкина въ селѣ Михайловскомъ.—3) Памятникъ Пушкину на его могилѣ въ Святогорскомъ монастырѣ.

Кто впервые принялся переводить А. С. Пушкина и прототипы переводовъ его на 50 языковъ и нарѣчій міра. **П. Д. Драганова.** . . 634

стр.

Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ. (Некрологъ). **Г. Л. И.** 689
Иллюстрація: Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ.

Памяти В. В. Чуйко. **И. Н. Захарьина (Якунина).** 702
Иллюстрація: Владиміръ Викторовичъ Чуйко.

Сидорушкинъ грѣхъ. **В. А. Тимашева-Беринга.** 867

Изъ польскаго возстанія 1863 г. (Разсказъ крестьянина-очевидца). **И. В. Любарскаго.** 889

Эпизодъ изъ исторіи воеводскаго управленія. (По архивнымъ документамъ). **В. Л. Борисова.** 925

Археологія и исторія въ трудахъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. **Д. Ѳ. Рудакова.** 937

Наша оборона на Востокѣ. **А. И. Фаресова.** 954

Памятники И. И. Неплюеву. **П. Л. Юдина.** 961
Иллюстраціи: 1) Памятникъ И. И. Неплюеву въ Оренбургѣ, въ прежнемъ видѣ.—2) Памятникъ И. И. Неплюеву въ Оренбургѣ, въ настоящемъ видѣ.

Домъ Марины Мнишекъ въ Калугѣ. **Г. А. Воробьева.** 968
Иллюстрація: Домъ Марины Мнишекъ въ Калугѣ.

Что говорилъ Наполеонъ на островѣ св. Елены. **Е. И. Б.** 973

Парламентъ мира. **Т. И. М.** 1110

Послѣдняя воля В. О. Михневича. **Г. Л. И.** 1032

Василій Григорьевичъ Васильевскій. (Некрологъ). **В. Е. Рудакова.** . . 1039
Иллюстрація: Василій Григорьевичъ Васильевскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ 298, 711, 1045

1) А. Н. Минхъ. Историко-географическій словарь Саратовской губерніи. Томъ I, выпускъ I. Саратовъ. 1898. (Приложеніе къ V т. Трудовъ Саратовской ученой архивной комиссіи). **в. Б—ва.**—2) Князь Н. В. Голицынъ. Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII вѣка. Москва. 1898. **С.**—3) П. А. Картавовъ. Библіографическія извѣстія о рѣдкихъ книгахъ. №№ 1 и 2. Спб. 1898. **Бориса Городецкаго.**—4) Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію. Томъ II. Изслѣдованіе капитана Мэхэна. Изданіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Георгія Александровича. Спб. 1898. **П. К.**—5) Лирика Я. П. Полонскаго. Критическій этюдъ П. М. Соколова. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1899. **С. Л—на.**—6) Краткій историческій очеркъ Елисаветградскаго общества распространенія грамотности и ремеслъ. 1873—1898 г. П. З. Рябкова. Елисаветградъ. 1899. **А. Фаресова.**—7) Н. М. Коркуновъ. Сборникъ статей 1877—1897 г. Спб. 1898. **Б. Г.**—8) Очерки современнаго офицерскаго быта. Соч. И. Бутовскаго. Спб. 1899. **И. Н. З.**—9) Библіографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора П. П. Смирнова. Палеографія. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и печати. Библіографія. Библіотеки, музеи и архивы. Книжная торговля. Спб. 1898. **П. Щ—ва.**—10) Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ III. Нижній Новгородъ. 1898. **В. Р—ва.**—11) Общественная жизнь Англіи. Изданіе І. Д. Трайля. Томъ IV. Отъ воцаренія Іакова до смерти Анны. Т. V. Отъ воцаренія Георга I до битвы при Ватерлоо. Москва. 1898. **К.**—12) Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. подъ редакціей Э. Л. Радлова. Выпускъ I, съ 35 политипажами. Выпускъ II, съ 6 политип. Спб. 1898. **П. К.**—13) А. Кириловъ. 1797—1897. Матеріалы для исторіи Владимірской губернской типографіи къ столѣтнему юбилею. Владиміръ-на-Клязьмѣ. 1898. **В. Р—ва.**—14) И. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства. Спб. 1898. **Пещ.**—15) Рукописная повѣсть о видѣніи Косьмы игумена. 1688 года. Составилъ и издалъ И. Голышевъ. Съ 20 таблицами раскрашенныхъ рисунковъ. Голышевка, близъ с. Мстера, Владимірской губ., Вязниковскаго уѣзда. 1898. **В—скаго.**—16) Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. Выпускъ III-й. Москва. 1899. **К.**—17) А. Фаресовъ. Народники и марксисты. Спб. 1899. **Гл.**—18) А. Лященко. Къ исторіи русскаго романа. Публицистическій элементъ въ романахъ Ѳ. А. Эмина. Спб. 1898. **В. Б.**—19) Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1897 годъ. М. 1898. **Щ.**—20) Іезуиты, ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность, въ средѣ обще-

ственной жизни, политики и религіи. Составилъ Ж. Губеръ. Спб. 1899. П. К—аго. стр.
21) Г. Н. Потанинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. Съ 10 рисунками въ текстѣ. Изданіе географическаго отдѣленія императорскаго общества естествознанія, антропологіи и этнографіи. М. 1889. Л.—
22) Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Профессора Н. И. Барсова. Спб. 1899. Н. С.—23) Н. П. Дружининъ. Русское государственное гражданское и уголовное право въ популярномъ изложеніи. Спб. 1899. Е—ва.—24) П. Сабуровъ. Матеріалы для исторіи русскихъ финансовъ. 1866—1897. Спб. 1899. К. Х—ча.—25) Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Т. I. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. 1812—1819. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Спб. 1899. Вл. Боцяновскаго.—26) М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго производства. Томъ I-й. М. 1898. П. К—аго.—27) Что такое хорошій урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями. Н. А. Бобровникова. Казань. 1898. Е—ва.—28) Д-ръ Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго Ѳ. К. Волкова подъ редакціей Д. Н. Анучина. Съ 459-ю рисунками и картою. Спб. 1898. Л.—29) П. Филевскій. Исторія города Таганрога. М. 1899. В. Р—ва.—
30) Рамбо. Исторія французской революціи. Кіевъ. 1899. П. К—аго.—31) А. М. Петрункевичъ. Маргарита Ангулемская и ея время. Историческій очеркъ изъ эпохи Возрожденія во Франціи. Изданіе въ пользу общества вспоможенія окончившихъ курсъ наукъ на Спб. высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 1899. Ь.—32) Т. Циглеръ (профессоръ Страсбургскаго университета). Нѣмецкій студентъ XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898. А. К.—33) Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ. Земля и ея народы. Переводъ подъ редакціей Ф. Груздева. Т. I. Живописная Америка. Т. II. Живописная Азія. Спб. 1899. А. Л—на.
34) В. И. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Изданіе второе. Спб. 1899. В. Б—ва.—35) Синайскій, А., свящ. Отношеніе дуевне-русской церкви и общества къ латинскому западу (католичеству). (X—XV в.). Спб. 1899. М. Калужскаго.—36) Сочиненія Константина Багрянороднаго: «О ѳемахъ» (De thematibus) и «О народахъ» (De administrando imperio). Съ предисловіемъ Гаврінла Ласкина. Москва. 1899. —
37) П. И. Загоскинъ. Исторія права русскаго народа. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго народа. Томъ первый. Введеніе. I. Наука исторіи русскаго права. II. Формаціи народа и государства. Казань. 1899. Р.—38) Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Составилъ П. Ганзенъ. Печатано по распоряженію Канцеляріи Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Спб. 1899. С. У—ца.—39) Э. Тома, профессоръ Лилльскаго университета. Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Перевелъ съ французскаго Я. И. Рудневъ. Спб. 1899, А. Малеина.—40) Акты XIII—XVII вв., представленные въ разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отмѣны мѣстничества. Собралъ и издалъ А. Юшковъ. Ч. I. 1257—1613 гг. М. 1899. В. Р—ва.—41) Г. Дюкудрэ. Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до настоящаго времени. Томъ первый. Пер. съ французскаго. Москва. 1898. К.—42) Дворъ императрицы Екатерины II. Ея сотрудники и приближенные. Сто восемьдесятъ девять силуэтовъ. Два тома. Спб. 1899. В. Б.—43) Тихомировъ, Д. И. Педагогическіе курсы 1897 года въ г. Полтавѣ. Полтава. 1898. Пещ—а. — 44) Юліанъ Кулаковскій. Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ. Кіевъ. 1899. Л.—45) Э. Лависсъ и А. Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ V. Москва. 1899. П. К—аго.—46) А. М. Петрункевичъ. Маргарита Ангулемская и ея время. Спб. 1889. П. К—аго.—47) Ріенци, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Романъ Эдварда Бульвера-Литтона Спб. 1898. П. К—аго.—48) Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. XI. Харьковъ. 1899. В. Р—ва.—49) Жоржъ-Зандъ. Сочиненіе Е. Каро. Переводъ О. Н. Масловой. М. 1899. В. Боцяновскаго.—50) Ж. (Sic) Уссингъ, профессоръ въ Копенгагенѣ. Воспитаніе у грековъ и римлянъ. (Erziehung und Jugendunterricht bei den Griechen und Römern). Переводъ Н. М. Федоровой. Спб. Изданіе Ив. Ив. Иванова. 1899. А. М—на.—51) Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. I и II. Москва. 1898. К.—52) Общедоступное руководство къ изученію законовъ. П. П. Дружинина. Изданіе второе. О. Н. Поповой. Спб. 1899. Д. Е.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ и МЕЛОЧИ . . 327, 732, 1073

1) О французскихъ византинистахъ.—2) Интеллектуальная исторія Сициліи.—3) Титанъ французской революціи.—4) Наполеонъ подъ Тулономъ.—
5) Армянская легенда о Наполеонѣ Бонапартѣ.—6) Эпизодъ изъ временъ берлинской революціи 1848 г.—7) Донесеніе Лотара Бухера о Лассалѣ.—
8) Изъ записокъ американскаго генерала.—9) Французы въ Портъ-Артурѣ.—
10) Конгрессъ исторіи религіи.—11) Смерть Эркмана и Бамбергера.—
12) Женщины временъ Возрожденія.—13) Піонеры Франціи въ Новомъ Свѣтѣ.—14) Къ трехсотлѣтію рожденія Оливера Кромвеля.—15) Изъ молодости

стр.

Наполеона I.—16) Истинный Робеспьеръ.—17) Упадокъ войнъ.—18) Ужасы войнъ и средства противъ нихъ.—19) Американскій генералъ въ Россіи.—20) Нѣмецкое изданіе дневника Буша.—21) Юмористическія стороны англійскаго парламента.—22) Прелатъ семнадцатаго вѣка.—23) Таинственная катастрофа въ Брестѣ въ 1744 году.—24) Бретонскій заговоръ временъ великой революціи. — 25) Герцогъ Шуазель и маркиза де-Помпадуръ. — 26) Первый бракъ Наполеона Бонапарта.—27) Политическія сплетни начала XIX вѣка.—28) Тысяча восемьсотъ пятнадцатый годъ.—29) Датскій дворъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.—30) Петербургъ во время крымской кампаніи.—31) Драма временъ парижской коммуны.—32) Австрійскій фельдмаршалъ герцогъ Альбрехтъ.—33) Смерть Зеллера, Сарсэ, Пальерона и Векка.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 348, 751

1) Къ характеристикѣ императора Николая I. Сообщено **К. А. Энгельгардтъ**, урожденной **Лопатиной**.—2) Могила Пушкина въ 1856 году.

СМѢСЬ 350, 755, 1103

1) Къ юбилею Пушкина.—2) Годичное общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества.—3) Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ.—4) Общество любителей древней письменности.—5) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III.—6) Археологическое общество.—7) Географическое общество.—Поддѣльныя древности.—8) Музей Ѳ. М. Достоевскаго.—9) Завѣщаніе И. С. Никитина.—10) Къ юбилею Пушкина.—11) С.-Петербургское археологическое общество.—12) Московское археологическое общество.—13) Общество любителей древней письменности.—14) Географическое общество.—15) Главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.—16) Диспутъ В. Н. Александренко.—17) 35-ти-лѣтіе «Виленскаго Вѣстника».—18) Къ юбилею Ѳ. Г. Волкова.—19) Къ XI археологическому съѣзду.—20) Учрежденіе преміи.—21) Реставрація церкви.—22) Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелѣева за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ, учрежденной при литературномъ фондѣ.—23) Памятникъ на могилѣ А. Н. Майкова.—24) Къ юбилею Пушкина.—25) Московское археологическое общество.—26) Петербургское археологическое общество.—27) Генеалогическое общество.—28) Географическое общество.—29) Въ поискахъ о Димитріи Самозванцѣ.—30) Съѣздъ архивистовъ въ Москвѣ.—31) Изданіе архивныхъ документовъ.—32) Присужденіе преміи Г. Ѳ. Карпава.—33) Библіотека имени И. И Лажечникова.—34) Новыя пріобрѣтенія Императорскаго Эрмитажа.—35) Некрологи: Л. И. Поливановъ; М. М. Троицкій; В. Ѳ. Кипарисовъ; Н. А. Шавровъ; И. И. Подозеровъ; Г. В. Осиповъ; П. Г. Ширяевъ; С. А. Шмидтъ; А. А. Третьяковъ; И. П. Келлеръ.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ. 382, 796, 1132

1) Еще о Жиржинскомъ дѣлѣ 27 іюля 1863 года. **И. Любарскаго.**—2) Къ запискамъ графини Головиной. **Вас. Добронравова.**—3) Тенденціозная критика. (Письмо въ редакцію). **Ив. Захарьина.**—4) Къ біографіи графини Софьи Потоцкой. **И. Щ.**—5) Поправка къ статьѣ г. Глинскаго о Палестинѣ **Маріи Ермолиной.**—6) Къ статьямъ о Пушкинѣ **А. Малеина.**—7) Садъ въ селѣ Болдинѣ **И. Н. Званцова.**—8) Къ статьѣ г. Драганова о Пушкинѣ. **Вл. Шенрока.**—9) Еще къ статьѣ г. Драганова. **N. N.**

РѢДКІЕ ПОРТРЕТЫ. 1135

Князя Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: А. Г. Рубинштейна и кн. М. П. Долгорукова.—2) Автографы рукописей А. С. Пушкина: 1) Письмо къ А. И. Тургеневу (1823 г.).—2) Стихотвореніе «Я помню чудное мгновенье» (1825 г.).—3) Отрывокъ изъ «Путешествія въ Арзрумъ» (1829 г.).—4) 14 портретовъ, видовъ и снимковъ, къ автографамъ А. С. Пушкина.—5) Графъ Мирабо (Graf Mirabeau. Von Theodor Mundt). Историческій романъ въ четырехъ частяхъ **Т. Мундта.** (Переводъ съ нѣмецкаго **З. У.**). Часть I. Гл. VII—VIII, и часть II, гл. I.—VIII. (Продолженіе).

Князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ.

дозв. цѣнз. 9 апрѣля 1899 г. спб.

ВЛАДИМІРСКІЕ МОНОМАХИ[1].

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергѣю Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XII.

ЧЕРЕЗЪ нѣсколько минутъ домъ былъ весь на ногахъ... Дежурная дюжина первая наполнила комнаты барышни, найдя ее на полу гостиной между Анной Фавстовной и молодымъ бариномъ... Раненую перенесли и положили на диванъ. Чрезъ четверть часа самъ баринъ, полуодѣтый, былъ тоже около племянницы, а затѣмъ явилась уже сплошная толпа, перепуганная, дико и глупо глазѣющая спросонья на лежащую...

Дмитрій объяснилъ все... Онъ первый прибѣжалъ, такъ какъ гулялъ въ липовой аллеѣ и увидѣлъ на балконѣ борьбу Сусанны съ невѣдомымъ человѣкомъ.

Вызванный тотчасъ же докторъ Веніусъ взялся за свое дѣло и сталъ хлопотать около раненой съ двумя фельдшерами...

— Умру? Умру?—повторяла Сусанна, глядя на доктора страшными обезумѣвшими глазами.

— Нѣтъ!—Нѣтъ! отзывался Веніусъ.—Совсѣмъ ничего... Одинъ недѣль и ничего.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., т. LXXVI, стр. 385.

— Кровь... Все больше... шептала она.

— Кровъ ничего. Зейчасъ онъ ни будетъ!—увѣренно отвѣчалъ нѣмецъ.

Перевязка двухъ ранъ, нанесенныхъ ножемъ, была наконецъ сдѣлана, и Сусаннѣ помогли перейти въ постель.

Веніусъ оказался мастеромъ своего дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, покуда онъ обмывалъ двѣ раны и налагалъ повязки, онъ все время разговаривалъ съ Сусанной, полушутя, и его видъ, его увѣренность, что опасности нѣтъ никакой, быстро успокоили ее.

Сусанна была сильно блѣдна и отъ страшнаго перепуга, и отъ жгучей боли, а равно и отъ потери крови, но боязнь за себя, тревога и растерянность прошли. Явилось ясное и спокойное сознаніе происшедшаго и происходящаго кругомъ нея, то-есть всеобщей сумятицы.

Уже лежа въ постели, она стала вспоминать, какъ все приключилось. Она вспомнила, что было одно мгновеніе, когда она вдругъ будто почувствовала, что смерть около нея.

— Конецъ!—будто крикнулъ ей кто-то, или громко сказалось въ ней самой.

И кто знаетъ? Если бъ Дмитрій запоздалъ на мгновеніе схватить злодѣя за руку или, ударивъ его наотмашь въ голову, обмахнулся бы и не оттолкнулъ?.. Кто знаетъ, что̀ было бы теперь съ ней, «что̀» была бы она?

Умирающая или уже мертвая!

Она ясно помнила, что Анька въ третій разъ замахнулся отчаяннѣе, азартнѣе... рука съ ножемъ, взмахнутая еще выше надъ ея головой, грозила нанести гораздо сильнѣйшій и, конечно, смертельный ударъ... Ножъ, прорѣзавъ, какъ бритвой, рукавъ венгерки Дмитрія, завязъ въ шнуркахъ и позументахъ по самую рукоять и, застрявъ, остался. Злодѣй выпустилъ его изъ руки и обезоруженный бросился къ периламъ и исчезъ съ балкона.

Да, этотъ третій ударъ, остановленный Дмитріемъ, былъ бы ея смертью. Первая рана, нанесенная около шеи, была самая легкая... Анька наносилъ ее дрожащей, невѣрной рукой, не ударилъ, а будто ткнулъ... Вторая рана въ грудь была нанесена съ размаха, была глубока и только случайно не была смертельна.

Веніусъ подробно объяснилъ Сусаннѣ, почему рана на видъ большая не опасна, а иная, даже менѣе глубокая, была бы очень опасна. Она поняла хорошо, хотя въ первый разъ въ жизни узнала, что у нея, какъ и у всѣхъ людей, есть жилы, вены, артеріи и т. д... Однако она боялась за сердце и спрашивала, задѣто ли сердце или совсѣмъ прорѣзано. Нѣмецъ даже разсмѣялся и, объяснивъ, что рана далеко отъ сердца, прибавилъ:

— Серсэ и отъ махоньки булавочекъ würde капутъ sein. Билъ би—стой! Серсэ—карошій часи... Немношечки хлопъ—и стопъ!

И онъ сравнилъ сердце съ часами, съ трудомъ кое-какъ объяснилъ Сусаннѣ, что порча малѣйшей пружинки останавливаетъ ходъ часовъ, а простая иголка, воткнутая въ сердечную сумку, причинила бы мгновенную смерть.

— Но это не вашъ дѣло. Ви знай только, что вашъ серсэ совсѣмъ карошъ. Alles, ganz gut!

Между тѣмъ покуда Веніусъ съ фельдшеромъ, съ Анной Фавстовной и горничной хлопоталъ около раненой, Аникита Ильичъ сидѣлъ въ маленькой гостиной племянницы вмѣстѣ съ Дмитріемъ, котораго нѣсколько разъ подробно заставилъ разсказать себѣ, «какъ было дѣло».

Молодой Басановъ правильно, не путаясь, повторялъ то же самое. Единственное, что удивляло старика, какъ могла такъ долго продолжаться борьба злодѣя съ Сусанной, «ихъ барахтанье», чтобы дать возможность молодому человѣку прибѣжать изъ сада въ комнаты Сусанны и вовремя поспѣть на балконъ.

Разумѣется, Аникита Ильичъ тотчасъ приказалъ позвать Змглода и строго объяснилъ ему, что надо найти злодѣя.

— Коли не словишь мнѣ этого Каина, то не взыщи, надо будетъ мнѣ выискать для Высоксы болѣе искуснаго оберъ-рунта. Мнѣ и барышню жаль вѣстимо, но она поправится, Богъ дастъ, скоро... А мнѣ не меньше важенъ срамъ на все намѣстничество... Сусанната Юрьевна справится, а срамота останется... Хвораніе ея, какъ сказывается, до свадьбы заживетъ, забудется, а эта срамота на вѣки вѣчные запомнится, если мы злодѣя не поймаемъ и не накажемъ примѣрно...

Змглодъ промолчалъ... Поймать злодѣя было для него невозможно именно потому, что онъ зналъ не только, кто онъ, но зналъ даже, гдѣ онъ...

Разумѣется, при первомъ же извѣстіи о происшедшемъ въ домѣ, Змглодъ одѣлся и прибѣжалъ въ домъ. Но, еще не явившись въ комнаты барышни, онъ уже понялъ или догадался, кто преступникъ.

Слушая барина, онъ думалъ:

«Прикажетъ барышня разыскать его, — сейчасъ же приведу! А если не прикажетъ, то Анька только для меня съ нею будетъ пойманъ и наказанъ, а для тебя останется и невѣдомъ и въ бѣгахъ».

Оберъ-рунтъ твердо теперь рѣшилъ уничтожить молодца, хотя бы просто умертвить тайно отъ всѣхъ, застрѣлить глазъ на глазъ и скрыть тѣло. Онъ понималъ теперь, какъ важна была бы эта заслуга въ глазахъ барышни... Слѣдовательно надо всячески стараться, чтобы Анька не попался въ руки рунтовъ, а «ушелъ бы на тотъ свѣтъ безъ шуму»... Равно понималъ теперь умный Змглодъ, какъ прозорлива была барышня, желавшая избавиться скорѣе отъ Аньки, и какого маху далъ онъ — Змглодъ — не сумѣвъ вовремя похѣрить эдакаго молодца.

Аникита Ильичъ, убѣжденный Веніусомъ, что опасности никакой нѣтъ, ушелъ къ себѣ не озабоченный, а будто оскорбленный событіемъ.

«Никогда таковое въ Высоксѣ не приключалось и не чаялось. Стыдно холопамъ въ лице смотрѣть!» думалось ему.

Не менѣе старика, хотя совершенно иначе, былъ озадаченъ и молодой Басановъ. Окончательно прійдя въ себя послѣ стычки съ преступникомъ и затѣмъ всей кутерьмы и объясненія съ дядей, онъ тоже, какъ и Сусанна, сталъ вспоминать все видѣнное и слышанное за нѣсколько мгновеній ея борьбы съ неизвѣстнымъ человѣкомъ. Теперь онъ спрашивалъ себя, почему онъ въ разсказѣ своемъ дядѣ умолчалъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ происшествія, умолчалъ безсознательно, понимая, что разсказать нельзя.

А почему?.. Потому что онъ понималъ, что этотъ злодѣй былъ не простой воръ и душегубъ... Если Сусанна не слыхала или вѣрнѣе забыла, что кричалъ тотъ, то Дмитрій отлично помнилъ... Ночной негодяй обзывалъ Сусанну странными бранными кличками, онъ очевидно являлся отомстить ей лично, убить ее, а не воровать въ комнатахъ... Наконецъ сама Сусанна назвала его по имени, какъ-то странно, Анной или Анюткой... Стало быть, она знала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. А когда ее раненую обступили, опрашивали, она въ полу-безуміи отъ испытаннаго страха все-таки твердила: «Не знаю! Невѣдомый человѣкъ. Грабитель!»

И Басановъ самъ рѣшилъ, что всего разсказывать дядѣ нельзя... Слова и злобныя прозвища, которыя выкрикивалъ ночной пришлецъ, повторять не слѣдуетъ.

И, разумѣется, Дмитрій понялъ или заподозрѣлъ, что у этой женщины, въ которую онъ безумно влюбленъ, была какая нибудь загадочная исторія, какъ будто были даже такія же отношенія, какія у нихъ теперь...

«Быть можетъ, это какой нибудь изъ нахлѣбниковъ дворянъ, думалось ему, который теперь тутъ же въ домѣ и не сказывается, зная, что и Сусанна сама его тоже не выдастъ».

И у молодого человѣка явилась ревность... Онъ рѣшилъ, что при первой же возможности онъ объяснится съ Сусанной, потребуетъ отъ нея, чтобы она призналась во всемъ... Онъ готовъ былъ примириться съ фактомъ, но хотѣлъ знать все.

Наиболѣе поражала Дмитрія маленькая подробность. Покуда онъ стоялъ въ комнатѣ за дверями балкона, ночной пришлецъ легко боролся съ Сусанной и будто хотѣлъ только войти... Иногда, казалось, онъ хочетъ обнять ее силой... Когда же Басановъ появился къ ней на помощь, онъ вскрикнулъ: «И тотъ здѣсь!» Или нѣчто подобное... И только тогда выхватилъ онъ ножъ и ударилъ. Не появись Дмитрій, быть можетъ, и покушенія не было бы... И это соображеніе все больше укрѣплялось въ немъ и все больше мучило его.

XIII.

Конечно, вся Высокса диву далась.

Покушеніе на барышню Сусанну Юрьевну было совершенно невѣроятнымъ событіемъ и, стало быть, совершенно загадочнымъ.

Отъ барина Аникиты Ильича и до послѣдняго молодца парня на заводахъ всѣ одинаково послѣ перваго чувства ужаса, вскорѣ исчезнувшаго, когда узналось, что Сусанна ранена не опасно, всѣ пришли въ недоумѣніе и разводили руками.

Допустить мысль, что это былъ воръ, который лѣзъ красть въ барскомъ домѣ, невозможно уже было и потому, что обѣ двери на обѣ террасы и лѣстницы, спускавшіяся въ садъ, не бывали никогда заперты... И всему населенію это было извѣстно. А если не воръ рѣшился на убійство, то кто же и почему? Неужели добрая, ласковая со всѣми и щедрая барышня Сусанна Юрьевна могла нажить въ Высоксѣ такого врага и ненавистника? И когда, чѣмъ и какимъ поступкомъ?

Люди поумнѣе и посмѣлѣе говорили потихоньку промежъ своихъ близкихъ и вѣрныхъ пріятелей, что ужъ если народился бы такой отчаянный ненавистникъ въ Высоксѣ, который бы рѣшился на отплату, на месть, такъ онъ не на барышню неповинную пошелъ бы, а на...

Сказать даже страшно... на кого!

Болѣе всѣхъ продолжалъ волноваться, конечно, самъ Аникита Ильичъ...

— Кабы луна съ неба на землю свалилась, говорилъ онъ сурово, то меня меньше бы удивила.

Умный старикъ, конечно, тайно, про себя, опускалъ ту же мысль, что и его рабы... Онъ допускалъ возможность мести какого нибудь отчаяннаго по отношенію къ себѣ... За какое либо жестокое наказаніе, ссылку, солдатство, наконецъ, за кого либо «похѣреннаго» Змглодомъ въ Павлиньемъ павильонѣ... Но покушеніе на его племянницу Санну, чтобы косвенно отомстить ему, старому барину, было ужъ черезчуръ хитроумно... Стало быть, извергъ мстилъ прямо и непосредственно самой Саннѣ.

За что?!

Долго размышлялъ и соображалъ Аникита Ильичъ и, какъ умный человѣкъ, не находя простого объясненія, сталъ искать объясненія непростого. Нѣтъ ли чего иного ему невѣдомаго... Загадка для него и для всѣхъ — быть можетъ, не загадка для самой Сусанны? Но она не хочетъ объясниться? Не хочетъ потому, что не можетъ, боится... И чѣмъ болѣе размышлялъ Басановъ, тѣмъ болѣе приходилъ къ убѣжденію, что загадочное происшествіе есть послѣдствіе чего нибудь, чего онъ никогда не зналъ.

Между тѣмъ Сусанна, будучи увѣрена, что она не въ опасномъ положеніи, что смерть «шмыгнула» близко, какъ выразился Аникита Ильичъ, но однако пощадила ее, теперь думала уже не о себѣ и не о ранѣ, а о послѣдствіяхъ дѣянія проклятаго Аньки.

— Что дѣлать?—думала и говорила она Аннѣ Фавстовнѣ.

И какъ она сама, такъ и ея наперсница терялись въ соображеніяхъ и выдумкахъ. Ничего измыслить было нельзя. Назвать злодѣя по имени значитъ выдать себя, потому что пойманный Анька все разскажетъ, а его дѣяніе будетъ служить какъ бы доказательствомъ истинной правды. Съ чего пошелъ бы онъ на такое преступленіе, если бы ничего между нимъ и «барышней» не было? Молчать и не называть злодѣя было тоже опасно... Не преслѣдуемый и не взятый, онъ могъ скрываться до поры до времени, а затѣмъ явиться вновь и повторить покушеніе... Слѣдовательно вся сила была въ томъ, гдѣ Анька и что намѣренъ дѣлать. Бѣжать съ Высоксы куда либо и сдѣлаться на вѣкъ бѣгуномъ, исчезнуть?.. Или рѣшилъ онъ оставаться ради мести.

Угрюмова была того мнѣнія, что Гончій бѣжалъ за тридевять земель, не зная даже, ранилъ или убилъ онъ барышню.

Сусанна напротивъ, зная нравъ Аньки хорошо, судила иначе. Пылкій, упрямый, предпріимчивый, смѣлый до безумія и вдобавокъ страстно влюбленный и ревнивый, молодой малый, по мнѣнію Сусанны, не могъ поступить такъ, какъ всякій иной поступилъ бы на его мѣстѣ.

— Другой бы,—говорила она Угрюмовой,—разумѣется, теперь бѣжалъ бы. Отмстилъ и спасся, чтобы не отвѣчать... А этотъ не таковъ. Онъ теперь понимаетъ, въ какомъ я положеніи, и ждетъ... Назову я его дядюшкѣ или промолчу?.. Если назову, онъ или совсѣмъ скроется, зная, что его именно ищутъ, или дастся въ руки, чтобы зарѣзать меня безъ ножа... Если онъ увидитъ, что я его не называю, онъ будетъ до времени скрываться по близости и чрезъ мѣсяцъ, хоть бы даже чрезъ полгода, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову... И ужъ тогда навѣрное убьетъ.

И Санна въ отчаяніи восклицала иногда:

— Господи! Гдѣ у меня былъ разумъ, когда я эдакого выбрала! Всякій другой смирился бы, еслибъ не утѣшился просто... А этотъ Каинъ сатанинской гордости и смѣлости!

И чѣмъ больше думала Сусанна, тѣмъ менѣе знала, на что она должна рѣшиться.

— Какъ же, однако, порѣшите вы?—ежедневно повторяла Угрюмова, тревожась изъ любви къ своей барышнѣ и понимая, что если признаніе во всемъ барину опасно, то молчаніе или лучше, или стократъ хуже.—Сусанна Юрьевна,—разсуждала она,—надумайте что... Рѣшите. Инъ бываетъ отложить хорошо, и инъ бываетъ долгій ящикъ — погибелью человѣческою.

Но Сусанна окончательно не знала, на что рѣшиться тотчасъ, не знала и на что завтра или чрезъ недѣлю она рѣшится.

И это колебаніе было нравственною пыткою, а оно въ свою очередь дѣйствовало на ея физическое состояніе, казалось, даже мѣшало выздоровленію.

Нѣмецъ докторъ, посѣщавшій Сусаннну по два и по три раза въ день, былъ слишкомъ уменъ, чтобы не замѣтить нравственнаго состоянія своей паціентки. Она была задумчива и тревожна, а между тѣмъ она не могла, по мнѣнію Веніуса, бояться за себя, такъ какъ видѣла, что ея главная рана быстро заживаетъ, а первая, нанесенная злодѣемъ, уже на пути полнаго заживленія.

— Что же ее смущаетъ?—думалъ докторъ.

И онъ отвѣчалъ себѣ на это слухами...

А слухи въ Высоксѣ уже стали ходить, конечно, «по шепту и опасливо».

Исчезновеніе Аньки внезапное и безпричинное... Злодѣяніе въ барскомъ домѣ невѣроятное, небывалое и почти безсмысленное... дружба Гончаго и Анны Фавстовны. . Эти три обстоятельства сопоставлялись.

— Ужъ не ошибся ли Анька? И, желая хватить Угрюмову, хватилъ барышню...—говорили простодушные люди.

— Ужъ не у барышни ли бывалъ Анька?—говорили болѣе дальновидные.

Но главный вопросъ былъ:

— Зачѣмъ онъ пропалъ съ Высоксы еще прежде злодѣянія?.. Чтобы на него не подумали? Да что же ему до этого, если разъ онъ въ бѣгуны себя произвелъ?

Какъ ни мудрствовали обитатели Высоксы, но не могли уразумѣть и объяснить неслыханное и невиданное происшествіе... Однако, исчезновеніе молодца и любимаго канцеляриста барина съ загадочнымъ покушеніемъ на барышню упорно напрашивалось само собой на сопоставленіе и вело къ догадкамъ, которыя были правдой, но правдою отгаданною и не доказанною.

Разумѣется, случилось нѣчто простое... Смутный слухъ достигъ и коснулся смущеннаго и подозрѣвающаго Аникиты Ильича, который въ нѣкоторомъ смыслѣ хватался даже за соломинку, чтобы объяснить себѣ загадочное происшествіе въ его Высоксѣ.

— Да. Въ моей Высоксѣ?!—повторялъ старикъ то, что его наиболѣе поразило.

Случись такое преступленіе у кого либо изъ помѣщиковъ самыхъ важныхъ и богатыхъ на Руси, Аникита Ильичъ не удивлялся бы. Онъ помнилъ Пугачевщину и видѣлъ ее близко... Давно ли она была, лѣтъ двадцать пять тому назадъ. А сколько было за это время «откликовъ» Пугачевщины или маленькихъ вторичныхъ вспышекъ въ плохо затушенныхъ мѣстахъ главнаго пожарища... Наконецъ даже

повсюду на Руси могло случиться такое происшествіе... Но не у Басманъ-Басанова! Не въ Высоксѣ!

— У меня и во дни властвованія Емельяна Иваныча,— говорилъ старикъ Дмитрію,—было все смирно такъ, что смирнѣе, чѣмъ въ самой Москвѣ. А почему? Потому что съ самаго начала бунта, когда мнѣ доложили, что ночью въ кабакѣ около плотины прохожій человѣкъ объясняетъ моимъ заводскимъ, что явился великій государь Петръ Ѳедоровичъ, то я на утро уже распорядился... Народъ мой, проснувшись, нашелъ на двухъ деревахъ, по бокамъ кабака двухъ затянувшихся на бичевѣ—прохожаго вѣщуна и самого Антипа кабатчика. Они оба, якобы, сами въ петлю полѣзли изъ страха моего наказанія. Но, понятное дѣло, мои-то все поняли. И затѣмъ, когда полъ-Россіи было объято пламенемъ, у меня было тихо и смирно... И вотъ вдругъ въ Высоксѣ моей—да эдакое... Что же я? Даромъ всю жизнь устроялъ свои помѣстья, зря гордился и похвалялся симъ устроеніемъ, зря въ своей гордости ослѣпленъ былъ...

И Аникита Ильичъ повторялъ:

— Да. Обида! Въ моей Высоксѣ?! Обида!

Всякое утро старикъ говорилъ Змглоду, являвшемуся съ докладомъ:

— Что же Турка ты прямая... Оберъ-щенокъ слѣпой, а не оберъ-рунтъ! Такъ мы при этомъ и останемся. Что же намъ къ гадалкѣ какой или къ колдуну идти для разслѣдованія?

Змглодъ угрюмо отмалчивался и ждалъ повидать самоё барышню, узнать отъ нея, какъ она прикажетъ поступить.

Всякое же утро Аникита Ильичъ говорилъ и Масѣичу.

— Ну, что же?.. На кофейной гущѣ въ чашечкѣ намъ злодѣя розыскать...

Масѣичъ или ухмылялся, или по привычкѣ сопѣлъ. Наконецъ, однажды онъ не выдержалъ и, подавая барину пилу «голландку» для утренней работы, выговорилъ:

— Диковинно, Аникита Ильичъ, что приключилось оно заразъ... И Гончій сбѣжалъ и злодѣй проявился.

Басманъ-Басановъ превратился въ истукана! Это соображенье ни разу не явилось въ его голову. И теперь слова Масѣича поразили его, какъ громомъ.

Но чрезъ нѣсколько мгновеній онъ разсудилъ такъ же, какъ и многіе въ Высоксѣ.

Зачѣмъ же Анька сначала бѣжалъ или пропалъ?.. Неужто затѣмъ, чтобы на него не подумали... Но если и Анька, то все же... За что? Почему?..

— А зачѣмъ, скажи,—обратился онъ къ камердинеру,—зачѣмъ Гончему Сусанну Юрьевну умерщвлять?

— А кто ихъ знаетъ,—отвѣтилъ Масѣичъ.

— Ихъ? Кого—ихъ? Дуракъ...

— Я это такъ сказываю...

— Такъ?

— Да-съ... Такъ это...

— Дурацкое слово россійское, за кое бы вѣшать слѣдовало,— разсердился Аникита Ильичъ.—Такъ?.. Спросятъ человѣка, почему онъ не веселъ... Такъ, молъ. Отчего иной померъ вдругъ?.. Такъ! За что другой убилъ?.. Да такъ!.. Тьфу!

И Аникита Ильичъ сердито плюнулъ, а затѣмъ принялся пилить кружки.

XIV.

Едва только Сусанна видимо поправилась, казалась, даже вполнѣ здоровой, какъ три человѣка пожелали съ ней объясниться тайно «по одному дѣлу».

Разумѣется, «дѣло» это было прошлое происшествіе, оставшееся и остававшееся загадкой.

Первый, страстно ждавшій объясненія, былъ молодой Басановъ, второй, угрюмо спрашивавшій всякій день у Анны Фавстовны, когда его приметъ барышня,—былъ Змглодъ, третій, уже заявившій, что явится «бесѣдовать о важной матеріи», былъ самъ Аникита Ильичъ.

Сусанна знала заранѣе, о чемъ всѣ трое будутъ спрашивать.

— Но что скажетъ дядя? Что можетъ онъ думать? — говорила Сусанна своей наперсницѣ.—Онъ не можетъ додуматься до правды, не можетъ собственнымъ умомъ дойти до подозрѣнія, что на ея жизнь покусился любовникъ.

Принять у себя днемъ молодого Басанова, лежа въ постели, было, конечно, невозможно. Всѣ обитатели дома пришли бы въ негодованіе отъ такого соблазна. Встать, одѣться и выйти въ свою гостиную для пріема Сусанна боялась, чувствуя себя еще слишкомъ слабой. Хотя Веніусъ и дозволилъ ей это, отвѣчая, что у нея достаточно силъ, чтобы стать на ноги и что опасности въ ея положеніи нѣтъ ни малѣйшей, тѣмъ не менѣе она предпочитала лежать до тѣхъ поръ, покуда не почувствуетъ себя совершенно бодрой.

Оставалось рѣшиться принять Дмитрія тайно, ночью, что было бы уже не въ первый разъ, а при теперешнемъ ея положеніи, въ качествѣ больной, еще менѣе опасно... Кто бы могъ подумать, даже подстерегши его, что онъ идетъ или былъ на свиданіи у раненой барышни... Въ случаѣ такой бѣды объясненіе было уже приготовлено заранѣе. Дмитрій долженъ былъ сказать, что онъ изъ своихъ оконъ увидѣлъ снова какую-то фигуру на балконѣ и тотчасъ бросился въ комнаты Сусанны, на всякій случай...

Однажды молодой Басановъ около полуночи снова, какъ прежде, вышелъ въ садъ по одной террасѣ, поднялся по другой и, пройдя быстро пустой коридоръ, гдѣ однако слышались голоса дежурной

дюжины, проскользнулъ въ отворенныя двери. Разумѣется, Анна Фавстовна была на часахъ, прислушивалась и оглядывалась на обѣ стороны.

Войдя къ Сусаннѣ и пылко расцѣловавъ ее нѣсколько разъ, онъ молча, сосредоточенно, точно будто тревожно, сѣлъ около ея постели. Не она, а онъ былъ смущенъ и взволнованъ предстоящимъ объясненіемъ.

— Санна,—началъ онъ тихо и робко,—я хочу тебя спросить... Вотъ который день я мучусь... Все это приключеніе очень чудно и диковинно... Я хочу у тебя спросить...

— Ну, спрашивай, — невольно улыбнулась она.

— Да. И ты мнѣ отвѣчай правду. Скажи, ты отвѣтишь правду, не станешь хитрить и обманывать и скрывать.

— Въ чемъ? Что? Говори... Я не знаю, про что ты говоришь, чего хочешь,—солгала Сусанна.

— Скажи, что это за приключеніе? Кто былъ этотъ злодѣй? За что онъ тебя хотѣлъ убить?..

— И непремѣнно убилъ бы, еслибъ тебя не случилось! — прибавила она съ чувствомъ.

— Да. Я тоже такъ полагаю... Былъ одинъ мигъ...

— Смерть была на носу!.. — добавила она.

— Да. Еслибъ не мой рукавъ, то ножикъ прямо бы вонзился тебѣ въ шею... Вотъ куда...

Дмитрій поднялся, показалъ ей мѣсто подъ лѣвымъ ухомъ и снова поцѣловалъ ее.

— Я видѣлъ... Я хорошо помню... Моя рука была вотъ такъ... А за нею твоя голова и запрокинутая... Хвати онъ вершкомъ дальше чрезъ мою руку, то прямо бы въ горло... А билъ онъ шибко... Шутка ли толстое сукно, два слоя и всѣ шнуры, все пробито и прорвано насквозь... Да...

— Знаю. Знаю... А ты говори... Спрашивай? Что ты хочешь знать?

— Я хочу знать, Санна, что все это значитъ. Это не воръ былъ и не грабитель...

— Понятное дѣло.

— Онъ тебя прилѣзъ убивать... Онъ тебя назвалъ очень чудно...

— Назвалъ? Чудно?

— Да. И не разъ...

— Какъ назвалъ?.. Я не помню, не слыхала.

— Бранными словами назвалъ. Скверными. Я и повторять не стану... Но скажи мнѣ, кто онъ?

— Кто? — странно спросила она.

— Да. Скажи, кто онъ. Ты знаешь.

— Да. Знаю.

— Ну, и скажи.

— Гончій.

— Что? — не понялъ онъ.

— Анька Гончій. Онисимъ. А прозвищемъ Гончій.

Наступило молчаніе.

— Я не про это... началъ Дмитрій какъ-то робко.—Имя мнѣ ничего не объяснило. Скажи мнѣ, кто онъ такой.

— Канцеляристъ дядюшкинъ. Сынъ заводскаго смотрителя...

— Опять я не про это спрашиваю. Что онъ такое для тебя?..

— Для меня? — усмѣхнулась Сусанна.

— Да. За что онъ тебя хотѣлъ зарѣзать? Изъ гнѣва, ревности, отмщенія?.. За что? Онъ кричалъ вѣдь... Онъ, Санна, кричалъ: «теперь другой приглянулся». Потомъ, увидя меня и доставая ножъ, онъ крикнулъ: «и этотъ здѣсь». Что все это значитъ?

Наступило снова мгновенное молчаніе, а затѣмъ Сусанна вздохнула и вымолвила серіознымъ голосомъ:

— Значитъ это вотъ что... Слушай...

И она подробно разсказала Дмитрію, что въ канцеляріи дяди былъ молодой малый, который дерзнулъ изъ самомнѣнія влюбиться въ нее. И онъ сталъ или отъ чрезмѣрной дерзости или отъ безумія страсти говорить ей о своей любви. Она была поражена. Стоило ей сказать одно слово Аникитѣ Ильичу, и, конечно, малый былъ бы стертъ съ лица земли. Но ей было жаль его. Она надѣялась, что это безуміе пройдетъ... Однако поведеніе молодого малаго становилось все смѣлѣе, все отчаяннѣе... Тогда, не говоря ничего дядѣ, она приказала оберъ-рунту избавить ее отъ безумца... Что хотѣлъ съ нимъ сдѣлать Змглодъ, она не знаетъ, но дѣло въ томъ, что канцеляристъ скрылся, исчезъ... Его считали въ бѣгахъ. И вдругъ онъ явился... Тогда... ночью... И отомстилъ. За что? За отвергнутую любовь. Чью? Любовь крѣпостного холопа, хама... къ ней, дворянкѣ!

Дмитрій просіялъ и бросился пылко цѣловать Сусанну. Ему казалось, что онъ даже не узналъ отъ нея ничего новаго. Онъ именно все это смутно угадывалъ и предполагалъ. Такъ и должно все было быть.

Чрезъ полчаса молодой человѣкъ довольный, счастливый снова пробирался къ себѣ чрезъ террасы и садъ. Онъ былъ также восторженно настроенъ, какъ когда-то, въ тотъ вечеръ, что впервые тайно явился къ Сусаннѣ тѣмъ же путемъ, что и злодѣй Анька. Причины быть въ восторгѣ были тѣ же. Тогда онъ зналъ, уходя отъ нея, что она любитъ его. Теперь онъ снова, во второй разъ будто обрѣлъ ее, потерянную... Ревность душила его, истерзала, и сегодня оказалось, что онъ, безумецъ, вообразилъ себѣ Богъ вѣсть какую нелѣпицу. Дѣло оказалось совершенно простое, и все было такъ, какъ онъ самъ предугадалъ.

На утро около полудня Сусанна сказала своей наперсницѣ твердо и самоувѣренно:

— Теперь я не боюсь объясненія съ «Китой». Его будетъ по-

мудренѣе увѣрить, но все-таки можно. А разскажу я ему то же самое... И будетъ это правдой... А что я не всю правду скажу... Такъ поди-ка, это докажи! Самъ Анька приди говорить, что онъ пользовался моей благосклонностью, такъ никто не повѣритъ. А я буду полъ-правды сказывать... А знаете ли вы, что такое полъ-правды?.. Это великая сила! Полъ-правдой можно и самаго мудраго мудреца обойти и болваномъ поставить.

Такъ какъ Угрюмова не поняла, что ея барышня хочетъ сказать, то Сусанна объяснила ей, что рѣшилась во всемъ признаться дядѣ...

— Во всемъ?—воскликнула Анна Фавстовна.

— Во всемъ, только не во всемъ всемъ...—шутила Сусанна, уже весело смѣясь...—Я скажу дядюшкѣ всю полу-правду... что Анька былъ мною прельщенъ до помраченія ума, что я его жалѣла... Принимала у себя и все его разговаривала да утѣшала, стараясь образумить. А тамъ, видя, что онъ рѣшился ума, и его мнѣ надо бояться, какъ бѣшенаго волка, я приказала Змглоду его похѣрить... А Змглодъ сплоховалъ. Анька, все пронюхавъ, пришелъ мнѣ отплатить... Дѣло простое. А что этотъ Анька былъ моимъ любезнымъ, знаютъ только вы да вотъ эти четыре стѣны.

И Сусанна разсуждала про себя:

«Желающему вѣрить можно доказать легко, что луна на небѣ трехъ-угольная. А не желающему вѣрить ты не докажешь, что луна круглая. Онъ и самъ это видѣлъ, да если ему другой будетъ это говорить, то онъ станетъ сомнѣваться. Такъ ли онъ подлинно видѣлъ? Вѣрно, молъ, ошибся! А коли теперь подозрительный мнѣ человѣкъ подтверждаетъ, что я самъ видѣлъ, то, стало быть, я и впрямь ошибся... Луна-то была всегда и есть трехъ-угольная.

Однако, въ ожиданіи объясненія съ дядей, Сусанна предпочла испробовать иное... Испробовать, нельзя ли избавиться отъ Аньки, и тогда, конечно, не только ни въ чемъ не признаваться Аникитѣ Ильичу, но даже и не называть злодѣя по имени.

Узнавъ, что Змглодъ снова являлся, желая видѣть ее, она приказала послать за нимъ тотчасъ. Оберъ-рунтъ явился и, войдя въ спальню, найдя барышню въ постели, сталъ у порога, опустя глаза. Онъ только разъ глянулъ на нее, увидѣлъ ея красивую голову на подушкѣ съ разбитыми по ней волосами и тотчасъ отвелъ глаза въ сторону, будто смутясь или не желая своимъ взглядомъ смущать лежащую барышню.

— Здравствуй, Змглодъ... — бодро, почти весело встрѣтила его Санна.—Ну, вотъ видишь, какъ все потрафилось... Ты вѣдь умный... Ты, стало быть, знаешь, кто сюда лазалъ на балконъ и меня ножемъ хватилъ. Вѣдь ты знаешь, Змглодъ.

— Знаю, барышня,—тихо отозвался оберъ-рунтъ.

— Ну вотъ... Не даромъ я тебя просила тогда...

— Виноватъ, Сусанна Юрьевна! — съ чувствомъ воскликнулъ Зиглодъ.—Виноватъ кругомъ!.. Знай я... вѣдай я... было бы не то... Я по глупости думалъ, вы такъ, зря хотите избавить себя отъ парня... Я все зналъ, барышня... Зналъ, что только вы знаете да Анна Фавстовна...

— Какъ? Что?—воскликнула Сусанна.

— Все, барышня, я зналъ... Да это не мое дѣло. И я думалъ, что парень смирится и будетъ горевать да молчать... Что вы напрасно опасаетесь его и хотите его похѣрить... А вотъ правда-то ваша была, а не моя... Я взялся за дѣло лѣниво, нехотя... Анька пронюхалъ и бѣжалъ... А, обозляся, вотъ на что пошелъ... Да, я, барышня, виноватъ предъ вами... Приказывайте теперь, что изволите... Изволишь приказать мнѣ самому утопиться—то, право, ей-Богу, готовъ...

— Нѣтъ, Зиглодъ, это не нужно!—разсмѣялась Сусанна.—А надо намъ подумать, какъ намъ быть... Если бы можно было теперь его достать, то хорошо бы. Если онъ здѣсь и укрывается... И не собирается даже бѣжать... Если же бѣжалъ или собирается—то Богъ съ нимъ...

— Нѣтъ, барышня, не таковъ онъ.

— Что? Какъ не таковъ?

— Онъ не убѣжитъ... Что ему въ бѣгунахъ дѣлать, когда вся душа его здѣсь... Вся злоба его здѣсь останется... Нѣтъ, не таковъ на наше горе. Онъ останется и будетъ выискивать случая опять проявиться, опять на васъ руку поднять... съ ножемъ. Либо пойдетъ прямо къ барину и повинится и все скажетъ ему...

— Стало быть, или ножемъ или безъ ножа меня зарѣжетъ,—выговорила Сусанна сурово.

— Да. Воистину такъ сказываете вы. А я полагаю, что скорѣе—безъ ножа.

— Пойдетъ къ дядюшкѣ.

— Да. Это злобнѣе. Убилъ человѣка и шабашъ. Только на душѣ твой грѣхъ совѣсть заѣстъ. А эдакъ, почитай, тоже убилъ, ногами затопталъ и на всю жизнь несчастнымъ сдѣлалъ живого человѣка... Онъ это понимаетъ... Онъ знаетъ, какая бѣда вамъ будетъ, если Аникита Ильичъ ему во всемъ повѣритъ... И какой срамъ опять...

— А повѣритъ ли дядюшка? Какъ по-твоему, Зиглодъ?

«Турка» помолчалъ мгновеніе, едва замѣтно улыбнулся угрюмой улыбкой и выговорилъ.

— Не знаю, барышня...

— А если дядюшка ему не повѣритъ, а повѣритъ мнѣ, тому, что я ему выкладу... Всякія турусы на колесахъ. Тогда что?

— Тогда онъ нашъ... Но лучше, барышня...

— Вотъ... Вотъ... Къ этому-то я и веду, Зиглодъ,—воскликнула Сусанна.—Нечего ждать, что онъ явится съ розсказнями обо мнѣ, и

затѣмъ повѣритъ или не повѣритъ Аникита Ильичъ... Надо намъ не дожидаясь орудовать...

— Что же? Я вашего разрѣшенья ждалъ. А если такое ваше желаніе, я возьмусь... Завтра, къ вечеру, парень будетъ на томъ свѣтѣ...

— Такъ ты знаешь, гдѣ онъ...

— Полагаю, что знаю... А утверждать не могу. Но если и не знаю теперь, то узнаю завтра... А къ вечеру...

— Избавишь меня?..

— Точно такъ-съ.

— А какъ собственно... Не въ Павлиній павильонъ?

— Какъ можно, барышня! Онъ не таковскій. Не дастся.

— То-то... Знаю. Мудрено. Какъ же тогда?

— Просто, стало быть... Ну, изъ ружья.

— А тѣло?.. А свидѣтели окажутся ненарокомъ? Съ докладомъ къ дядюшкѣ сунется кто?

— Это все, барышня, ужъ не ваша забота. Предоставьте. Не опасайтесь. Я не махонькій и не дуракъ... Такое ли съ рукъ сходило... Лишь бы убить, а слѣды замести и изъ воды суху выйти— пустое...

И Змглодъ, уклоняясь отъ подробнаго объясненія, какъ возьмется онъ за дѣло, все-таки убѣдилъ Сусанну вполнѣ положиться на него. Послѣднія слова его были:

— Ужъ будьте благонадежны. Лишь бы, говорю, онъ себя убить далъ, а все достальное само собой наладится.

XV.

Прошло три недѣли послѣ событія, смутившаго и удивившаго всю Высоксу, и вдругъ та же Высокса еще болѣе ахнула...

Сразу на разстояніи двухъ сутокъ случилось три диковинныхъ, небывалыхъ происшествія.

Оберъ-рунтъ, много наобѣщавшій барышнѣ Сусаннѣ Юрьевнѣ, въ продолженіе четырехъ дней ничего не сдѣлалъ, тщетно проискавъ, гдѣ скрывается Гончій. Свѣдѣнія его оказались ошибочными, или молодой малый, почуявъ намѣреніе Турки, перемѣнилъ мѣсто укрывательства... Быть можетъ, искусный сыщикъ по природѣ и успѣлъ бы въ своемъ немудреномъ для него предпріятіи, но вдругъ съ нимъ самимъ приключилось нѣчто совсѣмъ непонятное...

Однажды, около полуночи, близъ дома раздались крики, стоны, скорѣе даже какое-то звѣриное рычаніе... Прохожіе, а затѣмъ и половина дежурной дюжины—всѣ побѣжали на эти дикіе вопли.

За угломъ дома въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери, ведущей на баринову винтушку, лежалъ на землѣ Змглодъ, но не въ без-

памятствѣ, а бился какъ бы въ судорогахъ, ревѣлъ, какъ звѣрь, рвалъ на себѣ и волосы и даже платье, стукался головой объ землю и бѣшено кричалъ что-то непонятное на своемъ туркиномъ языкѣ.

На вопросы всѣхъ сбѣжавшихся Змглодъ не только не отвѣчалъ, но, продолжая биться и ревѣть, даже не замѣчалъ окружавшихъ его.

Рунтъ, стоявшій около него истуканомъ отъ удивленія, не могъ собственно ничего объяснить... По его словамъ, не случилось ничего особеннаго... Они оба стояли и разговаривали о чемъ-то... Кто-то такой женскаго пола съ закутанной въ платокъ головой прошелъ къ двери мимо нихъ... Оберъ-рунтъ пошелъ, проводилъ за дверь эту фигуру, а затѣмъ, выйдя обратно, упалъ и забился на землѣ. Вотъ все, что рунтъ видѣлъ.

Пролежавъ съ полчаса, стихнувъ, Змглодъ не пошелъ, а поплелся, какъ подшибленный, домой, въ главное зданіе полиціи...

На утро барину доложили все приключившееся и прибавили, что оберъ-рунтъ въ постели лежитъ какъ бы въ помертвѣломъ состояніи.

Разумѣется, Аникита Ильичъ тотчасъ же приказалъ Веніусу навѣстить больного и доложить, въ чемъ дѣло... Онъ предупредилъ доктора, что не удивится, если окажется, что его вѣрнаго слугу кто либо опоилъ ради мести.

— Послѣ такого происхожденія, какое было съ Санной,—эдакое со Змглодомъ ужъ и не удивительно,—сказалъ Аникита Ильичъ.

Веніусъ навѣстилъ больного и опросилъ... Сначала Змглодъ упорно молчалъ и не хотѣлъ отвѣчать доктору, но узнавъ изъ его словъ, что онъ долженъ не медля доложить объ его болѣзни барину, онъ вдругъ какъ бы очнулся...

Дикими глазами поглядѣлъ онъ на Веніуса... А затѣмъ на всѣ его вопросы отвѣчалъ согласіемъ, объяснилъ, что у него горитъ нутро, болитъ голова, ломитъ тѣло, крючитъ и ломаетъ руки и ноги. Онъ столько насказалъ Веніусу или вѣрнѣе, отвѣчая утвердительно на всѣ вопросы, столько принялъ на себя хворостей, что нѣмецъ понялъ болѣзнь и сказалъ про себя—себѣ самому.

— Gar nichts... Совсѣмъ не боленъ тѣломъ... Но страшно заболѣлъ душой.

Змглодъ выразилъ согласіе лѣчиться и глотать и дѣлать все, что прикажетъ докторъ Веніусъ, понявшій, что согласіе этого лукаваго человѣка доказываетъ прямо, что онъ хочетъ скрыть истинную причину и притвориться хворымъ.

Веніусъ ушелъ къ себѣ, прислалъ мнимо-хворому простой настой на миндаляхъ, въ родѣ оршата, съ приказаніемъ пить, сколько угодно... Впрочемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ фельдшеру два-три раза дать оберъ-рунту какія-то капли, уничтожающія возбужденное состояніе.

Аникитѣ Ильичу Веніусъ доложилъ, что у оберъ-рунта сильная лихорадка, выражающаяся у него необычно и диковинно, благодаря его восточному происхожденію или его полу-звѣриной натурѣ. Нѣмецъ, конечно, лгалъ умышленно и принималъ сторону Змглода по добротѣ сердечной.

«Хочетъ человѣкъ скрыть свое нравственное потрясеніе... Ну, и Богъ съ нимъ! Зачѣмъ я буду выдавать его людямъ!»—разсуждалъ добрый нѣмецъ.

Это первое происшествіе удивило всѣхъ, такъ какъ болѣзнь оберъ-рунта началась необычно, сразу. Стоялъ человѣкъ, свалился и заревѣлъ, какъ звѣрь.

За то это хвораніе главнаго блюстителя порядка привело ко второму происшествію болѣе крупному...

Однажды, въ темную ночь, раздались крики о помощи въ саду около балкона барышни Сусанны Юрьевны... Дюжинный, бывшій случайно въ залѣ, бросился по правой террасѣ и побѣжалъ на крикъ. При его появленіи какая-то фигура промчалась по аллеѣ и исчезла въ темнотѣ и чащѣ. Одновременно дюжинный столкнулся съ кѣмъ-то и въ темнотѣ схватилъ невѣдомаго человѣка. Но пойманный не боролся, стоялъ смирно и только задыхался, какъ если бъ пробѣжалъ версту...

Переведя духъ, онъ вымолвилъ:

— Пусти... Я это... Я...

Дюжинный ахнулъ, узнавъ уже по голосу молодого барина Дмитрія Андреевича.

Крикъ его, а затѣмъ и крики дюжиннаго подняли почти весь домъ на ноги, хотя и не такъ, какъ было въ памятную ночь покушенія на барышню. Если всѣ нахлѣбники не повскакали съ постели и не прибѣжали, то во всякомъ случаѣ Дарьюшка и Матвѣевна появились въ своихъ окнахъ, князья Никаевы отецъ и сынъ прибѣжали полуодѣтые въ садъ, и даже выздоравливающая барышня вскочила съ постели и пришла на свой балконъ, пугливо окликая и спрашивая.

На утро рано вся Высокса взволновалась отъ объясненія происшедшаго ночью съ молодымъ бариномъ.

Оказалось, что Дмитрій Андреевичъ, страдая безсонницей—такъ объяснилъ онъ—вздумалъ пойти прогуляться въ садъ среди ночи... Гулялъ онъ, по его словамъ, недалеко, больше все между обѣими террасами.

И вдругъ среди тьмы ночи онъ услыхалъ шорохъ въ кустахъ. А затѣмъ чрезъ минуту онъ почуялъ за собой кого-то и насторожился. И сразу, какъ звѣрь, какой-то человѣкъ бросился на него съ чѣмъ-то въ рукѣ... Положительно съ ножемъ... Но Дмитрій ловко ударилъ его въ грудь, сбилъ съ ногъ на землю и насѣлъ, держа за обѣ руки... Если бъ дюжинный подоспѣлъ раньше, то злодѣй былъ

бы взятъ. Но въ ожиданіи, уставъ отъ борьбы, онъ не смогъ справиться одинъ и выпустилъ его.

Кто это могъ быть?

По убѣжденію Дмитрія, онъ узналъ по всѣмъ признакамъ того же самаго молодца, отъ котораго спасъ барышню.

Конечно, всѣхъ страшно поразило объясненіе Басанова, но болѣе всѣхъ Сусанну.

Она поняла теперь, что далѣе ждать и откладывать дѣла нельзя. Надо тотчасъ все сказать дядѣ, то-есть «полъ-правды», и принять мѣры предосторожности противъ Гончаго. Очевидно, что болѣзнь главнаго рунта сдѣлала его смѣлѣе. Но, кромѣ того, нападеніе именно на Дмитрія было знаменательно. Оно ясно доказывало, что Анька, скрывающійся Богъ вѣсть гдѣ, знаетъ, видитъ и понялъ теперь больше, чѣмъ живущіе въ домѣ. Узнавъ, кто спасъ отъ него Сусанну, онъ понялъ, почему Басановъ былъ въ комнатахъ ея среди ночи. И онъ навѣрное постоянно является по ночамъ къ дому со стороны сада и подглядываетъ за ними.

Послѣ совѣщанія между собой, взвѣсивъ все, Сусанна и Дмитрій рѣшили вопросъ одинаково: «Нужно немедленно сообщить все Аникитѣ Ильичу, чтобы принять мѣры предосторожности».

Но вскорѣ послѣ второго приключенія Высокса взволновалась еще пуще, какъ давнымъ давно не бывало.

Общій переполохъ вызвало оповѣщеніе отъ имени барина по всѣмъ заводамъ, всѣмъ его вѣрнымъ подданнымъ.

Аникита Ильичъ, узнавъ отъ племянницы, какой сугубый уродъ и отчаянный негодяй оказался въ Высоксѣ, да еще въ его собственной канцеляріи, такъ разгнѣвался, пришелъ въ такое странное состояніе духа, что даже Сусанна, знавшая дядю близко, удивилась... Послѣ ея признанія и объясненія «полъ-правды» пришлось старика отпаивать водой... Аникита Ильичъ не могъ перевести дыханія и только ахалъ и сжималъ кулаки...

И на другое же утро всѣ заводы, всѣ отъ мала до велика узнали слѣдующее:

«Проявился въ Высоксѣ извергъ рода человѣческаго, Каинъ и изувѣръ, именемъ Онисимъ Гончій, который, по нѣкіимъ причинамъ, скрылся, послѣ чего покушался умертвить барышню, а затѣмъ покусился и на молодого барина. Остается ждать, что онъ попробуетъ умертвить и самого барина... Такъ дѣло обстоять не должно... Надо изверга, сатанинова сына, выловить и примѣрно наказать. Поэтому всѣмъ своимъ рабамъ Аникита Ильичъ объявляетъ, что кто онаго Онисима словитъ и представитъ, тотъ получитъ отпускную на волю и тысячу рублей ассигнаціями въ награду».

— Вольную! Тысячу рублей!..

Вотъ что загудѣло, будто стономъ стояло по всѣмъ заводамъ. Всякій, послѣдній рудокопъ, проводившій день свой въ «дудкѣ»,

то-есть въ глубокой ямѣ, изъ которой таскалъ руду на свѣтъ Божій, опускаемый и поднимаемый въ ящикѣ на веревкѣ, — и тотъ могъ въ однѣ сутки стать вольнымъ и богатымъ человѣкомъ.

— Только этого Онисима излови!

Но всякій разумный человѣкъ понималъ, что если даже не жалѣть себя и тоже «отвѣдать Онисимова ножа», то все-таки его не поймаешь въ одиночку.

И чрезъ двое сутокъ къ барину явилась цѣлая гурьба молодцовъ заводскихъ съ челобитьемъ. Всѣхъ было около сотни человѣкъ. Выборный отъ нихъ доложилъ барину, что они просятъ на недѣлю, а то и болѣе, избавить ихъ отъ работы и дозволить идти на поиски злодѣя. А между собою они порѣшили такъ: кто первый выищетъ злодѣя или укажетъ имъ, гдѣ онъ прячется, тому выдать пять сотенъ рублей, остальныя пять раздѣлить промежъ себя... А вольная достанется кому либо изъ нихъ или по жеребью, или по приговору барина... Тому, кто, по его разсужденію, больше всѣхъ отличился и дѣлу помогъ.

Аникита Ильичъ отвѣтилъ согласіемъ, но прибавилъ, что его милостямъ предѣла не полагается.

— Видно будетъ,—сказалъ онъ.—Захочу, то на вашу самодѣльную артель сыщиковъ три отпускныхъ напишу и къ каждой отпускной по пяти сотенъ рублей приложу.

И съ этого дня вся Высокса жила толками о томъ, какъ сатана залѣзъ въ душу молодого парня холопа, чтобы заставить его «глаза обратить» на красавицу барышню...

— Бываетъ же эдакое затменіе! Эдакая гордыня!

И вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ жили ожиданіемъ: поймаютъ сатанинова сына или упустятъ?

А старикъ баринъ продолжалъ волноваться отъ глубоко оскорбленнаго самолюбія при соображеніи, до какихъ дней на Высоксѣ онъ дожилъ. На его красавицу племянницу и сожительницу «хамы глаза закидываютъ». Въ его домѣ и въ его саду, его же родныхъ, домочадцевъ «рѣжутъ, какъ куръ». Чего же еще ждать? Только и остается, что самого его, барина, избить или совсѣмъ ухлопать, какъ бывало въ Пугачевщину.

— У меня и при Емельянѣ все было тише воды и ниже травы! — восклицалъ старикъ, вздыхая глубоко и сжимая кулаки отъ прилива гнѣва.

И онъ сталъ постоянно справляться у Веніуса о ходѣ болѣзни оберъ-рунта.

— Мой Турка всегда былъ молодцемъ. Будь онъ теперь здоровъ и возьмись за поиски, знаю, что розыскалъ бы Каина.

XVI.

И Аникита Ильичъ судилъ справедливо. Если бы былъ здоровъ оберъ-рунтъ, то, конечно, Анька Гончій не ушелъ бы отъ его рукъ, не скрылся бы не только въ Высоксѣ, но даже и во всемъ намѣстничествѣ. Ему оставалось бы только залѣзть въ непроходимыя лѣсныя трущобы и тамъ, конечно, быть растерзаннымъ медвѣдемъ или умереть съ голоду.

Но Змглодъ не могъ въ такое важное время для барина быть полезнымъ. Докторъ докладывалъ Басанову всякій день одно и то же.

— Хворъ. Силы потерялъ. Лежитъ бревномъ и даже говорить не можетъ.

— Помретъ, пожалуй?—спрашивалъ Басановъ.

— О, нѣтъ!—рѣшительно увѣрялъ Веніусъ, увѣрялъ потому, что отъ болѣзни Змглода, по мнѣнію его, можно было повѣситься, въ монахи пойти, или ума рѣшиться. Но умереть просто было нельзя.

И нѣмецъ вѣрно понялъ болѣзнь человѣка, котораго считали въ Высоксѣ полу-турецкаго происхожденія, считали способнымъ на всякое изувѣрство по приказу барина и считали неспособнымъ ни на какое человѣческое чувство.

И всѣ ошибались.

Когда года два назадъ стали говорить, что Змглодъ большой другъ и очень любитъ Василія Васильевича Ильева, то всѣ смѣялись.

— Нешто нашъ Турка можетъ кого полюбить, съ кѣмъ либо въ дружбу войти? Онъ идолъ деревянный и только злобствовать да злодѣйствовать можетъ.

А между тѣмъ этотъ «идолъ деревянный», круто дѣйствовавшій по указу барина и по своему званію сыщика и палача вмѣстѣ, былъ способенъ на такое чувство, на такую привязанность, которыя и во снѣ не снились нахлѣбникамъ и приживальщикамъ изъ дворянъ, не только холопамъ Высоксы.

Странная хворость Змглода, угаданная докторомъ, была доказательствомъ пылкости и нѣжности его натуры.

Змглода свалило съ ногъ то, что онъ вдругъ узналъ. Увидѣлъ своими глазами! Если-бъ кто нибудь сказалъ ему то, что онъ видѣлъ воочію, то онъ только бы посмѣялся до слезъ и никогда бы не повѣрилъ.

— Что же онъ видѣлъ?

Онъ видѣлъ Аллу, укутанную съ головой и проходящую на винтушку стараго барина послѣ полуночи... Онъ бросился за ней, не вѣря глазамъ, догналъ, снялъ или почти сорвалъ съ нея платокъ... Узнавъ ее, онъ прохрипѣлъ только:

— Ты?.. Къ нему?!..

Алла вмѣсто отвѣта горько заплакала и заговорила, но Змглодъ

бросился обратно въ двери на улицу,—упалъ на землю... И заревѣлъ звѣремъ на удивленіе сбѣжавшимся! Теперь онъ лежалъ безъ силъ, разбитый, будто раненый и думалъ: себя ли похѣрить тотчасъ, или идти задушить стараго изверга, которому онъ столько лѣтъ служилъ вѣрой и правдой, и который отнялъ у него единственное, дорогое ему на свѣтѣ.

Теперь только понялъ онъ, почему его милая, ненаглядная Алла ходила уже давно вся въ слезахъ, несчастная, убитая горемъ.

Но чѣмъ больше онъ обдумывалъ свое положеніе, тѣмъ болѣе чувствовалъ, что силъ нѣтъ, разума нѣтъ, и будто земля изъ-подъ ногъ уходитъ... Или онъ зарытъ подъ землей заживо?.. Или давно утонулъ и лежитъ на днѣ озера? Или запертъ и умираетъ съ голоду въ темномъ подвалѣ Павлиньяго павильона?..

И сколько разъ, и днемъ, и ночью, поднимался онъ, бродилъ по своей комнатѣ и рѣшался...

— Вотъ сейчасъ!.. И конецъ!

Но рѣшеніе окончательное не являлось. Рѣшиться на себя руки наложить ему казалось совершенно пустымъ и легкимъ дѣломъ. Но злоба останавливала предъ самоубійствомъ,—злоба на него, на стараго сластолюбца, ненасытнаго, не знающаго удержу въ прихотяхъ. Змглодъ не хотѣлъ жить ради себя самого, а хотѣлъ оставаться въ живыхъ, чтобы надумать...

Что надумать? Онъ самъ не зналъ...

Отомстить старому прихотнику за Аллу и за себя. Это казалось ему немудренымъ. Если за это и поплатиться, такъ что же? Все равно жизнь въ тягость. А, можетъ быть, наладится такъ, что онъ и отомститъ и Аллу спасетъ отъ прихотника... Спасетъ и себѣ возметъ, потому что любитъ ее попрежнему, если еще не больше. Она бѣдная ни въ чемъ не повинна. Не даромъ она такъ скрывалась отъ него за все время и никогда не захотѣла объяснить причины своихъ слезъ, своего гореванія. Не даромъ она такъ страшно разрыдалась, когда онъ ее накрылъ на винтушкѣ.

Теперь онъ вспомнилъ ея слова, сказанныя тогда съ рыданьемъ.

— Милый ты мой!.. Я ни при чемъ... Денисъ Иванычъ... Я молила его, убивалась... Просила... Я ни при чемъ...

Изстрадавшись, похудѣвъ, измѣнившись лицомъ и даже измѣнившись будто и нравомъ, Змглодъ наконецъ сталъ спокойнѣе, и болѣе ясное сознаніе всего происшедшаго замѣнило какой-то горячечный бредъ...

Черезъ недѣлю послѣ роковой встрѣчи Аллы на винтушкѣ и дикаго припадка горя и злобы, Змглодъ вышелъ изъ дому и тихо, походкой дѣйствительно больного человѣка направился въ барскій домъ. Здѣсь онъ присѣлъ на тумбу около главнаго крыльца, не отвѣчая проходившимъ и спрашивавшимъ его о здоровьѣ...

Посидѣвъ, передохнувъ, онъ двинулся прямо въ квартиру Ильевыхъ въ нижнемъ этажѣ дома.

«Боковой» родственникъ Басановыхъ, добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, забитый если не людьми, то судьбой, жилъ отчасти замкнутой жизнью, мало «водился» съ другими приживальщиками и проводилъ время за чтеніемъ Священнаго писанія, Четьи Минеи и вообще книгъ духовнаго содержанія. Единственный человѣкъ, котораго онъ принималъ радушно и, пожалуй, любилъ,—былъ оберъ-рунтъ.

Случилось это, вѣроятно, потому, что Василій Васильевичъ «отплачивалъ» Туркѣ любовью за его удивительную, какъ бы собачью привязанность къ дочери Аллѣ. Наконецъ, Змглодъ просто какъ-то «навязался» Ильеву и будто заставилъ себя полюбить.

За послѣдній годъ замѣтя и обсудивъ странную дружбу между дочерью и Туркой, Василій Васильевичъ сталъ задумываться на ихъ счетъ. Если-бъ не «басурманство» Змглода, то чѣмъ бы онъ не женихъ для дочери нахлѣбника, побочнаго дворянина... Однако, басурманство Змглода было только его происхожденіе, такъ какъ вѣры онъ былъ православной, назывался Денисомъ и еще исправнѣе ходилъ въ храмъ и говѣлъ, чѣмъ многіе изъ настоящихъ православныхъ.

Но этотъ Денисъ Иванычъ никогда ни единымъ словомъ не обмолвился на счетъ своихъ мыслей или намѣреній по отношенію къ молодой дѣвушкѣ.

Недавнее происшествіе въ семьѣ, судьба Аллы изъ-за нежданной прихоти старика, у котораго онъ жилъ на хлѣбахъ, глубоко поразило Ильева и горько отозвалось... Онъ былъ слишкомъ порядочный и нравственно-чистый человѣкъ, богобоязный, и совѣстливый, чтобы не понять, въ какое горькое и зазорное положеніе попала подростокъ-дочь, ставъ любовницей стараго родственника.

Но противодѣйствовать, бороться или, наконецъ, бѣжать съ Высоксы и начать нищенствовать, силы, конечно, не хватило. И когда гнусное и грѣховное дѣло должно было окончательно рѣшиться,—Василій Васильевичъ только и смогъ, что уйти... Пойти на богомолье ко святымъ мѣстамъ, замаливать свой грѣхъ слабоволія и «его» грѣхъ сластолюбія...

Вернувшись недавно изъ Оптиной пустыни, Ильевъ снова принялся за свои «святыя» книги и еще болѣе чуждался всѣхъ обитателей дома и двора. Къ прежней нелюдимости теперь еще прибавился стыдъ людей. Ильеву казалось, что всѣ давно знаютъ «срамъ и грѣхъ» его дочери и корятъ его, или издѣваются надъ нимъ.

Узнавъ о болѣзни удивительной и внезапной пріятеля Дениса Иваныча, онъ собрался навѣстить его, но рунты его не пустили къ больному, объяснивъ, что Змглодъ строго заказалъ никого къ себѣ не допускать.

Принявъ нежданно явившагося Змглода, Ильевъ ахнулъ при видѣ пріятеля: настолько измѣнился тотъ.

— Что это ты? Зачѣмъ поднялся?—воскликнулъ онъ.—Надо долежать во всякой хворости.

— Ничего,—угрюмо отвѣтилъ Змглодъ.—Моя хворость такая, что хоть всю жизнь лежи, не долежишься до облегченья.

— Да что у тебя? Сказывали—лихорадка... Я былъ у тебя—не пустили.

— Тебя-то, Василій Васильевичъ, я бы радъ былъ повидать, да думалъ, ты не соберешься ко мнѣ. А всѣхъ прочихъ я рунтамъ дѣйствительно наказалъ не пускать. Лѣзли изъ любопытствія одного, поглазѣть, какъ Турка издыхаетъ—по-русскому или по-своему, по басурманскому...

Змглодъ хотѣлъ улыбнуться, но не смогъ.

— Ну, вотъ и напрасно... Лежалъ бы,—сказалъ Ильевъ.

— Я опять лягу. Я всталъ, чтобы только тебя повидать...

— Спасибо... Я бы и самъ пришелъ. Позвалъ бы... А то отложилъ бы.

— Нельзя откладывать,—вдругъ быстро и рѣзко вымолвилъ оберъ-рунтъ и странными глазами глянулъ на Ильева. Старикъ вопросительно смолчалъ, глядя на него.

— Нельзя откладывать,—повторилъ этотъ.

— Чтожъ такъ? Не пойму.

— Дѣло у меня до тебя, Василій Васильевичъ. Страшнѣющее дѣло.

— Что ты? Богъ съ тобой.

— Страшнѣющее,—глухо повторилъ Змглодъ...—Вотъ ты меня сейчасъ выслушай, а тамъ безъ ножа и зарѣжь... Нѣтъ, я ужъ зарѣзанъ. Ты меня только дорѣжешь...

— Да Богъ же съ тобой...—уже отчасти робко произнесъ Ильевъ, будто смутно чуя, о чемъ сейчасъ дѣло зайдетъ.

И онъ не ошибся. Оберъ-рунтъ помолчалъ мгновеніе и, опустя глаза въ полъ, выговорилъ будто чрезъ силу:

— Василій Васильевичъ... Кабы я проявился вдругъ женихомъ... Ты бы меня... Женихомъ, знаешь, я чаю, чьимъ... Ты бы мнѣ арбузъ поднесъ, или бы сыномъ назвалъ...

Ильевъ настолько смутился неожиданнымъ и крутымъ оборотомъ бесѣды, что сидѣлъ румяный, съ раскрытымъ ртомъ и молча двигалъ руками, разводя ими, какъ бы въ замѣнъ словъ, которыхъ не находилъ.

— Я человѣкъ не богатый, но не холопъ... Я вольный...—заговорилъ Змглодъ.—И по закону нашихъ мѣстъ, я не крестьянинъ и не мѣщанинъ, а больше...—въ родѣ дворянина, что въ Польскомъ королевствѣ шляхтой прозывается... Уйди я отсюда въ столицу, я всегда достану себѣ мѣсто по полиціи съ жалованьемъ... И я бы давно

ушелъ отсюда. Меня давно въ Питеръ земляки мои зовутъ и таковое мѣсто обѣщаютъ... Меня здѣсь только одно держало, уходить не дозволяло... Одна твоя Алла Васильевна... Ну, вотъ... Я все выложилъ...

Василій Васильевичъ уже не смущенный, а растроганный понурился и молчалъ.

— Ахъ, Денисъ Ивановичъ!—наконецъ воскликнулъ онъ и горько заплакалъ.—Что же ты раньше-то?.. Раньше бы...

— А теперь что же? Поздно развѣ?—страннымъ голосомъ спросилъ Змглодъ... Ну, что же? Сказывай...

И на смущенное и печальное молчаніе Ильева онъ прибавилъ:

— Ну, такъ я скажу, почему поздно...

— Знаешь, стало быть,—пролепеталъ старикъ.

— Знаю... Отъ того я и хворалъ... хвораю... Вотъ что, Василій Васильевичъ. Чужая душа—потемки. А въ моей душѣ была и есть хозяйка, твоя Алла... Вотъ что...

— Да теперь-то... Теперь какъ же? Что мы можемъ съ нимъ?.. Я хоть и отецъ, а что могу? Ты и того меньше... Оба мы ничего не можемъ.

— Все можемъ!—глухо отвѣтилъ Змглодъ, нахмурясь снова.

— Онъ не отдастъ, не позволитъ... Потомъ развѣ, когда прискучитъ... Да тогда, ты самъ-то пожелаешь ли, Денисъ Иванычъ?

— Нѣтъ. Ждать мнѣ не въ моготу. Лучше руки на себя наложить, чѣмъ знать, куда она ввечеру идетъ... Нѣтъ, ждать нечего... Послушай вотъ, Василій Васильевичъ, что я порѣшилъ на случай, если не согласится этотъ идолъ.

— Кто?—ахнулъ Ильевъ трусливо.

— Онъ!—вскрикнулъ вдругъ озлобляясь Змглодъ.—Онъ! Истый идолъ! Старый живодеръ. Иродъ онъ — младенцевъ побивающій... Алла—тотъ же младенецъ для его годовъ.

И Змглодъ холодно сурово передалъ Ильеву все то, что онъ надумалъ, весь свой планъ воздѣйствія на барина, чтобы добиться его немедленнаго соглашенія на бракъ... Если же Басановъ заупрямится, то онъ будетъ просить согласія Ильева на тайный увозъ Аллы съ Высоксы.

— Онъ и насъ всѣхъ тогда прогонитъ...—заявилъ старикъ.

— Съ нами жить пойдете. Ко мнѣ... Въ столицу. Пойми,—твердо произнесъ Змглодъ.

Совершенно смущенный и оробѣвшій Ильевъ кончилъ просьбой дать ему сроку «въ мысляхъ разобраться».

XVII.

Не только вся полиція всѣхъ заводовъ, всѣ рунты, но и сотни двѣ заводскихъ молодцовъ бросили работу и принялись за розыски бывшаго канцеляриста.

Одинъ лишь главный рунтъ не принималъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ, хотя изрѣдка выходилъ изъ дому и сказывался здоровымъ. Докторъ Веніусъ тоже заявилъ Аникитѣ Ильичу, что его больной справился, хотя и не вполнѣ.

Змглоду было не до поисковъ. Всѣ мысли его были устремлены на одно или слились въ одинъ помыслъ избавить Аллу отъ стараго барина.

Змглодъ самъ не зналъ, какъ «простилъ» любимую дѣвушку, какъ примирился съ мыслію, что его жена будетъ не кто иная, какъ прежняя наложница Басанова.

Страстная любовь превозмогла все. Вдобавокъ бѣдная дѣвушка сама была такъ страшно несчастна, что это уже вполнѣ очищало ее въ его глазахъ.

На другой день послѣ объясненія съ Васильемъ Васильевичемъ Змглодъ пошелъ бродить по саду въ обыкновенный давно имъ положенный часъ... Алла знала этотъ часъ его обхода и знала, что онъ побывалъ уже у ея отца. И она тоже на удачу вышла въ садъ съ умысломъ его встрѣтить и объясниться.

Съ той ночи, что Змглодъ поймалъ ее въ дверяхъ проклятой винтушки, дѣвушка мучилась, не спала ночей, а днемъ сидѣла у себя и не показывалась никуда, даже не навѣщала молодую барышню пріятельницу.

Горе ея стало еще горше съ той минуты, что любимый ею человѣкъ зналъ ея невольный срамъ и, страдая такъ же, какъ и она, вдобавокъ могъ обвинять ее. Алла наивно думала, что Змглодъ подозрѣваетъ ее въ томъ, что она добровольно пошла на такое дѣло, которое для нея было много ужаснѣе всякаго истязанія... Она готова была согласиться, чтобы ее наказывали розгами и плетьми, но избавили отъ ночныхъ посѣщеній старика.

— А онъ меня обвиняетъ!—говорила она себѣ.—Онъ не чаетъ, какое это мнѣ мучительство.

Разумѣется, и оберъ-рунтъ, и молодая дѣвушка, завидѣвъ другъ друга въ саду, тотчасъ сошлись. Аллѣ хотѣлось даже броситься бѣгомъ на встрѣчу, но она боялась, какъ и что скажетъ онъ, какъ глянетъ на нее «пропащую».

Они сошлись молча... Змглодъ повернулъ съ большой дорожки въ чащу, она послѣдовала за нимъ, какъ виновная, но счастливая уже тѣмъ, что онъ не отогналъ ея, хочетъ повидаться и переговорить. Когда они очутились въ глухой части сада, куда почти никто не заглядывалъ никогда, Змглодъ взялъ Аллу за руку, повелъ къ скамейкѣ, посадилъ и, сѣвъ около нея, продолжалъ упорно молчать, низко опустивъ голову и глядя въ землю.

Алла молчала, не смѣя заговорить. Но вдругъ она увидѣла, что плечи ея «милаго Турки» какъ-то встряхиваются, а онъ будто хрипитъ и все ниже и ниже клонится туловищемъ и головой къ землѣ.

Змглодъ сдерживался... но не смогъ удержать порыва страстнаго горя... Онъ началъ рыдать...

Алла вскрикнула и въ одно мгновеніе повисла у него на шеѣ, крѣпко прижимаясь, плача тоже и цѣлуя его въ лицо и въ голову.

Онъ тихо обнялъ ее... И еще нѣсколько мгновеній не вымолвили они ни слова, а плакали, какъ малыя дѣти.

— Денисъ Иванычъ, прости меня,—зашептала наконецъ Алла.— Вотъ тебѣ Богъ — я, несчастная, тутъ не при чемъ...

— Знаю... Знаю... Дорогая моя...—отозвался онъ.—Я виноватъ во всемъ. Да, я виноватъ. Не надо было мнѣ молчать да выжидать. Надо было тебя отсюда взять скорѣе, подальше отъ глазъ стараго дьявола... Скажи, вѣдь ты бы согласилась... Пошла бы ты за мной...

Алла глядѣла, широко раскрывъ свои чудные глаза, и не понимала...

— Хочешь ты и теперь быть моей женой? — вдругъ воскликнулъ Змглодъ.

— Денисъ Иванычъ... — едва слышно отвѣтила дѣвушка и еще крѣпче прижалась къ нему...

— Слушай же меня... Вотъ мое рѣшеніе.

И Змглодъ передалъ ей то же, что объяснилъ наканунѣ ея отцу. Разумѣется, дѣвушка отнеслась къ этому не такъ, какъ Ильевъ. Она была согласна и готова на все. Избавиться отъ барина и стать женой «милой Турки» было для нея то же, что попасть изъ ада прямо въ рай. И Алла первая предложила не соображаться даже съ тѣмъ, что рѣшитъ ея отецъ, и дѣйствовать отважно.

— Хорошо батюшкѣ опасаться да разсуждать,— сказала она.— А мнѣ каково... Мнѣ смерть... Хуже смерти. Я лучше помру, чѣмъ такъ жить... Мнѣ смерть, право, краше кажетъ, чѣмъ Аникита Ильичъ со своей лаской... Будь ты на моемъ мѣстѣ, Денисъ Иванычъ, ты бы убилъ его... Вотъ какъ... Да.

— На твоемъ мѣстѣ?! — вскрикнулъ Змглодъ.— Я, и на своемъ мѣстѣ будучи, чую, что сейчасъ бы ухлопалъ его, какъ ни на есть! Собственными руками задавилъ бы...

И, судорожно сжавъ кулаки, Змглодъ высоко взмахнулъ руками.

Разставшись съ Аллой, онъ отправился прямо къ себѣ и снова прилегъ на постель... Снова какая-то внезапная и удивительная для него слабость сказалась во всемъ тѣлѣ. Ничего подобнаго за всю жизнь не бывало съ нимъ. Пролежавъ до вечера, оберъ-рунтъ уже не бредилъ, не злобствовалъ безцѣльно, какъ было въ первые дни... Онъ обдумывалъ, какъ будетъ объясняться съ бариномъ, что ему скажетъ, какіе доводы приведетъ... Онъ старался угадать, какъ отнесется Аникита Ильичъ къ его просьбѣ. Что ему Алла? Забава... Онъ, можетъ быть, даже будетъ радъ пристроить краткосрочную любовницу и живо найдетъ другую... Мало ли таковыхъ перебывало у стараго изувѣра!

На слѣдующій день оберъ-рунтъ явился по утру съ обычнымъ докладомъ къ барину по винтушкѣ, вскорѣ послѣ Масѣича. Онъ какъ бы вновь вступилъ въ отправленіе своей обязанности.

Заявивъ барину, что онъ выздоровѣлъ, Змглодъ добавилъ, что у него дѣло, важная просьба... Аникита Ильичъ, уже отпивавшій три кружечка отъ бревна, еще не пилъ свое калмычкино зелье...

— Ну, доложишь свое дѣло сегодня послѣ канцеляріи,—сказалъ онъ и вспомнилъ вдругъ о Гончемъ.

— Что же? Никто мнѣ Каина не найдетъ! — сурово спросилъ онъ.— И ты тоже не возьмешься? Не такія дѣла ты мнѣ вершилъ... Почище этого поросенка побывали у тебя въ рукахъ—умные, лихіе, озорные...

— Этотъ Гончій, право-слово, Аникита Ильичъ, не хуже многихъ прочихъ,—отвѣтилъ оберъ-рунтъ.—Я его полагаю даже много озорнѣе, отважнѣе и смышленѣе, чѣмъ иной муромскій Соловей-Разбойникъ... Его намъ врядъ словить. Лишь бы самъ ушелъ и васъ не безпокоилъ. А въ руки онъ не дастся. Не таковскій...

— Не смѣй ты мнѣ эдакое говорить!—вспылилъ Аникита Ильичъ.— Я хочу, чтобы негодяй былъ мнѣ доставленъ; не живого, такъ хоть мертваго мнѣ подай! Ну, ступай... А со своей пустяковиной приходи послѣ докладовъ и пріема... Небось, будешь денегъ просить... Набаловалъ я васъ всѣхъ, и стали вы мнѣ служить—хуже нельзя...

Часовъ черезъ пять, среди дня, Змглодъ дожидался въ пріемной не въ качествѣ начальника полиціи, а въ качествѣ просителя...

Объясненіе «Турки» и барина было короткое, но оба равно были поражены, какъ громомъ. Басановъ—невѣроятной затѣей Змглода, а Змглодъ—отвѣтомъ и обѣщаньемъ Басанова.

Когда безродный проходимецъ, наемный рунтъ, быть можетъ, настоящій турокъ, бывшій магометанинъ, заявилъ, что онъ проситъ дозволенія жениться на Аллѣ Васильевнѣ Ильевой, потому что любитъ ее,—«Владимірскій Мономахъ», казалось, окаменѣлъ на мѣстѣ, лишившись способности мыслить и двигаться...

Онъ, основатель и владѣлецъ Высоксы, и этотъ чумазый проходимецъ—соперники!.. Полюбили одну и ту же?!

Но онъ, старикъ, видитъ и чуетъ, что молоденькая дѣвушка относится къ нему непріязненно, гадливо, со страхомъ и ненавистью, а этотъ Турка заявляетъ, что она его давно любитъ... И это правда! Правда потому, что самъ онъ, Басановъ, раза два замѣтилъ что-то особенное въ ихъ отношеніяхъ... Оно въ глаза бросилось ему, ничего еще тогда не подозрѣвавшему.

Не сразу пришелъ въ себя Аникита Ильичъ... Ревность черезчуръ всколыхнула въ немъ его старческую пылкость... Кровь, въ его старомъ тѣлѣ, еще была молода, горяча, еще бушевала порой шибче, чѣмъ въ иномъ двадцатилѣтнемъ молодцѣ. Змглодъ ждалъ, опустивъ глаза, но изъ почтенія, а не отъ смущенія. Онъ былъ

напротивъ настолько же спокоенъ, насколько старый баринъ вспыхнулъ и взволновался.

«Я вольный,—думалъ Змглодъ.—И она не холопка твоя, а даже дворянка. Наше дѣло въ нашихъ рукахъ — лишь бы отвага была. А хватишь черезъ край—законы есть. Намѣстники есть... Закупишь?.. Царица есть — милостивая... До нея доберусь... Царицу сребренники обойдутъ и противъ меня поставятъ?.. Бессарабія есть, Дунай — рѣка... За нимъ ни меня, ни Аллы не достанешь.

— Ты вѣдаешь аль нѣтъ... — раздался надъ нимъ шепотъ барина, всегда шептавшаго отъ избытка гнѣва...

Змглодъ поднялъ глаза и увидѣлъ Аникиту Ильича съ зажмуренными глазами, бѣлесоватымъ лицемъ и дрожащими губами.

— Ты вѣдаешь, что она теперь моя зазноба? Ну, забава что ли...

— Никакъ нѣтъ-съ, — солгалъ Змглодъ, заранѣе рѣшивъ, что такъ нужно.

— Такъ знай... турецкая побѣгушка... султановскій бѣгунъ въ наши православные края... Да, Алла мнѣ, Аникитѣ Басманъ-Басанову, высокскому барину... приглянулась... И покуда она мнѣ не прискучила своимъ воемъ и будетъ состоять въ моихъ прелестницахъ, до того часу я всякаго, кто на нее глаза закинетъ, въ прахъ обращу... А наскучитъ когда она мнѣ, и захочу я когда тебѣ ее пожаловать, мое будетъ дѣло. А покуда она моя... Не смѣй даже мыслить объ ней, не смѣй отнынѣ подходить къ ней, не токмо бесѣдовать... А если вы вмѣстѣ выкинете какое колѣно, то, помни, у меня руки долги. Тебя, туркину побѣгушку, я, невзирая на твоего царя Салтана, просто запорю до смерти вотъ тутъ предъ коллегіей на улицѣ. А не то безъ хлопотъ прикажу на воротахъ полицейскаго дома повѣсить... А ее въ келью!

— Виноватъ,—глухо отозвался Змглодъ и мысленно прибавилъ себѣ: — «стало, обождя малость — бѣжать!»

— Ну, вотъ... Такъ и знай... У меня двухъ словъ нѣтъ... А для пущей вѣрности... пущаго уговора... На вотъ... Гляди... Видишь—икона Спасителева.

И Аникита Ильичъ, двинувшись, показалъ въ уголъ комнаты, гдѣ висѣлъ образъ.

— Ну, такъ вотъ предъ сею честнóю иконою Господа Спаса нашего, я, рабъ Божій Аникита, боляринъ Басманъ-Басановъ, даю мою вѣрную непреложную клятку... Въ случаѣ какого дерзостнаго подвоха или ухищренья твоего и Аллинова—я даю божбу съ крестнымъ знаменіемъ: тебя повѣсить, а ее въ монастырь упрятать... предварительно наказавъ плетьми обоихъ на улицѣ... Ну... Пошелъ вонъ... Ты малый смышленый... заруби это себѣ на носу.

Змглодъ вышелъ отъ барина, прошелъ пріемную, коридоръ, гдѣ толпились канцеляристы и писцы, медленно спустился по лѣстницѣ, вошелъ въ дежурную переднюю, гдѣ вся дюжина поднялась на ноги

при его появленіи, затѣмъ онъ прошелъ всѣ комнаты дома и чрезъ террасу вышелъ въ садъ... Но онъ ничего по пути не видѣлъ и не замѣтилъ.

— «Что же теперь?—мысленно повторялъ онъ...—Думай! Думай братъ! Все обсуди, чтобы его въ дураки вырядить, а не себя»...

Войдя въ липовую аллею, онъ вдругъ опустился на скамью отъ новаго припадка слабости и вскрикнулъ хрипливо:

— Убилъ бы... Да и убью, если...

Змглодъ зналъ Басанова давно и хорошо... Поэтому онъ зналъ, что если его побѣгъ и увозъ Аллы не удастся, то Аникита Ильичъ сдержитъ свою клятву предъ иконой... И онъ и она будутъ нещадно и срамно наказаны плетьми на улицѣ, на потѣху всей Высоксы...

И, просидѣвъ задумчиво около часу, онъ вымолвилъ:

— Ну, что же? Изъ-за Аллы давай биться на смерть... Кто кого одолѣетъ. Лучше я помру истерзанный, а все же ее тебѣ не оставлю.

Въ тѣ же мгновенія Аникита Ильичъ, стоя у окна еще взволнованный и разгнѣванный, сказалъ самъ себѣ:

— А все бы лучше, загодя, его упрятать... Или въ Павлиній павильонъ, или на дно озера. Эдакъ вѣрнѣе бы...

XVIII.

Немало было, казалось, раскатовъ грома и молній надъ Высоксой, гдѣ долгіе годы всѣмъ жилось безмятежно и беззаботно... А между тѣмъ настоящая страшная гроза, долженствовавшая все разгромить, еще только надвигалась.

Все населеніе дома, усадьбы и заводовъ жило однимъ помышленіемъ и однимъ ожиданіемъ, чѣмъ кончатся поиски. Имя Аньки Гончаго было у всѣхъ на языкѣ, но самъ онъ, видѣнный два раза въ самой Высоксѣ,— въ руки не давался, какъ кладъ.

— Съ нечистымъ спознался! Врагъ человѣческій ему въ помощь и заступленіе! — рѣшили многія умныя головы.

А между тѣмъ не разъ видѣли въ Высоксѣ Аньку вѣрные люди... Видѣла его сама молоденькая барышня изъ своего окна на зарѣ. Она среди безсонницы встала подышать утреннимъ воздухомъ и, отворивъ свое окно, увидѣла подъ балкономъ Сусанны Юрьевны какого-то человѣка. Она подумала, что это рунтъ, но, узнавъ Гончаго, ахнула и захлопнула окно... Когда она разбудила Матвѣевну, а та подняла на ноги дежурную дюжину, то, разумѣется, молодца и слѣдъ простылъ.

Другой, видѣвшій Аньку, былъ пѣвчій Тарасъ Файка... Но молодой малый видѣлъ скрывающагося молодца совсѣмъ иначе.

Гончій среди ночи явился въ домикъ, гдѣ Тарасъ жилъ вмѣстѣ съ двумя другими пѣвчими... Онъ разбудилъ спящаго, приказалъ молчать и идти за собою тихонько, чтобы не разбудить другихъ... Выведя его на улицу, онъ досталъ ножъ и, держа Файку за воротъ, сталъ допрашивать, грозя за утайку и лганье убить.

Файка отвѣчалъ на все и божился по его требованію Богомъ и Матерью Божіей клялся... И Гончій его отпустилъ безъ вреда.

Но о чемъ допрашивалъ одинъ и въ чемъ клялся другой, осталось никому не извѣстнымъ. Одному барину Аникитѣ Ильичу, глазъ на глазъ, повѣдалъ все красавецъ пѣвчій, самъ изумляясь тому, что разсказывалъ, и опять божась предъ бариномъ, что онъ не причемъ, а Анька, должно быть, свихнулся.

И Аникита Ильичъ, допросивъ Тараса, приказалъ ему строжайше никому не говорить все то, въ чемъ его Анька пыталъ.

Отпустивъ пѣвчаго, старикъ задалъ однако себѣ загадку, спрашивалъ себя:

— Но почему же шалый и распродерзкій малый приревновалъ Санну къ красавцу пѣвчему?... И съ ножемъ пыталъ его узнать правду?.. Стало быть, онъ ревнивецъ запримѣтилъ что? А ревницы куда зрячи! Примѣръ—онъ самъ.

Басановъ, которому Сусанна разсказала подробно свою исторію съ Гончимъ, то-есть «всю полу-правду», не могъ ни минуты допустить мысли, что красавица племянница, дворянка, воспитанная женщина, могла увечься хотя и красивымъ, умнымъ малымъ, но все-таки простымъ холопомъ, все-таки простымъ человѣкомъ, существомъ низшимъ... Однако исторія Гончаго съ Файкой смущала его... Ему самому однажды, когда пѣвчій пѣлъ итальянскія пѣсни у племянницы въ комнатахъ, тоже что-то чудилось. Тогда онъ думалъ, что это отъ голоса и пѣсенъ у племянницы такъ чудно́ глаза разгорѣлись на красавца пѣвчаго... Теперь онъ не зналъ, какъ рѣшить и какъ объяснить то, что замѣтилъ...

Но вѣдь и Тарасъ, хотя и писанный красавецъ, но тоже холопъ, хамъ, мужикъ.

И вдругъ простое, естественное, но вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданное и удивительное соображеніе пришло въ голову Аникитѣ Ильичу и поразило его...

«А ты самъ гордый боляринъ, дворянинъ, благовоспитанный?.. Ты гнушаешься красавицами холопками и молодухами мужицкаго состоянія?.. Для тебя красавецъ холопъ—одно, а красавица холопка—другое...

И старикъ, будто вдругъ самъ себя нечаянно словивъ и устыдивъ, только развелъ руками.

— Вотъ тебѣ, Аникита Ильичъ, и загвоздка!—прошепталъ онъ нѣсколько насмѣшливо.

Однако судьба, давно и постоянно благопріятствовавшая Сусаннѣ во всемъ, вдругъ повернулась противъ нея.

Человѣкъ, повліявшій на новый оборотъ обстоятельствъ, былъ нѣкто едва замѣтный теперь среди обитателей дома. Это былъ молодой князь Давыдъ Никаевъ, прежній претендентъ на руку дочери важнаго барина, которому онъ приходился свойственникомъ.

Молодой человѣкъ, тихій на видъ, скрытный, но смѣлый, не могъ примириться съ мыслію, что всѣ его мечты разрушены съ появленіемъ петербургскаго офицера. Помимо самолюбиваго желанія стать въ будущемъ богачемъ и владѣльцемъ Высоксы, Давыдъ дѣйствительно любилъ Дарьюшку, съ которой вмѣстѣ выросъ. Чувство его смѣшанное—и любовь и дружба—было однако глубоко и искренно. Сама молоденькая дѣвушка подростокъ обожала Давыда и даже вслѣдствіе намековъ отца и всѣхъ обитателей дома привыкла видѣть въ Никаевѣ будущаго своего мужа.

Давыдъ, молчаливо страдавшій отъ признаванія всѣми Дмитрія женихомъ Дарьюшки и уже собиравшійся уѣзжать съ Высоксы, чтобы поступить въ военную службу, вдругъ сразу ожилъ и глядѣлъ не только бодрѣе, но казался совершенно счастливъ.

Нѣчто, внезапно приключившееся съ княземъ, преобразило его, подавъ надежду, что все снова въ его судьбѣ измѣнится на прежній ладъ.

Случилось это просто...

Однажды, послѣ полуночи, бродя съ тоски въ саду и приблизясь къ дому, онъ подстерегъ нѣчто такое важное и невѣроятное, что онъ боялся повѣрить собственнымъ ушамъ и глазамъ. Онъ видѣлъ Дмитрія Басанова, который прошелъ отъ себя, поднялся по опускной лѣсенкѣ на балконъ Сусанны Юрьевны и исчезъ въ ея комнатахъ.

И только часа черезъ два, караулившій Давыдъ увидѣлъ снова офицера слѣзающимъ по лѣсенкѣ съ балкона барышни и возвращающимся къ себѣ...

На слѣдующую ночь князь былъ заранѣе, какъ на часахъ, среди чащи сирени и дождался... И онъ увидѣлъ то же самое. На этотъ разъ онъ дерзко отважился влѣзть по столбу на балконъ... Все, что онъ видѣлъ черезъ плохо задернутыя занавѣски оконъ, и все, что онъ слышалъ черезъ пріотворенную дверь балкона, убѣдило его, что Басмановъ не будетъ мужемъ Дарьюшки...

Доложить Аникитѣ Ильичу — и тогда онъ, Давыдъ, снова станетъ нареченнымъ Дарьюшки.

— Но какъ доказать?—смущенно, но все-таки радостно повторялъ Давыдъ, собираясь отважно съ докладомъ.

И будто не переставая сомнѣваться въ вѣрности своего поразительнаго открытія, онъ въ теченіе трехъ ночей продолжалъ подглядывать.

Дмитрій Андреевичъ не появился ни разу, но зато на третью ночь съ княземъ случилось нѣчто совсѣмъ нежданное. Притаившись среди чащи сиреневыхъ кустовъ противъ правой террасы, онъ просидѣлъ болѣе часу... И вдругъ онъ ясно разслышалъ, что кто-то осторожно крадется въ тѣхъ же кустахъ за его спиной... Шелестъ вѣтвей слышался все ближе... Давыдъ сильно оробѣлъ, предположивъ, что это какой нибудь ночной звѣрь или самъ нечистый...

Кравшійся ползкомъ наткнулся прямо на него и послѣ мгновенья нерѣшимости бросился на него и схватилъ его за горло...

— Что ты за человѣкъ!—прохрипѣлъ онъ злобнымъ шепотомъ.

Давыдъ, совершенно растерявшись, но сразу отвѣтилъ:

— Давыдъ Никаевъ...

— Князь Давыдъ?

— Да. Да...

И молодой человѣкъ, несмотря на темноту, разглядѣлъ и узналъ ночного пришельца.

Это былъ Гончій...

— Что ты тутъ дѣлаешь? Меня стережешь?!—снова злобно прошепталъ Анька.

— Богъ съ тобой! У меня... свое дѣло... Своя бѣда у меня.

— Говори всю правду истинную. Зачѣмъ ты здѣсь среди ночи, если не меня ловить засѣлъ?

Князь отчасти изъ боязни и нечаянности встрѣчи, отчасти по причинѣ ему самому непонятной сразу разсказалъ все откровенно.

— Стережешь Дмитрія Андреевича?—разсмѣялся Анька страннымъ смѣхомъ.—Ну, что же? Доброе дѣло. Только не пойму, какая тебѣ охота. Я вотъ иное дѣло... Небось, и ты вотъ, хоть и князь, а желалъ бы если не отпускную на волю, то деньги заработать на мнѣ...

— Избави Богъ, — отвѣтилъ Давыдъ.—Богъ съ тобой. Больше скажу. Ты вотъ уже швырялся на Дмитрія Андреевича, да не совладалъ. Случись я тутъ въ тѣ поры, я его тебѣ придержалъ бы охотно.

Наступило молчанье. Гончій соображалъ все услышанное, вспоминалъ и то, что прежде доходило до него на счетъ молодого князя... Толки, что онъ можетъ стать будущимъ владѣльцемъ заводовъ, прекратились только съ пріѣздомъ Басанова.

Но Гончій, занятый, даже поглощенный своей страстью, никогда ни разу не обратилъ вниманія на всѣ эти соображенья и ожиданья. Теперь онъ сразу иными глазами глянулъ на все...

— Слушай-ко, князь Давыдъ Анатольевичъ... Хочешь по душѣ поговорить со мной, пропащимъ человѣкомъ?—выговорилъ онъ вдругъ рѣшительно.

— Вѣстимо, да... Ты для меня не то, что для иныхъ прочихъ. Ты хотѣлъ Дмитрія Андреевича ножемъ хватить. И на горе... Да. Прямо

скажу тебѣ... На мое горе обмахнулся ты... Будь я отважнѣе, я бы на то же пошелъ, хоть вотъ сейчасъ...

— Ладно. Такъ идемъ... Подалѣ отсюда... Перетолкуемъ обо всемъ. Одна голова иногда только бѣда, а двѣ головы или двѣ бѣды или счастье... Можетъ, мы съ тобой вмѣстѣ такое дѣло повершимъ, что оба счастливы станемъ. Идемъ.

И оба, осторожно прокравшись кустами, вышли въ аллею, а затѣмъ двинулись въ самый дальній и глухой край сада...

Здѣсь на той же скамьѣ, гдѣ недавно объяснялись и плакали вмѣстѣ Змглодъ и Алла, они усѣлись и стали говорить... Гончій разсказалъ всю правду про себя и Сусанну... Князь разсказалъ всю правду про себя и Дарьюшку.

Врагъ у обоихъ былъ одинъ...

Только предъ разсвѣтомъ разстались они порѣшивъ: смѣлымъ Богъ владѣетъ! Либо пропадать обоимъ, либо все въ Высоксѣ перевернуть на свой ладъ.

— Помни же, князь,—сказалъ Анька съ чувствомъ въ голосѣ.— Не робѣть?... Я пропаду, мнѣ все одно... Рано ли, поздно ли... Да мнѣ и жисть въ тягость. А ты оробѣешь, все счастье твое ухнетъ.

XIX.

На другой день во время пріема у Аникиты Ильича, когда коридоръ былъ полонъ народу, а въ пріемной сидѣло человѣкъ десять, вдругъ произошелъ страшный переполохъ... Всѣ ахнули, кто оробѣлъ, а кто и не испугавшись растерялся отъ изумленія.

Въ пріемной явился Анька Гончій.

Онъ глядѣлъ на всѣхъ спокойно и даже какъ будто гордо... Блѣдное лицо его и сверкавшіе глаза поразили всѣхъ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ рѣшимости, удали, отваги...

Только изумленный пуще всѣхъ начальникъ канцеляріи Пастуховъ рѣшился опросить его...

— Что ты?.. Самъ?

— Да. Самъ. Голову принесъ... Либо инако все будетъ! Какъ Богу угодно. Доложи барину, пусть допуститъ. Не допуститъ до себя, я здѣсь же въ пріемной горло себѣ перерѣжу, а на мучительство не дамся. Доложи, я не прощенье просить пришелъ, а глаза ему открыть... А за мной еще четверо...

Пастуховъ доложилъ дословно. Аникита Ильичъ вытаращилъ глаза.

— Здѣсь?—выговорилъ онъ.—Пришелъ?

— Да-съ.

— Самъ, сказываешь. Не поймали да привели?..

Пастуховъ повторилъ слова Гончаго.

Старикъ подумалъ мгновеніе и затѣмъ, поднявшись съ кресла порывомъ, вымолвилъ едва слышно:

— Впусти.

Пастуховъ вышелъ и думалъ:

— «Ну, какъ бы изъ своихъ рукъ его не убилъ чѣмъ попало»...

Но, впустя Гончаго въ кабинетъ, Пастуховъ вошелъ за нимъ, думая совсѣмъ иное:

— «А если Анька отчаянный и пропащій хватитъ барина ножемъ»...

Между тѣмъ баринъ мѣрилъ молодца съ головы до пятъ и замѣтилъ его странное лицо, дикій взглядъ и рѣшимость отчаянія во всей фигурѣ.

— Теперь меня рѣзать пришелъ? — выговорилъ онъ почти шепотомъ и пытливо глядя Анькѣ въ лицо.

Молодой малый опустилъ сверкающіе глаза и отозвался глухо, но съ искреннимъ чувствомъ:

— Избави Богъ и помилуй!.. Я, кромѣ добра, ничего отъ тебя никогда не видалъ, Аникита Ильичъ... Да если-бъ ты меня и наказалъ когда, на то твоя барская воля... Вотъ, видишь, съ собой взялъ... Но не на тебя, а на себя...

И Анька досталъ большой ножъ изъ-за пазухи... Пастуховъ перепуганный шагнулъ къ канцеляристу, собираясь его схватить за руку...

— Ты чего тутъ!—вскрикнулъ на него Аникита Ильичъ.—Пошелъ вонъ!

Пастуховъ окаменѣлъ на мѣстѣ, разиня ротъ.

— Вонъ, тебѣ говорятъ...

Начальникъ канцеляріи поспѣшно вышелъ изъ кабинета, и, затворяя за собой дверь, думалъ:

— И впрямь я ошалѣлъ. Нешто это возможно...

Въ пріемной, конечно, шелъ толкъ о появленіи бѣгуна и злодѣя, а въ коридорѣ былъ даже шумъ... Всѣ говорили заразъ, дивясь и ахая, соображая и гадая...

Въ кабинетѣ барина стало тихо... Только разъ всѣ разслышали громкое и гнѣвное слово Аникиты Ильича, повторенное два раза вопросомъ:

— Четверо? Четверо?!

Прошло около полу-часу съ тѣхъ поръ, что Гончій вошелъ въ кабинетъ, когда баринъ вдругъ появился на порогѣ и приказалъ:

— Позвать Абрама!

Абрамъ, отецъ Аньки, за которымъ собирались бѣжать на домну, нежданно оказался внизу на крыльцѣ и чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже въ кабинетѣ около сына.

Чрезъ нѣсколько мгновеній Аникита Ильичъ снова появился въ дверяхъ и снова приказалъ къ себѣ позвать князя Давыда и Угрюмову.

Молодой князь оказался не у себя, а въ канцеляріи, куда почти никогда не заходилъ. Очевидно, онъ ждалъ, что баринъ пожелаетъ его тоже видѣть и потребуетъ.

Когда Давыдъ вошелъ къ Аникитѣ Ильичу, Анна Фавстовна блѣдно-зеленая поднималась по лѣстницѣ въ сопровожденіи Пастухова.

Угрюмова и Сусанна уже знали, конечно, что Гончій явился самъ къ Аникитѣ Ильичу. Постоянно боявшаяся этого за послѣднее время Сусанна была поражена, какъ громомъ, и сидѣла молча и опустивъ голову на руки. Угрюмова стояла предъ ней и успокоивала ее глупыми словами.

Появленіе Пастухова, потребовавшаго ее на верхъ, было новымъ, но еще сильнѣйшимъ ударомъ для обѣихъ... Дѣло принимало тотъ оборотъ, о которомъ Сусанна боялась и думать.

— Что же? Идите... вымолвила она глухо.—Вы знаете, что отвѣчать...

И Угрюмова пошла... Она знала дѣйствительно, что должна отвѣчать. «Ничего знать не знаю и вѣдать не вѣдаю!» Но когда женщина вошла въ комнату барина, гдѣ бывала случайно не болѣе раза въ годъ, она отъ страха совершенно лишилась сознанія и едва держалась на ногахъ... Какъ сквозь туманъ, разглядѣла она Аникиту Ильича, а поодаль отъ него у стѣны молодого князя Никаева, а за нимъ сѣдого Абрама и его сына.

— Ну, подлая тварь, отвѣчай мнѣ... Былъ ли Онисимъ полюбовникомъ барышни Сусанны Юрьевны?—выговорилъ Аникита Ильичъ отчетливо, но голосъ его былъ другой, будто съ хрипомъ и будто рвался.—Отвѣчай правду и скорѣе... Солжешь, то къ вечеру изъ-подъ плетей въ гробъ положатъ. Ну...

Угрюмова не могла вымолвить ни слова. Языкъ не повиновался ей.

— Что же? Подъ плети желаешь, старая собака?—произнесъ Аникита Ильичъ тише... Ну?..

Угрюмова что-то пробормотала... Можно было разобрать только: «вѣд... не вѣд»...

— Прикажи двухъ рунтовъ съ плетьми позвать сюда по винтушкѣ!—разслышала она и повалилась въ ноги барину...

— Послѣдній разъ спрашиваю тебя, пса... Былъ ли Гончій не твоимъ, а барышнинымъ полюбовникомъ?

— Былъ... всхлипнула Угрюмова.

Въ комнатѣ наступила тишина. Слышалось только тяжелое дыханіе или сопѣніе барина. Затѣмъ старикъ подошелъ ближе къ ней и вымолвилъ совсѣмъ дрожащимъ голосомъ:

— А Дмитрій Андреевичъ?.. Теперь...

Угрюмова, всхлипывая и закрывая лицо руками, замотала головой...

— Онисимъ... Давыдъ... Берите ее... Швыряй въ окно... Эдакъ проще... вскрикнулъ старикъ.

Князь и Гончій, оба изумленные, двинулись къ женщинѣ нѣсколько нерѣшительно... Но Анна Фавстовна закричала, завыла и шарахнулась отъ нихъ.

— Батюшка Аникита Ильичъ! Я не виновата...

— Говори... Отвѣчай... Нареченный якобы Дарьюшкинъ теперь въ ея полюбовникахъ состоитъ? Правда ль это?

— Правда... Правда... вдругъ отчаянно завопила Угрюмова, какъ бы обезумѣвъ.

И снова наступила мертвая тишина, но на этотъ разъ длилась дольше. Наконецъ Аникита Ильичъ, будто прійдя въ себя, вызвалъ Пастухова и распорядился. Онъ казался совершенно спокоенъ. Всѣ вызванные имъ вышли изъ кабинета и всѣ глядѣли бодро, кромѣ Угрюмовой, которая едва шагала...

Однако одинъ Давыдъ отправился къ себѣ. Сѣдой Абрамъ съ сыномъ подъ конвоемъ двухъ рунтовъ отправились въ полицейскій домъ, гдѣ были помѣщены въ свѣтлой горницѣ, но подъ стражей. Анна Фавстовна перешла только коридоръ и очутилась въ канцеляріи и затѣмъ въ маленькой горницѣ, гдѣ былъ складъ бумагъ и дѣлъ, въ родѣ архива. Когда она была введена, то за ней затворили дверь, и звякнулъ замокъ. Она опустилась на стулъ и почти лишилась сознанія, ожидая, что именно здѣсь ее сейчасъ же начнутъ наказывать плетьми...

Одновременно верховой рунтъ поскакалъ на Проволочный заводъ требовать къ барину священника отца Григорія.

Это былъ четвертый свидѣтель, на котораго сослался Гончій... Когда-то священникъ, большой другъ Абрама, послѣ свиданія съ барышней, смутился и кой-что повѣдалъ ему, прося его совѣта. Теперь и Анька и самъ Абрамъ сослались на отца Григорія, который тоже можетъ открыть глаза барину по иному важному обстоятельству.

XX.

Между тѣмъ, покуда Давыдъ, радостный, сіяющій сидѣлъ у Дарьюшки и, ничего не объясняя, увѣрялъ ее, что Господь смилостивился надъ нимъ и надъ нею, покуда Абрамъ и Гончій ждали, чѣмъ разрѣшится ихъ участь, но однако не ждали бѣды, покуда Анна Фавстовна сидѣла запертая и отъ страха полуживая... самъ баринъ Аникита Ильичъ долго, тихо шагалъ по своимъ комнатамъ, а затѣмъ опустился въ любимое большое кресло въ спальнѣ около кіота съ образами...

Онъ чувствовалъ себя не хорошо... Въ головѣ было какъ-то все спутано, мысли о совершенно разныхъ обстоятельствахъ и предметахъ переплелись и перепутались, сбившись какъ бы въ какой клубокъ. Онъ то бормоталъ, то шепталъ, то ясно и громко произносилъ

слова вслухъ... И все объ разномъ, не имѣющемъ ничего общаго между собой...

Ему казалось чудное! Онъ будто плаваетъ или летаетъ по воздуху... Черезъ часъ у него былъ уже Веніусъ, вызванный имъ впервые, какъ врачъ.

— Ну, вотъ и до меня чередъ дошелъ,—встрѣтилъ его старикъ, иронически усмѣхаясь.—Полагалъ, что никогда ты для меня самого не понадобишься... А вотъ, потрафилось... Ну, пользуй... Не хорошо мнѣ...

На вопросы доктора онъ однако отвѣтилъ, что у него ничего не болитъ, кромѣ души, которую «близкіе люди наизнанку вывернули!».

Веніусъ и самъ видѣлъ, что старикъ только сильно потрясенъ нравственно, и что у него, пожалуй, та же хворость, что недавно была у Змглода. Но это потрясеніе у старика повлекло за собой такой упадокъ духа и силъ, который былъ въ его года, конечно, опаснѣе, чѣмъ для кого другого. Веніусъ тотчасъ добылъ кой-что изъ своего запаса медикаментовъ, самъ состряпалъ, и послѣ перваго же пріема старику стало гораздо лучше... Онъ глядѣлъ бодрѣе, и въ головѣ прояснилось...

— Ну, молодецъ ты, хоть и нѣмецъ,—сказалъ Аникита Ильичъ и прибавилъ:—а теперь справь мнѣ другое дѣло, не знахарское, а семейное... Одолжишь...

И онъ далъ Веніусу порученіе.

Сусанна узнавъ, что Угрюмова осталась запертая на верху, послѣ страшнаго волненія, рѣшилась не поддаваться, а дѣйствовать и бороться до послѣдней крайности.

Она послала просить позволеніе явиться къ дядюшкѣ. Аникита Ильичъ отвѣтилъ, что ему не время, и они свидятся за обѣдомъ.

Теперь онъ попросилъ Веніуса пойти къ племянницѣ и передать ей... Первое, что ему слегка «не можется», и обѣдать онъ будетъ одинъ у себя. Второе объяснить ей, что Абрамъ и Гончій будутъ на утро высланы въ городъ для сдачи въ земскій судъ ради поселенія въ Сибирь... Въ-третьихъ, успокоить ее на счетъ Угрюмовой и не гнѣваться за то, что онъ ее за сплетничество рѣшилъ наказать самымъ пустымъ образомъ: продержать недѣлю запертою на хлѣбѣ и на водѣ.

И все это Веніусъ передалъ Сусаннѣ отъ имени ея дяди, но на всѣ ея разспросы, къ несчастію, не могъ ничего отвѣчать, самъ ничего не зная... Онъ зналъ только, что Аникита Ильичъ былъ сильно взволнованъ, потрясенъ, но упадокъ духа и слабость тѣла уже прошли... И онъ опять молодцемъ...

Сусанна не знала, что подумать... Неужели у старой «Киты» такъ сильна увѣренность въ ней, что онъ даже дерзкому доносу Гончаго не повѣрилъ... Но зачѣмъ онъ вызывалъ Абрама и молодого князя?.. Въ особенности этого «хитраго Давыдку»! За что собственно наказываетъ онъ вдругъ «почетнымъ чуланомъ» ея Анну Фавстовну...

Сусанна совершенно терялась въ догадкахъ...

«Хитритъ старый? Зачѣмъ?.. Нѣтъ! Онъ не таковъ. Если-бъ что случилось, то буря и гроза разразились бы сразу. Очевидно, онъ не повѣрилъ Анькѣ!.. Но Давыдъ зачѣмъ? Наконецъ, въ чемъ же виновата оказалась Угрюмова?»...

И въ головѣ Санны шелъ тотъ же круговоротъ, что былъ и въ головѣ старика Басанова. Всѣ ея мысли, догадки и предположенія тоже будто сбились и сплелись въ клубокъ...

Между тѣмъ Веніусъ, исполнивъ свое порученіе, вернулся къ барину... Когда онъ поднимался по большой лѣстницѣ, то встрѣтилъ «проволочнаго батьку». Отецъ Григорій не шелъ, а катился внизъ по ступенямъ, блѣдный, съ безумно открытыми глазами и, какъ показалось доктору, съ мокрымъ отъ слезъ лицемъ.

Но, войдя въ кабинетъ, Веніусъ вскрикнулъ и всполошилъ весь верхъ и весь домъ, поднявъ на ноги всѣхъ пишущихъ канцеляристовъ и всю дежурную дюжину...

Онъ нашелъ Аникиту Ильича мертво блѣднымъ въ креслѣ, но въ полулежачемъ положеніи... съ повиснувшей на плечо головой.

На его крикливые вопросы отъ перепуга старикъ хотѣлъ отвѣчать и не могъ, такъ какъ языкъ не повиновался ему...

— Кровь пустить!—воскликнулъ Веніусъ.—Надо! Дозвольте!.. Это мой долгъ врача!..

Но покуда канцелярист сбѣгалъ къ доктору на домъ за ящичкомъ съ инструментами, покуда дежурный сбѣгалъ за фельдшеромъ и все было готово, Аникита Ильичъ уже заговорилъ и произнесъ:

— Пустое... Прошло...

— Дозвольте... Все лучше,—говорилъ Веніусъ.

— За всю жизнь свою этакое баловство я надъ собой не дозволялъ,—уже нѣсколько сурово вымолвилъ Басановъ, совершенно оправившійся.

Нѣмецъ докторъ невольно ротъ разинулъ.

— Ну, натура!—подумалъ онъ по своему.—Желѣзный человѣкъ. Моложе молодого.

Чрезъ полчаса еще Аникита Ильичъ чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо и всѣхъ отъ себя прогналъ.

Припадокъ, приключившійся съ нимъ, былъ послѣдствіемъ бесѣды съ священникомъ. То, что по его строгому приказу повѣдалъ ему отецъ Григорій, поминая имя его покойнаго сына, всякаго иного человѣка свалило бы съ ногъ. А иного и убило бы!.. Но шестидесятилѣтній старикъ, на душѣ и сердцѣ котораго была броня себялюбія, былъ, видно, не уязвимъ.

Аникита Ильичъ не сошелъ къ столу внизъ и отобѣдалъ одинъ, а затѣмъ вызвалъ къ себѣ на верхъ по парадной лѣстницѣ Василія Васильевича и нахлѣбника Константинова, для партіи въ бостонъ. Карты доказывали, что барину совсѣмъ хорошо.

XXI.

Сусанна послѣ разговора съ нѣмцемъ докторомъ, принесшимъ ей отъ имени дяди успокоительныя вѣсти, все-таки волновалась. Анька съ отцомъ были арестованы при полиціи, что доказывало, какъ именно отнесся Басановъ къ доносу отчаяннаго молодца. Но одновременное наказаніе Угрюмовой было ей непонятно и поэтому сильно смущало.

Разумѣется, еще до обѣда Сусанна переговорила съ Дмитріемъ и удивила его своей тревогой. Онъ, знавшій съ ея словъ «полу-правду» о Гончемъ, не понималъ, почему она такъ поражена его появленьемъ къ Аникитѣ Ильичу... Что жъ могъ молодецъ старику сказать? Онъ могъ только покаяться въ своемъ безумствѣ и просить пощады...

Однако Сусанна убѣдила и упросила молодого человѣка повидать Давыда Никаева и постараться что нибудь вывѣдать у него, такъ какъ онъ долженъ былъ все знать.

Дмитрій послѣ обѣда завелъ разговоръ съ молодымъ княземъ и позвалъ его къ себѣ. Добродушный человѣкъ рѣшилъ хитрить и, какъ всѣ не хитрые люди, воображалъ, что онъ искусно проведетъ за носъ юнаго Давыда. Князь же наоборотъ, малый хитрый, притворился тѣмъ, чѣмъ никогда не бывалъ, то-есть наивнымъ и добродушнымъ.

Едва только Дмитрій началъ наводить бесѣду на утреннее происшествіе, съ цѣлью узнать, что именно дѣлалось и говорилось въ кабинетѣ дяди, какъ князь Давыдъ самъ прямо и просто передалъ ему все подробно.

По его словамъ, Анька Гончій дерзновенно заявилъ, что барышня Сусанна Юрьевна яко бы была его полюбовницей, а потомъ вдругъ бросила. Изъ-за этого онъ и пошелъ на злодѣяніе... Такъ какъ онъ ссылался на своего отца, на Анну Фавстовну и даже на него, князя, якобы видавшаго его по ночамъ въ комнатахъ барышни,— то баринъ вызвалъ и ихъ всѣхъ на очную ставку... Онъ, Давыдъ, конечно, показалъ отрицательно и обозвалъ Аньку вралемъ. Анна Фавстовна объяснила барину, что она знать ничего не знаетъ, но считаетъ свою барышню все-таки способной приласкать простого канцеляриста... Это барина разсердило... «Не тебѣ бы, собакѣ, такъ о своей барышнѣ благодѣтельницѣ разсуждать!»—крикнулъ онъ на Угрюмову. За это онъ ее приказалъ на недѣлю запереть и на хлѣбѣ и на водѣ держать. Гончихъ, обоихъ, приказано везти въ городъ для сдачи: Аньку въ солдаты, а Абрама въ Сибирь на поселеніе...

Все это князь Давыдъ передалъ Дмитрію такъ живо, подробно и естественно, что этотъ повѣрилъ всему разсказу безусловно. Чрезъ часъ Сусанна тоже знала чрезъ него все и нѣсколько успокоилась.

Затѣмъ при извѣстіи, что дядя, откушавъ у себя, вызвалъ парт-

неровъ и сѣлъ за карты, Сусанна еще болѣе пріободрилась. Аникита Ильичъ картъ не любилъ и игралъ крайне рѣдко, но почти всегда, когда бывалъ вслѣдствіе чего либо случившагося особенно въ добромъ расположеніи духа.

Въ сумерки къ барышнѣ явился Масѣичъ и принесъ ей два ящика изъ бересты съ вяземскими пряниками. Баринъ только что получилъ цѣлый пудъ въ подарокъ отъ московскаго купца-заводчика и приказалъ тотчасъ снести гостинецъ и барышнѣ.

— Ну, что дядюшка? Какъ себя чувствуетъ? —спросила Сусанна.

— Слава Богу-съ... Это все нашъ нѣмецъ напуталъ да всѣхъ напугалъ,—отвѣтилъ Масѣичъ... Разгнѣвался онъ шибко, какъ я полагаю... Ну, и приключилась одышка на минуту... А нѣмецъ заметался съ дуру.

— Разгнѣвался на Гончаго?

— Да-съ, на обоихъ... Да и на вашу Анну Фавстовну.

— Да за что, Масѣичъ... на Фавстовну?...

— Я, барышня, не присутствовалъ и ничего не знаю,—уклонился Масѣичъ.—Такъ я отъ Пастухова слышалъ... Наврали они всѣ... Ну, баринъ и осерчалъ... А о чемъ была рѣчь,—ничего не знаю...

Разумѣется, Сусанна поняла, что камердинеръ не хочетъ говорить. Однако присылка гостинца изъ ящика, который только что прибылъ и былъ откупоренъ, окончательно повліяла на Сусанну. Очевидно, что дядя хочетъ доказать ей, какъ онъ отнесся къ нахалу и его доносу... Вѣроятно, на утро объяснится все... Объяснится равно, почему старикъ не пожелалъ видѣться съ ней тотчасъ же...

Однако мгновеньями волненіе вновь овладѣвало ею, сомнѣнья вновь возникали...

Она нетерпѣливо ждала полуночи, чтобы отвести душу въ разговорѣ и обсужденьи нежданно случившагося... Дмитрій, по уговору, долженъ былъ прійти къ ней чрезъ лѣсенку и балконъ.

Наконецъ пришелъ вечеръ... Наступила полночь... Около часу ночи около дверей винтушки появился Давыдъ... Рунтъ стоялъ у самыхъ дверей.

— Астрахань,—сказалъ князь...

Рунтъ, узнавшій его по голосу, поклонился и самъ растворилъ ему дверь.

Давыдъ, въ первый разъ въ жизни очутившійся въ полной тьмѣ винтовой лѣстницы, сталъ подниматься ощупью и на угадъ, что было и не трудно..,

Упершись наконецъ въ дверь, онъ отворилъ ее и очутился въ маленькой комнатѣ, освѣщенной ночникомъ.

— Давыдъ ты?—раздался голосъ барина за слѣдующей дверью.

— Я—съ,—отозвался онъ.

— Входи...

Князь вошелъ и очутился въ спальнѣ барина, гдѣ тоже никогда

не бывалъ. Предъ нимъ налѣво былъ кіотъ съ образами, освѣщенными висящей лампадой, а прямо у стѣны большая кровать и на ней Аникита Ильичъ... Но старикъ былъ не подъ одѣяломъ и лежалъ на постели вполнѣ одѣтый, какъ днемъ.

— Ну, что, Давыдъ... Я правду сказывалъ, а ты вралъ,—произнесъ Аникита Ильичъ, будто шутя, но голосъ его выдавалъ волненіе... Вотъ тебѣ и не завтра, а нынче же...

— Виноватъ-съ... Вы правду сказывали...

— Ну, что жъ? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!—вымолвилъ старикъ, вставая съ постели...

Чрезъ нѣсколько минутъ уже двѣ мужскія фигуры спустились по винтушкѣ, вышли на улицу и, обойдя уголъ дома, вошли въ садъ чрезъ калитку. Затѣмъ еще чрезъ минутъ пять они очутились подъ балкономъ Сусанны... Одинъ остался внизу, а другой тихо и осторожно поднялся...

Медленно шагъ за шагомъ подошелъ Аникита Ильичъ къ окнамъ, прислушался и сталъ глядѣть внутрь... Онъ тяжело дышалъ...

— Тварь! Тварь поганая... прошепталъ онъ наконецъ. И вдругъ, двинувшись къ балконной двери, онъ сразу отворилъ ее, вошелъ въ гостиную и быстро прошелъ въ спальню племянницы.

Страшный крикъ раздался на весь домъ среди тишины ночи и замеръ... И наступила снова полная мертвая тишина...

Дюжинный и вся дежурная дюжина долго прислушивались и рѣшили, что имъ почудилось то, что сейчасъ долетѣло до слуха...

«Совсѣмъ будто вотъ крикнулъ кто-то? Должно, филинъ въ саду!»

Сусанна и Дмитрій, помертвѣлые отъ ужаса, увидя предъ собой стоящаго «дядюшку», будто потеряли сознаніе дѣйствительности.

Говорить, объяснять, оправдываться было нечего... И даже на умъ не шло...

Дмитрій не имѣлъ вида гостя, хотя бы и ночью... Дядюшка нашелъ не собесѣдниковъ, не друзей, а полюбовниковъ!.. Улики были на лицо.

XXII.

Слѣдующій день и еще дня два прошли въ Высоксѣ мирно безъ всякихъ приключеній и новостей...

Только и было одно не обычное. Старый баринъ продолжалъ обѣдать одинъ у себя на верху... Кромѣ того, барышня Сусанна Юрьевна чувствовала себя снова хуже, и ее чаще навѣщалъ докторъ... Вдобавокъ и молодой баринъ Дмитрій Андреевичъ глядѣлъ будто хворымъ... Всѣ замѣтили, что онъ блѣденъ, и что будто его «лихоманка ломаетъ».

Анна Фавстовна, прощенная чрезъ сутки, была выпущена, но не ухаживала за своей барышней, а лежала въ постели, будто сраженная чѣмъ.

За то былъ человѣкъ, который ликовалъ и ходилъ съ такимъ лицемъ, что всѣхъ дивилъ и озадачивалъ. Это былъ молодой князь Никаевъ.

Однако если въ домѣ было наружное спокойствіе, то въ дѣйствительности случился страшный переворотъ, про который знали только Басановы, старый и молодой, и Сусанна Юрьевна.

Аникита Ильичъ приказалъ имъ обоимъ молчать, чтобы все обошлось тихо, мирно, исподволь, во избѣжаніе соблазна на всю Высоксу, или вѣрнѣе на все намѣстничество...

Рѣшеніе же его было простое...

Чрезъ недѣлю времени Дмитрію Андреевичу уѣзжать и никогда болѣе ноги не ставить къ нему... Чрезъ недѣли двѣ Сусаннѣ уѣзжать ради своей болѣзни, чтобы посовѣтоваться якобы съ московскими докторами, но... затѣмъ въ Высоксу не возвращаться...

Дарьюшкѣ Аникита Ильичъ приказалъ:

— Готовься... Я тебя замужъ выдаю... Но не дивися, если въ одинъ день съ твоимъ вѣнчаньемъ будетъ и другое вѣнчанье... Всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ. А покуда молчка! Никому ни слова.

Дарьюшка, конечно, пріуныла и начала плакать. Давыдъ убѣждалъ любимую дѣвушку, что она должна радоваться, а не печалиться, но объяснить ей правду побоялся... Простоватая Дарьюшка могла внезапной безумной радостью все дѣло испортить...

На четвертый день въ сумерки въ полицейскій домъ прибѣжала красавица Алла, спрашивая Змглода... Когда она вбѣжала въ его комнату, то съ рыданьями повисла у него на шеѣ... Вѣсть, ею принесенная, совсѣмъ сразила энергичнаго Змглода...

Старый баринъ объяснилъ поутру Ильеву, что дѣлаетъ ему великую честь... желаетъ повѣнчаться законнымъ бракомъ съ его дочерью...

— Ну, стало быть, бѣжать!.. рѣшилъ Змглодъ. И завтра же...

Но на слѣдующее утро, явившись въ домъ, «Турка» узналъ отъ Ильева, гордаго, счастливаго и сіяющаго, что Аникита Ильичъ приказалъ ему Аллу не выпускать три дня ни на шагъ изъ ея комнаты и держать все въ тайнѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Змглодъ узналъ, что отцу Гавріилу и старостѣ церковному было приказано готовить все въ храмѣ къ великому торжеству бракосочетанія... И, конечно, вся Высокса догадалась, кто будетъ вѣнчаться. Понятно, что молодой баринъ Дмитрій Андреевичъ и молодая барышня Дарья Аникитишна.

Дивились только всѣ тому, что баринъ содержитъ это втайнѣ... Дивились и тому, что Дмитрій Андреевичъ ходитъ темнѣе ночи и совсѣмъ на жениха не похожъ...

XXIII.

Около полуночи въ спальнѣ Сусанны появился вдругъ необычный въ такую пору гость...

Она сидѣла въ углѣ комнаты, блѣдная, страшно измѣнившаяся и похудѣвшая за послѣдніе роковые дни... Она казалась раздавленной той бѣдой, которая свалилась ей на голову... Дмитрій, конечно, предложилъ ей тотчасъ же вѣнчаться, но она отвѣчала отказомъ и клятвой, что никогда этого не будетъ. Ея желаніе и неизмѣнное было оставаться всю жизнь въ дѣвицахъ и быть свободной отъ брачныхъ узъ.

Несмотря на свое нравственное состояніе, какое-то онѣмѣніе, безчувственность и притупленіе разума, Сусанна ахнула, увидя предъ собой нежданнаго ночного пришельца.

Это былъ Змглодъ...

Оберъ-рунтъ былъ просто страшенъ лицемъ... Можно было даже принять его за привидѣніе...

— Что ты? Что тебѣ?—глухо, почти разбитымъ голосомъ спросила Сусанна.

— Я къ вамъ, барышня,—тоже страннымъ, хрипливымъ сдавленнымъ голосомъ отвѣтилъ Змглодъ. — Давайте, барышня, нашу судьбу рѣшать...

— Не пойму я тебя...

— Говорите. Правда ли, Аникита Ильичъ засталъ у васъ Дмитрія Андреевича?..

Сусанна, потупясь, отвѣтила едва слышно:

— Да.

— Правда ли, что и вамъ и ему приказано уѣзжать съ Высоксы, и что всему конецъ?.. Женитьбѣ Дмитрія Андреевича не бывать...

— Правда! Правда!—воскликнула Сусанна.—Я нищенствовать по міру пойду, Денисъ Иванычъ... Ужъ лучше бы теперь убитой быть Гончимъ...

— Барышня... Все на перемѣну будетъ... Всего этого не будетъ... Останетесь вы здѣсь хозяйкой, какъ были... Дарья Аникитишна будетъ женой Дмитрія Андреевича, а вы настоящей хозяйкой... И до конца вашихъ дней... Желаете вы такъ-то?.. Говорите скорѣе... Не молчите! Желали бы вы эдакое?..

— Я не пойму? Что ты, ума рѣшился?..

— Дозвольте мнѣ все это такъ наладить... Такъ, какъ я сказывалъ вамъ... Прикажите мнѣ...

— Да что?.. Что!?

— Прикажите васъ самихъ, Дмитрія Андреевича, да еще одного

человѣка — избавить отъ Ирода, мучителя... Прикажите мнѣ его похѣрить...

— Кого?!—произнесла Сусанна пораженная.

— Понятно кого... глухо отвѣтилъ Змглодъ съ искаженнымъ отъ злобы лицемъ.

Наступило молчаніе и длилось безъ конца.

— Прикажите... едва слышно, снова сказалъ наконецъ Змглодъ.

Сусанна закрыла лице руками и замотала головой.

— Вѣдь всѣмъ—и вамъ и мнѣ погибель... А то бы всѣмъ спасеніе... Барышня, подумайте... Вамъ вѣдь только одно слово сказать... Одно слово: ступай! приказываю, молъ... тебѣ!

Сусанна молчала и начала вздрагивать всѣмъ тѣломъ, не отнимая отъ лица крѣпко прижатыхъ ладоней.

— Зачѣмъ тебѣ приказаніе?—прошептала она чрезъ силу, такъ какъ голосъ ея рвался... Зачѣмъ? Мое?..

— Для моей совѣсти... Я вѣкъ буду утѣшаться, что мнѣ было указано... А вамъ что же? Вы только согласье дали.

— Погибельное дѣло. Пропадемъ всѣ...— прошептала Сусанна.

— Самое простое, легкое дѣло. Положитесь на меня. Я не махонькій и не скорохватъ. Знаю, что надумалъ и какъ сдѣлаю...

И снова воцарилось молчаніе.

— Сусанна Юрьевна! — громче и уже отчаянно выговорилъ Змглодъ.— Ну, хоть промолчите... Время не терпитъ... Слышите! Я иду сейчасъ къ нему. По винтушкѣ... Черезъ часъ будетъ всему конецъ... И вашей бѣдѣ конецъ, и моимъ мученьямъ. Я иду... А вы это знаете... Мнѣ не возбраняете?.. Такъ вѣдь?.. Ну?.. Я иду...

Змглодъ смолкъ, въ комнатѣ стало тихо.

Прошло нѣсколько мгновеній.

Сусанна отняла руки отъ лица и хотѣла что-то сказать, но оглянувшись порывисто вскочила съ мѣста. Змглода не было.

Она тихо вскрикнула, схватила себя за голову и упала въ кресло, какъ сраженная...

XXIV.

Среди темноты ночи близъ дома у самыхъ дверей винтушки прохаживался часовой рунтъ.

Изъ-за угла вдругъ появилась шибко шагающая фигура, будто спѣшащая... Это былъ оберъ-рунтъ. Приблизясь къ часовому, Змглодъ сталъ, тяжело переводя дыханіе, и съ трудомъ вымолвилъ:

— Ну, Захаръ... Вотъ... Иду... Помни божбу. Не погуби...

— Денисъ Иванычъ... Сколько же разъ тебѣ сказывать! Я за тебя душу прозакладаю... Ты мой благодѣтель,—отозвался рунтъ съ чувствомъ.

— Ты одинъ, почитай, свидѣтель... — Одинъ меня видѣлъ... Не погубишь?

— Ахъ, Денисъ Ивановичъ... Ну, желаешь съ тобой пойду!.. Помогать тебѣ буду...

— Нѣтъ! Я и одинъ...

Змглодъ двинулся и исчезъ въ дверяхъ.

Минуту спустя, въ спальнѣ стараго барина послышался порохъ...

Аникита Ильичъ, плохо спавшій отъ волненія по милости невѣроятныхъ происшествій въ Высоксѣ и въ семьѣ, очнулся, открылъ глаза и въ полусвѣтѣ отъ лампадки увидѣлъ фигуру у дверей.

— Кто тамъ? Что еще?—неспокойно окликнулъ онъ, будто чуя, что опять узнаетъ про какую новую бѣду.

— Я...— глухимъ шопотомъ отозвалась фигура.

— Змглодъ?! — страннымъ голосомъ произнесъ старикъ.

И вдругъ, Богъ вѣсть почему, грозный баринъ высокскій, «Владимірскій Мономахъ», будто смутился. Быстрымъ движеніемъ поднялся онъ съ подушекъ и сѣлъ въ постели.

— Что тебѣ?..—какъ бы уже не своимъ голосомъ произнесъ Аникита Ильичъ.

Ему не вѣрилось въ то, что чуяло сердце... А оно чуяло... Оно оробѣло!.. Быть можетъ, впервые въ жизни!..

— Я... за Аллу... я...

И Змглодъ тихо приблизился отъ дверей къ постели. Но онъ не просто шелъ... Нагнувшись, сгорбившись, будто съёжившись, онъ какъ бы крался, подбирался...

И вдругъ, сразу, скачкомъ, бросился онъ на барина и обхвативъ, сжалъ, сдавилъ, какъ въ тискахъ. Старикъ, цѣпенѣя отъ ужаса, собралъ все-таки всѣ свои силы, чтобы вырваться, бѣжать отъ злодѣя, звать, но почувствовалъ вдругъ, какъ спина его будто хрястнула.

Не человѣкъ, а дикій звѣрь облапилъ его, ломая тѣло... Легко опрокинувъ его навзничь, онъ завалилъ его голову подушками и налегъ на нихъ всѣмъ туловищемъ...

Отчаянно забилась жертва. Но еще отчаяннѣе, съ яростью дикаго сильнаго звѣря, давилъ, налегая, остервенившійся мститель.

XXV.

Рано утромъ, еще чуть брезжилъ свѣтъ, Масѣичъ явился, какъ всегда, въ домъ по винтушкѣ и сталъ въ ванной комнатѣ тихо готовить все къ вставанію барина... Онъ налилъ воду въ ванну, разложилъ бѣлье, приготовилъ для подачи халатъ и туфли, оглядѣлъ даже пилу-голландку,— не подточить ли. Затѣмъ перелилъ изъ бутыли въ стопу калмычкино зелье.

Наконецъ, приготовивъ все, онъ сталъ ждать положеннаго часа будить, если самъ баринъ не кликнетъ.

Въ дверяхъ съ винтушки появился Змглодъ.

— Здорово, Никифоръ Масѣевичъ. Баринъ еще не вставалъ?

— Нѣту... А что? Приключилось что? Къ спѣху тебѣ...

— Особаго ничего... Кой-что доложить...

— Чтой-то ты, Денисъ Иванычъ!—ахнулъ вдругъ Масѣичъ, приглядѣвшись къ странно искаженному лицу оберъ-рунта.

— Еле на ногахъ держусь. Опять расхворался еще пуще!—глухо отвѣтилъ Змглодъ, опуская блестящіе глаза.—Иди ужъ... Буди Аникиту Ильича... Мнѣ бы скорѣе домой. Прилечь...

Масѣичъ пошелъ въ спальню будить барина. Змглодъ стоялъ, слегка вздрагивалъ, какъ отъ холода, и дергался на мѣстѣ...

— Вотъ... Вотъ...—прошепталъ онъ.—И оно-то... самое мудреное. Да полно! Не выдавайся. Полно! Помни про Аллу...

Старикъ Масѣичъ страшнымъ голосомъ кричалъ въ спальнѣ и звалъ... Змглодъ шагнулъ, хотѣлъ двинуться на зовъ... и не могъ.

Масѣичъ выбѣжалъ изъ спальни и кричалъ, какъ одичалый:

— Веніуса... Барышнѣ... Денисъ Иванычъ, скорѣе... Почитай мертвый... Барышнѣ... Господи, сохрани и помилуй!..

Змглодъ бросился, будто швырнулся, къ дверямъ винтушки.

Черезъ полчаса весь домъ былъ на ногахъ и всѣ, отъ барышни до послѣдняго нахлѣбника толпились на верху, въ отпертыхъ комнатахъ барина, въ коридорѣ, въ канцеляріи и даже на лѣстницѣ.

Черезъ часъ вся Высокса встрепенулась въ ужасѣ и онѣмѣла, ошеломленная невѣроятной вѣстью.

— Аникита Ильичъ скончался!?

Докторъ Веніусъ освидѣтельствовалъ тѣло, призналъ смерть, приключившуюся за ночь, вѣроятно, отъ удара. «Полнокровенъ былъ старикъ, а кровь пустить не дозволялъ никогда. И этого надо было ждать!»

Однако нѣмецъ докторъ былъ сильно взволнованъ. Онъ тотчасъ же заявилъ Сусаннѣ Юрьевнѣ, что имѣетъ сказать ей нѣчто важное наединѣ...

— Выбралъ время?! Успѣется и послѣ! — отозвалась она.

Барышня Сусанна Юрьевна была не печальна... Она была сурова и даже столь грозна, какой никогда еще не видали ее. Будто покойникъ вдругъ передалъ ей или завѣщалъ свой грозный видъ и свою «Мономахову» повадку съ людьми и рабами.

Къ вечеру въ большомъ залѣ въ углу у образовъ на столѣ лежало тѣло, служилась панихида. Одновременно снаряжались и пускались гонцы во всѣ стороны, въ Муромъ, во Владиміръ, къ губернскимъ властямъ, въ намѣстническое правленіе...

А весь домъ, вся Высокса, всѣ заводы и заводскія слободы — все ходуномъ ходило.

Но не одна кончина стараго барина смущала всѣхъ...

Ровно смутила всѣхъ и новоявленная грозная барышня, принявъ-

шая все въ свои руки... Не прошелъ еще день со смерти барина, а трое ослушниковъ указаній Сусанны Юрьевны уже поплатились, были наказаны строго и, пожалуй, сверхъ вины.

Но примѣръ этотъ подѣйствовалъ на всѣхъ. Всѣ сразу оробѣли и недоумѣвая притихли. Важное лицо, коллежскій правитель Барабановъ, былъ въ сумерки смѣщенъ и уволенъ отъ должности за какое-то дерзостное сужденіе по поводу рапорта на имя намѣстника... Старшій сынъ Ильева временно вступилъ въ должность.

Масѣичу было приказано сидѣть безвыходно дома, а къ нему запрещено пускать кого либо. Старому слугѣ дозволено было выйти и явиться только на похороны своего барина. Старикъ провинился тѣмъ, что доложилъ барышнѣ, что покойникъ предъ кончиной, видно, бился и метался. Судя по постели и бѣлью, Масѣичъ выводилъ заключеніе совсѣмъ несообразное. Пуще всего разгнѣвалась за что-то барышня на Дениса Иваныча, сразу лишила его званія оберъ-рунта и приказала содержать подъ арестомъ. Впрочемъ, Змглодъ снова захворалъ шибко и лежалъ въ постели.

Но истинно диковинное было еще впереди. Готовилось такое, о чемъ высокцы и помыслить бы впередъ не могли. Панихиды и молебны, похороны и свадьбы, поминальныя трапезы и свадебные пиры — въ перемѣшку...

XXVI.

Послѣ торжественныхъ и пышныхъ похоронъ стараго барина состоялся поминальный обѣдъ. Помимо своихъ всѣхъ были приглашены къ столу, конечно, всѣ пріѣзжіе гости, дворяне и чиновники губернскіе. Даже самъ губернаторскій товарищъ, запоздавшій къ отпѣванію, былъ въ числѣ гостей.

Послѣ обѣда было имъ объявлено во всеуслышаніе: «Съ разрѣшенія намѣстника, дворянка дѣвица Касаткина облечена властью управлять всѣмъ, впредь до вскрытія завѣщанія покойнаго, если таковое въ опекунскомъ совѣтѣ въ Москвѣ окажется».

Послѣ этого объявленія Сусанна Юрьевна сурово объявила всѣмъ отъ себя второе, еще болѣе важное и нежданное: «Во исполненіе воли покойнаго, много разъ высказанной всѣмъ и каждому, слѣдуетъ не медля узаконить его завѣтное желаніе... Послѣ поминокъ въ девятый день, не отлагая нимало вопреки обычаю, на десятый же день быть бракосочетанію наслѣдницы Дарьи Аникитишны съ ея давно нареченнымъ, Дмитріемъ Андреевичемъ», дабы тотчасъ же Высокса снова принадлежала Басманъ-Басановымъ.

Прошли эти девять дней, и дѣйствительно на слѣдующій, десятый, вся Высокса была въ храмѣ и вокругъ храма молясь за брачащихся, а затѣмъ явилась въ домъ на свадебный пиръ...

Новобрачный былъ радостенъ и особенно ласковъ со всѣми, какъ бы обѣщая менѣе суровые порядки въ будущемъ. Всѣ вздохнули свободнѣе, видя новаго Басманъ-Басанова молодого, веселаго, привѣтливаго...

Новобрачная была — краше въ гробъ кладутъ! Убита ли она была горемъ по отцѣ? Или иное что?.. Одна Сусанна Юрьевна знала правду.

Два раза пыталась Дарьюшка воспротивиться подъ наущеньемъ любимаго человѣка... Но онъ, князь Давыдъ, вдругъ пропалъ, сгинулъ... Его услали или увезли во Владиміръ... А Дарьюшка полуживая, безропотно надѣла подвѣнечное платье и только обливалась слезами и въ храмѣ, и за свадебнымъ пиромъ...

Въ день свадьбы, уже вечеромъ, къ барышнѣ явился по ея вызову, яко бы опальный и хворающій Змглодъ...

Сусанна Юрьевна, оставшись наединѣ съ нимъ, обняла его и заплакала:

— Ну, Денисъ Иванычъ, проси, чего хочешь.

— Мнѣ только Аллу!..—отозвался Змглодъ.—А успокоеніе совѣсти... не въ вашей волѣ. Да чаю я — и это придетъ!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Графъ Саліасъ.

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ [1].

XIII.

Коронація императора Павла.—Празднества коронаціи въ Москвѣ и Петербургѣ.—Опала Суворова.—Графъ Никита Панинъ.—Отъѣздъ императорской четы изъ Москвы.—Нездоровье великой княгини Елисаветы.—Пребываніе двора въ Павловскѣ.—Военныя тревоги.—Несчастный случай съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.

ЕРЕМОНІЯ коронаціи совершилась 5-го апрѣля, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ Успенскомъ соборѣ. Посреди храма, противъ алтаря, устроили возвышеніе, на которое былъ поставленъ тронъ императора, а тронъ императрицы былъ въ сторонѣ, въ небольшомъ отъ него разстояніи. Направо устроено было возвышенное мѣсто для императорской фамиліи, а напротивъ другое; кругомъ церкви подымались ступени для публики. Императоръ самъ возложилъ на себя корону, потомъ короновалъ императрицу, снявъ корону съ своей головы и дотронувшись ею до головы своей супруги, на которую тотчасъ же надѣли малую корону. Послѣ обѣдни, причастія, миропомазанія и молебна, императоръ велѣлъ прочесть вслухъ, съ возвышенія, на которомъ находился его тронъ, учрежденіе объ импе-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVI, стр. 407.

раторской фамиліи, которое онъ велѣлъ составить. Этимъ актомъ государь установилъ порядокъ престолонаслѣдія, изъ котораго исключилъ лицъ женскаго пола, допуская ихъ къ престолонаслѣдію лишь по пресѣченіи мужской линіи. Онъ предвидѣлъ въ актѣ случай несовершеннолѣтія наслѣдника престола, опредѣлилъ положеніе вдовствующихъ императрицъ и великихъ княгинь, со всѣми преимуществами, приличествующими ихъ сану, но и съ нѣкоторыми ограниченіями. Этотъ актъ былъ положенъ на престолъ въ алтарѣ церкви, гдѣ былъ прочтенъ. Ихъ величества обѣдали на тронѣ въ большой дворцовой залѣ. Зала эта построена въ первомъ этажѣ, со сводами, и поддерживается готическими столбами. Со стороны входа возвышается трибуна, откуда императорская фамилія видѣла обѣденный столъ. Три остальныя стороны имѣютъ на извѣстномъ разстояніи небольшія окна, затянутыя, какъ и полъ, краснымъ сукномъ, что̀ придавало совершенно оригинальный видъ этой залѣ и сдѣлало очень непріятными послѣдующіе балы, которые въ ней давали. Рядомъ съ трибуной была малая комната, гдѣ поданъ былъ обѣдъ императорской фамиліи и польскому королю, который присутствовалъ на всѣхъ церемоніяхъ коронаціи въ королевской мантіи. Послѣ обѣда ихъ величества, въ ожиданіи вечерни, отправились къ своимъ молоденькимъ невѣсткамъ, которыхъ помѣстили во дворцѣ, но обстановка ихъ была такъ не комфортабельна, что великая княгиня Елисавета провела послѣобѣденное время, сидя на сундукѣ, хотя и была въ парадномъ платьѣ.

Пожалованія и производства, состоявшіяся во время коронаціи, были значительны. Императоръ высказалъ по этому поводу великому князю Александру, что ему пріятно видѣть его расположеніе къ князьямъ Чарторижскимъ, и спросилъ, что̀ бы имъ сдѣлать пріятнаго. Великій князь, зная расположеніе отца ко всему военному, полагалъ укрыть ихъ отъ будущей немилости и выказать князей въ хорошемъ свѣтѣ въ глазахъ императора, выразивъ отъ ихъ имени желаніе вступить въ военную службу. Дѣйствительно, государь очень хорошо принялъ эту просьбу и зачислилъ обоихъ князей въ качествѣ адъютантовъ: старшаго—къ великому князю Александру, а младшаго—къ великому князю Константину, и въ то же время очень любезно разрѣшилъ имъ отпускъ въ Галицію для свиданія съ родными. Отпускъ считался тогда знакомъ необычайнаго благоволенія, особенно въ это время года, такъ какъ онъ допускался только осенью. Это назначеніе, соединявшее, по служебной обязанности, князя Адама Чарторижскаго съ особой великаго князя Александра и допускавшее близость князя къ его императорскому высочеству, не понравилось большинству и было источникомъ многихъ дальнѣйшихъ событій. Князь Безбородко былъ осыпанъ безчисленнымъ богатствомъ.

Императоръ имѣлъ при себѣ своего камердинера-цирюльника, по фамиліи Кутайсова [1]), турка по происхожденію, привезеннаго въ Россію еще ребенкомъ и крещеннаго въ православіе. Императоръ былъ его крестнымъ отцомъ. Во время коронаціи государь назначилъ его гардеробмейстеромъ на мѣсто, созданное для него. Быстрое возвышеніе Кутайсова обратило на себя всеобщее вниманіе, особенно когда въ концѣ того же года онъ получилъ аннинскую ленту.

Дворъ присутствовалъ на обѣднѣ въ понедѣльникъ и во вторникъ на Святой, въ различныхъ соборахъ Кремля, а начиная со среды, ихъ величества, въ продолженіе болѣе двухъ недѣль, проводили каждое утро на тронѣ въ большой залѣ, принимая поздравленія. Императоръ находилъ, что было слишкомъ мало представлявшихся лицъ. Императрица повторяла безпрестанно, будто слышала отъ императрицы Екатерины, что во время ея коронаціи толпа, цѣловавшая ея руку, была такъ велика, что рука ея величества даже распухла, и императрица Марія выражала неудовольствіе, что рука ея не пухнетъ. Оберъ-церемоніймейстеръ, г. Валуевъ, желая удовлетворить ихъ величества, заставлялъ однихъ и тѣхъ же лицъ появляться по нѣскольку разъ подъ разными наименованіями. Случалось, напримѣръ, что одно и то же лицо занимало различныя должности, и г. Валуевъ, который желалъ удвоить число представлявшихся, заставлялъ его являться въ одинъ и тотъ же день, то какъ сенатора, то какъ депутата отъ дворянства, то какъ члена того или другого учрежденія. Все императорское семейство и дворъ присутствовали съ самаго начала при этихъ поздравленіяхъ. Императоръ и императрица возсѣдали на своихъ тронахъ. Императорская фамилія находилась по ихъ правую руку, окруженная своей свитой, а различныя корпораціи, равно какъ и московскія дамы, которыхъ также заставляли возвращаться по нѣскольку разъ, торжественно подходили къ трону, кланялись, подымались по ступенямъ, цѣловали руку ихъ величествъ и удалялись въ другую сторону. Переворотъ, вслѣдствіе котораго послѣ самаго кроткаго царствованія послѣдовалъ терроръ, произвелъ неожиданное дѣйствіе, объяснимое только тѣмъ, что крайности сходятся: когда не дрожали, то впадали въ шумную веселость. Никогда такъ много не смѣялись, никогда такъ хорошо не схватывали и не развивали смѣшную сторону; нерѣдко случалось видѣть, какъ саркастическій смѣхъ смѣнялся на лицѣ выраженіемъ ужаса. Надо сознаться, что никогда торжественность въ обстановкѣ не подавала болѣе повода къ смѣшнымъ сопоставленіямъ, такъ какъ смѣшное, гдѣ бы оно ни было, не ускользаетъ безнаказаннымъ отъ тонкаго ума. Императоръ, согласно своему

[1]) Кутайсовъ, Иванъ Павловичъ (ум. 1834 г.), къ концу царствованія Павла сдѣланъ былъ графомъ, оберъ-шталмейстеромъ и Андреевскимъ кавалеромъ.

характеру, преувеличивалъ значеніе представительства [1]). Императоръ точно удовлетворялъ своей долгосдерживаемой страсти и впадалъ въ мелочность. Можно было бы сказать иногда, что Павелъ похожъ былъ на тщеславное частное лице, которому разрѣшили играть роль государя, такъ что онъ и стѣшилъ насладиться удовольствіемъ, пока у него его не отняли. Недостатокъ чувства собственнаго достоинства, проявлявшійся у императрицы въ ея новой роли, дѣтская радость, которую она испытывала по этому поводу и которую не могла скрыть,—то и другое не ускользало отъ публики, и она вознаграждала себя отъ постояннаго состоянія страха, въ которомъ находилась вслѣдствіе характера императора, шутками, часто самыми мѣткими. Въ шуткахъ этихъ упражнялись особенно во время поздравленій, о которыхъ упоминалось, и, сказать правду, онѣ помогали переносить скуку и усталость этой церемоніи. Придворные кавалеры, окружавшіе великихъ князей, особенно мужъ мой и князь Голицынъ [2]), дѣлали свои тонкія и забавныя замѣчанія на счетъ публики и всего происходившаго. Благодаря отдаленности ихъ отъ мѣста, которое занимали ихъ величества, можно было такимъ образомъ немного оживить эти скучныя утреннія собранія.

Состоялось также нѣсколько парадныхъ баловъ, сдѣлавшихся источникомъ безпокойства для императрицы и г-жи Нелидовой. Среди громаднаго количества московскихъ дамъ, пріѣзжавшихъ ко двору, было нѣсколько хорошенькихъ, между прочими, княжны Щербатовы [3]) и дѣвицы Лопухины [4]). Послѣднія особенно привлекли на себя вниманіе императора. Онъ нѣсколько разъ заговаривалъ о нихъ. Утвер-

---

[1]) Не могу не сдѣлать здѣсь замѣчанія, что эта крайняя любовь императора Павла къ этикету имѣла непріятныя послѣдствія для царствованія его сына. Императоръ Александръ былъ, какъ и всѣ, смущенъ крайностями отца въ этомъ направленіи, и отъ его вниманія не ускользала ни одна шутка, ни одна жалоба. При вступленіи своемъ на престолъ онъ бросился въ противоположную крайность и создалъ много недовольныхъ, уничтоживъ, насколько возможно, всѣ мелочи этикета. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

[2]) Князь Александръ Николаевичъ, камеръ-юнкеръ, впослѣдствіи д. т. совѣтникъ, оберъ-прокуроръ синода, министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, мистикъ, р. 1778, † 1844 г.

[3]) Княжны Анна Андреевна и Марья Андреевна, дочери кн. Андрея Николаевича Щербатова (р. 1726, † 1816) и супруги его, урожд. Яворской. Княжна Анна Андреевна (р. 1778) была потомъ фрейлиной императрицы, полюбила незнатнаго, некрасиваго и бывшаго моложе ея Д. Н. Блудова и, несмотря на долгое сопротивленіе ея матери, вышла за него. Д. Н. Блудовъ былъ впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ, президентомъ академіи наукъ и предсѣдателемъ государственнаго совѣта, писатель. По разсказамъ современниковъ, кн. Анна Андреевна была очень похожа на императрицу Елисавету Алексѣевну.

[4]) Дочери д. т. с. Петра Васильевича Лопухина отъ перваго брака его съ Прасковьей Ивановной Левшиной, княжны Екатерина Петровна, въ замужествѣ съ 1797 г. съ гофм. Григоріемъ Петровичемъ Демидовымъ († 1830), и княжна Анна Петровна (р. 1777 г., † 1805 г.), въ замужествѣ съ 1800 г. съ генералъ-адъютантомъ кн. Павломъ Гавр. Гагаринымъ,

ждаютъ даже, что императрица и m-lle Нелидова такъ этимъ обезпокоились, что ускорили отъѣздъ императора изъ Москвы. Императоръ жилъ попеременно или въ Кремлѣ, или въ домѣ Безбородко, и такъ какъ каждый переѣздъ изъ одного мѣста въ другое давалъ поводъ къ торжественному въѣзду, императоръ повторялъ свои переѣзды насколько возможно чаще. Дворъ нѣсколько разъ ѣздилъ также въ окрестности Москвы, въ монастыри Троицкій и Воскресенскій; этотъ послѣдній называется также Новымъ Іерусалимомъ. Ѣздили въ село Коломенское, мѣсто рожденія Петра Великаго, въ Царицыно, императорскій дворецъ съ прелестнымъ мѣстоположеніемъ, и въ село Архангельское, которымъ владѣлъ тогда князь Николай Голицынъ. Императоръ совершалъ всѣ эти поѣздки въ большихъ, шести, а иногда восьми-мѣстныхъ каретахъ. Дорогой секретари его стоя читали ему доклады о текущихъ дѣлахъ, а именно—военные рапорты и разнаго рода всеподданнѣйшія прошенія. Великая княгиня Елисавета, находившаяся въ каретѣ императора, говорила мнѣ, что она часто, при этихъ докладахъ, удивлялась раздражительности императора, когда что нибудь ему случайно не нравилось, и холодной жестокости, съ которой онъ подшучивалъ надъ помощью, за которой обращались къ нему несчастные. Возможно, что вслѣдствіе молодости и неопытности великая княгиня Елисавета могла ошибиться относительно дѣйствительныхъ мыслей императора, но подобныя шутки возмущали ее. Итальянская опера и дворянское собраніе, которымъ ихъ величества сдѣлали честь своимъ присутствіемъ, обѣдъ у польскаго короля, парадная прогулка въ придворномъ саду и другая перваго мая, на публичномъ гуляньѣ,—вотъ въ чемъ заключались послѣднія празднества коронаціи.

Я не присутствовала ни на одномъ изъ тѣхъ, которыя давались въ это время въ Петербургѣ. Я оставалась съ m-me Толстой въ вѣчномъ сердечномъ траурѣ и не считала себя обязанной ѣздить на публичныя увеселенія, но все же вынуждена была поѣхать на костюмированный балъ, на который всѣ явились не столько по доброй волѣ, сколько по приказанію полиціи. Тѣ, которые отказывались бы повиноваться, были бы внесены въ извѣстный списокъ, и такимъ образомъ о нихъ доведено было бы до свѣдѣнія императора. Поэтому я отправилась на этотъ печальный праздникъ, такъ же какъ и г-жа Толстая. При открытіи бала съиграли полонезъ, который я привыкла слышать въ счастливыя времена. Музыка эта сдѣлала на меня ужасное впечатлѣніе: рыданія душили меня. Шумныя увеселенія и празднества тяжело дѣйствуютъ на горе, конвульсивная улыбка яснѣе выражаетъ страданія. Я бѣжала отъ свѣта, который былъ мнѣ противенъ; смерть была въ моемъ сердцѣ, глаза мои, повидимому, искали ея, какъ успокоенія. Мы вернулись, изнемогая отъ усталости, точно послѣ тяжелой и опасной поѣздки.

Во время коронаціи князь Репнинъ получилъ письмо отъ графа

Михаила Румянцева [1]), который служилъ тогда въ чинѣ генералъ-лейтенанта подъ командой фельдмаршала Суворова. Графъ Михаилъ былъ самый ограниченный, но очень гордый человѣкъ и, сверхъ того, сплетникъ, не лучше старой бабы. Фельдмаршалъ обращался съ нимъ по его заслугамъ; графъ оскорбился и рѣшилъ отомстить. Онъ написалъ кн. Репнину, будто фельдмаршалъ волновалъ умы, и далъ ему понять, что готовится бунтъ. Князь Репнинъ чувствовалъ всю лживость этого извѣстія, но не могъ отказать себѣ въ удовольствіи подслужиться и навредить фельдмаршалу, заслугамъ котораго онъ завидовалъ. Поэтому онъ сообщилъ письмо графа Румянцева гр. Растопчину. Этотъ послѣдній представилъ ему, насколько было опасно возбуждать рѣзкій характеръ императора. Доводы его не произвели, однако, никакого впечатлѣнія на кн. Репнина: онъ самъ доложилъ письмо Румянцева его величеству, и Суворовъ подвергся ссылкѣ.

Несчастный характеръ императора Павла заставилъ его сдѣлать такъ много несправедливостей, что съ трудомъ можно согласовать ихъ съ предположеніемъ, что онъ обладалъ прекрасной душею. Я позволю себѣ прервать на минуту мой разсказъ и привести малоизвѣстный, но вѣрный анекдотъ, въ доказательство величія и врожденной доброты, коренившейся въ глубинѣ души этого государя.

Графъ Панинъ, сынъ гр. Петра Панина, о которомъ я говорила выше, ни въ чемъ не похожъ на своего отца. У него нѣтъ ни силы характера, ни благородства въ поступкахъ; умъ его способенъ только возбуждать смуты и интриги. Императоръ Павелъ, будучи еще великимъ княземъ, выказывалъ ему участіе, какъ къ племяннику гр. Никиты Панина, своего воспитателя. Графъ Панинъ воспользовался добрымъ расположеніемъ великаго князя, удвоилъ стараніе и угодливость и достигъ того, что заслужилъ его довѣріе. Замѣтивъ дурныя отношенія между императрицей и ея сыномъ, онъ захотѣлъ нанести имъ послѣдній ударъ, чтобы быть въ состояніи удовлетворить потомъ своимъ честолюбивымъ и даже преступнымъ замысламъ. Поужинавъ однажды въ городѣ, онъ вернулся въ Гатчину и испросилъ у великаго князя частную аудіенцію для сообщенія ему самыхъ важныхъ новостей. Великій князь назначилъ, въ какомъ часу онъ можетъ прійти къ нему въ кабинетъ. Графъ вошелъ съ смущеннымъ видомъ, очень ловко прикрылъ свое коварство маской прямодушія и сказалъ наконецъ великому князю съ притворной нерѣшительностью, будто пришелъ сообщить ему извѣстіе самое ужасное для его сердца: дѣло шло о заговорѣ, составленномъ противъ него императрицей матерью, думали даже посягнуть на его жизнь. Великій князь спросилъ у него, зналъ ли онъ заговорщиковъ, и, по-

[1]) Графъ Михаилъ Петровичъ Румянцевъ, сынъ фельдмаршала, д. т. с., оберъ-шенкъ, † 1806 г. Въ описываемое время онъ былъ генералъ-поручикомъ.

лучивъ утвердительный отвѣтъ, велѣлъ ему написать ихъ имена. Графъ Панинъ составилъ длинный списокъ, который былъ плодомъ его воображенія. «Подпишитесь», сказалъ затѣмъ великій князь. Панинъ подписался. Тогда великій князь схватилъ бумагу и сказалъ: «ступайте отсюда, предатель, и никогда не попадайтесь мнѣ на глаза». Великій князь потомъ сообщилъ своей матери объ этой низкой клеветѣ. Императрица была такъ же возмущена ею, какъ и онъ. Списокъ, составленный Панинымъ, оставался у великаго князя Павла Петровича въ особомъ ящикѣ, который онъ всегда хранилъ въ своей спальнѣ.

Возвратимся къ тому, что происходило при дворѣ послѣ коронаціи. 3 мая, императоръ оставилъ Москву съ своими сыновьями, съ цѣлію объѣхать губерніи, только что пріобрѣтенныя по раздѣлу Польши, а оттуда вернуться прямо въ Петербургъ. Императрица уѣхала изъ Москвы въ одно время съ императоромъ, вмѣстѣ съ великими княгинями, своими невѣстками, и великой княжной Александрой, своей дочерью. Ея величество объявила имъ всѣмъ троимъ, что онѣ не будутъ разставаться съ нею ни днемъ, ни ночью, и дѣйствительно дорогой, какъ и по пріѣздѣ въ Павловскъ, она приказала имъ всѣмъ тремъ спать въ ея комнатѣ. У великихъ княгинь Елисаветы и Анны не было даже другого помѣщенія, какъ только аппартаменты государыни.

Здоровье великой княгини Елисаветы, которое устояло отъ различныхъ испытаній предшествовавшей зимы и отъ утомленія во время коронаціи, ослабѣло наконецъ къ тому времени. Великая княгиня впала въ изнурительную болѣзнь, сопровождавшуюся страданіями, которыя заставляли ее ожидать возвращенія императора съ крайнимъ нетерпѣніемъ, чтобы избавиться по крайней мѣрѣ отъ зависимости, въ которой она находилась. Наконецъ эта минута наступила. Въ послѣднихъ числахъ мая императрица выѣхала со свитой на встрѣчу императору въ Гатчину, гдѣ императорская чета провела только нѣсколько дней, послѣ чего дворъ вернулся въ Павловскъ. Старались всѣми средствами заставить позабыть прошлое царствованіе, и одинъ изъ способовъ, употребленныхъ для этой цѣли, заключался въ перемѣнѣ мѣстопребыванія двора. Императрица Марія питаетъ къ Царскому Селу чувство отчужденія, примѣнимое только къ какому—нибудь лицу: она чувствуетъ къ нему ревность за созданный ею Павловскъ. Вслѣдствіе этого, царскосельскій дворецъ, достойный царскаго мѣстопребыванія, гдѣ вся свита могла прилично размѣститься, былъ покинутъ и разоренъ, такъ какъ самыя лучшія его вещи перевезены въ Павловскъ, мѣсто красивое, но нисколько не соотвѣтствовавшее двору, который, поневолѣ, долженъ былъ тамъ находиться, потому что Павловскъ сдѣлался мѣстопребыванiемъ государя, склоннаго къ пышности и представительности. На скорую руку возведено было нѣсколько построекъ, но эти постройки

составляли, наравнѣ съ окружающимъ, самый поразительный контрастъ съ сооруженіями прошлаго царствованія. Екатерина II велѣла воздвигнуть великолѣпный дворецъ въ Царскомъ Селѣ для своего внука, а императрица Марія помѣстила наслѣдника престола въ хижинѣ, пока ему строили деревянный домъ по ея приказанію. Помѣщеніе великаго князя Александра было весьма тѣсно, но великая княгиня Елисавета чувствовала себя тамъ очень счастливой, сравнительно съ тремя недѣлями, проведенными ею во дворцѣ.

Однажды вечеромъ (это было 2-го августа), когда государь, окруженный дворомъ и своимъ обычнымъ обществомъ, прогуливался въ саду Павловска, услышали вдругъ звуки барабана, на которые обратили особое вниманіе, такъ какъ для вечерней зари было еще рано. Изумленный государь остановился. Звуки барабана раздавались уже повсюду. «Да это — тревога!» вскричалъ Павелъ и быстрыми шагами возвратился ко дворцу, сопровождаемый великими князьями и военными. Императрица, съ остальною частію общества, слѣдовала за нимъ издали. Приблизившись ко дворцу, нашли, что одна изъ ведшихъ къ нему дорогъ занята была частію гвардейскихъ полковъ; кромѣ того, со всѣхъ сторонъ и со всевозможною поспѣшностію стекались ко дворцу и кавалерія, и пѣхота. Спрашивали, куда нужно было идти, сталкивались, и на дорогѣ, недостаточно широкой для скопленія войскъ, кавалерія, пожарный обозъ, военныя повозки прокладывали себѣ путь съ ужасными криками. Императрица, опираясь на руку одного придворнаго, пробиралась чрезъ эту толпу, спрашивая объ императорѣ, котораго она потеряла изъ виду. Безпорядокъ, наконецъ, сдѣлался такъ великъ, что нѣкоторыя дамы, именно великія княгини, принуждены были перескочить черезъ заборъ, чтобы не быть раздавленными. Вскорѣ войскамъ данъ былъ приказъ раздѣлиться. Повернули ко дворцу. Императоръ былъ взволнованъ и въ дурномъ расположеніи духа. Аллей было много, и войска продолжали прибывать къ дворцу въ теченіе всего вечера. Подобное и безъ всякой уважительной причины скопленіе войскъ, имѣвшихъ репутацію безпокойныхъ, коими были гвардейцы, могло только встревожить такой подозрительный и недовѣрчивый характеръ, какимъ былъ характеръ императора. Послѣ долгихъ розысковъ открыли, что вся эта суматоха произведена была трубою, на которой играли въ конногвардейскихъ казармахъ. Въ ближайшихъ казармахъ вообразили, что это — сигналъ къ тревогѣ, повторили его, и такимъ образомъ тревога распространялась отъ одного полка къ другому. Войска думали, что это была дѣйствительно тревога, испытаніе, но дворъ и общество, которые, съ самаго начала царствованія, усвоили себѣ образъ мыслей, заставлявшій предугадывать о концѣ его, постарались объяснить совершенно иначе событіе этого дня и особенно то, которое случилось черезъ день. Ничто не способствуетъ такъ къ измѣнѣ, какъ постоянно высказываемая

боязнь ея. Павелъ I не умѣлъ скрывать, до какой степени этотъ страхъ отравлялъ его душу. Боязнь эта проявлялась во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и много допущенныхъ имъ жестокостей были слѣдствіемъ этого постояннаго чувства его души, и, раздражая умы, онѣ привели наконецъ къ тому, что дали полное основаніе къ оправданію его подозрительности.

Черезъ день, почти въ тотъ же часъ, когда дворъ прогуливался въ другой части сада, прилегающей къ большой дорогѣ и отдѣленной отъ нея лишь оградой, вдругъ услышали звукъ трубы, и нѣсколько кавалеристовъ во всю прыть проскакали по тропинкѣ, прилегавшей къ большой дорогѣ. Императоръ въ гнѣвѣ бросился на нихъ съ поднятою палкой и принудилъ возвратиться назадъ. Великіе князья и адъютанты торопились послѣдовать его примѣру. Всѣ были очень удивлены этой второй сценой. Императрица въ особенности потеряла голову. Она закричала, обратившись къ камергерамъ: «бѣгите, господа, спасайте вашего государя!» Затѣмъ, увидѣвъ возлѣ себя графа Феликса Патоцкаго [1]), добраго малаго, но довольно неуклюжаго толстяка, питавшаго смѣшную боязнь къ императору, она схватила его за руку и толкнула впередъ. Рѣдко можно видѣть смѣшнѣе фигуру, чѣмъ фигура, которую изображалъ собою въ это время бѣдный графъ Феликсъ, не понимавшій, чего отъ него хотѣли, и болѣе испуганный криками императрицы, чѣмъ опасностью, которой подвергался императоръ. На этотъ разъ войскамъ помѣшали собраться, но никогда не узнали достовѣрно истинной причины этой второй суматохи: никто не могъ или не хотѣлъ объяснить ее. Говорили, что, будучи убѣждены въ томъ, что суматоха, происшедшая за день до того, была тревогой, произведенной по приказанію императора, гвардейцы были ежеминутно наготовѣ ко второй, и что легкій шумъ показался имъ сигналомъ; другіе утверждали, что сигналъ данъ былъ дурнымъ шутникомъ съ цѣлію произвести смятеніе, подобное предыдущему. Въ концѣ концовъ нѣкоторые были наказаны, и затѣмъ ничего подобнаго болѣе не повторялось.

Нездоровье великой княгини Елисаветы все усиливалось. Она получила позволеніе не являться при дворѣ и провести нѣсколько недѣль въ полномъ уединеніи. Доктора предписали ей употребить это время на лѣченіе. Пока она вела эту уединенную жизнь, великій князь Александръ едва не погибъ и былъ спасенъ только чудомъ. Какъ-то утромъ онъ присутствовалъ съ императоромъ на ученіи. Онъ былъ верхомъ позади его величества на краю пригорка. Движеніе войска, вслѣдствіе котораго ружья блеснули на солнцѣ, испугало лошадь великаго князя; она стала на дыбы, заднія ноги ея оступились, и она покатилась съ своимъ всадникомъ подъ гору.

---

[1]) Графъ Феликсъ Францовичъ, генералъ отъ инфантеріи (р. 1752 г., † 1805 г.).

Не смѣли подойти къ великому князю: думали, что онъ убитъ, но онъ только очень расшибся и, лишь благодаря своей молодости, онъ отдѣлался небольшимъ поврежденіемъ ключицы: еслибъ онъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше, то она была бы сломана.

XIV.

Отношеніе графини Головиной къ графинѣ Толстой.— Чувства графини Головиной.— Принцесса Тарантъ.— Морскіе маневры у Кронштадта.— Помолвка короля шведскаго съ принцессой баденской. — Огорченіе великой княгини Елисаветы.— Отношенія принцессы Тарантъ къ графинѣ Головиной.— Жизнь при дворѣ.— Смерть герцога виртембергскаго и короля Станислава Понятовскаго.— Построеніе Михайловскаго замка.— Рожденіе великаго князя Михаила Павловича.— Прибытіе корпуса принца Конде въ Россію.— Смерть матери императрицы Маріи.— Начало интригъ при дворѣ противъ императрицы и Нелидовой.

Лѣто 1797 г. проводила я съ графиней Толстой, въ имѣніи ея матери, княгини Барятинской [1]), въ пяти верстахъ отъ петергофскаго дворца, куда въ іюлѣ переѣхалъ дворъ ко дню ангела государыни. Графъ Толстой и мужъ мой дѣлили время между нами и дворомъ. Имѣніе наше было счастливо расположено: домъ возвышался на небольшомъ пригоркѣ, прелестный видъ разстилался на заливъ, къ дому вела красивая аллея, со всѣхъ сторонъ были мѣста для прогулки, лѣса, сады, масса цвѣтовъ, плодовъ. Изъ окна моего кабинета виднѣлся направо городъ, а налѣво — безбрежное море. Жили мы дружно, счастливо, въ кругу дѣтей нашихъ; съ ними мы занимались по цѣлымъ днямъ и радовались ихъ развитію. Старшія дочери наши были однихъ лѣтъ и видимо старались быть вмѣстѣ; мы, матери, съ удовольствіемъ слѣдили за ихъ возникавшей дружбой; вторая дочь графини Толстой была замѣчательно умной дѣвочкой, тремя-четырьмя годами моложе своей сестры; моей же младшей дочери и сыну графини было около двухъ лѣтъ. Чрезвычайно отрадно было видѣть, какъ дѣти наши, точно ангелы, рвали цвѣты и, граціозно приподнявъ платьица, бѣжали показать ихъ намъ и подѣлиться своими впечатлѣніями. Какъ любила я сидѣть по вечерамъ на балконѣ и слѣдить за закатомъ солнца! Картины прошлаго вставали передо мной, но чаще всего останавливалась я на воспоминаніяхъ о великой княгинѣ Елисаветѣ, о которой память была для меня священна. Мысленно сравнивала я тихій, прекрасный вечеръ съ спокойнымъ состояніемъ духа, которое даетъ намъ возможность тонко подмѣчать все неуловимое, ускользающее отъ нашего вниманія, когда

---

[1]) То-есть урожденной принцесы Голштейнъ-Бекской († 1811 г.). Имѣніе ея расположено было возлѣ нынѣшней Знаменки.

мы взволнованы и въ безпокойствѣ. Я вспоминала все прошлое величіе, всѣ малѣйшія подробности временъ моей близости къ великой княгинѣ, и горячія слезы текли неудержимо при воспоминаніи о той, которая осыпала меня своими благодѣяніями и которой я обязана счастіемъ познавать и любить то, что мнѣ всегда будетъ неизмѣримо дорого.

Чувство преданности къ любимому государю совершенно особенно и несравненно съ другимъ; чтобы понять, надо испытать его — не иначе. Мыслимо ли сравнивать это чувство съ гордостью? Нѣтъ, это глубокая, безпредѣльная преданность; гордость и тщеславіе — низкія и личныя побужденія души, тогда какъ преданность своему государю — чувство вполнѣ самоотверженное. Никто никогда не хочетъ оцѣнить, не хочетъ понять этого чистаго, идеальнаго чувства: ему всегда приписываютъ личныя искательства, основанныя на тщеславіи и экзальтаціи. Высокій санъ государя, повидимому, не допускаетъ малѣйшей близости между нимъ и подданнымъ, но позволю себѣ высказать, что, разсуждая такимъ образомъ, упускаютъ изъ виду сердце и душу, которыя уничтожаютъ разстояніе между государемъ и подданнымъ, не нарушая должнаго почтенія къ государю. Истинно вѣрноподданническое чувство побуждаетъ человѣка къ правдивому выраженію своихъ мнѣній, и эти мнѣнія должны быть выражены открыто. Трудно переносить слабости своихъ государей; скорѣе можно предпочесть въ нихъ жестокость: надо имѣть опору и въ томъ, что должно быть гарантіей нашей безопасности и нашей силы.

Теперь кстати упомянуть и о пріѣздѣ принцессы Тарантъ, урожденной герцогини де-Тремуйль [1]), въ то же время, когда дворъ находился еще въ Петергофѣ. Принцесса эта была дочь герцога Шатильона, пэра Франціи, послѣдняго въ своемъ родѣ; она была статсъ-дамой несчастной королевы французской и едва не сдѣлалась жертвой непоколебимой преданности своимъ государямъ. Императоръ Павелъ и императрица Марія познакомились съ ней во время своего путешествія въ Парижъ. Они часто видѣлись у ея бабушки, герцогини де-ла-Вальеръ. Твердость, съ которой принцесса переносила свои несчастія, возбудила уваженіе и участіе ихъ императорскихъ величествъ. По совѣту своего деверя, принцесса, во избѣжаніе казни, эмигрировала въ Лондонъ тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы. Король и королева были тогда уже заключены въ Тампль. Не имѣя возможности раздѣлить ихъ участь, принцесса Тарантъ согласилась временно оставить родину, но вскорѣ вышелъ декретъ, воспре-

[1]) Принцесса Луиза Эммануиловна, статсъ-дама, королевы Маріи-Антуанетты, извѣстная своею приверженностію къ французскому королевскому дому и дѣятельностію на пользу католической и іезуитской пропаганды въ Россіи, такъ какъ была ревностной католичкой, р. 1743 г., † 1814 г.

щавшій эмигрантамъ возвращеніе во Францію. Принцесса была въ несчастіи и страдала отъ бѣдности. Ужасная участь короля и королевы переполнили чашу ея горестей. Послѣ пятилѣтняго пребыванія ея въ Лондонѣ, императоръ Павелъ и императрица Марія, по вступленіи своемъ на престолъ, послали ей чрезвычайно радушное и въ высшей степени деликатное приглашеніе пріѣхать къ нимъ, предлагая ей письменно помѣстье въ Россіи, гдѣ бы она могла жить спокойно съ своимъ семействомъ. Сначала принцесса Тарантъ думала отвергнуть это выгодное предложеніе, въ виду того, что ей трудно было разстаться съ трауромъ, столь гармонировавшимъ съ ея вѣчною скорбью, и она довольствовалась пенсіей въ двѣ тысячи рублей, которую въ продолженіе трехъ лѣтъ высылала ей королева неаполитанская. Но мысль о тѣхъ выгодахъ, которыя могли извлечь изъ этого радушнаго предложенія императора ея сестра и семейство, побудила принцессу на путешествіе въ Россію, хотя она не имѣла другого ручательства, какъ только письмо императрицы, и ни о чемъ болѣе не просила государыни. Семейство ея извѣстно было ихъ величествамъ, которыя тайно помогали ей еще до вступленія своего на престолъ.

Принцесса Тарантъ, жившая въ Лондонѣ скромно, въ сторонѣ отъ большого свѣта, рѣшилась на эту новую жертву и, послѣ семнадцати-дневнаго плаванія, пріѣхала въ Кронштадтъ за нѣсколько дней до петергофскаго праздника. Пріѣздъ ея заинтересовалъ меня. Дядя мой [1]) зналъ хорошо ея бабушку и мать и часто говорилъ мнѣ о нихъ. Я поджидала ее съ сердечнымъ участіемъ, а не съ обычнымъ празднымъ любопытствомъ, возбуждаемымъ новою личностью.

Нѣкоторые изъ посѣщавшихъ насъ придворныхъ сообщили намъ подробности ея пріема при дворѣ, надѣлавшаго много шума. Пріѣхала она въ воскресенье, въ часъ по полудни, и послѣ обѣда была введена въ кабинетъ ихъ величествъ, которыя приняли ее съ особенною благосклонностію. Императрица приколола ей малую звѣзду установленнаго на новыхъ началахъ ордена св. Екатерины, котораго она была главою. Въ понедѣльникъ и во вторникъ ихъ величества осыпали вновь прибывшую своимъ высокимъ вниманіемъ, заботами, цѣнными подарками, предложенными въ деликатной формѣ. Принцесса Тарантъ сдѣлалась послѣ этого центромъ всеобщаго вниманія. Въ среду, въ день ангела императрицы, всѣ придворныя дамы собрались еще до обѣдни въ залѣ, у галлереи, ведущей въ дворцовую церковь. Всѣ ожидали высочайшаго выхода тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, что и принцесса Тарантъ должна была принять въ немъ участіе. Всѣ поражены были ея печальнымъ видомъ и осанкой, полной достоинства; я же была глубоко тронута, смотря на нее. Послѣ обѣдни принцесса была возведена въ званіе статсъ-дамы и получила портретъ. На другой день дворъ возвратился въ городъ, въ Таври-

[1]) И. И. Шуваловъ.

ческій дворецъ. За ужиномъ императоръ посадилъ принцессу около себя, былъ къ ней очень внимателенъ и съ видимымъ участіемъ и интересомъ говорилъ о Франціи. Интересъ и удовольствіе, которые государь показывалъ въ бесѣдѣ съ принцессой, возбудили подозрѣніе и безпокойство князя Александра Куракина, человѣка ограниченнаго и большого интригана. Онъ вообразилъ себѣ, что императоръ можетъ серіозно привязаться къ принцессѣ Тарантъ и удалить г-жу Нелидову; поэтому онъ услужливо поспѣшилъ сообщить этой послѣдней свои низкія предположенія. Г-жа Нелидова взволновалась при одной мысли о новой интригѣ и, въ свою очередь, поспѣшила поговорить о томъ съ императрицей, ревность которой легко было возбудить. Государыня и г-жа Нелидова возстановили государя противъ принцессы, которая, ничего не подозрѣвая, отправилась на другой день въ Таврическій дворецъ, чтобы слѣдовать за дворомъ въ Смольный институтъ. При выходѣ ихъ величествъ, государыня обратилась къ графинѣ Шуваловой, стоявшей рядомъ съ принцессой Тарантъ, поговорила съ ней, и затѣмъ, смѣривъ принцессу съ головы до ногъ, повернулась къ ней спиной въ тотъ моментъ, когда принцесса начала говорить ей привѣтствіе, съ которымъ она сочла нужнымъ обратиться къ ея величеству; государь же даже и не взглянулъ на нее. Эта внезапная перемѣна поразила и смутила принцессу. Г. Плещеевъ, въ которомъ она возбудила участіе, подошелъ къ ней, вскорѣ по пріѣздѣ въ Смольный монастырь, и предупредилъ, что она подверглась окончательной немилости, что она не получитъ приглашенія въ Павловскъ, куда дворъ долженъ былъ возвратиться въ тотъ же день, и что, изъ уваженія къ волѣ императора, онъ проситъ ее избѣжать встрѣчи съ государемъ на его обратномъ пути. Такъ окончился четырехдневный фаворъ принцессы! Результатомъ обѣщаній оказалась пенсія въ три тысячи рублей отъ императора и въ тысячу двѣсти отъ императрицы въ теченіе пребыванія принцессы въ Россіи.

Нѣсколько дней послѣ петергофскаго праздника императоръ отправился моремъ въ Ревель. Императрица, несмотря на то, что была въ тягости уже три мѣсяца, непремѣнно пожелала участвовать въ путешествіи. Г-жи Нелидова и Протасова сопровождали государыню. Великіе князья и довольно многолюдная свита слѣдовали за ихъ величествами. Императоръ и приближенные его отплыли на фрегатѣ «Эммануилъ», приспособленномъ для значительнаго количества пассажировъ и отдѣланномъ съ такимъ изяществомъ, какого трудно было ожидать на кораблѣ. Этотъ фрегатъ составлялъ часть эскадры, на судахъ которой расположилась свита. Штиль задержалъ императора на рейдѣ въ продолженіе четырехъ или пяти дней противъ Ораніенбаума [1]), гдѣ великія княгини Елисавета и Анна

[1]) Императоръ только что подарилъ эту императорскую дачу великому князю Александру, а великому князю Константину дачу въ Стрѣльнѣ.

должны были оставаться во время отсутствія ихъ величествъ. Всѣ эти дни великія княгини обѣдали на фрегатѣ и возвращались оттуда только вечеромъ. Онѣ пріѣзжали изъ Ораніенбаума, а остальная часть двора получила предписаніе ожидать возвращенія императора въ Петергофѣ. Государь принималъ многихъ въ бытность свою на рейдѣ, въ томъ числѣ г. Пюклера, виртембергскаго посланника, который очень смѣшилъ всѣхъ своимъ ломаннымъ французскимъ языкомъ. Какъ-то разъ послѣ обѣда m-lle Ренне, фрейлина великой княгини Анны [1]), прилегла на диванчикѣ, въ палаткѣ на рубкѣ, въ ожиданіи отъѣзда великихъ княгинь. Входитъ г. Пюклеръ. M-lle де-Ренне тотчасъ привстала, но г. Пюклеръ, замѣтивъ это, сказалъ: «О, очень жаль: поза была такая прелестная!»

Наконецъ, снялись съ якоря, но со слѣдующаго же дня и до выхода изъ залива разразилась такая сильная буря, что многія изъ судовъ эскадры оказались безъ мачтъ, и пришлось опять бросить якорь. Испытавъ качку въ теченіе сутокъ, ихъ величества почувствовали нерасположеніе къ морской прогулкѣ и поспѣшили, какъ можно скорѣе, возвратиться въ Петергофъ, гдѣ весь дворъ остался еще съ недѣлю.

Въ подтвержденіе оригинальности императора приведу здѣсь анекдотъ того времени. Княжна Шаховская, впослѣдствіи княгиня Голицына, фрейлина великой княгини Елисаветы, была дежурною въ продолженіе всего сезона и сопровождала дворъ во всѣхъ его путешествіяхъ. Она была красива. Императоръ замѣтилъ это. На одномъ изъ петергофскихъ парадовъ его величество велѣлъ внести въ приказъ благодарность великому князю Александру за то, что у него такая хорошенькая фрейлина при дворѣ. Полагаютъ, что эта шутка очень раздосадовала г-жу Нелидову, и что съ того времени она возненавидѣла княжну Шаховскую [2]).

Проведя дня два въ городѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, дворъ вернулся въ Павловскъ, откуда, въ половинѣ августа, переѣхалъ въ Гатчину. Въ концѣ пребыванія въ Павловскѣ великая княгиня Елисавета получила письмо отъ принцессы, своей матери, въ которомъ говорилось, что принцесса-мать ѣдетъ въ Саксонію повидаться съ сестрой своей, герцогиней Саксенъ-Веймарской. Кромѣ того, на бѣломъ листкѣ бумаги, симпатическими чернилами были написаны слѣдующія слова: «Представьте себѣ мое удивленіе: г. Таубе, который въ данную минуту здѣсь, отъ имени шведскаго короля проситъ у меня руки одной изъ вашихъ младшихъ сестеръ. Я этимъ

---

[1]) Дочь гофмейстерины двора великой княгини Анны Ѳеодоровны, Маріи Андреевны фонъ-Ренне и генералъ-поручика Карла Ивановича фонъ-Ренне.

[2]) Княжна Наталія Ѳедоровна (род. 1779 г., ум. 1807 г.), любимая фрейлина императрицы Елисаветы Алексѣевны, была затѣмъ въ замужествѣ съ гофмейстеромъ кн. Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ (р. 1772 г., ум. 1821 г.).

такъ поражена, что не знаю, что и отвѣчать». Какъ только дворъ пріѣхалъ въ Гатчину и великія княгини вернулись въ свои аппартаменты, императрица тотчасъ велѣла просить къ себѣ великую княгиню Елисавету. Императрица сидѣла за столомъ, съ газетою въ рукахъ, а г-жа Нелидова стояла позади. Входитъ великая княгиня Елисавета, и императрица съ горячностію обращается къ ней: «Это что значитъ? Шведскій король женится на вашей сестрѣ?» — «Въ первый разъ слышу»,—отвѣчаетъ великая княгиня. — «Это напечатано въ газетахъ».—«Я ихъ не читала».—«Не можетъ быть. Вы знали. Мать ваша назначаетъ свиданіе шведскому королю въ Саксоніи и везетъ туда съ собой вашихъ сестеръ».—«Мнѣ писали, что мать моя собирается поѣхать въ Саксонію для свиданія съ тетушкой. Другой цѣли я у нея не знаю».—«Неправда. Не можетъ быть! Это недостойный поступокъ относительно меня съ вашей стороны. Вы не откровенны со мной. По вашей милости лишь изъ газетъ узнаю я объ обидѣ, которую наносятъ моей бѣдной Alexandrine. И, главное, это случилось какъ разъ въ то время, когда намъ подавали надежду, что свадьба состоится. Это ужасно! Это положительно низко!»—«Но я, право, не виновата». — «Вы знали и не предупредили меня. Вы не оказали мнѣ тѣмъ ни довѣрія, ни должнаго уваженія».—«Нѣтъ. Я не знала. Впрочемъ, письма мои вѣдь читаютъ на почтѣ. Потрудитесь справиться о томъ, что мнѣ пишетъ моя мать». Великая княгиня Елисавета произнесла это послѣднее слово въ сильномъ волненіи и даже раздраженіи, вслѣдствіе сдѣланной ей ея свекровью непріятной сцены. Выслушавъ еще цѣлый потокъ несдержанной рѣчи, великая княгиня удалилась. Съ этой минуты императрица не говорила съ ней болѣе и не только замѣтно относилась къ ней съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, но дѣлала на счетъ великой княгини намеки, которые, несмотря на желаніе государыни, выходили скорѣе жалкими, чѣмъ колкими. Какъ-то вечеромъ великія княгини отправились гулять вмѣстѣ съ ихъ величествами. Великая княгиня Елисавета приблизилась къ государынѣ съ намѣреніемъ поцѣловать ея руку. Императрица, хотя и протянула ее, но сухо, не отъ души. Великая княгиня поцѣловала ее искренно; однако государыня, вмѣсто того, чтобы обнять свою невѣстку, сказала ей съ большой горечью: «Вы гордитесь и не хотите болѣе цѣловать мою руку, потому что сестра ваша — королева». Великая княгиня, вмѣсто отвѣта, пожала плечами и тѣмъ такъ раздражила императрицу, что она повторила то же и великой княгинѣ Аннѣ. Императоръ ничѣмъ не выражалъ своего неудовольствія великой княгинѣ и ни въ чемъ не измѣнилъ своего обращенія относительно ея. Какъ-то разъ государь сказалъ ей въ шутку: «Ваша сестра идетъ по слѣдамъ моей дочери».— «Очень, очень жалѣю», отвѣчала великая княгиня. «Впрочемъ, намъ это безразлично: мы всегда найдемъ, за кого выдать Alexandrine», возразилъ государь.

Немилость, въ которую впала принцесса Тарантъ, не удивила, а скорѣе огорчила меня. Выразить ей это я не могла: принцесса была совсѣмъ въ другомъ кругу: она сблизилась съ супругой князя Алексѣя Куракина [1]), а особенно съ княгиней Долгорукой [2]), которыя незамѣтнымъ образомъ дѣлали все возможное, чтобы она меня не посѣщала. Послѣ моего возвращенія въ городъ, принцесса сдѣлала однако визитъ моей матери и мнѣ. Я отдала ей его безъ особой поспѣшности. Нѣсколько дней спустя, мой дядя далъ въ честь ея ужинъ, на которомъ я принимала гостей. Отношенія наши съ принцессой были нѣсколько натянуты: ее увѣрили, что я—большая педантка, держу себя неестественно и съ большими претензіями. Принцесса сказала мнѣ впослѣдствіи, что она боялась меня, какъ женщины сухой и ученой. Мнѣ извѣстны были всѣ эти мелкія интриги, я знала, что цѣлью ихъ было удалить ее отъ меня, и я сказала графинѣ Толстой: «Въ скоромъ времени принцесса Тарантъ будетъ ежедневно моей гостьей: мнѣ это предвѣщаетъ сердце, а оно рѣдко меня обманывало». Послѣ одного или двухъ визитовъ ея ко мнѣ, я пригласила ее къ обѣду, но наканунѣ назначеннаго дня, вечеромъ, моя младшая дочь и дочь графини Толстой заболѣли оспой, и я написала вѣжливый отказъ принцессѣ Тарантъ, высказывая ей свое искреннее сожалѣніе, что не могу ее принять. Дочь моя была въ сильной опасности, а дочь графини Толстой, хотя и не такъ серьезно заболѣла, умерла въ конвульсіяхъ. Я присутствовала при ея кончинѣ. Несчастная мать ея была въ самомъ жалкомъ положеніи. Я отвела къ себѣ убитыхъ горемъ отца и мать. Графъ прожилъ недѣли двѣ на половинѣ моего мужа, а графиня—у меня, и я ухаживала и заботилась о ней не менѣе мѣсяца. По прошествіи шести недѣль принцесса Тарантъ написала мнѣ, прося увѣдомить, можетъ ли она навѣстить меня. Я отвѣчала утвердительно. Мы сидѣли вмѣстѣ съ графиней, когда она вошла. Принцесса была поражена горестнымъ выраженіемъ лица графини Толстой и невольно подалась назадъ, но я пошла ей на встрѣчу и пригласила ее сѣсть между нами. Принцесса не рѣшалась повернуть головы въ сторону графини, а еще менѣе заговорить съ ней, какъ вдругъ съ графиней Толстой сдѣлался сильный нервный припадокъ. Принцесса обняла и отвела ее въ глубь моего кабинета, гдѣ успокоивала и ухаживала за ней съ величайшей заботливостью, такъ какъ силы окончательно покинули. Когда графиня поуспокоилась, принцесса Тарантъ подошла ко мнѣ и сказала: «Теперь вы безпокоитесь и чувствуете себя несчастной, позвольте же мнѣ возвратиться къ вамъ завтра». И, дѣйствительно, она каждый день навѣщала меня. Мы легко подружились: насъ сблизило горе. Она оплакивала любимую государыню... Кому же, какъ не мнѣ, было понять ее!

---

[1]) Княгиня Наталія Ивановна, урожденная Головина (р. 1768 г., † 1831 г.).
[2]) Княгиня Екатерина Ѳеодоровна.

Дворъ оставался въ Гатчинѣ до 1-го ноября. Въ началѣ его пребыванія тамъ были маневры гвардейскихъ полковъ, которые вездѣ слѣдовали за императоромъ. Маневры повторялись ежегодно въ одно и то же время, за исключеніемъ 1799 г., когда состоялся походъ въ Италію. Въ концѣ сезона, по вечерамъ, бывали спектакли; по большей части давалась итальянская опера, не потому, чтобы государь не любилъ французскихъ комедій, но во время траура по императрицѣ, подходившаго уже къ концу, французская труппа выбыла изъ Петербурга, и составъ ея еще не былъ возобновленъ. Дворъ выѣхалъ изъ Гатчины 4-го, и 5-го ноября прибылъ въ Царское Село, годовщину дня, когда съ императрицей Екатериной II сдѣлался апоплексическій ударъ. Лицамъ, которыя еще искренно сожалѣли о почившей, отрадно было помолиться за нее въ томъ мѣстѣ, въ которомъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, все напоминало о ней; къ тому же и время года придавало этому прекрасному мѣсту грустный оттѣнокъ, вполнѣ подходящій къ случаю. Это былъ послѣдній день траура. По пріѣздѣ въ городъ, дворъ тотчасъ повелъ совсѣмъ другой образъ жизни, чѣмъ въ прошломъ году...

Аппартаменты, частные и офиціальные, предназначенные для представленія ихъ величествамъ, были отдѣланы заново. Театръ эрмитажа, куда Екатерина II приглашала только избранныхъ, былъ одинаково открытъ для всѣхъ, кто имѣлъ на то право по чину, а также и для гвардейскихъ офицеровъ. Блестящая свита слѣдовала за государемъ и его августѣйшимъ семействомъ въ то мѣсто, откуда Екатерина II всегда ее удаляла.

За четыре недѣли до разрѣшенія своего отъ бремени императрица получила извѣстіе о смерти отца своего, владѣтельнаго герцога виртембергскаго. Ея величество провела въ уединеніи эти послѣднія четыре недѣли, что не помѣшало императору и остальнымъ членамъ семьи попрежнему показываться въ обществѣ. Польскій король умеръ въ началѣ 1798 г. Для него это не было несчастіемъ, потому что жизнь для него была далеко непривлекательна. Хотя онъ уже не смѣлъ претендовать на тронъ, предоставленный ему Екатериной II, все же онъ былъ королемъ и имѣлъ время привыкнуть къ почету, который оказывали его сану. Роль, которую приходилось ему играть въ Петербургѣ, могла быть только тяжела для человѣка съ его умомъ и самолюбіемъ. Его содержаніе принято было на счетъ двора. Жилъ онъ въ императорскихъ дворцахъ: зимой въ Мраморномъ, а лѣтомъ въ Каменноостровскомъ. Вынужденный часто бывать при дворѣ, онъ, наравнѣ съ другими, страдалъ отъ неровностей характера императора Павла; но въ томъ возрастѣ, въ которомъ находился король, и при его положеніи, ему, конечно, было еще труднѣе ихъ выносить. Онъ жилъ открыто, и кончина его была потерей для петербургскаго общества. Скончался онъ отъ удара, совершенно такъ же, какъ и Екатерина II, и былъ погребенъ въ

С.-Петербургѣ, въ католической церкви, со всѣми почестями, приличествующими его сану.

28 января, у императрицы родился сынъ, котораго назвали Михаиломъ, по обѣту, данному императоромъ. Не было никакого труда давать надлежащее направленіе живому воображенію государя, при его наклонности къ мистицизму, и нѣсколько лицъ, приближенныхъ къ государю, занялись этимъ дѣломъ. Ходила молва, будто съ перваго дня царствованія государя часовому Лѣтняго дворца было видѣніе Архангела Михаила; ему приписывали даже слова, значеніе которыхъ было, впрочемъ, не совсѣмъ опредѣленно. Какъ бы тамъ ни было, но въ скоромъ времени послѣ того велѣно было сломать старый Лѣтній дворецъ, и императоръ, по возвращеніи своемъ изъ Москвы, положилъ первый камень при закладкѣ Михайловскаго дворца, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ Лѣтній. Въ продолженіе всего своего царствованія онъ съ особеннымъ стараніемъ занимался возведеніемъ этого зданія. Государь разстроилъ даже свои финансы вслѣдствіе той поспѣшности и стремленія къ роскоши, которыя проявилъ онъ при постройкѣ дворца, но едва только дворецъ былъ оконченъ постройкой, и его величество думалъ насладиться въ немъ жизнію, какъ этотъ же дворецъ сдѣлался его могилой и поэтому былъ заброшенъ его наслѣдникомъ. При первомъ извѣстіи о чудесномъ видѣніи часовому, императоръ Павелъ далъ обѣтъ, въ случаѣ, если у него будетъ еще сынъ, назвать его Михаиломъ.

Въ скоромъ времени послѣ разрѣшенія императрицы отъ бремени, въ Петербургъ пріѣхалъ герцогъ Энгіенскій къ своему дѣдушкѣ, принцу Конде, который уже два мѣсяца какъ былъ тамъ. Герцогъ Энгіенскій представился ихъ величествамъ на придворномъ балу въ эрмитажѣ точно такъ же, какъ сдѣлалъ это и принцъ Конде при своемъ прибытіи. Лѣтомъ 1797 года, послѣ мира при Кампоформіо, заключеннаго между Австріей и Франціей, корпусъ принца Конде оказался безъ дѣла; тогда императоръ Павелъ предложилъ ему службу и помѣстья въ своемъ государствѣ. Предложеніе императора было принято съ горячей признательностью. Князь Горчаковъ отправился за корпусомъ принца Конде, находившимся на Дунаѣ, и привелъ его въ Волынь, куда онъ прибылъ въ концѣ того же года. Герцогъ Энгіенскій находился при корпусѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ лишь послѣ того, какъ корпусъ расположенъ былъ въ Дубно. Принцъ Конде уже ожидалъ его тамъ. Графъ Шуваловъ посланъ былъ на встрѣчу принца Конде черезъ границу съ шубами, которыя онъ долженъ былъ поднести принцу отъ имени императора при его пріѣздѣ въ Петербургъ. Его высочеству былъ отведенъ Таврическій дворецъ, такъ какъ домъ Чернышева, который былъ купленъ для принца императоромъ, и на которомъ виднѣлась уже надпись «Hôtel de Condé» (отель Конде), не былъ еще окончательно отдѣланъ; принцу доложили при этомъ, что для него при-

готовленъ ужинъ, къ которому ему предоставляется пригласить кого пожелаетъ. На другой день къ принцу пріѣхали съ визитомъ оба великіе князья и всѣ высокопоставленныя особы. Императоръ вручилъ ему орденъ Андрея Первозваннаго и большой крестъ Мальтійскаго ордена. Послѣ этого никто никогда не могъ понять, что было причиною того охлажденія, которое государь сталъ вскорѣ ему показывать. Принцъ Конде и герцогъ Энгіенскій оставили Петербургъ въ концѣ февраля, или въ началѣ марта, 1798 года и отправились въ Дубно. Въ продолженіе этого года маркизъ де-Монтессонъ осмотрѣлъ нѣсколько губерній, въ которыхъ предположено было учредить нѣсколько колоній для эмигрантовъ, но дѣло это не состоялось. Въ 1799 году, корпусъ принца Конде принималъ не безъ славы участіе въ блестящемъ походѣ фельдмаршала Суворова, но, послѣ этой кампаніи, намѣренія петербургскаго кабинета измѣнились, и принцъ Конде, увѣдомленный, что Россія готовится сблизиться съ Бонапартомъ, началъ вести переговоры съ Англіей, предлагая свой корпусъ этой державѣ, которая дѣйствительно и приняла его; но императоръ Павелъ, узнавъ объ этихъ переговорахъ и не желая, чтобы принцъ его предупредилъ, поспѣшилъ издать приказъ о распущеніи корпуса. Корпусъ былъ тогда въ Нижней Австріи. Англія, въ свою очередь, вскорѣ расформировала его, и это славное войско, въ былое время такое преданное, само собою распалось, такъ какъ многіе изъ солдатъ и офицеровъ его возвратились во Францію.

Роды императрицы были трудны, но не опасны. Такъ какъ она въ то время лишилась своего постояннаго акушера, то пригласила акушера изъ Берлина. Этотъ господинъ, подкупленный, вѣроятно, тѣми, кто желалъ подорвать кредитъ императрицы и Нелидовой, именно Кутайсовымъ, объявилъ государю, что онъ не отвѣчаетъ за жизнь императрицы въ случаѣ вторичныхъ родовъ. Это послужило источникомъ всевозможныхъ интригъ, происходившихъ въ теченіе года. Едва оправившись, императрица получила извѣстіе о смерти принцессы-матери въ то время, когда ожидала ее въ Россію. Ея величество была поражена этимъ несчастіемъ, и государь удвоилъ тогда вниманіе и нѣжность къ своей супругѣ.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СИДОРУШКИНЪ ГРѢХЪ.

ЛУБОКАЯ осень стоитъ надъ огромнымъ, въ три слободы разметавшимся, селомъ Луговымъ. Хмурый октябрь нахлобучилъ свою сѣрую шапку и словно плачетъ о прошедшихъ хорошихъ дняхъ недавняго лѣта. Вѣтеръ завываетъ погребальную пѣснь отжившему вёдру и гулко проноситъ ее стономъ истомнымъ по лѣсамъ, лугамъ и осиротѣвшему, помертвѣлому жнивью.

Ока вторитъ этой пѣснѣ, катя свои помутнѣвшія волны сѣдыми, угрюмыми валами. Чуетъ ли она близкій плѣнъ свой подъ ледянымъ покровомъ? Чуетъ ли она, что долго уже не услышитъ лихой пѣсни съ бечевника, пароходнаго свиста и плеска судовъ и суденышекъ?...

Невесело!..

Даже около жилья, на улицѣ села, мертво и безлюдно. Не только людей, но и животовъ [1]) нигдѣ не видно—все попряталось отъ непогоды. Даже свиньи и тѣ не бродятъ по огромной, никогда не просыхающей, лужѣ возлѣ избы дѣдушки Панфила Медовича.

Панфилъ, кромѣ избы, имѣлъ еще и пасѣку, которая раскинулась на высокомъ обрывистомъ берегу рѣки, отчего это мѣсто и получило названіе «Пчеловой горы», а самъ дѣдъ Панфилъ—прозвище «Медовича».

На закатѣ дней Медовичъ женилъ единственнаго сына своего, Сидора, на Аленѣ, тихой, смирной, болѣзненной и какой-то безчув-

[1]) Скотина.

ственно-равнодушной ко всему дѣвкѣ изъ сосѣдняго «холопскаго» [1]) поселка; отдалъ сыну со снохой всю землю свою—душевой надѣлъ, избу съ плетневымъ дворомъ, сарай, амбаръ, скотинку, «животовъ», какіе были, а самъ переселился на любимую свою пасѣку Пчеловой горы: «я де и здѣсь сытъ буду».

Сталъ жить Сидорушка со своей хворой Аленой и сыномъ Никиткой: пахалъ, сѣялъ, хлѣбъ убиралъ съ родительской земельки и не то, чтобъ объѣдался, но и не голодалъ.

Въ ту пору, о которой идетъ нашъ разсказъ, Сидорушкѣ уже былъ сорокъ шестой годъ отъ роду, а Никиткѣ со Вздвиженія пошелъ девятнадцатый. Панфилъ давно умеръ, да и Алена недолго прожила съ мужемъ.

Едва дождался Сидоръ, когда подростетъ сынишка. Очень трудно было ему. И потому, едва сынъ достигъ жениховскаго, съ грѣхомъ пополамъ, возраста, отецъ поторопился подыскать ему невѣсту. Попалась дѣвка хорошая изъ того же села Луговаго—красотка Параша, Петра Краснаго дочка. Заслалъ Сидорушка сватовъ, ударили по рукамъ и роспили магарычъ. Со свадьбой торопились, потому что скоро наступали филипповки [2]). Да и женихъ съ невѣстой спѣшили. Ужъ такіе-то оба они были красивые, статные; давно приглянулись они другъ другу. Еще раньше, чѣмъ подумалъ Сидоръ, они уже любили другъ друга. Позалѣтошный годъ, когда на троицынъ день вѣнки на воду спускали, и Параша немного отстала отъ хоровода, возвращаясь домой, Никитка, вздумавшій караулить ее въ сосѣднемъ лѣсочкѣ, выскочилъ изъ своей засады, когда она проходила, крѣпко обнялъ дѣвку и такъ бы и замеръ, если бы Параша, со звонкимъ смѣхомъ, не оттолкнула прочь баловня. И сейчасъ еще помнилъ Никитка и этотъ поцѣлуй, и самое выраженіе лица Параши—не то какъ будто сердитое, не то насмѣшливое—и сладко и жутко становилось пареньку, чѣмъ ближе приступалъ день вѣнчанія.

Пришелъ, наконецъ, и желанный день.

Много выпили вина и родные, и гости, и дружки, и поѣзжане, много горланили пѣсенъ. Много цѣловались молодые, когда ноябрьская ночь скрыла ихъ въ отведенной имъ «бѣлой половинѣ», и смолкли крики, пѣсни и пьяный гомонъ разъѣхавшихся гостей. Кончилось пированіе, и все вошло въ обычную колею.

Принялся Сидорушка за хозяйственныя дѣла. Началась молотьба втроемъ: свекръ да молодица-сноха съ мужемъ. Впрочемъ, немного пришлось и похлопотать. Годъ былъ неурожайный; до новины все равно своимъ хлѣбомъ не обойтись. А тутъ еще староста пристаетъ съ податями—подавать надо...

---

[1]) Холопами и до сего дня прозываются бывшіе крѣпостные помѣщичьи крестьяне въ отличіе отъ бывшихъ государственныхъ или «экономическихъ».

[2]) Рождественскій постъ.

Задешево продали ржицы «міроѣду»—слава Богу, съ этимъ дѣломъ управились. Не растратилъ бы только староста денегъ до станового. Не-то сызнова взыщутъ.

Опять принялись молотить. Яровое почти совсѣмъ не уродилось отъ засухи. Сѣна тоже мало убрали. Кормовъ не будетъ. Стало быть, скотинку лишнюю сбывать надо. А ужъ осенью цѣна на скотъ, всѣмъ извѣстно, какая бываетъ: полтина за рубль.

Эхъ, трудный годъ!..

Сильно сталъ задумываться Сидорушка: какъ быть, что дѣлать? А на ту бѣду Севастьянъ-рядчикъ, каждый годъ уходившій съ артелью овчинниковъ на работу, тутъ какъ тутъ: «отдай, говоритъ, Никитку въ артель».

Сидорушка было уперся:

— Какъ такъ Никитки рѣшиться?..[1]) А какъ же мнѣ тутъ одному-то управиться?.. Обàпола [2]) дома нешто мало дѣловъ-то?.. Да опять жана, похоже, не пуститъ!—возражалъ онъ ему.

— Э, жана!..— засмѣялся рядчикъ, — нешто жана яво кормить будетъ. Что-жъ у тебя нонеча, Панфилычъ, новые порядки пошли? Стало, хозяиномъ-то у тебя въ домѣ сноха чтоль-ча?...

Сидорушка замолчалъ и поникъ головой. Доводы Севастьяна казались ему основательными. Да и пятьдесятъ рублей задатку давалъ онъ ему въ руки и четверть вина за-руки ставилъ. Очень ужъ желался Севастьяну Никитка: малый трезвый, сильный, работящій, покорливый.

Подумалъ, подумалъ Сидорушка: годъ ужъ очень трудный. А пятьдесятъ рублей, по деревенскому обиходу, деньги большія: и хлѣбушка, и корму для скотинки запасти можно.

Согласился Сидорушка. Ударили съ Севастьяномъ по рукамъ, роспили четверть въ кабакѣ и разсчитались задаткомъ, при чемъ Севастьянъ удержалъ за дорогу двадцать рублей, почему Сидорушкѣ приходилось уже не пятьдесятъ рублей, какъ Севастьянъ говорилъ, а только тридцать.

Ни земные поклоны, которые клалъ передъ отцомъ узнавшій о своей участи Никитка, ни слезы и причитанія молодой снохи, ни уговоры и просьбы родныхъ молодухи не сломили рѣшенія Сидорушки. Заладилъ одно: «годъ трудный», да и все тутъ. Ничего не подѣлаешь—очень ужъ упористъ былъ Сидорушка.

Больше всѣхъ убивался разлукой Никитка. Тяжело ему было разставаться съ молодою женою. Насталъ и день отъѣзда. Пошла Параша со свекромъ въ городъ проводить безутѣшнаго Никитку. Попили они чайку въ трактирѣ, поплакали съ Никиткой на прощаніе и, когда разстались, поплакали бы еще, еслибъ... еслибъ въ

---

[1]) Лишиться.

[2]) Около.

этотъ день не было ярмарки въ городѣ, и взоры молодой красавицы не развлеклись бы блескомъ множества кумачей, ситцевъ, китаекъ, цвѣтныхъ платковъ и шалей, бусъ, сережекъ съ цвѣтными камешками и иныхъ прелестей, соблазнительно раскинутыхъ на прилавкѣ заѣзжихъ краснорядцевъ.

Побѣжала Параша, проводивши Никитку, прямо въ красный рядъ, вмѣстѣ съ свекромъ своимъ; накупила сноха обновокъ: голубую отрѣзную шаль съ затканными по ней разводами, китайки на рукава подъ безрукавку, да золоченныхъ бусъ на ожерелокъ. Горятъ у нея глаза, разрумянилась молодица не то отъ мороза, не то отъ удовольствія, а про Никитку какъ будто и забыла.

Идетъ Никитка по дорогѣ въ дальній край. Стучатъ его шаги по мерзлой землѣ.

Эхъ, сердечный, добро ли вернешься подъ родимый кровъ?..

Стоитъ Сидорушка возлѣ красавицы снохи и посматриваетъ на нее такъ ласково, будто она ему дочка родная.

Побрели они, наконецъ, домой. Сидорушка все поглядываетъ на сноху. Невесело у него что-то на душѣ. Опустилъ онъ голову и все о чемъ-то задумывается. А Параша идетъ, какъ будто и горюшка-то у нея нѣтъ. Гремитъ по дорогѣ мѣдными подковами полусапожекъ, сѣмечки грызетъ, да пѣсни одна другой веселѣе затягиваетъ.

— Эхъ, да и краля... — подумалъ Сидорушка, взглянувъ еще разъ на сноху.—Никитка наказывалъ: смотри, отецъ, не проморгай Параньку!.. – вспомнилъ онъ просьбу сына, когда онъ уходилъ.—И то не проморгать бы!.. Ишь вотъ какая красота!.. Озорниковъ нешто мало?..

Отъ этой одной мысли его ожгло, какъ пламенемъ.

— Горло перекушу зубами!..—подумалъ онъ злобно.—Горло перекушу, кто близко подойдетъ!..

— Ай не жаль хозяина—все пѣсни горланишь?..—спросилъ онъ Парашу, притворяясь сердитымъ.

— Какъ не жаль?.. съ чего-й-то ты, отецъ?..—покачала она на него своей красивой головкой.

— Знать, съ горя пѣсни веселыя играешь? — снова спросилъ Сидорушка, ядовито улыбнувшись.

— И-то, отецъ, съ горя... Утѣшаюсь,—отрѣзала Параша, сплевывая шелуху разгрызеннаго подсолнуха.

Наступила зима. Снѣжная пелена окутала землю. Посѣдѣлъ зеленъ лугъ и Пчеловая гора. Занесло пасѣку дѣда Панфила высокими сугробами—не перелѣзешь.

И хатки въ селѣ еле виднѣются, какъ будто въ снѣгу онѣ вырыты. Ока-рѣка съ землей сравнялась: осилилъ ее морозъ-удалой молодецъ, заполонилъ онъ ее, строптивую, въ долгій плѣнъ, заточилъ онъ ее въ свой ледяной острогъ.

Настало Рождество. Сходили православные въ церковь, отстояли утреню, обѣдню, разговѣлись по христіанскому обряду, отдохнули, а вечеромъ, когда ведреное, морозное небо засвѣтилось толпой своихъ путеводныхъ блестокъ, когда кроткій ликъ мѣсяца выплылъ изъ-за горы и залилъ мирную деревенскую картину своимъ мягкимъ свѣтомъ, — молодежь высыпала на улицу. Хохоча и толкая другъ друга, схватились за руки дѣвки, молодицы и парни, грянулъ веселый хороводъ, далече прокатился задорный посвистъ подголоска. Дождались праздника Христова, слава Богу. Всѣмъ любо, всѣмъ весело.

И Параша тамъ съ подругами да съ парнями. Не помня своего Никитку, она весело играетъ [1]) пѣсню за пѣсней. Чаще всѣхъ ей приходится выходить на середину круга «сударушкой» [2]), и каждый разъ, какъ на смѣхъ, все съ тѣмъ же Андрюшкой Маркинымъ, солдатомъ. А и хватъ же этотъ Андрюшка Маркинъ: усъ молодой кольцемъ, какъ на картинкахъ рисуютъ; глаза, словно жаръ, горятъ; надѣнетъ шинель свою съ краснымъ погономъ, заломитъ шапку съ мерлушьимъ околышемъ и мѣдной «присягой» [3])—красавецъ.

Гдѣ же деревенскимъ парнямъ противъ него слово сказать смѣшливое, или колѣно какое ни на есть выкинуть, или же взглянуть такъ, что у любой красотки полымемъ пробѣжитъ за плечами?... Хватъ—хватъ и есть.

— На нашу сестру добре́ — плутъ, — хихикали между собой дѣвки. Да и молодицы давались диву, откуда этотъ самый, всѣмъ имъ давно извѣстный Андрюшка, рѣшительно ничѣмъ прежде не отличавшійся отъ прочихъ, лишь только побывалъ въ военной службѣ, понабрался теперь такихъ молодецкихъ рѣчей и ухватокъ?.. Повѣрялись другъ другу тайные разсказы о домогательствахъ «добре-плута» Андрюшки, повѣствовалось, какъ онъ караулилъ Аксюшку Чернавку у водопоя, или изловилъ Манекшу (Манеоу), Оськину хозяйку, въ полѣ, когда она бѣгала искать вырвавшагося изъ закуты хряка; или еще о томъ, какъ Андрюшка «ладился» подъ Гашку «Ступа», и что «сама-то» она теперича, Гашка, головушка болѣзная, по ёмъ, какъ есть—помираетъ.

Словомъ, разсказовъ и «облетныхъ» [4]) тайнъ, передаваемыхъ другъ другу на ухо, было множество, и за «хватомъ» Андрюшкой все болѣе и болѣе упрочивалась слава соблазнителя и покорителя женскихъ сердецъ.

---

[1]) Въ пріокскихъ губерніяхъ не говорятъ пѣть, а играть пѣсни.

[2]) Особенная затѣя въ хороводѣ.

[3]) Крестьяне такъ называютъ двуглавый орелъ или государственный гербъ.

[4]) Облетною тайною крестьяне называютъ бабью тайну. Комментаріи кажутся намъ излишними.

А Параша все слушала да посмѣивалась про себя.

Въ послѣднее время она замѣтила, что Андрюшка только на нее и смотритъ, ею любуется. Увѣренность въ этомъ окончательно закрѣпилась въ ней, когда «хватъ» потихоньку сунулъ ей однажды леденцовъ и каленыхъ орѣховъ, за которыми нарочно посылалъ въ городъ маленькаго братишку.

Нравился ли ей самой деревенскій соблазнитель—кто знаетъ?.. Во всякомъ случаѣ она не отслоняла его отъ себя. Ей было и страшно и любо на душѣ отъ этого какого-то прянаго, дотолѣ еще неизвѣданнаго ею ощущенія.

Видѣлъ все это молчаливо слѣдившій за снохою Сидорушка, видѣлъ... и не весело было ему.

Угрюмо сиживалъ онъ по вечерамъ на заваленкѣ, слушая пѣсни, въ кругу стариковъ. Нехотя перекидывался онъ съ ними рѣдкими словами, разсѣянно слушая ихъ разговоры и часто зря, невпопадъ, отвѣчая на предлагаемые ему вопросы. Не думалось ему теперь ни о какомъ дѣлѣ. Перемѣнился совсѣмъ Сидорушка, и признать-то въ немъ прежняго было нельзя.

— Скучаетъ по Никиткѣ,—рѣшили межъ себой его односельчане.

— Панфилычъ, а Панфилычъ... Чего голову-то повѣсилъ?.. Полно горевать объ Никиткѣ... Не пропадетъ — не махонькій... Придетъ — денегъ принесетъ... Пойдемъ-кась въ трактиръ, тамъ и завьемъ горе веревочкой,—утѣшали Сидорушку старики.

И онъ шелъ за ними въ трактиръ и пилъ съ ними вино: да не помогало пить-то... Сначала будто маленько полегчаетъ, а тамъ еще хуже засосетъ.

Тогда только отлегало отъ сердца, — Сидорушка самъ это сталъ примѣчать,—когда ему приходилось оставаться дома вдвоемъ со снохой. Тогда онъ былъ увѣренъ, что никто на нее не заглядывается, тогда онъ могъ безбоязненно смотрѣть на нее, любоваться ею. И морщины его тогда сглаживались, и полуулыбка освѣщала дотолѣ угрюмое лицо.

— Что-жъ это я?.. Али вовсе сдурѣлъ?..—тихо вопрошалъ онъ, ловя самого себя на этомъ созерцаніи, на этой улыбкѣ.

А Андрюша тѣмъ временемъ не зѣвалъ. Бѣсомъ подкатывался онъ къ Парашѣ, гдѣ и когда только могъ; случаевъ для встрѣчи на селѣ развѣ мало? — только захоти. За короткое время онъ уже добился многаго: и за рученки-то бѣлыя ее держивалъ, и рѣчей-то сладкихъ успѣлъ наговорить съ три короба, и «зазнобушкой-то желанной», и «голубонькой» своею называлъ, а она—все ничего... Даже смѣхъ свой завсегдашній оставила. Слушаетъ «хвата», и рукъ не отымаетъ отъ него, только зардѣется, да легонько отталкиваетъ солдата, когда тотъ зачнетъ ее къ себѣ притягивать, чтобы поцѣловать: знать, и ее прошибло вплотную.

Да, прошибло.

Плохо спится молодицѣ по долгимъ зимнимъ ночамъ. Ужъ хороводъ давно замолкъ, давно отужинали на селѣ, загасили керосиновые каганцы [1]) и полегли спать, а ей младешенькѣ все не спится. Запрется она на своей «бѣлой» половинѣ (Сидорушка спалъ на другой, старой), раздѣнется, Богу помолится, подстелетъ зипунъ на широкую дубовую лавку въ «красномъ» углу, накроется потеплѣе, а сонъ бѣжитъ и не дается ей, какъ кладъ завороженный. Размечетъ, раскинетъ молодое тѣло свое—душно станетъ; снова зачнетъ молитву творить, а передъ нею такъ и носится красный погонъ да усъ молодецкій... До ушей явственно долетаетъ знакомый ласковый голосъ, такъ вотъ и чудится, что «хватъ» Андрюшка стоитъ передъ нею... Бывало ли это прежде когда?.. Гдѣ жъ тутъ вспомнить о Никиткѣ далекомъ?..

Такъ шло время.

Однажды, въ воскресный день, Сидорушка уѣхалъ въ городъ на базаръ. Параша, убравшись дома, принарядилась, какъ слѣдуетъ, заперла избу и пошла на цѣлый день къ отцу съ матерью. Пообѣдала она со своими, отдохнула, напилась чаю и вышла, чуть смеркалось, на улицу. Ей думалось затѣять хороводъ; да нѣтъ—въ тотъ вечеръ поиграть пѣсенъ не пришлось. Почти всѣ деревенскіе съ утра уѣхали въ дальній лѣсъ по хворостъ и только поздно ночью могли вернуться съ нагруженнымъ обозомъ. Было холодно. Крещенскій морозъ таки порядочно хваталъ за носъ и щеки. Сумерки уже сгустѣлись, но на улицѣ было свѣтло. Пусто и непривѣтливо показалось молодицѣ. Постояла, постояла она, да и рѣшила итти домой, въ свекрову избу.

— Соберу ужинать, а тамъ и Сидоръ изъ города пріѣдетъ.. Чай, поздно ужъ...—подумала она, направляясь къ своей слободѣ за верхомъ [2]). Не успѣла она повернуть за уголъ, какъ «хватъ» Андрюшка словно изъ-подъ земли передъ нею выросъ.

— Ахти!..—едва молвила она, а онъ уже держитъ ее за руки, жадно ласкаетъ взоромъ и притягиваетъ къ себѣ. Не вспомнила она, какъ онъ уже обнялъ ее и впился губами въ ея губы.

Довольно долго боролась она и, наконецъ, собравъ послѣднія силы, оттолкнула его прочь.

— Голубонька моя, не сердись на меня!..—нѣжно лепеталъ онъ, снова обвивая молодицу рукою: — не сердись... Лучше ужо, когда ляжешь, отопри дверь!..

Параша молчала.

— Отопрешь... Скажи, отопрешь? — приставалъ солдатъ, покры-

---

[1]) Керосиновыя лампочки или каганцы со стеклами и безъ нихъ за послѣдній десятокъ-другой лѣтъ безусловно вытѣснили традиціонную лучину.

[2]) Оврагъ.

вая щеки трясшейся, какъ въ лихорадкѣ, молодицы новыми горячими поцѣлуями.

— Пусти, ради Христа, пусти...— слабо говорила она, пытаясь вырваться изъ его цѣпкихъ объятій.

— Не пущу, пока не скажешь,—въ какомъ-то изступленіи шепталъ онъ, все крѣпче охватывая ее руками.

— Пусти, тогда скажу!..

Она вырвалась таки наконецъ и, отойдя нѣсколько шаговъ, остановилась, вглядываясь въ молодецкую фигуру солдата.

— Ну, что жъ?.. Отопрешь?...—снова спросилъ онъ, дѣлая шагъ по направленію къ молодицѣ.

— Отопру, неотвязный!..—шепнула она и, круто повернувшись, почти бѣгомъ бросилась подъ гору, раздѣлявшую обѣ слободы верха.

Давно уже ожидала Параша своего свекра, когда тотъ, изрядно подгулявшій, вернулся наконецъ изъ города.

Параша, хоть и замѣтила, что Сидоръ выпивши, но сегодня онъ казался какимъ-то особенно страннымъ, даже загадочнымъ. Ярко блестѣли его глаза, съ губъ не сходила не-то злорадная, не-то ехидная улыбка, словно нашелъ онъ кладъ запретный, съ «нечистымъ» побратался, иль съ вѣдьмой заключилъ грѣховный договоръ. Почти съ ужасомъ смотрѣла она сегодня на свекра, но ни разгадать, что съ нимъ подѣлалось, ни объяснить своего страха она не могла.

Сидитъ Сидорушка на лавкѣ, улыбается, а самъ со снохи глазъ не сводитъ и все молчитъ, хоть бы звукъ проронилъ.

— Чтой-то съ нимъ подѣлалось?.. Ишь чудной какой сидитъ...— вопрошала себя Параша, ставя передъ свекромъ чашку съ молочнымъ кулешомъ, хлѣбъ, соль и подсаживаясь къ столу возлѣ него.

— Что жъ, гостинца привезъ, отецъ?—спросила она, чтобы только нарушить тягостное молчаніе.

— Гостинца?..—какъ-то безсмысленно переспросилъ Сидорушка.

— Ну, вѣстимо, гостинца!..

— Гостинца?.. Привезъ!..

Снова наступило молчаніе. Снова странная улыбка искривленнаго рта, снова вперенные въ лицо снохи блестящіе, недобрые, загадочные глаза.

Чуть хлебнулъ Сидорушка кулеша, солью даже не посыпая, и поднялся изъ за-стола, лба не перекрестивши.

— Ишь ты!.. И Бога-то забылъ!.. Словно осатанѣлъ!.. подумала про себя Параша, накидывая полушубокъ и собираясь уходить на свою половину.

— Спать пора... похоже, скоро пѣтухи запоютъ!.. сказала она, зѣвнувъ во весь ротъ и направляясь къ низкой двери, ведущей въ сѣни.

— А гостинцу не надоть что ль?—спросилъ Сидорушка, шаря

въ карманахъ своей коротайки... На, получай,—прибавилъ онъ, шагнувъ за печь въ темный уголъ и подавая ей свертокъ орѣховъ и новенькій шелковый поясокъ.

Параша подошла и протянула руку.

Какъ дикій звѣрь, завидѣвшій давно вожделѣнную добычу, бросился Сидорушка на сноху свою и въ бѣшеномъ порывѣ стиснулъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Страшно стало молодицѣ отъ нечестивыхъ ласкъ свекра, и самый страхъ этотъ удесятерилъ ея силы. Змѣею выскользнула она изъ безумныхъ объятій свекра, выскочила въ сѣни, оттуда юркнула на «бѣлую» половину и задвинула за собою дверь внутреннимъ засовомъ.

Сидорушко было за нею, да не поспѣлъ; сунулся было въ двери къ снохѣ—поздно, засовъ не пускаетъ.

— Ну, ладно,—прохрипѣлъ онъ въ безсильной злобѣ, стоя у запретнаго входа и скрипя своими крѣпкими зубами.—Ладно, вдругорядь [1]) не уйдешь!..

Параша слышала все: и эти слова, и скрежетаніе зубами, и хриплое, словно сдавленное дыханіе Сидорушки за дверью.

— Такъ вотъ оно что?—думала молодица, едва переводя духъ отъ недавняго страха и не смѣя тронуться изъ дальняго угла свѣтлицы, куда она непроизвольно жалась, словно боясь, что вотъ, вотъ войдетъ свекоръ и снова начнетъ творить надъ нею насиліе.—Вотъ оно что!.. Вотъ онъ отчего потерянным все ходилъ, да шлялся, пьянствовалъ по кабакамъ!.. Ахти, головушка моя безталанная!.. Старый чортъ!.. Пшь что задумалъ!.. Бѣдный, бѣдный мой Никитка!.. Отъ отца ли родного чаялъ ты себѣ горя-обмана!

Молодица закрыла лицо расшитымъ передникомъ и заплакала.

Тѣмъ временемъ Сидорушка вернулся на свою половину. Дышать ему было трудно, словно на дно рѣки его опустили; въ вискахъ и жилахъ на шеѣ кровь стучала, какъ молотъ въ кузницѣ, а по лицу, перекошенному злобой неудовлетворенности, струился обильный потъ, который онъ едва успѣвалъ отирать рукавомъ.

Каганецъ горѣлъ попрежнему на столѣ, наполняя низкую клѣть копотью и проливая тусклый, красноватый свѣтъ на будничную, неопрятную обстановку.

— Острогъ!..—прорычалъ Сидорушка, злобно оглядывая давно знакомые предметы и швырнувъ съ себя коротайку. Душно ему было. Онъ загасилъ огонь, разулся и, приподнявъ нижнюю половинку окна, высунулся по плечи наружу.

На улицѣ было пусто и безшумно. Тихо мерцали звѣздочки на прозрачной синевѣ зимняго неба, словно перемигиваясь между собою, словно смѣялись онѣ и недоумѣвали, о чемъ бы могъ этотъ

---

[1]) Въ другой разъ.

человѣкъ такъ кручиниться, когда имъ тамъ, на выси, такъ хорошо, такъ привольно.

Но Сидорушка не видѣлъ ихъ теперь, не думалъ ни о чемъ, кромѣ своего горя, своей кручины. До этого ли ему?.. Онъ лежалъ грудью на подоконникѣ, низко свѣсивъ мохнатую, всклокоченную голову свою и вспоминая всю жизнь, всѣ горя, недостатки и лишенія, претерпѣнные доселѣ. Вспомнилось ему и беззаботное дѣтство, и отрочество, и женитьба на нелюбой женѣ, и хворость покойницы Алены, и сынъ Никитка стоялъ передъ глазами. И среди всѣхъ этихъ думъ, какъ призракъ, проносился образъ Параши, ея каріе глазки, смугло-румяное лицо, статный ростъ, полныя плечи... Тяжко было Сидорушкѣ отъ этого неотвязно преслѣдовавшаго его видѣнія: и Никитку-то жаль, да и съ собой никакъ не совладаешь...

— Тятька, а тять... Мотри, не проморгай Параньку, значитъ... чтобъ не «баловала» безъ меня!.. вспомнилъ онъ слова Никитки при прощаніи.

И что жъ?.. Кто подкапывается подъ его добро?—родной отецъ...

— Эхма...—встряхнулъ онъ головой, вспоминая сына...—Проклятый я, какъ есть проклятый... Ужъ будетъ мнѣ жарня на томъ свѣтѣ... Будетъ нечистый надъ «снохачемъ» издѣваться да свои собачьи зубы скалить...

Первая слеза раскаянія задрожала у него на вѣкахъ и, скатясь по угрюмому лицу, жемчужиной застыла въ курчавой бородѣ...

Но, чу... Скрипнуло что-то за угломъ избы!.. Словно кто воровскими шагами по снѣгу пробирается. На улицѣ хорошо видно, хотя въ эту ночь луны не было. Сидорушка воззрился.

— И впрямь, ктой-то за угломъ будто бы ворочается. Кой это лѣшій можетъ быть?.. подумалъ про себя онъ, не покидая своего мѣста, но спрятавъ голову такъ, чтобы самому быть непримѣтному и между тѣмъ имѣть возможность наблюдать за всѣмъ тѣмъ, что могло бы происходить на улицѣ.

Сидорушка не ошибался. Недолго пришлось ему ждать, когда вдругъ изъ-за угла показалась чья-то черная фигура, которая крадучись пробралась къ «бѣлой» половинѣ и остановилась подъ окномъ.

— Андрюшка, солдатъ!..—прохрипѣлъ Сидорушка, стиснувъ зубы до боли.

Безмолвно слѣдилъ онъ за каждымъ движеніемъ «хвата», и замиравшее сердце его наполнилось сразу какимъ-то смутнымъ предчувствіемъ.

«Хватъ» межъ тѣмъ постоялъ около окна, нѣсколько разъ внимательно оглянулся и, не подозрѣвая ничего, тихонько постучалъ пальцами о стекло.

— Снюхались!..—рѣшилъ Сидорушка.

Еще и еще разъ задребезжало оконце «бѣлой» половины, и наконецъ своимъ чутко-напряженнымъ ухомъ онъ услыхалъ шепотъ Андрюшки:

— Я, я!.. Отопри, лапушка!..

Что говорилось изнутри, Сидорушка распознать не могъ, но, видно, Параша не рѣшалась отпирать, такъ какъ «хватъ» все еще продолжалъ стоять, опираясь ногою на заваленку и продолжая шептать сквозь стекло.

— Спитъ твой хрычъ-то?..—явственно слышалъ Сидорушка вопросы «хвата».

— Не бойсь, не услышитъ!.. Дверь-то нескрипучая?..

— Ну, ладно!..

Сидорушка видѣлъ, какъ солдатъ осторожно отошелъ отъ окна и безшумно взобрался на крыльцо.

Неслышно, съ бѣшено прыгавшимъ въ груди сердцемъ, проскользнулъ Сидорушка въ сѣнцы и притаился за выступомъ чулана.

— Мотри, не проморгай Параньку!..—промелькнула передъ нимъ просьба сына, и ему явственно представился образъ Никитки, отходящаго въ далекую работу. Его сердце еще болѣе сжалось и запрыгало при этомъ воспоминаніи.

— Нябось!.. Не проморгаю!..—сказалъ онъ про себя, убѣжденно качнувъ головою.

Тихо шурша между скобами, зашевелился внутренній засовъ, отворилась дверь «нескрипучая» изъ «бѣлой» половины, и Параша, босая и въ одной рубахѣ, какъ тѣнь, выскользнула въ сѣнцы, отодвинула щеколду у наружной двери на крыльцо и тотчасъ же прошмыгнула обратно въ свѣтлицу.

Однимъ розмахомъ ногъ очутился Сидорушка у выходной двери и, чуть-чуть растворивъ ее, просунулъ голову и очутился почти лицомъ къ лицу съ собиравшимся войти въ сѣни «хватомъ.

Глаза ихъ встрѣтились.

Черезъ минуту на крыльцѣ уже никого не было. Вдали, гдѣ-то едва слышался скрипъ снѣга подъ ногами удиравшаго «хвата».

— Вотъ когда ты отъ меня не уйдешь!..— хихикнулъ Сидорушка, входя въ отпертую злополучной снохой его дверь и тщательно задвигая засовъ за собою...

О Никиткѣ онъ теперь уже не думалъ.

. . . . . .

Прошло два первыхъ мѣсяца новаго года; насталъ и третій—пролѣтье. «Пришли Евдокеи — настали мужику затѣи» [1]). Взялись люди добрые перелаживать сохи, бороны; зашумѣла кузница Луговская: туда то и дѣло теперь валилъ народъ—кто колесо перетянуть новою шиной, кто сошникъ наладить, кто навострить клевцы для боронъ, или сварить еще по осени сломавшійся шворень.

Не однимъ мужикамъ настали затѣи. И бабы, не сложа руки, сидѣли: во дворѣ прибавилось хлопотъ со скотиной — появились те-

[1]) Изъ крестьянскихъ поговорокъ и примѣтъ.

лята, поросята, ягнята; куры, гуси, утки занеслись. А вотъ и Свѣтлый праздникъ уже не за горами, мужей обшивать надо, да самимъ, чтобы обновки кое-какія поспѣли; говѣть надо, къ попу итти — грѣхи сдавать; по вечерамъ же, далече за полночь — пряжа: тихо посвистываетъ колесо на немазанной оси самопрялки, а нитка, что̀ дальше, то чаще выскальзываетъ изъ пальцевъ сонной бабы. Умаялась за день-то... Глаза слипаются.

Одни ребятишки несмыслёные день-деньской безъ дѣла толкутся, бѣгаютъ по улицѣ, шлепая босыми ноженками по лужамъ, разогрѣтымъ вешнимъ солнышкомъ; а настанетъ студёный вечеръ—поужинаютъ, да на палати — набираться силенокъ къ завтрашнему дню, а назавтра то же... Эхъ, беззаботное дѣтство...

Осиротѣла Сидорушкина изба. Наглухо заколочены ставни, не видно въ окнахъ свѣту по вечерамъ, и замокъ ядреный [1]) виситъ на двери, припечатанной къ косяку большою, круглою съ гербомъ печатью: сидитъ Сидорушка, томится за рѣшеткою вмѣстѣ съ «хватомъ» Андрюшкой по подозрѣнію въ убійствѣ Параши. Ужъ и слѣдствіе было — обоихъ допрашивали, да не добились никакого толку: одинъ на другого валитъ, оба запираются. Диву давался съ ними слѣдователь изъ кандидатовъ на судебную должность, молодой человѣкъ петербургской формаціи, и не видитъ онъ конца края этого дѣла съ проклятыми мужиками.

Кто убійца — Сидорушка или «хватъ»?

Бился съ ними, допрашивалъ по цѣлымъ часамъ, не понимая и половины того, что говорили ему подозрѣваемые. «Хватъ», какъ уперся сначала: «знать, молъ, не знаю, вѣдать не вѣдаю»,—такъ при томъ и остался. Сидорушка же сваливалъ все на «хвата», такъ какъ де послѣдній состоялъ съ покойницей въ любовной связи и, можетъ быть, приревновавъ ее къ кому ни на есть, убилъ сгоряча. Словомъ, дѣло не подвигалось ни на пядь. Хотя противъ Сидорушки и имѣлась улика: та рубаха, въ которой онъ былъ въ ночь убійства (на ней становой усмотрѣлъ кровяныя пятна), но улика эта нивѣсть какимъ путемъ исчезла и потомъ уже была найдена кѣмъ-то въ загнеткѣ, вся вымазанная въ сажѣ и сорý и, разумѣется, уже безъ всякихъ пятенъ.

Противъ «хвата» Сидорушка выставилъ двухъ свидѣтелей, видѣвшихъ его бѣгущимъ поздно ночью по улицѣ. Да, вѣдь, изъ того, что человѣкъ бѣжитъ ночью по улицѣ, еще не слѣдуетъ, что онъ кого нибудь убилъ. Становой было указалъ способъ узнать виновнаго: по слѣдамъ на снѣгу около Сидорушкина двора, да «молодой» слѣдователь петербургской формаціи, не знавшій этого пріема, забылъ распорядиться, чтобы оцѣпить мѣсто происшествія и, когда вспомнилъ объ этомъ и кинулся туда, то оказалась такая пропасть

[1]) Ядреный — большой.

слѣдовъ на снѣгу, что хоть лапоть, хоть бабьи полусапожки — все въ мѣру приходится.

Кое-какъ окончилось слѣдствіе, кончился и судъ. Гремѣли адвокаты и прокуроръ, затемняя и безъ того темное дѣло кудреватыми рѣчами, преисполненными софизмовъ и парадоксовъ, такъ что совершенно сбитые съ толку присяжные, уморенные до полусмерти всей этой трескотней, оправдали Сидорушку, а «хвату» вынесли обвинительный приговоръ...

Вернулся Сидорушка въ Луговое зажинками [1]). Онъ свободенъ, онъ хотя и сидѣлъ въ острогѣ, да, вишь, безвинно. Его оправдали, его ничѣмъ никто попрекнуть не можетъ, никто не назоветъ его тяжкимъ прозвищемъ «острожника»...

Зажилъ одинокою своею жизнью Сидорушка. И дѣлаетъ-то онъ все вдвоемъ съ работницею, какъ будто такъ же, какъ и прочіе всѣ: и жнетъ, и коситъ, и возитъ, и складываетъ хлѣбъ въ сарай... Да, нѣтъ... Не то что-то. Не на себя сталъ похожъ мужикъ: угрюмый какой-то сдѣлался, исподлобья смотритъ, будто сѣрый волкъ, ни съ кѣмъ слова не вымолвитъ, сиротливымъ сталъ, народа, свѣта и тьмы боится, словно Богъ къ нему Каинову печать приложилъ.

Диву давались сосѣди: «чтой-то съ мужикомъ подѣлалось?»

Бывало прежде въ какую-какую темную полночь не побоится одинъ въ лѣсъ пойти, а нынѣ, чуть смеркло, даже и на людяхъ за порогъ ни за что не выйдетъ; корова ли замычитъ гдѣ, кнутомъ ли ударитъ пастухъ по близости—задрожитъ весь Сидорушка, побѣлѣетъ, какъ холстъ, и начнетъ глазами водить, словно ума рѣшившись. А, если гроза набѣжитъ, такъ ужъ и знай: Сидорушка на погребицѣ сидитъ, да бьется, какъ въ лихорадкѣ.

— Не ладно что-то... Ужъ вернулся бы что ли скорѣе Никитка... Все бы легче!..

Надумался Сидорушка поговѣть успенскимъ постомъ. Сталъ онъ въ церковь ходить, а допрежде, вернувшись изъ острога, почесть ни разу и въ храмѣ-то Божіемъ не былъ. Прижмется въ церкви въ уголокъ, схоронится, какъ можно лучше, отъ людей, бросится на колѣна, да такъ и замретъ, словно истуканъ какой безсмысленный, и креста-то на себя во всю службу не положитъ.

Вотъ настаетъ и самый Успеньевъ день.

Наканунѣ вечеромъ Сидорушка отпустилъ работницу на праздникъ домой и, оставшись одинъ, помылся, выпарился въ печи, какъ слѣдуетъ по русскому обычаю, потомъ, вынувъ изъ сундука новый кафтанъ синяго сукна, чистую рубаху, онучи, разложилъ все это на лавкѣ, чтобы завтра было подъ рукой, да и полѣзъ было на палати; уже и ногу занесъ на ступень, глядь, а на палатяхъ что-то бѣлое ворочается. Вздрогнулъ Сидоръ, да такъ и замеръ — заледенѣлъ.

---

[1]) Начало уборки хлѣбовъ.

— Я давно жду тебя, смертоубивецъ... — почудился Сидорушкѣ хриплый, сдавленный голосъ, который онъ тотчасъ призналъ за голосъ покойной снохи.

— А я пришла провѣдать полюбовника!.. — спустя нѣсколько, снова прохрипѣло бѣлое на палатяхъ.—Вотъ такъ полюбовничекъ—мужнинъ отецъ!... Снохачъ!.. Слыхать, ты причастія святого сподобиться вздумалъ?.. Дѣло,— да не такъ его дѣлаешь!.. Напредъ за мою душеньку помолись, испроси себѣ прощенья отъ меня, что удавилъ младу!..

— Врешь!..— прошепталъ Сидорушка едва слышнымъ голосомъ. Онъ чувствовалъ, какъ волоса шевелились у него на головѣ.— Врешь, я не хотѣлъ удавить... сама, чай, знаешь... Ненарокомъ!... Ударилъ разъ, а какъ увидалъ, что кровь прошибла изъ ушей и изъ носу... ну, и не взвидѣлъ свѣта... Ненарокомъ — видитъ Богъ!..

— Ненарокомъ?.. Чего же тебѣ надо было?.. Меня надо было?.. А не поддалась—на смерть бить?.. Такъ что ли по закону-то?..

— Господи!..—прошепталъ Сидорушка, пятясь отъ полатей. Но въ это мгновеніе бѣлый призракъ взмахнулъ руками, и мужикъ почувствовалъ, что на его шею накинута мертвая петля. Онъ слышалъ даже, какъ она скользила по кожѣ затылка, чуть-чуть повыше ворота рубахи, и скрипѣла, какъ будто шелкомъ о шелкъ.

— Стой!.. Не уйдешь, смертоубивецъ!..— захохоталъ призракъ дикимъ смѣхомъ...— я еще не все тебѣ сказала!.. Знаешь ли, съ чѣмъ я пришла?.. Съ гостинцемъ, полюбовничекъ, съ гостинцемъ!.. Какъ ты онадысь пріѣхалъ изъ города, въ тотъ самый вечоръ, когда удавилъ меня!.. Смотрика-сь!.. Помнишь поясокъ-то шелковый, что ты мнѣ тогда подарилъ?.. Вотъ, я тебѣ его назадъ принесла... На тебѣ!.. Мнѣ онъ ненадобенъ, а тебѣ пригодиться можетъ: когда вздумаешь удавиться, за мѣсто веревки—этотъ покрѣпче будетъ, не оборвется.

Мертвящій ужасъ объялъ Сидорушку. Онъ хотѣлъ руками отпихнуться отъ палатей, но петля все сильнѣе и сильнѣе затягивалась, и онъ едва уже держался на ногахъ, такъ было трудно дышать. Помутнѣвшіе глаза его таращились, словно хотѣли выскочить, а руки не сгибались, отяжелѣвши, какъ мѣшки съ пескомъ.

Прогремѣло на палатяхъ, словно громъ небесный, засвѣтился свѣтъ оттуда, какъ будто мѣсяцъ ошибкой забрелъ въ Сидорушкину избу, и стало въ ней свѣтло, все равно, какъ днемъ.

Передъ обезумѣвшимъ отъ ужаса грѣшникомъ стояла его жертва— Параша.

Бѣлая рубаха, вся порванная на груди, та самая, въ которой она еще живая, любящая, выбѣгала отворять «хвату» дверь «нескрипучую», была на ней и теперь. Разстегнутый воротъ едва удерживалъ ткань на плечахъ. Страшные, выкатившіеся изъ орбитъ глаза упорно глядѣли на свекра, а вспухнувшія вѣки были непо-

движны. Изъ носу и ушей струилась алая кровь и багрянила бѣлую грудь и передъ рубахи; вокругъ нѣжной шеи виднѣлись подтеки съ отчетливыми слѣдами душившихъ жертву пальцевъ. Все тѣло призрака было прозрачно и залито свѣтомъ. Бѣлыя руки цѣпко держали натянутый конецъ петли, въ которой бился Сидорушка.

— Помилосердуй!.. Не дай помереть безъ покаянія!.. Христа ради!..— шепталъ въ дикомъ изступленіи мужикъ, изнемогая подъ страшнымъ взглядомъ призрака. Безпомощно опустившись на колѣна, онъ закрылъ глаза трепетавшими руками.

Сноха засмѣялась снова шипящимъ, надтреснутымъ смѣхомъ, отъ котораго у свекра звенѣло въ ушахъ, и волосы еще пуще зашевелились на головѣ.

— Помилосердовать?..— медленно проговорилъ призракъ Параши, чуть-чуть ослабляя петлю.— Ладно, только, чуръ, съ уговоромъ!..

Сидорушка качнулъ головою въ знакъ согласія.

Призракъ продолжалъ:

— Отъ завтрашняго дня, отъ Успленья [1]) ты долженъ сорокъ ночей приходить на погостъ, становиться на моей могилѣ и молиться за мою душеньку, которую ты ни за что погубилъ!.. Когда пропоютъ вторые пѣтухи [2]), тогда только можешь уходить домой!..

Наступило молчаніе. Сидорушка раздумывалъ надъ страшнымъ требованіемъ призрака и, скорчившись у ногъ его, чувствовалъ, какъ могильнымъ холодомъ обдавало все существо его при мысли, что ему придется ночью одному идти на погостъ и пробыть тамъ нѣсколько часовъ надъ могилой снохи.

— Что же скажешь?..— прервалъ молчаніе призракъ.

— Не могу!.. Видитъ Богъ, не могу!..— простоналъ Сидорушка, мелькомъ взглянувъ на призракъ и снова поспѣшно закрывая глаза отъ нестерпимаго свѣта и этихъ страшныхъ на него уставленныхъ глазъ.

— Не можешь, какъ знаешь!.. — злорадно прохихикалъ призракъ...— Какъ знаешь... А пока сорокоуста не справишь, и Причастія Святаго не будетъ тебѣ. Помни это!.. Не будетъ тебѣ Причастія, пока не замолишь своего грѣха надъ моею могилкой!.. Затѣмъ, прощавай!.. Помни сорокоустъ!..

Призракъ исчезъ. Въ избѣ попрежнему сдѣлалось темно. Сидорушка неспѣшно открылъ лицо и всталъ на ноги, отирая рукавомъ рубахи обильно катившійся со лба потъ. Первымъ движеніемъ его было ощупать шею. Но поясокъ, принесенный призракомъ, исчезъ.

— Вздоръ!..— подумалъ онъ, стараясь пріободрить себя, и, очень

---

[1]) Крестьяне великороссы такъ называютъ Успеніе, что, казалось бы, раціональнѣе, такъ какъ корень слова «успл», удерживаетъ букву «л», а не выпускаетъ ея.

[2]) Приблизительно третій часъ ночи въ августѣ.

неувѣренно озираясь по угламъ избы, заглядывалъ на палати и за печь.—Вздоръ!.. Пригрезилось!..

Онъ вышелъ въ сѣнцы, сердито толкнулъ дверь ногою и прошелъ на крыльцо.

Гдѣ-то далече запѣлъ пѣтухъ. Никогда въ жизни этотъ звукъ не радовалъ Сидорушку такъ, какъ теперь. Онъ жадно глоталъ утренній студеный воздухъ августовской зари. Было уже почти совсѣмъ свѣтло. Востокъ румянился сквозь легкую дымку рòснаго утра. Вдали, надъ рѣкой стоялъ туманъ, который густою пеленою окутывалъ лѣнивое ложе Оки, расползаясь по прибрежному лугу и осѣдая крупными каплями на густой отàвѣ.

Широкая улица села, съ чуть-чуть прибитою росой мелкою пылью, была пустынна. Всѣ еще спали на селѣ. Даже печи еще не затоплялись, такъ какъ ни изъ одной трубы не было видно дыму. Сидорушка съ любопытствомъ присматривался къ давно знакомымъ окружающимъ предметамъ, словно видѣлъ ихъ въ первый разъ. Вотъ одинокая лошадь, должно быть, соскучившись въ заперти, отворила мордой ворота подъ навѣсомъ сосѣдняго двора, вышла на улицу и, постоявъ немного, шумно встряхнулась, испуская цѣлое облако пыли. Потомъ, подойдя къ пустой комягѣ около колодца и обнюхавъ ее, она стала усердно чесать хвостъ о тутъ же торчавшую молодую ракиту съ надѣтымъ на верхушку ея изношеннымъ лаптемъ.

Мимо Сидорушки, важно раскачиваясь и вытягивая длинныя шеи, плелось семейство гусей, какъ будто съ удивленіемъ посматривая на него и издавая свое характерное «гя-го-го».

Онъ даже улыбнулся, когда сосѣдская собака, вынырнувъ изъ-подъ воротъ, вскочила на заваленку и, пощелкавъ бѣлыми зубами на мохнатой ляшкѣ, улеглась преспокойно на пучкѣ соломы, не обращая никакого вниманія на рывшуюся тутъ же курицу, которая, испугавшись, съ отчаяннымъ клохтаньемъ бросилась бѣжать и вскорѣ исчезла въ одной изъ лазеекъ ближайшаго частокола.

Сидорушка глядѣлъ и не могъ наглядѣться на это красное успенское утро, словно дитя малое, которое всему радуется, всѣмъ забавляется, или какъ долго и при смерти болѣвшій человѣкъ, только что возвратившійся какимъ-то чудомъ къ жизни.

Довольно долго просидѣлъ онъ въ этомъ созерцаніи, когда въ церкви ударили къ заутрени.

Словно кто кольнулъ его шиломъ. Онъ взвился со скамьи и, по привычкѣ, уже занесъ было руку со сложенными тремя перстами ко лбу, но сейчасъ же снова опустилъ ее. Ему вспомнились всѣ ужасы прошлой ночи, и сердце его больно защемило.

— Вздоръ!.. — снова подумалъ онъ, какъ давеча, прибадривая себя и опускаясь на скамью.

Но, какъ ни старался онъ усыпить смутно пробивавшуюся въ

душѣ его тревогу,—предчувствіе чего-то недобраго, что непремѣнно должно случиться съ нимъ, если бы онъ нарушилъ приказъ Параши, крѣпло въ немъ и росло до того, что онъ едва дотащился до церкви и, какъ подкошенный, свалился на приступъ амвона...

Отошла заутреня. Вынесли аналой къ одному изъ притворовъ церкви, загородили старою потертой и вылинявшей ширмой, и началась исповѣдь говѣльщиковъ.

— Сказать или не сказать попу?..—неотвязнымъ вопросомъ вертѣлось въ его распаленной головѣ.—Э, вздоръ!.. Скажу!.. На то онъ и попъ... на то и законъ ему не велитъ болтать, кто въ чемъ грѣшенъ!.. Скажу!.. Нѣтъ моченьки дольше хорониться!.. Авось полегчаетъ!.. — рѣшилъ онъ, наконецъ, подходя къ таинственному убѣжищу, гдѣ ему предстояло сложить свое грѣховное бремя.

Дословно все, что произошло между нимъ и снохой, передалъ Сидорушка священнику. Онъ разсказалъ ему подробно про то, какъ «нечистый» попуталъ его добиваться обладанія снохою; какъ онъ воспользовался случаемъ проникнуть на «бѣлую» половину, чтобы тамъ достигнуть своей грѣховной цѣли; какъ Параша долго боролась, не поддаваясь ему, и онъ, не видя болѣе никакой надежды склонить ее добромъ, сталъ бить молодицу кулакомъ по лицу, «чтобы посмирнѣйча была и не отбрыкивалась», отчего послѣдняя дѣйствительно посмирнѣла, и онъ, Сидорушка, получилъ возможность удовлетворить свою страсть; какъ, испугавшись послѣ того безжизненнаго состоянія своей жертвы и думая, что «она прикидывается», чтобы потомъ пожаловаться на него міру и властямъ, онъ долго уговаривалъ молодицу, чтобы бросила «ломать комедь», но видя, что она все продолжаетъ лежать, какъ колода,— сталъ душить ее руками, полагая, что недостатокъ дыханія заставитъ упрямую сноху прекратить глупую шутку. Высказавшись, наконецъ, такимъ образомъ, Сидорушка прибавилъ:

— А что Андрюшку-солдата въ Сибирь угнали, батька, то незаконно, помни это... Потому онъ невиноватъ какъ есть ни въ чемъ!.. Какъ сосѣди-то, стало быть, видѣли, что онъ ночью бѣгъ по улицѣ, такъ и показали, что, молъ, Андрюшка смертоубивецъ-то и есть... А это, батька, неправда: я... я погубилъ Андрюшкину душу все одно, какъ снохину... Грѣшникъ я, окаянный. Кабы Господь далъ только сообщиться!.. А тамъ и помереть бы, ослободиться отъ свого самаго бсела!.. Моченьки моей нѣтути. Шабашъ — измаялся я въ отдѣлку!.. Молись, батька, за грѣшную душу!..

Въ теплыхъ словахъ старался священникъ умирить эту бѣдную, изстрадавшуюся душу и пріуготовить ее къ воспріятію отъ Животворнаго Источника. Но мужикъ стоялъ, какъ истуканъ, передъ аналоемъ и растерянно поводилъ глазами, не понимая даже словъ священника.

Кончилось увѣщаніе, священникъ прочелъ разрѣшительный от-

пускъ, наложилъ на покаявшагося грѣшника эпитимью и въ заключеніе, взявъ св. крестъ съ аналоя, поднесъ его Сидорушкѣ.

Какъ глянулъ Сидорушка на св. Распятіе — обомлѣлъ отъ ужаса: почудилось оно ему, словно все въ крови, и надъ самымъ ухомъ кто-то прошепталъ: помни сорокоустъ!..

Потемнѣло у мужика въ глазахъ, и онъ, какъ мертвый, ринулся священнику въ ноги.

Отошелъ Сидорушка, поднялся и, зажмуря глаза, словно боясь снова увидать кровь и услышать страшныя слова, приложился къ Кресту. Губы его ожгло, какъ пламенемъ...

... Обѣдня близилась къ концу. Отворились царскія двери, и священникъ съ торжественнымъ напоминаніемъ: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите», — вынесъ св. Дары.

Съ низко потупленной головой, безсмысленно, какъ скворецъ, лепеталъ Сидоръ вслѣдъ за священникомъ чудныя слова предпричастной молитвы.

Онъ невольно приподнялъ голову, взглянулъ и вздрогнулъ, словно затрясла его «ворогуша» [1])... Причудился ему образъ Параши бѣлый, прозрачный, какъ дымъ... Да, да!.. Она, она!.. Вотъ и глаза ея страшные, угрожающіе — совершенно, какъ у давешняго призрака!..

Какъ бѣшеный, сорвался онъ съ своего мѣста, откуда сила взялась, и съ дикимъ стономъ выбѣжалъ изъ церкви...

— ... Поди-ка-сь!.. Вотъ-те и Сидорушка!.. — разсуждалъ небольшой рыжеватый мужиченокъ, обращаясь къ кучкѣ товарищей, полукругомъ сидѣвшихъ возлѣ него на травѣ уединеннаго, непривѣтливаго закоулка «Пчеловой горы», неподалеку отъ пасѣки дѣдушки Панфила.

— Поди-ка-сь... Сдурѣлъ малый!.. Съ чего бы, кажись, собачью смерть-то принять?..

— И-то собачья, — согласился другой изъ кучки.

— Да, какъ же?.. Чего бы, кажись, не хватало?.. И хлѣбушка, небось, вдосыть, и скотинка не смореная, и кубышка, гуторятъ, не пустая была!.. Надо-жъ грѣху быть: взялъ, да и удавился!.. Гуторятъ [2]) — отъ снохи... Быдто сноха его пужала!..

— Дядя Митряй... А дядь!.. Обрывчикъ-то, чѣмъ удавился дядя Сидоръ, баютъ [3]), необнаковенный, ась?.. Ёнъ, быдта, то-ись, не обрывчикъ, а поясокъ?.. — спросилъ молодой, безъ усовъ и бороды, по виду дурковатый малый, съ вѣчно раскрытымъ ртомъ.

— А тебѣ нужно?.. — сердито возразилъ рыжій мужиченокъ... — Поди, попытай самъ!..

Дядя «Митряй» ткнулъ пальцемъ по направленію недалеко отъ

---

[1]) Ворогуша, на мѣстномъ нарѣчіи — лихорадка.

[2]) Болтаютъ.

[3]) Говорятъ, разсказываютъ.

крестьянъ лежавшему предмету, покрытому кафтаномъ синяго сукна. Малый лѣниво поднялся и, почесываясь, подошелъ къ предмету. Онъ осторожно приподнялъ край кафтана и, нагнувшись, что-то ощупалъ рукою.

— И-то необнаковенный!.. Похоже, заправду поясокъ шелкòвый!..

— Врешешь!.. — отозвались изъ кучки.

— Ей-Богу, прà!.. шелковый поясокъ, хошь самъ погляди!..

Бѣжитъ попрежнему Ока по извилистому ложу своему близъ обширнаго села Лугового, попрежнему замерзаетъ зимой, синѣетъ и вздувается вешнимъ временемъ и, ломая ледяныя оковы, вырывается изъ темницы своей, затопляя луга прибрежные, пока жары лѣтнія не обезсилятъ ея и не заставятъ покориться берегамъ. Попрежнему сѣдѣетъ Пчеловая гора осенью, занося снѣговыми сугробами пасѣку дѣдушки Панфила и хоронясь весной подъ зеленою сѣнью деревъ. Попрежнему живутъ люди въ Луговомъ: пашутъ, сѣютъ, въ житницы убираютъ; родятся, живутъ, умираютъ.

Не умираетъ только сказаніе о диковинной смерти Сидорушки и страшной мести его снохи. Бàетъ народъ, что каждый годъ полночью въ Успеньевъ день видаютъ свѣтъ въ осиротѣвшей избѣ Сидорушки, слышатся стоны, вопли, рыданія...

Знать, души покойниковъ этого дома молитвы просятъ...

Какъ разъ, къ Рождественскимъ праздникамъ пришелъ, наконецъ, и Никитка изъ работы. Молодой хозяйкѣ своей шелковый платокъ принесъ въ подарокъ; отцу шапку смушечью, дорогую, да восемьдесятъ рублей денегъ. Пришелъ, да какъ узналъ про все то, что бѣдою стряслось надъ его домомъ, — такъ его бѣднягу и надломило: поплакалъ, поплакалъ онъ надъ своей горькой долюшкой, махнулъ рукою — такъ, молъ, тому и быть — да опять и ушелъ съ артелью въ далекія страны. Вотъ уже который годъ нѣтъ объ Никиткѣ никакого слуху: даже паспорта изъ волости не требуетъ.

Померъ онъ, что ли, какъ безвинный «хватъ» въ далекой ссылкѣ — кто его знаетъ!.. Неизвѣстно!..

В. А. Тимашевъ-Берингъ.

ИЗЪ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1863 Г. [1])

(Разсказъ крестьянина-очевидца).

ТО́ мы пережили въ то время, невозможно разсказать никакими словами. Не дай Богъ никому испытать то, что мы перестрадали во все время этого несчастнаго нашего повстанья. Особенно невыносимо было наше положеніе въ самомъ началѣ повстанья и при концѣ его. Я былъ тогда еще подросткомъ, но нѣкоторыя происшествія такъ врѣзались въ мою душу, что даже теперь, по прошествіи 36 лѣтъ, какъ вспомню, то дрожь у меня пробѣгаетъ по всему тѣлу.

Помню, какъ послѣ той ночи, въ которую повстанцы напали на войска и рѣзали сонныхъ солдатъ и офицеровъ, т. е. 22-го (11-го по стар. ст.) января, къ намъ въ Санники пріѣхали верхами ксендзъ-монахъ Щавинскаго кляштора (монастыря) о. Стефанъ Скупинскій и сосѣдній молодой помѣщикъ Стжичковскій, а черезъ полъ-часа пришли еще шесть вооруженныхъ людей, которые составили конвой этихъ довудцевъ (командировъ). Монахъ былъ мужчина высокій, плечистый и сильный; смотрѣлъ онъ всегда сердито, даже когда отпра-

[1]) Факты, изложенные въ этомъ разсказѣ, совпадаютъ со свѣдѣніями, упомянутыми И. И. Павлищевымъ въ его «Седьмицахъ польскаго мятежа», т. V. Эти «Седьмицы» были представляемы еженедѣльно въ Бозѣ почивающему государю Александру II, и потому заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія имѣютъ значеніе официальной достовѣрности.

влялъ мшу Божію (обѣдню); на сутанѣ у него были нашиты шнурки, какъ на венгеркѣ или чамаркѣ; съ одного боку карабеля (турецкая сабля), съ другого револьверъ. Стжичковскій съ головы до ногъ былъ увѣшанъ разнымъ оружіемъ. У насъ разсказывали, что этотъ самый монахъ, котораго мы всѣ хорошо знали, потому что часто ходили Богу молиться въ монастырь, — за нѣсколько дней передъ этимъ, предводительствуя вооруженною небольшою бандой, отбилъ партію новобранцевъ, слѣдовавшихъ изъ г. Гостынина въ Варшаву. Прежде всего онъ собственноручно застрѣлилъ жандарма, чѣмъ навелъ такой страхъ на безоружныхъ людей, сопровождавшихъ партію, что они разбѣжались кто куда. Послѣ этого Скупинскій отвелъ новобранцевъ въ лѣсъ, верстахъ въ 7 отъ нашей деревни, роздалъ имъ ружья, косы, ножи, привелъ ихъ къ присягѣ на войну съ москалями и, объявивъ себя начальникомъ польскаго полка, пригрозилъ смертью всякому, кто ослушается его приказаній. Если же кто вздумаетъ бѣжать, то будетъ живьемъ изрѣзанъ на куски. Очень можетъ быть, что онъ участвовалъ гдѣ либо по близости и въ ночномъ нападеніи на русскія войска.

Понятно, что появленіе этого монаха въ нашей деревнѣ не предвѣщало ничего хорошаго. И дѣйствительно, онъ приказалъ солтысу указывать ему тѣ семейства, въ которыхъ находились люди, способные къ военной службѣ, самъ ходилъ по хатамъ и диктовалъ Стжичковскому, исполнявшему при немъ роль адъютанта, кого записать въ народовое войско; послѣ чего записанныхъ выводили на улицу и оставляли подъ надзоромъ повстанцевъ. Въ списокъ вошли почти всѣ мужчины нашей деревни въ возрастѣ отъ 18-ти до 40 лѣтъ. Изъ всѣхъ записанныхъ едва ли кто шелъ по охотѣ, несмотря на повторявшіяся внушенія ксендза, что долгъ повелѣваетъ всякому честному поляку идти въ бой съ врагами, такъ какъ пробилъ часъ избавленія ойчизны отъ московскаго ига, причемъ онъ обѣщалъ всякому, кто приметъ участіе въ повстаньѣ, большія награды и льготы въ будущей свободной Польшѣ, а на томъ свѣтѣ—отпущеніе всѣхъ грѣховъ и райское блаженство. Но эта проповѣдь мало помогала, и вскорѣ тѣ хаты, изъ которыхъ завербованы будущіе повстанцы, огласились рыданіями женщинъ и раздирающимъ плачемъ дѣтей. Нѣкоторые крестьяне, пока до нихъ не дошла очередь, узнавъ, въ чемъ дѣло, прятались кто на чердакъ, кто въ подвалъ, или сарай; убѣжать совсѣмъ изъ деревни было рискованно, такъ какъ мѣстность у насъ кругомъ открытая, и на бѣломъ фонѣ только что выпавшаго снѣга бѣглецъ былъ бы замѣченъ и, пожалуй, палъ бы подъ пулей, какъ не разъ грозился Стжичковскій. Если въ хатѣ не оказывалось мужчинъ, намѣченныхъ солтысомъ, то повстанцы начинали шарить по всѣмъ закоулкамъ дома и двора и всегда вытаскивали «бѣдаковъ», появлявшихся предъ грознымъ монахомъ съ виноватымъ и растеряннымъ видомъ. Тогда Скупинскій тутъ же объявлялъ своему адъ-

ютанту резолюцію: отпустить «лайдаку» въ лагерѣ столько-то батовъ (кнутовъ), обыкновенно отъ 20 до 50.

Былъ у насъ въ Санникахъ отставной вахмистръ, человѣкъ очень почтенный, котораго уважала вся деревня. Жилъ онъ со своею старухой очень бѣдно на одну только свою пенсію, потому что работать уже не могъ, ни земли и никакого хозяйства у него не было, а единственная его замужняя дочь, проживавшая въ дальней деревнѣ, также не могла давать отцу никакой помощи. Вотъ и пристали къ нему довудца, чтобъ непремѣнно шелъ въ повстанье.

— Смилуйся, ксёнже добродѣю, какой ужъ я вояка! Спросите у всѣхъ, вотъ и солтысъ знаетъ, что я едва ходить могу отъ старости и болѣзней,—отнѣкивался унтеръ.

— Мы тебѣ коня дадимъ, — возразилъ ксендзъ, — а ты можешь быть еще полезенъ народовому дѣлу. Я тебя назначаю инструкторомъ, и ты обучишь моихъ новобранцевъ стрѣльбѣ и военной муштрѣ.

— Ей-Богу же, не могу. Еще бы я былъ пѣхотинцемъ, ну, можетъ быть, какъ нибудь и училъ бы. А я вѣдь кавалеристъ, пѣхотной службы совсѣмъ не знаю; а что и зналъ, то уже и забылъ, находясь въ отставкѣ больше пятнадцати лѣтъ.

— Не смѣть отговариваться, — сердито крикнулъ ксендзъ, — ты долженъ послужить Польшѣ.

— Воля ваша, а я не могу и не пойду.

— А не хочешь по волѣ, такъ пойдешь по неволѣ. Этого негодяя отвести въ лагерь на веревкѣ,—обратился Скупинскій къ своимъ приспѣшникамъ.

Тотчасъ накинули бѣдному старику на шею веревку и вывели на улицу къ собранной уже кучкѣ. А тамъ отчаянно голосила молодая женщина, съ полгода назадъ вышедшая замужъ и находившаяся въ благословенномъ положеніи. Она судорожно ухватилась за мужа и, обливаясь слезами, вопила: «не пущу, не пущу Ися; убейте меня, а въ повстанье не дамъ». Скупинскій приказалъ и эту женщину взять на веревку и всю отобранную кучку людей отвести въ лѣсъ подъ конвоемъ 4-хъ вооруженныхъ повстанцевъ.

Затѣмъ произошла сцена, которую и до сихъ съ ужасомъ вспоминаютъ въ нашей деревнѣ. Зашелъ ксендзъ въ хату крестьянина Дуная, а его и слѣдъ простылъ.

— Гдѣ твой мужъ?—грозно приступилъ ксендзъ къ женѣ Дуная.

— Не знаю, ксёнже добродѣю, сама не знаю, гдѣ онъ, — отвѣчала дрожавшая отъ страха Ядвига.

— Врешь ты, пся кровь, говори сейчасъ, куда спрятала, иначе плохо тебѣ будетъ.

— Сжальтесь, ради Господа Іисуса; не знаю же я, гдѣ онъ, можетъ, на заводъ ушелъ, а я не знаю, не знаю,—твердила растерявшаяся женщина.

Въ рыданіи она бросилась на колѣна и стала цѣловать ноги ксендза. А онъ лягнулъ ее въ грудь такъ, что бѣдняжка повалилась навзничь, и приказалъ оставшимся при немъ двумъ повстанцамъ отыскать Дуная во что бы то ни стало. Но всѣ поиски оказались безуспѣшными, и когда объ этомъ доложили ксендзу, то онъ пришелъ въ такое изступленіе, что сталъ топтать ногами едва живую отъ страха женщину, а наконецъ, обратившись къ Стжичковскому, крикнулъ: «казнить подлую измѣнницу». Моментально Стжичковскій выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и воткнулъ въ грудь несчастной по самую рукоятку. Обливаясь кровью, Ядвига безсознательно пробормотала: «въ стодолѣ, въ стодолѣ» (въ ригѣ).

— А, вотъ когда шельма созналась,—и съ этимъ словомъ ксендзъ выстрѣлилъ въ нее изъ пистолета. А такъ какъ жертва, корчась въ судорогахъ, еще обнаруживала признаки жизни, то жестокій монахъ приказалъ адъютанту добить ее, что̀ онъ тотчасъ и исполнилъ, ударивъ нѣсколько разъ полѣномъ по головѣ.

Но этимъ не ограничилась месть служителя алтаря; онъ собственноручно поджегъ хату и ригу Дуная, полагая, что тамъ сгоритъ и хозяинъ, если онъ сидитъ въ снопахъ ржи. Но Дунай догадался во-время уйти отсюда и, проползши задами къ тѣмъ избамъ, гдѣ уже побывали вербовщики, спрятался на огородѣ въ картофельную яму и тѣмъ спасъ свою жизнь.

Все это—и убійство женщины, и поджогъ строеній—навело на всѣхъ такую панику, что никто уже не осмѣливался скрываться или отнѣкиваться. Такимъ образомъ были отведены въ лѣсъ и мой отецъ и старшій братъ, восемнадцатилѣтній парень. На хозяйствѣ осталась одна мать съ двумя дѣтьми. Затѣмъ ксендзъ поѣхалъ на сахарный заводъ и забралъ оттуда всѣхъ, кого считалъ способнымъ къ войнѣ.

Вся наша деревня была объята ужасомъ и отчаяніемъ. Никто не спалъ всю ночь. Сходились вмѣстѣ, плакали, совѣтовались, и никто не могъ толкомъ сказать: что слѣдуетъ предпринять. Высказывались робкія мнѣнія, что нужно дать знать начальству; но тутъ же являлось опасеніе, что, въ случаѣ доноса ксендзу, будетъ сожжена вся деревня, да и неизвѣстно теперь, гдѣ находится русское войско. Такъ ничего и не рѣшили.

Между тѣмъ дня черезъ два, совершенно неожиданно, Скупинскій вновь пріѣхалъ въ нашу деревню. На этотъ разъ онъ появился одинъ, безъ всякаго конвоя; очень ужъ онъ понадѣялся на свою власть и силу. Спѣшившись, ксендзъ грозно потребовалъ: подать ему Дуная, такъ какъ онъ почему-то узналъ, что этотъ здрайца (измѣнникъ) не сгорѣлъ въ стодолѣ. Тутъ произошло событіе, совершенно неожиданное, которое можно объяснить только тѣмъ, что очень ужъ накипѣла злоба противъ мучителя. Безъ всякаго уговора, по одному охватившему всѣхъ инстинктивному побужденію, всѣ бро-

сились на ксендза, мгновенно обезоружили его и связали, чтобы отвезти въ городъ, гдѣ предполагалась какая нибудь военная власть. Но пока снаряжали подводу, озлобленные сельчане стали наносить тирану жестокіе побои, и особенно были неумолимы женщины: однѣ душили его, другія били по чемъ попало кто полѣномъ, кто кочергой. Попавшійся въ бѣду ксендзъ сначала грозно приказывалъ освободить его, потомъ стращалъ Божіимъ наказаніемъ, а наконецъ сталъ умолять, чтобы простили его, но разгорѣвшаяся месть была неумолима, и ксендзъ скоро испустилъ свой грѣшный духъ. Нѣкоторые разсказываютъ даже, что его просто растерзали на части. Такъ ли это было, не знаю, потому что отъ страха я смотрѣлъ издали на суетящуюся на улицѣ толпу и боялся приблизиться къ зловѣщей вознѣ, но помню, что свирѣпый монахъ поплатился жизнью, и что онъ былъ похороненъ ксендзами съ большими церковными почестями, какъ мученикъ за святое дѣло.

Эта расправа не обошлась однакожъ для деревни безнаказанно. Правда, повстанцы изъ партіи Скупинскаго не успѣли отомстить намъ, потому что на другой день послѣ происшествія эта партія, въ виду приближенія русскаго отряда, поспѣшно оставила свою позицію, повѣсивъ вахмистра и беременную женщину. Но, спустя недѣли три, къ намъ пришла другая партія, и хотя по ея слѣдамъ гнались русскіе, но все же повстанцы пріостановились и потребовали немедленно выдать убійцъ Скупинскаго. Всѣ отзывались незнаніемъ, да это и правда, такъ какъ трудно было сказать, кто собственно былъ виновникомъ расправы, когда всѣ душили и били. Тогда довудца, опасаясь потерять время въ разспросахъ, порѣшилъ, что тутъ всѣ жители—разбойники и шпеги (шпіоны), и приказалъ схватить безъ разбора трехъ человѣкъ. Эта роковая участь постигла двухъ стариковъ и одного подростка, которыхъ повстанцы и увели съ собой. Не далѣе, какъ черезъ часъ прошли черезъ деревню русскіе и въ первомъ же отъ деревни лѣсу увидѣли трехъ нашихъ односельцевъ повѣшенными и еще теплыми. Такъ какъ толстая веревка не очень затянулась вокругъ шеи мальчика, благодаря его малой тяжести, то этого повѣшеннаго отходили, и онъ остался живъ; двое же стариковъ, несмотря на всѣ попытки къ спасенію ихъ, не возвратились къ жизни.

Братъ, какъ впослѣдствіи стало извѣстно, былъ обученъ стрѣльбѣ, и въ каждой стычкѣ его выдвигали впередъ съ командой застрѣльщиковъ; поэтому онъ скоро, мѣсяца черезъ два, былъ убитъ. Отецъ былъ въ косиньерахъ, которыхъ обыкновенно держали позади, считая такихъ вояковъ ненадежными. Только тогда ихъ гнали впередъ, если случалось, что русскіе отступали передъ большою силой. Быть можетъ, этому косиньерству отецъ обязанъ тѣмъ, что остался живъ. Онъ возвратился домой уже лѣтомъ. Не имѣя о немъ никакихъ извѣстій, мать моя и я съ сестрой считали его погибшимъ и горько

его оплакивали. Поэтому онъ появился къ намъ какъ бы съ того свѣта. Мы всѣ бросились къ нему, осыпали поцѣлуями и обливали слезами радости. Но это былъ уже не прежній крѣпкій и краснощекій мужчина; теперь отецъ явился истощеннымъ, желтымъ и слабымъ до такой степени, что съ трудомъ держался на ногахъ. Испытавъ множество тяжелыхъ невзгодъ во время безпрерывнаго шатанія съ народовымъ войскомъ, переходя зимою рѣки въ бродъ и ночуя иногда мокрымъ въ лѣсу, оставаясь по нѣсколько дней безъ горячей пищи, отецъ до того разстроилъ свое здоровье, что почти не вставалъ съ постели и года черезъ три умеръ.

Отецъ много разсказывалъ намъ о всѣхъ претерпѣнныхъ имъ злоключеніяхъ. Жалѣю, что я тогда не записалъ ихъ для памяти. Теперь всѣ подробности уже ушли изъ головы, но все же въ общихъ чертахъ кое-что помню. Польскій отрядъ, куда привели отца, состоялъ первоначально изъ ста съ небольшимъ человѣкъ; начальство надъ нимъ послѣ ксендза Скупинскаго принялъ Верещинскій. Такъ какъ повстанцы плохо были вооружены (человѣкъ тридцать носили разнокалиберныя ружья, остальные ходили съ косами на подобіе пикъ), то Верещинскій избѣгалъ встрѣчи съ войсками и почти безъ остановокъ водилъ своихъ людей съ мѣста на мѣсто по Ловичскому и Гостынинскому уѣздамъ, при чемъ повстанцы забирали въ казначействахъ и гминныхъ управленіяхъ казенныя и общественныя деньги, перехватывали почту, портили телеграфъ, брали у жителей подъ квитанціи довудцы съѣстные припасы, всякую живность, лошадей, подводы, одежду и вербовали людей въ повстанье. Черезъ мѣсяцъ эта партія состояла уже изъ 500 человѣкъ и имѣла достаточно ружей, доставленныхъ изъ-за границы. Первая стычка съ русскими произошла въ концѣ февраля недалеко отъ Гостынина и кончилась не въ пользу поляковъ. Они поспѣшно ушли, не убравъ даже своихъ раненыхъ, и скрылись въ большомъ казенномъ лѣсу. Сюда же вскорѣ пришелъ съ своею партіей Ремишевскій, отставной капитанъ русской службы, и соединился съ Верещинскимъ, такъ что образовался отрядъ человѣкъ въ 800. Командованіе всѣми этими повстанцами принялъ на себя Ремишевскій. Какъ военный человѣкъ, онъ считалъ невозможнымъ вступать въ бой съ этимъ необученнымъ сбродомъ противъ сильнаго и хорошо вооруженнаго войска и, лавируя съ своимъ отрядомъ, усердно производилъ людямъ всякую муштру и училъ стрѣльбѣ, если только представлялась возможность пробыть нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ.

Покойный отецъ мой всегда говорилъ, что онъ бродилъ съ повстанцами противъ собственной воли, въ силу роковой необходимости. Мысль объ оставленіи повстанья никогда его не покидала. Но куда дѣваться? Хорошо, еслибъ арестовали русскіе; тутъ еще возможно избавленіе. Между тѣмъ онъ видѣлъ много примѣровъ, что убѣжитъ изъ банды крестьянинъ и пробирается къ домашнему очагу, но въ

первомъ же мѣстечкѣ, а часто и въ деревнѣ, польскія власти—бургомистръ или войтъ изъ шляхты—арестовываютъ бѣглеца и, вмѣсто выдачи военному начальству, передаютъ его довудцѣ первой проходящей повстанской партіи. А довудца или вѣшаетъ или подвергаетъ жестокой экзекуціи.

Судьбу отца рѣшило кровопролитное дѣло при деревнѣ Буддѣ Заборовской въ началѣ апрѣля. Здѣсь соединенную партію повстанцевъ настигъ значительный русскій отрядъ и стрѣльбою изъ ружей и пушекъ произвелъ большое опустошеніе въ польскихъ рядахъ. Когда же солдаты бросились въ штыки, то поляки не выдержали и обратились въ безпорядочное бѣгство. Много въ этомъ дѣлѣ полегло повстанцевъ! Пользуясь замѣшательствомъ, отецъ бросилъ косу и отдался на волю Божью. Тутъ онъ, вмѣстѣ со многими другими, былъ взятъ въ плѣнъ и переданъ въ г. Ловичъ военному начальству. Прежде всего отецъ отправленъ былъ въ военный лазаретъ, гдѣ пролежалъ около двухъ мѣсяцевъ. Допросы въ слѣдственной комиссіи продолжались недолго. Тамъ сразу убѣдились, что отецъ былъ невольною жертвой принужденія; поэтому его совершенно освободили съ отдачей только подъ надзоръ полиціи. Домой онъ добрался благополучно, благодаря тому, что большую часть пути прослѣдовалъ при отрядѣ, шедшемъ въ нашу сторону.

Въ началѣ слѣдующаго 1864 года, повстанье еще кипѣло, но уже въ лѣтніе мѣсяцы видимо стало ослабѣвать. Повстанскія партіи показывались въ нашей сторонѣ въ это время рѣдко, и были онѣ малочисленны. Тогда по всему краю была учреждена военная полиція съ начальниками-офицерами въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ. По деревнямъ также установлена сельская стража съ обязанностью арестовывать всякаго подозрительнаго проходимца. Съ своей стороны жондъ народовый, чтобы парализовать вліяніе военной полиціи, наводнилъ весь край своими жандармами, которымъ молва присвоила впослѣдствіи названіе вѣшателей и кинжальщиковъ. И вотъ въ это-то время наши деревни очутились между молотомъ и наковальней. Придутъ бывало въ деревню или пріѣдутъ верхами человѣкъ десять или больше вооруженныхъ народовыхъ жандармовъ и первымъ дѣломъ повѣсятъ старшаго надъ сельскою стражей, а то и всѣхъ человѣкъ пять стражниковъ; вѣшали также и тѣхъ мужиковъ и бабъ, кто на разспросы военныхъ начальниковъ указывалъ: куда направилась проходившая черезъ деревню банда. Одновременно съ этимъ они бывало наберутъ по хатамъ всякихъ съѣстныхъ припасовъ, и слѣдъ ихъ простылъ. Что могла сдѣлать противъ такой силы ничтожная сельская стража и даже цѣлая деревня? А затѣмъ случалось, что по слѣдамъ этихъ разбойниковъ является летучая русская команда, и офицеръ налагаетъ контрибуцію на всю деревню за то, что жители не оказали сопротивленія вѣшателямъ и снабдили ихъ продовольствіемъ. По слухамъ, народовые жандармы много замучили

всякаго люда во всемъ краѣ [1]). Только уже къ концу года сельская стража пріободрилась и стала арестовывать не только одиночныхъ повстанцевъ, но иногда и кучки изъ нѣсколькихъ человѣкъ, приходившихъ изъ лѣсовъ голодными, оборванными, изможденными. Впрочемъ въ то время повстанье совсѣмъ уже погасло, жондъ народовый не существовалъ, и бродившія кучки людей, не знавшихъ, куда дѣваться—эти «недобитки» эфемернаго войска—были не страшны; они скорѣе возбуждали къ себѣ жалость, чѣмъ злобу. По арестованіи такихъ бѣдняковъ, заботились прежде всего о томъ, чтобы отогрѣть ихъ и накормить.

Послѣ этихъ несчастныхъ двухъ лѣтъ (1863—1864) наша деревня, прежде зажиточная и даже богатая, совершенно обнищала. Такія же послѣдствія испытало и все вообще крестьянство нашего края, и это было тѣмъ болѣе горько, что «волостьяне» наши не желали повстанья и даже, насколько было можно, противились ему. Тяжко отвѣтятъ предъ Богомъ тѣ, которые замутили край и навлекли на него неисчислимыя бѣдствія, а мы желаемъ и просимъ у милосерднаго Господа только одного, чтобы это повстанье было послѣднимъ. Только лѣтъ черезъ десять наша деревня оправилась отъ разоренія, и то благодаря тому, что русское правительство освободило крестьянъ отъ власти помѣщиковъ.

Это мнѣніе грамотнаго и даже развитого крестьянина служитъ вѣрнымъ выраженіемъ образа мыслей и настроенія всего польскаго крестьянскаго сословія. Въ трехъ возстаніяхъ Польши оно не принимало добровольнаго участія; поэтому революціи 1794-го и 1831-го годовъ можно бы назвать военно-шляхетскими, а революцію 1863 года клерикально-шляхетскою; но ни одна изъ нихъ не была народною (дворовые люди и «офиціалисты» изъ хлоповъ, находившіеся подъ властнымъ вліяніемъ пановъ, не могутъ итти въ счетъ). Польскій крестьянинъ въ высшей степени консерваторъ; онъ съ любовью воздѣлываетъ свой клочекъ земли, и всѣ помыслы его обращены на то, чтобы улучшить и расширить свое домашнее хозяйство; онъ разсчетливъ и бережливъ до такой степени, что убыль изъ его инвентаря овцы, даже курицы, не говоря уже о лошади, составляетъ для него несчастіе. Поэтому польскіе крестьяне никакихъ перемѣнъ не желаютъ; напротивъ, имъ страшны и антипатичны всякія политическія потрясенія, разрушающія весь хорошо налаженный хозяйственный строй ихъ быта. Было бы наивно утверждать, что польскіе крестьяне питаютъ особенную преданность русскому правительству; быть можетъ, такого нравственнаго цемента и не существуетъ.

---

[1]) По офиціальному счету такихъ жертвъ было до 2.000, въ томъ числѣ не мало женщинъ. Но число повѣшенныхъ и зарѣзанныхъ должно быть больше, судя по тому, что вначалѣ гминные войты опасались доносить русскимъ властямъ о звѣрствахъ жандармовъ; кромѣ того, случаи расправы, совершенные въ глухихъ захолустьяхъ, могли остаться не обнаруженными. Авт.

Но несомнѣнно то, что весь земледѣльческій классъ въ Польшѣ дорожитъ русскою властью постольку, поскольку она гарантируетъ общественный порядокъ и правильное теченіе жизни и тѣмъ оберегаетъ отъ разстройства матеріальное его благосостояніе. Во всякомъ случаѣ этотъ классъ населенія благонадеженъ въ политическомъ отношеніи. Другое дѣло интеллигентный слой и духовенство. Повидимому, здѣсь еще много такихъ элементовъ, о которыхъ можно сказать, что они ничего не забыли и ничему не научились, о чемъ нельзя не пожалѣть со всею искренностью славянскаго чувства. Поляки во многихъ отношеніяхъ — симпатичная національность, и если бы верхній польскій слой, принявъ во вниманіе поучительные уроки исторіи и здраво оцѣнивъ современное политическое положеніе, разъ навсегда отрѣшился отъ иллюзіи о самостоятельной Польшѣ, возстановленіе которой такъ же немыслимо, какъ невозможно рѣкѣ обратититься вспять,—если бы поляки обратили всѣ свои помыслы исключительно на совмѣстную съ нами культурную работу для своего личнаго и общаго блага, безъ всякой задней мысли, то между поляками и русскими установилась бы искренняя пріязнь, какъ это и естественно между сосѣдними и родственными народностями,—благо мы не злопамятны и за русскую кровь, обильно пролитую на польской землѣ изъ-за трехъ революцій, мы не винимъ потомковъ, нашихъ современниковъ.

И. Любарскій.

РУССКОЕ ЗНАМЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ [1].

VI.

Взятіе Ходжента.

ТОБЫ воспользоваться успѣхомъ нашимъ на Иръ-Джарѣ и достигнуть цѣлей, съ которыми была предпринята въ январѣ 1866 года столь необдуманно затѣянная экспедиція Черняева на правый берегъ Сыръ-Дарьи, т. е. возвратить наше посольство и наказать эмира за его коварство и вызывающій образъ дѣйствій, намъ представлялись два способа: или, неотступно преслѣдуя разбитаго непріятеля, двинуться на Ура-Тюбе, или направиться на Нау и Ходжентъ. Генералъ Романовскій рѣшилъ двинуться на Ходжентъ, такъ какъ городъ этотъ лежалъ на главномъ пути изъ Коканда въ Бухару. Этимъ способомъ Кокандъ разобщался съ Бухарою, и кокандское правительство ставилось въ невозможность мѣшать въ предстоявшихъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ противъ эмира.

Давъ на Иръ-Джарѣ необходимый отдыхъ войскамъ, приведя тамъ въ порядокъ свой обозъ и отправивъ оттуда на пароходѣ въ Чиназъ всѣ излишнія тяжести и всѣ трофеи, генералъ Романовскій 14 мая 1866 года направился къ укрѣпленію Нау и занялъ его безъ выстрѣла; 15 и 16 числа, верки этого укрѣпленія приведены были въ нѣкоторый порядокъ, и тамъ оставлено двѣ роты, два орудія и

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. LXXVI, стр. 96.

команда казаковъ; 17 числа, остальная часть Чиназскаго отряда прибыла къ Ходженту; одновременно съ нею туда же подошелъ по правому берегу отрядъ Краевскаго.

Хотя изъ Нау и были отправлены къ жителямъ Ходжента успокоительныя прокламаціи,—Ходжентъ встрѣтилъ наши войска выстрѣлами. 18-го и 19-го, были произведены рекогносцировки по обоимъ берегамъ Сыръ-Дарьи, при чемъ не обошлось безъ довольно значительной канонады и живой перестрѣлки, начатой ходжентцами.

Рекогносцировки показали, что наиболѣе доступные для атаки фронты находятся на сѣверо-восточной сторонѣ, но что штурмовать стѣны, безъ предварительнаго приготовленія, было бы рискованно. Поэтому, въ ночь на 20 число, заложены были четыре батареи: двѣ на правомъ берегу и двѣ на лѣвомъ, съ южной стороны города; на батареяхъ поставлены 18 орудій и 2 мортиры. 20-го числа, было произведено усиленное бомбардированіе по городу, а штурмъ назначенъ на разсвѣтѣ на 21 число. Но, въ то время, когда войска уже двигались на штурмъ, изъ города выѣхала депутація, съ изъявленіемъ покорности; войска были возвращены на позицію. Но переговоры, длившіеся болѣе сутокъ, ни къ чему не повели.

Воинственная партія въ городѣ не только не допустила сдачи, но успѣла арестовать главныхъ вожаковъ партіи мира. По истеченіи срока, даннаго жителямъ города для окончательнаго отвѣта, бомбардировка возобновилась и продолжалась съ 6 часовъ вечера 22-го до 2-хъ часовъ дня 24-го мая.

Послѣ замѣченнаго ходжентцами движенія нашего, въ ночь на 21-е число, разсчитывать на нечаянность штурма на разсвѣтѣ уже было невозможно, а потому въ ночь на 23-е число начата была фальшивая аттака траншейными подступами на южной сторонѣ города. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для бо́льшаго развлеченія вниманія осажденныхъ и для лучшаго обезпеченія путей со стороны Коканда, блокирующія войска были раздѣлены на нѣсколько отрядовъ, и въ тылу войскъ выставлены сильные казачьи пикеты. Общее наблюденіе за дорогами и охраненіе войскъ со стороны Коканда было поручено подполковнику Пистолькорсу.

Совокупность этихъ мѣръ дала весьма полезные результаты — прибытіе новыхъ подкрѣпленій изъ Коканда совершенно прекратилось, и вниманіе защитниковъ отвлечено было на восточную сторону.

Для сбереженія снарядовъ, бомбардированіе города въ теченіе 22-го и 23-го чиселъ (кромѣ двухъ мортиръ, стрѣлявшихъ день и ночь) дѣлалось два раза въ день: въ полдень и въ шесть часовъ вечера. Такимъ образомъ, и 24-го числа въ полдень произведена была бомбардировка, а по ея окончаніи начатъ штурмъ.

Для штурма были назначены двѣ колонны: одна—изъ трехъ ротъ пѣхоты, двухъ батарейныхъ и двухъ облегченныхъ орудій, подъ начальствомъ капитана Михаловскаго, а другая—изъ такого же числа

пѣхоты, но безъ орудій, подъ начальствомъ ротмистра Баранова. Обѣ эти колонны вышли съ позиціи съ разсвѣтомъ 24-го числа. Первая изъ нихъ отправилась прямо къ сѣверо-восточной части города, съ цѣлью, устроивъ тамъ на ближайшемъ разстояніи брешь-батарею противъ прирѣчнаго барбета, открыть огонь въ полдень вмѣстѣ съ другими батареями; вторая двинулась сначала къ Коканд-скимъ воротамъ, съ тѣмъ чтобы перейти къ Келенаусскимъ воротамъ уже по начатіи бомбардированія. Къ Кокандскимъ же воротамъ направлена была и большая часть кавалеріи, которая должна была, съ одною изъ ротъ Баранова, прикрывать построенную здѣсь батарею и траншейныя работы по уходѣ Баранова. Въ 7 часовъ утра были двинуты: резервъ для штурмовавшихъ колоннъ, состоявшій изъ двухъ ротъ и двухъ облегченныхъ орудій подъ начальствомъ майора Назарова, и главный резервъ изъ такого же числа ротъ и одной сотни казаковъ, подъ командою подполковника Фавицкаго, который и расположился скрытно въ садахъ на келенаусской дорогѣ, сзади мечети, гдѣ былъ устроенъ главный перевязочный пунктъ.

Благодаря пересѣченной мѣстности, множеству строеній и густымъ садамъ, всѣ движенія, какъ штурмовавшихъ колоннъ, такъ и резервовъ, были отъ непріятеля совершенно скрыты и не обратили на себя никакого вниманія.

Колонна Михаловскаго, дойдя незамѣченною къ крѣпости на 150 саженъ и примкнувъ правымъ флангомъ къ рѣкѣ, расположилась скрытою отъ непріятеля, въ находившемся здѣсь оврагѣ, и, выславъ впередъ стрѣлковъ, тотчасъ же приступила къ устройству двухъ батарей—одной для 2-хъ батарейныхъ орудій, въ разстояніи отъ барбета на 65 саженъ, а другой—для двухъ облегченныхъ орудій, на разстояніи 50 саженъ. Несмотря на пушечный и ружейный огонь непріятеля, работы на батареяхъ шли весьма успѣшно. Дѣйствіе батарей, заложенныхъ на столь близкое разстояніе, было очень сильно.

Артиллерійскій огонь ходжентцевъ замолкъ, многіе зубцы стѣны были сбиты, и вообще стѣны барбета значительно повреждены. Между тѣмъ, въ обѣихъ колоннахъ войска приготовились для штурма: принесли лѣстницы, расположились за ближайшими къ городскимъ стѣнамъ прикрытіями и ожидали только сигнала для движенія. Сигналъ этотъ долженъ былъ подать Михаловскій.

Въ 2 часа дня, по окончаніи бомбардированія, стрѣлковая рота 3-го баталіона, во главѣ которой шелъ командиръ этой роты, уже извѣстный своей храбростью, поручикъ Шороховъ, и самъ начальникъ колонны Михаловскій, съ крикомъ «ура» бросилась на штурмъ; за ней послѣдовали и другія двѣ роты. Это «ура» и было сигналомъ. Барановъ тотчасъ же двинулъ роты бѣглымъ шагомъ къ Келеанаусскимъ воротамъ.

Поставивъ три лѣстницы къ барбету, рота Шорохова стала взбираться на стѣну, несмотря на то, что лѣстницы оказались короткими. Но лишь только передовые поднялись къ зубцамъ, какъ на стѣнахъ барбета появилась новая масса защитниковъ. Камни, пули и удары кистеней посыпались на штурмовавшихъ. Михаловскій, Шороховъ, подпоручикъ Куссонскій и прапорщикъ Бѣляевъ были изъ первыхъ сильно контужены, кто кистенемъ, кто камнемъ. Такая встрѣча, хотя и произвела замедленіе, но не охладила храбрости штурмовавшихъ. Павшіе подъ ударами были замѣнены другими, а командиръ облегченнаго взвода, поручикъ Тилле, выдвинулъ съ батареи свои орудія впередъ почти подъ самыя стѣны и осыпалъ непріятеля картечью, при чемъ былъ вскользь раненъ пулею въ грудь. Въ это время Барановъ, бросившись со своими ротами къ Келенаусскимъ воротамъ, несмотря на сильный огонь, успѣлъ поставить лѣстницы и подъ градомъ пуль, картечей и камней, а также бросаемыхъ со стѣнъ бревенъ, влѣзъ на первую стѣну, проломалъ ворота и, внеся черезъ нихъ лѣстницы, скоро взобрался и на вторую стѣну. Первымъ былъ здѣсь гвардейской артиллеріи подпоручикъ Мазингъ. Извѣстный уже по описанію штурма Ташкента, отецъ Маловъ и здѣсь шелъ въ переднихъ рядахъ, ободряя людей своимъ примѣромъ. Ворота второй стѣны также были разбиты, и обѣ роты вошли въ городъ. Вслѣдъ за ними направленъ былъ и резервъ Назарова, который, согласно предварительному распоряженію, частью подъ начальствомъ самого Назарова, двинулся прямо въ цитадель, а частью былъ направленъ для поддержанія колонны Михаловскаго.

При самомъ началѣ штурма, Михаловскій получилъ нѣсколько ударовъ въ голову; истекая кровію, онъ не могъ оставаться при войскахъ и вынужденъ былъ сдать начальство штабсъ-капитану Оренбургскаго стрѣлковаго баталіона Бергбому. Пользуясь подошедшими подкрѣпленіями и переходомъ черезъ стѣну колонны Баранова, Бергбомъ возобновилъ штурмъ и на этотъ разъ съ полнымъ успѣхомъ. Всѣ защитники барбета были переколоты штыками; штурмовавшіе вошли на барбетъ, распространились по стѣнамъ, а затѣмъ спустились и въ самый городъ.

Роты Баранова, по занятіи Келенаусскихъ воротъ, двинулись влѣво, вдоль стѣнъ, отдѣливъ часть своихъ людей, вмѣстѣ съ колонною Назарова, двинувшеюся прямо черезъ базаръ къ цитадели. Распространяясь по стѣнамъ влѣво отъ занятыхъ воротъ, колонна эта уничтожала вооруженіе верковъ заклепываніемъ и сбрасываніемъ орудій и, постепенно подвигаясь впередъ, соединилась у Кокандскихъ воротъ съ оставленною тамъ своею третьею ротою, оказавъ послѣдней содѣйствіе при взломѣ и вторженіи въ эти ворота. Затѣмъ, колонна эта, овладѣвъ шестью орудіями, изъ которыхъ одно взято съ бою, продолжала слѣдовать вдоль стѣны, дошла до самой рѣки и на ночь присоединилась къ войскамъ Назарова,

успѣвшимъ между тѣмъ занять цитадель и ввезти въ нее два нашихъ орудія.

Занявъ стѣны, Бергбомъ направилъ своихъ людей частью влѣво къ Келенаусскимъ воротамъ, а частію вдоль рѣки къ цитадели, гдѣ также захватилъ нѣсколько орудій, а на ночь вошелъ въ цитадель. Едва русское «ура» раздалось въ стѣнахъ Ходжента, какъ полковникъ Краевскій, посадивъ съ собой на находившійся при отрядѣ барказъ часть своихъ стрѣлковъ, переправился на лѣвый берегъ и, пользуясь суматохою въ городѣ, эскаладировалъ прирѣчную стѣнку и ворвался въ городъ. Захвативъ на пути слѣдованія одно орудіе, Краевскій съ стрѣлками прошелъ по нѣсколькимъ улицамъ и, выйдя къ цитадели, засталъ уже тамъ Назарова, а потому переправился обратно на правый берегъ. Колонны, во время движенія по городу, встрѣчали ожесточенное сопротивленіе; чтобы очистить скорѣе городъ, вслѣдъ за пѣхотою послана была, по распоряженію Пистолькорса, сотня казаковъ — проскакать по городу, а другая, спѣшенная, введена въ городъ на усиленіе пѣхоты.

Къ 7-ми часамъ вечера орудійная стрѣльба въ городѣ совершенно прекратилась, а ружейная перестрѣлка начала замѣтно утихать; въ городъ и цитадель введено было 10 ротъ, 4 орудія и 2 сотни казаковъ.

Ночь какъ въ городѣ, такъ и на позиціи, была проведена совершенно спокойно, а утромъ явились аксакалы съ изъявленіемъ безусловной покорности.

Упорное сопротивленіе защитниковъ стоило имъ одними убитыми около 2.500 ч. Трупы собирались и хоронились цѣлую недѣлю. Кромѣ того, толпы раненыхъ, на третій же день по занятіи Ходжента, стали являться на нашъ перевязочный пунктъ съ просьбой о помощи. Число ихъ было такъ велико, что при всей неутомимости нашихъ врачей, по необходимости, раненые должны были ожидать очереди по нѣсколько дней.

Трофеи наши состояли, кромѣ множества ружей, значковъ, фальконетовъ и другаго оружія, изъ 13 орудій и одного большого кокандскаго знамени.

У насъ въ продолженіе осады и штурма выбыли изъ строя: убитыми 5, ранеными 65, контуженными 57 и безъ вѣсти пропавшими 6; изъ этого числа офицеровъ ранено 1 и контужено 6; всего 133 человѣка.

Иръ-джарскій бой и взятіе Ходжента имѣли ближайшимъ послѣдствіемъ возвращеніе изъ Бухары нашей миссіи. Въ половинѣ августа въ Ташкентъ прибылъ генералъ Крыжановскій съ намѣреніемъ лично управлять дальнѣйшими военными дѣйствіями. Войскамъ немедленно приказано было стягиваться къ Ходженту, а бухарскому послу предложено уплатить въ 10 дней контрибуцію. Десятидневный срокъ оканчивался 23 сентября, и потому дѣйствующій

отрядъ выступилъ изъ Ходжента еще 20 числа, чтобы къ концу срока быть уже на границѣ. Отрядъ состоялъ изъ 20 ротъ пѣхоты, 5 сотенъ казаковъ, 20 орудій и 4 мортиръ. 22 числа отрядъ уже стоялъ лагеремъ въ 12 верстахъ отъ Ура-Тюбе; 23 произведена первая рекогносцировка, а коменданту послано предложеніе сдать крѣпость.

Наиболѣе доступною оказалась южная сторона города, гдѣ можно было воспользоваться садами и подвести войска довольно близко. Чтобы избѣжать большой потери въ людяхъ, рѣшено было произвести въ стѣнахъ обвалы.

VII.

Осада Ура-Тюбе.

Къ 27 сентября 1866 г. войска, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Крыжановскаго, сообразно составленному плану осады, распредѣлились вокругъ крѣпости.

Главныя силы, въ составѣ 11-ти ротъ пѣхоты и одной сотни казаковъ, при 10 орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Мантейфеля, расположились на дорогѣ въ Джизакъ.

Въ верстѣ впереди, ближе къ юго-западному углу, скрытно за высотами, расположенъ былъ авангардъ изъ 4 ротъ пѣхоты, 3-хъ сотенъ казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ и 6 ракетныхъ станкахъ, подъ начальствомъ графа Воронцова-Дашкова [1]), особый же отрядъ, назначенный для дѣйствій съ сѣверной стороны, въ составѣ 5 ротъ пѣхоты, команды саперъ, сотни казаковъ при 6 орудіяхъ и 2-хъ ракетныхъ станкахъ, подъ начальствомъ ротмистра Баранова, остался на ходжентской дорогѣ, также за высотами.

27 и 28 производились самыя подробныя рекогносцировки стѣнъ для выбора пунктовъ атаки и мѣстъ для брешь-батарей, по возможности ближе къ крѣпостной оградѣ.

Въ ночь съ 29 на 30 сентября рѣшено было заложить траншеи и построить двѣ брешь-батареи. 30-го числа разсчитывали пробить бреши и на разсвѣтѣ 1-го октября штурмовать городъ. Штурмъ предположено было произвести не одновременно всѣми четырьмя колоннами, а сначала предполагалось пустить двѣ колонны по обваламъ, чтобы тѣмъ облегчить болѣе трудную задачу колоннъ, назначенныхъ штурмовать по лѣстницамъ.

Чтобы помочь заложенію брешь-батарей, произведено было съ южной стороны усиленное бомбардированіе и сдѣланы фальшивыя атаки: кавалеріею съ ракетною командою на юго-восточный уголъ, а небольшими колоннами пѣхоты, при 3-хъ орудіяхъ, противъ западнаго фаса и сѣверо-западнаго угла. Но большой трудный обходъ,

---

[1]) Впослѣдствіи министръ императорскаго двора, нынѣ членъ государственнаго совѣта.

который пришлось сдѣлать колоннѣ Баранова, задержалъ ее такъ, что она могла бы приступить къ работѣ не ранѣе полуночи и, значитъ, къ разсвѣту батарея не была бы окончена. Поэтому работа была отложена до слѣдующей ночи. Чтобы помочь заложенію батареи и отвлечь вниманіе непріятеля, генералъ Романовскій, на котораго возложены были генералъ-адъютантомъ Крыжановскимъ ближайшія распоряженія осады и штурма, направилъ 3 сотни кавалеріи съ 6 ракетными станками и небольшую часть пѣхоты съ однимъ орудіемъ на сѣверо-западный уголъ крѣпости и поручилъ полковнику Пистолькорсу произвести съ этими войсками усиленную демонстрацію.

Благодаря этому маневру, заложеніе брешь-батарей противъ сѣверо-восточнаго фронта совершилось вполнѣ счастливо. Какъ только началось дѣйствіе ракетъ колонны полковника Пистолькорса, колонна Баранова, заранѣе построенная въ ближайшей лощинѣ, спустилась къ мѣсту, избранному для устройства брешь-батарей. По окончаніи всѣхъ предварительныхъ распоряженій, когда уже началась отрывка земли, непріятель замѣтилъ работу и открылъ огонь, но не замедлилъ этимъ нашихъ работъ.

Темнота однако была такова, что при трассировкѣ батареи инженеры долго принимали небольшой бугоръ впереди батареи за крѣпостную стѣну. Батарею совсѣмъ уже начали строить противъ этого пригорка, когда ошибку замѣтилъ одинъ изъ зоркихъ офицеровъ, и туры пришлось передвинуть впередъ на нѣсколько саженъ. Сообщеніе батареи было устроено въ сухомъ арыкѣ, послужившемъ прекрасною траншеею.

Для поддержанія этой брешь-батареи, позади ея, на мѣстѣ расположенія резерва, были устроены два ложемента для 4-хъ нарѣзныхъ орудій, стрѣлявшихъ нѣкоторое время черезъ брешь-батарею. Тѣмъ не менѣе, приходилось отказаться отъ надежды пробить здѣсь полную брешь, ограничиваясь только срытіемъ верхней части стѣны аршина на два съ половиною, такъ чтобы осыпавшаяся земля образовала обвалъ. Огнемъ этой батареи управлялъ гвардейской артиллеріи штабсъ-капитанъ Зиновьевъ.

Весьма удовлетворительны также оказались дѣйствія и южныхъ брешь-батарей, гдѣ дѣйствовали: 2 нарѣзныхъ, 6 облегченныхъ орудій и 4 мортиры. Здѣсь удалось къ вечеру пробить двѣ значительныя бреши въ передней и въ западной стѣнахъ и у плечеваго угла юго-западнаго барбета.

Защитники почти не показывались изъ-за стѣнъ. Соблюдая величайшую осторожность, они стрѣляли черезъ мелкія бойницы, которыя тотчасъ же послѣ выстрѣла затыкали камешками, но на разстояніи, на которомъ находилась наша батарея, своими малокалиберными, легковѣсными пулями они не причиняли намъ почти никакого вреда.

Съ разсвѣтомъ 2-го октября назначенъ былъ штурмъ по ракетѣ.

Для штурма южной стороны, подъ руководствомъ графа Воронцова-Дашкова, назначены были три колонны, каждая изъ 2-хъ ротъ пѣхоты и команды саперъ. Одна, подъ начальствомъ гвардіи штабсъ-ротмистра Шауфуса, должна была направиться на ближайшія къ юго-западному барбету ворота, лѣвѣе ея должна была слѣдовать другая колонна, подъ начальствомъ гвардіи штабсъ-ротмистра Глуховского и, наконецъ, третья, подъ командою майора Назарова на брешь у барбета. Резервъ этихъ колоннъ изъ 3-хъ ротъ при двухъ горныхъ орудіяхъ состоялъ подъ начальствомъ полковника Мантейфеля. Для штурма же сѣверо-восточной стороны въ распоряженіе Баранова были назначены двѣ колонны, каждая также изъ двухъ ротъ и команды саперъ: одна подъ начальствомъ поручика Шорохова, а другая штабсъ-капитана Конопельскаго, при нихъ резервъ изъ одной роты и двухъ нарѣзныхъ орудій, подъ начальствомъ поручика Кузьминскаго. Колонны эти должны были штурмовать обвалъ.

Правѣе штурмовавшихъ съ южной стороны стала кавалерія отряда (3 сотни и 6 ракетныхъ станковъ), подъ начальствомъ Пистолькорса, а для развлеченія непріятеля оставлена противъ сѣвернаго фаса небольшая колонна изъ роты пѣхоты, одного орудія и команды казаковъ, подъ начальствомъ капитана Сярковскаго.

Съ разсвѣтомъ, по условленному сигналу, наша артиллерія на время замолкла, и колонны двинулись на штурмъ.

Стрѣлки колонны Шауфуса первые пробѣжали отдѣлявшее ихъ отъ рва пространство и приставили лѣстницу къ стѣнѣ башни, которая прикрывала ворота. Командиръ стрѣлковой роты капитанъ Гриппенбергъ полѣзъ первый, за нимъ послѣдовали прапорщики Машинъ и Ѳедоровъ и нѣсколько стрѣлковъ, но лѣстница не выдержала и обломилась. На верху стѣны остались названные три офицера и пять стрѣлковъ. Со всѣхъ сторонъ по нимъ открытъ былъ огонь почти въ упоръ. Чтобы укрыться отъ свинцоваго дождя, эта горсть храбрыхъ пробилась въ нишу воротъ и засѣла тамъ, обезпеченная съ боковъ и тыла. Здѣсь отстрѣливались наши, пока ворота позади ихъ не были выломаны подпоручикомъ Калитинымъ и титулярнымъ совѣтникомъ Лерхе [1]), кинувшимися на выручку съ нѣсколькими охотниками. Въ это время стрѣлки успѣли поднять вторую лѣстницу. Первая стѣна была занята, но за нею оказалась вторая, а въ промежуткѣ масса защитниковъ. Отбросивъ непріятеля штыками и сломавъ ворота во второй стѣнѣ, колонна направилась вдоль стѣнъ направо и овладѣла съ боя четырьмя орудіями.

Почти одновременно съ Шауфусомъ двинулась и колонна Глу-

[1]) Командированный для ученыхъ изслѣдованій Лерхе принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

ховскаго. Впереди съ охотниками и командою саперъ шелъ командиръ саперной роты капитанъ Плецъ 1-й. Не обращая вниманія на огонь непріятеля, охотники спустились въ ровъ и стали подставлять лѣстницы. Оставивъ на краю рва часть стрѣлковъ, для дѣйствія по стѣнѣ, Глуховской съ остальными пошелъ вслѣдъ за охотниками. Упорная оборона не остановила нашихъ храбрецовъ, которые скоро успѣли перейти первую стѣну, но здѣсь наткнулись на большія массы защитниковъ, частью бросившихся въ рукопашную, частью же открывшихъ по нимъ огонь изъ башенъ и сакель. Произошла не продолжительная, но кровавая схватка. Здѣсь палъ Плецъ, убитый наповалъ. Начальство надъ охотниками принялъ поручикъ Комаровъ. Здѣсь же смертельно ранены подпоручикъ Кончицъ и поручикъ Плѣшковъ; кромѣ того, ранено и контужено еще 4 офицера.

Въ это время, на подкрѣпленіе потерпѣвшихъ и задержанныхъ колоннъ двинута была часть общаго резерва, что дало возможность Шауфусу двинуться въ городъ, не опасаясь за тылъ. Слѣдомъ за нимъ двинулась и колонна Глуховскаго, усиленная изъ резерва двумя горными орудіями. На долю этихъ колоннъ выпала самая трудная часть дѣла. Каждая изъ нихъ не превышала числительностію 250 человѣкъ; общая же цифра потерь убитыми и ранеными простиралась въ колоннѣ Шауфуса до 77 человѣкъ, а въ колоннѣ Глуховскаго до 74, итого 151, т. е. почти треть всего числа штурмовавшихъ!

Между тѣмъ, колонна Назарова, безъ шума, безъ криковъ «ура», шла впередъ, взошла на брешь безъ урона и опрокинула встрѣтившія ее за стѣною массы. Майоръ Назаровъ направилъ часть войскъ ко второй бреши, а остальныхъ вдоль западнаго фаса, при чемъ захвачено было 4 орудія.

Такимъ образомъ, не болѣе, какъ въ полчаса, всѣ три колонны успѣли овладѣть стѣнами и проникнуть въ городъ. Вслѣдъ за ними въ городъ втянулись и войска резерва. Жители упорно защищались въ улицахъ. Перестрѣлка и рукопашный бой въ тѣсномъ пространствѣ грозили намъ большими потерями; но въ это время въ тылу осажденныхъ появилась колонна Баранова.

Задолго до сигнала, въ колоннѣ Баранова сдѣланы были всѣ необходимыя приготовленія: изъ траншей арыка принесены были на батарею штурмовыя лѣстницы, сюда же подкатили двѣ арбы, которыми, въ случаѣ надобности, предполагалось завалить ровъ.

Съ разсвѣтомъ горизонтъ прорѣзали огненныя ленты трехъ сигнальныхъ ракетъ. Батарея сдѣлала залпъ картечью, и роты двинулись на штурмъ; съ крѣпостной стѣны тотчасъ открыли сильнѣйшій артиллерійскій и ружейный огонь.

Но вотъ на брешь вскочили два-три смѣльчака (Шороховъ, Конопельскій). Брешь забѣлѣла кителями. Стѣна смолкла. Наши были уже въ городѣ.

Нарѣзной взводъ взялъ въ передки и рысью пошелъ на обвалъ, который саперы въ нѣсколько минутъ разровняли настолько, что по бреши, безъ затрудненія, вошли не только легкія орудія, но и зарядные ящики.

Все внутри цитадели показывало, что бухарцы никакъ въ эту минуту не ожидали штурма и, повидимому, собирались закусывать: позади валганга небольшими кучками сложены были лепешки, у самой стѣны стояли желѣзные треножни, большіе чугунные котлы съ водою и пр.

Трофеи побѣды 2-го октября составляли: 4 знамени, 16 орудій (въ томъ числѣ одна двухпудовая мортира), 16 вьючныхъ пушекъ, множество фальконетовъ, ружей и огромные запасы пороха и другихъ припасовъ (въ томъ числѣ и разрывные снаряды). Потеря непріятеля была весьма значительная; собственно въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ подобрано было не менѣе 2.000 тѣлъ.

Наши потери состояли: убитыми 3 офицера (капитанъ Плецъ 1-й, поручикъ Плѣшковъ и подпоручикъ Кончицъ) и 14 нижнихъ чиновъ; ранеными: 1 офицеръ и 102 нижнихъ чина; контуженными: 6 офицеровъ, 101 нижній чинъ. Всего 10 офицеровъ и 217 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ, за время осады, убитыхъ три нижнихъ чина и раненыхъ 10.

Главныя потери понесли колонны Шауфуса и Глуховского; здѣсь общая потеря убитыми и ранеными доходила, какъ уже сказано, до 150 человѣкъ.

VIII.

Осада Джизака.

Такъ какъ и по занятіи Ура-Тюбе обѣщанное бухарцами мирное посольство не являлось, то войска наши направлены были на Джизакъ. Начальство надъ передовыми войсками, выступившими 5-го октября 1866 года, было поручено графу Воронцову-Дашкову. При движеніи этого отряда къ крѣпостцѣ Зааминъ, непріятель бѣжалъ столь поспѣшно, что оставилъ одно орудіе; укрѣпленіе было занято безъ выстрѣла. 10-го октября всѣ наши войска сосредоточились у Заамина, откуда 11-го числа двинулись къ Джизаку, въ составѣ $16^1/_2$ ротъ и пяти сотенъ казаковъ, съ ракетною командою, 8-ю конными и 12-ю пѣшими орудіями.

Отрядъ обошелъ Джизакъ съ юго-запада и расположился въ 4-хъ верстахъ отъ города, на дорогѣ въ Самаркандъ, слѣдовательно на сторонѣ, противоположной той, къ которой въ предшествовавшемъ году подходилъ Черняевъ.

Этотъ поискъ указалъ бухарцамъ на необходимость укрѣпить городъ, и, надобно отдать имъ справедливость, они много успѣли сдѣлать за 8 мѣсяцевъ.

Въ день прибытія отряда была произведена рекогносцировка, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Крыжановскаго; вечеромъ попался въ плѣнъ одинъ авганецъ, который сообщилъ подробности о крѣпости.

Городъ, по его словамъ и по свѣдѣніямъ, добытымъ рекогносцировкою, былъ окруженъ тремя параллельными стѣнами, цитадель составляла четвертую преграду. Пригородная слобода была покинута жителями. Около крѣпости бухарцы, какъ и въ Ура-Тюбе, разрушили всѣ сакли, находившіяся подъ стѣнами и образовали, такимъ образомъ, эспланаду, шириной отъ 60 до 100 саженъ. Въ Джизакѣ было нѣсколько сотъ авганцевъ, составлявшихъ преимущественно артилерійскую прислугу; затѣмъ имѣлось еще нѣсколько сотъ туркменъ, до 2-хъ тысячъ сарбазовъ или регулярныхъ войскъ, нѣсколько тысячъ иранцевъ невольниковъ, а всего гарнизона около одиннадцати тысячъ. Главное начальство надъ крѣпостію поручено было Алаяръ-хану, носившему титулъ таксаба-перваначи. Первыя двѣ стѣны, а въ особенности передняя, имѣли весьма сильную профиль, такъ какъ по валгангу могла свободно проѣхать арба.

Трое городскихъ воротъ: Самаркандскія, Уратюбинскія и Камышъ-Курганскія или Ташкентскія, были наглухо завалены, чтобы пресѣчь гарнизону всякій путь къ отступленію, такъ какъ, согласно приказанію эмира, комендантъ намѣревался защищать городъ до послѣдней крайности.

По длинѣ стѣны, черезъ каждыя пятнадцать саженъ, построены были полубашни для фланговой обороны. Полубашни эти или барбеты вооружены были орудіями.

Крѣпостныя работы все еще дѣятельно продолжались.

Самаркандскія ворота прикрыты были далеко выступавшимъ впередъ круглымъ туръ-бастіономъ, хорошо обстрѣливавшимъ доступъ къ нимъ. Между первою и второю стѣной шла улица, шириною около 60 саженъ, и здѣсь расположенъ былъ лагерь гарнизона.

О штурмѣ по лѣстницамъ уже никто и не думалъ: глубина и высота стѣнокъ, а главное уратюбинскій опытъ рѣшили вопросъ въ пользу обваловъ.

Между тѣмъ, 12 числа, Алаяръ-ханъ прислалъ письмо, въ которомъ просилъ генерала Крыжановскаго не начинать осады до полученія отъ эмира разрѣшенія сдать Джизакъ.

Но къ этимъ азіатскимъ уловкамъ мы уже были пріучены: бекъ, очевидно, хотѣлъ повторить ту же продѣлку, которая употреблена была съ генераломъ Черняевымъ, дабы оттянуть время до полученія подкрѣпленія.

Отвѣтомъ на это письмо было настоятельное требованіе немедленной сдачи крѣпости. Посланецъ, привезшій письмо, долженъ былъ отправиться, при однемъ изъ рекогносцировочныхъ отрядовъ, съ отвѣтомъ. Но когда отрядъ этотъ остановился у баррикады, загора-

живавшей выходъ изъ улицы на эспланаду, то бухарецъ объявилъ, что онъ не поѣдетъ въ крѣпость, а предпочитаетъ остаться въ русскомъ лагерѣ, потому что боится непріятностей за то, что пришелъ съ нашими войсками; наконецъ, онъ откровенно признался, что у него въ Ташкентѣ семейство, и онъ не хочетъ быть убитымъ въ Джизакѣ; его оставили въ покоѣ, отвѣтъ же взялся везти одинъ изъ нашихъ джигитовъ.

Такъ какъ отъ коменданта не послѣдовало никакого отвѣта, то, чтобы убѣдить бухарцевъ въ намѣреніи нашемъ немедленно же начать осаду, артиллерія наша открыла огонь, на который бухарцы тотчасъ отвѣтили канонадой и ружейной пальбой, не причинившей намъ, впрочемъ, никакого вреда.

Артиллеріи штабсъ-капитанъ Зиновьевъ выбралъ мѣсто для брешь-батарей и нашелъ средство издали измѣрить высоту стѣнъ крѣпости. Бухарцы строятъ свои глиняныя стѣны слоями: сперва выведутъ стѣнку, вышиною въ аршинъ съ небольшимъ, дадутъ глинѣ высохнуть, затѣмъ кладутъ второй слой, потомъ третій и т. д. Между всѣми этими слоями остается весьма замѣтный швовъ. Зиновьевъ насчиталъ въ джизакской стѣнѣ девять такихъ швовъ и вывелъ изъ этого, что стѣны имѣли надъ ровомъ около 10 аршинъ вышины. Такъ это и было.

Тотчасъ по уходѣ рекогносцировочныхъ отрядовъ изъ города, окружающаго крѣпость, тамъ вспыхнулъ пожаръ. Оказалось, что сарты сдѣлали вылазку и начали жечь сакли, чтобы расширить эспланаду. Всю ночь зарево освѣщало оставленный городъ. Чтобы помѣшать сартамъ уширять эспланаду, командующій войсками немедленно приказалъ послать въ городъ двѣ роты пѣхоты, которыя и должны были занять переднія, еще не разрушенныя сакли, которыя могли служить намъ прикрытіемъ вблизи крѣпости.

14-го октября назначена была новая рекогносцировка, но она не состоялась. Рано утромъ разнесся слухъ, что фуражиры облегченной батареи и полусотня казаковъ, отправившихся на фуражировку въ окрестныя деревни, прошли въ ущелье Джиланъ-Уты и окружены тамъ бухарцами. Неудачная фуражировка облегченной батареи превратилась въ полевое сраженіе: на помощь къ фуражирамъ посылалась рота за ротой, пока наконецъ не ушелъ изъ лагеря почти весь отрядъ, со всѣми начальствующими.

Увидавъ приближеніе нашихъ войскъ, бухарцы тотчасъ же стали поспѣшно отступать, преслѣдуемые по пятамъ, черезъ все ущелье на 20 верстъ, до укрѣпленія Яны-Кургана, по ту сторону ущелья. Войска вернулись только къ 8 часамъ вечера. 14-го же числа прибыли артиллерійскій и инженерный парки, и затѣмъ ничто не препятствовало уже начать осаду.

Предположено было построить двѣ брешь-батареи: одну у самаркандской, а другую около уратюбинской дороги. 15-го числа въ 6 ча-

совъ утра высланы были для этого двѣ колонны: одна подъ начальствомъ капитана Михаловскаго, изъ 4-хъ ротъ пѣхоты, 6 облегченныхъ орудій и 2-хъ мортиръ къ уратюбинскимъ, а другая—подъ начальствомъ подполковника Григорьева, изъ 4 же ротъ, 4 батарейныхъ орудій и 2-хъ мортиръ къ самаркандскимъ воротамъ.

Такъ какъ каждую изъ осадныхъ батарей приказано было строить не болѣе какъ на два орудія, то саперные офицеры (штабсъ-капитанъ Свищевскій и поручикъ Пріоровъ) рѣшили воспользоваться саклями на окраинѣ эспланады. Сартовскія, донельзя кривыя, улицы и переулки служили намъ безопасными траншеями. Переднія, не разрушенныя еще, сакли, по краю эспланады, служили закрытіемъ для цѣпи стрѣлковъ и составили, такимъ образомъ, готовую параллель.

Подлѣ самой самаркандской дороги нашлись три сакли, соединенныя заборами; переднія, т. е. обращенныя къ Джизаку, стѣнки этихъ сакель были почти параллельны крѣпостной стѣнѣ, поэтому, съ нѣкоторыми приспособленіями, онѣ могли служить довольно сносными брустверами для брешь-батареи. Сакли, находившіяся позади, замѣнили пороховые погреба; тѣ же удобства нашлись и для уратюбинской батареи.

Какъ только стемнѣло, саперы начали приспособлять осадныя батареи. Самаркандская была уже готова часамъ къ 11. Вся работа заключалась лишь въ томъ, что за заборомъ, который долженъ былъ служить брустверомъ, установили рядъ туровъ въ два яруса, насыпали ихъ землей, и затѣмъ, пробивъ амбразуру въ заборѣ, прикрыли ее деревяннымъ ставнемъ для защиты внутренности батарей отъ непріятельскихъ пуль. Неудобство батареи заключалось въ томъ, что находившійся предъ самаркандскими воротами бастіонъ бралъ нашу батарею во флангъ, а высокія крѣпостныя стѣны командовали мѣстностію настолько, что брустверъ батареи закрывалъ отъ стѣнъ лишь на 12 шаговъ. Но зато батарея имѣла и свои хорошія стороны, она была построена въ часъ времени, и слѣдовательно, въ случаѣ надобности, ничего не стоило устроить новую батарею изъ сосѣдней сакли. На уратюбинской батареѣ дѣла шли далеко не такъ успѣшно, потому что непріятель во время вылазки успѣлъ разрушить тѣ именно сакли и заборы, которые были намѣчены для передѣлки въ батарею. Только подъ самое утро новое мѣсто для батареи окончательно было выбрано, и приступлено было къ ея постройкѣ.

Такимъ образомъ, утромъ 16-го октября, открыть огонь могла лишь одна самаркандская батарея. Положеніе ея поэтому было весьма невыгодное: ей надобно было бить не торопясь, а это, конечно, давало бухарцамъ время опомниться, принять мѣры къ исправленію поврежденій и приготовиться къ упорной оборонѣ. Зарядовъ же было мало, и надо было ихъ беречь.

Между тѣмъ, на разсвѣтѣ непріятель замѣтилъ опасность и, открывъ изъ крѣпости учащенный огонь по обѣимъ колоннамъ, произвелъ большую вылазку на правый флангъ и тылъ уратюбинской колонны.

По всѣмъ пріемамъ обороны было очевидно присутствіе въ Джизакѣ регулярныхъ войскъ, а въ особенности авганцевъ, научившихся кое-чему отъ англичанъ.

При осадѣ Ура-Тюбе гарнизонъ ночью успокоивался и не тревожилъ насъ своимъ огнемъ. Въ Джизакѣ же, именно ночью и усиливался какъ ружейный, такъ и артиллерійскій огонь, достигая къ разсвѣту наибольшей энергіи, вѣроятно, изъ опасенія штурма, по примѣру Ходжента и Ура-Тюбе, взятыхъ на разсвѣтѣ. Кромѣ того, уратюбинцы не сдѣлали ни одной вылазки, а здѣсь это продѣлывалось каждую ночь.

Часамъ къ 10 утра поспѣла, однако же, и уратюбинская батарея, тотчасъ открывшая огонь. Батарея была построена наново изъ туровъ, а не передѣлана изъ заборовъ. Солдаты прозвали ее гостиницей: деревья, прудъ и совершенная безопасность внутренняго пространства оправдывали это названіе.

Правѣе этой батареи, саженяхъ въ 30, поставлены были за тонкой стѣной маленькія полупудовыя мортирки, или, какъ солдаты ихъ называли, собачки. Онѣ также весьма успѣшно дѣйствовали на городъ.

Командовавшій этими мортирками поручикъ Лафицкій придумалъ для развлеченія особую забаву: у воротъ крѣпости устроенъ былъ небольшой плацдармъ, занятый бухарскимъ карауломъ; предупредивъ стрѣлковъ, Лафицкій бросалъ на этотъ плацдармъ гранату, бухарцы опрометью кидались въ калитку стѣны и какъ при этомъ ни крючились,—все-таки имъ приходилось высовываться изъ-за невысокаго бруствера. Наши стрѣлки тотчасъ открывали огонь, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока бухарцы, выждавъ разрывъ гранаты, не возвращались на плацдармъ.

Стрѣльба съ брешь-батарей была весьма удачна: къ вечеру уратюбинская брешь была на половину окончена, самаркандская же батарея, сберегая снаряды, сбила въ теченіе дня только около двухъ верхнихъ вѣнцовъ стѣны (около двухъ аршинъ). Самаркандскую батарею рѣшено было усилить, а для поддержки уратюбинской противъ артиллеріи, громившей ее съ барбетовъ, построить еще контръ-батарею.

Наступила ночь. По дѣятельности, выказанной гарнизономъ, слѣдовало ожидать, что онъ воспользуется темнотою и задѣлаетъ обвалы. Чтобы воспрепятствовать этому, самаркандская батарея (Зиновьева) чрезъ каждыя три-пять минутъ посылала на брешь выстрѣлъ картечью. Эта мѣра оказалась весьма удачною. Бухарцы, дѣйствительно, сдѣлали кое-какія приготовленія для ночныхъ работъ

по исправленію стѣны, но къ работамъ этимъ приступить не осмѣлились.

На брешь противъ уратюбинской батареи непріятель, однако, успѣлъ устроить засѣку, которая впослѣдствіи была уничтожена выстрѣлами нашей батареи.

17-го октября, по примѣру предшествовавшаго дня, произведена была демонстрація противъ юго-западнаго угла крѣпости отрядомъ графа Воронцова-Дашкова (двѣ роты, двѣ сотни, четыре орудія и ракетная команда). На военномъ совѣтѣ въ этотъ день генералъ Романовскій предложилъ отступить на этотъ разъ отъ обычая штурмовать крѣпость не иначе, какъ на разсвѣтѣ, и произвести нападеніе въ полдень. Безпечность азіатцевъ, не наблюдавшихъ у себя правилъ аванпостной и гарнизонной службы, въ особенности по ночамъ, дѣлали до сихъ поръ утренніе штурмы неотразимыми.

Теперь же непріятель именно къ утру и былъ постоянно на готовѣ, ожидая штурма. Поэтому надобно было выбрать другое время; кромѣ того, штурмуя на разсвѣтѣ, мы рисковали найти наши обвалы задѣланными въ теченіе ночи. Къ тому же нечаянность штурма на Джизакъ, пугавшій своими четырьмя стѣнами, была для насъ весьма желательна, сигналы же ракетами, конечно, мало способствуютъ нечаянности, ибо они служатъ сигналомъ и для обороняющихся. Наконецъ, ночи были до того свѣтлы (тогда было полнолуніе), что бухарскіе часовые, конечно, могли бы съ высоты своихъ стѣнъ замѣтить наши ночныя приготовленія къ штурму, тогда какъ, собирая колонны въ 10 часовъ утра, мы ничѣмъ не обнаруживали нашихъ намѣреній, ибо въ 10 часовъ утра у насъ обыкновенно и ежедневно происходило движеніе войскъ по случаю смѣны ротъ траншейнаго караула. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, штурмъ былъ назначенъ въ полдень 18-го октября.

Вечеромъ, наканунѣ, произведена была поручикомъ Волынскаго уланскаго полка Кузьминскимъ окончательная рекогносцировка для измѣренія глубины рва. Рискуя быть замѣченнымъ, Кузьминскій поползъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ своей роты Терентіемъ Соиновымъ и при помощи 12-ти-аршиннаго шнура съ привязаннымъ къ нему камнемъ измѣрилъ глубину рва, оказавшуюся въ 9 аршинъ.

За день бреши сильно подвинулись. Несмотря на кажущуюся прочность стѣны, она замѣтно уступала выстрѣламъ. Осыпавшаяся на берму глина образовала уже достаточно удобный всходъ.

Съ наступленіемъ ночи оба обвала обстрѣливались картечью, но, несмотря на то, бухарцы успѣли сдѣлать кое-что для исправленія поврежденій: съ обѣихъ сторонъ самаркандской бреши они вывели стѣнки изъ большихъ туровъ, сплетенныхъ изъ камыша, а на срединѣ обвала брошено было нѣсколько огромныхъ мѣшковъ (каповъ) съ землей. Съ разсвѣтомъ, 18-го числа, артиллерія наша принялась очищать бреши. На сто саженъ орудія наши били безъ промаху и снимали туръ за туромъ.

Штурмъ назначено было произвести двумя колоннами, подъ начальствомъ капитана Михаловскаго и подполковника Григорьева, каждая изъ четырехъ ротъ пѣхоты при командахъ саперъ и казаковъ. Въ резервъ же къ этимъ колоннамъ, подъ начальствомъ графа Воронцова-Дашкова, назначены были четыре роты, два горныхъ орудія и сотня казаковъ. Для того же, чтобы замаскировать наши намѣренія и отвлечь вниманіе непріятеля, выслана была небольшая колонна изъ трехъ сотенъ казаковъ, ракетной команды и двухъ легкихъ орудій, подъ начальствомъ Пистолькорса, для производства демонстрацій противъ ташкентскихъ воротъ, а резервъ къ штурмовавшимъ колоннамъ вышелъ, какъ сказано, въ 10 часовъ, когда обыкновенно производилась смѣна частей на батареяхъ.

Въ 10 же часовъ утра, Пистолькорсу было послано приказаніе усилить демонстрацію. Пистолькорсъ спѣшилъ одну сотню и, оставивъ остальныя двѣ скрытыми въ садахъ, приблизился со спѣшенными казаками, ракетною командою и друмя орудіями на самое близкое разстояніе къ городскимъ стѣнамъ и надѣлалъ столько шуму, что привлекъ на себя вниманіе непріятеля, который, видя малочисленность нападающихъ, предпринялъ противъ нихъ вылазку. Произошла рукопашная схватка, но пѣшіе казаки и конноартиллеристы блистательно выдержали пробу; атака конныхъ сотенъ изъ-за засады довершила пораженіе непріятеля. Потеря наша здѣсь ограничилась однимъ легко раненымъ офицеромъ (артиллеріи поручикъ Шпицбергъ) съ 11-ю ранеными казаками; непріятель же оставилъ нѣсколько тѣлъ. Главная цѣль демонстраціи была достигнута.

По мѣрѣ приближенія къ полудню, батареи наши стали ослаблять огонь съ цѣлію усыпить бдительность бухарцевъ, которые дѣйствительно поуспокоились. За 10 минутъ до полудня роты, назначенныя на штурмъ, придвинулись къ батареямъ и людей разсчитали по лѣстницамъ.

Уратюбинской колоннѣ приходилось пройти отъ батареи до бреши около 90 саженъ, а самаркандской колоннѣ около 100 саженъ.

Ровно въ полдень, среди общей тишины, роты подняли лѣстницы и молча вышли на эспланаду, перешагнувъ черезъ опрокинутыя туры траншеи.

Предположеніе Романовскаго вполнѣ оправдалось: сарты никакъ не ждали штурма. Люди успѣли уже пройти саженъ 20, и только тогда непріятель спохватился. Джизакская стѣна окуталась дымомъ, и роты пошли съ обычнымъ «ура».

Резервъ, оставшійся на батареяхъ и слѣдившій за товарищами глазами и сердцемъ, наконецъ не выдержалъ: съ криками «ура» колонна эта кинулась съ батарей и бѣгомъ пошла на обвалъ.

Штурмующіе спустились по лѣстницамъ въ ровъ и менѣе чѣмъ въ четверть часа были уже на стѣнахъ крѣпости.

Одновременно съ тѣмъ, по предварительному распоряженію за-

вѣдывавшаго осадными работами инженеръ-подполковника Яблонскаго, небольшія команды саперъ, подъ начальствомъ Свищевскаго и Пріорова, бросились къ воротамъ, поддержанные стрѣлками Гриппенберга и штабсъ-капитана Сверчкова.

Во время штурма самаркандской колонны поручикъ Кузьминскій, первый въ своей ротѣ взбѣжавшій на обвалъ, былъ проколотъ непріятельскими пиками, прежде чѣмъ подоспѣли люди его роты. Кузьминскій получилъ за свои подвиги (рекогносцировка и штурмъ) орденъ св. Георгія 4 степени.

Въ уратюбинской же колоннѣ, какъ только показались на обвалѣ охотники, раздался взрывъ. 16 человѣкъ нашихъ были тяжело ранены или обожжены.

Разно говорили о причинахъ взрыва. Одни разсказывали, будто часть гарнизона, и, конечно, самая храбрая, видя неизбѣжное паденіе крѣпости, нарочно подожгла пороховой погребъ съ намѣреніемъ погибнуть вмѣстѣ съ побѣдителями. Другіе доказывали, что подобный героизмъ совсѣмъ не въ сартовской природѣ, и что взрывъ произошелъ, конечно, нечаянно: шарахнувшійся гарнизонъ, спасаясь бѣгствомъ и прячась по разнымъ угламъ, легко могъ забраться и въ погребъ и тамъ своими фитильными ружьями нечаянно поджечь порохъ.

Занявъ обвалы, войска наши раздѣлились на нѣсколько колоннъ, направившихся частію по валгангу, для сбрасыванія орудій, частію въ улицу, между первою и второю стѣною, частію въ цитадель. Черезъ самаркандскую брешь удалось ввезти въ крѣпость два горныя и одно нарѣзное орудія. Во власти непріятеля остались затѣмъ лишь однѣ ворота ташкентскія, или, вѣрнѣе, небольшая калитка при нихъ, такъ какъ ворота были завалены. Не трудно представить то страшное, отчаянное положеніе, въ какое при такихъ условіяхъ поставлены были защитники Джизака. 19-ть бековъ и многочисленный гарнизонъ, стоявшіе лагеремъ между стѣнами, были заперты въ этомъ коридорѣ!

Бухарцы никакъ не ожидали штурма такъ скоро. По ихъ соображенію, мы могли штурмовать городъ развѣ только еще черезъ 10 дней: «если Ура-Тюбе осаждали 8 дней,—разсуждали беки,—то Джизакъ будутъ осаждать по крайней мѣрѣ 18».

По окончаніи вылазки противъ Пистолькорса, всѣ беки собрались на одномъ изъ безопасныхъ отъ нашего огня бастіоновъ и тамъ совѣщались о дальнѣйшихъ мѣрахъ обороны; вдругъ прибѣжали съ извѣстіемъ, что русскіе уже въ крѣпости. Тогда всѣ побѣжали къ ближайшимъ воротамъ, но уже было поздно: навстрѣчу имъ двигалась одна изъ нашихъ ротъ, а такая встрѣча была для большинства роковою!

Когда наши войска овладѣли брешами, сарты кинулись вдоль по коридору, въ которомъ они были заключены, безъ возможности

попасть внутрь крѣпости или выйти въ поле. Масса обезумѣвшихъ отъ страха защитниковъ, подгоняемая нашими пулями и картечью къ ташкентскимъ воротамъ, напирала на переднихъ и не давала имъ перевести духъ. Но ворота эти, какъ уже сказано, были завалены. Здѣсь столпилось около 4.000 конныхъ и пѣшихъ, давившихъ другъ друга. Наши войска быстро двигались слѣдомъ за бѣжавшими и разстрѣливали враговъ. У воротъ образовалась цѣлая гора человѣческихъ и конскихъ труповъ. Тщетно старались перебраться черезъ нее отставшіе: русскія пули укладывали ихъ на верху этой гекатомбы человѣческихъ жертвъ. За этою баррикадою, остановившею нашихъ солдатъ, сидѣли, прижавшись къ стѣнѣ, еще тысячи полторы защитниковъ, которымъ и была дана пощада. Первый жаръ разгоряченныхъ боемъ и ожесточившихся солдатъ успѣлъ утихнуть, и затѣмъ убійство прекратилось — живые взяты въ плѣнъ. Между плѣнными оказалось 600 раненыхъ. Со страхомъ смотрѣли они на проѣзжавшихъ мимо нихъ русскихъ офицеровъ, жались къ стѣнѣ и подавленнымъ голосомъ молили о пощадѣ, повторяя свое «аманъ». Весьма небольшому числу удалось, впрочемъ, выбраться и въ поле, черезъ калитку ташкентскихъ воротъ, но здѣсь ихъ поджидалъ Пистолькорсъ съ казаками.

Между убитыми встрѣчалось много богато вооруженныхъ воиновъ, одѣтыхъ въ латы и шлемы съ большими кожаными, изукрашенными серебромъ и золотомъ щитами. Попадались и такіе, которые, судя по лицу и по тонкому бѣлью европейскаго происхожденія, давали поводъ подозрѣвать въ нихъ предпріимчивыхъ агентовъ соперничествующей съ нами державы. Подозрѣніе это усиливалось еще и тѣмъ, что въ Джизакѣ найдено было большое количество револьверовъ, а также ударныхъ и нарѣзныхъ ружей европейскаго образца. Затѣмъ были замѣтны нѣкоторые европейскіе пріемы при оборонѣ крѣпости (караульная служба, вылазки, очищеніе эспланады, исправленіе обваловъ); все это заставляло подозрѣвать присутствіе въ Джизакѣ англичанъ.

Не было еще и часу по полудни, какъ вся крѣпость была уже въ нашихъ рукахъ. Приняты были мѣры къ возстановленію порядка въ городѣ, гдѣ уже вспыхнули кое-гдѣ пожары, и прекращенію напраснаго кровопролитія.

Вскорѣ войска были выведены изъ Джизака. Въ городѣ былъ оставленъ гарнизонъ изъ нѣсколькихъ ротъ и назначенъ комендантъ. Джизакъ съ того времени сталъ русскимъ городомъ.

Въ то самое время, какъ происходило все описанное, въ тылу у насъ, передъ войсками, оставленными для прикрытія лагеря, а также и передъ колонною Пистолькорса появились новыя массы бухарской кавалеріи, за которыми въ разстояніи одного перехода слѣдовало 2.000 сарбазовъ при 18 орудіяхъ. Это было подкрѣпленіе, высланное эмиромъ. Встрѣченное орудійнымъ огнемъ и узнавъ

объ участи, постигшей Джизакъ, подкрѣпленіе это поспѣшно отступило и болѣе уже не показывалось.

Добыча была богатая и заключалась преимущественно въ оружіи, коняхъ и конской сбруѣ; однихъ коней отбито было такое множество, что, напримѣръ, въ стрѣлковомъ баталіонѣ, на каждаго рядового приходилось по лошади; этимъ обстоятельствомъ рѣшено было воспользоваться, и стрѣлковый баталіонъ отправленъ былъ въ Ташкентъ въ конномъ строю напрямикъ, черезъ безводную степь къ Чиназу, что пѣшему баталіону за недостаткомъ воды было бы весьма затруднительно.

Трофеями дня, кромѣ крѣпости, были 23 большихъ и 20 вьючныхъ орудій, 16 знаменъ и множество всякаго оружія.

Потери непріятеля доходили, по увѣреніямъ жителей Джизака, до 6.000 человѣкъ. У насъ же за все время осады и въ день штурма потеря ограничилась 6 убитыми, 76 ранеными (въ томъ числѣ 5 офицеровъ: поручикъ Кузьминскій, подпоручики: Аленичъ, Ржепецкій, Шпицбергъ и Рѣдькинъ) и 16 контуженными — въ томъ числѣ одинъ штабъ-офицеръ—подполковникъ Григорьевъ. Всего же 98 человѣкъ.

22-го октября генералы Крыжановскій и Романовскій уѣхали въ Ташкентъ. Экспедиція окончилась. Отъ бухарскаго эмира однако же не было прислано не только посольства, но даже никакихъ извѣстій. Такимъ образомъ, какъ началась экспедиція поазіатски—безъ объявленія войны, такъ и окончилась—безъ заключенія мира.

Оставшійся за старшаго въ Туркестанской области полковникъ Мантейфель счелъ необходимымъ овладѣть еще укр. Яны-Курганомъ, лежащимъ у Джиланъ-Утынскаго ущелья, дабы занять это ущелье и обезпечить крѣпость отъ нападенія съ этой стороны. 21 октября, укрѣпленіе Яны-Кургана было занято безъ боя и подорвано двумя минами. Рядъ неудачъ смирилъ бухарцевъ, которые наконецъ начали переговоры, пославъ въ Оренбургъ свою миссію. Разбои и хищническія нападенія мелкихъ шаекъ, впрочемъ, не прекращались на передовой линіи.

Тѣмъ временемъ, а именно въ началѣ 1867 года изъ бывшей Сыръ-Дарьинской линіи, Туркестанской области и Семирѣчья образовано было особое генералъ-губернаторство, начальникомъ котораго назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ [1]), которому поручено было закончить переговоры съ эмиромъ. Мирный трактатъ былъ отосланъ къ эмиру съ отправившимся обратно посломъ, а генералъ-губернаторъ, прибывъ на мѣсто, тотчасъ занялся введеніемъ новаго положенія объ управленіи краемъ. Работы организаціонныхъ комиссій указали множество мелкихъ особенностей, дѣлавшихъ необходимыми разныя отступленія отъ перво-

[1]) 14 іюля 1867 года.

начальнаго проекта. Явилась надобность провести законодательнымъ порядкомъ новый проектъ положенія, при личномъ участіи генералъ-губернатора, для чего ему необходимо было ѣхать въ Петербургъ. Между тѣмъ, непріязненныя дѣйствія эмира не прекращались.

Яны-Курганъ былъ окончательно занятъ нами, безъ особой, впрочемъ, надобности, 25 мая 1867 г. Командовавшій передовымъ отрядомъ въ Джизакѣ подполковникъ Абрамовъ думалъ этою мѣрою повліять на спокойствіе Джизакскаго района и обезпечить его водою, источники которой находились въ рукахъ непріятеля, но вмѣсто этого намъ пришлось отбивать рядъ нападеній, слѣдовавшихъ одно за другимъ. 26 мая при рекогносцировкѣ верховьевъ р. Джиланъ-Уты, 7 іюля въ 10 верстахъ отъ Яны-Кургана, 5 іюля тамъ же и 7 февраля 1868 г. при рекогносцировкѣ Ухумскаго ущелья отрядомъ, назначеннымъ для выбора мѣста подъ укрѣпленіе на сѣверномъ склонѣ Нуратынскихъ горъ. Въ то же время на сообщеніяхъ Яны-Кургана и Джизака нерѣдко появлялись мелкія шайки, нападавшія на наши оказіи. При одномъ такомъ нападеніи былъ захваченъ артиллеріи подпоручикъ Служенко, а при другомъ израненъ подпоручикъ Машинъ. Все это однако же, при нѣкоторой снисходительности, можно было еще не ставить въ вину эмиру, но когда въ Бухарѣ начались волненія, возбужденныя духовенствомъ, и когда эмиръ объявилъ «газаватъ», т. е. священную войну противъ русскихъ, то отъ снисходительности поневолѣ пришлось отказаться.

14 апрѣля, ночью, бухарцы сдѣлали нападеніе на лагерь нашихъ войскъ подъ Джизакомъ, но были отбиты. 30 апрѣля отрядъ въ составѣ 21 роты пѣхоты, 16 орудій и 5 сотенъ казаковъ (всего до 3.500 чел.), выступилъ изъ Яны-Кургана по Самаркандской дорогѣ.

Бухарскіе посланцы (вѣрнѣе лазутчики) засновали взадъ и впередъ, увѣряя, что мирный договоръ подписанъ и скоро будетъ привезенъ. Намѣреніе замедлить наше наступленіе было слишкомъ ясно, чтобы слѣдовало останавливаться, и потому отрядъ продолжалъ движеніе. Жара была такъ велика, что люди чувствовали неодолимую жажду и, найдя на дорогѣ нѣсколько лужъ отъ послѣдняго дождя, жадно пили изъ нихъ, припавъ ничкомъ. Запрещеніе не дѣйствовало—жажда парализовала дисциплину. Къ вечеру отрядъ остановился на урочищѣ Ташъ-Купрюкъ близъ оврага, на днѣ котораго течетъ неглубокій ручей.

Всѣ мѣры, возможныя и согласныя съ достоинствомъ Россіи, были приняты генераломъ Кауфманомъ, дабы побудить эмира бухарскаго къ заключенію мира. Простыя, понятныя и безобидныя для него были предложенныя ему условія мирнаго торговаго трактата. Но слова убѣжденія не повели ни къ чему. Сильный еще по понятіямъ азіатскимъ, бухарскій деспотъ, несмотря на неудачи 1866 года, не могъ помириться съ мыслію о необходимости подчиниться какимъ бы то ни было обязательствамъ. Самъ коварный, онъ не до-

вѣрялъ русскому генералу, подозрѣвалъ въ заднихъ мысляхъ, не понималъ простаго честнаго слова и обманывалъ. Увѣряя въ готовности своей заключить условія мира, онъ тянулъ дѣло, посылалъ для переговоровъ своихъ уполномоченныхъ одного за другимъ, но не подписывалъ трактата. Шесть мѣсяцевъ уже шли переговоры и въ началѣ апрѣля 1868 г., казалось, приходили къ концу. Эмиръ прислалъ въ Ташкентъ своего довѣреннаго доложить генералъ-губернатору, что на все согласенъ, и что принятыя имъ условія съ приложенною имъ печатью будутъ вслѣдъ за тѣмъ высланы. Генералъ-губернаторъ долженъ былъ выѣхать изъ Ташкента въ С.-Петербургъ для личнаго доклада Государю о найденномъ имъ положеніи вновь образованнаго генералъ-губернаторства. «Условія» не прибывали, выѣздъ откладывался со дня на день. Послѣдній срокъ былъ назначенъ на 14 апрѣля. Наканунѣ выѣзда, 13 апрѣля, вечеромъ получено было достовѣрное извѣстіе о томъ, что эмиръ приготовился къ войнѣ, что 100-тысячная бухарская армія собралась у Самарканда, и что ожидается лишь выѣздъ изъ края генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана для вторженія этой невиданной еще въ Азіи силы въ наши предѣлы. Тотчасъ сдѣлано было распоряженіе о сборѣ войскъ нашихъ въ Джизакѣ и въ Яны-Курганѣ. 18 апрѣля, К. П. фонъ-Кауфманъ выѣхалъ изъ Ташкента, но не въ С.-Петербургъ, а въ Джизакъ, принявъ по дорогѣ въ службу роту авганцевъ, передавшихся намъ съ Искандеръ-Ханомъ, внукомъ Достъ-Магомета [1]). 27-го апрѣля, всѣ войска были собраны, а отрядъ выступилъ изъ Джизака къ Яны-Кургану; тутъ присоединился отрядъ, стоявшій въ Яны-Курганѣ съ іюля мѣсяца 1867 г. во временныхъ баракахъ и всю зиму подъ начальствомъ полковника Абрамова. Всего собралось у Яны-Кургана: 21 рота пѣхоты, 16 орудій, 5 сотенъ казаковъ (всего до 3.500 чел.).

30 апрѣля, отрядъ выступилъ на пути къ Самарканду, сдѣлавъ около 35 верстъ, остановился на ночлегъ у Каменнаго моста; въ 2 часа ночи 1 мая поднялось воинство, готовое къ бою.

IX.

Дѣло на Самаркандскихъ высотахъ.

Когда отрядъ уже былъ готовъ продолжать движеніе, бухарскій посланецъ, встрѣтившій насъ наканунѣ съ такими же предложеніями, какія дѣлались эмиромъ уже въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, т. е. увѣреніями въ дружбѣ, но безъ письменныхъ «условій», кои отъ него требовались, сталъ просить ген. Кауфмана возвратиться въ Яны-

[1]) Искандеръ-Ханъ былъ впослѣдствіи произведенъ въ полковники.

Курганъ, или, по крайней мѣрѣ, дождаться на Ташъ-купрюкѣ (Каменный мостъ) прибытія новаго посла съ мирнымъ трактатомъ, но его уже не слушали. Отрядъ, пройдя десять верстъ, совершенно ровной степью, спустился у кишлака Акъ-Курганъ въ цвѣтущую Міанкальскую долину. Кишлакъ былъ оставленъ жителями.

Авангардъ остановился для привала, но едва отдано было это приказаніе, какъ изъ партіи джигитовъ, слѣдовавшихъ впереди авангарда, получено было извѣстіе что впереди виденъ непріятель, который выстрѣлами заявляетъ о намѣреніи драться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начальнику походнаго штаба, полковнику Петрушевскому, приказано было выѣхать впередъ для осмотра впереди лежащей мѣстности. Войска стали строиться на всякій случай къ бою; въ правой цѣпи и въ авангардѣ завязалась небольшая перестрѣлка. Полковникъ Петрушевскій, выѣхавъ съ 30-ю казаками на версту впередъ, по дорогѣ, остановилъ казаковъ. Бухарцы, увидя небольшую кучку казаковъ, двинулись впередъ. Положеніе Петрушевскаго сдѣлалось затруднительнымъ, но въ это время къ нему подоспѣли двѣ сотни казаковъ изъ авангарда, которые остановили наступленіе непріятеля.

Когда пальба утихла, отъ партіи бухарцевъ отдѣлился новый посолъ, Сардаръ Нажмутдинъ-Ходжа, объявившій, что онъ привезъ условія мирнаго договора, скрѣпленныя печатью эмира. Планъ бухарцевъ состоялъ, какъ оказалось впослѣдствіи, въ томъ, чтобы, затопивъ всю мѣстность между садами и Самаркандскими высотами, гдѣ расположены были ихъ войска, задержать нашъ отрядъ подольше подъ выстрѣлами своей многочисленной артиллеріи; но плотина, посредствомъ которой они предполагали поднять воду Зеравшана, не могла быть готова въ этотъ день, и потому бухарцы думали задержать насъ переговорами. На этотъ разъ оказалось, что условія, дѣйствительно, присланы, но написанныя на персидскомъ языкѣ, съ обиліемъ арабскихъ словъ, не могли быть переведены ни однимъ нашимъ переводчикомъ. Изъ того же, что умѣли прочесть, оказалось, что эмиръ прислалъ свои условія не совсѣмъ похожія на тѣ, которыя ему были предложены. Они были передѣланы въ томъ еще, что ему предложено было заключить условія мира съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ присланныхъ имъ условіяхъ говорилось, что эмиръ Музафаръ бухарскій заключаетъ условія съ императоромъ Александромъ II. Это служило новымъ доказательствомъ, что эмиръ считалъ себя еще настолько сильнымъ, чтобы не соглашаться на уступки, и велъ переговоры единственно съ цѣлію выиграть время, ибо форма и содержаніе «Условій» были ему посланы въ готовомъ видѣ для приложенія печати, и каждый пунктъ ихъ разъясненъ подробно и имъ понятъ, по его же увѣреніямъ. Понимая эту уловку, генералъ Кауфманъ приказалъ отряду двигаться впередъ до самаго Зеравшана. На просьбы Нажмутдинъ-Ходжи не двигаться далѣе и остановиться на мѣстѣ привала, командующій

войсками отвѣтилъ, что намъ не приходится ночевать въ садахъ, имѣя кругомъ со всѣхъ сторонъ многочисленнаго непріятеля. Посланникъ увѣрялъ, что войскъ нигдѣ нѣтъ, что бухарцы думаютъ лишь о мирѣ, и что люди, которыхъ мы видѣли, были любопытные изъ народа.

Только по выходѣ изъ садовъ, когда открылись предъ нами долина Зеравшана, высоты за рѣкою и сады города Самарканда, примыкавшіе къ высотамъ, мы увидали, что̀ приготовлено было хитрыми бухарцами для нашей встрѣчи.

Позиція длиною 12 слишкомъ верстъ занята была непріятелемъ. Она имѣла форму круга, съ отверстіемъ въ томъ мѣстѣ, куда выходила дорога изъ садовъ. Все остальное пространство, за исключеніемъ протоковъ рѣки, сплошь занято воинствомъ. Центръ позиціи тотчасъ за рѣкою составляли самаркандскія высоты, покрытыя снизу доверху бухарцами. Тутъ, казалось, собралось все вооруженное населеніе Бухарскаго ханства.

При первомъ взглядѣ на эту внушительную позицію обнаруживалось, что ключемъ ея были высоты; на нихъ-то и слѣдовало устремить всѣ наши усилія. Ближайшій къ намъ лѣвый флангъ непріятеля медленно приближался къ дорогѣ, по которой дебушировали войска изъ узкаго дворика, образуемаго садами. Тотчасъ же полковникъ Штрандманъ, съ четырьмя сотнями казаковъ и четырьмя орудіями облегченной казачьей батареи и ракетною батареею, направленъ былъ вправо, чтобы отодвинуть непріятеля отъ дороги, дабы онъ не помѣшалъ безопасному движенію обоза, который получилъ приказаніе стянуться на полянѣ на правомъ берегу рѣки въ вагенбургъ. Было 11 часовъ дня, войска сдѣлали уже переходъ около 30 верстъ; день былъ очень жаркій.

Бухарцы открыли пальбу изъ 24-хъ орудій, разстановленныхъ по всей линіи ихъ расположенія, но видя, что снаряды ихъ не долетаютъ, вскорѣ совсѣмъ прекратили ее. Только два орудія, обстрѣливавшія переправу черезъ Зеравшанъ и стоявшія въ долинѣ ближе къ намъ, продолжали стрѣлять навѣсно ядрами, но не наносили намъ вреда.

Войска наши остановились между рукавами Зеравшана въ разстояніи полуторы версты отъ высотъ, занятыхъ бухарцами. Впереди разстилалось широкое каменистое ложе Зеравшана, пробѣгавшаго здѣсь множествомъ рукавовъ глубокихъ и быстрыхъ. За нимъ, какъ сказано, поднимались самаркандскія высоты, упиравшіяся высокимъ отвѣснымъ обрывомъ въ лѣвый берегъ Зеравшана. На самой вершинѣ горы виднѣлась «муллушка» (часовня) чупанъ-ата, покровителя пастуховъ [1]). Вдоль подошвы высотъ тянулась непре-

[1]) Чупанъ-ата значитъ отецъ чапанъ, святой чапанъ. Слово же чапанъ значитъ пастухъ.

рывная линія пѣшихъ сарбазовъ; на самой высотѣ видна была другая линія, и все сплошь было покрыто массами конницы съ бунчуками и значками. Въ Самаркандъ вели три дороги, и всѣ онѣ обстрѣливались непріятельскою артиллеріею. Одна непріятельская батарея въ 12—14 орудій была расположена въ центрѣ и обстрѣливала большую дорогу, ведущую на высоты; другая въ 6 орудій стояла лѣвѣе и обстрѣливала переправу черезъ Зеравшанъ по дорогѣ, огибающей высоты съ сѣверной стороны; на правомъ флангѣ непріятеля стояла третья батарея тоже въ 6 орудій, для обстрѣливанія третьей дороги, пролегающей южнѣе двухъ первыхъ.

Когда нашъ авангардъ занялъ назначенное ему мѣсто, генералъ Кауфманъ объявилъ Нажмутдину-Ходжѣ, что если онъ желаетъ вести дальнѣйшіе переговоры о мирѣ и желаетъ избѣгнуть кровопролитія, то пусть пошлетъ сказать бекамъ, начальствующимъ надъ бухарскими войсками, чтобы они не позднѣе, какъ черезъ два часа, отвели свои войска назадъ и очистили высоты.

Нажмутдинъ-Ходжа, какъ бы согласившись съ этимъ, тотчасъ послалъ двухъ изъ своихъ приближенныхъ сообщить бекамъ волю нашего генерала, совершенно будто бы согласную съ видами эмира. Однако два часа приближались къ концу, а отвѣта не было. Отрядъ нашъ къ этому времени выстроился въ боевомъ порядкѣ въ двѣ линіи съ резервомъ, раздѣленныя на двѣ части, одна за правымъ, другая за лѣвымъ флангомъ линій, такъ что боевой порядокъ легко дѣлился на двѣ колонны: правую и лѣвую; обозъ подтянулся и сталъ устраиваться въ вагенбургъ. Командующій войсками далъ понять Нажмутдину-Ходжѣ, что онъ тотчасъ прикажетъ начать атаку.

Посланецъ униженно молилъ о пощадѣ, прося подождать еще нѣсколько времени, наконецъ попросилъ позволенія поѣхать самому къ бекамъ, давъ за нихъ слово черезъ часъ очистить высоты. Вѣроятно, онъ разсчитывалъ, что переправа черезъ рѣку, болото за рѣкою, сопротивленіе бухарцевъ и огонь артиллеріи задержатъ насъ до вечера, а тогда ночная атака растянутыхъ войскъ нашихъ, коихъ въ темнотѣ нельзя будетъ стянуть, устроить на незнакомой мѣстности,—довершитъ наше пораженіе.

Генералъ фонъ-Кауфманъ отпустилъ посланнаго, сказавъ, что онъ не начнетъ атаки и черезъ часъ, если увидитъ, что бухарскія войска начнутъ сходить съ высотъ по направленію къ городу; но оказалось, что посолъ хлопоталъ только о томъ, какъ бы вырваться изъ нашихъ рукъ и выиграть еще сколько нибудь времени; тотчасъ по переправѣ его на ту сторону рѣки начались передвиженія бухарскихъ войскъ, и за четверть часа до окончанія даннаго срока загремѣла канонада и ружейная пальба.

Замаскированная деревьями и конницей батарея бухарцевъ вдругъ была раскрыта, и въ свиту командующаго войсками полетѣли ядра,

направляемыя, какъ оказалось, вѣроломнымъ Нажмутдиномъ. Когда минута въ минуту окончился срокъ, данный бухарцамъ, генералъ Кауфманъ словами «съ Богомъ» двинулъ войска впередъ.

Въ первой линіи шли шесть ротъ 5-го и 9-го линейныхъ баталіоновъ. На правомъ флангѣ, между ротами 9-го баталіона, слѣдовали два нарѣзныхъ и два батарейныхъ орудія; на лѣвомъ, между ротами 5-го баталіона, четыре батарейныхъ орудія. Резервъ праваго фланга составляли три роты 3-го баталіона, двѣ стрѣлковаго и рота авганцевъ, передавшихся намъ съ Искандеръ-ханомъ во главѣ еще до начала кампаніи. Резервъ лѣваго фланга—три роты 4-го баталіона и полурота саперъ, четыре сотни казаковъ съ 4-мя конными орудіями и ракетной батареей. Обозъ, устроенный въ формѣ 4-хъ угольнаго вагенбурга, охраняли 4 роты 6-го баталіона, два нарѣзныхъ, два батарейныхъ орудія и полсотни казаковъ.

Начальникъ дѣйствующаго отряда, генералъ Головачевъ, лично повелъ войска праваго фланга по дорогѣ на высоты, что и привело его въ центръ непріятельскаго положенія на высотахъ.

Войска нашего лѣваго фланга, подъ начальствомъ полковника Абрамова, при коихъ находился и командующій войсками, двинулись на правый флангъ непріятельской позиціи.

Пройдя по грудь въ водѣ рукава Зеравшана и потомъ по колѣна въ грязи топкихъ рисовыхъ полей, войска наши приблизились къ высотамъ; впереди колонна съ генераломъ Головачевымъ во главѣ, а за нею колонна Абрамова, которая, попавъ въ топкое болото и не желая отставать отъ товарищей, бросила затруднявшую ее артиллерію подъ прикрытіемъ кавалеріи. Вода набравшаяся въ сапоги, весьма затрудняла движеніе людей, но они скоро нашлись: стоило лечь на спину и поднять ноги вверхъ, пудовые сапоги дѣлались скороходами. Искандеръ-ханъ, разсказывая первыя впечатлѣнія, произведенныя на него новыми товарищами по оружію, потомъ передавалъ, что, увидавъ лежащихъ тамъ и сямъ солдатъ, онъ счелъ ихъ сначала просто трусами, но разглядѣвъ, въ чемъ дѣло, весьма радовался, что сомнѣніе его такъ скоро и забавно разъяснилось.

Пѣхота, одна, скоро прошла болота и тоже выбралась къ подошвѣ горы въ то время, когда противъ Головачева только что открылся огонь.

Дружный крикъ «ура» обѣихъ колоннъ и стремительный ударъ въ штыки опрокинулъ линію сарбазовъ; все, что было на склонѣ горы, обратилось въ бѣгство.

24 орудія брошены на мѣстѣ. Солдаты, утомленные тяжелымъ 9-ти часовымъ переходомъ съ ночи и настоящею атакою, не переводя духа взбирались на высоты, но не могли догнать враговъ.

Съ вершинъ горъ открылись намъ живописныя развалины старинныхъ мечетей и медресе «священнаго города», «средоточія міра». Непріятельской арміи не было видно. Кавалерія, задержанная боло-

тами, не скоро подошла, къ тому же она была утомлена; пора было подумать объ общемъ отдыхѣ.

Только когда значки нашихъ войскъ уже развѣвались у мулушки Чупанъ-ата, можно было оглянуться назадъ и оцѣнить разомъ все, что перенесли войска наши въ этотъ дѣйствительно славный день 1-го мая 1868 года: подъемъ въ 2 часа ночи, выступленіе передъ разсвѣтомъ, переходъ въ тридцать верстъ, изъ коихъ большая часть вблизи появлявшагося, то тамъ то сямъ, въ закрытыхъ садами мѣстахъ непріятеля, слѣдовательно со всѣми военными предосторожностями, въ видѣ стрѣлковыхъ цѣпей съ резервами, и неизбѣжными при этомъ переходами черезъ арки, черезъ стѣны, окружающія сады, неизбѣжными остановками, возвращеніемъ цѣпей на единственную нашу дорогу съ мостами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣки глубоки и широки. Затѣмъ, послѣ 3-хъ-часового отдыха—переходъ черезъ глубокую и быструю рѣку, безъ брода, фронтомъ, гдѣ кому пришлось, при чемъ сила Зеравшана была столь велика, что одинъ зарядный ящикъ батарейной батареи былъ опрокинутъ водою съ тройкой лошадей кверху колесами, его вытащили уже впослѣдствіи. За рѣкою было топкое болото, а впереди масса непріятеля, много болѣе, чѣмъ въ десять разъ, превосходившая насъ числомъ. Всѣ эти препятствія можно было одолѣть сразу только такими войсками, какія приготовляетъ постоянная борьба съ природою, съ многочисленнымъ непріятелемъ, при той мысли, которая если и не понимается сознательно всѣми, то чувствуется каждымъ, отъ солдата до главнаго начальника, что тутъ нѣтъ отступленія, есть только побѣда или гибель полная, безвыходная. Рѣшимость и энергія въ самой высшей степени проявленія человѣческой воли, вотъ что нужно было здѣсь для побѣды, кромѣ обученія и дисциплины войскъ.

Подведя итоги этого дня, командующій войсками узналъ, что потеря наша заключалась: убитыми 2 (одинъ офицеръ стрѣлковаго баталіона, Губинъ), ранеными 31 (въ томъ числѣ оберъ-офицеровъ 3), контуженными 7. Огонь непріятельской артиллеріи вывелъ у насъ изъ строя только 6 человѣкъ, ружейный же 30 человѣкъ.

Къ 9 часамъ вечера, когда знойный день смѣнила сырая и холодная ночь, усталый отрядъ расположился на ночлегъ, и такъ какъ обозъ съ своимъ прикрытіемъ нельзя было до конца боя тронуть съ мѣста, то онъ остался на мѣстѣ вагенбурга; при наступившихъ сумеркахъ переправа была бы затруднительна.

При неимѣніи палатокъ, людямъ пришлось спать на сырой травѣ, въ мокрыхъ рубахахъ, подъ мокрыми шинелями.

Раненыхъ размѣстили кое-какъ въ сакляхъ, которыя, по счастію, нашлись въ ближайшихъ садахъ, но и раненыхъ пришлось укрывать также мокрыми шинелями.

Только мысль объ одержанной побѣдѣ поддерживала бодрость закаленныхъ воиновъ нашихъ; было за полночь; говоръ на бивуакѣ

не прекращался, пока усталость не взяла свое, каждый пріютился какъ могъ, закусивъ тѣмъ, что было съ собою,—съ мечтами о завтрашнемъ днѣ.

Всѣ были убѣждены, что непріятель отступилъ въ городъ, для обороны котораго онъ, вѣроятно, и бережетъ свои силы.

Однако, на разсвѣтѣ 2-го мая, къ генералу Кауфману явились старшіе представители духовенства и администраціи города Самарканда съ просьбою принять городъ подъ свое покровительство и затѣмъ въ подданство «Бѣлаго Царя». Каты-аминъ, глава аксакаловъ, объявилъ, что жители Самарканда, страдая отъ своеволія и тираніи бековъ и эмира, съ радостію ожидаютъ прихода русскихъ, на которыхъ смотрятъ, какъ на своихъ избавителей, и что поэтому, когда разбитыя войска эмира направились въ городъ, жители заперли и не пустили ихъ, въ надеждѣ, что русскіе не дадутъ ихъ въ обиду. То же говорилъ и казы-келянъ (старшій судья), глава самаркандскаго духовенства.

Кауфманъ, выразивъ согласіе на принятіе Самарканда подъ покровительство русской власти, отправилъ часть депутаціи въ городъ съ приказаніемъ, чтобы духовенство, аксакалы и почетные люди изъ жителей Самарканда собрались впереди ближайшихъ городскихъ воротъ, для встрѣчи войскъ по русскому обычаю. Казы-келянъ и каты-аминъ были оставлены въ лагерѣ для сопровожденія отряда и указанія дороги черезъ сады въ городъ.

Часовъ въ 7 утра, изъ Самарканда прискакали два аксакала съ новою просьбою поспѣшить вступленіемъ въ городъ, такъ какъ къ полудню онъ можетъ быть занятъ 20-ю тысячами шахрисябцевъ, приблизившихся съ южной стороны къ городу.

Тотчасъ по сбору и менѣе чѣмъ черезъ полчаса, авангардъ, въ составѣ девяти ротъ 3-го, 9-го и стрѣлковаго баталіоновъ, четырехъ нарѣзныхъ орудій и сотни казаковъ, вытянулся по дорогѣ къ Самарканду; 5-й и 4-й баталіоны, батарейная батарея, казаки и конный дивизіонъ, подъ начальствомъ Абрамова, остались на высотахъ, до прибытія обоза.

Выйдя изъ садовъ, двѣ роты стрѣлковаго баталіона бѣглымъ шагомъ пробѣжали поляну, раздѣлявшую сады отъ города. Одна рота заняла ворота Шейхъ-Зинде, а другая прошла въ цитадель; роты эти привѣтствовали слѣдовавшаго за ними командующаго войсками громкимъ и дружнымъ «ура».

Аксакалы и старѣйшины священнаго города, стоявшіе по сторонамъ воротъ Шейхъ-Зинде, давъ ницъ, поднесли побѣдителю хлѣбъ-соль и повторили просьбу о принятіи города въ подданство Бѣлаго Царя.

Путь черезъ базаръ до цитадели кипѣлъ жителями, привѣтливо встрѣчавшими войска. У воротъ цитадели новое «ура» привѣтствовало въѣздъ русскаго полководца.

Между тѣмъ, на внутреннемъ дворѣ дворца (Кокъ-ташъ), у самаго трона Тамерлана, уже устроились роты 3-го линейнаго баталіона, подъ начальствомъ командира своего, подполковника Баранова; при появленіи командующаго войсками, роты взяли «на караулъ», затѣмъ «на молитву». Отслужили молебствіе и панихиду, и люди были распущены по квартирамъ. Начальство сосчитало трофеи: въ цитадели найдено еще два орудія, 3.747 ядеръ, 533 гранаты и бомбы, 218 зарядовъ, 101 пудъ пороху и 30.763 патрона.

Такимъ образомъ, черезъ двѣ недѣли послѣ начала сбора отряда противъ всего бухарскаго войска, городъ Самаркандъ, это «средоточіе міра», палъ предъ горстію русскихъ (числомъ до 3.000 штыковъ и сабель). Едва ли какая побѣда наша въ Азіи произвела такое сильное впечатлѣніе въ мусульманскомъ мірѣ, какъ паденіе Самарканда. Паденіемъ этимъ выказалось неизмѣримое превосходство нашего оружія, нашихъ войскъ надъ азіатскими полчищами, но въ особенности очевидна стала азіатскимъ владыкамъ наша нравственная сила, нашъ авторитетъ въ Азіи, довѣріе къ намъ мусульманскаго населенія.

Имущество жителей не было тронуто, и черезъ нѣсколько дней пошла обычная жизнь въ городѣ, какъ будто никакой перемѣны съ ними не произошло. Весь самаркандскій районъ призналъ власть нашу, кромѣ крѣпости Чилека и обширнаго горнаго селенія Ургута, имѣвшаго своего бека, гордаго и независимаго, съ которымъ и бухарскіе эмиры всегда считались. Отрядъ, подъ начальствомъ полковника Штемпеля, былъ посланъ къ первому пункту, но крѣпость Чилекъ оказалась брошенною войсками, и верки ея разрушенными. Другой отрядъ подъ начальствомъ полковника Абрамова направленъ въ Ургутъ. Тутъ жители вооружились, и потому селеніе было взято съ бо́я; Гуссейнъ-бекъ, владѣтель его, бѣжалъ въ Шахрисябзъ.

Между тѣмъ, эмиру сдѣлано было новое предложеніе о мирѣ, посланное съ двумя иранцами, обязавшимися доставить письмо въ Бухару. Одинъ изъ посланныхъ былъ зарѣзанъ въ Катты-курганѣ, а другой посаженъ въ яму. Чтобы побудить эмира быть сговорчивѣе, рѣшено было занять Катты-курганъ. Отрядъ подъ начальствомъ генерала Головачева, силою въ 14 ротъ, 8 орудій и 4 сотни казаковъ, съ двумя комплектами патроновъ и зарядовъ выступилъ 16-го мая изъ Самарканда.

18-го мая, занятъ городъ и крѣпость, откуда бѣжалъ бекъ съ 500 чел. гарнизона наканунѣ. Жители встрѣтили Головачева съ хлѣбомъ и солью. Эмиръ тотчасъ же выслалъ своихъ пословъ для переговоровъ о мирѣ. По прибытіи ихъ въ Катты-курганъ, командующій войсками предложилъ: уплатить 1 милліонъ тилей (3.600,000) контрибуціи, съ тѣмъ, что занятые нами города въ эту кампанію будутъ эмиру возвращены; если же онъ не можетъ

уплатить такой суммы, хотя бы съ разсрочкою на 8 или на 10 лѣтъ, то эмиръ обязуется уплатить 120.000 тиллей (480.000 руб.), но занятые нами города останутся за нами. Въ обоихъ случаяхъ торговый трактатъ долженъ быть утвержденъ. Послы просили, сверхъ того, перемирія на 10 дней. Получивъ на это согласіе, одинъ изъ нихъ отправился въ Бухару, другой самъ пожелалъ остаться у насъ. Бухарцы и тутъ считали для себя не обязательнымъ выдерживать перемиріе и въ теченіе всего 10-ти-дневнаго срока постоянно тревожили наши войска, стоявшія лагеремъ подъ Катты-курганомъ. Мы же до такой степени строго соблюдали данное обѣщаніе, что, ограничиваясь отраженіемъ непріятельскихъ нападеній на отряды и удерживаясь отъ рекогносцировокъ, имѣли лишь смутное понятіе о мѣстѣ расположенія главныхъ бухарскихъ силъ.

Бухарцы, какъ оказалось впослѣдствіи, вовсе и не думали заключать мира, и десяти-дневный срокъ перемирія употребили на сосредоточеніе своихъ силъ, на сношенія съ сосѣдями и на подготовленіе возстанія среди населенія занятой нами Міанкальской долины.

Съ 24-го мая катты-курганскій отрядъ ежедневно отбивалъ нѣсколько нападеній мелкихъ партій. 27-го, бухарцы предприняли усиленный поискъ въ нашу сторону, окончившійся, какъ всегда, неудачею. 29-го, нападеніе было повторено еще въ большихъ размѣрахъ, но также отбито. 31-го числа, въ Катты-курганъ прибылъ самъ генералъ-губернаторъ съ остальными нашими силами. Составъ отряда возросъ до 20 ротъ пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ (1.700 штыковъ и 320 шашекъ), 14 орудій и 6 ракетныхъ станковъ; изъ нихъ двѣ роты при двухъ орудіяхъ поставлены гарнизономъ въ цитадель, остальныя были готовы къ движенію.

Положеніе дѣлъ въ занятой нами части зеравшанской долины было не спокойное: жители кишлаковъ на пути между Самаркандомъ и Катты-курганомъ оставили свои жилища и скрылись.

Аксакаловъ и казіевъ изъ кишлаковъ долины нельзя было дотребоваться въ Самаркандъ; казій, назначенный въ Ургутъ, возвратился въ Самаркандъ, объявивъ, что населеніе тамошнее не желаетъ имѣть его своимъ казіемъ; изъ штаба получено было извѣстіе, что шахрисябзскіе беки снаряжаютъ большую силу на помощь эмиру, и съ 20 тысячами воиновъ идутъ на Кара-тюбе къ Самарканду. Сдѣлано было распоряженіе о высылкѣ 3-хъ ротъ изъ Катты-кургана въ Самаркандъ. До прибытія таковыхъ, всѣ войска, собранныя у Самарканда, не исключая и конвойной сборной сотни командующаго войсками, вошли въ составъ отряда, назначеннаго подъ начальствомъ полковника Абрамова встрѣтить шахрисябцевъ у Каратюбе. Въ Самаркандѣ, для охраны цитадели, оставался одинъ командующій войсками со своею свитою и съ 15-ю казаками, прибывшими изъ Яни-кургана съ почтою. Къ тому же—полный госпиталь боль-

ныхъ. Послѣднихъ было такъ много, что въ нѣкоторыхъ ротахъ считалось до 80 и 90 человѣкъ на лицо, въ сотняхъ 60 и 70 человѣкъ.

Возвратная горячка свирѣпствовала во всей силѣ. Число больныхъ дѣйствующаго отряда въ походныхъ лазаретахъ: Катты-курганскомъ, Самаркандскомъ и Яни-курганскомъ, и въ Джизакскомъ госпиталѣ, куда свозились больные по мѣрѣ возможности изъ Яни-кургана,—достигло 1.200 человѣкъ. Если присоединить къ этому такую же массу слабосильныхъ при войскахъ, которые не удалялись отъ своихъ частей, надѣясь при случаѣ сразиться съ непріятелемъ, тогда только получится вѣрная картина положенія дѣлъ нашихъ къ концу мая 1868 года.

Изъ Ташкента и другихъ городовъ Сыръ-Дарьинской области пришлось взять на линію все, что было возможно, и потому полковникъ Абрамовъ получилъ приказаніе разбить шахрисябцевъ и, не теряя времени, возвратиться въ Самаркандъ, такъ какъ все указывало на необходимость немедленнаго движенія въ Катты-курганъ, для встрѣчи съ собранною передъ нимъ арміею эмира. Головачевъ держался хорошо, но атаковать непріятеля съ шансами на успѣхъ онъ не могъ.

Полковникъ Абрамовъ, какъ всегда, исполнилъ приказаніе: разбилъ шахрисябцевъ, которые скрылись въ ущельяхъ, и возвратился къ Самарканду. На другой же день, отрядъ подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана выступилъ къ Катты-кургану, двигаясь съ привалами, но безъ большихъ остановокъ. Съ небольшимъ въ сутки сдѣланъ былъ переходъ, при жестокой жарѣ, по песчаной мѣстности съ огромнымъ обозомъ, въ 65 верстъ. Въ Самаркандѣ оставлены гарнизономъ 4 роты 6-го линейнаго баталіона и рота саперъ,—съ двумя батарейными орудіями съ запряжкою. Бухарская артиллерія, сколь возможно приведенная въ порядокъ, поставлена была на стѣнахъ.

П. М. К.

Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ВОЕВОДСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

(По архивнымъ документамъ).

«Радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство,—и честь большая, и кормъ сытный; радуется жена: ей тоже будутъ приносы, радуются дѣти и племянники: послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки—земскій староста зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня—ключники, подклѣтные — будутъ сыты; прыгаютъ мельче ребята—и ихъ не забудутъ; пуще прежняго несетъ вздорныя рѣчи юродивый, живущій во дворѣ: ему также будутъ подачи. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу».—С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIII, стр. 96.

РУСТНУЮ картину воеводскихъ сборовъ на «государеву службу» нарисовалъ нашъ безсмертный историкъ! Немногими словами онъ ярко и наглядно представилъ тѣ условія, при которыхъ происходило отправленіе воеводами ихъ обязанности — управлять ввѣренною областью!

Воеводское управленіе являлось въ XVII столѣтіи всеобщимъ, за немногими развѣ исключеніями, типомъ мѣстной администраціи на Руси, смѣнивъ собою другія системы управленія—чрезъ намѣстниковъ и чрезъ выборныхъ, излюбленныхъ самими жителями властей—старостъ, головъ и цѣловальниковъ. Призванные къ дѣятельности, новые правители—воеводы—далеко не оправдали возлагав-

шихся на нихъ надеждъ, оказавшись такими же хищниками, какими были въ свое время намѣстники и ихъ тіуны, превращавшіе, по словамъ одного изъ изслѣдователей, въ пустыни цѣлыя области и заставлявшіе населеніе ихъ бѣжать, куда глаза глядятъ, даже навсегда покидать отечество, уходить за рубежъ. Воеводы, которымъ въ «наказахъ», выдававшихся изъ приказа при отправленіи на службу, предписывалось «держать къ людямъ ласку и привѣтъ и береженье», — на дѣлѣ страшно злоупотребляли своимъ положеніемъ, своею властью, и жалобы угнетаемыхъ и притѣсняемыхъ жителей со всѣхъ концовъ тогдашней Руси массами сыпались въ Москву. Къ концу XVII вѣка дѣло дошло до того, что правительство, «чтобъ тѣхъ воеводъ отъ такихъ вымышленныхъ и ихъ великихъ государей казнѣ и людямъ разорительныхъ поступокъ унять», рѣшило составить «статьи» и разослать ихъ по сибирскимъ городамъ, гдѣ злоупотребленія особенно процвѣтали, съ тѣмъ, чтобы жители не слушались воеводы, а посылали на него челобитныя «къ Москвѣ», если онъ «учнетъ что дѣлать чрезъ тѣ статьи» [1]). «Это уже не указъ, а крикъ отчаянія, вырвавшійся отъ сознанія полнаго своего безсилія», справедливо замѣтилъ А. Д. Градовскій, комментируя приведенное распоряженіе [2]).

Московской практикой былъ установленъ довольно короткій срокъ службы воеводы въ данномъ городѣ: онъ обыкновенно продолжался годъ, иногда два, причемъ назначеніе происходило по государеву указу. Въ рѣдкихъ только, исключительныхъ случаяхъ, когда населеніе бывало довольно своимъ воеводой, оно било челомъ государю, прося оставить его у нихъ по истеченіи срока.

Подобное же участіе населенія въ дѣлѣ назначенія воеводъ выражалось въ иныхъ случаяхъ еще тѣмъ, что жители, въ виду смѣны прежняго воеводы, ходатайствовали о назначеніи къ нимъ извѣстнаго лица, отъ котораго они, очевидно, ждали для себя только хорошаго; и такія просьбы обыкновенно уважались. Наоборотъ, когда своевольство воеводы выходило за тѣ крайніе предѣлы, при которыхъ оно могло бы сноситься, когда населеніе было не въ силахъ болѣе терпѣть его «приметокъ» и «насильства», — оно опять таки било челомъ объ удаленіи воеводы, указывая въ челобитной мотивы своей просьбы; тогда слишкомъ рьянаго правителя переводили въ другой городъ, или, въ крайности, вовсе «отставляли отъ дѣлъ».

Эпизодъ, составляющій содержаніе настоящаго разсказа, касается случаевъ послѣдней категоріи, когда воевода оказывался черезчуръ «тяжелымъ» для управляемыхъ. Не было бы такого большого интереса разсматривать нашъ эпизодъ, если бы онъ не отличался одною лишнею чертою, которая отсутствуетъ въ другихъ, анало-

---

[1]) П. С. З., № 1511.

[2]) Начала русскаго государственнаго права, т. III, Спб., 1883 г., стр. 80.

гичныхъ ему, и которая заключается въ томъ, что жители были настолько возмущены дѣйствіями присланнаго къ нимъ воеводы, что не имѣли силъ даже дождаться прибытія его преемника, а сами ему «отказали отъ воеводства» и учинили у себя временное выборное правленіе «до государева указа».

Такой рѣдкій казусъ, имѣвшій, притомъ, мѣсто въ самомъ почти концѣ XVII вѣка, когда на престолѣ сидѣлъ государь Петръ Алексѣевичъ, не любившій вообще никакихъ проявленій земской инициативы,—заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, того, чтобы подробно, насколько это возможно, прослѣдить всѣ обстоятельства, вызвавшія его появленіе, и выяснить роль всѣхъ дѣйствовавшихъ въ немъ лицъ [1]).

7-го іюня 1696 года, въ далекомъ сибирскомъ острогѣ Илимскѣ произошло событіе, которое нельзя назвать заурядным: мѣстный служивый человѣкъ Абакумко Облизановъ сказалъ «великаго государя дѣло» на воеводу Богдана Аѳиногеновича Челищева и называлъ его «воромъ» въ приказной губѣ, въ присутствіи всѣхъ илимскихъ жителей. Должно быть, заявленіе служилаго человѣка послужило каплей, переполнившей терпѣніе жителей острога, потому что они in corpore, «выслушавъ... извѣтъ и не стерпя ево, Богдановыхъ, обидъ и налогъ и напраснаго раззорѣнія», отказали Челищеву отъ всякихъ дѣлъ и отъ воеводства. Въ движеніи противъ ненавистнаго воеводы принимали участіе всѣ группы, изъ которыхъ въ то время складывалось населеніе русскихъ городовъ,—служилые люди, посадскіе, пашенные крестьяне; къ нему же примкнули и лица, занимавшія административное положеніе въ острогѣ,—городничій, таможенный голова, подьячіе. Такая солидарность показываетъ, насколько воевода расположилъ къ себѣ симпатіи своихъ подчиненныхъ; ею же объясняется и то, что воевода безропотно и безъ всякой попытки силой сохранить за собой положеніе подчинился общему рѣшенію.

Отказавъ Челищеву, обыватели Илимскаго острога оказались такимъ образомъ временно безъ правителя, пока къ нимъ прибудетъ новый воевода. Но такъ какъ для этого требовалось очень много времени, по крайней мѣрѣ, нѣсколько мѣсяцевъ, а безъ управы оставаться было немыслимо, то они рѣшили прибѣгнуть къ хорошо знакомому и нѣкогда распространенному средству—къ выбору себѣ начальника «общимъ совѣтомъ», «міромъ». И вотъ здѣсь, на рубежѣ новой эпохи жизни Русскаго государства, мы встрѣчаемъ явленіе, начало котораго коренится въ далекихъ, смутныхъ вѣкахъ удѣльнаго періода, когда строй государственный и общественный въ

---

[1]) Содержаніе эпизода заимствовано изъ подлиннаго дѣла, хранящагося въ Моск. арх. мин. юстиціи; см. столбецъ Сибирскаго приказа № $^{7185}/_{1139}$.

значительной степени опредѣлялся этимъ факторомъ — волею земщины, общины. Ни долгія столѣтія, ни разныя превратности, какія пришлось испытать исконному началу, не убили, не уничтожили его, и оно дошло до нашихъ дней, хотя и въ сильно измѣненномъ, въ смыслѣ ограниченности, видѣ...

Илимскіе жители «по совѣту своему», «разсмотря» и «излюбя всѣ вмѣстѣ, безо всякаго прекословія», выбрали, въ качествѣ начальниковъ надъ острогомъ и его населеніемъ, сына боярскаго Ивана Качина и подьячаго Герасима Утюжникова, поручивъ имъ «государевы всякія приказныя дѣла и всякую градскую и уѣздную расправу». На этомъ, однако, дѣйствія ихъ не прекратились: понимая, что выбраннымъ нужны какія либо нормы, которыми они могли бы руководствоваться при своей дѣятельности, «всякихъ чиновъ люди» составляютъ для этой цѣли особый «наказъ», включивъ его въ «выборъ», какъ мѣрило ихъ будущихъ поступковъ и ихъ отвѣтственности.

Знакомясь съ этимъ «наказомъ», мы должны отдать дань полнаго уваженія его составителямъ,— настолько умѣло, съ знаніемъ предмета и съ стремленіемъ оградить отъ ущерба «государево дѣло», т. е. интересы казны, государства, онъ былъ выработанъ. Первое мѣсто, на которомъ ставится въ разбираемомъ «наказѣ» «государево дѣло», забота о закономѣрности управленія выборныхъ лицъ, которою проникнуты всѣ его отдѣльныя постановленія, какъ нельзя болѣе показываютъ, что сами участники этого маленькаго coup d'état смотрѣли на свое дѣяніе, не какъ на актъ своевольства, грубаго насилія, а какъ на поступокъ, обезпеченный ихъ правомъ, хотя и вызванный крайностью обстоятельствъ, чего они и не скрываютъ, судя по вышеприведеннымъ словамъ «выбора». Такое сознаніе самихъ виновниковъ событія свидѣтельствуетъ, что мы не имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣла съ фактомъ проявленія силы, съ бунтомъ, гдѣ главнымъ руководителемъ, какъ извѣстно, является стремленіе къ алчности, къ удовлетворенію своихъ эгоистическихъ цѣлей и интересовъ, и гдѣ законъ оказывается всегда попраннымъ,—къ какому заключенію можно прійти съ перваго взгляда; напротивъ, все доказываетъ, что жители Илимска дѣйствовали съ сознаніемъ правоты своего дѣла и, если не исключительно, то главнымъ образомъ, въ цѣляхъ охраненія спокойствія и порядка и соблюденія государственныхъ интересовъ. Къ такому только выводу приводитъ анализъ «наказа».

Прежде всего сынъ боярскій и подьячій должны были, слѣдуя «наказу», принять у смѣненнаго міромъ воеводы острожные ключи, всякія дѣла, книги и «столпы» и составить «переписныя росписи» денегъ, хлѣба, соли, судовъ и судовыхъ припасовъ, а также судныхъ дѣлъ, «чтобъ написано было въ переписныхъ росписяхъ все безъ остатку»; кромѣ того, имъ надлежало взять «сказку» отъ ка-

зеннаго цѣловальника, у котораго находились «въ пріемѣ» всѣ перечисленные сейчасъ предметы, товары и «мяхкая рухлядь»,—«вся ли та казна у него на лицо въ пріемѣ», и велѣть ему въ «скаскѣ» написать все «имянно», «для подлинной вѣдомости и впредь для спору». Этимъ опредѣлялись первые шаги выборныхъ, знаменовавшіе собою, такъ сказать, ихъ вступленіе въ должность.

По исполненіи предварительныхъ требованій «наказа», выборнымъ въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ рекомендовалось «всякимъ государевымъ дѣломъ радѣть неоплошно, и ничего напрасно не терять, и денежную и ясачную казну збирать противъ прежнего съ великимъ радѣніемъ»; расходы же производить,—«бесъ чево быть немочно», оговаривается «наказъ»,—съ большимъ разсмотрѣніемъ. Затѣмъ «наказъ» переходитъ къ нормировкѣ отношеній между выборными властями и ихъ выборщиками, и тутъ, въ самомъ же началѣ, находимъ весьма интересное опредѣленіе. Справедливо разсуждая, что одною изъ главнѣйшихъ функцій правителя служитъ отправленіе правосудія, а оно нераздѣльно съ назначеніемъ наказанія, актъ предоставляетъ выборнымъ карательную власть въ томъ размѣрѣ, какъ ею пользовались воеводы, т. е. разрѣшаетъ бить виновныхъ батогами, кнутомъ и сажать въ тюрьму, «смотря по винѣ, кто какова наказанія доведетца»; но, рядомъ съ этимъ, дѣлаетъ слѣдующее ограниченіе: если результатомъ «воровства», по мнѣнію выборныхъ, долженъ былъ быть кнутъ для преступника, то осуществленіе приговора—исполненіе экзекуціи—могло происходить лишь «съ вѣдома, призвавъ илимскихъ градскихъ лутчихъ людей», игравшихъ въ данномъ случаѣ роль контролирующей инстанціи. Въ приведенномъ ограниченіи проскальзываетъ нѣкоторая нотка недовѣрія жителей къ своимъ «излюбленнымъ людямъ», что, безъ сомнѣнія, обусловливалось опасеніемъ, чтобы они, получивъ власть, не употребили ее во зло по отношенію къ своимъ же избирателямъ, которые уже были знакомы раньше съ своеволіемъ тогдашняго воеводскаго правленія. Исторія даетъ намъ, къ сожалѣнію, много примѣровъ злоупотребленій и выборныхъ, земскихъ властей, оказавшихся часто вовсе недобросовѣстными, особенно когда онѣ дѣйствовали, «стакнувшись» съ воеводами или приказными людьми. Подобными прецедентами и объясняется, нужно думать, включеніе указаннаго выше ограниченія карательной власти выборныхъ въ Илимскѣ. Ограниченіе это мы назвали интереснымъ въ томъ отношеніи, что оно переноситъ насъ въ ту отдаленную эпоху,—даже отъ того времени, къ которому относится нашъ эпизодъ,—когда все мѣстное управленіе находилось въ еще болѣе патріархальномъ положеніи, чѣмъ въ XVII вѣкѣ, именно, когда представителями его были намѣстники и волостели. Какъ тамъ насилія и продажность княжескихъ органовъ имѣли своимъ послѣдствіемъ появленіе въ такъ называемыхъ «уставныхъ» грамотахъ статьи, запрещавшей намѣстникамъ и ихъ тіунамъ

«судити судъ безъ соцкихъ и безъ добрыхъ людей», что было повторено и обоими судебниками, съ тою лишь разницею, что въ судебникѣ 1497 года эти «добрые» люди названы «лутчими», а въ судебникѣ 1550 года — «цѣловальниками», такъ точно требованіе присутствія «лутчихъ» людей, въ качествѣ гарантіи справедливости и законности, находимъ и въ «наказѣ» илимскихъ жителей, составленномъ въ самомъ концѣ XVII столѣтія. Одинаковыя причины произвели, какъ видимъ, одинаковыя явленія.

Присутствіе представителей отъ населенія обезпечивало такимъ образомъ справедливость только одного рода наказанія — кнутомъ, въ виду его особой тяжести; что же касается остальныхъ видовъ возмездія за учиненное дѣяніе, то законность ихъ примѣненія къ каждому отдѣльному случаю нуждалась, по взгляду авторовъ «наказа», въ меньшей гарантіи,— только въ веденіи надлежащей регистраціи наказанныхъ, въ записываніи, какъ выражается документъ, «имянно», «кому какое наказаніе учинено будетъ».

Съ своей стороны обыватели Илимска обязуются подчиняться рѣшеніямъ «излюбленныхъ» людей, «ни въ чемъ ихъ не порочить»; если же кто будетъ дѣлать это — «порочить» распоряженія временныхъ начальниковъ, или попытается «разорить» весь приговоръ, на коемъ основывалась ихъ власть, самый «выборъ», того всѣ жители условливаются наказать сообща.

Ни «всякихъ чиновъ люди», бывшіе въ Илимскѣ, ни выборные не скрывали отъ себя того факта, что вводимый ими режимъ имѣетъ и долженъ имѣть по всѣмъ причинамъ временный характеръ. А это сознаніе невольно переносило ихъ мысль къ тому моменту, когда временное должно было исчезнуть и смѣниться постояннымъ, другими словами, когда долженъ былъ прибыть новый воевода, назначенный уже «по государеву указу». Само собою разумѣется, что этотъ моментъ имѣлъ большее значеніе для выборныхъ, нежели для всего населенія, дѣйствовавшаго en masse. Вотъ почему, вѣроятно, по настоянію первыхъ, въ «наказѣ» имѣется опредѣленіе, коимъ устанавливалась защита жителями своихъ начальниковъ на тотъ случай, если бы кто либо началъ впослѣдствіи имъ «мстить», питать противъ нихъ «злобу», или, подружившись съ вновь присланнымъ воеводой, «ихъ, выборныхъ людей, чѣмъ изгонять и теснить»: «и намъ»,—продолжаетъ «выборъ»,—всякихъ чиновъ служилымъ и посадскимъ людемъ и пашеннымъ крестьянамъ, въ напрасную обиду и въ налогу ихъ не давать, для того, что мы по совѣту своему выбрали ихъ, излюбя поневолѣ, чтобъ послѣ отказу ставника и воеводы Богдана Анѳиногеновича Челищева намъ безъ росправы не быть».

Здѣсь, слѣдовательно, ими руководили тѣ же соображенія, что нѣкогда, если вѣрить легендѣ, побудили при-ильменскихъ славянъ послать по братьевъ-князей съ приглашеніемъ «судить» и «воло-

дѣть»; только въ нашемъ примѣрѣ выборъ производится изъ своей же среды.

Далѣе «наказъ» вновь возвращается къ указанію обязанностей выборныхъ, какъ начальниковъ, запрещая имъ «корыстоваться» государевою казною, «приметываться» къ жителямъ и къ ясачнымъ инородцамъ, чинить «налоги и обиды», наконецъ, «дѣлать расправныя дѣла другъ безъ друга»: наоборотъ, имъ дается совѣтъ, а, пожалуй, и распоряженіе дѣйствовать вездѣ «собча, по совѣту».

Не могъ «наказъ» оставить безъ вниманія и не высказаться по поводу еще одного обстоятельства, являвшагося въ ту пору источникомъ многихъ тяготъ для населенія городовъ и уѣздовъ: мы говоримъ объ отвѣтственности выборныхъ органовъ. Дѣло въ томъ, что вторая половина XVII столѣтія отличалась широкимъ развитіемъ такъ называемой службы «на вѣрѣ», или «вѣрной»: правительству нужна была масса агентовъ для всевозможныхъ предпріятій фискальнаго характера, и доставлять ему такихъ агентовъ лежало на обязанности городскихъ и сельскихъ общинъ, причемъ послѣднія безусловно отвѣтствовали предъ казной за исправность доставленныхъ въ ея распоряженіе лицъ; «а будетъ они, целовальники, учнутъ какимъ воровствомъ воровать и бражничать и... учинятъ какую хитрость и поруху,—и на насъ, на выборщикахъ, великаго государя пеня, а пени,—что великій государь укажетъ; и вмѣсто ихъ, целовальниковыхъ, головъ — наши, выборщиковы, головы, и истеряная и изворованная казна на насъ же, на выборщикахъ»,—такими выраженіями заканчиваются обыкновенно «выборы» на «вѣрную» службу, даваемые общинами.

Ясно, что подобная повинность ложилась страшнымъ гнетомъ на безъ того истощенныя силы посадовъ и волостей, была для нихъ своего рода тягломъ. Ясно также, что общины всегда стремились избавиться отъ подобнаго тягла. Будучи знакомы съ практикой отвѣтственности, жители Илимска категорически отрицаютъ ее по отношенію къ данному случаю и ставятъ условіемъ своимъ избранникамъ «во всякой казнѣ и въ заводѣхъ и въ приходѣ и въ расходѣ отчетъ дать собою, мимо насъ, служилыхъ и пашенныхъ крестьянъ, а намъ, градцкимъ людемъ, никакова убытка въ томъ не привести; а буде что они, выборные люди, какіе казны истеряютъ, и то имъ платить собою, мимо насъ, выборщиковъ».

По заведенному порядку, сейчасъ же за какимъ либо положеніемъ слѣдуетъ опредѣленіе наказанія за его нарушеніе. То же наблюдаемъ и тутъ: за «корыстованіе» казною, «приметываніе» къ жителямъ, обиды и налоги, непредставленіе при указанныхъ условіяхъ отчета и за «гордость» вообще къ мірскимъ людямъ угрожается «наказаньемъ и разореньемъ безо всякого милосердія».

Послѣднее слово «наказа» опять имѣетъ въ виду интересы казны: имъ не дозволяется выборнымъ варить и продавать «заповѣдное

питье, вино горячее», что составляло регалію, и предписывается послать о томъ же памяти «съ великимъ подтвержеміемъ» къ «прикащикамъ», находившимся въ волостяхъ.

Пересказаннымъ исчерпывается содержаніе «выбора», который жители Илимска вручили своимъ «излюбленнымъ» начальникамъ. Выводъ, получаемый изъ изученія «выбора», уже сдѣланъ нами выше.

Но не одинъ только примѣръ,— и примѣръ, смѣемъ думать, довольно яркій,—проявленія земскаго начала въ сферѣ администраціи даетъ намъ илимское дѣло. Не менѣе яркія черты содержатся въ немъ и въ другихъ отношеніяхъ, придавая ему тѣмъ самымъ еще болѣе интереса. Илимское дѣло вскрываетъ предъ читателемъ внутреннюю сторону воеводскаго управленія, даетъ отчетливую, прямо выхваченную изъ жизни картину взглядовъ, установившихся среди воеводъ на сущность ихъ обязанностей и на отношенія къ населенію, какія они при этомъ считали вполнѣ нормальными. Эта сторона еще мало разработана въ нашей исторической литературѣ, но не будетъ слишкомъ смѣлымъ сказать, что только тогда мы можемъ детально изучить систему воеводскаго управленія, тѣ начала, на которыхъ оно зиждилось, когда подробно ознакомимся со всѣми матеріалами, подобными заключающимся въ настоящемъ очеркѣ, когда мы обратимъ вниманіе на область быта, практики воеводскаго управленія, и данныя, отсюда полученныя, присоединимъ къ содержащимся въ памятникахъ чисто юридическаго характера.

Наблюдая эту внутреннюю сторону воеводскаго управленія, насколько она открывается изъ настоящаго факта, приходится прежде всего поражаться тою беззастѣнчивою эксплоатаціею народныхъ силъ, тѣмъ свободнымъ распоряженіемъ ими въ своихъ собственныхъ, частныхъ цѣляхъ, какія практиковались воеводами. Если мы сгруппируемъ жалобы, подаваемыя разными лицами государю на дѣйствія воеводы Челищева, то получимъ слѣдующую картину его «правительственной» дѣятельности: отправляясь въ поѣздки по личнымъ дѣламъ, куда ему было даже запрещено ѣздить, воевода бралъ съ собою служилыхъ людей, человѣкъ двадцать, и заставлялъ ихъ караулить себя, носить воду, перетаскивать свои хлѣбные запасы на мельницу, оттуда на дощаники, и отправлялъ ихъ на дощаникахъ въ Якутскъ продавать хлѣбъ; игнорируя указъ, запрещавшій воеводамъ вмѣшиваться въ таможенное дѣло, «чтобъ въ томъ въ таможенныхъ дѣлахъ розни и въ таможенномъ зборѣ недобору не было», Челищевъ, по словамъ илимскаго таможеннаго головы, «со своего пріѣзду почалъ во всякое таможенное дѣло вступатца безопасно», пропускать торговыхъ людей безъ досмотра, посадилъ по заставамъ своихъ людей, холоповъ, а таможенному головѣ «на заставѣ» быть не велѣлъ, отчего, какъ справедливо заключаетъ голова, «казнѣ почалъ быть недоборъ»; илимскіе жители били челомъ государю, что изъ-за воеводы они рискуютъ остаться безъ хлѣба и сѣна, потому

что онъ отрываетъ ихъ отъ дѣла въ самое страдное время, приказывая сопутствовать ему въ его поѣздкахъ, куда онъ ѣздитъ «для своихъ пожитковъ»; заставляетъ ихъ сплавлять на плотахъ въ Илимскъ свой хлѣбъ, косить сѣно, привлекая къ работѣ даже ихъ женъ и дѣтей. Однимъ словомъ, Челищевъ, какъ видно отсюда, представлялъ себѣ власть воеводы тождественною съ властью помѣщика надъ своими крѣпостными. О взяткахъ, налогахъ, грабительствѣ его и говорить нечего: о нихъ упоминается въ каждой челобитной, гдѣ стоитъ имя Челищева; онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы получать доходъ, а иногда даже изобрѣталъ такіе случаи самъ, посылая, напримѣръ, «въ посылку» въ Якутскъ дѣтей служилыхъ людей, мальчиковъ лѣтъ восьми и десяти, и, конечно, отъ того «ималъ великія взятки» съ ихъ родителей за освобожденіе отъ «посылки»; или, также съ этою цѣлью, онъ «приметками своими» задержалъ въ Усть-Киренскѣ человѣка гостя Никитина, который зимовалъ тамъ «для торгового промыслу», «чинилъ многую тѣсноту и обиды и держалъ его скована на чепи многіе дни», пока не взялъ съ него 111 рублей; служилые люди указывали, что Челищевъ изъ окладовъ ихъ жалованья «ималъ себѣ болшіе взятки», на что они соглашались «поневолѣ», такъ какъ «домишка и жены наши и дѣтишка въ Илимскомъ безъ насъ межъ дворъ скитались и одолжали неоплатными долгами». Всего же больше барыша приносили Челищеву двѣ отрасли управленія—«кабацкое дѣло» и собираніе ясака съ инородцевъ. Воевода въ широкихъ размѣрахъ потворствовалъ частному винокуренію, которое онъ долженъ былъ всячески преслѣдовать, и дѣлалъ это, «норовя тѣмъ винокурцемъ, для многихъ своихъ взятковъ», причиняя тѣмъ самымъ «разореніе» жителямъ, ибо хлѣбъ сильно поднимался отъ этого въ цѣнѣ, и имъ оставалось «помирать голодною смертью»; на казенномъ «кружечномъ» дворѣ запасъ вина вышелъ весь, но воевода нисколько не заботился о пополненіи его, опять ради своихъ выгодъ; всѣ представленія воеводѣ со стороны жителей о неудобствѣ для нихъ такого положенія не только оставлялись имъ безъ вниманія, но воевода еще грозилъ смѣльчакамъ «всячески», «кто де то согнетъ дѣло, что вынять вино, и тому де быть въ болшомъ наказаніи и въ разореніи». Лица, отправленныя къ инородцамъ за ясакомъ, прибавляли, что свою миссію имъ приходилось отправлять съ трудомъ, потому что инородцы платили, сколько хотѣли, и то все плохіе мѣха, надѣясь на заступничество воеводы, совѣтовавшаго имъ «не опасатца» сборщиковъ; «и впредь де,—говорили инородцы,—у насъ ясакъ будете збирать, что дадимъ, не противъ прежняго».

Свое рѣшеніе отказать Челищеву отъ воеводства жители Илимска мотивировали, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ часто уѣзжалъ отъ нихъ, и въ его отсутствіе происходили ссоры, ясачные люди приносили «казну», но ни разсудить, ни принять «казны» было не-

кому — воевода не назначалъ замѣстителя, чего, однако, не дѣлали прежніе илимскіе воеводы, всегда поручавшіе безъ себя острогъ «судомъ и расправою» «прикащикамъ», такъ что они «не бывали безъ расправы».

Нужно, впрочемъ, отмѣтить маленькое несоотвѣтствіе ихъ показаній съ дѣйствительностью: Челищевъ, уѣзжая, не бросалъ на произволъ судьбы ввѣреннаго ему пункта; нѣтъ, онъ оставлялъ его въ еще болѣе надежныхъ и вѣрныхъ рукахъ, чѣмъ поручая «прикащику», на котораго положиться было рискованно, именно на время своихъ отлучекъ онъ облекалъ властью воеводы... свою жену. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи не вполнѣ достаточно данныхъ, чтобы составить себѣ полное понятіе объ административныхъ способностяхъ воеводской супруги, но и изъ того, что есть, можно все же заключить, что она не была лишена распорядительности и, во всякомъ случаѣ, оправдывала выборъ своего мужа. Пусть, впрочемъ, читатель самъ судитъ по слѣдующей, на нашъ взглядъ, весьма характерной, сценкѣ, представляющей собою показаніе одного изъ казаковъ, Ивана Шишенякина, исполнявшаго у воеводы обязанности «дневальнаго» и принимавшаго въ происходившемъ нѣкоторое участіе: «И того жъ де числа, передъ вечернею, пришолъ на воеводцкой дворъ къ воеводцкой женѣ Богдана Челищева илимской казакъ Тимошка Кырнаевъ—бить челомъ на илимского жъ казака на Абакушка Облизанова въ бою. И Богданова де жена Челищева по тому ево Тимошкину челобитью по него, Абакушка, послала ево, Ивашка, и велѣла ево привести къ себѣ на дворъ. А Богданъ де Челищевъ въ то время былъ на Киренгѣ. И онъ де, Ивашка, ево, Абакушка, на воеводцкой дворъ привелъ пьянова, и Богданова де жена Челищева ему, Абакушку, въ то время въ горницѣ говорила, за что онъ Тимошку Кырнаева билъ; и онъ говорилъ, хто де на него бьетъ челомъ, и тѣмъ де и судъ она, Богданова жена, даетъ на него, а какъ де онъ бьетъ челомъ по калабамъ, и ему де на тѣхъ людей и суда нѣтъ. И она де, Богданова жена, велѣла ему, Ивашку, ево посадить за караулъ въ караулню». Ивашка повелъ его изъ горницы, но тотъ началъ отбиваться и даже пытался вынуть ножъ, почему Ивашка «почалъ Богдановѣ женѣ говорить, чтобъ де онъ ево не зарѣзалъ»; пока же шли переговоры, Абакушко, такъ и не вынувъ ножа вслѣдствіе сильнаго опьяненія, побѣжалъ изъ дома. Но, разумѣется, ослушникъ не могъ уйти далеко и тутъ же на дворѣ былъ пойманъ холопами. Тогда воеводша послала Ивашку «по караулщиковъ, чтобъ ево, Абакушка, свести за караулъ», которымъ виновный и былъ отданъ съ приказомъ посадить его въ караульню; идя по дорогѣ къ мѣсту заключенія, Абакушко кричалъ,—«знаетъ де онъ по воеводу государево дѣло», но на такіе протесты не обратили вниманія, и распоряженіе было приведено въ исполненіе—казакъ водворенъ въ тюрьму.

Не правда ли, сценка весьма любопытна? Любопытна не только отому, что жена воеводы творитъ здѣсь судъ, но еще и въ томъ отношеніи, что даетъ-то она судъ, какъ оказывается, не одинъ уголовный, но и гражданскій, рѣшаетъ иски по кабаламъ, т. е. по долговымъ обязательствамъ!

До сихъ поръ мы еще не сказали, какъ отнеслось къ событію въ Илимскѣ центральное правительство, тогда какъ то или другое отношеніе его, безъ сомнѣнія, составляетъ, какъ говорятъ, «гвоздь» всего случившагося. А отношеніе его ограничилось тѣмъ, что правительство поручило думному дьяку Даніилу Полянскому «сыскать накрѣпко, для чего они, илимскіе всякаго чина люди, ему, Богдану, не бивъ челомъ великому государю, отъ воеводства отказали, чего преже сего не бывало, и то они учинили самоволно и его великаго государя указу противно». Однако, высказывая такое мнѣніе, само правительство тутъ же забывало, что нѣсколькими строчками выше у него записано челобитье илимскихъ депутатовъ, которые еще 20-го января указывали ему, что Челищевъ «имъ и инымъ градскимъ жителемъ обиды и налоги и тесноты чинитъ, и многіе взятки емлетъ, и всякими недѣлными нападками нападаетъ напрасно, и тѣмъ ихъ разорилъ безъ остатку», и тогда еще просили государя «перемѣнить» Челищева и «розыскать всякими сыски про его многіе наглые обиды и напрасные взятки». Правительство забывало также, что оно вняло мольбѣ илимцевъ и приказало произвести «розыскъ» именно думному дьяку Полянскому; что же касается перваго пункта просьбы—«перемѣны» воеводы, то въ Москвѣ удовлетворили и этому, назначивъ воеводою въ Илимскъ сына боярскаго изъ Иркутска Ивана Порфирьева, съ тою только оговоркою: «а буде онъ, Иванъ, престарѣлъ или до того великаго государя указу умеръ, и въ Илимскомъ велено быть на Богданове мѣсте Челищева сыну его, Иванову, Остаѳью» [1]).

Впрочемъ, такая забывчивость не представляетъ ничего рѣдкаго въ дѣлопроизводствѣ московскаго времени: сплошь и рядомъ встрѣчаются вещи, діаметрально-противоположныя, но которыя, тѣмъ не менѣе, примиряются подъ искусною рукою приказнаго дьяка.

Итакъ, былъ назначенъ «розыскъ», но, насколько можно видѣть изъ дѣла, онъ не сопровождался никакими неблагопріятными послѣдствіями, какъ для выборныхъ начальниковъ, такъ и для илимскихъ жителей вообще. Напротивъ, и центральное правительство—сибирскій приказъ, и мѣстный агентъ его—воевода, которымъ, кстати за-

[1]) Читателя не должно удивлять подобное условіе при назначеніи воеводы: гражданская служба считалась въ то время, какъ отдыхъ, награда за другую тяжелую службу — военную, и поэтому на гражданское поприще выбирали большею частью уже негодныхъ къ военной службѣ — старыхъ, увѣчныхъ и т. д.; такъ и здѣсь правительство не увѣрено, застанетъ ли въ живыхъ его указъ кандидата на воеводское мѣсто.

мѣтимъ, сдѣлался младшій Порфирьевъ, такъ какъ отцу его «за конечною древнею старостью» изъ Иркутска въ Илимскъ ѣхать оказалось «невозможно», — трактуютъ избранныхъ начальниковъ, какъ вполнѣ законныхъ носителей власти; такъ, въ приказѣ принимаютъ отъ посланныхъ ими «соболиную казну», разспрашиваютъ посланцевъ о состояніи Илимска, о цѣнахъ на хлѣбъ, о дорогѣ и проч., какъ бы это были посланные отъ воеводы, назначеннаго приказомъ; вновь же прибывшій воевода производитъ пріемъ должности не отъ Челищева, который находился еще въ Илимскѣ, а отъ выбранныхъ, и вмѣстѣ съ ними составляетъ «росписной списокъ»; Челищева же со всѣмъ его семействомъ, съ «знакомцами» и съ холопами велитъ «держать за карауломъ».

Если для кого «розыскъ» и былъ неблагопріятнымъ, то лишь для одного Челищева, который съ Верхотурья отправился въ Москву въ сопровожденіи служилыхъ людей, скованный, чтобы предстать предъ судьями сибирскаго приказа.

В. Борисовъ.

АРХЕОЛОГІЯ И ИСТОРІЯ ВЪ ТРУДАХЪ ГУБЕРНСКИХЪ УЧЕНЫХЪ АРХИВНЫХЪ КОМИССІЙ.

ПО ПЛАНУ незабвенной памяти основателя Археологическаго Института, Н. В. Калачова, съ 1884 г. стали создаваться въ Россіи губернскія ученыя архивныя комиссіи; въ этомъ (1884) году были открыты четыре комиссіи: въ Рязани, Тамбовѣ, Твери и Орлѣ; вслѣдъ за ними возникали комиссіи постепенно и въ другихъ губернскихъ городахъ и въ настоящее время ихъ насчитывается уже до 17, а именно, кромѣ упомянутыхъ: Рязанской, Тамбовской, Тверской и Орловской, — Костромская, Саратовская, Таврическая (въ Симферополѣ), Нижегородская, Оренбургская, Пермская, Ярославская, Калужская, Симбирская, Черниговская, Бессарабская (въ Кишеневѣ), Херсонская и Владимірская.

На Археологическій Институтъ была возложена обязанность слѣдить за ходомъ работъ этихъ комиссій, представляя ежегодно общій отчетъ объ ихъ дѣятельности Академіи Наукъ. Намъ живо вспоминаются эти отчеты покойнаго И. Е. Андреевскаго, отчеты въ высшей степени содержательные, характеризующіе дѣятельность комиссій со всѣхъ сторонъ и согрѣтые теплымъ чувствомъ уваженія и ободренія. Печатая ихъ своевременно въ періодическихъ изданіяхъ и въ органѣ Археологическаго Института, уважаемый директоръ немало способствовалъ и распространенію среди публики

свѣдѣній о безкорыстной научной работѣ провинціальныхъ труженниковъ.

Преемникъ И. Е. Андреевскаго въ своихъ отчетахъ былъ кратокъ и сухъ и не распространялъ ихъ далѣе Академіи Наукъ. Но интересъ, возбужденный особенно среди людей науки къ дѣятельности архивныхъ комиссій, побудилъ проф. В. Иконникова сдѣлать самостоятельно обзоръ ихъ работъ, напечатанный въ 1892 г.; еще ранѣе А. І. Л. сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1891 г., № 2.

Съ тѣхъ поръ о комиссіяхъ въ печати появлялись только отрывочныя свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ изданіяхъ. А работа ихъ росла и росла, и онѣ изъ архивныхъ учрежденій стали вполнѣ мѣстными историко-археологическими обществами, обладающими собственными періодическими органами, въ которыхъ и печатались результаты работъ ихъ членовъ.

Придавая немалое научное значеніе этимъ работамъ и желая хотя отчасти познакомить съ ними болѣе широкій кругъ читателей, мы рѣшились обозрѣть періодическія изданія комиссій за послѣдніе два года (1897 и 1898) и извлечь оттуда все сдѣланное членами комиссій въ области археологіи и исторіи [1]). При этомъ не можемъ не указать, что намъ стоило большого труда собрать всѣ эти изданія даже въ главнѣйшихъ столичныхъ книгохранилищахъ. Особенно бѣденъ ими за время послѣ 1892 г. Археологическій Институтъ, гдѣ, казалось бы, должна быть наибольшая полнота.

По «Положенію» 1884 г. главная обязанность архивныхъ комиссій заключается въ созданіи губернскихъ историческихъ архивовъ, путемъ разбора дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ различныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, и выдѣленія изъ нихъ наиболѣе интересныхъ въ научномъ отношеніи къ храненію въ архивѣ, и затѣмъ въ составленіи описей и указателей сохраненнымъ дѣламъ и документамъ, съ приведеніемъ ихъ «въ такой порядокъ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій». Кромѣ того, говорится далѣе, комиссіи «могутъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включить въ кругъ своихъ занятій розыскиваніе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины». Какъ отнеслись къ этимъ задачамъ архивныя комиссіи, мы увидимъ ниже и начнемъ свой обзоръ съ старѣйшихъ комиссій, идя далѣе въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ возникновенія.

---

[1]) Въ нашемъ очеркѣ мы не будемъ касаться лишь Пермской архивной комиссіи, такъ какъ послѣдній выпускъ ея «Трудовъ» вышелъ въ 1896 г., и затѣмъ комиссій — Владимірской, Бессарабской и Херсонской, какъ возникшихъ только въ 1898 г.

Археологія.

Археологическая дѣятельность всѣхъ вообще комиссій выражалась въ производствѣ раскопокъ, осмотрѣ и реставрированіи старинныхъ храмовъ и другихъ зданій, въ сношеніяхъ съ отдѣльными лицами и учрежденіями по поводу предметовъ древности, составленіи докладовъ и статей археологическаго содержанія и въ образованіи музеевъ.

Начавъ производить раскопки особенно исправно съ 1896 г., члены Рязанской архивной комиссіи достигли наибольшихъ результатовъ лѣтомъ 1898 г., когда было предпринято до 16 экскурсій въ 7 уѣздахъ губерніи. Въ Рязанскомъ уѣздѣ, въ бугрѣ «Верея» были найдены остатки неолитической эпохи каменнаго вѣка. Изслѣдуя сѣверную часть губерніи, члены открыли многое изъ прошлаго большой площади Мещерскаго края, почти не тронутаго археологами, и въ то же время представляющаго значительный интересъ, въ виду того, что здѣсь сохранились въ болѣе чистомъ видѣ остатки древнихъ обитателей Окской долины, оттѣсненыхъ въ IX и X в. славянами. Заслуживаютъ также вниманія изслѣдованія и опредѣленія находокъ въ Кузьминскомъ могильникѣ г. Черепнина.

Помимо раскопокъ, члены комиссіи собирали свѣдѣнія объ имѣющихся предметахъ древности отъ другихъ лицъ, а С. Яхонтовъ осматривалъ въ с. Хламовѣ Пронскаго уѣзда предназначенный къ разборкѣ храмъ и не нашелъ въ немъ ничего интереснаго въ археологическомъ отношеніи. Составившееся съ 1885 г. многочисленное собраніе древностей озаботило членовъ устройствомъ особаго зданія для «историческаго музея»; но такъ какъ обычныя средства комиссіи сравнительно незначительны, то члены ея нашли возможнымъ образовать для этого «особый фондъ» путемъ платныхъ публичныхъ лекцій и пожертвованій, и къ концу іюня 1898 г. собрали около 900 рублей.

Въ изданныхъ въ теченіе 1897—1898 г. Рязанскою архивною комиссіею пяти выпускахъ «Трудовъ» (три XII тома и два XIII) мы находимъ статьи: А. И. Черепнина — «Собраніе древностей; А. В. Антонова»,—«Замѣтки о Пальновскомъ магильникѣ» и наиболѣе обширную — «Кузьминскій могильникъ» (въ двухъ выпускахъ не окончена); его же вмѣстѣ съ Ив. Проходцевымъ— «Дневникъ раскопокъ Пронскихъ кургановъ»; А. Мансурова—«Къ вопросу о древнемъ населеніи Мещовскаго края», и А. Раевскаго—«Изъ экскурсіи по Нижегородской губерніи. Коровашекъ» (авторъ нашелъ новый курганъ, который описываетъ съ внѣшней стороны и предлагаетъ изслѣдовать).

Тамбовская архивная комиссія вовсе не производила раскопокъ, и въ двухъ выпускахъ ея «Извѣстій» (XLI и XLII — оба

въ 1897 г.) мы находимъ одну лишь статейку г. Б. Фриксена «Объ осмотрѣ старинныхъ церквей въ Тамбовской епархіи», въ которой онъ намѣчаетъ 9 церквей, могущихъ быть небезынтересными въ археологическомъ отношеніи.

Изъ трехъ «Журналовъ» засѣданій Тверской архивной комиссіи за 1897 г., печатавшихся въ «Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ теченіе 1898 и 1899 гг., узнаемъ, что члены ея: г. Колосовъ производилъ раскопки, а г. Ивановъ сдѣлалъ сообщеніе о вещевыхъ надписяхъ и археологическихъ достопримѣчательностяхъ Тверской губерніи. Въ концѣ 1896 и началѣ 1897 г. комиссія была занята перенесеніемъ въ другое зданіе и приведеніемъ въ порядокъ коллекцій богатѣйшаго тверскаго музея, который находится теперь въ полномъ завѣдываніи тверской комиссіи [1]).

Членъ Орловской комиссіи А. Н. Шульгинъ, производя раскопки лѣтомъ 1897 г. близъ г. Орла, нашелъ цѣлый скелетъ, нѣсколько череповъ, отнесенныхъ имъ къ аборигенамъ до VII в., глиняные черепки, кремневые обломки и проч., сообщивъ объ этомъ въ особой статьѣ «Остатки старины въ окрестностяхъ г. Орла» («Труды Орл. уч. арх. ком.», вып. I, 1898 г.), гдѣ говоритъ также и объ одномъ старинномъ укрѣпленіи, состоящемъ изъ подковообразнаго вала высотою до 5 метровъ. Укрѣпленіе это, бывшее потомъ складомъ, сдѣлано, по его словамъ, въ началѣ XVII в., и едва ли не Григоріемъ Акиноіевымъ и атаманомъ Корелой.

Для музея комиссіи въ концѣ 1897 г. устроено особое помѣщеніе и намѣчены его отдѣлы: археологическій, нумизматическій, историческій, архивный и церковно-историческій.

Въ изданномъ Костромскою комиссіей въ 1897 г. четвертомъ выпускѣ «Костромской Старины» находимъ статьи: Д. П. Дементьева — «Краткій историческій очеркъ Шангскаго городища» (оконч.), І. Д. Преображенскаго — «Новыя свѣдѣнія о заслуживающихъ въ историко-археологическихъ отношеніяхъ вниманія мѣстностяхъ и предметахъ Костромскаго края» (говорится о курганахъ и случайныхъ находкахъ) и его же — «Данныя о раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ 1893 г. въ Костромскомъ уѣздѣ». Въ «Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ» (1898 г.) упоминается о раскопкахъ членовъ комиссіи (г. Петровскаго и др.) лѣтомъ 1897 и 1898 гг.

Археологическая дѣятельность Саратовской архивной комиссіи выразилась въ трудахъ А. Н. Минха, Ф. Духовникова и А. Т. Танкова, производившихъ раскопки и разслѣдованія и сообщившихъ о нихъ въ статьяхъ («Труды» комиссіи, вып. XXI, 1898 г.): А. Н. Минхъ — «Курганы Тюриной балки, Царицынскаго уѣзда» и «Ключевская каменная баба Аткарскаго уѣзда», Ф. Духовниковъ — «Пещеры» и

---

[1]) О послѣднихъ пріобрѣтеніяхъ музея за 1896 и 1897 гг. см. «Тверскія Губернскія Вѣдомости», 1898 г., №№ 97, 99—101, 113, 116, 118, 125, 132 и 133.

А. Т. Танковъ—«По поводу неправильнаго опредѣленія бар. Тизенгаузена трехъ рѣдкихъ восточныхъ монетъ, принадлежащихъ музею комиссіи» (по мнѣнію автора, монеты отчеканены въ царствованіе Тудаменгу, а не Токты, какъ полагаетъ бар. Тизенгаузенъ). Кромѣ того, раскопки производили гг. Смольяниновъ и Щегловъ, сообщившіе объ ихъ результатахъ въ особыхъ докладахъ.

Производившіе раскопки гг. Брунсъ и Кашпаръ, члены Таврической архивной комиссіи, достигли незначительныхъ результатовъ; но комиссіи удалось въ 1898 г. образовать въ видѣ отдѣленія, богатаго цѣнными вещами, Симферопольскаго музея (къ 1 янв. 1898 г. въ немъ было 3.974 монеты и 1.592 №№ въ 3.397 экземплярахъ разныхъ предметовъ древности) особый «этнографическій и историко-археологическій музей», преимущественно изъ предметовъ, касающихся исторіи и быта крымскихъ татаръ, въ бахчисарайскомъ ханскомъ дворцѣ. Г. О. Ретовскій разобралъ и опредѣлилъ значительную часть нумизматической коллекціи музея комиссіи (см. его обширную статью «Генуэзско-татарскія монеты г. Каффы» въ «Извѣстіяхъ» комиссіи, № 27, 1897 г.).

Нижегородская архивная комиссія ни раскопокъ, ни осмотровъ не производила.

Хотя Оренбургская комиссія и была открыта еще въ 1887 г., но болѣе правильная дѣятельность ея началась собственно съ 1897 г., когда она получила свой домъ и ежегодную субсидію отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ 350 р., завела историко-этнографическій музей, установила очередныя засѣданія и до настоящаго года издала три выпуска своихъ «Трудовъ» (II и III—1897 г. и IV—1898 г.). Правильныхъ археологическихъ раскопокъ до сихъ поръ комиссія не производила, но г. А. В. Попову въ «случайно» разрытыхъ имъ курганахъ въ окрестностяхъ города Оренбурга удалось найти не мало разныхъ предметовъ отдаленной древности (см. объ этомъ его ст. въ IV вып. «Трудовъ»). Другой членъ г. М. Юдинъ въ «Замѣткѣ о курганахъ» на дачахъ Дѣдуровскаго поселка (ib.) сообщаетъ результаты своего осмотра, и наконецъ г. Ф. Севастьяновъ даетъ «Свѣдѣнія о предметахъ старины въ станицахъ и поселкахъ третьяго военнаго отдѣла оренбургскаго казачьяго войска» (ib.), которые попреимуществу состоятъ изъ пушекъ XVIII в. да кой-какого оружія; въ одномъ только храмѣ Чебаркульскаго поселка нашлись разнаго рода вещи церковнаго обихода тоже XVIII в.

Какъ видно изъ «Отчетовъ» за 1897 г. и 1896—1898 гг., и Ярославская архивная комиссія пережила первое 10-ти-лѣтіе съ небольшою производительностью; послѣ 1892 г. она не издала ни одного выпуска своихъ «Трудовъ» и до 1896 г. дѣйствовала крайне слабо. По словамъ автора «Отчетовъ», виною тутъ была «крайняя скудость въ средствахъ», состоящихъ изъ 300 рублей, отпускаемыхъ ярославскимъ губернскимъ земствомъ. Нѣсколько приподнялась дѣя-

тельность комиссіи лишь въ 1897 г. и 1898 г. (хотя средства увеличились не болѣе, какъ на 200 р.); въ это время гг. Тихомировъ, Городцовъ и др. произвели рядъ раскопокъ, открывъ при этомъ древній могильникъ бронзоваго вѣка, и осмотровъ старыхъ церквей и другихъ зданій.

1897 г. оказался какъ бы годомъ пробужденія отъ «бездѣйствія» и для Калужской архивной комиссіи, учрежденной въ 1891 г. Въ этомъ году (1897) и слѣдующемъ предсѣдатель комиссіи И. Д. Четыркинъ произвелъ цѣлый рядъ богатыхъ результатами раскопокъ и въ редактируемыхъ имъ же совмѣстно съ г. Кашкаровымъ «Извѣстіяхъ», которыхъ вышло въ 1897 г. одинъ 5 №, а въ 1898 г.—10 выпусковъ, помѣстилъ множество «археологическихъ замѣтокъ»; изъ нихъ наиболѣе интересны: «Значеніе глиняныхъ сосудовъ, найденныхъ при раскопкахъ курганообразныхъ возвышеній на берегу Оки, вблизи Калуги» (вып. II), «Стекляный сосудъ съ изображеніемъ эмалевыми красками морской баталіи», вѣроятно, первой половины XVIII в. (вып. III), «Городища, на которыхъ, по преданію, находилась въ древности Калуга» (№ 5) и др. Его же, главнымъ образомъ, трудами устроенъ при комиссіи и губернскій историческій музей, въ историческомъ домѣ Марины Мнищекъ (1897 г.). Кромѣ И. Д. Четыркина, разслѣдованіемъ памятниковъ древности занимался еще г. Кашкаровъ, составившій историко-археологическій очеркъ: «Село Городище Тарусскаго уѣзда» (вып. 7—8).

Наконецъ, члены Симбирской архивной комиссіи: г. Поливановъ и г. Краснодубровскій, произвели раскопки въ Муранскомъ могильникѣ, результаты которыхъ дали возможность прійти къ слѣдующимъ выводамъ: 1) жители изслѣдуемой мѣстности вели оживленныя сношенія съ булгарами и восточной Азіей, 2) обладали значительными богатствами и 3) погребенія совершали отличныя отъ татарскихъ [1]).

Исторія.

Важнѣйшей и въ то же время подготовительной работой архивныхъ комиссій въ области исторіи является «созданіе историческаго архива». Слѣдуя указаннымъ въ «Положеніи» для этой цѣли путямъ—разсмотрѣнію описей дѣлъ и документовъ губернскихъ и уѣздныхъ архивовъ и въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ самыхъ дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, и выдѣленію изъ нихъ наиболѣе интересныхъ въ научномъ отношеніи, а также составленію описей сохраненнымъ дѣламъ,—комиссіи для большей полноты губернскихъ историческихъ архивовъ прибѣгали и къ другимъ средствамъ. Розы-

[1]) См. «Археологическія извѣстія и замѣтки», за 1898 г., стр. 245.

скивали частные семейные архивы и важнѣйшіе документы изъ нихъ вносили въ свой историческій архивъ; устроивали командировки своимъ членамъ въ центральные архивы для списыванія актовъ, касающихся ихъ губерніи; заводили по поводу тѣхъ же актовъ сношенія съ присутственными мѣстами сосѣднихъ губерній и съ частными лицами, и т. п.

По мѣрѣ накопленія матеріаловъ, члены комиссій печатали въ своихъ періодическихъ изданіяхъ описи ихъ, а иногда и самые документы, и наконецъ на основаніи, по преимуществу, своихъ архивныхъ матеріаловъ составляли доклады и довольно обширныя статьи, касаясь въ нихъ различныхъ сторонъ прошлой жизни своего края.

Члены Рязанской комиссіи, гг. Перцевъ и Недошивинъ, разсматривая описи дѣлъ казенной московской палаты за 1823—1839 гг., отобрали для храненія очень немногія дѣла, а г. Проходцевъ въ описи дѣлъ спасскаго уѣзднаго казначейства 1870—1884 гг. не нашелъ ничего заслуживающаго вниманія. Г. Добролюбовъ составилъ опись документамъ Богословскаго монастыря XVII и XVIII вѣковъ. Въ 1897—1898 г. въ историческій архивъ комиссіи поступили изъ семейнаго архива Трухачевыхъ бумаги XVII, XVIII и первой половины XIX вѣковъ, представляющія «довольно полную картину семейныхъ, бытовыхъ, юридическихъ и земельныхъ отношеній Трухачевыхъ съ сосѣдними помѣщиками и своими крестьянами».

Кромѣ сдѣланной подъ руководствомъ П. Милюкова «описи дѣлъ рязанскаго историческаго архива», въ которую вошли акты и различныя грамоты за 1676—1713 г. и платежныя книги за 1647—1725 гг., въ пяти выпускахъ «Трудовъ» комиссіи находимъ слѣдующіе матеріалы. Въ I и II в. XII т. С. Шумаковъ напечаталъ подъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи Рязанскаго края»—«научную и систематическую опись» грамотамъ коллегіи-экономіи по Переяславль-рязанскому уѣзду, хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и заключающимъ: акты юридическіе за 1536—1739 гг. и акты правительственные за 1536—1757 гг. Далѣе въ трехъ выпускахъ г. Яхонтовымъ помѣщены найденные въ числѣ дѣлъ рязанскаго пансіона «Матеріалы для исторіи главнаго народнаго училища въ Рязани и учрежденія другихъ народныхъ училищъ въ Рязанской губерніи» за время съ 1786 г. по 1797 г. (имѣется продолженіе ихъ до 1804 г.). Г. Проходцевъ помѣстилъ (III в. XII т.) въ статьѣ: «Изъ матеріаловъ для исторіи Рязанскаго кремлевскаго явленскаго дѣвичьяго монастыря», — довольно подробную и небезынтересную для будущаго историка рязанскаго кремля «опись» (1780 г.) консисторскаго регистратора Ив. Протопопова, которую онъ нашелъ въ консисторскомъ «архивѣ старыхъ дѣлъ». Гг. І. Добролюбовымъ и П. Милюковымъ напечатаны (XIII т., 1—2 вып.)—«Ко-

піи съ подлинныхъ грамотъ жалованныхъ и съ прочихъ выписей на монастырскія земли Николая Радовицкаго монастыря, на Мещерскія и на Тамбовскія и на Виленскія» за 1616—1630 г. и за 1681—1699 гг. Наконецъ, г. Гр. Шмелевъ напечаталъ (т. XIII, вып. 2) подъ заглавіемъ: «Состояніе укрѣпленій г. Переяславля-Рязанскаго въ 1641 г.», заимствованное имъ изъ московскаго архива министерства юстиціи «доношеніе» Глѣба Морозова, наблюдавшаго за производствомъ укрѣпленій.

Кромѣ того, отдѣльно изданы комиссіей подъ редакціей В. Сторожева «Акты Рязанскаго края».

Совершенно отдѣльно отъ указанныхъ матеріаловъ стоятъ напечатанныя въ четырехъ выпускахъ и еще не оконченныя «Мои воспоминанія» генералъ-майора Вас. Абрам. Докудовскаго, на содержаніи которыхъ мы считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Начинаются они краткимъ изложеніемъ рожденія, обученія и первоначальной службы автора и затѣмъ, становясь по мѣрѣ описываемыхъ событій болѣе подробными, доходятъ до 1862 г. (напечатано пока до 1859 г.). До 1836 г. составлены по памяти, а послѣ — на основаніи дневника. Читаются «Воспоминанія», благодаря живому и мѣстами ѣдкому языку, съ большимъ интересомъ, особенно въ той части, гдѣ авторъ касается своего пребыванія въ Варшавѣ. Мѣткость характеристикъ, проницательность автора, его честность и самостоятельность, чуждая какихъ бы то ни было искательствъ предъ высшими властями, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми фактами, еще болѣе увеличиваютъ этотъ интересъ.

Наиболѣе любопытными во II ч. «Воспоминаній» мы считаемъ подробности: объ арестѣ декабристовъ А. Муравьева, Повало-Швыйковскаго и Тизенгаузена, о бунтѣ стоявшаго въ Житомірѣ Черниговскаго полка, поднятаго С. Муравьевымъ-Апостоломъ, о бѣдствіяхъ нашихъ войскъ въ войну 1828—1829 гг., о безалаберномъ поведеніи польскихъ повстанцевъ въ 1830—1831 гг., объ обычной суровости императора Николая I во время смотровъ, о покушеніи на него въ Познани въ 1843 г., сравнительно мало извѣстномъ, и о скандалѣ въ 1843 съ испанской танцовщицей Лола Монтесъ, извѣстной наложницей баварскаго короля, очаровавшей своею красотою даже престарѣлаго князя Паскевича.

Раскрывая, затѣмъ, интриги, царившія среди главныхъ приверженцевъ и прислужниковъ фельдмаршала князя Паскевича, генералъ-майоръ Докудовскій зло осмѣиваетъ послѣднихъ и въ то же время не щадитъ и самого фельдмаршала вмѣстѣ съ его супругою, бывшею главной правительницей Варшавы. «Воспоминанія» за 1853—1854 г. сообщаютъ о приготовленіяхъ и началѣ Крымской кампаніи и въ то же время раскрываютъ множество тогдашнихъ неурядицъ и безпорядковъ, во многомъ напоминая «Записки» извѣстнаго генерала Менькова.

Говоря подъ 1855 г. о смерти императора Николая I, Докудовскій, между прочимъ, пишетъ: «Хотя нѣкоторыя нѣмецкія газеты воздали хвалу рыцарскому характеру (курсивъ подлинника) покойнаго, однако же, мы, россіяне, положа руку на сердце, должны быть справедливы и сказать, что рыцарскій характеръ Николая не только не принесъ существенной пользы Россіи, но служилъ ей во вредъ, и что въ его, около 30 лѣтъ, царствованіе Россія покрыта была мглою, и дышать было тяжело» (т. XIII, вып. 2, стр. 147).

Не менѣе любопытны и его слова, высказанныя по поводу взятія Севастополя: «Надобно сознаться,—Богъ каралъ Россію за гордыню покойнаго вѣнценосца; онъ былъ убѣжденъ въ своей силѣ и могуществѣ и не предпринималъ никакихъ мѣръ къ лучшему устройству и снабженію военной части, и потому-то бѣдственная война нашла насъ безъ усовершенствованнаго оружія и безъ достаточнаго количества пороха, артиллерійскихъ снарядовъ и другихъ предметовъ, успѣхъ обезпечивающихъ» (ibid., стр. 154).

Подъ 1858 г., на стр. 192, онъ пишетъ: «Одна изъ крупныхъ и утѣшительныхъ мѣръ, для благосостоянія Россіи правительствомъ поданныхъ, — это было уничтоженіе военныхъ поселеній. Сколько казны и крови стоили эти злосчастныя поселенія! Тяжелымъ укоромъ они лежатъ на памяти Александра I и вызываютъ проклятія на Аракчеева».

«Воспоминанія» за послѣдніе годы особенно богаты данными для характеристики императора Николая I и князя Паскевича.

Что касается изслѣдованій, то ихъ мы нашли въ «Трудахъ» Рязанской комиссіи телько два: одно изъ нихъ принадлежитъ кн. Н. Волконскому—«Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ» (т. XII, вып. 2 и 3); авторъ трактуетъ собственно о помѣщичьемъ хозяйствѣ въ Раненбургскомъ уѣздѣ и главнымъ образомъ въ имѣніи его дѣда Колобова, на основаніи показаній современниковъ и распространенной въ свое время брошюры г. Семенова («Руководство къ управленію имѣніемъ» —1848 г.). Матеріалы, заключающіеся въ III томѣ приложеній къ «Трудамъ редакціонныхъ комиссій», даютъ г. Волконскому въ концѣ статьи возможность установить въ общихъ чертахъ главныя основанія помѣщичьяго хозяйства и для всей Рязанской губерніи. Въ другомъ изслѣдованіи, сравнительно небольшомъ (т. XII, в. I), г. Милюковъ положительно рѣшаетъ вопросъ о томъ, что «задворные люди» стали «государственными тяглецами» съ 1678 г., а не съ 1711 г., какъ полагаетъ В. О. Ключевскій и др. Къ этому убѣжденію его привели «платежныя отписки» изъ пожертвованнаго въ комиссію семейнаго архива Волковыхъ.

Большая часть «Извѣстій» Тамбовской комиссіи занята описями дѣлъ, поступившихъ на храненіе въ историческій архивъ. Здѣсь мы находимъ составленныя г. Курбатовымъ описи: 1) дѣламъ

и документамъ изъ фамильнаго архива дворянъ Черниговской губерніи, Коссовичей, за время отъ 1598 по 1797 г. (среди разнаго рода документовъ наибольшее число купчихъ, межевыхъ и др. грамотъ, относящихся до землевладѣнія; есть также дѣла и документы, характеризующіе тогдашнюю внутреннюю администрацію съ ея злоупотребленіями); 2) дѣламъ Лебедянскаго и Липецкаго полицейскихъ управленій за 1850—1870 гг. (встрѣчаются разнаго рода документы: вѣдомости городовъ, книги сектантовъ, статистическія описанія, купчія и др., характеризующія внутренній бытъ), и 3) разнообразнымъ дѣламъ, большею частью восходившимъ на рѣшеніе сената (числомъ 37) XVIII и нач. XIX в., между которыми находимъ и просьбу помѣщика Мосолова о разрѣшеніи «для холостыхъ и вдовыхъ крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей по неимѣнію за ближнимъ родствомъ невѣстъ въ находившемся подъ его надзоромъ имѣніи брать изъ постороннихъ вотчинъ, а на мѣсто тѣхъ выдавать дѣвокъ изъ спорнаго имѣнія». Сенатъ далъ свое согласіе, основываясь на томъ, что «по причинѣ близкаго родства вдовые и холостые крестьяне претерпѣваютъ нужду въ женитьбѣ, а вдовы и дѣвки въ выходѣ замужъ».

Кромѣ г. Курбатова, много потрудился надъ составленіемъ описей г. Пискаревъ, просмотрѣвшій: «Документы Казанскаго Богородицкаго монастыря въ Тамбовѣ» (выписи изъ писцовыхъ книгъ, царскіе указы, челобитныя и др. конца XVII в. и перв. пол. XVIII в.), «Документы Трегуляевской Предтеченской пустыни Тамбовскаго уѣзда» (записи, памяти, выписи, челобитья, указы, статистическія вѣдомости и др., и между ними «Планъ осады Килійской октября отъ 3 дня 1790 г.» Андрея фонъ-Фитингофа, «Описаніе Новороссійской губерніи» генералъ-инженера Сухтелена—цѣликомъ—и біографія князя А. А. Шаховскаго съ перечнемъ его трудовъ, составленная въ 1821 г.), и разнаго рода дѣла и документы XVII и XVIII в. (попреимуществу челобитья).

Въ отдѣлѣ «Историческіе матеріалы» помѣщены: 1) «Сотенскіе. Родословіе, составленное М. Ѳ. де-Пуле»; 2) «Списокъ съ памяти, данной изъ иноземнаго приказа П. И. Сотенскому» въ 1683 г.; 3) «Грамота въ Козловѣ воеводамъ Биркину и Спѣшневу о построеніи вала между р. Вольнымъ Воронежемъ и р. Челковой», 1636 г. (сообщена г. Голомбіевскимъ изъ московскаго архива министерства юстиціи); 4) «Переписка 1737—1738 г. объ угрожавшемъ приходѣ кубанскихъ татаръ и крымскаго хана на казацкіе городки и мѣропріятія, вызванныя имъ» (сообщилъ П. И. Пискаревъ); 5) «Книга записная Тамбовской губерніи въ Совѣстномъ судѣ опредѣленіямъ», которыхъ по разнымъ дѣламъ 42; изъ нихъ одно о 35 крестьянахъ, испорченныхъ знахарями, выписывается сполна; 6) «Наказъ ясельничему и воеводамъ Ивану Биркину и Михаилу Спѣшневу о построеніи города между Воронежскимъ и Цненскихъ верховъ на Ур-

лановѣ городищѣ или гдѣ лучше» (1636 г., заимствованъ изъ московскаго архива министерства юстиціи); 7) «Экстрактъ 1753 г. № 390»: объ учрежденіи Тамбовской епархіи, и др. болѣе мелкія.

Обработаннымъ статьямъ въ «Извѣстіяхъ» отводится сравнительно незначительное мѣсто; тутъ мы находимъ лишь нѣсколько рефератовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ упоминанія: И. И. Дубасова о «церковныхъ просвѣтителяхъ Тамбовскаго края»—старцѣ Матвѣѣ, основателѣ въ 1573 г. Шацкаго Николаевскаго Черніева монастыря, и архіепископѣ Мисаилѣ, замученномъ мордвою въ 1656 г.; его же «Къ бытовой исторіи Тамбовскаго края XVI — XVIII вв.», и г. Фриксена «Укрѣпленіе г. Тамбова въ 1659 г.», съ планомъ укрѣпленій (на основаніи документовъ московскаго архива министерства юстиціи).

По отношенію къ Тверской комиссіи намъ извѣстно, что И. А. Виноградовъ докладывалъ о своей книгѣ: «Секта бѣгуновъ въ Тверской епархіи»; г. Колосовъ—о свиткѣ, содержащемъ наказъ 1696 г. козловскому воеводѣ Исленьеву, интересный по подробностямъ областнаго управленія въ украинныхъ городахъ и по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ на счетъ политики русскаго правительства въ отношеніи кочевниковъ, и г. Ѳ. Аксаковъ—«Къ исторіи Псково-Печерскаго монастыря» (статья составлена на основаніи рукописи, принадлежащей Тверскому музею). Намъ думается, что недавнее возникновеніе въ Твери «Общества любителей археологіи, исторіи и естествознанія» должно отразиться на дѣятельности архивной комиссіи, подобно смерти ея главнѣйшаго работника А. К. Жизневскаго.

Правителемъ дѣлъ Орловской комиссіи, г. Блохинымъ, просмотрѣно нѣсколько описей довольно большему числу дѣлъ, но, къ сожалѣнію, изъ «Отчета» не видно, сколько изъ нихъ онъ намѣтилъ къ храненію. Изъ трехъ документовъ—«матеріаловъ», составляющихъ главное содержаніе I в. «Трудовъ» (1898 г.), заслуживаетъ упоминанія только «Указъ Петра I стольнику и воеводѣ елецкому Тютчеву» (1699 г.), интересный для исторіи землевладѣнія. Но зато довольно цѣнными являются изданныя комиссіей отдѣльно подъ редакціей г. Яницкаго: «Историко-біографическій очеркъ объ архимандритѣ Макаріи», «Дневникъ» Макарія, «Дневникъ» его келейника Орлова и нѣкоторые изъ ненапечатанныхъ трудовъ Макарія.

«Костромская Старина» 1897 г. изобилуетъ разнаго рода актами, грамотами, выписями, старинными рукописными сборниками монастырей, синодиками, описаніями частныхъ архивовъ (Лосевскаго) и извлеченіями изъ дѣлъ архивовъ, но въ отдѣлѣ «изслѣдованій», кромѣ докладовъ И. А. Миловидова, не имѣется ничего. Въ двухъ изъ нихъ онъ разсматриваетъ «Наказы» дворянъ Костромскаго и Судиславскаго уѣздовъ депутатамъ въ комиссію екатерининскую 1767 г., а въ третьемъ говоритъ «Объ историческихъ записяхъ сержанта Черниговскаго пѣхотнаго полка Саввы Порхомова, съ 1735 по 1744 г.»,

сопоставляя ихъ съ выдержками изъ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева.

Отдѣльно изданъ въ 1898 г. комиссіей «Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳеодоровича. Родословіе рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ по матеріаламъ И. П. Сахарова», ч. II, съ дополненіемъ Н. Н. Селифонтова, учредившаго въ 1897 г. «Романовскій отдѣлъ» при комиссіи, гдѣ будутъ собираться всѣ матеріалы и изслѣдованія, относящіеся до рода Романовыхъ.

Членъ Саратовской комиссіи, г. Щегловъ, въ теченіе 1897 г. просмотрѣлъ нѣсколько многотомныхъ описей казенной палаты за 1747—1828 гг., но сообщеніе объ его работѣ будетъ напечатано, вѣроятно, въ XXII выпускѣ «Трудовъ» комиссіи; въ настоящемъ же XXI выпускѣ находимъ лишь матеріалы, заимствованные 1) изъ фамильнаго архива дворянъ Шахматовыхъ (копіи съ бумагъ XVIII в.— императорскихъ указовъ, реестровъ, купчихъ, доношеній и др., содержащихъ данныя для топографіи г. Саратова и его ближайшихъ окрестностей и вообще для исторіи землевладѣнія); 2) изъ дѣлъ архива царицынской городской думы: изъ просмотрѣнныхъ 300 дѣлъ за 1797—1812 гг. г. Н. А. Соловьевъ описываетъ только нѣкоторыя наиболѣе важныя для исторіи г. Царицына и затѣмъ «имѣющія общій интересъ», къ которымъ онъ относитъ: высочайшій «указъ о ябедникахъ и ябедническихъ прошеніяхъ» 1806 г., предписаніе сената всѣмъ начальствующимъ въ губерніи отклонять отъ себя «всякія приношенія и угощенія» и предложеніе губернатора, отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ, рекомендующее думѣ выписать «Санктъ-Петербургскій журналъ», какъ заключающій въ себѣ «интересныя для любителей просвѣщенія свѣдѣнія»; 3) изъ дѣлъ царицынской городской управы, 1800—1808 гг. (изъ помѣщенныхъ здѣсь тѣмъ же г. Соловьевымъ бумагъ наиболѣе интересны тѣ, въ которыхъ говорится о развитіи шелководства въ Саратовской губерніи, и затѣмъ «Условіе, заключенное въ 1808 г. городскою думой съ отставнымъ сержантомъ Власовымъ относительно обученія послѣднимъ дѣтей царицынскихъ гражданъ». Этотъ первый распространитель грамотности въ Царицынѣ обязывался «въ надлежащемъ совершенствѣ» обучить: «читать, писать прописи и цифирной щетъ, и ариѳметикѣ въ 4-хъ частяхъ», а также «въ свободное время занимать дѣтей прогулкою въ поле...», и все это за плату въ 150 рублей въ годъ); 4) Изъ дѣлъ Саратовскаго окружного суда (4 дѣла 1839—1841 гг. о раскольникахъ; сооб. г. Бундасъ) и 5) изъ фамильнаго архива гр. Нессельроде. Изъ него заимствованы самые интересные и притомъ малоизвѣстные документы: копія съ формулярнаго списка графа В. Нессельроде, указъ иностранной коллегіи, пять промеморій, инструкція Фридриха-Вильгельма I подполковнику фонъ-Роховъ относительно воспитанія своего сына Фридриха (1729 г.), шесть писемъ Фридриха Великаго графу В. Нессельроде и одинъ черновикъ письма

послѣдняго первому (1769—1775 гг.), копія письма Доротеи, герцогини Курляндской, высказывавшей благодарность Екатеринѣ II по поводу мира 1780 г., письмо короля Фридриха-Вильгельма II графу В. Нессельроде, копія съ письма его же великому князю Павлу Петровичу (1788 г.) и черновое письмо графа В. Нессельроде великому князю Павлу Петровичу (1790 г.).

Таврическая комиссія просмотрѣла описи дѣламъ архивовъ: Бессарабской казенной палаты за 1848—1852 гг. и за 1860—1866 гг. и изъ 2.205 дѣлъ опредѣлила къ храненію 31 д. (г. Лашковъ), Ставропольской казенной палаты за 1837—1862 г.—изъ 9793 д. къ храненію 596, казначействъ—Александровскаго, Георгіевскаго, Моздокскаго и Кизлярскаго за 1788—1816 гг.—изъ 1837 д. къ храненію 118, Бессарабской казенной палаты за 1877—1880 гг.—изъ 87 д. къ храненію—8 (г. Маркевичъ) и прокурора Симферопольскаго окружнаго суда за 1869—1893 гг.—изъ 28.000 д. къ храненію 6 (г. Кашпаръ, Романюкъ и Маркевичъ), и напечатала въ трехъ №№ (26—28) своихъ «Извѣстій» довольно цѣнные историческіе матеріалы и изслѣдованія. Къ первымъ относимъ «Ордера князя Платона Ал. Зубова правителю Таврической области» (они печатаются уже очень давно и въ настоящемъ 26 № оканчиваются), «Сборникъ документовъ по исторіи Крымскаго татарскаго землевладѣнія» (подъ редакціей Ѳ. Ѳ. Лашкова, также окончаніе, а начало въ 22 №) и «Скарбовая книга Метрики Литовской 1502—1509 г.». Въ предисловіи къ послѣдней («Литовскія упоминки татарскимъ ордамъ. Литовскій скарбъ и татарскія орды въ 1502 — 1509 гг.») М. В. Довнаръ-Запольскій сообщаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о скарбѣ и скарбовыхъ книгахъ и затѣмъ подробнѣе останавливается на значеніи и содержаніи печатаемой имъ ниже Скарбовой книги. Послѣдняя принадлежитъ, по его словамъ, къ рѣдкимъ явленіямъ и особенно драгоцѣнна потому, что содержитъ приходо-расходныя росписи, не заключающіяся въ другихъ скарбовыхъ книгахъ XVI в. Особенно много свѣдѣній въ ней по исторіи внутренняго быта Перекопской орды. Документъ извлеченъ изъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Изслѣдованія принадлежатъ: М. В. Довнаръ-Запольскому—«Замѣтка о крымскихъ дѣлахъ въ Метрикѣ Литовской» (начала XVI в.), профессору М. Бережкову—«Нуръ-султанъ, царица крымская. Историко-біографическій очеркъ». (Нуръ-султанъ, жена Менгли-Гирея, оказала «существенныя услуги дѣлу мира» и извѣстна въ исторіи болѣе другихъ женъ хана. Очеркъ составленъ на основаніи свѣдѣній, извлеченныхъ изъ крымскихъ посольскихъ книгъ царствованія Іоанна III и Василія III), и профессору Ал. Маркевичу—«Императрица Екатерина II и Крымъ» и «Южная Россія на X Археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ».

Нижегородская комиссія издала въ 1898 г. весьма содержатель-

ный III томъ «Сборника», въ который вошли статьи по различнымъ вопросамъ внутренней жизни Нижегородскаго края, описи дѣламъ (между ними особенно цѣнна «Опись дѣлъ Балахнинскаго городоваго магистрата» съ предисловіемъ, составленная извѣстнымъ беллетристомъ В. Г. Короленко) и нѣсколько грамотъ и документовъ XVII в.[1]). Кромѣ того, членъ комиссіи, г. Савельевъ, помѣстилъ въ «Русской Старинѣ» (1898 г., №№ 6 и 7) обстоятельную статью о бывшемъ нижегородскомъ губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ.

Возобновившаяся дѣятельность Оренбургской архивной комиссіи особенно плодотворно отразилась на архивныхъ работахъ гг. членовъ. Изъ дѣлъ бывшаго Оренбургскаго генералъ-губернаторства ими просмотрѣно 10.986 и къ храненію опредѣлено 2.556 дѣлъ, которымъ составлены и описи (гг. Шукшинцевъ, Поповъ и друг.); затѣмъ г. Биркъ просмотрѣлъ описи дѣлъ: Уфимскаго губернскаго правленія съ 1766 г., девяти волостныхъ правленій Оренбургской губерніи, Орскаго уѣзднаго полицейскаго управленія и Тургайскаго областнаго правленія; г. Шукшинцевъ—описи дѣлъ Оренбургскаго правленія за 1886—1896 г. и канцеляріи директора народныхъ училищъ Оренбургской губерніи и Уфимскаго уѣзднаго училища.

Кромѣ того, въ трехъ выпускахъ «Трудовъ» комиссіи за 1897—1898 г. находимъ нѣсколько интересныхъ статей, каковы, напримѣръ: Ардашева—«Къ столѣтнему юбилею Оренбургской губерніи» (на основаніи, главнымъ образомъ, архивныхъ матеріаловъ авторъ разсказываетъ исторію г. Оренбурга ок. 1796 г., когда была образована Оренбургская губернія), С. Севастьянова—«Князь Г. С. Волконскій, какъ иниціаторъ памятника Неплюеву—Неплюевскаго училища, нынѣ Неплюевскаго кадетскаго корпуса» (также на основаніи архивныхъ данныхъ), В. Водопьянова—«Неудавшееся посольство въ Бухару поручика Гавердовскаго въ 1803 г.», и Д. Н. Соколова—«Опытъ разбора одной башкирской лѣтописи», а именно изданной г. Назаровымъ въ 1890 г.

По отношенію къ Ярославской комиссіи можно указать только то, что членъ ея Тихомировъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими просмотрѣлъ за три года (1896—1898 г.) описи 40.000 дѣлъ, изъ которыхъ къ храненію оставилъ 2.100. Всего въ историческомъ архивѣ комиссіи имѣется только 7.000 дѣлъ. Отсутствіе съ 1892 г. своего органа сильно отразилось и на ростѣ библіотеки.

Въ «Извѣстіяхъ» Калужской комиссіи гг. Трейтеромъ и Капкаровымъ помѣщено немало разныхъ матеріаловъ, среди которыхъ наиболѣе интересны: «Книга о засѣчномъ строеньѣ» (книга эта въ рукописи половины XVII в. сохранилась въ библіотекѣ Калужской мужской гимназіи и любопытна потому, что является едва ли не

---

[1]) Подробнѣе о содержаніи «Сборника» см. нашу замѣтку въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за нын. годъ, № 4, отд. критики и библіографіи.

единственнымъ источникомъ для ознакомленія съ мѣрами, предпринятыми въ 1638 г. боярской думой для «огражденія и защищенія» окраинъ засѣками отъ набѣговъ крымскихъ татаръ); нѣкоторыя жалованныя грамоты XVII в.; «Къ исторіи указа 1702 г. объ ограниченіи воеводской власти» (помѣщенъ подлинный указъ и черновая отписка на него мещовскаго воеводы Радищева, служащія дополненіемъ къ свѣдѣніямъ объ этомъ у С. М. Соловьева, т. XV); «Синодикъ Покровскаго монастыря», и друг. Не безынтересно также помѣщенное С. Вагинымъ «Предложеніе графа Остермана о гуманномъ обращеніи съ колодниками при допросахъ», писанное въ 1776 г. графомъ Ѳедоромъ Остерманомъ; въ немъ онъ предписываетъ не дѣлать никому тѣлесныхъ истязаній (пытокъ), предлагая поступать по правиламъ 10 главы Екатерининскаго «Наказа».

Въ приложеніи находимъ впервые появляющіяся въ печати «Записки Семена Ивановича Яновскаго. Путешествіе вокругъ свѣта отъ Кронштадта на островъ Ситху въ портъ Новоархангельскъ, на кораблѣ Суворовѣ и обратно въ Петербургъ чрезъ Восточный или Тихій океанъ и Охотское море до Охотска на маленькомъ галетѣ Румянцевѣ; а отъ Охотска сухимъ путемъ чрезъ Якутскъ, Иркутскъ до С.-Петербурга, совершенное въ 1816—1817 г. до Ситхи и обратно въ 1821—1822 г.». Неоконченныя еще печатаніемъ «Записки» прерываются въ 10 вып. на мартѣ 1817 г.

Въ отдѣлѣ статей находимъ: И. Д. Четыркина—«Историко-топографическія данныя о Калугѣ, относящіяся къ XVII вѣку, и о такъ называемомъ домѣ Марины Мнишекъ»; А. А. Прозоровскаго—«Изъ исторіи закрытыхъ монастырей Калужской губерніи»—Лихвинскаго Михайло-Малеинскаго, Мещовскаго Дорогошанскаго Троицкаго и Жиздринскаго Троицкаго (при очеркѣ ихъ прошлаго приводится и нѣсколько новыхъ документовъ); В. М. Кашкарова — «Пріѣздъ императрицы Екатерины II въ Калугу. Открытіе Калужскаго намѣстничества. Первый калужскій намѣстникъ М. Н. Кречетниковъ» (составлена преимущественно на основаніи архивныхъ данныхъ), его же— «Городъ Перемышль» (историческая справка); его же — «Дѣло о разграбленіи усадьбы Домогацкаго» (дѣло относится къ 1730—1740 гг. и интересно по подробностямъ, характеризующимъ тогдашнее судопроизводство, на которое въ этомъ дѣлѣ оказывали давленіе Я. В. Брюсъ и Никита Ак. Демидовъ, такъ какъ причастными къ разграбленію оказались и ихъ крѣпостные люди); его же—«Село Любутское»; М. П. Чельцова—«Къ исторіи открытія Калужской епархіи» (авторъ доказываетъ, что мысль объ открытіи епархіи возбуждалась еще въ концѣ XVII вѣка и затѣмъ въ 1784, 1788 и 1796 годахъ; окончательно же открыта, какъ извѣстно, въ 1799 году); С. Вагина—«Предосторожность отъ злодѣя Пугачева» (рѣчь о спѣшныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ въ 1774 году испуганною Москвою по поводу слуховъ о приближеніи Пугачева къ столицѣ. Матеріаломъ для статьи

послужили: указъ сената отъ 25-го іюля 1774 года, найденный въ архивѣ калужскаго губернскаго правленія, и дѣлопроизводство по поводу него провинціальныхъ канцелярій, въ томъ числѣ и Калужской); И. Тихомирова—«Строгая ревизія. Эпизодъ изъ калужской жизни начала XIX вѣка» (по архивнымъ даннымъ авторъ слѣдитъ за ревизіей Г. Р. Державина въ 1801 году по поводу злоупотребленій калужскаго губернатора Д. А. Лопухина и при этомъ старается оправдать отъ обвиненій ревизора-поэта (въ его «Запискахъ») епископа Ѳеофилакта), и Д. Д. Соколова—«Объ изданіяхъ Оптиной Козельско-Введенской пустыни вообще и святоотческихъ твореній въ частности» (старцы этой знаменитой пустыни съ 1839 до 1897 года выпустили въ свѣтъ болѣе 125 изданій разныхъ сочиненій въ количествѣ, свыше 21.700 экземпляровъ).

Симбирская архивная комиссія, занятая въ 1897 г. главнымъ образомъ подготовительными работами къ 250-ти-лѣтнему юбилею Симбирска, въ слѣдующемъ году издала: Мартыновъ—«Симбирскъ за 250 лѣтъ существованія»; его же — «Тугай. Упраздненный городъ Симбирской губерніи. Историко-статистическій очеркъ»; Суперанскій—«Симбирскъ и его прошлое»; Поливановъ и Красовскій—«Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго дворца»; Красовскій—«Хронологическій перечень событій Симбирскаго края», и Холмогоровъ—«Матеріалы для исторіи Симбирскаго края второй половины XVIII вѣка» [1]).

Наконецъ, открывшая свои дѣйствія въ 1897 г. Черниговская комиссія помѣстила въ изданномъ его первомъ выпускѣ «Трудовъ»—«Матеріалы для жизнеописанія святителя Ѳеодосія, черниговскаго чудотворца» (М. Доброгаевъ) и «Бытовой памятникъ»—вѣновной реестръ 1786 г. (П. Тихоновъ).

Въ дополненіе къ сдѣланному обзору работъ губернскихъ архивныхъ комиссій слѣдуетъ остановиться еще на трудахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ области библіографіи, біо-библіографіи и исторіи литературы. Здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно поставить отличающійся полнотою и точностью второй выпускъ «Опыта указателя книгъ и статей, касающихся Крыма и Таврической губерніи вообще», Арс. Маркевича (въ 28 № «Извѣстій» Таврической комиссіи). Далѣе членъ Саратовской комиссіи С. В. Дегенъ помѣстилъ въ «Трудахъ» «Библіографическій указатель сочиненій А. Ф. Леопольдова». Комиссіи Рязанская и Тамбовская напечатали біо-библіографическіе словари своихъ уроженцевъ — первая только ученыхъ и писателей (г. І. Добролюбовъ), а вторая вообще всѣхъ дѣятелей (г. И. Токмаковъ). Наконецъ, комиссіи: Ярославская приняла на себя заботы о постановкѣ памятника поэту Сурикову въ Угличѣ;

---

[1]) Подробнѣе объ этихъ трудахъ см. «Историческій Вѣстникъ», 1898 г., № 11, отд. Критики и библіографіи.

Рязанская собираетъ въ своемъ музеѣ матеріалы, касающіеся біографіи Н. Д. Хвощинской (Заіончковской); Нижегородская напечатала формулярный списокъ В. И. Даля и Оренбургская статью П. Гутьяра — «Къ біографіи И. С. Тургенева», въ которой авторъ приводитъ неизвѣстное еще въ печати и недавно доставленное въ комиссію В. П. Щегловой письмо Ивана Сергѣевича къ Щепкину, отъ 3-го (15-го) декабря 1848 года, разъясняющее «исторію» съ комедіей Тургенева «Нахлѣбникъ». Въ этомъ письмѣ Иванъ Сергѣевичъ сообщаетъ о поправкахъ, которыя предложилъ ему А. И. Герценъ и которыя состояли въ замѣнѣ у Кузовника дворянскаго сюртука частнымъ и словъ Тропачева: «смѣю сказать» — «извините за выраженіе», потому что, «по его мнѣнію», писалъ Тургеневъ, «смѣю сказать не идетъ въ устахъ петербургскаго чиновника» (но оно осталось). Въ концѣ письма авторъ сообщалъ, что онъ «вполнѣ согласенъ, что это мелочь, и онъ устыдился бы писать о ней, если бы этого не потребовалъ Герценъ». Кромѣ того, письмо интересно и для характеристики самого Тургенева и для выясненія дружескихъ отношеній его къ Щепкину. Въ предисловіи г. Гутьяръ сообщаетъ самую исторію написанія и пропуска въ печати «Нахлѣбника».

Такова за разсматриваемые годы дѣятельность нашихъ архивныхъ комиссій, инертность которыхъ была далеко не одинакова и сказывалась въ различныхъ областяхъ. Первое мѣсто среди нихъ должно быть отведено Рязанской и Калужской. Та и другая произвели немало археологическихъ наблюденій и изслѣдованій, много заботились о составленіи историческаго архива и обогатили историческую науку цѣнными историческими матеріалами, особенно Рязанская комиссія, въ трудахъ которой принимали участіе видные наши историки П. Милюковъ и В. Сторожевъ. Калужская комиссія къ тому же дала немало цѣнныхъ статей по исторіи своего края.

Что касается другихъ комиссій, то производство раскопокъ для нихъ было дѣломъ болѣе или менѣе случайнымъ; поэтому нѣкоторыя комиссіи обращали особенное вниманіе на просмотръ дѣлъ и описей и составленіе описей сохраненнымъ дѣламъ (Тамбовская, Костромская, Оренбургская и Нижегородская), а также заботились о помѣщеніи въ своихъ изданіяхъ историческихъ матеріаловъ (Тамбовская, Костромская, Саратовская—почти исключительно одни историческіе матеріалы и документы, Нижегородская и Таврическая). Наконецъ, видное мѣсто должно быть отведено и изслѣдованіямъ, которыя мы встрѣтили въ изданіяхъ комиссій—Таврической, Симбирской, Нижегородской и Оренбургской.

Несомнѣнно, по нашему убѣжденію, что эта работа нашихъ провинціальныхъ тружениковъ вызоветъ въ читателѣ глубокое уваженіе, особенно, если онъ вспомнитъ, что она производится ими не только безкорыстно, но даже иногда съ затратой собственныхъ средствъ.

Д. Рудаковъ.

НАША ОБОРОНА НА ВОСТОКѢ.

БЕЗОПАСИВЪ навсегда Европу отъ азіатскихъ кочевниковъ и ордынцевъ, Россія, по необходимости, должна была принять наступательное движеніе на востокъ, не прекращающееся и по настоящее время.

Занявъ Сыръ-Дарьинскую область и соединивъ Оренбургскую линію защиты съ Сибирской рядомъ укрѣпленій, уже легко было покорить Ташкентъ, Хиву и подвигаться далѣе. Проникая въ глубь азіатскихъ степей, Россія встрѣтилась съ Англіей, еще ранѣе насъ распространившей свое господство на индійскіе и среднеазіатскіе рынки. Приближеніе Россіи къ Герату до сихъ поръ шло воинственнымъ путемъ. Наши цари Іоаннъ Грозный, Алексѣй Михайловичъ, Петръ I, Екатерина II, Павелъ, Николай Павловичъ и Александръ II постоянно дѣлали попытки захватить азіатскія земли либо дипломатическими принужденіями, либо открытой войною. Англосаксонскіе завоеватели Индіи очень скоро поэтому почувствовали своего опаснаго сосѣда. С. Южаковъ въ брошюрѣ «Англо-русская распря» говоритъ: «въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ Англія принимаетъ поспѣшно мѣры предосторожности и вступаетъ окончательно и безповоротно на путь сознательнаго соперничества съ Россіей на Востокѣ. Соперничество сказалось еще съ конца прошлаго столѣтія и довольно ярко обнаружилось въ эпоху русско-турецкой войны 1828—1829 гг., но только послѣ этой войны, повидимому, поняли въ Лондонѣ, что приходится это инстинктивное и случайное соперничество превратить въ систему. Когда это поняли,

то рѣшились немедленно привести въ исполненіе и со свойственною Британіи энергіею и постоянствомъ принялись за проведеніе программы систематическаго противодѣйствія Россіи на востокѣ. Въ высшей степени энергичная, хотя и не всегда искусная политика эта наполняетъ собою два десятилѣтія, предшествовавшія и подготовившія первое великое столкновеніе Европы на востокѣ—крымскую войну 1852—1856 гг.»

Ослабивъ наше вліяніе на европейскія дѣла, Англія не могла не чувствовать, что на востокѣ мы можемъ вознаградить себя на счетъ ея могущества. Но если прежде она исключительно боялась русскаго оружія, то теперь ей болѣе страшна наша мирная и прогрессивная миссія на востокѣ. Въ недавно вышедшей и чрезвычайно интересной книгѣ Б. Г. «Кратчайшій желѣзнодорожный путь изъ центральной Россіи въ Среднюю Азію» — авторъ представляетъ именно картину мирнаго завоеванія нами въ ближайшемъ будущемъ «ключей къ Индіи» и боязнь англичанъ нашего культурно-экономическаго вліянія на Среднюю Азію и Индостанъ. Не умѣя снискать себѣ до сихъ поръ симпатій въ покоренныхъ туземцахъ Индіи, англичане не могутъ опираться на нихъ въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Россіей. Авторъ названной книги совершенно справедливо заключаетъ, что «безжалостно-хищническое и цинически-откровенное выжиманіе послѣднихъ соковъ изъ этого населенія, презрительно разсматриваемаго, лишь какъ выгодное удобреніе для пышной англійской цивилизаціи, создало съ теченіемъ времени опасныя отношенія между побѣдителями и побѣжденными, гдѣ достаточно одного властнаго и многообѣщающаго сигнала, чтобы побѣжденные, опираясь на данное обѣщаніе или хотя на призракъ будущей помощи, готовы были броситься въ борьбу съ ненавистнымъ побѣдителемъ и эксплоататоромъ. Отъ кого же эта помощь, этотъ сигналъ могли бы воспослѣдовать? Очевидно не отъ тѣхъ, кто своими политическими и экономическими интересами и запросами исторической жизни не имѣютъ на азіатскомъ материкѣ никакого касательства къ англо-индійскимъ отношеніямъ, а со стороны именно того могущественнаго и сильнаго сосѣда, который уже давно сталъ властною стопою на территоріи смежныхъ областей, который нынѣ стремится возможно тѣснѣе сблизить эти области непрерывныхъ рельсовыхъ путей съ своимъ центромъ и надѣется при помощи этого сближенія открыть себѣ на югѣ Азіи такіе рынки, которые дотолѣ для него были закрыты, несмотря на всѣ старанія проникнуть туда». Дѣйствительно, надежды азіатскихъ народовъ на помощь Россіи оправдывается и историческими событіями. Кто читалъ книгу доктора И. Л. Яворскаго: «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 гг.», тому легко вспомнить, какъ это посольство, во главѣ съ генералами Столѣтовымъ и Разгоновымъ, одними только обѣщаніями помощи

«бѣлаго царя» быстро подняло азіатскіе народы противъ англо-индійскаго владычества. Если бы не Берлинскій конгрессъ, удержавшій наши войска, между прочимъ, и отъ движенія въ Авганистанъ на помощь эмиру, Абдурахманъ-хану, то при всеобщемъ возстаніи азіатскихъ владѣтелей противъ англійскаго владычества въ Азіи, мы давно бы господствовали въ ней. Необходимость выполнить предписаніе европейскихъ державъ о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій за Ташкентомъ сильно попатнула въ то время русское обаяніе на востокѣ, но не въ такой степени, чтобы азіатскіе народы предпочли колоніальную политику англичанъ нашему режиму. Англичане хорошо понимаютъ это и чувствуютъ возможность при удобныхъ обстоятельствахъ отпаденія колоній отъ метрополіи. Нынѣшній вице-король Индіи, сэръ Георгъ Керзонъ, дѣятельно пропагандируетъ выдвореніе Россіи изъ Средней Азіи преимущественно путемъ возбужденія противъ насъ Авганистана. При этомъ, Авганистанъ выставляется политическимъ буферомъ, силами котораго должна руководить Англія.

«Въ случаѣ же если силы этого буфера почему либо ослабнутъ, то Англія должна захватить его, какъ свою собственность, и уже лично, всѣми зависящими отъ нея мѣрами, скрытыми и открытыми, вредить Россіи въ Средней Азіи и не допускать въ особенности ея усиленія въ Персидскомъ Хорассанѣ. Захватъ Хорассана Россіей рисуется Керзону, какъ нѣчто чрезвычайно опасное, такъ какъ отсюда она, по его соображеніямъ, должна угрожать Герату. Кромѣ того, отсюда же ей открывается путь въ Кандагаръ, чрезъ Фарра и Гиршикъ, въ долину Гильменда, долженствующую считаться лучшимъ и естественнымъ путемъ для Россіи, въ прямомъ, южномъ направленіи къ Индійскому океану. Занявъ Хорассанъ, Россія войдетъ, по мнѣнію Керзона, въ соприкосновеніе съ Белуджистаномъ и будетъ находиться еще ближе къ Индіи, нежели теперь. Онъ опасается, что мы свяжемъ нашу Закаспійскую желѣзную дорогу съ Нуфетабадомъ и тогда будемъ окончательно въ состояніи выйти къ океану, чего такъ боится Англія, и въ чемъ она видитъ угрозу своему могуществу. Поэтому нынѣшній вице-король рекомендуетъ открыть новый путь черезъ Белуджистанъ (что уже нынѣ выполнено) и построить на югѣ желѣзную дорогу для уравновѣшенія вліянія нашей Закаспійской желѣзной дороги и для окончательнаго захвата всей территоріи южной Персіи». «Но,—продолжаетъ Б. Г.,—если бы Англія, слѣдуя шовинистской программѣ сэра Керзона, вздумала продолжать свое будираваніе Россіи и довела бы это будираваніе до крайности, то тогда, конечно, наше отечество сумѣетъ подготовиться къ будущей встрѣчѣ и сумѣетъ разрушить замышляемые противъ нея козни и засады. Въ качествѣ такого подготовительнаго шага и можетъ послужить прежде всего осуществленіе того рельсоваго пути, направленіе и задача котораго обсуждаются въ брошюрѣ:

«Кратчайшій желѣзнодорожный путь изъ центральной Россіи въ Среднюю Азію».

«Такимъ образомъ двѣ первоклассныхъ державы, совершая на землѣ свое историческое предопредѣленіе, медленно идутъ на встрѣчу другъ другу, и мы присутствуемъ при знаменательномъ, небываломъ въ лѣтописяхъ человѣчества историческомъ процессѣ, гдѣ милліоны народа должны рано или поздно встрѣтиться или для братскаго лобзанія и клятвеннаго обѣщанія «быть провозвѣстниками вѣчной истины и мира», или грознаго окрика: «прочь съ дороги, мѣсто силѣ и мечу». И оба народа, обѣ державы чуютъ эту неминуемую встрѣчу, готовятся къ ней и думаютъ о ней свои глубокія тревожныя думы»...

Самъ авторъ «Кратчайшаго пути», однако, склоненъ думать, что проектируемый имъ «Кратчайшій путь» отъ Саратова къ Чарджую, черезъ Хиву и Бухару, поведетъ не къ войнѣ, но къ новому индоевропейскому транзиту (Россія-Индія), и тогда въ обширной территоріи Азіи найдется достаточно мѣста для мирной и культурной работы и для русскихъ, и для англичанъ.

«Занявъ Кавказъ и Туркестанъ и обойдя Авганистанъ, Россія географически приблизилась къ владѣніямъ Англіи и почти подошла къ самымъ вратамъ Герата и къ долинѣ Гильменда, откуда уже прямой выходъ къ Индостану и Индійскому океану. На всемъ протяженіи своихъ сложныхъ отношеній къ Россіи, Англія болѣе всего опасалась именно нашего приближенія къ этимъ важнымъ географическимъ пунктамъ; равнымъ образомъ, и мы, несмотря на всѣ препятствія, намъ чинимыя, силою всѣхъ историческихъ событій неминуемо приблизились сюда. Роковое мѣсто встрѣчи двухъ державъ точно опредѣлилось, и остается лишь выяснить, поскольку мы успѣли укрѣпить свой тылъ для безопаснаго движенія впередъ, если бы это требовалось по соображеніямъ военно-стратегическимъ и поскольку за протекшія 30 лѣтъ съ небольшимъ мы достигли укрѣпленія русской гражданственности въ покоренныхъ и подчиненныхъ намъ среднеазіатсихъ областяхъ, подобно тому, какъ мы это дѣлали по отношенію всѣхъ добытыхъ нами силою оружія бывшихъ кочевыхъ владѣній въ предѣлахъ Европейской Россіи».

Что касается Англіи, то и она за это время, свидѣтельствуетъ Б. Г., «перерѣзала всю Индію сѣтью желѣзныхъ дорогъ, закрѣпила ими своими сѣверо-западныя границы, доведя свой рельсовый путь отъ Кветы до Нушки, откуда въ настоящее время ею проектируется рельсовый путь на Дербендъ-Амирча-Сындакъ и далѣе на сѣверъ, въ направленіи къ Сеистану. Такое энергичное движеніе на западъ, съ одной стороны, въ цѣляхъ приближенія къ юго-западной границѣ Авганистана, а также къ полному захвату Белуджистана, а съ другой — для соединенія съ Персидскимъ заливомъ и въ цѣляхъ встрѣчи съ рельсовыми путями Германіи, подвигающимися

нынѣ къ востоку отъ береговъ Босфора и отъ сирійскаго побережья въ долину Месопотаміи, имѣетъ для Англіи громадное политическое и торгово-промышленное значеніе. Прорѣзавъ весь Белуджистанъ рельсовымъ путемъ, который не оказалъ, въ противность Авганистану, никакого сопротивленія англичанамъ и пассивно отдался имъ во власть, наша азіатская сосѣдка тѣмъ самымъ завладѣла обширнѣйшимъ рынкомъ и получила возможность, въ разстояніи слишкомъ 500 верстъ подвинуть къ сѣверу свои гарнизоны, которые, благодаря существующему караванному пути на Сеистанъ, быстро и легко могутъ, на случай военныхъ дѣйствій, еще ближе быть подведены къ вратамъ Герата. Что же касается движенія къ персидскому заливу, то въ данномъ случаѣ, минуя Россію, Англія достигаетъ возможности, при содѣйствіи встрѣчныхъ ей германскихъ желѣзныхъ дорогъ, создать непрерывный индо-европейскій (англо-германскій) транзитъ, въ коемъ наше отечество уже не приметъ никакого участія, и отъ коего оно останется въ сторонѣ. Кромѣ того, если мы не примемъ рѣшительныхъ мѣръ къ соединенію нашихъ дорогъ съ англо-индійскими или не продвинемся южнѣе Герата, то Англія сведеніемъ своихъ индійскихъ дорогъ съ Персидскимъ заливомъ отрѣжетъ навсегда намъ путь къ Индійскому океану по долинѣ Гильменда, а также нанесетъ существенный непоправимый уронъ нашему вліянію даже въ сѣверной Персіи, не говоря уже про центральную. Достигнувъ съ востока на западъ Персидскаго залива, Англія этимъ самымъ какъ бы объединяетъ свои африканскія колоніи съ азіатскими, такъ какъ Аравія въ данномъ случаѣ не можетъ быть принята въ соображеніе: энергичная британская нація уже давно исправно хозяйничаетъ здѣсь и чувствуетъ себя здѣсь, какъ дома. Такимъ образомъ, параллельно нашей Закаспійской желѣзной дорогѣ, въ недалекомъ сравнительно разстояніи отъ нея къ югу, образуется обширнѣйшая колоніальная область Англіи, откуда она уже безъ труда, во всякое время, можетъ грозно подыматься къ сѣверу, въ интересахъ захвата персидскаго Хорассана и въ цѣляхъ, какъ то намѣчаетъ сэръ Керзонъ, полнаго вытѣсненія насъ изъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній. Въ этомъ можетъ ей оказать извѣстное содѣйствіе и Германія, двигающаяся нынѣ, минуя австрійскіе Салоники, прямо отъ Босфора въ направленіи черезъ малую Азію къ важнѣйшимъ персидскимъ рынкамъ. Такимъ образомъ, на югѣ Азіи, въ недалекомъ будущемъ, грозитъ образоваться тѣсный союзъ двухъ сильныхъ европейскихъ народностей, направленный къ изолированію Россіи отъ ея естественныхъ рынковъ въ Средней Азіи, отъ Индійскаго океана и отъ тѣхъ индостанскихъ торговыхъ центровъ, къ которомъ она такъ неуклонно до сихъ поръ стремилась».

Чтобы парализовать подобное бойкотированіе англичанами Россіи на востокѣ, послѣдняя должна создать оборону, по мнѣнію Б. Г.,

въ видѣ собственнаго индо-европейскаго транзита, въ пользу котораго собраны имъ въ книгѣ многочисленныя доказательства политическаго и экономическаго характера. «Мирно встрѣтившись у береговъ Ганга съ нашей былой соперницей, соперницей по недоразумѣнію,—говоритъ Б. Г.,—мы тѣмъ самымъ положимъ рѣшительный конецъ нашему давнему спору на востокѣ. Слившись нашими рельсовыми путями съ общею сѣтью индійскихъ желѣзныхъ дорогъ, мы будемъ вполнѣ и нравственно, и матеріально вознаграждены за былыя историческія неудачи, за понесенныя въ Азіи жертвы и затраты и объ руку съ «владычицею морей» получимъ возможность не дробить свои культурныя силы понапрасну, а гармонически направить ихъ на благо міровой цивилизаціи и на вовлеченіе въ сферу этой цивилизаціи тѣхъ восточныхъ народовъ сѣверной, средней и южной Азіи которые, можетъ быть, именно благодаря нашей исторической розни съ Англіей, нашей обоюдной неумѣлости столковаться, такъ долго пребывали внѣ вліянія европейской культуры. Но помимо этихъ высокихъ культурныхъ задачъ соединеніе Закаспійской желѣзной дороги и примыкающаго къ ней Туркестана съ общею нашею рельсовою сѣтью въ наикратчайшемъ направленіи помогаетъ намъ прочно цементировать наши далекія среднеазіатскія окраины съ центромъ нашей государственной и торгово-промышленной жизни, въ чемъ чувствуется нынѣ такая насущная надобность. Отвѣчающимъ всѣмъ намѣченнымъ задачамъ является желѣзно-дорожное соединеніе станціи Чарджуй Закаспійской желѣзной дороги, расположенной на бухарской территоріи, черезъ Хиву, по Уральской области, къ станціи Александрово-Гай-Покрово-Уральской линіи, берущей свое начало отъ Саратова».

До сихъ поръ вся среднеазіатская торговля захвачена, кромѣ англійскихъ фирмъ, армянами, евреями, татарами и персами; а русскіе, вслѣдствіе разобщенности Закаспійской желѣзной дороги съ общею рельсовою сѣтью, не имѣютъ никакого вліянія на среднеазіатскую торговлю и нравы мѣстнаго населенія. Между тѣмъ соединеніе Чарджуя Закаспійской желѣзной дороги съ Александровомъ, Гаемъ и Волгой привлечетъ русскіе элементы въ области: Зауральскую, Закаспійскую, Сыръ-Дарьинскую, Самаркандскую, въ Хиву, Бухару, Фергану, Персію и къ самому Индостану. Кромѣ того, по мнѣнію Б. Г., «центральный фабрично-заводскій районъ, постепенно развивающій свои силы, получитъ со стороны среднеазіатскихъ владѣній болѣе близкій и обезпечивающій доставки обширный рынокъ сбыта своихъ товаровъ, а съ другой стороны, будетъ тѣсно связанъ съ тѣмъ райономъ культуры хлопка, отдаленность и изолированность котораго отъ общей сѣти дорогъ невыгодно отражается на развитіи этой культуры и снабженія хлопкомъ нашихъ фабрично-заводскихъ районовъ. Пользуясь имѣющейся уже Мургабской вѣткой, Россія, при наличности необходимаго соединенія Закаспійской

желѣзной дороги съ центромъ, сразу разрѣшаетъ тѣ великія проблемы, надъ которыми трудилось столько народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это же дастъ возможность созданія для всей Европы дѣйствительно кратчайшаго непрерывнаго сухопутнаго транзита, который въ сферѣ желѣзнодорожнаго строительства даетъ неисчислимыя выгоды и самой Англіи, избавляя ее отъ необходимости прокладывать въ направленіи Персидскаго залива отъ запада громадный рельсовый путь, трассируемый по необслѣдованной мѣстности и сопряженный съ значительными денежными затратами».

Конечно, одно будущее покажетъ, въ какой мѣрѣ основательны надежды Б. Г. на мирный исходъ борьбы Англіи съ Россіей на востокѣ, благодаря осуществленію его рельсовой программы; но несомнѣнно, что логика событій и духъ времени сильно говорятъ въ пользу его предсказаній о культурномъ согласіи двухъ первостепенныхъ державъ на рубежѣ Индіи и конца бойкотированія Россіи англичанами съ проведеніемъ Волга-Хива-Бухарской желѣзной дороги. Проектируя ее, Б. Г. резюмируетъ основныя ея задачи и выгоды слѣдующими словами: дорога эта «1) тѣсно свяжетъ отдаленныя среднеазіатскія окраины съ центромъ Россіи непрерывнымъ рельсовымъ путемъ въ кратчайшемъ направленіи. 2) Дастъ возможность развить въ среднеазіатскихъ нашихъ владѣніяхъ культуры цѣнныхъ земледѣльческихъ растеній—хлопка, шелка и риса и продуктовъ садоводства, а также снабжать эти владѣнія и сопредѣльныя съ ними области продукдами центральной фабрично-заводской промышленности. 3) Поможетъ снабженію края русскимъ хлѣбомъ, благодаря чему освободятся земли, нынѣ занятыя подъ культуру продовольственныхъ хлѣбовъ, для воздѣлыванія болѣе цѣнныхъ растеній и особенно хлопка. 4) Облегчитъ колонизаціонныя задачи Россіи въ Средней Азіи, направляемой, какъ для заселенія туземныхъ городовъ, такъ и тѣхъ земледѣльческихъ районовъ, которые могутъ быть для того пригодны. 5) Упрочитъ наше политическое вліяніе въ Авганистанѣ и Персіи. 6) Поможетъ, на случай надобности, быстро передвинуть части войскъ южныхъ и восточныхъ округовъ Россіи къ южной границѣ среднеазіатскихъ владѣній, въ цѣляхъ укрѣпленія Кушки и окупаціи Герата. 7) Разрѣшитъ вопросъ о наиболѣе удобномъ и краткомъ индо-европейскомъ сухопутномъ транзитѣ, трассируемомъ въ значительной своей части по территоріи нашего отечества, чѣмъ достигается заключеніе съ Англіей прочнаго союза, въ интересахъ вѣчнаго мира и дружнаго совмѣстнаго культурнаго воздѣйствія на народы азіатскаго материка».

А. Фаресовъ.

ПАМЯТНИКИ И. И. НЕПЛЮЕВУ.

ВЪ ПРОШЛОЙ жизни отдаленнаго Оренбургскаго края, обширнаго и въ былое время пограничнаго, насчитывается немало людей обширнаго ума, замѣчательныхъ административныхъ, военныхъ и общественныхъ дѣятелей. Только о немногихъ изъ нихъ сохранило благодарную память потомство, и мѣстные біографы и историки посвятили свои досуги описанію и оцѣнкѣ ихъ плодотворной общественной дѣятельности. Лишь одному тамошнему администратору, первому губернатору оренбургскому (1744 — 1758) и организатору Оренбургской окраины, тайному совѣтнику Ивану Ивановичу Неплюеву, выпалъ счастливый жребій заслужить признательность послѣдующихъ поколѣній. Немало статей, очерковъ и замѣтокъ, посвященныхъ его памяти, разбросано въ періодическихъ изданіяхъ, даже составлена цѣлая пяти-томная монографія [1]) о немъ, а нынѣ полезная дѣятельность его оцѣнена съ высоты престола: «по ходатайству оренбургской городской думы, въ 31-й день декабря 1898 года, состоялось высочайшее разрѣшеніе на открытіе сбора добровольныхъ пожертвованій для сооруженія въ г. Оренбургѣ памятника Неплюеву, какъ организатору Оренбургскаго края».

Въ виду этого, намъ кажется нелишнимъ на страницахъ историческаго изданія сказать нѣсколько словъ по поводу этого предполагаемаго сооруженія, долженствующаго увѣковѣчить въ потомствѣ неувядаемую память о Неплюевѣ именно въ томъ городѣ, ко-

[1]) «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край» Витевскаго. По второму изданію три тома.

торый созданъ его трудами въ дикомъ дотого краѣ, посреди широкой степи, на рубежѣ непокорныхъ варварскихъ племенъ, чтобы быть всегда на стражѣ отъ дерзкаго вторженія кочевниковъ внутрь страны, управлять и руководить ими и, при случаѣ, заставлять ихъ повиноваться Россіи,—и который, благодаря этому, съ тѣхъ поръ получилъ названіе «столицы степей»,—а также попутно разсказать и о другихъ памятникахъ покойному, увы, неизвѣстныхъ не только его біографамъ, но даже многимъ жителямъ Оренбурга.

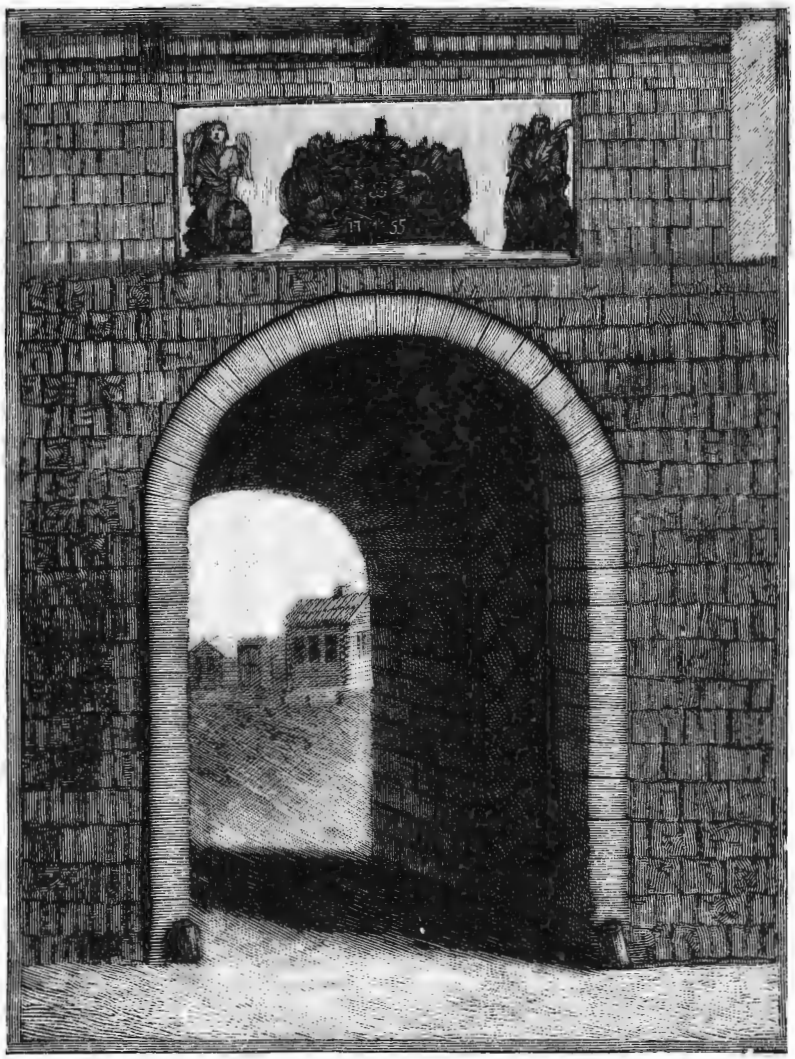
Всѣхъ сооруженій, исключительно посвященныхъ имени Неплюева и такъ или иначе напоминающихъ о его дѣятельности, въ степной столицѣ въ настоящее время насчитывается три. Первымъ по времени такимъ напоминаніемъ, воздвигнутымъ еще при жизни Неплюева, хотя до сей поры мало извѣстнымъ и почти всѣми позабытымъ, являются каменныя ворота, стоящія нынѣ въ концѣ Николаевской улицы (главной въ городѣ), противъ бывшаго генералъ-губернаторскаго дома [1]), между бульваромъ и оранжереей оренбургскаго отдѣла императорскаго общества садоводства, на правомъ нагорномъ берегу рѣки Урала, какъ разъ при спускѣ по нарочито устроенной каменной лѣстницѣ къ лѣтнему пѣшеходному мостику. Ворота эти, сложенныя изъ кирпича и окрашенныя бѣлой краской, имѣютъ 6 аршинъ ширины и $3^1/_2$ аршина вышины. Въ боковыхъ глухихъ калиткахъ ихъ (какъ указано на рисункѣ № 1), въ углубленіяхъ съ лицевой стороны, вставлены двѣ грубо обдѣланныя изъ бѣлаго камня статуи, изображающія ангеловъ съ щитами и пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. На верху, на перекладинѣ, между маленькими четырехскатными крышами, утверждены ребромъ три, соединенные вмѣстѣ позади желѣзными скобами, плоскіе бѣлые камни, изъ коихъ на двухъ боковыхъ видны различные предметы стариннаго вооруженія: знамена съ древками, ружья, сѣкиры, копья, ядра, топоры, барабаны, сигнальные рожки, литавры, трубы и заднія части орудій. На среднемъ, гораздо большемъ противъ двухъ первыхъ, высѣченъ увѣнчанный императорской короной россійскій государственный гербъ съ переплетенными въ срединѣ его иниціалами императрицы Елисаветы Петровны — «*Е. Р.*», а подъ низомъ его цифра «*1755*» годъ.

Памятникъ этотъ былъ присланъ государыней изъ Петербурга, въ видѣ награжденія Неплюеву за усмиреніе башкирскаго бунта 1755 года [2]), и тогда же, ради бо̀льшаго напоминанія туземцамъ объ этомъ печальномъ событіи, вышепоказанныя арматурныя украшенія были поставлены поверхъ (на карнизѣ) водяныхъ воротъ Оренбургской крѣпости, обращенныхъ лицомъ къ Уралу на корпусную сторону, по Яицкой (нынѣ Водяной) улицѣ, гдѣ украшенія

---

[1]) Нынѣ въ этомъ домѣ помѣщается казенная палата.

[2]) См. «Оренбургск. Губернск. Вѣдом.» 1890, № 29, стр. 5—6.

Памятникъ И. И. Неплюеву въ Оренбургѣ, въ прежнемъ видѣ.

были расположены на одной высотѣ: по срединѣ камни съ надписями, а по бокамъ ангелы (см. рис. № 2), что еще помнятъ многіе старожилы Оренбурга.

Въ 1862 году, 11-го іюня, послѣдовалъ указъ объ упраздненіи въ Оренбургѣ крѣпости, какъ уже утратившей свое значеніе. Лѣтомъ слѣдующаго года, при разрушеніи крѣпостнаго вала, памятникъ этотъ былъ снятъ съ водяныхъ воротъ и долгое время валялся въ

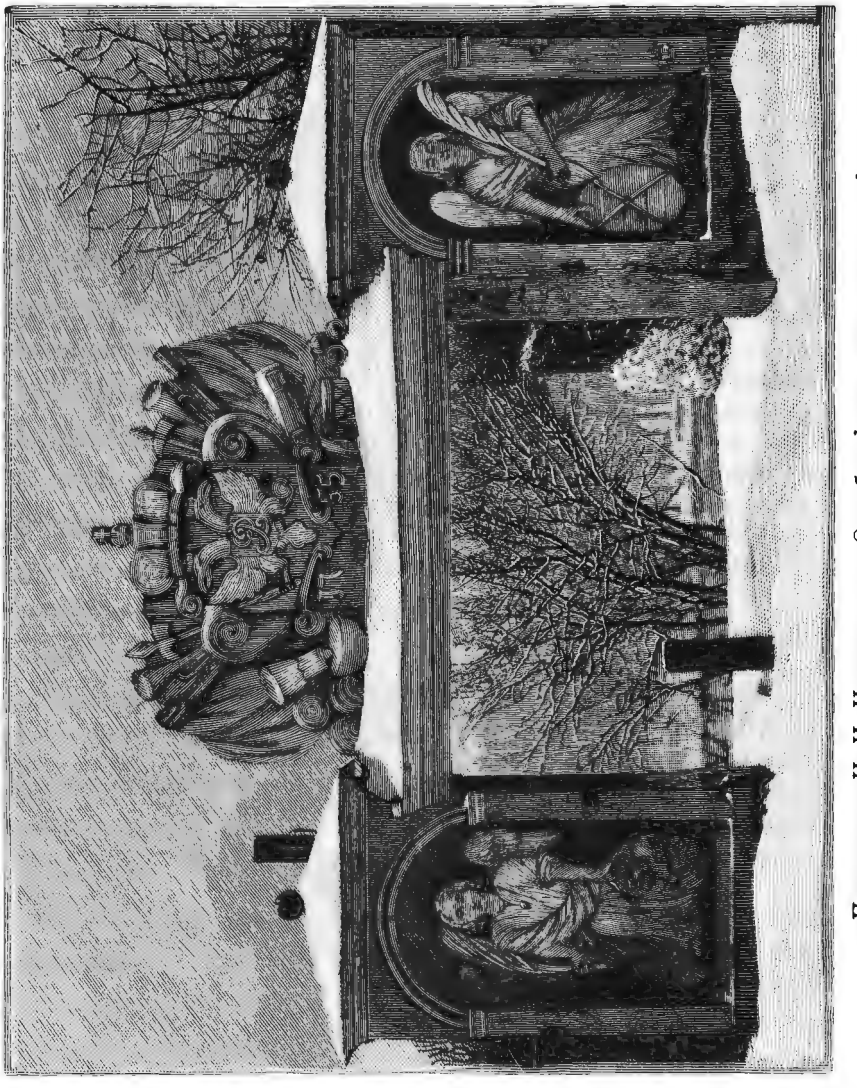
запустѣніи. Лишь съ пріѣздомъ въ 1864 году въ Оренбургъ новаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Н. А. Крыжановскаго, ангелы и арматурныя украшенія были снова вынесены на свѣтъ Божій изъ сараевъ интендантскихъ складовъ и пристроены къ воротамъ собственной его оранжереи, перешедшей потомъ къ оренбургскому отдѣлу императорскаго общества садоводства [1]).

Вторымъ памятникомъ Неплюеву служитъ кадетскій корпусъ его имени, открытый въ 1824 году, по иниціативѣ императора Александра I, на средства мѣстныхъ дворянъ и получившій съ высочайшаго соизволенія названіе «Неплюевскаго». До 1844 года корпусъ этотъ именовался военнымъ училищемъ, потомъ (до 1867 г.) корпусомъ, военной гимназіей (до 1882 года) и, наконецъ, вновь кадетскимъ корпусомъ, коему въ текущемъ году, 4-го августа,

---

[1]) В. Н. Витевскій въ своей монографіи — «Неплюевъ и Оренбургскій край» (вып. II, стр. 188), увѣряетъ, что «водяныя ворота сохранились до сихъ поръ и находятся къ пѣшеходному мосту черезъ Уралъ на Бухарскую (sic) сторону», а о сооруженіи этого памятника не обмолвился ни единымъ словомъ. Очевидно, онъ даже не подозрѣвалъ о его существованіи такъ же, кстати сказать, какъ не зналъ о существованіи многихъ документовъ къ біографіи Неплюева, хранящихся въ архивахъ Тургайскомъ (хотя данными послѣдняго онъ и пользовался), Уфимскомъ и Оренбургскомъ (центральномъ). Монографія его есть сплошное восхваленіе Неплюева и совсѣмъ не касается отрицательныхъ сторонъ его дѣятельности, какъ будто онъ не имѣлъ никакихъ слабостей и недостатковъ. Въ рецензіи нашей (въ № 474 «Камско-Волжскаго края» за 1897 годъ) мы указали ему недостатки его книги, перечисливъ нѣкоторыя весьма существенныя ошибки Неплюева: 1) основаніе Оренбурга на нынѣшнемъ мѣстѣ—въ голой степи, не защищенномъ никакими естественными преградами и не имѣвшемъ никакихъ выгодъ и преимуществъ ни въ стратегическомъ, ни въ тактическомъ, ни въ экономическомъ, ни въ торгово-промышленномъ отношеніяхъ; 2) переселеніе въ Оренбургскій сплошь инородческій край въ 1744—1745 годахъ Кундровскихъ (Астраханской губерніи) и Казанскихъ татаръ, когда требовалось обрусить пограничныя провинціи, о чемъ заботились предшественники Неплюева, т. е. Татищевъ и князь Урусовъ; 3) неумѣлое управленіе киргизами и, наконецъ, 4) неправильная организація и устройство казачьихъ войскъ, особенно Оренбургскаго, заставившія впослѣдствіи (до 1844 года) снова переселять казаковъ съ одного мѣста на другое. Кромѣ того, мы опровергли невѣрныя данныя монографіи о первомъ появленіи въ 1584 году казаковъ на Яикѣ и ихъ подданствѣ Россіи во времена Михаила Ѳеодоровича, когда уже въ 1580 году казаки эти разгромили столицу ногайскаго хана Сарайчикъ (на Яикѣ) и въ 1591 году ходили по приказу царскому противъ Шамхала Тарковскаго. Указаны были спутанныя даты о построеніи гг. Уфы, Бирска, Мензелинска и Оренбурга, невѣрныя свѣдѣнія о раздѣленіи киргизскихъ родовъ, сборѣ съ киргизовъ ясака до 1736 года, о посылкѣ въ степь перваго торговаго каравана въ 1738 году, когда такой караванъ былъ отправленъ еще въ 1734 году, о возникновеніи въ Оренбургѣ Неплюевскаго училища и т. д., подтверждая наши доводы неизвѣстными автору монографіи архивными документами. Но противъ всякаго ожиданія, вмѣсто того, чтобы быть благодарнымъ за наши указанія, г. Витевскій выступилъ противъ насъ (въ № 503 «Камско-Волжскаго Края») съ рѣзкимъ отвѣтомъ и при вторичномъ изданіи своей монографіи нисколько не позаботился исправить допущенныя ошибки. А между тѣмъ самъ сѣтуетъ (въ предисловіи къ 2 вып. 1890 года), что мѣстная (т. е. казанская) печать «и словомъ не обмолвилась» о его трудѣ.

исполнится 75 лѣтъ существованія. Сначала, до перевода въ 1872 году въ нынѣшнее громадное каменное четырехъ-этажное зданіе на Каравансарайской площади, училище это помѣщалось въ домахъ, занимаемыхъ теперь женскими гимназіей и прогимназіей, на

Памятникъ И. И. Неплюеву въ Оренбургѣ, въ настоящемъ видѣ.

углу Введенской и Петропавловской улицъ и, поэтому съ того же времени послѣдняя улица была переименована въ «Неплюевскую», сохранивъ свое названіе и по сію пору, служа такимъ образомъ третьимъ напоминаніемъ о бывшемъ первомъ оренбургскомъ губернаторѣ.

Наконецъ, четвертымъ грандіознымъ монументомъ въ честь покойнаго воздвигнутъ въ Оренбургѣ на Сакмарской площади [1]) новый каѳедральный соборъ во имя Казанской иконы Божьей Матери, заложенный 8-го сентября 1886 года и оконченный постройкой вчернѣ въ 1895 году [2]).

Предполагаемый нынѣ къ сооруженію новый памятникъ Неплюеву будетъ такимъ образомъ по счету пятымъ о немъ напоминаніемъ.

Мысль о сооруженіи его впервые возникла среди горожанъ въ 1893 году, во время празднованія 5-го ноября 200-лѣтія со дня рожденія Ивана Ивановича [3]), но недостатокъ средствъ въ городской кассѣ заставилъ отложить на время задуманное предпріятіе. Теперь же, можетъ быть, не далеко то время, когда Оренбургъ украсится новымъ капитальнымъ сооруженіемъ.

Смотря по собраннымъ средствамъ, до болѣе детальной разработки памятника, оренбургская дума пока остановилась на такомъ интересномъ проектѣ.

На каменномъ постаментѣ возвышается пирамидальной формы гранитная четырехгранная колонна съ бронзовымъ бюстомъ покойнаго на вершинѣ ея. Со всѣхъ сторонъ колонны врѣзываются чугунныя доски съ изображеніями важнѣйшихъ моментовъ его жизни и дѣятельности и съ соотвѣтствующими подъ ними надписями. Такъ, напримѣръ, на лицевой сторонѣ будетъ красоваться гербъ дворянъ Неплюевыхъ съ надписью о томъ, когда онъ имъ пожалованъ, и біографическими датами о рожденіи, смерти и времени управленія краемъ Ивана Ивановича. На противоположной сторонѣ — гербъ г. Оренбурга и дата о днѣ его основанія на нынѣшнемъ мѣстѣ. Наконецъ, на двухъ другихъ сторонахъ вставляются рисунки вышепоказаннаго памятника усмиренія башкирскаго бунта 1755 года въ прежнемъ и настоящемъ видахъ.

Памятникъ предполагается поставить среди цвѣточной куртины такъ называемаго новаго садика, лицомъ къ Неплюевскому кадетскому корпусу такъ, чтобы на Каравансарайской площади были сосредоточены всѣ сооруженія, о немъ напоминающія.

Къ сожалѣнію, опять остаются почти забытыми гдѣ-то въ глуши пожалованныя Неплюеву арматурныя украшенія 1755 года. Вотъ ихъ-то, по нашему мнѣнію, и слѣдовало бы скорѣе всего перенести

---

[1]) Служащей продолженіемъ площади Каравансарайской.

[2]) Хотя въ главномъ придѣлѣ производится служба, но соборъ еще не отдѣланъ ни внутри (живописью), ни снаружи, на что, какъ говорятъ, потребуется еще свыше 160 тысячъ рублей, помимо уже затраченныхъ 350 тыс. руб.

[3]) Ив. Ив. Неплюевъ родился 5-го ноября 1693 года, умеръ 11-го ноября 1773 года. Управлялъ краемъ сначала командиромъ Оренбургской комиссіи (съ 1742 года), а потомъ оренбургскимъ губернаторомъ (съ 1744 года) до 1758 года.

на показанную площадь и уставить въ воротахъ новаго садика противъ корпуса въ томъ же самомъ видѣ, какъ они стояли раньше на водяныхъ воротахъ Оренбургской крѣпости, устроивъ для нихъ точно такія же ворота. И тогда можно было бы вполнѣ сказать, что всѣ памятники Неплюеву сосредоточатся на Каравансарайской площади, замѣнивъ кстати и татарское названіе послѣдней болѣе приличествующимъ названіемъ «Неплюевская площадь».

П. Юдинъ.

ДОМЪ МАРИНЫ МНИШЕКЪ ВЪ КАЛУГѢ.

ПОСЛѢ трагической смерти Димитрія I, именуемаго самозванцемъ, 17-го мая 1606 года, въ Москвѣ, несчастная жена его, царица Марина Юрьевна, по волѣ судьбы, должна была испытать всѣ превратности послѣдней. Исторія Марины не менѣе трагична, чѣмъ исторія ея мужа. «Если кѣмъ на свѣтѣ играла судьба,—писала Марина королю Сигизмунду III, 15 января 1609 года,—то, конечно, мною!» И дѣйствительно, интеллигентная, красивая собою, умная женщина достигаетъ рѣдкаго счастія. Жребій возводитъ ее на тронъ московскій. Но счастіе продолжается недолго. Тотъ же жребій низвергаетъ ее съ трона, дѣлаетъ игрушкою въ рукахъ грубыхъ авантюристовъ, заставляя при этомъ испытывать всевозможныя лишенія и оскорбленія, пока, наконецъ, не приводитъ въ тѣсную тюрьму московскую, въ которой и кончаетъ свои дни блестящая нѣкогда царица, отъ болѣзни и «съ тоски по своей волѣ», какъ выражаются наши хронографы.

Убитая горемъ о погибшемъ «лютою» смертью мужѣ, брошенная роднымъ отцомъ на произволъ судьбы, оставленная Сигизмундомъ III, словомъ, не видя ни въ комъ къ себѣ сочувствія, безпомощная молодая царица-вдова, помимо уже всякихъ эгоистическихъ соображеній, въ которыхъ ее обыкновенно укоряютъ историки, volens-nolens должна была примкнуть къ тому, который называлъ себя спасшимся отъ смерти мужемъ ея—царемъ Димитріемъ, и котораго историки называютъ «Лжедимитріемъ II», «Тушинскимъ воромъ» и «царикомъ» [1]). Исторія знаетъ, насколько было выгодно для этого

[1]) Что это была за личность,—исторія еще не знаетъ (да и узнаетъ ли?).—Г. В.

«царика» имѣть при себѣ Марину. Съ самаго момента похищенія ея подъ деревнею Любеницами онъ старался не разлучаться съ нею. И только сознаніе страшной опасности заставило его, одного, бѣжать изъ Тушина въ Калугу (29 декабря 1609 г.). Но существуетъ извѣстіе, что и это онъ сдѣлалъ съ вѣдома Марины [1]). Не сладка была жизнь Марины Юрьевны въ Тушинѣ послѣ бѣгства мужа, хотя, можетъ быть, и неособенно милаго... Она рвалась въ Калугу. Въ концѣ концовъ, послѣ бурной сцены съ Яномъ Сапѣгою, отговаривавшимъ ее отъ поѣздки въ Калугу, она, переодѣвшись въ мужской польскій кафтанъ, вооружившись на всякій случай, пустилась въ путь и, наконецъ, достигла благополучно Калуги. Это было во второй половинѣ февраля 1610 года. Въ Калугѣ «царикъ», или «Тушинскій воръ», съ преданными ему людьми, оставался до самой своей смерти [2]). Устроился онъ недурно. Карамзинъ говоритъ, что Лжедимитрій II занималъ лучшій домъ въ городѣ [3]), а Костомаровъ пишетъ, что самозванецъ съ Мариною поселился сначала въ монастырѣ, а потомъ въ построенномъ для него особомъ дворцѣ [4]).

До настоящаго времени въ одной изъ глухихъ калужскихъ улицъ (Проломной), за Березуйскимъ оврагомъ, вблизи рѣки Оки, показываютъ древній каменный домъ красивой архитектуры XVII столѣтія, вполнѣ подходящій къ типу дворцовъ той эпохи. У простого народа онъ извѣстенъ подъ именемъ Маринушкина дома. И это названіе такъ за нимъ укрѣпилось, что въ семидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія одна изъ его хозяекъ звалась по дому «Маринушкой», хотя имя ея было вовсе не Марина. Точныхъ свѣдѣній о времени сооруженія историческаго дома не имѣется. Собственно документальная его исторія начинается съ конца XVII столѣтія. Изъ сохранившейся раздѣльной записи 1697 года видно, что домъ этотъ принадлежалъ роду Коробовыхъ. Коробовы были мѣщане, занимавшіеся торговлею. А какъ онъ имъ достался, не извѣстно. Фамилія Коробовыхъ пресѣклась въ мужскомъ колѣнѣ

---

[1]) Martinus Bäer. Chronicon.—Г. В.

[2]) Т. е. около 8—9 мѣсяцевъ, не считая, разумѣется, времени, употребленнаго имъ на походъ къ Москвѣ, лѣтомъ 1610 г. Здѣсь онъ былъ убитъ на охотѣ однимъ татарскимъ княземъ. До сихъ поръ въ одномъ изъ заброшенныхъ калужскихъ овраговъ, гдѣ-то за бойнею, преданіе указываетъ могилу этой загадочной исторической личности.—Г. В.

[3]) «Ист. госуд. Росс.», т. XII, изд. Эйнерлинга, стр. 113. Г. В.

[4]) «Русс. ист. въ жизнеописаніяхъ», т. I, Спб., 1880, стр. 673.

Извѣстный знатокъ калужской старины, пок. архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ), въ 1847 г. писалъ, что «домъ этотъ и донынѣ существуетъ въ Калугѣ безъ перемѣнъ своего внутренняго расположенія» («Историческое описаніе Козельской Введенской Оптиной пустыни», изд. 1-е). Впрочемъ, историкъ признавалъ «этотъ домъ» за домъ воеводы Скотницкаго. Любопытно еще одно замѣчаніе о. Леонида, будто тогдашній владѣлецъ дома, т. е. Коробовъ, «имѣетъ у себя бумаги самозванца».—Г. В.

въ 1870 году, и домъ перешелъ, по наслѣдству, къ мѣщанкѣ Лабахиной [1]).

Домъ Марины Мнишекъ двухъэтажный. Нижній этажъ значительно вошелъ въ землю. Лѣтъ двадцать тому назадъ онъ привлекалъ вниманіе любопытныхъ своими тайниками и подземными ходами. Одинъ изъ подземныхъ ходовъ, въ 70-хъ годахъ, представлялъ своею длиною цѣлую улицу. Тутъ были слѣды конюшенъ, а изъ конюшенъ выходъ въ оврагъ. Обращали на себя вниманіе крѣпкія чугунныя двери и могучіе запоры. Интересна была то же одна комната, безъ оконъ и дверей, въ которую входъ былъ съ чердака, около печной трубы, а выходъ въ подземелье. Очевидно, «царикъ», устраивая всѣ эти хитрости во дворцѣ, имѣлъ въ виду воспользоваться ими на случай измѣны или внезапнаго нападенія. Отъ красиваго каменнаго крыльца, по серединѣ фронтона, которое вело во 2-й этажъ, въ 1874 году оставались только слѣды. Видѣвшій тогда «Маринушкинъ домъ» архитекторъ гр. де-Рошфоръ описалъ его въ журналѣ «Зодчій» [2]). Можно было ужаснуться тому состоянію, въ какомъ онъ его нашелъ... А состояніе это годъ отъ году все болѣе и болѣе ухудшалось. Въ половинѣ 70-хъ годовъ не оставалось уже ни печей [3]), ни половъ, ни оконныхъ рамъ, а въ одной изъ комнатъ нижняго этажа сваливались даже нечистоты...

Отъ Лабахиной историческій домъ пріобрѣла вдова бывшаго военнаго министра И. О. Сухозанетъ. Г-жа Сухозанетъ подарила «Маринушкинъ домъ» калужскому губернскому дворянству. Послѣднее его реставрировало, впрочемъ, довольно поверхностно и даже, какъ намъ пишутъ, съ совершеннымъ измѣненіемъ внутренняго плана зданія [4])... Теперь въ немъ помѣщаются мѣстная архивная комиссія и историческій музей [5]).

---

[1]) Послѣдній изъ Коробовыхъ, Иванъ Ивановичъ, умеръ въ апрѣлѣ 1870 г. Его нашли мертвымъ, одѣтаго въ шубу и почти разложившагося совсѣмъ. Тогда же открыли большіе сундуки со старинной утварью и платьемъ. Были тутъ и дорогіе парчевые сарафаны и кокошники, низанные жемчугомъ, но они до того были ветхи, что, по разсказамъ, отъ одного прикосновенія къ нимъ разлетались въ прахъ...—Г. В.

[2]) «Зодчій», 1874 г., №№ 1—3. Тамъ же проектъ гр. де-Рошфора тщательной реставраціи дворца. Къ сожалѣнію, проектъ этотъ остался невыполненнымъ. Видъ дворца въ то время, вмѣстѣ съ проектомъ реставраціи его, помѣщены также въ сборникѣ «Древ. и Нов. Россія» за 1876 г. (т. I, ст. Н. А. Гильтебрандта, «Домъ Коробовыхъ въ Калугѣ»).—Г. В.

[3]) А что были, по разсказамъ очевидцевъ, за чудныя кафли этихъ печей!.. Ихъ безжалостно выломали и продали. Говорили тогда, что кто-то пріобрѣлъ ихъ за хорошую цѣну.—Г. В.

[4]) Къ счастію, наружный видъ не подвергся существеннымъ измѣненіямъ: крыльцо, какъ видно на рисункѣ, возстановлено отчасти, да крыша надъ зданіемъ современная.—Г. В.

[5]) Послѣдній открытъ въ текущемъ году, 20 апрѣля («Правительств. Вѣстн.» 1897 г., № 92).—Г. В.

Домъ Марины Мнишекъ въ Калугѣ.

Позволяемъ себѣ надѣяться, что калужское общество и, въ частности, дворянство оправдаютъ надежду предсѣдателя императорскаго московскаго археологическаго общества, графини П. С. Уваровой, сумѣютъ въ дальнѣйшемъ «сохранить этотъ домъ безъ всякихъ уродующихъ реставрацій» [1]).

Г. А. Воробьевъ.

---

[1]) «Калужскій Вѣстникъ», 1896 г., № 67.—Г. В.

ЧТО ГОВОРИЛЪ НАПОЛЕОНЪ НА ОСТРОВѢ СВ. ЕЛЕНЫ [1].

ЪЪ ОБШИРНОЙ и ежедневно разростающейся наполеоновской литературѣ особый интересъ возбуждаютъ воспоминанія о пребываніи знаменитаго узника на островѣ св. Елены. Съ одной стороны они рисуютъ трагическую картину послѣднихъ дней грознаго повелителя всего свѣта, а съ другой — знакомятъ съ его откровенно высказанными мнѣніями о всевозможныхъ вопросахъ, что̀ даетъ богатый матеріалъ для психологической, исторической и философской оцѣнки величайшей личности истекающаго столѣтія. Вотъ почему мемуары и записки Ласъ-Казаса, Монтолона, Анто Марка, Омеары, Гудсинало, маркиза Маншеню, барона Штюрмера, Бальмэна, Бетси Балькамъ и многихъ другихъ читаются до сихъ поръ съ живѣйшимъ интересомъ. Въ послѣднее время къ нимъ присоединились воспоминанія графини Монтолонъ, напечатанныя въ «Carnet historique et litteraire» за 1878 годъ и «Дневникъ генерала Гурго», а газеты обѣщаютъ скорое появленіе въ свѣтъ мемуаровъ адмирала Малькольма. Но самый замѣчательный изъ этихъ новыхъ вкладовъ въ наполеоновскую литературу, конечно, дневникъ Гурго, веденный на островѣ св. Елены отъ 1815 г. по 1818 г. и который нельзя не поставить по историческому значенію рядомъ съ трудами Ласъ-Казаса и Монтолона. Впрочемъ, иначе и не могло быть, такъ какъ Гурго вмѣстѣ съ Ласъ-Казасомъ, Монтолономъ и Бертраномъ были един-

[1] General baron Gourgaud. Sainte Helène, journal inedit de 1815 à 1818, avec preface et notes de Antoine Guillois et le vicomte de Grouchy. 2 vol. Paris. 1899.

ственными товарищами узника св. Елены, который дѣлилъ съ ними всѣ свои мысли, надежды и печали. Бертранъ никогда ничего не писалъ, а потому дневникъ Гурго, о существованіи котораго давно уже извѣстно, необходимое добавленіе къ книгамъ Ласъ-Казаса и Монтолона. Въ настоящее время, наконецъ, семья Гурго поручила изданіе этого любопытнаго историческаго матеріала двумъ молодымъ французскимъ историкамъ: виконту Груши и Антуану Гилльуа, которые добросовѣстно исполнили свою задачу, снабдивъ «Дневникъ», занявшій два большихъ тома, примѣчаніями и предисловіемъ, въ которомъ они сообщаютъ біографическія свѣдѣнія объ его авторѣ.

Гаспаръ Гурго, сынъ музыканта королевской капеллы, родился въ Версалѣ въ 1783 году и воспитывался прежде въ политехнической школѣ, а потомъ въ артиллерійскомъ училищѣ. Поступивъ на дѣйствительную военную службу поручикомъ пѣшей артиллеріи, онъ съ 1804 года участвовалъ во всѣхъ наполеоновскихъ кампаніяхъ, былъ раненъ при Аустерлицѣ, отличился въ битвахъ іенской, фридландской, ваграмской, а въ 1811 году послѣ испанской экспедиціи назначенъ ординарцемъ при Наполеонѣ. Въ этомъ качествѣ онъ сопровождалъ императора въ походахъ 1812—13—14 годовъ. Раненый подъ Смоленскомъ, Гурго первый вошелъ въ Кремль и уничтожилъ мину, благодаря которой долженъ былъ взлетѣть на воздухъ Наполеонъ со всей своей гвардіей. За этотъ подвигъ онъ произведенъ въ бароны. Подъ Бріеномъ онъ уже вторично и буквально спасъ жизнь Наполеона, убивъ изъ пистолета казака, который готовился пронзить его своей пикой, за что Наполеонъ подарилъ ему саблю, которая была на немъ во время первыхъ его побѣдъ при Лоди, Монтеноти и Риволи. Снова раненный въ сраженіи подъ Монмиралемъ и произведенный въ полковники, Гурго, хотя остался въ рядахъ арміи послѣ отреченія Наполеона и удаленія его на островъ Эльбы, но во время Ста Дней снова присоединился къ нему. Произведенный въ генералы и въ адъютанты императора, онъ сопровождалъ его въ несчастной кампаніи, окончившейся битвой подъ Ватерлоо, а затѣмъ на островъ св. Елены, въ числѣ немногихъ приближенныхъ ему лицъ, которыя остались вѣрными Наполеону въ печальные дни его заточенія. Однако, несмотря на всю свою любовь къ Наполеону, которому онъ пожертвовалъ своею молодостью и блестящей карьерой, Гурго не долго выдержалъ лишенія и мелкія непріятности мрачной, унылой жизни въ Лонгвудѣ. Спустя два года и четыре мѣсяца, онъ съ разрѣшенія Наполеона и англійскаго начальства вернулся въ Европу. Опасаясь правительства Людовика XVIII, яростно преслѣдовавшаго приверженцевъ Наполеона, онъ провелъ три года въ Англіи и въ Гамбургѣ. Въ это время онъ написалъ письма къ императорамъ русскому и австрійскому, къ императрицѣ Маріи-Луизѣ и къ принцу Евгенію, рисуя печальную картину положенія Наполеона на св. Еленѣ и жалобно умолялъ ихъ

принять мѣры къ спасенію несчастнаго узника, который быстрыми шагами шелъ къ смерти. Неизвѣстно, почему его планъ поступленія на русскую военную службу не состоялся, и только въ 1821 г. французское правительство разрѣшило ему вернуться во Францію, гдѣ вскорѣ онъ женился на дочери графа Редерера и предался всецѣло защитѣ перомъ Наполеона, умершаго въ томъ же году. Вмѣстѣ съ генераломъ Монтолономъ онъ написалъ «Memoires pour servir à l'histoire de la France sous Napoleon» (Матеріалы для исторіи Франціи при Наполеонѣ) въ восьми томахъ, а одинъ напечаталъ критическій разборъ «Исторіи великой арміи 1812 года»—Сегюра, за что былъ вызванъ на дуэль авторомъ этой книги. Дуэль окончилась серьезной раной Сегюра, а затѣмъ Гурго написалъ еще болѣе рѣзкій отвѣтъ на «Жизнь Наполеона» Вальтеръ-Скотта. Знаменитый романистъ не только отвѣчалъ на эту критику клеветей, состоящей въ томъ, что будто бы Гурго измѣнилъ Наполеону на св. Еленѣ и выдалъ англійскому начальству его планъ бѣгства, но и добился запрещенія французскимъ правительствомъ Гурго печатно доказать всю нелѣпость взведеннаго на него обвиненія. Послѣ восшествія на престолъ Людовика-Филиппа, Гурго снова вступилъ въ военную службу и былъ назначенъ адъютантомъ къ королю, а потомъ генералъ-инспекторомъ артиллеріи, пэромъ и членомъ палаты. Въ 1840 году онъ принялъ участіе въ экспедиціи, посланной на св. Елену за останками императора и въ церемоніи ихъ перенесенія въ Домъ Инвалидовъ. Во время второй республики Гурго былъ начальникомъ перваго легіона національной гвардіи и членомъ законодательнаго собранія, и 25 іюля 1852 г. онъ умеръ въ Парижѣ.

Спустя сорокъ семь лѣтъ послѣ смерти барона Гурго, наконецъ, появляется въ свѣтъ его дневникъ, веденный на св. Еленѣ, и эту долговременную отсрочку обнародованія драгоцѣннаго историческаго матеріала можно только объяснить тѣмъ, что его родственники не желали измѣнять что либо въ подлинникѣ «Дневника», а съ другой стороны боялись скомпрометировать почтеннаго генерала нѣкоторыми страницами «Дневника», выставляющими его не въ очень лестныхъ краскахъ, хотя они только доказываютъ его полное безпристрастіе Только теперь Груши и Гилльуа удалось добиться разрѣшенія напечатать дневникъ безъ всякихъ измѣненій, но, конечно, они взяли на себя обязанность въ предисловіи объяснить къ чести Гурго все, что могло бы въ этомъ дневникѣ набросить тѣнь на его память. Все дѣло заключается въ томъ, что Гурго отличался тяжелымъ характеромъ, болѣзненнымъ самолюбіемъ, солдатской прямотой и откровенной рѣчью, доходившей до грубой рѣзкости, благодаря чему онъ имѣлъ постоянныя непріятности не только со своими товарищами по изгнанію, но даже и съ самимъ Наполеономъ. Эти качества Гурго подтверждаются всѣми, кто его зналъ: такъ Гудсонъ-Ло, пресловутый тюремщикъ Наполеона, говоритъ о немъ: «Генералъ

Гурго имѣетъ привычку выражать свои мысли съ большей независимостью, чѣмъ всѣ лица, окружающія генерала Бонапарта». По словамъ австрійскаго комиссара на св. Еленѣ Штюрмера: «Гурго храбрый и достойный генералъ, но плохой царедворецъ», а русскій комиссаръ Бальмэнъ рисуетъ слѣдующимъ образомъ его портретъ: «Это блестящій, храбрый авантюристъ съ примѣсью фанфарона; онъ не вмѣшивается въ интриги, но самонадѣянный фатъ, любящій кричать и не умѣющій себя ни въ чемъ сдерживать». Самъ Наполеонъ говорилъ о немъ: «Это мой первый ординарецъ, онъ мое созданіе, онъ мой ребенокъ. Онъ любитъ меня до того, что ревнуетъ ко всѣмъ». Если принять въ соображеніе всѣ эти характеристическія черты Гурго, то легко понять, что, очутившись въ 32 года въ уныломъ, мрачномъ одиночествѣ на св. Еленѣ, гдѣ его товарищи Бертранъ и Монтолонъ были съ женами, а Ласъ-Казасъ съ сыномъ, онъ поддавался нервному раздраженію, обижался отъ всякихъ мелочей, ссорился съ товарищами до такой степени, что вызвалъ на дуэль Монтолона и не хотѣлъ переносить всѣхъ выходокъ Наполеона, который всегда грубо обращался со своими приближенными, а на св. Еленѣ, конечно, былъ нестерпимѣе, чѣмъ когда либо. Все это естественно вызывало безконечныя пререкательства и сцены, которыя при постоянныхъ непріятностяхъ отъ англійскихъ властей и скучной однообразной жизни въ Лонгвудѣ принимали такой драматическій характеръ, что въ концѣ концовъ вызвали удаленіе Гурго съ острова св. Елены.

Напрасно издатели его дневника стараются доказать, что всѣ скандалы, въ которыхъ участвовалъ Гурго и которые прямо или косвенно описаны имъ изо дня въ день, были, если не вполнѣ вымышлены, то нерѣдко преувеличены для того, чтобы найти предлогъ въ глазахъ англичанъ для отправки Гурго въ Европу съ политическимъ порученіемъ отъ Наполеона. Правда и Бальмэнъ упоминаетъ, что на св. Еленѣ считали ссору Гурго комедіей, прикрывающей тайную отправку наполеоновскаго агента въ Европу, но однако онъ прибавляетъ: «я этому не вѣрю». Конечно, существуетъ письмо Монтолона, который послѣ отъѣзда Гурго изъ Лонгвуда и во время его еще пребыванія на св. Еленѣ писалъ своему врагу въ очень любезныхъ выраженіяхъ, что императоръ боится, не слишкомъ ли онъ переигрываетъ свою роль, такъ какъ необходимо быть очень хитрымъ и осторожнымъ. Но эти слова нисколько не доказываютъ, что ссоры Гурго въ Лонгвудѣ были комедіей, а просто объясняются тѣмъ, что Наполеонъ и Монтолонъ желали, чтобы даже непріятный имъ человѣкъ, но все-таки товарищъ ихъ изгнанія, уѣхалъ безъ всякаго скандала, а потому совѣтовали ему вести себя хитро и осторожно. Наконецъ, если послѣ возвращенія Монтолона съ его женой въ Европу Гурго находился съ ними въ дружбѣ и, описывая свою вторую поѣздку на св. Елену за останками Напо-

леона, говоритъ: «На этотъ разъ я высадился на этомъ островѣ не съ отчаяніемъ въ сердцѣ, а радостно, съ цѣлью исполнить послѣднее мое обѣщаніе императору, именно освободить его изъ тюрьмы», то эти факты нисколько не подтверждаютъ вымышленности ссоръ Гурго въ Лонгвудѣ и отправки его Наполеономъ въ Европу съ тайнымъ порученіемъ. Нечего и говорить, что нельзя видѣть, какъ полагаютъ Груши и Гилльуа, исполненія этого порученія въ письмахъ Гурго къ императорамъ австрійскому и русскому, благодаря которымъ были посланы на св. Елену два патера и докторъ Антомерки, которые своимъ присутствіемъ, будто бы, усладили послѣдніе дни Наполеона. Если бы дѣйствительно Гурго былъ посланъ въ Европу при такой ловкой и хитрой обстановкѣ, обусловливающей болѣе чѣмъ двухлѣтнее веденіе ложнаго дневника, то, конечно, порученіе, данное ему, имѣло бы болѣе серьезный характеръ, чѣмъ посылку на св. Елену двухъ патеровъ и доктора, а какъ извѣстно Гурго ограничилъ свою дѣятельность въ пользу Наполеона писаніемъ писемъ къ двумъ императорамъ и не принималъ никакого участія въ бонапартистскихъ заговорахъ того времени. Наконецъ, трудно повѣрить, чтобы онъ не нашелъ нужнымъ оправдать себя въ веденіи ложнаго дневника, который, онъ зналъ, рано или поздно, будетъ напечатанъ, или исправить этотъ дневникъ относительно завѣдомо записанныхъ въ немъ неточностей примѣчаніемъ, выясняющимъ все дѣло.

Такимъ образомъ, всего правильнѣе признать дневникъ Гурго за вѣрный и замѣчательно безпристрастный разсказъ о томъ, что дѣйствительно происходило на островѣ св. Елены въ то время, которое онъ провелъ тамъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ. Это тѣмъ болѣе представляется основательнымъ, что, по другимъ имѣющимся свѣдѣніямъ, дѣйствительно окружавшія Наполеона лица на островѣ св. Еленѣ постоянно пререкались и ссорились, а самъ Наполеонъ далеко не держалъ себя такимъ героемъ, какимъ его рисуютъ легенды, а въ мелочахъ ежедневной жизни отравлялъ существованіе преданныхъ ему лицъ. Наконецъ, та часть дневника Гурго, которая рисуетъ неблаговидную картину мелочныхъ дрязговъ Лонгвудской жизни, въ сущности мало интересна и не представляетъ ничего новаго, такъ какъ эта картина уже давно извѣстна, благодаря другимъ историческимъ матеріаламъ. Что же касается до бесѣдъ Наполеона, передаваемыхъ генераломъ Гурго и составляющихъ всю суть его дневника, то нѣтъ основанія сомнѣваться въ ихъ достовѣрности, такъ какъ высказанныя въ нихъ мысли совершенно правдоподобны и въ духѣ Наполеона, а равно соотвѣтствуютъ ранѣе извѣстнымъ его взглядамъ и мѣстами даже повторяютъ то, что уже сообщили Ласъ-Казасъ и Монтолонъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Наполеонъ говорилъ при немъ много интереснаго, кромѣ того, Гурго еще писалъ подъ его диктовку замѣтки по артиллеріи и фортифи-

каціи, но онѣ отличаются такимъ техническимъ характеромъ, что издатели дневника вполнѣ правильно поступили, не напечатавъ ихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ уже появились въ 1897 году въ «Revue d'artillerie» и «Revue du genie militaire».

Если мы перейдемъ теперь къ мыслямъ и мнѣніямъ Наполеона, оставивъ въ сторонѣ его жизнь на островѣ св. Елены, то прежде всего насъ поразитъ откровенный, часто рѣзкій, но всегда искренній характеръ всего, что говорилъ Наполеонъ, а также разнообразіе тѣхъ вопросовъ и предметовъ, на которыхъ останавливался его геніальный умъ въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ Гурго. Для того, чтобы дать понятіе читателямъ о томъ, что именно говорилъ Наполеонъ на островѣ св. Елены, мы приведемъ рядъ его сужденій о религіи, силахъ природы, вліяніи общественнаго мнѣнія, войнѣ, великихъ полководцахъ, египетской экспедиціи, кампаніи 1812 года, будущности Россіи, битвы при Ватерлоо, событіяхъ и людяхъ его времени, наконецъ о женщинахъ, книгахъ, писателяхъ и т. д.

Религія въ глазахъ Наполеона была необходима для сліянія людей въ общество. Она доставляла величайшее чувство сердечнаго наслажденія, но большое зло происходило, по его словамъ, отъ дурныхъ патеровъ и отъ того, что во имя религіи совершалось столько преступленій. Самый древней религіей было поклоненіе солнцу, и не разъ Наполеонъ говорилъ: «Если бы мнѣ пришлось выбрать себѣ религію, то я поклонялся бы солнцу, такъ какъ оно оплодотворяетъ все на землѣ. Впрочемъ вся суть религіи—нравственность, и со времени Юпитера всѣ религіи проповѣдывали нравственныя идеи, именно Старый и Новый Завѣтъ, Сократъ, Платонъ, Магометъ». Но бывали минуты, когда Наполеонъ высказывалъ самыя матеріалистическія идеи и увѣрялъ, что все на свѣтѣ проявленіе матеріальной силы, и если человѣкъ думаетъ, то лишь потому, что у него природа совершеннѣе, чѣмъ у рыбъ. «Если бы все совершалось на свѣтѣ по волѣ справедливаго и милосерднаго Бога, говорилъ онъ, то честные люди не были бы несчастными, а негодяи счастливыми. Наконецъ, что такое не только религія, но и нравственность? Все это суета суетъ. Говорятъ, что нравственность мѣшаетъ мнѣ убить мать или жениться на сестрѣ, а на необитаемомъ островѣ что мнѣ помѣшало бы совершить одно изъ этихъ преступленій? Я думаю, что электричество, гальванизмъ и магнетизмъ составляютъ великія тайны природы. Я думаю, что человѣкъ плодъ этихъ тайныхъ силъ и атмосферы, что человѣческій мозгъ втягиваетъ въ себя эти силы и получаетъ жизнь, что душа живетъ ими, а послѣ смерти они возвращаются въ пространство и снова одушевляютъ другой мозгъ». Что касается до распространенія христіанства, то Наполеонъ приписывалъ это главнымъ образомъ тому, что въ данную эпоху люди повсюду были расположены къ принятію религіи, проповѣдующей единаго Бога. Вообще, великій провозвѣстникъ силы во всѣхъ ея проявленіяхъ пи-

талъ глубокое уваженіе и къ силѣ общественнаго мнѣнія. По его словамъ, общественное мнѣніе создало и создаетъ все; оно не только подчинило весь свѣтъ христіанству, но дало возможность Магомету покорить полъ-міра, Лютеру побороть папъ и провести реформы, и англійскому королю Генриху VIII сдѣлать Англію протестантскою, а если Екатерина II вступила на престолъ, то лишь потому, что попы и мужики враждебно отнеслись къ Петру III. Наконецъ, если самъ Наполеонъ сталъ императоромъ, то только благодаря общественному мнѣнію. «Если бы не я, замѣтилъ Наполеонъ, то другой сдѣлалъ бы то же. Франція хотѣла имперіи и господства надъ всѣмъ міромъ, а потому рано или поздно она добилась бы своей цѣли. Повторяю, человѣкъ — ничто, если обстоятельства и общественное мнѣніе ему не содѣйствуютъ. Общественное мнѣніе руководитъ и управляетъ всѣмъ».

Конечно, главнымъ культомъ Наполеона была война, и онъ сожалѣлъ, что въ его время воевали не серьезно, какъ въ старину, а съ приправой «розовой водицы». «Прежде, говорилъ онъ, побѣжденныхъ убивали или отводили въ рабство, а женщинъ предавали изнасилованію, вотъ это я понимаю. Война дѣло серіозное. Если бы я такъ поступилъ въ Вѣнѣ, то русскіе не дошли бы такъ легко до Парижа». Что касается до искусства войны, то, по его словамъ, оно не требовало сложныхъ движеній, а напротивъ самая простая тактика была наилучшая, и главное необходимъ былъ на войнѣ здравый смыслъ. Всѣ военныя ошибки происходили отъ того, что начальники хотѣли доказать свой умъ и перехитряли. Но, кромѣ здраваго смысла, чтобы выиграть сраженіе, необходимо отгадать планъ непріятеля, хорошо знать карту мѣстности и никогда не давать сраженія иначе, какъ подъ давленіемъ обстоятельствъ. «Странное искусство война, говорилъ Наполеонъ: я командовалъ въ шестидесяти битвахъ и ничему не научили болѣе того, что зналъ въ самой первой изъ нихъ. Точно также и Цезарь: онъ дѣйствовалъ въ первомъ сраженіи столь же хорошо, сколько и въ послѣднемъ. Впрочемъ, я наполовину виновникъ одержанныхъ побѣдъ, и въ сущности арміи одерживаютъ побѣду, а не полководцы. Самая лучшая арімя была бы та, въ которой всѣ офицеры знали бы, что имъ дѣлать согласно обстоятельствамъ».

О великихъ полководцахъ прошедшихъ временъ Наполеонъ отзывался очень оригинально и характеристично. Такъ онъ считалъ Александра Македонскаго только храбрымъ воиномъ, но не замѣчательнымъ военачальникомъ и доказывалъ, что онъ одерживалъ побѣды не своимъ искусствомъ, а благодаря Македонской фалангѣ и слабости его противниковъ. Не сохранилось извѣстій ни объ одномъ искусномъ его движеніи, а напротивъ онъ много дѣлалъ ошибокъ, напримѣръ, безъ всякой причины вернулся въ Египетъ, когда необходимо было преслѣдовать персовъ, и точно также онъ

потерялъ неосновательно время подъ Тиромъ послѣ сраженія при Иссѣ вмѣсто того, чтобы идти по слѣдамъ Дарія. Но за то, какъ политическому дѣятелю, Наполеонъ поклонялся Александру, который послѣ своей смерти на тридцать третьемъ году отъ рожденія оставилъ громадную и прекрасно организованную имперію. Въ особенности онъ отличался искусствомъ привлекать къ себѣ любовь побѣжденныхъ народовъ и доказалъ свое политическое искусство поклоненіемъ Амону, что заставило Египетъ ему подчиниться. Напротивъ, Цезарь въ глазахъ Наполеона былъ великимъ военнымъ геніемъ. Онъ имѣлъ дѣло съ могучими соперниками и одерживалъ побѣды столько же смѣлостью, сколько искусствомъ. Его сраженія были настоящими битвами, плодомъ смѣлости и генія. Странно сказать, что побѣдитель при Аустерлицѣ очень цѣнилъ военные таланты Моисея и намѣревался описать его кампаніи, для чего серіозно изучалъ карту Палестины и Библію. Напротивъ, славу шведскаго короля Густава-Адольфа онъ считалъ вполнѣ неосновательной и преувеличенной протестантскими писателями, видѣвшими въ немъ военный геній только потому, что онъ былъ героемъ протестантизма: въ этомъ отношеніи исторія доказала, что она дѣйствительно романъ, такъ какъ серіозно нельзя пріобрѣсти славу великаго полководца человѣку, который въ восемнадцать мѣсяцевъ одержалъ одну побѣду, проигралъ другую и убитъ въ третьей. Поэтому, по мнѣнію Наполеона, Телли и Валленштейнъ были полководцами гораздо выше Густава-Адольфа. О Фридрихѣ Великомъ естественно Гурго приводитъ много отзывовъ своего геніальнаго собесѣдника, и всѣ они сводятся къ тому, что Фридрихъ былъ великій, первокласснный полководецъ, но главнымъ образомъ бралъ смѣлостью и рисковалъ на полѣ брани такъ, какъ никогда не позволялъ себѣ Наполеонъ. Къ тому же онъ часто дѣлалъ ошибки, нарушалъ основныя правила войны и обыкновенно давалъ сраженіе съ меньшимъ числомъ войскъ, чѣмъ у непріятеля. Если бы онъ, напримѣръ, имѣлъ дѣло съ Наполеономъ, то никогда ему не удались бы его рискованныя движенія. О Суворовѣ Наполеонъ отзывался слѣдующимъ образомъ: «Это не былъ великій полководецъ, но онъ отличался двумя качествами—силой характера и мужествомъ, благодаря которымъ онъ дѣлалъ чудеса со своей арміей, но военныхъ талантовъ у него не было». Въ Кутузовѣ, его соперникѣ подъ Бородиномъ, признавалъ только одно достоинство—осторожность. Наконецъ, своего случайнаго побѣдителя подъ Ватерлоо, Велингтона, онъ считалъ обыкновеннымъ благоразумнымъ человѣкомъ, а главное удачникомъ, но нисколько не военнымъ геніемъ.

Изъ всѣхъ французскихъ полководцевъ Наполеонъ признаетъ одного Тюрена геніемъ, особенно въ немъ онъ хвалитъ то, что со старостью онъ выказывалъ все большую смѣлость, а такого нѣтъ другаго примѣра въ исторіи. Быть можетъ, Тюрень потому пришелся

по сердцу Наполеону, что онъ всегда дѣйствовалъ такъ, какъ поступилъ самъ Наполеонъ подъ Ваграмомъ. Если бы въ этой послѣдней битвѣ находился при немъ Тюрень, то онъ понялъ бы всѣ его распоряженія, такъ одинаковы были ихъ взгляды. «Вообще, если бы я имѣлъ помощникомъ Тюрена, замѣчаетъ Наполеонъ, то я былъ бы повелителемъ всего міра. Онъ стоитъ, какъ военноначальникъ, гораздо выше Фридриха Великаго, и хотя предводительствовалъ маленькими арміями, но его генія хватило бы и побольше. Пройдя всѣ чины отъ солдата до маршала, онъ бралъ всегда опытностью на полѣ брани и никогда ни дѣлалъ ошибокъ». Что касается французскихъ королей, которые всѣ отличались храбростью, то императоръ смѣется надъ тѣми писателями, которые увѣряютъ, что Генрихъ IV былъ величайшимъ воителемъ всѣхъ временъ и народовъ, хотя и признаетъ, что онъ былъ недурнымъ служакой, также какъ Францискъ I. Людовикъ XIV былъ единственный король Франціи, достойный этого имени, но не имѣлъ военныхъ талантовъ, и его прославленный переходъ черезъ Рейнъ ничего не значитъ въ военномъ отношеніи. Что касается до Людовика XV, то онъ самъ выигралъ битву подъ Фонтенуа, которая непремѣнно была бы проиграна, если бы онъ послушался царедворцевъ и перешелъ рѣку. О своихъ маршалахъ Наполеонъ отзывался очень рѣзко и находилъ, что у него не было ни одного достойнаго помощника. Хотя онъ самъ прозвалъ Нея храбрымъ изъ храбрыхъ, но считалъ ошибкой его производство въ маршалы и находилъ, что надо было оставить его дивизіоннымъ генераломъ, такъ какъ онъ не отличался ни умомъ, ни нравственнымъ мужествомъ, а во время Ста Дней велъ себя самымъ постыднымъ образомъ, то хвастаясь Людовику XVIII, что привезетъ Наполеона въ желѣзной клѣткѣ, то хвалясь Наполеону, что онъ вернулъ ему престолъ. Мюратъ умѣлъ лучше Нея вести кампанію, но также былъ неважнымъ полководцемъ, никогда не обращалъ вниманія на карты, а главное всѣмъ готовъ былъ пожертвовать, чтобы имѣть хорошую главную квартиру и красивыхъ женщинъ. Вообще, это былъ глупый человѣкъ, который мнилъ себя великимъ геніемъ, и посыпавшіяся на него почести, а въ особенности титулъ неаполитанскаго короля, совершенно вскружили ему голову. Принца Евгенія Богарне Наполеонъ очень цѣнилъ, какъ хорошаго администратора Италіи, но называлъ его четыреугольной головой и невысоко ставилъ его военное достоинство. Большую часть своихъ маршаловъ онъ обвинялъ въ измѣнѣ, какъ только ему не повезло, и въ страсти къ наживѣ.

Впрочемъ, рѣзко выражаясь о своихъ помощникахъ, къ винѣ которыхъ онъ относилъ свои пораженія въ кампаніяхъ 1812—13—14—15 годовъ, онъ не щадилъ себя и открыто признавалъ свои ошибки. «Я совершилъ болѣе чѣмъ преступленіе, говорилъ онъ, я дѣлалъ ошибки.

Для исторіи я долженъ былъ умереть въ Москвѣ». Свои главныя побѣды, Аустерлицъ и Іену, онъ относилъ не столько къ своему генію, какъ къ прекрасному составу арміи, которая впослѣдствіи, начиная съ Фридланда, стала терять свое превосходство отъ большого числа молодыхъ солдатъ. Съ особымъ удовольствіемъ распространялся онъ объ египетской экспедиціи и не разъ говорилъ Гурго, что если бы остался въ Египтѣ, то не кончалъ бы своей жизни на св. Еленѣ, а былъ бы императоромъ востока. При этомъ онъ рисовалъ въ блестящихъ краскахъ, какъ изъ Египта онъ пошелъ бы въ Индію черезъ Евфратъ и уничтожилъ бы тамъ англійское владычество съ помощью туземцевъ, у которыхъ прекрасная кавалерія. Для этого онъ считалъ совершенно достаточнымъ 30.000 французовъ и 60.000 фелаховъ съ продовольствіемъ на 50 дней, такъ какъ въ сущности, по его словамъ, отъ Египта до Инда было не дальше, чѣмъ изъ Парижа въ Москву. Кампанію 1812 года Наполеонъ также разсказывалъ очень подробно на о. св. Елены. «Мой бракъ съ Маріей-Луизой былъ причиной русской экспедиціи, говорилъ онъ. Однако въ Дрезденѣ, когда я узналъ, что Швеція и Турція не переходятъ на мою сторону, то мнѣ не слѣдовало идти дальше. Правда, что, несмотря на это, я дошелъ побѣдителемъ до Москвы, и моя главная ошибка заключается въ томъ, что я слишкомъ долго оставался въ этомъ городѣ, иначе мое предпріятіе увѣнчалось бы успѣхомъ. Если бы русскіе не сожгли Москвы, то я былъ бы повелителемъ всей Россіи, возбудилъ бы возстаніе крестьянъ, и все было бы въ моихъ рукахъ. Но послѣ пожара Москвы мнѣ не слѣдовало тамъ оставаться и вѣрить обманамъ, которые продолжались изо дня въ день... Въ сущности я никогда не хотѣлъ войны съ Россіей, такъ какъ понималъ всѣ трудности подобной кампаніи, а началъ ее только потому, что былъ убѣжденъ въ желаніи русскихъ воевать со мною. Куракинъ представилъ грозную записку насчетъ корпуса Даву въ Гамбургѣ, и мои неспособные министры Бассано и Шампаньи увѣрили меня, что эта записка означала объявленіе войны со стороны Россіи, которая вызвала свои войска изъ Молдавіи и намѣревалась занять Варшаву, Куракинъ потребовалъ паспорты, и я отправился на войну, но все-таки послалъ Лористона къ Александру, который его не принялъ. Изъ Дрездена я снова послалъ къ Александру довѣренное лицо, на этотъ разъ Нарбонна, и самъ убѣдившись, что Россія желаетъ войны, перешелъ черезъ Нѣманъ близъ Вильны, тогда Александръ отправилъ ко мнѣ одного изъ своихъ генераловъ, чтобы увѣрить меня въ своемъ нежеланіи воевать. Я встрѣтилъ очень любезно посланнаго, и онъ обѣдалъ со мною, но я принялъ это за хитрость съ цѣлью дозволить Багратіону соединиться съ Барклаемъ, и продолжалъ свое наступленіе, тѣмъ болѣе что Россіи требовала моего обратнаго перехода черезъ Нѣманъ... Многіе потомъ увѣряли, что если бы не было въ то время

войны съ Испаніей, то я могъ бы двинуть на Россію еще 250.000 человѣкъ, но это ни къ чему не повело бы, а только увеличило бы число жертвъ, такъ какъ холодъ, а не врагъ погубилъ насъ... Когда я былъ въ Москвѣ, то Александръ хотѣлъ вступить со мной въ переговоры, но онъ не рѣшился на это въ виду сильнаго вліянія сторонниковъ Англіи. Пожаръ Москвы принесъ большой вредъ Россіи и заставилъ ее пойти назадъ на пятьдесятъ лѣтъ. Если бы императоръ Александръ находился въ арміи, то онъ не дозволилъ бы уничтожить своей древней столицы и заключилъ бы со мной миръ. Онъ самъ говорилъ впослѣдствіи, что заключилъ бы миръ, если бы я пошелъ на Петербургъ. Быть можетъ, и лучше было бы, если бы я взялъ Петербургъ, центръ правительства и всѣхъ дѣлъ, хотя Москва настоящая столица Русской имперіи, и нашъ походъ на Москву причинилъ много вреда русскимъ».

На вопросъ Гурго, не были ли виновны въ бѣдствіяхъ, навлеченныхъ на французскую армію отступленіемъ изъ Россіи, Мюратъ и Бессьеръ, которые отговаривали императора отъ движенія на Малый Ярославецъ, Наполеонъ отвѣчалъ: «нѣтъ, я былъ повелителемъ, и вся вина лежитъ на мнѣ. Я долженъ былъ остаться въ Москвѣ не 35 дней, а только двѣ недѣли, разбить остатки Кутузовской арміи тотчасъ послѣ моего вступленія въ Москву, отправиться черезъ Малый Ярославецъ на Тулу и Калугу, наконецъ заявить Россіи, что я удалюсь, не причиняя никакого вреда той мѣстности, по которой мнѣ предстоялъ путь. Прибывъ въ Смоленскъ, я хотѣлъ тамъ зимовать и размѣстить солдатъ въ баракахъ. Въ Витебскѣ у меня были большіе магазины, но пока я колебался въ Смоленскѣ, не зная, на что рѣшиться, Витебскъ былъ занятъ русскими. Прежде чѣмъ достигнуть Борисова, я могъ напасть на Витгенштейна и уничтожить его, прежде чѣмъ Кутузовъ догналъ бы меня. Если бы я остался во главѣ арміи, то сумѣлъ бы удержаться всю зиму въ Вильнѣ. Я сдѣлалъ большую ошибку, оставивъ начальство Мюрату. Онъ хорошъ только въ огнѣ, а въ минуту пораженія онъ дѣлается трусомъ; еще большая ошибка съ моей стороны, что я не укрѣпилъ Вильны 15-ю редутами. Во всемъ этомъ я виновенъ, но совершенно напрасно обвинять меня, что я покинулъ армію. Мнѣ лично оставаться въ Россіи было нелѣпо, такъ какъ Пруссія и Австрія въ этомъ случаѣ возстали бы противъ меня два мѣсяца раньше». Вообще о Россіи Наполеонъ отзывался сочувственно и предсказывалъ ей великую будущность. «Теперь, когда меня болѣе нѣтъ,—говорилъ онъ:—императоръ Александръ пойдетъ прямо въ Константинополь, онъ ничего не боится со стороны Польши, а греки за него. Въ Эрфуртѣ онъ просилъ у меня Константинополь, но я на это не согласился, и дѣло было отложено... Россія должна дѣйствовать за одно съ Франціей; русское правительство гораздо шире и либеральнѣе австрійскаго. Растопчинъ, который сжегъ Москву, оставилъ въ своемъ

домѣ бумаги, доказывавшія, что Россія имѣла право столько же жаловаться на Англію, какъ на Францію... Англичане увидятъ въ концѣ концовъ, что сдѣлаютъ съ ними русскіе, которымъ не далеко идти въ Индію, такъ какъ они уже теперь въ Персіи. Имъ легко послать въ Индію 10.000 солдатъ, а по дорогѣ они найдутъ союзниковъ въ мѣстныхъ племенахъ. Теперь, когда не существуетъ больше Франціи и нарушено политическое равновѣсіе, Россія пойдетъ вѣрными и крупными шагами къ всемірному господству». Сожалѣя о томъ, что онъ предался въ руки англичанъ, Наполеонъ не разъ говорилъ: «Франція и Александръ лучше бы обошлись со мною, чѣмъ англичане. Все-таки австрійскій императоръ честный человѣкъ, и я зять его, а въ Россіи я былъ бы чѣмъ-то въ родѣ втораго императора, и царь всегда съ удовольствіемъ совѣтовался бы со мною».

Хотя Наполеонъ болѣе всего говорилъ на св. Еленѣ, особенно въ первое время своего тамъ пребыванія, о Ватерлоо, но онъ не высказывалъ ничего новаго. Онъ называлъ эту роковую битву глупостью, которую самъ не могъ себѣ объяснить, увѣрялъ, что если бы вмѣсто Груши у него былъ Сюше, то онъ не проигралъ бы сраженія, и приписывалъ причину всей катастрофы ошибкѣ ординарца, передавшаго Гильо приказъ коннымъ гренадерамъ вступить въ бой, когда Наполеонъ берегъ ихъ для послѣдней атаки. Естественно, что, постоянно возвращаясь къ послѣднимъ, хотя и печальнымъ днямъ своей славной военной дѣятельности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ часто вспоминалъ о временахъ революціи и директоріи, къ которымъ относились его первые подвиги. О знаменитомъ кампоформійскомъ трактатѣ, которымъ закончились его итальянскія побѣды, онъ, напримѣръ, разсказывалъ любопытный анекдотъ. Переговоры со стороны Австріи велъ Кобенцель, котораго Наполеонъ называлъ «бѣлымъ медвѣдемъ сѣвера», и онъ велъ себя чрезвычайно грубо, постоянно рѣзко говорилъ, «этому не бывать, на это императоръ, мой повелитель, не согласится». Наконецъ, генералъ Бонапартъ былъ выведенъ изъ терпѣнія одной изъ подобныхъ выходокъ австрійскаго дипломата и воскликнулъ: «графъ Кобенцель, вы говорите, что этому не бывать, а я говорю, что прекращаю переговоры и въ три мѣсяца уничтожу вашу монархію, какъ эти чашки». И онъ бросилъ на полъ драгоцѣнный чайный сервизъ Кобенцеля, который получилъ его въ подарокъ отъ Екатерины II. Затѣмъ онъ съ шумомъ вышелъ изъ комнаты. Угроза подѣйствовала, и на другой день трактатъ былъ подписанъ. Разсказывая этотъ анекдотъ, Наполеонъ прибавилъ: «Я отличался тогда республиканской гордостью и презиралъ австрійцевъ». Эту эпоху своихъ итальянскихъ побѣдъ Наполеонъ считалъ счастливѣйшимъ временемъ въ своей жизни и однажды задалъ своимъ приближеннымъ вопросъ, когда онъ былъ всего счастливѣе, на что одинъ отвѣчалъ: «консуломъ»; другой—«послѣ свадьбы съ Маріей-Луизой», а третій,—«послѣ рожденія римскаго короля»,

онь самъ произнесъ: «Да, я былъ счастливъ въ эти моменты, но, быть можетъ, я былъ счастливѣе въ Тильзитѣ, когда послѣ тяжелыхъ заботъ и превратностей судьбы, напримѣръ, подъ Эйлау, я очутился побѣдителемъ во главѣ двора, состоявшаго изъ императоровъ и королей. Но, по всей вѣроятности, наиболѣе счастливъ я былъ послѣ моихъ итальянскихъ побѣдъ. Тогда энтузіазмъ былъ невообразимый, и всѣ кричали: «Да здравствуетъ освободитель Италіи!». А тогда мнѣ было 25 лѣтъ, и я тогда предвидѣлъ, до чего дойду. Мнѣ казалось, что міръ ускользаетъ изъ-подъ моихъ ногъ, и что я подымаюсь на воздухъ». Къ итальянскимъ воспоминаніямъ Наполеона, касающимся позднѣйшаго времени консульства, относится любопытный разсказъ о встрѣчѣ съ одной бѣдной старушкой на Тарарской дорогѣ, гдѣ онъ однажды шелъ пѣшкомъ съ Дюрокомъ. На вопросъ старухи, какъ бы ей видѣть перваго консула,—Наполеонъ отвѣчалъ съ улыбкой: «Что на него смотрѣть — тиранъ, какъ тиранъ, все одно и то же». Но старуха отвѣчала: «Нѣтъ, не все то же; Людовикъ XVI былъ королемъ дворянъ, а Бонапартъ — король народа». Дѣйствительно, Наполеонъ никогда не гнушался своего плебейскаго происхожденія, говорилъ не разъ Гурго, что онъ такой же сынъ народа, какъ этотъ храбрый генералъ, и разсказывалъ, что онъ два раза отказался отъ предложенія смастерить ему аристократическую генеалогію. Когда уже онъ былъ императоромъ, ему предлагали доказать, что онъ происходилъ отъ Желѣзной Маски, который будто бы былъ братомъ Людовика XIV. Существовала легенда, что губернаторъ Пеньероля, Бомпаръ, женилъ этого таинственнаго узника на своей дочери и отправилъ на Корсику подъ именемъ Бонапарта; тамъ этотъ братъ короля народилъ большую семью, отъ которой происходилъ Наполеонъ, который прибавлялъ къ этому разсказу: «Мнѣ стоило сказать только одно слово, чтобы всѣ повѣрили подобной сказкѣ». Относительно второго предложенія возвести его въ аристократы Наполеонъ передавалъ слѣдующее: «Передъ моимъ бракомъ съ Маріей-Луизой, австрійскій императоръ прислалъ мнѣ ящикъ съ документами, доказывавшими, что я происходилъ отъ герцоговъ флорентійскихъ. Взглянувъ на эти бумаги, я только разсмѣялся и сказалъ Меттерниху: «Неужели вы думаете, что я буду заниматься такими пустяками? Если бы даже эти бумаги были подлинныя, то какое мнѣ до нихъ дѣло? Герцоги флорентійскіе стояли ниже императоровъ германскихъ, а я не желаю поставить себя въ положеніе ниже моего тестя. Я полагаю, что во всякомъ случаѣ не хуже его. Къ тому же я добылъ себѣ дворянство на поляхъ Монтенотскихъ. Унесите эти бумаги».

Какъ извѣстно, Наполеонъ въ юности былъ пламеннымъ якобинцемъ, сторонникомъ Робеспьера и другомъ его брата, а потому, хотя онъ въ своихъ бесѣдахъ съ Гурго не упоминалъ ни слова о своихъ республиканскихъ идеяхъ и очень рѣзко выражался о дняхъ террора,

но въ его отзывахъ о событіяхъ и герояхъ революціи проглядываетъ иногда старая якобинская струнка. Такимъ образомъ онъ говорилъ о Людовикѣ XVI, что этотъ король послѣ бѣгства вполнѣ заслужилъ своей печальной судьбы. «Онъ заставилъ всѣхъ насъ присягнуть конституціи, а потомъ насъ бросилъ,—замѣтилъ Наполеонъ,—его присудили къ казни и хорошо сдѣлали, я также подалъ бы голосъ за казнь, хотя съ сожалѣніемъ». О главныхъ дѣятеляхъ революціи онъ отзывался характеристично. Въ его глазахъ Дантонъ былъ удивительный человѣкъ и съ его лозунгомъ: «смѣлость, еще смѣлость и всегда смѣлость», онъ могъ достигнуть всего, такъ что непонятно, зачѣмъ онъ отдѣлился отъ Робеспьера и позволилъ себя гильотинировать. Точно также Робеспьеръ, котораго исторія никогда вполнѣ не узнаетъ, сдѣлалъ большую ошибку, погубивъ Дантона. «Робеспьеръ былъ свергнутъ,—разсказываетъ Наполеонъ,—не за свою жестокость, такъ какъ свергнувшіе его Карьеръ, Тальенэръ, Фьеронъ и т. д., были гораздо кровожаднѣе его, но потому что онъ хотѣлъ умѣрить крайности революціи. Камбасересъ мнѣ разсказывалъ, что наканунѣ своей смерти онъ произнесъ великолѣпную рѣчь, въ этомъ духѣ, но она никогда не была напечатана. Ему слѣдовало сдѣлаться диктаторомъ, но это было не легко. Къ тому же онъ былъ человѣкъ честный и строго нравственный. «Марата любилъ Наполеонъ за его искренность и прямо это высказываетъ: «Странный это былъ человѣкъ, но крупная историческая фигура. Онъ всегда говорилъ, что думалъ. У него была удивительная сила воли, и онъ боролся одинъ противъ всѣхъ. Главной причиной его громадной популярности было то, что онъ предсказалъ въ 1790 году событія, совершившіяся два года спустя». «Знаменитаго организатора побѣдъ» въ первыя времена революціи, Карно, Наполеонъ ставитъ невысоко и признавалъ въ немъ только одно хорошее качество—честность. Вообще о всѣхъ генералахъ революціи побѣдитель при Аустерлицѣ судитъ очень строго и находитъ, что только двое изъ нихъ, Дессе и Гошъ, могли пойти дальше, въ особенности Гошъ, который и отличался большими способностями, энергіей, пыломъ и громаднымъ самолюбіемъ. Изъ всѣхъ дѣятелей революціи всего рѣзче отзывается Наполеонъ о Барра и Талейранѣ. Первый, по его словамъ, былъ самымъ безстыднымъ, безнравственнымъ, развратнымъ и фальшивымъ человѣкомъ, какого только можно себѣ представить. Онъ открыто воровалъ, никогда не имѣлъ своего мнѣнія, былъ чрезвычайнымъ невѣждой и всѣхъ обманывалъ, стремясь только къ достиженію своихъ корыстныхъ цѣлей. Если возможно, то Тайлеранъ былъ еще безнравственнѣе Барра: онъ всѣмъ и каждому продавалъ свою душу и умѣлъ изо всего дѣлать деньги, но, несмотря на всѣ его пороки, не было лучше человѣка для поста министра иностранныхъ дѣлъ. Талейранъ, какъ увѣряетъ Наполеонъ, настоялъ на похищеніи и казни герцога Энгіенскаго: «Я не совер-

шилъ при этомъ никакого убійства,—объяснялъ онъ,—герцога Энгіенскаго судили, какъ эмигранта, за сношенія съ врагами родины и за составленіе заговора. Талейранъ совѣтовалъ мнѣ воспользоваться предложеніемъ нѣсколькихъ англійскихъ контрабандистовъ, которые обѣщали умертвить всѣхъ Бурбоновъ по милліону за штуку. Я имѣлъ полное право бороться съ ними тѣми же средствами, къ которымъ они прибѣгали противъ меня, а за исключеніемъ Людовика XVIII они всѣ пытались отдѣлаться отъ меня убійствомъ. Быть можетъ, я и дурно поступилъ относительно Франціи, что не осуществилъ этого проекта Талейрана. Во всякомъ случаѣ смерть герцога Энгіенскаго отняла у Бурбоновъ всякую надежду на мирное соглашеніе со мной; люди революціи одобрили мой поступокъ, и Бурбоны перестали составлять заговоры, такъ какъ до тѣхъ поръ они считали, что ихъ не приговорятъ къ смерти, если бы они даже захвачены были во Франціи, какъ заговорщики». Изъ революціонныхъ воспоминаній Наполеона приведемъ еще одинъ анекдотъ, который онъ разсказывалъ Гурго: «Послѣ Вандемьера были въ Парижѣ безпорядки, по случаю голодовки, и во время одной стычки съ толпою я во главѣ своего штаба увидѣлъ передъ собою громадную толстую женщину, которая неистово меня бранила, называя кровопійцей. Я тогда обратился къ толпѣ съ слѣдующими словами: «Судите сами, кто изъ насъ двухъ болѣе походитъ на жертву голода?» Какъ извѣстно, въ то время Наполеонъ былъ худощавымъ, поджарымъ юношей, и толпа, сравнивая его тощую маленькую фигуру съ коллосальной женщиной, расхохоталась, а потомъ мирно разошлась.

Во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ женщинами Наполеонъ всегда одерживалъ верхъ такъ же легко, какъ и въ этой исторіи, и вообще онъ относился къ нимъ цинично, свысока, какъ къ существамъ, подчиненнымъ мужчинамъ. Теоретически онъ считалъ, что во Франціи напрасно окружали женщинъ большимъ уваженіемъ, и, по его мнѣнію, онѣ не могутъ быть равны мужчинамъ, такъ какъ въ сущности онѣ только «машины для производства дѣтей». «Во время революціи,—говорилъ онъ,—женщины участвовали въ возстаніяхъ, составляли собранія и даже пытались сформировать батальоны, но я положилъ всему этому конецъ. Общество было бы перевернуто вверхъ дномъ, если бы женщины вышли изъ того зависимаго положенія, въ которомъ они должны находиться. Тогда происходила бы вѣчная борьба. Одинъ полъ обязательно долженъ подчиняться другому. Конечно, бывали случаи, когда женщины воевали, какъ солдаты, и выказывали не только мужество и необыкновенный пылъ, но даже безполезную жестокость. Въ Оргонѣ при моемъ отъѣздѣ на островъ Эльбу одна молодая и хорошенькая женщина такъ дико бросалась на меня, что навѣрное напилась бы моей крови, если бы ее до этого допустили. Рыночныя торговки здоровѣе молодыхъ людей, и если бы была возможна борьба между мужчинами и жен-

щинами, то она была бы ожесточеннѣе, чѣмъ между чернокожими и бѣлыми, при чемъ только беременность ставила бы женщинъ въ менѣе выгодное положеніе, чѣмъ мужчинъ. Что касается до развода, то онъ не выгоденъ для женщины, такъ какъ въ мужчинѣ не оставитъ слѣда тотъ фактъ, что онъ былъ женатъ нѣсколько разъ, а напротивъ женщина, имѣвшая нѣсколько мужей, теряетъ всякую свѣжесть. Въ старину, кромѣ женъ, мужчины имѣли конкубинокъ, и дѣти послѣднихъ не презирались, какъ теперь незаконные. Я нахожу нелѣпымъ, что мужчина можетъ имѣть законнымъ образомъ только одну жену, тѣмъ болѣе, что во время ея беременности онъ вовсе лишенъ жены. Теперь кункубинатъ замѣненъ содержанками, но онѣ разоряютъ достаточныхъ людей, а бѣдные, конечно, могутъ имѣть только одну жену. Во всѣ времена поднимали крикъ противъ уличныхъ женщинъ, но говорятъ, что онѣ необходимы. Безъ нихъ мужчины бросались бы на честныхъ женщинъ, лишь только онѣ появлялись бы на улицахъ. Однако, каждая молодая дѣвушка, предающаяся разврату, причиняетъ вредъ своему полу, унижаетъ его и лишаетъ общество той прелести, которую ему придаетъ каждая красавица». На вопросъ Гурго, правда ли, что госпожа Сталь, прежде чѣмъ сдѣлаться врагомъ Наполеона, всячески ухаживала за нимъ, онъ вполнѣ подтвердилъ этотъ фактъ и прибавилъ: «На одномъ праздникѣ у Талейрана она битыхъ два часа ко мнѣ приставала и наконецъ задала мнѣ вопросъ: «кто первая женщина съ древнѣйшихъ поръ и до нашихъ днейѣ?» А я спокойно ей отвѣчалъ: «та, у которой всего болѣе дѣтей».

Конечно, циничный взглядъ Наполеона на женщинъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ никогда не встрѣчалъ отказа со стороны тѣхъ женщинъ, на которыхъ обращалъ вниманіе. Потому онъ гордо говоритъ: «Я никогда не бѣгалъ за женщинами», а упоминая о томъ, что онъ велъ себя въ Италіи очень сдержанно, прибавляетъ: «и однако всѣ итальянки были въ распоряженіи освободителя ихъ родины». Потомъ, разсказывая о встрѣчахъ, устраиваемыхъ ему, какъ императору, во всѣхъ городахъ Франціи, причемъ молодыя дѣвушки подносили всегда ему цвѣты, онъ замѣчаетъ самонадѣянно: «всѣ эти юныя существа составили бы мнѣ прекрасный сераль, если бы я этого желалъ». Въ доказательство того, что это не слова, и дѣйствительно не онъ бѣгалъ за женщинами, а женщины за нимъ, можно привести случай съ одной изъ лектрисъ императрицы, молодой дѣвушкой, по имени Гильбо, которая потомъ вышла замужъ за Сурде. «Я не знаю, разсказываетъ Наполеонъ, зачѣмъ Жозефина представила мнѣ эту дѣвушку и какіе она на нее имѣла виды, но я видѣлъ ее три раза, и она мнѣ показалась очень наивной. Случайно Лавалетъ передалъ мнѣ письмо ея матери, которая совѣтовала ей со всевозможными циничными подробностями, какъ взяться за дѣла, чтобы меня обойти. Это было въ Байонѣ, и я тотчасъ при-

казалъ отослать дѣвицу. «Что касается до актрисъ, съ которыми онъ согласно легендамъ находился въ близкихъ отношеніяхъ, то Наполеонъ торжественно заявилъ Гурго, что все это неправда, за исключеніемъ одной г-жи Жоржъ, хотя, напримѣръ, г-жа Марсъ ему очень нравилась, но вообще онъ считалъ неудобнымъ какія либо отношеніи съ актрисами, такъ какъ невозможно заставить ихъ молчать. «Въ Эрфуртѣ, разсказывалъ онъ, императоръ Александръ совѣтовался со мною насчетъ актрисы Бургонь, и я съ удовольствіемъ отказался въ его пользу отъ всякихъ на нее правъ, но уговорилъ его не компрометировать себя, такъ какъ на другой день двадцать писемъ увѣдомили бы Парижъ о происшедшемъ». Что касается до госпожи Марсъ, то Наполеонъ отзывался о ней очень характеристично: «Я былъ противъ того, чтобы она играла роли большихъ кокетокъ, но, увидавъ ее на сценѣ, перемѣнилъ мнѣніе. Нельзя играть лучше ея, она была образцомъ женщины хорошаго тона, и правительство должно было бы покровительствовать подобнымъ актрисамъ для распространенія хорошихъ манеръ. Чѣмъ жены будутъ очаровательнѣе, тѣмъ менѣе причинъ мужьямъ предаваться разврату».

О своихъ двухъ женахъ Наполеонъ отзывался на св. Еленѣ сочувственно: «Хотя я очень любилъ Марію, говорилъ онъ, но я долженъ сказать, что никого и никогда я не любилъ такъ, какъ Жозефину. Это очень естественно, такъ какъ я вмѣстѣ съ нею возвысился, и она была настоящая женщина, настоящая парижанка. Я никогда бы ея не покинулъ, если бы у нея только былъ ребенокъ. Она была полна граціи и хотя постоянно лгала, но такъ умно и такъ мило, что нельзя было на нее сердиться. Она знала меня прекрасно и никогда у меня ничего не просила, но заставляла меня платить милліоны долговъ. У нея были дурные зубы, но она такъ за ними ухаживала, что это было незамѣтно. Она была способна сопровождать меня на островъ Эльбу. Напротивъ Марія-Луиза была олицетворенной невинностью и никогда не лгала, она меня очень любила, всегда желала оставаться со мною и, конечно, не покинула бы меня, если бы обстоятельства не пересилили ея, если бы она постоянно не думала о томъ, что ея тетка была казнена, если бы я окружилъ ее лучшими людьми, чѣмъ каналья герцогиня Монтебелло и негодяй Корвизаръ, наконецъ, если бы ея отецъ не назначилъ состоять при ней повѣсу Нейперга». Однако, несмотря на свои похвалы Маріи-Луизы, онъ признавалъ, что лучше сдѣлалъ бы, женившись на француженкѣ, такъ какъ бракъ съ австріячкой вовлекъ его въ войну съ Россіей и окончательно погубилъ.

Наполеонъ на островѣ св. Елены много читалъ и имѣлъ небольшую библіотеку. Изъ приложеннаго къ дневнику Гурго списка книгъ этой библіотеки видно, что онѣ были итальянскія и французскія, а по содержалію относились къ математикѣ, военному искусству, религіи, исторіи, литературѣ и т. д. Въ чтеніи Наполеонъ былъ настоя-

щимъ космополитомъ и придерживался того правила, что не было такой дурной книги, изъ которой нельзя было бы чему нибудь научиться. Онъ самъ читалъ и слушалъ чтеніе другихъ, а потомъ высказывалъ свое мнѣніе о прочитанномъ. Гурго приводитъ нѣсколько такихъ критическихъ взглядовъ императора, и изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе: упрекъ Расину въ незнаніи географіи по поводу трагедіи «Митридатъ»; замѣчаніе относительно «Figaro» Бомарше, что эта комедія дышитъ революціей, такъ какъ въ ней унижаются аристократы, и критика письма Виргиніи къ ея матери въ «Paul et Virginie» Бернардена де Сенъ-Пьера.

Окончимъ этотъ бѣглый очеркъ того, о чемъ говорилъ Наполеонъ съ генераломъ Гурго на островѣ св. Елены, его отзывомъ о французахъ и парижанахъ: «Я очень люблю французовъ и всегда дѣлалъ для нихъ, что могъ. Мнѣ слѣдовало бы сдѣлать болѣе для Италіи, но я ожидалъ рожденія второго сына, чтобы объявить ее независимой подъ его владычествомъ. Я одной ногой стою въ Италіи, а другой во Франціи. Моя семья происходитъ изъ Тосканы, гдѣ она жила 200 лѣтъ. Я рѣшительно не корсиканецъ, а французъ по воспитанію и даже родился въ то время, когда Корсика принадлежала Франціи. Однажды въ Ліонѣ городской меръ сказалъ мнѣ въ видѣ комплимента: «удивительно, государь, какъ вы, не будучи французомъ, такъ любите Францію и столько сдѣлали для нея». Его слова были для меня точно ударами палки, и я повернулся къ нему спиной. Только бы французы, а въ особенности парижане, помня о своихъ дняхъ славы, не забывали меня, и я буду доволенъ. Впрочемъ они не могутъ ни о чемъ говорить, чтобы не вспомнить обо мнѣ. Парижане отличаются умомъ и никогда не забудутъ обо мнѣ. Парижъ олицетворяетъ всю Францію и замѣняетъ теперь меня для французовъ».

Е. И. Б.

БИСМАРКЪ ВЪ СВОИХЪ И ЧУЖИХЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ [1].

III.

НЕ ПОНИМАЮ, какъ могутъ люди жить, какъ они могутъ сами исполнять свой долгъ и заставлять другихъ его исполнять, если они не вѣрятъ въ Бога, творящаго добро, въ вѣчный судъ и въ загробную жизнь. Еслибъ я пересталъ быть христіаниномъ, то не сталъ бы болѣе ни за что служить королю. Еслибъ я не надѣялся на Бога, то не питалъ бы довѣрія и къ земному властителю. Посмотрите на меня: выступая на государственное поприще, я имѣлъ средства къ жизни и занималъ довольно высокое положеніе. Къ чему мнѣ было работать и трудиться безъ устали, къ чему переносить непріятности и мученія, еслибъ я не чувствовалъ, что исполняю свой долгъ относительно Бога? Уничтожьте во мнѣ вѣру въ Провидѣніе, которое предназначило германскую націю къ достиженію великихъ добрыхъ цѣлей, и я ни на минуту не сохранилъ бы своихъ обязанностей государственнаго человѣка. Ордена и титулы имѣютъ для меня мало цѣны. Я роялисть только потому, что твердо вѣрю въ вѣчную жизнь послѣ смерти, иначе я былъ бы республиканцемъ. Да, по природѣ, я республиканецъ; посмотрите, какую борьбу я веду въ теченіе десяти лѣтъ со всѣми нелѣпостями придворной жизни, и вы убѣдитесь, что только пламенная христіанская вѣра могла сохранить во мнѣ роялизмъ. Болѣе того, отнимите отъ меня вѣру, и во мнѣ исчезнетъ любовь къ родинѣ. Еслибъ я не былъ хорошимъ христіани-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. LXXVI, стр. 281.

номъ, то вы не имѣли бы великаго канцлера. Еслибъ я не былъ хорошимъ христіаниномъ, то я съ удовольствіемъ отвернулся бы отъ королевскаго двора, а еслибъ завтра вы нашли мнѣ преемника, который былъ бы лучшимъ христіаниномъ, чѣмъ я, то я тотчасъ уступилъ бы ему свое мѣсто. Вы не можете себѣ представить, съ какой радостью я поѣхалъ бы въ деревню! Я такъ люблю природу, лѣса, поля. Уничтожьте узы, связующіе меня съ Богомъ, и я завтра отправлюсь въ Варзинъ, гдѣ стану обработывать землю. Если бы я не сознавалъ, что Богъ велитъ мнѣ служить этимъ Гогенцоллернамъ, то я не сталъ бы унижаться? Они принадлежатъ къ Швабской семьѣ, которая не лучше моей».

Эти слова Бисмаркъ сказалъ Бушу подъ Парижемъ, и трудно повѣрить, что они произнесены желѣзнымъ канцлеромъ. Только, вспомнивъ другія его слова, что «нѣтъ ничего на свѣтѣ, кромѣ лицемѣрія и гаерства», становятся вѣроятными подобныя фразы въ устахъ желѣзнаго канцлера, для котораго въ сущности не было ничего святаго, что вполнѣ доказываетъ вся его жизнь, вся его политическая дѣятельность, самые его мемуары, одинаково осуждающіе враговъ и друзей, въ томъ числѣ Вильгельма I. Этой характеристичной чертой его «Мыслей и воспоминаній» въ особенности отличаются главы второй части, которыя посвящены долговременной мирной дѣятельности Бисмарка по упроченію созданной имъ Германской или, скорѣе, Прусской имперіи, какъ онъ въ одномъ мѣстѣ самъ называетъ по опискѣ, или нахальству, свое созданье. О цѣляхъ и результатахъ своей внутренней политики, о смыслѣ и мотивахъ проведенныхъ имъ мѣропріятій, о тѣхъ обстоятельствахъ и причинахъ, которыя побуждали его постоянно мѣнять свои взгляды и дѣлаться то консерваторомъ, то либераломъ, то сторонникомъ свободной торговли, то рыцаремъ протекціонизма, то бойцемъ культурной борьбы съ клерикалами, то союзникомъ клерикаловъ въ борьбѣ противъ прогресса,—онъ говоритъ очень мало, но за то о своихъ отношеніяхъ къ окружавшимъ его политическимъ дѣятелямъ онъ охотно распространяется, при чемъ старается выставлять эти отношенія въ такомъ видѣ, какъ будто бы онъ былъ постоянной жертвою всевозможныхъ интригъ и злобныхъ кововъ. Если же всегда онъ выходилъ побѣдителемъ изъ подобныхъ столкновеній и безжалостно топилъ своихъ враговъ, то онъ это объясняетъ своей правотой и справедливой карой виновныхъ со стороны милосерднаго Бога, стоявшаго будто бы всегда на сторонѣ этого «хорошаго христіанина», погубившаго, по его собственнымъ словамъ, десятки и десятки тысячъ христіанъ. Конечно, «Мысли и воспоминанія» великаго лицемѣра надо читать съ должной критикой, и тогда онѣ представляютъ очень любопытный матеріалъ для характеристики его самого и его отношеній къ окружавшимъ его лицамъ.

Переходя отъ внѣшней политики, апогеемъ которой были три

войны, создавшія Германскую имперію, къ внутренней, имѣвшей цѣлью упроченіе этой имперіи, Бисмаркъ счелъ прежде всего необходимымъ примириться съ парламентомъ и создать общій германскій рейхстагъ на основаніи всеобщей подачи голосовъ. Ту и другую уступку ненавистному ему парламентаризму и либерализму онъ сдѣлалъ изъ хитраго политическаго расчета. Онъ зналъ, что внѣшними побѣдами вполнѣ заручился отпущеніемъ всѣхъ прежнихъ грѣховъ, и ему стоило только сдѣлать эти два аванса, чтобъ представительство германскаго народа очутилось у его ногъ. Но добиться согласія Вильгельма на эти уступки было не легко: первую онъ считалъ сознаніемъ въ своей виновности, такъ какъ для примиренія надо было провести въ парламентѣ биль, признававшій законными всѣ дѣйствія правительства, сдѣланныя безъ согласія парламента въ эпоху борьбы съ нимъ, а вторую торжествомъ демократіи надъ принципомъ монархизма. Большихъ и долгихъ трудовъ стоило Бисмарку увѣрить старика, что такъ называемый биль индемнизаціи только пустая проформа, которая въ сущности даже освящала право короля поступать противъ конституціи, и что германскій народъ, по его картинному выраженію, «однажды осѣдлавъ коня, сумѣетъ его объѣздить», или, другими словами, убѣдившись, что общая подача голосовъ вредна, быстро отдѣлается отъ нея. Конечно, въ концѣ концовъ онъ поставилъ на своемъ и поймалъ на удочку сначала прусскій ландтагъ, а затѣмъ германскій рейхстагъ. Съ тѣхъ поръ уже не могло быть и рѣчи о борьбѣ съ парламентомъ, а все заключалось только въ манипуляціи партій такъ, чтобъ большинство раболѣпно исполняло всѣ требованія канцлера. Онъ въ продолженіе девятнадцати лѣтъ постоянно достигалъ этой цѣли самыми различными и противоположными средствами. Его внутренняя политика представляетъ самый полный оппортюнизмъ, какой можно только себѣ вообразить, и никогда не было, да и, вѣроятно, никогда не будетъ болѣе совершеннаго оппортюниста, какъ Бисмаркъ. У него не существовало никакой опредѣленной государственной системы, а онъ дѣйствовалъ, всегда руководясь только тѣмъ, откуда дуетъ политическій вѣтеръ. Вся его политическая программа заключалась въ немногихъ словахъ, по мѣткому выраженію одного англійскаго критика: «Богъ одинъ, а Бисмаркъ былъ, есть и будетъ его пророкомъ въ отношеніи германской расы».

Конечно, на словахъ онъ не высказывалъ этой программы, но практически у него не было другой. Въ его же громко выражаемыхъ теоріяхъ онъ такъ же, какъ въ дѣйствіяхъ, постоянно противорѣчилъ себѣ. Въ мемуарахъ онъ то говоритъ: «абсолютизмъ составляетъ самую идеальную конституцію для европейскихъ государствъ», а потомъ прибавляетъ: «еслибъ государи и его совѣтники не были люди, какъ всѣ». Затѣмъ онъ высказываетъ, что «абсолютизмъ не такая форма правленія, которая могла бы долго продержаться въ

Германіи», и тутъ же заявляетъ: «абсолютизмъ парламентскаго большинства такъ же мало можно оправдать, какъ абсолютизмъ короны». По его мнѣнію, идеальное управленіе было достигнуто при Вильгельмѣ I, т. е. насколько несовершенства человѣческой натуры могутъ достичь идеала, а извѣстно, что вся система управленія при Вильгелмѣ I заключалась въ одномъ — въ канцлерѣ, который одинаково управлялъ императоромъ и парламентомъ. Что онъ думалъ о своемъ «баринѣ», какъ онъ всегда его называлъ, мы увидимъ впослѣдствіи, но о рейхстагѣ онъ выражался самымъ рѣзкимъ образомъ: «либералы и консерваторы, говорилъ онъ Бушу, только стараются извлечь изъ меня наибольшую для себя пользу и дружатъ со мною, или отворачиваются отъ меня, смотря потому, какъ требуютъ интересы ихъ партіи... Оппозиція въ рейхстагѣ не имѣетъ другого мотива, какъ ненависть ко мнѣ... На меня нападаютъ всегда лично и никогда не обсуждаютъ вопросовъ по существу. Какое дѣло, что я перемѣняю свое мнѣніе? А они постоянно упрекаютъ въ этомъ меня. Въ сущности же я перемѣнилъ мнѣніе только въ экономическихъ вопросахъ, а въ политикѣ я мало мѣнялся. Но какъ мнѣ было не перемѣнить своей экономической системы! Принявъ власть, я имѣлъ одну цѣль: единеніе Германіи подъ гегемоніей Пруссіи; этой цѣли я подчинилъ все остальное, въ томъ числѣ экономическіе интересы. Но когда другія государства стали возвышать тарифъ, то и мнѣ пришлось сдѣлать то же. Мы не могли сидѣть, сложа руки... Что такое рейхстагъ? Всѣ депутаты, къ какой бы партіи они ни принадлежали, стадо рабовъ, ползающее начетвереньках передъ своимъ повелителемъ. Между консерваторами и либералами существуетъ одно различіе: первые раболѣпничаютъ открыто, а послѣдніе тайно».

Послѣднія его слова вполнѣ справедливы, и дѣйствительно за исключеніемъ немногихъ стойкихъ принципіальныхъ радикаловъ и соціалистовъ, какъ Бамбергеръ, Рихтеръ, Бебель, Либкнехтъ и др., всѣ либералы и консерваторы были всегда къ его услугамъ, когда онъ обращался къ ихъ помощи. Но онъ напрасно упрекаетъ ихъ въ томъ, что они дружили съ нимъ и бросали его, какъ того требовали ихъ собственные интересы: онъ самъ дѣлалъ то же самое. Консерваторовъ, которые одинаково съ нимъ происходили изъ прусскихъ юнкеровъ, онъ называлъ слѣпыми фанатиками, какъ только они начинали дѣйствовать противъ него, и благородными патріотами, когда они поддерживали его. При ихъ помощи онъ началъ такъ называемую культурную борьбу съ католическими клерикалами, и какъ только они стали сопротивляться школьнымъ законамъ, то онъ отвернулся отъ нихъ и снова возвратился къ нимъ, когда сталъ вводить протекціонизмъ. Пока онъ боролся съ клерикалами, поддерживалъ свободу торговли и распространялъ народное образованіе на прогрессивныхъ началахъ, то опирался на національ-либераловъ съ

ихъ вожаками Ласкеромъ, Бенингсеномъ, Форкенбекомъ, Бамбергеромъ и другими, но какъ только нашелъ болѣе выгоднымъ для своей оппортюнистской политики не только примириться съ клерикалами и пойти въ Канносу (хотя прежде гордо увѣрялъ, что никогда этого не сдѣлаетъ), но открыто поддерживать протекціонизмъ и аграрные помѣщичьи интересы, то онъ бросилъ національ-либераловъ, т. е. тѣхъ изъ нихъ, которые остались вѣрными своимъ принципамъ и составили новую партію свободомыслящихъ подъ предводительствомъ Бамбергера. Вообще объ этихъ случайныхъ своихъ сторонникахъ онъ отзывался очень рѣзко и увѣрялъ, что они только интриговали противъ него, хотѣли прижать его спиною къ стѣнѣ и, выживъ его изъ министерства, образовать свое собственное, которое онъ съ ехидствомъ называетъ кабинетомъ Гладстона. Но, конечно, Бисмаркъ съ наибольшимъ ожесточеніемъ отзывался о прогрессистахъ и не разъ поручалъ Бушу писать противъ нихъ газетныя статьи, полныя брани и клеветы.

Не лучше политическихъ партій относился желѣзный канцлеръ и къ отдѣльнымъ личностямъ, даже его ближайшимъ сотрудникамъ. Пока они ему были нужны, онъ осыпалъ ихъ милостями, а какъ только они перестали ему быть полезными, а тѣмъ болѣе, если осмѣливались противодѣйствовать ему, то онъ безпощадно ихъ губилъ, топталъ въ грязь и стиралъ съ лица земли. Очень характерно, что этотъ «геніальный юнкеръ», какъ его называетъ Бамбергеръ въ недавне вышедшей брошюрѣ [1]), ни о комъ не отзывается сочувственно, а всѣхъ бранитъ съ плеча въ своихъ мемуарахъ и въ разговорахъ съ Бушемъ. Напримѣръ, своего преемника въ Петербургѣ и Парижѣ, Роберта Гольца, онъ называетъ умнымъ интриганомъ, легкомысленно влюблявшимся во всѣхъ принцессъ, при дворѣ которыхъ онъ находился, отъ греческой королевы Амаліи до императрицы Евгеніи; другой прусскій дипломатъ Радовицъ въ его глазахъ былъ или дуракомъ или измѣнникомъ, австрійскимъ іезуитомъ или сумасшедшимъ. Про своихъ товарищей министровъ онъ отзывается самымъ презрительнымъ образомъ: министръ торговли, Иценплицъ, по его словамъ, былъ слабохарактерный человѣкъ, подпадавшій подъ вліяніе то одного то другого подчиненнаго; министръ внутреннихъ дѣлъ, Яговъ, былъ такой вспыльчивый и непріятный человѣкъ, что всѣ его ненавидѣли; министръ земледѣлія, Сельгофъ — ни на что неспособный провинціальный чиновникъ; министръ духовныхъ дѣлъ, Фалькъ, дѣлалъ ошибки за ошибками по безтактности; министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Фридрихъ Эйленбургъ, не годился ни на какое дѣло, такъ какъ распутная жизнь истощила его силы и нервы; замѣнившій его, графъ Бото Эйленбургъ, отличался большими талантами, но постоянно подкапывался подъ желѣзнаго канцлера.

[1]) Bismark Postumus, von L. Bamberger. Berlin. 1899.

Конечно, о германскомъ посланникѣ въ Парижѣ, графѣ Гарри Арнимѣ, Бисмаркъ отзывается всего рѣзче и по-своему разсказываетъ его скандальную исторію. Если вѣрить ему, то Арнимъ хотѣлъ всячески подставлять ему ножку и занять его мѣсто, для чего лгалъ, похищалъ государственные документы и совершалъ всякаго рода преступленія, между прочимъ присвоилъ себѣ отпускавшіяся ему 6.000 талеровъ на защиту германской политики во французскихъ газетахъ и употреблялъ эти деньги на подземную борьбу съ Бисмаркомъ въ купленной имъ «Шпенеровой газетѣ». Хотя желѣзный канцлеръ увѣряетъ, что никогда не хотѣлъ мстить Арниму, и если подвергъ его дважды судебному преслѣдованію, то лишь по долгу начальника, не могущаго допустить несубординацію подчиненнаго, но ничѣмъ инымъ нельзя объяснить того факта, что онъ не только погубилъ очень талантливаго, по его же словамъ, человѣка, и подвергъ его пятилѣтнему тюремному заключенію, но еще въ своихъ мемуарахъ ехидно замѣтилъ, что этотъ слишкомъ строгій приговоръ можно было бы признать справедливымъ только, еслибъ было доказано, что подсудимый, какъ тогда ходили слухи, имѣлъ преступныя сношенія съ барономъ Гиршемъ и отсрочивалъ исполненіе полученныхъ инструкцій въ интересахъ своей биржевой игры. Послѣ подобнаго поведенія относительно лежачаго соперника, Бисмаркъ еще имѣетъ дерзость кончить свой разсказъ объ эпизодѣ Арнима слѣдующими словами: «Очень жаль для нашей дипломатіи, что необыкновенныя способности Арнима не сопровождались надежнымъ характеромъ и благородствомъ». Читая эти слова, невольно приходится признать, что желѣзный канцлеръ былъ не только великимъ лицемѣромъ, но чѣмъ-то еще худшимъ. Не даромъ называлъ его сэръ Робертъ Морьеръ «сатаной современной Европы».

Къ тому же заключенію нельзя не прійти, взвѣсивъ безпристрастно его сужденія о двухъ императрицахъ и трехъ императорахъ, съ которыми онъ имѣлъ постоянныя, ежедневныя отношенія. Что онъ неблагопріятно отзывается объ императрицахъ, о Фридрихѣ и о Вильгельмѣ II, то это еще можно объяснить ихъ враждебными дѣйствіями противъ него, но все, что онъ говоритъ презрительно рѣзкаго о Вильгельмѣ I, котораго онъ постоянно называлъ своимъ повелителемъ, своимъ «бариномъ» и который всегда стушовывался передъ нимъ, предоставляя ему полную свободу дѣйствій и всѣ лавры,— рѣшительно является чудовищнымъ. Онъ самъ это хорошо понималъ и, говоря о своихъ мемуарахъ съ Бушемъ, произнесъ знаменательныя слова: «Съ 1847 года я всегда былъ представителемъ монархическаго принципа и держалъ твердо, высоко его знамя. Но я видѣлъ трехъ государей, такъ сказать, въ обнаженномъ видѣ и долженъ сказать, что эти три господина не всегда показывали мнѣ нѣчто прекрасное. И все-таки я не могу кричать объ этомъ

съ колокольни; тогда я пересталъ бы быть вѣрнымъ себѣ и сталъ бы въ противорѣчіе съ своими принципами. Вотъ я нахожусь въ большомъ смущеніи, какъ мнѣ быть съ моими мемуарами. А все-таки, если послѣ моей смерти что нибудь напечатаютъ изъ моихъ воспоминаній, то всѣ воскликнутъ: «Вотъ онъ какой! Даже въ могилѣ! Что за отвратительный старый подлецъ!»

Однако какое отталкивающее впечатлѣніе ни производятъ нѣкоторые изъ отзывовъ Бисмарка о представителяхъ гогенцоллернскаго дома, но посвященныя имъ страницы въ его мемуарахъ и въ книгѣ Буша представляютъ большой историческій интересъ. Поэтому нельзя не пожалѣть, что еще не появился въ свѣтъ третій или, вѣрнѣе сказать, первый томъ его «Мыслей и воспоминаній», о существованіи котораго не можетъ быть теперь сомнѣнія въ виду главнѣйшихъ свѣдѣній, сообщенныхъ близкими къ нему лицами. Въ Grenzboten появились воспоминанія доктора Гиттермана [1]), который часто бывалъ въ Фридрихсруэ, и вотъ что ему говорилъ объ этомъ первомъ томѣ писавшій его Лотаръ Бюхеръ: «Самая важная часть мемуаровъ, относящаяся до царствованія Вильгельма II и отставки князя, была написана прежде всего. Осенью 1891 года она уже была готова къ печати и заключала въ себѣ болѣе 1.000 страницъ мелкаго письма. Это историческій трудъ въ самомъ строгомъ смыслѣ, и онъ составляетъ нѣчто, вполнѣ цѣлое. Но я боюсь, что могущественныя вліянія помѣшаютъ его появленію въ печати, и мнѣ придется пожалѣть, что я посвятилъ ему послѣдніе годы своей жизни. Остальныя «Мысли и воспоминанія» не такъ важны, такъ какъ они состоятъ изъ отдѣльныхъ главъ, не связанныхъ между собою и написанныхъ разговорнымъ тономъ». Существованіе этого драгоцѣннаго тома мемуаровъ Бисмарка подтверждаетъ и его докторъ Швенингеръ, который пишетъ большой трудъ о своемъ паціентѣ, на основаніи замѣтокъ, набросанныхъ имъ почти ежедневно съ 1883 года, когда онъ началъ его лѣчить. По словамъ нѣмецкихъ газетъ, первый томъ воспоминаній Швенингера вскорѣ появится, и въ нихъ онъ прямо говоритъ, что первая мысль о мемуарахъ Бисмарка вошла въ голову ему. Онъ посовѣтовалъ своему паціенту взяться за этотъ трудъ, на другой же день послѣ его окончательнаго водворенія въ Фридрихсруэ, изъ боязни, чтобъ бездѣйствіе не имѣло дурного вліянія на его сильную натуру, привыкшую къ постояннымъ занятіямъ. Бисмаркъ долго сопротивлялся, но наконецъ изъявилъ согласіе и вызвалъ въ Фридрихсруэ Лотара Бюхера, который записывалъ его разговоры, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ. Изъ этихъ-то разговоровъ и вышли три тома «Мыслей и воспоминаній», изъ которыхъ первый посвященъ паденію желѣзнаго канцлера и составляетъ совершенно отдѣльный, цѣлый разсказъ.

---

[1]) Erinnerungen von W. Gittermann. Grenzboten. März. 1899.

Въ виду такихъ авторитетныхъ свидѣтельствъ, нельзя не признать, что третій въ хронологическомъ порядкѣ томъ мемуаровъ Бисмарка написанъ, и, конечно, онъ рано, или поздно выйдетъ въ свѣтъ. Но врядъ ли онъ дастъ много новыхъ чертъ для характеристики Вильгельма I и императрицы Августы, даже Фридриха III и его жены, за то представитъ массу самаго драгоцѣннаго и свѣжаго матеріала о Вильгельмѣ II и о послѣднемъ эпизодѣ политической дѣятельности Бисмарка, который подробно описалъ свою отставку по горячимъ слѣдамъ. Поэтому можно смѣло считать, что портреты двухъ императоровъ и двухъ императрицъ, какъ они выступаютъ изъ рамокъ напечатанныхъ томовъ мемуаровъ желѣзнаго канцлера и книги Буша, носятъ характеръ окончательный. Только фигура Вильгельма II представляется туманнымъ абрисомъ, ожидающимъ дальнѣйшихъ и многочисленныхъ штриховъ, чтобъ предстать рельефнымъ образомъ.

Совершенно различно говоритъ Бисмаркъ о Вильгельмѣ I въ своихъ мемуарахъ и въ разговорахъ съ Бушемъ: въ первыхъ онъ отзывается о своемъ повелителѣ, или «баринѣ», вообще сдержанно, прилично и офиціально, а въ послѣднихъ онъ доходитъ до рѣзкостей и грубостей. Но, всматриваясь ближе даже въ офиціальные его отзывы о Вильгельмѣ, можно вывести то же заключеніе, какъ и изъ откровенностей, записанныхъ Бушемъ: Вильгельмъ самъ по себѣ былъ ничто, а Бисмаркъ все; онъ ничего не понималъ и всегда дѣлалъ глупости, а Бисмарку приходилось ихъ поправлять. Одно только было въ немъ хорошее качество, онъ предоставлялъ Бисмарку дѣлать все, что угодно. Конечно, ничего подобнаго великій лицемѣръ прямо не говоритъ, но это вытекаетъ изъ каждаго его слова. Впрочемъ онъ Бушу буквально говорилъ: «Вильгельмъ обыкновенно во всякомъ дѣлѣ бралъ ложный путь, но потомъ дозволялъ мнѣ вывести себя на прямую дорогу. Онъ зналъ очень мало и очень медленно понималъ то, что ему объясняли». Даже въ той главѣ своихъ мемуаровъ, которую онъ посвящаетъ характеристикѣ Вильгельма, Бисмаркъ замѣчаетъ, напримѣръ, что, знавъ пристрастіе императора ко всему военному, онъ, хотя и статскій, носилъ всегда военный мундиръ и тѣмъ имѣлъ на него бо̀льшее вліяніе. Еще наслѣднымъ принцемъ, Вильгельмъ обнаруживалъ полное невѣдѣніе государственныхъ дѣлъ, и Бисмарку приходилось учить его, что такое піетистъ, и въ какихъ отношеніяхъ находились прусскіе помѣщики къ своимъ крестьянамъ. При этомъ характерно, что̀ Бисмаркъ именно считалъ невѣжествомъ со стороны Вильгельма—его увѣренность въ угнетеніи помѣщиками крестьянъ. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался регентомъ, королемъ и императоромъ, то Бисмаркъ ехидно замѣчаетъ, что «знанія не поддерживали его здраваго смысла», а «упорные предразсудки мѣшали ему понимать дѣла». Вообще онъ называетъ императора «храбрымъ офицеромъ на тронѣ» и доказываетъ, что его лучшая черта заключалась именно въ томъ, что онъ былъ прусскимъ офицеромъ

и дворяниномъ. Благодаря этимъ офицерскимъ и дворянскимъ качествамъ, онъ никогда, по словамъ желѣзнаго канцлера, не забывалъ принципа «noblesse oblige», и когда затронута была въ немъ эта струна, то онъ являлся настоящимъ патріотомъ-государемъ. «Если онъ иногда забывалъ свой долгъ государя, замѣчаетъ Бисмаркъ, то его можно было быстро привести въ сознаніе, и онъ тогда становился государемъ съ головы до ногъ, оставаясь все-таки прусскимъ офицеромъ». Въ его отношеніяхъ къ Бисмарку, послѣдній всего болѣе цѣнилъ то, что, «сохраняя свое императорское достоинство, онъ открыто признавалъ, что его вѣрный слуга не только отгадывалъ его намѣренія, но и руководилъ ими». Во время многочисленныхъ пререканій съ Бисмаркомъ, который при каждомъ несогласіи съ нимъ Вильгельма тотчасъ подавалъ въ отставку, императоръ всегда убѣждалъ его остаться канцлеромъ, говоря: «Вы не захотите своимъ уходомъ сдѣлать меня смѣшнымъ въ глазахъ всего свѣта». Въ одинъ изъ такихъ непріятныхъ эпизодовъ Вильгельмъ писалъ Бисмарку: «Мое величайшее счастье всегда жить въ согласіи съ вами, а вы хотите изъ-за пустого спора бросить меня».

Съ своей стороны Бисмаркъ въ откровенныхъ разговорахъ съ Бушемъ на вопросъ о томъ, былъ ли Вильгельмъ настоящимъ государемъ, отвѣчалъ: «да, это былъ благородный товарищъ, хотя мнѣ много приходилось съ нимъ возиться и часто, благодаря ему, переживать тяжелыя минуты, но все-таки никогда по его милости я не попадалъ впросакъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не разъ жаловался Бушу, что «Вильгельмъ не даетъ покоя и не знаетъ жалости, ставя ему преграды во всѣхъ его предпріятіяхъ, оканчивающихся въ его же славу». Такъ Вильгельмъ ни за что не хотѣлъ воевать съ Даніей и Австріей, заключить мира съ послѣдней послѣ побѣды подъ Садовой, побудить Францію къ объявленію войны Пруссіи и заключить союзъ съ Австріей противъ Россіи, а всѣ эти событія, по словамъ Бисмарка, были тріумфами для того же Вильгельма, котораго необходимо было всегда дѣлать тріумфаторомъ помимо его воли. Въ особенности желѣзный канцлеръ нападаетъ на то качество своего «барина», которое онъ называетъ «излишней добросовѣстностью». Это качество онъ проявилъ наиболѣе, сопротивляясь заключенію союза съ Австріей противъ Россіи, доказывая, что онъ опозоритъ себя, измѣнивъ своему старому другу и племяннику, русскому государю. Дѣйствительно, подобныя чувства были незнакомы Бисмарку и естественно, становясь ему поперегъ дороги, возбуждали въ немъ только презрительный гнѣвъ. Въ этомъ отношеніи онъ иногда заходилъ очень далеко, и однажды сказалъ Бушу: «можно признать, что покушеніе Нобелинга на жизнь императора (при чемъ Вильгельмъ былъ раненъ) было въ нѣкоторомъ отношеніи счастьемъ, такъ какъ иначе я ничего не добился бы на берлинскомъ конгрессѣ; онъ всегда стоялъ за невозможные проекты и

упорствовалъ въ нихъ до послѣдней крайности». А рядомъ съ подобными неблаговидными откровенностями мы встрѣчаемъ отзывы великаго лицемѣра о Вильгельмѣ такого рода: «Благородство, достоинство и спокойствіе императора вызывали всеобщее уваженіе даже его враговъ. Чувства чести и справедливости проявлялись во всѣхъ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ друзьямъ, слугамъ и врагамъ». Не только у Бисмарка поворачивалась рука, чтобы написать подобные диѳирамбы послѣ того, какъ онъ открыто называлъ счастьемъ покушеніе на жизнь Вильгельма, но онъ еще завѣщалъ начертать на своей гробницѣ, что и сдѣлано: «Вѣрный германскій слуга императора Вильгельма I».

«Отличительной чертой гогенцоллерновъ, сказалъ однажды Бисмаркъ Бушу, всегда служила привычка плясать подъ дудку своихъ женъ». Такое подчиненіе вліянію своей жены, императрицы Августы, желѣзный канцлеръ считалъ главнымъ недостаткомъ Вильгельма I. Съ этимъ вліяніемъ онъ постоянно боролся, и всегда онъ и императрица Августа были заклятыми врагами. Хотя въ концѣ концовъ ему постоянно удавалось одерживать верхъ надъ ея интригами, но онъ все-таки питалъ къ ней такую ненависть, которая открыто выражается не только въ разговорахъ съ Бушемъ, но и въ его мемуарахъ. «Я такъ привыкъ, разсказываетъ онъ, къ вѣчной борьбѣ съ императрицей Августой, что, всегда зналъ, когда императоръ сопротивлялся мнѣ по личному убѣжденію или по вліянію жены. Въ первомъ случаѣ мы обсуждали вопросъ серіозно, а въ послѣднемъ онъ приводилъ самые пустые аргументы и въ концѣ концовъ махалъ рукой и воскицалъ: «Ну, чортъ возьми, простите меня тысячу разъ». Я тогда понималъ, что передъ мною не императоръ, а его жена. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ не скрывалъ отъ меня своего непріятнаго домашняго положенія и часто совѣтовался со мною, какъ примирить съ государственнымъ интересомъ семейное спокойствіе, вѣчно угрожаемое «изверженіемъ волкана». Хотя Бисмаркъ и признаетъ, что императрица Августа была умная, образованная и энергичная женщина и главнымъ образомъ боролась съ нимъ, для того, чтобы не допустить чужого вліянія на слабохарактернаго мужа, но онъ никогда не могъ говорить о ней хладнокровно. Эта принцесса, дочь великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго и великой княгини Маріи Павловны, была, по его словамъ, хотя истой нѣмкой, но не патріоткой и отдавала всегда преимущество иностранцамъ, въ особенности французамъ и англичанамъ, пристрастіе къ которымъ равнялось только ея ненависти къ Россіи. Во внѣшнихъ и во внутреннихъ дѣлахъ, во всемъ и всегда, она противодѣйствовала Бисмарку. Во время войнъ съ Даніей, Австріей и Франціей, она сочувствовала врагамъ Пруссіи; во время культурной борьбы мирволила католикамъ, всегда противилась союзу съ Россіей; постоянно дружила съ либералами и пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы на-

солить геніальному юнкеру. Зато и онъ постоянно дѣлалъ ей всевозможныя непріятности, даже поручалъ Бюхеру писать о ней въ англійскихъ газетахъ скандальныя клеветы.

«Ужъ эта мнѣ Августа, говорилъ Бисмаркъ въ 1885 году Бушу: не успѣетъ Вильгельмъ приняться со мною за работу, какъ является она и, просунувъ голову въ дверь, говоритъ: «Я вамъ не мѣшаю?» Онъ всегда любезенъ съ женщинами и потому отвѣчаетъ: «нѣтъ»; она садится и начинаетъ болтать всякій пустякъ. Онъ ее слушаетъ, а дѣло ждетъ. Потомъ она уходитъ, а черезъ двѣ минуты возвращается. Снова извиняется и снова болтаетъ. Онъ краснѣетъ, но ничего не можетъ сказать ей. Она не женщина, а просто бичъ Божій. И какая это любовь къ мужу, это просто комедія. Ничего въ Августѣ нѣтъ естественнаго, а все въ ней искусственно и снаружи и внутри». Когда однажды Бушъ спросилъ, послать ли поздравительную депешу наслѣдному принцу Фридриху, по случаю его дня рожденія, то Бисмаркъ, бывшій съ принцемъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, воскликнулъ: «конечно, надо ему послать, а вотъ если бы дѣло шло объ его маменькѣ, то ужъ ей я никогда не сдѣлаю никакой любезности. Она всегда интригуетъ и дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы возстановить императора противъ меня».

Такую же ненависть питалъ желѣзный канцлеръ къ женѣ наслѣднаго принца, а потомъ императора Фридриха III, которая съ своей стороны отвѣчала ему тѣмъ же. «Эта англичанка, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ,—съ самаго начала заявила, что не довѣряетъ мнѣ, а послѣ войны 1866 года въ разговорѣ со мной она полусерьезно, полушутя спросила, правда ли, что я хочу сдѣлаться королемъ, или по крайней мѣрѣ президентомъ республики». Я отвѣчалъ ей тѣмъ же тономъ, что во мнѣ не было ничего республиканскаго, что я воспитанъ въ роялистскихъ традиціяхъ и считалъ себя счастливымъ, что Богъ предоставилъ мнѣ быть не королемъ, котораго вѣчно показываютъ на золотомъ блюдѣ, а слугой короля. Но къ этому я прибавилъ, что за сохраненіе роялизма въ будущемъ поколѣніи я не ручаюсь, такъ какъ въ монархіи прежде всего надо имѣть короля, въ виду французской пословицы «pour faire un chef, il faut un lièvre». Точно также Бисмаркъ говорилъ Бушу о будущей императрицѣ во время французской кампаніи: «это настоящая англичанка. Я помню, однажды она мнѣ сказала съ гордостью, что у трехъ ливерпульскихъ купцовъ больше серебра, чѣмъ у всей прусской аристократіи». Я на это ей отвѣтилъ: «можетъ быть, ваше высочество, но мы цѣнимъ выше серебра нѣчто другое». Впрочемъ она очень умная женщина и не скрываетъ своихъ чувствъ. Такъ однажды она спросила стаканъ воды, а когда я исполнилъ ея желаніе, то она сказала, обращаясь къ своей фрейлинѣ: «онъ мнѣ стоилъ болѣе слезъ, чѣмъ воды въ этомъ стаканѣ». Дѣйствительно она такъ много горевала отъ присоединенія къ Пруссіи Шлезвига и Ганновера, съ дво-

рами которыхъ находилась въ близкомъ родствѣ, что никогда не могла простить Бисмарку. Въ этомъ отношеніи она была вѣрнымъ отраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя вообще питала къ желѣзному канцлеру англійская королевская семья, младшая представительница которой, принцесса Беатриса, говорятъ, ребенкомъ на вопросъ Вильгельма, что ей подарить, сказала: «голову Бисмарка на блюдѣ». Кромѣ родственныхъ причинъ, враждебно располагавшихъ старшую дочь Викторіи къ желѣзному канцлеру, она еще принципіально боролась съ нимъ, какъ съ апостоломъ милитаризма, абсолютизма и консерватизма, тогда какъ она была искренняя либералка, воспитанная отцемъ въ строго парламентскихъ и конституціонныхъ принципахъ, которые она всячески старалась поддерживать въ своемъ мужѣ. Поэтому естественно, что она и Бисмаркъ постоянно враждовали, хотя, по его признанію, она никогда не прибѣгала къ такимъ недостойнымъ средствамъ борьбы, какъ Августа, и со времени вступленія на престолъ ея мужа искренно поддерживала желѣзнаго канцлера, сознавая, что его услуги одинаково необходимы Германіи и Гогенцоллернскому дому. Однако эти обстоятельства не мѣшали ему диктовать Бушу позорные, грязные нападки на нее въ статьѣ, напечатанной въ «Grenzboten», которую онъ офиціально порицалъ въ «National-Zeitung», а также ехидно намекаетъ въ своихъ мемуарахъ на зловредное вліяніе ненавистной ему женской юбки на Фридриха и рѣзко отзывается въ разговорахъ съ Бушемъ объ «ученицѣ» Гладстона, которая, по его словамъ, «притупляла, мучила и тиранила своего больнаго мужа доктринерской болтовней». «Вотъ ужъ болтаетъ-то безъ умолка, гнѣвно говорилъ о ней Бисмаркъ, во время эпизода сватовства принца Батенбергскаго (которому Бисмаркъ не дозволилъ жениться на дочери Фридриха изъ политическихъ соображеній, несмотря на всѣ хлопоты двухъ императрицъ Викторій: индійской и нѣмецкой), а ему бѣдняку не подъ силу съ нею тягаться, и какъ онъ ужъ радъ, когда я спѣшу къ нему на выручку. Я знаю, что она желаетъ оставить меня у власти, и старается меня обмотать ватой и бархатомъ. Да я не поддамся. Я не хочу подчиняться ихъ капризамъ, глупостямъ и англійскимъ интересамъ, не согласнымъ съ германскиой политикой. Для нея только важна Англія, и она считаетъ насъ низшей расой, способной лишь быть лакеями англичанъ. Она часто распространяется о моей преданности къ династіи. Это правда, но особенно я былъ преданъ ей при старомъ императорѣ, а если я остался послѣ его смерти, то лишь на основаніи формальнаго уговора, что я буду попрежнему продолжать свою старую политику, не боясь чужаго вмѣшательства и не видя надобности бороться съ женщинами за управленіе страной».

Быть можетъ, ни о комъ такъ рѣзко и несправедливо не отзывался Бисмаркъ, какъ объ императорѣ-философѣ. Еще рѣзкость его

сужденій о Фридрихѣ III при его жизни и послѣ смерти можно допустить, въ виду принципіальной противоположности между либеральными, гуманными взглядами Фридриха и теоріей желѣзнаго канцлера о силѣ господствующей надъ правомъ, благодаря чему они часто враждовали между собой. Но явная несправедливость нѣкоторыхъ изъ его отзывовъ о Фридрихѣ положительно ставитъ втупикъ всякаго безпристрастнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что въ самыхъ его неприличныхъ выходкахъ относительно Вильгельма I и императрицы Августы есть доля правды, а тутъ, кромѣ гнусной клеветы, нѣтъ ничего. Конечно, эти недостойныя выраженія встрѣчаются въ книгѣ Буша, а въ своихъ мемуарахъ великій лицемѣръ отзывается очень сладко о Фридрихѣ и увѣряетъ, что «всегда пользовался его милостивымъ довѣріемъ, благодаря чему онъ и легко сталъ питать къ нему тѣ же чувства, которыя питалъ къ отцу». Мало этого, онъ прибавляетъ, что совершенно несправедливы всѣ толки о постоянныхъ несогласіяхъ между ними, хотя, конечно, и были минутныя недоразумѣнія, но вообще Фридрихъ болѣе своего отца понималъ конституціонные порядки, между прочимъ, министерскую отвѣтственность. Собственно Фридриху посвящены въ мемуарахъ желѣзнаго канцлера двѣ главы: о Данцигскомъ эпизодѣ и объ его кратковременномъ царствованіи. Первое событіе заключалось въ томъ, что въ 1863 году, во время борьбы Бисмарка съ парламентомъ, сторону котораго открыто принималъ либеральный Фридрихъ, онъ заявилъ въ своей рѣчи къ данцигскому муниципалитету сожалѣніе о королевскомъ декретѣ насчетъ репресивныхъ мѣръ противъ печати, а затѣмъ послалъ протестъ по этому поводу въ министерство. По словамъ Бисмарка, король очень разгнѣвался на сына и будто бы помирился съ нимъ только по просьбѣ перваго министра «пожалѣть для него юнаго Авессалома». Примирившись съ отцемъ и признавъ себя виновнымъ въ неприличномъ поступкѣ, Фридрихъ однако написалъ рѣзкое письмо первому министру, въ которомъ осуждалъ его политику, называлъ ее нарушеніемъ конституціи и заявлялъ, что онъ просилъ отца дозволить ему не присутствовать болѣе на засѣданіяхъ совѣта министровъ, пока остается премьеромъ Бисмаркъ. Этотъ благородный протестъ молодаго принца объясняется Бисмаркомъ въ такомъ видѣ, какъ будто Фридрихъ находился подъ башмакомъ своей жены и написалъ письмо чуть не подъ ея диктовку. «Въ Гаштейнѣ меня посѣтилъ принцъ, прибавляетъ онъ, и тамъ, не находясь подъ англійскимъ вліяніемъ, онъ объяснилъ мнѣ скромно и любезно свой поступокъ отсутствіемъ самостоятельноети, недостаточнымъ политическимъ образованіемъ и незнакомствомъ съ дѣлами. Онъ говорилъ искреннимъ тономъ человѣка, который сознаетъ свою вину и находитъ ей извиненіе въ чужомъ вліяніи на него». Но, по ехидному замѣчанію Бисмарка, не успѣлъ Фридрихъ снова попасть подъ чужое вліяніе, какъ вторично протестовалъ противъ правительствен-

наго мѣропріятія, именно противъ распущенія палаты депутатовъ, и написалъ первому министру лаконическую записку, въ которой заявлялъ себя рѣшительнымъ противникомъ министерства. Вслѣдствіе этого произошло объясненіе между либерально-настроеннымъ юношей и геніальнымъ юнкеромъ. «Я, разсказываетъ Бисмаркъ, спросилъ его, почему онъ держитъ себя такъ далеко отъ правительства, которое черезъ нѣсколько лѣтъ должно сдѣлаться его правительствомъ, и прибавилъ, что если онъ имѣлъ другіе принципы, то ему слѣдовало искать способъ къ постепенному переходу отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, а не играть въ оппозицію. Онъ энергично протестовалъ, полагая, вѣроятно, что я подготовлялъ себѣ сохраненіе власти при его вступленіи на престолъ. Я долго не могъ забыть враждебнаго олимпійскаго величія, которымъ дышало его лицо. И теперь еще я вижу передъ собою его откинутую назадъ голову, красное лицо и гнѣвный взглядъ, брошенный черезъ плечо на меня. Я сдержалъ свое раздраженіе, вспомнилъ о сценѣ Дона Карлоса съ герцогомъ Альбой въ пьесѣ Шиллера и отвѣчалъ, что если я позволилъ себѣ говорить, то лишь въ интересахъ страны и династіи, которыхъ могло скомпрометировать его удаленіе отъ дѣлъ. Я прибавилъ, что если старался удержать короля отъ гнѣвной противъ него выходки, то въ тѣхъ же интересахъ и съ цѣлью, при нашей борьбѣ съ парламентаризмомъ, поддержать согласіе въ королевской семьѣ. Я былъ вѣрнымъ слугой его отца и желалъ ему при его восшествіи на престолъ найти себѣ такихъ же вѣрныхъ слугъ, а я, конечно, не буду въ ихъ числѣ. Онъ тотчасъ успокоился, понявъ, что напрасно разгорячился, и окончилъ нашъ разговоръ любезно».

Въ разсказѣ Бисмарка о трехмѣсячномъ царствованіи Фридриха II, нѣтъ ничего ни новаго ни интереснаго, кромѣ нѣсколькихъ строкъ, относящихся до его разговора съ Фридрихомъ, еще наслѣднымъ принцемъ, въ 1885 году, по случаю нездоровья императора Вильгельма. На вопросъ принца, останется ли канцлеръ на своемъ мѣстѣ при перемѣнѣ царствованія, онъ отвѣчалъ, что останется, но подъ двумя условіями: безъ парламентскихъ порядковъ и безъ чужаго вмѣшательства въ политику. Фридрихъ отвѣчалъ безмолвнымъ знакомъ руки, очевидно выражавшимъ: «я объ этомъ и не думаю». Оканчивается глава о Фридрихѣ III, а съ нею второй томъ «Мыслей и воспоминаній», подлиннымъ письмомъ императора отъ 25 марта 1888 года, въ которомъ только что вступившій на престолъ Фридрихъ поздравлялъ канцлера по случаю 50-ти-лѣтней годовщины его вступленія на военную службу и выражалъ благодарность всей арміи за тѣ благодѣянія, которыя онъ оказалъ ей. Это письмо сопровождается довольно страннымъ и таинственнымъ замѣчаніемъ Бисмарка: «какъ образецъ переписки императора Фридриха со мною, я приведу только одно письмо, въ его интересахъ и въ моихъ». На какіе бы интересы ни намекалъ человѣкъ

желѣза и огня, но, очевидно, его интересы не могли имѣть ничего общаго съ интересами императора-философа.

Что въ интересахъ Бисмарка было не говорить о благородномъ мученикѣ всего того, что онъ позволилъ себѣ сказать Бушу, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Первый отзывъ желѣзнаго канцлера о наслѣдномъ принцѣ, который приводится Бушемъ, уже дышитъ злобой и ехидствомъ. На замѣчанія Буша въ день сраженія подъ Бомономъ во время франко-прусской войны, что наслѣдный принцъ казался сіяющимъ, «геніальный юнкеръ» воскликнулъ: «Отчего ему не сіять? Развѣ онъ не наслѣдникъ одного изъ могущественныхъ престоловъ на свѣтѣ, и развѣ ему не улыбается прекрасная будущность? Со временемъ онъ сдѣлается благоразумнѣе, дозволитъ министрамъ управлять страною на свободѣ, будетъ меньше соваться впередъ и броситъ дурныя привычки, которыя дѣлаютъ старыхъ его сотоварищей по профессіи порой очень скучными. Впрочемъ онъ простой и прямой, но мало работаетъ. Онъ совсѣмъ доволенъ, когда у него карманы полны деньгами, и въ газетахъ его хвалятъ». Этотъ безсмысленный отзывъ Бисмаркъ повторилъ въ 1880 г. и прибавилъ: «Да, я совершенно вѣрно его охарактеризовалъ. Онъ желаетъ одного—спокойной и безмятежной жизни. Онъ не терпитъ борьбы, и уже теперь избѣгаетъ всякихъ усложненій, зная, что старикъ долго не протянетъ, и наступитъ его очередь. Онъ очень походитъ на своего дѣда Фридриха-Вильгельма II. Этотъ старый король пріѣзжалъ каждый день въ Берлинъ съ Павлиньяго острова или изъ Потсдама и вечеромъ отправлялся въ театръ на какую нибудь пьесу низкаго сорта, а какъ только занавѣсъ опускался, онъ шелъ за кулисы и трепалъ подбородки красивыхъ актрисъ и затѣмъ уже преспокойно возвращался домой. Наслѣдный принцъ таковъ же. Онъ желаетъ не управлять страной, а забавляться. Онъ намѣренъ оставить меня у власти, но я уйду». Еще недостойнѣе и прямо скандально отозвался о Фридрихѣ Бисмаркъ въ 1884 году: «Я всегда боюсь, чтобъ сегодняшній наслѣдный принцъ, а завтрашній императоръ, не поддался на удочку Англіи въ виду уваженія, которое онъ питаетъ къ королевѣ Викторіи и въ особенности въ виду ея щедрости». И, по словамъ Буша, желѣзный канцлеръ знаменательно сталъ одной рукой считать деньги на ладони другой.

Во время царствованія Фридриха, Бисмаркъ ничего не говорилъ своему наперснику о бѣдномъ больномъ императорѣ, но только жалуясь на интриги обѣихъ Викторій, которыя, по его словамъ, хотѣли поссорить Германію съ Россіей изъ-за брака принца Баттенбергскаго съ дочерью Фридриха, онъ призналъ, что послѣдній велъ себя въ этой исторіи вполнѣ правильно и держалъ сторону канцлера, который рѣшился выйти въ отставку, если бы баттенбергцы одержали верхъ. Характеристиченъ отзывъ Бисмарка о результатѣ этого эпизода, окончившагося мирно, благодаря личному вмѣшательству коро-

левы Викторіи. Вообще онъ очень не долюбливалъ ее и всегда отзывался о ней рѣзко, но на этотъ разъ сказалъ съ улыбкой: «бабушка пріѣхала въ Шарлотенбургъ и повела себя благоразумно. Она сама заявила, что императоръ совершенно правильно велъ себя относительно Баттенбергскаго брака, и посовѣтовала дочери уступить. Она прибавила, что очень хорошо не забывать своей родины и насколько возможно блюсти интересы, но надо также помнить, что ей необходима любовь нѣмцевъ, для обезпеченія которой она обязана употреблять всѣ свои усилія». Но однажды похваливъ Фридриха и то лишь потому, что онъ держалъ его сторону въ Баттенбергскомъ эпизодѣ, Бисмаркъ, говоря о немъ съ Бушемъ послѣ его смерти, уже нисколько не стѣснялся высказывать самые недостойные о немъ отзывы. Такъ на замѣчаніе Буша, что смерть Фридриха была большимъ счастьемъ для Германіи, потому что онъ постоянно находился подъ вліяніемъ Англіи и разссорилъ бы нѣмцевъ съ Россіей, желѣзный канцлеръ отвѣчалъ: «Да, онъ всегда держалъ сторону Орлеановъ, хотѣлъ хлопотать за дочь герцога Нимурскаго, дружилъ съ поляками и датчанами, былъ противъ войны съ Австріей въ 1866 году и однимъ словомъ всегда стоялъ за то, что было выгодно англичанамъ». Конечно, появленіе въ «Deutsche Rundschau» дневника императора Фридриха во время франко-прусской войны вывело изъ себя Бисмарка, такъ какъ изъ замѣтокъ императора философа, собранныхъ Гефкеномъ, ясно вытекало, что онъ въ Версали настаивалъ на образованіи Германской имперіи, но, конечно, на либеральныхъ, а не на Бисмарковскихъ началахъ. «Лично я убѣжденъ, что дневникъ подлинный, сказалъ Бисмаркъ, гнѣвно обращаясь къ Бушу, которому поручилъ написать самое рѣзкое опроверженіе дневника: это сборище поверхностныхъ взглядовъ, невѣжественныхъ свѣдѣній, пустыхъ, политическихъ сентиментальностей, нелѣпыхъ фразъ и громкихъ претензій. Императоръ Фридрихъ былъ далеко не такой способный человѣкъ, какъ его отецъ, а и этотъ не былъ первокласснымъ политикомъ. Вотъ почему я ни на минуту не усомнился въ подлинности дневника. Но это все равно, намъ необходимо выдать его за подлогъ. Вы такъ сначала и напишите, распространяясь съ негодованіемъ о томъ, что дерзнули очернить подобными клеветами память благороднаго покойника. А потомъ, когда вамъ докажутъ, что дневникъ подлинный, то вы опровергнете всѣ ошибки и нелѣпости, какія въ немъ заключаются, но осторожно, мягко, не забывая, что онъ былъ императоромъ, и что настоящій императоръ его сынъ».

Но въ отзывахъ, высказанныхъ Бушу по этому случаю, самъ Бисмаркъ не считалъ нужнымъ руководствоваться даннымъ своему наперснику совѣтомъ. Въ доказательство того, что Фридрихъ вовсе не былъ такимъ гуманнымъ человѣкомъ, какимъ онъ себя выдавалъ, Бисмаркъ привелъ разговоръ съ нимъ послѣ Седана. Наслѣдный принцъ былъ очень недоволенъ поведеніемъ баварцевъ

и настаивалъ на примѣрномъ ихъ наказаніи, даже предлагалъ поставить два корпуса ихъ арміи въ такое положеніе, чтобы французы ихъ убили до послѣдняго человѣка. На это Бисмаркъ отвѣчалъ, что нельзя допустить и мысли о подобной безпримѣрной измѣнѣ, и прибавилъ: «принцъ можетъ это сдѣлать, а благородный человѣкъ этого никогда не сдѣлаетъ». Представивъ такимъ образомъ императора-философа личностью легкомысленной, думающей только о забавахъ и спокойствіи, сребролюбивой, корыстной, непатріотичной, жестокосердной и прямо преступной, желѣзный канцлеръ этимъ не удовольствовался; ему оставалось еще доказать, что принцъ дуракъ. «Нѣсколько времени у насъ былъ тайный трактатъ съ Россіей, сказалъ Бисмаркъ Бушу 29 сентября 1888 года; по этому уже несуществующему трактату мы обязывались въ случаѣ войны Англіи съ Россіей остаться нейтральными. Я однажды сказалъ объ этомъ трактатѣ наслѣдному принцу, и знаете, что онъ мнѣ отвѣчалъ»: «конечно, Англію объ этомъ увѣдомили, и она согласилась». Всѣ присутствовавшіе расхохотались, въ томъ числѣ и дамы. Очевидно покойный императоръ нуждался въ томъ, чтобы его голову освѣщали внутри восковой свѣчей». Казалось, достаточно было этихъ оскорбительныхъ словъ, но Бисмаркъ, спустя нѣсколько дней, еще прибавилъ: «я увѣренъ, что императоръ Фридрихъ, будучи наслѣднымъ принцемъ, показалъ дневникъ своимъ англійскимъ друзьямъ: стряпчимъ и другимъ политическимъ шарлатанамъ. Они сдѣлали свои замѣчанія, и онъ внесъ ихъ цѣликомъ въ дневникъ, потому что, какъ всѣ посредственности, онъ любилъ списывать, печатать письма и т. д. Впрочемъ ему нечего было другого и дѣлать, такъ какъ императоръ держалъ его всегда далеко отъ политики и не только самъ не говорилъ съ нимъ о политическихъ вопросахъ, но и мнѣ запрещалъ сообщать ему что бы то ни было о дѣлахъ».

Конечно, далѣе этого по пути злословія и клеветы идти было нельзя, даже великому лицемѣру и сатанѣ современной Европы, а потому Бушъ болѣе не приводитъ отзывовъ своего патрона о благородномъ Фридрихѣ. Впрочемъ, быть можетъ, и этому «злюкѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ», по словамъ Бисмарка, «записывавшему непріятный отзывъ о комъ нибудь», наконецъ опротивѣло быть глашатаемъ злобной лжи. Дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ говоритъ: «при первой возможности я убѣгу изъ Берлина, чтобы болѣе не слышать лжи изъ устъ нашего главы и не быть обязаннымъ ее распространять».

О Вильгельмѣ II въ «Мысляхъ и воспоминаніяхъ» ничего не упоминается и по очень простой причинѣ: ему посвященъ всецѣло первый томъ, въ которомъ подробно описано, какъ, по собственному выраженію Бисмарка, его прогнали, словно собаку», а потому надо ждать, когда появится, если не въ Германіи, подлинникъ, то во Франціи или Англіи переводъ этой интереснѣйшей части мемуаровъ

желѣзнаго канцлера, чтобы судить объ его отношеніяхъ къ своему коронованному ученику, а потомъ злѣйшему врагу. Но легко отгадать, какъ долженъ былъ отнестись этотъ гордый, злобный человѣкъ къ катастрофѣ, составившей эпилогъ его долговременной политической дѣятельности. По мѣткому выраженію французскаго историка Сорреля, «эта катастрофа должна была казаться ему тѣмъ трагичнѣе, что онъ погибъ раздавленный своимъ собственнымъ созданіемъ, прусскимъ королемъ, котораго онъ сдѣлалъ императоромъ и самымъ могущественнымъ государемъ въ Европѣ» [1]).

Что касается до Буша, то онъ приводитъ извѣстныя письма Бисмарка къ Вильгельму II передъ отставкой и три его отзыва о немъ. Первый изъ нихъ относится къ 27 сентября 1888 года, когда еще продолжался медовый мѣсяцъ отношеній желѣзнаго канцлера къ молодому императору. «Онъ очень внимателенъ ко мнѣ, сказалъ Бисмаркъ, и когда пріѣзжалъ въ Фридрихсруэ, онъ выразилъ мнѣ удивленіе, что я не легъ спать, а ожидалъ его до 11 ч. вечера. Его дѣдъ никогда бы не сказалъ ничего подобнаго. А утромъ онъ всталъ въ 9 часовъ вопреки всѣмъ своимъ обычаямъ, потому что полагалъ, что я встаю поздно, и, войдя ко мнѣ въ спальную, просилъ меня не церемониться». На замѣчаніе Буша, что Вильгельмъ былъ послушнымъ и благодарнымъ ученикомъ, скромно помогавшимъ великому государственному человѣку, онъ получилъ въ отвѣтъ: «Да, его можно упрекать въ очень немногомъ: напримѣръ, онъ начинаетъ свои рѣчи новыми словами, которыя заимствуетъ изъ газетъ, но это юношеская горячность, и она современемъ пройдетъ, лучше имѣть слишкомъ много огня, чѣмъ слишкомъ мало». Однако спохватившись, что онъ только хвалитъ Вильгельма и тѣмъ нарушаетъ свое общее правило говорить о всѣхъ что нибудь непріятное, желѣзный канцлеръ нашелъ нужнымъ разсказать анекдотъ о томъ, какъ Вильгельма въ дѣтствѣ высѣкла нянька. Наказывая ребенка, она извинялась передъ нимъ и увѣряла, что ей еще больнѣе, чѣмъ ему. «Неужели, воскликнулъ мальчикъ, и вамъ больно въ томъ же мѣстѣ, гдѣ мнѣ».

Въ совершенно иномъ тонѣ отозвался о молодомъ императорѣ его учитель 18 марта 1890 года, за нѣсколько дней до его отставки. «Я больше не могу оставаться,—воскликнулъ онъ, увидѣвъ издали Буша,—и чѣмъ я скорѣе уйду, тѣмъ лучше. Я не могу этого терпѣть. Онъ хочетъ знать, кого я здѣсь принимаю, и посылаетъ шпіоновъ наблюдать за всякимъ, кто сюда приходитъ». Потомъ зашелъ разговоръ объ императорскомъ циркулярѣ по рабочему вопросу, и Бисмаркъ замѣтилъ: «Вильгельмъ самъ писалъ этотъ циркуляръ, потому что чрезвычайно самоувѣренъ, хотя ничего не понимаетъ въ дѣлахъ. Циркуляръ можетъ только причинить зло, и я это прямо ему выска-

[1]) Les mémoires de Bismark, par Albert Sorrel. «Le Temps» 23 mars 1899.

залъ, но онъ не хочетъ меня слушать, такъ велика его самонадѣянность». Спустя день, Бисмаркъ снова призвалъ къ себѣ Буша и поручилъ ему помѣстить въ благонадежное мѣсто нѣсколько важныхъ документовъ, а на вопросъ, настаиваетъ ли онъ на своей отставкѣ, желѣзный канцлеръ отвѣчалъ: «это уже совершившійся фактъ. Обстоятельства идутъ скорѣе, чѣмъ я думалъ. Мнѣ казалось, что онъ будетъ благодаренъ, если я останусь при немъ еще нѣсколько лѣтъ, но теперь я вижу, что онъ желаетъ только одного, какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ меня и начать управлять по-своему, руководствуясь своимъ геніемъ и во славу свою. Ему надоѣлъ старый менторъ, и онъ хочетъ, чтобы вокругъ него были послушные слуги. Но я не могу преклонять передъ нимъ колѣно и ложиться подъ стулъ, какъ собака. Потомъ онъ хочетъ разрыва съ Россіей, а не имѣетъ достаточно мужества, чтобы потребовать отъ либераловъ рейхстага увеличенія арміи. Я съ трудомъ добился, что мнѣ довѣряютъ въ Петербургѣ, и что же тамъ будутъ обо мнѣ теперь думать? Нѣтъ, рѣшительно я не могу въ концѣ своей карьеры отвѣчать за ошибки и глупости надменнаго, неопытнаго юноши». Замѣчательно, что отецъ Вильгельма говорилъ о немъ въ письмѣ къ Бисмарку изъ Портофино въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, именно называлъ его надменнымъ, неопытнымъ и самонадѣяннымъ юношей.

Какъ отзывался желѣзный канцлеръ въ своей опалѣ объ ученикѣ, который, слѣдуя системѣ своего учителя о силѣ, господствующей надъ правомъ, подвергъ его оскорбительной и съ офиціальной точки зрѣнія незаслуженной опалѣ,—Бушъ не повѣдалъ міру, такъ что съ еще большимъ любопытствомъ приходится ждать появленія перваго тома мемуаровъ Бисмарка.

Впрочемъ, извѣстно, что, живя восемь лѣтъ вдали отъ власти, сдѣлавшейся его второй натурой, старикъ, такъ долго повелѣвавшій не только Германіей, но и всей Европой, не сумѣлъ окружить заката своей карьеры ореоломъ благороднаго равнодушія, или даже презрѣнія къ опалѣ, что неминуемо увѣнчало бы его мученическимъ вѣнцомъ, а напротивъ постоянно велъ мелочную, то явную, то тайную, борьбу съ Вильгельмомъ, прибѣгая къ помощи анонимныхъ статей въ преданныхъ ему газетахъ. Эта борьба, столь же недостойно поддерживаемая и Вильгельмомъ, который то преслѣдовалъ имъ же оскорбленнаго учителя, то офиціально примирялся съ нимъ, окончилась исторической сценой въ Фридрихсруэ, 2-го августа прошедшаго года, когда императоръ явился съ повинной головой ко гробу человѣка, котораго онъ нѣкогда ставилъ выше своего благороднаго отца, а потомъ прогналъ, какъ собаку. Извѣстно, что, уѣзжая изъ Берлина послѣ своей вынужденной отставки и озлобленный неблагодарностью Вильгельма, Бисмаркъ угрожающимъ тономъ сказалъ пофранцузски «Ie roi me reverra» (король меня увидитъ). Если ему не удалось дожить до подразумѣваемой подъ этими словами побѣды

надъ Вильгельмомъ, то все-таки сцена у его гроба могла вызвать на неподвижномъ лицѣ покойника торжествующую улыбку. Онъ мертвый побѣдилъ сокрушившую его силу, имъ же вознесенную до небесъ. «Король его увидѣлъ» побѣдителемъ хотя въ гробу. Дѣйствительно гордому высокомѣрному крушителю всякаго, кто посмѣетъ ему сопротивляться, было не легко поклониться праху «всякаго» и пѣть ему еще диѳирамбы, такъ какъ въ кабинетѣ Бисмарка онъ написалъ рескриптъ, въ которомъ давалъ «клятву отъ имени всей націи сохранить, продолжать и кровью защищать то, что создалъ первый канцлеръ Германской имперіи!» Сидя въ кабинетѣ покойнаго и подыскивая громкія фразы для панегирика своего соперника въ восьмилѣтней недостойной борьбѣ, онъ не могъ не упрекнуть себя за то, что заставилъ его въ теченіе столькихъ лѣтъ повторять слова Шекспира, которыя, по свидѣтельству доктора Хризандера, Бисмаркъ записалъ въ свою памятную книжку: «О, какъ шатко, какъ непрочно жилище, сооруженное въ сердцахъ королей».

Окончивъ ту часть нашего очерка, которая касается до отношеній Бисмарка къ политическимъ событіямъ и дѣятелямъ нашего времени, намъ остается бросить взглядъ на его отношенія къ Россіи, а затѣмъ подвести итоги и опредѣлить результаты его государственной дѣятельности.

В. Т.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАРЛАМЕНТЪ МИРА [1].

Ъ МИНИСТЕРСТВѢ иностранныхъ дѣлъ, въ Петербургѣ, 24 августа 1898 года, происходилъ обычный пріемъ пословъ. Каждый изъ нихъ, входя въ залъ, получалъ отъ министра, графа Муравьева, бумагу и быстро пробѣгалъ ее глазами съ тѣмъ большимъ удивленіемъ, что никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о приготовленномъ сюрпризѣ. Это былъ знаменитый циркуляръ о разоруженіи. Спустя девять мѣсяцевъ, 6—18 мая настоящаго года, въ «Лѣсномъ домикѣ» въ Гаагѣ открылась мирная конференція, состоящая изъ представителей 24 государствъ всего свѣта. Каковъ бы ни былъ результатъ этого парламента мира, какъ прозвалъ конференцію извѣст-

---

[1]) United States of Europe on the eve of the parliament of peace, by W. Stead Annual of Review of Reviews. 1899. London.

L'Europe et le desarmement, par C. C. Calderon. Paris. 1899.

Die Ewige Friede, von Karl Freiher von Stengel. München. 1899.

The vanishing of Universtal Place, by Diplomaticus Fortinghtly Review. 1898 May.

The Hipocracies of the Peace conference, by Sidney Low.—Nineteenth Century May. 1899.

Peace Conference, by M. Caurtney.—Contemporary. 1899. May.

Waragainst-War—steckly organ of the crusade, edited by M. Stead. 12 number. 1899.

The Decline of War, by Al. Sutherland.—Nineteenth century. 1899. April.

Paix universelle, par L. Cauperus.—La Revue hebdomadaire.—1899.—15 avril.—27 may.

The Hause in the Wood, by Mrs Lecky.—Nineteenth Century. 1899. May.

La Russie et la conference de la Haye, par A. Leroy-Beaulieu.—Revue des Revues.—15 may. 1898.

La Guerre, par Jean de Bloch.—Revue des Revues.—1899.—15 may.

Conferenza della Pace, di Fr. Crispi.—Nuova Antologia.—Maggio. 1899.

ный англійскій публицистъ, Стэдъ, но она во всякомъ случаѣ составитъ знаменательное событіе въ исторіи конца XIX столѣтія. Идея всеобщаго мира, считавшаяся доселѣ несбыточной утопіей и о которой мечтали только мыслители и поэты, сдѣлалась впервые предметомъ офиціальнаго обсужденія на конгрессѣ всесвѣтныхъ дипломатовъ. Одинъ этотъ фактъ уже придаетъ историческую важность Гаагской конференціи, и не удивительно, что теперь глаза всего свѣта обращены на Оранскій залъ въ «Лѣсномъ домикѣ» Гаагскаго парка, гдѣ происходятъ засѣданія конференціи передъ громадной картиной, изображающей аллегорически заключеніе Мюнстерскаго мира съ надписью «Ultimus ante omnes de parta pace triumphus» (Величайшая побѣда та, которой поіобрѣтается миръ).

«Я надѣюсь,—сказалъ очень кстати нидерландскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Бофоръ, привѣтствуя членовъ конференціи на первомъ ея засѣданіи,—что эта прекрасная аллегорія будетъ хорошимъ предзнаменованіемъ для вашихъ трудовъ, и по окончаніи ихъ вамъ можно будетъ сказать, что миръ, который введенъ искусствомъ въ этотъ залъ, выйдетъ изъ него, чтобъ разлить свои благодѣянія на все человѣчество». Апостоломъ этого мира и вдохновителемъ Гаагской конференціи, какъ извѣстно, является императоръ Николай II, и его великую заслугу передъ человѣчествомъ вѣрно опредѣлилъ Бофоръ въ той же рѣчи: «Русскій императоръ, взявъ на себя благородный починъ, которому рукоплещутъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, пожелалъ осуществить желаніе, выраженное однимъ изъ его славнѣйшихъ предмѣстниковъ, императоромъ Александромъ I—видѣть всѣхъ государей и всѣ народы Европы живущими въ согласіи, побратски, помогая другъ другу въ ихъ взаимныхъ нуждахъ. Вдохновленный этими благородными преданіями своего августѣйшаго предка, его величество предлагаетъ всѣмъ правительствамъ, коихъ представители здѣсь собрались на конференціи, изыскать средства, чтобъ положить предѣлъ постояннымъ вооруженіямъ и предупредить бѣдствія, угрожающія всему міру».

Естественно, что въ виду такого важнаго историческаго значенія парламента мира онъ уже породилъ цѣлую литературу: не только газеты наполнены безконечными извѣстіями о томъ, что дѣлается въ Гаагѣ, и разсужденіями о многочисленныхъ отголоскахъ конференціи во всемъ мірѣ, не только журналы изобилуютъ статьями, разсматривающими идею о всеобщемъ мирѣ съ разныхъ сторонъ, но появляются книги и брошюры въ пользу и противъ войны. Не лишне поэтому познакомить читателя съ главнѣйшими произведеніями западной публицистики о томъ, что въ настоящую минуту интересуетъ образованныхъ людей, и дать ему возможность составить себѣ полное понятіе о происхожденіи и возможныхъ результатахъ парламента мира, а также объ отношеніи къ нему общественнаго мнѣнія и печати въ Европѣ.

Наибольшій матеріалъ даетъ въ этомъ отношеніи трудъ Стэда. Это особый номеръ его журнала «Review of Reviews» — подъ заглавіемъ «Соединенные Штаты Европы наканунѣ парламента мира», которымъ онъ замѣнилъ обычный святочный номеръ своего журнала, хотя и выпустилъ его въ мартѣ. На 200 страницахъ большого формата, въ два столбца и мелкой печати, снабженныхъ многочисленными портретами, авторъ рисуетъ картину того, какъ отнеслась Европа къ русскому предложенію, на основаніи лично имъ собранныхъ свѣдѣній во время посѣщенія осенью прошлаго года Парижа, Брюсселя, Берлина, Москвы, Ялты, Константинополя, Софіи, Бѣлграда, Будапешта, Вѣны, Рима и Берна, гдѣ онъ разговаривалъ по этому предмету съ государями, президентами республикъ, министрами, общественными дѣятелями, представителями интеллигенціи, журналистами и т. д. Что же касается до брошюръ нѣмецкаго профессора Штенгеля и французскаго публициста Ш. Кальдерона, а равно указанныхъ статей англійскихъ, французскихъ и итальянскихъ журналовъ, то они дополняютъ взглядами отдѣльныхъ личностей общую картину. Наконецъ, помѣщенный въ «Revue Hebdomadaire» переводъ романа голландскаго писателя Людвига Куперуса «Всеобщій миръ» представляетъ очень интересное описаніе открытія конгресса мира, созваннаго фантастическимъ героемъ автора, Отомаромъ, юнымъ королемъ Липаріи, въ столицѣ его южно-европейскаго и католическаго государства. Эта блестящая страница художественнаго, беллетристическаго произведенія тѣмъ болѣе замѣчательна, что она представляетъ какъ бы предсказанье Гаагской конференціи, потому что въ оригиналѣ разсказъ Куперуса напечатанъ въ 1895 г. въ голландскомъ журналѣ «Gids» въ то самое время, какъ въ Скевенингенѣ близъ Гааги долженъ былъ произойти седьмой конгресъ мира, дѣйствительно собравшійся въ Брюсселѣ.

I.

Идея всеобщаго мира составляетъ не новость, и она появляется въ той или другой формѣ въ концѣ каждаго столѣтія, начиная съ XVI, когда французскій король Генрихъ IV принялъ на себя иниціативу преобразованія Европы на этомъ основаніи. Его знаменитый планъ христіанскаго народоправства имѣлъ цѣлью соединить въ одну федерацію шесть королевствъ: Англію, Францію, Испанію, Данію, Швецію и Ломбардію, пять избирательныхъ монархій: Германскую имперію, Папство, Польшу, Венгрію и Богемію, а такъ же четыре республики: Швейцарію, Венецію, Голландію и Италію. Въ то время Пруссіи еще не существовало, а Россія не входила въ составъ Европы. Всѣ эти пятнадцать европейскихъ державъ должны были содержать одну постоянную армію для поддержки мира среди

государствъ, воспрепятствованія правительству одной страны вмѣшиваться въ дѣла другой и охраненія Европы отъ мусульманъ, или варваровъ. По словамъ министра Генриха IV, Сюли, уже двѣнадцать державъ изъ предполагаемыхъ пятнадцати выразили согласіе на составленіе европейской федераціи, какъ неожиданное убійство короля положило конецъ этому смѣлому плану. Прошло сто лѣтъ, и въ 1693 году Вильямъ Пэнъ, основатель Пенсильваніи въ Америкѣ, выпустилъ въ свѣтъ свой замѣчательный «Очеркъ обезпеченія мира въ Европѣ устройствомъ европейскаго сейма». По его проекту, всѣ государи Европы должны были образовать союзъ, выразителемъ котораго былъ общій европейскій парламентъ, состоящій изъ представителей этихъ государей. Онъ разбиралъ бы всѣ распри между ними, а если бы кто либо изъ нихъ воспротивился исполнить приговоръ европейскаго парламента, то всѣ европейскіе государи принудили бы его къ этому. Еще миновали сто лѣтъ, и въ 1795 году Эмануилъ Кантъ напечаталъ свое глубокомысленное сочиненіе «Zum evigen Frieden», въ которомъ проповѣдовалъ идеи всеобщаго мира и федераціи самоуправляющихся европейскихъ государствъ. Наконецъ въ концѣ XIX столѣтія по предложенію Россіи состоялась мирная конференція въ Гаагѣ.

Впрочемъ, въ нашемъ вѣкѣ было нѣсколько неудачныхъ попытокъ къ достиженію всеобщаго мира и разоруженія. Такъ императоръ Александръ I послѣ низложенія Наполеона предлагалъ всей Европѣ произвести общее разоруженіе для блага всего человѣчества. Но священный союзъ отвлекъ его мысли въ другую сторону и совершенно подчинилъ Метерниховской реакціи. Въ 1863 году Наполеонъ III въ апогеѣ своего величія послѣ итальянской войны и въ то время, когда уже Пруссія подготовлялась подъ руководствомъ Бисмарка къ знаменитой военной трилогіи, неожиданно предложилъ европейскимъ государямъ собраться въ Парижѣ на конгресъ для водворенія всеобщаго мира. Эта странная выходка героя декабрьскаго переворота осталась, конечно, безъ всякихъ послѣдствій, а послѣ Седана и провозглашенія третьей республики, Гамбетта выработалъ проектъ о разоруженіи и просилъ Криспи переговорить объ этомъ съ Бисмаркомъ. По словамъ итальянскаго государственнаго человѣка, въ его новѣйшей статьѣ, Бисмаркъ далъ ему категоричный отвѣтъ: «Разоруженіе практически невозможно: предоставимъ объ этомъ разсуждать конгресамъ мира». Дѣйствительно, объ этомъ долго разсуждали только конгресы мира, собираемые частными лицами, по иниціативѣ такихъ проповѣдниковъ этой идеи, какъ Викторъ Гюго и Мадзини.

Наконецъ, семь лѣтъ тому назадъ, англійскій премьеръ, лордъ Сольсбери, приказалъ составить конфиденціальную записку о томъ, что стоитъ Европѣ современный милитаризмъ, и представленныя цифры показались ему столь краснорѣчивыми, что онъ передалъ эту за-

писку германскому императору, на котораго она такъ подѣйствовала, что онъ заявилъ частнымъ образомъ желаніе созвать европейскій конгресъ, для принятія мѣръ къ водворенію всеобщаго мира. Но чтобы узнать, какъ отнесется къ этому вопросу общественное мнѣніе Европы, было предварительно поручено германской прессѣ обсудить со всѣхъ сторонъ этотъ вопросъ. Полуофиціальные нѣмецкіе органы слѣпо повиновались, но французы враждебно отнеслись къ этому плану, говоря прямо, что до возвращенія Франціи отнятыхъ Германіей правинцій не могло быть и разговора о разоруженіи, а потому Вильгельмъ II отказался отъ осуществленія своего намѣренія.

Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и помина не было о вѣчномъ мирѣ въ офиціальныхъ сферахъ Европы, составлявшей громадный вооруженный лагерь, и даже такой либеральный государственный человѣкъ, какъ Гладстонъ, въ началѣ 1894 года, заявилъ, что несвоевременно возбуждать переговоры съ другими европейскими государствами о разоруженіи. Но вскорѣ послѣ этого парижскій корреспондентъ «Times» Бловицъ передалъ разговоръ датскаго короля съ однимъ испанскимъ дипломатомъ. «Я надѣюсь дожить до того времени, когда Европа вступитъ на путь сокращенія вооруженія,— сказалъ этотъ король: и когда европейскія государства примутъ мѣры къ охраненію своихъ народовъ отъ постоянно увеличивающагося бремени военныхъ расходовъ. Мой милый зять, русскій императоръ, призваніе котораго поддерживать миръ, готовъ вступить на эту дорогу, и мой добрый другъ австрійскій императоръ также расположенъ сдѣлать все, что возможно для достиженія этой цѣли. Я не говорилъ еще объ этомъ германскому императору, потому что онъ молодъ и мечтаетъ о новыхъ лаврахъ».

Но движеніе въ пользу всеобщаго мира получило толчекъ съ другой стороны, именно: лѣтомъ того же года, по иниціативѣ англійскаго общества «Водворенія международнаго третейскаго суда», составленъ былъ адресъ съ цѣлью ходатайствовать, чтобы англійское правительство вступило въ переговоры съ другими государствами о заключеніи общаго обязательства не увеличивать существующихъ военныхъ и морскихъ силъ до перваго года будущаго столѣтія. Этотъ адресъ подписало тридцать пять тысячъ представителей англійской интеллигенціи, въ томъ числѣ Гербертъ Спенсеръ, 80 депутатовъ и много епископовъ, пасторовъ, писателей, ученыхъ, журналистовъ. Но лордъ Кимберлей, бывшій въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, отказался принять подобное выраженіе общественнаго мнѣнія на томъ основаніи, что будто бы тогда не была удобная минута для подобной демонстраціи. Почти въ то же время англійскій либеральный премьеръ, лордъ Розбери, сообщилъ русскому послу въ Лондонѣ Стаалю, что, по его мнѣнію, было бы хорошо собрать конференцію для принятія мѣръ къ сокращенію вооруженій,

и что русскому императору наиболѣе приличествовало бы взять на себя ея починъ. Это было сообщеніе, по словамъ Стэда, сочувственно встрѣчено въ Петербургѣ, но тамъ также было указано, что время неблагопріятствовало подобной мѣрѣ.

До 1896 года снова ничего не было слышно о мирной пропагандѣ, но тогда собралась въ Пештѣ междупарламентская конференція мира. На нѣкоторыхъ изъ ея засѣданій, если вѣрить Стэду, присутствовалъ теперешній директоръ азіатскаго департамента, г. Базили и, заинтересовавшись этимъ дѣломъ, донесъ своему правительству, что было бы очень полезно принять мѣры къ ограниченію вооруженій, но, повидимому, высшее начальство взглянуло на вопросъ иначе, и докладу г. Базили не было дано никакого хода.

Въ концѣ слѣдующаго года, лордъ Сольсбэри на банкетѣ у лондонскаго лорда мэра сказалъ: «Единственная надежда на то, чтобы постоянное соревнованіе державъ въ отношеніи вооруженій не кончилось общей войной, которая имѣла бы роковыя послѣдствія для христіанской цивилизаціи,—заключается въ составленіи международнаго суда, который разбиралъ бы мирно всѣ распри между государствами, обезпечивая тѣмъ вѣчный миръ и процвѣтаніе торговли». Послѣ этого, по словамъ Стэда, г. Базили снова представилъ свои соображенія въ пользу международнаго соглашенія по предмету разоруженія. Тогда завѣдовалъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графъ Ламздорфъ, и онъ представилъ эти соображенія на высочайшее благоусмотрѣніе. Тотъ же Стэдъ указываетъ на нѣкоторое значеніе, которое имѣла въ подготовкѣ почвы для мирнаго движенія книга Бліоха: «Будущія войны въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ». Она вышла въ 1898 г.; въ настоящее время печатаются ея нѣмецкій и французскій переводы, а въ послѣдней книжкѣ «Revue des Revues» помѣщенъ краткій ея очеркъ, сдѣланный самимъ авторомъ подъ заглавіемъ «Война». Знаменательна причина, по которой Бліохъ перемѣнилъ названье своего долговременнаго труда, въ которомъ онъ представляетъ будущую войну столь страшною по своимъ послѣдствіямъ, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ орудій войны и неимовѣрной стоимости ея веденія, что пріостановленіе вооруженій и установленіе международнаго третейскаго суда потеряли, по его словамъ, свой невозможный несбыточный характеръ». «Метранпажъ нѣмецкой типографіи, гдѣ печатался переводъ моей книги, разсказываетъ Бліохъ Стэду, однажды пришелъ ко мнѣ и говоритъ: «Не считаете ли вы неправильнымъ названье вашего сочиненія «Будущность войны».— Отчего? — спросилъ я.—Отъ того, что послѣ русскаго циркуляра не должно быть войны; а если это такъ, то зачѣмъ же вы говорите о будущности войны?—Я былъ такъ пораженъ этимъ замѣчаніемъ, что назвалъ свою книгу просто «Война», такъ какъ я надѣюсь, что у войны нѣтъ болѣеб удущности».

Вотъ всѣ мирныя попытки, планы и проекты, которые предшествовали циркуляру гр. Муравьева. Всѣ онѣ были неудачны и не выходили изъ области предположеній и разсужденій. Только державное слово русскаго императора придало идеямъ всеобщаго мира и разоруженія практическое значеніе, только благодаря его высокому благородному почину, состоялось въ Гаагѣ впервые офиціальное обсужденіе этихъ идей компетентными всесвѣтными представителями дипломатіи, права и военнаго дѣла.

II.

О предложеніи Россіи говорить нечего: оно извѣстно всѣмъ и встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ. Офиціально мысль о конференціи для обсужденія мѣръ къ сокращенію вооруженій, къ введенію большей гуманности въ способахъ войны и учрежденію международнаго третейскаго суда для разбирательства распрей между государствами, принята всѣмъ свѣтомъ и въ настоящее время уже приводится въ исполненіе въ Гаагѣ. Тамъ собраны представители почти всѣхъ государствъ Стараго и Новаго Свѣта за немногими исключеніями, такъ не допущены на конференцію Трансвалъ и Оранская республика, на основаніи протеста Англіи, считающей себя верховнымъ распорядителемъ судебъ этихъ маленькихъ африканскихъ государствъ, созданныхъ боэрами, по происхожденію голландцами. Еще одно исключеніе надѣлало много шуму, но, строго говоря, оно гораздо правильнѣе недопущенія въ парламентъ мира мужественныхъ боэровъ. Несмотря на всѣ усилія Ватикана, ему отказано въ правѣ принять участіе въ конференціи на томъ простомъ основаніи, что папа не государь и притомъ никогда не принималъ участія въ подобныхъ дипломатическихъ конгрессахъ. Конечно, дѣло не обошлось безъ интригъ Италіи, которая, какъ говорятъ, при поддержкѣ Англіи, заявила, что въ случаѣ допущенія на конференцію папы, она не приметъ въ ней участія, и въ концѣ концовъ оскорбленный Левъ XIII отозвалъ своего интернунція изъ Гааги на время пребыванія тамъ конференціи. Еще слѣдуетъ упомянуть, что Черногорія причислена къ Россіи, и она не имѣетъ отдѣльныхъ представителей, а ее представляютъ русскіе уполномоченные. Напротивъ, Болгарія значится въ офиціальномъ спискѣ отдѣльно отъ Турціи и имѣетъ двухъ делегатовъ. Изъ внѣевропейскихъ государствъ приглашены въ Гаагу Соединенные Штаты, Мексика, Персія, Китай и Японія. Что касается до южно-американскихъ государствъ, то они сами отказались отъ участія въ конференціи. Всего двадцать четыре государства стоятъ въ офиціальномъ спискѣ парламента мира, и число представителей каждаго различно; всего болѣе у Россіи и Турціи, именно по восьми, а у Германіи, Австро-Венгріи и Франціи по шести. Всѣ делегаціи

состоятъ изъ пословъ и экспертовъ, дипломатическихъ, юридическихъ и военныхъ. Однако на общихъ собраніяхъ конференціи каждая страна будетъ пользоваться лишь однимъ голосомъ.

Предсѣдателемъ конференціи избранъ баронъ Стааль, представитель Россіи, а вице-предсѣдателемъ нидерландскій делегатъ, Карнебекъ. Кромѣ того, въ виду оказанныхъ уже конференціи услугъ нидерландскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Бофоромъ, на котораго были возложены всѣ хлопоты по созванію и подготовкѣ конференціи, онъ избранъ въ почетные предсѣдатели. Секретарей назначено девять, въ томъ числѣ одинъ военный, одинъ морской и одинъ русскій, именно делагатъ министерства финансовъ, Рафаловичъ. Для подготовительныхъ работъ конференція раздѣлена на три комиссіи: 1) о сокращеніи вооруженій; 2) о международныхъ законахъ войны и средствахъ къ приданію ей болѣе гуманнаго характера, и 3) о международныхъ третейскихъ судахъ и посредничествѣ [1]). На первое

---

[1]) Документы, которые составятъ матеріалъ для обсужденія комиссіями предложенныхъ имъ вопросовъ, всего краснорѣчивѣе указываютъ на характеръ ихъ работы, а потому приведемъ ихъ цѣликомъ.

Документы для первой комиссіи: 1) меморандумъ князя Меттерниха 1816 года, относительно поддержаннаго императоромъ Александромъ I предложенія англійскаго принца-регента, чтобы международная конференція установила норму для арміи каждой державы; 2) письмо Наполеона III къ европейскимъ монархамъ съ предложеніемъ созвать въ Парижѣ конференцію для обсужденія вопроса о всеобщемъ умиротвореніи; 3) предложеніе Роллена Жакмена въ 1887 г., обращенное къ институту международнаго права въ Гейдельбергѣ, обсудить вопросъ, возможно ли посредствомъ соглашенія европейскихъ державъ ограничить составъ армій и военные бюджеты во время мира; 5) мнѣніе профессора Эдинбургскаго университета Лоримера относительно вопроса о разоруженіи; 5) разсужденія графа Комаровскаго о возрастаніи вооруженій въ Европѣ; 6) статья Дудлея Фильда объ ограниченіи боевыхъ силъ; 7) статья Меригера объ единовременномъ пропорціональномъ разоруженіи; 8) сочиненіе И. Бліоха «о войнѣ»; 9) сочиненіе Бастіа о распущеніи войскъ, и 10) сочиненіе князя Обленскаго объ идеѣ всеобщаго мира и разоруженія.

Документы для второй комиссіи: 1) декларація парижскаго конгресса отъ 5-го апрѣля 1856 года; 2) женевская конвенція отъ 22-го августа 1864 года; 3) нератифицированныя дополнительныя статьи женевской конференціи отъ 20-го октября 1868 года; 4) петербургская конвенція относительно запрещенія нѣкоторыхъ снарядовъ; 5) протоколы брюссельской конвенціи относительно военныхъ законовъ и обычаевъ; 6) проектъ соглашенія, предложенный Россіей на брюссельской конференціи относительно военныхъ законовъ и обычаевъ; 7) оксфордскій сборникъ установленій, касающихся сухопутной войны, принятый институтомъ международнаго права въ оксфордской сессіи 1880 года; 8) правила относительно обстрѣливанія открытыхъ городовъ морскими военными силами, принятыя институтомъ международнаго права въ венеціанской сессіи 1896 года; 9) заявленіе Франціи и Англіи по поводу дополнительныхъ статей къ женевской конвенціи; 10) проектъ Муанье о пересмотрѣ женевской конвенціи; 11) предварительная программа, предложенная швейцарскимъ союзнымъ совѣтомъ, и 12) циркуляръ нидерландскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ представителямъ Нидерландовъ, отъ 13-го февраля 1871 года, относительно просьбы амстердамскаго торговаго банка, одобрить принципъ неприкосновенности частной собственности на морѣ и опредѣлить понятіе о военной контрабандѣ.

засѣданіе конференціи была допущена публика и представители печати, но послѣдующія засѣданія, какъ общія, такъ и комиссіонныя, происходятъ при закрытыхъ дверяхъ, и по предложенію г. Стааля тайна совѣщаній на конференціи тщательно сохранена, но газетнымъ корреспондентамъ сообщаются свѣдѣнія о работахъ конференціи, съ разрѣшенія предсѣдателя. Что касается до продолжительности конференціи, то газетныя свѣѣднія очень разнорѣчивы, одни говорятъ о недѣляхъ, а другіе — о мѣсяцахъ, но достовѣрно, что большинство иностранныхъ делегатовъ наняли свои помѣщенія на шесть недѣль.

Вотъ все, что пока извѣстно о Гаагской конференціи, и вмѣсто того, чтобъ приводить описанія газетными корреспондентами Лѣснаго домика, его залъ, перваго засѣданія конференціи и т. д.,— мы лучше познакомимъ читателей съ пророчески набросанной пять лѣтъ тому назадъ талантливымъ голландскимъ романистомъ, Куперусомъ картинки открытія фантастическаго конгресса мира въ фантастическомъ городѣ Липарѣ и фантастическимъ королемъ Отомаромъ.

«27-го октября, въ Липарѣ, столицѣ Липаріи, обширнаго южноевропейскаго и католическаго королевства, происходило съ утра громадное движеніе. Открытіе въ этотъ день конгресса мира составляло необыкновенное событіе. Это былъ не простой съѣздъ ученыхъ и

Документы для третьей комиссіи: 1) предложеніе лорда Кларендона на парижскомъ конгрессѣ 1856 года, относительно посредничества дружественной державы до начала непріязненныхъ дѣйствій; 2) предложеніе Мачети отъ 24-го ноября 1875 года, въ итальянской палатѣ депутатовъ о томъ, чтобы третейскій судъ сдѣлался всеобщимъ средствомъ для справедливаго разрѣшенія международныхъ споровъ; 3) резолюція института международнаго права по поводу параграфа о третейскомъ судѣ въ цюрихской сессіи 1877 года; 4) 12-я статья общаго протокола берлинской конференціи 1885 года, относительно посредничества или рѣшенія третейскаго суда для спорныхъ вопросовъ въ бассейнѣ рѣкъ Конго и Нигера; 5) проектъ регламента для международныхъ третейскихъ судовъ, выработанный институтомъ международнаго права на гаагской сессіи 1875 года; 6) предложеніе Дудлея Фильза объ учрежденіи третейскаго суда; 7) основныя правила для обработки международнаго соглашенія о третейскихъ судахъ, установленныя институтомъ международнаго права въ брюссельской сессіи 1895 года; 8) проектъ учрежденія постояннаго международнаго третейскаго суда, принятый международной конференціей въ Брюсселѣ въ 1895 году; 9) протоколы международной конференціи отъ 1897 года; 10) вашингтонское соглашеніе отъ 8-го мая 1871 года; 11) проектъ учрежденія третейскаго суда между государствами Сѣверной, Центральной и Южной Америки, подписанный въ Вашингтонѣ 18-го апрѣля 1890 года; 12) письма лорда Сольсбери къ британскому послу въ Вашингтонѣ отъ 5-го марта и 18-го мая 1896 года, по поводу заключенія договоровъ, основанныхъ на рѣшеніи третейскаго суда; 12) нератифицированный договоръ, составленный на основаніи рѣшеній третейскаго суда между Англіей и Соединенными Штатами; 14) общее соглашеніе относительно третейскаго суда между Италіей и Аргентинской республикой отъ 25-го іюля 1898 года; 15) статьи 55 и 58 общаго протокола, подписаннаго на брюссельской конференціи 2-го іюля 1890 года; 16) 23-я статья всемірной почтовой конвенціи отъ 4-го іюня 1891 года; 17) заключенія, принятыя юридическимъ конгрессомъ въ Мадридѣ въ 1892 году, и 18) сочиненіе Дешана о третейскихъ судахъ.

литераторовъ, а торжественное сборище всѣхъ друзей мира, подъ предсѣдательствомъ молодого короля, Отомара... Благодаря его иниціативѣ, благородная мысль о мирѣ вошла въ общую моду. Не только всѣ города королевства завели свои лиги мира и послали на конгрессъ ихъ представителей, чтобы оставить въ меньшинствѣ иностранныхъ делегатовъ, но повсюду происходили балы мира, банкеты мира, балеты мира; композиторы сочиняли оперы мира, а писатели— романы мира и драмы мира. Созданы были общества мира для женщинъ и общества мира для дѣтей. Со всѣхъ сторонъ сыпались деньги въ кассу національнаго фонда мира. Голубь съ вѣткой маслины въ клювѣ сдѣлался любимымъ символомъ и являлся вездѣ: отъ почтовой бумаги до дамскихъ брошекъ. Конечно, эта мода началась въ большомъ свѣтѣ, но быстро распространилась во всѣхъ слояхъ общества, и вся Липарія была фанатически предана идеѣ мира.

«Естественно, что при такомъ настроеніи первый день когресса долженъ былъ принять характеръ общаго праздника, а начало его трудовъ было отложено до слѣдующаго дня. Самое открытіе конгресса было назначено въ 12 часовъ, въ помѣщеніи Атенея, въ присутствіи короля. Затѣмъ былъ назначенъ торжественный обѣдъ во дворцѣ для всѣхъ членовъ конгресса, а вечеромъ былъ устроенъ для нихъ же балъ въ городской ратушѣ.

«Глубокая радость наполняла сердце юнаго короля Отомара, когда приблизился часъ, назначенный для церемоніи. Никогда еще въ продолженіе 5 лѣтъ своего царствованія онъ не заботился такъ ни объ одной церемоніи. Вообще, онъ не любилъ ни роскоши, ни блеска, но для своего любимаго дѣтища, конгресса мира, онъ ничего не жалѣлъ и придалъ собранію въ Атенеѣ торжественный видъ открытія парламента. Идея мира должна была водвориться при блестящей военной обстановкѣ. Отомаръ въ тотъ день гордился массой войска, которое онъ могъ собрать на улицахъ Липары, въ доказательство того, что, проповѣдуя миръ, онъ не боялся войны.

«Король выѣхалъ изъ дворца при пушечныхъ выстрѣлахъ и направился среди громадныхъ массъ, которыя наполняли всѣ улицы, окаймленныя шпалерами войскъ. Впереди ѣхали герольды въ богатыхъ средне-вѣковыхъ костюмахъ. За ними слѣдовалъ въ коляскѣ оберъ-церемоніймейстеръ, маркизъ Леони. Наконецъ, показался самъ король въ открытомъ экипажѣ, окруженный офицерами верхомъ и въ блестящихъ гвардейскихъ мундирахъ. Въ парадной синей мантіи гросмейстера ордена св. Владислава и въ кирасирской каскѣ съ развѣвающимися перьями, онъ сіялъ юной красотой и радостно улыбался восторженно привѣтствовавшей его публикѣ.

«Достигнувъ Атенея, король поднялся по лѣстницѣ, богато украшенной флагами и цвѣтами, въ сопровожденіи своей блестящей свиты. На порогѣ большой залы съ бѣлыми мраморными колоннами образовалось шествіе, вступившее въ залу при громкомъ пѣніи женскимъ

хоромъ національнаго гимна Липаріи, подъ акомпанементъ оркестра духовыхъ инструментовъ. Впереди шли герольды и церемоніймейстеры, а за ними принцъ калскронскій, король, канцлеръ, министры, члены палаты магнатовъ, кавалеры ордена св. Владислава и высшіе сановники. Пройдя среди почтительно поднявшихся со своихъ мѣстъ членовъ конгресса и массы публики, наполнявшей трибуны внизу и хоры, Отомаръ спокойный, улыбающійся, величественный, всталъ передъ приготовленнымъ ему тономъ.

«Звуки женскихъ голосовъ и трубъ замолкли. Оберъ-церемоніймейстеръ подвелъ къ трону мэра Липары, и онъ произнесъ привѣтственную рѣчь. Затѣмъ наступила очередь предсѣдателя подготовительной комиссіи конгресса, Вленчи, члена нижней палаты и вожака парламентской группы липарійскихъ членовъ конгресса. Со сверкающими глазами политическаго фанатика и вдохновеннымъ голосомъ пророка, этотъ апостолъ идеи мира сначала краснорѣчиво поблагодарилъ короля за оказанную имъ честь конгрессу своимъ присутствіемъ, а затѣмъ, обратясь къ разноплеменнымъ членамъ конгресса, изложилъ просто, ясно, величайшую и благороднѣйшую идею конца XIX столѣтія, идею мира. Онъ братски привѣтствовалъ делегатовъ всего свѣта, явившихся въ Липарію для доставленія конечнаго торжества этой идеѣ, и подробно объяснилъ, въ какомъ положеніи находился вопросъ о мирѣ. Болѣе пятнадцати парламентовъ въ Европѣ уже высказались въ пользу установленія всеобщаго мира, и впредь всѣ избиратели будутъ обязаны требовать отъ кандидатовъ въ депутаты обязательства присоединиться къ мирной группѣ въ своемъ парламентѣ. Эти группы составляли могущественное орудіе для достиженія цѣли конгресса — совершеннаго разоруженія Европы. Что касается до многочисленныхъ преградъ къ торжеству этой идеи, то съ ними необходимо было бороться и главное уничтожать предразсудки въ пользу войны, которая будто бы была необходимостью и даже приносила пользу, какъ школа мужества, средство уменьшить постоянно распространяющееся населеніе земнаго шара и элементъ развитія промышленности. Всѣ эти аргументы Вленчи побѣдоносно опровергалъ и краснорѣчиво, строго логически доказывалъ, что принципъ войны былъ въ концѣ XIX вѣка анахронизмомъ и только разорялъ матеріально всѣ страны, а нравственно развращалъ всѣ народы. Идея мира, сначала имѣвшая характеръ моды, быстро распространилась повсюду и теперь сдѣлалась всеобщей заботой королей, министровъ, общественныхъ дѣятелей и журналистовъ.

«Мы стоимъ на порогѣ новой эпохи, — воскликнулъ Вленчи въ концѣ своей рѣчи:—но этотъ порогъ можно переступить лишь послѣ великой революціи, которая, однако, не требуетъ ни борьбы, ни крови. Эта благотворная эволюція человѣческаго ума мирно побѣдитъ всѣ предразсудки и восторжествуетъ надъ варварскимъ наслѣдіемъ прошедшаго, надъ войною. Уничтоживъ эту гидру, упоенную

человѣческой кровью, конецъ настоящаго вѣка водворитъ всеобщій миръ и царство идеальной правды, которая лучезарно освѣтитъ весь свѣтъ.

«Громкія рукоплесканія, восторженные крики и маханіе платками привѣтствовали оратора, а когда король подозвалъ его къ себѣ и пожалъ ему руку, то невозможно описать энтузіазма, овладѣвшаго всѣми присутствовавшими.

«Затѣмъ произнесли рѣчи одинъ за другимъ представители всѣхъ европейскихъ государствъ и липарскихъ лигъ мира.

«Сидя на своемъ тронѣ, Отомаръ съ улыбкой слушалъ цвѣты краснорѣчія, сыпавшіеся безъ умолка въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, а мысленно радовался, что могъ своимъ могуществомъ поддержать великую идею мира и обставить конгрессъ мира всѣмъ блескомъ вѣковыхъ традицій, упорно поддерживающихъ войну. Онъ съ удовольствіемъ вспомнилъ, что теперь эта идея мира была не утопія великихъ умовъ, а ей открыто сочувствовали могущественные государи Россіи, Австро-Венгріи, Германіи. И вдругъ въ его умѣ блеснула новая мысль. Ахъ, если бы онъ могъ когда нибудь присутствовать на другомъ конгрессѣ, на которомъ засѣдали бы всѣ государи Европы. На такомъ конгрессѣ коронованныхъ особъ, о которомъ еще никогда никто не мечталъ, конечно, водворился бы всеобщій миръ, и съ той минуты золотой вѣкъ уничтожилъ бы на землѣ горе, бѣдность, нищету подъ лучезарнымъ свѣтомъ всеобщаго мира.

«Рѣчи кончились. Делегаты заняли свои мѣста; наступила очередь короля сказать свое слово.

«Его голосъ громко, ясно, съ хрустальной чистотой раздался среди водворившейся безмолвной тишины, а высказанныя имъ мысли унесли всѣхъ слушателей на крыльяхъ искренняго краснорѣчія въ возвышенную область идеала, гдѣ царятъ великія идеи мира, правды, и народнаго блага.

«Конгрессъ открылся».

III.

Возвратясь изъ области поэтической фантазіи, гдѣ долго витала идея всеобщаго мира, къ трезвой дѣйствительности, куда она попала такъ недавно, что еще многіе глубокомысленные нѣмецкіе филистеры смотрятъ на нее, какъ на квадратуру круга, недоступную человѣческому разуму,—посмотримъ, какъ отнеслись Старый и Новый Свѣтъ къ предложенію Россіи и къ его прямому результату—Гаагской конференціи.

Вообще, по словамъ Стэда, посѣтившаго всѣ европейскія столицы съ цѣлью изучить этотъ вопросъ, официальныя сферы государственныхъ людей и дипломатовъ настроены холодно, равнодушно и даже враждебно къ идеямъ всеобщаго мира, разоруженія и уста-

новленія международнаго третейскаго суда. Поэтому отъ сильныхъ міра сего на западѣ Гаагской конференціи нечего ждать помощи, кромѣ офиціально выраженнаго сочувствія на словахъ. Что же касается до общественнаго мнѣнія въ Европѣ, то въ великихъ державахъ оно не далеко ушло отъ своихъ руководящихъ классовъ, въ мелкихъ государствахъ оно обнаруживаетъ искренное сочувствіе къ парламенту мира и его цѣлямъ. Еще горячѣе относятся къ тому и другому народныя массы, почти во всѣхъ углахъ Европы и поголовно всѣ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, начиная отъ президента, министровъ, депутатовъ и милліонеровъ до послѣдняго рабочаго, или поселянина.

Англійскія газеты большею частью относятся къ гаагской конференціи съ внѣшнимъ сочувствіемъ, но съ внутренней ироніей, какъ, напримѣръ, «Times», который предсказываетъ, что изъ нея ничего не выйдетъ. Только «Daily News», у которой гаагскимъ кореспондентомъ состоитъ Стэдъ, и нѣкоторые другіе либеральные, или радикальные органы пламенно поддерживаютъ мирное движеніе. Въ журналахъ еще болѣе слышится враждебныхъ нотъ, все равно къ какому бы политическому оттѣнку они ни принадлежали. Такъ въ майскихъ книжкахъ «Fortnightly Rewiew», «Nineteenth Century» и «Contemporary» помѣщены одинаково злобныя и желчныя статьи подъ заглавіемъ «Исчезновеніе всеобщаго мира», «Лицемѣрія мирной конференціи» и «Упадокъ войны». Въ первой изъ нихъ авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ «дипломата», пессимистически смотритъ на результатъ гаагской конференціи и увѣряетъ, что свѣтъ никогда не былъ такъ далекъ отъ золотого вѣка, какъ теперь; во второй Сидней-Ло разноситъ на всѣ корки циркуляръ графа Муравьева, обвиняя его въ хитрыхъ ковахъ, а въ третьей Судерландъ доказываетъ, что война постепенно смягчается и что, можетъ быть, черезъ четыреста лѣтъ исчезнетъ, но не ранѣе.

Зато въ англійской журналистикѣ нашелся и самый пламенный защитникъ русскаго предложенія. Это редакторъ «Review of Reviews» Вильямъ Стэдъ, который, посѣтивъ Петербургъ и Ялту осенью прошедшаго года, возбудилъ въ Англіи цѣлый крестовый походъ противъ войны, собралъ до тридцати митинговъ въ различныхъ мѣстахъ страны, основалъ газету «Война противъ войны» и составилъ планъ паломничества въ Петербургъ съ адрессомъ отъ имени англійскаго народа къ русскому царю. По его проекту это паломничество должно было состоять изъ представителей всего свѣта, которые присоединились бы къ первоначальнымъ делегатамъ Англіи при ихъ слѣдованіи черезъ всю Европу въ русскую столицу. Но эта колоссальная демонстрація не удалась, и также Стэдъ былъ вынужденъ прекратить на двѣнадцатомъ номерѣ свою еженедѣльную газету «Война противъ войны», но все-таки онъ возбудилъ сильную агитацію на своей родинѣ въ пользу гаагской конференціи, и, вто-

рично пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ апрѣля, онъ привезъ съ собою ощутительные результаты этой агитаціи. Они состояли изъ адреса англійскаго народа русскому царю для поддержки его циркуляра съ 160.000 подписей, которыя заняли тридцать томовъ изъ 12 номеровъ газеты «Война противъ войны», изъ списковъ всѣхъ митинговъ, бывшихъ въ Англіи въ пользу гаагской конференціи и текстовъ принятыхъ на нихъ резолюцій. Сдѣлавъ столько для поддержки русскаго предложенія, Стэдъ имѣлъ полное право на митингѣ, который онъ устроилъ въ Петербургѣ въ англо-американской церкви, гордо указать на свои заслуги и упрекнуть русское общество въ равнодушіи и хладнокровіи къ великому дѣлу, начатому державнымъ апостоломъ мира.

Но всего равнодушнѣе и хладнокровнѣе отнеслась къ предложенію Россіи ея пресловутая союзница, Франція. Тамъ почти совсѣмъ не обращено вниманія на этотъ вопросъ, и только со времени открытія конференціи въ Гаагѣ стали появляться въ газетахъ кое-какія корреспонденціи. Хотя это странное явленіе можно объяснить тѣмъ, что Франція слишкомъ занята злополучнымъ дѣломъ Дрейфуса; но, по справедливому замѣчанію Стэда, она безсознательно оказываетъ своимъ примѣромъ громадную помощь той самой мирной идеи, о которой, повидимому, не хочетъ и знать. Дѣло Дрейфуса воочію доказываетъ, что милитаризмъ можетъ привести къ еще болѣе печальнымъ послѣдствіямъ въ нравственной области, чѣмъ въ экономической, на которую указывалъ циркуляръ графа Муравьева. Впрочемъ, и кромѣ этого безсознательнаго содѣйствія парламенту мира, Франція послала туда своимъ представителемъ главу радикальной партіи, Буржуа, одного изъ лучшихъ, способнѣйшихъ и наиболѣе благонамѣренныхъ государственныхъ людей, а потому нѣтъ сомнѣнія, что Франція, очнувшись отъ столь долго давившаго ея кошмара, послѣ ожидаемаго вскорѣ окончанія дѣла Дрейфуса, докажетъ въ Гаагѣ, что она не только отрицательно, но и положительно поддерживаетъ великое дѣло всеобщаго мира.

Хотя вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи дѣлаетъ чрезвычайно затруднительнымъ, если не совершенно невозможнымъ для нея вопросъ о разоруженіи, Франція во всякомъ случаѣ можетъ и должна всячески отстаивать другіе два поставленные на гаагской конференціи вопросы: о смягченіи условій войны и объ учрежденіи международнаго третейскаго суда. Это прекрасно понимаютъ лучшіе французскіе умы и высказываются въ такомъ смыслѣ, но очень сдержанно изъ боязни, чтобы ихъ не заподозрѣли въ недостаткѣ патріотизма за сочувствіе къ гаагской конференціи. Подобнымъ характеромъ отличается статья извѣстнаго французскаго публициста и знатока Россіи, Анатоля Леруа-Болье, въ послѣдней книжкѣ «Revue des Revues». Такое отношеніе къ дѣлу еще можно допустить, но болѣе чѣмъ странно, подъ предлогомъ полнаго сочувствія къ идеямъ

мира и разоруженія, предложить гаагской конференціи заняться увеличеніемъ предѣловъ Франціи, какъ это дѣлаетъ Ш. Кальдеронъ авторъ брошюры «Европа и разоруженіе».

Этотъ диковинный публицистъ серьезно предлагаетъ не только возвращеніе Франціи Эльзаса и Литарингіи, но присоединеніе къ ней рейнскихъ провинцій и части Баваріи отъ Германіи, сѣвернаго Брабанта отъ Голландіи и части Базельскаго, Бернскаго, Нешательскаго, Женевскаго и Ваатскаго кантоновъ отъ Швейцаріи. Да, кромѣ того, еще на прикуску Франція получаетъ протекторатъ надъ Бельгіей и Люксембургомъ, которые однако остаются независимыми государствами. Чтобы Германія согласилась на подобное увеличеніе предѣловъ Франціи, ей отдаются на съѣденіе остальная часть Голландіи, Данія, часть Польши, принадлежащая Россіи отъ Вислы до теперешнихъ границъ Германіи, Силезія, австрійскія части Галиціи и Тироля, а также часть Швейцаріи. Этимъ, конечно, не ограничивается оригинальный дѣлежъ Европы Кальдерономъ въ текстѣ своей брошюрѣ и на приложенной къ ней картѣ Европы. Россія получаетъ за потерю части Польши восточную Пруссію, часть Галиціи и часть Финмарка на Скандинавскомъ полуостровѣ; кромѣ того, Румынія и Болгарія подчиняются русскому протекторату. Австро-Венгріи отмежуютъ Боснію, Герцоговину, Албанію и часть Швейцаріи, а вдобавокъ отдадутъ подъ ея протекторатъ Черногорію и Сербію. Къ Италіи присоединится часть Швейцаріи и итальянскій Тироль отъ Австро-Венгріи; Греція увеличится Ѳессаліей и Македоніей.

Такимъ образомъ, благодаря этому курьезному раздѣлу Европы, потеряетъ болѣе всего Швейцарія и неизвѣстно почему сдѣлается самымъ маленькимъ уголкомъ, а также пострадаетъ Турція, хотя, положимъ, и извѣстно за что. Послѣдняя будетъ состоять только изъ небольшой мѣстности вокругъ Константинополя, причемъ Босфоръ и Дарданелы объявляются нейтральными. Наконецъ, Испанія и Португалія однѣ остаются въ своихъ прежнихъ предѣлахъ. Этотъ диковинный планъ передѣла Европы по случаю гаагской конференціи встрѣченъ сочувственно французскими газетами, а авторъ его кончаетъ свою безсмысленную брошюру словами: «Благодаря великодушной иниціативѣ Николая II, могущественнаго и благороднаго императора Россіи, заря XX вѣка можетъ еще освѣтить для народовъ древней Европы новую эру благоденствія».

Въ Вѣнѣ, Буда-Пештѣ, и Римѣ не болѣе интересуются парламентомъ мира, чѣмъ въ Парижѣ, но между Австро-Венгріей и Италіей существуетъ то различіе, что на общемъ сѣро-равнодушномъ фонѣ рельефно выдѣляется въ первой изъ этихъ державъ пламенная дѣятельность въ пользу мира баронесы Зутнеръ, а во второй сначала грозныя, а затѣмъ лицемѣрныя, нападки Криспи на гаагскую канференцію. Извѣстная предсѣдательница австрійскаго общества друзей мира собирала публичные митинги, на которыхъ гово-

рила краснорѣчивыя рѣчи, составляла адресы своему правительству съ просьбой, чтобъ его представитель въ Гаагѣ оказалъ возможно бо́льшее содѣйствіе къ достиженію цѣлей конференціи, и напечатала въ послѣднемъ выпускѣ «Zukunft» статью, въ которой, развивая съ обычнымъ пыломъ свои излюбленныя идеи, она однако выражаетъ опасенье, что конференція будетъ только зародышемъ новаго порядка вещей, который лишь достигнетъ полнаго своего развитія въ XX столѣтіи.

Въ Италіи только одинъ папа искренно сочувствуетъ гаагской конференціи, очень сожалѣетъ, что не допустили туда его представителя, и считаетъ необходимымъ учрежденіе постояннаго международнаго третейскаго суда. Напротивъ Квириналъ и общественное мнѣніе вовсе не обращаютъ вниманія на занимающій весь свѣтъ вопросъ. Бывшій гарибальдіецъ и затѣмъ ставленникъ Бисмарка, Криспи, съ самаго начала рѣзко возсталъ противъ конференціи и прямо заявилъ, что она окончится общей войной, но надняхъ онъ напечаталъ въ Nuova Antologia статью, въ которой уже высказывается съ іезуитской хитростью за принципъ общаго мира, но доказываетъ, что въ Гаагѣ принимаются за дѣло не такъ, какъ слѣдуетъ, и что если разоруженіе и учрежденіе международнаго третейскаго суда немыслимы при теперешнихъ условіяхъ, то слѣдуетъ создать изъ Европы Соединенные Штаты, и «тогда дѣйствительно исчезнутъ всѣ созданныя дипломатами границы, всѣ національныя ненависти и всѣ стремленія къ варварскимъ завоеваніямъ, которыя до сихъ поръ сдерживаютъ человѣческій прогрессъ и благоденствіе свѣта».

Хотя германское правительство офиціально поддержало русское предложеніе и Вильгельмъ II надняхъ въ Висбаденѣ выразилъ свои сердечнѣйшія пожеланія Гаагской конференціи и увѣрялъ, что онъ далъ приказанія своему представителю въ Гаагѣ, графу Мюнстеру, дѣйствовать заодно съ барономъ Стаалемъ, такъ чтобъ русскій императоръ остался доволенъ конференціей, но не подлежитъ сомнѣнію, что Германія прямо враждебна дѣлу мира и его парламента. Это доказывается не только назначеніемъ вторыми представителями Германіи въ Гаагѣ рьяныхъ защитниковъ войны, профессоровъ права Цорна и Штенгеля, но и публично высказанными противъ конференціи мнѣніями цѣлаго ряда выдающихся людей германской науки. Какъ извѣстно, профессоръ Цорнъ всегда поддерживалъ излюбленную теорію Бисмарка, что международные трактаты, имѣя только нравственное значеніе, не могутъ ограничивать правъ государствъ, и онъ недавно еще высказалъ, что «намѣреніе сдержать мирными средствами отъ воспламененія, накопившійся горючій матеріалъ религіозныхъ страстей, династическихъ и торговыхъ интересовъ, а также національныхъ ненавистей, все равно, что желаніе погасить пожаръ пульверизаторомъ съ розовой водой».

Штенгель—еще болѣе жестокій проповѣдникъ милитаризма; въ своей брошюрѣ, вышедшей въ короткое время въ двухъ изданіяхъ подъ ироническимъ названіемъ «Вѣчный миръ», онъ распинается за войну. По его словамъ, Ветхій и Новый Завѣты удостовѣряютъ, что война будетъ существовать до конца свѣта; мало того, война всегда была благодѣтельна, и поэзія, живопись, скульптура, архитектура немыслимы безъ нея, наконецъ она вдохновляла всѣ науки: исторію, географію, право, хирургію, мореплаваніе. «Война,—говоритъ онъ далѣе,—пробный камень народнаго развитія, такъ какъ въ войнѣ проявляется не одна физическая мощь народа, но и его нравственныя, духовныя качества. Доказывая еще, что несправедливы жалобы на гибель Европы отъ чрезмѣрныхъ вооруженій, которыя напротивъ развиваютъ промышленность и торговлю, нѣмецкій филистеръ серьезно увѣряетъ, что пропаганда мира среди нѣмцевъ подрываетъ патріотизмъ и преданность императору, верховному главѣ арміи. Для наибольшаго же подтвержденія проповѣдуемаго имъ культа милитаризма, Штенгель приводитъ извѣстныя слова Мольтке: «Вѣчный миръ сонъ и даже не прекрасный, потому что война звено Божественнаго міроздапія. Безъ войны свѣтъ погрязъ бы въ матеріализмѣ».

Назначить такого заклятаго врага мира представителемъ Германіи въ парламентъ мира болѣе чѣмъ странно и кажется даже неприличной насмѣшкой. Въ офиціальныхъ нѣмецкихъ сферахъ это хорошо понимаютъ и просто отрицаютъ не только, что Штенгель представляетъ Германію на Гаагской конференціи, гдѣ онъ будто бы только экспертъ, но и напечатаніе его брошюры. Такъ покрайней мѣрѣ сказали Стэду въ германскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и еще прибавили: «Вы увидите, какой Штенгель мягкій и смиренный человѣкъ, точно ребенокъ». Это замѣчаніе вполнѣ подтверждаетъ гаагскій корреспондентъ французской газеты Journal, который рисуетъ жанровую картинку, какъ этотъ жрецъ войны мирно, добродушно пьетъ пиво съ своимъ товарищемъ по культу милитаризма, профессоромъ Цорномъ. Самъ Штенгель чувствуетъ неловкость своего положеніи и увѣрялъ одного газетнаго корреспондента, что, посылая его въ Гаагу, германское правительство не знало о выходѣ его брошюры, что онъ вовсе не врагъ всѣхъ стремленій къ миру, что хотя разоруженіе теперь не мыслимо, но было бы пріятно, еслибъ конференція хоть теоретично высказалась въ пользу этого желательнаго принципа, что гораздо легче достигнуть успѣха относительно полезнаго распространенія женевской конвенціи, вполнѣ разумнаго учрежденія необязательныхъ, международныхъ, третейскихъ судовъ, что наконецъ ни онъ, ни другіе германскіе делегаты не будетъ противодѣйствовать разрѣшенію затрудненій на конференціи. Такимъ образомъ Вильгельмъ II торжественно обѣщаетъ содѣйствіе Германіи великому дѣлу парламента

мира, а его представитель очень добродушно заявляетъ, что онъ только не будетъ противодѣйствовать. Второй варіантъ насчетъ дѣятельности нѣмцевъ въ Гаагѣ болѣе вѣроятенъ, если принять въ соображеніе, какъ относится къ этому вопросу общественные мнѣніе Германіи.

Такіе авторитеты нѣмецкой науки, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ устарѣлые, затхлые филистеры, какъ Момзенъ и Куно Фишеръ, выразились вполнѣ враждебно въ отношеніи парламента мира. Первый назвалъ его «опечаткой въ исторіи, о которой нечего и говорить», а послѣдній сказалъ: «изъ трехъ богословскихъ добродѣтелей: вѣры, надежды и милосердія, первыя два покинули меня, когда я думаю о конференціи». Къ этому профессоръ философіи, Паульсенъ, прибавляетъ, что конференція преждевременный шагъ, а въ политикѣ главная заповѣдь: «не дѣлай второго шага прежде перваго», а профессоръ Лабандъ, занимающій каѳедру международнаго права въ страсбургскомъ университетѣ и пользующійся бо́льшей репутаціей, чѣмъ его сотоварищи по изученію международнаго права, Штенгель и Цорнъ, не ожидаетъ практическихъ результатовъ отъ конференціи, кромѣ проведенія нѣсколькихъ гуманныхъ постановленій о смягченіи условій войны, такъ какъ разоруженіе теперь не возможно. То же мнѣніе о прямомъ послѣдствіи дипломатическихъ совѣщаній въ Гаагѣ высказываетъ магдебургскій профессоръ Вестеркампъ, хотя онъ вообще сочувствуетъ мирнымъ конференціямъ и считаетъ ихъ лучшимъ средствомъ къ воспитанію общественнаго мнѣнія, которое еще не дозрѣло до разоруженія и международныхъ третейскихъ судовъ. Даже пострадавшій еще недавно отъ обуревающаго Германію милитаризма, профессоръ Дельбрюкъ въ послѣдней книжкѣ «Preusischen Jahrbücher» силится опровергнуть доводы Бліоха въ его книгѣ и доказать, что разоруженіе немыслимо и только привело бы не къ общему миру, а къ общей войнѣ. По его словамъ, международные третейскіе суды годятся лишь для мелкихъ государствъ, а великія державы никогда не подчинятся его юрисдикціи. Что же касается до увѣреній Бліоха и гр. Муравьева о близкой гибели Европы отъ бремени военныхъ расходовъ, то нѣмецкій ученый отвергаетъ ихъ справедливость и обращаетъ вниманіе на процвѣтаніе Германіи, какъ доказательство противнаго.

Не только дипломаты, ученые, общественное мнѣніе и печать въ Германіи расположены противъ идеи мира, но и народныя массы, которыя такъ сроднились съ милитаризмомъ, несмотря на его тяготу, что считаютъ невозможнымъ разстаться съ милой ихъ сердцу военщиной. Такимъ образомъ Марксъ Нордау прямо сказалъ Стэду: «Мнѣ отлично извѣстны южно-нѣмецкіе поселяне: спросите у любого изъ нихъ, желаетъ ли онъ войны, и онъ отвѣтитъ: «Боже избави, я болѣе всего ненавижу войну». Но если вы спросите, ненавидитъ ли онъ военный мундиръ, то онъ отвѣтитъ: «это дѣло дру-

гое—мы любимъ военный мундиръ и съ гордостью его носимъ». Только рабочіе классы, находящіеся подъ вліяніемъ соціалъ-демократовъ, которые всегда возстаютъ противъ вооруженія, сочувственно относятся къ цѣлямъ гаагской конференціи, но не довѣряютъ ея плодотворнымъ результатамъ. Одинъ лишь старикъ Бебель со своимъ обычнымъ чистосердечіемъ говоритъ на публичныхъ митингахъ: «Россія теперь нашъ союзникъ и товарищъ».

Если мы перейдемъ отъ великихъ державъ къ второклассным европейскимъ государствамъ, то увидимъ, что всѣ они питаютъ глубокое сочувствіе къ всеобщему миру, разоруженію и гаагской конференціи. Ихъ еще болѣе, чѣмъ крупныхъ націй, разоряетъ теперешнее состояніе вооруженнаго мира и, кромѣ того, они постоянно боятся нападенія своихъ грозныхъ сосѣдей, а потому естественно, что они радостно привѣтствуютъ парламентъ мира. Въ особенности Бельгія обнаруживаетъ къ нему пламенный энтузіазмъ. Въ этой маленькой, дѣятельной, предпріимчивой, промышленной странѣ всѣ, безъ различія классовъ, единогласно высказываются въ пользу разоруженія, и только одинъ генералъ Бріальмонъ, извѣстный авторитетъ по военнымъ вопросамъ, отрицаетъ практическое значеніе гаагской конференціи.

Чтобы мелкія государства не играли на этой конференціи слишкомъ незначительной роли, знаменитый норвежскій писатель, патріотъ и проповѣдникъ мира, Бьернсенъ, составилъ планъ образованія ими федераціи, благодаря чему они явились бы на европейскомъ ареопагѣ не безпомощными единицами, а 27.000.000 массой, рѣшившейся дѣйствовать дружно въ пользу всеобщаго мира и своего собственнаго нейтралитета. Въ эту федерацію онъ хотѣлъ включить только Бельгію, Данію, Голландію, Швецію, Норвегію, Швейцарію и Португалію. Относительно Испаніи, онъ вовсе забылъ, какъ о націи, не имѣющей никакого значенія со времени войны съ Америкой, а Грецію, Болгарію, Черногорію, Румынію и Сербію, онъ считалъ слишкомъ безпокойными странами, чтобы онѣ примкнули къ мирной федераціи. Хотя его планъ не осуществился во время, но всѣ предположенные Бьернсеномъ члены новой федераціи сочувственно отнеслись къ ней, и, быть можетъ, ихъ представителм при ежедневныхъ столкновеніяхъ въ Гаагѣ выработаютъ организацію этого новаго фактора политической жизни Европы. Проектъ норвежскаго писателя уже настолько созрѣлъ, что поговариваютъ о будущемъ главѣ новой мирной, нейтральной федераціи, которая могла бы разыграть роль великой державы. Кандидатами выставляютъ бельгійскаго и шведскаго королей, молодую голландскую королеву и барона Бильдта, представителя Швеціи и Норвегіи въ Италіи, который, по словамъ Бьернсена, первоклассный дипломатъ, государственный человѣкъ и ученый.

Несмотря на то, что американцы теперь поглощены своими новыми колоніями и борьбой съ Филиппинскими островами, они горячо отозвались на предложеніе Россіи, и ихъ представители явились въ Гаагу съ готовымъ проектомъ учрежденія международнаго третейскаго суда. Для доказательства искренности своихъ намѣреній эти представители уже заявили, что Соединенные Штаты готовы дать обязательство никогда не начинать ни одной войны безъ предварительнаго обращенія къ посредничеству дружеской державы. Присутствіе американскихъ делегатовъ составляетъ новую и характерную черту гаагской конференціи, такъ какъ до сихъ поръ Соединенные Штаты не принимали участія ни на одномъ международномъ конгрессѣ. Они такимъ образомъ дебютируютъ на всесвѣтной дипломатической аренѣ въ роли пламеннаго защитника мира; а это многознаменательный фактъ, такъ какъ американцы обязаны своимъ допущеніемъ въ европейскія дипломатическія святыя святыхъ, напротивъ благодаря ихъ военнымъ подвигамъ.

IV.

Но что можетъ дать въ результатѣ парламентъ мира?

Его предсѣдатель, баронъ Стааль, въ отвѣтъ на адресъ, который ему представила одна англійская лига мира въ Лондонѣ, сказалъ: «Никогда нельзя знать, что выйдетъ изъ конференціи. Но я все-таки надѣюсь, что съ Божьей помощью и при доброй волѣ державъ мы сдѣлаемъ большой шагъ на пути къ торжеству права, справедливости и мира».

Самая рьяная проповѣдница мира, баронесса Зутенеръ, въ своей послѣдней статьѣ говоритъ: «Достигнуть цѣли конференціи сразу физически и морально немыслимо, потому что элементы, участвующіе въ конференціи, будутъ внутренно настроены въ большинствѣ случаевъ еще противъ осуществленія ея задачъ. Впрочемъ конференція и созвана не для того, чтобы достигнуть осуществленія намѣченныхъ цѣлей, а, какъ прямо говорится въ русскомъ циркулярѣ, для отысканія средствъ, чтобы ихъ осуществить».

Такимъ образомъ главный дѣятель конференціи и наиболѣе торжествовавшая по случаю ея созванія личность въ Европѣ сводятъ къ очень малому свои надежды на ея результатъ, а одинъ изъ ея горячихъ сторонниковъ, Бліохъ, прямо говоритъ: «лучше отложить конференцію, если ея члены найдутъ, что недостаточно собрано для нихъ матеріала, чѣмъ допустить неудачу, или недоносъ порученнаго ей великаго, возвышеннаго дѣла».

Однако Стэдъ, такъ много поработавшій въ пользу парламента мира, увѣряетъ, что въ Гаагѣ могутъ вполнѣ успѣшно принять три практическія и вполнѣ осуществимыя въ настоящее время мѣры:

1) заключить перемиріе на 5, или на 10 лѣтъ, 2) пріостановить вооруженіе на такой же срокъ, 3) составить международное соглашеніе между всѣми государствами насчетъ того, что въ случаѣ возникновенія споровъ между двумя странами, во время этого перемирія, они не прибѣгали бы къ войнѣ безъ предварительнаго посредничества дружественныхъ державъ. По словамъ Стэда, въ пользу послѣдней мѣры, повидимому, склоняются русскіе дипломаты, и одинъ изъ нихъ, теперешній повѣренный въ дѣлахъ въ Лондонѣ, Лессаръ, прямо развилъ ему этотъ планъ и прибавилъ, что, если бы конференція приняла подобную мѣру, то былъ бы сдѣланъ большой шагъ впередъ.

По газетнымъ извѣстіямъ, американцы и англичане видимо расположены въ пользу учрежденія постояннаго, международнаго третейскаго суда, но что врядъ ли большинство конференціи на это согласится. Что же касается до расширенія женевской конвенціи, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ пунктъ программы будетъ единогласно принятъ. Кромѣ того, въ Гаагѣ говорятъ, что одинаково несомнѣнно установленіе періодическихъ конференцій, каждые пять или три года. Очевидно, что при такой періодичности конференцій онѣ могутъ мало-по-малу сдѣлаться тѣмъ самымъ международнымъ третейскимъ судомъ, до котораго будто бы еще не созрѣлъ свѣтъ. Что же касается до самаго основного вопроса, ради котораго и созвана конференція, именно разоруженія, въ Гаагѣ, по словамъ одного изъ иностранныхъ корреспондентовъ, «ничего не будетъ окончательно постановлено, такъ какъ это значило бы перессорить между собою представителей всѣхъ державъ».

Какъ бы то ни было и что бы ни далъ въ результатѣ парламентъ мира, онъ все-таки останется свѣтлой страницей въ лѣтописяхъ послѣдняго года XIX столѣтія, столь кичившагося своей цивилизаціей и сохранившаго, однако, до сихъ поръ позорное клеймо войны, разоряющей человѣчество матеріально и растлѣвающей его нравственно.

Т. И. М.

ПОСЛѢДНЯЯ ВОЛЯ В. О. МИХНЕВИЧА.

ВЪ ОЧЕРКѢ, посвященномъ «памяти В. О. Михневича», напечатанномъ, вслѣдъ за кончиною его, на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (апрѣль 1899 г.), было сообщено въ общихъ чертахъ о духовномъ завѣщаніи покойнаго писателя. «Ликвидируя свое жизненное поприще,—сказано было тамъ,—Михневичъ не пожелалъ остаться какъ бы въ долгу передъ русскою литературою и за то, что она дала ему доброе имя, и за тотъ матеріальный достатокъ, который онъ почерпнулъ именно изъ своихъ литературныхъ трудовъ. Поэтому, завѣщая потомству накопленное имъ духовное богатство, въ видѣ нѣсколькихъ цѣнныхъ литературныхъ трудовъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшилъ оставить по себѣ и вещественную память своему родному сословію, въ рядахъ котораго протекла его жизнь. Свою отлично подобранную историческую библіотеку онъ завѣщалъ (на словахъ) «Союзу русскихъ писателей», а все остальное имущество, сначала въ пожизненное владѣніе супругѣ своей, Елизаветѣ Николаевнѣ, а послѣ ея смерти «Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ», или, иначе, такъ называемому литературному фонду. Этотъ вкладъ чрезвычайно цѣнный, цѣнный и по своему значительному матеріальному объему, и по тому нравственному началу, которое вложено въ эту волю и которое вноситъ въ нашу, въ общемъ небогатую радостными и свѣтлыми явленіями, жизнь русскихъ писателей лучъ тепла и свѣта».

Къ сказанному въ означенной статьѣ мы имѣемъ возможность сдѣлать нѣкоторыя добавленія и разъясненія, почерпнутыя нами изъ подлиннаго завѣщанія Владиміра Осиповича и замѣтки въ «Новостяхъ» (№ 103 с. г.), гдѣ напечатано «нравственное завѣщаніе» его душеприказчикомъ. Эти добавленія чрезвычайно характерны и какъ

нельзя лучше обрисовываютъ духовный обликъ покойнаго сотрудника «Историческаго Вѣстника», почему мы считаемъ, въ интересахъ нашихъ читателей, полезнымъ привести ихъ здѣсь въ возможной полнотѣ.

Весною 1891 года, В. О. Михневичъ, озабочиваясь судьбою своей супруги и упорядоченіемъ, на случай смерти, своихъ имущественныхъ дѣлъ, рѣшилъ составить нотаріальнымъ порядкомъ духовное завѣщаніе, для коего въ свидѣтели пригласилъ своихъ друзей и извѣстныхъ писателей: А. М. Скабичевскаго, И. Ф. Василевскаго (Буква), А. И. Поповицкаго. Сущность завѣщанія заключается въ нижеслѣдующемъ:

«Все движимое имущество, какое послѣ меня окажется, въ чемъ бы оно ни заключалось и гдѣ бы ни находилось, кромѣ библіотеки и капитала, я завѣщаю въ полную собственность любезнѣйшей женѣ моей, Елизаветѣ Николаевнѣ Михневичъ. Принадлежащую мнѣ библіотеку, вмѣстѣ съ шкафами, въ которыхъ она помѣщается, я отказываю въ собственность «Русско-литературному обществу», съ тѣмъ, чтобы она навсегда была сохранена, а въ случаѣ ликвидаціи означеннаго общества—передана въ распоряженіе общества литературнаго фонда, которое благоволитъ тѣмъ или инымъ способомъ обратить мою библіотеку въ пользованіе писателей.

«Всѣ мои сочиненія и изданія, а равно всю отъ нихъ прибыль я завѣщаю въ собственность женѣ, Елизаветѣ Николаевнѣ. Изъ всего капитала, если таковой послѣ меня останется, въ чемъ бы онъ ни заключался и гдѣ бы ни находился, одну третью часть я завѣщаю въ собственность женѣ моей, Елизаветѣ Николаевнѣ, а двѣ трети онаго—ей же въ пожизненное владѣніе; въ собственность же двѣ трети моего капитала я отказываю обществу литературнаго фонда. Принадлежащій мнѣ домъ, состоящій въ С.-Петербургѣ, петербургской части, третьяго участка, по Песочной улицѣ и набережной рѣки Карповки, подъ №№ по табелямъ 1876 года тысяча двѣсти девятымъ, а 1874 года тысяча сто сороковымъ и полицейскимъ десятымъ, я завѣщаю женѣ моей Елизаветѣ Николаевнѣ въ одной третьей части въ собственность, а въ двухъ третьихъ частяхъ въ пожизненное владѣніе; въ собственность же эти двѣ третьи части отказываю «Обществу литературнаго фонда»: при этомъ предоставляю Елизаветѣ Николаевнѣ право, если она пожелаетъ, означенный домъ со всѣми постройками и землею продать и изъ вырученнаго отъ таковой продажи капитала одну третью часть получить въ свою собственность, а двѣ трети онаго, какъ собственность литературнаго фонда, должны быть обращены въ государственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги и внесены на храненіе въ государственный банкъ; проценты съ этого капитала получаетъ пожизненно жена моя Елизавета Николаевна. Я желалъ бы, чтобы завѣщанный мною въ собственность «Общества литературнаго фонда»

капиталъ былъ обращенъ на устройство въ С.-Петербургѣ общежитія для нуждающихся литераторовъ, впавшихъ въ инвалидность».

Вслѣдъ за этимъ юридическимъ актомъ, свидѣтелемъ завѣщанія, И. Ф. Василевскимъ, получено было отъ Михневича письмо, гдѣ онъ писалъ: «Дорогой другъ Ипполитъ Ѳедоровичъ! прилагаю при семъ извѣстное тебѣ «нравственное» завѣщаніе мое и прошу тебя, запечатавъ оное, хранить у себя до моей смерти, а по наступленіи оной распечатать и привести въ исполненіе. Весь твой В. Михневичъ».

Нравственное это завѣщаніе, распечатанное, согласно волѣ покойника, послѣ его похоронъ и нынѣ опубликованное въ «Новостяхъ», гласитъ:

«Дорогіе друзья мои, Александръ Ивановичъ, Александръ Михайловичъ и Ипполитъ Ѳедоровичъ! Вы сдѣлали мнѣ дружескую услугу, согласившись быть свидѣтелями моего юридическато завѣщанія; теперь я прошу васъ взять на себя трудъ быть повѣренными и настоящаго моего, такъ сказать, нравственнаго завѣщанія. Въ первомъ я исполнилъ сердечный долгъ передъ моей неизмѣнной подругой въ жизни—женою, которой я обязанъ личнымъ счастьемъ. Я хотѣлъ, чтобы послѣ моей смерти она была, сколько отъ меня зависитъ, обезпечена и дожила свой вѣкъ спокойно безъ нужды. Здѣсь же я ввѣряю вамъ мой нравственный долгъ передъ русской литературой, которую возлюбилъ съ той минуты, какъ научился грамотѣ, и съ этой любовью умру.

«Русской литературѣ я всѣмъ обязанъ,—и самыми свѣтлыми минутами въ жизни, и лучшими чувствами и помыслами, и, наконецъ, какъ писатель, обязанъ ей моимъ именемъ, положеніемъ, матеріальнымъ достаткомъ и всѣмъ тѣмъ, что имѣю.

«Завѣщая теперь послѣ себя мой достатокъ литературнымъ учрежденіямъ, я только возвращаю то, что дала мнѣ литература.

«Мое самое большое и горячее желаніе— умереть съ перомъ въ рукахъ, на службѣ русскому печатному слову, до послѣдняго издыханія. Надѣюсь, съ Божьей помощью, это такъ и случится, и на этотъ счетъ я въ старости буду счастливѣе, чѣмъ былъ въ молодости. Стремясь со дней ранней юности сдѣлаться писателемъ и найти себѣ мѣсто въ журналистикѣ, я добился этого долгимъ и труднымъ путемъ, среди неудачъ и разочарованій, подъ гнетомъ нужды и всякихъ лишеній. Такъ, впрочемъ, не я одинъ начиналъ.

«Но когда молодъ, здоровъ и силенъ вѣрой въ себя, когда вся жизнь еще впереди, — такой искусъ не страшенъ, и если удается переспорить не ласковую судьбу, то даже полезенъ, какъ закалъ для металла. Вотъ горе, когда онъ приходитъ подъ старость, когда писатель, дряхлѣя, утрачиваетъ дарованіе, силы, способность къ работѣ, когда его, какъ отслужившаго инвалида, отчисллютъ въ «запасъ» или начисто увольняютъ «безъ прошенія», и ему негдѣ преклонить сѣдую голову и остается мыкаться въ нищетѣ, пока, на-

конецъ, не свезутъ раба Божія на Волково кладбище на счеть благодѣтельнаго литературнаго фонда! Горька и жестока такая участь, и—однакожъ ей такъ часто подвергаются русскіе писатели, нерѣдко люди съ почтеннымъ именемъ, въ свое время талантливые, оставившіе по себѣ замѣтный слѣдъ въ литературѣ! Мнѣ она всегда казалась страшной, и я не разъ внутренно молилъ судьбу, чтобы она не дала мнѣ дожить до такого положенія. Не знаю — смилуется ли судьба надо мною лично, но если смилуется, если то, что я завѣщалъ сегодня литературному фонду, послѣ смерти моей и моей жены, сохранится и дойдетъ по назначенію, то самое завѣтное и горячее желаніе мое, чтобы завѣщанныя мною крохи послужили хотя бы началомъ для основанія такого учрежденія, которое доставляло бы неимущимъ писателямъ—инвалидамъ, по болѣзни или старости утратившимъ способность работать, теплый кровъ, со всѣмъ необходимымъ для жизни, и чтобы все это, само собой разумѣется, предлагалось имъ и обставлялось въ возможно деликатной, безобидной, истинно-товарищеской формѣ.

«И эту-то мою волю я поручаю вамъ, мои дорогіе друзья, и убѣдительно прошу васъ всѣхъ вмѣстѣ и каждаго порознь, кто изъ васъ переживетъ меня, приложить всяческое стараніе, чтобы эта воля моя была свято исполнена при непосредственномъ содѣйствіи литературнаго фонда.

«Владиміръ Осиповичъ Михневичъ».

Въ послѣдующіе годы, когда тяжкая болѣзнь овладѣла уже цѣликомъ Владиміромъ Осиповичемъ, и смерть ежечасно грозила перенести его въ міръ иной, онъ неоднократно собирался передѣлать духовное завѣщаніе, съ тѣмъ чтобы направить свой матеріальный достатокъ въ иныя литературныя учрежденія, а именно: въ кассу взаимопомощи русскихъ писателей, на которую онъ такъ много поработалъ и съ которою онъ успѣлъ тѣсно сродниться, и въ «Союзъ русскихъ писателей», въ будущность котораго ему хотѣлось вѣрить. Въ этихъ видахъ все имущественное, въ видѣ недвижимой собственности и изданій, онъ собирался завѣщать кассѣ, а библіотеку «Союзу», учрежденію, еще не пережившему организаціонный періодъ и нуждающемуся въ хорошо-устроенной библіотекѣ и читальнѣ. Но, какъ это часто случается съ «завѣщателями», частію по недосугу, частію по болѣзни, воли своей ему не удалось осуществить и завѣщаніе сохраняетъ свою юридическую силу въ томъ видѣ, какъ оно изложено выше.

Но что не удалось сдѣлать покойному Владиміру Осиповичу, рѣшила отчасти хотя бы восполнить вдова его, Елизавета Николаевна. Въ этихъ видахъ она направляетъ всѣ посмертныя поступленія отъ литературы, въ видѣ небольшихъ даже гонораровъ, и также будущихъ доходовъ съ изданій именно въ «Кассу взаимопомощи» для

усиленія ея пенсіоннаго фонда. Сюда такимъ образомъ имѣютъ быть направлены гонорары и прибыль съ задуманныхъ литературныхъ предпріятій по изданію сочиненій Михневича. Изъ числа таковыхъ изданій на первую очередь поставлено изданіе историческихъ работъ его, напечатанныхъ въ свое время въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и не вошедшихъ въ отдѣльныя изданія. Статьи эти въ настоящее время собраны и переданы уже въ типографію «Новаго Времени», которая, съ одобренія А. С. Суворина, согласилась открыть по печатанію будущаго «сборника» льготный кредитъ. Къ печатанію приступятъ съ іюня мѣсяца, и въ началѣ осени, можно надѣяться, посмертный даръ Михневича родному сословію появится на свѣтъ Божій. Книга обниметъ собою до 20 печатныхъ листовъ и будетъ снабжена портретомъ ея автора и біографическимъ очеркомъ, ему посвященнымъ. Можно быть увѣреннымъ, что имя В. О. Михневича, содержаніе «Сборника» и та возвышенная цѣль, съ коей онъ издается, будутъ по достоинству оцѣнены литераторами и читателями, и доброе дѣло получитъ настоящую поддержку и содѣйствіе. Непосредственной надзоръ за этимъ изданіемъ принялъ на себя редакторъ «Историческаго Вѣстника», а всю черную работу—чтеніе корректуръ, сношеніе съ типографіей и пр., сохранила за собою вдова покойнаго. Ею же замышляются въ интересахъ пенсіоннаго фонда кассы и нѣкоторыя иныя предпріятія по изданію работъ Владиміра Осиповича, но это уже вопросъ будущаго, и пока вниманіе сосредоточено на сборникѣ историческихъ статей.

Что касается до выполненія желанія нокойнаго относительно передачи библіотеки Союзу писателей, то и въ данномъ случаѣ, насколько намъ извѣстно, дѣло получаетъ благопріятный оборотъ. «Русское литературное общество», становясь юридическимъ собственникомъ богатой библіотеки въ 1246 №№ стоимостью въ 4000 р. minimum, даже по оцѣнкѣ букинистовъ, не имѣетъ въ виду употребить исключительно на свое потребленіе этого книжнаго богатства, а входитъ по настоящему предмету въ дружеское соглашеніе съ своимъ младшимъ по возросту братомъ—Союзомъ. Такимъ образомъ, члены Союза въ недалекомъ, вѣроятно, будущемъ получатъ возможность пользоваться отлично организованной исторической библіотекой, особенно цѣнной для того, кто интересуется и занимается судьбами родной земли. Въ настоящее время трудами Елизаветы Николаевны библіотека приведена въ образцовый порядокъ, ей сдѣланъ обстоятельный каталогъ, и семь шкаповъ, очень изящныхъ и немалоцѣнныхъ, снабжены надлежащими надписями, кому нѣкогда библіотека принадлежала. Прикрѣпленныя къ шкафамъ синія дощечки съ золотыми буквами гласятъ: «библіотека В. О. Михневича». Помѣщены они будутъ въ одной изъ комнатъ квартиры, занимаемой совмѣстно русскимъ литературнымъ обществомъ и Союзомъ.

Остается сказать о цѣнности имущества, доставшагося литературному фонду по наслѣдству отъ Михневича. Уже въ настоящее время за него покупатели предлагаютъ до 100.000 р. [1]), но нѣтъ сомнѣнія, что современемъ эта цѣнность въ связи съ ростомъ городскаго имущества еще повысится. Нѣкоторые поспѣшные люди уже выступили въ печати съ разсужденіями на тему, какъ приспособить это имущество на пользу литераторовъ и какъ всего лучше его утилизировать. Такія разсужденія по меньшей мѣрѣ преждевременны. Не слѣдуетъ забывать, что все недвижимое имущество В. О. Михневича, «въ чемъ бы оно ни состояло», оставлено частію въ пожизненное пользованіе Елизаветы Николаевны, частію въ полную ея собственность. Такая постановка вопроса должна вызывать крайнюю осторожность разсужденій на тему утилизаціи наслѣдства: деликатность прежде всего требуетъ, чтобы вдова В. О. Михневича ни въ чемъ не нуждалась и не чувствовала въ своей жизни никакой матеріальной перемѣны со смертью мужа. Ея интересы должны быть поставлены прежде всего, а остальное приложится само собою. И это тѣмъ болѣе справедливо и законно, что, если имущество создано трудами и расходами покойнаго, то не меньше трудовъ и, пожалуй, расходовъ положила въ это созданіе и Елизавета Николаевна. Извѣстный участокъ земли на Карповкѣ, близъ Ботаническаго сада, былъ пріобрѣтенъ въ свое время, такъ сказать, въ складчину, поровну между мужемъ и женою, вложившими сюда по 6000 рублей каждый. Въ дальнѣйшемъ, если мужъ вкладывалъ въ упорядоченіе имущества значительныя части своего гонорара, своего труда и опыта, то вмѣстѣ съ тѣмъ эти же тяготы косвенно въ равной мѣрѣ несла и «подруга его жизни», которой онъ былъ «обязанъ личнымъ счастіемъ». Вмѣстѣ дѣлились и радость и горе, вмѣстѣ дѣлалась экономія въ жизни, вмѣстѣ обдумывались и замышлялись всѣ шаги и дѣйствія. Поэтому можно считать, что каждое бревно, каждый гвоздь прилажены и вбиты совмѣстнымъ трудомъ и обоюдными дружными усиліями—откуда и обоюдное нравственное право ихъ на наслѣдственное имущество. Цѣнность имущества возрастала такимъ образомъ въ тѣсной зависимости отъ дружной работы и добраго согласія между мужемъ и женою, но главную роль, и притомъ рѣшающую, сыграло здѣсь время съ его неизбѣжными спутниками—счастливыми обстоятельствами. Такими обстоятельствами въ данномъ случаѣ явился неимовѣрный за послѣдніе годы ростъ недвижимой городской собственности и спросъ на городскія и загородныя квартиры. Вотъ это-то и подняло столь значительно цѣнность дачнаго имущества В. О. Михневича и позволило ему, не нарушая пожизненныхъ интересовъ своей «подруги жизни», оставить родному со-

[1]) Отсюда слѣдуетъ исключить долгъ Кредитному Обществу свыше 30.000 р.

словію богатое наслѣдіе, которое въ рукахъ вдовы его несомнѣнно еще окрѣпнетъ и выростетъ.

Врядъ ли приходится много распространяться о нравственномъ значеніи «послѣдней воли» Владиміра Осиповича: оно неизмѣримо высоко и остается лишь порадоваться, что изъ нѣдръ писательскаго сословія все чаще и чаще появляются жертвы и дары «самопомощи». Покойные Гр. Елисѣевъ, Надсонъ, Плещеевъ и нынѣ Михневичъ даютъ намъ, живымъ поколѣніямъ писателей, прекрасный примѣръ и разумное указаніе, въ чемъ должна быть наша нравственная и даже матеріальная сила: мы должны быть сильны и крѣпки сами собою, изъ своего сословія, и изъ того труда, коимъ мы живемъ. Внѣшняя помощь вещь не надежная. Будемъ же трудиться и работать съ тѣмъ непремѣннымъ расчетомъ, чтобы этотъ трудъ не только поддерживалъ наше собственное существованіе, но и помогалъ бы намъ пещись о нашихъ младшихъ, немощныхъ и безсильныхъ, братьяхъ по труду и профессіи. Только при такой постановкѣ вопроса писательская среда будетъ сильна своей нравственной солидарностью и освободится отъ частыхъ спутниковъ ея существованія— голода, необезпеченности и матеріальныхъ лишеній.

Г. Л. И.

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЕВСКІЙ.

(Некрологъ).

ЛЯ РУССКОЙ исторической науки нынѣшній годъ оказался крайне тяжелымъ. Не прошло еще пяти мѣсяцевъ, какъ мы уже лишились трехъ лучшихъ знатоковъ русской исторіи, трехъ академиковъ. Вслѣдъ за А. А. Куникомъ замолкъ на вѣки авторитетный голосъ добраго наставника и руководителя весьма многихъ русскихъ ученыхъ, А. Ѳ. Бычкова. Въ четвергъ, 13 мая, телеграфъ принесъ изъ Флоренціи еще болѣе печальную вѣсть: скончался 12 мая Василій Григорьевичъ Васильевскій, истинный энциклопедистъ исторической науки и создатель цѣлой школы русскихъ византинистовъ.

Сынъ сельскаго священника Ярославской губерніи, Любимскаго уѣзда, покойный родился 21-го января 1838 года; первоначально воспитывался въ ярославской духовной семинаріи; въ 1856 г. поступилъ въ главный педагогическій институтъ, а черезъ три года, по закрытіи его, перешелъ на послѣдній курсъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета, гдѣ работалъ, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ профессоровъ Благовѣщенскаго, Срезневскаго и Стасюлевича. Въ 1862 г. В. Г. Васильевскій былъ посланъ университетомъ за границу и слушалъ лекціи Момзена и Дройзена въ Берлинѣ и Адольфа Шмидта въ Іенѣ. По возвращеніи оттуда онъ состоялъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ исторіи въ виленской гимназіи; въ 1870 г. былъ приглашенъ читать среднюю исторію въ С.-Петербургскій университетъ и оставался на этой каѳедрѣ до конца своихъ дней. Кромѣ того, онъ одновременно читалъ лекціи по средней исторіи и византійской въ Александровскомъ лицеѣ, въ духовной академіи и на высшихъ женскихъ курсахъ.

Съ 1874 г. В. Г. Васильевскій состоялъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія; въ 1876 г. былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ и въ 1890 г.—ординарнымъ академикомъ. Послѣднія восемь лѣтъ онъ редактировалъ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и съ 1894 г.—имъ же основанный вмѣстѣ съ В. Э. Регелемъ «Византійскій Временникъ».

Первую ученую работу В. Г. Васильевскій напечаталъ въ 1864 г., въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (ч. 121)—«О новыхъ сочиненіяхъ по исторіи Римской имперіи». Во II томѣ «Вѣстника Европы», за 1866 г., появилась довольно обширная и вводившая нѣсколько важныхъ поправокъ рецензія по поводу магистерской диссертаціи Ѳ. Ѳ. Соколова: «Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи». Во время пребыванія въ Вильнѣ онъ помѣстилъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» слѣдующія статьи: «Ученый подлогъ либо забавная ошибка» (за 1869 г., № 56), гдѣ вполнѣ авторитетно доказываетъ, что приведенный польскимъ историкомъ Нарбутомъ въ его «Сборникѣ» посольскій дневникъ конца XIV в. и приписываемый графу Конраду Кибургу сочиненъ проф. Онацевичемъ; «Письма Гедимина и католическое посольство въ Вильнѣ 1324 г.» (за 1869 г., №№ 62, 63, 67, 73, 77, 78 и 87), «Жена Витовта» (за 1870 г., №№ 18, 19, 24, 40—43, 51, 52, 55, 57 и 59) и «Два письма папскаго нунція о Виленскихъ событіяхъ 1609 г.» (за 1870 г., № 13).

На основаніи тогда же собранныхъ архивныхъ матеріаловъ В. Г. Васильевскій напечаталъ въ 1872 г. «Обращеніе Гедимина въ католичество» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ч. 159) и въ 1872—1874 г. обширный «Очеркъ исторіи города Вильны», составившій пятый и шестой выпуски «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи, издававшихся по высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ».

Ко времени пребыванія въ Вильнѣ относятся и слѣдующіе его труды изъ области древне-греческой исторіи: «Взглядъ Грота на исторію аоинской демократіи». Написанъ по поводу сочиненія Онкена (Athen und Hellas. Forschungen zur nationalen und politischen Geschichte der alten Griechen. Leipzig, 1865—1866 г.)—въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1867 г., ч. 134; «Герои Греціи въ войнѣ и въ мирѣ. Исторія Греціи въ біографіяхъ Г. В. Штолля»; редакція перевода (Спб., 1868 г., 2-е изданіе вышло въ 1879 г.), и «Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка» (Спб., 1869 г.). Послѣднее сочиненіе было магистерскою диссертаціею В. Г. Васильевскаго, создавшею ему славу выдающагося ученаго и знатока древне-греческой исторіи, и въ то же время послѣднею работою въ этой области.

Въ дальнѣйшей своей научной дѣятельности В. Г. Васильевскій

обратился къ изученію средневѣковой исторіи и преимущественно византійской, съ особою любовью останавливаясь на тѣхъ ея моментахъ, которые приходили въ соотношеніе съ исторіей древней Руси. Благодаря его статьямъ: «О варяго-руссахъ. Отвѣтъ Д. И. Иловайскому» (въ «Древней и Новой Россіи» 1875 г., т. III), «О мни-

Василій Григорьевичъ Васильевскій.

момъ славянствѣ гунновъ, болгаръ и роксоланъ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1882 г., ч. 222), «Еще разъ о мнимомъ славянствѣ гунновъ. Отвѣтъ Д. И. Иловайскому» (ibid., 1883 г., ч. 226), «По поводу сочиненія Ф. Бруна: «Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи Южной Россіи».

Одесса, 1879 г. (въ «Отчетѣ о двадцать первомъ присужденіи наградъ графа Уварова», XXXVI т. «Записокъ Императорской Академіи Наукъ») и «О построеніи крѣпости Саркела» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1889 г., ч. 266), — многіе вопросы русской исторической географіи и этнографіи получили надлежащее научное освѣщеніе.

Въ области политической и внутренней исторіи Россіи В. Г. Васильевскій оставилъ слѣдующіе труды: «Замѣтка къ статьѣ Н. Ламбина о годѣ смерти Святослава» (въ «Запискахъ Императорской Академіи Наукъ» т. XXVIII, 1876 г.), «Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1888 г., ч. 258), «Польская и нѣмецкая печать о войнѣ Баторія съ Іоанномъ Грознымъ» (ibid., 1889 г., ч. 261) и «Рейнгольда Гейденштейна записки о московской войнѣ 1578—1582 гг.», переводъ съ латинскаго, изданіе археографической комиссіи (Спб., 1889 г.). Сюда же могутъ быть отнесены напечатанныя въ русскомъ переводѣ съ объясненіями В. Г. Васильевскаго «Записи о постановленіи русскихъ епископовъ при митрополитѣ Θеогностѣ въ Ватиканскомъ «греческомъ сборникѣ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1888 г., ч. 255).

Самый обширный отдѣлъ работъ покойнаго, какъ мы уже замѣтили выше, составляютъ статьи по византійской исторіи, въ области которой онъ врядъ ли имѣлъ себѣ равнаго даже среди западно-европейскихъ византинистовъ. «Извѣстно», говоритъ, близко знавшій В. Г. Васильевскаго, Н. Д. Чечулинъ въ своей статьѣ, посвященной памяти покойнаго («Новое Время», 1899 г., № 8339), «что нѣсколько западно-европейскихъ ученыхъ, ознакомившись съ трудами Васильевскаго по рефератамъ въ журналахъ, выучились русскому языку для того, чтобы читать его произведенія; въ послѣднихъ по времени трудахъ по византійской исторіи и нѣмецкіе, и французскіе, и англійскіе ученые единогласно признаютъ огромную важность его работъ».

Больше всего, кажется, имъ сдѣлано по описанію византійскихъ рукописей и обзору трудовъ по изученію византійской исторіи. Такъ ему принадлежатъ: «Описаніе Порфирьевскаго сборника византійскихъ документовъ» (въ «Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1883 г.». Спб., 1885 г.); «О жизни и трудахъ Симеона Метафраста» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1880 г., ч. 212); «Совѣты и разсказы византійскаго боярина XI вѣка. По неизданной греческой рукописи XV вѣка» (ibid., 1881 г., ч. 215, 216); «Одинъ изъ греческихъ сборниковъ Московской Синодальной Библіотеки» (ibid., 1886 г., ч. 248); «Διήγησις Ἐπιφανιου περὶ τῆς Ἱεροζαλὴμ καὶ τῶν ἐν αὐτῇ τόπων Σύγγραμμ ε'λλμνιλὸν τῆσ Θ' ἑκατον'ταττησίδος εκδοδίν, ῾φωσσιστὶ μεταηςασθὲν καὶ διηφμηνενθὲν ὑπό Βασιλείοι Βασιλετκη. Повѣсть Епифанія о Іерусалимѣ и сущихъ въ немъ мѣстъ, первой половины IX вѣка, изданная, переведенная и объясненная

В. Г. Васильевскимъ» (въ «Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ», т. IV, вып. 2-й, Спб., 1885 г.)[1]).

«Νικολάπι ἐπισκόπο Μεθώνης καί Θεοδώφον τοῦ Πφοδόμου ζιγγφαηέων τῆς ΙΒ ἐκάφσταετηφίδος Βίοι Μεπετίου τοῦ Νέου». «Николая епископа Меѳонскаго и Ѳеодора Продрома, писателей XII столѣтія. Житіе Мелетія новаго». Предисловіе и переводъ (въ «Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ», т. VI, вып. 2-й, Спб., 1885 г.); «Хожденіе апостола Андрея въ странѣ Мирмидонянъ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1876 г., ч. 188); «Житіе Стефана новаго« (ibid., 1877 г., ч. 191); «Житіе Іоанна Готскаго» (I в., 1878 г., ч. 195); «Житіе Георгія Амастридскаго. По неизданному греческому подлиннику» (I в., 1878 г., ч. 195 и 196); «Житіе св. Стефана Сурожскаго» (I в., 1889 г., ч. 263[2]); «Василія Орхидскаго, архіепископа Солунскаго. Неизданное надгробное слово на смерть Ирины, первой супруги императора Мануила Комнина» (въ «Византійскомъ Временникѣ», 1894 г., т. I); «Хроника Лагофеста по-славянски и гречески» (ibid., 1895 г., т. II); «Хрисовулъ императора Алексѣя Комнина Великой Лаврѣ св. Аѳанасія на Аѳонѣ» (ibid.,1896 г.,т. III); «Epirotica Saeculi XIII» (ibid.,—помѣщены заимствованные по преимуществу изъ переписки Іоанна Навпактскаго документы 1213—1228 гг., которые по содержанію касаются во 1) борьбы съ франками латинской имперіи и 2) соперничества и антагонизма Епира съ Никеей и довольно ярко выставляютъ на видъ руководящую, роль высшей греческой іерархіи); «Два надгробныя стихотворенія Симеона Логофета и одно Ѳеодора Продрома» (ibid., 1896 г., т. III); «Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи Ч. I. Изданіе источниковъ» (Спб., 1890 г.) и др.

Послѣ этихъ описаній и изданій особенную цѣнность по новизнѣ фактовъ и освѣщенію представляютъ слѣдующія изслѣдованія В. Г. Васильевскаго: «Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ. 1. Союзъ двухъ имперій. 1148 — 1155 г. 2. Южно-итальянская война. 1156—1157 г.» (въ «Славянскомъ Сборникѣ», т. II и III); «Законодательство иконоборцевъ» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1878 г., ч. 199 и 200); «О синодальномъ спискѣ эклоги императоровъ Льва и Константина и о двухъ спискахъ земледѣльческаго закона» (ib., 1879 г., ч. 201); «Матеріалы для исторіи внутренней византійскаго государства. 1. Мѣры въ защиту крестьянскаго землевладѣнія. 2. Властели, монастыри и сборщики податей въ XI и въ

[1]) Въ «Приложеніяхъ» къ этой «Повѣсти» помѣщены: «Conspectus locorum, quibus is codex graecus, quo usus est auctor slavo-rossicae a Narrationis Epiphanii, lectiones diversas habuisse videtur a codice Vaticani Dresselii», «Армянское описаніе святыхъ мѣстъ VII вѣка», «Изъ неизданнаго житія Константина и Елены; списокъ церквей, построеніе которыхъ приписывается Еленѣ», и «Нѣсколько текстовъ для исторіи Іерусалима подъ властію арабскою».

[2]) Послѣдніе дни «житія» по новымъ текстамъ напечатаны въ одной книгѣ, въ 1893 г., Изданіе Археологической комиссіи.

XII вѣкахъ» (ib., 1879 г., ч. 202); «Византія и печенѣги» (ib., 1878 г., ч. 164); «Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ въ XI и XII вѣкахъ» (ib., 1874 г., ч. 176 и 1875 г., ч. 177 и 178); «Обновленіе болгарскаго патріаршества при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ, II въ 1235 году» (ib., 1885 г., ч. 238); «О севастократориссѣ Иринѣ» (ib., 1893 г., № 1); «Авары, а не русскіе, Ѳеодоръ, а не Георгій». Замѣчанія на статью Х. Лопарева «Церковное слово о русскомъ походѣ на Византію въ 860 г.» (въ «Византійскомъ Временникѣ», 1896 г., т. III); «Въ защиту подлинности житія Игнатія и принадлежности его современному автору Никитѣ Пафлагону» (ib., 1899 г., т. VI); «Синодальный кодексъ Метафраста» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1897 г., № 6), и др.

Кромѣ того, В. Г. Васильевскій напечаталъ рядъ рецензій на ученыя сочиненія, являющихся всегда почти необходимымъ дополненіемъ къ послѣднимъ, и отзывовъ на учебники (по обязанности члена ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія), а также нѣсколько некрологовъ, изъ которыхъ послѣдними по времени являются некрологи графа Ив. Д. Делянова (безъ подписи, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Посвѣщенія», 1898 г., № 1) и А. А. Куника (печатается тамъ же).

Какъ ученый, покойный обладалъ обширною начитанностью и въ источникахъ и въ ученой литературѣ; ему были до мельчайшихъ подробностей знакомы исторія всеобщая и русская, движенія философской мысли и даже науки юридическія и политико-экономическія, что̀, несомнѣнно, всегда давало ему возможность стоять на высотѣ современнаго научнаго движенія. Тонкость и оригинальность его критическихъ пріемовъ были поразительны. «Въ своихъ изслѣдованіяхъ», говоритъ Н. Д. Чечулинъ въ упомянутой выше замѣткѣ, «онъ всегда умѣлъ затронуть предметъ чрезвычайно широко и глубоко, умѣлъ охватить его со всѣхъ сторонъ, не упуская ничего, что могло служить для полнаго выясненія изучаемаго явленія... Часто онъ находилъ существенно важныя указанія тамъ, гдѣ ихъ, повидимому, никакъ нельзя было и ожидать, часто изъ источниковъ, повидимому, исчерпанныхъ, извлекалъ свѣдѣнія очень цѣнныя, но до него остававшіяся незамѣченными. Сильный и строго выработанный литературный языкъ его отличался какой-то особою «прелестью изложенія».

Всѣ, знавшіе В. Г. Васильевскаго, пожалѣютъ о немъ, и какъ о добромъ и отзывчивомъ на все хорошее человѣкѣ. Скромный въ оцѣнкѣ себя и собственныхъ заслугъ и весьма снисходительный къ недостаткамъ и слабостямъ другихъ, онъ часто являлся и энергичнымъ защитникомъ потерпѣвшихъ отъ несправедливости или излишней строгости и примирителемъ враждующихъ. Миръ праху твоему, рѣдкій ученый и рѣдкій человѣкъ! **В. Е. Рудаковъ.**

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

В. И. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Изданіе второе. Спб. 1899.

НЫНѢШНІЙ годъ является благопріятнымъ для исторіи русскаго права: сверхъ недавно вышедшихъ трудовъ проф. Латкина и Загоскина, мы имѣемъ изъ этой же области знаній еще «Лекціи и изслѣдованія» проф. В. И. Сергѣевича. Сразу три крупныхъ работы — въ такой непродолжительный періодъ.

Въ основу труда г. Сергѣевича легли «Лекціи и изслѣдованія», вышедшія въ 1894 году, съ нѣкоторыми, впрочемъ, прибавленіями, сравнительно съ изданіемъ 1894 года (см. стр. 36, 37—75, 196—210, 296—297, 301—302, 408—410 и друг.). Наиболѣе крупныя отличія второго изданія заключаются въ изложеніи о Русской Правдѣ (стр. 37—75) и о княжеской и царской думѣ (стр. 196—210). Должно однако замѣтить, что указанныя вставки уже извѣстны спеціалистамъ ранѣе выхода въ свѣтъ разбираемаго труда: изслѣдованіе о Русской Правдѣ, подъ заглавіемъ—«Русская Правда и ея списки»,—было напечатано въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за нынѣшній годъ, въ январской книжкѣ; изложеніе же въ «Лекціяхъ» вопроса о думѣ представляетъ собою сокращеніе изложенія того же вопроса, сдѣланнаго авторомъ во второмъ выпускѣ II тома его капитальнаго сочиненія—«Русскія юридическія древности» (Спб., 1896 г.).

Въ виду всего сказаннаго, мы не будемъ касаться труда проф. Сергѣевича во всемъ его объемѣ, тѣмъ болѣе, что начало его нужно относить къ еще болѣе раннимъ изданіямъ «Лекцій и изслѣдованій», нежели изданіе 1894 года.

Позволимъ себѣ лишь сказать нѣсколько словъ по поводу мнѣнія проф. Сергѣевича о думѣ. Какъ ни странно, по появленіе въ 1896 году сочиненія В. И. Сергѣевича, посвященнаго «совѣтникамъ князя», уясненію роли дружинниковъ—впослѣдствіи бояръ и другихъ придворныхъ чиновъ,—а также духовенства, въ качествѣ «думцевъ» князя, затѣмъ—царя, прошло, насколько намъ извѣстно, незамѣченнымъ нашей историко-юридической литературой, не вызвавъ отповѣди со стороны тѣхъ ученыхъ, воззрѣнія которыхъ были подвергнуты критикѣ профессоромъ Сергѣевичемъ. Между тѣмъ въ названномъ выше сочиненіи имъ высказано мнѣніе, по его собственнымъ словамъ, господствующее: «Существованіе княжеской думы съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Памятники постоянно говорятъ о думѣ князей съ мужами, боярами, духовенствомъ, городскими старцами и т. д. Но какъ надо понимать эти свидѣтельства памятниковъ? Была ли княжеская дума постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціей, или это только актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя къ людьми, которымъ онъ довѣряетъ? Въ литературѣ господствуетъ первое мнѣніе; тѣмъ не менѣе справедливо только второе».—Вотъ основное положеніе автора. Итакъ, дума княжеская—«учрежденіе» не постоянное, а лишь «актъ думанія», «дѣйствіе совѣтыванія» князя съ приближенными. Проф. Сергѣевичъ упрекаетъ своихъ противниковъ въ томъ, что свидѣтельства источниковъ о думѣ понимаются ими въ привычномъ для насъ смыслѣ, отсюда—заблужденіе относительно истиннаго характера княжеской думы. Однако, утверждая, что дума не была постояннымъ «учрежденіемъ», авторъ, какъ кажется, самъ впадаетъ въ ту же ошибку, трактуя терминъ «учрежденіе» именно въ привычномъ для насъ смыслѣ. Не только явленія удѣльновѣчевой Руси, но даже московской, имѣли мѣсто въ жизни, далеко не будучи тѣмъ, что соотвѣтствуетъ нашему понятію объ «учрежденіи»; тщетно, напрасно стали бы мы искать для этихъ явленій юридическаго опредѣленія ихъ, точнаго и всесторонняго нормированія путемъ законодательнымъ. Всѣ отношенія того времени обусловливаются обычаемъ, законъ же, какъ мѣрило, появляется въ эпоху, значительно позднѣйшую. Взамѣнъ термина «учрежденіе постоянное» проф. Сергѣевичъ предлагаетъ другой—«актъ думанія», «дѣйствіе совѣтыванія» князя съ приближенными. Но для того, чтобы новый терминъ могъ быть принятъ, необходимо прежде доказать, что такой «актъ думанія» носилъ вполнѣ случайный характеръ, являлся продуктомъ доброй, ничѣмъ нестѣсненной воли князя, его прихотью, что князь при достиженіи своихъ цѣлей могъ прекрасно обходиться безъ подобнаго «акта думанія»; если же этотъ «актъ» совершается каждымъ княземъ удѣльной Руси, при каждомъ дѣйствіи, вызываемомъ потребностями управленія волостью, ради котораго князь существовалъ,—тогда «актъ думанія» ео ipso совпадаетъ съ «учрежденіемъ постояннымъ»,—насколько, повторимъ, терминъ «учрежденіе» примѣнимъ къ удѣльно-вѣчевой эпохѣ,—и всякое различіе между ними, устанавливаемое проф. Сергѣевичемъ, исчезаетъ.

«Князь не былъ обязанъ съ кѣмъ либо совѣщаться, онъ совѣтуется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находитъ это нужнымъ и желательнымъ; во всѣхъ

остальныхъ онъ дѣйствуетъ одинъ», — продолжаетъ авторъ и приводитъ примѣры дѣйствій князей безъ всякаго совѣта съ кѣмъ либо. Конечно, никто не могъ «обязывать» князя имѣть совѣтниковъ, и по той простой причинѣ, что не было смысла требовать того, что имѣло мѣсто въ силу естественныхъ условій жизни, въ силу необходимости; князья должны были имѣть совѣтниковъ, потому что дѣлать все и вездѣ одному князю представлялось немыслимымъ по причинѣ ограниченности силъ нашей натуры; возможность управленія удѣломъ могла быть осуществлена только при наличности «думцевъ». Помощники же князя по управленію участвовали въ совѣтахъ съ нимъ, такъ какъ это были не позднѣйшіе «холопы» московскихъ государей, а «вольные слуги», располагавшіе всегда правомъ «отъѣзда», если видѣли, что съ ними обращаются только, какъ съ исполнителями чужой воли, и не желаютъ прежде выслушивать ихъ мнѣній и сужденій. Сказанное подтверждается и нѣкоторыми данными памятниковъ современной эпохи: такъ, напр., извѣстное «моленіе» Даніила Заточника, лѣтописи—говорятъ и осуждаютъ «думцевъ» «лихихъ», «младыхъ», «уныхъ» (т. е. юныхъ), которые заставляютъ князя «впадать во многія злыя вещи»; слѣдовательно, осуждаютъ только выборъ княземъ людей неопытныхъ или злонамѣренныхъ, но ничего не говорятъ о томъ, что князь вовсе не имѣетъ совѣтниковъ; послѣднее же не могло бы ускользнуть отъ вниманія и не вызвать порицанія, какъ оно вызвано въ первомъ случаѣ.

Въ качествѣ примѣровъ самостоятельной дѣятельности князей, безъ участія думы, проф. Сергѣевичъ указываетъ на 42-ю статью Русской Правды (сп. Акад.), которою опредѣлялся «поклонъ вирный», т. е. размѣръ доходовъ вирниковъ, и на статью 16-ю, коей назначалась смертная казнь рабу за ударъ свободнаго мужа (сп. Троицк., ст. 58). Намъ кажется, что примѣры эти вовсе неубѣдительны, потому что они не содержатъ никакихъ данныхъ относительно самостоятельной дѣятельности князей. Въ самомъ дѣлѣ, откуда можно вывести, что подобныя данныя заключаются въ ст. 42-й? Что она заканчивается фразой—«то ти урокъ Ярославль?» Но, вѣдь, это говоритъ только о томъ, что статья, приписанная къ памятнику послѣ перечня статей такъ называемой Правды сыновей Ярослава, есть результатъ законодательной дѣятельности Ярослава, отца ихъ, а не сыновей. Помѣщая эту приписку, составитель свода не могъ имѣть въ виду никакой другой цѣли, кромѣ указанной. Ни о чемъ другомъ она не говоритъ, не давая такимъ образомъ свѣдѣній касательно того, составилъ ли «урокъ» одинъ Ярославль, самолично, или же — на совѣщаніи со своими дружинниками. Затѣмъ, если ст. 42-ю авторъ считаетъ плодомъ единоличнаго творчества Ярослава, то почему же не считать имъ и первыя семнадцать статей т. н. академическаго списка, приписываемыя Ярославу?—Конечно, никто и никогда не рѣшится утверждать, чтобы Ярославъ самъ, одинъ, составилъ первый русскій сборникъ законовъ. Переходя къ ст. 16-й, мы должны также сказать, что не видимъ въ ней доказательства, говорящаго въ пользу мнѣнія проф. Сергѣевича. Его нельзя усматривать въ словахъ—«великій князь то Ярославъ Володимеричъ былъ уставилъ убити» (сп. Троицк., ст. 58; Карамз., 76), потому что ихъ необходимо поставить въ связь съ послѣдующими словами—«но то сынове его по немъ уставиша на куны»; говорить же объ еди-

ноличной дѣятельности сыновей Ярослава мы уже не имѣемъ права, вслѣдствіе ясныхъ и опредѣленныхъ указаній той же Русской Правды, свидѣтельствующей объ участіи дружинниковъ въ дѣлѣ отмѣны смертной казни за убійство (ст. 2 Троицк. сп.). Слѣдовательно, и эта статья не даетъ изслѣдователю никакого матеріала для сужденія объ единоличной дѣятельности князей, скорѣе даже противорѣча такому сужденію.

«Были въ древности и такіе князья,—замѣчаетъ наконецъ, проф. Сергѣевичъ,—которые вообще не любили никакихъ совѣщаній», указывая на галицкаго князя Владиміра, который «бѣ любезнивъ питію многому и думы не любяшеть съ мужми своими». Но,—отвѣтимъ на это,—такіе князья терпѣли непріятности за отсутствіе у нихъ любви къ совѣщаніямъ; такъ, тотъ же Владиміръ Галицкій, за свое нерадѣніе къ дѣламъ управленія, явившееся слѣдствіемъ его пристрастія къ «питію многому», принужденъ былъ, какъ извѣстно, покинуть Галичъ и удалиться въ предѣлы Венгріи, т. е. лишиться стола. Приведенный случай какъ нельзя болѣе ясно показываетъ, къ чему вело стремленіе князя дѣйствовать единоличными силами, обходиться безъ помощи совѣтниковъ.

Съ усиленіемъ Московскаго княжества, положеніе сторонъ мѣняется: «вольные слуги» становятся «холопами» государя и, въ качествѣ таковыхъ, лишены возможности быть непремѣнными участниками въ княжескихъ совѣщаніяхъ; съ другой стороны, князья московскіе могутъ теперь смѣло вершить дѣла «самъ третей у постели», не опасаясь лишиться слугъ и сотрудниковъ, которымъ некуда уже стало «отъѣхать» безъ того, чтобы не заклеймить себя позорнымъ именемъ измѣнника. **В. Б—въ.**

Синайскій, А., свящ. Отношеніе древне-русской церкви и общества къ латинскому западу (католичеству). (X—XV в.). Спб. 1899.

Вопросъ, разсматриваемый о. Синайскимъ въ его книгѣ, давно интересуетъ изучающихъ жизнь и міровоззрѣнія русскаго народа. Историки наши, едва ли не начиная съ Татищева, въ своихъ сочиненіяхъ отводили ему надлежащее мѣсто и соотвѣтствующее значеніе. Особенно это нужно сказать объ историкахъ второй половины нынѣшняго столѣтія, когда отношеніе древне-русской церкви и русскаго народа къ латинамъ стало съ ясностью сознаваться, какъ одинъ изъ весьма сильныхъ факторовъ, опредѣлявшихъ міровоззрѣніе нашихъ предковъ — политическое и религіозное, и самую жизнь ихъ въ ея бытовой и церковной сторонахъ. Много содѣйствовало развитію интереса и ученаго вниманія къ этому вопросу изданіе по частямъ и въ цѣломъ нашими учеными, напримѣръ, А. Поповымъ, А. Павловымъ и др., древне-русскихъ политическихъ сочиненій и другихъ памятниковъ сношеній русскихъ съ Западомъ. Непосредственно за этими изданіями стали появляться и отдѣльныя журнальныя монографіи, и научныя изслѣдованія въ области изысканій по вопросу объ отношеніяхъ къ латинамъ нашихъ предковъ. Появились различные взгляды, мнѣнія и объясненія. Потребовалось даже сведеніе всего этого многоразличія къ возможному единству для болѣе яснаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросы,—каковы же

были эти отношенія, гдѣ коренились ихъ причины и въ чемъ выразились ихъ слѣдствія. Отвѣту на эти вопросы посвящена и книга о. Синайскаго. Но если, такимъ образомъ, она отвѣчаетъ на старые же, давнишніе вопросы, то въ чемъ ея новизна и значеніе ея появленія въ свѣтъ.

Потребность въ таковомъ изслѣдованіи, какое представилъ нашъ авторъ, обусловливается будто бы «современнымъ обсужденіемъ вопроса о сближеніи и единеніи христіанскихъ обществъ различныхъ вѣроисповѣданій» (Предисловіе). Вопросъ этотъ, дѣйствительно, въ настоящее время весьма сильно возбужденъ. Но какую помощь тому или другому разрѣшенію его можетъ принести трудъ автора? Положительно—никакую. «Опыта исторіи», которымъ авторъ рекомендуетъ «руководиться» при «обсужденіи вопроса о возстановленіи утраченнаго единенія между христіанами», никто все-таки не найдетъ во всемъ его трудѣ; не найдетъ не потому, чтобы авторъ недостаточно точно или удовлетворительно раскрылъ взятый имъ предметъ, а просто потому, что его и не было, и не даетъ его вся исторія отношеній русскихъ къ латинамъ въ X—XV в. Какой же опытъ исторіи можно разыскивать въ отрывочныхъ, случайныхъ по мотивамъ и цѣлямъ, вытекавшихъ изъ совершенно не религіозныхъ и не церковныхъ побужденій, а изъ своекорыстныхъ расчетовъ,—сношеніяхъ русскихъ съ латинами? Въ собственномъ смыслѣ кромѣ двухъ случаевъ—при Изяславѣ Ярославичѣ въ 1075 г. и Даніилѣ Галицкомъ въ XIII в.—и сношеній-то не было, а были лишь напоры папскихъ притязаній на вѣру и церковь русскихъ. Итакъ эта, такъ сказать, практическая мотивировка появленія труда автора, по нашему,—красное лишь словечко...

Но, быть можетъ, авторъ желалъ въ своемъ трудѣ объяснить что либо еще не достаточно по данному вопросу разъясненное, раскрыть еще неизвѣстное? Вотъ его слова: «наша попытка состоитъ въ приведеніи разнообразнаго матеріала—къ единству мысли» и въ установленіи того положенія, что «сношенія и отношенія древне-русской церкви къ латинству основывались на существовавшихъ въ древней Руси *взглядахъ* и *понятіяхъ* (курсивъ автора) о латинствѣ и, слѣдовательно, были фактомъ не случайнымъ, а зависѣвшимъ отъ причинъ сложныхъ и постоянныхъ» (стр. 2). Первая задача автора—чисто формальнаго характера, а вторая—матеріальнаго: касается содержанія.

«Къ единству мысли» сводитъ авторъ бывшій у него въ распоряженіи матеріалъ т. е. другими словами—планъ избранъ авторомъ довольно удачно. Все сочиненіе распадается у него на пять главъ. Въ первой онъ выясняетъ главнѣйшіе факторы, дѣйствовавшіе на образованіе взглядовъ и отношеній древнерусской церкви къ латинству. О нихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Во второй главѣ онъ исчисляетъ самые факты внѣшнихъ церковно-политическихъ сношеній древне русской церкви съ римскою; здѣсь онъ находитъ, что сношенія эти за исключеніемъ трехъ (при кн. Изяславѣ въ XI в., Даніилѣ Галицкомъ въ XII в. и при м. Исидорѣ въ XV в.) проистекали по своему началу отъ Рима; русскіе лишь на нихъ отвѣчали,—при томъ неохотно и съ натянутостію. По мотивамъ и участію лицъ они были церковно-политическія (стр. 33). Состояли сношенія эти главнымъ образомъ въ папскихъ посланіяхъ, въ коихъ папы, адресуясь къ Русской Церкви, какъ будто имъ подчиненной, брали всегда по от-

ношенію къ ней покровительственный тонъ (34). Третья глава у автора съ болѣе интересными, хотя общеизвѣстными свѣдѣніями трактуетъ о древне-русскихъ литературныхъ взглядахъ на латинство. Въ ней авторъ прежде всего устанавливаетъ то положеніе, что въ литературныхъ своихъ взглядахъ русскій народъ былъ въ полной зависимости отъ греческой полемической противъ латинянъ литературы (стр. 44). Самостоятельнымъ онъ былъ развѣ только въ томъ, что, будучи по умственному своему состоянію совершено неразвитымъ, буквалистомъ и обрядовѣрцемъ, онъ и изъ греческой литературы преимущественно заимствовалъ обличенія латинянъ въ ихъ обрядовыхъ разностяхъ и нововведеніяхъ. Этимъ опредѣлялось и содержаніе русской полемической литературы. У нашего автора приведено цѣлыхъ 18 такихъ изобличаемыхъ русскими отступленій латинянъ, изъ коихъ одно только—ученіе о filioque·догматическаго, а остальныя всѣ обрядоваго характера. А сами русскіе, какъ видно изъ спора панагіота (грека) съ азимитомъ (латиняномъ), насчитывали этихъ еретическихъ латинскихъ отступленій до 72-хъ (стр. 85). Сюда входили, разумѣется, и не существующія у латинянъ отступленія, въ родѣ, напримѣръ, непочитанія будто бы ими Дѣвы Маріи за Богоматерь, иконъ, мощей, названіе земли матерью. Неудивительно послѣ этого, что самое названіе «латинянинъ» въ пониманіи русскихъ было равносильно представленію о церковной схизмѣ, нравственной испорченности и грубости. Поэтому употреблялось оно въ смыслѣ ироническомъ, презрительномъ (стр. 48, 50). Такъ смотря на латинство, греческіе, а за ними и русскіе полемисты не могли равнодушно писать о немъ: писанія ихъ всегда растворялись какимъ либо чувствомъ къ латинамъ. Чувство это у древнихъ русскихъ проявлялось то какъ жалость къ латинскому, то какъ отвращеніе къ нему, то сопровождалось ироніей, то и прямою бранью его (стр. 54).

При такомъ взглядѣ на латинъ, разумѣется, и отношенія къ нимъ какъ церкви, такъ и государства (гл. IV) должны были быть самыя недружелюбныя, даже враждебныя. Такъ и было. Всѣ наши древніе пастыри и уважаемые монахи повторяли лишь одно, что «латиняне всѣхъ языковъ тогдашнихъ погаднѣйшіе и злѣйшіе», а поэтому «вѣрѣ латинской, какъ проклятой и окаянной, не прилучатися, ни обычая ихъ держати, и общенія ихъ бѣгати..., своихъ дщерей не даяти за ня, ни понимати за себя у нихъ, ни поклонитися, ни цѣловати»... и такъ далѣе въ этомъ же родѣ (стр. 90 — 91); такой характеръ отношеній къ латинамъ не сглаживался, если только не усиливался еще и въ послѣдующіе за XI вѣка XII—XV (стр. 92—93). Въ силу такого взгляда пріемъ латинянъ въ родство съ кѣмъ либо изъ русскихъ или на государеву—великаго князя службу необходимо долженъ былъ сопровождаться переходомъ его въ православіе (стр. 95—115 и далѣе); при чемъ самый переходъ совершался черезъ миропомазаніе, какъ утверждаетъ авторъ, а временами и по мѣстамъ, надо полагать, и черезъ крещеніе (ср. доводы нашего автора съ другими на стр. 95—98). Въ свою очередь и древне-русскіе старались какъ можно рѣже имѣть сношенія съ латинами (глава V). Сношенія эти были вынужденныя: торговля и брачныя у князей. Ради торговли попускалось даже иностранцамъ имѣть свои «божницы»—церкви въ городахъ Россіи, по крайней мѣрѣ, пограничныхъ

(стр. 124, 118). Брачныхъ сопряженій княжескихъ семей съ иноземными авторъ насчитываетъ 29. Изъ нихъ только 8 падаетъ на браки русскихъ князей съ иноземками, а остальное 21 — на браки русскихъ княженъ съ иностранцами. Такое неравномѣрное распредѣленіе браковъ съ иновѣрными съ очевидностію свидѣтельствуетъ, какъ они были не въ духѣ русскаго народа и что къ нимъ прибѣгали только въ неизбѣжныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, русскую княжну не за кого было выдать у себя на родинѣ (стр. 128—180).

Какъ бы въ заключеніе своего очерка авторъ обращается снова къ первому вопросу его труда—о причинахъ такого недружелюбнаго, прямо-таки враждебнаго отношенія русскихъ къ латинамъ. Въ первой главѣ онъ выставляетъ три такихъ фактора—причины: первый—вліяніе грековъ, второй—національныя свойства русскаго народа и третій—отношеніе самихъ латинянъ къ русскимъ. Первый факторъ—причина весьма естественная и всѣмъ понятная. Жаль только, что авторъ раскрылъ ее спутанно и сбивчиво, безъ соблюденія хронологической точности, объясняя событіями позднѣйшими (напримѣръ, безобразіями въ Константинополѣ крестоносцевъ) явленія раннѣйшія: самое появленіе и первичное развитіе непріязни у русскихъ къ латинамъ. Не указано у него ни того, въ чемъ выразилось самое первоначальное вліяніе русскихъ на грековъ, ни того, почему оно было успѣшно. Вторая причина, вѣроятно, и въ представленіи самого автора предносится весьма смутно. Высказавъ сначала нѣсколько самыхъ общихъ фразъ о томъ, что русская церковь уживается со всякимъ мірскимъ порядкомъ (откуда слѣдовалъ выводъ, что она могла ужиться и съ порядкомъ устройства западныхъ государствъ, то-есть обратный тому, какой нуженъ автору), что наше духовенство, хотя вначалѣ и иноземное (а слѣдовательно, нашего-то и не было), не составляло касты; что христіанская вѣра, принятая Русью добровольно (?), стала вѣрою національною (потому, что была принята націею, народомъ?), авторъ вдругъ изрекаетъ такую вопіющую несправедливость, что Русская Церковь «сознавала, что она *учрежденіе* (курсивъ нашъ), явившееся по желанію князя и народа»...; что она срослась съ государствомъ, какъ его *учрежденіе* (стр. 11—12). Въ такомъ представленіи древней нашей церкви, какъ государственнаго учрежденія, помимо его исторической несправедливости (даже и Регламентъ Петра не рѣшался такъ ее трактовать), не дается совершенно никакого объясненія того, почему же у русскихъ составилось непріязненное отношеніе къ латинамъ: слѣдствіемъ причина не выясняется. Говоритъ онъ и о несродности латинства кореннымъ свойствамъ русскаго народа. Забывая или не зная, что эти послѣднія суть въ большей своей части не что либо данное, и лишь результатъ жизни народа. Одно лишь у автора безспорно, это указаніе на то, что русскіе не знали латинянъ (стр. 15). Не знали же потому, что не хотѣли и не могли знать, то-есть и здѣсь, образуя кругъ, авторъ ничего не выясняетъ. Третьей причинѣ — отношенію самихъ латинъ къ древней Руси — авторъ придаетъ существенное и важнѣйшее значеніе въ ряду причинъ, развившихъ у русскихъ непріязнь къ латинамъ. «Эгоистическій прозелитизмъ», проистекавшій изъ самой основной доктрины — римскаго папизма, и «безцеремонность въ способѣ достиженія цѣли» (подчиненія русскихъ папской власти) «были источникомъ

и причиной недовѣрчивости и ненависти къ латинскимъ миссіонерамъ», говоритъ авторъ (стр. 21). А въ концѣ своего очерка онъ прямо заявляетъ, что «дѣйствія латинства—одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, изъ которыхъ образовались отношенія нашей церкви къ нему (стр. 158)». Справедливо или нѣтъ это сужденіе автора, спорить не будемъ; укажемъ лишь, что оно не раздѣляется многими изслѣдователями старинной жизни русскихъ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Пыпинъ (Вѣстн. Евр., 1875 г., окт., 657 стр.), послѣдней причинѣ не придаютъ никакого значенія, останавливаясь лишь на первыхъ двухъ. Въ концѣ своего очерка авторъ указываетъ уже извѣстныя давно слѣдствія непріязненнаго отношенія русскихъ къ латинамъ: отчужденность отъ западной науки, своеобразность русской жизни и развитіе самомнѣнія у русскихъ.

Изъ представленнаго нами краткаго анализа книжки о. Синайскаго нельзя не видѣть, что новаго въ мысляхъ, взглядахъ и выводахъ она по взятому авторомъ вопросу даетъ немного. Болѣе или менѣе новымъ является, въ чемъ сознается и самъ авторъ (стр. 33), первая глава; но и въ ней представленное раскрытіе факторовъ появленія и развитія у русскихъ непріязни къ латинамъ страдаетъ многими недостатками. Общій же и существенный недостатокъ книги о. Синайскаго — это дурное изложеніе мыслей автора: неопредѣленность и туманность выраженій, перебѣганія отъ одного къ другому, растянутость и запутанность въ мысляхъ встрѣчаются чуть не на каждой страницѣ. Замѣтно, что авторъ недостаточно поработалъ надъ книгой и издалъ ее скорѣе въ черновыхъ запискахъ. Достоинство же ея — это «приведеніе къ единству мысли» всего матеріала по данному вопросу, что дѣлаетъ книгу не безполезною и не безъинтересною для изучающихъ древнюю русскую жизнь и міровоззрѣнія нашихъ предковъ.

М. Калужскій.

Сочиненія Константина Багрянороднаго: „О ѳемахъ“ (De thematibus) и „О народахъ“ (De administrando imperio). Съ предисловіемъ Гавріила Ласкина. Москва. 1899.

Византійскій императоръ Константинъ VII Багрянородный принадлежалъ къ числу лучшихъ правителей средневѣковой Византіи и оставилъ послѣ себя крупный слѣдъ въ исторіи этого государства. Онъ родился въ 905 году и былъ сынъ императора Льва VI Мудраго (886—911 гг.) и внукъ знаменитаго основателя византійско-македонской династіи Василія I (867—886 г.). Въ 912 году онъ былъ коронованъ на царство, но сдѣлался фактическимъ императоромъ только въ 945 году, находясь до этого времени подъ опекой своего дяди Александра (886—912 г.) и тестя Романа I Лакапина (920—944 г.), и царствовалъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 959 году. Единовластное царствованіе Константина Багрянороднаго отличалось сравнительнымъ благополучіемъ и тишиной. Ко времени его единоправленія, т.-е. къ началу 945 года, были закончены самыя трудныя войны византійцевъ—съ болгарами, печенѣгами, сарацинами и другими народами, и внутри государства наступило затишье, которое не прерывалось до самой смерти Константина. Спокойное царствованіе дало возможность Константину Багрянородному посвятить себя занятіямъ нау-

кою и искусствомъ, къ которымъ онъ имѣлъ большую любовь и способность. Еще до вступленія своего на царство, находясь подъ опекою Романа I, Константинъ весьма усердно занимался наукою, а когда палъ домъ Романа, и онъ сталъ настоящимъ царемъ, то началъ усердно поощрять ученыя занятія и побуждалъ современныхъ ученыхъ къ составленію различныхъ сборниковъ и компиляцій, имѣющихъ практическое значеніе и пригодныхъ для тѣхъ или иныхъ государственныхъ должностей. Кромѣ того, онъ блестящимъ образомъ возстановилъ Константинопольскій университетъ, основанный кесаремъ Варзою въ серединѣ IX вѣка, но пришедшій въ сильный упадокъ отъ небреженія Романа I. Онъ пригласилъ дѣльныхъ преподавателей, назначилъ имъ щедрое вознагражденіе и отличилъ разными почестями; по отношенію къ студентамъ онъ также выказывалъ большое попеченіе и щедрость, приближалъ ихъ къ себѣ, приглашалъ за свой столъ, доставлялъ имъ средства къ жизни и по окончаніи образованія заботился о помѣщеніи ихъ на государственную службу. Наконецъ, Константинъ Багрянородный и самъ занимался литературною дѣятельностью и написалъ нѣсколько литературныхъ произведеній, за которыя ставится во главѣ византійской исторіографіи X-го вѣка. Изъ его сочиненій самымъ лучшимъ по литературной обработкѣ признается «Жизнь Василія Македонянина», гдѣ разсматривается исторія этого императора, котораго авторъ изображаетъ идеальнымъ монархомъ. Затѣмъ, Константину Багрянородному принадлежитъ сочиненіе «О церемоніяхъ», гдѣ главнымъ образомъ описывается этикетъ византійскаго императорскаго двора, унаслѣдованный отъ прежняго времени и отчасти дополненный и измѣненный отцемъ Константина, Львомъ Мудрымъ, и имъ самимъ. Въ частности, здѣсь излагаются обряды, соблюдавшіеся при появленіи царей народу въ большіе праздники, при рожденіи, крещеніи, вѣнчаніи и погребеніи лицъ царской фамиліи, при пріемахъ иностранныхъ пословъ, назначеніяхъ на высшія гражданскія, военныя и духовныя должности и при выступленіи въ походъ. Кромѣ того, въ сборникъ внесены и различныя постороннія свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, перечень византійскихъ императоровъ, бюджетъ императора Льва VI Мудраго и т. п. Несмотря на то, что въ сборникѣ «О церемоніяхъ» нѣтъ ни единства предмета, ни порядка въ изложеніи, онъ имѣетъ важное научное значеніе и заключаетъ въ себѣ много весьма цѣнныхъ историко-археологическихъ свѣдѣній изъ области византологіи. Константину Порфирородному принадлежатъ также сочиненія: «О θемахъ» и «О народахъ», настолько интересныя и важныя въ научномъ отношеніи, что г. Гаврилъ Ласкинъ призналъ необходимымъ издать ихъ въ русскомъ переводѣ.

Сочиненіе «О θемахъ (περι θεμάτων)» есть первый литературный трудъ императора Константина, составленный имъ еще до времени самостоятельнаго царствованія, а именно въ 934 году или немного позже. Оно содержитъ въ себѣ описаніе Византійской имперіи по θемамъ, т.-е. провинціямъ, при чемъ иногда излагается и исторія провинцій, при чемъ авторъ выясняетъ ихъ названіе, указываетъ границы, описываетъ населеніе и административное устройство и т. п. Сочиненіе написано въ видѣ поученія сыну Константина, Роману; въ выборѣ формы сочиненія (поученіе) Константинъ, повидимому, слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ, такъ какъ дѣдъ его, императоръ Васи-

лій, написалъ «увѣщательныя главы» своему сыну Льву, а этотъ послѣдній составилъ такъ называемый «Тактиконъ», придавъ ему аналогичную форму.

Въ сочиненіи «О народахъ» описываются всѣ, населявшіе Византійскую имперію, народы и нѣкоторыя варварскія племена, а также преподаются правила внѣшней политики. Въ частности, здѣсь рѣчь идетъ о печенѣгахъ, россахъ, козарахъ, арабахъ, вандалахъ, иллирійскихъ славянахъ, уграхъ (туркахъ), моравахъ, грузинахъ, пелопоннезскихъ славянахъ; кромѣ того, одна глава сочиненія (13) посвящена «Закону Константина Великаго», другія описываютъ: Испанію, Италію, сѣверное и восточное побережья Чернаго моря, Арменію, Кипръ, Пелопонезъ и городъ Херсонъ.

Что касается достовѣрности извѣстій, сообщаемыхъ Константиномъ Багрянородныхъ въ сочиненіяхъ «О θемахъ» и «О народахъ», то должно сказать, что вообще Константинъ достовѣренъ и важенъ тамъ, гдѣ описываетъ событія, современныя ему, или непосредственно предшествовавшія (т.-е. половину IX вѣка и X в.), при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ его извѣстій представляютъ собою драгоцѣннѣйшіе историческіе матеріалы, а его сообщенія о событіяхъ давно минувшихъ, за немногими исключеніями, имѣютъ мало цѣны. Задача ученой критики по отношенію къ Константину Багрянородному въ томъ и состоитъ, чтобы тщательно разобрать указанные его два труда, отдѣлить важное отъ неважнаго и показать, гдѣ Константинъ является, какъ писатель, во всемъ своемъ величіи, и гдѣ онъ сочиняетъ или повторяетъ жалкія гипотезы и фантастическіе миѳы.

Въ виду важнаго историческаго значенія сочиненій императора Константина «О θемахъ» и «О народахъ», у насъ давно сознавалась нужда въ переводѣ ихъ на русскій языкъ. Это отчасти доказывается тѣмъ, что нѣкоторыя главы этихъ сочиненій уже давно переведены на русскій языкъ (Палаузовымъ, Протопоповымъ, Гротомъ). Но, конечно, переводы такого рода не могутъ замѣнить собою перевода всего сочиненія, и необходимость въ послѣднемъ остается во всей своей силѣ. Идя на встрѣчу этой потребности, г. Ласкинъ и взялъ на себя трудъ предложить русской публикѣ означенныя два произведенія византійской литературы въ полномъ ихъ переводѣ. Переводъ (стр. 19—208) сопровождается историко-археологическими примѣчаніями, необходимыми для правильнаго пониманія византійскихъ литературныхъ памятниковъ. Въ предисловіи къ переводу (стр. 1—18) помѣщенъ историко-литературный этюдъ о о Константинѣ Багрянородномъ, какъ писателѣ, а въ приложеніи (стр. 209—243) помѣщено шестнадцать отрывковъ и примѣчаній, поясняющихъ и дополняющихъ текстъ переведенныхъ произведеній. Кромѣ того, приложенъ (стр. 244—260) указатель собственныхъ именъ.

Изданіе г. Ласкина представляется весьма на лишнимъ у насъ—тѣмъ болѣе, что сопровождается необходимыми комментаріями. Нельзя, конечно, всецѣло довѣряться г. Ласкину и въ переводѣ, и въ толкованіи его, такъ какъ г. переводчикъ не занимался исправленіемъ греческаго текста, за отсутствіемъ у него надлежащаго филологическаго аппарата, а съ другой стороны—наука о византійскихъ древностяхъ далеко еще не сказала своего послѣдняго слова по тѣмъ вопросамъ, которыхъ касается г. Ласкинъ, тѣмъ не менѣе и въ настоя-

щемъ своемъ видѣ трудъ г. Ласкина заслуживаетъ полнаго вниманія тѣхъ, кто заинтересованъ и занимается новою у насъ отраслью историческаго знанія, именуемою византологіей.

Н. П. Загоскинъ. Исторія права русскаго народа. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго народа. Томъ первый Введеніе. I. Наука исторіи русскаго права. II. Формація народа и государства. Казань. 1899.

Болѣе двадцати лѣтъ назадъ профессоръ Загоскинъ предпринялъ обширный трудъ—«Исторія права Московскаго государства». Изданіе остановилось на первомъ выпускѣ второго тома, вышедшемъ въ 1879 г. Теперь авторъ сознается, что «попытка изложенія отдѣльнаго, притомъ промежуточнаго, періода исторіи права, отторгнувъ его отъ періодовъ предшествующаго и послѣдующаго, окончилась неудачею». Настоящій трудъ проф. Загоскина задуманъ въ очень широкихъ размѣрахъ. Авторъ предполагаетъ въ 12 томахъ довести исторію русскаго права до реформъ императора Александра II включительно. И по существу проф. Загоскинъ ставитъ свою задачу очень широко. Первый томъ его труда по справедливости можетъ быть названъ введеніемъ въ русскую исторію вообще, а не только въ исторію права. Мы думаемъ, однако, что слишкомъ широкая постановка задачи въ данномъ случаѣ не можетъ быть признана удачною. Излишняя пестрота и невыдержанность плана, расплывчатое, иногда обремененное ненужными подробностями, изложеніе предмета, въ ущербъ глубинѣ и стройной сосредоточенности, составляютъ существенный недостатокъ новаго труда почтеннаго профессора.

Въ краткомъ введеніи г. Загоскинъ даетъ очень бѣглый обзоръ главнѣйшихъ воззрѣній на науку права и слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ предметъ и задачи науки исторіи русскаго права: «исторія русскаго права имѣетъ своимъ предметомъ изложеніе постепеннаго хода развитія той стороны духовной жизни русскаго народа, которая извѣстна подъ названіемъ права; она должна имѣть своею задачею изслѣдованіе генизиса и историческаго развитія русской правовой жизни, въ ея правосознаніи, институтахъ и правоотношеніяхъ». Согласимся съ авторомъ, что это опредѣленіе не представляетъ трудности. Но что оно выясняетъ? Далѣе, больше половины всей книги отведено изложенію исторіи науки и современному ея состоянію. Нельзя признать удачнымъ раздѣленіе общаго очерка русской исторіографіи и очерка развитія науки исторіи русскаго права. Первый очеркъ самъ по себѣ является даже лишнимъ: онъ не даетъ ни полноты фактическихъ свѣдѣній, ни сложнаго и сжатаго направленія исторической мысли. Съ другой стороны возможно ли ясно и послѣдовательно изложить постепенное развитіе историко-юридическаго знанія, вырвавъ его изъ общаго хода развитія исторической науки? Думаемъ, что нѣтъ. Точно также совершенно неудачнымъ представляется намъ подробный обзоръ источниковъ русскаго историческаго знанія, занимающій болѣе ста страницъ. Такіе обзоры цѣнны полнотою и обстоятельностью библіографическихъ свѣдѣній. То и другое читатель скорѣе найдетъ въ I т. «Исторіи» Бестужева-Рюмина, чѣмъ въ книгѣ

г. Загоскина. Обзору источниковъ авторъ предпосылаетъ общій взглядъ на источники и, между прочимъ, дѣлитъ ихъ по способу происхожденія на первоначальные и производные. Развивая эту мысль, авторъ приходитъ къ заключенію, что самое понятіе первоначальности или производности источника крайне растяжимо и условно. Оно и не нужно, прибавимъ отъ себя, такъ какъ нигдѣ не отражается въ обзорѣ источниковъ. Ничего существенно новаго и оригинальнаго во взглядахъ и въ изложеніи не найдетъ читатель и въ послѣднихъ двухъ отдѣлахъ I части (отд. IV: Историческая критика. Соотношеніе исторіи къ другимъ наукамъ. Вспомогательныя для нея отрасли знанія. Отд. V: Система изложенія и литература исторіи русскаго права).

Часть II-я, посвященная «формаціи народа и государства», распадается на два отдѣла: 1) «Славяне и начало русской самобытности», и 2) «Зарожденіе русской государственности». Въ этой второй части своей книги проф. Загоскинъ также очень широко раздвигаетъ рамки изложенія. Онъ подробно останавливается въ особыхъ главахъ на вопросахъ о стародавности славянъ и связи ихъ съ болѣе древними обитателями Европы, о происхожденіи Руси. Древнѣйшій періодъ русской исторіи не былъ, какъ видно, предметомъ самостоятельныхъ изысканій автора. Ему приходится ограничиваться группировкой общеизвѣстныхъ фактовъ и сопоставленіемъ разныхъ теорій, не всегда приводящимъ читателя къ опредѣленному выводу. Недоумѣваемъ, зачѣмъ понадобилось почтенному профессору подробно разсказывать, по устарѣвшему шаблону, исторію вопроса о происхожденіи Руси. Ничего оригинальнаго въ изложеніе этого спора не внесено, хотя авторъ и пытается аргументировать за и противъ, по поводу нѣкоторыхъ безнадежно спорныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, авторъ не дѣлаетъ никакого опредѣленнаго заключенія изъ разсмотрѣнія ученій норманистовъ и ихъ противниковъ, оставляя въ читателѣ смутное впечатлѣніе большей виновности норманизма передъ судомъ ученой критики.

Наиболѣе цѣннымъ является послѣдній отдѣлъ книги — «Зарожденіе русской государственности». Сдѣлавъ обстоятельный разборъ разныхъ теорій древняго быта славянъ, авторъ объявляетъ себя сторонникомъ задружно-общинной теоріи. Въ слѣдующихъ двухъ главахъ излагаетъ основы политической, общественной и духовной жизни восточныхъ славянъ до образованія государства. Далѣе особая глава посвящена древнѣйшему обычному праву славянъ; въ ней проф. Загоскинъ поднимаетъ вопросъ о началахъ общеславянскаго права, какъ общемъ и первоначальномъ источникѣ права отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, и о средствахъ познанія этихъ началъ. Но и здѣсь нужно повторить почтенному автору упрекъ въ невыдержанности плана. Эта глава, безъ сомнѣнія, интересная, должна имѣть значеніе введенія, а между тѣмъ она совершенно некстати разрываетъ разсказъ о догосударственномъ бытѣ славянъ и о началѣ государства. О правѣ обычномъ говорилось уже въ обзорѣ источниковъ. Въ послѣдней главѣ—о началѣ Русскаго государства — проф. Загоскинъ снова возвращается къ спору норманистовъ и ихъ противниковъ объ основномъ начальномъ фактѣ русской исторіи. Не признавая значенія такого факта за призваніемъ варяжскихъ князей, онъ усматриваетъ первый историческій моментъ русской государственности въ завоеваніяхъ Олега, объединяющихъ Приднѣп-

ровье въ одно политическое цѣлое. Таково содержаніе и характерныя черты новаго труда проф. Загоскина. Какъ введеніе въ исторію русскаго права, онъ, къ сожалѣнію, не свободенъ отъ нѣкоторыхъ крупныхъ недостатковъ со стороны построенія. Надо надѣяться, что большими достоинствами и интересами будутъ отличаться послѣдующіе томы, въ особенности охватывающіе Московскій періодъ, которому были посвящены самостоятельныя изслѣдованіи автора, хорошо извѣстныя каждому занимающемуся русской исторіей. Р.

Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Составилъ П. Ганзенъ. Печатано по распоряженію Канцеляріи Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Спб. 1899.

Въ апрѣлѣ прошлаго года П. Г. Ганзеномъ издана была книга «Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи», удостоившаяся чести быть поднесенной Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Августѣйшей Покровительницѣ Попечительства о домахъ трудолюбія въ Россіи. Изволивъ обратить, при разсмотрѣніи названнаго сочиненія, особое вниманіе на очеркъ, посвященный дѣтскимъ трудовымъ убѣжищамъ, и усматривая въ примѣненіи трудовой помощи къ дѣтямъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія благотворный принципъ, обѣщающій современемъ богатые плоды, Ея Императорскому Величеству благоугодно было поручить автору изучить на мѣстѣ постановку въ Скандинавскихъ государствахъ дѣла трудовой помощи, во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Настоящій обширный трудъ г. Ганзена есть результатъ высочайше возложеннаго на него порученія. Предъ нами огромный томъ, нѣсколько болѣе чѣмъ въ восьмую долю листа, превосходно изданный и переполненный объясняющими текстъ рисунками, изящество и щеголеватость которыхъ дѣлаетъ честь художественнымъ мастерскимъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, гдѣ эти иллюстраціи исполнялись.

Не представляющая собой никакой существенной пользы и являющаяся лишь весьма сомнительнымъ паліативомъ прежняя система даровой благотворительности, такъ давно практиковавшаяся и понынѣ существующая у насъ въ Россіи, давно оставлена на Западѣ вообще, а въ Скандинавскихъ государствахъ въ особенности. Поддержка несчастныхъ и воспособленіе неимущимъ должны итти рука объ руку съ трудомъ этихъ послѣднихъ, облагораживающимъ самый актъ общественной помощи обездоленнымъ элементамъ населенія и не дающимъ возможности благотворенію обратиться въ деморализующую нищаго милостыню, дѣлая его лишь своевременно оказанной поддержкой, при непремѣнномъ условіи труда пользующихся ею. Принимая далѣе въ соображеніе, что дѣтскій возрастъ наиболѣе воспріимчивъ къ прочному усвоенію на всю жизнь тѣхъ или иныхъ началъ воспитанія, общество въ Скандинавскихъ государствахъ обращаетъ особенное вниманіе на устройство дѣтскихъ пріютовъ трудолюбія для дѣтей неимущихъ или больныхъ родителей, пріучая такимъ образомъ подростающее поколѣніе къ труду съ первыхъ шаговъ жизни

и постепенно подготовляя изъ подростковъ людей, привыкшихъ къ честной и методической работѣ и чуждающихся подаянія, незамѣтно развращающаго тѣхъ, кто имъ пользуется, не завоевавъ права на него какимъ бы то ни было трудомъ, по мѣрѣ силъ, возможности и умѣнья. Наконецъ, облегчая участь своихъ бѣдныхъ скорымъ и охотнымъ предоставленіемъ имъ всевозможныхъ формъ труда и воспитывая юношество въ здоровой нравственной атмосферѣ работы и дисциплины, Скандинавское общество главнымъ образомъ само является иниціаторомъ въ дѣлахъ благотворительности, не дожидаясь указаній со стороны правительства и строго придерживаясь разумнаго принципа общественной самопомощи, безъ котораго ни одно доброе начинаніе не приноситъ желаемыхъ результатовъ.

Таковы гуманныя и высокія начала постановки благотворительности въ Скандинавскихъ государствахъ, которыя, по счастью, начинаютъ входить въ жизнь и нашего отечества. Основанное у насъ въ 1895 году Попечительство о домахъ трудолюбія, во главѣ котораго непосредственно стоитъ Государыня, съ самаго своего возникновенія уже является всецѣло одушевленнымъ именно этимъ принципомъ трудовой помощи, вызывая всеобщее сочувствіе къ благотворной дѣятельности Ея Величества, такъ близко принявшей къ сердцу горе и нужду неимущихъ и несчастныхъ.

Вся сумма, вырученная отъ продажи книги П. П. Ганзена, поступитъ полностью въ пользу Попечительства о домахъ трудолюбія. С. У—цъ.

Э. Тома, профессоръ Лилльскаго университета. Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Перевелъ съ французскаго Я. И. Рудневъ. Спб. 1899.

Французскому ученому, г. Томà, пришла въ голову хорошая мысль—изложить въ краткой и популярной формѣ жизнь древнеримскаго общества, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, въ теченіе первыхъ двухъ столѣтій по Р. Хр , когда античная культура достигла съ одной стороны своего апогея, а съ другой не носила еще въ себѣ особо замѣтныхъ слѣдовъ разложенія. Авторъ прежде всего знакомитъ своего читателя съ тѣми мѣстностями, гдѣ въ настоящее время можно легче всего познакомиться съ древнеримскою жизнью, т. е. съ развалинами Помпей и вѣчнаго города. Руины Палатина даютъ возможность г. Томà коснуться придворной жизни, или того, что онъ называетъ императорскимъ режимомъ. За этими начальными главами слѣдуетъ изложеніе явленій собственно общественной жизни столицы: авторъ говоритъ здѣсь объ общественныхъ увеселеніяхъ, новогоднихъ подаркахъ, объ обрядахъ при похоронахъ и о завѣщаніяхъ. Въ главѣ 8-й г. Томà переноситъ читателя въ древнеримскую виллу и разбираетъ мимоходомъ любопытный вопросъ о чувствѣ любви къ природѣ у древнихъ римлянъ. Затѣмъ идутъ главы, посвященныя духовной жизни древнеримскаго общества. Здѣсь знакомимся мы съ античными школами, книгами и значеніемъ искусства въ древнеримской жизни. Эта послѣдняя глава врядъ ли не можетъ быть названа самой удачной въ цѣлой книгѣ. Авторъ блистательно доказываетъ, правда, общепризнанное положеніе,

что древній міръ жилъ художественною жизнью въ гораздо бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ мы. Коснувшись далѣе мимоходомъ военнаго дѣла, г. Тома̀ показываетъ, наконецъ, читателю типы лучшихъ лицъ тогдашняго общества. Въ качествѣ философовъ-моралистовъ фигурируютъ здѣсь Сенека, Епиктетъ и Маркъ Аврелій, а въ качествѣ истаго римлянина вообще—Плиній Младшій. Французскій писатель сходится во взглядѣ на эту личность, какъ типичную для разбираемой эпохи, съ г. Мережковскимъ (см. книгу послѣдняго «Вѣчные спутники»), но далеко не раздѣляетъ незаслуженныхъ восторговъ передъ Плиніемъ русскаго автора. Въ обѣихъ характеристикахъ Плинія встрѣчаются противорѣчія, легко впрочемъ объяснимыя, такъ какъ въ своихъ письмахъ Плиній является предъ читателемъ вполнѣ живой личностью, а всякій живой человѣкъ неизбѣжно сотканъ изъ противорѣчій.

Изъ этого краткаго обзора содержанія книги г. Тома̀ ясно, что авторъ умѣло выбралъ дѣйствительно типичныя явленія древнеримской жизни; добавлю сюда же, что изложены эти явленія античной жизни, по большей части, довольно увлекательно и интересно. На этомъ и кончаются достоинства сочиненія, но есть у него и недостатки. Взявшись за такой обширный предметъ, авторъ, видимо, не былъ вполнѣ подготовленъ къ нему, на что неоднократно указываетъ и самъ. Отсюда вытекаетъ значительная неравномѣрность въ изложеніи, напримѣръ, главѣ о новогоднихъ подаркахъ, явленіи въ сущности не особенно замѣчательномъ, отводится столько же мѣста, сколько и главѣ о сельской жизни и любви къ природѣ у римлянъ; отсюда также авторъ выходитъ за предѣлы своей темы, напримѣръ, говоря о варварахъ, онъ даетъ характеристику ихъ по сочиненіямъ писателей IV вѣка, тогда какъ въ заглавіи книги обозначено, что она обнимаетъ жизнь древнихъ только за два первые вѣка. Наконецъ, въ сочиненіи г. Тома̀ есть и прямо фактическія неточности, напримѣръ, онъ грубо ошибается, говоря объ извѣстной эмблемѣ двухъ змѣй въ помпейской живописи (стр. 31); не имѣетъ надлежащаго понятія о руинахъ Палатина, путая домъ Ливіи съ дворцомъ Тиберія (стр. 56); мѣшаетъ императора Калигулу съ Каракаллой (стр. 70). Ложно утвержденіе г. Тома̀, будто мѣстности Италіи, признаваемыя за красивыя древними, не совпадаютъ съ признаваемыми за красивыя теперь (стр. 180). Шуточное завѣщаніе поросенка, про которое говорится на стр. 155, не есть театральное произведеніе, и оно сохранилось до нашего времени, чего г. Тома̀ и не подозрѣваетъ. Число подобныхъ неточностей можно было бы и еще значительно увеличить. Наконецъ, строя по личному вкусу, касаться вѣрности котораго здѣсь неумѣстно, свои характеристики исключительно почти на «Исторіи Августовъ», г. Тома̀ часто возводитъ отдѣльные факты этого мутнаго источника въ общія правила, при чемъ иногда сильно ошибается (ср. разсказъ о Септиміи Северѣ на стр. 68 съ гл. 8 его древней біографіи).

Русскій переводъ сочиненія г. Тома̀ сдѣланъ вполнѣ прилично за исключеніемъ именъ авторовъ цитуемыхъ сочиненій, гдѣ г. Рудневымъ допускаются ужасныя искаженія, напримѣръ нѣмецкій ученый г. Мау обращается въ француза Мо, французъ г. Гоклеръ (Hauckler) въ нѣмца Гауклера, докторъ Германъ Виннефельдъ въ доктора Герма (стр. VI) и др. На стр. 177 вмѣсто Катулла

надо читать Тибуллъ. Наконецъ, планы Помпей и Римскаго форума, приложенные къ русскому и французскому изданіямъ, не совпадаютъ между собою, а вмѣсто плана Палатина въ русскомъ изданіи данъ весьма мелкій и потому ни къ чему негодный планъ древняго Рима вообще. А. Малеинъ.

Акты XIII — XVII вв., представленные въ разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отмѣны мѣстничества. Собралъ и издалъ А. Юшковъ. Ч. I. 1257—1613 гг. М. 1899.

Въ январѣ 1682 г. царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, соглашаясь съ мнѣніемъ земскаго собора, отмѣнилъ «Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество», и въ то же время далъ обѣщаніе «впредь будущимъ родамъ на память» составить офиціальную родословную книгу русскихъ служилыхъ родовъ, въ которую должны были войти «не только роды московскихъ служилыхъ людей, но даже провинціальныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ». Для составленія этой книги въ томъ же году была учреждена палата родословныхъ дѣлъ, прообразъ нынѣшняго департамента герольдіи правительствующаго сената, которой предписано было руководиться старыми офиціальными родословцами и родословными росписями. Послѣднія должны были доставить въ нее представители служилыхъ фамилій, вмѣстѣ съ документами, свидѣтельствующими о «честяхъ» ихъ предковъ. Съ послѣднихъ въ палатѣ родословныхъ дѣлъ были снимаемы копіи, подлинники же возвращались владѣльцамъ. Эти-то копіи-документы, которые хранятся теперь въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, и послужили матеріаломъ для разсматриваемаго нами изданія А. Юшкова.

Древнѣйшій и единственный отъ XIII в. документъ относится къ 1257 г. — это «жалованная грамота великаго князя рязанскаго Олега Ингваревича Ивану Шеину на поле по р. Пронѣ». Отъ слѣдующаго вѣка имѣется также одна грамота—«купчая, по коей великій князь рязанскій Олегъ Ивановичъ съ зятемъ своимъ Иваномъ Мирославичемъ продали Солотчанскому монастырю Ѳедорково селище». Къ XV в. относится 43 документа, къ XVI — 214 и къ XVII до 1613 г.—55. Наиболѣе древніе акты принадлежатъ великимъ княжествамъ: Московскому (97) и Рязанскому (40), и удѣльнымъ: Дмитровскому и Кашинскому (7), Углицкому (3), Волоцкому (2), Рузскому (2), Ярославскому (1), Пронскому (1) и Старицкому (1). Большинство документовъ юридическаго характера, и ихъ составляютъ: главнымъ образомъ грамоты волостелямъ и намѣстникамъ на кормленіе, жалованныя несудимыя, жалованныя вотчинныя и ввозныя; болѣе рѣдки: доходные списки волостелямъ и намѣстникамъ, докладныя, правыя, купчія, данныя и др. Изъ административныхъ актовъ имѣются наказы воеводамъ, памяти и грамоты по нѣкоторымъ спеціальнымъ случаямъ.

Помимо своей древности, нѣкоторые изъ актовъ имѣютъ громадное значеніе еще потому, что они доселѣ были крайне рѣдкими. Таковы, напримѣръ, несудимыя грамоты отдѣльнымъ лицамъ и грамоты на кормленіе. При этомъ громадное большинство не только впервые появляется въ печати, но и вообще были мало, по словамъ г. А. Юшкова, эксплоатированы учеными. Только не-

значительная часть документовъ вошла въ кой-какія изслѣдованія въ видѣ приложеній, да еще въ «Сборникъ» (1895 г.) Н. П. Лихачова, но и ихъ г. А. Юшковъ перепечаталъ въ своей книгѣ, при чемъ указалъ и на ошибки прежнихъ издателей, особенно Н. П. Лихачова. Хотя нашъ издатель и увѣряетъ читателя въ необыкновенной точности переписчиковъ XVII и XVIII вв., а также въ тщательности собственной работы, все-таки то обстоятельство, что столь цѣнные древнѣйшіе документы издаются съ копій XVII и XVIII вв., является нѣкоторымъ пятнышкомъ, впрочемъ ничуть не умаляющимъ высокаго значенія труда г. Юшкова. Въ концѣ книги помѣщены указатели: личный, географическій и предметный. В. Р—въ.

Г. Дюкудрэ. Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до настоящаго времени. Томъ первый. Пер. съ французскаго. Москва. 1898.

Талантливый популяризаторъ Дюкудрэ извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ книжекъ по исторіи, изданныхъ для учащихся. Настоящая книга преслѣдуетъ тоже педагогическія цѣли. Авторъ имѣлъ въ виду программы высшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній во Франціи. Мысль Дюкудрэ прекрасная—пополнить свѣдѣнія, сообщаемыя въ учебникахъ по религіозной, общественной и экономической жизни, по литературѣ, искусству, техникѣ и матеріальной культурѣ древнихъ и новыхъ народовъ. Для читателя, оставившаго уже среднюю школу, книга Дюкудрэ даетъ доступную ему систему понятій—по исторіи науки, литературы и искусства. Если она и не сообщаетъ много новыхъ знаній, то книжка эта, несомнѣнно, послужитъ толчкомъ къ изученію науки. Поставивъ себѣ такую цѣль, Дюкудрэ долженъ былъ сжать свое изложеніе, не опуская, въ то же время, ничего существеннаго. Такимъ образомъ, читатель получитъ въ одномъ томѣ исторію цивилизаціи до настоящаго времени. Авторъ обѣщаетъ особенное вниманіе посвятить литературной, научной и художественной части. Вышедшій первый томъ доводитъ исторію цивилизаціи до среднихъ вѣковъ, заключая въ себѣ исторію древняго востока, греческой цивилизаціи и римскаго міра. Изъ 354 страницъ востоку отведено 132, и, дѣйствительно, наиболѣе обработанъ, ярче и живѣе, именно, этотъ отдѣлъ. Особенно удачно представлены египетскій періодъ, ассиро-вавилонскій, исторія евреевъ. Къ сожалѣнію, авторъ плохо составилъ первую главу, посвященную опредѣленію вопроса о цивилизаціи и доисторической эпохѣ. Здѣсь, при опредѣленіи цивилизаціи, онъ держится формулы Гизо (стр. 7), какъ будто послѣ Гизо не появилось соціологической литературы. Точно также, онъ какъ будто не считается съ тэйлоровской теоріей происхожденія арійцевъ, указывая на Среднюю Азію, какъ на родину арійцевъ. Вообще, Дюкудрэ слабо изложилъ вопросъ о первобытномъ человѣкѣ. Исторія Греціи и Рима изложена хорошо, но иногда слишкомъ кратко, остаются только имена, сухія, никому ненужныя. А вѣдь есть имена, настолько великія въ исторіи человѣчества, что о нихъ стоило бы поподробнѣе сказать. Платону, напримѣръ, отведено ½ страницы (196 конецъ и начало 197 страницы),и хотя авторъ воспользовался отрывочкомъ изъ Maillet (Введеніе къ Рес-

публикѣ Платона), но читатель, безъ сомнѣнія, не получитъ никакого понятія о философіи Платона. Пострадалъ и Аристотель. Авторъ, правда, расхвалилъ его «Политику», но за что — неизвѣстно. Чѣмъ онъ великъ, такъ и не выяснено. Въ исторіи Рима найдемъ удачныя выдержки изъ Момзена, Левассера, а послѣднія двѣ главы, въ которыхъ дана картина римскаго общества во времена имперіи (глава XIII) и очеркъ христіанства, затѣмъ паденіе Рима — замѣчательно хороши. Здѣсь блестящій талантъ Дюкудрэ вполнѣ развернулся. Кратко, но ясно указываетъ онъ на причины паденія Рима, опредѣляетъ его всемірно-историческую роль и сущность завѣта, оставленнаго древнимъ міромъ. Книга переведена прекрасно, литературно. Если есть нѣкоторые недосмотры, въ родѣ того, что «Фасты» Овидія названы лѣтописью (313 стр.) или «Historia naturalis» Плинія—всемірной исторіей (318 стр.), то это нисколько не умаляетъ достоинствъ и перевода, и самаго изданія, очень опрятнаго, со многими рисунками, и дешеваго. К.

Дворъ императрицы Екатерины II. Ея сотрудники и приближенные. Сто восемьдесятъ девять силуэтовъ. Два тома. Спб. 1899.

Къ числу немногихъ появляющихся у насъ рѣдкихъ изданій слѣдуетъ отнести вышедшую надняхъ, по волѣ его высочества герцога Георгія Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго, книгу, заглавіе которой мы привели выше. Это, художественное въ полномъ смыслѣ слова, изданіе воспроизводитъ прекрасный сборникъ силуэтовъ, принадлежавшій нѣкогда графу П. К. Разумовскому и составленный въ 1782 — 1783 годахъ. Сюда вошло 189 силуэтовъ работы очень извѣстнаго въ свое время французскаго художника Сидо. Страница за страницей проходятъ передъ вами тѣни Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II, великаго князя Павла Петровича, мальчика великаго князя Александра Павловича и цѣлаго ряда другихъ выдающихся и второстепенныхъ дѣятелей. Г. Круглый, которому поручена была редакція этого изданія, снабдилъ почти всѣ силуэты (за исключеніемъ нѣсколькихъ, оставшихся неразгаданными) коротенькими біографіями на русскомъ и французскомъ языкахъ. Кромѣ того, въ началѣ книги онъ предпослалъ обширное предисловіе (тоже на двухъ языкахъ), въ которомъ сообщилъ, помимо подробнаго описанія сохранившихся въ разныхъ рукахъ силуэтныхъ коллекцій, интересныя свѣдѣнія относительно исторіи силуэтной живописи. Оказывается, что живопись эта была въ большой модѣ у насъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Великая княгиня Марія Ѳеодоровна вырѣзывала силуэты на камнѣ и рисовала ихъ на стеклѣ. Этимъ же занимались извѣстный фаворитъ А. Д. Ланской, первая жена Державина Екатерина Яковлевна и другіе. Мода на силуэты занесена была къ намъ изъ Франціи, гдѣ живопись этого рода получила свое начало и названіе. Послѣднее дано было этимъ рисункамъ, требовавшимъ затраты небольшихъ средствъ и искусства, по имени бывшаго въ то время министромъ финансовъ Этьена Силуэта, который отличался большою скупостью. Съ теченіемъ времени самого министра забыли, а окрещенные его именемъ «силуэты» получили большое распространеніе. Настоящее изданіе силуэтовъ является первымъ по

количеству вошедшихъ въ него портретовъ и представляетъ собой не только художественный, но также историческій интересъ, какъ альбомъ портретовъ историческихъ дѣятелей Екатерининскаго времени. В. Б.

Тихомировъ, Д. И. Педагогическіе курсы 1897 года въ г. Полтавѣ. Полтава. 1898.

Полтавская губернская земская управа устроила лѣтомъ 1897 года педагогическіе курсы для учителей и учительницъ земскихъ народныхъ школъ Полтавской губерніи. Разработанная г. Тихомировымъ программа курсовъ была разослана участникамъ, представившимъ отвѣты на вопросы программы. Во время съѣзда сообщенія эти читались и обсуждались подъ руководствомъ гг. Тихомирова и Кармазина. Авторъ книжки, заглавіе которой мы выписали, даетъ изложеніе сужденій, останавливаясь преимущественно на практическихъ вопросахъ обученія въ народныхъ школахъ. Народный учитель найдетъ здѣсь много разъясненій и добавленій къ своей учительской практикѣ. Съ наибольшей детальностью былъ разработанъ на курсахъ вопросъ о толковомъ чтеніи. Изъ подробностей общаго характера отмѣтимъ отзывы учителей и учительницъ о борьбѣ съ мѣстнымъ народнымъ языкомъ — въ данномъ случаѣ, съ малороссійскимъ. Оказывается, что «даже при усиленномъ напряженіи, какъ со стороны учителя, такъ и со стороны учениковъ, даже къ концу курса 3—4 лѣтъ удается достигнуть только пониманія русской рѣчи, но никакъ не правильнаго умѣнья говорить порусски». Да и врядъ ли это возможно, продолжаетъ учитель, такъ какъ окружающая обстановка внѣ школы этому не благопріятствуетъ.

Въ книгѣ г. Тихомирова напечатанъ и докладъ управы о нуждахъ народнаго школьнаго дѣла. Это — малочисленность школъ, заставляющая отказывать въ пріемѣ сотнямъ дѣтей, узость программъ и недостатокъ въ настольныхъ руководствахъ и пособіяхъ для учителей. Докладъ особенно подчеркиваетъ этотъ недостатокъ и настаиваетъ на заведеніи при школахъ маленькихъ библіотекъ, вполнѣ правильно указывая на то, что «затраченныя на покупку книгъ матеріальныя средства сторицей окупятся улучшеніемъ въ количественномъ и качественномъ отношеніи преподаванія въ школѣ, наибольшимъ распространеніемъ въ народѣ знаній». Пещ—ъ.

Юліанъ Кулаковскій. Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ. Кіевъ. 1899.

Эта книга составилась изъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ историческомъ обществѣ Нестора-Лѣтописца; отрывки изъ нихъ были помѣщены въ журналѣ «Cosmopolis» за 1897 годъ. Въ первой лекціи авторъ останавливается на древнѣйшей стадіи развитія эсхатологическихъ представленій у грековъ. Гомеръ служитъ основнымъ источникомъ наблюденій и выводовъ,—источникомъ, которому, естественно, г. Кулаковскій придаетъ исключительное значеніе. Населенный богами, переходящими въ разрядъ людей, и людьми, пре-

вращающимися въ боговъ, міръ Гомера свободенъ отъ привидѣній и призраковъ,— «въ немъ все свѣтло, ярко и радостно, мертвые не смущаютъ покоя живыхъ». Образы демоновъ и культъ предковъ, утраченные іонянами Гомера послѣ ихъ выселенія съ родины, сохранились въ силѣ у грековъ материка и нашли выраженіе у Гезіода, вообще отразившаго болѣе широкій кругъ представленій, но еще далекаго до выраженія идеи безсмертія человѣка. Вторая лекція посвящена развитію представленій о смерти и безсмертіи въ эпоху послѣ Гомера. Здѣсь начинается періодъ исторіи, сознательнаго творчества въ литературѣ и искусствѣ, и во взглядахъ на посмертное состояніе человѣка замѣчается рѣзкій и рѣшительный поворотъ. «Постепенно они (греки) пришли къ великой идеѣ безсмертія человѣческаго индивидуума и устами своего величайшаго философа облекли ее въ ясныя и опредѣленныя формы, къ идеѣ возмездія за гробомъ и надеждѣ на вѣчное блаженство». На совершеніе этого процесса потребовался цѣлый рядъ вѣковъ, и осуществленію его содѣйствовали одновременно различные элементы религіи, культа и философской мысли. Въ эпоху расцвѣта греческой литературы міръ боговъ и грековъ сближается между собою. Невѣдомый и далекій Аидъ сталъ ближе, и владыки его являются уже и богами живыхъ; отъ нихъ зависитъ ихъ благоденствіе и плодородіе земли. Вмѣстѣ съ этимъ сонмы божествъ пріобрѣтаютъ опредѣленныя поэтическія формы. Дальнѣйшему развитію идей о посмертной жизни человѣка посвящена третья лекція г. Кулаковскаго. Элевзинскія мистеріи въ таинственной обстановкѣ своего культа скрывали обѣщаніе блаженной жизни за гробомъ. Мистеріи эти, какъ и орфизмъ, повліявшій на образованіе мистическихъ представленій о душѣ человѣка, возникли на почвѣ могучаго религіознаго движенія, вызваннаго культомъ Діониса. Тогда-то появилась идея, что въ насъ заключена частица бога, для которой тѣло наше служитъ лишь внѣшнимъ покровомъ. Смерть освобождаетъ божественный элементъ отъ насильственнаго сочетанія съ тѣломъ. Но прежде чѣмъ достигнуть полнаго освобожденія, душа должна совершить на землѣ «циклъ рожденій», постепенно очищаясь и совершенствуясь. Эта идея подверглась философской обработкѣ Пиѳагора и, наконецъ, была обоснована Платономъ, который «воспринялъ ее, какъ идею религіи, разработалъ, какъ мыслитель, и оставилъ въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ, какъ философски-обоснованную истину».

Авторъ иллюстрировалъ свою книгу многочисленными и превосходно исполненными снимками вазовой живописи грековъ. Вообще его этюдъ прочтется съ интересомъ; жаль только, что классическія цитаты не снабжены переводомъ, и представленія грековъ не приведены, хотя бы въ общихъ чертахъ, въ соотношеніе съ соотвѣтствующими представленіями Востока и особенно египтянъ.

Л.

Э. Лависсъ и А. Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ V. Москва. 1899.

Вновь вышедшій, пятый томъ «Всеобщей исторіи», составленной подъ руководствомъ Лависса и Рамбо, охватываетъ собою годы 1559—1648, и носитъ общее названіе «религіозныя войны». Этотъ періодъ—одинъ изъ самыхъ славныхъ, такъ какъ здѣсь, рядомъ съ распространеніемъ кальвинизма, его борьбою съ коронной властью и развитіемъ идеи народовластія, происходятъ, вслѣдствіе католической реакціи, религіозно-политическія войны, вспыхиваетъ англійская революція, въ которой переплелись событія политическія, соціальныя и религіозныя. Естественно, что литература по исторіи реформаціи и реакціи—огромная, но лишь въ новѣйшихъ трудахъ началось научное отношеніе къ этой эпохѣ, т.-е. возвышается политическая и соціальная сторона вопроса, а не толька церковная и религіозная, какъ дѣлалось раньше, со временъ Босюэта. Вотъ почему, въ книгѣ Рамбо насъ поражаетъ глава «Римское правительство и католическая реформація», съ которой начинается 5-й томъ. Въ этой главѣ (ее составилъ M. E. Chénon) дается разсказъ о Тридентскомъ соборѣ и разобраны его постановленія (Decreta Tridentina). Въ своемъ изложеніи авторъ держится католической точки зрѣнія. Онъ даже не называетъ этого періода «реакціей», а называетъ послѣднюю «церковнымъ возрожденіемъ». Онъ не указываетъ на ту ужасную реакцію, которую папство открыло въ Италіи еще до составленія постановленій собора. Такое сочувствіе католической реакціи у автора ясно сказывается въ главѣ «Церковное возрожденіе», гдѣ рѣчь идетъ о репрессивныхъ мѣрахъ, созданныхъ реакціей—инквизиція, цензура. Жестокія гоненія и казни, нанесшія такой грубый ударъ расцвѣтшей свѣтлой культурѣ въ Италіи,—все это не замѣчено авторомъ. Онъ говоритъ лишь, что «церковное возрожденіе» и основанныя нѣкоторыя новыя учрежденія (т.-е. «sanctum officium», цензура и монашескіе ордена) «должны были поддерживать въ средѣ духовенства церковную дисциплину» (28 стр.). Съ такимъ же сочувствіемъ написаны страницы объ орденѣ іезуитовъ и ихъ успѣхахъ. Блѣдно и неопредѣленно составлена глава «Царствованіе Филиппа II» (составилъ Mariéjol). Нерѣшительность автора въ оцѣнкѣ дѣятельности Филиппа II лишаетъ этотъ очеркъ силы. О Филиппѣ Марьероль говоритъ: «онъ не былъ и не такъ дуренъ и не такъ великъ» (108 стр.). Такъ же слабо составлена и исторія тридцатилѣтней войны, крайне сложнаго явленія, въ которой историкъ долженъ видѣть не только международную борьбу, но и борьбу князей съ императоромъ вслѣдствіе запутанныхъ отношеній въ Германіи. Составитель этого вопроса (глава XII) ограничился довольно общимъ очеркомъ войны, не останавливаясь на войнѣ, по ея отношенію къ внутренному, культурно-соціальному развитію и на раздорахъ въ протестантскомъ лагерѣ. Главы, посвященныя исторіи Англіи (V и XIII), мало удовлетворяютъ читателя своею чисто фактической полнотой. Въ эпоху религіозныхъ войнъ особенно поучительна и сложна исторія Англіи. Въ англійской реформаціи, гдѣ главная роль принадлежала государству, пришли въ столкновеніе королевская и народная реформаціи, а въ XVII в. —королевская власть и парламентъ. Для пониманія

революціи XVIII в. необходимо выяснить обстоятельно религіозную исторію Англіи при Елизаветѣ и соціальную. Послѣдней отведено нѣсколько страницъ въ III отдѣлѣ 5-й главы—«Перемѣна въ идеяхъ и нравахъ». Но здѣсь не выясненъ соціальный прогрессъ въ эпоху Елизаветы, а идейное движеніе представлено слабо: Шекспиру удѣлено менѣе одной страницы (всего во всемъ томѣ 880 стр.), не указано даже на значеніе повѣстей и разсказовъ Грина и Нэша. Также слабо составлена исторія революціи въ Англіи: нѣтъ содержанія и анализа петиціи о правахъ, вся памфлетная публицистика и ея политическія идеи оставлены безъ вниманія, не разсмотрѣны перемѣны, происшедшія въ жизни англійскаго парламента и не выясненъ союзъ его съ пуританизмомъ. Наконецъ, совсѣмъ не освѣщены всѣ выдающіеся дѣятели этой эпохи, какъ: Пимъ, Гемпденъ, Мильтонъ, даже Кромвель (стр. 627) вышелъ безцвѣтнымъ. Вообще, въ книгѣ дана только описательная сторона всей бурной исторіи Англіи, отсюда и нѣтъ анализа теченій пресвитеріанскаго, индепендентскаго, образовавшихся въ пуританизмѣ, и не разсмотрѣнъ капитальный вопросъ о роли индепендентовъ, анабаптистовъ, квакеровъ. Слѣдовательно, авторъ не подмѣтилъ самаго главнаго: той борьбы, которая скрывалась подъ раздорами политическихъ и религіозныхъ партій—борьбы различныхъ сословій, и важнымъ пробѣломъ является отсутствіе вопроса о соціальномъ строѣ Англіи передъ революціей. Главы, посвященныя Франціи, составлены прекрасно; особенно хороши: Генрихъ IX и Сюлли (VII гл.), гдѣ обстоятельно выяснена Левассеромъ экономическая политика Генриха, Людовикъ XIII и Ришелье, гдѣ сжато, очень талантливо изображена дѣятельность Ришелье. Послѣднія 200 страницъ разсматриваютъ итальянскія государства, Польшу, Румынію, Венгрію, Трансильванію, Оттоманскую имперію, такъ умѣло написанную Рамбо, Востокъ и успѣхи европейской колонизаціи въ Америкѣ. Безъ сомнѣнія, въ сравненіи съ Веберомъ, изданіе Лависса и Рамбо—очень полезное, а для насъ, русскихъ, цѣнное пособіе: другого нѣтъ. П. К-ій.

А. М. Петрункевичъ. Маргарита Ангулемская и ея время. Спб. 1899.

Маргарита Ангулемская, справедливо указываетъ авторъ въ своемъ предисловіи, очень мало извѣстна русскому читателю: у насъ есть нѣсколько превосходныхъ сочиненій по исторіи итальянскаго и нѣмецкаго гуманизма, но ничего нѣтъ по исторіи гуманизма во Франціи. Талантливое сочиненіе А. М. Петрункевичъ является добрымъ вкладомъ въ нашу литературу. Такъ какъ біографія знаменитой герцогини Алансонской, потомъ королевы Наварской, тѣсно переплетается съ жизнью XVI в., то авторомъ нарисована и картина французскаго возрожденія. Замѣчательно то восторженное отношеніе, то восхищеніе, съ которымъ относились къ Маргаритѣ ея современники, а потомъ относятся и историки. Личность королевы высоко-привлекательна. Ее называли «жемчужиной» дома Валуа. Она была самой типичной представительницей гуманизма, а въ частности французскаго Возрожденія; Маргарита сама была выдающаяся писательница, всѣ поэты и представители реформаціи находили въ ней под-

держку, она руководила и внѣшней политикой Франціи при Франциск I, когда во Франціи расцвѣло въ полномъ блескѣ Возрожденіе. По словамъ историка XVI в. Лефранка, «во всей эпохѣ Возрожденія не встрѣчается женщины болѣе удивительной и болѣе заслуживающей любви». Понятно, отсюда, то горячее чувство, съ которымъ написана книга г-жи Петрункевичъ. Рядомъ съ полной характеристикой Маргариты, читатель найдетъ здѣсь отличный портретъ Франциска I и цѣлую галлерею гуманистовъ и поэтовъ того времени, окружавшихъ Маргариту. Слѣдя за біографіей гуманистки, авторъ раздѣлилъ свой разсказъ на двѣ части: въ первой изображена Маргарита замужемъ за герцогомъ Аланconскимъ (до 1525 г.) и представленъ французскій дворъ съ Франциском во главѣ, «который перенесъ Италію во Францію». Конечно, роль самого Франциска блѣднѣетъ передъ его сестрою, неутомимой путешественницей, проведшей почти половину своей жизни на носилкахъ, писавшей на всякіе сюжеты и не брезгавшей самой разнообразной формой. Изъ всѣхъ ея произведеній наиболѣе извѣстенъ ея «Гептамеронъ», написанный подъ обаяніемъ Боккаччіо. Г-жа Петрункевичъ приводитъ почти цѣликомъ новеллу IV перваго дня, оригинальную, прекрасную по своей безыскусственности и непринужденности мысли. Къ сожалѣнію, авторъ ограничился лишь нѣсколькими штрихами объ этомъ замѣчательномъ произведеніи, не указавъ, на какой ступени въ изображеніи чувства находится Маргарита въ сравненіи съ прежними буржуазными новелистами. Ея стихи вполнѣ рисуютъ намъ сложную и благородную натуру гуманистки. Во второй части мы видимъ Маргариту — королевой Наваррской, съ полнымъ самоотверженіемъ оказывающей покровительство всѣмъ гонимымъ, заподозрѣннымъ, пострадавшимъ отъ монаховъ или парламента. Все Возрожденіе и вся реформація нашли у нея пріютъ. Рядъ именъ неразрывно связанъ съ свѣтлой дѣятельностью королевы Наваррской: Маро, Деперье Фарель, Сентъ-Мартъ, Руссель, Кальвинъ. Но какъ всѣ эти гуманисты и проповѣдники сухи и черствы въ сравненіи съ безкорыстной и широко-терпимой Маргаритой, для которой всѣ заповѣди сводились къ «любви, — любви къ себѣ, любви къ ближнему» (391 стр.). Она не была кальвинисткой, строгой и догматичной, ея міросозерцаніе несравненно шире Кальвина, хотя она и примыкала къ нему въ области догматики. Авторъ называетъ историческую фигуру Маргариты — «высоко-драматичной», опередившей свое время, а потому и одинокой, непонятой — или ложно-цѣнимой, девизомъ которой было вѣчное «стремленіе въ высшіе сферы». Интересная, такъ тепло написанная книга А. М. Петрункевичъ, издана въ пользу общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. П. К-ій.

Ріенци, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Романъ Эдварда Бульвера-Литтона. Спб. 1898.

Романъ Бульвера «Rienzi, the last of the tribunes» появился въ 1835 г. и впервые былъ переведенъ по-русски подъ заглавіемъ «Свобода безъ закона, или послѣдній римскій трибунъ» (Москва, 1871 г.). Въ свое время это сочиненіе Бульвера читалось съ захватывающимъ интересомъ, такъ какъ въ немъ много

драматизма, интересныхъ положеній и благодарной обстановки. Умный и талантливый романистъ, Бульверъ отличался удивительною наблюдательностью, романы его поражаютъ необыкновеннымъ разнообразіемъ содержанія и блестящей фантазіей. Рядъ неожиданныхъ картинъ завлекаютъ читателя. Но тотъ же Бульверъ ужасно скученъ въ своихъ историческихъ романахъ, съ ихъ ходульнымъ тономъ, классическими позами и моралью. Его «Ріенци» — «одаренный умомъ, способнымъ на величайшія предпріятія, сердцемъ, которое билось возвышеннѣйшими стремленіями» (439 стр.), утомляетъ читателя напряженностью тона и тою идеализаціей, которая сдѣлала изъ любопытной фигуры немножко запоздавшаго трибуна что-то ужъ слишкомъ идеально-высокое. Бульверъ сравниваетъ его съ Кромвелемъ, хотя симпатіи его лежатъ на сторонѣ Ріенци, «обладавшаго большой привлекательностью и мягкостью». Въ своемъ романѣ Бульверъ проводитъ ту мысль, что «Ріенци палъ вслѣдствіе пороковъ римскаго народа», что трибунъ сдѣлался жертвой невѣжественной трусости, а сенаторъ — жертвой жестокой алчности. Ошибки Ріенци — крайне ничтожны, а потому авторъ вездѣ представилъ его только героемъ и чистымъ. «Онъ не совершилъ ни одного преступленія», не былъ тираномъ, потому что, когда онъ умеръ, «о немъ горько сожалѣли». Таковы основныя линіи, создавшія изъ честолюбиваго мечтателя и жалкаго труса, бѣжавшаго постыдно изъ Рима, — великую фигуру. На фонѣ изображенной римской революціи разставлены Бульверомъ необходимыя лица — соперничавшія фамиліи Колонна и Орсини, изображенъ римскій plebs и ярко представлены бурныя выходки хозяйничавшаго дворянства. Особенной типичности выведенныхъ лицъ современный читатель здѣсь не найдетъ, а русскій читатель будетъ непріятно пораженъ дубовымъ языкомъ, неуклюжими фразами и сухостью перевода второго изданія. П. К-ій.

Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. XI. Харьковъ. 1899.

Въ офиціальной части «Сборника» помѣщены, между прочимъ, выдержки изъ рефератовъ: о Ѳ. И. Буслаевѣ — гг. Сумцова, Алякритскаго, Халанскаго, Рѣдина и Харціева; о раскольничьемъ сборникѣ XVIII в. — г. Сумцова; о посольскомъ обрядѣ Московскаго государства — г. Саввы (авторъ не вполнѣ согласенъ съ прежними теоріями объ «обрядѣ» и утверждаетъ, что «въ Московскомъ государствѣ практиковалось два вида обряда пріема иноземныхъ пословъ: одинъ для пословъ европейскихъ государей, а другой для азіатскихъ. Первый создался и развился на почвѣ сношеній Московскаго государства съ европейскими. Въ основѣ его была идея равенства и братства между государствами», чего не было въ сношеніяхъ съ татарами, въ основѣ которыхъ была «идея подчиненности». При этомъ онъ признаетъ, что сношенія съ татарами наложили «извѣстный колоритъ» и на обрядъ пріема пословъ европейскихъ государей), и о «проектѣ новаго уложенія законодательной комиссіи 1754—1666 г.» — г. Максимейка.

Въ отдѣлѣ «изслѣдованій и матеріаловъ» на первомъ мѣстѣ находимъ статью г. Рѣдина «Обзоръ трудовъ по исторіи искусства Ѳ. И. Буслаева», из-

вѣстную уже по ранѣе выпущеннымъ отдѣльнымъ оттискамъ. Затѣмъ идетъ не безъинтересная статейка г. Лебедева «Разъѣзды Бѣлгородскихъ архіереевъ по епархіи». Пользуясь архивными документами (Курской и Харьковской духовныхъ консисторій и Курскаго Знаменскаго монастыря), авторъ представляетъ въѣздъ въ епархію и поѣздку по епархіи бѣлгородскихъ архіереевъ прошлаго столѣтія. Пріѣзду предшествовалъ «обмѣнъ радостныхъ привѣтствій», и затѣмъ уже шли приготовленія и снаряженія подводъ, обходившіяся для епархіи довольно дорого (около 1500 руб. и болѣе). Еще «тягостнѣе были поѣздки по епархіи», совершавшіяся на счетъ епархіальнаго духовенства, обязаннаго давать подводы, продовольствовать архіерея со всѣми сопутствующими ему и «подносить поклоны». Эти «архипастырскія посѣщенія», говоритъ авторъ, «могли напоминать нашествія татаръ, устремлявшихся на похищеніе, и, если бывали часто, должны были просто разорять духовенство».

Г. Пельтцеръ въ статьѣ: «Происхожденіе анекдотовъ въ русской народной словесности», едва ли не впервые даетъ болѣе точное опредѣленіе анекдота, какъ «краткаго разсказа о вымышленномъ и дѣйствительномъ событіи, или разсказа, большею частью юмористическаго, обыкновенно безъ примѣси морали», и въ то же время вполнѣ опредѣленно устанавливаетъ его отношеніе къ сказкѣ, повѣсти и баснѣ, вліяніе на него западныхъ литературныхъ памятниковъ и проч., сопровождая свое изложеніе примѣрами. Извѣстно, что наши историки литературы вопроса объ анекдотѣ касались мимоходомъ, а Порфирьевъ, напримѣръ, вовсе не упоминаетъ о немъ. Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ обширное собраніе «Анекдотовъ о глупцахъ» г. Сумцова, съ сравнительнымъ изслѣдованіемъ. Въ концѣ книги помѣщенъ «Экстрактъ о изнеможеніи слободскихъ полковъ», важный для ихъ исторіи за 1750 и 1760 гг., продолженіе котораго предполагается въ будущемъ томѣ. В. Р—въ.

Жоржъ-Зандъ. Сочиненіе Е. Каро. Переводъ О. Н. Масловой. М. 1899.

Біографія Жоржъ-Зандъ, написанная г. Каро, считается, и совершенно справедливо, лучшимъ трудомъ о французской писательницѣ. Собственно говоря, это не біографія—въ полномъ смыслѣ слова. Г. Каро хорошо зналъ Жоржъ-Зандъ лично, былъ большимъ почитателемъ ея, какъ человѣка и какъ писательницы. Поэтому его сочиненіе о ней представляетъ собой нѣчто среднее между воспоминаніями, характеристикой и критической статьей о ея произведеніяхъ. Всѣ эти элементы замѣтно отразились въ книгѣ г. Каро, придали ей субъективный характеръ, выдѣляющій настоящую книжку изъ серіи ей подобныхъ, фактически, быть можетъ, и болѣе полныхъ, но зато и болѣе сухихъ и менѣе интересныхъ. По прочтеніи этой не особенно большой, написанной изящнымъ языкомъ и прельщающей своимъ простымъ задушевнымъ тономъ книжки, передъ вами встаетъ, какъ живой, симпатичный обликъ почти забытой теперь, но въ свое время приводившей всѣхъ въ восторгъ идеалистки. Пробѣгая страницу за страницей книжки г. Каро, вы переживаете впечатлѣніе, вынесенное Тургеневымъ изъ личнаго знакомства съ писательницей; подобно ему, начинаете

чувствовать, что находитесь въ присутствіи безконечно щедрой, благоволящей натуры, въ которой все эгоистическое давно и дотла выжжено неугасимымъ пламенемъ поэтическаго энтузіазма, вѣры въ идеалъ, которой все человѣческое доступно и дорого, отъ которой такъ и вѣетъ помощью, участіемъ... Г. Каро даетъ вполнѣ законченный нравственный портретъ Жоржъ-Зандъ, знакомясь съ которымъ все болѣе и болѣе становятся понятными и вызванный этой писательницей восторгъ и тѣ нерѣдко грязные нападки, которые совершенно незаслуженно сыпались на нее во все время ея литературной дѣятельности. Дѣятельность эта—непрерывная борьба свѣта съ мракомъ, борьба, на которую Жоржъ-Зандъ употребила всѣ лучшія свои силы, всю свою энергію. Для насъ, русскихъ, съ ея именемъ связаны поэтому самыя свѣтлыя воспоминанія. Достаточно ознакомиться съ восторженными отзывами о ней всѣхъ лучшихъ нашихъ писателей, начиная съ Бѣлинскаго и кончая Достоевскимъ и Тургеневымъ, прочесть оды, написанныя въ честь ея многими изъ нашихъ писательницъ, наконецъ проглядѣть длинный перечень газетъ и журналовъ, отмѣтившихъ смерть Жоржъ-Зандъ сочувственными некрологами —и мы поймемъ, какое значеніе имѣла для насъ эта иностранка. Движеніе, вызванное въ русскомъ обществѣ ея романами, въ настоящее время поулеглось, такъ какъ многіе и наиболѣе существенные идеалы Жоржъ-Зандъ уже достигнуты, а вмѣстѣ съ тѣмъ забыта понемногу и сама писательница, вызвавшая это движеніе. Г-жа Маслова напомнила о ней переводомъ лучшей біографіи Жоржъ-Зандъ, ознакомиться съ которой не безполезно для всякаго образованнаго человѣка. В. Боцяновскій.

Ж. (Sic) Уссингъ, профессоръ въ Копенгагенѣ. Воспитаніе у грековъ и римлянъ. (Erziehung und Jugendunterricht bei den Griechen und Römern). Переводъ Н. М. Федоровой. Спб. Изданіе Ив. Ив. Иванова. 1899.

Однимъ изъ жгучихъ вопросовъ, всегда волновавшихъ и волнующихъ человѣчество, является безспорно вопросъ о воспитаніи и обученіи подростающихъ поколѣній. При рѣшеніи этого вопроса, пожалуй, болѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ, должна являться на помощь исторія, которая можетъ и предостеречь отъ повторенія гибельныхъ заблужденій, и указать много забытаго хорошаго. Такъ, недавно весь педагогическій міръ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ читалъ поучительную во многихъ отношеніяхъ брошюру (изданіе К. П. Побѣдоносцева): «Новая школа» и находилъ въ ней какъ бы новыя откровенія для себя. А между тѣмъ типъ подобной «новой школы» появился на свѣтъ уже давнымъ давно, въ чемъ легко можно убѣдиться, если прочесть интересный этюдъ покойнаго М. С. Корелина «Casa giojosa», описаніе такого же учебнаго заведенія, устроеннаго въ 1425 г. въ Мантуѣ итальянцемъ Витторино Рамбальдони да-Фельтре. И исторія воспитанія у античныхъ народовъ съ ихъ мудрымъ девизомъ: mens sana in corpore sano, должна представлять немаловажный интересъ. Этимъ слѣдуетъ объяснять то обстоятельство, что одно изъ лучшихъ сочиненій по данному вопросу, книга датскаго профессора Уссинга, переводится на русскій языкъ уже во второй разъ. Книга эта имѣетъ цѣлью дать сжатый

обзоръ жизни античнаго ребенка, начиная съ его появленія на свѣтъ и кончая очеркомъ тогдашняго высшаго образованія въ риторскихъ школахъ. Переводчица второго русскаго изданія, г-жа Федорова, мотивируетъ появленіе своего труда тѣмъ, что она руководствовалась при переводѣ вторымъ изданіемъ оригинала, въ которомъ авторъ «сдѣлалъ нѣкоторыя, не лишенныя интереса, добавленія». Къ сожалѣнію, русскому читателю, незнакомому съ нѣмецкимъ языкомъ, не придется, вѣроятно, узнать, въ чемъ состоятъ эти добавленія профессора Уссинга, такъ какъ переводъ г-жи Федоровой рѣшительно неудобочитаемъ. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, обратимся къ предисловію автора, гдѣ встрѣчаемъ слѣдующій перлъ: «Сочиненія (sic) Эрнеста Гуля и Вилья (sic; вмѣсто Вильгельма) Конера, «Жизнь римлянъ и грековъ, изображенная по античнымъ изваяніямъ», даетъ легкое обозрѣніе (?) о существенныхъ выгодахъ (?), которыя представлялись для античныхъ памятниковъ, чтобы изобразить картину жизни въ древности». Подобныя загадочныя и безграмотныя фразы обильно разсѣяны въ книгѣ и дальше, напримѣръ, на стр. 23: «Въ Римѣ мы не находимъ ничего, что либо соотвѣтствующаго этому. Если Куріи и ихъ празднества (Curionalia Tacra), которыя хотя имѣли нѣсколько похожее значеніе, какъ Ѳратріи въ Аѳинахъ, но эти празднества скоро прекратились». Затѣмъ г-жа Федорова, какъ видно, недостаточно знакома съ древней исторіей, чѣмъ объясняются такія фразы, какъ на стр. 20: «Встрѣчались такія имена, которыя въ нѣкоторыхъ семействахъ совершенно избѣгались; напримѣръ, имя Маркъ избѣгалось мужчинами послѣ осужденія Капитолины, въ родѣ Манліевъ». Конечно, эта загадочная Капитолина есть не кто иной, какъ всѣмъ извѣстный со школьной скамьи Маркъ Манлій Капитолійскій. Въ самомъ началѣ перевода сочиненіе Гезіода «Ѳеогонія» производится въ особаго писателя съ именемъ Ѳеогоній. О плохомъ знакомствѣ г-жи Федоровой съ нѣмецкимъ языкомъ свидѣтельствуетъ стр. 47, гдѣ въ русскій текстъ переписано безъ перевода стереотипное выраженіе нѣмецкихъ цитатъ: «Mehr bei Marquardt» (т.-е. подробнѣе смотри у Марквардта). Ко всему этому надо добавить, что г-жа переводчица во многихъ мѣстахъ выпускаетъ цитаты, такъ что въ ея переводѣ сплошь и рядомъ встрѣчаются такія фразы, какъ: «о ходуляхъ упоминается у Плавта и въ другихъ мѣстахъ». Поэтому, повторяю, желающему познакомиться съ классическимъ трудомъ Уссинга надо, минуя новый переводъ, обратиться къ старой, но за то надежной работѣ г. Новопашеннаго (Спб., 1878 г.). **А. М-нъ.**

Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. I и II. Москва. 1898.

«Краткая исторія» Грина была написана имъ послѣ его знаменитаго труда «Исторія англійскаго народа» (1874 г.). На первомъ планѣ у Грина—явленія политическаго, духовнаго и общественнаго прогресса, отражающаго въ себѣ исторію народа. Онъ «врагъ» военной исторіи, слегка лишь касаясь частностей войны и дипломатическихъ сношеній. Его мало интересуютъ и похожденія королей и вельможъ, роскошь двора и фаворитовъ. Война въ исторіи Англіи

дѣйствительно играла, сравнительно, такую малую роль, что точка зрѣнія англійскаго историка вполнѣ оправдывается. Вслѣдствіе этого, и въ маленькомъ его сочиненіи «Краткая исторія» онъ развернулъ картину исторіи народа, а не англійскихъ королей или завоевателей, выдвинулъ не лица военной или политической исторіи, а малозамѣтныя, работавшія скромно, фигуры миссіонера, философа, поэта, упорнаго купца и трудолюбиваго книгопечатника. Изобразивъ такіе крупные кризисы, какъ крестьянское возстаніе или возникновеніе новой монархіи, Гринъ на нихъ развиваетъ ту основную мысль, что политическая исторія Англіи является результатомъ соціальныхъ перемѣнъ, что конституціонный прогрессъ Англіи основанъ на ея соціальномъ развитіи. По-русски, пока, переведены очень тщательно и прекрасно первые 2 выпуска. Первый выпускъ доведенъ до Столѣтней войны. Здѣсь авторъ посвящаетъ блестящія страницы литературѣ при нормандскихъ и англійскихъ королях, университетамъ, нищенствующимъ орденамъ и возрожденію англійской народности, отводитъ цѣлый отдѣлъ образованію англійскаго парламента и росту англійскихъ городовъ. Главное вниманіе Грина сосредоточено на изображеніи религіознаго, интеллектуальнаго и промышленнаго прогресса Англіи. Второй выпускъ доведенъ до 1646 г. Здѣсь особенно хороши страницы, гдѣ нарисованъ портретъ пуританина (250—269 стр.), мастерски, сжато выяснено гуманистическое движеніе, и представлена Англія временъ Елизаветы, характеристика которой, какъ и всѣ, впрочемъ, живыя характеристики Грина, у него вышла особенно удачной (123—140 стр.). Послѣдній отдѣлъ—«Пуританская Англія» изображаетъ ростъ пуританства и революцію до битвы при Нэсба. Сочиненіе Грина выдержало въ подлинникѣ нѣсколько десятковъ изданій и стоитъ около 5 р. Въ русскомъ переводѣ оно обойдется рубля два, и представляетъ собою единственный, по своимъ крупнымъ достоинствамъ, трудъ, написанный притомъ увлекательно и вполнѣ доступно. К.

Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Н. П. Дружинина. Изданіе второе. О. Н. Поповой. Спб. 1899.

Нельзя не привѣтствовать появленія въ свѣтъ популярной книжки г. Дружинина: «Общедоступное руководство къ изученію законовъ». Выходъ ея вторымъ изданіемъ уже говоритъ о сочувствіи публики къ ней. Да, и какъ не сочувствовать, когда распространеніе юридическихъ знаній въ народѣ такъ необходимо въ виду того, что русское законодательство очень обширно, и юридическіе вопросы чрезвычайно сложны; между тѣмъ человѣку приходится на каждомъ шагу сталкиваться съ различными юридическими нормами. Никакая школа намъ не дастъ знаній законовъ, а отговариваться незнаніемъ ихъ, какъ извѣстно, закономъ же воспрещается. Г. Дружининымъ выпущены пока только первыя двѣ части руководства, обнимающихъ собою: 1) начальныя понятія, общія опредѣленія и практическія указанія и 2) правомѣрныя начала управленія въ Россіи. Эти части служатъ какъ бы введеніемъ къ дальнѣйшему изложенію русскаго права. Остальные выпуски, числомъ пять, выйдутъ въ недалекомъ будущемъ. Д. Е.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Прелатъ семнадцатаго вѣка.—Таинственная катастрофа въ Брестѣ въ 1744 году.—Бретонскій заговоръ временъ великой революціи.—Герцогъ Шуазель и маркиза де-Помпадуръ.—Первый бракъ Наполеона Бонапарта.—Политическія сплетни начала XIX вѣка.—Тысяча восемьсотъ пятнадцатый годъ.—Датскій дворъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.—Петербургъ во время крымской кампаніи.—Драма временъ парижской коммуны.—Австрійскій фельдмаршалъ герцогъ Альбрехтъ.—Смерть Зеллера, Сарсэ, Пальерона и Бекка.

ПРЕЛАТЪ СЕМНАДЦАТАГО ВѢКА. Н. М. Бернардэнъ [1]) въ одной изъ послѣднихъ статей своихъ даетъ интересную біографію прелата семнадцатаго вѣка, герцога Генриха II Гиза. Людовикъ Лотарингскій, который, несмотря на архіепископскій санъ, былъ женатъ и имѣлъ пять человѣкъ дѣтей, оставилъ по завѣщанію свое архіепископство и аббатства Сэнъ-Дени, Сэнъ-Реми въ Реймсѣ, Клюни, Корби, Феканъ, Монъ-Сэнъ-Мишель, Понтуазъ и другія своему племяннику Генриху, которому въ это время было семь лѣтъ. Сдѣлавшись коадъюторомъ, въ 1619 году получивъ званіе, а затѣмъ и дѣйствительную власть архіепископа, Генрихъ въ Реймсѣ окончилъ свое ученіе и блестяще защитилъ свои тезисы въ присутствіи капитула каѳедральнаго собора. Подобно дядѣ своему, архіепископу, онъ заявлялъ, что признаетъ лишь двѣ вещи въ жизни: «войну и женщинъ, или женщинъ и войну; порядокъ слѣдованія того и другого, говорилъ онъ, мало его интересуетъ, лишь бы встрѣ-

[1]) N. M. Bernardin, Henri de Lorraine, duc de Guise («Revue de Paris», 1899).

чалось и то и другое». Сначала онъ отправился въ Германію, чтобы тамъ участвовать въ войнѣ въ рядахъ императорской арміи, а затѣмъ вернулся въ Парижъ для галантныхъ приключеній. Здѣсь Ришелье, изъ политическихъ соображеній, потребовалъ, чтобы Генрихъ оставался въ предѣлахъ своей епархіи. Онъ послушался, потому что иного исхода для него не оставалось, и сталъ утѣшаться, дѣлая въ монастыряхъ «пастырскія посѣщенія», часто весьма страннаго свойства. Въ аббатствѣ Авенэ, близъ Аи, онъ засталъ своихъ красавицъ кузинъ, принцессъ Анну и Бенедикту де-Гонзага, и всѣ трое старались возможно веселѣе провести время. Однажды вечеромъ, рѣшивъ не возвращаться въ Реймсъ, архіепископъ велѣлъ постлать себѣ постель въ пріемной аббатства, а принцесса Анна легла спать съ нимъ рядомъ, но за рѣшеткою для посѣтителей; эта шалость «смѣшила ихъ до слезъ». Слѣдуетъ замѣтить, что объ этой именно принцессѣ Аннѣ, Боссюэтъ, вѣроятно, вполнѣ искренно, говорилъ въ одной изъ надгробныхъ рѣчей своихъ, что «молодая аббатисса была образцомъ добродѣтели». Коротко говоря, архіепископъ влюбился въ обоихъ своихъ кузинъ одновременно; когда Бенедикта умерла, онъ обвѣнчался съ Анною, 4-го мая 1638 года, въ присутствіи священника, каноника реймской церкви. Въ 1641 году, у него родилась дочь отъ Анны. Такъ какъ положеніе для обоихъ становилось затруднительнымъ, Генрихъ рѣшилъ открыто повести къ алтарю ту, съ которой онъ уже двадцать мѣсяцевъ какъ былъ тайно обвѣнчанъ. Однако, для этого ему нужно было отказаться отъ владѣній, дававшихъ ему четыреста тысячъ франковъ въ годъ и сложить съ себя санъ реймскаго архіепископа. Это была, конечно, тяжкая жертва. Онъ предложилъ Ришелье такого рода компромисъ: пусть король передастъ братьямъ архіепископа его владѣнія, чтобы они не вышли такимъ образомъ изъ рукъ семьи Гизовъ; тогда онъ соглашался немедленно же передать архіепископство въ распоряженіе короля. Ришелье не хотѣлъ согласиться на этотъ торгъ. «Вы должны,—сказалъ онъ Генриху Лотарингскому,—лучше поразмыслить надъ тѣмъ, о чемъ вы мнѣ говорите; у васъ четыреста тысячъ франковъ дохода отъ вашихъ владѣній, и вы желаете ихъ бросить, чтобы вступить въ бракъ съ женщиною: я знаю людей, которые бросили бы четыреста тысячъ женщинъ, чтобы имѣть такіе доходы». Раздраженный архіепископъ отправился въ Седанъ, принадлежавшій тогда герцогу Бульонскому, брату Тюренна, и бывшій сборнымъ пунктомъ для всѣхъ недовольныхъ. Людовикъ XIII велѣлъ наложить арестъ на доходы Генриха и секвестрировалъ ихъ. Въ Седанѣ Генрихъ, сдѣлавшись, вслѣдствіе смерти отца, главою семьи Гизовъ, составилъ лигу, въ союзѣ съ императоромъ и королемъ испанскимъ, противъ Франціи и передалъ Аннѣ Гонзага, чтобы она спѣшила къ нему. Она почти немедленно, въ маѣ 1641 года, отправилась въ путь, но вдругъ узнала, что супругъ ея, противъ всякаго ожиданія, только что женился на молодой девятнадцатилѣтней дамѣ Оноре́ де-Бергъ, дочери графини Гримбергъ и вдовѣ графа де-Боссю. Предварительно онъ объявилъ свой бракъ съ Анною недѣйствительнымъ. Эта послѣдняя вернулась въ аббатство Авенэ, адресовавъ сначала къ архіепископу Малинскому (Мехельнскому) протестъ подъ заглавіемъ: «Манифестъ принцессы Анны для оправданія брака ея съ герцогомъ Гизомъ». Семья Гизовъ, возмущенная неравнымъ бракомъ Генриха, стала на ея сторо-

ну. Какъ бы то ни было, Генрихъ Гизъ заключилъ миръ съ Людовикомъ XIII и тотчасъ же вернулся во Францію, оставивъ въ Дельфтѣ графиню Оноре де-Боссю, которая уже успѣла ему надоѣсть. Въ Парижѣ его любовницею была герцогиня де-Монбазонъ, и онъ убилъ на дуэли Мориса де-Колиньи, своего предшественника въ успѣхѣ у этой дамѣ. Проведя затѣмъ нѣкоторое время съ арміею въ Нидерландахъ, онъ вернулся, чтобы начать усиленное ухаживаніе за Сусанною де-Понъ, почетною фрейлиною королевы. Де-Понъ желала возможно скорѣе сдѣлаться герцогинею де-Гизъ, и поэтому она упорно не сдавалась герцогу. Необходимо было сначала упорядочить отношеніе герцога къ браку, скомпрометированое уже двумя женитьбами, не говоря уже о томъ, что онъ находился въ духовномъ званіи и былъ, слѣдовательно, обязанъ хранить безбрачіе. Онъ думалъ, что ускоритъ рѣшеніе дѣла, если лично отправится въ Римъ ходатайствовать за себя. Однако, изъ Рима его потянуло въ Неаполь, гдѣ только что произошло возстаніе противъ испанцевъ, и съ неслыханною смѣлостью Генрихъ далъ себя провозгласить дожемъ неаполитанской республики на пять лѣтъ. Посреди этой агитаціи онъ не забывалъ и г-жи де-Понъ, къ которой онъ послалъ герцога де-Бранка, чтобы онъ заочно совершилъ съ нею брачную церемонію. Оказалось, однако, новое затрудненіе: у г-жи де-Понъ Генриха Гиза уже успѣлъ смѣнить его собственный оруженосецъ де-Маликорнъ; за эту быструю перемѣну парижане прозвали де-Понъ—le Pont au change. Въ то же время въ Неаполѣ дѣла герцога пошли плохо: городъ снова попалъ въ руки испанцевъ, и герцогъ сталъ ихъ плѣнникомъ. Чтобы спасти свою жизнь, онъ согласился вступить на службу Испаніи и, желая упрочить свое новое положеніе, обѣщалъ признать законной своей женою графиню де-Боссю, подданную короля испанскаго. Эти обѣщанія, однако, связывали его лишь нѣсколько мгновеній. Герцогъ помирился съ регентшею Франціи и вернулся къ ногамъ красавицы Сусанны де-Понъ. Между нею и графинею де-Боссю началась настоящая борьба за обладаніе герцогомъ, закончившаяся довольно комически: герцогъ увѣрился въ томъ, что Сусанна его самымъ дерзкимъ образомъ обманывала, а графиня де-Боссю бѣжала съ нѣкіимъ де-Ванди во Фландрію. Что же касается герцогини Анны де-Гонзага, то та уже нѣсколько лѣтъ, какъ была замужемъ за принцемъ Эдуардомъ Баварскимъ, сыномъ пфальцскаго курфюрста Фридриха V; она была извѣстна въ это время подъ именемъ «принцессы пфальцской». Послѣдніе годы жизни герцога де-Гиза были заняты новой экспедиціею противъ Неаполя, которая кончилась рѣшительной неудачей, новыми галантными приключеніями и усиленною заботою герцога затмить роскошью своего двора все его окружающее.

— Таинственная катастрофа въ Брестѣ въ 1744 году. По поводу недавняго взрыва въ Тулонѣ, совершенно уничтожившаго большой пороховой складъ и часть селенія Лагубранъ, Поль д'Эстре вспоминаетъ въ «Revue des Revues» таинственную катастрофу, случившуюся въ Брестѣ въ началѣ 1744 года [1]). Въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца 1744 года въ Парижъ

[1]) «Catastrophes mysterieuses», par Paul d'Estrée.—(Revue des Revues, 1899, 15 mai).

пришло извѣстіе о событіи, которое сильно взволновало населеніе: въ морскихъ складахъ въ Брестѣ возникъ пожаръ, который почти совершенно уничтожилъ эти склады. Это былъ уже третій случай пожара въ складахъ: въ 1743 году также сгорѣли военные магазины въ Брестѣ и Страсбургѣ. Причины пожара остались не выясненными и въ обществѣ ходили самые разнообразные слухи. Время было такое, что охотно вѣрили всѣмъ указаніямъ на злой умыселъ въ этомъ дѣлѣ. Предстояла война съ Англіею и была уже объявлена война Австро-Венгріи. Довольно понятно, что обѣ державы стали обвиняться въ причиненіи катастрофы. Въ парижскихъ кофейняхъ раздавались возгласы противъ нечестнаго образа веденія войны непріятелями Франціи. Полю д'Эстре́ удалось въ архивахъ Парижа открыть рукописный полицейскій журналъ, составленный однимъ изъ чиновниковъ полиціи, служившимъ у Морепа, который въ это время стоялъ во главѣ морскаго министерства и вѣдомства королевскаго двора. Пожаръ произошелъ 30-го января, а слухи о немъ появились въ Парижѣ 5-го февраля. «Разсказываютъ,— занесено подъ этимъ числомъ въ полицейскій журналъ,— что г. Морепа въ прошлый понедѣльникъ, чрезвычайною эстафетою, получилъ извѣстіе о страшномъ пожарѣ, случившемся въ Брестѣ и уничтожившемъ большую часть королевскихъ магазиновъ. Говорятъ, убытокъ доходитъ до трехъ милліоновъ. Счастье, что хоть двадцать семь судовъ были совершенно вооружены и находились уже въ гавани: иначе убытокъ былъ бы еще больше. Вотъ уже третій пожаръ, который въ теченіе короткаго времени уничтожаетъ наши склады. Увѣряютъ, что это не могло случиться ни случайно, ни по небрежности, и мы должны предположить измѣну или искать виновниковъ въ эмиссарахъ Англіи или королевы венгерской (Маріи-Терезіи)». Въ мемуарахъ современниковъ—у Барбье и де-Люиня—находятся почти категорическія утвержденія, что виновниками пожара были англичане. Въ письмѣ, посланномъ изъ Бреста 31 января, на другой день послѣ катастрофы, говорится слѣдующее: «Огонь появился почти одновременно во всѣхъ помѣщеніяхъ. Густой дымъ мѣшалъ принять какія бы то ни было мѣры. Огонь быстро перешелъ въ склады смолы, снастей и канатовъ. Все это вспыхнуло въ одно мгновеніе. Весь портъ оцѣпленъ войсками. Производятся розыски злоумышленниковъ. Арестованъ какой-то неизвѣстный, который предлагалъ шесть луидоровъ, чтобы его пропустили въ городъ. Г. Морепа сообщилъ, что нужно держаться насторожѣ, что у него уже имѣются подозрѣнія на одного человѣка въ Брестѣ. Сгорѣли запасы на два года, такъ что убытокъ доходитъ до четырехъ милліоновъ. Не осталось даже матеріала, чтобы снарядить хоть одну шлюпку». Въ Парижѣ разсказывали, что испанскій посланникъ (Испанія была въ это время союзницею Франціи), получивъ извѣстіе о двухъ англичанахъ, которые, переодѣвшись монахомъ и аббатомъ, направились въ Дюнкеркъ, чтобы поджечь тамъ морскіе склады, немедленно довелъ объ этомъ до свѣдѣнія королевскаго правительства; оба англичанина были, какъ говорятъ, схвачены и брошены въ Бастилію. Однако не всѣ смотрѣли одинаково на причину катастрофы. Полицейскій журналъ, найденный д'Эстре, отмѣчаетъ и другія попытки объяснить уничтоженіе складовъ въ Брестѣ. Въ Парижѣ многіе доказывали, что злого умысла со стороны иностранцевъ вовсе не было, и что пожаръ,

вѣроятно, устроенъ былъ поставщиками морского вѣдомства, которые боялись, что откроются ихъ продѣлки. Замѣчательно, во всякомъ случаѣ, что Морена очень не энергично велъ разслѣдованіе причинъ катастрофы, такъ существенно ослабившей французскій флотъ. Въ публикѣ надолго сохранилось убѣжденіе, что съ Брестскою катастрофою было что-то «неладное» и таинственное. По мнѣнію Поля д'Эстре это-то обстоятельство и даетъ намъ право проводить параллель между Брестскою и нынѣшнею Лагубракскою катастрофами.

— Бретонскій заговоръ временъ великой революціи. Г. Ленотръ [1]) издалъ основанную на тщательномъ изученіи документальныхъ источниковъ книгу, посвященную событіямъ изъ жизни маркиза де-ла-Руэри и бретонскому заговору 1790—1793 гововъ. Заговоръ маркиза, явившійся прелюдіею возстанія Бретани и страшныхъ вандейскихъ войнъ, въ общихъ чертахъ уже былъ извѣстенъ, но Г. Ленотру удалось пролить новый свѣтъ на ту роль, которую въ открытіи заговора играли агенты комитета общественнаго спасенія. Начинается книга Г. Ленотра съ біографіи маркиза де-ла-Руэри. Мы узнаемъ о событіяхъ его молодости, о любовныхъ приключеніяхъ его съ г-жею Боменпль, о пребываніи его среди траппистовъ, его военныхъ подвигахъ въ Америкѣ, откуда онъ вернулся съ 50.000 франковъ долгу, объ арестѣ его въ Бастиліи за то, что онъ стоялъ на сторонѣ бретонскаго парламента во время борьбы парламентовъ съ королевскою властью. «Эти дворяне, говоритъ Ленотръ, играли съ огнемъ; они привѣтствовали зарожденіе республики, которая для всѣхъ ихъ должна была быть нескончаемою цѣпью катастрофъ, печали и разоренія». Очень рано разочаровавшись въ революціонномъ движеніи, ла-Руэри съ 1790 года сталъ агитировать въ Бретани и создавать партію въ пользу короля. Шатобріанъ, видѣвшій его въ это время, нарисовалъ такой портретъ его въ своихъ «Загробныхъ запискахъ»: «Я встрѣтилъ въ Фужерѣ маркиза ла-Руэри, который отличился въ американскую войну за независимость. Соперникъ Лафайетта и Лозёна, предшественникъ ла-Рошжаклена, маркизъ де-ла-Руэри былъ умнѣе ихъ; онъ бился на дуэляхъ еще чаще перваго, похищалъ оперныхъ артистокъ, какъ второй, и могъ бы быть товарищемъ по оружію третьему. Онъ фуражировалъ въ лѣсахъ Бретани, сопровождаемый американскимъ майоромъ и съ обезьяною, сидѣвшею за сѣдломъ на его лошади... У него были элегантныя манеры и осанка, смѣлое выраженіе лица, симпатичный видъ, и онъ походилъ на портреты молодыхъ дворянъ временъ лиги». Маркизъ де-ла-Руэри женился въ 1785 году, и съ этого времени въ его жизни сталъ играть роль предатель, который помогъ погубить его самого, а всѣхъ его близкихъ послалъ на эшафотъ. Жена его умерла черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ брака. Онъ пригласилъ къ ней и поручилъ сопровождать ее на югъ, для лѣченія, молодого доктора по имени Шевателя, сына знаменитаго въ то время врача. Когда маркиза умерла, Шевателъ остался другомъ и сотрапезникомъ маркиза и когда, немного спустя, ла-Руэри переселился въ Парижъ, онъ продолжалъ поддерживать съ врачемъ самыя дружественныя отношенія. Между тѣмъ, помимо его вѣдома, Шевателъ

[1]) G. Lenôtre, «Le marquis de la Rouërie et la conjuration bretonne» (1790—1793). Paris. 1899.

сталъ близкимъ другомъ Дантона, Фабръ д'Эглантина, Камилла Демулэна; онъ даже жилъ въ одномъ домѣ съ Маратомъ. Послѣ того какъ ла-Руэри подготовилъ все, что нужно было, для возстанія въ Бретани, набралъ сторонниковъ, собралъ деньги, условился съ принцами въ Кобленцѣ, онъ, по возвращеніи, поспѣшилъ сообщить своему другу Шевателю всю задуманную имъ интригу и даже поручилъ ему учесть въ банкѣ вексель на 15.000 франковъ, данный ему Калонномъ. Будучи, такимъ образомъ, введенъ въ весь кругъ заговора, принимая у себя эмиссаровъ отъ ла-Руэри, въ то время какъ тотъ превращалъ свой замокъ въ главную квартиру, Шевателъ слѣдилъ за ходомъ заговора, ожидая удобной минуты, чтобы поставить ловушку тѣмъ, кто ему довѣрились. Онъ ѣздилъ въ Бретань, чтобы лично видѣть, въ какомъ положеніи дѣла. На островѣ Джерсеѣ онъ долженъ былъ, по порученію ла-Руэри, ускорить доставленіе запаса ружей и аммуниціи; сговорившись съ Дантономъ, онъ наложилъ арестъ на приготовленный уже грузъ. Въ Лондонѣ онъ видѣлся съ Калонномъ и о бесѣдѣ съ нимъ сообщилъ комитету общественнаго спасенія. Въ Люттихѣ онъ видѣлся съ графомъ Артуа и увѣрилъ его въ своей вѣрности. И вся эта сложная система предательской дѣятельности все время оставалась тайною для руководителей заговора. Комитетъ общественнаго спасенія послалъ Шевателя въ Бретань для окончательныхъ дѣйствій, поручивъ его наблюденію другого агента, Лалиганъ-Морильона. Благодаря тому, что друзья маркиза вполнѣ на него полагались, считая его соучастникомъ въ заговорѣ, ему удалось завладѣть планомъ возстанія и принять мѣры къ аресту всѣхъ заговорщиковъ. Ла-Руэри, больной отъ усталости, бѣжалъ изъ убѣжища въ убѣжище и умеръ въ замкѣ ла-Гюймарэ, гдѣ его тайкомъ похоронили. Открытіе его трупа привело къ аресту тѣхъ, кто ему далъ прибѣжище. Что касается бумагъ, скомпрометировавшихъ столь многихъ знатныхъ бретонцевъ, Шевателю не представило труда указать мѣсто, гдѣ онѣ хранятся: когда онъ, все еще считавшійся среди заговорщиковъ «своимъ», въ крайней поспѣшности прибылъ на мѣсто, гдѣ былъ архивъ заговорщиковъ, то ему же и поручили спрятать бумаги въ надежное мѣсто. На основаніи точныхъ указаній Лалиганъ-Морильону ничего не стоило найти тайникъ съ документами. Чтобы доиграть комедію до конца, Лалиганъ-Морильонъ велѣлъ арестовать Шевателя, но уже на другой день, конечно, освободилъ его. Длинный рядъ плѣнниковъ былъ направленъ въ Парижъ, для котораго, по выраженію Лалигана въ его докладѣ министру, «слѣдовало приберечь столь прекрасныя головы». Двѣнадцать этихъ головъ, въ томъ числѣ три женскія, именно г-жъ де-ля-Гюймаре, Ла-Пансэ и Терезы Моальенъ, «подруги» маркиза Ла-Руэри, пали черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подъ лезвеемъ гильотины. Шевателъ, который, можетъ быть, присутствовалъ при ихъ казни, могъ быть доволенъ, такъ какъ ни одна изъ его жертвъ не подозрѣвала его предательства. Роль его выяснилась лишь теперь, на основаніи архивныхъ документовъ, именно его докладовъ Дантону и комитету спасенія.

— Герцогъ Шуазель и маркиза де-Помпадуръ. Долгое время считалось неизвѣстнымъ, оставилъ ли герцогъ де-Шуазель, извѣстный министръ Людовика XV, записки, или нѣтъ. Вопросу этому суждено было рѣшиться въ утвердительномъ смыслѣ лишь немного мѣсяцевъ тому назадъ, когда были най-

дены старинныя копіи и довольно большой отрывокъ подлинныхъ записокъ. Когда въ концѣ 1787 года книгоиздатель Бюиссонъ объявилъ о поступленіи въ продажу двухъ томовъ «Записокъ герцога де-Шуазеля, бывшаго министра морского, военнаго и иностранныхъ дѣлъ, написанныхъ имъ самимъ и напечатанныхъ на его глазахъ, въ его кабинетѣ, въ Шантлу, въ 1778 году», семья Шуазелей протестовала противъ этого изданія въ «Journal officiel», заявляя, что, хотя нѣкоторыя части издаваемаго и могли быть написаны самимъ герцогомъ, но для опубликованія онѣ никогда не предназначались; Шуазели требовали недопущенія изданія, ссылаясь на то, что оно могло получить свой матеріалъ лишь путемъ кражи и подлога. Въ 1829 году племянникъ и наслѣдникъ министра, герцогъ Шуазель, доказывалъ, что матеріалъ для изданія доставленъ былъ бывшимъ секретаремъ его дяди. Кромѣ этихъ отрывковъ, собранныхъ въ формѣ историческихъ разсказовъ, существованіе «Записокъ» доказывалось еще письмами. Неоднократно, въ 1791 и 1793 годахъ, Сулави противоставлялъ двумъ изданнымъ Бюиссономъ томамъ «Секретную переписку», яко бы переданную имъ тому же книгопродавцу для изданія въ двѣнадцати томахъ. Этотъ трудъ никогда не былъ напечатанъ, и поэтому появилось предположеніе, что Сулави, извѣстный своими литературными подлогами, и здѣсь ссылался на документы, въ дѣйствительности не существовавшіе. Однако въ настоящее время удалось среди оставшихся отъ Сулави бумагъ найти подлинный отрывокъ изъ записокъ Шуазеля; Сулави, вѣроятно, хранилъ его для того, чтобы «придѣлать» къ нему продолженіе и выпустить въ нѣсколькихъ томахъ въ свѣтъ. Найденный отрывокъ напечатанъ теперь въ «Revue de Paris», послѣ того, какъ его подвергли тщательному изслѣдованію съ точки зрѣнія палеографической, стилистической и исторической [1]). Новые издатели, Этьэнъ Шаварэ и Жюль Фламмермонъ, прибавили къ своей находкѣ рядъ необходимыхъ примѣчаній и небольшое предисловіе, разъясняющее почему именно Шуазель нашелъ необходимымъ писать эти записки. Герцогу было извѣстно, что въ придворныхъ кругахъ его обвиняли въ томъ, будто его блестящая карьера началась съ предательства, совершеннаго въ угоду мадамъ де-Помпадуръ, по адресу жены одного изъ его двоюродныхъ братьевъ. Это была нѣкая Шарлотта Розалія де-Романэ, которая въ 1751 году вышла замужъ за графа Шуазеля-Бопре. Несмотря на то, что она была племянницею мадамъ д'Эстрадъ, двоюродной сестры и креатуры фаворитки, мадамъ де-Шуазель-Романе завязала интригу съ Людовикомъ XV и чуть не вытѣснила маркизу де-Помпадуръ. Разсказывали, что послѣдняя удержалась лишь потому, что Шуазель, изъ желанія добиться ея милостей, выдалъ ей письмо Людовика XV къ Шуазель-Романэ. Вотъ эту-то невыгодную для себя легенду герцогъ де-Шуазель и рѣшилъ уничтожить своими записками. По его разсказу, между нимъ и маркизою де-Помпадуръ, когда онъ появился при дворѣ, были самыя холодныя, и даже недружелюбныя отношенія. Въ 1752 году, во время поѣздки въ Марли, онъ замѣтилъ, что мадамъ де-Шуазель замѣтно кокетничаетъ съ дофиномъ. Черезъ нѣкоторое время, въ

[1]) Duc de Choiseul. Ma liaison avec Madame de Pompadour («Revue de Paris» 15 mai 1899).

Фонтэнбло онъ услышалъ, что называютъ имя жены его кузена, то въ связи съ дофиномъ, то съ королемъ. Кузенъ, во время одной изъ встрѣчъ съ нимъ при дворѣ, жаловался на оскорбительные для его семейной чести слухи и говорилъ, что онъ, для защиты своей чести, пойдетъ на всѣ крайности и готовъ хоть сжечь весь дворецъ въ Фонтэнбло. Шуазель его уговаривалъ и просилъ не придавать большого значенія сплетнямъ, которыя врядъ ли имѣютъ какое либо основаніе. Самъ про себя онъ рѣшилъ, что будетъ держаться подальше отъ придворныхъ интригъ, лишь бы и его не запутали въ нихъ. Между тѣмъ, при дворѣ образовалась сильная партія, чтобы свергнуть всемогущую фаворитку, поставивъ на ея мѣсто мадамъ де-Шуазель-Романэ; этого желали д'Аржансонъ, мадамъ д'Эстрадъ и многіе другіе, у которыхъ были личные счеты съ маркизою де-Помпадуръ. Шуазель не придавалъ всему этому значенія, пока случайный разговоръ съ женою кузена не разъяснилъ ему всей опасности, которая угрожала доброму имени Шуазелей. Мадамъ де-Шуазель-Романэ, предполагая, что кузенъ мужа вполнѣ ей сочувствуетъ, разсказала ему, что имѣла свиданіе съ королемъ въ саду Діаны, и что условіемъ измѣны мужу и переходу въ фаворитки она поставила немедленное изгнаніе маркизы де-Помпадуръ. Своимъ новымъ «высокимъ» положеніемъ она обѣщала воспользоваться для того, чтобы немедленно добиться всевозможныхъ милостей для своихъ родственниковъ. Въ доказательство словъ своихъ она показала рядъ любовныхъ писемъ, написанныхъ ей Людовикомъ XV; изъ писемъ было видно, что мадамъ де-Шуазель еще «оставалась добродѣтельной»,—«но, говоритъ Шуазель, мысль видѣть носительницу нашего имени въ роли метрессы была для меня ужасна: я заявилъ ей, чтобы она не позже, какъ черезъ четыре дня уѣзжала съ мужемъ въ Парижъ, иначе я буду принужденъ все сообщить мужу». Собесѣдница Шуазеля была, конечно, крайне возмущена этимъ «вѣроломствомъ», но Шуазель сумѣлъ ее уговорить, представивъ ей рискъ борьбы съ маркизою де-Помпадуръ и крайнюю нежелательность наложенія позорнаго пятна на родъ Шуазелей. Въ это время подошелъ кузенъ Шуазеля, и всѣ трое рѣшили, что во избѣжаніе скандала и сплетень, четѣ Шуазелей слѣдуетъ уѣхать изъ Фонтэнбло. Въ кругахъ маркизы де-Помпадуръ ничего не было извѣстно про то, что успѣлъ уже устроить Шуазель, и фаворитка находилась въ сильномъ безпокойствѣ. Въ это время Шуазелю пришлось разговаривать съ шуриномъ своимъ, герцогомъ де-Гонто, причемъ онъ какъ-то обмолвился, что знаетъ нѣчто, что могло бы сразу успокоить мадамъ де-Помпадуръ. Гонто передалъ объ этомъ разговорѣ фавориткѣ, и та, хотя и была съ Шуазелемъ мало знакома, пригласила его къ себѣ. Шуазель хотѣлъ сначала представить свой разговоръ съ Гонто шуткою, но слезами и мольбами мадамъ де-Помпадуръ выпытала у него его тайну и узнала даже содержаніе писемъ Людовика XV къ ея соперницѣ. Въ тотъ же день ревнивая фаворитка устроила сцену королю, который, застигнутый въ расплохъ, не зналъ, какъ вывернуться изъ затрудненія, и поклялся маркизѣ, что онъ ей останется вѣренъ. Что же касается мадамъ де-Шуазель-Романэ, она вмѣстѣ съ мужемъ выѣхала изъ Фонтэнбло въ Парижъ, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла въ родахъ. Король позже узналъ, какую роль въ этой исторіи сыгралъ Шаузель, и сильно

сердился на него, но фаворитка сумѣла вскорѣ заставить Людовика склонить гнѣвъ на милость и доставила Шуазелю мѣсто посла въ Римѣ, что положило начало позднѣйшей его блестящей карьерѣ.

— Первый бракъ Наполеона Бонапарта. Г. Ленотръ въ парижскомъ «Temps» [1]) посвятилъ особый очеркъ одному изъ стариннѣйшихъ зданій Парижа, обширному отелю на улицѣ д'Антэнъ, построенному въ эпоху регентства. Этотъ отель въ теченіе семнадцатаго вѣка принадлежалъ маркизу де-Галле-де-Мондрагонъ, бывшему государственнымъ совѣтникомъ и гофмейстеромъ короля. Домъ этотъ, какъ и многіе другіе дома аристократовъ, во время революціи былъ конфискованъ и отданъ въ распоряженіе мэріи второго парижскаго округа: здѣсь, 9-го марта 1796 года, происходило гражданское бракосочетаніе Наполеона Бонапарта съ Жозефиною Богарне. Контрактъ былъ подписанъ наканунѣ брака, послѣ обѣда, у натаріуса «будущей супруги», Рагидо, въ присутствіи одного лишь свидѣтеля, гражданина Лемаруа, «друга обѣихъ сторонъ». Будущій супругъ заявилъ, что у него нѣтъ «ни недвижимаго ни движимаго имущества, кромѣ своего гардероба и военныхъ экипажей, всего на сумму...». Но въ моментъ, когда нужно было опредѣлить цифру, Бонапартъ передумалъ и велѣлъ вычеркнуть это признаніе собственной бѣдности. Очевидно, въ надеждѣ на грядущія блага, онъ опредѣлилъ, на всякій случай, для «будущей супруги вдовій пансіонъ въ размѣрѣ тысячи пяти сотъ франковъ ежегодно». Гражданка Богарне оказалась не богаче будущаго супруга своего, и ея приданое оказалось почти равнымъ нулю. Оригиналъ этого контракта сохраняется въ архивѣ г. Маго-де-ля-Керантоннэ, наслѣдника нотаріальной конторы Рагидо. Нѣкоторый интересъ придаютъ ему лишь подписи: Napolione Buonaparte и M.-J.-R. Tascher. Первая изъ нихъ написана весьма нечетко, спѣшно и съ большимъ росчеркомъ, въ противоположность спокойной и безстрастной подписи Жозефины. Исполнивъ формальность заключенія контракта, женихъ и невѣста разстались, чтобы увидѣться вновь 9-го марта, въ 8 часовъ вечера, въ мэріи на улицѣ д'Антэнъ, гдѣ слѣдовало составить актъ о бракѣ. Въ назначенное время находились на мѣстѣ оба свидѣтеля, Баррасъ и Тальенъ, довѣренный Жозефины Кальмеле и сама невѣста. Прихода Наполеона пришлось ждать цѣлыхъ два часа, въ теченіе которыхъ Жозефина сильно безпокоилась и уже опасалась, какъ бы генералъ Бонапартъ не «раздумалъ». Уже успѣло пробить десять часовъ, какъ по лѣстницѣ быстро взбѣжалъ Наполеонъ, сопровождаемый адъютантомъ Лемаруа, разбудилъ ударомъ по плечу задремавшаго чиновника мэріи гражданина Леклерка и сказалъ ему нетерпѣливо: «Вставайте, господинъ мэръ, и поскорѣй жените насъ». Въ актъ о бракѣ занесены были свѣдѣнія изъ доставленныхъ обѣимъ супругамъ документовъ. Наполеонъ представилъ документъ о личности, который старилъ его на восемнадцать мѣсяцевъ и свидѣтельствовалъ, что онъ родился въ Парижѣ 5-го февраля 1768 года. Жозефина, напротивъ, достала себѣ актъ о рожденіи, въ которомъ она оказывалась на четыре года моложе, чѣмъ въ дѣйствительности. Это были не единственныя неточности въ актѣ о бракѣ: подписавшійся подъ нимъ свидѣтель Лемаруа, оказывается, былъ несо-

[1]) G. Lenotre. Le mariage de Napoléon—«Temps», 11 mai 1899.

вершеннолѣтенъ и, собственно говоря, не имѣлъ права подписывать документъ. «Впрочемъ, говоритъ Г. Ленотръ, могъ ли кто либо изъ участниковъ этой церемоніи предполагать, что будущіе хроникеры станутъ рыться во всѣхъ этихъ «мелочахъ»? Развѣ не должны они были предполагать, что бумага со всѣми этими мало извѣстными именами навсегда будетъ забыта въ пыли архивовъ мэріи?» Церемонія взяла немного времени: въ нѣсколько минутъ необходимыя бумаги были прочитаны и подписаны, произнесено было: да! обѣими сторонами, а затѣмъ молодая чета, въ сопровожденіи свидѣтелей, вышла изъ мэріи. Благодаря дружбѣ съ Баррасомъ, у Жозефины была карета, которую комитетъ общественнаго спасенія далъ ей, вмѣстѣ съ двумя воронымя лошадьми, въ возмѣщеніе отнятыхъ у Богарне лошадей и повозки. Въ этой каретѣ, конфискованной изъ числа принадлежавшихъ королю, Наполеонъ поѣхалъ теперь на квартиру своей жены на улицѣ Шантерэнъ. Здѣсь Жозефина уже шесть мѣсяцевъ какъ снимала помѣщеніе въ домѣ Жюли Карро, жены Тальма. Узкая лѣстница въ этомъ небольшомъ домикѣ вела на верхъ, гдѣ находилась зала и двѣ комнаты. Въ одной изъ нихъ, овальнаго вида, находилась спальня, стѣны которой состояли изъ ряда зеркалъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга небольшими колонками. Когда Наполеонъ вошелъ въ эту комнату, оказалось, что на брачной кровати растянулась любимая собачка Жозефины, «Fortuné». «Вы видите это животное,— разсказывалъ позже Бонапартъ одному изъ завсегдатаевъ своихъ въ домѣ на улицѣ Шантерэнъ,—оно завладѣло кроватью хозяйки, когда я на ней женился. Я хотѣлъ его согнать, но мнѣ сказали, что придется или лечь въ другомъ мѣстѣ или дѣлить съ нимъ ложе. Это было довольно непріятно, но можно было только или соглашаться или не соглашаться, и фаворитъ оказался гораздо менѣе сговорчивымъ, чѣмъ я». Дѣйствительно, разсерженный вторженіемъ незнакомца въ привычное мѣсто отдохновенія, песъ такъ укусилъ въ икру «счастливаго супруга», что шрамъ и воспоминаніе сохранились у Наполеона надолго. Позже Наполеонъ велѣлъ своему повару завести «сильнаго дога, въ надеждѣ, что большая собака проглотитъ маленькую». На слѣдующій день послѣ брака Жозефина рѣшила представить своему супругу своихъ дѣтей отъ перваго брака. Гортензія и Евгеній Богарне уже шесть мѣсяцевъ какъ находились въ пансіонахъ въ Сэнъ-Жермэнъ: мальчикъ въ училищѣ ирландца Патрика Макъ-Дермотта, дѣвочка въ воспитательномъ заведеніи, устроенномъ г-жею Контанъ въ прежнемъ дворцѣ Рогановъ. Евгеній уже зналъ генерала: онъ ходилъ къ нему, послѣ вандемьера, просить обратно оружіе Богарне, конфискованное согласно декрету конвента. Бонапартъ зналъ и Гортензію, которой какъ-то пришлось сидѣть рядомъ съ нимъ на обѣдѣ у Барраса. Какъ разсказываетъ одна изъ ея подругъ по пансіону, г-жа Паннелье, Гортензія какъ-то расплакалась въ классѣ посреди занятій. Когда ее окружили подруги съ разспросами о ея горѣ, она, рыдая, разсказала, что «у нея страшное горе, такъ какъ мать ея выходитъ замужъ за генерала Бонапарта, котораго она боится и который, вѣроятно, будетъ очень строгъ съ нею и съ Евгеніемъ»... Однако, 10-го марта, во время посѣщенія Сэнъ-Жермэна, генералъ выказалъ себя весьма любезнымъ. Онъ захотѣлъ посѣтить классы и задавалъ разные вопросы дѣтямъ. Однако страхъ Гортензіи оказался заразительнымъ, и дѣти отвѣчали, трясясь отъ боязни. Генералъ,

тѣмъ не менѣе, былъ очень любезенъ съ начальницею заведенія: «Я хочу, сказалъ онъ г-жѣ Контанъ, поручить вамъ свою маленькую сестру Каролину; только я предупреждаю васъ, что она ровно ничего не знаетъ. Попробуйте сдѣлать ее столь же знающей, какъ дорогая Гортензія»... Говоря такъ, онъ ласково потрепалъ за ухо свою падчерицу. На слѣдующій день, 11-го марта, насталъ конецъ «медовому мѣсяцу» Наполеона. Во дворѣ дома на улицѣ Шантерэнъ появилась почтовая карета съ чемоданами, полными книгъ, картъ и оружія. Въ каретѣ помѣстились адъютанты Жюно и Шове. Бонапартъ вырвался изъ объятій жены, сталъ на подножку и сдѣлалъ знакъ прощанія. Дверь захлопнулась, и карета покатила по направленію къ Италіи. Началось «сказочное путешествіе», черезъ двадцать лѣтъ закончившееся на островѣ св. Елены.

— Политическія сплетни начала XIX вѣка. Въ теченіе 1802 и 1803 годовъ, графъ Прованскій (позже Людовикъ XVIII) получалъ изъ Парижа правильную корреспонденцію, извѣщавшую его о всѣхъ политическихъ событіяхъ, ежедневныхъ слухахъ и сплетняхъ. Эти развѣдки были, какъ кажется, хорошо организованы и давали свѣдѣнія вполнѣ достовѣрныя. Во всякомъ случаѣ, графъ Прованскій вполнѣ полагался на то, что ему сообщали. Сдѣлавшись королемъ, онъ рѣшилъ, что эта интересная переписка не должна погибнуть и помѣстилъ ее на храненіе въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Тьеръ зналъ эти письма и воспользовался нѣкоторыми изъ нихъ для своей «Исторіи консульства и имперіи». Въ настоящее время рядъ отрывковъ изъ нихъ напечатанъ въ «Revue des Deux Mondes» [1]). Здѣсь имѣется много интересныхъ указаній на состояніе общественнаго мнѣнія въ времена консульства: эта сторона парижской жизни должна была, конечно, болѣе всего интересовать жившаго въ изгнаніи претендента, каковымъ былъ графъ Прованскій. «Говорятъ,—читаемъ мы въ письмѣ отъ 31-го мая 1802 года,—что Бонапартъ суровъ и нечувствителенъ. Однако, разсказываютъ кое-какіе анекдоты, изъ которыхъ видно, что въ глубинѣ души его скрывается глубокая чувствительность. Напримѣръ, въ моментъ кризиса, о которомъ въ публикѣ ничего не было извѣстно, онъ велѣлъ ночью призвать въ Тюильерійскій дворецъ генерала Каффарелли. Братъ генерала, убитый подъ Акрою былъ близкимъ другомъ Бонапарта, и съ тѣхъ поръ первый консулъ хранилъ у себя сердце этого друга. И вотъ, чтобы передать это сокровище на храненіе брату, онъ велѣлъ призвать его къ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ просилъ Каффералли сохранить это сердце до конца кризиса, чтобы, если онъ самъ погибнетъ, «то хоть сокровище это избѣгло рукъ враговъ». Въ письмѣ отъ 11-го іюня того же года говорится: «Цѣлью перваго консула, безъ сомнѣнія, является не то, чтобы его любили, хотя это едва ли было бы трудно при его умѣ и остроуміи, лишь бы только нравъ его не заставлялъ его часто поступать несогласно съ тѣмъ и другимъ. Художники вообще не принадлежатъ къ его сторонникамъ, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если знать, какъ онъ съ ними обходится. Портретъ г-жи Бонапартъ, писанный Жераромъ, во время послѣдней выставки надѣлалъ много

[1]) «Un document inédit sur le consulat», par le comte Remacle (Rev. d. deux Mondes», 1 mai 1899).

шуму. Исторія этого портрета мало извѣстна, но довольно курьезна. Г-жа Бонапартъ долго преслѣдовала Жерара, желая добиться отъ него, чтобы онъ написалъ ея портретъ. Жераръ не обращалъ на это никакого вниманія и уклонялся подъ разными предлогами. Наконецъ, однажды она ему сказала: «Вы, вѣроятно, отказываетесь потому, что я уже не молода и не красива». Тутъ уже отступленія не было. Порѣшено было на цѣнѣ въ восемь тысячъ франковъ. Жераръ написалъ портретъ супруги перваго консула, и эта картина имѣла большой успѣхъ на выставкѣ въ Луврѣ. Прошло пять мѣсяцевъ, и Жераръ все еще не получилъ болѣе, какъ двѣ тысячи франковъ. Такъ какъ ему надоѣло постоянно напоминать о дополненіи платы, онъ послалъ раму въ Тюильерійскій дворецъ, а картину оставилъ у себя. Этотъ смѣлый поступокъ имѣлъ весь тотъ успѣхъ, котораго онъ добивался: ему заплатили все, что ему слѣдовало, и еще двѣ тысячи франковъ лишнихъ... Первый консулъ имѣетъ дурную привычку подшучивать или же говорить непріятную правду въ глаза лицамъ, не осмѣливающимся возражать. Мегюль какъ-то въ качествѣ члена института былъ приглашенъ къ нему. Бонапартъ сказалъ ему: «Гражданинъ Мегюль, ваша слава выше вашего таланта. Я не люблю вашего таланта; мнѣ нравится только итальянская музыка». Когда артисты оперы пришли поздравлять его по поводу спасенія отъ покушенія 3-го нивоза, онъ обратился къ Гарделю и сказалъ ему: «Гражданинъ Гардель, устраивайте-ка намъ балеты. Въ оперѣ я люблю только балеты; наши артисты вѣдь не поютъ, а кричатъ». Въ письмѣ, помѣченномъ 17-мъ іюня того же года, разсказывается анекдотъ объ опубликованіи конкордата: «Бонапартъ обсуждалъ этотъ вопросъ съ нѣсколькими лицами, въ числѣ которыхъ былъ и Вольней. Послѣдній, вѣрный своимъ принципамъ, продолжалъ противиться мысли о религіозной реставраціи. Первый консулъ, желая покончить съ его возраженіями, заявилъ, что семь восьмыхъ населенія Франціи католики, и что онъ долженъ скорѣе согласоваться съ мнѣніемъ народа, чѣмъ съ мнѣніемъ атеистовъ въ Парижѣ. «Если вы хотите согласоваться съ мнѣніемъ народа,—отвѣчалъ Вольней,—то я долженъ вамъ замѣтить, генералъ, что семь восьмыхъ населенія Франціи требуютъ также возвращенія Бурбоновъ!» Бонапартъ, не будучи въ состояніи отвѣтить на этотъ аргументъ, увидѣлъ себя принужденнымъ «сообщить Святого Духа» этому невѣрующему путемъ наложенія рукъ, которое однако очень мало походило на апостольское». Другое письмо, отъ 8-го іюля, разсказываетъ, какъ въ трибунатѣ и въ законодательномъ корпусѣ происходила вотировка пожизненнаго консульства: «Карно былъ въ числѣ немногихъ, отказавшихъ дать свое согласіе, и такъ закончилъ свою рѣчь: «Я знаю, что подписываю свою проскрипцію... Нѣтъ!» Вотъ эпиграмма, которая ходитъ по этому поводу: «Вы говорите: да, я говорю: нѣтъ; мое мнѣніе не сходится съ вашимъ. Я подписываю свою проскрипцію: но вѣдь я же подписалъ столько проскрипцій чужихъ!» Присоединенные департаменты дали наибольшее количество вотирующихъ. Департаментъ Аахенскій одинъ далъ 89.000 да и 247 нѣтъ. Добрые нѣмцы ко всему этому относятся самымъ добросовѣстнымъ образомъ: всѣ у нихъ вотируютъ и рѣшаются говорить и да и нѣтъ. Я не говорю о частныхъ голосованіяхъ, собранныхъ особенно въ «Journal de Paris», но слѣдуетъ привести одну подачу голоса,

общую двумъ очень извѣстнымъ личностямъ и достойную того, чтобы исходить отъ какого-либо германскаго университета: Лафайетъ и Латуръ-Мобуръ вотировали: да, если онъ вернетъ свободу печати». Въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ графу Прованскому сообщались слѣдующія сплетни: «Бонапартъ относится далеко не ко всѣмъ членамъ своей семьи съ тою же снисходительностью. Когда онъ послалъ генерала Леклерка на Санъ-Доминго, г-жа Леклеркъ, сестра его, не имѣла никакого желанія ѣхать туда же. Первый консулъ однако заявилъ ей, что если Леклеркъ ѣдетъ воевать и зарабатывать деньги на Санъ-Доминго, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы она оставалась въ Парижѣ кокетничать и веселиться съ любовниками. Г-жа Леклеркъ ссылалась на свое здоровье. Бонапартъ велѣлъ своему доктору выдать свидѣтельство, что она въ состояніи совершить путешествіе. Она указывала на свою беременность и плохія дороги въ Нижней Бретани, гдѣ легко можетъ случиться какое либо несчастіе. Бонапартъ отвѣчалъ, что противъ этого будутъ приняты мѣры. Дѣйствительно, онъ велѣлъ нести ее въ носилкахъ болѣе чѣмъ сорокъ лье и такимъ образомъ заставилъ сопровождать мужа». Письмо отъ 17-го іюля сообщаетъ: «Новое занятіе Бонапарта — это литература и поэзія. Этотъ маленькій человѣкъ забралъ себѣ въ голову быть выдающимся во всемъ рѣшительно; онъ желаетъ поставить свое имя рядомъ съ именами Фридриха II и Густава III и обезсмертиться своими сочиненіями такъ же, какъ и своими завоеваніями. Великія литературныя знаменитости начинаютъ уже утомлять его самолюбіе; онъ произноситъ свои краткія сужденія о стихахъ и объ авторахъ и немилосердно осуждаетъ все то, что люди со вкусомъ согласны поставить въ рядъ великихъ произведеній. Хотя онъ и не любитъ Вольтера, но «Mahomet» является для него первою изъ трагедій. Въ настоящее время въ Мальмезонѣ проводятъ время, разучивая въ семьѣ лучшія наши драматическія пьесы. Люсьенъ, Іосифъ, г-жа Баччіокки и супруга Людовика Бонапарта являются главными актерами. Первый консулъ слушаетъ ихъ и судитъ ихъ. Онъ въ большомъ отчаяніи, что не имѣетъ никакой способности къ декламаціи, и Іосифъ, который чудесно успѣваетъ и талантъ котораго блещетъ, внушаетъ ему сильную зависть. Это напоминаетъ намъ шутку мадамъ дю-Шателэ по адресу Вольтера, который какъ-то хандрилъ и былъ недоволенъ и ничѣмъ не могъ быть развлеченъ. Всѣ тщетно старались догадаться, какова причина этого, и уже раскаивались въ томъ, что мало ему воскуряли лести за послѣдніе дни: въ это время какъ разъ повѣсили какого-то извѣстнаго преступника и всѣ и вездѣ говорили о его смерти и его преступленіяхъ. «Развѣ вы не видите,—сказала мадамъ дю-Шателэ о Вольтерѣ,—что онъ мучится завистью къ этому висѣльнику, о которомъ всѣ только и говорятъ вотъ уже двѣ недѣли?» Есть нѣкоторая аналогія между завистью Вольтера къ висѣльнику и завистью Бонапарта къ брату». Въ началѣ октября 1802 года графу Прованскому писали: «Вотъ, что здѣсь разсказываютъ о немилости къ Фушé. Онъ только что доставилъ Бонапарту длинный рапортъ о состояніи Парижа и провинцій. Бонапартъ бросилъ презрительный взглядъ на бумагу и сказалъ министру: «Вы меня всегда обременяете вашими длинными письменными разсужденіями. У меня нѣтъ времени читать ихъ. Мнѣ нужны факты».—Развѣ вы

хотите,—сказалъ Фуше,—чтобы я васъ утомлялъ ненужными деталями, если нѣтъ ничего столь замѣчательнаго, чтобы заслуживать быть донесеннымъ вамъ?—Неизвѣстно, былъ ли Бонапартъ въ дурномъ расположеніи или онъ узналъ что либо со стороны, но онъ искалъ ссоры съ министромъ и продолжалъ укорять его, такъ что Фушѐ, выведенный изъ себя, сказалъ: «Вы хотите знать все, до самыхъ подозрительныхъ деталей. Такъ послушайте, что мнѣ сообщили сегодня утромъ, но чему я не придаю никакой вѣры. Меня увѣряютъ, будто человѣкъ, очень похожій на васъ, вышелъ изъ Тюильерійскаго дворца въ два часа утра, подошелъ ко вторымъ воротамъ, нанялъ тамъ фіакръ, кучеръ котораго не былъ собственникомъ повозки, сѣлъ въ него и направился въ улицу Шантерэнъ. Говорятъ также, будто то же самое повторяется всякій разъ, когда вы только проводите ночи въ Парижѣ, и что вы не возвращаетесь въ Тюильери ранѣе, чѣмъ въ шесть часовъ. Вотъ что мнѣ говорили. Вы прекрасно знаете, что я этому не вѣрю». Бонапартъ ничего не отвѣчалъ, повернулся къ министру спиною, а, три дня спустя, министерство полиціи было упразднено, о чемъ Фушѐ не былъ даже предупрежденъ. Еще наканунѣ этого дня онъ работалъ вмѣстѣ съ Наполеономъ». Чтобы понять только что приведенную сплетню, слѣдуетъ знать, что на улицѣ Шантерэнъ находился домъ супруги Людовика Бонапарта, рожденной Гортензіи Богарнэ, матери Наполеона III. Она въ это время была и падчерицею и невѣсткою Наполеона Бонапарта одновременно, что не помѣшало однако первому консулу вступить съ нею въ связь далеко не платоническаго характера... Какъ видно изъ этого, парижскіе сплетники 1802 года знали объ очень многомъ.

— Тысяча восемьсотъ пятнадцатый годъ. Анри Гуссэ, выпустивъ нѣсколько недѣль тому назадъ вторую часть тома, озаглавленнаго цифрою «1815», закончилъ свою «Исторію паденія первой имперіи», начатую имъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ и являющуюся однимъ изъ самыхъ выдающихся историческихъ трудовъ послѣдняго времени [1]). Книга Гуссэ въ первыхъ своихъ томахъ имѣла громадный успѣхъ: «1814 годъ» вышелъ уже въ двадцать пятомъ изданіи, а первая часть тома «1815» переиздавалась 24 раза. Гуссэ собралъ для своего сочиненія громадное количество матеріала, изучалъ мѣстности и планы битвъ, собиралъ устныя свѣдѣнія отъ лицъ, которыя еще имѣли возможность видѣть очевидцевъ, и поэтому его книга, написанная съ огромнымъ литературнымъ талантомъ, даетъ много новыхъ, до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ деталей. Послѣдняя страшная борьба Наполеона нашла въ Анри Гуссэ лучшаго до сихъ поръ ея изобразителя. Въ бояхъ 1814 года, въ неравной борьбѣ съ соперниками, геній полководца Наполеона выказался во всемъ его блескѣ и не его была вина, если въ этой борьбѣ онъ потерпѣлъ неудачу. А. Гуссэ доказываетъ эту мысль, приводя всевозможныя подробности о планѣ компаніи и, часъ за часомъ, перечисляя и объясняя всѣ распоряженія, сдѣланныя Наполеономъ во время похода. Несчастіе великаго полководца состояло въ томъ, что съ нимъ уже не было тѣхъ способныхъ помощниковъ, которые раньше его окружали: «не доставало орудій, а тѣ, которыя еще оставались, были уже испор-

[1]) Henri Houssaye. «Histoire de la chute du premier Empire. 1815» (Paris, 1899).

чены и надломаны». Маршалъ Ланнъ былъ убитъ; Массена былъ утомленъ и неспособенъ уже къ командованію; Мюратъ еще годился, но, послѣ измѣны, на него нельзя было положиться, какъ ни искренно онъ желалъ принять участіе въ войнѣ. Макдональдъ, Гувіонъ, Сэнъ-Сиръ отпали отъ императора. Оставались Даву, Сультъ, Сюшэ, Груши, Ней. Даву былъ военнымъ министромъ. На этотъ постъ былъ нуженъ человѣкъ, и Даву былъ здѣсь вполнѣ у мѣста. Но зато его не хватало при Ватерлоо. Груши былъ хорошій командиръ, но ему недоставало иниціативы. Ней, смѣлый изъ смѣлыхъ, не былъ выдающимся умомъ и особенно съ 1814 года въ немъ замѣтны были сильныя колебанія. Онъ оставался еще чуднымъ вождемъ на полѣ битвы, бывшимъ въ состояніи поднять и воодушевить войсковыя массы, но въ его же характерѣ было и оставаться бездѣятельнымъ и нерѣшительнымъ, какъ, напримѣръ, при Катръ-Брà. Если въ комъ болѣе всего нуждался Наполеонъ въ 1815 году, такъ это былъ Бертье. Бертье былъ истинною правою рукою Наполеона. Всегда спокойный и уравновѣшенный, умъ ясный, хотя и не изобрѣтательный, умѣлый исполнитель всякаго приказанія, Бертье давалъ Наполеону всегда полную увѣренность, что каждое порученіе, лишь бы оно было дано, будетъ немедленно исполнено. Теперь на мѣстѣ его былъ Сультъ, мало привыкшій къ несенію сложныхъ обязанностей ближайшаго помощника великаго полководца и мало внушавшій довѣрія къ себѣ въ арміи. За все время кампаніи въ Бельгіи въ 1815 году у Наполеона «были только лѣвыя руки». Вслѣдствіе этого великолѣпный бой у Линьи, который могъ бы рѣшить участь всей кампаніи, не далъ тѣхъ результатовъ, какіе можно было ожидать отъ него. Онъ могъ бы быть рѣшительнымъ, но не привелъ ни къ чему: «битва при Ватерлоо была уже потеряна при Линьи». Однимъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ въ книгѣ Гуссэ является разсказъ о томъ, какъ Груши со своей арміею стоялъ въ указанномъ ему Наполеономъ мѣстѣ и, слыша отдаленную канонаду, мучился сомнѣніями, что ему дѣлать: выполнять ли приказаніе императора и стоять на мѣстѣ, или спѣшить туда, гдѣ его присутствіе было крайне необходимо. «Надо итти туда, гдѣ звучатъ выстрѣлы,—говорилъ Жераръ. «Это, вѣроятно, небольшая стычка съ арріергардомъ»,— отвѣчалъ Груши. Приложивъ ухо къ землѣ, всѣ вслушивались: вдали звучала страшная канонада, земля дрожала отъ выстрѣловъ. Къ Груши подбѣжалъ Валазé: «Надо идти туда: тамъ бой»: Груши упорно отвѣчалъ: «Императоръ приказалъ стоять здѣсь, а не тамъ». И армія Груши не поспѣшила на помощь, и Ватерлоо было потеряно. Эмиль Фагэ въ отзывѣ о книгѣ Гуссэ указываетъ на громадное, обыкновенно оставляемое безъ вниманія, значеніе этой битвы для всей Европы. «Если вѣрить, что для европейскаго равновѣсія нужно, чтобы Франція была столь же сильной континентальной державой, какъ Германія, вѣрить, что Франція не должна быть ни утѣснительницею ни утѣсненною, и вѣрить, наконецъ, что для гармоническаго цѣлаго цивилизаціи требуется, чтобы Франція была первоклассною державою, то всякій европеецъ долженъ смотрѣть на Ватерлоо, какъ на несчастіе[1])». Въ долинѣ Ватерлоо,—говоритъ Э. Фагэ,—началось окончательное уменьшеніе Франціи: «Седанъ заключался въ Ватерлоо».

[1]) Emile Faguet, «1815» (Revue bleue», 22 avr. 1899).

— Датскій дворъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Въ Daily News [1]) помѣщенъ любопытный отзывъ о только что вышедшихъ мемуарахъ генерала Гольтена, который состоялъ при дворѣ трехъ датскихъ королей: Фридриха VI, Христіана VIII и Фридриха VII. Находясь, какъ адъютантъ послѣдняго изъ этихъ государей, нѣсколько лѣтъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ нимъ, Гольтенъ, конечно, имѣлъ достаточно вѣскихъ причинъ, чтобъ сказать: «Я глубоко убѣжденъ, что мой повелитель былъ слабоумнымъ, хотя у него были свѣтлыя минуты, когда онъ отличался даже геніемъ». Повидимому, онъ страдалъ серьезнымъ разстройствомъ нервовъ, которое проявлялось различными эксцентричностями, а происходило, главнымъ образомъ, отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Пьянство было такимъ обычнымъ дѣломъ тогда при датскомъ дворѣ, что приглашенные къ королевскому столу обыкновенно развозились по домамъ послѣ обѣда въ безчувственномъ состояніи. Читая разсказы Гольтена о томъ, что творилось при копенгагенскомъ дворѣ въ эпоху 1850—1863 гг., невольно думаешь, что передъ вами не современные мемуары, а лѣтописи X или IX вѣка. Однажды, напримѣръ, король сдѣлалъ выговоръ за что-то слугѣ, и тотъ преспокойно отвѣтилъ: «Стоитъ ли поднимать шумъ изъ такого пустяка. Я былъ вчера пьянъ, но это такъ часто случается съ вашимъ величествомъ». Король добродушно отвѣчалъ: «Это правда». Какъ извѣстно, Фридрихъ VII былъ морганатически женатъ на бывшей швеѣ, очень сомнительной репутаціи и которая получила титулъ графини Даунеръ. Она имѣла непонятное роковое вліяніе на него. Она была очень низкаго происхожденія, грубая, невѣжественная, и ранѣе связи съ королемъ имѣла нѣсколько незаконныхъ дѣтей. Мать ея находилась въ нищетѣ, и графиня Даунеръ посѣщала ее переодѣтая и по секрету носила ей подарки. Однажды, катаясь въ коляскѣ съ Гольтеномъ, Фридрихъ VII указалъ проходившую мимо бѣдную женщину въ лохмотьяхъ, которой онъ дружески махнулъ рукой, и спросилъ своего адъютанта: «Вы знаете эту женщину?» Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ прибавилъ: «Это моя теща».

— Петербургъ во время крымской кампаніи. Въ іюньской книжкѣ «Deutsche Revue» [2]) помѣщены отрывки изъ дневника молодого человѣка, въ 1855 году поступившаго въ Петербургскій университетъ. Какъ сообщаетъ редакція журнала, дневникъ этотъ остался послѣ «недавно умершаго въ С.-Петербургѣ высшаго сановника». Догадаться объ авторѣ пока трудно: изъ содержанія дневника вытекаетъ лишь, что авторъ—«русскій нѣмецъ» и лютеранинъ. Приводимъ нѣкоторыя выдержки: «13 (1) іюля. Послѣ трехдневнаго путешествія въ почтовой повозкѣ я прибылъ въ Петербургъ и помѣстился у кузена Л. До обѣда, при страшной жарѣ, осматривалъ я этотъ прекрасный, величественный городъ, громадная величина котораго однако находится въ противорѣчіи съ малолюдностью улицъ. Всѣ теперь въ деревняхъ и вернутся лишь поздно. Послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ дядя и подтвердилъ, что у меня есть шансы попасть въ число студентовъ: «Мы здѣсь не такіе педанты, какъ въ про-

[1]) Doings at a northern Court 50 years ago.—Daily News.—May. 1899.

[2]) «St.-Petersburg zur Zeit des Krim Krieges» («Deutsche Revue», 1899, Juni).

винціи, гдѣ относятся серьезно къ приказанію, по которому число студентовъ ограничено тремя стами». Попечитель ссылается на то, что открытіемъ новаго факультета (восточнаго) обстоятельства измѣнены, а министръ Норовъ, который въ общемъ добрый малый, увеличилъ законное число до 400. Впрочемъ дядя предостерегалъ отъ иллюзій о студенческомъ великолѣпіи и свободѣ. Университетъ не въ почетѣ, такъ какъ благородные учатся, большею частію, въ училищѣ правовѣдѣнія и въ лицеѣ, гдѣ кончаютъ «съ девятымъ классомъ» (титулярными совѣтниками), и откуда сразу можно попасть на службу въ министерства. Городъ не такъ пріятенъ, какъ онъ кажется—зимою прямо ужасно, и сносно развѣ только для новичковъ. Вечеромъ шла рѣчь о войнѣ. Здѣшнія газеты почти ничего не сообщаютъ, зато частныя свѣдѣнія изъ Крыма изо дня въ день все болѣе неблагопріятныя, чему никто не удивляется, зная порядки... Михаилъ Горчаковъ называется le plus incapable de tous; говорятъ, онъ началъ свою карьеру адъютантомъ и офицеромъ генеральнаго штаба и никогда не командовалъ даже ротою. За чаемъ пришелъ лакей Христофоръ, который подаетъ хлѣбъ; онъ принесъ дядѣ нѣсколько грязныхъ билетиковъ съ литографированными надписями. «Вотъ наши мелкія деньги». Такъ какъ серебро и мѣдь совершенно исчезли изъ обращенія, ремесленники и лавочники выдаютъ обязательства на свое имя, когда у нихъ мѣняютъ бумажные рубли. Эти обязательства, которыхъ вездѣ много, нужно хорошенько разсматривать, такъ какъ часто при помощи ихъ обманываютъ. Всѣ наличныя деньги уноситъ война, и нашъ Брокъ (министръ финансовъ) самъ знаетъ, что онъ ничего не въ состояніи сдѣлать. Покойный императоръ при принятіи имъ на себя этой должности, сказалъ: «Я тебѣ помогу», но самъ онъ теперь скончался.—14 (2) іюля. Разговоръ о предстоящемъ мнѣ вступительномъ экзаменѣ и плохомъ моемъ знаніи русскаго языка. «Это ничего не значитъ, если ты только съ грѣхомъ пополамъ можешь объясниться по-французски», сказалъ дядя. «О латинскомъ и греческомъ говорить нечего; ихъ ты, какъ нѣмецкій гимназистъ, знаешь приблизительно столько же, какъ и профессора, которые тебя будутъ экзаменовать. Серіозно здѣсь относятся только къ математикѣ и физикѣ; тутъ тебѣ придется замѣтить себѣ французскую терминологію». Знаніе этихъ предметовъ ведетъ начало со временъ Екатерины II, Александра I и іезуитовъ, когда учители математики были французы, или обучали по французскому методу. «По русской исторіи достаточно выучить наизусть маленькаго Устрялова. Составитель, нашъ государственный историографъ, экзаменуетъ самъ: когда стоишь передъ нимъ, главное, чтобы были «руки по швамъ». Онъ и ректоръ, единственные тайные совѣтники въ университетѣ, и Устряловъ очень гордится своимъ чиномъ». Я спросилъ о ректорѣ. «Это нѣкто Плетневъ. О немъ тебѣ нечего заботиться. Онъ такъ только для украшенія и считается имѣющимъ значеніе, потому что былъ душеприказчикомъ и близкимъ другомъ Пушкина. Кое-что значитъ лишь первый инспекторъ Александръ Ивановичъ Фицтумъ фонъ-Экштедтъ, бывшій каваллерійскій офицеръ, котораго оба хромца и инвалиды Норовъ и Мусинъ-Пушкинъ (министръ и попечитель) сильно уважаютъ. Онъ очень грубъ, очень необразованъ, говоритъ по-русски не лучше, чѣмъ по-нѣмецки, но въ общемъ добрый малый, если не спорить съ нимъ. Хорошенько

застегивай сюртукъ, отдавай честь начальству и являйся во время къ маршировкѣ, и ты уже сладишь съ нимъ». Я спрашиваю, что такое маршировка: «Когда старый императоръ въ послѣдній разъ былъ въ университетѣ, онъ подарилъ ему двѣ пушки, поставленныя въ большомъ коридорѣ; у этихъ пушекъ студенты обучаются военно-артиллерійскимъ пріемамъ, чтобы, зная ихъ и умѣя маршировать, въ крайнемъ случаѣ быть въ состояніи защищать отечество». Мой кузенъ замѣтилъ, что только со второго курса студенты участвуютъ въ маршировкѣ, и что теперь ей не придаютъ серіознаго значенія. Послѣ обѣда мы ѣздили кататься по городу. Такъ какъ я еще не видалъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, то дядя отвезъ меня на царскосельскій вокзалъ. «У насъ имѣется только эта увеселительная дорога, такъ какъ желѣзныя дороги считаются политически неблагонадежными, а Канкринъ находилъ ихъ непрактичными». Теперь всѣ жалѣютъ объ этомъ, такъ какъ будь желѣзная дорога на югѣ, посылаемымъ въ Крымъ солдатамъ не пришлось бы недѣлями итти пѣшкомъ и приходить на мѣсто больными или умирать по дорогѣ. «Пока управляетъ Клейнмихель, у насъ не будетъ новыхъ дорогъ и останется незаконченной дорога въ Москву. Чѣмъ дольше строятъ и больше ремонтируютъ, тѣмъ больше зарабатываютъ Клейнмихель и его люди». Вечеромъ цыганскій концертъ въ Вилла Боргезе у Ивана Ивановича Ислера на островахъ. Очень интересно; великолѣпная свѣтлая лѣтняя ночь — много военныхъ, въ томъ числѣ многочисленные офицеры въ кавказскихъ мѣховыхъ шапкахъ, которые довольно курьезны при теплой погодѣ. Мнѣ разсказали, что служащіе на Кавказѣ офицеры смотрятъ на ношеніе этихъ шапокъ, какъ на личную привиллегію: они отстояли ее противъ высшихъ сановниковъ и послѣ борьбы, которая въ свое время раздѣлила все высшее общество на двѣ партіи. Прочимъ офицерамъ строго воспрещено появляться въ столицѣ иначе какъ въ каскахъ.—20 (8) іюля. Разговоръ объ университетѣ. Раньше онъ имѣлъ гораздо больше значенія, имѣлъ больше студентовъ и лучшихъ профессоровъ, но съ 1848 года его систематически унижали, такъ какъ стали смотрѣть на высшія учебныя заведенія, какъ на разсадники революціонныхъ идей; ихъ чуть не превратили въ интернаты военнаго образца. За спиною тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, по мысли предназначавшагося въ преемники его генерала Димитрія Бутурлина, устроенъ былъ тайный комитетъ, который провелъ ограниченіе числа студентовъ, уничтоженіе каѳедръ философіи и европейскаго государственнаго права, правительственное назначеніе ректоровъ и т. д. Уваровъ послѣ этого подалъ въ отставку, а Бутурлинъ умеръ отъ холеры, раньше, чѣмъ ему удалось стать министромъ. Онъ былъ покровителемъ моего дяди и старшимъ изъ четырехъ братьевъ Бутурлиныхъ, о которыхъ князь Меньшиковъ обыкновенно говорилъ: «Я охотно отдалъ бы обоихъ первыхъ, чтобы незнать обоихъ послѣднихъ». Между нынѣшними профессорами есть, говорятъ, нѣсколько образованныхъ людей, получившихъ образованіе за границею, въ томъ числѣ превосходный математикъ Буняковскій, историкъ Куторга и др. Дядя замѣтилъ: «они могутъ еще войти въ моду, такъ какъ говорятъ, что вѣтеръ подуетъ въ другую сторону».—22 (10) іюля. Начало моего обученія математикѣ, уроки которой даетъ мнѣ молодой человѣкъ, только что окончившій университетъ. Мы вечеромъ гуляли въ Лѣтнемъ саду, гдѣ онъ

мнѣ показалъ «единственный памятникъ штатскаго», т. е. баснописца Крылова. Николай Петровичъ С. оказался вольнодумцемъ, атеистомъ и матеріалистомъ прогрессивно-демократическаго, почти революціоннаго образа мыслей. Онъ утверждаетъ, что многіе его товарищи думаютъ, какъ онъ, и что того же образа мыслей придерживаются всѣ лучшіе элементы «новаго поколѣнія». Въ Москвѣ, гдѣ тонъ задаютъ старорусскіе славянофилы, состоящіе въ сношеніяхъ со многими знатными лицами, господствуютъ другія тенденціи, чѣмъ въ Петербургѣ,—но къ правительству и тамошніе недружелюбно настроены. Даже Закревскій (грозный генералъ-губернаторъ московскій) не рѣшился дѣйствовать противъ этихъ господъ, такъ какъ тѣ въ большомъ почетѣ у аристократіи. «Мы съ москвичами не сходимся, но мы согласны въ томъ отношеніи, что пораженія нашей арміи являются банкротствомъ старой системы и должны повести къ лучшей будущности». Далѣе Николай Петровичъ разсказалъ о заговорѣ 1849 года и о «добрыхъ сѣменяхъ», которыя онъ посѣялъ; онъ выказалъ удивленіе, какъ я въ провинціи ничего не слыхалъ обо всемъ этомъ. Вечеромъ я все разсказалъ дядѣ, который совѣтовалъ мнѣ быть возможно осторожнѣе съ Николаемъ Петровичемъ, но самъ нисколько не былъ удивленъ услышаннымъ. «Высшее общество», сказалъ онъ, «знаетъ о дурномъ направленіи молодаго поколѣнія, но считаетъ московскихъ славянофиловъ столь же опасными, какъ петербургскихъ «красныхъ». Между москвичами, правда, есть лица изъ стариннаго дворянства, которыя поддерживаютъ сношенія съ Петербургомъ и находятъ покровительство у г-жи Блудовой (дочери предсѣдателя государственнаго совѣта). Теперь считается хорошимъ тономъ ругать нѣмцевъ и называть ихъ mameluks de l'empire. Мнѣ дядя совѣтовалъ не вмѣшиваться въ политическіе разговоры, такъ какъ изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ: «молодежь послѣ смерти стараго государя стала какъ будто болѣе дерзкою, а Третье Отдѣленіе менѣе строгимъ». — 24 (12) іюля. Второй урокъ у Николая Петровича С., который, кажется, умный и веселый малый, но страшный матеріалистъ. Онъ спросилъ меня, слыхалъ ли я что либо о великомъ публицистѣ Искандерѣ — который собственно называется Александромъ Герценомъ—о его «вольной русской типографіи въ Лондонѣ» и печатающемся тамъ журналѣ «Полярная Звѣзда». Я отвѣчалъ, что, правда, слышалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ имя Искандера на ряду съ именами Ивана Головина и Бакунина, но о носителѣ этого имени и о его журналѣ не знаю ничего. Николай Петровичъ заявилъ, что Герценъ гораздо значительнѣе Бакунина, котораго рѣчь 1847 года о полякахъ, впрочемъ, можетъ претендовать на прочное значеніе. — 28 (16) іюля. Пріемъ въ университетѣ. Инспекторъ сообщилъ мнѣ, что мои бумаги въ порядкѣ, что я допущенъ до экзамена, и что послѣдній начнется послѣзавтра. Одновременно со мною поступилъ нѣкій нѣмецъ О., которому, несмотря на хорошее свидѣтельство, съ трудомъ удалось добиться допущенія. Его отецъ метръ-д'отель при дворѣ, а по приказу 1849 года дѣти разночинцевъ не должны быть допускаемы въ высшія учебныя заведенія. Но такъ какъ отецъ его часто оказывалъ услуги высокопоставленнымъ лицамъ, то они доставили сыну доступъ къ изученію восточныхъ языковъ. Онъ хочетъ быть драгоманомъ на дипломатической службѣ и думаетъ «добиться», такъ

какъ «у насъ» связи съ Нессельроде.—Мы обѣдали вмѣстѣ, и О. разсказывалъ о печальномъ настроеніи при дворѣ. и т. д. Между будущими товарищами онъ назвалъ брата Нелидовой. Попечитель какъ-то накричалъ на студента, который шумѣлъ въ коридорѣ, но самъ ужаснулся, когда тотъ ему сказалъ, что онъ «братъ Нелидовой». Къ русскимъ товарищамъ слѣдуетъ относиться осторожно. Между ними есть безпокойныя головы, и если съ ними свяжешься, то конецъ и «карьерѣ».—11 августа (25 іюля). Утромъ я заѣхалъ въ большое зданіе генеральнаго штаба, чтобы передать генералъ-квартирмейстеру Ливену письмо подруги дѣтства, г-жи Э. При входѣ моемъ, Ливенъ съ длинной трубкою лежалъ на софѣ. Онъ казался блѣднымъ и утомленнымъ и, вѣроятно, не спалъ и не раздѣвался ночью; онъ принимаетъ извѣстія изъ Крыма. Онъ сказалъ мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ и просилъ меня зайти вновь, такъ какъ онъ теперь занятъ. Въ сѣняхъ толпились ординарцы, очевидно ожидавшіе порученій и чувствовавшіе себя очень плохо. Послѣ обѣда, когда мы сидѣли у Доминика въ билліардной, сынъ одного сановника разсказывалъ, что изъ Крыма пришли плохія извѣстія. Хомутовъ, про котораго говорили, что у него межъ зубовъ пушки, какъ будто ничего не добился, а неспособность Горчакова всѣмъ извѣстна. Патріотизмъ моихъ русскихъ товарищей не очень великъ. Они сказали еще нѣсколько плоскихъ остротъ, а затѣмъ перешли къ разговору о женщинахъ, съ которыми познакомились третьяго дня вечеромъ у Излера. — 7 августа (26 іюля). У Черной было сраженіе, оставшееся безрезультатнымъ. Знатоки говорятъ, что это означаетъ пораженіе. Пали генералъ Реадъ и полковникъ Веймарнъ. Говорятъ, что у послѣдняго было много друзей, и онъ стоялъ близко къ императору. Императора я еще не видалъ, такъ какъ дворъ въ лѣтней резиденціи и почти не появляется въ городѣ, гдѣ все еще страшно жарко. Сегодня вечеромъ многіе знакомые отправляются на Лисій Носъ, откуда видны англійскія суда. Дорога туда довольно плоха, такъ какъ на нижней Невѣ движенія нѣтъ, и приходится ѣхать сушею. Англичанъ и флотъ ихъ безпрестанно ругаютъ, между тѣмъ какъ о французахъ отзывы лучше. На улицѣ мнѣ показали часто упоминаемую французскую актрису Мила: «Elle a changé de regiment», то-есть, теперь у нея любовники лишь изъ офицеровъ конной гвардіи. Здѣсь и тамъ толкуютъ, почему французскій театръ, несмотря на войну, не закрытъ, и басистъ Лаблашъ, родомъ французъ, продолжаетъ оставаться ангажированнымъ въ оперѣ. Дядя замѣтилъ, что Михайловскій театръ незамѣнимъ для высшаго общества, но что царская фамилія его не посѣщаетъ и съ прошлаго года вообще не появлялась при публичныхъ спектакляхъ. Лаблашъ, правда, французъ, но получилъ образованіе въ Италіи и безупречно корректнаго образа мыслей. На французовъ вообще смотрятъ, какъ на жертву соблазнителей-англичанъ, и этихъ послѣднихъ страшно ненавидятъ. Плохое впечатлѣніе произвело, что измѣнена форма генераловъ, и имъ даны красные штаны, «точно у французовъ и (особенно ненавистныхъ) австрійцевъ». Всѣ теперь ожидаютъ отставки Клейнмихеля; плохое управленіе путями сообщенія неоднократно находило неодобреніе нынѣшняго императора, когда онъ еще былъ наслѣдникомъ. Но объ этой отставкѣ ничего не слышно—15 (3) августа. Начались экзамены.»—17 (15) августа. Экзамены за мною. Испы-

таніе по математикѣ я кое-какъ сдалъ. На основаніи рекомендательнаго письма Буняковскій разрѣшилъ мнѣ отвѣчать по-французски (онъ парижскій докторъ и охотно говоритъ объ этомъ), а физикъ Ленцъ экзаменовалъ меня на нѣмецкомъ языкѣ. При русскомъ сочиненіи (о любви къ родителямъ) мнѣ помогъ поповичъ, которому я написалъ нѣмецкую работу. Офиціальной резолюціи еще нѣтъ, но инспекторъ мнѣ сказалъ: «Вы можете заказать себѣ форму». О. разсказалъ, что поповичъ Ф. сдалъ экзаменъ лучше всѣхъ и по всѣмъ предметамъ получилъ 4 (хорошо), между тѣмъ какъ у насъ были нѣкоторыя пятерки, но зато математика была сдана лишь на тройку. Всѣхъ студентовъ, говорятъ, 399, т. е. 99 сверхъ предписаннаго по закону числа». 18 (6) августа. На актѣ обратили на себя вниманіе нѣкоторые вновь поступающіе студенты и профессора восточнаго факультета, явившіеся въ восточныхъ костюмахъ. Профессоръ Казембекъ получилъ разрѣшеніе сохранить свой персидскій костюмъ и носить на немъ большую ленту ордена Станислава. Учитель чистописанія, калмыкъ съ бритой головой и парчевою шапочкою на ней, похожъ на китайца. Между студентами были грузины въ красныхъ куртkахъ и караимы въ фіолетовыхъ кафтанахъ. Лекціи начнутся лишь черезъ нѣсколько дней и объявляются всѣ сразу. Я, какъ юристъ, долженъ слушать на первомъ курсѣ энциклопедію, русское государственное право, исторію права и логику. Кромѣ того, я хочу быть вольнослушателемъ у Куторги (средняя исторія). Такъ какъ это не въ модѣ, я попросилъ позволенія у Куторги, который любезно разрѣшилъ, хотя и съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Товарищи думаютъ, что довольно отъ поры до времени показываться инспекторамъ въ коридорѣ или аудиторіи. Такъ какъ экзаменуютъ только по тетрадямъ, которыя литографированы, составляются прилежными «поповичами» и дешево продаются, то особенно посѣщать аудиторію не приходится. Инспекторы, говорятъ, люди хорошіе, и оставятъ насъ въ покоѣ, только бы мы не попадались имъ въ штатскомъ. — 20 (8) августа. Дядя озадачилъ меня вопросомъ, не желаю ли я познакомиться съ графомъ Сологубомъ, его старымъ знакомымъ, котораго повѣсти изъ высшаго свѣта произвели почему-то большое впечатлѣніе; онъ недавно вернулся съ Кавказа, гдѣ игралъ «роль военнаго исторіографа» и живетъ въ домѣ своего тестя, оберъ-шенка графа Вielьгорскаго, на Михайловской площади, близъ французскаго театра. Я съ благодарностью принялъ предложеніе передать знаменитому писателю рекомендательное письмо и похвалилъ повѣсти и особенно «Тарантасъ» Сологуба. Дядя засмѣялся: онъ уже двадцать пять лѣтъ живетъ въ Петербургѣ, чувствуетъ себя наполовину русскимъ, знаетъ весь міръ, но считаетъ русскую литературу предразсудкомъ, который не долженъ былъ бы замѣчаться у людей съ высшимъ образованіемъ. Для грубо реалистическихъ изображеній у русскихъ есть нѣкоторый талантъ, также и для сатиры, но все остальное заключается въ подражаніи нѣмцамъ, французамъ и англичанамъ. Въ моду занятіе русской литературою вошло только въ недавнее время; люди постарше всегда читали только французовъ. Посѣщеніе у Сологуба. У дверей, вмѣсто швейцара, стоялъ человѣкъ въ черкескомъ костюмѣ, съ кинжаломъ за поясомъ. Онъ провелъ меня въ рабочій кабинетъ графа, изъ котораго выбивались густые клубы дыма отъ сигаръ. Хотя было отъ часу до двухъ по полудни, Сологубъ сидѣлъ не мытый и небри-

тый въ мѣховомъ халатѣ и рубашкѣ — высокій, грубоватый и чувственнаго вида мужчина, съ истасканными чертами, въ которыхъ никто не узналъ бы творца проникнутыхъ міровой скорбью повѣстей. Онъ принялъ меня ласково, обрадовался, что молодежь еще читаетъ его вещи и что нѣмецъ умѣетъ цѣнить его. Я сказалъ ему о впечатлѣніи, которое на меня произвели «Медвѣдь» и «Аптекарша». Сологубъ отвѣчалъ, что писалъ эти повѣсти еще съ «убѣжденіемъ», съ внутреннимъ участіемъ,—все остальное «искусственные продукты», на которые онъ рѣшился, такъ какъ его манера писанія встрѣтила сочувствіе. Напротивъ него сидѣлъ молодой человѣкъ въ темной военной формѣ, котораго онъ представилъ, какъ князя Голицына. Когда я послѣ короткаго разговора попрощался, Сологубъ просилъ меня зайти еще «поболтать о литературѣ и покурить» съ нимъ, а другой присутствовавшій здѣсь господинъ просилъ меня передать поклонъ дядѣ, прибавивъ при этомъ: «скажите ему, что вы встрѣтили доктора Голицына». Въ обѣдъ я разсказалъ все дядѣ и спросилъ его, какъ это князь Голицынъ называетъ себя докторомъ и носитъ мундиръ военнаго врача. Князь, дѣйствительно, оказался докторомъ медицины, которую онъ онъ изучалъ изъ интереса къ дѣлу, въ Москвѣ.—Мнѣ разсказываютъ о нелюбви императора Николая къ гражданскимъ чиновникамъ и формамъ. Гдѣ только гражданскія должности,—напримѣръ, по управленію институтомъ благородныхъ дѣвицъ—замѣщались бывшими офицерами, послѣдніе легко добивались позволенія удержать военную форму и считаться въ арміи» — 29 (12) августа. Рано утромъ меня разбудилъ слуга Христоферъ, передавшій мнѣ печатный листъ. Я усматриваю изъ него, что одно изъ главныхъ укрѣпленій Севастополя, Малаховъ курганъ, взято союзниками, и посылаю это извѣстіе дядѣ въ спальню. Затѣмъ, при проливномъ дождѣ иду въ университетъ. Улицы оживленнѣе, чѣмъ обыкновенно—по Невскому ѣдетъ рядъ всядниковъ, передъ которыми всѣ снимаютъ шапки. «Государь»,—кричитъ мнѣ извозчикъ—и, дѣйствительно, оказалось, по Невскому прослѣдовалъ императоръ. Онъ высокъ ростомъ, строенъ, очень блѣденъ, съ утомленными чертами лица, съ гордой и независимой осанкой, строгимъ и неподвижнымъ выраженіемъ лица. Вѣроятно, онъ уже ночью получилъ печальное извѣстіе черезъ Ливена, къ которому приходятъ телеграфныя сообщенія и который иногда цѣлыми сутками не можетъ снять формы. Извѣстія о Севастополѣ въ университетѣ уже были извѣстны, но, кажется, не произвели впечатлѣнія, «такъ какъ ихъ ожидали». Одни пожимаютъ плечами, другіе смотрятъ насмѣшливо: «point de politique, je vous prie». Въ городѣ много ополченцевъ въ сѣрыхъ кафтанахъ, красныхъ кушакахъ и высокихъ сапогахъ, въ которые, по національному обычаю, запрятаны штаны. Гвардейскій резервъ императорской свиты одѣтъ въ тотъ же костюмъ, но изъ чернаго сукна; среди знатнаго міра стало модою записываться въ этотъ отрядъ, который, впрочемъ, остается въ столицѣ. Вечеромъ къ чаю пришли русскіе родственники дяди. Надняхъ прибыли въ Петербургъ офицеры къ точными извѣстіями о битвѣ при Черной и разсказали о настоящемъ пораженіи. Горчаковъ надѣлалъ много ошибокъ и предпринялъ нападеніе, хотя и предвидѣлъ его безнадежность. Множество орудій потеряно, потому что упустили изъ виду привлечь для прикрытія ихъ стоявшіе у Перекопа гвардейскіе полки. Замѣча-

тельно, что русскіе выражались гораздо рѣзче, чѣмъ здѣшніе нѣмцы. — Особенно рѣзко выражался отставной полковникъ И., который, какъ рьяный либералъ, требовалъ «реформъ во всѣхъ областяхъ» и сильно бранился. Онъ разсказалъ о мемуарѣ курляндскаго губернатора Валуева, предлагавшаго уничтоженіе крѣпостнаго права, виннаго откупа и т. д.; этотъ мемуаръ расходится въ тысячахъ копій. Другой мемуаръ, составленный богатымъ землевладѣльцемъ Кошелевымъ и предназначенный для императора, предлагаетъ созвать собраніе нотаблей, надѣясь отъ такового на усиленіе патріотическаго духа, который замѣтно слабѣетъ, какъ видно изъ незначительныхъ поступленій въ ополченіе. Дядя испугался при этой мысли, которая, по его словамъ, угрожаетъ принципу самодержавія и можетъ вызвать ужасныя опасности. С. отвѣчалъ въ ѣдкомъ тонѣ, что у нѣмцевъ нѣтъ должнаго довѣрія къ русскому народу. Разошлись въ непріятномъ настроеніи. Дядя разъяснилъ кузену, что либеральныя поползновенія русскихъ сами по себѣ ничего не значатъ, но навѣрное поведутъ ко всеобщей травлѣ противъ нѣмцевъ.—31 (19) августа. Слухи о новыхъ бояхъ подъ Севастополемъ. Къ обѣду пришелъ инженерный офицеръ, финляндецъ, только что прибывшій изъ Крыма, и стоявшій въ одномъ изъ севастопольскихъ фортовъ. Онъ не могъ разсказать многаго, такъ какъ фортъ его стоялъ, какъ пустынный островъ, и былъ почти совершенно отрѣзанъ отъ центра. О большихъ операціяхъ было извѣстно только самое необходимое. Князь Горчаковъ (которому Паскевичъ доставилъ это мѣсто) добрый малый (bon enfant), но непрактиченъ, легковѣренъ и непопуляренъ. Онъ говоритъ почти только по-французски и остается чуждымъ для солдатъ и унтеръ-офицеровъ. Душею защиты является Тотлебенъ, Эдуардъ Ивановичъ, сынъ мелкаго митавскаго купца, котораго способности признаются всѣми, хотя и говорятъ про него: «Жаль, что онъ не русскій». 31-ымъ числомъ августа 1855 года пока кончается дневникъ. Редакція «Deutsche Revue» обѣщаетъ дать еще продолженіе его.

— Драма временъ парижской коммуны. Въ «Revue des Revues» [1]) со словъ «главнаго участика», А. Калле разсказываетъ исторію разстрѣлянія коммунарами заложниковъ. «Случай, говоритъ А. Калле, далъ намъ возможность войти въ сношенія съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, послѣднимъ оставшимся въ живыхъ участникомъ кровопролитія, который былъ судьею въ военномъ судѣ, принесъ приказъ о казни, командовалъ стрѣльбою и составилъ протоколъ казни. Очень молодой еще въ это время онъ принадлежалъ къ бланкистской группѣ, очень незначительной, но бывшей въ состояніи внушить своимъ членамъ дикую энергію и неукротимую смѣлость; въ то же время это былъ лучшій изъ сыновей въ мірѣ, упорный работникъ, талантливый скульпторъ, остроумное и насмѣшливое лицо котораго свидѣтельствовало о томъ, что угрызенія совѣсти для него легки». Вотъ этотъ-то главный участникъ и разсказалъ А. Калле слѣдующее: онъ участвовалъ въ кампаніи, какъ мобиль, и вернулся въ Парижъ только немногими днями раньше 18-го марта. Онъ примкнулъ къ Жантону, котораго зналъ по прежнимъ совмѣстнымъ работамъ.

[1]) Une drame sous la Commune, par A. Callet Revue des Revues 1899, 15 mai.

24-го мая они находились въ меріи одиннадцатаго округа. Подошли бѣшеные, ожесточенные и кричавшіе о мести національные гвардейцы, которые только что бились на баррикадахъ улицы Комартэнъ. Ихъ заставили отступить, а человѣкъ пятнадцать изъ нихъ были разстрѣляны подъ самыми глазами товарищей, которые ничего не могли сдѣлать. Они уступали баррикаду за баррикадою и теперь стучали въ стѣны и двери мэріи одиннадцатаго округа, крича: «Отмщенія!» Къ нимъ присоединились жены убитыхъ, взбѣшенныя, дико кричавшія. Ферре́ приказалъ впустить делегацію, которая потребовала, чтобы немедленно же былъ созванъ военный трибуналъ для суда надъ заложниками, чтобы отомстить за убитыхъ друзей. Ферре́, который видѣлъ, что вездѣ вокругъ него малодушіе и отчаяніе уже дѣлали свое дѣло, рѣшилъ, что здѣсь имѣется случай однимъ рѣшительнымъ ударомъ поднять энергію, подбодрить упавшихъ духомъ и пустить гальваническій токъ для оживленія лежавшей въ агоніи коммуны. Немедленно же онъ, съ Жантономъ и Фортэномъ, устроилъ военный судъ, который постановилъ сейчасъ же предать смерти шесть главныхъ заложниковъ, находившихся въ тюрьмѣ Рокеттъ. Жантонъ направился въ Рокеттъ съ отрядомъ въ сорокъ національныхъ гвардейцевъ, половина которыхъ исчезла по дорогѣ. Въ тюрьмѣ директоръ ея, Франсуа, справедливо замѣтилъ, что онъ не можетъ выдать узниковъ, фамиліи которыхъ не указаны въ приказѣ. Сержантъ мобилей Фортэнъ вернулся въ мэрію, чтобы ему дали приказъ съ обозначеніемъ именъ. На уголкѣ листа Ферре́ написалъ своимъ крупнымъ канцелярскимъ почеркомъ, синимъ карандашомъ: «шесть главныхъ заложниковъ и, главнымъ образомъ, архіепископа». Фортэнъ тогда сталъ на груду камней и сдѣлалъ призывъ къ добровольцамъ, которые могли бы отомстить за своихъ братьевъ. Первымъ выступилъ пожарный, который хриплымъ голосомъ, съ судорожно искаженнымъ лицомъ, потребовалъ ружье, чтобы наказать убійцъ своего брата, разстрѣляннаго въ этотъ день утромъ. Скоро собралось двадцать человѣкъ, которые, подъ начальствомъ Фортэна, пошли по улицѣ де-ла-Рокеттъ, съ ружьями на плечахъ, съ глазами, впившимися въ пространство, съ сжатыми зубами... За ними бѣжали женщины, кричавшія: «Казнить ихъ!.. Къ стѣнѣ!» На площади Фортэнъ увидѣлъ извѣстнаго рабочаго Межи, Жуаннэна, и капитана генеральнаго штаба Сикара, который согласился принять начальство надъ отрядомъ. Такъ какъ у него не было сабли, Фортэнъ передалъ ему свою. Директоръ тюрьмы уже не дѣлалъ никакихъ возраженій. Было 7½ часовъ, когда тюремщики пошли разыскивать заложниковъ, которыхъ свели внизъ по небольшой спиральной лѣстницѣ. Канонада, свирѣпствовавшая на лѣвомъ берегу и на Монмартрѣ, немного унялась, и слышны были лишь немногіе глухіе выстрѣлы. На синемъ небѣ виднѣлись какъ бы громадныя подвижныя тѣни: это былъ дымъ отъ пожарищъ. Отрядъ выстроился вдоль стѣны. Когда заложники проходили мимо, нѣсколько пьяныхъ гвердейцевъ начали насмѣхаться надъ ними. Жантонъ и Фортэнъ заставили ихъ замолчать, крикнувъ: «Вы здѣсь, чтобы стрѣлять, а не для чего другого!» Среди дрожавшихъ гвардейцевъ прошли шесть заложниковъ, безстрастные и спокойные, «очень умно и съ большимъ достоинствомъ», какъ говорилъ потомъ одинъ изъ очевидцевъ. Архіепископъ, проходя мимо Фортэна, молодость котораго поразила его,— сказалъ ему: «Но вѣдь три раза посылали

въ Версаль? Я полагалъ, что обмѣнъ уже рѣшенъ?» Фортенъ отвѣчалъ ему: «О, какъ могли вы надѣяться на слова Тьера!» Президентъ Бонжанъ, который съ трудомъ двигался, передалъ свои бумаги одному изъ тюремщиковъ. Послѣ этого заложники выстроились въ рядъ вдоль стѣны въ глубинѣ двора. Кромѣ о. Аллара, который раскрылъ себѣ грудь («желая, какъ говоритъ очевидецъ, нарисоваться»), и сталъ на колѣни передъ архіепископомъ, не смотрѣвшимъ, однако, на него,—всѣ оставались безстрастными, съ глазами, устремленными къ небу. Дорожка, ведшая вокругъ тюрьмы, была слишкомъ узка, и пришлось поставить гвардейцевъ въ три шеренги въ глубину. Архіепископъ стоялъ налѣво. Противъ него стали самые ярые, Межи и Жуаннэнъ. Сикаръ, около котораго стоялъ Фортэнъ, хотѣлъ скомандовать огонь. Площадка была такъ узка, что онъ не могъ дать команду саблею, а голосъ его былъ такъ слабъ—у него была чахотка, — что Фортэну пришлось повторить приказаніе. Сзади, въ двадцати шагахъ отъ гвардейцевъ, бесѣдовали Жантонъ и Франсуа. Раздались два залпа, одинъ послѣ другого. Послѣ перваго архіепископъ еще стоялъ, съ глазами, устремленными въ одну точку, читая предсмертную молитву. При второмъ залпѣ онъ зашатался. Уже послѣ того, какъ онъ упалъ, два или три гвардейца добили его своими выстрѣлами. Жантонъ поручилъ двумъ гвардейцамъ оберегать мертвыхъ, а затѣмъ всѣ разошлись, одни молчаливо и какъ бы въ столбнякѣ, другіе шумно разговаривая. Фортэнъ отправился съ рапортомъ къ Ферре. На площади онъ встрѣтилъ Гомбера и Лиссагарэ и разсказалъ имъ о разстрѣляніи заложниковъ: они къ этому отнеслись безучастно. Темною ночью тюремщики и солдаты пришли за трупами. Ихъ сложили на небольшія повозки и закопали въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Пэръ-Лашеза. Черезъ три дня, кварталъ этотъ былъ взятъ арміею. На Пэръ-Лашезѣ оказано было отчаянное сопротивленіе; здѣсь пало очень много федералистовъ.—Когда пришлось возсоздавать сцены этой печальной драмы, разыскивать виновныхъ, находить свидѣтелей, встрѣтилась тысяча затрудненій, появились тысячи разнородныхъ разсказовъ. Слѣдствіе не могло разобраться въ этомъ хаосѣ. Фортэна, который былъ случайно арестованъ, пришлось освободить за неимѣніемъ уликъ. Во время преній ничего нельзя было разобрать среди безсвязныхъ фактовъ, умолчаній и преувеличеній обвиненныхъ и свидѣтелей. Президентъ суда попробовалъ устроить личную ставку. Нельзя было никакъ узнать, кто доставилъ смертный приговоръ и кто скомандовалъ огонь. Одинъ изъ свидѣтелей говорилъ, что онъ узналъ Фортэна. Если бы это было доказано, то угрожала неминуемая казнь. Изъ боязни, часть тѣхъ, кто участвовали въ дѣлѣ, не рѣшались узнать его. Велѣли принести на креслахъ въ засѣданіе суда капитана Сикара, который былъ едва живъ. Среди мертвой тишины, Фортэнъ былъ поставленъ въ двухъ шагахъ отъ него, съ приказаніемъ смотрѣть ему прямо въ глаза. Два офицера внимательно слѣдили за ими обоими. Безстрастно и безучастно оба эти человѣка посмотрѣли другъ на друга, ни знакомъ ни жестомъ не показавъ наблюдавшимъ ихъ, что они другъ друга знаютъ. «Это продолжалось одну минуту, которая, разсказываетъ Фортэнъ, показалась мнѣ вѣчностью: я не слышалъ біенія собственнаго сердца, но слышалъ шорохъ въ больныхъ легкихъ Сикара». Сикаръ поднялъ свою изсохшую руку и пробормоталъ: «Нѣтъ, я не знаю его».

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ умеръ.—Въ настоящее время, какъ сообщаютъ изъ Парижа, старая тюрьма Рокеттъ предназначена къ упраздненію, и заодно съ нею грозитъ опасность уничтоженія и стѣнѣ, у которой пали безвинныя жертвы коммуны.

— Австрійскій фельдмаршалъ эрцгерцогъ Альбрехтъ. 21 (9) мая нынѣшняго года исполнилось какъ разъ девяносто лѣтъ со времени битвы при Аспернѣ, въ которой австрійскій эрцгерцогъ Карлъ побѣдоносно отбилъ нападеніе Наполеона. Въ этотъ день, въ присутствіи императора Франца-Іосифа, совершилось открытіе памятника другому знаменитому полководцу, сыну эрцгерцога Карла, Альбрехту. По поводу постановки памятника всѣ австрійскія газеты и журналы помѣстили статьи, посвященныя памяти побѣдителя при Кустоццѣ. Изъ этихъ статей можно отмѣтить очеркъ жизни фельдмаршала, помѣщенный полковникомъ К. фонъ-Дункеромъ въ приложеніи къ вѣнскому «Fremdenblatt»[1]). Эрцгерцогъ Альбрехтъ былъ вторымъ ребенкомъ эрцгерцога Карла отъ брака съ принцессою Генріеттою Нассау-Вейльбургскою. Онъ родился 3-го августа 1817 года. Съ одиннадцати лѣтъ воспитаніе его всецѣло передано было въ руки военныхъ воспитателей; на характеръ эрцгерцога несомнѣнно наложило печать и то, что онъ въ 1829 году лишился матери. Послѣ основательной теоретической подготовки Албрехтъ принялъ въ маѣ 1837 года команду надъ первымъ батальономъ Грацскаго пѣхотнаго полка. Послуживъ затѣмъ нѣкоторое время въ кирасирахъ, онъ совершилъ кратковременный визитъ вѣжливости при русскомъ дворѣ, а затѣмъ продолжалъ свою военную карьеру. Находясь на дѣйствительной службѣ, эрцгерцогъ имѣлъ возможность замѣтить и оцѣнить многочисленныя невыгодныя стороны тогдашняго строя австрійской арміи, особенно ея сильнѣйшій, но совершенно ненужный формализмъ. Чрезвычайно строгая служба въ гарнизонахъ и на сторожевыхъ постахъ, педантичныя маршировки въ лагеряхъ, парады и разсчитанные на эффектность маневры составляли все содержаніе мирной жизни арміи. Эрцгерцогъ признавался, что лишь въ Италіи, подъ руководствомъ Радецкаго, ему удалось понять, что такое истинная военная подготовка. Событія въ Вѣнѣ 13 марта 1848 года вызвали временный перерывъ въ дѣятельности эрцгерцога. Въ народѣ про него распространены были слухи, что онъ одинъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ реакціи, вслѣдствіе чего 14-го марта онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, которая и была принята. Недовольный событіями, онъ удалился въ свои моравскія имѣнія, но оставался тамъ недолго: военныя дѣйствія въ австрійской Италіи заставили его выступить снова на сцену: онъ даже предполагалъ, если бы ему не дали команды, пойти на войну въ качествѣ простого добровольца. Подъ Санта-Лучіею онъ въ первый разъ очутился подъ непріятельскимъ огнемъ. Въ концѣ декабря 1848 года возведенный мартовскими событіями на престолъ императоръ Францъ-Іосифъ назначилъ Альбрехта начальникомъ дивизіи въ Италіи. Ему пришлось особенно отличиться въ битвѣ подъ Наварою, проигранной сардинцами. Послѣ подавленія революціоннаго движенія во всѣхъ Габсбургскихъ земляхъ, на долю эрц-

[1]) Karl v. Dunker, «Feldmarschall Erzherzog Albrecht»(«Fremdenblatt», 21 Mai. 1899).

герцога Альбрехта досталось нѣсколько очень видныхъ назначеній. Осенью 1851 года онъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ третьей арміи и военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ Венгріи. Онъ довольно умѣло руководилъ здѣсь переходомъ отъ осаднаго положенія, въ которое была поставлена Венгрія, къ нормальнымъ условіямъ. Въ 1859 году эрцгерцогъ посланъ былъ въ Пруссію для переговоровъ съ принцемъ-регентомъ Вильгельмомъ по очень щекотливому поводу: Австрія надѣялась добиться помощи Пруссіи противъ Наполеона III, который готовился къ войнѣ и поддерживалъ революціонное движеніе въ Италіи. Эрцгерцогъ, который самъ про себя говорилъ, что онъ «прежде всего — солдатъ», совершенно не справился съ этой дипломатической задачею. Извѣстно, что итальянская война съ Франціею была неудачна для Австріи. Однимъ изъ послѣдствій ея было и броженіе въ Венгріи, гдѣ снова подняли голову всѣ недовольные элементы: эрцгерцогъ не надѣялся на свои силы и въ апрѣлѣ 1860 года вышелъ въ отставку. Однако самое важное событіе въ его жизни еще предстояло. Въ 1866 году, когда Австріи была объявлена война одновременно Пруссіею и Италіею, эрцгерцогъ Альбрехтъ былъ поставленъ во главѣ южной арміи. Побѣда, которую онъ 24 (12) іюля 1866 года одержалъ при Кустоццѣ, имѣла громаднѣйшее значеніе для Австріи. Если бы эрцгерцогъ былъ побѣжденъ, то навѣрное, въ день битвы при Садовой (3 іюля н. ст.) побѣдоносная итальянская армія перешла бы черезъ рѣку Тальяменто и ко времени перемирія весь южный Тироль, Герцъ, Тріестъ и Истрія могли бы быть въ рукахъ Италіи. При такихъ условіяхъ требованія побѣдителей могли бы быть весьма суровыя: Италія, вѣроятно, потребовала бы альпійской границы въ Тиролѣ, всего побережья Истріи, можетъ быть, даже Далмаціи; Австріи пришлось бы уничтожить флотъ и быть навсегда отрѣзанной отъ моря. Послѣ пораженія сѣверной арміи эрцгерцогъ сталъ во главѣ соединенныхъ силъ и въ короткое время собралъ близъ Вѣны двухсотъ-тысячную армію. Послѣ заключенія мира эрцгерцогу поручена была реорганизація всего австрійскаго войска на основѣ всеобщей воинской повинности. Неустанной работѣ объ улучшеніяхъ въ арміи были посвящены послѣднія три десятилѣтія въ жизни эрцгерцога до самой смерти его, послѣдовавшей 18 (6) февраля 1895 года. Слѣдуетъ замѣтить, что эрцгерцогъ былъ дѣятеленъ, и какъ писатель. Ему принадлежатъ четыре довольно важныя для исторіи австрійской арміи сочиненія: «Какъ переорганизовать австрійское войско?». «Мысли о воинскомъ духѣ», «Критическія замѣчанія по поводу похода 1866 года въ Италіи» и «1870-ый годъ и вооруженныя силы Австріи».

— Смерть Зеллера, Сарсэ, Пальерона и Бекка. Въ маѣ мѣсяцѣ въ Парижѣ умерло нѣсколько выдающихся писателей: историкъ Зеллеръ, журналистъ и драматическій критикъ Сарсэ, академикъ и водевилистъ Пальеронъ, наконецъ, первый драматургъ современной Франціи, Генрихъ Беккъ. Бертольдъ Зеллеръ родился въ 1848 году, воспитывался въ лицеѣ Генриха IV и, окончивъ курсъ въ Нормальной школѣ, былъ профессоромъ въ нѣсколькихъ провинціальныхъ лицеяхъ и наконецъ въ парижскомъ лицеѣ Карла V. Въ 1874 году онъ былъ посланъ въ Италію съ археологическимъ порученіемъ и во Флоренціи нашелъ многочисленные, невѣдомые документы относительно исторіи отношеній

между Франціей и Тосканой, въ началѣ XVII столѣтія. Эта находка рѣшила всю его научную дѣятельность: онъ всецѣло посвятилъ себя историческому воспроизведенію эпохи малолѣтства Людовика XIII до окончательнаго водворенія Ришелье во главѣ государства. 25 лѣтъ трудился онъ надъ этой громадной работой и постепенно издавалъ всѣ ея семь томовъ подъ различными заглавіями. Послѣдній, однако, только приготовленъ имъ къ выпуску, и онъ умеръ, не дождавшись появленія на свѣтъ своего послѣдняго дѣтища. Весь этотъ обширный трудъ («Henri IV et Marie de Medicis», «Le conetable de Luynes Montauban et la Valleline», «Richelieu et les ministres de Louis XIII de 1621 à 1624», «Marie de Medicis et Sully», «Marie de Medicis et Vielleroy», «Marie de Medicis chef du conseil», «Louis XIII, Marie de Medicis, Richelieu ministre») представляетъ искусный пересказъ въ научной и художественной формѣ старинныхъ флорентинскихъ хроникъ и дипломатическихъ депешъ, бросающихъ новый свѣтъ на исторію Франціи избранной имъ эпохи. Какъ историкъ, Зеллеръ слѣдовалъ по стопамъ Леопольда Ранке, но къ точному воспроизведенію свидѣтельствъ современниковъ онъ прибавлялъ еще глубокое изученіе тогдашняго искусства, что дозволяло ему придавать своему разсказу всецѣло тонъ, колоритъ и характеръ изображаемаго времени. Конечно, отъ него нельзя требовать глубокихъ общихъ взглядовъ или психологическаго анализа, но какъ воскрешатель старины въ живой, интересной и строго научной формѣ, онъ занимаетъ видное мѣсто среди новыхъ французскихъ историковъ. Занимая профессорскую каѳедру въ факультетѣ словесности въ Парижскомъ университетѣ, онъ издалъ еще рядъ маленькихъ томиковъ подъ общимъ заглавіемъ «Исторія Франціи, разсказанная современниками», и въ которой онъ изложилъ всѣ факты исторіи своей родины отъ галловъ до Генриха IV въ видѣ отрывковъ изъ хроникъ и писемъ современниковъ, связанныхъ краткимъ разсказомъ и иллюстрированныхъ портретами и снимками съ памятниковъ. Эта добросовѣстная попытка популяризовать излюбленныя имъ лѣтописи оказала большую услугу дѣлу образованія во Франціи. Наконецъ, серіозный, трезвый изслѣдователь старины соблазнился мыслью попытать счастье въ беллетристикѣ и помѣстилъ въ фельетонахъ газеты «Liberté» историческій романъ «Клавдія», но- несмотря на художественныя его сцены, драматическій интересъ и вѣрное изображеніе старинныхъ нравовъ, онъ показался историкамъ слишкомъ историческимъ, а публикѣ слишкомъ скучнымъ. Этотъ неуспѣхъ и неполученіе первой академической преміи за свой громадный историческій трудъ о Людовикѣ XIII, которой онъ вполнѣ заслуживалъ, разстроили здоровье скромнаго труженика, и онъ скончался на 52-мъ году жизни, прочитавъ послѣдній листъ корректуры «Людовика XIII, Маріи Медичи и Ришелье министръ».

Смерть Франциска Сарсэ, прозваннаго королемъ парижскихъ театральныхъ критиковъ, произвела много шума въ Парижѣ. Его торжественно похоронили, на могилѣ произнесли цвѣтистыя хвалебныя диѳирамбы и въ газетахъ напечатали безконечныя статьи объ его добродушіи, роскоши, богатствѣ, великолѣпныхъ обѣдахъ, ежедневныхъ посѣщеніяхъ театровъ, наконецъ, о безконечномъ его сотрудничествѣ въ парижскихъ и провинціальныхъ газетахъ и журналахъ, что приносило ему до 1.000 и 1.500 франковъ въ день, но объ его

литературномъ талантѣ, объ его значеніи, какъ критика и публициста, никто не коснулся. Впрочемъ и коснуться объ этомъ было нельзя. Сорокъ лѣтъ Сарсэ писалъ ежедневно обо всемъ, наполнялъ столбцы газетъ и страницы журналовъ всевозможными статьями, фельетонами, критиками и рецензіями, даже сочинялъ романы и пьесы, но все это была такая ординарная литературная стряпня, отъ которой ничто не осталось, даже при его жизни, а въ исторіи литературы его имя сохранится, какъ заурядnаго журналиста, высказывавшаго самыя узкія, буржуазные взгляды, и театральнаго критика, не понимавшаго Шекспира, Гёте, даже Мюссе, любившаго только мелодрамы и фарсы, гнавшаго всѣ молодые таланты и преслѣдовавшаго всѣ попытки новаго, честнаго, смѣлаго слова въ драматическомъ искусствѣ, которое онъ однако любилъ. Какимъ образомъ такой пустой, поверхностный и узко-буржуазный критикъ сумѣлъ пріобрѣсть столь громадный авторитетъ, что въ продолженіе трехъ десятилѣтій его понедѣльничные фельетоны въ «Temps» вѣнчали лаврами или повергали въ бездну отчаянія авторовъ и актеровъ,— представляется одной изъ загадокъ современной Франціи. По крайней мѣрѣ, его безконечныя газетныя статейки, въ родѣ «Fagots» (Полѣнья) въ «Temps» и «Grains de Sel» въ «Figaro» не имѣли никакого вліянія и пропадали безслѣдно, но театральныя сужденія Сарсэ имѣли самый роковой результатъ, такъ какъ всѣ ихъ читали, всѣ признавали ихъ компетентность, а они возставали противъ всего высокаго, благороднаго, смѣлаго, художественнаго, новаго. Болѣе литературнаго гасильника, въ полномъ смыслѣ этого слова, трудно себѣ вообразить, и на совѣсти Сарсэ много безвременно погибшихъ литературныхъ и драматическихъ силъ, много несправедливо возвеличенныхъ пустоцвѣтовъ. Что касается до жизни Сарсэ, то о ней нечего много сказать. Онъ родился въ 1848 году, воспитывался въ лицеѣ Карла Великаго, прошелъ курсъ нормальной школы, гдѣ его товарищами были Абу и Тэнъ, служилъ немного лѣтъ учителемъ въ провинціальныхъ лицеяхъ, а затѣмъ съ 1858 года жилъ постоянно въ Парижѣ, ходилъ въ театръ иногда два раза въ день и писалъ, писалъ, писалъ. Къ чести его можно сказать одно: онъ гордо охранялъ свою независимость журналиста и никогда не хотѣлъ ни быть академикомъ, ни носить въ петлицѣ красную ленточку Почетнаго Легіона.

По злой ироніи судьбы умерла почти въ одно время съ Сарсэ одна изъ его роковыхъ жертвъ, величайшій современный французскій драматургъ Генри Беккъ, и одинъ изъ несправедливо возвеличенныхъ имъ водевильныхъ пустоцвѣтовъ, академикъ Пальеронъ. Эти два человѣка представляли во всемъ поразительный контрастъ. Эдуардъ Пальеронъ былъ всю свою жизнь удачникомъ и умеръ академикомъ, въ роскоши, богатствѣ, славѣ, а Генри Беккъ представляетъ типъ полнаго неудачника и скончался въ нищетѣ, но зато первый былъ заурядnымъ водевилистомъ, написавшимъ только одну забавную пьесу, а послѣдній составляетъ самое крупное имя въ исторіи французскаго театра XIX вѣка, а двѣ изъ его пьесъ останутся всегда украшеніемъ театральнаго репертуара. Родившись въ 1834 году, сынъ богатаго купца, Пальеронъ занимаясь въ конторѣ нотаріуса, началъ писать стихи, затѣмъ женился на дочери редактора «Revue de Deux Mondes», Бюлоза, завелъ литературный салонъ и

сталъ писать водевили, большіе и малые, изъ которыхъ, собственно говоря, только «Le Monde où l'on s'ennuie» имѣлъ большой успѣхъ на театрѣ французской комедіи и отворилъ ему двери французской академіи. Все въ жизни ему улыбалось, и Сарсэ ему расточалъ похвалы, даже удостоилъ его поставить рядомъ съ своимъ идоломъ Сарду, этимъ мастеромъ современной сценической стряпни. Зато не было тѣхъ гадостей, которыхъ не дѣлалъ Сарсэ бѣдному Бекку, хотя и признавалъ, что его пьеса «Parisienne» одна изъ наилучшихъ четырехъ-пяти драматическихъ произведеній французскаго театра XIX в. Шестьдесятъ два года жилъ этотъ талантливѣйшій драматургъ и видѣлъ на каждомъ шагу только бѣдность, нищету, неудачи, горе. Онъ перепробовалъ всѣ ремесла: былъ чиновникомъ, секретаремъ какого-то русскаго князя, контролеромъ на желѣзной дорогѣ, биржевымъ агентомъ и учителемъ, но всегда и вездѣ ему не везло, а на той почвѣ, гдѣ онъ дѣйствительно былъ первымъ, именно на театрѣ, ему мѣшали одержать успѣхъ матеріальный, потому что нравственнымъ онъ пользовался всецѣло, такіе тупоголовые, чтобъ не сказать хуже, критики, какъ Сарсэ, который былъ непримиримымъ его врагомъ. Не гоняясь за эффектомъ и мишурной славой, Беккъ стремился въ своихъ пьесахъ только быть самому довольнымъ собой; онъ не старался подновлять, по его словамъ, «старыя отрепья драматическаго искусства», не «питалъ расположенія къ убійцамъ, истеричнымъ субъектамъ, алкоголикамъ и т. д.», а «любилъ изображать невинныхъ, обойденныхъ, униженныхъ, тѣхъ, которые отбиваются отъ всякихъ насилій и тираній». Въ «Мишелѣ Поперѣ» онъ вывелъ геніальнаго изобрѣтателя, дѣлающагося жертвой корыстныхъ плутократовъ; «Вороны» представляютъ картину эксплуатаціи дѣльцами несчастной вдовы съ тремя дочерьми, а «Парижанка» рисуетъ геніальными чертами всю низость, весь обманъ, все лицемѣріе парижскаго общества, гдѣ «жизнь втроемъ узаконенное учрежденіе». Всѣ эти пьесы и въ особенности послѣдняя написаны прекраснымъ классически-реальнымъ языкомъ, если можно такъ выразиться, высказываютъ горькую правду о современномъ растлѣніи нравовъ и служатъ примѣромъ того, чѣмъ должна быть комедія нравовъ нашего времени. Благодаря высказываемой ими смѣлой правдѣ и новой, реальной формѣ его пьесъ, онѣ удостоились вражды Сарсэ и не имѣли успѣха, а ихъ авторъ умеръ въ нищетѣ, оставивъ недоконченной свою послѣднюю пьесу «Полишинели», надъ которой онъ работалъ десять лѣтъ и въ которой онъ хотѣлъ представить блестящую сатиру хищниковъ новѣйшей фракціи, героевъ Панамы. Всѣ литературныя произведенія этого славнаго неудачника заключаются въ двухъ томахъ пьесъ и одного томика «Воспоминаній драматурга», въ которыхъ этотъ «новаторъ драматическаго искусства» злобно, ядовито, но справедливо клеймитъ Сарсэ, Клареси, французскую академію и т. д., а рядомъ энергично ломаетъ копья за молодыя, непризнанныя силы.

СМѢСЬ.

Ъ ЮБИЛЕЮ ПУШКИНА. І. Александрія, Херсонской губерніи. Управа предполагаетъ сдѣлать распоряженіе, чтобы во всѣхъ земскихъ школахъ уѣзда въ присутствіи учащихся 26-го мая отслужены были панихиды по усопшемъ поэтѣ; учителя же должны ознакомить собравшихся въ этотъ день учащихся съ біографіею поэта и его произведеніями. Въ болѣе многолюдныхъ школахъ предполагается произвести народныя чтенія съ туманными картинами; такія чтенія будутъ устроены въ 23-хъ школахъ. Кромѣ того, управа предполагаетъ раздать всѣмъ ученикамъ брошюры, содержащія избранныя стихотворенія, а прочимъ присутствующимъ сказки Пушкина. На пріобрѣтеніе 7.500 брошюръ и 200 картинъ управа испрашиваетъ кредитъ въ размѣрѣ 500 рублей. Попечительство о народной трезвости также устраиваетъ въ своихъ чайныхъ и столовыхъ чтенія съ тѣневыми картинами, а въ г. Александріи и на ст. Долинской безплатные народные спектакли. **II. Арзамасъ.** Думою постановлено 26-го мая совершить въ соборѣ заупокойную обѣдню и панихиду въ присутствіи всѣхъ учащихся города. Для каждой приходской школы будетъ пріобрѣтенъ портретъ поэта. Ученикамъ и ученицамъ, окончившимъ курсъ въ нынѣшнемъ году въ городскихъ школахъ, свидѣтельства объ окончаніи курса будутъ выданы съ портретомъ Пушкина. Всѣмъ учащимся будутъ розданы біографіи поэта и школьныя изданія произведеній Пушкина. Во всѣхъ училищахъ устроены будутъ чтенія для учащихся о Пушкинѣ; для выдачи сочиненій Пушкина ученицамъ женской прогимназіи и городскаго 4-хъ

класснаго училища Думой ассигновано 100 руб. Съ Пасхи начнутся пушкинскія празднества въ земскихъ школахъ уѣзда, для которыхъ губернскимъ земствомъ высланы картины для волшебнаго фонаря къ чтеніямъ о Пушкинѣ. Окончившіе курсъ въ земскихъ школахъ получатъ по сборнику произведеній поэта. **III. Асхабадъ.** Въ «Пушкинскіе дни» въ частяхъ мѣстнаго гарнизона будетъ отмѣченъ юбилей Пушкина чтеніемъ для солдатъ біографіи и нѣкоторыхъ произведеній поэта; кромѣ того, солдатамъ будутъ розданы сочиненія Пушкина въ дешевомъ народномъ изданіи. **IV. Село Баланда.** Мѣстное общество намѣревается присоединиться къ общимъ празднествамъ 1) устройствомъ подписки въ пользу праздника; 2) ходатайствомъ предъ баландинскимъ обществомъ объ ассигнованіи на этотъ предметъ извѣстной суммы. Назначеніе собранныхъ денегъ таково: 1) устроить народныя чтенія при школахъ (3-хъ) съ волшебнымъ фонаремъ; 2) организовать помощь хозяевамъ-крестьянамъ, лишившимся, вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, возможности хозяйствовать (падежъ лошади, пожаръ). **V. Бахмутъ.** Городская дума по предложенію городского головы ассигновала на чествованіе памяти А. С. Пушкина 300 рублей. Для выработки программы празднества 26-го мая думой избрана комиссія. Бахмутское общественное собраніе, согласно предложенію предсѣдателя собранія В. П. Першина, предоставило на время празднованія столѣтней годовщины Пушкина въ распоряженіе городского головы садъ, театръ и музыку и, кромѣ того, ассигновало 100 рублей на угощеніе учащихся низшихъ учебныхъ заведеній. **VI. Бердичевъ.** Въ ознаменованіе столѣтняго юбилея рожденія Пушкина предположено учредить въ Бердичевѣ коммерческое училище имени поэта, причемъ городъ обязывается построить на свои средства соотвѣтствующее зданіе подъ помѣщеніе означеннаго училища. Это постановленіе встрѣчено съ живѣйшимъ сочувствіемъ со стороны мѣстнаго населенія и многіе изъ представителей купечества изъявляютъ готовность пожертвовать для этой цѣли болѣе или менѣе значительныя суммы. Независимо отъ сего дума постановила ассигновать 300 рублей на пріобрѣтеніе сочиненій чествуемаго поэта для раздачи учащимся въ городскихъ и приходскихъ училищахъ. **VII. Варшава.** Согласно выработанной программѣ торжества, съ 25-го по 31-е мая, въ варшавскомъ Большомъ театрѣ будутъ даны Пушкинскіе драматическіе спектакли. Для этой цѣли будетъ приглашена сюда, по всей вѣроятности, часть труппы московскаго Малаго театра. Для народа будетъ устроено 30-го мая пушкинское гулянье въ Александровскомъ паркѣ. **VIII. Двинскъ.** Думѣ было доложено заявленіе гласнаго Князева объ участіи города въ празднованіи 100-лѣтней годовщины со дня рожденія Пушкина. Гл. Князевъ въ заявленіи своемъ высказалъ, что городское управленіе могло бы ознаменовать этотъ день основаніемъ, въ память геніальнаго поэта, такого учрежденія, которое, имѣя общеполезный и просвѣтительный характеръ, было бы долговѣчно и не зависѣло отъ временныхъ и измѣнчивыхъ обстоятельствъ, а также было бы общедоступно для каждаго жителя города, безъ различія вѣры, національности и проч., и что наилучшимъ увѣковѣченіемъ имени и заслугъ знаменитаго человѣка было бы учрежденіе библіотеки, музея или учебнаго заведенія. Дума, выслушавъ, кромѣ того, и словесное заявленіе гл. Князева и соображаясь съ наличными сред-

ствами городской казны, постановила: открыть въ самой отдаленной части города, подъ названіемъ Старый Форштатъ, начальное имени А. С. Пушкина училище. **IX. Иркутскъ.** Мѣстною Пушкинскою комиссіею рѣшено основать самостоятельное училище и наименовать его училищемъ А. С. Пушкина. Закладку зданія произвести 26-го мая. Здѣсь же у школы насадить скверъ и назвать его Пушкинскимъ, для чего 9-го мая устроить праздникъ древонасажденія, въ которомъ должны принять участіе всѣ городскія школы. Ходатайствовать объ окончаніи занятій въ городскихъ школахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ не позже 24-го мая. При этомъ просить гг. учителей передъ роспускомъ ознакомить учениковъ съ жизнью и произведеніями поэта. 27-го мая устроить въ городскомъ театрѣ актъ для городскихъ школъ, на которомъ будетъ прочтенъ доступный для дѣтскаго возраста очеркъ жизни поэта и укажется значеніе его произведеній; чтеніе должно сопровождаться туманными картинами. Далѣе ученики декламируютъ стихотворенія поэта и исполняютъ нѣсколько вокальныхъ и музыкальныхъ нумеровъ. Актъ заканчивается пѣніемъ славы А. С. Пушкину, причемъ на бюстъ поэта возлагается вѣнокъ. Въ награду лучшимъ ученикамъ выдаются исключительно сочиненія поэта. Кромѣ того, всѣмъ ученикамъ раздаются біографія и избранныя сочиненія поэта. 26 мая—торжественная панихида въ соборѣ, затѣмъ закладка школы имени Пушкина, а вечеромъ музыкально-вокальный вечеръ. 27-го мая—чтенія, посвященныя памяти поэта, во всѣхъ аудиторіяхъ. На всѣ расходы комиссія проектируетъ не менѣе тысячи рублей. **X. Казань.** Засѣданіе 1-го апрѣля казанской городской думы было цѣликомъ посвящено обсужденію программы чествованія памяти Пушкина. Какъ сообщаетъ «Казанскій Телеграфъ», былъ поднятъ (гл. Образцовымъ) вопросъ и о томъ, чтобы какъ учащаяся мусульманская молодежь, такъ и все мусульманское общество было привлечено къ празднованію юбилея Пушкина. Для этого, по мнѣнію г. Образцова, слѣдуетъ поручить кому нибудь изъ образованныхъ мусульманскихъ учителей сдѣлать нѣсколько переводовъ въ стихотворной формѣ на татарскій языкъ и познакомить татаръ съ біографіей поэта. А. В. Васильевъ, присоединяясь къ мнѣнію г. Образцова, замѣтилъ, что вопросъ о переводѣ на татарскій языкъ сочиненій Пушкина въ послѣднюю очередную сессію Казанскаго уѣзднаго собранія былъ поднятъ проф. Д. А. Корсаковымъ и теперь сочиненія Пушкина уже переводятся. А. М. Галѣевъ находилъ, что мусульманское общество крайне нуждается въ хорошихъ переводахъ съ русскаго языка, а потому переводъ сочиненій Пушкина всѣмъ мусульманскимъ обществомъ будетъ горячо привѣтствованъ. Казанская дума постановила назначить конкурсъ на переводъ произведеній Пушкина на татарскій языкъ, при чемъ за лучшій переводъ выдать 500 рублей. Сумму эту въ продолженіе трехъ лѣтъ равными частями вносить въ городскую смѣту. Далѣе дума уполномочила управу поставить въ Державинскомъ скверѣ на колоннѣ временно бюстъ Пушкина, а затѣмъ, по постройкѣ зданій народной аудиторіи, поставить въ ней бюстъ въ нишѣ на видномъ мѣстѣ. Вопросъ объ этой постройкѣ вызвалъ продолжительныя и весьма оживленныя пренія, послѣ которыхъ дума постановила продолжать начатую постройку аудиторіи, назвавъ ее «Домомъ Пушкина», при чемъ на производство работъ ежегодно асигновы-

вать изъ доходовъ съ Дрябловскаго дома по 4 тысячи рублей. Въ заключеніе дума постановила: почтить память А. С. Пушкина открытіемъ на два мѣсяца (іюнь и іюль) безплатной столовой на 200 человѣкъ нуждающихся въ продовольствіи. На расходы по ознаменованію столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина (плата за панихиду, напечатаніе похвальныхъ листовъ, пріобрѣтеніе сборниковъ произведеній Пушкина, устройство туманныхъ картинъ, напечатаніе рѣчи г. Архангельскаго, постановка бюста Пушкина, расходы по закладкѣ зданія народной аудиторіи, устройство и содержаніе столовой и пр.) дума ассигновала 1.200 рублей. **XI. Кіевъ.** 1) Кромѣ прочтенія однимъ изъ профессоровъ университета св. Владиміра въ день предстоящаго 100-лѣтняго юбилея А. С. Пушкина публичной рѣчи, посвященной памяти поэта, въ актовомъ залѣ, университетъ св. Владиміра имѣетъ также въ виду выбить юбилейныя медали въ честь Пушкина, для чего совѣтъ университета въ настоящее время и входитъ съ ходатайствомъ въ министерство народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи ему чеканки означенныхъ медалей. 2) Вслѣдствіе наступленія праздника Вознесенія Господня, чествованіе Пушкина въ Кіевской академіи будетъ происходить только втеченіе дня, то-есть часовъ, предшествующихъ вечернему богослуженію. Программа празднованія въ настоящее время еще не выработана окончательно, но, какъ сообщаетъ «Жизнь и Искусство», профессоромъ Н. И. Петровымъ уже подготовляется лекція о Пушкинской поэзіи, которая предполагается къ прочтенію 26 мая. **XII. Курскъ.** Программа чествованія столѣтней годовщины дня рожденія Пушкина выработана думскою комиссіею совмѣстно съ правленіемъ общества распространенія грамотности въ Курской губерніи. Постановлено открыть безплатную читальню для народа и наименовать ее Пушкинской, основать городское училище и назвать его Пушкинскимъ; въ саду, который предназначенъ для дѣтей и содержится на городской счетъ, поставить бюстъ Пушкина и садъ назвать Пушкинскимъ; 23-го и 25-го мая обществомъ распространенія грамотности утромъ будетъ устроено чтеніе для народа изъ произведеній Пушкина, 26-го мая отслужатъ панихиду и устроятъ торжественный актъ въ дворянскомъ собраніи для учащихся въ городскихъ училищахъ, а въ городскомъ театрѣ вечеромъ будетъ прочитана краткая біографія Пушкина и нѣкоторыя изъ его произведеній. 27-го мая утромъ дѣтское гулянье въ скверѣ, а вечеромъ — безплатный спектакль; 26-го мая также будетъ торжественное засѣданіе всѣхъ обществъ въ Курскѣ. Что же касается мысли Курскаго общества распространенія въ народѣ грамотности о своевременномъ созывѣ съѣзда представителей русскихъ просвѣтительныхъ обществъ, работающихъ въ области внѣшкольнаго просвѣщенія народа для чествованія памяти Пушкина, то курское общество предложило этимъ русскимъ обществамъ обсудить слѣдующіе вопросы: 1) желательно ли теперь возбудить передъ высшимъ правительствомъ ходатайство о разрѣшеніи періодическихъ «съѣздовъ дѣятелей по внѣшкольному образованію» въ память А. С. Пушкина? 2) Если желательно, то что предпочтительнѣе и осуществимѣе—общерусскіе съѣзды или мѣстные (областные)? 3) Гдѣ и кому должна принадлежать ближайшая организаціонная роль по разработкѣ вопроса и по устройству съѣздовъ? По послѣднему пункту курское общество со своей стороны полагаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ просить взять на себя такую

роль Петербургское попечительство о народной трезвости. **XIII. Люблинъ.** Рѣшено устроить торжественный спектакль въ городскомъ театрѣ изъ произведеній поэта, на который сперва допустить ученпковъ и учениць имѣющихся въ городѣ гимназій и училищъ, а затѣмъ повторить для публики. Драматическая часть спектакля будетъ состоять изъ чтенія сценъ изъ «Евгенія Онѣгина» и изъ постановки сценъ изъ «Бориса Годунова» и «Скупого рыцаря». Въ музыкальную часть войдутъ отрывки изъ «Руслана» и «Евгенія Онѣгина». Кромѣ того, 26-го мая будетъ отслужена торжественная панихида въ соборѣ и затѣмъ въ гимназіяхъ будутъ устроены акты съ чтеніемъ произведеній Пушкина, съ декламаціями и туманными картинами, съ раздачей портретовъ и сочиненій поэта. Въ начальныхъ школахъ будутъ раздаваться отдѣльныя произведенія и сборники сочиненій А. С. Пушкина. Вечеромъ будетъ устроено гулянье въ лагерѣ Рязанскаго 69-го пѣхотнаго полка для войскъ и простого народа, при чемъ будутъ пѣть 16 хоровъ и играть нѣсколько оркестровъ. **XVI. Москва.** 1) Въ концѣ апрѣля состоялось соглашеніе относительно времени и порядка пушкинскихъ торжествъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ былъ выработанъ предположительный планъ празднованія, который представляется приблизительно въ слѣдующемъ видѣ. Празднества, какъ извѣстно, займутъ три дня—26-го, 27-го и 28-го мая. Въ виду праздника отданія Пасхи, которое приходится на 26-е мая, панихида по Пушкинѣ будетъ совершена не въ храмѣ Христа Спасителя, какъ это предполагалось ранѣе, а въ манежѣ. Сюда въ $8^1/_2$ часовъ утра соберутся участники торжествъ, а также и учащаяся молодежь, и послѣ панихиды процессія съ вѣнками двинется къ памятнику Пушкина на Тверскомъ бульварѣ. Шествіе закончится въ $10^1/_2$ часовъ; затѣмъ послѣдуетъ возложеніе вѣнковъ на памятникъ, рѣчь С. Г. Смирнова, исполненіе канаты соч. Ипполитова-Иванова и въ заключеніе — народнаго гимна; все это кончается къ $11^1/_2$ часамъ. Тѣмъ временемъ въ церкви Богоявленія, въ Елоховѣ, будетъ совершаться обѣдня и кончится въ 12 часовъ панихидой при митрополичьемъ служеніи. Затѣмъ отсюда процессія двинется на Нѣмецкую улицу, къ дому, гдѣ родился Пушкинъ; здѣсь состоится закладка «Пушкинскаго дома». Послѣ перерыва, въ 3 часа, въ университетѣ состоится торжественное соединенное засѣданіе университета и общества любителей россійской словесности, на которомъ послѣ привѣтствія, сказаннаго ректоромъ, будутъ произнесены рѣчи профессоровъ Н. И. Стороженко и А. И. Кирпичниковымъ. Вечеромъ же въ этотъ день состоится подписной обѣдъ. Слѣдующіе за этимъ дни—27-го и 28-го мая—по программѣ торжествъ будутъ одинаковы: по утрамъ засѣданія въ залѣ благороднаго собранія, чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ, пріемъ депутацій изъ провинцій отъ университетовъ и обществъ; по вечерамъ—художественные вечера въ дворянскомъ же собраніи. Кромѣ того, въ Историческомъ и Румянцевскомъ музеяхъ будутъ открыты Пушкинскія выставки. Выставки останутся нѣкоторое время и послѣ торжествъ. 2) Въ тринадцатомъ засѣданіи Пушкинской комиссіи принимали участіе сынъ поэта, генералъ-лейтенантъ А. А. Пушкинъ, и внукъ поэта, бронницкій уѣздный предводитель дворянства А. А. Пушкинъ. Было сообщено о нѣсколькихъ новыхъ предметахъ, доставленныхъ или обѣщанныхъ на выставку. Сынъ поэта

А. А. Пушкинъ сообщитъ, кромѣ другихъ предметовъ, о которыхъ было извѣстно раньше, сохраненный имъ на память кусокъ послѣдней Пушкинской сосны въ Михайловскомъ, сломленной грозою въ 1895 г. Въ Императорскомъ Историческомъ музеѣ Пушкинская выставка займетъ шесть залъ второго этажа налѣво отъ входа, въ которыхъ помѣщалась выставка Археологическаго съѣзда. Главное мѣсто отводится портретамъ. Между прочимъ, на выставку доставлены подлинные портреты А. С. Пушкина, рисованные съ него самого художниками Мазеромъ (портретъ доставленъ М. Н. Кузнецовымъ), Тропининымъ (изъ собранія кн. Хилковой) и портретъ работы художника Кипренскаго, доставленный сыномъ поэта А. А. Пушкинымъ. С. Н. Батюшкова доставила акварельный портретъ Пушкина работы художника Соколова, а г-жа Беклемишева небольшой портретъ работы Брюлова. Далѣе на выставкѣ будутъ выставлены нѣсколько портретовъ ближайшихъ родственниковъ поэта, а также близкихъ ему лицъ: портретъ К. Н. Батюшкова работы художника Кипренскаго 1815 г. и друга Пушкина Н. И. Кривцова. Оба эти портрета доставлены С. Н. Батюшковой, урожденной Кривцовой. Далѣе на выставкѣ будутъ собраны портреты всѣхъ литературныхъ дѣятелей, современныхъ поэту, представителей тогдашней администраціи (Бенкендорфъ), цензуры (Тимковскій, Цвѣтаевъ и др.). Портреты эти частію исполнены масляными красками, частью акварелью. Кромѣ того, будетъ выставлена богатая коллекція гравированныхъ портретовъ, доставленная г. Ефремовымъ. Особенно рѣдки изъ доставленныхъ портретовъ три портрета графа Ѳ. П. Толстого (Американца), превосходной работы неизвѣстнаго художника. Т. А. Бакунина доставила портреты А. П. Бакунина, лицейскаго товарища Пушкина, въ лицейскомъ мундирѣ. Портретъ этотъ работы Кипренскаго, исполненный цвѣтными карандашами, представляетъ собою художественную рѣдкость; вмѣстѣ съ тѣмъ Т. А. Бакунина доставила портретъ Е. П. Бакуниной, предмета первой юношеской страсти Пушкина, посвятившаго ей нѣсколько первыхъ своихъ стихотвореній. С. П. Каткова доставила портретъ своего отца, редактора-издателя «Дамскаго журнала», князя П. П. Шаликова. Портретъ рисованъ карандашемъ. Въ числѣ другихъ на выставкѣ будутъ находиться миніатюрные акварельные портреты тонкой художественной работы П. И. и М. А. Дмитріевыхъ; подлинные портреты Н. М. и А. І. Смирновыхъ и К. І. и А. І. Росетъ, близкихъ пріятелей Пушкина, обѣщанныя ихъ сестрой Н. Н. Сорэнъ, урожденной Росетъ. 29 апрѣля получено извѣстіе, что графиня Воронцова-Дашкова доставитъ на выставку портретъ Е. К. Воронцовой, подарившей Пушкину извѣстный перстень съ символическимъ изображеніемъ, которымъ, какъ извѣстно, такъ дорожилъ поэтъ. 3) Въ виду невозможности подыскать на Нѣмецкой улицѣ свободный участокъ земли для предполагаемой постройки городской Пушкинской народной аудиторіи въ ознаменованіе исполняющагося столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина, городская управа предполагаетъ открыть аудиторію временно въ наемномъ помѣщеніи. 4) Еще въ прошломъ году комитетъ общества любителей художествъ рѣшилъ принять участіе во всеобщемъ чествованіи памяти А. С. Пушкина по случаю предстоящаго столѣтія со дня его рожденія и отмѣтить это событіе чѣмъ либо такимъ, что наиболѣе соотвѣтствуетъ характеру и задачамъ самого

общества. Въ виду этого рѣшено было избрать наилучшій портретъ-оригиналъ А. С. Пушкина и издать его къ юбилею наиболѣе художественнымъ способомъ. Въ настоящее время въ коллекціи княгини А. М. Хилковой находится чудный портретъ Пушкина, писанный съ натуры художникомъ Тропининымъ, бывшимъ крѣпостнымъ кн. Хилковыхъ. Этотъ-то оригинальный портретъ и рѣшено было избрать для изданія. Кн. А. М. Хилкова, членъ общества любителей художествъ, сочувственно отнеслась къ просьбѣ общества и разрѣшила издать этотъ портретъ. Комитетъ постановилъ издать его геліогравюрой, въ 1.200 экземпляровъ, при чемъ исполненіе его поручено лучшей въ настоящее время заграничной мастерской при берлинскомъ фотографическомъ обществѣ. 5) Общество любителей россійской словесности, состоящее при Московскомъ университетѣ, въ засѣданіи 6-го апрѣля постановило учредить въ память столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина особое Пушкинское отдѣленіе, въ которое ежегодно будутъ избираться не менѣе пяти членовъ изъ числа дѣйствительныхъ. Пушкинское отдѣленіе должно слѣдить въ теченіе года за всѣмъ тѣмъ, что появилось новаго въ литературѣ о Пушкинѣ, а равно дѣлать свои изслѣдованія въ той же области. Доклады Пушкинскаго отдѣленія будутъ читаться въ особомъ торжественномъ засѣданіи ежегодно 29 января. **XV. Новочеркасскъ.** 26-го мая, на Соборной площади въ Новочеркасскѣ, въ присутствіи воспитанниковъ и воспитанницъ всѣхъ учебныхъ заведеній, будетъ отслужена архіереемъ панихида съ провозглашеніемъ вѣчной памяти боляринъ Александру. Затѣмъ въ залѣ дворянскаго собранія состоится торжественное публичное засѣданіе членовъ общества содѣйствія народному образованію, гдѣ память великаго поэта будетъ чествоваться соотвѣтствующими рѣчами. Въ каждомъ изъ среднеучебныхъ заведеній города будетъ устроено литературно-вокально-музыкальное утро. Во всѣхъ же низшихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ пріуроченъ къ 26-му мая актъ, который и состоится, общій для всѣхъ, въ обширной залѣ общества взаимнаго кредита; на актѣ всѣмъ воспитанникамъ будутъ розданы дешевыя изданія сочиненій Пушкина. 26, 27 и 28-го мая комиссія народныхъ чтеній устраиваетъ шесть безплатныхъ чтеній, составленныхъ исключительно изъ произведеній Пушкина; четыре изъ нихъ будутъ предназначены для воспитанниковъ и воспитанницъ низшихъ учебныхъ заведеній города, а два для народа. Всѣ посѣтители этихъ чтеній получатъ по одному экземпляру сочиненій Пушкина изданія Харьковскаго общества распространенія грамоты. 27 и 28-го мая въ городскомъ театрѣ состоятся художественные вечера: живыя картины, иллюстрирующія чтеніе произведеній Пушкина; представленіе нѣкоторыхъ отрывковъ изъ драматическихъ произведеній Пушкина; исполненіе музыкальныхъ и вокальныхъ нумеровъ, написанныхъ на слова Пушкина. **XVI. Одесса.** 1) Въ Одессѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, назначена слѣдующая программа чествованія юбилея Пушкина. Празднованіе будетъ продолжаться три дня — 26, 27 и 28-го мая. Окончательно выработана программа перваго дня празднованія. Вмѣсто предполагавшихся нѣсколькихъ панихидъ въ различныхъ мѣстахъ, комиссія рѣшила отслужить одну панихиду у памятника А. С. Пушкина на Николаевскомъ бульварѣ, при чемъ передъ памятникомъ продефилируютъ 6.000 учащихся въ одесскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ случаѣ,

если погода не позволитъ устроить панихиду на открытомъ воздухѣ, комиссія постановила отслужить таковую въ залѣ городской думы. По окончаніи панихиды торжество начнется въ городскомъ театрѣ. Усиленнымъ городскимъ оркестромъ и хоромъ будетъ исполнена малая кантата. Затѣмъ нѣкоторыми профессорами университета будутъ произнесены рѣчи, посвященныя памяти Пушкина. Вслѣдъ за этимъ депутаціи отъ различныхъ учрежденій и обществъ будутъ читать адресы и, наконецъ, торжество закончится исполненіемъ большой кантаты, при чемъ одесская комиссія предлагаетъ остановиться на исполненіи кантаты Глазунова, какъ выбранной императорской академіей наукъ. Для организаціи музыкальной части празднованія избрана была комиссія изъ гг. Климова, проф. Деревицкаго, Соколова, Донашевскаго и д-ра Цѣновскаго, которая займется разработкой этой части программы вмѣстѣ съ городскою театральною комиссіей и представителями отъ города. 2) Одесское литературно-художественное общество устраиваетъ въ маѣ пушкинскую выставку. Будетъ выставлена очень цѣнная коллекція портретовъ А. С. Пушкина, его друзей и современниковъ, купленная еще въ шестидесятыхъ годахъ въ Москвѣ по случаю у букиниста. Въ этой коллекціи есть очень рѣдкіе экземпляры, между прочимъ, неизданный портретъ Гоголя, принадлежавшій В. Жуковскому; Гоголь изображенъ въ креслѣ. Портретъ снабженъ собственноручною надписью Гоголя. На выставкѣ будутъ собраны рукописи поэта, всѣ изданія его сочиненій, его «Современникъ» и всѣ журналы его времени, въ которыхъ онъ помѣщалъ свои произведенія, затѣмъ—дѣла «О коллежскомъ секретарѣ Пушкинѣ», найденныя въ Одессѣ въ архивахъ управленія государственныхъ имуществъ и новороссійскаго генералъ-губернаторства. Для воспитанниковъ учебныхъ заведеній входъ будетъ безплатный; въ праздничные дни профессорами Новороссійскаго университета и мѣстными литераторами будутъ даваться объясненія и устраиваться на выставкѣ популярныя чтенія. 3) Въ пушкинскіе дни произойдетъ закладка зданія убѣжища инвалидовъ печатнаго дѣла. Зданіе будетъ состоять изъ двухъ этажей; въ нижнемъ будутъ помѣщаться народная аудиторія на 500 человѣкъ, двухклассная школа и двѣ лавки для найма; въ верхнемъ этажѣ — квартиры для 25-ти призрѣваемыхъ, столовая, читальня, библіотека, общая зала, квартира для завѣдывающаго убѣжищемъ. Завѣдываніе постройкою Пушкинскаго убѣжища, а также сборомъ пожертвованій, приняло на себя одесское общество пособія нуждающимся литераторамъ. 4) Въ архивѣ управленія государственными имуществами Херсонской и Бессарабской губерній найдены интересные документы, касающіеся А. С. Пушкина. Одно дѣло 1823 года, за № 12-мъ, «о выдачѣ коллежскому секретарю Пушкину жалованья», заключаетъ въ себѣ три препроводительныхъ бумаги о деньгахъ, пересылавшихся въ Кишиневъ Пушкину, состоявшему тогда при генералѣ И. Н. Инзовѣ. Второе дѣло 1820 г., за № 63-мъ, «о взысканіи съ коллежскаго секретаря Пушкина должныхъ по заемному письму, данному имъ барону Шиллингу, 2.000 рублей денегъ». Оказывается, что этотъ долгъ образовался еще въ бытность Пушкина въ Петербургѣ. Въ 1820 году Пушкинъ вынужденъ былъ оставить столицу и уѣхать на югъ. Вслѣдъ за нимъ послѣдовала денежная претензія барона Шиллинга. Но въ Екатеринославѣ она Пушкина не застала. Онъ уѣхалъ оттуда на Кав-

казъ вмѣстѣ съ семьею генерала Раевскаго, потомъ въ Крымъ и, наконецъ, въ Кишиневъ. Впрочемъ, тамъ онъ пробылъ недолго и уѣхалъ въ Каменку къ Давыдовымъ и Раевскимъ. Видно, онъ долго загостился у гостепріимныхъ друзей: въ дѣлѣ имѣется письмо генерала Инзова, въ которомъ онъ справляется о Пушкинѣ и о причинахъ его долгаго отсутствія. Давыдовъ 15-го декабря 1820 года увѣдомляетъ Инзова, что Пушкинъ боленъ, и какъ только выздоровѣетъ, сейчасъ же вернется въ Кишиневъ. Какъ видно изъ письма отъ 29-го декабря 1820 года, добрый старикъ Инзовъ не на шутку встревожился этою вѣстью и проситъ Пушкина поберечься, не выѣзжать пока изъ Каменки, въ виду снѣжной, суровой зимы, чтобы не простудиться. При этомъ Инзовъ очень осторожно, щадя самолюбіе поэта, сообщаетъ о томъ, что екатеринославскій гражданскій губернаторъ 9-го ноября 1820 года за № 7.707-мъ препроводилъ ему, Инзову, для взысканія съ Пушкина заемное письмо, выданное симъ послѣднимъ барону Шилингу на 2.000 рублей. Оба эти дѣла предлагались «къ уничтоженію». Любопытно, что «къ уничтоженію» были предназначены и другіе документы, касавшіеся Пушкина и хранившіеся въ архивѣ Новороссійскаго края, а именно: дѣло 1821 года, № 401, на 38-ми стр. по отношенію министерства иностранныхъ дѣлъ о жалованьи коллежскаго секретаря Пушкина. Дѣло это, по требованію министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 27-го ноября 1861 года за № 1.969, отправлено новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Строгановымъ министру иностранныхъ дѣлъ 7-го января 1862 года за № 288 вмѣстѣ съ другими 63-мя архивными дѣлами, «признанными необходимыми для пополненія имѣющихся въ петербургскомъ главномъ архивѣ свѣдѣній». **5)** Около двухъ десятковъ различныхъ оркестровъ Одессы, въ томъ числѣ оркестры городского театра, музыкальныхъ классовъ одесскаго отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества, оркестры частныхъ музыкальныхъ училищъ, любительскіе и различныхъ учрежденій, ученическіе оркестры мѣстныхъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній дѣятельно готовятся къ участію въ предстоящемъ чествованіи памяти А. С. Пушкина. Почти столько же хоровъ и пѣвческихъ кружковъ готовятся къ пушкинскимъ торжествамъ; какъ оркестрами, такъ и хорами разучиваются всевозможныя кантаты, написанныя мѣстными и столичными композиторами къ юбилею Пушкина. Кромѣ того, разучиваются отрывки изъ оперъ на слова Пушкина. **XVII. Орелъ.** Съ публичной лекціи епископа Никанора выручено 300 рублей, которые пожертвованы его преосвященствомъ въ пользу Пушкинской библіотеки. Для той же цѣли мѣстная дума ассигновала 500 рублей и отъ 200 до 300 рублей на пріобрѣтеніе для школъ сочиненій и портретовъ Пушкина. **XVIII. Петербургъ.** Въ Петербургѣ празднованіе пушкинскаго юбилея принимаетъ превосходящіе возможность подробнаго описанія размѣры. Мы ограничиваемся поэтому сообщеніемъ лишь главнѣйшихъ свѣдѣній и предположеній, имѣя въ виду главнымъ образомъ правительственныя и общественныя предначертанія и касаясь частныхъ способовъ чествованія лишь въ особо исключительныхъ случаяхъ. **1)** Ко дню празднованія столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина министерствомъ народнаго просвѣщенія сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) по С.-Петербургскому учебному округу — разрѣшено университету

издать ко дню юбилея сборникъ статей о Пушкинѣ; 2) по Казанскому — выставить отъ имени совѣта университета мраморную доску съ соотвѣтствующею надписью на домѣ въ Казани, въ которомъ проживалъ временно Пушкинъ (если на то имѣется согласіе города) и издать ко дню празднованія брошюру о пребываніи Пушкина въ Казани и 3) по Варшавскому — образовать по добровольной подпискѣ въ мѣстномъ университетѣ стипендіальный фондъ, а въ ветеринарномъ институтѣ капиталъ для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ названныхъ учебныхъ заведеній. 2) Министерствомъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, разрѣшено учредить при Томскомъ университетѣ премію, въ размѣрѣ отъ 50 до 100 рублей, за лучшее студенческое сочиненіе въ память празднованія университетомъ столѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина и принять къ изысканію средствъ для составленія фонда означенной преміи слѣдующія мѣры: 1) напечатать составленныя профессорами для произнесенія 26-го мая рѣчи о поэзіи Пушкина и пустить ихъ въ продажу съ тѣмъ, чтобы сборъ поступилъ на образованіе фонда пушкинской преміи; 2) съ тою же цѣлью просить профессоровъ прочитать рядъ публичныхъ лекцій и 3) обратиться черезъ сибирскія газеты, а также посредствомъ именныхъ писемъ съ воззваніемъ о добровольныхъ пожертвованіяхъ на образованіе упомянутаго фонда. 3) Учебный комитетъ при святѣйшемъ синодѣ предоставилъ празднованіе въ память А. С. Пушкина въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ усмотрѣнію начальствъ, сообщивъ лишь для руководства слѣдующія указанія: 1) 26-го мая имѣющіеся налицо воспитанники и воспитанницы духовноучебныхъ заведеній могутъ быть освобождены отъ учебныхъ заведеній для присутствованія при Божественной литургіи и панихидѣ. 2) Праздникъ 26-го мая не долженъ быть предлогомъ къ задержанію въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ тѣхъ воспитанниковъ и воспитанницъ, у которыхъ къ этому времени могутъ окончиться учебныя занятія. 3) Если бы гдѣ оказалось желаніе и возможность устроить какое либо по этому поводу собраніе для рѣчей и чтеній, то ни въ какомъ случаѣ для того не долженъ быть избираемъ вечеръ 26-го мая, наканунѣ праздника Вознесенія Господня. 4) Для народныхъ училищъ пушкинскій праздникъ перенесенъ съ 26-го мая на 30-е—обычный день акта начальныхъ народныхъ училищъ. Этотъ день совпадаетъ, какъ извѣстно, со днемъ рожденія Петра Великаго. На актѣ окончившіе курсъ (свыше 4.000 дѣтей обоего пола, въ возрастѣ отъ 11 до 12 лѣтъ) получатъ сборникъ сочиненій Пушкина съ портретомъ и біографіею поэта, иллюстраціями и историческими объясненіями. Городской училищный совѣтъ постановилъ, чтобы въ нынѣшнемъ году на свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ имъ объ окончаніи курса, были помѣщены два медальона съ изображеніемъ «Мѣднаго Всадника» и Пушкина. Актъ предполагается заключить прогулкой изъ думы всѣхъ выпускаемыхъ дѣтей, свыше 4.000, въ Александровскій садъ, къ конной статуѣ Петра Великаго, предъ которою дѣти подъ звуки оркестра пропоютъ «Коль славенъ» и народный гимнъ. 31 мая предполагается собрать всѣхъ дѣтей изо всѣхъ 400 народныхъ училищъ, числомъ до 20.000 обоего пола, на Царицыномъ лугу. Оттуда дѣти пройдутъ по набережной Невы въ Таврическій садъ, гдѣ проведутъ весь этотъ день въ играхъ

и увеселеніяхъ. 5) 13-го марта послѣдовало высочайшее соизволеніе на ознаменованіе, по военному вѣдомству, исполняющагося 26-го мая сего года столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина изданіемъ сборника произведеній нашего великаго поэта, доступныхъ, по содержанію, пониманію нижнихъ чиновъ, для безплатной разсылки этого сборника, по одному экземпляру, въ каждую роту, эскадронъ, батарею, сотню, команду и т. п. мелкія части войскъ. При изданіи названнаго сборника главнымъ штабомъ обращено особое вниманіе на то, чтобы онъ, какъ по своему содержанію, такъ и по внѣшности, вполнѣ соотвѣтствовалъ чествуемому событію. Помѣщенные въ сборникѣ рисунки изготовлены экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. Независимо отъ экземпляровъ, кои будутъ разосланы безплатно, всѣмъ частямъ войскъ, управленіямъ, учрежденіямъ и заведеніямъ военнаго вѣдомства предоставляется выписывать означенный сборникъ въ любомъ количествѣ экземпляровъ (изъ книжнаго и географическаго магазина изданій главнаго штаба) по заготовительной его стоимости—отъ 30 до 36 коп. за экземпляръ,—при чемъ о таковомъ желаніи и о количествѣ экземпляровъ необходимо теперь же заявить упомянутому магазину. 6) Въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ въ Пушкинскомъ музеѣ и библіотекѣ (существ. съ 1879 года) собраны нѣкоторые предметы, принадлежавшіе А. С. Пушкину, его автографы, изданія его сочиненій и вообще различныя воспоминанія о великомъ русскомъ національномъ поэтѣ, а также и литература о немъ и его произведеніяхъ какъ русская, такъ и иностранная. Приближающаяся годовщина дня рожденія Александра Сергѣевича вызвала и вызоветъ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ статьи, посвященныя памяти великаго поэта и касающіяся какъ его жизни, такъ и литературной дѣятельности. Не только содержаніе этихъ статей, но самый фактъ всеобщаго чествованія памяти Александра Сергѣевича имѣетъ значеніе для исторической оцѣнки его. Императорскій Александровскій Лицей желалъ бы имѣть въ Пушкинскомъ музеѣ по возможности все относящееся до великаго поэта и надѣется, что широкіе круги русскаго интеллигентнаго общества откликнутся на этотъ призывъ къ пополненію и къ поддержанію на должной высотѣ единственнаго въ Россіи Пушкинскаго музея. Собраніе всѣхъ періодическихъ изданій, всѣхъ нумеровъ газетъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, издаваемыхъ не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ, гдѣ помѣщено что либо о Пушкинѣ, не по силамъ одному учрежденію, и осуществленіе этой мысли возможно только при содѣйствіи самихъ редакцій. Разсчитывая на благосклонное сочувствіе ихъ, Лицей обращается ко всѣмъ редакціямъ повременныхъ изданій съ просьбой о доставленіи въ лицейскій Пушкинскій музей и библіотеку (Пушкиніана) по возможности всѣхъ нумеровъ газетъ и журналовъ, гдѣ помѣщено что либо касающееся А. С. Пушкина. Для руководства жертвователямъ позволяемъ себѣ помѣстить планъ устройства Пушкинскаго музея и библіотеки (Пушкиніана): I. Автографы и снимки съ нихъ, рисунки самого Пушкина, документальныя данныя, частныя и офиціальныя, касающіяся жизни и литературной дѣятельности поэта, въ оригиналахъ или старинныхъ копіяхъ. II. Предметы, принадлежавшіе А. С. Пушкину и посвященные его памяти. III. Портреты А. С. Пушкина (оригиналы, копіи, гравюры и т. п.), сцены изъ его жизни,

виды мѣстностей, связанныхъ съ именемъ поэта, рисунки къ его сочиненіямъ и т. п. IV. Полныя собранія сочиненій А. С. Пушкина, отдѣльно вышедшія сочиненія, изданія самого Пушкина. V. Альманахи, сборники, повременныя и періодическія изданія (на русскомъ языкѣ), заключающіе въ себѣ сочиненія А. С. Пушкина, біографическія, критическія и библіографическія статьи о немъ, стихотворенія, посвященныя его памяти, статьи о торжествахъ въ честь Пушкина и о подготовкѣ къ таковымъ и т. д. VI. Сочиненія на русскомъ языкѣ, вышедшія отдѣльно, цѣликомъ или частями посвященныя Пушкину: біографія, критика, библіографія, юбилейныя изданія и т. п. VII. Отраженія А. С. Пушкина въ музыкѣ и театральномъ искусствѣ: ноты, либретто оперъ, балетовъ, драмъ, комедій и т. п., передѣланныхъ изъ его произведеній. VIII. Переводы и передѣлки сочиненій А. С. Пушкина и статьи о немъ всевозможнаго содержанія на иностранныхъ языкахъ. IX. Сочиненія и статьи, касающіяся исторіи императорскаго Александровскаго лицея (бывш. Царскосельскаго) и лицеистовъ I-го выпуска (товарищей А. С. Пушкина). Не только всякія пожертвованія, но и малѣйшія указанія, касающіяся жизни и дѣятельности А. С. Пушкина, будутъ приняты съ глубокою благодарностью. **XIX. Псковъ.** Комитетомъ по сбору пожертвованій въ память А. С. Пушкина выработана слѣдующая программа торжествъ въ Святыхъ Горахъ на 25, 26 и 27 мая 1899 года въ память А. С. Пушкина. 25-го мая, въ 5 часовъ по полудни, торжественное всенощное богослуженіе въ храмѣ Святогорскаго монастыря. 26-го мая, въ 9 часовъ утра, торжественная заупокойная литургія въ храмѣ Святогорскаго монастыря, панихида на могилѣ поэта и возложеніе вѣнковъ депутаціями. По окончаніи церковныхъ торжествъ публичное засѣданіе по особой программѣ, посвященное памяти А. С. Пушкина. 27-го мая народное гуляньевъ Святыхъ Горахъ до 2-хъ часовъ по полудни. **XX. Ревель.** Постановлено наименовать вновь устраиваемую улицу, соединяющую Гаваньскую съ Новгородской, «Пушкинской» и учредить въ каждомъ изъ 5 ревельскихъ среднихъ учебныхъ заведеній по одной стипендіи имени поэта въ размѣрѣ 50 рублей въ годъ. **XXI. Рязань.** Установленъ слѣдующій общій планъ чествованія въ городѣ Рязани памяти А. С. Пушкина: а) 25-го мая — въ городскомъ театрѣ литературно-музыкально-театральный вечеръ или утро исключительно для учащихся и въ саду «Общества народныхъ развлеченій» — народное гулянье съ чтеніемъ о Пушкинѣ и изъ Пушкина; б) 26-го мая—заупокойная литургія въ соборѣ, послѣ нея—панихида на площади при участіи всѣхъ вѣдомствъ, учащихся, войскъ, народа и съ провозглашеніемъ «вѣчной памяти» Петру I, Александру I, боляриву Александру при залпахъ изъ орудій; затѣмъ въ думѣ — угощеніе учащихся начальныхъ школъ, потомъ въ часъ дня — общій въ дворянской залѣ торжественный актъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Рязани (мужскія гимназія, прогимназія, учительская семинарія, ремесленное и городское четырехклассное училища и женская гимназія); наконецъ, въ 9 часовъ вечера—торжественное засѣданіе рязанской ученой архивной комиссіи съ четырьмя рѣчами о Пушкинѣ; в) 27-го мая—народный спектакль и народное гулянье въ двухъ мѣстахъ, а въ дворянской залѣ—литературно-музыкальный вечеръ для интеллигенціи. Изъ общественныхъ учрежденій въ память Пушкина проектируютъ: городская управа—сдѣлать

обученіе въ городскихъ школахъ безплатнымъ, а земская управа — либо построить новую «Пушкинскую» начальную школу, либо учредить стипендію имени Пушкина для воспитанія сына одного изъ земскихъ учителей. **XXII. Симферополь.** Утромъ, 26-го мая, въ соборѣ отслужена будетъ панихида по великомъ поэтѣ; затѣмъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ состоятся народныя чтенія, посвященныя памяти поэта; предполагается предложить одному изъ преподавателей гимназіи прочесть въ залѣ городской думы лекцію, въ которой выяснено было бы историко-литературное значеніе Пушкина. Вечеромъ будетъ устроенъ для учащихся спектакль изъ произведеній Пушкина, съ живыми картинами. Учащимся будутъ розданы дешевыя изданія поэта. Симферопольская татарская учительская школа въ полномъ составѣ, при участіи своего ученическаго оркестра, предполагаетъ на третій день Пушкинскихъ празднествъ совершить экскурсію въ Бахчисарай, гдѣ между прочимъ предположено поставить нѣсколько сценъ или отдѣльную пьесу изъ произведеній Пушкина для мѣстнаго населенія. **XXIII. Темиръ-ханъ-Шуринскимъ** общественнымъ управленіемъ, въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина, по словамъ «Кавказа», возбуждено въ установленномъ порядкѣ ходатайство: 1) о присвоеніи темиръ-ханъ-шуринской начальной школѣ наименованія «Пушкинской»; 2) о помѣщеніи въ классной комнатѣ этой школы портрета А. С. Пушкина и 3) объ открытіи подписки на пріобрѣтеніе зданія для упомянутой школы. Въ самый день юбилея, 26-го мая, предположено отслужить панихиду по А. С. Пушкинѣ въ присутствіи полнаго состава городского общественнаго управленія и тѣхъ изъ мѣстныхъ жителей, которые пожелаютъ почтить память поэта. **XXIV. Уфа.** Ассигновано 400 рублей на устройство 26-го мая общаго гулянья для учащихся въ городскихъ школахъ. Затѣмъ учащимся будутъ розданы произведенія А. С. Пушкина и устроены въ народныхъ аудиторіяхъ чтенія съ туманными картинами изъ произведеній поэта. Кромѣ того, предположено приступить къ постройкѣ фонтана въ Ушаковскомъ паркѣ, назвать фонтанъ «Пушкинскимъ» и украсить его бюстомъ поэта. Далѣе постановлено ходатайствовать объ открытіи въ Уфѣ женской прогимназіи, такъ какъ женская гимназія не можетъ удовлетворить просьбъ многихъ желающихъ поступить въ нее. **XXV. Харьковъ.** Совѣтъ императорскаго Харьковскаго университета избралъ комиссію для составленія и изданія сборника статей объ А. С. Пушкинѣ. Въ исполненіе этого порученія комиссія обращается съ покорнѣйшей просьбою къ лицамъ, располагающимъ какими либо не обнародованными рукописными матеріалами, относящимися къ личности и творчеству Пушкина, дозволить имъ воспользоваться этими матеріалами для цѣлей изданія. Лица, желающія передать имѣющіеся у нихъ матеріалы или для временнаго пользованія ими, или для напечатанія въ означенномъ сборникѣ, благоволятъ прислать рукописи въ Императорскій Харьковскій университетъ или на имя г. ректора университета, или на имя кого либо изъ членовъ означенной комиссіи. Члены комиссіи, профессоры университета: Н. Ф. Сумцовъ, Д. И. Багалѣй и М. Г. Халанскій. **XXVI. Царицынъ.** Царицынская дума рѣшила открыть двѣ школы—мужскую и женскую, которыя назвать Пушкинскими, затѣмъ устроить 26-го мая въ одномъ изъ клубовъ особое торжество, на которое

пригласить безплатно всѣхъ учащихся, а вечеромъ устроить спектакль изъ произведеній Пушкина. Кромѣ того, постановлено пріобрѣсти для думы образцовый бюстъ Пушкина, на что ассигновано 300 рублей.

Московское археологическое общество. Въ засѣданіи 9-го апрѣля проф. Н. П. Кондаковъ сдѣлалъ сообщеніе «Аѳонъ и его древности», причемъ ознакомилъ съ данными, собранными археологической экспедиціей на Аѳонъ, организованною въ его лицѣ, при участіи фотографа, Императорской академіей наукъ. Экспедиція эта значительно пополнила данныя, собранныя около 30-ти лѣтъ тому назадъ, преимущественно въ иконографическомъ отношеніи, Севастьяновымъ. Послѣ того нѣсколько ученыхъ посѣтили Аѳонъ для знакомства съ хранящимися тамъ рукописями, особенно лицевыми (съ миніатюрами), но оказалось, что эти рукописи не представляютъ особаго значенія для исторіи искусства и литературы. Болѣе можно было ожидать отъ ознакомленія съ церквами и ризницами аѳонскихъ монастырей. Экспедиціей г. Кондакова было сдѣлано 220 фотографическихъ снимковъ, не считая 60-ти снимковъ съ рукописей. Что касается церквей, то болѣе древнія изъ нихъ построены въ XV вѣкѣ; архитектура ихъ венеціанская и далматинскаго побережья; она изучалась еще Севастьяновымъ и особенно архитекторомъ Кракау. Только мѣстами сохранились постройки и части изъ болѣе ранняго времени, XII—XIV вѣковъ. Церковь Хиландара несетъ на себѣ снаружи особый греко-сербо-болгарскій стиль, съ плитами, украшенными звѣриными изображеніями, но внутри она вполнѣ греческаго типа. Росписи аѳонскихъ церквей были описаны Брокгаузомъ, хотя болѣе съ внѣшней стороны, безъ настоящаго знанія иконографіи. Онѣ довольно однообразны. Любопытны изображенія изъ Апокалипсиса въ Ксенофѣ, 1643г., именно тѣмъ, что они выказываютъ молдавское вліяніе, такъ какъ византійской иконографіи Апокалипсиса не было. Особенно благопріятныя обстоятельства дозволили Кондакову сдѣлать снимки съ многихъ чудотворныхъ иконъ (а онѣ— единственныя здѣсь древнія, V—VI вв.), хотя болѣе удачными вышли снимки только съ иконъ подновленныхъ. Эти же благопріятныя условія дали возможность проникнуть во многія ризницы, обыкновенно недоступныя. Въ числѣ замѣчательныхъ археологическихъ предметовъ, имѣющихся на Аѳонѣ, слѣдуетъ указать: древохранилище, ковчежецъ, родъ триптиха съ перегородчатою эмалью и драгоцѣнными камнями, второй половины XI вѣка; окладъ Евангелія съ эмалью, драгоцѣнными камнями и съ изображеніемъ Спасителя въ золотѣ, горельефомъ, того же времени; небольшая мозаичная икона Іоанна Богослова съ филиграновомъ окладѣ, той же эпохи; собственно это не филигрань (т.-е. не нитка изъ выпаенныхъ зернышекъ) и не скань (изъ двухъ нитокъ, ссученныхъ веревочкой), а какъ бы перегородочки, т.-е. вертикально поставленныя золотыя ленточки, образующія сложный рисунокъ, но безъ всякой эмали или мастики между ними. Вещи такой работы относятся къ XI—XII столѣтіямъ; совершенно такую же работу представляетъ извѣстная Мономахова шапка, что подтверждаетъ мнѣніе, высказанное Кондаковымъ ранѣе о византійскомъ ея происхожденіи, хотя г. Филимоновъ и старался доказать, что она восточной работы, сдѣлана была въ Египтѣ и попала въ Москву отъ татарскихъ хановъ. Тотъ же видъ перегородчатой скани оказался на многихъ предметахъ, хранящихся на

Аѳонѣ и въ Солуни, такъ что всего естественнѣе признать это искусство мѣстнымъ, процвѣтавшихъ нѣкогда въ сосѣдней Охридѣ. Замѣчательны еще образцы рѣзьбы по камню (жировику) въ формѣ панагій; крестъ Стефана Лазаря со славянскою надписью; ониксовая чаша Мануила Палеолога съ греческою надписью и т. д. Что касается ризницъ, то одну изъ самыхъ знаменитыхъ, Лаврскую, удалось только посмотрѣть, но нельзя было получить разрѣшенія ни на снятіе предметовъ, ни даже на записываніе подробностей. Въ этой ризницѣ есть удивительные предметы, начиная съ XV в., богатыя ткани, ризы, митры и пр.; къ числу митръ относится и такъ называемая золотая корона Никифора Фоки, — въ дѣйствительности произведеніе венеціанскаго искусства XVI вѣка, ничего общаго съ Никифоромъ Фокой не имѣющее. Въ Ватопедскую ризницу совершенно не удалось проникнуть. Въ числѣ хранящихся въ монастыряхъ вкладовъ есть любопытные, напримѣръ, сербская завѣса 1371 г. съ славянской надписью; вкладъ царицы Анастасіи Романовны, въ Хиландарѣ, съ годомъ и др. Вообще же, аѳонскія древности представляютъ главнымъ образомъ два типа: 1) византійскій XII—XIII вв. и 2) молдовалахскій или славянскій. Г-ну Кондакову удалось видѣть снимки, сдѣланные І. Гладкимъ, въ 60-хъ годахъ, въ монастыряхъ Буковины, въ Путнахъ (XV в.) и Сучавицѣ (XVI в.). Снимки эти изображаютъ рядъ драгоцѣнныхъ молдавскихъ вышивокъ и т. д., часто съ годами и съ портретами молдавскихъ господарей. Многія изъ этихъ вещей, такъ же какъ и виды самихъ монастырей и старинныхъ росписей въ нихъ, напоминаютъ монастыри Аѳона. Приходится заключить, что въ то время, въ XV—XVI вв., въ предѣлахъ Буковины существовало много монастырей (около 150-ти, болѣе чѣмъ на Аѳонѣ), и что вообще она представляла собою тогда культурный и художественный центръ. Эти молдавскія древности сливаются со славянскими и имѣютъ непосредственное отношеніе къ русскимъ. Г. Кондакову удалось еще видѣть опись вкладовъ одного древняго аѳонскаго монастыря отъ 1147 г., въ которой упоминается о русскихъ вкладахъ (тканяхъ, епитрахили, Евангеліи и т. д.), очевидно, присланныхъ съ Сѣвера, изъ Россіи. Изученіе русскихъ древностей великокняжескаго періода доказываетъ, что въ то время на Руси искусство процвѣтало почти въ той же мѣрѣ, какъ въ южныхъ славянскихъ странахъ и въ самой Византіи, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ производствъ, сохранявшихся византійцами въ секретѣ (напримѣръ, шелковыхъ тканей). Въ этомъ отношеніи древности Аѳона и Буковины могутъ дать важныя указанія для пониманія древнѣйшаго искусства русскаго. Сообщеніе г. Кондакова сопровождалось демонстраціей массы фотографическихъ снимковъ.

Петербургское археологическое общество. Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія. С. В. Рождественскій сдѣлалъ сообщеніе о «Земскомъ соборѣ 1642 г.». Референтъ поставилъ нѣсколько вопросовъ, а именно: сколько было засѣданій собора, кто принималъ въ нихъ участіе и когда происходили засѣданія? Въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ напечатанъ офиціальный актъ о засѣданіи 3-го января 1642 года; этимъ актомъ пользовались всѣ наши историки и въ томъ числѣ С. М. Соловьевъ. Но ближайшее ознакомленіе съ актомъ, напечатаннымъ въ «Собраніи», показываетъ намъ, по мнѣнію докладчика, что было не одно,

а два засѣданія; причемъ на первомъ засѣданіи, 3-го января, въ присутствіи Алексѣя Михаиловича и освященнаго собора было рѣшено представить выборнымъ условія, предложенныя Турціей относительно Азова. По мнѣнію докладчика, на первомъ засѣданіи 3-го января дѣло ограничилось тѣмъ, что думный дьякъ Ѳ. Ѳ. Лихачовъ объявилъ собравшимся, что имъ предстоитъ обсудить важный государственный вопросъ, на второмъ же засѣданіи ни царя, ни представителей освященнаго собора не присутствовало, а были лишь представители сословій, которые и дали отвѣтъ относительно принятія Азова. Когда было второе засѣданіе, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ оно было не раньше конца января, такъ какъ мы можемъ утвердительно сказать, что отвѣтъ на рѣчь Лихачова отъ нижегородскихъ муринскихъ дворянъ послѣдовалъ лишь 17-го января. Въ преніяхъ принялъ участіе С. Ѳ. Платоновъ, замѣтившій, что мнѣніе докладчика подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что имена выборныхъ людей помѣщены послѣ акта собора 3-го января. Затѣмъ А. С. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе о шаманизмѣ въ отношеніи къ русской археологіи. Исходя изъ той точки зрѣнія, что религіозныя вѣрованія должны отразиться на памятникахъ древности, по мнѣнію докладчика, на древнѣйшихъ находкахъ, въ особенности Сѣвернаго Кавказа, отразилось вліяніе шаманизма на памятникахъ сравнительно позднихъ, III—V вѣка, такъ называемыхъ чудскихъ образкахъ. Господствующимъ типомъ является борьба оленя (добраго начала) съ змѣемъ—представителемъ начала злого. Въ своемъ возраженіи Я. И. Смирновъ указалъ, что невозможно современныя вѣрованія шаманистовъ сравнивать съ воззрѣніями шаманистовъ III вѣка. Послѣ этого С. А. Бѣлокуровъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе о поступившей въ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ замѣчательной рукописной библіотекѣ Ѳ. Ѳ. Мазурина, въ которой, среди рукописей, есть нѣсколько пергаменныхъ очень цѣнныхъ XV—XVII вѣка, а также нѣсколько писемъ Петра I, Екатерины II и Александра I, между прочимъ, отъ 1812 года.

Генеалогическое общество. Въ началѣ апрѣля подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева состоялось засѣданіе русскаго генеалогическаго общества. Членъ правленія общества, князь М. С. Путятинъ, сдѣлалъ докладъ о гербовникѣ Князева. Познакомивъ собраніе съ личностью и дѣятельностью А. Т. Князева прочтеніемъ отрывковъ изъ статей Н. П. и А. П. Барсуковыхъ объ этомъ замѣчательномъ «трудолюбцѣ» прошлаго вѣка и упомянувъ о заслугахъ Князева спеціально по межевой части, раскрытыхъ и оповѣщенныхъ Н. Н. Селифонтовымъ, докладчикъ перешелъ къ описанію самаго Гербовника, представивъ на обозрѣніе собранія точныя копіи заглавнаго листа съ текстомъ посвященія императрицѣ Екатеринѣ II и четырехъ первыхъ страницъ съ 16-ю гербами — все это исполнено акварелью на бумагѣ того же типа, какъ и подлинный Гербовникъ. Затѣмъ, изложивъ обстоятельства, послужившія поводомъ къ собиранію Князевымъ гербозъ и систему расположенія ихъ въ Гербовникѣ, докладчикъ въ заключеніе обратилъ вниманіе собранія на то, что трудъ Князева, какъ до сихъ поръ не изданный, представляетъ собой «unicum», точная копія котораго, въ виду цѣлей и задачъ общества по разработкѣ вопросовъ отечественной геральдики, явилась бы цѣннымъ вкладомъ въ библіо-

теку общества и предложилъ исполнить эту работу, принося ее въ даръ обществу. Секретарь общества В. В. Руммель прочелъ докладъ о способахъ подачи дворянскими родами въ Разрядъ, въ XVII вѣкѣ, родословныхъ росписей. Докладчикъ, выяснивъ причины, вызвавшія появленіе такъ называемыхъ разрядныхъ родословныхъ росписей, а именно указы царя Ѳеодора Алексѣевича 1662 года и царей Іоанна и Петра и царевны Софіи 1686 года объ «обновленіи» стараго государева Родословца (1555 г.) и установленіи четырехъ другихъ, новыхъ, родословныхъ книгъ, въ которыя имѣли быть внесены дворянскіе роды по опредѣленнымъ категоріямъ, упомянулъ о судьбѣ этихъ росписей, часть которыхъ, по мнѣнію докладчика, растеряна при разныхъ переноскахъ разряднаго архива изъ одного помѣщенія въ другое въ первой половинѣ XVIII вѣка, а другая часть погибла въ 1812 году (изъ 600 росписей, числившихся по реестрамъ XVIII вѣка, послѣ 1812 г. уцѣлѣло въ подлинникѣ 163), указалъ, что, благодаря принятымъ еще въ XVIII вѣкѣ мѣрамъ, многія росписи оказались переписанными, вслѣдствіе чего до насъ дошло въ копіяхъ свыше 300 росписей, окончательно же утраченными докладчикъ считаетъ около 100 росписей. Засимъ докладчикъ указалъ на внутреннее содержаніе росписей, большая часть коихъ изложена въ обычной формѣ старинныхъ русскихъ родословій, то-есть, заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе достовѣрное сказаніе о происхожденіи рода, постепенно излагаетъ развѣтвленіе родословнаго древа, при чемъ очень часто приводятся весьма цѣнныя данныя служебно-біографическаго характера (какъ примѣръ, докладчикъ привелъ роспись Матвѣевыхъ, въ которой стольникъ А. А. Матвѣевъ, впослѣдствіи графъ, обстоятельнѣйшимъ образомъ изложилъ свѣдѣнія о службѣ своего отца, знаменитаго боярина А. С. Матвѣева); оканчиваются росписи указаніями: «а нашего роду только» или «а что пишутся нашимъ прозваніемъ (такіе-то) — и тѣ не нашего роду»; здѣсь докладчикъ привелъ окончаніе росписи, поданной представителями боярскаго рода Салтыковыхъ, которые писали, что еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ присвоилъ себѣ фамилію Салтыкова—дмитровецъ, сынъ боярскій Тимоѳей Салтыковъ, который за это «въ Разрядѣ бить батоги», съ воспрещеніемъ именоваться Салтыковымъ; по изысканіямъ докладчика, потомкомъ этого Тимоѳея Салтыкова былъ извѣстный сатирикъ М. Е. Салтыковъ. Въ концѣ росписи помѣщались представленныя «на свидѣтельство» грамоты, часть которыхъ, XIV—XVI вѣка, напечатана А. И. Юшковымъ въ Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей за 1898 годъ. Описавъ наружный видъ росписей и упомянувъ, что 5 изъ нихъ были поданы въ видѣ родословныхъ таблицъ и что при 18 росписяхъ были представлены рисунки гербовъ, докладчикъ выразилъ пожеланіе, чтобы въ виду ошибокъ, встрѣчающихся въ изданіи Юшкова, и крайней неполноты этого изданія, поданныя въ Разрядъ росписи, съ приложенными при нихъ документами, были изданы полностью, безъ пропусковъ.

Географическое общество. I. Въ засѣданіи 30-го марта, по отдѣленію статистики, было сдѣлано М. К. Валласомъ сообщеніе о виноградарствѣ и винодѣліи въ Закаспійской области и Туркестанскомъ краѣ. Закаспійская область присоединена къ Россіи въ 1881 г.; съ этого времени текинцы стали

заниматься хлѣбопашествомъ, а стараніями генерала Куропаткина въ странѣ начались хлопководство и винодѣліе. Въ Асхабадѣ существуетъ теперь виноградная школа, достигшая большихъ успѣховъ. Уже 11—15 лѣтъ завелись виноградники въ аулахъ—самый большой изъ нихъ въ Геокъ-Тепе. Въ Асхабадѣ около 100 десятинъ виноградниковъ и 74 около Мерва; виноградники эти удовлетворяютъ мѣстному спросу, въ видѣ ягодъ, вино же все-таки ввозится съ Кавказа. Въ Бухарскомъ ханствѣ главные центры—Бухара и Каракуль. Въ Бухарѣ выдѣлывается до 1 милліона ведеръ вина; виноградъ очень высокаго достоинства—пріемы выдѣлки кахетинскаго вина. Въ Каракулѣ положеніе винодѣлія остается въ жалкомъ видѣ. Завѣдуетъ имъ французъ,—выдѣлываются сладкія вина, извѣстныя на югѣ Франціи. Перерабатывается вино въ бродильныхъ колодцахъ съ примѣшиваніемъ изюма. Серьезнымъ пунктомъ винодѣлія является Самаркандъ — преимущественно въ долинѣ Зарафшана. Общая площадь, занятая виноградниками въ Самаркандѣ, исчислялась въ 1891 году въ 3 тысячи десятинъ, а теперь въ 5.381 десятину. Культура винограда очень высокая, уходъ за нимъ образцовый; насчитывается 24 сорта винограда—преобладаютъ сорта столовые, которые, понятно, при мусульманскомъ населеніи края, очень прочны и хороши для изюма. Еще выше культура винограда въ Ходжентѣ, тутъ 1/4 десятины виноградниковъ доходитъ цѣнностью до 1.500 рублей. Въ Ходжентѣ виноградниковъ 4.800 десятинъ, а всего въ Самаркандѣ 11.265 десятинъ. Винодѣліе здѣсь сравнительно ничтожно, но изюмное производство велико. Среднимъ счетомъ въ годъ выдѣлывается около 6 милліоновъ пудовъ, вывозится его до 300 тысячъ пудовъ. Затѣмъ виноградъ идетъ на коньячное производство и спиртокуреніе, кромѣ того, перерабатывается въ патоку, и этимъ производствомъ заняты цѣлыя селенія. Въ Ташкентской области виноградниковъ около 1.800 десятинъ. На вино идетъ ничтожная часть, хотя есть у насъ оттуда довольно хорошія вина (Первушинскія). Но общая сумма производства не велика и объ избыткѣ не можетъ быть и рѣчи. Ферганская область наиболѣе благопріятна по климатическимъ условіямъ — виноградники достигаютъ здѣсь обширной площади, но промышленнаго развитія нѣтъ, чему мѣшаетъ густота населенія, при чемъ виноградомъ не удовлетворяются и мѣстныя потребности. Производительность простирается до 2 милліоновъ пудовъ. Итакъ общая площадь виноградниковъ въ Туркестанскомъ краѣ — 19.704 тыс. десятинъ, общая производительность 7 милліоновъ 500 тысячъ пудовъ. Промышленное положеніе края по виноградарству обѣщаетъ несомнѣнно въ будущемъ сильно развиться, тѣмъ паче, что мѣстныя лозы винограда — американскаго типа — очень крѣпки. Въ настоящее время рыночная мѣстная цѣна винограда не соотвѣтствуетъ ни качеству, ни расходамъ и труду по обработкѣ — цѣна иногда доходитъ до 15 копеекъ за ведро. Между тѣмъ, оттуда можно было бы вывозить въ большомъ количествѣ виноградъ столовый, въ которомъ у насъ въ Россіи недостатокъ. Необходимо только ускорить и облегчить доставку на наши рынки. Изъ туркестанскихъ винъ многія обладаютъ хорошими качествами, очень устойчивы и нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, мускатъ, вполнѣ отвѣчаютъ ликернымъ французскимъ винамъ, ибо виноградъ нѣкоторыхъ сортовъ содержитъ до 32 процентовъ сахара. Куль-

тура разведенія винограда различна — стелящаяся, дугами и на столбахъ, послѣдняя подобна ломбардской и самая дорогая. II. Въ общемъ собраніи 7-го апрѣля сдѣлалъ очень интересный и собравшій многочисленную публику докладъ капитанъ генеральнаго штаба В. Ѳ. Новицкій: «Изъ Индіи въ Фергану». Это путешествіе капитанъ Новицкій совершилъ въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, пройдя черезъ Кашмиръ, Ладакъ, Каракарамское нагорье, вершину Раскетъ, Джытышааръ, Яркендъ, Кашгаръ и, наконецъ, Алай до города Ошъ, откуда уже для обратнаго пути направился въ Андижанъ, гдѣ и сѣлъ на поѣздъ желѣзной дороги. Въ долину Кашмира докладчикъ вступилъ въ концѣ мая съ разрѣшенія англійскаго правительства и направилъ свой путь по долинѣ Джелюма, представляющей изъ себя глубокое узкое ущелье; черезъ каждыя 25 верстъ встрѣчаются домики для проѣзжающихъ; природа чудная, масса атмосферныхъ осадковъ, обширные луга, разнообразные лѣса. За Джелюмомъ идетъ Финагарская горная равнина съ городомъ Финагаромъ, растянувшимся на три версты и перерѣзаннымъ цѣлой системой каналовъ, берущихъ воду изъ обширныхъ озеръ; на этихъ озерахъ расположены многочисленные плавучіе дома. Населенія около 100 тысячъ человѣкъ; магометанъ немного; индусскіе туземцы очень несимпатичны. Управленіе въ рукахъ магараджи — подъ контролемъ англійскаго резидента. Здѣсь былъ сформированъ караванъ и путешественники двинулись далѣе по рѣкѣ Синдъ къ перевалу Заджи-да — очень опасному для перехода и подымающемуся на 11 тысячъ футовъ; за переваломъ начинается Ладакъ, горная страна, лежащая на 11—14 тысячъ футовъ. Климатъ ея очень умѣренный, пшеница созрѣваетъ на высотѣ 12 тысячъ футовъ, а ячмень даже 15 тысячъ футовъ. Населеніе Ладака большинство буддійцы, только на западѣ немногіе держатся ислама; въ странѣ повсюду встрѣчаются такъ называемыя моненаны — буддійскія молельни въ видѣ длинныхъ каменныхъ валовъ — и небольшія пирамидки съ священными реликвіями. Главный городъ Ладака Лей представляетъ изъ себя большую деревню съ одной улицей и базаромъ. Здѣсь капитанъ Новицкій нашелъ для себя китайскій паспортъ и могъ продолжать свое дальнѣйшее путешествіе. Онъ двинулся къ сѣверу отъ Лея на перевалъ Кардунгъ, прошелъ долину рѣки Шейока, впадающей въ Индъ, и направился вверхъ по рѣкѣ Нубры — долина Нубры воздѣлывается, въ ней встрѣчаются огромныя старыя селенія и многочисленныя моненаны. За переваломъ Ляскетъ мѣстность стала болѣе суровой, подъемъ къ Сасыръ-ла сталъ затрудняться, на дорогѣ постоянно попадались павшіе лошади и ослы. Перевалъ Сасыръ покрытъ снѣгомъ, вершина—его плоская сѣдловина на высотѣ 17.700 футовъ. Здѣсь живутъ 6 ладакцевъ для помощи переваливающимъ; самая высокая точка нагорья каракарамскій перевалъ — 18 тысячъ футовъ. Каракарамское нагорье кончается переваломъ Сугетъ — въ общемъ оно представляетъ изъ себя край очень непривѣтливый, нигдѣ не видно жилья, температура прохладная, утромъ до 0°, ночью морозы. Двигаясь дальше, путешественники достигли Шакодула, китайское укрѣпленіе, въ которомъ живетъ китайскій амбань. Отсюда экспедиція не пошла обычнымъ переваломъ черезъ Роскетскій хребетъ, а рѣшила подыскать какой либо новый; сопутствовать въ этомъ новомъ направленіи путешественникамъ киргизы положительно отка-

зывались, такъ что пришлось ихъ заставить слѣдовать почти силой. Двинулись по рѣкѣ Таграсу; мѣстность оказалась очень дикой; черезъ 4 дня киргизы все-таки бѣжали; пришлось идти на угадъ къ западу; черезъ нѣкоторое время достигли снѣжной сѣдловины и послѣ часоваго подъема очутились на высшей точкѣ перевала. Спускаться было очень трудно, одна изъ лошадей съ багажемъ оборвалась и полетѣла внизъ. На спускъ пришлось употребить 4 часа. Двигаясь далѣе по рѣкѣ Удолъ-су и къ сѣверо-западу отъ нея, экспедиція вступила черезъ два дня въ безбрежныя равнины Кашгара и 20-го іюля была въ городѣ Каргаликѣ. Каргаликъ представляетъ изъ себя рядъ мазанокъ съ большимъ грязнымъ и зловоннымъ базаромъ. Каргаликскій амбань для дальнѣйшаго слѣдованія далъ путешественникамъ почетную стражу, которую пришлось прогнать назадъ, ибо поведеніе китайскихъ солдатъ просто неприлично. Дальнѣйшее движеніе было по направленію къ Яркенду; за Яркендъ-Дарьей встрѣтилась группа ферганскихъ сартовъ. Яркендъ самый населенный пунктъ Кашгара: здѣсь соприкасается Россія съ Индіею. Населеніе отличается развитіемъ зобовъ, достигающихъ размѣровъ больше головы. Между Яркендомъ и Кашгаромъ впервые стали встрѣчаться путевые китайскіе столбы (3 версты). 2-го августа достигли Кашгара, административнаго центра Семиградія. Здѣсь находится британскій политическій агентъ, наше консульство. Путешественниковъ приняли очень радушно, но отъ угощенія китайцевъ приходилось отбояриваться, или ѣсть тухлыя яйца, маринованныя водоросли и т. п. Изъ обычаевъ очень интересны наказанія, существуютъ казни, при чемъ палача послѣ казни сѣкутъ, а затѣмъ уже платятъ деньги. Къ русскому консулу относятся съ большимъ уваженіемъ. На докладѣ присутствовалъ въ качествѣ почетнаго гостя географическаго общества путешественникъ-англичанинъ Морганъ, переведшій на англійскій языкъ Пржевальскаго. Морганъ въ концѣ засѣданія довольно хорошимъ русскимъ языкомъ выразилъ симпатію русскимъ и желанія англичанъ сблизиться съ ними. **III.** Въ послѣднемъ засѣданіи отдѣленія статистики, П. Е. Островскихъ сдѣлалъ докладъ о значеніи Урянхайской земли для южной Сибири. Земля урянхайцевъ или сойотовъ, подданныхъ Китайской имперіи, граничащая съ нашими сибирскими владѣніями и занимающая огромную площадь (до 200 тыс. квадр. верстъ), обладаетъ громадными природными богатствами и несомнѣнно должна заслуживать полнаго вниманія съ нашей стороны. Изъ богатствъ ея, имѣющихъ выдающееся значеніе, являются: скотъ, разводящійся здѣсь въ большомъ количествѣ, пушнина (соболь, горностай, бѣлка, россомаха и проч.), самосадочная соль, въ обиліи находящаяся въ мѣстныхъ озерахъ, каменный уголь, лежащій мощными залежами въ разныхъ мѣстахъ, мѣдная руда, золотоносныя розсыпи по нѣкоторымъ рѣкамъ и проч. Къ сожалѣнію, наши торговыя сношенія съ Урянхайской землей, начавшіяся еще съ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія, до сихъ поръ остаются совершенно ничтожными. За 1896 годъ они, по имѣющимся свѣдѣніямъ, выражались всего лишь въ суммѣ немногимъ болѣе 100 тысячъ рублей. Ввозятся русскими торговцами въ Урянхайскую землю въ ограниченныхъ размѣрахъ: разные мануфактурные товары, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, кожевенныя, чай, крупчатка разные мелочные товары. Причинами, препятствующими надлежащему разви-

тію здѣсь русской торговли, по словамъ докладчика, являются: отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, недостаточная безопасность русскихъ со стороны западныхъ урянховъ, запрещеніе торговцамъ возводить прочныя постройки въ торговыхъ пунктахъ и отсутствіе русскаго резидента въ Улясутаѣ, который бы могъ блюсти интересы нашей торговли. Немалымъ препятствіемъ, съ другой стороны, является и неумѣнье нашихъ торговцевъ примѣниться къ мѣстнымъ требованіямъ, касающимся товаровъ, и въ то же время успѣшная конкуренція англичанъ, занявшихъ здѣсь довольно прочное положеніе. Въ цѣляхъ улучшенія и развитія нашихъ торговыхъ сношеній съ Сѣверной Монголіей, по мнѣнію докладчика, необходимо приступить къ точному обслѣдованію урянхайской земли съ торговой точки зрѣнія. Это могло бы быть выполнено командированіемъ спеціальной развѣдочной экспедиціи, что уже дѣлается не только англичанами, но и нѣмцами. Желательно, чтобы экспедиція собрала возможно полную коллекцію образцовъ различныхъ товаровъ, ходящихъ, какъ въ Урянхайской землѣ, такъ и въ Сѣверной Монголіи, въ руководство нашимъ торговцамъ.

Въ поискахъ о Димитріи Самозванцѣ. Подъ этимъ заглавіемъ въ № 8308 «Новаго Времени» отъ 14-го апрѣля с. г. напечатана слѣдующаго рода замѣтка. «Главнѣйшій римскій документъ о Димитріи есть, безъ сомнѣнія, донесеніе краковскаго нунція Клавдія Рангони, помѣченное 2 іюля 1605 года. Оно пока еще не издано, объ его содержаніи стоитъ сказать нѣсколько словъ. Къ тому же, добраться до него было дѣло не легкое. Обстоятельства сложились слѣдующимъ образомъ. Въ папской куріи интересъ къ Димитрію возникъ собственно при Павлѣ V. Климентъ VIII сперва отнесся къ царевичу скептически, потомъ, принявъ милостиво его первое посланіе, на второе даже и не отвѣтилъ. Левъ XI провелъ только одинъ мѣсяцъ на престолѣ и прошелъ безслѣдно. Зато Павелъ V, бывшій кардиналъ Camillo Borghese, обратилъ особое вниманіе на царевича. Какъ членъ инквизиціи, онъ былъ знакомъ съ его дѣломъ, а письма іезуитовъ еще болѣе подстрекали его любознательность. Уже 4 іюня 1605 г., двѣ недѣли послѣ избранія Павла V, кардиналъ Валенти поручилъ краковскому нунцію сдѣлать докладъ о Димитріи, а 16-го іюля онъ вторично и настоятельно требовалъ самыя подробныя свѣдѣнія о томъ же лицѣ. Между тѣмъ, донесеніе уже было выслано. Его получили въ Римѣ 23-го іюля, Валенти лестно отзывался о немъ и благодарилъ отъ имени папы. Вся эта переписка была у меня передъ глазами, а самаго доклада, къ немалой моей досадѣ, долгое время невозможно было найти. Наконецъ, вслѣдствіе разныхъ соображеній, я догадался, что онъ, пожалуй, таится въ архивѣ римской инквизиціи. Здѣсь новое препятствіе: это древнехранилище недоступно, требуется разрѣшеніе папы, которое дается лишь очень рѣдко. Въ данномъ случаѣ мнѣ посчастливилось: чрезъ посредство кардинала Рамполлы послѣдовало желаемое уполномочіе, и послѣ напряженныхъ усилій мнѣ удалось попасть на цѣлую тетрадь о Димитріи. Между прочими документами здѣсь находился и упорно скрывающійся докладъ 2-го іюля. Рангони, ловкій дипломатъ, смекнулъ, что дѣло важное, и ревностно исполнилъ данное ему порученіе. Онъ, очевидно, хотѣлъ отличиться и блеснуть. Его докладъ занимаетъ двадцать семь большихъ страницъ, адресованъ прямо

къ папѣ и распадается на три кое-гдѣ смежныя между собою части. Въ первой части Рангони подробно излагаетъ чудесное спасеніе Димитрія въ Угличѣ, предупредивъ читателя, что онъ воспроизводитъ записку князя Адама Вишневецкаго. Эта записка не разъ уже печаталась съ разными прибавками и убавками, но, пожалуй, не по достоинству оцѣнивалась. Имѣя въ виду Товіанскаго, Пясецкаго, Гренебруха и другихъ, Н. И. Костомаровъ такъ выражается: «Но то, что у нихъ разсказывается, точно ли было разсказано Димитріемъ и въ такомъ ли видѣ разсказано? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Разсказы эти черезчуръ противорѣчатъ истинѣ...» («Кто былъ первый Лжедимитрій?», стр. 36). Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться безъ оговорокъ. Костомаровъ остановился на пересказахъ, иногда довольно неудачныхъ, онъ не дошелъ до первоначальнаго текста записки, не зналъ, откуда и какъ она появилась, какъ она распространялась, а потому не могъ произнести надъ ней рѣшительнаго и окончательнаго приговора. На самомъ дѣлѣ, въ общихъ и главныхъ чертахъ записка сходна съ собственноручнымъ письмомъ Димитрія 24-го апрѣля 1604 г. къ папѣ Клименту VIII. Рангони свидѣтельствуетъ, что Вишневецкій ее писалъ со словъ царевича. Ею пользовался и на нее ссылался король Сигизмундъ III въ своихъ посланіяхъ къ сенаторамъ и даже къ Яну Замойскому. На нее упирались всѣ польскіе приверженцы Димитрія. Въ сравненіи съ другими однородными разсказами, записка имѣетъ явные признаки первоисточника. Во всякомъ случаѣ, въ хронологическомъ порядкѣ она занимаетъ первое мѣсто, ибо была выслана въ Римъ 8-го ноября 1603 года, а въ донесеніи она только повторяется ради полноты очерка. Поэтому записка должна быть признана документомъ первостепенной важности, не столько по своему содержанію, какъ по своему происхожденію и по тому значенію, которое ей придавали современники. Димитрій является въ Польшѣ главнымъ, единственнымъ свидѣтелемъ своего собственнаго спасенія въ Угличѣ, а князь Адамъ Вишневецкій служитъ ему порукою. Вторая часть донесенія Рангони не представляетъ ничего особенно новаго. Нунцій разсказываетъ пріѣздъ Димитрія въ Краковъ, свою первую встрѣчу съ нимъ, королевскую аудіенцію, обращеніе царевича въ католичество, его причащеніе, муропомазаніе по латинскому обряду, отъѣздъ въ Самборъ, выступленіе въ походъ и первые военные успѣхи. Здѣсь онъ постоянно руководствуется своими прежними донесеніями и письмами двухъ іезуитовъ: Николая Чижовскаго и Андрея Лавицкаго, которые находились при войскѣ Димитрія въ качествѣ полковыхъ священниковъ. Впослѣдствіи Рангони доставлялъ въ Римъ самыя письма этихъ іезуитовъ къ своимъ краковскимъ собратьямъ, чѣмъ и объясняется, какимъ путемъ они попали въ ватиканскій архивъ. Впрочемъ, всѣ эти факты болѣе или менѣе извѣстны, и были уже разработаны по тѣмъ же источникамъ. Главный интересъ сосредоточивается въ третьей части, которая содержитъ собственныя наблюденія Рангони. Димитрій посѣтилъ его только раза два, три, но они встрѣчались по воскресеньямъ въ королевскомъ дворцѣ, куда столичная знать съѣзжалась на церковную службу. Нунцій могъ такимъ образомъ ближе познакомиться съ царевичемъ и оцѣнить его выдержку въ сношеніяхъ съ королемъ, его пріятное обращеніе со всѣми, его живость въ разговорахъ. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, на какомъ языкѣ они обмѣ-

нивали свои мысли. Въ высокой степени поразительна увѣренность, съ которой Димитрій утверждалъ, что онъ будетъ короноваться въ Кремлѣ. Въ самый день принятія католичества онъ обдумывалъ подробности коронаціи и тогда уже просилъ разрѣшенія причащаться по греческому обряду. Невольно навязывается мысль, что велась подноготная работа, что дѣло было заранѣе устроено и улажено. Димитрій часто обсуждалъ церковныя дѣла, и въ немъ сказывался человѣкъ, знакомый съ московскими порядками. Онъ обѣщалъ ввести унію, но усердно настаивалъ на сохраненіи патріаршества, по крайней мѣрѣ, пока турки не будутъ изгнаны изъ Константинополя. Если вспомнить, какую опору Борисъ Годуновъ находилъ въ патріархѣ Іовѣ, и съ какою поспѣшностью Димитрій назначилъ новаго себѣ преданнаго патріарха Игнатія, то слѣдуетъ заключить, что онъ хорошо понималъ значеніе своего требованія и имѣлъ въ виду практическія цѣли. О способѣ введенія уніи онъ такъ разсуждалъ: греческаго духовенства опасаться нечего, оно невѣжественно, а съ русскимъ можно сговориться: московскаго царя онъ сравнивалъ съ искуснымъ всадникомъ: куда захочетъ, туда и направитъ коня. «Вотъ какъ я намѣренъ взяться за дѣло, — говорилъ онъ нунціо, — соберу русскихъ архіереевъ и латинскихъ, предложу имъ разные вопросы, заведу между ними пренія; латиняне, конечно, прижмутъ своихъ противниковъ, я это отмѣчу и примкну къ ихъ мнѣнію, и такимъ образомъ мало-по-малу, какъ бы незамѣтно, приведу русскихъ къ церковному единству». Нунцій поощрялъ такого рода намѣренія, полагался на искренность Димитрія, считалъ его набожность непритворною. Онъ приводилъ иногда имя Константина Великаго, упоминалъ о римскихъ фрескахъ, изображающихъ главныхъ христіанскихъ дѣятелей, и въ такомъ случаѣ отмѣчалъ со стороны царевича особую воспріимчивость. О политическихъ дѣлахъ Димитрій, пожалуй, охотнѣе и чаще говорилъ, чѣмъ о церковныхъ. На воздѣйствіе нунція и папы онъ разсчитывалъ, чтобы скорѣе устроить свои дѣла съ королемъ и сенаторами. Въ то время главная его забота была поспѣшность. Онъ желалъ, чтобы его какъ можно скорѣе отпустили въ походъ, и ссылался на двоякое отмѣнно внушительное обстоятельство: во-первыхъ, онъ опасался, чтобы московская его партія не упала духомъ, не видя его появленія,—чтобы Годуновъ не окрѣпъ и не прибѣгнулъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ; во-вторыхъ, въ случаѣ переворота въ Москвѣ, онъ побаивался, какъ бы кто либо другой не занялъ его мѣста. Нунцій Рангони довольствовался этими общими, неопредѣленными выраженіями, и, къ несчастью, не позаботился глубже вникнуть въ подробности. Впрочемъ, онъ видимо склонялся на сторону Димитрія, хотя и не былъ вполнѣ убѣжденъ въ его царскомъ происхожденіи. Этотъ вопросъ былъ ему поставленъ ребромъ. Кардиналъ Валенти спрашивалъ: что думаютъ о Димитріи король и общество въ Польшѣ? Отвѣтъ нунція былъ уклончивъ, не то, чтобы онъ скрывалъ истину, но по невозможности дойти до нея. Два мнѣнія были въ ходу. Янъ Замойскій и Янушъ Острожскій относились къ Димитрію отрицательно; Жебжидовскій былъ его ярымъ защитникомъ, король его жаловалъ, принималъ съ честью, оказывалъ ему помощь, даже большинство придворныхъ мало-по-малу переходило на его сторону. Рангони не выводитъ изъ этого никакого заключенія, но оно само по себѣ подсказывается. На Павла V

это донесеніе должно было сдѣлать самое отрадное впечатлѣніе. Изображенный нунціемъ, Димитрій вполнѣ соотвѣтствовалъ тому идеалу московскаго царя, которымъ издавна увлекались въ Римѣ: онъ былъ католикъ, сторонникъ уніи, въ дружбѣ съ Польшею, да къ тому же обѣщалъ войну противъ турокъ. На самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе этого доклада сношенія съ Димитріемъ оживились, началась частная переписка о немъ съ Польшею, предположились взаимныя посольства. Огорченный пререканіями съ Венеціею, которой грозила папская анаѳема, Павелъ V тѣмъ охотнѣй обращался къ Москвѣ. Въ недалекомъ будущемъ всѣ его надежды должны были потерпѣть полное крушеніе. Peregrinus».

Съѣздъ архивистовъ въ Москвѣ. 21-го и затѣмъ 22-го апрѣля въ домѣ графини П. С. Уваровой, подъ ея предсѣдательствомъ, происходили совѣщательныя собранія по вопросу объ организаціи государственныхъ архивовъ въ Россіи. Въ засѣданіяхъ этихъ принимали участіе: историкъ Д. И. Иловайскій, товарищъ предсѣдателя московской археографической комиссіи при Московскомъ археологическомъ обществѣ В. И. Холмогоровъ, а также изъ пріѣзжихъ лицъ — командированный варшавскимъ генералъ-губернаторомъ профессоръ Варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаевъ, профессоръ Кіевскаго университета В. С. Иконниковъ, директоръ С.-Петербургскаго археологическаго института Н. В. Покровскій и представители нѣкоторыхъ ученыхъ архивныхъ комиссій изъ провинціи. Въ засѣданіи 21-го апрѣля былъ выслушанъ докладъ профессора Д. Я. Самоквасова о проектѣ централизаціи архивныхъ матеріаловъ и архивнаго управленія на началахъ, предложенныхъ высочайше учрежденной архивной комиссіей 1873 года. Между прочимъ, по этому проекту было предложено учрежденіе двухъ столичныхъ архивовъ и 14 провинціальныхъ для храненія актовъ дѣлопроизводства правительственныхъ учрежденій по 1800 годъ и 70 центральныхъ губернскихъ регистратуръ для храненія актовъ дѣлопроизводства губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Въ засѣданіи же 22-го апрѣля тотъ же докладчикъ познакомилъ собраніе съ другимъ своимъ докладомъ по тому же вопросу. Какъ извѣстно, проф. Д. Я. Самоквасовъ по высочайшему повелѣнію былъ командированъ съ этою цѣлью за границу для обозрѣнія архивовъ западноевропейскихъ государствъ. Такимъ образомъ, второй докладъ профессора былъ составленъ на основаніи всесторонняго изученія вопроса и по образцамъ уже существующей централизаціи архивныхъ матеріаловъ государственныхъ архивныхъ управленій въ Германіи, Франціи, Италіи и др. западно-европейскихъ государствахъ. Проектъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія положенія: 1) учредить состоящій при министрѣ народнаго просвѣщенія центральный органъ управленія архивами государственныхъ и общественныхъ учрежденій Россійской имперіи; 2) дѣлопроизводства по 1800 г. включительно упраздненныхъ и дѣйствующихъ столичныхъ—правительственныхъ и общественныхъ—учрежденій за исключеніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, уже обладающаго благоустроеннымъ архивомъ, сосредоточить въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, владѣющемъ нынѣ обширнымъ помѣщеніемъ, спеціально построеннымъ и приспособленнымъ для храненія древнихъ актовъ; 3) учредить въ центральныхъ городахъ учебныхъ округовъ, за исключеніемъ Петербурга и Москвы, а также Кіева, Вильны и Варшавы, гдѣ архивы древнихъ актовъ уже суще-

ствуютъ, мѣстные центральные архивы древнихъ актовъ и сосредоточить въ нихъ дѣлопроизводства по 1800 годъ всѣхъ мѣстныхъ—правительственныхъ и общественныхъ—учрежденій; 4) дѣлопроизводства по рѣшеннымъ дѣламъ высшихъ и центральныхъ учрежденій имперіи истекающаго столѣтія сосредоточить въ архивѣ государственнаго совѣта, владѣющемъ нынѣ обширнымъ помѣщеніемъ, построеннымъ и приспособленнымъ спеціально для храненія архивныхъ матеріаловъ; 5) учредить въ губернскихъ городахъ мѣстные центральные архивы и сосредоточить въ нихъ дѣлопроизводства губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ—правительственныхъ и общественныхъ—учрежденій истекающаго столѣтія; 6) снабдить всѣ центральные архивы древнихъ и новыхъ актовъ дѣлопроизводства правительственныхъ и общественныхъ учрежденій помѣщеніями, приспособленными для храненія рукописей; 7) снабдить всѣ центральные архивы штатами, проектированными для центральныхъ архивовъ высочайше учрежденной комиссіей 1892 г.; 8) нынѣ существующія мѣстныя архивныя ученыя комиссіи соединить съ проектируемыми центральными архивами: всѣ онѣ при вышеозначенныхъ условіяхъ найдутъ себѣ подспорье для успѣшнаго своего развитія. На осуществленіе этого проекта требуется приблизительно ежегоднаго расхода около 800.000 руб. Съѣздъ архивистовъ, выслушавъ оба доклада, призналъ болѣе цѣлесообразною для Россіи систему централизаціи архивныхъ матеріаловъ по второму проекту и постановилъ просить о напечатаніи этого проекта и разсылкѣ его для ближайшаго ознакомленія со всѣми подробностями ученымъ обществамъ, губернскимъ архивнымъ комиссіямъ и управляющимъ архивами. Проектъ въ окончательномъ видѣ будетъ представленъ на XI археологическій съѣздъ, имѣющій быть въ августѣ текущаго года въ Кіевѣ.

Изданіе архивныхъ документовъ. Покойный членъ императорской академіи наукъ сенаторъ Н. В. Калачовъ выработалъ планъ изданія архивныхъ документовъ XVI и XVII вѣковъ, согласно съ которымъ предполагалось, подъ наблюденіемъ академіи, постепенно издать въ свѣтъ документы и приговоры московской боярской думы съ 1550 по 1701 годъ, ближней канцеляріи съ 1701 по 1711 годъ, а также всѣхъ приказовъ, начиная съ XVI вѣка, которые завѣдывали всѣми отраслями управленія Россіи по ближайшимъ указаніямъ самого царя. До настоящаго времени академія, придерживаясь этого плана, издала 2 тома актовъ московскаго государства и 5 томовъ (въ 8-ми книгахъ) докладовъ и приговоровъ правительствующаго сената и нынѣ, за окончаніемъ срока кредита на означенный предметъ, вошла въ министерство народнаго просвѣщенія съ представленіемъ о возобновленіи отпуска кредита на изданіе историческихъ документовъ XVI—XVIII вѣковъ, по 2.000 руб. въ годъ, на 5 лѣтъ, съ 1-го января 1900 г. Министерство народнаго просвѣщенія, сочувственно отнесясь къ такой мѣрѣ, внесло по означенному предмету представленіе въ государственный совѣтъ.

Присужденіе преміи Г. Ѳ. Карпова. 24-го апрѣля состоялось чрезвычайное засѣданіе императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ для объявленія о результатахъ VII-го соисканія преміи имени Г. Ѳ. Карпова. На соисканіе преміи представлено было только одно сочиненіе, именно — профессора Кіевскаго университета С. Т. Голубева, подъ заглавіемъ: «Кіевскій митро-

политъ Петръ Могила», т. II. Избранная обществомъ комиссія изъ профессоровъ Д. И. Иловайскаго и В. О. Ключевскаго, С. А. Бѣлокурова, В. А. Ульянскаго и М. К. Любавскаго, поручила разсмотрѣніе этого сочиненія бывшему профессору Московской духовной академіи Е. Е. Голубинскому. Соглашаясь съ представленнымъ отъ него отзывомъ, комиссія присудила г. Голубеву премію, а рецензенту опредѣлила выдать золотую медаль.

Библіотека имени И. И. Лажечникова. 4-го апрѣля въ Коломнѣ была открыта общественная библіотека имени Ив. Ив. Лажечникова, уроженца гор. Коломны. На открытіи присутствовали городскія власти, члены библіотеки и коломенскіе граждане. Молебенъ и панихида были отслужены соборнымъ протоіереемъ, при участіи пѣвчихъ. Послѣ богослуженія хоругвеносцы поднесли правленію библіотеки икону. Затѣмъ, въ довольно помѣстительной читальнѣ, при многочисленной публикѣ, состоялось засѣданіе членовъ библіотеки. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ П. П. Суворовъ. Въ рѣчи, имъ произнесенной, обрисовано значеніе для мѣстной жизни празднуемаго событія. Какъ Лажечниковъ работалъ для развитія русскаго самосознанія, для укрѣпленія въ немъ патріотическихъ чувствъ, такъ пусть и библіотека его имени послужитъ къ насажденію въ глухой провинціальной жизни здравыхъ понятій о наукѣ, искусствѣ и современныхъ задачахъ нашего отечества, неразрывно связанныхъ съ его славнымъ прошлымъ. Учитель мѣстной гимназіи А. П. Стельмаховичъ прочелъ написанный имъ біографическій очеркъ И. И. Лажечникова. Библіотека помѣщается въ домѣ, принадлежавшемъ когда-то отцу Лажечникова, и въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ писатель рѣзвился ребенкомъ. Къ коломенской библіотекѣ отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ не только частныя лица, но и многіе изъ государственныхъ дѣятелей, министровъ, извѣстныхъ писателей, редакторовъ газетъ и журналовъ и книгопродавцевъ. Количество пожертвованныхъ книгъ достигаетъ до 2.000.

Новыя пріобрѣтенія Императорскаго Эрмитажа. Отдѣлъ христіанскихъ древностей Петербургскаго Эрмитажа недавно обогатился пріобрѣтеніемъ отъ одного, хорошо извѣстнаго археологамъ, коллекціонера въ Греціи, его собранія древностей V — XV вв. по Рождествѣ Христовѣ. Большая часть ихъ добыта въ Египтѣ. Кромѣ римскихъ и персидскихъ монетъ, византійскихъ ювелирныхъ издѣлій (богатое ожерелье съ драгоцѣнными камнями), глиняныхъ лампадъ обычнаго типа, архитектурныхъ фрагментовъ и надгробій (одно изъ нихъ— эпохи Птоломеевъ),—есть много коптскихъ древностей: отрывки папирусовъ медицинскаго содержанія; расписки въ уплатѣ податей на обломкахъ глиняныхъ сосудовъ, утварь изъ коптскихъ церквей; круглая и плоская чаша, исписанная внутри колдовскими заклинаніями, принадлежавшая какому нибудь знахарю. Добытые изъ коптскихъ кладбищъ клочки тканей, пролежавшихъ, можетъ быть, тысячи полторы лѣтъ на мертвыхъ тѣлахъ, сохранили опредѣленность окраски и узоръ; иные изъ нихъ поражаютъ тонкостью своей выработки. Эти матеріи, преимущественно «гобеленоваго» типа, изъ шелка, льна и шерсти,—образцы производства персидскаго, александрійскаго, византійскаго арабскаго и китайскаго (можетъ быть, только подражаніе китайской ткани, сдѣланное въ Египтѣ, такъ какъ синологи затрудняются прочесть знаки на

этомъ кускѣ шелка, сходные по очертаніямъ съ китайскими іероглифами). Почти неприкосновенною найдена короткая верхняя туника, украшенная узорчатою каймой и пестрою бахромой (V или VI вѣкѣ по Р. Х.). Часть картины, въ коричневыхъ тонахъ, уцѣлѣла на клочкѣ ковра (близко напоминающаго современные): негритенокъ, съ большими испуганными глазами, поднялъ руку, какъ бы защищаясь отъ нападенія. Нѣсколько деревянныхъ фрагментовъ покрыты изящною и характерною арабскою рѣзьбою. Многочисленные обломки арабскихъ (не позже XI вѣка) маіоликовыхъ сосудовъ и вазъ; на нѣсколькихъ—гербы чиновъ султанскихъ дворовъ. Техника производства указываетъ на происхожденіе знаменитой итальянской маіолики отъ арабской. Вмѣстѣ съ этою новою коллекціей, которая временно была собрана въ Галлереѣ Рафаэлевскихъ ложъ, можно ознакомиться со снимками до сихъ поръ еще неизслѣдованныхъ памятниковъ первоначальнаго христіанскаго искусства. Во время своего археологическаго путешествія по Египту въ прошломъ году одинъ изъ хранителей Эрмитажа, В. Г. Бокъ, проникъ въ Большой оазисъ, въ 5 дняхъ пути отъ Нила, куда лишь изрѣдка заглядываютъ путешественники ради развалинъ древняго египетскаго храма. Между тѣмъ въ этомъ оазисѣ — цѣлый христіанскій некрополь V вѣка,—рядъ мавзолеевъ, покрытыхъ плоскими восточными куполами. Внутренняя роспись ихъ, сходная по характеру рисунка съ живописью катакомбъ Рима и Неаполя, впервые снята теперь фотографически. Среди орнаментовъ и греческихъ надписей преобладаютъ лица и событія Ветхаго Завѣта, иногда апостолы и святые, или эмблематическія изображенія христіанскихъ идей: мира, благодати, милосердія. Надо ждать, вѣроятно, вскорѣ подробнаго описанія этихъ памятниковъ первой эпохи христіанской вѣры,—можно сказать,—только что открытыхъ теперь. Рядомъ съ ними представляютъ лишь второстепенный интересъ фотографіи, сдѣланныя во время того же путешествія съ росписи нѣсколькихъ древнихъ коптскихъ церквей.

† **Г. В. Есиповъ.** 11 апрѣля скончался завѣдующій общимъ архивомъ министерства императорскаго двора Григорій Васильевичъ Есиповъ. Покойный родился въ Москвѣ 24 сентября 1812 года. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетскомъ пансіонѣ, Г. В. поступилъ въ 1831 году на службу въ комитетъ иностранной цензуры и черезъ пять лѣтъ перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ дѣлопроизводителемъ ученаго комитета. Во время службы въ этомъ министерствѣ онъ ревизовалъ палаты государственныхъ имуществъ и саратовскія колоніи, принималъ калмыцкія земли въ Симбирской губерніи и былъ завѣдующимъ временнымъ управленіемъ самарскими государственными имуществами. Затѣмъ покойный служилъ въ межевой канцеляріи министерства юстиціи, былъ предсѣдателемъ рязанской гражданской палаты, состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при почетномъ опекунѣ графѣ Вielьгорскомъ, участвовалъ въ качествѣ дѣлопроизводителя въ комиссіи по дѣламъ опеки надъ дѣтьми великой княгини Маріи Николаевны и въ 1864 году причислился къ министерству императорскаго двора. Съ 1882 года покойный завѣдывалъ общимъ архивомъ императорскаго двора, приведя архивы, помѣщающіеся въ Москвѣ и въ Петербургѣ, въ образцовый порядокъ. Литературная дѣятельность Г. В. Есипова началась въ 1833 г. изданіемъ вмѣ-

стѣ съ графомъ Толстымъ и Д. И. Языковымъ «Сатиръ князя Антіоха Кантемира». Въ 1834 г. онъ перевелъ вмѣстѣ съ Мухановымъ романъ В. Гюго «Ганъ исландецъ». Питая страсть къ отечественной исторіи, покойный всецѣло отдался съ 1850 года изученію ея и преимущественно XVIII вѣка, тогда вовсе еще не разработаннаго. Онъ сталъ усиленно заниматься въ архивахъ, и плодомъ его трудовъ явился рядъ цѣнныхъ историческихъ статей и изслѣдованій, напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русской Рѣчи», «Русскомъ Словѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Русской Бесѣдѣ», «Русской Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ», «Древней и Новой Россіи», «Историческомъ Вѣстникѣ» и въ другихъ журналахъ. Большинство его статей, если не всѣ, заключали въ себѣ драгоцѣнный архивный матеріалъ и отличались интересомъ и доступностью по легкости и простотѣ изложенія. Нѣкоторыя изъ статей вошли въ отдѣльно изданные сборники: «Раскольничьи дѣла XVIII вѣка» (два тома, 1861 г.), «Люди стараго вѣка» (1880 г.) и «Тяжелая память прошлаго» (1885 г.). Подъ редакціей покойнаго напечатаны «Исторія Выговской пустыни», «Сборникъ документовъ о Петрѣ Великомъ», «Камеръ-фурьерскій журналъ» съ 1774 по 1798 г. и «Придворный календарь» 1789 и 1790 гг. Кромѣ того, Г. В. занимался изслѣдованіями о старинныхъ дворцовыхъ приказахъ и о преобразованіяхъ Петра Великаго въ придворномъ быту и дворцовомъ хозяйствѣ и до послѣдняго времени продолжалъ собирать матеріалы для исторіи Преображенскаго приказа и біографіи князя А. Д. Меньшикова. Изъ многочисленныхъ статей покойнаго назовемъ: «Посошковъ о крестьянствѣ» («Русское Слово»), «Ванька Каинъ» («Русскій Архивъ»), «Жизнеописаніе кн. А. Д. Меньшикова» («Русскій Архивъ»), собственноручныя записки императрицы Екатерины II («Историческій Вѣстникъ»), письма разныхъ лицъ къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ («Историческій Вѣстникъ»), «Исторія Краснаго кабачка» («Историческій Вѣстникъ»), «Княгиня Е. Р. Дашкова» («Историческій Вѣстникъ») и другія. («Новое Время» № 8308; «Московскія Вѣдомости» № 103).

† **П. Г. Ширяевъ.** 1 апрѣля въ Казани скончался отъ чахотки провинціальный газетный работникъ Петръ Григорьевичъ Ширяевъ. П. Г. по происхожденію крестьянинъ Вяземской волости, Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи, школьное образованіе получилъ въ саратовской гимназіи, на семнадцатомъ году долженъ былъ оставить гимназію и ѣхать съ нѣсколькими своими товарищами въ Вологду, затѣмъ въ Архангельскъ, а черезъ нѣсколько времени въ Восточную Сибирь. Свою литературную дѣятельность покойный началъ еще въ Сибири, гдѣ работалъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» и «Сибирской Газетѣ»; затѣмъ въ Саратовѣ П. Г. продолжалъ ту же дѣятельность газетнаго работника въ мѣстныхъ газетахъ. Затѣмъ П. Г. переѣхалъ въ Нижній-Новгородъ на мѣсто завѣдующаго отдѣленіемъ конторы «Казанскаго Биржеваго Листка». Изъ Нижняго П. Г. началъ писать періодическія корреспонденціи въ «Биржевой Листокъ», гдѣ касался городской и общественной жизни. Въ своихъ корреспонденціяхъ П. Г. повелъ изобличительную кампанію противъ темныхъ дѣльцовъ дворянскаго Александровскаго банка. Результатомъ этихъ корреспонденцій явились два судебныхъ процесса: одинъ, уголовный, по обви-

ненію правленія банка въ хищеніяхъ, закончившійся заслуженною карою виновныхъ, и другой — по обвиненію въ диффамаціи редакціи «Казанскаго Биржеваго Листка» въ лицѣ редактора газеты В. М. Ключникова, издателя С. А. Гисси и сотрудника П. Г. Ширяева, закончившійся оправданіемъ обвиняемыхъ. Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Нижнемъ, въ виду закрытія отдѣленія конторы «Биржеваго Листка», П. Г. перебрался въ Казань и здѣсь работалъ въ томъ же «Биржевомъ Листкѣ» до его прекращенія, затѣмъ въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» и «Казанскомъ Телеграфѣ», гдѣ до самой смерти состоялъ постояннымъ сотрудникомъ—хроникеромъ земской и городской жизни. Кромѣ того, одновременно съ этимъ П. Г. работалъ въ качествѣ корреспондента во многихъ поволжскихъ и столичныхъ изданіяхъ («Русскія Вѣдомости», № 99).

† **С. А. Шмидтъ.** Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Орлѣ скончался Степанъ Андреевичъ Шмидтъ, имя котораго пользовалось извѣстностью въ провинціальной прессѣ. Писалъ онъ, между прочимъ, въ одной изъ саратовскихъ газетъ, сотрудничалъ въ «Орловскомъ Вѣстникѣ» и т. д. Напечатанныя въ послѣдней газетѣ (подъ псевдонимомъ Гаммеръ) «Картинки желѣзнодорожной жизни» въ 1897 г. вышли отдѣльной книжкой; другое его произведеніе — «Совѣсть убила», — одобренное московскимъ комитетомъ грамотности, было издано Сытинымъ и выдержало два изданія. С. А. былъ простой рабочій. Въ началѣ 80-хъ годовъ онъ изъ Петербурга принужденъ былъ отправиться въ г. Холмогоры, послѣ чего жилъ съ семьею въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ. Съ 1887 г. С. А. поселился въ г. Орлѣ, въ которомъ и прожилъ до смерти. Темою для своихъ произведеній онъ всегда бралъ дѣйствительность; особенно близко онъ зналъ жизнь желѣзнодорожниковъ, испытавъ на себѣ отношенія «тузовъ» къ рабочему люду. Лишь года за три до смерти покойному удалось поступить на земскую службу (въ страховой отдѣлъ орловской губернской земской управы), гдѣ условія были лучше, чѣмъ на желѣзной дорогѣ. («Русск. Вѣд.»).

† **А. А. Третьяковъ.** 6 апрѣля въ Ялтѣ скончался Алексѣй Антоновичъ Третьяковъ. Онъ умеръ имѣя около 36 лѣтъ отъ роду. По окончаніи гимназическаго курса въ Императорскомъ лицеѣ цесаревича Николая въ 1883 году и курса ученія въ университетѣ по филологическому факультету, покойный одно время исправлялъ должность цензора московскаго цензурнаго комитета, а затѣмъ, выйдя въ отставку, занялся литературою. Какъ религіозный и набожный человѣкъ, Алексѣй Антоновичъ очень увлекался литературою, касающеюся церковной жизни Россіи. Въ этомъ же направленіи имъ былъ написанъ рядъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Словѣ» и другихъ изданіяхъ. Покойный принималъ дѣятельное участіе къ организаціи общества бывшихъ воспитанниковъ лицея цесаревича Николая («Моск. Вѣд.», № 99).

† **Н. Н. Келлеръ.** 10-го апрѣля, въ 10 ч. вечера, въ С.-Петербургѣ, скоропостижно скончался отъ разрыва сердца профессоръ исторической и портретной живописи Иванъ Петровичъ Келлеръ. Родился онъ 24-го февраля 1826 года въ Лифляндской губерніи, близъ города Феллина. Первоначальное образованіе получилъ въ уѣздномъ училищѣ. Свои художественныя наклонно-

сти онъ сталъ развивать съ 1839 года, когда поступилъ въ ученіе къ живописному мастеру въ гор. Венденѣ. Въ 1846 году онъ прибылъ въ Петербургъ и первое время занимался тѣмъ, что писалъ вывѣски. Съ 1848 года сталъ посѣщать классы академіи художествъ и дальнѣйшее свое художественное образованіе закончилъ подъ руководствомъ извѣстнаго профессора А. Т. Маркова. Въ 1855 г. И. П. Келлеръ былъ награжденъ малою золотою медалью за программу «Геркулесъ выводитъ Цербера изъ ада», а въ 1857 году ему была присуждена большая золотая медаль за «Саула у Эндорской волшебницы». Затѣмъ онъ уѣхалъ на два года за границу, гдѣ и получалъ стипендію отъ императорскаго общества поощренія художествъ. Онъ посѣтилъ всѣ художественные центры Германіи, Голландіи и Бельгіи, прожилъ годъ въ Парижѣ, затѣмъ черезъ Мюнхенъ отправился въ Италію, въ Римъ, гдѣ и оставался до 1862 г. Въ 1861 году, за присланную оттуда картину «Распятіе», ему было присуждено званіе академика. Вернувшись въ Петербургъ, И. П. нѣкоторое время былъ преподавателемъ въ рисовальной школѣ общества поощренія художествъ. Портретъ князя Горчакова, выставленный художникомъ въ 1867 году на академической выставкѣ, доставилъ ему званіе профессора. Съ этихъ поръ И. П. Келлеръ прославился, какъ выдающійся портретистъ того времени. Онъ безъ устали, и днемъ, и вечеромъ, часто при свѣтѣ лампъ, писалъ огромные портреты почти всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ 1873 году, въ Ливадіи, онъ написалъ грудной портретъ императора Александра II, а въ 1882 г.— грудной портретъ императора Александра III, законченный художникомъ съ натуры 3-го апрѣля. Вообще рѣдко кто изъ нашихъ художниковъ поднимался такъ высоко и работалъ такъ усидчиво. Въ его портретахъ многое писано отъ себя, его живопись за послѣдніе годы носила отпечатокъ бездушности, но огромные портреты во весь ростъ невольно останавливаютъ зрителя своимъ хорошимъ общимъ тономъ. Въ послѣднее время имя И. П. Келлера было почти забыто: онъ нигдѣ не выставлялъ и ничего новаго не писалъ. («Нов. Вр.», № 8306).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьямъ о Пушкинѣ.

Сообщаю двѣ небольшія поправки къ статьямъ, помѣщеннымъ въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника»: 1) въ статьѣ г. В. А. Тихонова объ А. П. Кернъ (стр. 617) мѣстомъ вѣчнаго упокоенія ея названо одно изъ московскихъ кладбищъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ А. П. Кернъ погребена на кладбищѣ погоста Прутни, Новоторжскаго уѣзда, Тверской губерніи, рядомъ съ фамильнымъ склепомъ родныхъ ея по второму мужу, А. В. Маркову-Виноградскому, Львовыхъ; 2) въ статьѣ П. Д. Драганова: «Кто впервые принялся переводить

А. С. Пушкина», не указаны слѣдующіе переводы Пушкина на латинскій языкъ: «Поэтъ, не дорожи любовію народной»—Ne nimium, vates, tribuas popularibus auris, G. S. (иниціалы одного изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ латинистовъ), напечатано въ журналѣ «Филологическое Обозрѣніе» 1894 г., т. VII, кн. 1. Этому же лицу принадлежитъ переводъ стихотворенія: «Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ» — Turbine quid Boreas convallis perflat hiatum, напечатано тамъ же, т. VIII, кн. 2 (1895 г.). Въ томъ же журналѣ Ѳ. Е. Коршъ перевелъ стихотвореніе Мечтателю (Анн. II, 244): «Ты въ страсти горестной находишь наслажденье»—Te iuvat occulto maerere Cupidinis ictu (т. VIII, кн. 2, 1895 года).

А. Малеинъ.

II.

Садъ въ селѣ Болдинѣ.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ отдѣлѣ «Смѣсь» на страницѣ 1084, напечатано о селѣ Болдинѣ слѣдующее: «...Извѣстно, что имѣніе это принадлежитъ мѣстному помѣщику А. Л. Пушкину, родственнику умершаго поэта. Замѣчательнымъ памятникомъ старины и пребыванія знаменитаго поэта въ селѣ Болдинѣ, между прочимъ, служитъ роскошный садъ, принадлежащій тому же А. Л. Пушкину. Въ настоящее время отъ этого сада остались одни грустныя воспоминанія. Владѣлецъ имѣнія вырубилъ часть этого замѣчательнаго сада на мѣста подъ торговыя заведенія...» и т. д.

Свѣдѣнія эти, заимствованныя изъ провинціальной газеты, не вѣрны. Живя отъ Болдина въ 10 верстахъ, я уже 30 лѣтъ знаю каждый его уголокъ и объ его усадьбы, одну А. Л. Пушкина со старымъ садомъ, другую Зыбиныхъ, нынѣ граничащую съ садомъ первой. Вдоль обоихъ садовъ расположена базарная площадь съ присущими ей торговыми заведеніями. Площадь принадлежитъ Зыбинымъ и арендуется вмѣстѣ съ усадьбой однимъ мѣщаниномъ, устроившимъ въ бывшемъ барскомъ флигелѣ трактирное заведеніе.

Прежде, между садомъ Пушкина и усадьбой Зыбиныхъ находился пустырь, принадлежащій Пушкину, какъ говорятъ, давнишнее забытое кладбище. И вотъ, лѣтъ 12 тому назадъ, быть можетъ, и менѣе, хорошенько не упомню, А. Л. Пушкинъ, не желая тревожить аллей стараго сада и вздумавъ увеличить фруктовыя насажденія, использовалъ для этого сказанный пустырь, на которомъ, кромѣ лопуховъ и крапивы да нѣсколькихъ случайныхъ деревцевъ, ничего не росло. Года два тому назадъ на этомъ же пустырѣ, бокъ о бокъ съ трактиромъ на землѣ Зыбиныхъ, Пушкинъ сдалъ мѣсто подъ постройки виннаго склада и квартиры приказчика, при чемъ, можетъ быть, и пришлось срубить нѣсколько деревьевъ, но отнюдь не вѣковыхъ и не принадлежащихъ къ тому саду, по которому гулялъ когда-то покойный Александръ Сергѣевичъ, а росшихъ на окраинахъ пустыря, превращеннаго во фруктовый садъ стараніями настоящаго владѣльца.

Самый же старый садъ содержится прекрасно, и со временъ Александра Сергѣевича въ немъ не только ничего не тронуто, но произведена масса улучшеній и украшеній. Пруды вычищены, черезъ ближайшій къ дому перекинутъ живописный мостикъ; въ саду устроены оранжереи и грунтовый сарай, заве

дены школа и питомникъ фруктовыхъ деревьевъ. Масса цвѣтовъ украшаетъ ближайшую къ дому часть сада и палисадникъ передъ домомъ, построеннымъ на мѣстѣ давно сгорѣвшаго дома, въ которомъ жилъ и писалъ Александръ Сергѣевичъ. Тамъ, гдѣ садъ соприкасается съ усадьбами крестьянъ и мѣстнаго духовенства, возведена высокая каменная стѣна отъ покушеній дѣтворы на цѣлость садовыхъ насажденій.

Въ справедливости моихъ словъ могутъ убѣдиться на мѣстѣ желающіе почтить память незабвеннаго поэта, посѣтивъ Болдино, Львовку и Кистенево, имѣнія, принадлежавшія покойному Александру Сергѣевичу.

И. Н. Званцовъ.

III.

Къ статьѣ г. Драганова о Пушкинѣ.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ г. Драганова «Пушкинъ въ переводахъ», въ примѣчаніи къ стр. 680, вкрались мелкія неточности. Во-первыхъ, по поводу замѣчанія о томъ, что Пушкинъ не бывалъ за границей, что уже не точно само по себѣ, такъ какъ Пушкинъ переступилъ русскую границу во время поѣздки въ Арзерумъ, ошибочно утверждается, что «то же было впослѣдствіи и съ М. Е. Салтыковымъ-Щедринымъ», т.-е. что онъ будто бы также не бывалъ за границей, тогда какъ памятникомъ заграничнаго путешествія Щедрина осталось его извѣстное произведеніе «За рубежомъ», а Н. А. Некрасовъ написалъ ему въ 1878 г. также извѣстное посланіе, начинающееся стихами:

«О нашей родинѣ унылой
Въ чужомъ краю не позабудь».

Далѣе читаемъ: «благодаря лишь своему литературному знакомству съ внѣшнимъ міромъ, въ частности и съ Испаніей, Пушкинъ такъ описывалъ Гвадалквиверъ и испанскую жизнь, какъ будто онъ видѣлъ все это своими глазами». Относительно Испаніи это замѣчаніе вѣрно, но Гвадалквиверъ, по извѣстному стихотворенію Пушкина, обыкновенно рисуется читателю быстрой и бурливой, скорѣе не особенно широкой рѣкой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ Кордовѣ и особенно въ Севильѣ, гдѣ я видѣлъ Гвадалквиверъ лѣтомъ 1887 года, эта рѣка является широкою, величаво и плавно катящей свои волны. Я былъ пораженъ несоотвѣтствіемъ заранѣе составившагося у меня представленія съ дѣйствительностью.

Вл. Шенрокъ.

IV.

Еще къ статьѣ г. Драганова.

Въ статью г. Драганова «Пушкинъ въ переводахъ» на стр. 683, вкралась неточность. Г. Драгановъ полагаетъ, что переводъ «Капитанской дочки» Kartina meitna, A. Skarre, изданіе Rudolph'a Puhze, эстонскій, тогда какъ это переводъ латышскій.

N. N.

РѢДКІЕ ПОРТРЕТЫ.

Князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ.

Князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ, родной братъ любимца и друга императора Александра I, князя Петра Петровича, родился въ 1780 году. Записанный при рожденіи въ гвардію, онъ на шестнадцатомъ году былъ уже ротмистромъ и поступилъ на дѣйствительную службу въ корпусъ графа Зубова, дѣйствовавшій на Кавказѣ. Произведенный 1800 году въ полковники, онъ былъ посланъ въ Парижъ, въ свитѣ генерала Сиренгпортена, назначеннаго комиссаромъ для размѣна плѣнныхъ по окончаніи войны съ французами въ 1799 году. Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе, красивый собою, съ изящными манерами, остроумный и любезный, князь Долгоруковъ произвелъ самое выгодное впечатлѣніе на высшее парижское общество и былъ принятъ въ самыхъ аристократическихъ салонахъ. Наполеонъ, тогда еще первый консулъ, часто бесѣдовалъ съ нимъ и при прощаніи подарилъ ему пару пистолетовъ. Впослѣдствіи, въ 1805 году, когда передъ сраженіемъ подъ Аустерлицемъ, братъ Долгорукова, князь Петръ Петровичъ, явился, по порученію императора Александра, для переговоровъ съ Наполеономъ, послѣдній вспомнилъ о князѣ Михаилѣ Петровичѣ и спросилъ:

— Не родственникъ ли вамъ тотъ князь Долгоруковъ, который въ дни моего консульства жилъ въ Парижѣ, удивлялъ всѣхъ своимъ умомъ, свѣдѣніями и жаждой знаній? Гдѣ онъ теперь?

— Онъ мнѣ младшій братъ, — отвѣчалъ князь Петръ Петровичъ, — находится здѣсь въ арміи и надѣется, въ случаѣ битвы, снискать уваженіе французовъ и на полѣ битвы.

По восшествіи на престолъ императора Александра I, князь Михаилъ Петровичъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и получилъ позволеніе путешествовать, для своего образованія, на безсрочное время. Въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ посѣтилъ Германію, Англію, Францію, Италію, Испанію, Мальту, Іоническіе острова, Морею и Турцію и въ совершенствѣ изучилъ восемь иностранныхъ языковъ. Объявленіе войны Франціи, въ 1805 году, побудило его возвратиться въ Россію. Онъ находился въ несчастномъ Аустерлицкомъ сраженіи и за ока-

занное мужество получилъ георгіевскій крестъ и шпагу за храбрость. Командуя Курляндскимъ драгунскимъ полкомъ, Долгоруковъ участвовалъ во всѣхъ битвахъ кампаніи 1806—1807 гододъ, получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени,чинъ генералъ-майора и званіе генералъ-адъютанта. По заключеніи Тильзитскаго мира, онъ былъ отправленъ съ извѣщеніемъ о томъ въ Петербургъ. По существовавшему здѣсь обычаю, купечество поднесло ему за радостное извѣстіе двѣ тысячи червонцевъ, которые онъ тотчасъ же внесъ, отъ имени неизвѣстнаго, въ Сохранную Кассу, для содержанія изъ процентовъ двухъ пансіонеровъ въ военно-сиротскомъ домѣ.

Въ 1809 году, съ объявленіемъ войны Швеціи, князь Михаилъ Петровичъ отправился въ Финляндію и, командуя отдѣльной частью въ дивизіи генералъ-лейтенанта Тучкова, былъ убитъ въ сраженіи при Индельсальмѣ. Непріятельское ядро ударило его въ самое сердце, сорвало съ лошади и отбросило на двѣсти шаговъ въ сторону. Смерть постигла его на двадцать девятомъ году отъ рожденія и прервала предстоявшую ему блестящую жизнь. Бренные останки его были перевезены въ Петербургъ и преданы землѣ въ присутствіи императора Александра, искренно оплакавшаго потерю этого даровитаго человѣка. За нѣсколько дней до смерти, князь Михаилъ Петровичъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Портретъ его до сихъ поръ не былъ извѣстенъ, и мы можемъ приложить его къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстнику», лишь благодаря благосклонному разрѣшенію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михаиловича, въ копіи съ рѣдкой миніатюры, принадлежащей Его Высочеству.

у насъ вмѣстѣ съ Маркомъ Авреліемъ и Генрихомъ IV, такъ было ему еще мною назначено мечтать о любовной интригѣ съ королевой Маріей-Антуанеттой. Никакого преступленія чрезъ это противъ прекрасной королевы Франціи я не совершилъ, какъ не совершилъ его и противъ прекрасной Клеопатры египетской, въ благоухающую розами и мазями постель которой я впустилъ кардинала.

— Но кардиналъ можетъ сослаться на насъ, сказавъ, что мы вовлекли его въ этотъ обманъ,— замѣтила Лоренца, на лицѣ которой выраженіе безпокойства все усиливалось.—Я, кромѣ шутокъ, боюсь, мой другъ, какъ бы насъ не причислили къ соучастникамъ въ этомъ дѣлѣ. Кардиналъ—полупомѣшанный мечтатель; не долго думая, онъ откроетъ всѣ свои дѣла съ нами. Хотя ты училъ его искусству дѣлать золото и камень мудрости, за что, какъ и за всѣ необыкновенныя тайны, онъ платилъ намъ хорошія денежки,—однако, при умѣніи дѣлать золото, онъ становился все бѣднѣе, такъ что не могъ даже внести въ срокъ перваго взноса за ожерелье, отчего и вышла вся исторія. Столь же мало помогъ ему твой камень мудрости, потому что онъ становился все глупѣе и не замѣчалъ твоего лукавства. Ты зашелъ слишкомъ далеко, и я боюсь, что если на этомъ мы шею не свернемъ, то все равно погубитъ насъ безумное rendez-vous, устроенное тобою въ рощицѣ версальскаго дворцоваго парка. Эта m-elle Олива, выхваченная тобою изъ среды порочныхъ дѣвушекъ Пале-Ройяля и соотвѣтственно переодѣтая, оказалась замѣчательною Маріей-Антуанеттой, въ конецъ помутившей разумъ бѣднаго кардинала; но теперь, когда будетъ возбужденъ процессъ, дѣвушка эта выдастъ тебя, какъ главнаго виновника. Прошу тебя, Александръ, будь благоразуменъ, бѣжимъ сейчасъ же изъ Парижа!

— Не понимаю, откуда это малодушіе у графини Каліостро,— сердито возразилъ графъ.—Вспомни, какой духъ безстрашія и храбрости обиталъ прежде въ твоемъ прекрасномъ тѣлѣ, когда ни одно приключеніе не казалось тебѣ достаточно опаснымъ? А теперь, безразсуднымъ бѣгствомъ, которое всего сильнѣе можетъ возбудить подозрѣніе противъ насъ, мы должны лишиться всѣхъ пріобрѣтенныхъ нами въ Парижѣ выгодъ? Нѣтъ, я не тронусь съ мѣста. Если же буду обвиненъ, то сумѣю защищаться всѣми имѣющимися у меня средствами. Мое вліяніе, передъ которымъ начинаютъ благоговѣть даже принцы королевскаго дома, стремится къ полному господству надъ умами и карманами людей, и вдругъ, въ припадкѣ глупаго страха, я долженъ отказаться отъ этого?!

— Я не трусиха,—сказала Лоренца, а прекрасные глаза ея сверкнули мрачнымъ пламенемъ,—но ты знаешь, что я всегда вѣрно предчувствую опасность. Благодаря мнѣ, уже два раза, въ Лондонѣ и Мадридѣ, мы избѣжали тюрьмы, потому что я во-время выгнала тебя оттуда, тогда какъ ты увѣрялъ даже меня, что съ тобой ничего

не можетъ случиться, потому что ты жилъ еще до потопа и носился вмѣстѣ съ Ноемъ въ его ковчегѣ.

Каліостро расхохотался и на минуту поддался просьбамъ и ласкамъ Лоренцы; затѣмъ, какъ бы для ея успокоенія, сказалъ:—Все подозрѣніе падетъ на нашу свѣтлѣйшую графиню Ламоттъ-Валуа, которую поэтому я и убѣдилъ бѣжать. Сегодня, до разсвѣта, она оставила Парижъ и направилась въ Баръ-Сюръ-Объ, гдѣ я доставилъ ей вѣрное убѣжище у одного могильщика, съ которымъ состою въ сношеніяхъ.

— Вотъ почему я напрасно искала ее въ цѣломъ домѣ сегодня!—замѣтила Лоренца, подумавъ.—Но ея исчезновеніе никакой пользы намъ не принесетъ, Джьюзеппе Бальзамо,—прибавила она настойчиво.—Такъ какъ она жила у насъ, то здѣсь и будутъ искать начала всѣхъ ея интригъ, и слѣдствіе неминуемо. Здѣсь же будутъ искать ожерелья. Извѣстно, что королева его не приняла, а слѣдовательно гдѣ нибудь же оно осталось.

— Не найдутъ никакого слѣда,—возразилъ Каліостро.—У насъ въ домѣ нѣтъ ни одного камня. Ты вѣдь знаешь, что мы разобрали ожерелье по частямъ, и мужъ Ламотъ давно уже съ этимъ въ Лондонѣ для превращенія каменьевъ въ деньги.

— Тебѣ не слѣдовало связываться съ этою отвратительною женщиной,—сказала Лоренца съ неудовольствіемъ.—Своею дьявольскою ловкостью она сумѣла соблазнить кардинала, она же будетъ и твоимъ несчастьемъ и погубитъ насъ обоихъ. Скажу тебѣ, что я никогда не вѣрила въ ея высокое происхожденіе, которое не болѣе, какъ безстыдная басня. Подобная особа не можетъ быть изъ стараго королевскаго рода Франціи.

— Отчего?—насмѣшливо спросилъ Каліостро.—Вы, женщины, не можете быть справедливыми одна къ другой. Знай, дитя мое, генеалогами давно уже установлено, что графиня Ламоттъ-Валуа ведетъ свое происхожденіе отъ того Карла Валуа, барона Сенъ-Реми, который былъ незаконнымъ сыномъ французскаго короля Карла IX. Судьба сдѣлала ее бродягой и нищей. Когда я здѣсь познакомился съ ней, она жила милостыней, подававшейся ей придворными въ память къ имени Валуа. Я раздулъ пламя предпріимчивости въ ея жилахъ, и она отблагодарила меня за это, будучи полезнымъ и ловкимъ орудіемъ для моихъ плановъ. И развѣ это не въ высшей степени интересная комедія, какъ этотъ послѣдній отпрыскъ дома Валуа всею силою интриги наступаетъ на дочь кесарей, чело которой украшено одною изъ первыхъ коронъ міра—наслѣдствомъ бѣдной отверженной? Брильянтовое ожерелье будетъ также и орудіемъ мести противъ гордой дочери кесарей.

Лоренца неодобрительно покачала головой и, не произнося болѣе ни слова, направилась къ двери.

— Примись теперь серіозно за приготовленія къ сегодняшнему

обѣду, — внушительно сказалъ онъ ей вслѣдъ. — Все должно быть отборно, блестяще и точно. Полагаюсь въ этомъ, по обыкновенію, всецѣло на тебя. Съ этими словами онъ снова сѣлъ за свой рабочій столъ для продолженія прерванныхъ занятій и опытовъ.

V.

Обѣдъ съ участіемъ духовъ.

Назначенный часъ обѣда у графа Каліостро насталъ, и приглашенные не преминули явиться во время.

Каліостро принималъ гостей въ своемъ обычномъ костюмѣ, котораго никогда не снималъ, и къ которому высшее парижское общество уже вполнѣ привыкло. Жена же его облеклась въ великолѣпный обольстительный туалетъ, соотвѣтствовавшій усвоеннымъ ею утонченнымъ манерамъ.

Первою прибыла маркиза де-Барберакъ съ своимъ кавалеромъ, нѣмецкимъ эксъ-министромъ, барономъ фонъ-Гогенфельдомъ. Маркиза, необыкновенная красота которой мало пострадала даже съ ея вступленіемъ, какъ казалось, въ сорокалѣтній возрастъ, своимъ умомъ и граціей служила предметомъ поклоненія не только въ придворныхъ кругахъ, но и среди всего, что было въ то время въ Парижѣ выдающагося по уму и таланту. Въ настоящую минуту въ ея милыхъ цѣпяхъ находился баронъ фонъ-Гогенфельдъ, высокій, внушительнаго вида мужчина лѣтъ пятидесяти, весельчакъ и bonvivant, нѣмецъ, по своему характеру и манерамъ явно превращающійся въ француза.

Одновременно съ ними вошли въ домъ Шамфоръ и госпожа Нэра. Послѣдняя тѣмъ охотнѣе согласилась на предложеніе Шамфора сопутствовать ему, что этимъ исполнялось и одно изъ желаній Мирабо. Жизнь и занятія Каліостро привлекали на себя вниманіе Мирабо, и въ письмахъ своихъ къ Шамфору онъ постоянно повторялъ, что доставленіе ему подробныхъ свѣдѣній о знаменитомъ чудодѣѣ, по многимъ причинамъ, крайне для него желательно. Отого-то Шамфоръ рѣшился познакомиться съ графомъ Каліостро, и Генріетта, всегда усердная во всемъ помощница Мирабо, а теперь при томъ же веселая и радостная, благодаря полученнымъ ею для своего друга обѣщаніямъ, съ величайшею готовностью приняла предложеніе Шамфора присоединиться къ нему.

Каліостро ожидалъ гостей внизу внутренней лѣстницы своего дома, на которой торжественно выстроилась многочисленная прислуга, облаченная на этотъ разъ въ богатую траурную ливрею.

Графиня оставалась въ гостиной на верху, гдѣ съ величайшимъ тактомъ привѣтствовала подводимыхъ ей Каліостро гостей. Сначала

разговоръ касался самыхъ обыденныхъ вещей, причемъ Каліостро выражался сдержанно и нѣсколько торжественно. Еще не все приглашенное общество было на лицо. Ждали генерала Лафайетта, также принявшаго приглашеніе. Со времени возвращенія изъ своего вторичнаго путешествія въ Америку, въ началѣ 1785 года, онъ все сильнѣе предавался модному въ то время въ Парижѣ увлеченію магіей и магнетизмомъ.

Наконецъ прибылъ и Лафайеттъ, и все общество немедленно направилось въ обѣденный залъ, двери котораго были раскрыты дворецкимъ. Залъ этотъ былъ убранъ самымъ необыкновеннымъ образомъ. Онъ былъ весь затянутъ, сверху до низу, черными бархатными обоями, усѣянными блестящими золотыми звѣздами. Все въ этой громадной комнатѣ казалось разсчитаннымъ на впечатлѣніе печали и меланхоліи, и лишь великолѣпныя зеркала и люстры своимъ блескомъ и драгоцѣнностью нарушали его. Глубокая тишина, царствовавшая здѣсь, отвлекала отъ видимаго настоящаго и настраивала, казалось, умъ къ лицезрѣнію самыхъ необыкновенныхъ явленій и происшествій.

Стоявшій посреди зала столъ былъ накрытъ съ изысканнѣйшею роскошью на девять приборовъ, хотя общество состояло изъ семи лицъ. Каліостро извинился, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ приглашенныхъ не могли прибыть. Онъ просилъ гостей занять мѣста; лишніе же приборы убирать не велѣлъ.

Странное недоумѣніе, съ которымъ общество вступило въ великолѣпную траурную залу, смѣнилось удивленіемъ при ходѣ самаго обѣда. Прислуги не было вовсе, а замѣняли ее, сдѣланные изъ чернаго дерева рабы, которые, при помощи удивительно точно работающаго механизма, то выступали изъ земли, то вновь опускались, принося или убирая блюда и все требуемое за столомъ.

Маркиза де-Барберакъ, смѣло и съ гордымъ сомнѣніемъ вступившая въ эти предѣлы, вначалѣ, при видѣ всѣхъ этихъ вещей, казалась нѣсколько оробѣвшей и призадумывалась. Однако, вскорѣ разговоръ, завязавшійся между Шамфоромъ и маркизомъ Лафайеттомъ, привлекъ ея вниманіе, и она съ оживленіемъ приняла въ немъ участіе.

— Въ Америкѣ, я думаю, некогда вызывать духовъ?—обратился Шамфоръ съ обычнымъ сарказмомъ къ генералу Лафайетту.—Весь свѣтъ и всѣ газеты разсказывали о великихъ тріумфахъ, встрѣтившихъ васъ при этомъ новомъ путешествіи по свободному американскому государству. Вы помогли тамъ окончательно воздвигнуть храмъ свободы, и съ полнымъ правомъ присвоеннымъ вамъ титуломъ американскаго гражданина вновь вернулись во Францію, гдѣ намъ все еще нечего дѣлать пока, и гдѣ поэтому вамъ приходится скучать. А скука бездѣйствія—мать всѣхъ привидѣній и чудесныхъ лѣченій. Этимъ я объясняю себѣ вашу продолжающуюся привержен-

ность къ месмеризму, такъ какъ я слышалъ, что вы, попрежнему, постоянный посѣтитель въ домѣ нѣмецкаго доктора Месмера, на Вандомской площади, гдѣ присутствуете при всѣхъ его магнетическихъ сеансахъ.

Шамфоръ высказалъ тутъ самымъ беззаботнымъ образомъ рѣзкое сужденіе о настоящемъ положеніи. Пока Лафайеттъ, прелестное молодое лицо котораго сдѣлалось вдругъ чрезвычайно серіознымъ, медлилъ отвѣтомъ, графъ Каліостро бросалъ кругомъ электрическіе, сверкающіе взгляды, стараясь пронизывающею силою своихъ глазъ изучить физіономію каждаго гостя.

Маркиза де-Барберакъ, къ которой вернулась страсть надъ всѣмъ смѣяться, заговорила первая:

— Если умное замѣчаніе господина Шамфора о скукѣ вѣрно, то я боюсь, что, какъ, впрочемъ, я и ожидала, мы здѣсь за столомъ графа Каліостро никакихъ привидѣній не увидимъ. Мнѣ кажется, намъ становится здѣсь очень весело, и если мать привидѣній—скука, то едва ли мы узримъ сегодня духовъ. Какъ вы полагаете, графъ?

Каліостро улыбнулся, сверкнувъ при этомъ своими удивительной бѣлизны зубами, что придавало лицу его особое выраженіе. Затѣмъ, на своемъ ломаномъ языкѣ, иностранное произношеніе котораго онъ еще искусственно преувеличивалъ, сказалъ: — Духамъ нѣтъ дѣла до нашей скуки или удовольствія. Спрашиваетъ ли о насъ воздухъ, лобзающій насъ во время сна? Однако, онъ непрестанно вѣетъ и дотрогивается до насъ, а уже отъ насъ самихъ зависитъ понимать его дуновенія. Воздухъ, духи, истина — это все одно и то же, но только въ самихъ насъ заключается сила достойно оцѣнить ихъ. Все это существуетъ лишь въ нашемъ пониманіи. Для того же, кому міръ чуждъ, все будетъ одинъ пустой туманъ, и завѣса передъ нимъ останется закрытой.

— И я убѣдительно прошу васъ, графъ, не поднимайте еще завѣсы!—сказала маркиза, принуждая себя граціозно улыбнуться.— Хотя я пришла сюда, какъ отчаянный скептикъ, желая быть вами обращенной, однако, чѣмъ ближе подходитъ эта минута, тѣмъ сильнѣе овладѣваетъ мною страхъ и трепетъ. Быть можетъ, маркизъ Лафайеттъ захочетъ пока разсказать намъ что нибудь объ Америкѣ?

— Глаза американцевъ обращены теперь, главнымъ образомъ, на нашу Францію! — отвѣчалъ Лафайеттъ. — Конгрессъ вручилъ мнѣ письмо къ королю Франціи, называемому дикарями Америки «великимъ Ононтіо». Въ письмѣ этомъ выражена Франціи благодарность Соединенныхъ Штатовъ за ихъ свободу, которая стала естественнымъ дыханіемъ Америки и уже у этого народа не можетъ быть замѣнена искусственнымъ монархическимъ способомъ дыханія. Да, скоро всѣ труждающіеся и обремененные найдутъ тамъ счастливое пристанище и новое отечество, какъ недавно написалъ

мнѣ генералъ Вашингтонъ, приглашая къ себѣ всѣхъ, ищущихъ своего счастья и мира въ обработкѣ матери-земли, и обѣщая, что они найдутъ тамъ, какъ въ обѣтованной землѣ, одно лишь млеко и медъ [1]).

— Да здравствуетъ Лафайеттъ! — воскликнулъ Шамфоръ, поднимая свой стаканъ, чтобы чокнуться. Но въ эту минуту графъ Каліостро сдѣлалъ таинственный знакъ, простирая въ воздухѣ руку и какъ бы приглашая своихъ гостей повременить еще минуту съ принятіемъ провозглашеннаго тоста. Тутъ вдругъ выскочили изъ полу двое черныхъ рабовъ, держа подносъ съ множествомъ свѣжихъ бутылокъ, наполненныхъ дорогими винами.

Каліостро, распредѣливъ бутылки на столѣ, сталъ самъ наливать пламенемъ сверкавшее вино въ стаканы гостей.

— Это великолѣпное сиракузское, — сказалъ Шамфоръ, съ видомъ знатока попробовавъ вино.— Надѣемся, что графъ получилъ его естественнымъ путемъ, потому что хотя всѣ источники духовъ, безъ сомнѣнія, находятся въ распоряженіи его погреба, однако наши боязливыя дамы примутъ съ большею благодарностью виноградную лозу, въ которой еще не водится домовыхъ, и которая была дѣйствительно воздѣлана загорѣлыми руками итальянскаго крестьянина.

Графъ Каліостро, легкимъ движеніемъ руки указывая на пѣнящееся въ стаканахъ вино, предлагалъ его гостямъ, причемъ на минуту лицо его приняло почти добродушное и веселое выраженіе.

Тутъ Шамфоръ поднялъ свой бокалъ и сказалъ:—Этимъ настоящимъ сиракузскимъ пью за здоровье генерала Лафайетта! Пусть процвѣтаетъ, дѣйствуя и впредь на славу, не только его храбрая рука, посвященная свободѣ народовъ, но и прекрасное сердце его, бьющееся за освобожденіе бѣдныхъ черныхъ негровъ! Да здравствуетъ Лафайеттъ, а съ нимъ вмѣстѣ все, что черно и что протестуетъ, но что будетъ однажды свѣтло и лучезарно и обрѣтетъ свое право въ общей свободѣ!

Звонъ стакановъ торжественно разнесся по всей залѣ. Даже Каліостро опорожнилъ свой стаканъ, хотя обыкновеніемъ его было не принимать у себя за столомъ никакого участія.

Лафайеттъ съ улыбкой кланялся на всѣ стороны и благодарилъ за тостъ.

Маркиза же, на очаровательномъ лицѣ которой играло насмѣшливое выраженіе, сказала, граціозно обращаясь къ графу Каліостро:

— Мы всѣ съ удовольствіемъ, конечно, поддержали столь остроумно провозглашенный тостъ, въ которомъ не было забыто и о черныхъ, а генералъ Лафайеттъ, учредившій уже въ Парижѣ для дѣла негровъ свой собственный комитетъ, былъ причисленъ къ самымъ

[1]) Mémoires du général Lafayette, II, 125.

выдающимся, такъ сказать, чернокнижникамъ нашего времени. Какъ видите, графъ, мы принимаемъ чернокнижіе въ его наилучшемъ значеніи. Скажите же намъ, какъ относитесь вы къ вашему искусству, несомнѣнные образчики котораго вы хотѣли намъ дать сегодня? Есть ли это идея или магія, истина или сонъ, то, что мы у васъ должны узрѣть?

При этомъ вопросѣ Каліостро сперва спокойно глядѣлъ внизъ, какъ бы погруженный въ глубокую задумчивость, затѣмъ вдругъ его густые черные кудри встряхнулись на головѣ точно какою-то электрическою силою, а маркизѣ видѣлись даже сверкавшія въ нихъ искры. Онъ поднялъ глаза и устремилъ на маркизу долгій, упорный взглядъ съ тою загадочною силою, которую въ его взглядѣ признавали даже самые невѣрующіе.

Госпожа де-Барберакъ начала при этомъ испытывать странное ощущеніе; капли пота выступили у нея на лбу, и, близкая къ обмороку, она должна была опереться на руку своего сосѣда, барона фонъ-Гогенфельда.

— О Боже, вы все блѣднѣете, маркиза!—воскликнулъ баронъ, желая помочь своей дамѣ, но она быстро оправилась, объявивъ, что чувствуетъ себя прекрасно. Но тутъ вновь увидала устремленными на себя глаза Каліостро, съ такою непреодолимою силою притягивавшіе ее къ себѣ, что она не только повернулась въ его сторону, но и встала, чтобы ближе къ нему подойти и послѣдовать за нимъ.

Движеніемъ руки Каліостро указалъ, однако, ей на стулъ, на который она опустилась съ глубокимъ вздохомъ, а потомъ онъ серіозно, почти съ достоинствомъ проговорилъ: —Прошу только всѣхъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Я отлично помню, госпожа маркиза де-Барберакъ, то, что я вамъ обѣщалъ. Здѣсь нѣтъ рѣчи объ искусствѣ, къ которому могла бы быть приложена какая либо земная краска. Ни чернымъ, ни бѣлымъ, ни голубымъ, ни краснымъ не можетъ быть обозначена та наука, которая себя здѣсь проявитъ. Пусть чистое знаніе и зрѣніе возьмутъ насъ на свои лазурныя крылья и проникнутъ вмѣстѣ съ нами за предѣлы жалкаго кругозора толпы! Васъ же я попрошу только назвать мнѣ лица, которыя вы бы желали увидѣть передъ собою.

Маркиза, сильно сдвинувъ брови, молчала. Ей, казалось, не хватало храбрости для яснаго отвѣта. Настроеніе всего общества становилось серіознымъ и торжественнымъ.

— Попробую прочесть въ глубинѣ вашего сердца, маркиза,— сказалъ Каліостро, смотря на нее съ улыбкой, выражавшей увѣренность въ побѣдѣ.—Первое имя, дремлющее въ вашей душѣ и съ силой рвущееся ко мнѣ, я, кажется, уже нашелъ. Это есть имя великаго кардинала Ришелье.

— Да,—со вздохомъ отвѣчала г-жа де-Барберакъ,—позвольте намъ

увидѣть великаго кардинала Ришелье. А потомъ я хотѣла бы видѣть свою незабвенную бабушку со стороны моей матери.

Едва успѣла маркиза произнести эти слова, какъ Каліостро всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ зеркалу, висѣвшему, въ великолѣпной рамѣ, на стѣнѣ, прямо противъ маркизы и отражавшему до сихъ поръ лишь образъ красивой элегантной женщины.

Послѣ глубокаго и чрезвычайно почтительнаго поклона графа передъ зеркаломъ, поверхность его начала вдругъ страннымъ образомъ оживляться. Сначала заколебались въ зеркалѣ какъ бы темныя тѣни или влажный туманъ, а потомъ будто вѣтромъ приводимая въ движеніе завѣса начала медленно подниматься.

Граничащее съ ужасомъ напряженіе общества достигло высшей степени. Въ огромной залѣ все замерло.

Внезапно, точно зародившаяся дыханіемъ духа, выступила изъ зеркала фигура въ полномъ кардинальскомъ облаченіи, походившая до самыхъ мельчайшихъ подробностей на извѣстный портретъ великаго государственнаго человѣка и кардинала, показывающійся и теперь въ отелѣ Ришелье.

Съ возрастающимъ удивленіемъ смотрѣли присутствующіе на высокую, полную достоинства фигуру, приблизившуюся теперь къ столу и съ невозмутимымъ спокойствіемъ призрака поклонившуюся собранію.

Маркиза, нимало не испугавшаяся при видѣ духа, пришла опять въ свое непринужденно веселое настроеніе и съ любезностью и граціей отвѣтила на его поклонъ. Спутникъ же ея, нѣмецкій баронъ, напротивъ того, былъ объятъ невыразимымъ страхомъ и не осмѣливался даже повернуться въ сторону призрака, который, проходя, задѣлъ его платьемъ. Шамфоръ и Генріетта удивленно смотрѣли другъ на друга. Первый пробовалъ усмѣхнуться, но серіозные взгляды Генріетты какъ бы увѣщевали его и просили о спокойномъ наблюденіи происходящаго.

Маркиза де-Барберакъ расхрабрилась настолько, что рѣшилась вступить въ разговоръ съ тѣнью, съ любезностью свѣтской дамы извиняясь передъ ней, что осмѣлилась ее безпокоить.

Призракъ улыбался и, казалось, съ интересомъ прислушивался къ ея словамъ, а маркиза оживлялась все болѣе и болѣе.

— Политика герцога Ришелье была всегда предметомъ моего величайшаго удивленія,—воскликнула она, съ прелестнымъ свѣтскимъ апломбомъ обращаясь къ призраку.— Къ сожалѣнію, теперешніе министры Франціи давно уже отступили отъ традицій великаго мастера политики.

Тѣнь желала, повидимому, заговорить сама и величественно простерла въ воздухѣ обѣ руки. Затѣмъ глухимъ, жалобнымъ голосомъ медленно проговорила:

— И я не могу не пожалѣть объ отступленіи теперешнихъ министровъ Франціи. Тяжко, тяжко заплатитъ Франція за грѣхи моихъ преемниковъ. Море несчастій, все прибывая, смоетъ алтарь и тронъ. Для трона, какъ и для народовъ, нѣтъ спасенія внѣ лона католической церкви. Я возвеличилъ прежде всего тронъ Франціи тѣмъ, что возвелъ надъ нимъ сводъ католической церкви, но искусство моей политики требовало въ то же время поддержки протестантовъ въ Германіи, чтобы съ помощью послѣдней ослабить опасную австрійскую династію. Горе мнѣ, горе! Этимъ я посѣялъ вѣтеръ, благодаря которому Франція пожнетъ свои бури. Но если вы будете вѣрными католиками, то еще можете спасти свою душу и тѣло и устоять въ минуту страшныхъ бѣдъ [1]).

При этихъ словахъ выраженіе истиннаго благородства отразилось на чертахъ говорящаго призрака, быстро смѣнившееся, однако, выраженіемъ горькой ироніи. Сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ остановился въ непосредственнной близости маркизы де-Барберакъ.

— Вы сами умрете смертью злодѣевъ,—рѣзко сказалъ онъ, обратясь къ ней.—Мое вамъ сообщеніе объ этомъ примите, какъ достойно заслуженную кару за то легкомысліе, съ которымъ вы нарушили мой покой!

Сказавъ это, тѣнь исчезла, какъ бы растаявъ въ воздухѣ. Никто не замѣтилъ, какимъ образомъ произошло ея исчезновеніе. Гробовое молчаніе воцарилось въ залѣ. Маркиза вновь поблѣднѣла и дрожала, а баронъ фон-Гогенфельдъ, ухаживая за ней, старался ее успокоить и загладить столь нелюбезное предсказаніе духа Ришелье въ послѣднюю минуту.

— Слова призрака напомнили мнѣ нашего друга Мирабо,— шепнулъ Шамфоръ Генріеттѣ.—Нашъ другъ высказывалъ предположеніе, что этотъ Каліостро состоитъ на жалованьи у іезуитовъ и дѣйствуетъ лишь для цѣлей ихъ ордена. Только что слышанная нами рѣчь преосвященной тѣни, по-моему, подтверждаетъ это предположеніе, такъ какъ въ этой рѣчи велась открытая пропаганда католической церкви. Не забудемъ сообщить объ этомъ нашему другу въ Лондонѣ [2]).

Генріетта одобрительно кивнула ему головой, заботливо указывая въ то же время на дальнѣйшее развитіе сцены, вновь привлекшей общее вниманіе.

Въ глубинѣ зеркала стало уже появляться второе видѣніе такимъ же точно образомъ, какъ и первое.

---

[1]) Слово въ слово по найденному между семейными бумагами разсказу барона фонъ-Гогенфельда объ этомъ обѣдѣ у Каліостро и объ изреченіяхъ явившагося тамъ призрака. См. «Рейнскій антикварій» 2, ч. II, томъ 2. «Фонъ-Гогенфельды», стр. 776.

[2]) Появившееся впослѣдствіи сочиненіе Мирабо «Lettre sur Cagliostro et Lavater» приводитъ главнымъ образомъ это мнѣніе.

Двигающіяся и заволакивающія зеркало тѣни на этотъ разъ съ необыкновенной быстротой приняли форму, и новая фигура выступила впередъ. Всѣ увидѣли пожилую даму, въ коричневомъ шелковомъ капотѣ, стариннаго покроя, сверху до низу покрытомъ кружевами, любезно, но съ достоинствомъ приближавшуюся къ своей внучкѣ.

Маркиза съ живостью и распростертыми руками бросилась ей навстрѣчу, желая заключить въ свои нѣжныя объятія бабушку, образъ которой вновь предсталъ передъ ней.

— Не тронь меня, дочь моя,—пропентала тѣнь, отступая нѣсколько шаговъ назадъ.

Когда маркиза опять усѣлась, бабушка заняла мѣсто возлѣ внучки, и между ними завязался разговоръ, вначалѣ на тему самыхъ обыкновенныхъ родственныхъ отношеній, въ которомъ маркиза принимала оживленное и радостное участіе. Она, казалось, забыла, какимъ необыкновеннымъ путемъ получила возможность разговаривать съ любимой бабушкой, и воображала себя вновь сидящей у камина въ отцовскомъ замкѣ, откровенно болтая о разныхъ семейныхъ похожденіяхъ.

Бабушка и начала именно припоминать молодость маркизы, проявляя при этомъ поразительную память, чуть ли даже не больше, чѣмъ бы самой маркизѣ было желательно. Послѣ разныхъ воспоминаній о шалостяхъ, непослушаніи и легкомысліи дѣтства, болтливая бабушка дошла до одного пажа, по имени Пери, прелестнаго плутика, приставленнаго въ то время къ ея красивой внучкѣ и вскружившаго ей голову. Тутъ должны были послѣдовать дальнѣйшія, не слишкомъ, вѣроятно, скромныя откровенія, но испуганная маркиза, не желая допустить ихъ, съ силою схватила бабушку за руку. Въ то же мгновеніе рука эта съ быстротой молніи обратилась въ ничто, и все видѣніе подобно дыханію, въ которомъ не оставалось болѣе ничего осязательнаго, исчезло [1]).

Теперь графиня Каліостро поднялась съ своего мѣста, приглашая гостей перейти съ нею въ гостиную и тамъ пить кофе.

Все общество послѣдовало ея приглашенію. Нѣсколько минутъ всѣ молчали, испытывая, повидимому, самыя различныя ощущенія. За чрезмѣрнымъ напряженіемъ послѣдовало утомленіе и какое-то смутное неудовольствіе, а потому, во избѣжаніе дальнѣйшихъ разъясненій, всѣ стали прощаться съ хозяиномъ и хозяйкой.

Въ эту самую минуту, въ передней раздались тяжелые шаги, и нѣсколько голосовъ громко, нимало не стѣсняясь, спрашивали графа Каліостро. Вслѣдъ за симъ, двери въ залъ раскрылись, и двое полицейскихъ, съ шумомъ войдя въ него, подошли къ графу Каліостро и предъявили ему повелѣніе объ арестѣ. Повелѣніемъ этимъ имъ

---

[1]) «Рейнскій антикварій» 2, ч. II, т. 2, стр. 777.

было поручено немедленно отвезти графа и графиню Каліостро въ Бастилію.

Съ невозмутимымъ спокойствіемъ, безъ малѣйшаго измѣненія въ выраженіи лица, принялъ Каліостро это сообщеніе. — Извѣстно ли вамъ что либо по поводу этого распоряженія?—спросилъ онъ равнодушно, обращаясь къ полицейскому агенту и возвращая ему повелѣніе объ арестѣ, въ которое слегка заглянулъ.

Агентъ пожалъ плечами и съ усмѣшкой отвѣчалъ, что сегодня графиня Ламоттъ-Валуа, задержанная въ Баръ-сюръ-Объ, отвезена въ Бастилію.—А потому весьма возможно,—прибавилъ онъ,—что эта дама сдѣлала уже нѣкоторыя признанія, ведущія въ Бастилію и графа Каліостро съ супругой.

Графиня, при этихъ словахъ, громко вскрикнула, бросилась къ Каліостро и крѣпко обняла его обѣими руками, какъ бы ища у него защиты.

— Не падай духомъ, Лоренца, тучи находятъ и проходятъ, и каждое облако, въ которое мы вступаемъ, должно вновь, само собой, удалиться отъ насъ,— проговорилъ Каліостро съ торжественностью. Послѣ этого онъ подошелъ къ своимъ гостямъ, извиняясь передъ ними, что невольно вынужденъ сократить свои обязанности хозяина. Онъ надѣется, что чрезъ это испытаніе его еще лучше узнаютъ; вотъ единственно, почему онъ охотно принимаетъ то, чему его подвергаютъ.

Лицо его при этомъ имѣло почти торжествующее выраженіе, и, какъ бы съ нѣкоторою гордостью, онъ отдалъ себя въ руки полицейскихъ, съ нетерпѣніемъ желавшихъ уже пуститься въ путь. Графинѣ не было дано времени для перемѣны ея великолѣпнаго туалета, и она должна была послѣдовать за полицейскими чинами въ томъ видѣ, какъ была для пріема своихъ гостей.

Ожидавшая внизу у дверей наглухо закрытая карета приняла обоихъ арестованныхъ и ихъ охрану и быстро направилась къ мѣсту назначенія.

Приглашенные къ обѣду гости оставались еще нѣкоторое время въ залѣ графа Каліостро въ самомъ необыкновенномъ настроеніи. Невольная улыбка, съ которою они смотрѣли другъ на друга, разрѣшилась, наконецъ, общимъ обмѣномъ мыслей.

— Хорошо, что полиція поразила насъ уже за кофеемъ, а не среди нашего обѣда съ духами! — прервалъ молчаніе Шамфоръ. — Что бы это было, если бы бастильскіе посланники возмездія застали здѣсь его преосвященство кардинала Ришелье и достопочтенную бабушку маркизы! Было бы постыдно для кардинала, при первомъ же посѣщеніи Франціи, тотчасъ столкнуться съ полиціей. Духъ же бабушки, имѣя слушателями полицейскихъ агентовъ, разболталъ бы менѣе, быть можетъ, въ особенности на счетъ прелестнаго пажа Пери.

— Я убѣждена, что мы были здѣсь предметомъ дерзкаго обмана,— съ живостью начала маркиза де-Барберакъ, пришедшая теперь въ себя отъ всѣхъ ужасовъ. — Увѣряю моимъ честнымъ словомъ, что я никогда не слыхала ни о какомъ пажѣ Пери. Кто своимъ духамъ передаетъ подобную ложь, тотъ недостоинъ ни малѣйшаго довѣрія, ни онъ самъ, ни его такъ называемая наука.

— Зачѣмъ я не попросилъ его вызвать мнѣ моего отца? — воскликнулъ Шамфоръ, смѣясь.—Я зналъ всегда только свою мать, и, хотя невозможно, чтобы я не имѣлъ родителя, я, однако, никогда не слышалъ его имени и не видѣлъ лица его. Быть можетъ, графъ Каліостро, такъ хорошо изучившій тайны египетскихъ храмовъ, нашелъ тамъ и того, кто былъ моимъ отцомъ? А еслибъ его положеніе или наружность мнѣ не понравились, я могъ бы съ нимъ сдѣлать то, что сдѣлали съ прекраснымъ пажемъ Пери. Я не призналъ бы его существованія.

Маркиза, которой было не желательно дальнѣйшее продолженіе такого разговора, поспѣшно взяла своего кавалера подъ руку и, любезно откланявшись, удалилась. Генералъ Лафайеттъ, оставшійся, казалось, при благопріятномъ мнѣніи о Каліостро, послѣдовалъ за нею, разговаривая съ Шамфоромъ. Онъ замѣтилъ, что противъ столь необыкновенно одареннаго человѣка вмѣшательство полиціи ничего не доказываетъ. Развѣ Бастилія, въ данную минуту, не есть родина лучшихъ и благороднѣйшихъ сыновъ Франціи?

— Однако, полиція, кажется, жадно собираетъ улики противъ графа Каліостро, — возразилъ Шамфоръ, входя съ Лафайеттомъ въ сѣни, занятыя полицейскими и солдатами. Тутъ же они замѣтили, что въ домѣ производился тщательный обыскъ.

— Ищите,—сказалъ Шамфоръ, — что нибудь да найдете въ мастерской чародѣя. Нѣкоторые духи должны еще быть въ гардеробной, гдѣ они какъ разъ мѣняютъ свой костюмъ.

На улицѣ домъ былъ окруженъ нищими и больными, получавшими обыкновенно въ это время милостыню и цѣлебныя средства отъ графа Каліостро, а теперь, при его отъѣздѣ, проводившими его громкими сожалѣніями и благословеніями.

VI.

Утро въ Сенъ-Клу.

Королева Марія-Антуанетта пребывала съ нѣкоторыхъ поръ въ замкѣ Сенъ-Клу, перешедшемъ, путемъ купли и обмѣна, изъ владѣнія герцога Орлеанскаго въ руки королевы и объявленномъ ея личною собственностью.

Весь поэтому служебный персоналъ и прислуга замка, равно какъ

отряженные сюда швейцарцы, имѣли на себѣ ливрею королевы; всѣ же распоряженія, прибиваемыя у воротъ замка или въ его окрестностяхъ, подписывались лишь словами: «отъ имени королевы», что, какъ никогда неслыханное въ обычаяхъ французской монархіи, возбуждало величайшее удивленіе не только среди народа, но даже въ высшихъ кругахъ общества.

Именно въ этихъ кругахъ усиливались жалобы на королеву за то, что она старается уничтожить старые монархическіе нравы; находили даже неполитичнымъ и безнравственнымъ, чтобы замки и помѣстья дѣлались исключительною собственностью королевы Франціи [1]). Низшіе классы отсюда же черпали новую пищу своей ненависти противъ Маріи-Антуанетты, которая и по этому поводу опутывалась всевозможной клеветой.

Все это усиливало враждебное настроеніе, вновь возбужденное противъ двора процессомъ кардинала де-Роганъ. Со времени ареста принца-кардинала и лицъ, считавшихся его сообщниками, процессъ этотъ шелъ своимъ строгимъ порядкомъ и долженъ былъ въ парламентѣ получить окончательное рѣшеніе. Король и королева ожидали этой минуты съ нѣкоторымъ страхомъ, не скрывая передъ собой опасности, угрожавшей въ этомъ дѣлѣ трону, такъ какъ Людовикъ XVI не замедлилъ признать сдѣланную имъ громадную ошибку не только передачею всей этой темной, запутанной исторіи съ ожерельемъ въ руки правосудія, но еще и выразивъ желаніе, чтобы она поступила на разсмотрѣніе и окончательное рѣшеніе парламента въ его полномъ составѣ.

Въ принципѣ мысль короля была смѣла и великодушна, но въ его собственныхъ интересахъ нельзя было придумать ничего болѣе неудачнаго. Такъ давно уже парламентъ былъ врагомъ и соперникомъ королевской власти во Франціи, что и для возстановителя его, какимъ считался Людовикъ XVI, не было у парламента симпатіи, и надо было ожидать, что и въ данномъ случаѣ страстнымъ желаніемъ послѣдняго будетъ принести въ жертву авторитетъ короля. Съ другой стороны, чѣмъ болѣе становилось извѣстнымъ, что королева желаетъ осужденія кардинала, тѣмъ сильнѣе утверждалось мнѣніе, что столь желанной цѣли Марія-Антуанетта достигла бы только, если бы выразила противоположное желаніе, то-есть, чтобы парламентъ призналъ кардинала невиновнымъ. Такое положеніе вещей было хорошо извѣстно двору, безпокойство коего усиливалось съ каждымъ днемъ.

Ни разу еще, ни въ одномъ дѣлѣ, король не проявлялъ такой рѣшительности. Онъ считалъ, что любовь и довѣріе къ супругѣ обязываютъ его разслѣдовать это дѣло самымъ безпощаднымъ образомъ и отдать его на судъ публики.

---

[1]) M-me Campan, I, 274.

Гнусное подозрѣніе, окружавшее со всѣхъ сторонъ королеву, дошло до того, что ее обвиняли въ тайномъ соглашеніи съ преступной Ламоттъ и ей, королевѣ, приписывали измышленіе всей интриги, благодаря которой брильянтовый уборъ, купленный за счетъ несчастнаго кардинала—жертвы своей злополучной страсти къ королевѣ,—попалъ въ ея руки.

Мнѣніе это раздѣлялось многими, даже непредубѣжденными людьми во Франціи, и королева поэтому тѣмъ сильнѣе желала полной и открытой побѣды въ этой борьбѣ за свою честь, свое достоинство и за престижъ трона. Опасность чувствовалась ею тѣмъ болѣе, что духовенство и дворянство соединились въ выраженіи сильнѣйшаго неудовольствія противъ арестованія князя церкви, и многія вліятельныя и высокопоставленныя лица, какъ, напримѣръ, принцъ Кондэ, женатый на принцессѣ изъ дома Роганъ, все громче и чувствительнѣе заявляли свой протестъ.

При такомъ тревожномъ и печальномъ настроеніи, уединеніе и тишина Сенъ-Клу оказывали благодѣтельное дѣйствіе на королеву. Король часто оставался въ Версали, гдѣ еще пребывали министры, ихъ канцеляріи, многіе придворные и часть королевскихъ конюшенъ. И сегодня король былъ въ Версали, занятый съ архитекторомъ Микомъ планами и обсужденіями необходимаго раставрированія Версальскаго дворца, что, въ виду значительныхъ издержекъ и малодоходности королевской казны, должно было быть распредѣлено на десять лѣтъ и окончено лишь къ концу столѣтія.

Королева, по обыкновенію, рано утромъ вышла на прогулку по тѣнистому парку Сенъ-Клу, желая разсѣять свою тревогу, лишающую ея сна въ послѣднее время, и насладиться тишиною прелестнаго сада, а также обществомъ своихъ любимицъ, герцогини Жюли де-Полиньякъ и ея невѣстки, графини Діаны де-Полиньякъ. Послѣ герцогини де-Ламбаль, это были придворныя дамы, къ которымъ королева питала наиболѣе искреннюю дружбу и довѣріе.

Герцогиня Жюли,—любовь королевы заставила ее недавно принять этотъ титулъ,—была, для упроченія ея положенія при дворѣ, назначена воспитательницею «дѣтей Франціи». Такимъ образомъ Марія-Антуанетта была вдвойнѣ связана съ нею и получила возможность постоянныхъ интимныхъ съ нею сношеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣла и вліяніе на воспитаніе своихъ дѣтей.

Но болѣе всего привлекалъ Марію-Антуанетту естественный и милый нравъ герцогини, благодаря которому между ними установились самыя простыя, дружескія отношенія, дѣлавшія королевѣ иллюзію счастливой, спокойной частной жизни.

Въ минуту заботъ и тревогъ, начавшихся вмѣстѣ съ процессомъ кардинала де-Роганъ, дружба эта была для королевы источникомъ истинной отрады. Марія-Антуанетта стала еще болѣе неразлучной съ своей подругой, въ сердцѣ которой находила откликъ на всѣ

свои волненія и страданія. Веселый характеръ герцогини обладалъ талантомъ отвлекать отъ тяжелыхъ мыслей и разсѣивать всякую печаль и заботу.

Болѣе чѣмъ когда либо это было нужно сегодня, когда парламентъ, въ большомъ и торжественномъ засѣданіи, долженъ былъ произнести окончательный приговоръ надъ обвиняемымъ. Утромъ въ этотъ день королева поднялась съ постели еще до восхода солнца. Поспѣшно, почти безъ помощи камерюнгферъ, сдѣлавъ свой утренній туалетъ, она сошла въ паркъ къ условленному съ герцогинею Жюли rendez-vous. Герцогиня ожидала уже королеву на террасѣ вмѣстѣ съ своей прекрасной невѣсткой, графиней Діаной де-Полиньякъ, гостившей у нея уже нѣсколько дней въ Сенъ-Клу и пользовавшейся также довѣріемъ королевы.

— Не жестоко ли это съ моей стороны, — обратилась королева къ обѣимъ подругамъ, сердечно ихъ обнимая,—что я пробудила такіе прекрасные глаза отъ грезъ утренняго сна? Однако, глаза эти смотрятъ на меня весело и ясно, какъ всегда; я же этого только и ищу у васъ,—поддержки и утѣшенія, — потому что подруга ваша, Марія-Антуанетта, измучена печалью и тревогой.

— Утро прекрасно и полно аромата, ваше величество,— отвѣтила герцогиня своимъ нѣжнымъ, мелодичнымъ голосомъ,—кругомъ здѣсь, въ саду, все дышитъ миромъ, передъ которымъ всѣ заботы должны разсѣяться; пусть же разсѣются и ваши!... И развѣ эти заботы, омрачающія лучезарное чело вашего величества, такъ велики, что не могутъ быть развѣяны даже этимъ свѣжимъ утреннимъ воздухомъ? Если глазамъ нашимъ, которые бодрствуютъ и глядятъ лишь для вашего величества, вы хотите доставить особое наслажденіе, то благоволите прочесть въ глубинѣ ихъ просьбу, которую мы обѣ не осмѣливаемся вполнѣ высказать. Вотъ эта просьба: будьте вновь сами собой, королева, презирайте безуміе глупой толпы и будьте непоколебимо увѣрены, что благословеніе, осѣняющее вашу высокую особу, проникнетъ и въ народъ и съ благодарностью будетъ имъ признано.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразила королева,—печально поникнувъ своей прекрасной головой, обыкновенно столь величественно поднятой ею.—Давно уже нѣтъ у меня этой гордой увѣренности. Да, съ нею прибыла я во Францію, искренно желая обрѣсти любовь и благодарность французскаго народа. Но я чувствую, наконецъ, что тайное разногласіе, существовавшее съ самаго начала между мною и французами, пріобрѣтаетъ силу, съ каждымъ днемъ наводящую на меня большій страхъ и ужасъ. Сегодня же я поистинѣ страшусь того, что должно свершиться въ Парижѣ. Всю ночь мучимая безсонницей, я сражалась съ страшными призраками, потому что, если парламентъ оправдаетъ кардинала де-Роганъ, я погибла!

Подъ руку съ обѣими дамами, какъ бы нуждаясь въ ихъ опорѣ,

королева дошла до бесѣдки, сіявшей передъ ними въ розовомъ свѣтѣ восходящаго солнца. Здѣсь Марія-Антуанетта помѣстилась между своими подругами, скрываясь отъ все выше и выше поднимающагося свѣтила. Яркій свѣтъ внезапно залилъ пурпуромъ всю удивительную бѣлизну ея лица и шеи, и, въ такомъ блескѣ, величественная красота королевы произвела на обѣихъ спутницъ чарующее впечатлѣніе.

— Видя ваше величество въ такую минуту,—сказала живая и умная графиня Діана, можно передъ вашимъ чуднымъ ликомъ поклоняться счастью и силѣ красоты, и безбожникомъ будетъ тотъ, у кого при этомъ останется мрачное на умѣ. Умоляю ваше величество быть веселой и счастливой, какъ вы обязаны быть передъ самой собой.

— Вы милы, какъ всегда, добрая графиня Діана,—отвѣтила королева, цѣлуя ее въ прекрасный лобъ.—Но вы, графиня, умъ болѣе сильный, чѣмъ другіе; вы заняты литературой, науками и изучаете вещи, о которыхъ мы и мечтать не можемъ. Какъ я обязана моей невѣсткѣ, графинѣ Артуа, что она отпустила васъ на нѣсколько дней сюда къ намъ, въ Сенъ-Клу. Графинѣ можно позавидовать, что она постоянно пользуется такимъ обществомъ.

На это посыпались остроумныя шутки и насмѣшки графини Жюли надъ ученостью своей невѣстки, на минуту развеселившія королеву. Но скоро она опять стала серіозною, и ея кроткое, прелестное выраженіе смѣнилось задумчивымъ и печальнымъ. Она опустила голову на свои роскошныя бѣлыя руки и молчала.

— О, если бы я только знала, за что меня во Франціи такъ не любятъ? — воскликнула она, наконецъ, съ горестью, всплеснувъ руками и громко зарыдавъ. — Что я сдѣлала, чтобы видѣть вокругъ себя лишь враговъ и преслѣдованія, и собирать на груди лишь горящіе уголья вмѣсто цвѣтовъ благодарности и преданности, которыми думала себя украсить! Народъ меня ненавидитъ. Я это съ каждымъ днемъ чувствую болѣе и болѣе, а между тѣмъ я готова была отдать ему мое сердце. Я считала французовъ націей благородныхъ и вѣжливыхъ людей, которые окажутъ справедливость хоть женщинѣ, если не королевѣ. Между тѣмъ ихъ страсть къ злословію, которую я незаслуженно навлекла на себя, задѣла меня именно въ самыхъ святыхъ чувствахъ женщины и отравила мнѣ радость исполненія обязанностей королевы. Ахъ, я подчасъ скорблю до смерти, что такъ несчастлива въ симпатіяхъ ко мнѣ французскаго народа.

— Нѣтъ,—воскликнула съ пламеннымъ воодушевленіемъ герцогиня де-Полиньякъ,—васъ любятъ, королева! Позволю себѣ напомнить прекрасное слово маршала де-Бриссакъ, облетѣвшее всю страну и отозвавшееся въ сердцахъ всѣхъ французовъ. Это было въ день торжественнаго въѣзда въ столицу послѣ вашего бракосочетанія съ дофиномъ Франціи. Указывая на густую, ликующую толпу,

волновавшуюся близъ ратуши, у ногъ вашего величества, губернаторъ Парижа сказалъ на своемъ, поистинѣ рыцарскомъ, языкѣ: «Государыня, вы видите тамъ двѣсти тысячъ влюбленныхъ, очарованныхъ вашею особой». И такихъ сценъ можно привести множество, когда народъ летѣлъ на встрѣчу вашего величества съ пламенной любовью, чтобы уловить лучъ вашей чарующей улыбки, или хотя услышать шелестъ вашего платья.

— Тѣмъ хуже для меня, что я утратила это расположеніе, не зная даже, какъ и по какой винѣ!—вздохнула королева, углубляясь все болѣе въ мрачныя мысли.—Неудачно тоже и ваше напоминаніе о томъ днѣ моей жизни. Вѣдь ему предшествовало то ужасное несчастіе, когда, во время фейерверка, въ толпѣ народа произошла такая давка и замѣшательство, что одни другихъ топтали, и на мѣстѣ осталось до четырехсотъ убитыхъ и раненыхъ. Теперь только я понимаю многія изъ этихъ страшныхъ предзнаменованій, встрѣтившихъ меня при моемъ первомъ вступленіи во Францію и послужившихъ теперь моимъ врагамъ сюжетомъ для пасквилей.

— Но вѣдь есть и прекрасныя, великолѣпныя стихотворенія, написанныя въ честь вашего величества,—замѣтила графиня Діана, опускаясь на колѣни къ ногамъ опечаленной монархини.—Кто не знаетъ наизусть стихотворенія великаго Вольтера о красотѣ, любезности и добротѣ королевы [1])? А это былъ тотъ ужасный Вольтеръ, для котораго вообще не было ничего святого на тронѣ и на алтарѣ; но и его гордый умъ долженъ былъ поддаться чарующему обаянію королевы.

— Вамъ хочется меня утѣшить добрыми воспоминаніями, благодарю васъ!—сказала королева, быстро вставая и поднимая за собою графиню.—Воспоминанія часто, подобно балансирнымъ шестамъ, помогаютъ противостоять злому настоящему. Но опасность, угрожающая мнѣ сегодня, слишкомъ велика, чтобы я могла успокоить свое тревожно бьющееся сердце нѣсколькими засохшими букетами прошедшаго. Посовѣтуйте, какъ мнѣ перенести сегодня эти страшныя ожиданія? Что намъ дѣлать до прибытія извѣстій изъ Парижа?

— Мнѣ пришла въ голову нечаянная мысль, ваше величество,— мы предупредимъ эти извѣстія, отправясь сами сейчасъ же въ Парижъ! — сказала герцогиня Жюли, глубокомысленно приставивъ свой пальчикъ къ носу.—Тамъ будетъ видно, не можемъ ли мы еще что нибудь предпринять для благопріятнаго оборота дѣла. Во всякомъ случаѣ, мы прибудемъ въ Парижъ задолго до начала парламентскаго засѣданія и можемъ вступить въ дружескіе переговоры съ нѣкоторыми изъ господъ членовъ парламента, между которыми я могу назвать трехъ моихъ друзей. Какъ только пріѣдемъ въ Тюльери, призовемъ къ себѣ этихъ господъ и склонимъ ихъ въ

[1]) Mémoires de Weber, I, 46.

пользу справедливыхъ и неизмѣнныхъ желаній вашего величества. Что ваше величество думаетъ о такомъ проектѣ?

— Мнѣ онъ кажется чрезвычайно удачнымъ! — съ живостью воскликнула королева. — Ахъ, сама я такъ безпомощна и нерѣшительна, что одна возможность дѣйствовать представляется мнѣ уже свѣтлымъ лучомъ въ окружающей меня тьмѣ. Король останется еще сегодня весь день въ Версали, гдѣ у него дѣла. Хотя мнѣ хотѣлось бы не дѣлать ни одного шага въ этомъ дѣлѣ безъ его вѣдома, однако, я думаю, онъ не разсердится на меня, что я хочу облегчить свою сердечную тоску и разузнать впередъ мнѣніе парламента. Мнѣнія поддаются вообще вліянію, а такъ какъ теперь моя честь и доброе имя находятся въ зависимости отъ мнѣнія парижскаго парламента, то нельзя меня осуждать за то, что я не сижу, сложа руки. Конечно, давно бы намъ нужно было пошевелиться, но король, какъ всегда, мыслилъ черезчуръ благородно и надѣялся на благопріятное рѣшеніе на основаніи лишь совѣсти и закона.

— Такъ я поспѣшу во дворецъ, чтобы сдѣлать распоряженіе объ отъѣздѣ вашего величества,—сказала графиня Діана.

— Да, поспѣшите, прошу васъ и умоляю объ этомъ! — съ живостью воскликнула королева.—Пусть немедленно запрягутъ самыхъ лучшихъ лошадей, и я проѣду это пространство отъ Сенъ-Клу до Парижа такъ быстро, какъ еще никогда никто не проѣзжалъ его. Вы обѣ, мои дорогія, будете сопровождать меня, потому что я чувствую себя хорошо лишь въ вашемъ обществѣ и только среди васъ сохраняю нѣкоторую надежду противостоять моимъ врагамъ.

Графиня Діана пустилась бѣжать для передачи въ замкѣ приказаній королевы, въ то время какъ Марія-Антуанетта, подъ руку съ герцогиней Жюли, медленно слѣдовала за нею по большой аллеѣ парка.

VII.

Парламентъ и королева.

Въ Парижѣ, весь день, во всѣхъ классахъ населенія царствовало величайшее возбужденіе. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, замѣтнымъ на всѣхъ улицахъ и площадяхъ, ожидали приговора парламента надъ обвиняемымъ кардиналомъ. Болѣе десяти тысячъ народа всѣхъ сословій стояли густой толпой, съ самаго ранняго утра, передъ дворцомъ, въ которомъ засѣдалъ парижскій парламентъ. Часть публики проникла даже въ вестибюли и аванзалы суда, чтобы пораньше и изъ первыхъ рукъ узнать о произнесенномъ приговорѣ.

Еще прошлою ночью бастильскіе узники были перевезены въ Корсьержери. Теперь же кардиналъ Роганъ, къ общему удовольствію публики, былъ переведенъ, со всѣмъ подобающимъ его происхожденію и сану вниманіемъ и подъ охраной королевскаго лейтенанта

Бастиліи, въ кабинетъ перваго секретаря суда. Допросъ длился уже съ восьми часовъ утра и теперь, съ наступленіемъ вечера, не былъ еще оконченъ, что все сильнѣе и сильнѣе волновало нетерпѣливо ожидавшія толпы народа.

Отъ времени до времени изъ залы суда проникали нѣкоторые слухи въ волнующуюся толпу. Можно было видѣть при этомъ, какъ все, что касалось особы кардинала, возбуждало въ народѣ сильнѣйшее участіе. Старшій предсѣдатель парламента, господинъ де-Алигръ, разрѣшилъ кардиналу сидѣть во время допроса, такъ какъ, при овладѣвшемъ имъ волненіи въ началѣ засѣданія, онъ страшно поблѣднѣлъ и былъ такъ потрясенъ, что едва могъ стоять на ногахъ. Но затѣмъ, съ благородною силою и искреннею горячностью кардиналъ въ теченіе получаса, безъ перерыва, держалъ рѣчь къ высокому судилищу, и на всѣ обращенные къ нему предсѣдателемъ вопросы отвѣчалъ съ достоинствомъ и ясностью, несомнѣнно свидѣтельствовавшими о его невиновности. Окончивъ, онъ поклонился въ сторону большой парламентской скамьи, равно какъ и всѣмъ членамъ суда; весь же парламентъ, при этомъ поклонѣ, всталъ, чтобы торжественно и почтительно отвѣтить ему тѣмъ же; это было безпримѣрнымъ явленіемъ въ отношеніяхъ обвиняемаго къ суду. Такія предварительныя извѣстія были приняты ближайшей толпой съ громкимъ выраженіемъ восторга и съ ликованіемъ передавались далѣе. Слышны были слова и восклицанія, самымъ несомнѣннымъ образомъ показывавшія, чью сторону держалъ народъ, и почему онъ желалъ видѣть кардинала вполнѣ оправданнымъ и освобожденнымъ!

Дорожный экипажъ, съ трудомъ пролагавшій себѣ путь по одной изъ ближайшихъ къ парламенту улицъ, долженъ былъ, наконецъ, отказаться отъ тщетной борьбы съ задерживающими его со всѣхъ сторонъ толпами народа. Онъ былъ вынужденъ въѣхать въ случайно открытыя передъ нимъ ворота и остановиться; сидѣвшія же въ экипажѣ лица вышли изъ него, предпочитая самимъ прокладывать себѣ среди скученной толпы дорогу. Это былъ Мирабо, возвратившійся сегодня въ Парижъ, куда онъ былъ поспѣшно вызванъ чрезвычайно благопріятными извѣстіями, сообщенными ему въ послѣднее время госпожею Нэра и бывшими результатомъ ея хлопотъ. Генріетта, въ сопровожденіи вѣрнаго друга Шамфора, отправилась до самой заставы, чтобы встрѣтить прибывающаго и съ торжествующею любовью ввезти его въ Парижъ. Генріетта и Шамфоръ торжествовали не только потому, что вновь обрѣли друга, но они радовались освобожденію его, путемъ своихъ успѣшныхъ ходатайствъ, отъ всѣхъ старыхъ оковъ и цѣпей, тяготѣвшихъ до сихъ поръ надъ всей его жизнью; радовались, что теперь ввозятъ его въ Парижъ вполнѣ освобожденнымъ.

Мирабо взялъ Генріетту подъ руку, чтобы провести ее сквозь неспокойную толпу, испускавшую съ нѣкоторыхъ поръ радостные

возгласы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сильныя восклицанія противъ двора и въ особенности противъ королевы. Шамфоръ слѣдовалъ тутъ же за ними, чтобы помогать защищать Генріетту и ограждать ее отъ натиска толпы. Маленькій Коко, неразлучный спутникъ и сожитель Мирабо, благополучно привезенный имъ изъ Лондона, остался съ няней въ экипажѣ въ ожиданіи, пока улицы не станутъ опять свободными для проѣзда.

— Болѣе прекрасной музыки для моего возвращенія въ Парижъ, какъ эти ревущіе и шумящіе голоса народа, я не могъ ожидать!—сказалъ Мирабо, съ удовольствіемъ двигаясь подъ натискомъ толпы и заботясь лишь о томъ, чтобы Генріетту, которую онъ плотно прижималъ къ себѣ, никто не задѣлъ и не толкнулъ. Онъ проталкивался прямо къ парламенту, желая приблизиться къ событіямъ, которыя, послѣ разсказа ему Шамфоромъ о всемъ происшедшемъ, сильно его интересовали.

— Я не только съ удовольствіемъ смотрю на народъ, но я люблю запахъ его, — сказалъ Мирабо, съ любопытствомъ озираясь на всѣ стороны и глубоко вдыхая въ себя воздухъ. — Для меня нѣтъ ничего выше запаха возбужденной народной толпы. Народъ всегда пахнетъ будущимъ, какъ свѣже-вспаханное поле, которое, чѣмъ больше на немъ навоза, тѣмъ богаче обѣщаетъ оно жатву.

— Какое аристократически-революціонное сравненіе! — воскликнулъ Шамфоръ своимъ веселымъ громкимъ голосомъ. — Однако, графъ, имѣющій столь высокихъ предковъ, будетъ всегда инымъ другомъ народа, чѣмъ кто либо изъ насъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ темному приключенію въ маленькой хижинѣ. Но твоя графиня Іеттъ Ли освободила тебя теперь отъ всей надменности и гордости твоего отца маркиза. Своими чудными глазами, которымъ даже министръ не могъ ни въ чемъ отказать, она добыла новое повелѣніе короля, возвращающее тебѣ право свободно распоряжаться собою и лишающее твоего отца власти тирана надъ тобой. А потому вдыхай поглубже въ себя этотъ сильный, ѣдкій запахъ толпы; ей же, взамѣнъ, вдохни изъ твоей графской груди облагороженный пламень, который просвѣтитъ и зажжетъ Францію!

Мирабо и Генріетта отъ души расхохотались при этой рѣчи, произнесенной съ паѳосомъ торжественнаго заклинанія.

— Генріетта сдѣлала уже ранѣе мнѣ столько добра, — сказалъ Мирабо, нѣжно глядя на свою подругу,—а теперь она увѣнчала всѣ свои благодѣянія. Благодаря ея вліянію, происходящему отъ неизъяснимаго чего-то въ ея особѣ, даже жесткій и черствый баронъ де-Бретёйль склонился въ мою пользу. Я, конечно, очень благодаренъ за это министру; однако, не могу сегодня же выступить въ качествѣ его приверженца. Какъ ни силенъ, быть можетъ, законъ, на который опирается вся эта интрига, подстроенная имъ противъ кардинала де-Роганъ, я все-таки не хочу, чтобы кардиналъ былъ

осужденъ. Не питая ни малѣйшей симпатіи къ этому влюбленному и гуляющему по ночамъ князю церкви, я придаю, однако, большое значеніе тому, чтобы сегодня онъ былъ блистательнымъ образомъ оправданъ парламентомъ!

— Браво, браво! — воскликнулъ одѣтый въ синюю блузу человѣкъ, слѣдовавшій съ нѣкоторыхъ поръ и внимательно наблюдавшій за ними, при чемъ онъ довѣрчиво и одобрительно потрепалъ Мирабо по плечу.—Повидимому, вы знатный господинъ, а между тѣмъ честно думаете одно съ народомъ, ибо народъ желаетъ признанія невиновности кардинала для того, чтобы вина королевы стала ясна!

— Какой же интересъ представляетъ для васъ видѣть королеву обвиненною?—спросилъ Мирабо, вѣжливо отвѣтивъ на поклонъ человѣка въ блузѣ.

— Королева съ народомъ горда и надменна, она ненавидитъ насъ, какъ нѣчто низшее и худшее, между тѣмъ, сама она—достойная ненависти лицемѣрка! — воскликнулъ блузникъ съ злобнымъ, полнымъ вражды выраженіемъ лица. — Моя жена прачкой у садовника въ версальскомъ паркѣ; она какъ разъ принесла туда бѣлье, но съ болтовней, да всякой женской возней задержалась въ саду до ночи. Тутъ она ясно видѣла, что не кто другой, какъ сама королева была на свиданіи съ кардиналомъ въ темной рощицѣ парка. Жена моя никогда еще не лгала и готова подтвердить все личною присягой.

— Если ваша жена красива, то мы заставимъ ее принести полную личную присягу [1]), — сказалъ Шамфоръ, подшучивая. — Но я долженъ вамъ сказать, мой другъ, что на этомъ свиданіи особа королевы была представлена одной изъ моихъ прекрасныхъ сосѣдокъ по квартирѣ въ Пале-Ройялѣ, сумасбродно и совершенно непристойно замаскированной. Это была красивая m-lle Олива, поразительно, съ головы до ногъ, похожая на королеву, какъ одно яйцо на другое. Я подслушиваю иногда изъ моего окна нѣжные разговоры подругъ дѣвицы Оливы, прогуливающихся подъ аркадами Пале-Ройяля. Отсюда я узналъ, что эти дамы признаютъ за достовѣрное, что Олива была подкуплена къ тому, чтобы разыграть роль королевы и окончательно свернуть голову бѣдному кардиналу. За это талантливой дамѣ придется, вѣроятно, сильно помучиться сегодня передъ верховнымъ парламентомъ.

— Вы, кажется, за одно съ дворомъ, — возразилъ мужъ прачки, презрительно и угрожающе смѣривая Шамфора глазами.—И, конечно, вы одинъ изъ тѣхъ, которые бражничаютъ въ праздности и лѣни, въ то время, какъ трудящійся народъ голодаетъ и терпитъ нужду?

— Нѣтъ, добрый человѣкъ, — отвѣчалъ Шамфоръ, смѣясь, — я

---

[1]) Здѣсь непереводимая игра словъ по-нѣмецки: «Körperlicher Eid» — личная присяга, буквально же «тѣлесная присяга» Прим. перев.

тоже работаю, а если при этомъ не голодаю, то лишь потому, что желудокъ у меня будетъ похуже и поскромнѣе, чѣмъ у васъ. Но я завидую вашему хорошему желудку и желаю вамъ наилучшаго аппетита, потому что скоро, очень скоро, попомните меня, вы получите страшно много для пожиранія...

Подъ натискомъ толпы друзья двигались далѣе, при чемъ съ большимъ трудомъ могли держаться вмѣстѣ. Тутъ встрѣтили они графа д'Антрэгъ. Гонимый встрѣчною волной народной толпы, онъ впалъ прямо въ объятія Мирабо, съ величайшимъ изумленіемъ узнавъ его.

— Принимаю это неожиданное объятіе за точный отвѣтъ на мое письмо, посланное надняхъ вамъ въ Лондонъ, графъ Мирабо! — сказалъ вновь прибывшій, привѣтствуя Мирабо и Шамфора дружескимъ рукопожатіемъ.

— Письма вашего я не получилъ, такъ какъ мой отъѣздъ, благодаря хорошему извѣстію, былъ рѣшенъ внезапно,— отвѣтилъ Мирабо.—Я только что пріѣхалъ, и вотъ мы уже встрѣчаемся, ѣдемъ оба на этомъ пѣнящемся конѣ народнаго волненія и сталкиваемся съ вами? Что подѣлываетъ ваше сочиненіе о привилегіяхъ, графъ д'Антрэгъ [1])?

— Сочиненіе, о которомъ я вамъ недавно писалъ, опять застряло,—отвѣтилъ тотъ.—Буду, однако, продолжать его, какъ только соберу побольше матеріаловъ.

— Въ такой день, какъ сегодня, матеріалы скопляются съ избыткомъ!—замѣтилъ Шамфоръ. — Не сегодня ли именно тотъ день, когда французскій народъ жизнь бы отдалъ, чтобы видѣть передъ собой виновную королеву? Развѣ этимъ не уничтожаются уже всякія привилегіи?

— Совершенно вѣрно,—сказалъ графъ д'Антрэгъ.—Сегодня многое для королевской власти и для такъ называемаго привилегированнаго общества поставлено на карту. Но на этотъ разъ дворъ самъ сдѣлалъ циническое нападеніе на всѣми признанную привилегію. Кардинала, посвященнаго князя церкви, обязаннаго держать отвѣтъ лишь передъ своими духовными судьями, онъ предалъ суду свѣтскаго парламента, какъ простого обвиняемаго и арестанта. Парламентъ же, повинуясь своему врожденному чувству оппозиціи противъ королевской власти, отомститъ за кардинала, оправдавъ его, и тѣмъ обратитъ наброшенное на королеву въ этомъ темномъ дѣлѣ подозрѣніе въ несомнѣнную почти вину.

— Такъ что и въ придворныхъ кругахъ думаютъ, что парламентъ выскажется въ пользу кардинала? — спросилъ Мирабо.

— Королева сама должна быть страшно озабочена, — отвѣтилъ на это графъ д'Антрэгъ.—Сегодня ранехонько утромъ она прибыла

---

[1]) «Essai sur les privilèges, par le Comte d'Entraigues».

сюда изъ Сенъ-Клу и призвала нѣсколькихъ изъ господъ членовъ парламента къ себѣ въ Тюльери. Тамъ, говорятъ, происходило долгое совѣщаніе, въ которомъ принимали также участіе герцогиня Полиньякъ и ея красивая ученая невѣстка. Вѣроятно, эти господа не устояли противъ неотразимой прелести королевы; но успѣютъ ли они склонить въ ея пользу своихъ остальныхъ товарищей въ парламентѣ, это еще весьма сомнительно. Быть можетъ, оправданіе кардинала послѣдуетъ теперь при меньшемъ большинствѣ голосовъ, чѣмъ можно было ожидать. Но оно послѣдуетъ.

Въ эту минуту отъ зданія парламента раздалось страшно шумное ликованіе, повторяемое тысячами голосовъ.

— Какъ видно, приговоръ состоялся уже,—сказалъ Мирабо, указывая на новое движеніе, куда неудержимо и стремительно бросились со всѣхъ сторонъ толпы народа.

Пригнанные толпой къ самому парламентскому дворцу, друзья убѣдились, что приговоръ уже состоялся. Столпившаяся здѣсь публика, первая получившая извѣстіе изъ залы суда, передавала одинъ другому подробности состоявшагося приговора, сопровождая ихъ то новыми радостными кликами, то критическими и язвительными замѣчаніями и всевозможными нравоученіями. Крики: «да здравствуетъ кардиналъ Роганъ! Судъ призналъ его невиновность!» скоро покрыли собою всякій иной возгласъ. Примѣшивались сюда, однако, восклицанія, съ которыми оскорбительнымъ образомъ смѣшивалось имя королевы, сопровождаемое выраженіями ненависти и проклятіями, дѣлавшимися все громче и свирѣпѣе.

Подробности, передаваемыя въ народѣ и подтвержденныя извѣстными лицами изъ залы суда, были таковы: кардиналъ принцъ де-Роганъ былъ оправданъ большинствомъ трехъ голосовъ во всѣхъ взведенныхъ на него обвиненіяхъ. Настоящую же обманщицу, графиню Ламоттъ-Валуа, верховный судъ, не вдаваясь въ подробности, въ чьихъ рукахъ она могла быть орудіемъ, приговорилъ къ публичному тѣлесному наказанію, клейменію на плечахъ и пожизненному заточенію. Графъ Каліостро былъ вполнѣ оправданъ. Остальныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ процессѣ, постигла меньшая или бо̀льшая кара.

— Да здравствуетъ парижскій парламентъ! — раздалось въ одной кучкѣ народа, съ наибольшимъ оживленіемъ занимавшейся исходомъ дѣла.

— Радость дѣлаетъ народъ довольнымъ, и онъ желаетъ здравствовать даже парижскому парламенту!—шепнулъ Шамфоръ на ухо графу д'Антрэгъ.—Будь этотъ старый парламентъ немного получше, мы бы охотно пожелали ему долгой жизни. Не потребуетъ ли, однако, скоро этотъ, охрипшій отъ крика, милый народъ другого состава представителей своихъ правъ и требованій? Этотъ же старый парламентъ Людовику XVI-му слѣдовало оставить спать вѣчнымъ

мертвымъ сномъ! Давно бы онъ долженъ былъ созвать генеральные чины. Было бы лучше и для него самого и для Франціи, которая съ благодарностью признала бы тогда его честное сердце.

— Это правда, уже сегодня слышно, какъ дрожитъ балдахинъ надъ тономъ Франціи! — сказалъ Мирабо, высоко поднявъ голову и окидывая всю площадь съ движущимся на ней народомъ своимъ глубокомысленнымъ орлинымъ взглядомъ.—Но за что же презирать намъ этотъ старый парламентъ, когда онъ опять сегодня заслужилъ свои шпоры противъ королевской власти? И дѣйствительно онъ храбро сражался и билъ чуть не прикладами. Развѣ присужденіе Ламоттъ-Валуа къ самому обезчещивающему и позорному наказанію преступниковъ не направлено, въ концѣ концовъ, противъ французскаго королевскаго дома? Послѣдній отпрыскъ великой королевской династіи Валуа, которому присуждены розги и клейменіе, что это за поразительная демонстрація противъ всѣхъ поклонниковъ французской королевской крови!

Теперь, передъ входомъ въ зданіе парламента, толпа раздѣлилась, чтобы пропустить закрытый экипажъ, выѣхавшій и подвигавшійся сначала медленно, а затѣмъ, когда толпы народа это дозволили, быстро направившійся по улицѣ, ведшей въ Бастилію. Въ экипажѣ были узнаны кардиналъ принцъ Роганъ и графъ Каліостро. Среди парижской толпы распространился слухъ, что оба обвиненные, хотя и оправданы судомъ, но, по особому повелѣнію королевы, должны быть вновь отвезены въ тюрьму и освобождены вполнѣ лишь на слѣдующій день.

Графъ д'Антрэгъ подтвердилъ слышанное имъ въ придворныхъ кругахъ, что королева, движимая своею ненавистью къ кардиналу, дѣйствительно издала такое повелѣніе, желая нанести еще это послѣднее оскорбленіе человѣку, которому она приписывала самое унизительное и печальное событіе своей жизни. Маріи-Антуанеттѣ удалось, на случай оправданія, заранѣе устроить это, въ чемъ, повидимому, и явно, и тайно преданные ей члены парламента оказали содѣйствіе. Однако, въ своемъ страстномъ возбужденіи, королева не подумала о томъ, что она лишь усилитъ публичный тріумфъ кардинала.

Это обнаружилось при первомъ же движеніи экипажа по площади, когда толпа, сопровождая его громкими привѣтственными кликами, выстроилась въ полномъ порядкѣ торжественнаго кортежа, который долженъ былъ сопровождать карету до самой Бастиліи.

Съ одной стороны кареты можно было видѣть кардинала, высовывавшагося по временамъ изъ окна, чтобы знаками и поклонами выразить народу свою благодарность за неумолкаемыя восклицанія. Онъ былъ въ полномъ облаченіи своего духовнаго сана, но только въ одеждѣ фіолетоваго цвѣта, т. е. цвѣта траура у кардиналовъ. Грудь его была украшена всѣми его орденами. Но блѣд-

ное, хотя и сіявшее великою радостью лицо его носило еще слѣды перенесеннаго потрясенія и душевной муки.

— Дѣло могло, однако, весьма плохо кончиться для красиваго принца Луи,—замѣтилъ Шамфоръ въ то время, какъ экипажъ проѣзжалъ мимо нихъ.—Королева, какъ видно, почти достигла своей цѣли передъ господами членами парламента, такъ какъ оправданіе состоялось лишь большинствомъ трехъ голосовъ. А теперь усадили его въ одинъ экипажъ съ этимъ графомъ Каліостро; кардинала вмѣстѣ съ фигляромъ отправляютъ въ Бастилію, вмѣсто того, чтобы тотчасъ освободить, торжественно признавъ его невиновность. И посмотрите, какъ другъ Каліостро умѣетъ воспользоваться преимуществомъ своего положенія. Онъ старается еще превзойти своего коллегу кардинала паосомъ и достоинствомъ, раскланиваясь изъ другаго окна кареты съ важностью торжествующаго пророка, какъ если-бъ народъ чествовалъ и его. Съ своей вѣчной таинственной улыбкой онъ милостиво помахиваетъ шляпой съ перомъ, какъ бы считая нужнымъ особо благодарить народъ за его привѣтствія. И вѣдь имѣлъ же онъ смѣлость предстать даже передъ верховнымъ судомъ парламента въ своемъ костюмѣ колдуна!

— Такъ это онъ, этотъ, всему міру извѣстный, чародѣй Каліостро! — сказалъ Мирабо, внимательно приглядываясь къ высунувшемуся въ окно кареты волшебнику.—Вижу, Генріетта, что въ твоемъ прелестномъ письмѣ объ обѣдѣ съ духами ты такъ хорошо изобразила эту удивительную персону, что по одному твоему описанію я бы узналъ ее. Видъ этого человѣка подтверждаетъ мое о немъ мнѣніе. Каждая черта его лица, каждое движеніе выдаютъ его, какъ орудіе іезуитовъ. Глаза точно мышеловки, то поднимаются, то опускаются, а что они поймаютъ при этомъ, то за хорошій подарокъ отдаютъ святой римской церкви.

— Онъ могъ бы, однако, сдѣлать нѣсколько больше для своего ученика, Людовика Рогана,—замѣтилъ Шамфоръ въ ту минуту, какъ карета медленно проѣзжала мимо, сопровождаемая ликующимъ народомъ.—Съ помощью своихъ чаръ онъ устраивалъ кардиналу ложе со всѣми царицами древняго и новаго міра, но не сумѣлъ отвратить отъ него ненависти прекрасной королевы Маріи-Антуанетты. Къ чему доброму кардиналу послужило то, что Клеопатра и Семирамида такъ часто осчастливливали его въ таинственныя ночи? Марія-Антуанетта пренебрегла пятидесятилѣтнимъ любовникомъ, и въ этомъ все. На мѣстѣ Каліостро, я бы таки влилъ бѣдному прелату нѣсколько капель жизненнаго элексира молодости и думаю, что это бы ему помогло немного у Маріи-Антуанетты.

Издали доносились теперь ликующіе народные клики, сопровождавшіе карету по всѣмъ улицамъ до самыхъ воротъ Бастиліи. Здѣсь народъ не расходился до тѣхъ поръ, пока кардиналъ въ послѣдній разъ не высунулъ рукъ для благословенія толпы, и пока опять не захлопнулись за нимъ двери тюрьмы.

Мирабо и Генріетта поспѣшно направились къ своему экипажу, распрощавшись съ Шамфоромъ и д'Антрэгомъ и принявъ отъ послѣдняго приглашеніе на завтра къ обѣду.

Генріетта уже затосковала по маленькомъ Коко и, лишь только завидѣла экипажъ, поспѣшно пошла впередъ, чтобы поскорѣе успокоиться на счетъ своего любимца. Экипажъ домчалъ ихъ быстро по освободившимся теперь улицамъ до ихъ новаго жилища, нанятаго госпожею Нэра въ улицѣ Вожираръ и заботливо ею устроеннаго.

VIII.

Жена министра финансовъ.

Уже нѣсколько недѣль какъ Мирабо находился въ Парижѣ, куда онъ прибылъ, въ особенности, съ намѣреніемъ закончить большой историко-политическій трудъ, которымъ надѣялся обратить на себя вниманіе министерства и стяжать подобающее ему положеніе.

Сперва, при его мучительномъ неспокойствіи и нерѣшительности, онъ намѣревался отправиться въ родной Провансъ, въ покинутый его семьей замокъ Мирабо и тамъ, въ тиши уединенія, предаться своей работѣ. Тамъ, думалъ онъ, будетъ ему достаточно средствъ къ жизни изъ выплачиваемой ему, наконецъ, по дружескому соглашенію съ отцомъ, маленькой пенсіи изъ фамильнаго состоянія. Но сначала осуществленію этого плана помѣшала довольно продолжительная и опасная болѣзнь маленькаго Коко, а затѣмъ онъ завязалъ въ Парижѣ нѣкоторыя знакомства, имѣвшія, казалось ему, значеніе для его дѣятельности и плановъ.

Генріетта сидѣла у постели больного мальчика, за которымъ, безъ отдыха, уже нѣсколько дней усердно и озабоченно ухаживала. Мирабо все это время казался ей очень занятымъ и разсѣяннымъ, проводя большую часть дня внѣ дома и возвращаясь къ ней поздно, иногда лишь подъ утро,

Когда и сегодня, послѣ короткаго, хотя и сердечнаго разговора, онъ хотѣлъ оставить ее, едва находя время поцѣловать горячій лобикъ маленькаго Коко, Генріетта обратилась къ своему другу съ почти нескрываемой обидой въ голосѣ:

— Мы оба едва ли существуемъ теперь для тебя, Мирабо? Цѣлыми днями оставляешь ты насъ однихъ. Я почти не слышу твоего голоса, безъ котораго весь день для меня беззвученъ и печаленъ. Если я еще долго буду лишена твоего присутствія, то впаду въ уныніе и буду очень несчастна.

— Дорогое дитя мое, имѣй ко мнѣ немного снисхожденія и терпѣнія,—отвѣчалъ Мирабо, поднося ея руки къ своимъ губамъ.—Я дѣйствительно попалъ въ новый водоворотъ занятій и знакомствъ, гоняющихъ меня туда—сюда, но ты вѣдь знаешь, что единствен-

ное настоящее счастье для меня состоитъ лишь въ наслажденіи твоей близостью, когда я могу держать вотъ такъ, въ рукахъ, твою прекрасную бѣлокурую головку.

— Не ты въ этомъ главный виновникъ,—возразила Генріетта, глядя на него съ нѣжно надутымъ личикомъ.—Все бы, конечно, пошло опять хорошо у насъ, если бы не пріѣхалъ въ Парижъ этотъ Клавьеръ, завладѣвшій тобою всецѣло. Не знаю отчего, но еще въ Лондонѣ, какъ только онъ входилъ въ нашу комнату, я начинала тревожиться и тайно дрожать передъ нимъ. Теперь это чувство стало для меня ясно, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, ты уходишь и живешь только съ нимъ. Онъ, пожалуй, и совсѣмъ отвлечетъ тебя отъ насъ, Мирабо!

— Нѣтъ, нѣтъ, мое доброе дитя!—воскликнулъ Мирабо съ живостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ торопливо берясь за шляпу.—Никакой Клавьеръ, ни ангелъ, ни дьяволъ не отвлекутъ меня отъ моей милой графини Іеттъ-Ли. Мы скованы вмѣстѣ сердцемъ и душой. Однако, увѣряю тебя, мой пріятель Клавьеръ вполнѣ заслуживаетъ и твоего довѣрія. Онъ сильная, возбуждающая натура, и съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, въ Парижѣ, опять встрѣтились, весь мой кругозоръ безконечно расширился. Я ему очень многимъ обязанъ; съ нимъ я вступилъ на новый путь, на которомъ достигну однажды блестящимъ образомъ всѣхъ своихъ цѣлей.

— У Клавьера недоброе лицо,—тихо возразила Генріетта, опустивъ глаза.—Его всего дергаетъ, а когда глаза загорятся злобнымъ огнемъ, то я поддаюсь своимъ старымъ монастырскимъ привычкамъ и тайно осѣняю себя крестомъ. Отъ знакомства съ нимъ, мы еще не стали счастливѣе и,—прибавила она, покраснѣвъ и едва слышно,—богаче тоже не стали!

— Какъ, не стали богаче?— возразилъ Мирабо съ горячностью, вновь кладя свою шляпу на столъ и вынимая изъ ящика бюро маленькую шкатулку, наполненную сверкавшими золотыми монетами. Посмотри, пусть твой взоръ погрузится въ этотъ золотой потокъ. Знаешь ли ты, что это за деньги, въ нѣсколько недѣль вдесятеро увеличившіяся въ моихъ рукахъ, благодаря совѣтамъ нашего женевскаго друга?

Генріетта отрицательно покачала головой, бросивъ вскользь недовѣрчивый взглядъ на золото.

— Помнишь ли ты о тѣхъ ста гинеяхъ въ Лондонѣ, причинившихъ намъ столько непріятностей и тревоги? — продолжалъ Мирабо.—Ты достала тогда эту сумму у моего пріятеля Элліота, и на обратномъ пути, когда съ тобой приключился несчастный случай, мошенникъ Гарди укралъ ее у тебя изъ кармана. Послѣ того какъ англійскій судъ, за недостаткомъ уликъ, освободилъ его, я нашелъ всю сумму, въ день моего отъѣзда изъ Лондона, въ углубленіи стѣны, подъ старымъ хламомъ. Къ счастью, деньги эти мнѣ тогда

не были нужны; здѣсь, въ Парижѣ, я тоже получилъ кое-какія, такъ что могъ сберечь эту сумму, что со мною рѣдко случается, и, по совѣту Клавьера, началъ спекулировать съ нею. Частью накупилъ акцій вновь возникшихъ торговыхъ обществъ, частью же сталъ заниматься срочной куплей, какъ это теперь называютъ, когда одни другимъ продаютъ акціи, не отдавая ихъ на самомъ дѣлѣ, а заключая сдѣлки на извѣстный срокъ и выплачивая разницу по курсу [1]).

— Въ этихъ дѣлахъ я рѣшительно ничего не понимаю,—возразила Генріетта,—и должна сказать тебѣ, что не имѣю ни малѣйшаго довѣрія къ этимъ деньгамъ. Не думаю, чтобы онѣ надолго удержались у насъ, и весьма возможно, что съ ними будетъ то, что бываетъ со слитками золота въ сказкахъ. Въ одинъ прекрасный день тронешь ихъ, и въ рукахъ оказываются одни черные уголья; тогда приходится только стыдиться своей глупости.

— Критика твоя моихъ новыхъ финансовыхъ предпріятій, дитя мое, не совсѣмъ плоха, — возразилъ Мирабо, смѣясь. — Нужно, однако, продѣлывать и глупости своего времени, не только когда хочешь самъ чего нибудь достигнуть, но и когда хочешь помочь своему времени дойти до истинной мудрости. Вотъ этого-то мы и добиваемся, Клавьеръ и я, всѣми нашими силами и мыслями. Вся Франція съ головой бросилась теперь въ этотъ денежный омутъ. Спекулируютъ на публичные фонды, на новые правительственные займы, на акціи торговыхъ обществъ, такъ что покупка и продажа бумагъ, есть, повидимому, единственное дыханіе жизни, сохранившееся еще у нашего общества. Это дѣйствительно болѣзнь, но я полагаю, что вся нація должна перенести ее, чтобы достигнуть своего настоящаго оздоровленія. Рядомъ съ этимъ, мужи прогресса постараются, безъ сомнѣнія, наполнить свои карманы, и это тоже ихъ долгъ и обязанность. Ажіотажъ есть эпидемическая болѣзнь, которая захватитъ весь міръ. Мы заразились ею отъ голландцевъ и англичанъ, но во Франціи, гдѣ она разомъ проникла подъ каждую кровлю, она выступила съ наибольшею силою. Здѣсь-то она принесетъ свои настоящіе плоды. Скачка за деньгами и выигрышемъ, обуявшая теперь одинаково всѣ сословія, обратится подъ конецъ въ скачку за свободой. Когда все народное достояніе сплавится въ каналы спекуляціи и улетучится, то народъ долженъ будетъ создать себѣ новую собственность, а это станетъ возможнымъ лишь на почвѣ политической и общественной свободы. Ажіотажъ, дитя мое, есть всегда лишь вѣрный предвѣстникъ опасной бури.

— Что же говоритъ на это нашъ другъ Шамфоръ? — спросила Генріетта, задумчиво играя локонами маленькаго Коко.

— Шамфоръ отправился опять на нѣсколько недѣль въ Отёйль

---

[1]) Peuchet: Mémoires sur Mirabeau, II, 341.

къ госпожѣ Гельвеціусъ, — отвѣчалъ Мирабо. — Нездоровье помѣшало ему прійти вчера, какъ онъ хотѣлъ, попрощаться съ тобой, а я совсѣмъ было забылъ передать тебѣ его поклонъ. Онъ не сочувствуетъ ажіотажу; для этого онъ слишкомъ лѣнивый и мечтательный эпикуреецъ и боится простудиться отъ рѣзкаго сквознаго вѣтра на биржѣ. Но еще при прощаніи со мной и Клавьеромъ онъ сказалъ намъ, чтобы мы честно работали въ пользу финансоваго головокруженія французовъ. Самъ онъ хочетъ остаться бѣдной золушкой революціи и оберегать у очага священный огонь идей свободы. Пусть только обанкрутившіеся французы, послѣ того, какъ мы потопимъ въ омутѣ ихъ деньги, придутъ къ его очагу, и тогда онъ ихъ всѣхъ накормитъ, напоитъ и обогрѣетъ!

Въ эту минуту постучали у дверей, и, на поспѣшно произнесенное Мирабо «войдите», въ комнату вошелъ Этьенъ Клавьеръ, сердечно привѣтствуемый Мирабо въ то время, какъ Генріетта, взглянувъ лишь мелькомъ и съ едва скрываемой непріязнью, слегка отвѣтила на поклонъ вошедшаго.

По наружности Клавьеръ, со времени своего пребыванія въ Парижѣ, замѣтно измѣнился. Манеры его стали мягче и пріятнѣе, или, вѣрнѣе, маленькая, толстая фигурка суетливо старалась произвести болѣе пріятное впечатлѣніе. Но это была только дипломатическая маска, скрывавшая выраженіе почти дикой энергіи на его лицѣ. Странный демократическій костюмъ, въ которомъ онъ появлялся, будучи лондонскимъ эмигрантомъ, былъ замѣненъ очень приличнымъ и изящнымъ платьемъ, а вмѣсто сѣрой съ широкими полями и огненно-краснымъ бантомъ шляпы, на головѣ его была самая модная парижская шляпа.

На обращенныя къ Генріеттѣ любезности Клавьера и извиненія, что онъ опять уводитъ отъ нея Мирабо въ ожидающее его общество, Генріетта отвѣтила тихимъ и печальнымъ покачиваніемъ головой, а потомъ сказала, что вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ она привыкла къ такой цѣли его посѣщеній, и что ей только хотѣлось бы знать, куда все это приведетъ, и чья сегодня очередь въ обществѣ друзей: черныхъ ли, клуба ли американцевъ, обѣда ли у банкира Панше, или свиданія всѣхъ черныхъ, бѣлыхъ, красныхъ и свѣтлыхъ друзей ажіотажа всего міра.

Генріетта проговорила эти вырвавшіеся у нея вопросы быстро и съ выраженіемъ такого забавнаго негодованія, что оба пріятеля стали громко смѣяться, а Мирабо съ ласкою взялъ ея руки, желая смягчить гнѣвъ милой подруги.

— Сегодня, во всякомъ случаѣ, графъ вернется къ вамъ поздно,— сказалъ Клавьеръ съ лукавой усмѣшкой.— Именно сегодня соберутся на общій банкетъ всѣ тѣ элементы, которые вы такъ прелестно, хотя съ гнѣвомъ и не переводя дыханія, изволили перечислить, и графъ Мирабо, какъ наибольшій общій любимецъ долженъ помогать чествовать

это собраніе. Общество «друзей черныхъ» слилось сегодня съ «клубомъ американцевъ» для совмѣстнаго обѣда въ прекрасномъ помѣщеніи клуба. Будутъ произнесены обильныя рѣчи, при чемъ разсчитываютъ на нѣсколько великолѣпныхъ раскатовъ грома, которые должны прогремѣть изъ устъ нашего друга Мирабо. Трудъ его будетъ вознагражденъ, потому что все, чего желаютъ «друзья черныхъ»—уничтоженія рабства и торговли невольниками—новый «клубъ американцевъ» намѣренъ поддерживать всѣми своими средствами. Члены обоихъ обществъ хотятъ тутъ же, на банкетѣ, учредить денежную подписку для достиженія этой цѣли. Въ деньгахъ также недостатка не будетъ, такъ какъ между приглашенными почетными гостями фигурируютъ самыя блестящія и громкія имена биржи. Вы вѣрно замѣтили, мой умный соотечественникъ изъ Женевы, господинъ Паншо, тоже будетъ съ нами, во главѣ самыхъ крупныхъ друзей биржевой игры въ Парижѣ; съ ними же появятся нѣсколько выдающихся литераторовъ и философовъ-маркизовъ настоящей эпохи, какъ называетъ ихъ Шамфоръ. Не правда ли, для такого общества можно на нѣсколько часовъ покинуть жену и ребенка?

Генріетта, раскраснѣвшись, улыбалась и смотрѣла на Мирабо съ выраженіемъ вполнѣ возстановившагося искренняго дружелюбія.

— А знаешь ли, что и Калоннъ будетъ?—началъ опять Клавьеръ, обращаясь съ значительными взглядами къ Мирабо.—Я только что изъ кабинета министра, обѣщавшаго мнѣ навѣрное свое присутствіе въ клубѣ американцевъ.

— А-а, это для меня весьма желательно!—воскликнулъ съ живостью Мирабо.—Такимъ посѣщеніемъ нашего круга господинъ министръ финансовъ не увеличитъ числа своихъ друзей при дворѣ и среди высшаго дворянства. Пора, чтобы онъ понемногу приподнималъ маску съ этой стороны. Если до сихъ поръ онъ, какъ геніальный игрокъ, бросалъ полными горстями государственныя деньги, то теперь онъ долженъ будетъ обнаружить, что деньги эти могутъ быть вновь обрѣтены плодотворнымъ образомъ лишь тогда, когда ихъ постараются извлечь изъ радикальной реформы всего государственнаго строя!

— Для этого я работаю надъ нимъ ежедневно и ежечасно,—возразилъ Клавьеръ, оскаливая зубы,—и такой поворотъ близокъ, онъ не заставитъ себя ждать, могу тебя увѣрить.

— Если онъ близокъ и настанетъ, не будетъ ли это заслугой неодолимаго демона, именуемаго Клавьеромъ!—сказалъ Мирабо, улыбаясь.—Въ самомъ дѣлѣ, Клавьеръ, изъ всей массы твоихъ дьявольскихъ идей самой счастливой всегда будетъ та, что ты сумѣлъ сдѣлаться тайнымъ секретаремъ министра финансовъ. Чрезъ это, въ самую рѣшительную и опасную минуту, ты сталъ тайнымъ мастеромъ государственнаго переворота, котораго мы ждемъ съ часу на часъ, подобно земледѣльцу, жаждущему грозы и дождя для своихъ

засохшихъ сѣмянъ. Но почему же ты еще не въ формѣ министерства, будучи уже окончательно назначенъ тайнымъ секретаремъ господина де-Калоннъ? [1]).

— Для этого я недостаточно чиновникъ,—возразилъ Клавьеръ.— Я исполняю съ нѣкоторыхъ поръ всѣ финансовыя работы, которыми министръ очень доволенъ и которыя приведутъ его на желаемую нами точку. Вчера я окончилъ новый финансовый планъ для Франціи и немедленно вручилъ его Калонну. Многое изъ твоихъ идей, Мирабо, влилось туда, и я думаю, что и ты останешься доволенъ этимъ свареннымъ мною волшебнымъ напиткомъ, сильное дѣйствіе котораго поставитъ Францію на совсѣмъ иную политическую ногу.

При этихъ словахъ, Клавьеръ пронзительно захохоталъ, какъ бы восхищаясь самъ, по обыкновенію, только что сказаннымъ. Затѣмъ онъ сталъ приглашать Мирабо удалиться, замѣтивъ, что сегодня имъ не слѣдуетъ заставлять ждать себя, потому что онъ долженъ произнести на банкетѣ привѣтственную рѣчь.

— Идемъ же скорѣе, Мирабо,—сказалъ Клавьеръ,—и поддержи предъ госпожей Нэра мои извиненія и просьбу снять свой гнѣвъ съ моей головы.

Они торопливо попрощались съ Генріеттой, молча отвѣтившей имъ на поклонъ и усѣвшейся опять у кроватки маленькаго Коко, скрывая въ ухаживаніи за кричавшимъ больнымъ ребенкомъ свою собственную печаль.

Быстро шагая, Мирабо и Клавьеръ скоро дошли до Монмартрскаго бульвара, чтобъ оттуда направиться въ предмѣстье, гдѣ въ отдаленной улицѣ находился небольшой домъ, окруженный садомъ, недавно нанятый «клубомъ американцевъ» для своихъ собраній.

По дорогѣ Мирабо, повидимому, съ извѣстнымъ намѣреніемъ навелъ опять разговоръ на министра финансовъ, стараясь въ точности узнать у Клавьера, когда именно господинъ Калоннъ прибудетъ на банкетъ и останется ли онъ на немъ до конца.

— Министръ обѣщалъ мнѣ,—отвѣтилъ Клавьеръ,—прослушать мою рѣчь и обѣщалъ явиться ровно въ шесть часовъ и пробыть до конца обѣда, чтобы приглядѣться и прислушаться къ выдающимся умамъ, какъ Кабанисъ, Кондорсэ, Гольбахъ, Лафайеттъ и другіе, которые не преминутъ явиться.

Мирабо посмотрѣлъ на часы и, остановясь на углу одной улицы, заявилъ, къ немалому удивленію Клавьера, что онъ долженъ еще разстаться съ нимъ на нѣкоторое время и, вѣроятно, появится лишь къ концу обѣда.

— Такъ что рѣчь мою ты слышать не желаешь? — спросилъ Клавьеръ съ возбужденіемъ.—Откуда же это внезапное и странное отреченіе отъ дѣла, которому, казалось ты вполнѣ сочувствовалъ?

---

[1]) Condorcet, Mémoires, I, 227.

— Я непремѣнно приду къ концу банкета,—возразилъ Мирабо, улыбаясь,—и буду еще имѣть возможность судить о дѣйствіи твоей рѣчи. Это не есть равнодушіе къ твоему сильному ораторскому таланту, которымъ никто не восхищается болѣе меня, равно какъ не есть нечувствительность къ великимъ идеямъ, которыя ты хочешь изложить и изъ-за которыхъ мы когда нибудь, грудь съ грудью, рука въ руку, сразимся съ тобой. Но теперь я долженъ удалиться; меня призываетъ часъ свиданія. Онъ бьетъ для меня сегодня, и я долженъ имъ воспользоваться, чего бы это ни стоило.

— Теперь я понимаю твои разспросы на счетъ посѣщенія Калонномъ клуба американцевъ!—воскликнулъ Клавьеръ, пристально глядя на Мирабо своими пронизывающими глазами.—Ты хочешь навѣстить госпожу Калоннъ въ отсутствіе ея повелителя? Но умоляю тебя, Мирабо, не дѣлай глупостей, выбросъ изъ головы эту дурь, выдуманную тобою просто изъ шалости. Министръ, — хотя самъ сумасброднѣйшій и безсовѣстнѣйшій bonvivant Парижа,—ревнуетъ свою жену и съ подозрительностью дьявола стережетъ нѣжное, прекрасное созданіе. Если онъ только заподозритъ тебя, всѣ твои едва начинающіяся отношенія съ нимъ будутъ поставлены на карту, и мнѣ не удастся болѣе возбудить его интереса къ тебѣ, а это, конечно, принесло бы свои плоды.

— Ну, я ужъ таковъ,—возразилъ Мирабо, еще разъ посмотрѣвъ на часы и показавъ своему другу, что сейчасъ пробьетъ шесть.—Ступай Клавьеръ, говори свою рѣчь о свободѣ, человѣческомъ достоинствѣ и полныхъ карманахъ, или же объ искусствѣ обратить всеобщее банкротство въ пріиски золота и свободы. А я, тѣмъ временемъ, пойду, куда меня влечетъ, къ прекрасной, требующей утѣшенія госпожѣ де-Калоннъ и прочту ей лекцію о правѣ женщины быть свободной и счастливой. Когда я недавно встрѣтилъ ее на обѣдѣ у графини де-Ріанкуръ, а ея экипажъ за ней не прибылъ, я просилъ позволенія довезти ее до ея отеля въ моей каретѣ. А тебѣ вѣдь извѣстно, что всякая женщина безусловно потеряна, если она хоть разъ проѣдетъ со мною въ каретѣ [1]). Когда мы нѣжно разставались, госпожа Калоннъ разрѣшила мнѣ навѣщать ее въ извѣстные дни, когда она одна, и вотъ сегодня мнѣ было бы особенно пріятно воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Въ этихъ дѣлахъ я устоять не въ силахъ и буду пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, даже если бы мнѣ угрожала за это потеря вѣчнаго блаженства. Нынѣ, когда все въ Парижѣ играетъ на биржѣ, я хочу помочь прелестной женѣ министра финансовъ извлечь еще нѣсколько процентовъ наслажденія изъ своей печальной жизни, потому что тебѣ такъ же хорошо извѣстно, какъ и мнѣ, въ какихъ дурныхъ отношеніяхъ госпожа Калоннъ съ своимъ мужемъ, несмотря на то, что всего два мѣсяца, какъ они праздновали свою свадьбу.

---

[1]) Peuchet, II, 320.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ
Магазиновъ „Новаго Времени"
А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги **можно выписывать** черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАѢ 1899 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

Авенаріусъ, Рихардъ. Философія, какъ мышленіе о мірѣ, сообразно принципу наименьшей мѣры силъ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Автографы рукописей А. С. Пушкина: 1) Письмо къ А. И. Тургеневу (1823 г.). 2) Стихотвореніе «Я помню чудное мгновенье» (1825 г.) и 3) Отрывокъ изъ Путешествія въ «Арзрумъ» (1829 г.). Съ 14 портретами, видами и снимками. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Альбомъ картинъ по географіи внѣевропейскихъ странъ, со вступительною статьею д-ра А. Гейстбека. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Архитектурные мотивы. Проекты архитекторовъ: Быковскаго, Бойцова, Васильева, Геппенеръ, Кекушева, Шехтеля и Эриксона. Вып. 2-й. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Баллантаймъ, Р. М. Міръ льдовъ или приключеніе экипажа «Дельфина» въ полярныхъ странахъ. Переводъ съ англійск. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бекетова, М. Что за земля Голландія и какъ живутъ голландцы. М. 1899 г Ц. 10 к.

Бердниковъ, проф. По поводу второго изданія проф. Павловымъ Номоканона при Требникѣ. Москва, 1897 г. (Критико-библіографическія замѣтки). Казань. 1899 г. Ц. 50 к.

Беренскій, Н. Архимандритъ о. Павелъ (Прусскій) и его противораскольничья дѣятельность. Кіевъ. 1899 г. Ц. 1 р.

Беттани и Дугласъ. Великія религіи Востока. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899. Ц. 2 р. 25 к.

Битнеръ, В. В. Общедоступный химическій анализъ почвъ съ приложеніемъ описанія устройства самодѣльныхъ химическихъ вѣсовъ. Руководство для лицъ, незнакомыхъ съ аналитическою химіею. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Блекки, Джонъ Стюартъ. Четыре фазиса нравственности. Сократъ, Аристотело, Христіанство, Утилитаризмъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бліохъ, И. С. Пораненія при современномъ оружіи (Сравнительный очеркъ). Спб. 1899. Ц. 20 к.

— Невозможность помощи раненымъ на полѣ битвы. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Бобровъ, Евгеній, проф. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Вып. I. Казань. 1899 г. Ц. 30 к.

Богдановскій, М. Къ вопросу о расположеніи городовой стѣны Казанскаго посада въ 1552 г. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Богдановъ, М. Н. Мірскіе захребетники. Очерки изъ быта животныхъ, селящихся около человѣчества. Изд. 9-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Богородицкій, В. Объ изученіи художественно-литературныхъ произведеній. Казань. 1899 г. Ц. 8 к.

Бокль, Г. Т. Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи О. К. Нотовича. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Болинъ, В. Спиноза. Біографическій и культурно-историческій очеркъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Брандтъ, Б. Ф. Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Часть вторая. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Будринъ, П. Данныя по культурѣ сельскохозяйственныхъ растеній на опытной фермѣ въ Ново-Александріи за время 1881—1898 гг. I. Зерновые хлѣба. Варшава. 1899. Ц. 80 к.

Буткевичъ, Мих., протоіерей. «Онъ памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный. Трехголосый хоръ. 1899 г. Ц. 25 к.

Бюхеръ, Карлъ. Работа и ритмъ. Рабочія пѣсни, ихъ происхожденіе, эстетическое и экономическое значеніе. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Велицынъ, А. А. Торжество соціализма. Дневникъ Соціалъ-Демократа. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Взглядъ на смыслъ и достоинство господствующаго направленія въ новой культурной исторіи человѣчества. М. 1898 г. Ц. 50 к.

Винклеръ (фонъ), П. Таврическая монета (1783—1788). Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Передѣлъ мѣдныхъ пушекъ въ монету (1756—1767). Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вознесенскій Н. И. Водяныя сообщенія и внутренніе торговые порты Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Спб. 1898 г. Цѣна въ перепл. 3 р.

Вороновъ, А. А. Теоретическое изслѣдованіе и расчетъ многофазныхъ асинхронныхъ электродвигателей. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Всемірная художественная, промышленная и земледѣльческая выставка 1900 года въ Парижѣ. Русскій отдѣлъ въ приложеніемъ плана выставки. Спб. 1899 г. Ц. 50 коп.

Гауптманъ, Гергардтъ. Больные люди. Семейная драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Голлинъ, Діонисій, д-ръ. Отчего рождаются двойни? Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Герштейнъ, Н. А. Катехизисъ правилъ телеграфной корреспонденціи внутренней и отдѣльно международной. Самара. 1898 г. Ц. 65 к.

Гессенъ, В. М. О вѣчномъ мирѣ. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Гиггсъ, Г. Физіократы. Французскіе экономисты XVIII вѣка. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Гильти, К. Счастье. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 10 к,

Гимнъ царю Россіи. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Гла—вы, О и А. Леонидъ Георгіевичъ Яковлевъ. Изъ театральныхъ наблюденій. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Глинка-Янчевскій, С. Пагубныя заблужденія. По поводу сочиненія К. Ф. Хартулари «Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской державности». Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гольцевъ, В. О художникахъ и критикихъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гоше (по). Руководство по плодоводству для практиковъ (Плодоводство промышленное и любительское). Выпускъ I. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Цѣна по подпискѣ на 10 выпусковъ 7 р.

Гнусинъ, Д. Д. Либавскій портъ. Очеркъ порта въ торговомъ и судоходномъ отношеніяхъ сравнительно съ другими русскими портами. Спб. 1898 г. Цѣна въ перепл. 1 р. 25 к.

Гренгагенъ, К. Б. Путеводитель по Финляндіи. Съ приложеніемъ 27 картинъ и Краткаго Словаря русско-шведско-финскихъ словъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гусевъ, А. Ѳ., проф. Отвѣтъ старокатолическому профессору Мишо. По вопросу о Filioque и Пресуществленіи. Харьковъ 1899 г. Ц. 1 р.

Давыдова, М. Стихотворенія. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Далматовъ, К., свящ. Поученія въ недѣлю сыропустную и въ воскресные дни св. Четыредесятницы. Казань. 1899 г. Ц. 15 к.

Дарвинъ, Ч. Законы измѣнчивости. (Дополненія къ сочиненіямъ, изданнымъ на русскомъ языкѣ подъ заглавіями: «Измѣненіе животныхъ и растеній и Пангенезисъ»). Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Дергиманъ, Г. С. Туалетная книжка. Полезный подарокъ для дамъ. Собраніе совѣтовъ по гигіенѣ, домашней медицинѣ, порядку въ домѣ, уходу за дѣтьми и проч. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Джеромъ К. Джеромъ. Новый способъ писать романы. Переводъ съ англійскаго Н. Жаринцовой. Изданіе 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

— О женщинахъ и еще кое о чемъ. Перев. съ англійск. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Дигамма. Торговля съ Китаемъ. Томскъ. 1899 г. Ц. 1 р.

Дмитріевъ, Василій. (В. Полочанинъ). Князь Михаилъ Скопонъ-Шуйскій. Драматическое стихотвореніе въ пяти дѣйствіяхъ. Одесса. 1899 г. Ц. 50 к.

Догель, И. Время, какъ лѣкарство. Казань. 1899 г. Ц. 20 к.

Дьякова, М. А. Біографія А. С. Пушкина. Для дѣтей младшаго возр. Одесса. 1899 г. Ц. 15 к.

Дѣло о Пушкинѣ. (1820 г.). Одесса. 1899. Ц. 15 к.

Дюга, А., проф. Застѣнчивость и ея леченіе. (La timidité). Переводъ съ французск. Спб. 1899 г. Ц. 35 к.

Дюма, Александръ. Королева Марго. Романъ въ шести частяхъ. Изд. 2-е («Новая библіотека». № 1—2). Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.

Дюркгеймъ, Эмиль. Методъ соціологіи. Переводъ съ французскаго. Кіевъ. 1899 г. Ц. 60 коп.

Гармбургеръ, А. Владиміръ Красное Солнышко. (Дѣтство, № 12). Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

Житковъ, С. М. Разоруженіе и торгово-промышленная система. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Жуковскій, В. П., д-ръ. Лѣтнія желудочно-кишечныя заболѣванія и холера у дѣтей. (Ихъ предупрежденіе и лѣченіе). Изд. 2-е дополненное. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Журналъ Министерства Юстиціи, № 4. Апрѣль, 1899 г. Съ приложеніемъ «Проектъ статей объ авторскомъ правѣ на литературныя, музыкальныя и художественныя произведенія». Ц. 2 р.

Загоскинъ, М. Н. Полное собраніе сочиненій. Томъ 8. Ц. по подпискѣ 15 р.

Зворыкинъ, Н. Н. Желательный типъ крупнаго землевладѣнія. Опытъ экономическаго изслѣдованія причинъ упадка русскаго сельскаго хозяйства и условій, необходимыхъ для его возрожденія. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-біографическихъ статей. Часть седьмая. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Ибервегъ-Гейнце. Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Вып. второй. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ивановъ-Смоленскій, Е. Гимнъ А. С. Пушкину въ день столѣтія со дня рожденія. Слова Н. П. Сперанскаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 коп.

Игнатовъ, Н. Н. Духовныя завѣщанія дѣйствительныя и недѣйствительныя по кассаціоннымъ рѣшеніямъ Правительствующаго Сената. Сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента. М. 1899 г. Ц. 3 р.

— Денежныя выдачи и повременные платежи по духовнымъ завѣщаніямъ. Сборникъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго департамента Правительствующ. Сената Москва. 1899 г. Ц. 2 р.

Ильинъ, Владиміръ, Развитіе капитализма въ Россіи. Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Иностранные и русскіе курорты. 1) Карлсбадъ. Очеркъ д-ра И. К. Камнесвѣтова. 2) Маріенбадъ. Очеркъ З. Г. Франкъ-Каменецкаго. 3) Франценсбаадъ. Очеркъ доктора П. П. Орлова. Спб. 1898 г. Цѣна каждой книжки 60 к.

Jacob, Chr., d-r. Атласъ клиническихъ методовъ изслѣдованія. Съ 182 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1899 г. Ц. 4 р. 50 к.

Іорданъ, В. О. Крушеніе. XX. разсказовъ, очерковъ, сценокъ. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Каллашъ, В. Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотвореній. М. 1899. Ц. 1 р.

Cantlie, James. Лекція о распространеніи чумы. Пер. съ англійскаго. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Карачевскій-Волкъ, А. Опредѣленіе отверстій искусственныхъ сооруженій. М. 1899 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Каренинъ, Владиміръ. Жоржъ-Сандъ, ея жизнь и произведенія. 1804—1838 г. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.

Карманная справочная книжка на 1899 г. для православнаго духовенства. Спб. 1899. Ц. за 2 части 1 р.

Качурина, С. Въ Варшавѣ. Лѣто въ Майоратѣ. Рыба. На окраинѣ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Коренскій, Вл. Три мѣсяца въ центрѣ старо-католицизма (въ Боннѣ и Бернѣ). Казань. 1899 г. Ц. 25 к.

— На Западѣ (Очерки внутренняго состоянія современнаго лютеранства). Казань. 1899 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, Е. П. Что дало Австріи по народному образованію 50-тилѣтнее царствованіе Императора Франца-Іосифа. Спб. 1899. Ц. 30 к.

Ковалевскій, Максимъ. Краткій обзоръ экономической эволюціи и ея подраздѣленія на періоды. Переводъ съ французск. Спб. 1899 г. Ц. 25 коп.

Конради, Е. И. Сочиненія въ двухъ томахъ. Томъ I. Исповѣдь матери. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 75 к.

Коринфскій, Аполлонъ. «Бывальщины» и «Картины Поволжья». Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Короткевичъ, М. А. Сборникъ задачъ по физикѣ и геометріи съ рѣшеніями. (Для конкурсныхъ испытаній). Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Краткій путеводитель по Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Пятигорскъ.—Желѣзноводскъ.—Ессентуки и Кисловодскъ. Пятигорскъ. 1899 г. Ц. 35 к.

Крафтъ, И. И. Положеніе объ управленіи въ степныхъ областяхъ. Оренбургъ. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крашевскій, І. И. Любони, Романъ X вѣка, въ двухъ частяхъ. Перев. съ польск. Спб. Ц. 1 р.

— Древнее сказаніе. Романъ IX вѣка. Переводъ съ польскаго. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Кривенко, В. С. Въ дорогѣ и на мѣстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Крыжановская, В. И. (Рочестеръ). Геркуланумъ. Романъ. Изданіе 2-е. Спб. 1899. Ц. 1 р.

«Курьеръ». Практическій путеводитель для русскихъ по городамъ и курортамъ Западной Европы 1899—1900 гг. Издан. 4-е, исправл. и дополненное. Ц. въ переплетѣ 2 р. 75 к.

Лавелэ, Э. Будущее католическихъ народовъ. Перев. съ французск. Кіевъ. 1899 г. Ц. 60 к.

Ламанскій, С. И. Замѣчанія на новый проектъ узаконеній о торговыхъ мѣрахъ и вѣсахъ. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Лампертъ, К., проф. Жизнь прѣсныхъ водъ. Вып. 2-й. Ц. по подп. за все сочиненіе въ 10 вып. 6 р.

Ланглуа и Сеньобосъ. Введеніе въ изученіе исторіи. Переводъ съ французск. Спб. 1899 г. Ц. 1. р.

Лашкаревъ, А. Н. Сѣнные прессы, ихъ описаніе и устройство. Съ 22 рисунками и чертежами. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Лейкинъ, Н. А. По сѣверу дикому. Путешествіе изъ Петербурга въ Архангельскъ и обратно. На водопадъ Кивачъ. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Лохтинъ, В. О механизмѣ рѣчного русла. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лупповъ, П. Народное образованіе среди вотяковъ со времени первыхъ извѣстій о нихъ до 1840-хъ годовъ. (Историч. очеркъ). Вятка. 1898 г. Ц. 30 к.

Луценко, И. М. Король и ея лѣченіе. Одесса. 1899 г. Ц. 15 к.

Львовъ, Владиміръ. Народная школа. Книга для чтенія, для воскресныхъ и начальныхъ школъ. Старшій возрастъ. Часть I. М. 1899 г. Ц. 70 к.

Люксембургъ, Роза. Промышленное развитіе Польши. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Лютецкій, А. Открытое письмо къ учащейся молодежи. М. 1899 г. Ц 20 к.

Маевскій, Е. Пропавшій туристъ. Перев. съ польскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Ранніе всходы. Романъ. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Марковъ, Н. А. С. Пушкинъ. Выбранныя сочиненія поэта въ связи съ его біографіей. Елисаветградъ. 1899 г Ц. 30 к.

Марлитъ, Е. Повѣсти и разсказы. Перев. съ нѣмецк. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Марръ, Н. Сборники притчъ. Вардана. Матеріалы для исторіи средневѣковой Армянской литературы. Спб. 1899 г. Ц. за три части 5 р.

Миръ. Иллюстрированный сборникъ по поводу ноты Русскаго императора о разоруженіи. М. 1899 г. Ц. 20 к.

Монтегацца, П. Грѣхи любви и ихъ происхожденіе. Переводъ съ истальянск. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Моншуази (де). Практическій и теоретическій курсъ паровыхъ машинъ. Переводъ съ французск. Выпускъ II. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 70 к.

Мутеръ, Р. Исторія живописи къ XIX вѣкѣ. Вып. 1-й. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Нарбековъ, Василій, проф. Номоканонъ Константинопольскаго Патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона. Казань. 1899 г. Ц. за двѣ части 4 р. 50 л.

«Неврологическій Вѣстникъ». Томъ VII. Вып. I. Казань. 1899 г. Ц. 2 р.

Некрасовъ, Н. А. Полное собраніе стихотвореній, въ двухъ томахъ. Изданіе 7-е. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.

Немиревичъ-Данченко, Вас. Ив. Жертва покаянная. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Немолодышевъ, С. А. Изъ исторіи педагогическихъ теорій. Харьковъ. 1899 года. Ц. 20 коп.

Никольскій, Б. В. Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина. Критическій очеркъ. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Никольскій, В. В. Идеалы Пушкина. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Новиковъ, Александръ. Записки земскаго начальника. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Новицкій, А. П. Исторія Русскаго Искусства. Вып. второй. Ц. по подпискѣ на все изданіе 10 р.

Нордау, Максъ. Душевные анализы. Переводъ Д. А. Борзаковскаго. Москва. 1899 г. Ц. 50 к.

Оболенскій, Л. Е. Изложеніе и критика идей нео-марксизма. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Ondit, баронъ. Потомки. Изданіе 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Опытъ наглядной таблицы промышленности Россіи. Съ приложеніемъ: I. Добывающая промышленность. II. Кустарная промышленность. Казань. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Орженко, Элиза. Аргонавты. Переводъ съ польск. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Островскій, Д. Н. Путеводитель по Сѣверу Россіи. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Офиціальный указатель желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и другихъ пассажирскихъ сообщеній. Лѣтнее движеніе. 1899 г. Ц. 70 к.

Очерки изъ экономической и соціальной исторіи древняго міра и среднихъ вѣковъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 коп.

Пантюховъ, И. И., д-ръ. О народномъ врачеваніи въ Закаспійскомъ краѣ. Тифлисъ. 1899 г. Ц. 30 к.

Перцовъ, Ник. Стихотвор. Пермь. 1899 г. Ц. 1 р.

Пироговъ, Н. И. Севастопольскія письма. 1854—1855. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Плансонъ, А. Сословія въ древней и современной Россіи, ихъ положеніе и нужды (о центрѣ). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Пиетеневъ, И. Учебникъ всеобщей географіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Общія географическія понятія. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Поворинская, В. В. Дѣтскій садъ и огородъ. (Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. XI). Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Полевой, Н. А. Исторія Петра Великаго. М. 1899 г. Ц. 2 р.

Поповъ, Н. М., докторъ. Эпилепсія въ исторіи Европы XIX столѣтія. Казань. 1899 г. Ц. 25 к.

Правила и программы о спеціальныхъ испытаніяхъ на званіе учителя и учительницы начальныхъ училищъ. Саратовъ. 1899. Ц. 25 к.

Прево, Марсель. Нимба. Перев. съ франц. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Предметный укрзатель къ Св. Четвероевангелію. М. 1899 г. Ц. 20 к.

Пушкинскій сборникъ. Собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Изданіе юбилейное. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Пушкинъ, А. С. Сочиненія. Общедоступное изданіе. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

— I. Русланъ и Людмила. II. Арапъ Петра Великаго. III. Мѣдный всадникъ. IV. Бахчисарайскій фонтанъ. V. Кавказскій Плѣнникъ. Галубъ. VI. Борисъ Годуновъ. VII. Скупой рыцарь. (Чтеніе для народныхъ аудиторій). Спб. 1899 года каждой брошюры 5 коп.

— Александръ. Графъ Нулинъ. Спб. 1827. Ц. 2 р.

— Александръ. Полтава, поэма. Спб. 1829. Ц. 3 р.

Пыпинъ, А. Н. М. Е. Салтыковъ. (Идеализмъ Салтыкова. Журнальная дѣятельность 1863—1864. Библіографическая замѣтка). Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рейхъ, М., д-ръ. О выраженіи глазъ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Розановъ, В. В. Литературные очерки. Сборникъ статей. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Романовъ, Н. Я. Юбилейный сборникъ (26-го мая 1899 г.) историко-литературныхъ статей о Пушкинѣ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Россія. Полное Географическое описаніе нашего отечества. Томъ I. Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р.

Рошаль, Е. А. Планы и краткіе обзоры темъ литературнаго характера, наичаще задаваемыхъ для домашнихъ и классныхъ сочиненій во всѣхъ средне учебныхъ заведеніяхъ. Варшава. 1898 г. Ц. 1 р. 15 к.

Русскій Трудъ. № 19. Цѣна съ приложеніемъ: Зеландъ. «Женская преступность». Ц. 30 к.

Русское Экономическое Обозрѣніе. Журн. Апрѣль, № 4. Цѣна 1 р.

***Сандъ, Жоржъ.** Похожденія Грибуля. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками М. Т. Михайлова. Спб. 1899 г. Ц. въ изящ. перепл. 1 р. 50 к.

Сапожниковъ, Д. Цѣнная находка. Вновь найденныя рукописи. А. С. Пушкина Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Сельскій Хозяинъ. № 26. Ц. 20 к. Цѣна по подпискѣ въ годъ 6 р.

Сеславинъ, Д. Н. Самоучитель англійскаго языка для взрослыхъ по методѣ Туссэна и Лангеншейдта. Выпускъ 6-й. Цѣна по подпискѣ 3 р.

— Самоучитель французскаго языка для взрослыхъ по методѣ Туссэна и Лангеншейдта. Выпускъ 15-й. Цѣна по подпискѣ на 1-й курсъ 3 р.

С.-Петербургъ, иллюстрированный еженед. журналъ, № 19. Цѣна на годъ съ достав. и перес. 2 р.

Смирновъ, А. В. Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ обществен-

ной пользы. Вып. 3-й. Владиміръ. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Срезневскій, И. И. Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Тардъ, Г. Молодые преступники. Переводъ съ французск. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Творенія святого Ипполита, Епископа Римскаго, въ русскомъ переводѣ. Выпускъ II. О Христѣ и Антихристѣ.—О кончинѣ міра, объ Антихристѣ и второмъ пришествіи Христовомъ.—Противъ Ноэта.—Слово на день Богоявленія. Казань. 1899 г. Ц. 1 р.

Телешовъ, Н. Повѣсти и разсказы. М. 1899. Ц. 1 р.

Тихомандрицкій, М., проф. Курсъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Съ примѣрами для упражненій. Вып. 2-й. Изд. 2-е, исправленное. Харьковъ. 1899 г. Ц. за 2 тома 2 р. 50 к.

Трусманъ, Ю. Ю. Чудско-Литовскіе элементы въ Новгородскихъ пятинахъ. Часть первая. Пятины: Водьская, Деревская и Шелонская. Ревель. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

Turner, Charles Edward. Translations from Poushkin in memory of the hundred anniversary of the poet's birthday. Спб. 1899 г. Ц. въ перепл. Ц. 3 р. 50 к.

Турыгина, Л. А. С. Пушкинъ въ области музыки. Для юношества и любителей музыки. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Умановъ Каплуновскій, В. В. Сказка объ Иванѣ, Евпраксіи царевнѣ и Климѣ царевичѣ. М. 1899 г. Ц. въ папкѣ 40 к.

Фальковскій, Ѳ. Гуси, и **Некрасовъ, Н.** Дѣдушка Мазай и зайцы. (Дѣтство № 11). Спб. 1898 г. Ц. 15 к.

Федоровъ, П. А. Спутникъ кочегара. Руководство къ установкѣ и уходу за паровыми котлами. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Флери, д-ръ мед. Злость и ея лѣченіе. Психологическій этюдъ. Перев. съ французск. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

Филоновъ, Андрей. Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина. Опытъ разбора со стороны исторической и эстетической. Спб. 1899 года. Ц. 45 к.

Фитингофъ-Шель, Б. А., баронъ. Міровыя знаменитости. (1848 — 1898). Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Флери, Морисъ, д-ръ. Патологія души. Популярныя бесѣды. Съ 14 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ французск. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Флоберъ, Густавъ, Юліанъ Милостивый. Разсказъ. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 10 к.

Фогаццаро, Антоніо. Исчезнувшія тѣни. Романъ. (Новая библіотека, № 43). Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Хорошунъ, В. Дворянскіе наказы во Франціи въ 1789 году. Томъ I. Соціальная и экономическая программа наказовъ. Одесса. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Хорунженковъ, С. Характеристика холодильныхъ машинъ и о примѣненіи холода. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Чепинская, М. Резсказы о животныхъ. (Дѣтство № 10). Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Чернеховскій, Дмитрій. Къ вопросу о передней кольпотоміи. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Черняевъ, Пав. А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древнеклассическихъ поэтовъ. Казань. 1899 г. Ц. 30 к.

Чего сегодня готовить? Ручная книжка, содержащая въ себѣ описаніе болѣе полутораста блюдъ здоровыхъ, питательныхъ и вкусныхъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Шестопалъ, Я. Питаніе климатическое и лѣкарственное лѣченіе больныхъ легочнымъ туберкулезомъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шеффле, А., проф. Къ вопросу о картеляхъ и картельной политикѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. В. Л. Утина. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Шлезингеръ, Станиславъ. Гаммы Діатоническія и Хроматическая, разсматриваемыя, какъ одинъ изъ отдѣловъ техники фортепіанной игры. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Шреберъ, д-ръ. Домашняя врачебная гимнастика для каждаго возраста. Съ 90 рисунками. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Штамлеръ, Р. Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Спб. 1899 г. Цѣна по подпискѣ за 2 тома 3 р.

Stutzer, A., d-r. О навозѣ. Общедоступное изложеніе. Казань. 1898 г. Ц. 10 к.

Шутки и остроты А. С. Пушкина. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Эсадзе, Б. С. Очеркъ сношеній Россіи съ единовѣрной Грузіей и прибытіе русскихъ въ Иверію. Тифлисъ. 1899 г. Ц. 15 к.

— Краткое описаніе Кавказскаго Военно-Историческаго Музея. Тифлисъ. 1899 г. Ц. 15 к.

Эсадзе, Борисъ и Семенъ. Тверскіе драгуны на Кавказѣ. Восточная война. 1854—1856. Тифлисъ. 1898 г. Ц. 10 р.

Юноша, Клеменсъ. Еврейскій Донъ-Кихотъ. Произведеніе еврейской жаргонной литературы. Переводъ съ польскаго. Казань. 1899 г. Ц. 80 к.

Юрьевъ, Н. А. Наше время и его задача. М. 1899 г. Ц. 25 к.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

Томики „Дешевой Библіотеки“ А. С. Суворина,

внесенные въ «Опытъ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Народн. Просвѣщенія, изд. 2-е 1896 г., и въ первое къ нему дополненіе 1897 г.».

45 и 46. Карамзинъ, Н. М. Письма русскаго путешественника. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портретомъ автора и рисунками. 2 т. Изд. 3-е. Ц. 1 р., на велен. бум. 2 руб.

15. — Великій князь Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Изд. 2-е. Цѣна 10 к., въ пап. 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

17. — Царствованіе Ѳеодора Іоанновича.—Правленіе Бориса Годунова.— Убіеніе царевича Димитрія. — Состояніе Россіи въ концѣ XVI в. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

20. — Царствованія Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.

24. — Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Изд. 2-е. Цѣна 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

72а. — Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.

72б. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

77а. — То же. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

77б. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

89. — То же. Т. V. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

91. — То же. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

70а и 70б. Квитка-Основьяненко, Гр. Ѳ. Панъ Халявскій. Изд. 2-е. Ц. за двѣ части 50 к., въ папкѣ 58 к., въ переплетѣ 75 к.

79. Козловъ, И. Три поэмы: Чернецъ. — Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая.— Безумная. Съ біографіей и портрет. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

239. Кольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ біографіей, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящномъ переплетѣ 25 к.

— То же. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей). 100 экз. на слоновой бумагѣ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к. и 300 экз. на веленевой бумагѣ. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.

149. Корнель, П. Горацій. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ М. Чайковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ переплетѣ 27 к.

222. — Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.

28. Кохановская. Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.

318. Крыловъ. Басни. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣч. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пер. 30 к.

7. Ксавье-де-Местръ. Параша-Сибирячка. Разсказъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

9. Кукольникъ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. I-я (Авдотья Лихончиха.— Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленев. бум. 30 к.

10. — То же. Кн. 2-я (I. Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ.—II. Часовой). Съ портретомъ князя И. Ѳ. Долгорукова. Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

11. — То же. Кн. 3-я (Позументы. — Новый годъ). Съ гравюрой: солдаты Петровскаго времени. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., на вел. бум. 30 к.

14. — То же. Кн. 4-я (Черныше́вскій миръ.—Остапъ и Ульяна.—Старый хламъ). Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к.,

въ переплетѣ 30 к., на веленевой бумагѣ 30 коп.

18. — То же. Кн. 5-я (Запорожцы. Историческая быль временъ Екатерины Великой). Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

33. — То же. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно. — Вольный гетманъ панъ Савва. — Староста Меланья). Изданіе 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

100. Ламартинъ, А. Іоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.

6. Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ прозѣ. Съ портр. и біограф. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.

183. Маркъ Аврелій Антонинъ. Къ самому себѣ. Размышленія. Перев. съ греческ. Пл. Краснова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.

19. Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ). Амалатъ-бекъ. Кавказская быль. Съ портрет. автора. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

21. — Страшное гаданье.—Два вечера на бивуакѣ.— Вечеръ на Кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

22. — Мулла-Нуръ. Быль. Изд. 3-е. Цѣна 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

23. — Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ. — Красное покрывало.— Ночь на кораблѣ.—Осада. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

25. — Фрегатъ Надежда. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

26. — Мореходъ Никитинъ. — Романъ и Ольга.—Замокъ Эйзенъ.— Шахъ Гуссейнъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.

32. — Наѣзды. Повѣсть 1613 г.—Измѣнникъ. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

74. — Лейтенантъ Бѣлозоръ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

75. — Латникъ. Разск. партизанскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

4. Мерзляковъ и Цыгановъ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. **Дюма, Ал.** Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я.
2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.
3. — Три мушкетера. Ром. Книга I-я.
4. — То же. Книга II-я.
5. **Бальзакъ.** Шагреневая кожа. Романъ.
6. **Прево, аббатъ.** Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гріе. Ром.
7. **Крэнъ, А. Д. Эмилій.** Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Переводъ съ англійскаго.
8. **Кингслей, Ч.** Ипатія или новые враги подъ старой личиной. Романъ. Томъ I-й.
9. — То же. Томъ II.
10. **Жоржъ-Зандъ.** Орасъ. Романъ.
11. **Мериме, П.** Жакерія. Сцены изъ феодальныхъ временъ.
12 и 13. **Диккенсъ, Ч.** Лавка древностей. Ром.
14. **Гете, В.** Страданія молодого Вертера. Ром.
15. **Басанинъ, Маркъ.** Клубъ козицкаго дворянства. Романъ.
16. **Фильдингъ.** Исторія Тома Джомса Найденыша. Романъ. Томъ I-й.
17. — То же. Томъ II-й.
18. — То же. Томъ III-й.
19. **Ясинскій, Іер.** Старый другъ. Романъ.
20. **Дюма, А.** Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й.
21. — То же. Томъ II-й.
22. **Золя, Эмиль.** Докторъ Паскаль. Ром.
23. **Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ.** Послѣдніе дни Помпеи. Ром. Томъ I-й.
24. — То же. Томъ II-й.
25. **Бичеръ-Стоу, Генр.** Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библіографіи этого произведенія Джоржа Буллена. Томъ I-й.
26. — То же. Томъ II-й.
27. **Сю, Евгеній.** Вѣчный жидъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й.
28. — То же. Томъ II-й.
29. — То же. Томъ III-й.
30. — То же. Томъ IV-й.
31. — То же. Томъ V-й.
32. **Бальзакъ.** Женщина тридцати лѣтъ. Ром.
33 и 34. **Флоберъ, Г.** Госпожа Бовари. Провинціальные нравы. Ром. Перев. съ франц.
35. **Царь изъ дома Давида.** Съ англ. Е. М.
36. **Якушкинъ, П.** Великъ Богъ земли русской! и другіе разсказы.
37 и 38. **Грандъ, Сара.** Небесные близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ.
39 и 40. **Поэ, Эдгаръ.** Необыкновенные разсказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“.**

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (**въ** дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13